
УДК 08
ББК 79.1
Е-361

Редакционная коллегия
*М.А. Васильева, Н.Ф. Гриценко, О.А. Коростелев,
Т.В. Марченко, В.А. Москвин, М.Ю. Сорокина*

Ответственный редактор
Н.Ф. Гриценко

Художник
И.И. Антонова

ISBN 978-5-98854-054-0

© Коллектив авторов, 2015

© Оформление. ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2015

КАФЕДРА

Т.И. Троянов

РУССКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

Тихон Игоревич Троянов родился в 1932 г. в Белграде, куда эмигрировали его родители. В конце войны семья, оказавшаяся на тот момент в Австрии, чтобы избежать встречи с органами госбезопасности страны-победительницы, самостоятельно перейдя Альпы, переехала в Швейцарию. Здесь Тихон Троянов окончил среднюю школу, затем юридический факультет Лозаннского университета и начал внештатно сотрудничать как письменный переводчик с международными организациями — ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ. Позже защитил в Лозанне докторскую диссертацию и открыл в Женеве юридическую фирму. В 1992 г. открыл швейцарский филиал своей фирмы в Москве. Как юрист участвовал в организации Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

В конце войны, в мае 1945 г., наша семья находилась в западной Австрии. Мой отец был во время Гражданской войны в России добровольцем у Врангеля, и ему явно не хотелось попасть в руки СМЕРШа, а союзники иногда выдавали и старых эмигрантов. Поэтому было решено перейти в Швейцарию через Альпы, что было опасно и трудно. Мы шли по глубокому снегу пять дней и, несмотря на невероятные трудности, дошли до Швейцарии и осели здесь. Мой отец стал священником в городе Лозанна на берегу Женевского озера, я сам получил там юридическое образование, защитил докторскую диссертацию по советскому праву, а потом, после различных перипетий, работал адвокатом в Женеве и даже открыл представительство нашего офиса в Москве, где прожил с женой четырнадцать лет. Кстати, как юрист участвовал в организации Дома русского зарубежья.

Русская эмиграция в Швейцарии — это огромный пласт истории. Я остановлюсь только на XX в. и то лишь на деятелях культуры: здесь жили и трудились Стравинский, Питоев, Рахманинов, Иван Ильин, Набоков, Солженицын и многие, многие другие. Но я буду говорить только о тех, кого я знал лично, а также о Русском литературном кружке, в создании которого я принимал активное участие.

Итак, в 1964 г. мы с друзьями начали устраивать в Женеве доклады на русском языке на «русские темы». Первый доклад мы организовали с моей сестрой. Пригласили Наталью Тарасову — редактора литературного журнала «Грани»,

который издавался во Франкфурте-на-Майне издательством «Посев». Я сам работал в этом издательстве в 1953–1954 гг. и был с ней хорошо знаком. Доклад она прочла о творчестве Окуджавы, которым тогда в эмиграции стали интересоваться. Он вызвал определенный интерес в эмигрантской среде, и мы решили продолжать это начинание. Доклады проводились несколько раз в году на литературные темы, докладчиками были исключительно эмигранты. В то время из Советского Союза к нам никто не смог бы приехать. Более того, советским сотрудникам в международных организациях в Женеве строго запрещалось ходить на наши встречи.

Большое содействие нам сразу оказал профессор Марк Львович Слоним, самый молодой член Учредительного собрания в 1918 г., известный специалист по русской литературе (в частности, известна его нашумевшая книга «Три любви Достоевского»). Он взял под свою опеку наше молодое начинание, всячески нам покровительствовал и прочел один из первых докладов, кажется, о Бунине.

В 1966 г. кафедру русской литературы в Женевском университете занял французский профессор Мишель Окутюрье, и мы предложили ему возглавить наш Кружок и перенести его деятельность в университетские стены. Что и было сделано. Кружок стал официально называться «Русский литературный кружок» («Cercle littéraire russe»). С годами его название изменилось, он стал именоваться «Русский кружок Женевского университета» и существует поныне, а недавно отпраздновал свое пятидесятилетие!

В 1972 г. кафедру русской литературы в Женевском университете возглавил известный славист профессор Жорж Нива, который стал, в свою очередь, председателем Кружка и успешно руководит им по сей день.

За эти пятьдесят лет в рамках Кружка выступили сотни русских и иностранных специалистов по русской литературе, писателей, поэтов, музыкантов, бардов. Теперь, конечно, докладчики приезжают к нам в основном из России.

Достаточно перечислить имена Галича, Синявского, Некрасова, Амальрика, Окуджавы, Вейдле, Бродского, Юрского, Струве, Солоухина, Горбаневской, Аверинцева, чтобы понять, какую роль Кружок сыграл в развитии культурных связей с Россией.

Единственный неудачный случай у нас произошел с Набоковым, которого я решил пригласить в первые годы существования Кружка и который тогда жил в Монтрё на берегу Женевского озера. Слоним меня отговаривал это делать, предупреждая, что Набоков высокомерно откажется. Что и произошло. Я получил отрицательный ответ, и не от самого писателя, а от его супруги — видимо, чтобы у меня не осталось даже автографа.

Кружок успешно продолжает свою работу под блестящим руководством профессора Нива, значительно расширив ее: теперь, помимо докладов, иногда показываются фильмы и устраиваются вечера поэзии, концерты, круглые столы. За эти пятьдесят лет Кружок действительно прорубил окно в Россию и стал активным участником сближения русской культуры с Западом.

И еще о Слониме. Это был очаровательный, исключительно культурный и доброжелательный человек, который нам покровительствовал и всячески помогал.

Он долгие годы преподавал русскую литературу в Соединенных Штатах, а затем переехал с женой в Женеву, откуда внимательно следил за событиями в России.

Самой большой моей заслугой перед русской культурой я считаю визит Солженицына к Слониму. Когда Александр Исаевич жил в Швейцарии, я как адвокат частично вел его дела, и как только мы встретились с ним в Женеве, я предложил ему устроить визит к Слониму, что и было сделано.

В Солженицыне меня всегда поражала его целеустремленность и собранность. Как-то раз мы ужинали в женевском ресторане, и я заметил, что он все время заносил свои впечатления в записную книжку, чтобы потом использовать их в своей работе. Не терял ни одной минуты.

Еще из интересных писателей, с которыми я встречался, был Владимир Сергеевич Варшавский. С ним, собственно говоря, я познакомился еще в 1961–1962 гг. в Нью-Йорке, где мы работали на радиостанции «Свобода». Я был там корреспондентом при Объединенных Нациях, он писал скрипты о русской культуре и о культурной жизни на Западе. В конце своей жизни Варшавский переехал с женой в Женеву, вернее, во «французский пригород» Женевы Ферней-Вольтер. Он был, в частности, известен своей книгой «Незамеченное поколение», в которой описал трудную судьбу второго поколения старой эмиграции, его поиски в культурной, духовной и политической сферах, увлечения и разочарования в 1920-е и 30-е гг. Варшавский был безусловно незаурядным писателем, культурным, сугубо порядочным — и убежденным демократом.

Несколько слов о Пьере Жильяре. Этот швейцарец с 1905 г. стал преподавать французский язык сначала дочерям, а затем и наследнику Николая II. Он оставался с царской семьей до 1918 г., героически последовал с ней в ссылку и только накануне ее расстрела был отделен от нее и смог вернуться в Швейцарию. Мы встречались с ним в Лозанне, где жил Жильяр, он много и интересно рассказывал о жизни царской фамилии. В частности, он поведал нам, что во дворце твердо верили в то, что Александр I «перевоплотился» в старца Федора Кузьмича.

Вот несколько штрихов из жизни русского эмигранта в Швейцарии и его контактов с русской культурой. Россия и Швейцария — огромная тема. Достаточно напомнить роль Лефорта или династии Эйлер в русской истории и роль Александра I в становлении современной Швейцарии на Венском конгрессе в 1814 г.

К 200-летию
УСТАНОВЛЕНИЯ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
РОССИЕЙ И ШВЕЙЦАРИЕЙ

---

*III. Риндлисбахер*ВЕРА ФИГНЕР И КОМИТЕТ ПОМОЩИ
ПОЛИТИЧЕСКИМ КАТОРЖАНАМ В РОССИИ
(1909–1917)

Вечером 28 ноября 1910 г. в Женеве шел холодный осенний дождь, но перед Salle Centrale в ожидании стояла довольно большая толпа. Афиши сообщали, что сегодня состоится публичное собрание Комитета помощи политическим каторжанам в России, или Парижского комитета, как его называли русские. Вечер в Женеве был организован председателем этого Комитета, известной русской революционеркой Верой Николаевной Фигнер (1852–1942), которая более двадцати лет провела в тюрьме. Сегодня она собиралась рассказать публике о карательной системе в России¹.

В половине девятого двери зала закрыли и Эдуард Клапаред (1873–1940), известный психолог и профессор Женевского университета, начал заседание. В своем докладе он говорил о Вере Фигнер и ее деятельности в русском революционном движении. Клапаред восторженно приветствовал борьбу русских за свободу. Профессор сравнил акции русских революционеров с женевскими реформаторами при Жане Кальвине (1509–1564), назвав их «наши реформаторы из России»: «Эти русские революционеры пожертвовали свою жизнь идеалам, каждый готов стать мучеником, мадам Фигнер является их почетнейшим воплощением» [Claparède 1910, p. 7–8]. После этого панегирика взяла слово сама Вера Фигнер. Она поведала публике о своей жизни в тюрьме Шлиссельбургской крепости, а затем рассказала собравшимся в зале о структуре карательной системы в Российской империи, включавшей административную ссылку, каторгу или ссыльное поселение. В заключение Фигнер читала из писем каторжан, описывавших ей свой быт в Сибири [Фигнер 1932, т. 3, с. 378–379].

Аудитория женевского зала была весьма разнообразной — русские радикалы, журналисты, представители местной буржуазии и университета. Большинство из них сочувствовали Вере Фигнер и русским радикалам, но были среди слушателей и лица, оплаченные царской охранкой. Так, один из этих агентов докладывал: «Публики собралось чрезвычайно много, человек 250–300 должны были уйти за недостатком мест; преобладал женский элемент женевского светского общества. Реферат прошел совершенно спокойно»². Заседание Комитета Веры Фигнер в Же-

¹ ABC. Journal d'information illustré. 23.11.1910. № 116. P. 1; Journal de Genève. 29.11.1910. № 326. P. 3; Ibid. 30.11.1910. № 327. P. 4.

² О ссыльной Вере Фигнер // ГА РФ. Ф. Р-102 (ОО). Оп. 233 (1905). Д. 1281 (1). Л. 36.

неве имело такой успех, что его решили повторить несколько дней спустя. В итоге Комитет собрал почти 1000 франков³, немалую по тем временам сумму.

В настоящей статье я, опираясь на архивные документы Парижского комитета⁴, мемуары действовавших лиц и синхронную событиям прессу, дам ответы на вопросы: как В.Н. Фигнер удалось создать такую организацию, заполнить залы и собрать столько денег? Каковы были ее социальные связи, необходимые для подобной общественной деятельности? Я проанализирую, каким образом Вера Фигнер мобилизовала свои связи среди русских эмигрантов, чтобы создать Комитет. Уделю внимание вопросу, как именно данному Комитету удалось собрать средства и как он сотрудничал с другими благотворительными организациями российской эмиграции. В заключение я упомяну о трудностях и ограничениях, сопровождавших благотворительную работу.

Но сначала поближе познакомимся с нашей главной героиней. Вера Николаевна Фигнер происходила из богатой дворянской семьи Казанской губернии. Она была среди первых российских женщин, приехавших в Швейцарию учиться в университете⁵, и изучала медицину в Цюрихе, где познакомилась с представителями российской радикальной среды⁶. Вернувшись в Россию, Фигнер стала одним из самых активных деятелей революционного движения, членом партии «Народная воля» и участвовала в подготовке убийства императора Александра II в марте 1881 г. [Фигнер 1932, т. 1, с. 99–360]⁷. В 1884 г. она была арестована и осуждена на смертную казнь, впоследствии замененную пожизненным заключением, что способствовало укреплению образа Веры Фигнер как самоотверженной героини. Амнистированная императором Николаем II в 1904 г., она эмигрировала на Запад и стала активным членом Партии социалистов-революционеров (ПСР). После разоблачения одного из руководителей партии Е.Ф. Азефа как агента Департамента полиции Вера Фигнер в 1909 г. покинула ПСР⁸. Новое поприще на ниве революционной деятельности она нашла, познакомившись с женой известного анархиста Петра Кропоткина (1842–1921) Софьей (1856–1941). Проживавшая в Лондоне Софья Кропоткина в то время руководила благотворительной организацией, которая заботилась о революционерах, осужденных административным путем. В британской столице Вера Фигнер могла наблюдать, как Софья Кропоткина готовила заседания для сбора пожертвований среди англичан, как она общалась с деятелями английского общества. В дальнейшем Фигнер с помощью Кропоткиной и сама выступала с докладами на подобных встречах. Казалось, что она нашла для себя новое революционное

³ Отчет Комитета помощи каторжанам за 1910 год // Там же. Ф. Р-6813. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁴ Парижский комитет им. В.Н. Фигнер // Там же. Ф. Р-6813; Устав Парижского комитета помощи политкаторжанам в России, балансы, отчеты, составленные Фигнер В.Н. и Пешковой Е.П. // РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 9.

⁵ О биографии Веры Фигнер см.: [Hartnett 2014; Rindlisbacher 2014]. О российских студентках в Швейцарии см.: [Neumann 1987].

⁶ О российских радикалах в Швейцарии в 1870-х гг. см.: [Meijer 1955; Knight 1975].

⁷ См. также: О государственной преступнице Вере Филипповой (она же Фигнер) // ГА РФ. Ф. Р-102 (7-е дел-во). Оп. 181 (1884 г.). Д. 747, ч. 4.

⁸ О деле Азефа см.: [Geifman 2000].

«дело» — распространять революционную пропаганду и одновременно помогать товарищам в российских тюрьмах [Фигнер 1932, т. 3, с. 318–339].

Вернувшись из Англии, 31 декабря 1909 г. Вера Фигнер пригласила своих друзей из ПСР на вечеринку в Париже и предложила им создать сеть филиалов в городах, где находились колонии российской эмиграции. Эти филиалы должны были организовывать заседания и собирать пожертвования среди местных жителей. Так при содействии товарищей Фигнер основала Комитет помощи политическим каторжанам в России и была избрана его председателем. Кроме Веры Фигнер к элитарному кругу руководителей Комитета принадлежали еще четверо: Давид Аитов (1854–1933), Вера Гоц (1861–1938), Мария Гольдсмит (1858–1932) и Софья Шейнцис. Все они являлись старыми почтенными деятелями революционного движения, близкими к ПСР [Фигнер 1932, т. 3, с. 359]. Спустя месяц ими была опубликована брошюра с уставом и целями Комитета⁹.

Вера Фигнер и ее товарищи знали, что после Революции 1905 г. внимание публики и левых партий на Западе было привлечено к правительственным мерам против российских радикалов и сочувствию жертвам царизма [Там же, с. 391]. В 1910 г. Фигнер поселилась в Швейцарии в деревне Кларан у Женевского озера [Там же, с. 360]. Оттуда ей удалось связаться с европейскими социалистами и общественными деятелями: Германом Грейлихом (1842–1925) и Фрицем Брупбахером (1874–1945) в Цюрихе, Генриеттой Роланд Гольст (1869–1952) в Голландии и Франсисом де Прессансе (1853–1914) в Париже [Там же, с. 376, 378, 385]. Каждый день в течение нескольких часов Фигнер вела переписку [Brupbacher 1935, S. 150–151]. Благодаря ее известности и связям в среде российской эмиграции филиалы Комитета были организованы в Льеже, Брюсселе, Женеве, Лозанне, Нанси и Мюнхене. В 1912 г. в Париже сформировалась еще и автономная секция под названием Комитет помощи ссыльнопоселенцам [Фигнер 1932, т. 3, с. 383].

В эти годы Вера Фигнер много путешествовала по Франции, Бельгии и Швейцарии, участвовала в заседаниях и конференциях¹⁰, весьма схожих с тем собранием, о котором уже шла речь. Предыстория женевского заседания хорошо демонстрирует, какими методами пользовались Вера Фигнер и ее товарищи для привлечения общественного внимания к проблемам российских политзаключенных. Сперва Фигнер обратилась к старому товарищу времен «Народной воли» Алексею Баху (1857–1946), жившему тогда в Женеве¹¹. Бах был известным химиком и имел значительные связи со швейцарскими учеными [Деятели СССР 1989, с. 23–24]. Именно через него Вера Фигнер познакомилась с профессором Эдуардом Клапаредом, который согласился выступить с докладом на заседании Комитета в Женеве [Фигнер 1932, т. 3, с. 378–379]. Кроме того, в женевских газетах, например в ежедневной «АВС», за несколько дней до собрания публиковались статьи и репортажи о Вере Фигнер и карательной системе в России¹².

⁹ Брошюра Комитета помощи политическим каторжанам в России, 31-го января 1910 г. // IISH. Fritz Brupbacher Archive, 54.

¹⁰ О ссыльной Вере Фигнер // ГА РФ. Ф. Р-102 (ОО). Оп. 233 (1905). Д. 1281 (1). Л. 45.

¹¹ О связях среди российских эмигрантов и социалистов на Западе см.: [Polexe 2011].

¹² ABC. Journal d'information illustré. 23.11.1910. № 116. P. 1.

Непосредственно перед началом заседания представители местной интеллигенции рассказывали собравшимся о героине вечера, после чего выступала сама Вера Фигнер. Ее рассказы о жизни в Шлиссельбургской крепости и зачитывание фрагментов из писем, присланных Фигнер политзаключенными, рисовали слушателям страшные картины о российских тюрьмах с варварским и жестоким режимом. Вера Фигнер и русские радикалы прекрасно знали, чем можно вызвать сочувствие влиятельных женеццев: они не утомляли публику рассказами об идеологии или террористических акциях — наоборот, представляли российских радикалов как самоотверженных борцов за свободу, ставших жертвами варварского правительства. Рассказы о героях и героинях и об их страданиях — вот что привлекло европейцев. Такой пропагандой русские революционеры и наполнили залы (заодно собирая пожертвования), и дискредитировали царское правительство.

В подобном духе Верой Фигнер была написана брошюра «Les Prisons Russes»: «Тюрьмы в России не изменятся, если не изменится государственный строй. В России нет свободы. Это государство осталось таким же самодержавием <...> со своими большими и маленькими агентами, каким оно было перед революцией [1905 г.]. Никаких прав человека и гражданина нет. Если этих прав лишаются даже те, кто живет на свободе, что ждет заключенного, закованного в кандалы?» [Figner 1913b, p. 50]. В ней Фигнер подробно описывала ужасы и беды российских политических заключенных. С помощью европейских сторонников ею были подготовлены немецкий, итальянский и румынский переводы текста [Figner 1911; 1912; 1913в], изданные в период с 1911 по 1913 г. Книга принесла Парижскому комитету дополнительные доходы, а имя Веры Фигнер стало известным не только в среде радикальных эмигрантов, но и среди левых европейских партий. Отметим также, что Парижский комитет оказался чрезвычайно успешным в сборе финансовых средств в Европе — в течение четырех лет ему удалось собрать около 140 000 франков [Фигнер 1932, т. 3, с. 390–394].

Между тем этот Комитет был не единственной организацией, помогавшей политическим заключенным в России. Как уже говорилось, в Англии активно действовала Софья Кропоткина; кроме того, существовал Краковский союз, с которым Парижский комитет координировал помощь в России. Данные организации пытались не соперничать между собой — каждая из них сосредоточивала внимание на определенном сегменте карательной системы в России и стремилась помогать политзаключенным «без различия партийности и национальности» [Багоцкий 1924, с. 102, 107; Фигнер 1932, т. 3, с. 381–384]¹³.

Председателем Краковского союза, состоящего в основном из большевиков, был Сергей Багоцкий (1879–1953), близкий товарищ В.И. Ленина [Багоцкий 1956]. После 1910 г. его филиалы появились в Лемберге, Вене, Берлине, Цюрихе и Берне. В отличие от элитарного Парижского комитета, Краковский союз, по словам Багоцкого, пытался мобилизовать для пропаганды широкие слои эмигрантов и местных рабочих [Багоцкий 1924, с. 106–107].

¹³ См. также: Брошюра «Le martyre des détenus politiques aux bagnes russes» 1913 г. // ГА РФ. Ф. Р-6813. Оп. 1. Д. 122. Л. 41–42.

Хотя между большевиками, меньшевиками и социалистами-революционерами велись острые споры, особенно в эмиграции, все российские радикалы были готовы сотрудничать в сфере помощи политическим заключенным. Организации, занимавшиеся подобной работой, поддерживали связи с центрами российской эмиграции не только по всей Европе, но и в США и в Австралии. Швейцария стала одним из перекрестков, где эти связи объединялись [Багоцкий 1924, с. 111]. Позже Сергей Багоцкий подчеркивал, что благотворительные акции особенно успешно проходили в Швейцарии [Там же], так как она была республиканской и нейтральной страной. Сотрудничество между Парижским комитетом и Краковским союзом является хорошим примером такого взаимодействия: если первая организация работала преимущественно во франкоговорящих странах, то вторая — в немецкоговорящих [Фигнер 1932, т. 3, с. 381–384]. Кроме того, в начале 1914 г. эти учреждения издавали совместный журнал «Вестник каторги и ссылки», также занимавшийся сбором средств, правда, выпущено было всего два номера [Багоцкий 1924, с. 105].

Парижский комитет и Краковский союз, как и другие благотворительные организации, занимались не только сбором денежных средств, но и их переводом в Россию. И переводить деньги было гораздо сложнее, чем собирать. Во-первых, российское правительство сделало всё, чтобы прекратить финансовую поддержку революционного движения с Запада. Во-вторых, по всей вероятности, и Вера Фигнер, и кассир Парижского комитета Давид Аитов не всегда точно знали, кому именно отправляли переводы [Фигнер 1932, т. 3, с. 392–393]¹⁴. В-третьих, случалось, что активисты сами растрачивали пожертвования, и даже ходили слухи, будто большие суммы присвоил себе С. Багоцкий.

С началом Первой мировой войны и Вера Фигнер, и Парижский комитет испытывали значительные трудности. Фигнер не имела стабильных доходов и регулярно получала средства от своих достаточно богатых братьев, один из которых, Николай Фигнер (1857–1918), был известным певцом. После начала войны в августе 1914 г. такие переводы стали невозможны, и зимой 1915 г. Вера Фигнер вернулась в Россию [Там же, с. 395–401]. Парижский комитет продолжал свое существование, но размер взносов стал значительно падать [Там же, с. 452–453]¹⁵. После Февральской революции 1917 г. Парижский комитет окончательно прекратил свою деятельность, однако неутомимая Вера Фигнер продолжала благотворительную работу для бывших политзаключенных и при Временном правительстве. Она собрала значительные суммы денег для поддержки возвращения на родину политзаключенных из Сибири и политэмигрантов с Запада, а также участвовала в финансировании известной поездки В.И. Ленина и его товарищей через Германию в Россию¹⁶.

После Гражданской войны Вера Фигнер продолжала общественное служение политическим заключенным в России. Вместе с Екатериной Пешковой (1876–

¹⁴ См. также: Отчет Комитета помощи каторжанам в Париже, 1911 г. // ГА РФ. Ф. Р-6813. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹⁵ См. также: Парижский комитет // РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 12–87; [Деятели СССР 1989, с. 253; Platten 1924, S. 21].

1965), первой женой писателя Максима Горького, она организовывала помощь для социалистов-революционеров и меньшевиков, находившихся в заключении при советской власти [Незапечатленный труд 1992, с. 429–442]. В 1922 г. Фигнер успела закончить свои мемуары, ставшие бестселлером не только в советской России, но и в Германии, Франции и Швейцарии [Фигнер 1922; Nacht über Russland 1926]¹⁷. В этот же период Сергей Багоцкий стал представителем советского правительства при Международном Красном Кресте в Женеве, а так как советская Россия не имела дипломатических отношений со Швейцарией, он оказался и неофициальным советским послом *de facto*¹⁸.

Вера Фигнер и ее деятельность в Парижском комитете являются превосходным примером взаимодействия между российскими эмигрантами, с одной стороны, и местной публикой — с другой. Несмотря на острые идеологические разногласия в среде российских политэмигрантов, они сотрудничали в сфере получения и распределения пожертвований для заключенных товарищей. Швейцария стала не только важным перекрестком этих благотворительных акций — именно здесь Комитету удалось собрать значительные суммы пожертвований.

Российские радикалы, в том числе и Вера Фигнер, понимали, что большинство швейцарцев или французов (особенно состоятельных) не интересовалось политическими или идеологическими вопросами, — их внимание привлекали прежде всего рассказы о героях и героинях, борющихся за свободу и страдающих при варварской власти. Эти рассказы казались местным слушателям необычными и пугающими. А любопытство публики позволило Вере Фигнер и ее товарищам собрать значительные суммы для революционного движения перед Первой мировой войной. Связи, возникшие в то время, не совсем прекратились и после 1918 г. Например, Сергей Багоцкий возобновил их в интересах советской власти.

Благодаря своей деятельности во имя заключенных Вера Фигнер стала знаменитым представителем революционного движения на Западе. Эта известность, несомненно, содействовала огромному успеху ее мемуаров среди европейских левых слоев в 1920–1930-х гг.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
IISH — International Institute of Social History

Багоцкий 1924 — *Багоцкий С.Ю.* Краковский союз помощи политическим заключенным // Каторга и ссылка. 1924. № 9. С. 99–115.

Багоцкий 1956 — *Багоцкий С.Ю.* В.И. Ленин в Кракове и Пронине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956. С. 438–456.

¹⁷ См. также: Переписка Фигнер В.Н. с издательством Malikverlag, 04.09.1924–27.05.1933 // РГА-ЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 48. Л. 44, 115.

¹⁸ О деятельности С.Ю. Багоцкого в Швейцарии после войны см.: [Fayet 2014]. О швейцарско-советских отношениях см.: [Collmer 2003, S. 565–568; Gehrig 1997].

- Деятели СССР 1989 — Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.
- Незапечатленный труд 1992 — Незапечатленный труд: Из архива В.Н. Фигнер / публ. Я.В. Леонтьева и К.С. Юрьева // Звенья. М.; СПб., 1992. Т. 2. С. 429–442.
- Фигнер 1922 — *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. М., 1922.
- Фигнер 1932 — *Фигнер В.* Полн. собр. соч.: в 7 т. М., 1932.
- Brupbacher 1935 — *Brupbacher F.* 60 Jahre Ketzler. Zürich, 1935.
- Claparède 1910 — *Claparède E.* Introduction a la Conférence de Mme Vera Figner «Vingt ans dans la Bastille russe». Genève, 1910. P. 7–8.
- Collmer 2003 — *Collmer P.* Die Schweiz und das Russische Reich 1848–1919. Geschichte einer europäischen Verflechtung. Zürich, 2003. S. 565–568.
- Fayet 2014 — *Fayet J.-F.* VOKS. Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. Chêne-Bourg, 2014.
- Figner 1911 — *Figner V.* Les Prisons Russes // Die russischen Gefängnisse. Berlin, 1911.
- Figner 1912 — *Figner V.* Le carceri russe / Alighiero Tanini (transl.). Spezia, 1912.
- Figner 1913a — *Figner V.* Inchisorile rusești / Ekaterina Arborte (transl.). Bukurești, 1913.
- Figner 1913b — *Figner V.* Les prisons russes. Grenoble, 1913.
- Gehrig 1997 — *Gehrig Ch.* Beziehungslose Zeiten. Das schweizerisch-sowjetische Verhältnis zwischen Abbruch und Wiederaufnahme der Beziehungen (1918–1946). Zürich, 1997.
- Geifman 2000 — *Geifman A.* Entangled in Terror. The Azef Affair und the Russian Revolution. Wilmington, 2000.
- Hartnett 2014 — *Hartnett L.* The Defiant Life of Vera Figner. Surviving the Russian Revolution. Bloomington, 2014.
- Knight 1975 — *Knight A.* The Fritschi. A Study of Female Radicals in the Russian Populist Movement // Canadian American Slavic Studies. 1975. № 9. P. 1–17.
- Meijer 1955 — *Meijer H.M.* Knowledge and Revolution. The Russian Colony in Zurich 1870–1877. Amsterdam, 1955.
- Nacht über Russland 1926 — Nacht über Russland. Lebenserinnerungen von Wera Figner / Lilly Hirschfeld/Reinhold von Walter (transl.). Berlin, 1926.
- Neumann 1987 — *Neumann D.* Studentinnen aus dem Russischen Reich in der Schweiz. 1867–1914. Zürich, 1987.
- Platten 1924 — *Platten F.* Die Reise Lenins durch Deutschland im plombierten Wagen. Berlin, 1924.
- Polexe 2011 — *Polexe L.* Netzwerke und Freundschaft. Sozialdemokraten in Rumänien, Russland und der Schweiz an der Schwelle zum 20. Jahrhundert. Göttingen, 2011.
- Rindlisbacher 2014 — *Rindlisbacher S.* Leben für die Sache. Vera Figner, Vera Zasulič und das radikale Milieu im späten Zarenreich. Wiesbaden, 2014.

Н.А. Ёхина

ЭМИГРАНТЫ, РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ
И КОРОНОВАННЫЕ ОСОБЫ:
«РУССКАЯ ВОЛОСТЬ» Е.Е. И Ю.А. ЛАЗАРЕВЫХ
В БОЖИ НАД КЛАРАНОМ

В 1896 г., после долголетнего пребывания в Швейцарии, врач по образованию, литератор и переводчик Сергей Маркович Перский (1870–1938) выпустил книгу «Швейцария на берегу Женевского озера», чтобы «подробно ознакомить русскую публику, всё более и более наезжающую» [Перский 1896, с. 3] в эту страну, с ее красотами. «Жить на берегах Лемана, — восклицал Перский, — истинное наслаждение. Кто, посетивши швейцарские берега его, не восхищался красотой и уютностью лежащих там городков и деревень, где всё дышит спокойствием и довольством, этой массой челноков с развивающимися флюгерами, бороздящих озеро по всем направлениям, и голубыми водами Лемана, в которых отчетливо рисуется каждый листик, дрожащий на ветвях разнообразных деревьев, растущих на его берегах, и, наконец, этими излюбленными жилищами богатых иностранцев — элегантными, роскошными виллами, укрывающимися, точно гнезда птиц, среди зелени и цветов?» [Там же, с. 8].

Когда сравниваешь виды Вёве и Монтрё на фотографиях в книге С.М. Перского с тем, как выглядят эти места сегодня, кажется, что за сто с лишним лет здесь мало что изменилось. Но мог ли кто-нибудь представить, что «слава величайших красот природы» этих мест, сочетавшаяся на протяжении многих веков «со славой величайших имен человечества» [Там же, с. 20–21], окажет далеко не умиротворяющее воздействие на революционно настроенную часть той самой «наезжавшей» в Швейцарию русской публики и, напротив, станет благоприятной почвой для генерирования в ее головах идей, реализация которых приведет к тотальным разрушениям во всех сферах жизни их собственной страны? Вопрос в известном смысле риторический. Однако в рамках настоящей статьи мы постараемся дистанцироваться (полностью уйти не удастся) от политического аспекта жизни русских эмигрантов в Швейцарии в конце XIX — начале XX в. (об этом написано немало) и приоткрыть другую, менее изученную, но не менее насыщенную интересными событиями, бытовую сторону их зарубежной эпопеи.

Многие российские политэмигранты, оказавшись в стране-курорте, где врачом выступала сама природа, старались поправить подорванное в тюрьмах и ссылках здоровье. Большинство из них, конечно, были крайне стеснены в средствах и в то время не могли позволить себе лечение, доступное богатым иностранцам, «элегантными, роскошными виллами» которых так восторгался С.М. Перский. Русские были вынуждены изыскивать другие возможности и

места, чтобы лечить свои телесные хвори. Таким местом «санаторно-курортного лечения» и одновременно «домом творчества», где революционеры всех мастей и направлений вольно и невольно взаимодействовали друг с другом, стала молочная ферма в деревне Божи над Клараном (*фр.* Baugu sur Clarens) в районе Монтрё. Содержали ее известный народник, один из основателей партии эсеров Егор Егорович Лазарев (1855–1937) и его жена Юлия Александровна (по первому мужу Лакиер; 1854–1932), организовавшие здесь лечение кефиром – модным в то время в практике европейских и российских медиков целебным напитком¹.

В начале XX в. название Монтрё объединяло около двадцати деревень общин Шателяр, Ле-Планш и Вейто кантона Во. На территории первой из них, у подножия замка Шателяр (*фр.* Château du Châtelard), находилась группа деревень, в числе которых и был Кларан, а над ними, «на половинной высоте горного склона», располагалась другая группа, к которой и относилась деревня Божи. По сведениям С.М. Перского, население всех трех общин (к 1896 г.) насчитывало около 10 000 человек, более 2 000 из них составляли иностранцы [Перский 1896, с. 52–53]. Последних особенно привлекала «красота положения всей этой местности, богатая растительность, мягкий климат и прекрасные, гигиенические условия курорта...» [Там же, с. 56].

Называя свою ферму «русской волостью»², Е.Е. Лазарев писал, что через нее в течение двадцати с лишним лет «прошли тысячи и тысячи русских эмигрантов, учащейся молодежи, съезжавшейся на лето со всех стран Европы, и множество приезжих из России русских, больных и здоровых путешественников» [Лазарев 1924, с. 22]. Были среди посетителей фермы и коронованные особы. Здесь в 1897 г., в частности, побывала австрийская императрица Елизавета (1837–1898).

Е.Е. Лазарев впервые приехал в Швейцарию летом 1895 г. К этому моменту 23 года из сорока прожитых лет он занимался революционной деятельностью, никогда не был женат, его неоднократно арестовывали и ссылали (см. подробнее: [Фролова 2011; Ёхина 2013]). Егор Егорович был энергичным, талантливым и очень незаурядным человеком. Выходец из крепостных крестьян, он смог осуществить свою мечту и поступить в «школу барскую» [Лазарев 1935, с. 61] — гимназию, где отлично учился, параллельно давал уроки и фактически содержал себя сам. Несмотря на то что закончить учебу ему не удалось (отчислен после первого ареста в 1874 г.), всю жизнь Лазарев занимался самообразованием, совершенствуясь в самых различных сферах, включая медицину. При этом он никогда не остав-

---

¹ Сергей Маркович Перский указывал на то, что мода на кефир пришла в Швейцарию именно из России, впервые он стал приготовляться в Цюрихе, а затем и на побережье Лемана. Вот как описывает Перский методику применения кефира в Швейцарии того периода: «Для лечения кефиром не существует никакого определенного курса; чем больше и дольше его пить, тем лучше для больного. Обыкновенно его пьют натошак, делая умеренный моцион на открытом воздухе. Часа через два после первого завтрака, при такой же прогулке, принимают вторую порцию; через два часа после обеда — третью. К закату солнца надо прекратить и прогулку и питье, а в 9–10 часов уже быть в постели. Какой из трех сортов кефира следует пить — слабый, средний или крепкий — зависит от организма, а потому выбор нужно предоставить опытному врачу» (см.: [Перский 1896, с. 129–130]).

² ГА РФ. Ф. Р-102. Оп. 226. Д. 6. Ч. 290. Л. 253.

*Е.Е. Лазарев в Америке, 1890 г.
РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 99. Л. 3*

для занятий физическим трудом, к которому был приучен с раннего детства. Лазарев был убежден, что нужно «торопиться жить, то есть мыслить, чувствовать, познавать себя и окружающий мир, напоминать людям, что человек из животного превращается в полубога только благодаря его жизни в обществе, что поэтому для полного человеческого счастья на земле долг каждого – любить ближнего своего, работать, творить...» [Там же, с. 74]. Много позже, в 1920-е гг., во время его пребывания в Чехословакии, российские эмигранты и чехи называли Егора Егоровича не иначе как «справедливый старик» [Андреев 1996, т. 2, с. 84].

Путь на швейцарские берега Лемана начался для Е.Е. Лазарева после побега из ссылки в Восточной Сибири (1888–1890). Добравшись до США, он провел здесь четыре года (1890–1894). Жил в Сан-Франциско, затем в Денвере, где интенсивно занимался изучением английского языка в «Академии красноречия и выразительного чтения» [Лазарев 1935а, с. 19], летом 1891 г. работал на крупной земледельческой ферме. Во время двухлетнего пребывания в городе Милуоки (штат Висконсин) Лазарев освоил ремесло профессионального наборщика, затем переехал в Нью-Йорк, где вместе с политэмигрантом Л.Б. Гольденбергом (1846–1916) основал Общество американских друзей свободы в России [Фролова 2011, с. 61].

Жизнь в Америке захватила Лазарева настолько, что он собирался принять американское гражданство [Лазарев 1935а, с. 22], однако в марте 1894 г. Егор Егорович вынужденно покинул США и по вызову своих лондонских товарищей, создавших Фонд вольной русской прессы (ФВРП)³, отправился сначала в Лондон, а затем в Париж, в качестве его представителя. Была и еще одна, куда более весомая причина отъезда Лазарева из полюбившейся ему Америки. О ней мы узнаём из отчетов заграничной агентуры Департамента полиции, сообщавшей в Петербург, что «заграничные революционеры пришли к убеждению, что при наличных своих вожаках им никогда не удастся добиться объединения столь необходимого для революционных целей <...>. Озабоченные таким положением дел, эмигранты не нашли в своей среде никого, кто мог бы при данных условиях взять на себя трудную задачу объединения <...>. За отсутствием достойного в собственной среде человека, который вполне подходил бы для исключительной организаторской роли проектируемой группы, выбор эмигрантов пал на эмигранта Егора Лазарева. По их мнению, это человек свежий, стоящий вне партий, не замешанный ни в какие

³ Фонд вольной русской прессы основан в Лондоне в 1891 г. революционерами-народниками С.М. Степняком-Кравчинским, Ф.В. Волховским, Н.В. Чайковским и другими с целью издания и распространения пропагандистской литературы, запрещенной в России.

эмигрантские дрязги, энергичный, не связанный личными интересами в пользу того или другого кружка и потому способный создать требуемое революционное представительство...»⁴ Другой агент охраны приводил текст перлюстрированного письма Г.В. Плеханова Лазареву: «Мы на вас все возлагаем большие надежды, дорогой Егорыч, бросьте, наконец, Америку и приезжайте, вы увидите живое русское дело, <...> сделаетесь душою его»⁵.

Поездка Лазарева в Европу фактически означала его согласие взять на себя роль объединителя разрозненных социалистических групп. Между тем вскоре после приезда во Францию Егор Егорович был арестован и выслан из страны. Вернувшись в Лондон, он занял пост секретаря ФВРП, но вскоре уехал в Швейцарию и обосновался на ферме в Божии над Клараном, время от времени совершая поездки в Женеву и Цюрих. Внимательно отслеживавший его передвижения глава русской заграничной агентуры П.И. Рачковский с тревогой доносил в Петербург, что Лазареву удастся добиться «слияния эмиграции всех оттенков в общую организацию»⁶. В октябре 1895 г. он же с удовлетворением констатировал: «Лазарев имел свидание с Плехановым и Аксельродом, что, как и следовало ожидать, кончилось между ними не проектированным соглашением, но новым крупным раздором»⁷.

Главная цель — создание объединенной организации социалистов — так и не была достигнута, однако эта поездка стала знаковой для личной жизни Егора Егоровича. В Лондон он вернулся полным решимости связать свою жизнь с хозяйкой кларанской фермы Ю.А. Лакиер, вдовой русского эмигранта П.А. Лакиера⁸, и навсегда переселиться в Швейцарию, о чем и сообщил своим сотоварищам по ФВРП [Лазарев 1935а, с. 26–27]. В марте 1896 г. вездесущий П.И. Рачковский сообщал: «Эмигрант Егор Лазарев отправился из Лондона в Швейцарию и поселился в Кларане у г-жи Лакиер, на которой он намерен жениться после Пасхи. Если положение дел “Фонда Вольной русской Прессы” не потребует его пребывания в Лондоне, то он решил на неопределенное время основаться в Швейцарии, чтобы закончить организацию местных революционных кружков и принять на себя руководство их деятельностью»⁹.

Так, именно в Швейцарии, политическая деятельность Е.Е. Лазарева оказалась тесно переплетена с его личной жизнью. Через четыре года после женить-

---

⁴ ГА РФ. Ф. Р-102. Оп. 226. Д. 6, ч. 290. Л. 9–9 об.

⁵ Там же. Л. 8 об.

⁶ Там же. Л. 152.

⁷ Там же. Л. 175.

⁸ Петр Александрович Лакиер (1852 — нач. 1890-х) родился в семье известного историка, писателя, автора исследования «Русская геральдика» А.Б. Лакиера (1824–1870) и О.П. Плетневой, умершей сразу после родов. До семи лет воспитывался в доме деда, ректора Петербургского университета П.А. Плетнева (1792–1865), крестным отцом П.А. Лакиера стал великий князь Александр Николаевич, будущий император Александр II (см. подробнее: [Цымбал 2005]). В начале 1870-х гг. Лакиер уехал в Швейцарию для получения высшего образования, но, по-видимому, курс в высшей школе не окончил, занявшись фермерским хозяйством (см. подробнее: [Соболева 2005]).

⁹ ГА РФ. Ф. Р-102. Оп. 226. Д. 6, ч. 290. Л. 205–205 об.

бы в письме В.Г. Короленко¹⁰ Лазарев так описывал произошедшие в его жизни перемены: «Я успел переплыть океан и после нескольких туров остался на более оседлое положение в Швейцарии: женился и дою коров <...> теперь сижу и слежу, как живут, думают и движутся кругом меня народы. А ведь я, действительно, как раз среди народов Европы. Дойка коров, будучи повелительно необходимой, не может захватить все мои симпатии, и потому я занимаюсь переводной и компилятивной работой»¹¹. Разумеется, именно тема «движения народов» и их надежд на изменение миропорядка продолжала оставаться важнейшей для Лазарева в эти годы. А кларанская ферма стала своего рода микромоделью того мироустройства, к которому он стремился, — сюда приезжали и здесь жили люди самых разных политических и общественных взглядов.

Летом 1896 г. в Божии приехали в будущем известные русские социалисты Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) и Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955)¹². Пройти здесь курс лечения страдавшей от туберкулеза Кусковой порекомендовала жена Г.В. Плеханова, врач по образованию, Розалия Марковна Боград (1856–1949). Кефир с лазаревской фермы, подчеркивала она, по своим лечебным свойствам «средство еще более действенное, чем кумыс» [Кускова 1958, с. 136]. Невзирая на то, что уже в это время Боград называла Лазарева «наш политический враг» [Там же], это отнюдь не мешало и больному туберкулезом Плеханову также поправлять свое здоровье кефиром, произведенным в стане политического оппонента. Впрочем, вероятно, решающее значение в этой терапии имела все-таки личность хозяина фермы: «Полная противоположность Плеханову, — вспоминала о Лазареве Е.Д. Кускова. — Веселый, шутник, объятия ко всем людям. А людей на ферме много, почти все революционеры. Почти все они были больные, с привязанными к поясу бутылками: кефир. Кефир подавался и за чаем. Это был замечательный напиток, нигде потом такого не встречала. Лазарев говорил, что коровам для кефирного молока нужны были особые травы, они паслись тут же на ферме» [Там же, с. 137].

Возможно, Лазарев выстраивал свое фермерское пространство не без оглядки на тот опыт, который он приобрел еще в начале 1880-х гг., когда в течение нескольких недель гостил в самарском имении Л.Н. Толстого вместе с «приезжей на кумыс» группой столичной молодежи. Тогда все присутствующие «сходились к столу, чтобы повидаться и поболтать сообща», а отдых «заключался в переваривании поглощенного кумыса и философических переключках, лежа на спине» [Лазарев 1935а, с. 137–138]. Четверть века спустя Лазарев воспроизвел в Божии толстовский опыт. Приехавшему Прокоповичу он советовал: «Оставляйте жену дома, а сами не пропускайте наших собраний: мы тут занимаемся не только коровами, но и людьми...» На вопрос Прокоповича о том, насколько часты собрания, последовал ответ: «Да каждый вечер, часов до 4 утра» [Кускова 1958, с. 137].

¹⁰ С Владимиром Галактионовичем Короленко (1853–1921) Лазарев познакомился в США во время посещения Международной выставки в Чикаго [Фролова 2011, с. 60].

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 135. Разд. П. К. 28. Д. 10. Л. 1–1 об.

¹² Об обстановке на ферме см.: [Кускова 1958].

«Вечером — ферма приют русского радикализма» [Кускова 1958, с. 142] — такую характеристику давала Е.Д. Кускова собраниям на лазаревской ферме, основным лейтмотивом которых, помимо общих разговоров о России, была критика Г.В. Плеханова и марксизма. При этом из марксистов, проходивших здесь лечение, кроме себя и Прокоповича, Екатерина Дмитриевна никого не припоминала. Р.М. Боград-Плеханова бывала наездами, и после каждого ее посещения супругов еще больше «брали в штыки». У самого Е.Е. Лазарева позиция аполлокетов марксизма ничего не вызывала, кроме насмешек. Кускова приводит одно из его высказываний по этому поводу: «И дался же вам этот “капиталист”, к Рассеюшке нашей совершенно неприменимый... К чему тратите время? Я много раз пробовал осилить его “Капитал” и с досадой швырял эту насыщенную мнимой ученостью книгу. Ну, абсолютно-таки никакого отношения к России она не имеет...» [Кускова 1958, с. 143]. Но острые политические дискуссии не мешали кефиру и горному воздуху делать свое благое дело. Подводя итог пребывания в Божии, Кускова констатировала: «Швейцарская деревня принесла всем нам троим большую пользу. Стала поправляться и я. Не говорю уже о внутреннем успокоении... В этой чудесной деревушке все мучившие меня вопросы пали. Внутренне была вполне готова “делать жизнь”» [Там же, с. 142].

*Основное здание на ферме Е.Е. и Ю.А. Лазаревых,
б/д, ориентировочно 1900 г.
РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 99. Л. 1*

Спустя год после того, как Е.Е. Лазарев обосновался на ферме, в апреле 1897 г. ее посетила и австрийская императрица Елизавета. Вспоминая об этом незаурядном событии, Егор Егорович сожалел, что не вел тогда систематических записей: «...а мог бы, — сокрушался он, — если бы в то время я не был идеалистом и интересовался Историей, а не спасением человечества» (цит. по: [Фролова 2011, с. 64]). Тем не менее синхронные этим событиям записи Лазарева сохранились. Его кларанская корреспонденция также перлюстрировалась агентами российской

охранки, благодаря чему мы знаем о визите императрицы из уст самого Лазарева: «Приехала сюда Императрица Австрийская Елизавета, стала пить кефир и молоко с нашей фермы, то и другое ей так понравилось, что она заинтересовалась фермой и пожелала узнать подробности, свойство и влияние кумыса. В одно время, совершенно неожиданно, явилась к нам на ферму. Я пригласил ее в сад к нам на ферму, и, усевшись, она выпила с удовольствием бутылку кефира и провела более часа, толкуя о политике. Инкогнито живет она в Гранд Hôtel-ле¹³, особа очень милая и симпатичная. Пробудет она еще недели две здесь и за всё это время мне придется бегать, как борзому кавалеру»¹⁴.

С первого взгляда ситуация кажется парадоксальной — императрица Австро-Венгрии не только посещает ферму революционера-народника, но и приглашает его, по словам Лазарева, состоять при ней лейб-медиком на всё время ее шестинедельного пребывания в Монтрё [Лазарев 1935, с. 64]. Впрочем, подобного рода поступки были свойственны Елизавете. Современница императрицы норвежская писательница Клара Чуди (1856–1945), выпустившая в 1901 г. в Лондоне ее биографию [Tschudi 1901]¹⁵, отмечала, что «страстная любовь к природе, горячее влечение к науке и мучившее ее нервное беспокойство заставляли императрицу Елизавету проводить большую часть времени в переездах с одного места на другое. Обыкновенно она путешествовала по чужим землям без свиты, в качестве простой туристки» [Чуди 1913, с. 127]. Швейцарию императрица особенно любила. Помимо Женевы, где Елизавета могла никем не замеченная разгуливать «среди всевозможных космополитов» [Там же, с. 186–187], она часто останавливалась в Террите [Там же, с. 183] — деревне в Монтрё, располагавшейся недалеко от Божи. Именно здесь Елизавета жила во время своих посещений фермы Е.Е. Лазарева.

Ответ на вопрос, как императрица могла узнать о ферме Лазаревых, думается, не так и сложен. Продукция фермы к моменту появления на ней Е.Е. Лазарева была уже довольно популярна. В частности, С.М. Перский упоминает, что большинство отелей в Монтрё снабжались кефиром, приготовляемым «в деревне Божи, на ферме, известной своим отличного качества “молоком для больных”», а содержала ферму русская дама [Перский 1896, с. 129]. Дамой этой была не кто иная, как Ю.А. Лакиер. Учитывая, что Елизавета во время своих путешествий имела привычку «без предупреждения посещать понравившиеся ей частные сады» [Корти 1998, с. 548], неудивительно, что она появилась и на ферме.

Была и еще одна причина, которая вполне могла мотивировать интерес императрицы к молочной ферме Лазарева. Елизавета постоянно и в некотором роде болезненно следила за своим весом, колеблющимся в диапазоне от сорока шести до пятидесяти килограммов. Сопровождавшая императрицу в путешествии 1894 г. графиня Ирма Сцгараи отмечала ее увлеченность «новомодными» молочной и апельсиновой диетами, соблюдение которых предусматривало употребление в течение всего дня только этих продуктов [Там же, с. 549–550]. В начале

¹³ Речь идет о Гранд Отеле (*фр.* Grand Hôtel des Alpes à Territet) в деревне Террите в Монтрё, в котором императрица Елизавета проживала четыре раза в период с 1893 по 1898 г.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-102. Оп. 226. Д. 6, ч. 290. Л. 239–239 об., 241 (письмо от 9 апреля 1897 г.).

¹⁵ В 1913 г. книга вышла в России, см.: [Чуди 1913].

1895 г., во время проживания в Кап-Мартен (Франция), по указанию Елизаветы были приобретены коровы и отосланы в Австрию для устройства образцовой молочной фермы [Корти 1998, с. 551]. С учетом вышесказанного, неудивительно, что Елизавета и Е.Е. Лазарев нашли общий язык. Убийство императрицы 10 сентября 1898 г. итальянским анархистом Лукени «глубоко возмутило и потрясло ее бывшего лейб-медика» [Лазарев 1935а, с. 29]. В семейном альбоме среди фотографий родных и близких Е.Е. Лазарев бережно хранил памятную открытку с фотографией Елизаветы¹⁶, а также открытку, на которой был запечатлен памятник императрице в Террите¹⁷.

Тем временем популярность фермы доставляла немало хлопот хозяевам, ибо основную работу они выполняли сами. «Дом у нас всегда полный. Уже несколько лет, как мы перешли совсем на демократический лад, — писал Лазарев в апреле 1903 г. А.Д. Чарушиной в Вятку. — Прислуги у нас нет, приходится отдуваться жене и самим сожителям. Тут чисто русская волость у нас. Русских больше, чем в России, хоть отгребай. Летом сюда съезжаются старые друзья со всей Западной Европы, кроме матушки Руси»¹⁸. Еще более эмоциональное письмо он отправил в сентябре 1906 г. известному в будущем книговеду и просветителю Н.А. Рубакину: «Здесь народу видимо невидимо. Вместо ссылки в Сибирь теперь стали высылать сюда по паспорту без права возвращения на год, на полтора, на 2 и на 3 года. Да еще с оплатой паспортных пошлин. Или в Туруханск, или в Париж! — выбирай любое. Если в Туруханск — вот тебе 1 ½ целковых в зубы, в месяц; а если в Париж — пожалуйста, по 30 руб. в год за удовольствие! — Что же, при нынешней бедности и 30 руб. деньги для нашего государства. Платят и едут. Вы понимаете, что это значит для моей персоны:

Е.Е. Лазарев с женой Ю.А. Лазаревой на ферме, 1900 г.
РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 99. Л. 7

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 216. Л. 45.

¹⁷ Там же. Л. 44.

¹⁸ Там же. Ф. Р-102. Оп. 226. Д. 6, ч. 290. Л. 253.

с утра до темной ночи — ни отдыху, ни сроку! Идут разом две волны: богачи и голоштанники. Богачи с семьями, многие евреи. А вы знаете из Библии, до какой степени божественно плодovit этот народ избранный. И вот для ослабления зла я стараюсь теперь основать общество для примирения богачей с голоштанниками. Пусть первые приглашают вторых для обучения их чад и домочадцев. Иногда удается такой компромисс. Но, в общем, все-таки туго приходится»¹⁹.

Повлияла ли эта усталость на решение Лазарева уехать из Швейцарии или оно было обусловлено причинами политического характера, нам неизвестно, но в конце 1906 г. Егор Егорович вернулся в Россию. С этого момента и до 1917 г. он так и курсировал между Россией и Швейцарией, а вся забота о ферме фактически легла на плечи его супруги. Хотя после отъезда мужа хозяйственных забот прибавилось, все же морально Юлия Александровна вздохнула явно свободнее. В июле 1907 г. она писала Лазареву: «...живем в твое отсутствие спокойно, любовно и д<ее>способно, потому что у нас не было трактира, и если люди приходили, то не мешали нам работать, потому что бывали только по делу и не засиживались. И дети²⁰ пришли в себя, да и я отдохнула и телом, и душой. <...> А филантропия и восточное гостеприимство принижают личность и изматывают силы до полной апатии ко всему и всем. Так жить нельзя. За период твоего отсутствия мы жили и ни в чем себе не отказывали. Заплатили за лошадь, за постройки, поставщикам сена, поставщикам провизии, оделись. <...> Кроме всего этого, мы давали деньги по подписным листам на бедных и вообще никогда не отказывали в помощи, но делали это, зная, что ход нашей жизни никак не нарушался, и мы жили спокойно, без вспышек и раздражения, радовались, что у нас все идет так ладно и складно»²¹. Однако вскоре выяснилось, что альпийская тишина и спокойствие без «веселого шутника» Лазарева, замкнутость на хозяйственных проблемах без ночных дискуссий странноватых русских гостей хороши лишь на время. И уже в письме Ю.А. Лазаревой мужу, датированном мартом 1910 г., прозвучало громкое отчаяние: «Боже, как я проклинаю себя за то, что связала себя по рукам и ногам этой фермой. Ведь она поглощает такую массу у всех нас времени, что один ужас берет, и невольно спрашиваешь себя: неужели такая сфера деятельности есть цель жизни? Нет, это что-то кошмарное, и я не могу себе представить, как это люди мирятся с подобной жизнью?!»²² Несмотря на тяжелое эмоциональное состояние и усталость, Юлии Александровне будет суждено прожить в Божии еще целых двенадцать лет, оставшись практически в полном одиночестве.

Е.Е. Лазарев навсегда покинул Россию в июне 1919 г., эмигрировав в Чехословакию. Судя по письму, которое он отправил Ю.А. Лазаревой еще из Москвы в марте 1918 г., о ее судьбе он долго ничего не знал: «Сколько ни писал открыток и закрыток — ответа не было. <...> Жива ли ты, ничего не знаю. Как живешь? Здорова ли? И ты не знаешь — жив ли я. Жив. А это одно, по нынешним временам,

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 358. К. 246. Д. 32. Л. 3.

²⁰ На ферме с 1901 г. жили внучатые племянники Е.Е. Лазарева Петя и Миша, которых Егор Егорович и Юлия Александровна, за неимением собственных детей, взяли на воспитание.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 162. Л. 390–390 об., 391–391 об.

²² Там же. Л. 339.

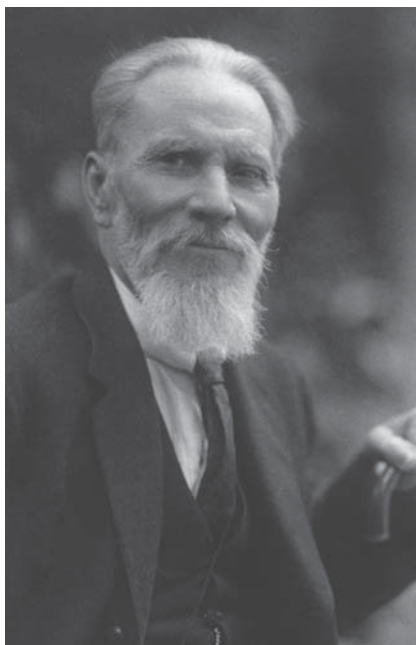
много значит...»²³ В октябре 1919 г. от друга семьи О.К. Фоновой Егор Егорович получил известие о том, что Юлия Александровна продала ферму и жила в небольшом домике «напротив своего бывшего имения»²⁴. Связь между супругами вскоре была восстановлена, но перевезти жену в Чехословакию Лазарев смог только в 1922 г.

В Чехословакии они прожили вместе еще более десяти лет. Егор Егорович очень тяжело переживал смерть жены в 1932 г. Е.Д. Кускова, также находившаяся в этот период в Праге, прислала письмо соболезнований, в котором сокрушалась, что они с Сергеем Николаевичем «благодаря своему затворничеству, так и не встретились с покойной Юлией Александровной». А когда услышали, что она скончалась — так живо вспомнили Швейцарию <...>, Clarens и Юлию Алекс<андровну>, всегда тихую, скромную, всегда за работой...»²⁵

Е.Е. Лазарев ушел из жизни спустя пять лет после смерти жены, 23 сентября 1937 г.

Незадолго до кончины он писал: «...стою накануне путешествия по стопам моей супруги, с которой решил соединиться в местном крематории» [Лазарев 1935, с. 74]. Друзья и соратники Егора Егоровича выполнили его волю. Вспоминая об этом печальном событии, историк Н.Е. Андреев указывал на то, что Е.Е. Лазарев был очень популярен в Праге. Он «искал широкого фронта борющихся против Сталина и компании. Его редкие выступления всегда были интересны, он не был ни левый доктринер, ни правый, это был просто Егор Егорович Лазарев. Когда он умер, его сожгли в крематории, собралось много видных чехов, левых эсеров, и просто эсеров, и представителей русской колонии, и всякой твари по паре. Всё было, как положено, при сжигании играли соответствующую музыку и вдруг в конце исполнили “Стеньку Разина”! Они решили, раз такой крупный русский сжигается, надо почтить его национальной песней! Таков был уровень понимания и знания России» [Андреев 1996, с. 84].

Екатерина Дмитриевна Кускова, приехав в Божу уже после Второй мировой войны, не узнала этих мест: «...всё застроено виллами, есть рестораны, идет от Кларана трамвай. Всё это испортило эту прелестную деревеньку, с тех пор как мы там жили в 1896 г. И нет этого аромата роз, нет и фермы Лазарева...» [Кускова 1958, с. 138].

Е.Е. Лазарев в Чехословакии. 1926 г.
РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 99. Л. 34

²³ Там же. Л. 544.

²⁴ Там же. Д. 298. Л. 8 об.

²⁵ Там же. Д. 273. Л. 6.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Андреев 1996 — *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982): в 2 т. Таллинн, 1996. Т. 2.

Ёхина 2013 — *Ёхина Н.А.* Егор Егорович Лазарев: Из материалов к биографическому словарю российской эмиграции в Чехословакии // Российская эмиграция в 1920-е гг. Прага: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Воскресенск, 2013. С. 54–70.

Корти 1998 — *Корти Э.Ц.К.* Елизавета I Австрийская. Ростов н/Д., 1998.

Кускова 1958 — *Кускова Е.Д.* Давно минувшее // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. Кн. 54. С. 117–157.

Лазарев 1924 — *Лазарев Е.Е.* Ленин-Ульянов. Прага, 1924.

Лазарев 1935 — *Лазарев Е.Е.* Из переписки с друзьями. Ужгород, 1935.

Лазарев 1935а — *Лазарев Е.Е.* Моя жизнь: Воспоминания, статьи, письма, материалы. Прага, 1935.

Перский 1896 — *Перский С.М.* Швейцария на берегу Женевского озера: Веве, Монтре и их окрестности. Женева, 1896.

Соболева 2005 — *Соболева Н.А.* Род Лакиеров // Гербовед. 2005. № 79. С. 139–152.

Фролова 2011 — *Фролова Е.И.* «Если любишь Россию...». Егор Егорович Лазарев (1855–1937) // Осмысление судьбы: Историко-биографические очерки, публицистика. СПб., 2011. С. 54–84.

Цымбал 2005 — *Цымбал А.А.* Семейство Лакиер // Вехи Таганрога. 2005. № 26. С. 26–31.

Чуди 1913 — *Чуди К.* Императрица страдалница: Елизавета, императрица Австрийская и королева Венгерская / пер. с нем. Л. Горбуновой. М., 1913.

Tschudi 1901 — *Tschudi C.* Elisabeth, Empress of Austria and Queen of Hungary. L., 1901.

Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина

РУССКАЯ НАСЛЕДНИЦА ПЕСТАЛОЦЦИ:
ЕЛЕНА АНТИПОВА (1892–1974) И ЕЕ УЧИТЕЛЯ*

В интеллектуальной истории России XVIII–XX столетий Швейцария занимает особое и своеобразное место. Преобразовательная деятельность Петра I стимулировала процесс внутренней колонизации Российской империи и тем самым открыла для европейского академического сообщества значительные перспективы расширения научных исследований на евразийском пространстве и профессионального карьерного роста в новых институциях на востоке. Швейцарские специалисты одними из первых откликнулись на приглашение российской власти и развернули обширную научную и образовательную практику в России. Они стояли у истоков создания Императорской академии наук в Санкт-Петербурге и способствовали ее вхождению в европейское научное сообщество (Я. Германн, братья Бернулли, Л. Эйлер и др.). Даже «запустив» новый научный проект, многие из них не покидали Россию, а, напротив, продолжали работать в стране, прорастая в ней научными династиями, семейными и профессиональными связями.

С началом XIX в. в этом, поначалу элитарном, интеллектуальном диалоге европейского Просвещения с русским абсолютизмом на повестке дня появилась новая тема — идея демократизации формировавшегося образовательного пространства Российской империи. Напомним, что к тому времени в России уже существовало пять университетов, в каждом губернском центре предполагалось открыть гимназии и даже функционировало Министерство *народного* просвещения, однако полностью отсутствовала какая бы то ни было система светской начальной школы, и население империи поголовно оставалось неграмотным. Образование как институт приходило в страну «сверху», через инициативы просвещенной и не очень власти и элиты. Вот почему такое существенное значение для развития именно народного образования имело недолгое, но оставившее заметный след в истории российской педагогики общение императора Александра I (1777–1825) со швейцарским педагогом и просветителем Иоганном Генрихом Песталоцци (Pestalozzi; 1746–1827).

Интерес к личности Песталоцци и его новациям в области реформирования школьного образования возник в России в начальный период Александровского правления, когда группа «молодых друзей» императора планировала и прово-

---

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-06-10221, которому авторы выражают признательность за поддержку.

дила ряд либеральных реформ [Ротенберг, Шабаева 1960, с. 131; Андреев 2010]. В духе идей Жан-Жака Руссо (Rousseau; 1712–1778) Песталоцци считал важнейшей целью школьного обучения развитие природных способностей детей, а также настаивал на расширении образовательной сферы за счет обязательности и бесплатности начальной школы. Другой швейцарец, бывший воспитатель императора Александра I, Фредерик Лагарп (Laharpe; 1754–1838) активно продвигал педагогические идеи и практики Песталоцци при российском дворе. Специально для Александра I Песталоцци написал памятную записку с изложением своих взглядов на начальное образование [Ротенберг, Шабаева 1960, с. 119–120]. И хотя до сих пор неизвестно, был ли знаком император с этим текстом, осенью 1804 г. Песталоцци пригласили в Россию и дали зеленый свет публикации его трудов и знакомству русского читателя с идеями и практиками неугомонного швейцарца. Уже с 1806 г. работы Песталоцци печатались на русском языке, а в 1819 г. вышло первое русскоязычное собрание его сочинений, в дальнейшем многократно переиздававшееся.

Несомненно, педагогические новации Песталоцци были слишком авангардными для крепостной Александровской России. Тем не менее покровительство российского монарха изданию трудов швейцарца в России объективно способствовало формированию и поддержанию устойчивого канала распространения идеи «образования для всех». Эта идея, первоначально созвучная настроениям немногочисленной образованной части российского общества, была, однако, достаточно быстро востребована и развита в сочинениях и практиках ряда русских педагогов и общественных деятелей (прежде всего К.Д. Ушинского (1824–1870/71), прошедшего несколько лет в Швейцарии [Ушинский 2002; Ушинский 2002а] и после этого создавшего свою «Педагогическую антропологию» — первый труд отечественного автора по педагогической психологии). Параллельно, через обучение российских студентов в европейских университетах, издание переводов научных работ зарубежных специалистов и интенсивное личное профессиональное общение, в российскую общественную мысль и практику все шире проникали современные времени интеллектуальные потоки. Постепенно они формировали европейское в своих базовых идеях, многоуровневое и мультикомпонентное образовательное пространство Российской империи.

В XIX в. образ Швейцарии в России как источника новых образовательных, научных и просветительских парадигм был дополнен еще одним важным социальным компонентом — представлением о свободе и правах человеческой личности. Носителями и трансляторами этих воззрений были прежде всего российские политические эмигранты (от Александра Герцена до социалистов всех направлений и либералов), создавшие в Швейцарии оппозиционную российскому самодержавию мощную и влиятельную политическую диаспору. Однако альпийская республика играла роль «убежища» не только для политических противников имперского режима, но и для широкого спектра критически мыслящей российской научной интеллигенции — от интеллектуальной элиты до студенчества. Швейцария, предоставлявшая большие возможности для самореализации и научного творчества, привлекала многих российских ученых и может быть названа

одним из первых центров российского научного зарубежья XIX–XX вв. Здесь жил и работал известный географ и этнограф Лев Ильич Мечников (1838–1888); великий микробиолог Владимир Аронович Хавкин (1860–1930), подаривший миру вакцины против чумы и холеры, много лет провел в Лозанне. В Женеве учился и преподавал известный филолог и лингвист Сергей Иосифович Карцевский (1884–1955). Заметное место среди российских ученых-эмигрантов занимали и представители новой для XIX в. комплексной научной дисциплины о человеке — психологии. Выдающийся невропатолог и нейропсихолог Константин Иванович фон Монаков (1853–1930) стал основателем Института изучения мозга в Цюрихе и Швейцарского неврологического общества, первым профессором неврологии в Швейцарии и первым редактором журнала «Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie». Там же, в Цюрихе, профессорствовал физиолог и психолог Виктор Алексеевич Анри (1872–1940) [Масоликова, Сорокина 2010; Сорокина 2010; Сорокина 2011].

Благодаря низкой стоимости жизни Швейцария, наряду с Германией, со второй половины XIX в. стала своего рода «академической Меккой» и для российских студентов. Количество подданных Российской империи, обучавшихся в ведущих швейцарских университетах в начале XX в. (Базельском, Цюрихском, Бернском, Лозаннском и Женевском), достигало 40 % общего количества студентов, а в университетах Лозанны и Женевы «русских» училось даже больше, чем местных¹. Особенно привлекательной университетская Швейцария была для девушек. Сюда, в единственную европейскую страну, где женщины учились в высших учебных заведениях наравне с мужчинами, массово уезжали интеллектуально мотивированные российские девушки, не имевшие возможности получить полноценное высшее образование на родине [Bühler et al. 1985, S. 2; Ziegler, Tikhonov 2005; Tikhonov 2005]. Со временем многие российские выпускницы швейцарских университетов становились известными специалистами в своей научной области, занимали ведущие позиции в науке и образовании и создавали тот «невидимый женский колледж» (invisible college), который активно распространял свое влияние в научном мире и общественной жизни Европы, Швейцарии и России на протяжении всего XX в. Так, физиолог и биохимик Лина Соломоновна Штерн (1878–1968) стала первой женщиной — профессором Женевского университета, после возвращения в СССР в 1920-е гг. она оказалась первой женщиной, избранной действительным членом Академии наук СССР (1939). Бактериолог Лидия Львовна Рабинович-Кемпнер (1871–1935), выпускница Цюрихского и Бернского университетов, многие годы ассистировала нобелевскому лауреату, первооткрывателю возбудителя туберкулеза профессору Р. Коху в Берлине и стала первой женщиной-профессором в Пруссии. Именем философа и историка философии Анны Павловны Ту-

---

¹ Когда арестованные в 1906 г. за революционную деятельность студенты Московского университета братья Каменецкие были освобождены по личному распоряжению министра внутренних дел П.А. Столыпина, ответившего на ходатайство профессора В.И. Вернадского, они немедленно уехали в Швейцарию и вскоре сообщали: «Русских здесь масса. В расстоянии ¼ часа ходьбы от нас, в Обергофене, оказались Игнатовы, Кржеминские, — не говоря уже о массе незнакомых и полужнакомых соотечественников» [Сорокина 2012, с. 357].

маркиной (1875–1951), первой в Европе женщины — преподавателя философии, а в дальнейшем и профессора Бернского университета, названа одна из улиц в столице Швейцарии.

Можно было бы и дальше перечислять имена сотен российских научных специалистов, обстоятельства учебы или эмиграции связанных со Швейцарией. Роль и место зарубежных научных и образовательных центров в подготовке национальных научных кадров, а также значение международных научных связей как одного из важнейших инструментов становления национальных дисциплинарных сообществ и их институтов — по-прежнему актуальная проблема науковедческой историографии. Влияние этих связей, зачастую возникших еще в студенческие годы, было и остается тем более велико, что глобализация научного и образовательного пространств в общем контексте интенсификации миграций научных специалистов в XX в. привела к масштабному возникновению транснациональных научных проектов и сообществ ученых. Пионерами в данном процессе стали ученые-мигранты — эмигранты, беженцы, «возвращенцы» и «невозвращенцы». Они выполняли функцию гемоглобина в научном мире, являясь переносчиком и транслятором новых знаний, подходов и технологий, а также активным коммуникатором между различными властными, профессиональными, политическими и этническими сообществами.

Опыт российских научных специалистов в Швейцарии особенно интересен в этом отношении. Если до 1917 г. страна была одним из крупнейших центров российской диаспоры, то в 1920–1930-е гг. она оказалась на периферии русского эмигрантского мира. Несмотря на то что до 1946 г. Швейцария не имела дипломатических отношений с СССР, здесь осталось совсем мало, а прибывало еще меньше российских эмигрантов, концентрация беженских проблем казалась минимальной и, за исключением церкви, почти не было традиционных эмигрантских институтов. В то же время в Швейцарии располагалось множество международных организаций (в том числе Лига Наций, Верховный комиссариат по делам русских беженцев и др.) и велся постоянный, скрытый и явный, диалог по всему спектру самых дискуссионных мировых проблем. В этой атмосфере переговорной толерантности и в русской Швейцарии межвоенного периода на первый план стали выходить не политэмигранты, а интеллектуалы, благодаря персональным связям создававшие новые общественные и научные институции как принципиально транснациональные проекты, нередко перераставшие в обширные международные научные сообщества. Так, например, известный русский дореволюционный политэмигрант, книговед и библиопсихолог Николай Александрович Рубакин (1862–1946) позиционировал свою уникальную библиотеку в Лозанне в 1920-е гг. как независимую международную площадку для свободного общения представителей различных политических взглядов и одновременно как стартап для создания славистических центров по всему миру.

Судьба другого психолога и организатора образования, русской эмигрантки Елены Владимировны Антиповой (1892–1974) — *Hélène Antipoff* — в Швейцарии и Бразилии, еще более выразительно демонстрирует, как синтез различных европейских научных и образовательных традиций (русской, швейцарской,

французской и др.) инициировал формирование и развитие новой научной и образовательной парадигмы в другом полушарии Земли — на Южноамериканском континенте, в Бразилии [Campos 2010; Campos 2012; Campos 2012a; Масоликова 2010; Образование для всех 2014; Масоликова 2014; Масоликова 2015; Масоликова, Сорокина 2015].

Вынужденная покинуть СССР в 1924 г. вслед за высланным ОГПУ в 1922 г. мужем, писателем Виктором Ирецким (1882–1936) (см.: [Русские писатели 1992]), Е.В. Антипова оказалась едва ли не единственным «советским» психологом², эмигрировавшим уже в годы НЭПа. Получив до революции чисто западное (европейское) психологическое образование, она успела до отъезда профессионально поработать в очень актуальных для того времени психологических дисциплинах — педологии и тестологии. В отличие от многих эмигрантов, приехав в Швейцарию в 1926 г., Е.В. Антипова сразу была приглашена на временную позицию научного сотрудника одного из ведущих мировых психолого-педагогических центров исследований детства — Института Руссо в Женеве. Однако через несколько лет, в 1929 г., в поисках профессиональной занятости в условиях меняющейся европейской среды она отправилась в Бразилию, которая, проводя в это время образовательную реформу, открывала окно широких возможностей для многих специалистов.

В тот момент еще никто не мог предположить, что недавняя жительница Санкт-Петербурга останется в далекой южной стране навсегда, что благодаря ее усилиям тысячи бразильских учителей, врачей и психологов овладеют современными профессиональными знаниями в области коррекционной педагогики и психологии, а на место биомедицинской модели лечения «дефективных» и «умственно отсталых» придет гуманистическая парадигма обучающего развития и поддержки «людей с исключительными способностями». Небольшое, казалось бы, изменение терминологии в реальности означало настоящий переворот в представлениях и отношении бразильского общества к «особенным». Переворот, который во многом стал возможен в результате активной деятельности созданного и возглавлявшегося Е.В. Антиповой с 1932 г. Общества Песталоцци, энергично работающего и в настоящее время.

Наследница идей великого швейцарского гуманиста о развивающем обучении и поддержке социально незащищенных слоев населения, прежде всего детей, Е.В. Антипова не только предложила обществу свой личный педологический проект, но сумела воплотить его, добившись создания в 1940 г. в городке Ибирите (недалеко от г. Белу-Оризонти) интегративного образовательного комплекса — «Фазенда до Розарио». Здесь, на вполне рациональных научных началах, оказалась реализована русская социальная утопия — мечта о таком лучшем, а главное, справедливом устройстве общества, при котором все его члены имеют равные возможности для своего развития и благоденствия. «Фазенда до Розарио» была и остается по сей день огромной светской образовательной общиной, пространство которой открыто для всех типов человеческой нестандартности. В знак благодарности бразильцы поставили русскому психологу памятник — единственный в

---

² Т. е. психологом, жившим и работавшим в советский период истории России.

этой стране и во всей Латинской Америке памятник женщине-ученому, создали ее мемориальный музей, назвали именем Е.В. Антиповой университетскую кафедру и тщательно изучают ее научное наследие.

Биография Елены Владимировны, ее научная, научно-организационная и общественная деятельность в Швейцарии и Бразилии привлекали и привлекают значительное внимание историков науки разных стран, которые рассматривают их в разных контекстах — от истории психологии, гендерной истории до проблематики прав человека. Между тем на родине имя Е.В. Антиповой еще недавно было почти неизвестно. Публикация ее писем в «Ежегоднике Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» [Масоликова 2010], а затем Международный научный коллоквиум, состоявшийся в июне 2012 г. [Масоликова, Сорокина 2013; Образование для всех 2014], впервые широко поведали о незаурядной личности и огромном вкладе нашей соотечественницы в развитие глобального психолого-педагогического и образовательного пространства [Масоликова, Сорокина 2013; Образование для всех 2014]. Всего за три года имя Е.В. Антиповой из безвестности попало в список «Ста великих русских эмигрантов» [Бондаренко, Честнова 2012].

Тем не менее еще очень многое в научной биографии Елены Владимировны остается непроясненным, и прежде всего ее «русские годы», с которыми связано становление научных и общественных взглядов выдающегося ученого. До сих пор единственным источником по этому периоду жизни Е.В. Антиповой оставались беллетризованные воспоминания ее сына, Даниила Викторовича Ирецкого-Антипова (1919–2005), который в силу возраста не мог быть непосредственным участником событий и, по-видимому, передавал полученные от матери сведения, а в некоторых случаях домысливал их [Antipoff 1996]. Настоящая статья вводит в научный оборот новый фактический материал из российских и бразильских архивов, позволяющий наметить траектории персональных, социальных и институциональных связей и практик, формировавших личную и профессиональную биографию Е.В. Антиповой и мотивировавших ее участие в транснациональных научных сообществах.

ЛЮДИ И ИНСТИТУТЫ

В судьбе каждого ученого бывают реперные точки, которые незаметно для самого человека определяют его будущее на многие годы вперед. В жизни Е.В. Антиповой таким знаковым локусом стала Женева. Юная Нелли (домашнее имя Елены Владимировны) попала сюда почти случайно: в мае 1910 г. она окончила Таганцевскую женскую гимназию в Петербурге, а в 1911 г. приехала во Францию учиться медицине в парижской Сорбонне, — казалось, ее студенческие годы пройдут по традиционной университетской колее.

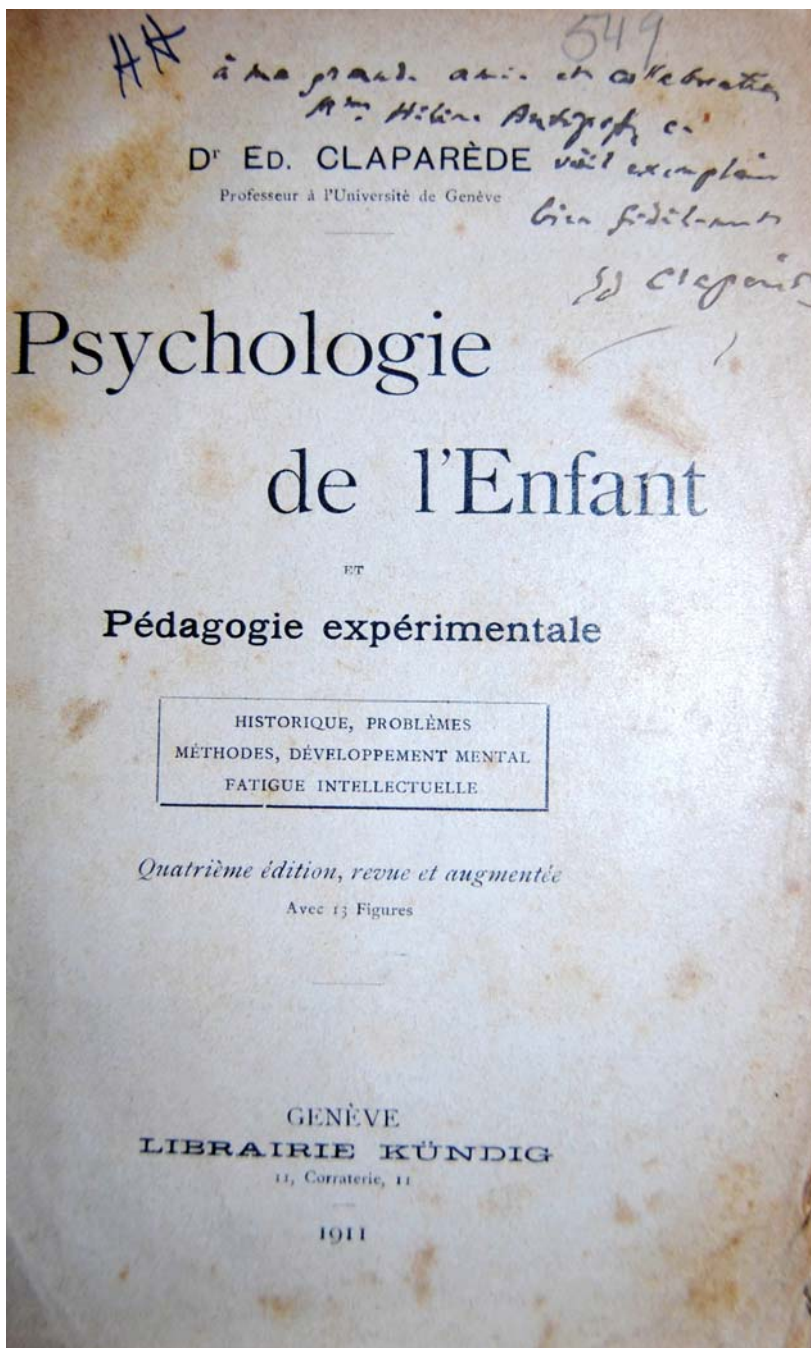
Однако в Париже Елена Антипова попала в «пекло творения» новой психолого-педагогической науки и ее экспериментально-прикладных направлений,

вызванных насущными потребностями общества. В это время европейская, и прежде всего французская, система образования переживала серьезную трансформацию в связи с введением обязательного **среднего** школьного образования для детей в возрасте до 14 лет (напомним, в России законопроект о всеобщем **начальном** образовании только начали рассматривать в 1907 г.). С точки зрения перспективы массового обучения исчерпанность старых педагогических подходов была очевидна как для школьных администраторов и педагогов, так и для многих родителей. А вот на какой основе строить новую массовую школу, с помощью каких средств создавать возможности для самореализации каждого ребенка и стимулировать его обучение, долгое время оставалось дискуссионным вопросом для научной и педагогической общественности.

Концепция «активной школы» (*école active*), в основе которой лежала идея развивающего обучения — развития интеллекта и творческих способностей учащихся через самостоятельный поиск решений незнакомых проблем, стала одним из важнейших оснований европейской образовательной реформы. Ее сторонниками и проводниками были швейцарские педагоги и психологи Адольф Феррьер (*Ferrière*; 1879–1960) и Пьер Бове (*Bovet*; 1878–1965), а также профессор Женевского университета Эдуард Клапаред (*Claparède*; 1873–1940).

Медик по образованию, Клапаред происходил из очень известной и знатной женеvской семьи. Окончив Женевский университет в 1897 г., он стажировался в парижском госпитале Сальпетриер, а в 1901 г. совместно со своим кузеном Теодором Флурнуа (*Flournoy*; 1854–1920) основал журнал «*Archives de Psychologie*». В эти годы Клапаред сотрудничал с женеvской лабораторией экспериментальной психологии, став затем ее директором. С 1908 г. Эдуард Клапаред экстраординарный, а с 1915 г. ординарный профессор экспериментальной психологии Женевского университета. Он занимал многие важные позиции и в международном психологическом сообществе, возглавляя ряд международных комитетов по проведению различных психологических конгрессов. Человек большой энергии и авторитета, сторонник экспериментальной психологии, функционального образования и применения психологии образования, профессор Клапаред был широко известен своими работами в области детской психологии и экспериментальной педагогики, которые многократно переиздавались на различных языках.

Создаваемый им и его швейцарскими коллегами в 1911–1912 гг. новый институт педагогических наук — Институт Руссо (*École des Sciences de l'Éducation*) — рождался в бурных дебатах, но быстро стал одним из ведущих в Европе центров исследований в области образования и экспериментальной психологии и предлагал свое теоретическое и экспериментальное обеспечение для развития методов «активной школы» [*Bovet 1932*]. Имевший статус одновременно независимого исследовательского центра и учебного заведения, институт финансировался из частных средств, и не в последнюю очередь поэтому смело использовал самые современные методы обучения. В его учебный план были включены лекции по таким новым для своего времени дисциплинам, как психопатология младенчества, эвгеника, психоанализ.

Дарственная надпись Э. Клапареда Е.В. Антиповой
на его монографии «Детская психология». <1913–1914 гг.>
Публикуется впервые. Архив Е.В. Антиповой. Белу-Оризонти, Бразилия

В поисках студентов и сотрудников для института профессор Э. Клапаред приехал и в психологическую лабораторию Сорбонны, где Альфред Бине (Binet; 1857–1911) уже давно занимался разработкой методов измерения интеллекта ребенка. Совместно с Теодором Симоном (Simon; 1873–1961) он предложил шкалу для определения уровня интеллекта, получившую столь широкое практическое применение, что ее нередко относят к важнейшим изобретениям XX столетия. Лаборатория Бине привлекала исследователей со всего мира, и Елена Антипова успела поработать в ней в 1911–1912 гг., участвуя в исследовании по проверке точности измерения интеллектуального развития парижских школьников на основе «шкалы Бине–Симона». Именно здесь ее представили женевскому мэтру как подающую большие надежды студентку.

Влияние новаторских взглядов и подходов Э. Клапареда, да и самой личности швейцарского профессора оказались столь велики, что в сентябре 1912 г. Е.В. Антипова переехала учиться в Женеву. Фокус интересов русской студентки сместился от изучения проблем патологии тела к исследованию возможностей человеческого интеллекта, от медицины — к экспериментальной психологии и тесно связанной с ней социальной инженерии. Встреча с Э. Клапаредом оказалась судьбоносной для Антиповой, а сотрудничество с ним — важнейшим исходным моментом в становлении профессиональных взглядов на интеллект и обучение. С этого момента в лице швейцарского ученого Елена Антипова на всю жизнь обрела научного патрона, учителя, коллегу и друга.

Стоит отметить, что в эти годы жизнь и деятельность не только Э. Клапареда, но и всего Института Руссо были тесно связаны с Россией и российскими специалистами. Супруга профессора Елена имела российские корни: ее отец, известный философ-неокантианец Африкан Александрович Спир (Шпир; 1837–1890), был уроженцем Херсонской губернии, участником Крымской войны. С институтом сотрудничали психотехник Лев Густавович Вальтер (1889–1963), психоаналитики Сабина Николаевна Шпильрейн (1885–1942) и Татьяна Конрадовна Розенталь (1884–1921), а также упомянутый выше книговед и библиопсихолог Н.А. Рубакин. Сам Эдуард Клапаред хорошо знал и внимательно следил за российской психологической и особенно педологической мыслью и экспериментальными исследованиями. Еще в 1905 г. в своей книге «Психология ребенка и экспериментальная педагогика» («Psychologie de l'enfant et pédagogie expérimentale») он ссылаясь на результаты, полученные в российских психолого-педагогических лабораториях, и прежде всего на работы известного петербургского психолога Александра Петровича Нечаева (1870–1948) [Leopoldoff 2014, p. 189]. На русском языке эта основополагающая монография Э. Клапареда была опубликована в 1911 г. в Петербурге (перевод Д.Ф. Кацарова), а уже в 1920-е гг. в СССР были изданы и другие работы профессора — «Профориентация» («L'orientation professionnelle», 1922) и руководство «Как диагностировать способности школьников» («Comment diagnostiquer les aptitudes chez les écoliers», 1924)³.

---

³ О связях Клапареда с СССР см.: [Fayet 2014, p. 141, 220].

*Дом, в котором Е.В. Антипова жила в Женеве в 1913–1914 гг.
Фото М.Ю. Сорокиной*

Известный своими демократическими убеждениями, Э. Клапаред поддерживал русских политэмигрантов в Женеве и неоднократно участвовал в их акциях⁴. Он пригласил в Институт Руссо одного из них — друга, последователя и биографа Льва Толстого Павла Ивановича Бирюкова (1860–1931), который преподавал здесь в годы учебы Е.В. Антиповой (1912/13). В отличие от российских университетов женевский институт с момента основания был международным образовательным центром — интернациональный состав студентов, преподавателей и исследователей закладывался принципиальной особенностью его устройства. Здесь учились девушки из Германии и Швейцарии, Греции и Румынии, Бразилии и Бельгии, Португалии и Испании. Одновременно с Е.В. Антиповой в его стенах занимались и другие студентки из России — например, Матильда Берштейн, Алина Хюбш, Фани Коссман [Borges 2014, p. 138]. Кроме того, отделения института существовали (или в скором времени возникли) в Каире, Тель-Авиве, Афинах, Барселоне, Нью-Йорке и других городах по всему миру. Благодаря этому Елена Антипова получила в Женеве не только самое современное для начала XX в. психолого-педагогическое образование, но и сразу обрела значительные связи и интегрировалась в международную профессиональную среду. В то же время в этой конфигурации она стала еще одним соединяющим звеном между российской и европейской наукой [Leopoldoff 2014, p. 193].

До революций 1917 г. небольшое, но высококвалифицированное российское психологическое сообщество было теснейшим образом связано с европейскими и американскими коллегами и внимательно следило за основными трендами раз-

⁴ См. статью Ш. Риндлибахера в настоящем издании.

вития психологических дисциплин. Поиски новых методов экспериментальной работы в области детской психологии и оптимальной модели исследовательского психологического института, аналогичные или близкие женеvским, шли и в России [Акименко 2007; Парамонова 2010; Парамонова 2010а]. В Москве профессор Георгий Иванович Челпанов (1862–1936) создал на частные средства первый в России Психологический институт (1912), а в Петербурге в рамках основанного профессором Владимиром Михайловичем Бехтеревым (1857–1927) Психоневрологического института еще в 1907 г. появился Педологический институт, первыми годами своего существования обязанный исключительно частным пожертвованиям. Российские меценаты, как и их европейские визави, вкладывали средства в самую передовую науку, поддерживая именно те направления, которые мы сегодня назвали бы «инновационными». Важно, однако, что капиталы «новых русских» направлялись не только на стимулирование прикладных научных исследований, но и в сферу экологии человека, на переустройство всей среды его обитания. Наиболее дальновидные российские предприниматели, понимавшие бессмысленность технологической революции вне «нового человека», щедро вкладывали деньги в науку, образование, медицину. Так, сибирский благотворитель В.Т. Зимин поддержал идею создания новых методик воспитания ребенка с ранних лет и в 1907 г. пожертвовал бехтеревскому институту капитал на постройку здания интерната с психологической лабораторией и создание фонда в память К.Д. Ушинского.

Параллельно бехтеревскому педологическому проекту экспериментальной разработкой психологических проблем детства активно занимался уже упомянутый А.П. Нечаев (см.: [Аншакова 2002; Кадневский 2005; Макаренкова 2010; Романов 1996; Guski-Leinwand 2011]). В 1901 г. именно он при поддержке выдающегося военного педагога, генерала от инфантерии Аполлона Николаевича Макарова (1840–1917) организовал первую в России лабораторию экспериментальной педагогической психологии при Педагогическом музее Главного управления военно-учебных заведений. То, что лаборатория возникла в рамках военного ведомства, произошло неслучайно: многие годы оно энергично занималось всесторонней подготовкой воспитанников кадетских корпусов и внимательно следило за новыми образовательными подходами и методиками. Даже возглавлявший Главное управление великий князь Константин Константинович (1858–1915) постоянно посещал конференции созданных Нечаевым педагогических курсов для воспитателей кадетских корпусов при Педагогическом музее.

С именем А.П. Нечаева связаны буквально все институциональные инициативы в области педологии в дореволюционной России — он организовывал выставки, конференции, съезды, курсы, общества, издавал и редактировал множество периодических изданий. Одним из первых в России Нечаев проводил психолого-педагогические исследования с применением тестов и способствовал их популяризации в обществе. Апеллируя к европейскому — и прежде всего швейцарскому — опыту мемориализации памяти о великих педагогах, он предложил открыть сбор пожертвований на сооружение памятника К.Д. Ушинскому и сумел добиться аудиенции у премьер-министра П.А. Столыпина для реализации этого плана.

Несмотря на кипучую деятельность, Александр Петрович чувствовал себя, по его собственным словам, «одиноким пловцом в море русской науки» [Романов 1996, с. 18]. Когда в 1901 г. Нечаев опубликовал монографию «Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения», она была встречена российскими коллегами весьма прохладно. Напротив, зарубежные психологи с одобрением отнеслись к новаторским идеям А.П. Нечаева о внедрении эксперимента в педагогическую психологию. Внеуниверситетский, а значит, и некорпоративный, мало признаваемый российским научным сообществом того времени исследователь, он с горечью констатировал, что «единственным средством выйти из этого одиночества было общение с моими заграничными единомышленниками» [Там же, с. 18]. Еще в 1898 г. Нечаев стажировался в ведущих психологических лабораториях Европы — В. Вундта в Лейпциге, А. Бине в Париже и др. Его имя постоянно звучало на международных научных площадках, в том числе как члена многих зарубежных научных обществ. Когда в 1909 г. А.П. Нечаев основал Общество экспериментальной педагогики в Петербурге, приглашение стать его почетными членами приняли все мировые лидеры психолого-педагогической науки того времени: А. Бине, Э. Клапаред, Э. Мейман (Германия), С. Холл (США) и др. В свою очередь в 1912 г. после открытия в Женеве Института Руссо Нечаев был назван первым и бесспорным кандидатом от России на место члена его Международного попечительского комитета⁵.

Из этого небольшого обзора ясно, что А.П. Нечаев являлся важным связующим звеном между зарубежными, в том числе швейцарскими, и российскими учеными-педологами и психологами. Возможно, поэтому в зарубежной литературе считается, что именно он дал рекомендательное письмо Е.В. Антиповой к европейским коллегам при ее отъезде из СССР в 1924 г. [Campos 2012, p. 161], хотя сохранившиеся архивные документы пока этого не подтверждают. Между тем более чем вероятно, что личное знакомство Нечаева с Антиповой произошло именно в Женеве в Институте Руссо, и, как следствие, первая известная печатная работа Елены Владимировны, еще студентки, опубликованная в одном из женевских педагогических журналов в 1913 г., рассказывала о педологических работах А.П. Нечаева [Antipoff 1913; Leopoldoff 2014].

Однако можно предположить, что они были знакомы еще раньше, по Петербургу. Лаборатория экспериментальной педагогической психологии А.П. Нечаева относилась к тому же ведомству, что и Владимирское военное училище, начальником которого был отец Е.В. Антиповой, полковник Владимир Васильевич Антипов (1862–1927) (см.: [Образование для всех 2014, с. 86–97]). Лаборатория и училище располагались неподалеку, а чины Главного управления военно-учебных заведений нередко жили в соседних домах и регулярно встречались на общих мероприятиях. Так или иначе, но в своих публикациях Е.В. Антипова постоянно ссылалась на педологические труды А.П. Нечаева и разработанные им тесты, а в ее бразильской библиотеке среди немногочисленных экземпляров русскоязычной литературы, перевезенных через границы и океаны, хранится и упомянутая мо-

⁵ Архив Института Руссо. Женев, Швейцария. FG. A. 4/1.

нография А.П. Нечаева 1901 г. с дарственной надписью: «Многоуважаемой Елене Владимировне Антиповой на добрую память от автора».

Жизнь и профессиональная карьера Александра Петровича в СССР сложились так же трагично, как и судьба педологии в целом, — с приходом новых «советских кадров» он неумолимо вытеснялся со всех институциональных позиций. В 1935 г. Нечаев был арестован по доносу коллег и осужден на пять лет ссылки в казахстанский город Семипалатинск. Нельзя не согласиться с А.А. Романовым, что ссылка на далекую периферию спасла профессору жизнь [Романов 1996, с. 11], но репрессии на многие десятилетия вычеркнули имя Нечаева из коллективной памяти отечественного психологического сообщества. Забвение оказалось столь прочным, что даже в пионерской для своего времени книге А.М. Эткинда «Эрос невозможного: История психоанализа в России» (М., 1994), где немало страниц посвящено истории педологии в России, А.П. Нечаев даже не упоминается! Вероятно, если бы Елена Антипова осталась в СССР, то и ее могла бы постигнуть участь Александра Петровича. Духовные идеалы, ценности общественного служения и свободной профессиональной работы, которыми жила значительная часть дореволюционной русской интеллигенции и которые воспроизводились ею во многих гимназиях и университетах, оказались мало востребованы в новом государстве.

ОДНОКЛАССНИЦЫ: «ГДЕ МЫ И С КЕМ МЫ»

Частная женская гимназия Л.С. Таганцевой, которую окончила Нелли Антипова, пользовалась репутацией одной из самых либеральных по духу и лучших по уровню образования гимназий Петербурга начала XX в. Она располагалась в центре города — на Моховой, 27, на четвертом этаже здания, в котором жила большая семья Таганцевых. Их предок — выкупившийся на свободу крепостной крестьянин, он переселился в Москву из Пензы, вступил в купеческую гильдию и обосновался на Таганке, откуда и пошла фамилия династии [Сомов 2005]. Самым известным представителем рода был брат Л.С. Таганцевой, правовед, сенатор и член Государственного совета Николай Степанович Таганцев (1843–1923), который и стал попечителем гимназии, открытой в 1883 г.

Ее учредительница и начальница — Любовь Степановна Таганцева — также была незаурядной личностью. Свободолюбивая и независимая, она сама отбирала педагогов гимназии и учебные программы, делая акцент на гуманитарных предметах, русской литературе и истории. В течение многих лет Педагогический совет гимназии возглавлял известный историк-медиевист, профессор Петербургского университета Иван Михайлович Гревс (1860–1941), здесь преподавали академик А.С. Лаппо-Данилевский, историки Я.Л. Барсков и О.А. Добиаш и другие представители российской академической элиты. Под их влиянием многие выпускницы гимназии избрали своим поприщем гуманитарные дисциплины и литературу, среди них — Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996), Мария Сергеевна Платонова (1897–1942), Раиса Ноевна Блох (1899–1943), Лидия Алексеевна Алексеева (1909–1989) и др.

*Любовь Степановна Таганцева.
Публикуется впервые.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 99. Оп. 1. Д. 90. Л. 2*

Таганцевская гимназия, обучение в которой было весьма дорогостоящим, отличалась не только высоким уровнем преподавания и гуманитарным уклоном, но и составом родителей и учениц. В поисках хорошего образования сюда отдавали своих дочерей многие высокопоставленные гражданские чиновники и военные имперской столицы, в то же время здесь было много девочек из семей «новых русских» — успешных предпринимателей и интеллигенции, в том числе еврейского происхождения, и даже учившихся на стипендии дочерей рабочих. Этот удивительный на первый взгляд социальный симбиоз отражал и менявшийся состав новой петербургской городской элиты, и вызовы времени, и личную позицию начальницы гимназии. Но объективно он стимулировал атмосферу разнообразия и толерантности, которые в сочетании с утверждением образования и

знаний как абсолютных ценностей были приоритетами учебного заведения.

По свидетельству многих мемуаристок, в Таганцевской гимназии царили атмосфера дисциплины и дух критики. И.Э. Еленевская рассказывает, что ученицы «чувствовали себя слушательницами высших курсов. Этому способствовало и то, что появились новые предметы, как психология, начало юридических наук, латынь и высшая математика» [Еленевская 1967]. Уже с 6-го класса читались лекции, а не велись уроки, и учителя здоровались с ученицами за руку. Л.С. Таганцева очень поощряла личный контакт между преподавателями и воспитанницами, и каждое Рождество в гимназии устраивалась елка «с программой»: ставились сценки из классиков, ученицы декламировали, играли на рояле — всё готовилось при участии педагогов. Особое внимание начальница уделяла старшим гимназисткам, с которыми «Любовь Степановна часто беседовала об их будущем, спрашивала, собираются ли они остаться в восьмом классе, который был не обязательным и поставлен на университетскую ногу с лекционной системой, сдачей зачетов по четвертям, и в котором преподавались начатки юридических наук, высшей математики, латыни и т. д.» [Там же]. Гимназия как общий и любимый дом — такой она осталась в памяти многих учениц, и заслуга в этом, конечно, принадлежала прежде всего Л.С. Таганцевой. Е.Д. Воейкова-Ильина признавалась: «В моих светлых гимназических днях очень многое связано с ней, с ее трезвым взглядом на жизнь, с ее самоотверженной любовью к своей гимназии и ко всем нам...» [Воейкова-Ильина 2010, с. 34].

Даже в элитной Таганцевской гимназии класс Елены Антиповой занимал особое положение. «Гимназия носилась с нашим классом, как курица с высиженным

ею утенком», — вспоминала одноклассница Антиповой, дочь пролетария, и добавляла: «В нашей среде был самый блеск» [Афанасьева 1924, с. 94]. Она имела в виду небольшую компанию своих подруг — Лиза Таль, Наташа Михневич, Лиза Пиленко, Нина Воленс, Юля Эйгер, «изящная Нелли Антипова». Каждая из них уже в юности проявила себя яркой личностью, но самой заметной в то время, безусловно, была Лиза Пиленко (1891–1945) — вскоре поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева.

Девушкам преподавали незаурядные педагоги. Историей с ними занимался ученик В.О. Ключевского, специалист по русской литературе XVIII в. и масонам, Яков Лазаревич Барсков (1863–1937)⁶. Закон Божий гимназистки изучали под руководством священника Виктора Плотникова (1872–1937), законоучителя Павловского женского института, будущего епископа Кронштадтского Венедикта (1920)⁷. Но даже лучшие учителя не смогли, а может быть, и не желали уберечь своих воспитанниц от происходивших за стенами гимназии общественных волнений и протестов. Выросшие в атмосфере благополучия, любви и достатка, таганцевские девушки стыдились своего привилегированного положения и осенью 1908 г. даже организовали кружок по изучению марксизма. «Мы были поставлены перед необходимостью спешно разобраться в наших детских представлениях о мире и дать себе ответ, — где мы и с кем мы, — писала впоследствии мать Мария. — Впервые в сознание входило понятие о новом герое, имя которому НАРОД» [Мать Мария 2015, с. 73]. Не довольствуясь теорией, некоторые гимназистки «пошли в народ» — проводить уроки для рабочих Путиловского и Франко-русского заводов по арифметике, географии, русскому и немецкому языкам. Мать Лизы Пиленко, Софья Борисовна, вспоминала, что однажды ее дочь объявила, что будет по вечерам давать уроки рабочим на Путиловском заводе. «Я пришла в ужас! <...> всюду аресты и вдруг 15-летняя девочка будет давать уроки рабочим, да еще вечером! Говорю ей: “У тебя у самой много уроков, тебе самой еще учиться нужно, да и в беду попадешь”. Она бросилась меня целовать и говорит смеясь: “Не бойся, мать, и уроки выучу, и ничто со мной не случится... а вечером оттуда меня старики рабочие до трамвая обещали проводить”» (цит. по: [Мать Мария 2004, с. 24]).

Позднее историки и журналисты утверждали, что Таганцевский гимназический кружок был частью городской молодежной социал-демократической организации [Заря надежды 1982, с. 171–218]. Конечно, это изрядное преувеличение и до «подпольной организации» кружку было далеко, но в 1990 г. в журнале «Ленинградская панорама» появилась фотография 1909 г. с подписью: «Нелли Антипова — член подпольной организации учащейся молодежи при Петербургском комитете РСДРП(б)» (см.: [Эйгер-Мошковская 1990, № 12, с. 28]). Впрочем, некоторые девушки (Ю. Эйгер, Н. Михневич, А. Афанасьева) действительно

---

⁶ В частности, он оказал большое влияние на становление профессиональных интересов Г.В. Вернадского (1887–1973), которому также преподавал в гимназии.

⁷ Неоднократно арестовывался в 1920-е гг. С 1936 г. — архиепископ Казанский и Свяжский. В августе 1937-го расстрелян в Ленинграде. Погребен в Левашовской пустыни под Ленинградом.

имели обширные контакты в эсеровской и социал-демократической среде⁸. Полицейские власти предусмотрительно и со всей серьезностью отнеслись к юным оппозиционеркам, и вскоре полковнику Антипову поставили на вид опасное поведение его дочери, указав именно на этот кружок [Афанасьева 1924, с. 102]. Более того, в картотеке наблюдений Особого отдела Департамента полиции сохранилась отдельная карточка: «Антипова Елена Владимировна, дочь генерал-майора»⁹.

Ю. Эйгер также подтвердила небезосновательность полицейского демарша: «Всеми признанная и бесспорная красавица нашего класса, Нелли Антипова, была дочерью генерала¹⁰, начальника Владимирского юнкерского училища. Это явно монархическое окружение не мешало ей сочувствовать революционному движению и иногда активно помогать нам. Над квартирой Антиповых находилась квартира инспектора этого военного училища полковника Неслуховского, вся семья которого участвовала в революционном движении. Однажды обе девушки-подружки — Лиза Таль и Нелли Антипова — сидели в генеральской квартире и готовились к экзаменам, когда вошел денщик и сообщил им по секрету, что наверху у Неслуховских идет обыск и что обе барышни¹¹ увезены в тюрьму. Лиза и Нелли тут же схватили свои сумки, чтобы придать себе вид школьниц, идущих в гимназию, вышли из оцепленного полицией дома и пошли предупреждать об аресте других членов организации. Это было в апреле 1910 года» [Эйгер-Мошкова 1990, № 12, с. 26]. Заметим, что квартира К.Ф. Неслуховского давно была у полиции под подозрением — еще осенью 1906 г. лидер большевиков В.И. Ленин провел здесь несколько конспиративных встреч, там же неоднократно собирались совещания членов ЦК РСДРП(б).

В отличие от некоторых подруг Нелли Антипова непосредственного участия в молодежном революционном движении не принимала и после окончания гимназии собиралась поступать в Женский медицинский институт в Петербурге, однако полицейский демарш заставил ее мать немедленно увезти дочь за границу, подальше от дурного влияния оппозиционно настроенных знакомых. Как не вспомнить, что вскоре в картотеке Департамента полиции появилась и другая карточка: «Таль Елизавета Львовна. Слушательница Высших женских курсов. Дочь присяжного поверенного»¹². Полицейский отчет зафиксировал, что 30 ноября 1910 г. она стала одной из «зачинщиц» сходки слушательниц Высших женских (Бестужевских) курсов, отказывавшихся от занятий из-за самоубийства в

---

⁸ Лиза Таль была приемной дочерью правоведа, приват-доцента кафедры гражданского права Петербургского университета Льва Семеновича Таля (1866/67–1933), известного своими связями в кадетской среде, см.: [Гундарин 2005]. Юлия Эйгер родилась в семье известного врача и еврейского общественного деятеля, одного из учредителей Общества защиты евреев, автора многих научных трудов Якова Борисовича Эйгера (1862–1932).

⁹ ГА РФ. Ф. Р-102 (ОО). Картотека наблюдений.

¹⁰ Генерал-майором В.В. Антипов стал в декабре 1910 г. Мемуаристка несколько предвосхищает события.

¹¹ Сестры Татьяна и Мария Константиновны Неслуховские.

¹² ГА РФ. Ф. Р-102 (ОО). Картотека наблюдений.

тюрьме эсера Егора Созонова, убийцы министра внутренних дел В.К. Плеве. Более того, «слушательница курсов Елизавета Таль ударила по лицу командующего 7-ю ротой столичной полиции штабс-капитана Боровкова, пытавшегося разомкнуть державшихся за руки слушательниц. Таль была задержана, препровождена для удостоверения звания в управление участка и по составлении протокола освобождена»¹³.

Несмотря на явную склонность к бунтарству и активному противлению социальному злу, почти все таганцевские одноклассницы окончили Высшие женские (Бестужевские) курсы. Елизавета Львовна Таль-Тархова (1893–1987) своей профессиональной стезей избрала медицину, в 1920-е гг. она ординатор-хирург клиники госпитальной хирургии II МГУ, защитила кандидатскую диссертацию и служила в Боткинской больнице в Москве¹⁴. Юлия Яковлевна Эйгер (в замужестве Мошковская; 1892–1969) окончила историко-филологический факультет Бестужевских курсов, в 1913–1914 гг. занималась в Фрейбургском университете, а после 1917 г. работала в крупнейших научных учреждениях Петрограда и Москвы: Институте Маркса и Энгельса, Институте истории Академии наук СССР, заведовала критико-библиографическим отделом журнала «Историк-марксист» [Далин 1971, с. 338–339]. Нина Васильевна Воленс (1893–1937), дочь известного петербургского педагога, «прямая, кристально чистая, честная и правдивая» [Эйгер-Мошковская 1990, № 12, с. 26], изучала политэкономия на Бестужевских курсах, а потом служила в ряде академических комиссий. В 1928 г. она была арестована по делу известной зарубежной контрреволюционной организации «Крестьянская Россия» и приговорена к большому для тех лет сроку — десяти годам заключения, которые отбывала в Ярославской тюрьме [Соколов 2011, с. 448]. Продолжала «заниматься контрреволюционной пропагандой», являлась организатором и членом редколлегии издаваемого заключенными нелегального журнала «Чертополох», неоднократно объявляла голодовку. 4 сентября 1937 г. Нина Воленс была расстреляна. Лиза Пиленко (Елизавета Скобцова) эмигрировала — сначала в Королевство сербов, хорватов и словенцев, а затем во Францию. В Париже она стала вольнослушательницей Православного богословского института, приняла монашеский постриг и стала матерью Марией, монахиней в миру и хозяйкой приюта для обездоленных. Участница французского Сопротивления в годы Второй мировой войны, она помогала скрывать от расправы евреев, была арестована по доносу и отправлена в концлагерь Равенсбрюк. По одной из версий, в канун Пасхи, 31 марта 1945 г., мать Мария пошла в газовую камеру вместо одной из женщин. В январе 2004 г. она канонизирована Константинопольским патриархатом как преподобномученица.

Из всей компании гимназических подруг только Лиза Пиленко и Нелли Антипова покинули Россию после прихода к власти большевиков. Тем не менее на протяжении 1920-х гг. некоторым из них удалось еще несколько раз встретиться за границей. Вероятно, свидетельство одной из таких встреч — книжечка пере-

---

¹³ ГА РФ. IV Делопроизводство (1910). Т. 4. № 30442. Л. 150 об. — 151 об.

¹⁴ В конце 1926 г. ее отец, Л.С. Таль, эмигрировал во Францию. Профессор Франко-русского института.

сказов житий святых «Жатва духа» Е.Ю. Скобцовой (1927), бережно хранящаяся в бразильской библиотеке Е.В. Антиповой [Масоликова, Сорокина 2015]. Юношеские идеалы «служения народу» и вера в просветительскую миссию интеллигенции, сформированные в гимназические годы и разделявшиеся всеми девушками, у каждой из них нашли свои жизненные преломления. Но общие духовные устремления еще многие годы соединяли подруг в подвижнической и миссионерской сути их деятельности¹⁵. Размышляя о жизненном подвиге матери Марии, писатель Дмитрий Быков заметил, что «человек гигантского общественного темперамента, рожденный участвовать в бурях, она пришла к опыту малых дел, борьбы за каждого живого». Согласимся с писателем, что это, может быть, и есть «самый русский путь» [Быков 2012, с. 92].

СТАРЫЕ СВЯЗИ, НОВЫЕ КАРЬЕРЫ: «ЭТОТ СЛАВНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ КЛАПАРЕД»¹⁶

Еще весной 1924 г. Елена Антипова не знала точно, куда поедет — в Крым к отцу или в Берлин к высланному мужу-писателю. Она мечтала о воссоединении своей большой семьи, безжалостно разорванной войнами и революциями, но уже к лету определилась с выбором. Согласно справке, выданной 7 июля 1924 г. заведующим Центральным карантинно-распределительным детским пунктом в Ленинграде профессором Л.Г. Оршанским, Антипова направлялась в научную командировку в Германию на два месяца за свой счет. В документе отмечалось, что она «...является одним из самых деятельных работников по обследованию и распределению детей. В последнее время особенно много занимается вопросом о переростках как особенно важным в жизни наших учреждений, а также вопросами коллективного эксперимента». Отдельный интерес в этой справке представляет определение цели командировки, с большой вероятностью сформулированное самой Антиповой. «Цель поездки, — говорилось в ней, — углубление изучения современных методов детской и юношеской характерологии, психотехнического определения профессиональной пригодности для целей правильного распределения детей по учреждениям и методов определения нормальной и дефективной одаренности. Научная разработка и практическое приложение этих новых данных в настоящее время всего лучше представлены в психологической лаборатории профессора Штерна в Гамбурге»¹⁷. В конце справки указывалось, что

---

¹⁵ Примечательно, что в популярной книге «100 великих русских эмигрантов» их биографии помещены на соседних страницах [Бондаренко, Честнова 2012, с. 247–252].

¹⁶ Цит. по: [Масоликова 2010, с. 384].

¹⁷ Немецкий психолог Вильгельм Штерн (Stern; 1871–1938) был одним из первых психологов, поставивших в центр своих исследовательских интересов анализ развития личности ребенка. С 1916 г. заведующий психологической лабораторией в Гамбургском университете и редактор «Журнала по педагогической психологии». Один из инициаторов создания Гамбургского психологического института (1919). С 1934 г. жил в США. В известных нам документах нет даже намеков на знакомство Е.В. Антиповой с профессором. Зато его хорошо знал А.П. Нечаев. Скорее всего, имя Штерна было выбрано в качестве предлога для командировки.

<p>Пролетарии всех стран, соединяйтесь!</p> 	<p>Prolétaires de tous les pays, unissez-vous!</p>
<p>РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА</p>	<p>REPUBLIQUE SOCIALISTE FEDERATIVE DES SOVIETS DE RUSSIE</p>
<p>ЗАГРАНИЧНЫЙ ПАСПОРТ</p>	<p>PASSEPORT POUR L'ETRANGER</p>
<p>Предъявитель <i>сего</i>, гражданин <i>на</i> Российской Социалистической Федеративной Советской Республики <i>Антимова</i> <i>Елена Павловна</i> с <i>мужем</i> <i>Даниилом</i> <i>Ивановичем 5 лет</i> отправляется в <i>Германию</i></p>	<p>Le porteur <i>de</i> la présente, citoyen <i>ne</i> de la République Socialiste Fédérative des Soviets de Russie <i>Antipoff</i> <i>Hélène avec son</i> <i>Mari Daniel</i> <i>5 ans</i> se rend en <i>Allemagne</i></p>
<p>в удостоверение чего и для свободного проезда дан сей паспорт с приложением печати Народ- ного Комиссариата по Внутренним Дела.</p>	<p>en foi de quoi et pour le libre passage le présent passeport est délivré avec apposition du sceau du Commissariat du Peuple aux Affaires Intérieures.</p>
<p>Настоящий паспорт действителен на <i>200</i> по <i>25 Октября</i> 192<i>5</i> г., выдан <i>25 Октября</i> 192<i>4</i> г. в гор. <i>Киев</i></p>	<p>Le présent passeport est valable pour un an jusqu'au <i>25 Octobre</i> 192<i>5</i> et délivré <i>25 Octobre</i> 192<i>4</i> à <i>Kiev</i></p>
<p>СВЕДЕНИЯ О ПРЕДЪЯВИТЕЛЕ:</p>	<p>SIGNALEMENT DU PORTEUR:</p>
<p>Время и место рождения <i>25 Марта</i> <i>1892</i> <i>Слодино</i> Семейное положение <i>замужем</i></p>	<p>Lieu et date de naissance <i>25 Mars</i> <i>1892</i> <i>Sloдино</i> Etat de famille <i>mariee</i></p>
<p>ПРИМЕТЫ:</p>	<p>SIGNES:</p>
<p>Рост <i>средний</i> Глаза <i>карие</i> Нос <i>обыкновен</i> Волосы <i>шатен</i> Особые приметы <i>нет</i></p>	<p>Taille <i> moyenne</i> Yeux <i>bruns</i> Nez <i>ordinaire</i> Cheveux <i>châtain</i> Signes particuliers <i>rien</i></p>
<p>По Уполномочию Народного Комиссара по Внутренним Дела <i>Антоненко</i> Заведующий Иностранной Отделением Государственного Отдела Аварации</p>	
<p>Взыскано <i>22</i> руб. <i>75</i> коп. Квитанция № <i>2815</i></p> <p>Настоящий паспорт действителен в пределах Государственной границы с <i>15 Октября</i> 192<i>4</i> г. Серия Контрольно-Пограничный Пункт <i>Киевский пункт</i></p>	<p>№ <i>31210</i> Р. В. № <i>37352</i></p>

Заграничный паспорт Е.В. Антиповой, 1924 г. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 343. Л. 1

«т<оварищ> Антипова <...> вновь вернется к работе в Пункте», и поэтому последний считает командировку очень полезной¹⁸.

Сегодня трудно поверить, что всего за пару месяцев Е.В. Антиповой удалось получить командировку и спокойно уехать в Германию с сыном. Тем не менее в личном фонде В.Я. Ирецкого сохранился ее советский заграничный паспорт, выданный 25 августа 1924 г. для «свободного проезда» в Германию и действительный в течение года, до 25 августа 1925 г.¹⁹ Документ имел лишь одно ограничение — покинуть СССР надо было в течение месяца после его выдачи, до 25 сентября 1924 г. Согласно пограничному штампу, Елена Антипова пересекла границу именно в этот, самый последний день. Она уехала вполне легально и вряд ли осознавала, что уже никогда не увидит Россию.

Приехав в Берлин, Антипова почти тотчас же, 18 октября 1924 г., отправила письмо профессору Э. Клапареду в Женеву, рассказав о происходившем с ней и ее семьей за прошедшие семь лет, а также — и это было главным — о своих педологических работах в России [Correspondance 2010, p. 4–6]. Интересно, что первое берлинское письмо, недавно опубликованное М. Руша в книге переписки Э. Клапареда и Е.В. Антиповой, звучало весьма оптимистично и скорее ориентировалось на восстановление старых связей, чем на жалобы на судьбу. Антипова сообщила учителю, что, несмотря на политические катаклизмы, российские психологические институты работают вполне удовлетворительно и собрали богатый эмпирический материал, а она сама, сотрудничая с различными лабораториями Петрограда и Вятки, провела обследование более тысячи детей и сирот. В том же письме Елена Владимировна обратила внимание профессора на последние исследования русского психолога Александра Федоровича Лазурского (1874–1917) по классификации личности и ее изучению в естественных для испытуемого условиях. Мэтр сразу ответил талантливой ученице, и уже с ноября между Берлином и Женевой установилась постоянная переписка. Вскоре Е.В. Антипова опубликовала в Швейцарии две статьи, посвященные российским экспериментально-психологическим исследованиям (см.: [Самрос 2012, p. 404]).

Однако то, что с помощью профессора Э. Клапареда удавалось сделать в Женеве, совсем не получалось в Берлине. Попытки Е.В. Антиповой устроиться на работу в Психологическом институте в Берлине закончились безрезультатно, семейная жизнь также оказалась далека от идеала. Уже в 1925 г. Елена Владимировна обратилась к учителю за помощью и в 1926 г. уехала с сыном в Женеву, где получила место ассистента профессора Клапареда в университете и сотрудничество с Институтом Руссо. Вслед за «русским путешественником» Н.М. Карамзиным она могла воскликнуть: «И вот я, наконец, в Швейцарии — стране живописной природы, на земле свободы и благоденствия! Кажется, что в здешнем воздухе есть что-то живительное: мое дыхание стало легче и свободнее, моя осанка расправилась, моя голова сама по себе поднимается, и я с гордостью думаю о своей человеческой сущности» (цит. по: [Карамзин 1984, т. 1, с. 165–166]).

¹⁸ Центр истории психологии и документации им. Е.В. Антиповой. Федеральный университет штата Минас-Жерайс. Белу-Оризонти, Бразилия. Папка «Correspondencias Russas».

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 343. Л. 1.

Сотрудники Института Руссо, 1928 г.

*В первом ряду слева направо: П. Бове, Е.В. Антипова, Э. Кларед, М. Соберьян.
Опубликовано: Edouard Claparède, Hélène Antipoff. Correspondance (1914–1940) / ed. by
M. Ruchat. Florence, 2010*

В Женеве Е.В. Антипова получила то, чего была лишена в России и в чем так нуждалась, — интенсивное интеллектуальное общение со всеми присущими ему атрибутами: дискуссиями, конференциями, публикациями, проектами и т. п. В это время Институт Руссо являлся созвездием известных и молодых, а в недалеком будущем выдающихся психологов — от Жана Пиаже (Piaget; 1896–1980), Шарля Бодуэна (Baudouin; 1893–1963) до Алис Декедр (Descoeudres; 1877–1963), Минны Одемар (Audemars; 1883–1971) и Андре Рэя (Rey; 1906–1965), общение и сотрудничество с которыми помогло русской коллеге быстро восстановить профессиональный тонус. Особенно важным было то, что бывшую студентку хорошо помнили и доверяли ей. Директор Института Руссо профессор Пьер Бове отметил в своей книге, что мадам Антиповой пришлось взять на себя всю огромную работу по постановке экспериментов и координации различных исследований в Женеве, с чем она блестяще справлялась [Bovet 1932, p. 78, 80]. Талант умелого организатора и вдохновителя, который был совершенно не востребован в Петрограде/Ленинграде, ярко обнаружил себя в Женеве и стал прелюдией к работе Е.В. Антиповой в Бразилии. Профессиональное и общественное признание пришло быстро: «В прошлый четверг говорила по радио. Слушавшие в Женеве говорили, что удачно», — писала она мужу 19 сентября 1926 г., всего через полгода после переезда²⁰.

Кроме того, Женева подарила русской эмигрантке и так необходимое человеческое тепло. Как отмечает М. Руша, дружеские отношения между учителем и

²⁰ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 23.

Профессор Э. Клапаред и Е.В. Антипова, 1928 г.

Опубликовано: Campos R.H.F. Helena Antipoff: Psicóloga e educadora – uma biografia intellectual. Rio da Janeiro, 2012

ученицей выходили за рамки исключительно внутрикорпоративного общения и способствовали моральному и интеллектуальному возрождению Антиповой [Correspondance 2010; Ruchat 2007, p. 16]. Профессор считал ее и своей духовной дочерью, и музой, и именно «Антип», а не дочь или сына, видел в качестве своего преемника.

Удачно интегрированная в научную и социальную жизнь интернациональной Женевы, Елена Антипова тем не менее не теряла и связи с соотечественниками. Ее ближайшими собеседниками стала семья Барановых, глава которой был одним из любимых учеников профессора Петербургской консерватории скрипача Н.В. Галкина. «Наняла рояль на половину с Барановым, — сообщала Елена Владимировна мужу в июле 1926 г. — Месяц обходится 7 р. 50. Доня <сын> подбирает знакомые мелодии, играет после обеда около получаса гаммы и упражнения. Приучается к роялю. Я играю в свободное время довольно много. Аккомпанирую Баранову, может, в будущем это пригодится — не надо пренебрегать сейчас ничем, а главное, не забывать того, чему хоть немного училась. Музыка — хорошая отдушина в душевные июльские вечера от тоски...»²¹

Живший в Лозанне Н.А. Рубакин также быстро заметил появление новой русской соотрудницы и в начале 1928 г. отправил Е.В. Антиповой свою книгу по

²¹ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 21–21 об.

Genève 2. Avril 1928 29

Дорогой Папа!

Спасибо за письмо и за интересные марки. Все мальчики хотят иметь такие же марки.

В этом месяце было много интересного: 18 марта я был с мамой и Институтом ^{экскурсии} Видели старинную гробницу, дельмен, которые называются la pierre aux fees. мы провели там целый день, кушали, и собирали цветы, и фотографировали.

М^r Storaoverde за типотизировал овечку которую хотел трудно было разбудить. В Женеве ~~там~~ был салон автомобилей. Я там был два раза. Я знаю много автомобильных фирм. Там разговаривали разные каталоги и массу красивых жетонов

С Louveteaux (швейц. Пioneри). Я был в музее, там мы видели обезьян и слона. Потом мы устроили пикник у нашей Mère-Louise, а потом пошли на остров реки Арвы. Я был у Главного Доктора он мне прописал очки, потому что я дальновзоркий. Я их ношу только

библиопсихологии²². Вскоре она стала читательницей Рубакинской библиотеки, заказав несколько книг для себя и сына. «С искренним удовольствием, — писал позднее библиограф, — вспоминаем всегда Ваши, к сожалению, такие кратковременные визиты в нашу книжную берлогу» (цит. по: [Масоликова 2015, с. 236]). В архиве Н.А. Рубакина сохранилась и трогательная открытка восьмилетнего Даниила Антипова, написанная простым карандашом и печатными буквами в июне 1927 г.: «Дорогой Николай Александрович. Спасибо Вам большое за вашу любезность и за память обо мне. Мне книжки очень нравятся. Я буду их читать летом, когда у меня будет время. Когда буди в Лозанне я наверное зайду к Вам. Спасибо еще раз. Ваш Данил Ирецкий-Антипофф»²³.

Перспектива потери сыном родного языка стала ведущим стимулом для Е.В. Антиповой в организации маленького русского клуба в Женеве. Когда в ноябре 1927 г. сюда из Праги для чтения лекций в университете приехал известный филолог, лингвист и педагог Сергей Иосифович Карцевский (1884–1955), редактор широко известного в эмиграции журнала «Русская школа за рубежом», Елена Владимировна немедленно обратилась к нему с просьбой взять на себя преподавание русского языка, русской географической истории и литературы для многочисленных женевских русских детей и их родителей, желавших сохранить в семье родной язык и культуру. Своему мужу Антипова сообщала: «Здесь он читает в качестве приват-доцента лекции о Толстом. Пока приехал временно, оставив семью свою в Чехии. Видимо, приехал прозондировать почву, так как в Праге грозит дело совсем плохо идти. Правительство чешское с каждым годом все более и более сокращает свои субсидии русским»²⁴.

И все-таки жизнь в благоустроенной Женеве была далека от идиллической. Письма Е.В. Антиповой тех лет полны горьких признаний. 19 июля 1926 г.: «Собираюсь “с моста в речку сигануть” <...>, конец года — усталость от жизни, неудач от отсутствия собственных сил»²⁵. 20 ноября 1926 г.: «Пишу Вам на открытке, потому что на письмо не хватило денег... Устаю от работы страшно, притащившись домой, отлеживаюсь около часа прежде, чем сделать что-нибудь другое. Похудела и постарела на несколько лет»²⁶. Однако природный оптимизм, востребованность и приязнь коллег спасали и здесь: «Постепенно приспосаблиюсь и привыкаю и поэтому сил трачу как будто последнее время меньше. И все идет хорошо»²⁷.

Помимо трудностей адаптации Антипову преследовали и проблемы визового режима. Как жена высланного из России она приехала в Женеву с паспортом, выданным в Германии на два года, срок действия которого истекал 17 октября 1927 г. Очень скоро Елена Владимировна оказалась, по собственному выражению, «между небом и землей»: германские власти не хотели продлевать паспорт, т. к.

²² НИОР РГБ. Ф. 358. К. 200. Д. 14. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Д. 13. Л. 1. Письмо цитируется с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 33.

²⁵ Там же. Л. 21.

²⁶ Там же. Л. 24 об.

²⁷ Там же.

PREMIER TIRAGE (Juin 1927).

INSTITUT J. J. ROUSSEAU
ÉCOLE DES SCIENCES DE L'ÉDUCATION

SUBVENTIONNÉ PAR L'ÉTAT ET LA VILLE DE GENÈVE

GENÈVE, 4, Rue Charles-Bonnet

XVIme ANNÉE

PROGRAMME DU SEMESTRE D'HIVER¹

22 octobre 1927 — 22 mars 1928

COURS ET CONFÉRENCES

Учебно-методический кабинет
Историко-педагогического факультета
Геневского университета
в сотрудничестве с Институтом Руссо

- Université, salle 20 * **Psychologie expérimentale.** (M. Ed. Claparède).
— Cours 2 h. par semaine, lundi et mardi à 11 h. —
La vie affective ; sentiments, volonté.
- Laboratoire de Psychologie * **Psychologie générale.** (M. Claparède).— Conférence,
1 h. par semaine, le vendredi à 14 h.
- Laboratoire de Psychologie **La pensée de l'enfant.** (M. Jean Piaget, prof. à l'Uni-
versité de Neuchâtel).— Cours, 1 h. tous les quinze jours,
le samedi à 11 h.
- Laboratoire de Psychologie **Répertoire de pédagogie et psychologie,** tous les
quinze jours, le samedi à 11 h. (Obligatoire pour tous
les élèves réguliers).
- Laboratoire de Psychologie **Monographies d'enfants.** (Mme Antipoff). — Jeudi
à 9 h.
- Institut **Anatomie et Physiologie.** (Dr Weber-Bauler). —
Lundi de 9 à 11 h.
- Institut **Eléments de psychologie.** (M. Richard Meili, D^r phil.)
— Cours, 1 h. par semaine, vendredi à 15 h.
- Institut **Psychologie ouvrière.** (Mlle Butts). — Lundi à 10 h.
(à partir de janvier). — Cours 1 h. par semaine.

¹ Les cours de l'École normale internationale d'éducation physique, avec laquelle l'Institut J. J. Rousseau sera en étroite collaboration, seront annoncés ultérieurement.

Программа лекций Института Руссо на 1927/28 г.

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 1

его обладательница de facto жила в Швейцарии, а швейцарские отказывали в выдаче международного паспорта беженца («нансеновского» — чтобы не нажать себе лишнего эмигранта). Для спасения ученицы от принудительной высылки профессор Клапаред неоднократно ходатайствовал у немецкого консула и в правительственных кругах Берна о продлении ее паспорта и визы. Но, несмотря на высокое покровительство, никто не мог поручиться, чем закончится эта история и не придется ли Антиповой покинуть Швейцарию.

Как многие эмигранты, Елена Владимировна искала любую определенность и ради постоянной профессиональной работы была готова отправиться едва ли не куда угодно. «Просила Клапареда дать мне командировку на будущий год в Египет в новый институт, который он основывает теперь там», — сообщала она мужу²⁸. Рассматривала Антипова и испанский вариант работы, и американский. Причем последний казался вполне приемлемым, т. к. оттуда она могла вернуться в Швейцарию: «Обещали меня подождать и принять во всякое время»²⁹. Немногие русские ученые-эмигранты могли похвалиться такой надежностью своих европейских тылов!

Перспектива странствовать и свободно передвигаться казалась заманчивой, «ибо ничто так не близко моей натуре, — писала Елена Владимировна, — как чувствовать себя свободной в пространстве и не знать межстранных границ» (цит. по: [Масоликова 2010, с. 370]). И когда в 1928 г. в Женеву приехал доктор Альберто Алвареш из Бразилии, подбиравший научный персонал для проведения реформы национальной образовательной системы, рекомендация профессора Э. Клапареда и собственная готовность Е.В. Антиповой отправиться через океан быстро решили дело — в 1929 г. она покинула Швейцарию.

Стоит отметить, что Бразилия и бразильская система психологического образования были хорошо известны в Институте Руссо. В 1928 и 1929 гг. в Белу-Оризонти уже работали Л.Г. Вальтер и Т. Симон. Сам профессор Э. Клапаред приезжал в Бразилию в середине сентября 1930 г. «К несчастью, — сообщала Антипова мужу, — попал во время революции. Застрял здесь, в Bello Horizonte, на целый месяц больше того, что предполагал; чувствовал себя здесь неважно, так как впервые пришлось испытать революционный режим. К счастью, ничего непоправимого с ним не случилось (чуть-чуть пуля его задела), и он благополучно вернулся в Женеву» (цит. по: [Там же, с. 376]). Действительно, для привыкших за четыре века к мирному спокойствию швейцарцев сложности бразильских реалий могли показаться избыточными. Неудивительно, что из всех сотрудников Института Руссо только пережившая русские революции и Гражданскую войну Елена Антипова решила остаться в Бразилии навсегда, передавая местным специалистам знания и методики, полученные в Швейцарии, и расширяя сеть интеллектуальных, персональных и институциональных контактов, сформированных вокруг женевского института.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 39 об.

²⁹ Там же. Л. 29.

«БОРЬБЫ ЗА КАЖДОГО ЖИВОГО»

Первая статья Е.В. Антиповой вышла в Женеве и рассказывала о лидере дореволюционной русской педологии А.П. Нечаеве, последняя — ровно через 60 лет, в 1973 г., была издана в Белу-Оризонти и посвящена учителю — женевскому профессору Эдуарду Клапареду. Эта символическая перекличка через десятилетия неслучайна и отражает знаковую роль «учителя» в жизни и научной деятельности Е.В. Антиповой. Если учеба в Швейцарии и сотрудничество с Э. Клапаредом сформировали ее научные взгляды и транснациональные связи, то российский гимназический опыт определил мировоззрение и жизненную позицию. Швейцария подарила Антиповой покровительство и научное признание, Россия — поддержку коллег и горечь эмиграции.

Более четырех десятилетий подвижнической деятельности по спасению и интеграции «исключительных» и «нестандартных» в условиях бразильских военных политических режимов — отдельная многостраничная глава в истории жизни психолога Елены Владимировны Антиповой. Опираясь на духовные традиции российской интеллигенции и собственный опыт, она выстрадала убеждение, что социальный баланс в обществе достигается только тогда, когда оно предоставляет каждому человеку возможность для развития его личностного потенциала. В отличие от своей гимназической подруги Лизы Пиленко (матери Марии), избравшей путь христианского служения Богу и миру, Елена Антипова своим главным инструментом преобразования мира сделала образование и его институты.

В Бразилии Е.В. Антипова стала основателем множества образовательных институтов самого различного уровня — от кафедр психологии в университетах штатов Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро до сети сельских учебных учреждений для детей с особыми потребностями. Личным примером и высокопрофессиональной работой она убедила власть, общество, церковь и благотворительные организации в возможности и необходимости создания образовательных условий для роста и развития всех членов общества, в том числе, — а может быть, и прежде всего, — слабых и «отстающих». Приехав реализовывать чисто профессиональный проект, Елена Владимировна Антипова значительно трансформировала его, наполнив внутренней энергией служения обществу и идеалам социальной справедливости, и стала подлинным Учителем для многих поколений бразильцев.

Источники и литература

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- Акименко 2007 — *Акименко М.А.* Институт им. В.М. Бехтерева: От истоков до современности (1907–2007 гг.). СПб., 2007.
- Андреев 2010 — *Андреев А.Ю.* Ф.С. Лагарп и разработка реформы народного просвещения в России // *Российская история.* 2010. № 6. С. 40–47.

- Аншакова 2002 — *Аншакова В.В.* Вклад А.П. Нечаева в становление и развитие возрастной и педагогической психологии. Астрахань, 2002.
- Афанасьева 1924 — *Афанасьева А.* Воспоминания о прошлом // Революционное юношество 1905–1917 гг. Л., 1924. Сб. 1. С. 92–111.
- Бондаренко, Честнова 2012 — 100 великих русских эмигрантов / сост. В.В. Бондаренко, Е.С. Честнова. М., 2012. С. 247–252.
- Быков 2012 — *Быков Д.* Мать Мария // Дилетант. 2012. № 5. С. 84–96.
- Воейкова-Ильина 2010 — «Нам не уйти от родины навеки...»: Дневники, письма, воспоминания Е.Д. Воейковой-Ильиной. М., 2010.
- Гундарин 2005 — *Гундарин О.Т.* Лев Семенович Таль: Жизнь и судьба российского правоведа // Правоведение. 2005. № 5. С. 218–229.
- Далин 1971 — *Далин В.М.* Юлия Яковлевна (Эйгер) Мошковская, 1892–1969 // Французский ежегодник. 1969. М., 1971. С. 338–339.
- Еленевская 1967 — *Еленевская И.Э.* Воспоминания. Б.м., 1967. По: http://www.sweden4rus.nu/lib/o_shveicii/text/irina_elenevskaia/vospominanija_chast_1.asp.
- Заря надежды 1982 — Заря надежды: Социал-демократические организации учащейся и рабочей молодежи Петербурга (1905–1909): Очерки; Воспоминания; Документы. Л., 1982.
- Кадневский 2005 — *Кадневский В.М.* А.П. Нечаев и становление экспериментальной педагогики в России // Педагогика. 2005. №. 1. С. 71–78.
- Карамзин 1984 — *Карамзин Н.М.* Соч.: в 2 т. Л., 1984.
- Макаренкова 2010 — *Макаренкова Е.М.* Экспериментальная педагогика России как научный феномен начала XX века. Рязань, 2010.
- Масоликова 2010 — «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / пред., сост., подгот. текста и коммент. Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М., 2010. С. 363–384.
- Масоликова 2014 — *Масоликова Н.Ю.* «Бразильянка из Санкт-Петербурга»: психолог Елена Антипова (1892–1974) и ее вятские годы // Вятская земля в прошлом и настоящем: Сб. мат-лов VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Киров, 20–21 ноября 2013 г.). Киров, 2014. С. 235–243.
- Масоликова 2015 — *Масоликова Н.Ю.* Метрополия и диаспора в жизни психолога Елены Антиповой (1892–1974): русские корни бразильской судьбы // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры: V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013 г.). М., 2015. С. 229–242.
- Масоликова, Сорокина 2010 — Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010.
- Масоликова, Сорокина 2013 — *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Международный научный коллоквиум «Образование для всех и ученые-эмигранты: Наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2012. М., 2013. С. 634–640.
- Масоликова, Сорокина 2015 — *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Российские ученые-эмигранты в Латинской Америке: эффект Antipoffiana // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2015. Вып. 19: Наука русского зарубежья. С. 27–35.
- Мать Мария 2004 — *Мать Мария (Скобцова).* Красота спасающая: Живопись. Графика. Вышивка / авт.-сост. К.И. Кривошеина. СПб., 2004.

- Мать Мария 2015 — *Мать Мария (Скобцова)*. Встречи с Блоком // *Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.)*. Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки. М., 2015.
- Образование для всех 2014 — Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России / сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2014.
- Парамонова 2010 — *Парамонова А.А.* Научные лаборатории и институты, проводившие психологические изучения ребенка в России в начале XX века // *Вестник Екатеринбургского института*. 2010. № 1. С. 52–64.
- Парамонова 2010а — *Парамонова А.А.* Открытие детства в России: Развитие научного знания о ребенке в истории отечественной психологии конца XIX — начала XX века. Ижевск, 2010.
- Романов 1996 — *Романов А.А.* А.П. Нечаев: У истоков экспериментальной педагогики. М., 1996.
- Ротенберг, Шабаева 1960 — *Ротенберг В.А., Шабаева М.Ф.* Связь И.Г. Песталоцци с Россией в первой четверти XIX в. // *Советская педагогика*. 1960. № 8. С. 117–132.
- Русские писатели 1992 — *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*. М., 1992. Т. 2. С. 423–424 (авт. К.М. Поливанов, А.В. Чанцев).
- Соколов 2011 — *Соколов М.Н.* Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М., 2011.
- Сомов 2005 — *Сомов Е.* Таганцевы // *Нева*. 2005. № 6. С. 266–271.
- Сорокина 2010 — Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 1: Медицинские науки. XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010.
- Сорокина 2011 — Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник / ред.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011.
- Сорокина 2012 — *Сорокина М.Ю.* Линии судьбы: Однокурсники Владимир Вернадский и Петр Столыпин // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. М., 2012.
- Ушинский 2002 — *Ушинский К.Д.* Педагогическая поездка по Швейцарии // *Ушинский К.Д.* Проблемы педагогики. М., 2002. С. 296–415.
- Ушинский 2002а — *Ушинский К.Д.* Отчет о командировке за границу // *Ушинский К.Д.* Проблемы педагогики. М., 2002. С. 416–508.
- Эйгер-Мошковская 1990 — *Эйгер-Мошковская Ю.Я.* Надеждой бились юные сердца // *Ленинградская панорама*. 1990. № 11. С. 32–35; № 12. С. 26–29.
- Эткинд 1994 — *Эткинд А.М.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. М., 1994.
- Antipoff 1913 — *Antipoff H.* Nos amis: M. Alexandre Netchajeff // *L'Intermediare des Educateurs*. 1913/1914. № 11. P. 9–13.
- Antipoff 1996 — *Antipoff D.* Helena Antipoff: Sua vida, sua obra. Belo Horizonte, 1996.
- Borges 2014 — *Borges Adriana Araújo Pereira* Entre tratar e educar os excepcionais: Helena Antipoff e a psicologia na Sociedade Pestalozzi de Minas Gerais (1932–1942). Tese. Belo Horizonte, Faculdade de Educação da UFMG, 2014.
- Bovet 1932 — *Bovet P.* Vingt ans de vie. L'Institut J.J. Rousseau de 1912 à 1932. Neuchâtel, 1932.
- Bühler et al. 1985 — *Bühler R., Gander-Wolf H., Goehrke C., Rauber U., Tschudin G., Voegeli J.* Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Zurich, 1985.
- Campos 2010 — *Campos R.H.F.* Helena Antipoff. Recife, 2010.
- Campos 2012 — *Campos R.H.F.* Helena Antipoff: Psicóloga e educadora — uma biografia intelectual. Rio da Janeiro, 2012.

- Campos 2012a — *Campos R.H.F.* Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science // Pickren W., Dewsbury D., Wertheimer M. (eds.). Portraits of Pioneers in Developmental Psychology. N.Y., 2012. P. 51–66.
- Correspondance 2010 — Edouard Claparède, Hélène Antipoff. Correspondance (1914–1940) / ed. by M. Ruchat. Florence, 2010.
- Fayet 2014 — *Fayet J.-F.* VOKS: Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. <Genève>, 2014.
- Guski-Leinwand 2011 — *Guski-Leinwand S.* Aleksandr Nechayev (1870–1948) and Experimental Educational Psychology // Riha O., Fischer M. (eds.). Naturwissenschaft als Kommunikationsraum zwischen Deutschland und Russland. Aachen, 2011. P. 261–272.
- Leopoldoff 2014 — *Leopoldoff I.* A Psychology for Pedagogy: Intelligence Testing in USSR in the 1920s // History of Psychology. 2014. Vol. 17 (3). P. 187–205.
- Ruchat 2007 — *Ruchat M.* Engagement social et esprit de l'éducation nouvelle (1929–1940): Marguerite Soubeyran, Hélène Antipoff et Edouard Claparède // Histoire de l'éducation nouvelle. Les études sociales. 2007. № 145. P. 7–18.
- Tikhonov 2005 — *Tikhonov N.* Das weibliche Gesicht einer «wissenschaftlichen und friedlichen Invasion». Die ausländischen Professorinnen an den Schweizer Universitäten vom Ende des 19. Jahrhunderts bis 1939 // Jahrbuch für Europäische Geschichte. 2005. Bd. 6.
- Ziegler, Tikhonov 2005 — *Ziegler E.D., Tikhonov N.* (eds.). Les femmes dans la mémoire de Genève. Genève, 2005.

Н.Б. Хайлова

«Я ПРИЕХАЛ В БЕРН В НЕВЕРОЯТНО ТРУДНОЕ ВРЕМЯ»:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ И.Н. ЕФРЕМОВА,
РОССИЙСКОГО ПОСЛАННИКА В ШВЕЙЦАРИИ В 1920–1925 гг.

Революционные события 1917 г. фактически положили конец более чем столетнему межгосударственному сотрудничеству России и Швейцарии. Всего несколько месяцев (до конца ноября 1917 г.) поверенным в делах и первым секретарем Российской миссии в Берне был посланник Временного правительства, кадровый потомственный дипломат А.М. Ону¹. В мае 1918 г. швейцарские власти сделали шаг навстречу большевикам, приняв их посланников, правда, с оговоркой, что отношения с Советской Россией «могут быть только деловыми, официально швейцарское правительство не может признать ни Советского правительства, ни его дипломатической миссии» (цит. по: [Соколов 1990, с. 143]). Лицом новой российской дипломатии стали ленинские соратники: Я.А. Берзин, полномочный представитель РСФСР в Швейцарии в период с 5 апреля 1918 по ноябрь 1918 г., его заместитель (советник полпредства) Г.Л. Шкловский, генеральный консул И.А. Залкинд. Провозгласив своими целями восстановление дипломатических, финансовых и торговых отношений со Швейцарией, а также содействие «распространению правдивой информации о России», на деле они сосредоточили свои усилия на проведении массивной коммунистической пропаганды. «Теперь больше, чем когда бы то ни было, нужно работать на мировую революцию. Сговор империалистов мы должны предупредить — мы должны вызывать немедленно революцию, где только возможно» (из письма Берзина Б.Н. Чичерину, 2 октября 1918 г.; цит. по: [Шишкин 2003, с. 92]). Всерьез обеспокоенное революцией в Германии, а также началом всеобщей стачки в Швейцарии руководство страны 12 ноября 1918 г. выдворило большевиков, предъявив им обвинение в подрывной деятельности, разжигании насилия и террора. Советско-швейцарские дипломатические отношения были возобновлены только в 1946 году. Однако в 1920–1925 гг. в Берне действовало неофициальное представительство России («миссия Ефремова»).

* * *

Иван Николаевич Ефремов (1866–1945) не был карьерным дипломатом. Он принадлежал к известной на Дону казачьей династии², прославившейся за-

¹ См. развернутые биографические сведения в конце статьи.

² Основателем рода Ефремовых считается Ефрем Петров — выходец из московских торговых людей, переселившийся на Дон около 1670 г. и занявший вскоре заметное место среди казачьих старшин. Участник военных походов Петра I, усмиритель Астраханского бунта (1705), Ефрем Петров был каз-

слугами перед русскими царями, ратными подвигами и делами общественного служения на мирном поприще. Все семь лет существования земств на Дону (с 1875 г.) председателем земского областного правления являлся правнук атамана С.Д. Ефремова Николай Николаевич Ефремов (1828–1896), избирившийся также в 1876–1881 гг. предводителем дворянства Области Войска Донского. Его сын — Иван Николаевич — отстаивал права и свободы россиян, в том числе интересы земляков, в начале XX в., в пору начавшейся трансформации самодержавия в конституционную монархию.

Успешный студент физико-математического факультета Московского университета, чьи работы обратили на себя внимание профессора Ф.А. Бредихина, И.Н. Ефремов, тем не менее, отказался от сдачи выпускных экзаменов и получения диплома, поскольку не собирался поступать на государственную службу. В 1891 г. вернувшись на Дон, Иван Николаевич не ограничился хозяйственной деятельностью в имении отца. Так, по инициативе Ефремова был учрежден ряд сельскохозяйственных обществ, причем некоторые из них избрали его своим председателем. Примечательно, что это были объединения, членами которых являлись как крупные землевладельцы, так и разделявшие с ними совместные заботы средние и мелкие хозяева — крестьяне, казаки. Одной из главных целей обществ стало внедрение и распространение на Дону передовой сельскохозяйственной культуры. По предложению Ефремова, например, в феврале 1893 г. в повестку дня деятельности Донского общества сельского хозяйства был включен вопрос об устройстве при этой организации (на частные пожертвования) опытного поля. Реализацией идеи Иван Николаевич занялся совместно с агрономом И.Д. Колесниковым (в 1894–1914 гг. — бессменным заведующим опытным полем; см.: [Краткий очерк 1894]). Первые же успехи предприятия были отмечены наградами на всероссийских сельскохозяйственных выставках: бронзовая медаль (1895, Москва), диплом 2-й степени (1896, Нижний Новгород). Петербургские чиновники и «правительственный агроном» П.М. Дубровский, посетившие Донское опытное поле в 1896 г., «высказали удивление, что Донскому обществу с столь малыми средствами удалось учредить такое солидное для края предприятие, вначале лишь на собственные средства». С 1896 г. с целью развития опытного поля Донское общество сельского хозяйства получало ежегодные субсидии от Министерства земледелия и государственных имуществ, с 1897 г. — из войсковых средств. В июне 1900 г. опытное поле посетил военный министр А.Н. Куропаткин (с 1899 г. — почетный член Общества), который также «остался очень доволен достигнутыми там результатами» и пожелал казакам «вести дело так, как ведется оно на Опытном поле», поскольку «достаточно было бы казаку получить треть

нен по приказу Кондратия Булавина во время осады бунтовщиками Черкаска (1708). Его сын Данила (ок. 1690–1760) стал первым обладателем официально закрепленной фамилии (по имени отца), продолжив семейную традицию ревностного служения русским царям. Сын Д.Е. Ефремова Степан (1715–1784), войсковой атаман (с 1753 г.), в 1762 г. с отрядом донцов принял деятельное участие в дворцовом перевороте, возведшем на российский престол Екатерину II. В благодарность за оказанную помощь С.Д. Ефремов, помимо сабли с серебряной оправой, получил от новой правительницы фактически неограниченную власть на Дону. В 1772 г. он был заподозрен в сепаратизме, стремлении к автономии Войска Донского и только благодаря милости императрицы избежал смертной казни.

урожая против того, что получается на Опытном поле (урожай ржи до 180 пудов с десятины), чтобы всюду на Дону было довольство» [Исторический очерк 1913, с. 19–21]. И.Н. Ефремов стал инициатором создания на Дону «Союза мирного разрешения аграрного вопроса». Деятельную заботу проявлял он и о развитии просвещения в родном крае, в особенности начального народного образования [Денчик 2007, с. 149].

Вполне закономерным был выбор донским казачеством Ефремова в качестве своего представителя в Государственную думу I, III и IV созывов. Он заявил о себе как сторонник мирного эволюционного прогресса, став одним из лидеров центристского течения в русском либерализме (условно говоря, между кадетами и октябристами). В русле данного общественно-политического направления последовательно возникли и развивались Партии мирного обновления и прогрессистов, в деятельности которых Ефремов сыграл заметную роль. Ценности центризма он пропагандировал и как публицист, сотрудничая с «Московским еженедельником», «Русскими ведомостями», «Словом», «Русской молвой», «Отечеством» и другими изданиями. Стремление сохранять лучшие исторические традиции, сочетая их с необходимыми новациями, категорическое неприятие насильственных методов решения проблем, понимание образования и культуры, общественной солидарности и общественного самоуправления как главных двигателей прогресса — эти идеи определяли «генеральную линию» его деятельности, направленной на решение как местных вопросов (обеспечение интересов земляков-казаков), так и задач общероссийского и даже общемирового масштаба. Подобный настрой И.Н. Ефремова сблизил его с масонскими кругами. Он входил в Думскую ложу, основанную в 1912 г. Верховным советом (руководящим органом масонского союза «Великий Восток народов России») и объединявшую группу оппозиционных депутатов IV Государственной думы. В этой ложе были существенно сокращены внешние масонские формы, обрядность сведена к ритуалу приема в ложу, отсутствовала связь с французским масонством. Главную цель своей деятельности члены Думской ложи видели в сглаживании трений между думскими фракциями, чьи представители входили в ложу, а сама она рассматривалась прежде всего как важный элемент в механизме межпартийного общения, сглаживающий «изъяны» политических партий (амбициозность вождей, строгая партийная дисциплина и др.). Опыт функционирования Думской ложи подготовил условия для образования в августе 1915 г. Прогрессивного блока, в создании и работе которого И.Н. Ефремов (член Бюро) принимал активное участие [Розенталь 2006]. Прогрессисты и их соратники по блоку считали образование этого объединения «фактом большой важности, впервые наблюдаемым в России», «первым шагом на пути к правильному функционированию парламента, на пути к парламентаризму» [Доклад фракции прогрессистов 1915, с. 357].

Приоритетными задачами прогрессистов в IV Думе Ефремов считал заботу о внутреннем единстве и внешнем могуществе России, борьбу за осуществление начал Манифеста 17 октября 1905 г.; «охранение прав и достоинства законодательных учреждений»; устранение административного произвола; осуществление свободы совести; отстаивание культурного самоопределения национальных

окраин страны; расширение земского и городского самоуправления; борьбу за всеобщее обучение, реформу средней и низшей школы; подъем производительных сил страны.

Накануне и в годы Первой мировой войны Ефремов выступал с критикой правительства, поддерживал лозунг «ответственного правительства» (т. е. его ответственности перед Государственной думой). С настойчивостью известного древнеримского государственного деятеля — «Карфаген должен быть разрушен!» — лидер прогрессистов проводил мысль о необходимости реформы исполнительной власти в указанном русле [Речь И.Н. Ефремова 1915]. Он призывал к мобилизации общественных сил как для победы над внешним врагом, так и в целях внутреннего переустройства России.

Вехой в процессе сближения власти и общества призвано было стать Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства), созданное в августе 1915 г. как высший военно-регулирующий орган для мобилизации и милитаризации экономики. С августа по декабрь 1915 г. Ефремов входил в состав участников этого органа в качестве представителя Государственной думы. Редко выступая на заседаниях Совещания, Ефремов, тем не менее, занимал принципиальную позицию по ряду вопросов³. Будучи причастным к «большой» политике, он всегда был в курсе событий и на своей «малой родине», по мере необходимости отстаивая интересы земляков⁴. В целом Ефремов и его соратники по фракции прогрессистов были разочарованы в деятельности названного и других Особых совещаний при правительстве, поскольку последние на деле оказались «не высшими установлениями, лишь дающими советы и контролирующими действия правительства, а органами исполнительной власти, принимающими решения по ряду технических вопросов и участвующими в их исполнении». По словам прогрессистов, представительство Государственной думы и Государственного совета в Совещаниях являлось лишь «ширмой» для безответственного правительства. Иван Николаевич и его единомышленники вынуждены были признать, что «противоречащее самому существу законодательной власти участие ее представителей в деле управления и на практике оказалось вредным», поскольку «парализует контрольные функции законо-

³ Так, по итогам слушаний 28 октября 1915 г. вопроса о «финансовом неблагополучии» Путиловских заводов, являвшихся одним из крупнейших контрагентов военного ведомства по поставке предметов артиллерийского снабжения, Ефремов высказался против мнения большинства участников заседания, усмотревших в сложившейся ситуации наличие опасности интересам государственной обороны и выступивших за «безотлагательное производство секвестра Путиловских заводов с передачей их в казенное управление». И впоследствии он (вместе с другими членами Совещания, в том числе С.И. Тимашевым, В.И. Тимирязевым, М.А. Стаховичем, А.С. Лукомским, К.В. Некрасовым, А.И. Коноваловым и др.) настаивал на отмене постановления о секвестре [Журналы Особого Совещания 2013, т. 1, с. 378–380, 428].

⁴ В заседании 16 сентября 1915 г. Ефремов вместе с А.И. Шингаревым присоединил свой голос к протесту депутата М.С. Аджемова против действий наказного атамана Области Войска Донского, генерала В.И. Покотило, добавив к «списку» противоправных действий последнего гонения на местную печать, «расклею по городу объявлений с обвинением чинов Новочеркасского общественного управления в поступках, не доказанных по суду, и в учинении препятствий деятельности общественных организаций по оказанию помощи больным и раненым воинам» [Там же, с. 280].

дательных палат, приводит к подрыву авторитета народного представительства, к возложению на него ответственности, которую оно не может нести, и подвергает его нареканиям, от которых оно должно быть свободно» [Проект заключения 1915, с. 367]. 28 ноября 1915 г. фракция прогрессистов приняла решение об отзыве своих представителей из Особых совещаний (И.Н. Ефремов, В.А. Ржевский, А.И. Новиков, А.А. Барышников и И.В. Титов).

На фоне углублявшихся противоречий между властью и обществом с конца 1915 г. Ефремов и его соратники призывали оппозицию к более решительной тактике. Поводами для этого служили, в частности: отказ царя принять депутацию из представителей московских съездов земского и городского союзов (в начале сентября 1915 г.), назначение черносотенца А.Н. Хвостова министром внутренних дел (26 сентября 1915 г.), запрет на проведение в ноябре 1915 г. съездов военно-промышленных комитетов, общегородского и общеземского союзов, отсрочка на неопределенный срок созыва Думы. В среде прогрессистов раздавались призывы к тому, чтобы «обуздать наглую власть», в связи с этим высказывалось даже мнение, что «пора поднимать народную массу» (А.И. Коновалов). 31 октября 1916 г. прогрессисты вышли из Прогрессивного блока (возражало меньшинство: А.С. Посников, граф А.А. Орлов-Давыдов и др.) в знак протеста против отсутствия в его декларации требований «ответственного министерства» и создания комиссии для расследования действий правительства, приведших к обострению внутреннего кризиса, — прежде всего продовольственной проблемы.

Констатируя ухудшение ситуации в стране на протяжении 1916 г., Ефремов в декабре того же года с трибуны Государственной думы заявил о том, что «во всю свою величину встал конфликт не Думы уже с правительством, а конфликт страны с правительством». Однако он все еще не терял надежды убедить власть в том, что единственный путь выхода из кризиса — это удовлетворение солидарного требования всей страны, а именно создание правительства, ответственного перед Думой [Речь И.Н. Ефремова 1916]. На рубеже 1916–1917 гг. прогрессисты предлагали потребовать от верховной власти немедленно даровать «ответственное правительство» и прекратить работу Думы до выполнения этого ультиматума (не были поддержаны кадетами и октябристами).

В середине февраля 1917 г. Ефремов, выступая в Думе, предупреждал о грозящей России катастрофе, при этом, по его словам, вся страна «сверху донизу, до мелких частей армии, до глухой деревни, до объединенного дворянства и правых монархистов включительно <...> глубоко прочувствовала и уяснила себе, как гибельна пропасть, образовавшаяся между народом и властью». В который раз обращая внимание на глубинные причины «бессилия правительства», лидер прогрессистов указывал на то, что «великая опасность, переживаемая Россией, заключается в отжившем, неприспособленном к требованиям времени, старом государственном строе». По словам Ефремова, перемены в правительстве, происходившие с конца 1916 г., подтвердили правоту прогрессистов, всегда настаивавших на том, что «необходима не смена лиц на министерских постах, а изменение всей системы государственного управления, что личный режим, что пережитки самодержавия парализуют живые силы народа и что спасение в действительной

ответственности правительства перед народным представительством, создающей безответственность короны». «Стерта часть негодных грибов на гнилом дереве старого строя, но самое дерево осталось гнилым, оно не может давать хороших плодов, на нем по-прежнему будут расти только ядовитые грибы», — комментировал Ефремов убийство Г. Распутина и отстранение от должностей «нескольких политических авантюристов и чудодеев» [Речь И.Н. Ефремова 1917, с. 395–397].

Вывод лидера прогрессистов был однозначен: «бессильное правительство, подавляемое безответственными влияниями, привело Россию к катастрофе», а потому «такой деятельности правительства должен быть положен конец». Настаивая на том, что сама жизнь выдвинула на первый план «всепоглощающий вопрос о нашем государственном строе» («от его разрешения зависит возможность победного окончания войны и спасение страны от экономической катастрофы»), Ефремов был убежден, что лозунг замены личного режима парламентарным строем и создания ответственного перед Думой правительства, провозглашенный прогрессистами полтора года назад, стал фактически общим лозунгом всей страны. «Для спасения родины нам нужна честная, разумная, авторитетная власть, опирающаяся на доверие и одобрение народа, — не уставал повторять Иван Николаевич. — Без изменения правового положения правительства никакие законы, никакие мероприятия, никакие общественные организации, никакой состав правительства не смогут оказать в сколько-нибудь решительной мере своего благотворного воздействия. Все они будут парализованы старым личным режимом». Пророческими оказались слова Ефремова, произнесенные под сводами Таврического дворца накануне Февральской революции 1917 г.: «Страна все еще смотрит на Думу и ждет ее слова, но с ужасом и тревогой начинает терять веру в ее могущество. И растет число изверившихся, которые начинают уже искать путей, идущих мимо Думы. Страна накалена недовольством, а близорукая, упорная власть как будто нарочно наталкивает ее на страшный вывод о невозможности парламентскими средствами борьбы достигнуть создания ответственного перед Государственной думой правительства, от которого страна ждет спасения» [Там же, с. 396–397].

Надежды на ускорение демократизации страны Ефремов связывал с Февральской революцией. 27 февраля 1917 г. он как член думского Совета старейшин выступил за неподчинение IV Государственной думы императорскому указу о перерыве в ее работе до апреля 1917 г. Временный комитет Государственной думы (ВКГД) поручил ему приветствовать воинские части, входившие в Петроград. Ефремов был назначен комиссаром ВКГД в Министерстве внутренних дел, а 6 марта — комиссаром ВКГД и Временного правительства на Северном фронте. Как и прежде, он высказывался за продолжение Первой мировой войны до победного конца, полагая, что после свержения самодержавия война стала «действительно народной». 3 марта Ефремов участвовал в совещании на квартире князя М.С. Путятина, на котором обсуждался вопрос о передаче власти великому князю Михаилу Александровичу, с 20 марта по 22 июля — входил в состав Особого комитета Фонда освобождения России (член по избранию ВКГД). Он также являлся членом комиссии, созданной Временным правительством для восстановления

основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменной в государственном устройстве, членом Подкомиссии по судоустройству (конец марта 1917 г.); проявлял себя как сторонник невмешательства политики в деятельность судебных учреждений.

27 апреля 1917 г. Ефремов выступил на торжественном заседании членов Государственной думы четырех созывов, посвященном 11-й годовщине русского парламента. Вспоминая «благородную фигуру П.А. Гейдена, который умел подчинять всё только одной цели — благу отечества», оратор призывал соотечественников следовать примеру безвременно ушедшего из жизни (1907) «перводумца». В речи особо подчеркивалось, что дело Гейдена не пропало, «народное представительство не умерло», критика действий правительства, продолжавшая звучать с думской трибуны (в том числе в речах прогрессистов), «постепенно подтачивала основы, на которых стоял старый строй <...>, а упорство абсолютизма привело к дискредитированию самой идеи монархии». Отмечая роль «великой войны, напрягшей все народные силы» и ясно показавшей, «что дальше оставлять этот старый, разлагающийся строй совершенно невозможно», Ефремов заявлял, что «только этим всеобщим сознанием, в значительной мере воспитанным работой четырех Государственных дум, может объясняться та легкость, с которой совершен величайший государственный переворот», в результате которого Россия стала «самым свободным государством в мире»⁵.

С 25 мая 1917 г. Ефремов участвовал в работе Особого совещания Временного правительства по подготовке Положения о выборах в Учредительное собрание. Во время июльского кризиса он выступил за необходимость продолжения сотрудничества кадетов и социалистов в составе правительства. Занимая в течение четырнадцати дней (с 10 по 24 июля) пост министра юстиции, Ефремов распорядился подготовить закон, направленный против депутатов Советов в случае «захвата власти». С 24 июля по 26 августа он возглавлял Министерство государственного призрения. Являясь вторым товарищем председателя Временного правительства, председателем его Малого Совета (Совета товарищей министров), Ефремов фактически выступал в роли заместителя А.Ф. Керенского.

В середине 1917 г. Иван Николаевич отклонил предложение баллотироваться на выборах атамана Донского казачьего войска. Мотивировав свой отказ тем, что «в это трудное время во главе Войска Донского надо поставить боевого генерала, а не совершенно штатского человека», Ефремов поддержал кандидатуру генерала А.М. Каледина. Вместе с тем потомок знаменитых донских атаманов продолжал оставаться крупной фигурой в казачьем движении: член Оргбюро, председатель Общеказачьего съезда (Петроград, 23–29 марта 1917), член Оргбюро Общеказачьего съезда (Петроград, 7–18 июня), которые объединили казачество во всероссийском масштабе, способствовали созданию Союза казачьих войск с целью обеспечения интересов казачества, проведения необходимых реформ.

В период с февраля по октябрь 1917 г. И.Н. Ефремов и политические деятели его круга не оставляли попыток консолидации своих сторонников, в том числе на новой партийной основе. Так, с мая по сентябрь он (вместе с профессором

---

⁵ Биржевые ведомости. 1917. 29 апреля. № 16208 (утраченный вып.).

Д.П. Рузским) возглавлял ЦК Российской радикально-демократической партии, образованной весной 1917 г. при участии бывших членов фракции прогрессистов IV Думы и объявившей своей целью установление федеративной республики с президентской формой правления (печатные органы — газеты «Отечество» в Петрограде и «Свободное слово» в Москве), а в сентябре вошел в состав совместного ЦК, созданного на партийной конференции, объединившей Российскую радикально-демократическую и Либерально-республиканскую партии.

25 сентября 1917 г. Ефремов получил назначение чрезвычайным посланником и полномочным представителем Временного правительства в Швейцарии. Это событие положило предел его многолетней общественно-политической деятельности в России и стало прологом нового — эмигрантского — этапа жизни.

Важно заметить, что крутой поворот в судьбе Ефремова явился отражением радикальных перемен во внешнеполитическом ведомстве, которое после апрельского кризиса возглавил предприниматель, близкий по взглядам к прогрессистам, М.И. Терещенко. По словам современной исследовательницы Е. Мироновой, новым явлением в российском МИДе стало тогда не только назначение на посольские посты некарьерных дипломатов⁶, но и «привнесение в ранее монолитное монархически-государственное ведомство “политики”»⁷.

* * *

Начало дипломатической карьеры Ивана Николаевича Ефремова, переступившего к тому времени за полувековой жизненный рубеж, было во многом закономерным. Не последнюю роль в этом сыграли свойства его характера как политика-центриста, для которого высшей ценностью являлась общественная солидарность, а наиболее приемлемым способом решения проблем — поиск взаимоприемлемых компромиссов. Стремление к мирному решению проблем, установлению отношений доверия и гармонии было для Ефремова приоритетным в вопросах не только внутренней, но и внешней политики. Не случайно его имя как теоретика и практика пацифизма занимает видное место в истории международного движения за мир. Деятельность И.Н. Ефремова в этой сфере проходила

⁶ Послами, в частности, были назначены (наряду с Ефремовым): известный адвокат, член ЦК Конституционно-демократической партии, депутат I–IV Государственной думы В.А. Маклаков (Франция), крупный специалист в области гидродинамики, товарищ министра торговли и промышленности (в первом составе Временного правительства) Б.А. Бахметев (США), общественный деятель, один из организаторов Партии мирного обновления, депутат II Государственной думы, генерал-губернатор Финляндии (с апреля по сентябрь 1917 г.) М.А. Стахович (Испания).

⁷ «Ранее посольства и миссии, представлявшие в основном правительственные интересы, как признавал К.Д. Набоков, не служили для соотечественников “родным островом” в чужой земле и были отгорожены от проживавших в стране сограждан. Временное правительство поставило перед ними задачу объединять, примирять и, по возможности, направлять русские круги. Предписав им способствовать возвращению на Родину политических эмигрантов и лиц, застигнутых за границей войной, оно довершило то, начало чему было положено Первой мировой войной — выходу посольств из изоляции, оказанию помощи русским гражданам, пребывающим за границей, сотрудничеству с эмигрантской общественностью. В этот период начали закладываться основы нового стиля работы, характерного и для периода Гражданской войны, и для эпохи эмиграции» [Миронова 2000–2001, с. 122].

«по нарастающей» с 1908 г., когда он в составе зарубежной делегации российского парламента участвовал в работе XV Межпарламентской конференции в Берлине. Уже в 1909 г. во многом благодаря его инициативе и трудам была создана Русская группа Межпарламентского союза. Ефремов был избран ее председателем, войдя (наряду с М.М. Ковалевским) в руководящий орган этой международной организации, активно выступавшей с конца 1880-х гг. в поддержку арбитража и разоружения. Круг его знакомств в среде зарубежных ученых, политиков и общественных деятелей неизменно расширялся. Обширные личные связи и авторитет Ефремова обеспечили ему одну из первых ролей среди участников российской парламентской делегации, посетившей летом 1909 г. Англию и Францию⁸. Им были приняты на себя основные заботы по организации ответного визита французских народных представителей в Россию в начале 1910 г. Входил Иван Николаевич и в состав думской комиссии по приему британских парламентариев в Петербурге в феврале 1912 г.

Непосредственное живое общение и сотрудничество с западными коллегами в ходе этих визитов, а также на международных конференциях, заседаниях Межпарламентского союза Ефремов сочетал как с практической деятельностью на благо миру (председательствовал в Межпарламентской комиссии о нейтрализации проливов и межокеанских каналов, был одним из докладчиков Комиссии о мирном разрешении международных конфликтов), так и с поиском новых путей предотвращения войн. Фактически он стал пионером в теоретическом обосновании необходимости создания института международного посредничества, главная роль в котором отводилась бы не официальным представителям государств, а выборной коллегии частных лиц, пользующихся высоким моральным авторитетом. Сочувствием И.Н. Ефремова пользовались миротворческие инициативы американского миллионера Э. Карнеги, основавшего в 1910 г. Фонд за Международный мир (The Carnegie Endowment for International Peace). По приглашению П.А.Б. д'Эстурнеля де Констана, руководителя Европейского центра Фонда, он с 1912 г. представлял Россию в Совете данной организации.

Занимаясь проблемами глобальной политики, Ефремов в теории и на практике отмечал важную роль Обществ мира — «низовых» структур пацифистского движения, поскольку, по его мнению, именно эти организации (в отличие от Гаагской конференции правительственных представителей и Межпарламентского союза) «почти совершенно свободны в своей деятельности и ничто, кроме разума и науки, не ограничивает широту постановки, какую они могут давать трактуемым ими вопросам»⁹.

«Утопия ли пацифизм?»¹⁰ — задаваясь этим вопросом, Ефремов убежденно заявлял: «Пацифизм не утопия, если видеть в нем стремление проводить в международные отношения те же начала права, без уважения к которым нет ни свободы граждан, ни культуры народа. Путь к миру международному, как и к миру

---

⁸ По возвращении в Россию Ефремов издал книгу об этой поездке, см.: [Ефремов 1911].

⁹ ГА РФ. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 5. Л. 1.

внутри государства, один — путь права, справедливости и свободы. <...> Подъем образованности, культуры, уважения к праву, повсеместное распространение представительного строя и демократизация государственного строя — вот условия, необходимые для успеха пацифистской пропаганды. При них мир может быть правилом, а война все более и более редким исключением»¹¹.

Первая мировая война не поколебала убеждений Ефремова-миротворца. Однако в силу обстоятельств очередной этап его международно-общественной деятельности проходил уже в эмиграции. Получив в сентябре 1917 г. дипломатическое назначение в Швейцарию, Иван Николаевич, «не предвидя ужасов последующей жизни в России», ограничил хлопоты, связанные с отъездом за границу, приведением в порядок своих частных дел и устройством приемной дочери, которую боялся подвергать риску путешествия в военное время. Примечательно, что он «не считал патриотичным переводить во время войны и революционной смуты свой капитал за границу и, кроме казенной ассигновки на дорогу, взял всего тысяч десять франков своих денег, оставив в Государственном банке около 300.000 рублей, вырученных в 1908–1910 гг. от продажи двух имений»¹².

Предстоявшая встреча Ефремова со Швейцарией не была его первым знакомством с этой страной. Еще в гимназические годы после тяжелой болезни родители увезли его на год в Монтрё. «Главное внимание было обращено на прогулки, укрепляющие легкие, — вспоминал Ефремов, — но, чтобы я не отвык от учения, отец нашел мне учителей среди тогдашних эмигрантов. Сперва мне давал уроки Зайцев, а после его смерти Плеханов. Отец, ведший с ними долгие беседы, встречаясь на прогулках, поставил условием, чтобы мне, пятнадцатилетнему мальчишке, они ничего о политике не говорили; что оба выдерживали вполне добросовестно»¹³. Впоследствии Иван Николаевич еще не раз бывал в Швейцарии, в том числе в 1899–1900 гг. во время путешествия по Европе вместе с первой женой — З.С. Иловойской, и сестрой.

Осенью 1917 г., в связи с войной, добираться в Швейцарию Ефремову пришлось окружным путем, последовательно передвигаясь из одной страны в другую (через Финляндию — в Швецию, далее — в Норвегию, оттуда — в Англию, затем — Францию). Известие о большевистском перевороте настигло его в пути, но не изменило планы, поскольку Иван Николаевич разделял широко распространенное тогда мнение, что «советская власть долго не продержится»¹⁴. Однако встретившись в Париже с В.А. Маклаковым, он отложил переезд в Швейцарию, прислушавшись к совету коллеги («лучше сейчас не ехать в Швейцарию, т. к., кажется, швейцарское правительство собирается признать советскую власть»¹⁵).

Пребывание Ефремова во Франции в связи с занятой им и его коллегами по эмигрантскому дипломатическому корпусу «старой» России выжидательной позицией растянулось на два года. Его мнение о положении дел на родине находило отражение во французских периодических изданиях, в докладах, сделанных

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 11. Л. 23–23 об.

¹² Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 44–45.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 46.

¹⁵ Там же. Л. 47.

Ефремовым по приглашению разного рода общественных и научных организаций. Однако, по его признанию, в Париже он не играл «никакой ни официальной, ни официозной роли». И только после переезда в столицу Франции бывшего российского посла в Риме М.Н. Гирса, старейшины русского дипломатического корпуса, и образования под его председательством Совещания послов, И.Н. Ефремов был приглашен к участию в этом объединении и стал получать небольшое денежное содержание. Роль Ефремова как официального посланника вскоре подтвердил и С.Д. Сазонов, прибывший в Париж в качестве «министра иностранных дел Колчака и Деникина»¹⁶. «Сазонов выдал мне часть моего содержания по должности посланника»¹⁷, — констатировал Иван Николаевич. Среди «важнейших событий» своей жизни тогда он также отмечал участие (с конца 1918 г. и в течение первых восьми месяцев 1919 г.) в Русском политическом совещании в Париже под председательством князя Г.Е. Львова. По словам современников, вплоть до своего выезда в Швейцарию в январе 1920 г. Ефремов являлся «членом Совета учрежденного при его ближайшем участии Русского Национального и Демократического блока политических организаций за границей, в котором он представлял учрежденный им в начале 1918 г. Союз возрождения России в единении с союзниками». Кроме того, имя И.Н. Ефремова было связано «с первыми русскими выступлениями в защиту идеи Общества Наций: ему обязано своим учреждением и Русское общество друзей мира, и Русское общество “Лиги наций” в Париже» [Вестник Российской торговой палаты 1920, с. 5–8].

Заметной фигурой в эмигрантской общественной жизни являлся не только сам Ефремов, но и его жена — Вера Антоновна. «С одной стороны, у нее бывали на завтраках и музыкальных утрах жена адмирала Колчака, кн. Львов, Сазонов, Маклаков, Гирс и др., с другой — она состояла председателем русской благотворительного общества, вице-председательницей которого была графиня Наталия Владимировна Игнатъева, жена военного агента Алексея Алексеевича Игнатъева. Жена моя, — вспоминал Ефремов, — заарендовала на средства Комитета дом, недалеко от Пантеона, произвела под своим руководством его ремонт и сдавала в нем квартиры для русских по чрезвычайно дешевым ценам. Среди этих квартирантов помню композитора Обухова и пианиста Завадского»¹⁸.

Спустя год после высылки советской миссии за пределы Швейцарии Гирс поручил своему бывшему сотруднику, А.П. Иорданову-Ознобишину, находившемуся в этой стране, «прозондировать почву» для приезда Ефремова. Отзывы оказались благоприятными для «оживления» русского эмигрантского представительства в Берне, до конца 1919 г. остававшегося там в составе бывших (еще царских) назначенцев — Ону и генерал-майора С.А. Голованя. В ноябре 1919 г. С.Д. Сазонов удовлетворил просьбу Ону покинуть Швейцарию и назначил на его место пасынка М.Н. Гирса, барона Константина Константиновича Таубе (1887–1939), который оставался на посту

---

¹⁶ Полномочия Ефремова в качестве посланника в Швейцарии были подтверждены в октябре 1918 г. Временным Всероссийским правительством (неофициальное название — «Уфимская директория», председатель — Н.Д. Авксентьев), а 28 июня 1919 г. — правительством адмирала А.В. Колчака.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 48.

¹⁸ Там же. Л. 49.

секретаря российской миссии в Берне до 1921 г. В письмах на имя Сазонова в декабре 1919 г. Таубе также заверил, что «Федеральное правительство счастливо прибытию в Швейцарию российского представителя», подтвердил стремление швейцарских властей «устранить последние препятствия к скорейшему приезду сюда посланника» и способствовать установлению «прямых сношений Миссии в Берне не только с Парижем, но и с Таганрогом и Иркутском»¹⁹. 5 января 1920 г. барон Таубе сообщал С.Д. Сазонову даже о намерении президента Швейцарии «исправить прискорбный шаг, сделанный Федеральным правительством по отношению к национальной России в 1918 году»²⁰. Отмечалось, что единственной серьезной заботой швейцарских властей в связи с возобновлением деятельности российской миссии являлось «предотвращение нареканий местных крайних элементов»²¹.

В декабре 1919 г. Сазонов предложил Ефремову ехать в Швейцарию, а уже накануне Рождества 1920 г. его встречали в Лозанне²² барон К.К. Таубе и С.А. Головань. Через день Иван Николаевич принял российского консула в Женеве Л.Н. Горностаева, доложившего о положении дел в русской колонии. Среди первых знакомств на швейцарской земле, оставивших особый след в памяти Ефремова, — встреча с Шарлоттой Карловной Оливье²³, «русской докторшей, бывшей замужем за швейцарцем, которая стояла во главе благотворительного комитета, много делавшего для русских»²⁴. Нуждающиеся эмигранты получали помощь и поддержку также со стороны Русской церкви и различных общественных организаций (в частности, американского Красного Креста, выделявшего на помощь русским в Швейцарии вплоть до марта 1920 г. по 100 000 франков ежемесячно [Шишкин 2003, с. 96]). Тем не менее положение русских в Швейцарии незадолго до приезда туда Ефремова А.М. Ону характеризовал как «критическое»: «Русская колония в

¹⁹ В связи с этим сообщалось, что министр иностранных дел Динишер и президент Дж. Мотта были «одушевлены искренним желанием достичь восстановления добрых с нами отношений», в том числе путем возможного пересмотра постановления Федерального Совета, согласно которому Швейцария не допускала «сношений курьерами и шифром с еще не признанными правительствами» (ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 27 об.)

²⁰ Очевидно, имелись в виду события, связанные с постановлением швейцарского правительства о секвестре архивов посольства Российской империи от 30 мая 1918 г., принятым в разгар противостояния между советской и бывшей российской миссиями. По этому поводу А.М. Ону заявил протест в письме президенту Швейцарской Конфедерации от 31 мая 1918 г.: «Подобный акт, как нам кажется, не имеет прецедентов в международном праве и представляет собой явное нарушение общепринятого принципа экстерриториальности помещений, принадлежащих дипломатическим представительствам в зарубежных государствах». Тем не менее 10 июня 1918 г. архивы и мебель российского посольства были перевезены в административное здание Главного управления таможен в Берне, где хранились вплоть до 1946 г. [Шишкин 2003, с. 92].

²¹ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 23, 27.

²² В Лозанне Ефремов остановился в гостинице «Mirabeau» (1911), расположенной в центре города. В настоящее время — Hotel «Best Western Plus Mirabeau» 4* (31, Avenue de la Gare, Lausanne Centre).

²³ В конце 1919 г. Ш.К. Оливье была одним из посредников при переговорах представителей российской эмиграции со швейцарскими властями (в частности, министром иностранных дел Ф.-Л. Калондером) по поводу желательности (в интересах самого же правительства этой страны) «пребывания русского представителя среди многочисленной русской колонии в Швейцарии» (см.: ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 23).

²⁴ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 51.

Швейцарии насчитывает несколько тысяч человек: из них около двух тысяч пяти-сот — больные, старые, не имеющие заработка. За последние 3–4 месяца денежные переводы из России почти прекратились, и в критическом положении очутились даже лица, имеющие состояния в России. После максималистского бунта швейцарцы начали прекращать тот кредит, который в весьма ограниченном размере они открывали русским в прежнее время. Теперь русских выселяют из гостиниц, пансионов и частных квартир. Русским отказывают в продуктах первой необходимости» (цит. по: [Там же]). Наряду с организацией всевозможной помощи соотечественникам, одной из первоочередных задач миссии должно было стать также принятие энергичных мер по отправке на родину оказавшихся в Швейцарии русских солдат.

«Я приехал в Берн в невероятно трудное время, — делился своими первыми швейцарскими впечатлениями Ефремов в письме к барону М.Ф. Шиллингу, обращая внимание еще на ряд проблем. — Вы видите это по Парижу, по тому отношению, в какое становится Англия к Советской России. Здесь приходится завоевывать потерянное положение шаг за шагом с величайшей осторожностью и терпением, приходится считаться с происшедшим и еще продолжающимся обновлением Федерального правительства и рядом внутренних швейцарских вопросов, поглощающих все его внимание²⁵. Но постепенно удается достигать некоторых успехов. <...> Положение укрепляется. Я не говорю уже о том, что ко мне как посланнику с старой репутацией общественного деятеля обращаются как к авторитету различные здешние враждующие между собою русские организации и что удается группировать и объединять около Миссии действовавшие врозь и враждовавшие учреждения, как Бюро военнопленных и Управление военного агента. Различные слои русской колонии стремятся к Миссии, видя в ней центр объединения, символ единства России»²⁶. Ефремов был избран председателем Совещания, организованного в Лозанне в апреле 1920 г. по инициативе уполномоченного Российского общества Красного Креста в Швейцарии В.А. Бухгольца и посвященного вопросам оказания трудовой помощи соотечественникам, которые проживали в Швейцарии²⁷. Показательна также взаимная заинтересованность в сотрудничестве Ефремова и Российской торговой палаты в Швейцарии (учреждена 5 мая 1917 г.), избравшей посланника своим почетным председателем и членом Совета [Вестник Российской торговой палаты 1920]. Председатель Палаты Б.И. Сергеев характеризовал Ефремова как «представителя настоящей демократической России», «одного из лучших носителей русской культуры и государственности» [Там же]²⁸.

---

²⁵ К числу внутренних проблем относились прежде всего последствия Первой мировой войны и экономического кризиса 1920–1921 гг. (увеличение государственного долга, безработица, рост цен и др.), вызывавшие массовое недовольство жителей Швейцарии, подъем рабочего движения, рост левых настроений в социал-демократической партии.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 41–42.

²⁷ Подобная деятельность Ефремова и его соратников в Швейцарии подвергалась попыткам дискредитации со стороны лиц, которым, по словам В.А. Бухгольца, «поперек горла становится всякое патриотическое начинание». См.: Там же. Л. 52.

²⁸ С издателем «Вестника...» (Лозанна–Берн, 1917–1920) В.М. Фелькнером (1870–1945), финансово-коммерческим деятелем, в 1910–1920-е гг. чиновником по особым поручениям в Европе, жившим преимущественно в Швейцарии, Ефремов познакомился еще в Париже.

О решительном и оптимистичном настрое нового посланника в первые дни пребывания на швейцарской земле дает представление и письмо Ефремова, адресованное М.Ф. Шиллингу. «Как ни трудно положение вследствие неудач наших на Юге, вследствие сдержанного, чтобы не сказать более, отношения Клемансо и Ллойд Джорджа, а также вследствие затруднений здешнего денежного рынка, почва в Швейцарии несомненно благоприятна для фактического возобновления сношений. С другой стороны, именно теперь, когда положение в России так трудно, когда все антирусские и антигосударственные силы и их представители в Швейцарии подняли голову, стараются раздуть наши неудачи и спешат их использовать, именно теперь необходима, возможно, более энергичная и более авторитетная работа в Швейцарии и непосредственные сношения с местными политическими деятелями. Каждый потерянный день может лишь ухудшить положение.

Швейцарцы, по-видимому, искренно готовы идти нам навстречу, и нельзя нам самим ставить препятствия фактическому возобновлению защиты русских интересов и противодействию проискам и инсинуациям врагов России. В самом процессе совместной работы сотрутся последние шероховатости и быстро налажутся, я в этом не сомневаюсь, вполне нормальные взаимоотношения»²⁹.

16 января 1920 г. Ефремов был «чрезвычайно любезно и сердечно» принят министром иностранных дел Швейцарии П. Динишером, заявившим русскому посланнику, что «Федеральное правительство с глубокой симпатией следит за судьбой России в тяжкий период переживаемых ею бедствий, твердо веря, что великая Россия возродится». Высокопоставленный дипломат также выразил понимание того, «насколько в данное тяжелое время для русской колонии важно присутствие в Швейцарии лица, около которого русские могли бы объединиться, как около представителя родины, и в котором они находили бы моральную поддержку»³⁰. На этой встрече выяснилось, что швейцарское правительство согласно предоставить Ефремову официальный статус, аналогичный положению Маклакова во Франции. «Не вручая верительных грамот не существовавшего больше Временного правительства и не будучи внесенным в официальный список аккредитованных в Берне дипломатов, я мог сноситься с швейцарским правительством по всем делам и, главным образом, защищать интересы живущих в Швейцарии русских, не признававших советского правительства»³¹, — разъяснял Ефремов.

После одобрения подобной ситуации Сазоновым и Гирсом Иван Николаевич окончательно поселился в Берне в январе 1920 г., сразу же погрузившись в водоворот необходимых протокольных мероприятий и занявшись в первую очередь «наведением мостов» в отношениях с учреждениями, от которых непосредственно зависело решение проблем русских эмигрантов. 26 января 1920 г. Ефремов был принят президентом Швейцарской Конфедерации Дж. Могта. «Президент обещал мне благосклонно-внимательное отношение ко всем вопросам, касающимся нужд русских в Швейцарии и интересов моей страны, которые я найду нужным ему представлять, — передавал Ефремов подробности высокой аудиенции и свои впечатления от нее в

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.

³⁰ Там же. Л. 35–35 об.

³¹ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.

письме к С.Д. Сазонову. — Он очень интересовался положением и силою Красных армий и той опасностью, какую они представляют для Запада. Я указал ему, что численность этих армий (два миллиона), вероятно, значительно преувеличена, что для большой европейской войны снабжение армии снарядами внутри России едва ли будет возможно, но что для Кавказских республик, для Румынии и даже Польши эти армии представляют грозную силу, тем более что большевистская диктатура вступила в такую стадию, когда для удержания своего положения ей необходимы военные успехи. Я обратил также внимание Президента Конфедерации на то, что главная опасность большевизма, в особенности в случае его торжества в России, заключается в пропаганде на Западе и в соблазне, который в нем заключается для обездоленных классов населения, не *уравнять* свое положение, что им давно обещали либералы и демократы, а занять *господствующее* положение, стать на место привилегированных и богатых классов. Президент согласился, что этот соблазн действительно очень опасен, и против него западному пролетариату устоять трудно.

На вопрос о возобновлении экономических отношений с Советской Россией я указал, что считаю материальное значение решения допустить эти сношения через кооперативы преувеличенным, потому что, преодолев все технические трудности, можно снабдить приморские города, но едва ли возможно проникнуть внутрь России в силу расстроенности транспорта, поглощенного к тому же удовлетворением нужд Красной армии, но что моральное значение этой меры очень велико: она угнетающе действует на патриотические элементы в России, поднимает дух большевиков и склоняет в их пользу колеблющихся и пассивных. Президент согласился со мною и говорил, что это очень интересное освещение вопросов.

Провожая меня до двери кабинета, Президент Конфедерации сказал мне, что я всегда могу обращаться во всех случаях, когда найду это нужным, к главе Политического департамента (министру иностранных дел) г. Динишеру, так как я с ним уже знаком. Благодаря его за обеспечение таким образом непосредственных и нормальных дипломатических сношений, я сказал, что в случаях особой важности я буду просить его самого уделять мне немного своего времени, на что президент ответил: «Ну, конечно, конечно, я всегда готов Вас принять»³².

Среди серии своих визитов в самом начале дипломатической деятельности Ефремов отмечал также деловые встречи с вице-президентом Швейцарской Конфедерации Э. Шультесом, начальником Департамента (министром) юстиции и полиции Г. Хеберлином. Сразу же у него установились хорошие отношения с дипломатами из Польши, Португалии, США, Чехословакии и Франции³³. С особой

---

³² ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 46–47.

³³ В частности, сообщая С.Д. Сазонову об установлении контактов с иностранными дипломатами в Швейцарии, Ефремов писал: «Я был также у французского поверенного в делах г. Cliuchaut, заявившего мне, что он предоставляет себя и посольство к нашим услугам во всем, в чем они смогут быть нам полезными. Американский поверенный в делах г. Bailey, бывший в России в 1917 и 1918 годах, а потом управлявший в Вашингтоне Русским отделом Министерства иностранных дел, обратил мое внимание на то, что его правительство высылает большевиков из Штатов в большом количестве, решив вести с ними борьбу, и подчеркнул свои симпатии к антибольшевистской России. Английский посланник г. Theo Bussel подтвердил мою мысль, что если допустить проникновение Германии в Россию, то она будет щедро вознаграждена за потерю своих колоний и что нельзя рассчитывать на Польшу и в особенности на Румынию как на надежную оборону Запада от большевистского натиска» (ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 35 об.).

теплотой Ефремов вспоминал сербского представителя И. Иовановича, заявившего русскому коллеге при первом же знакомстве: «Помните, что в сербском посольстве Вы на сербской территории, т. е. у себя дома»³⁴. Вообще, по словам Ефремова, они с женой были приняты всем дипломатическим корпусом «как равные: никто ни разу не дал нам почувствовать неловкости нашего неофициального положения»³⁵.

Вера Антоновна Ефремова в немалой степени способствовала сближению своего супруга со швейцарским обществом (местными «патрициями»), неохотно принимавшим в свою среду иностранных дипломатов. Она организовала и возглавила благотворительные «кружки швейцарских дам для помощи русским детям» в Берне и Женеве. Подчеркивая насущную необходимость и эффективность этой деятельности, Ефремов отмечал: «Русские дети учились в швейцарских школах, шли в них в числе лучших учеников, но забывали русский язык, не знали русской литературы, русской истории и географии. Вера Антоновна организовала русские курсы в Женеве и Лозанне, однако в последней было очень мало русских детей, почему вторые курсы пришлось закрыть. Русские дети чрезвычайно охотно посещали эти курсы и делали очень быстрые успехи, здесь же священник Женевской русской церкви, о. Сергей Орлов, преподавал им Закон Божий. Когда мы уезжали из Швейцарии через пять лет, дети были неузнаваемы: это были не ошвейцаренные дети, а настоящие русские, сознательно любящие далекую родину»³⁶.

По воспоминаниям Ефремова, при нем деятельность русской миссии в Берне сосредоточивалась в основном на заботе о русских, проживавших в Швейцарии, — «работе скорее консульского характера, лежавшей, главным образом, на вице-консуле Николае Викторовиче Седове». Секретарские обязанности после отъезда в 1921 г. в Париж барона К.К. Таубе выполнял Б.С. Серафимов. «Федеральное правительство разъяснило кантональным правительствам, что они должны признавать законными все бумаги, касающиеся русских, исходящие из “Миссии Ефремова” (а не Российской миссии), как было сказано в виденной мною бумаге. Так Федеральное правительство обошло трудность признания законными документов, исходящих от агента несуществующего правительства»³⁷, — приво-дил Ефремов дополнительные разъяснения своего статуса, не укладывавшегося в рамки обычной дипломатической практики.

Наряду с факторами международной политики, а также многообразием разноречивых проблем русской колонии в Швейцарии, которые предстояло решать в

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 52. Ефремов называл встречу с греческим и сербским посланниками в январе 1920 г. одним из первых своих успехов на дипломатическом поприще: «Оба долго развивали мне мысль о том, как России необходимо в данное время привлечь к себе (и что это надо было сделать давно) всех инородцев и молодые соседние государства искренним и определенным признанием прав народов на автономию и даже независимость, только так-де можно победить большевиков, а впоследствии, когда восстановится порядок в свободной России, то все окружающие ее народцы сами воссоединятся с ней. Потом оба чрезвычайно радушно просили меня бывать у них запросто, а серб повторял: “Помните, что этот дом — Ваш дом, что эта Миссия — Ваша Миссия, и когда бы что бы Вам ни было нужно, обращайтесь и найдете полную поддержку. Для нас, сербов, Россия — тоже родина”» (Там же. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 41–41 об.).

³⁵ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 53.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 56.

обстановке накала политических страстей, — трудности в деятельности Ефремова были связаны с крайней ограниченностью «человеческих ресурсов» — сотрудников «миссии», и в еще большей степени — с изначально скудным финансированием российского представительства³⁸. Причем, по его словам, «средства, которыми располагал М.Н. Гирс, всё уменьшались». Показательно, что полное по штату содержание посланника Ефремов получил только в первый месяц своей службы, впоследствии его жалованье составляло половину, треть, а последние месяцы пребывания в должности лишь четверть установленной суммы. В 1923 г. Гирс прислал в Женеву бывшего посланника в Стокгольме К.Н. Гулькевича особым представителем при Лиге Наций. Что касается Ефремова, то он в конце 1924 г. был уведомлен Гирсом об отсутствии средств на дальнейшее содержание российской миссии в Швейцарии. В начале апреля 1925 г. Ефремов был вынужден покинуть страну. «Правительство выразило искреннее сожаление по этому поводу, — вспоминал он, — так как с моим отъездом все заботы о русских в Швейцарии переходили к нему»³⁹.

Дальнейшее «трудоустройство» Ефремова на новом месте жительства, в Париже, было обусловлено его личными связями «по линии» Лиги Наций (профессор Рейнольд, член Комитета интеллектуальной кооперации при Совете этой организации) и Европейского центра Фонда Карнеги (П.-Э. Апель, ректор Сорбонны). Благодаря протекции своих знакомых он был принят в штат создававшегося тогда Института интеллектуальной кооперации (исполнительного органа одноименного Комитета, существовавшего при Лиге Наций). «Все более или менее ответственные места в Институте распределялись между представителями государств, членов Лиги Наций, и мне, эмигранту-апатриду, могли предложить лишь место прикомандированного, с содержанием в 500 фр. в месяц, — вспоминал Ефремов. — Я, конечно, принял и это место. Моим ближайшим начальником был Раймонд Вейс, сын моего товарища по Совету Карнеджи, известного учено-международника Андрея Вейса. Почти одновременно Центральное Управление Учреждения Карнеджи предложило мне место постоянного корреспондента по русским делам с содержанием в 1000 фр. в месяц. Такие корреспонденты были уже от десятка европейских стран. Через год мое содержание по Институту интеллектуальной кооперации было повышено до 1000 фр. в месяц, а еще позже я получил звание «редактора первого класса» с содержанием в 1500 фр. в месяц»⁴⁰. Однако в 1930 г. в Институте произошли сокращения «из соображений экономии», и Ефремов попал в число уволенных младших служащих, поскольку за него «не могло замолвить словечко никакое правительство». Практически сразу ему была предложена должность библиотекаря в читальне при Европейском центре Фонда Карнеги — с тем же содержанием (1500 фр. в месяц), которое он получал в Институте, и сохранением места постоянного корреспондента Фонда (при

---

³⁸ По приезде в Швейцарию Ефремов сообщал в Париж, что главным препятствием для установления регулярной связи с Сибирью и Югом России являлось крайне недостаточное финансирование российского представительства, так как «телеграмма в 30 слов в Иркутск стоит около 200 фр., а канцелярские средства миссии, как оказывается, составляют по штату всего-то 300 фр. На посылку же курьеров средств нет совсем» (ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 29. Л. 29).

³⁹ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 56–57.

⁴⁰ Там же. Л. 57–58.

Главном управлении этой организации в Вашингтоне). Продолжая совмещать научную и общественно-политическую деятельность, И.Н. Ефремов по возвращении в Париж в 1925 г. вступил в Конституционно-демократическую партию, а немного позднее — в Республиканско-демократическое объединение, занимавшееся в основном издательской деятельностью.

* * *

Учреждение в январе 1920 г. Лиги Наций в Женеве и перевод туда же руководящих структур Межпарламентского союза придали новый импульс усилиям Ефремова-миротворца. Он стал одним из учредителей Русской (эмигрантской) ассоциации Лиги Наций и товарищем (заместителем) ее бюро, являлся активным участником дискуссий по актуальным проблемам межгосударственных отношений. В частности, в конце 1920 г. он заявлял, что «нельзя решать без России» вопрос о включении в число членов Лиги Наций бывших российских территорий (Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы). Кстати, впоследствии он не исключал того, что именно его мнение повлияло на некоторую отсрочку окончательной резолюции⁴¹. Спустя почти год, в сентябре 1921 г., в ходе поиска решения польско-литовского конфликта (по поводу государственной принадлежности Виленской области) Ефремов был в числе тех, кто обратил внимание бельгийского дипломата П. Химанса, докладчика Лиги Наций по данному вопросу, на «русскую точку зрения на польско-литовские отношения в их историческом развитии»⁴², предвидев неприемлемость для Литвы отторжения указанной области.

Как член Комитета интеллектуальной кооперации (прообраза ЮНЕСКО), образованного в 1922 г. при Совете Лиги Наций (штаб-квартира в Лозанне), Ефремов способствовал оказанию помощи русским ученым-беженцам. Именно к нему обратились по данному вопросу профессор А.С. Ломшаков, а несколько позже профессор А.Н. Анцыферов. В результате посредничества знакомого Ефремова, профессора Бернского университета графа де Рейнольда, представителя Швейцарии в Комитете интеллектуальной кооперации, удалось тогда достать «довольно крупную сумму денег» для поддержки эмигрантской научной общественности⁴³.

Общение с широким кругом единомышленников, среди которых по-прежнему было немало известных ученых и влиятельных политиков, неизменно убеждало Ефремова в своевременности углубленной теоретической разработки и «вживления» в международную политику миротворческих практик. Стимулом для возобновления работы над проектом международного посредничества стали его встречи в Женеве со «старым приятелем» норвежцем К.Л. Ланге, генеральным секретарем Межпарламентского союза (с 1909 г.). Ланге сообщил о «сочувственном» отзыве немецкого профессора международного права В. Шюкинга по поводу идеи Ефремова об организации международного посредничества (медиации)

⁴¹ Латвия, Литва и Эстония были приняты в Лигу Наций в 1921 г.

⁴² Ефремов вспоминал, что вместе с ним в разговоре с П. Хименсом по данному вопросу участвовали находившиеся тогда в Женеве П.Н. Милоков, А.Н. Мандельштам, Ф.И. Родичев «и, кажется, Н.И. Астров» (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 55).

⁴³ Там же.

при помощи частных лиц. «Эта оценка моей работы выдающимся ученым и политиком дала мне смелость заняться развитием и углублением основных положений, изложенных мною в проекте, представленном Межпарламентскому союзу в 1912 году», — вспоминал Ефремов. На основе текстов договоров примирительного производства, заключенных США, Швейцарией и другими государствами начиная с 1913 г., он преобразовал свой прежний замысел в «проект учреждения Мирового Института Примирительного производства, члены которого должны избираться Лигой Наций, при участии государств, не состоящих ее членами»⁴⁴. При поддержке Фонда Карнеги информация о новой миротворческой инициативе Ефремова получила широкое распространение, в том числе благодаря циклу его лекций, организованных в 1926–1928 гг. в Сорбонне, Академии международного права (Гаага), Франко-русском институте (Париж). Статьи Ефремова публиковались в крупнейших французских, швейцарских, бельгийских журналах, посвященных вопросам международного права. Итоговый характер имел трехтомный труд ученого и политика о договорах примирительного производства [Ефремов 1932], получивший, по словам автора, «блестящие» отзывы.

Признанием научных заслуг И.Н. Ефремова стало не только его вступление в 1926 г. в Русский академический союз во Франции, но и членство во французском Обществе сравнительного законодательства, американском Обществе международного права, избрание членом-корреспондентом Института сравнительного законодательства в Мексике. В 1927 г. он был приглашен в число учредителей Международной дипломатической академии в Париже — объединения действующих и бывших дипломатов, призванного изучать вопросы международного права и дипломатических отношений. В начале 1930-х гг. Ефремов с нескрываемой радостью узнал о том, что его идеи были положены в основу проекта создания панамериканского органа примирительного производства, разработанного перуанским дипломатом В. Мауртуа.

Как всегда не довольствуясь теоретической разработкой волновавших его вопросов и стремясь к апробации своих миротворческих инициатив, Ефремов в 1932 г. вел кампанию «в пользу фактического обращения государств к комиссиям примирительного производства». «Международные отношения достаточно напряжены», — констатировал он, предупреждая, что «есть немало международных споров, грозящих серьезнейшими осложнениями, а правительства оставляют без работы комиссии, ими учрежденные (к тому времени, по словам Ефремова, «в числе пятисот». — Н.Х.), которые могли бы уладить самые сложные разногласия и даже столкновения»⁴⁵. При этом Ефремов обратился прежде всего к лично ему знакомым главам государств — Дж. Мотта (Швейцария), Т. Масарику (Чехословакия)⁴⁶, Э. Эррио (Франция), а также

---

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 59–60.

⁴⁵ Там же. Л. 62.

⁴⁶ «Масарик был у меня в Петрограде уже во время <Первой мировой> войны», — вспоминал Ефремов. Еще раньше судьба свела его в Петербурге с К. Крамаржем, первым премьер-министром независимой Чехословакии (1918–1919), с которым он встречался и в эмиграции в Париже (еще до отъезда в Швейцарию), где тогда же познакомился с Э. Бенешем, одним из организаторов (в 1916 г.) Чехословацкого национального совета — прообраза правительства будущего государства, министром иностранных дел (1918–1935), премьер-министром (1921–1922). См.: Там же. Л. 50.

ко всем национальным группам Межпарламентского союза, национальным ассоциациям Лиги Наций и национальным комиссиям интеллектуальной кооперации, одной из главных задач которых являлось изучение вопроса о так называемом «моральном разоружении», т. е. примирении и сближении народов. «Я предлагаю всем этим организациям привлечь внимание своих правительств к пользе, которую можно извлечь из обращения к комиссиям примирительного производства, и просить правительства испытать на деле работу этих комиссий», — разъяснял И.Н. Ефремов свои цели. Радуюсь сочувственным откликам, он вместе с тем подчеркивал неоднозначное отношение к своим идеям («различного рода сомнения» и даже непонимание сути предложенного им способа решения международных споров). Все это еще больше убеждало его в необходимости продолжения теоретической работы в указанном направлении и пропаганды идей пацифизма⁴⁷.

К сожалению, научно-публицистическое наследие Ефремова периода эмиграции, включающее также статьи 1920–1930-х гг., посвященные анализу ситуации в СССР (советская внешняя политика, мероприятия большевиков в экономической и церковно-религиозной сфере, реформа образования в Советском Союзе и др.), до сих пор остается, как правило, за пределами внимания отечественных исследователей его биографии⁴⁸. Белым пятном являются обстоятельства жизни Ефремова в конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. Утраченной оказалась информация о месте его захоронения в Париже в январе 1945 г.

Можно только предположить, что опыт пережитой Ефремовым на склоне лет второй (на его веку) мировой войны стал для него тяжелой драмой. «Следует ли заключить отсюда, что идеи пацифизма оказались ошибочными или несостоятельными по существу?» — вспоминается в связи с этим вопрос, которым еще в 1913 г., по мере обострения международной ситуации, задавался Л.З. Слонимский, один из ведущих обозревателей умеренно-либерального журнала «Вестник Европы», близкого по направлению ко взглядам Ефремова. «Конечно, ничего подобного утверждать нельзя, — заявлял журналист. — Война остается явлением столь же возмутительным и ужасным, сколько и нелепым и безнравственным. Постоянный и прочный мир, регулируемый известными договорными обязательствами, есть то нормальное состояние, на которое имеют право рассчитывать народы, окруженные не разбойничьими племенами, а мирными, трудящимися соседями». Вместе с тем Слонимский считал серьезным просчетом пацифистов игнорирование коренных политических вопросов, связанных с «традиционным культом войны и с преобладающей ролью постоянных армий в жизни народов». В конечном итоге публицист приходил к неутешительному (до сих пор не утратившему актуальности) выводу: «Настойчивая и многолетняя проповедь миролюбия не предупреждает и не ослабляет внезапных воинственных порывов, толкающих государства на путь страшных столкновений и катастроф. <...> Вооружения продолжают <...> независимо от каких бы то ни было идей, под влиянием разнообразных моментов династического и военного честолюбия, причем на долю армии выпадает роль самодовлеющей силы, развивающейся с последовательностью стихийного процесса. Пацифизм

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 24. Л. 63.

⁴⁸ Публикации Ефремова в эмигрантский период см. в кн.: [Levak 2010, p. 23, 116–118].

почти не затрагивает этих существенных сторон вопроса о мире и войне, и потому он до сих пор обречен на бессилие» [Слонимский 1913, с. 385–388].

Тем не менее опыт миротворческой и дипломатической деятельности Ефремова, в том числе в швейцарский период его жизни, несмотря на скромные (во многом связанные с объективными причинами) результаты, является одним из многочисленных подтверждений мысли о значимой роли личности в истории, — мысли, помогающей надеяться на «просветы» в будущем человечества. «Сложно оценить и переоценить то, что сделали дипломаты, каждый на своем посту и система в целом для русской эмиграции. Совету послов удалось разбудить общественное мнение Европы, привлечь внимание правительств разных стран, Лиги Наций к проблеме русской эмиграции. Они приняли на себя переговоры о приеме беженцев в странах, заботились об обеспечении нуждающихся документами, пособиями, боролись за предоставление им права на труд, <...> участвовали в решении вопросов организации русских общин в разных странах, получения детьми беженцев национального образования, помощи инвалидам, — жили общей жизнью с эмиграцией» [Миронова 2000–2001, с. 141–142] — в этих словах и признание исторических заслуг И.Н. Ефремова.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

Вестник Российской торговой палаты 1920 — Вестник Российской торговой палаты в Швейцарии (Лозанна). 1920. 20 июня. № 5.

Денчик 2007 — Денчик И.В. И.Н. Ефремов в борьбе за мирное обновление России // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 149–155.

Доклад фракции прогрессистов 1915 — Доклад фракции прогрессистов «О тактике фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в Особые Совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока» (сентябрь 1915 г.) // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Документы и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002. С. 344–358.

Ефремов 1911 — Ефремов И. Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. СПб., 1911.

Журналы Особого Совещания 2013 — Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. / под ред. А.П. Корелина, А.С. Грузинова. Т. 1: 1915. М., 2013.

Исторический очерк 1913 — Исторический очерк о жизни и деятельности Донского общества сельского хозяйства за 25 лет (18 января 1889 — 18 января 1914 гг.). Новочеркасск, 1913.

Краткий очерк 1894 — Краткий очерк деятельности русских опытных полей и проект организации Донского опытного поля: Доклад И.Н. Ефремова, читанный в общем собрании членов Донского общества сельского хозяйства (в феврале 1894 г.). Новочеркасск, 1894.

Миронова 2000–2001 — Миронова Е. Дипломатия белой России: От императорского МИДа к Совету Послов русского Зарубежья // ROSSICA: науч. исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2000–2001. Кн. V–VI. С. 119–142.

- Проект заключения 1915 — Проект заключения по вопросу об участии прогрессистов в работе Особых Совещений при правительстве, подготовленный фракцией прогрессистов к публикации в печати (30 ноября 1915 г.) // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 365–368.
- Речь И.Н. Ефремова 1915 — Речь И.Н. Ефремова в заседании Государственной думы 19 июля 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 336–339.
- Речь И.Н. Ефремова 1916 — Речь И.Н. Ефремова в заседании Государственной думы 13 декабря 1916 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 388–389.
- Речь И.Н. Ефремова 1917 — Речь И.Н. Ефремова в заседании Государственной думы 14 февраля 1917 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов... С. 395–399.
- Розенталь 2006 — *Розенталь И.С.* Думская ложа // Государственная дума Российской империи. Энциклопедия 1906–2006: в 2 т. Т. 1: 1906–1917. М., 2006. С. 184–185.
- Слонимский 1913 — *Слонимский Л.* Пацифизм и война // Вестник Европы. 1913. № 8. С. 383–388.
- Соколов 1990 — *Соколов В.В.* Я.А. Берзин — дипломат, государственный деятель // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 140–159.
- Шишкин 2003 — *Шишкин М.* Русское представительство в Берне. История нескольких документов из цюрихских архивов // «Мой знак пред жизнью — вереск гор...»: Русская эмиграция в архивах Швейцарии / сост. Е.Л. Кудрявцева, Г. Риггенбах; ред. В. Янцен. М., 2003. С. 88–96.
- Efremov 1932 — *Efremov I.N.* Les Traités internationaux de conciliation: in 3 vols. Paris, 1932.
- Levak 2010 — *Levak L.* Russian émigrés in the intellectual and literary life of interwar France: bibliographical essay. Montreal, 2010.

Биографические сведения

- Анцыферов Алексей Николаевич** (1867–1943) — экономист, теоретик кооперации. С 1920 г. в эмиграции. В 1921 г. участвовал в организации Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге, возглавлял (до 1925 г.) его Совет. Председатель (с 1922 г.) Русской академической группы в Париже. Один из создателей и руководителей Русского народного университета в Париже (1921), Русского института права и экономики при Парижском университете.
- Берзиньш-Зиемелис Ян Антонович** (Ян Антонович Берзин, латыш. Jānis Bērziņš-Ziemelis; 1881–1938) — член РСДРП с 1906 г., с марта 1918 по март 1919 г. — кандидат в члены ЦК РКП(б), в 1919–1920 гг. — член Исполнительного комитета Коминтерна, впоследствии управляющий Центральным архивным управлением СССР и РСФСР, член ЦИК и ВЦИК СССР. Расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1956 г.
- Гирс Михаил Николаевич** (1856–1932) — потомственный карьерный дипломат (сын Н.К. Гирса, министра иностранных дел в 1882–1895 гг.), посол в Турции (1912–1914), посланник в Италии (1915–1917). После Октябрьской революции 1917 г. как старейший из оказавшихся за рубежом послов в 1919–1920 гг. входил в состав Политического совещания в Париже, возглавлял Совет послов.

Головань Сергей Александрович (1872–1927) — военный агент Генерального штаба в Швейцарии (назначен вскоре после начала Первой мировой войны).

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант Генерального штаба, временно исполняющий обязанности верховного правителя России (4.1–4.4.1920).

Динишер Поль (Dinichert; 1878–1954) — дипломат, с 1 января 1920 г. занимал пост министра иностранных дел Швейцарии.

Ефремова Вера Антоновна (урожд. Милио) — уроженка г. Николаева, вторая жена Ефремова (с 1917 г.).

Завадский Василий Васильевич (1899–1954) — композитор, пианист, дирижер, музыкальный критик. В период эмиграции до приезда в США (в мае 1924 г.) гастролировал по европейским странам с оркестром.

Зайцев Варфоломей Александрович (1842–1882) — публицист и литературный критик, в 1863–1865 гг. один из основных сотрудников журнала «Русское слово». Был арестован в связи с покушением Д.В. Каракозова на Александра II (1866). В 1869 г. эмигрировал, работал в итальянской секции I интернационала. В 1877–1882 гг. сотрудник и один из редакторов журнала «Общее дело» (Женева). За острые политические памфлеты против царизма, «охранителей» и либералов был прозван «русским Рашфором». Скончался в январе 1882 г. в Швейцарии (Кларан, рядом с г. Монтрё).

Залкинд Иван Абрамович (1885–1928) — член РСДРП с 1903 г., с 1908 г. — в эмиграции, вернулся в Россию после Февральской революции, участник большевистского переворота в Петрограде в октябре 1917 г., один из организаторов НКВД РСФСР.

Игнатъев Алексей Алексеевич (1877–1954) — граф, генерал-майор, дипломат, с марта 1912 г. — военный атташе во Франции. Жена: Игнатъева Наталья Владимировна (урожд. Бостунова; 1886–1956) — танцовщица, переводчик. Жила в Париже с 1904 г.

Иловайская Зинаида Степановна (1870 — весна 1915) — дочь Степана Павловича Иловайского (1833–1901) и Капитолины Степановны Иловайской (урожд. Венедиктовой), троюродная сестра И.Н. Ефремова, жена (с 1896 г.).

Иловайская Мария Константиновна, младшая дочь брата первой жены Ефремова (Иловайской Зинаиды Степановны) — Константина Степановича Иловайского, состоявшего в браке с Надеждой Евгеньевной (урожд. Кондратьевой). В 1923 г. арестована при попытке нелегального перехода границы с целью попасть в Швейцарию, где в то время находились ее приемные родители; приговорена к трем годам ссылки. См.: ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 155. Л. 21, 49, 60.

Иванович Иован (Јовановић; 1869–?), сербский дипломат.

Иорданов-Ознобишин Александр Павлович (1889–1966) — секретарь посольства в Риме (при М.Н. Гирсе). В эмиграции жил в Швейцарии.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — адмирал, верховный правитель России (18.11.1918–4.1.1920).

Колчак Софья Федоровна (урожд. Омирова; 1876–1956) — жена адмирала А.В. Колчака (брак с 5.3.1904). В эмиграции жила во Франции.

Ломшаков Алексей Степанович (1870–1960) — инженер, общественный деятель. В эмиграции жил в Праге (с 1921 г.), один из инициаторов «Русской акции», вел переговоры с правительством Чехословакии о принятии русской молодежи в вузы этой страны, занимался организацией помощи российским ученым-эмигрантам. Председатель Учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии, председатель Русской академической группы.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, общественно-политический деятель, председатель Временного правительства (1917). В эмиграции во Франции, председатель Российского земско-городского комитета за границей (Земгор), в 1920 г. организовал «Биржи труда» для беженцев из России.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — адвокат, политический деятель. В июле 1917 г. назначен Временным правительством послом России во Франции, прибыл в Париж на другой день после октябрьского переворота в Петрограде. 17 ноября 1917 г. по распоряжению наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого лишен звания посла (формально сохранял дипломатический статус до 1924 г.). В конце 1919 г. вошел в состав Русского политического совещания в Париже, товарищ (заместитель) председателя Совещания послов.

Мотта Джузеппе (Giuseppe Motta; 29.12.1871–23.1.1940) — президент Швейцарской Конфедерации в 1920 г. (впоследствии занимал этот пост в 1927, 1932 и 1937 гг.), возглавлял швейцарскую делегацию в Лиге Наций.

о. Сергей Орлов (Орлов Сергей Иванович; 31.10.1864–20.11.1944) — протопресвитер, в 1905–1944 гг. настоятель храма Воздвижения Креста Господня в Женеве, также служил в православной церкви в г. Вёве, основатель православных приходов в Берне и Цюрихе.

Обухов Николай Борисович (1892–1954) — композитор, теоретик музыки, один из первых создателей электроакустических музыкальных инструментов. В эмиграции жил во Франции.

Оливье Шарлотта Карловна (урожд. Майер; 1864–1945) — врач, общественный деятель. Получила медицинское образование в Лозаннском университете (учитель — Цезарь Ру), замужем (с 1901 г.) за швейцарским гражданином, доктором Эженом Оливье (Olivier; ?–1955). В 1911–1925 гг. возглавляла противотуберкулезный диспансер в Лозанне. В период Первой мировой войны основала Комитет русской колонии в Лозанне, оказывала материальную и врачебную помощь неимущим эмигрантам.

Ону Андрей Михайлович (1881–1950) — выходец из старинного молдавского рода, с 1902 г. на службе в МИДе (с 1914 г. — второй секретарь канцелярии). После Февральской революции 1917 г. назначен Временным правительством поверенным в делах в Швейцарии, уволен 26 ноября 1917 г. приказом наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого, однако до ноября 1919 г. продолжал жить в Швейцарии, затем переехал во Францию. Похоронен в г. Кламар (Clamart) под Парижем, на местном кладбище. Его отец, Михаил Константинович Ону (1835–1901), и братья Александр (1865–1935) и Константин (1875–1950) также были дипломатами.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — мыслитель, публицист, революционер, один из основателей РСДРП, идеологов и лидеров меньшевизма. Работал в организа-

ции «Земля и воля», а после ее раскола возглавил (осенью 1879 г.) новую народническую организацию «Черный передел», делавшую ставку на продолжение агитации в рабочей и крестьянской среде. В январе 1880 г. под угрозой ареста уехал за границу (жил в основном в Швейцарии). В начале пребывания в Швейцарии Плеханов с женой, Розалией Марковной, жили то в Женеве, то в Божии под Клараном. Жена училась на врача, а сам Плеханов подрабатывал уроками.

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 гг. В середине декабря 1918 г. выехал в Париж, в Россию больше не вернулся. В 1919 г. — министр иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака и А.И. Деникина, их официальный представитель в Русском политическом совещании (Париж).

Серафимов Борис Саввич (1882 — не ранее 1940) — дипломат, секретарь российского посольства в Константинополе (с 1914 г.), в 1917 г. прикомандирован к миссии в Берне, позднее — поверенный в делах деникинского правительства в Константинополе, затем — опять на дипломатической работе в Швейцарии. Впоследствии жил в Болгарии.

Сербинова Ульяна Николаевна (урожд. Ефремова; 1867–?) — член Донского окружного управления Российского общества Красного Креста, глава Новочеркасского дамского отделения Общества попечительного о тюрьмах; сестра И.Н. Ефремова. Муж (с 1899 г.) — Сербинов Порфирий Иванович — действительный статский советник, деятель Новочеркасского городского общественного управления (гласный городской думы, член комиссий — школьно-просветительной, а также о пользах и нуждах города), неперменный член областного статистического комитета, член Окружного по крестьянским делам присутствия, почетный мировой судья Съезда мировых судей Черкасского судебно-мирового округа, член комитета Общества для пособия бедным Донским учащимся (г. Новочеркасск), председатель Донского отдела Российского общества покровительства животным.

Хеберлин Генрих (Heinrich Häberlin; 6.9.1868–26.2.1947) — в 1920–1934 гг. член Федерального совета (1920– 1934), начальник Департамента (министр) юстиции и полиции Швейцарии.

Шиллинг Маврикий (Морис) Фабианович (1872–1934) — барон, в 1911–1916 гг. директор канцелярии Министерства иностранных дел. В 1917 г. уехал из России в Лондон, затем жил в Париже, где сохранял влияние в эмигрантских дипломатических кругах, пользовался доверием С.Д. Сазонова.

Шкловский Григорий Львович (1875–1937) — член РСДРП с 1898 г., делегат II съезда партии (1903). В 1909 г. из ссылки бежал в Швейцарию, где оставался до июля 1917 г., секретарь Бернской группы большевиков, участник Базельского конгресса II интернационала (1912), Бернской конференции (1915). В 1919–1925 гг. — на службе в органах Наркомата иностранных дел. Член ЦК ВКП(б) (1925–1927), исключен по обвинению в троцкизме. Впоследствии работал в сфере химико-фармацевтической промышленности. Расстрелян в 1937 г.

Шульгес Эдмунд (Edmund Schulthess; 2.3.1868–22.4.1944) — член Федерального совета (1912–1935), вице-президент (1920), президент (1921, 1928, 1933) Швейцарии.

Ф.Б. Шёнк

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН В ЦЮРИХЕ

Тот факт, что определенные места в Швейцарии сегодня воспринимаются как «русские места»¹, «места русской истории» и «русские места памяти», связан со специфическими процессами их интерпретации и освоения, в которых важную роль играли вопросы самоидентификации более поздних поколений. Русский писатель Михаил Шишкин, который с 1995 г. живет в Швейцарии, так описывает этот процесс в предисловии к своему литературному путеводителю «Русская Швейцария» (2003): «Чужая страна останется чужой, пока не найдешь себе здесь родных и близких. Я стал искать Гоголя и Бунина, Рахманинова и Стравинского, Герцена и Набокова, как бедный провинциал, который разыскивает в столице богатых родственников» [Schischkin 2003, S. 7 и далее]. Когда после своего приезда в Швейцарию писатель начал искать «родных» и «близких», он с удивлением обнаружил, что в Гельветии «тесно от русских теней» [Ibid., S. 8].

Поиск «русских мест» в Швейцарии вписывается в традицию, которую можно проследить с конца XVIII в. Например, Ф.М. Достоевский знакомился с Конфедерацией по маршруту Н.М. Карамзина, а Иван Бунин в 1911 г. ходил смотреть на отель «Швейцержоф», описанный Л.Н. Толстым в рассказе «Люцерн»².

В XX в. традиции поиска русских следов в Швейцарии возобновили советские «туристы», начавшие приезжать сюда с конца 1950-х — 1960-х гг. [Bertschi 1991]. После смерти И.В. Сталина, хрущевской оттепели, в гостевых книгах швейцарских гостиниц снова появились русские имена. Советские путешественники сильно отличались от русских отдыхающих начала XIX в. или от состоятельных туристов конца того же века — туристы из СССР хрущевского времени приезжали в Швейцарию только в составе официальных делегаций и должны были выступать в роли публичных представителей Советского Союза. Такие поездки на Запад являлись, разумеется, привилегией лишь для особо надежных советских граждан.

Помимо полководца А.В. Суворова, совершенно особое место в швейцарских рассказах русских туристов занимает фигура В.И. Ленина, который, как известно, жил в годы эмиграции в Женеве, Берне и Цюрихе. Вот как описывают поиск «ленинских мест» в Берне и Цюрихе в 1958 г. И. Першина и З. Гусева: «Разыскиваем ленинскую квартиру на улице Дистельвег, разыскиваем буквально, так как из всех

¹ Выражение «русские места в Швейцарии» использует, например, М. Максимов: [Максимов 1989].

² О Бунине см.: [Riggenbach 1991, S. 292].

ленинских квартир в Швейцарии только на единственном доме в Цюрихе висит мемориальная доска. Во всех других местах мы ходили, предварительно выпи-сав из писем Ленина к Крупской указываемые ими адреса <...>. Мы проходим по бернским улицам, останавливаемся у зданий, где Ленин жил, выступал, работал, смотрим на зеленую воду Аре, на блистающие вдали снега горных вершин, и ка-жется, что мы не одни здесь в незнакомом городе — всюду с нами незримо он» [Гусева 1960, с. 98, 101] — и вот они снова здесь, «русские тени», о которых писал Михаил Шишкин в своем литературном путеводителе.

Писатель и жесткий критик советского режима Александр Исаевич Солже-ницын, остановившийся после своей высылки из СССР в 1974 г. сначала в Цюри-хе, вспоминает о том, как его буквально преследовала здесь тень Ленина. Еще до приезда в Швейцарию нобелевский лауреат начал собирать материалы для своей эпопеи «Красное колесо», посвященной Октябрьской революции. И волей исто-рического случая самый известный критик советского строя попал именно туда, где руководитель большевиков строил планы по революционному перевороту в России [Conquest 1976]³. С 1914 по 1917 г. Ленин готовил здесь падение царизма, а через шестьдесят лет Солженицын в том же месте продолжил борьбу с ленин-ским строем⁴. Поэтому современники Александра Исаевича во франкоязычной Швейцарии уже в феврале 1974 г. усмотрели в приезде писателя «живую антитезу ленинского пребывания в Цюрихе» [Solschenizyn im Spektrum der Meinungen 1974, S. 23]. Знаменитый британский историк Джеффри Хоскинг сравнил Солженицы-на и Ленина с двумя дуэлянтами, встретившимися в Цюрихе через толщу лет на виртуальном поединке. Оба системно и неустанно работали, оба верили в свою миссию и оба были убеждены в правоте своей позиции. Один стоял у истоков СССР, другой стремился показать миру реальное лицо этого строя [Hosking 1976, p. 277].

В своих воспоминаниях о годах эмиграции Солженицын подчеркивает, что уже в 1974 г. он не мог точно ответить, почему после короткой остановки у Ген-риха Белля в Лангенбройхе в регионе Эйфель (земля Северный Рейн-Вестфалия) выбрал именно Цюрих. Сказать, что он хочет проследить путь Ленина, означа-ло бы стать слишком легкой добычей для ищущих сенсаций журналистов. А то, что первым адресом Солженицына в Цюрихе была квартира адвоката Фрица Хееба, управляющего издательскими правами его книг на Западе, могло показаться слишком тривиальным фактом (хотя здесь и стоит искать основную причину «выбора» Швейцарии в качестве места жительства).

На повторяющиеся вопросы журналистов о причине приезда именно в Швей-царию Солженицын немного нехотя отвечал, что он продолжает традицию Алек-сандра Герцена, который часть своей эмиграции провел в Швейцарии и неодно-кратно хвалил демократическую систему этой страны [Солженицын 1998, с. 70].

---

³ О причинах выбора Цюриха местом жительства в эмиграции см. свидетельство самого Сол-женицына: [Solschenizyn 1974], cp.: www.spiegel.de/spiegel/print/d-41784648.html (24.8.2011); [Ericson, Klimoff 2008, p. 34 и далее; Thomas 1998, S. 516].

⁴ См. статью Эрнста Кукса в «Нойе Цюрхер Цайтунг» («Neue Zürcher Zeitung») от 18 февраля 1974 г., цит. по: [Der Fall Solschenizyn 1974, S. 103]. Cp. также: [Hosking 1976].

Сам Александр Исаевич также не раз положительно отзывался о системе прямой демократии в Швейцарии, напоминая ему принцип работы новгородского вече [Pearce 2011, p. 239 и далее⁵; Солженицын 1998, с. 111]. Особенно его поразила традиция проведения кантональных выборов в Аппенцелле, на которых он побывал незадолго до своего отъезда в Канаду: «Такую демократию я еще никогда не видывал, не слыхивал» [Солженицын 1998]⁶.

Но если отвлечься от данного аспекта, то можно сказать, что Солженицын не чувствовал себя в Швейцарии по-настоящему комфортно. Довольно быстро он пришел к выводу, что не сможет здесь жить и работать, и начал строить планы по переезду в более спокойное и «более свободное» место. Не в последнюю очередь это было связано с его личными впечатлениями от жизни в стране. «Побег» писателя в глушь американского Вермонта, безусловно, был ускорен его негативным опытом при взаимодействии с западной общественностью и прессой [Там же, с. 54]. Журналисты буквально осаждали Солженицына и членов его семьи, преследуя их на каждом шагу. Любое действие знаменитого диссидента находило отражение в западной прессе: где и когда он купил письменные принадлежности, в каком магазине приобрел очки, когда чистит зубы, с кем встречался и что сказал в частном или публичном разговоре⁷. У Александра Исаевича это вызывало настоящую неприязнь. «Да вы хуже гебистов!» — крикнул он как-то раз навязчивым журналистам на одной из прогулок по Цюриху⁸. Такое пристальное внимание к своей персоне, граничащее с массовой истерией, Солженицын в интервью «Зюддойче Цайтунг» («Süddeutsche Zeitung») назвал «западной формой культа личности»⁹.

Недоумения у Солженицына вызывали и различные попытки «Запада» использовать его имя в целях идеологической борьбы с политической системой

⁵ Об интервью Солженицына американскому телевизионному каналу в июне 1974 г.

⁶ Возможно, важной причиной скорого отъезда Солженицына из ФРГ, страны, входящей в НАТО, было и то, что он не хотел подвергать свою личность дискредитации, запланированной советским правительством. Ср.: Solschenizyn im Exil // Die Zeit. 22.2.1974. № 9. S. 17.

⁷ Ср., например: Der erste Tagin Zürich // NZZ. 18.2.1974. № 80. S. 19. Критические письма читателей по поводу этой статьи в «Нойе Цюрихер Цайтунг» (далее — NZZ) см. в: NZZ. 22.2.1974. № 89. S. 21. Читатели укоряли журналистов данного издания в том, что в погоне за сенсациями они ничем не отличаются от других «газетных гиен». В своем ответе на критику бурных реакций в прессе, связанных с приездом писателя, NZZ 19 февраля замечает, что существовала возможность привезти Солженицына в Швейцарию и без информирования общественности. Однако целенаправленно было решено сообщить журналистам точное время прибытия писателя в Цюрих (19.2.1974. № 82. S. 21). Сам Солженицын вполне рассчитывал на общественную реакцию: во время своей поездки из Кёльна в Цюрих он надел тюремную одежду из московского Лефортово. Снимки писателя в полосатой робе появились тогда во множестве газет.

⁸ Ein Stück Ruhe für Solschenizyn // Basler Nachrichten. 18.2.1974. № 41. S. 1; [Солженицын 1998, с. 53, 54]. Уже 19 февраля Солженицын опубликовал в Цюрихе комментарий, в котором указывал на журналистские манипуляции, связанные с его именем и его «путешествием» в Швейцарию. См.: NZZ. 20.2.1974. № 84. S. 2; Basler Nachrichten. 20.2.1974. № 43. S. 1.

⁹ Интервью с «Зюддойче Цайтунг» от 21 февраля 1974 г., цит. по: [Der Fall Solschenizyn 1974, S. 112]. Вот некоторые из «званий», которыми западная пресса наградила Солженицына в 1974 г.: «Человек титанической натуры» (NZZ. 15.2.1974. № 76. S. 1), «Чудо света» (Ibid. 17.2.1974. № 79. S. 2); «Борец за свободу» (Ökumenischer Rat der Kirchen, цит. по: NZZ. 19.2.1974. № 83. S. 23); «Несгибаемый, мужественный человек» (NZZ. 24.2.1974. № 91. S. 1).

«восточного блока». Левые политики были недовольны им, так как в отличие от таких диссидентов, как Вольф Бирман (Wolf Biermann), Солженицын не делал публичных высказываний в пользу социалистической системы [Zimmer 1974, S. 22]¹⁰. В свою очередь консервативный лагерь был разочарован тем, что не обнаружил у Солженицына безусловной приверженности «западным» идеалам. Действительно, хотя писатель и не скрывал своего презрения к коммунистической власти в СССР, «западная модель» для него тоже оставалась чуждой. Форма подачи информации и власть западных СМИ вызывали у него отторжение, он открыто говорил о разложении ценностей, распространении порнографии, снижении значения христианской религии, критиковал стиль одежды молодых женщин...

Критика Солженицыным Запада и его консервативные и патриотические взгляды на Россию вызывали у западной общественности недоумение¹¹. Сегодня очевидно, что советские диссиденты не вмещались в черно-белые схемы холодной войны. Люди, подобные Александру Солженицыну, часто становились мишенью для проекции желаемых образов, таких как «диссидент», «искренний противник коммунизма», «поборник западных ценностей» и т. д.¹² Когда выяснялось, что реальный человек не соответствует в полной мере этим желаниям и проекциям, он почти неминуемо вызывал разочарование. Подобные формы искаженного восприятия, направляемого идеальными ожиданиями, и напряжения в отношениях восточноевропейских диссидентов и западной общественности, возникавшие в результате таких недоразумений, заслуживают, с моей точки зрения, еще более пристального внимания со стороны исследователей¹³.

Правда, то обстоятельство, что в начале 1975 г. Солженицын, сев на самолет в Канаду, покинул страну и последующие пятнадцать лет не думал о возвращении в Европу, было во многом продиктовано и специфическим опытом писателя в Швейцарии.

В Цюрихе Александр Исаевич жил на улице Штапферштрассе, 45. По соседству — «скученные друг ко другу <...> дома», как и «везде» в Цюрихе [Солженицын 1998, с. 57]. Город Солженицыну «очень нравился» [Там же, с. 67], он был в восторге от его чистоты и от красоты горы Цюрихберг. Однако писателю довольно скоро стало ясно, что здесь, на «скрещенье всех европейских путей», ему «не дадут <...> работать» [Там же, с. 73]. Именно центральное географическое положение Швейцарии, ее открытость для международных контактов (что упрощало работу и зарубежным агентам, и разведывательным службам [Там же, с. 123]), а также почти полное отсутствие государственной власти в публичном простран-

---

¹⁰ О восприятии своей персоны на Западе Солженицын размышляет в собственных воспоминаниях: [Солженицын 1998, с. 63–64].

¹¹ Впервые это четко проявилось при освещении западной прессой полемики между Солженицыным и Сахаровым. Последний открыто полемизировал с солженицынским «Письмом вождям Советского Союза» (впервые напечатано в «Санди Таймс» 3 марта 1974 г.). Ср. по этому поводу также: [Солженицын 1998, с. 64–65].

¹² По ощущениям Солженицына, жители кантона Аппенцелль во главе с ландаманом приветствовали его так, словно он был «воином против зла» [Там же, с. 109].

¹³ Ср. исследовательский проект Майке Леман (Maïke Lehmann) (Кёльн) «Dissidents and the West. Soviet Exiles, Western Intellectuals and Political Culture during the Late Cold War».

стве, которая могла бы защитить его от журналистского напора, сформировали у Солженицына желание покинуть эту страну.

Наконец, недоумение у писателя вызвали правила швейцарской политической жизни. Исходя, очевидно, из своего образа Швейцарии, не свободного от идеальных ожиданий и представлений, Солженицын был уверен в том, что сможет найти здесь платформу для политической борьбы с ненавистными ему властями, как нашли ее в свое время другие знаменитые русские деятели вроде Герцена и Ленина [Солженицын 1998, с. 97]. Но когда в ноябре 1974 г. Александр Солженицын дал в своем доме пресс-конференцию, где критически отозвался о советском руководстве, в дело вмешалась полиция Цюриха для иностранцев (Fremdenpolizei) [Там же и далее]. Согласно решению швейцарского правительства от 1948 г., общественные политические заявления иностранцев допускались в стране только с ведомственного разрешения, которое необходимо было запрашивать не позднее чем за десять дней до начала запланированного мероприятия [Там же, с. 97]. Данные правила не совмещались со сложившимся у писателя образом демократической и свободной Швейцарии: «Десять суток! Фью-у-у-у! Вот так приехал в свободную страну! Да неужели же в свободной стране правительство отвечает за частные высказывания жителей? <...> Да мне и КГБ таких указаний не выставляло: не высказываться на политические темы или за десять дней спрашивать у них разрешения!» [Там же]. Разочарованный Солженицын отвернулся от «независимой свободной старейшей демократии Европы» и предпочел, как и другие представители второй волны эмиграции, уехать за океан.

Для меня остается открытым вопрос, насколько хорошо Александр Исаевич Солженицын познакомился со Швейцарией во время своего пребывания в стране в 1974–1975 гг. Помимо Цюриха, писатель побывал в Базеле, Берне, Лозанне, Женеве. Он был на Фирвальдштеттском озере и на горе Риги, ходил по следам лорда Байрона на Женевском озере, наблюдал в кантоне Аппенцелль работу прямой демократии. Однако не может не броситься в глаза большая заинтересованность Солженицына прежде всего во встречах с русскими и восточноевропейскими эмигрантами (правда, аудиенция с Набоковым так и не состоялась) [Там же, с. 88]. В большинстве случаев А.И. Солженицыну необязательно было прилагать какие-то усилия для этого — многочисленные эмигранты сами искали с ним встречи. Кроме того, Солженицын, как и многие русские путешественники до него, изучал маршруты своих знаменитых соотечественников, побывавших здесь. Он посещал места русских «революционеров», которые учились в Цюрихе, осматривал памятник Суворову, высеченный в ущелье Шёленен близ города Андерматта [Там же, с. 68, 89 и далее], и, конечно, ходил по следам знаменитого политического деятеля, который в это время особенно занимал его воображение.

В своих воспоминаниях о первых днях в Цюрихе Солженицын пишет: «Но главное же! — ленинский дом посмотреть, Шпигельгассе. <...> В первую же прогулку и идем с Беттой» [Там же, с. 53]. В последующие месяцы Александр Исаевич сознательно «...бродил <...> по ленинским местам» и часто проходил по Шпигельгассе, где находилась квартира Ленина. Впечатления, которые он собирал на этих прогулках, должны были войти в «ленинские главы» «Красного колеса» [Там же,

с. 68]. В ресторане «У белого лебедя» («Zum Weißen Schwan»), где он встречался с биографом Ленина Вилли Гаучи и сыном швейцарского вождя социалистов Платеном-младшим, Солженицын с удивлением обнаружил на стене портрет Владимира Ильича: «...так и заставили его быть свидетелем торжества над ним самим» [Солженицын 1998, с. 103].

В Цюрихе Солженицын решил отдельно опубликовать те одиннадцать глав своей книги о революции, которые описывают пребывание Ленина в Швейцарии [Солженицын 1975]. На месте он подробно изучал источники и соответствующую литературу и знакомился с каждым шагом Ленина в Цюрихе. Позднее в разговоре с одним журналистом он признавался: «Мне и усилий не нужно было делать над собой: я уже весь переключился на ленинскую тему. Где б я ни брел по Цюриху, ленинская тень так и висела надо мной»¹⁴. «Цюрихские ленинские главы» Солженицын смог закончить очень быстро: ему понадобилось на это всего пять недель. Правда, текст был написан не в самом Цюрихе, а в его нагорье — в тихом альпийском местечке Штерненберг [Солженицын 1998, с. 102 и далее; Сараскина 2009, с. 717–718].

Произведение «Ленин в Цюрихе», вышедшее в 1975 г. в парижском издательстве УМСА на русском языке, а чуть позже в переводах на английский и немецкий, представляет большой интерес именно с точки зрения истории памяти. В своем тексте Солженицын сочетает скрупулезную реконструкцию исторических фактов с психологическими характеристиками своего протагониста, которые несут явные черты художественного вымысла. Писатель старается не только детально реконструировать события биографии Ленина, охватывающие период между началом Первой мировой войны и его знаменитой поездкой в Петроград в «запечатанном вагоне» в феврале 1917 г. Созданный Солженицыным психологический образ революционного вождя читается и как явная противоположность советскому мифу о Ленине, пережившему новый расцвет после закрытого доклада Хрущева на XX съезде КПСС [Siegel 1984; Ericson, Klimoff 2008, p. 118 и далее]. Этот образ неизбежно провоцировал и западных поклонников вождя революционеров, стремящихся видеть в Ленине положительный антипод тиранической фигуре Сталина [Ibid.].

Ленин у Солженицына — не сверхчеловек и не великий теоретик революции, эффективно разрабатывающий путь России к социализму. Он — одинокий предводитель мелкой отколовшейся партии, который пораженно следит за событиями в своей стране из швейцарской изоляции¹⁵. Ленин Солженицына — это стремящийся к власти фанатик со своими человеческими недостатками. Он беспощаден как к внутривнутрипартийным критикам, так и к политическим противникам и готов заключить пакт хоть с самим дьяволом, чтобы достигнуть своих целей [Senn 1977]¹⁶.

---

¹⁴ Цит. по: [Schischkin 2003, S. 124]. Уже в «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын высказывал крайне критичное отношение к Ленину и его политике. О занятиях Солженицына Лениным в Цюрихе см. также: [Thomas 1998, S. 529 и далее].

¹⁵ «Что есть — Ленин как раз и не мог ответить, потому что: не было ничего. Швейцария была на одной планете, Россия на другой. У него было... Крохотная группа, называемая партией, и не все учтены, кто в нее входит, может и откололись» [Солженицын 1975, с. 153].

¹⁶ У Солженицына сказано, что Ленин был готов «взять в союзники хоть и Вильгельма, хоть и сатану — только бы сокрушить царя» [Там же, с. 121].

В связи с этим Солженицын акцентирует особое внимание на расчетливый союз Ленина с правительством Германского рейха. И хотя писатель оставляет открытым вопрос, в каком размере и каким образом Ленин получал германские деньги на финансирование революции, он не оставляет сомнений в том, что для достижения собственных политических целей в царской России вождь большевиков хладнокровно сотрудничал с военным противником.

При создании демонического, мрачного образа Ленина Солженицын не чуждается и расистских ассоциаций. Так, он подчеркивает «выплеск взгляда разящего из монгольских глаз» или «хитро-добродушный азиатский оскал» Ленина и его устрашающий голос, лишенный «сочной глубины», «режущий», «ближе к сабле калмыцкой» [Солженицын 1975, с. 50, 129].

Если Ленину Солженицын приписывает черты чужеродного азиата, который уверен в том, что «нет на Земле народа покорней и бессмысленней русского» [Там же, с. 85], то изображение революционеров ленинского окружения не свободно от антисемитских клише¹⁷. К Александру Гельфанду, или Парвусу, который хочет склонить Ленина к пакту с Германским рейхом, всегда применяется обращение «Израиль Лазаревич» (например: [Там же, с. 123, 150]). Солженицынский Парвус напоминает тип героя из трактата о еврейском мировом заговоре, он «революционер-миллионер» и воплощает «новый тип революционера», который «взвешивает миллионами — людей, рублей» [Там же, с. 134, 137]. Путем таких расистских и антисемитских намеков Солженицын экзотизирует приверженцев Октябрьской революции как людей, презирающих русский народ и чуждых национальному русскому характеру. Говоря более радикально, Александр Исаевич вычеркивает Ленина из русского сообщества памяти, выстраиваемого на национальной основе.

Чтобы открыть читателю доступ к эмоциональному и мыслительному миру своего протагониста, автор словно перевоплощается в фигуру Ленина. Например, мы становимся «свидетелями» моментов слабости Ленина, его внутренних сомнений и усталости: «Ну день <...>. Всё вываливалось и отвращалось, бесплодно просиживал часы. <...> Нет! Не строилась работа <...>. Ушла полнота из рассчитанного распорядка и осталось дупло. Голова заболела. Дышалось плохо. Противно даже стало смотреть на бумаги. <...> Сел — и осел, уменьшился. И в пружинах утоп, и голова утопла в плечи, совсем не осталось шеи: оттяжка темени — на спине, подбородок — на груди. И одной рукой, впереди себя, держался за край стола. Один глаз был полузакрит. А рот полуоткрыт. С губы торчала бесформенная щетинка крупноволосях усов» [Там же, с. 90–94]. Подобные изображения — и на этом, очевидно, вряд ли стоит останавливаться подробно — имеют мало общего с героическим образом Ленина в советских учебниках истории.

И хотя для написания книги Солженицын очень подробно изучал записи своего героя и другие исторические источники, при чтении некоторых внутренних монологов возникает сомнение, кому они принадлежат — Ленину или самому пи-

¹⁷ О расистских клише в книге «Ленин в Цюрихе» см.: [Serke 1982, S. 239]. О функции фигуры Парвуса см.: [Солженицын 1998, с. 103].

сателю. Так, вождь революционеров у Солженицына хвалит швейцарские библиотеки и почту: «исключительная культивированность и удобства жизни» [Солженицын 1975, с. 28]. В то же время писатель вкладывает в его уста слова о том, что Швейцария «безнадежно-тупоумная буржуазная» [Там же, с. 187] страна. На швейцарцев, как утверждает Ленин у Солженицына, в деле мировой революции рассчитывать не приходится: «Нет, их не поднять» [Там же, с. 181]¹⁸.

Во время прогулки своего героя по Цюриху Солженицын передает еще один внутренний монолог Ленина: «Узкие, узкие улочки старого города, в какую сторону ни иди — лабиринт. Заблудишься тут как мышь» [Там же, с. 200]. Чувствовал ли себя Ленин запертым в этой «проклятой сжатой узкой стране» [Там же, с. 179], как сказано у Солженицына, или это ощущение самого автора «Ленина в Цюрихе» — останется открытым¹⁹. Ведь Солженицын вскоре тоже, как мы знаем, сменил давящие узкие улочки Цюриха на просторы американского штата Вермонт²⁰.

Перевод с немецкого Светланы Сиротининой

Литература

- Гусева 1960 — Гусева З.А. Швейцарские зарисовки. М., 1960.
Максимов 1989 — Максимов М. Если бы Карамзин путешествовал сегодня // Литературная газета. 17.05.1989. № 20 (5242). С. 14.
Сараскина 2009 — Сараскина Л. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009.
Солженицын 1975 — Солженицын А. Ленин в Цюрихе. Париж: YMCA-Press, 1975.
Солженицын 1998 — Солженицын А. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 1998. № 9.
Bertschi 1991 — Bertschi E. Monolog statt Dialog. Sowjetische Reiseberichte über die Schweiz in der Ära Chruščev // Fakten und Fabeln. Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke u.a. (Helbing und Lichtenhahn). Basel, 1991. S. 299–315.
Conquest 1976 — Conquest R. <Rez.:> «Lenin in Zurich» by Alexander Solzhenitsyn // The New Republic. 1976. Vol. 174, № 15. P. 23–24.
Der Fall Solschenizyn 1974 — Der Fall Solschenizyn. Eine Übersicht über die Sendungen des russischen Dienstes der Deutschen Welle. Köln, 1974.
Ericson, Klimoff 2008 — Ericson E.E., Klimoff A. The Soul and Barbed Wire. An Introduction to Solzhenitsyn. Wilmington, 2008.
Hosking 1976 — Hosking G. Solzhenitsyn on Lenin // Soviet Studies. 1976. № 28. P. 276–279.
Pearce 2011 — Pearce J. Solzhenitsyn. A Soul in Exile. San Francisco: Ignatius, 2011.

---

¹⁸ Ранее в книге приводится знаменитый афоризм Ленина о том, что Швейцария — самая революционная страна в мире, так как по традиции каждый швейцарец хранит дома ружье: «Да знаете вы, что Швейцария — революционнейшая страна в мире?» [Солженицын 1975, с. 49].

¹⁹ У самого Солженицына есть воспоминания о «тесной Швейцарии» [Солженицын 1998, с. 15].

²⁰ О «бегстве» Солженицына из Цюриха в 1976 г. см.: Solschenizyn für zwei Jahre in der Schweiz // NZZ online, 4.8.2008, <http://www.nzz.ch/aktuell/startseite/solschenizyn-schweiz-1.798426>, а также: Solschenizyns verlorene Jahre in der Schweiz // Berner Zeitung от 5.8.2008, <http://www.bernerzeitung.ch/kultur/buecher/Solschenizyns-verlorene-Jahre-in-der-Schweiz/story/20536828> (дата обращения: 29.07.2014).

- Riggenbach 1991 — *Riggenbach H.* Ivan Bunins Begegnung mit der Schweiz // Fakten und Fabeln. Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke u.a. (Helbing und Lichtenhahn). Basel, 1991. S. 275–295.
- Schischkin 2003 — *Schischkin M.* Die Russische Schweiz. Ein Literarisch-historischer Reiseführer. Zürich: Limmat Verlag, 2003.
- Senn 1977 — *Senn A.E.* Solzhenitsyn and The Historical Lenin // Canadian Slavonic Papers. 1977. № 19. P. 153–160.
- Serke 1982 — *Serke J.* Die verbannten Dichter. Berichte und Bilder einer neuen Vertreibung. Hamburg: Albrecht Knaus, 1982.
- Siegel 1984 — *Siegel P.N.* Solzhenitsyn's Portrait of Lenin // Clio. 1984. Vol. 14, № 1. P. 1–13.
- Solschenizyn 1974 — *Solschenizyn.* Hier ist ihm alles viel zu eng // Der Spiegel. 1974. № 8.
- Solschenizyn im Spektrum der Meinungen 1974 — Solschenizyn im Spektrum der Meinungen. Reaktionen der Westschweizer // NZZ. 19.2.1974. № 83. S. 23.
- Thomas 1998 — *Thomas D.M.* Solschenizyn. Die Biographie. Berlin: Propyläen, 1998.
- Zimmer 1974 — *Zimmer D.E.* Der Beifall von der falschen Seite. Solschenizyns Waffem Kalten Krieg // Die Zeit. 8.2.1974. № 7.

Л.И. Петрушева

ДЕТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ШВЕЙЦАРИИ
1920–1930-е гг.

Швейцария сыграла значительную роль в судьбе послеоктябрьской эмиграции из России. Несмотря на малочисленность российских беженцев, Швейцария, тем не менее, являлась важной составной частью зарубежной России. Об этом свидетельствует вся история пребывания наших соотечественников в данной стране в межвоенный период. Швейцария стала своего рода центром по оказанию помощи российской эмиграции в различных странах, поскольку здесь был создан и осуществлял свою работу Верховный комиссариат по делам русских беженцев при Лиге Наций. Граждане из России образовали в Швейцарии многочисленные объединения, которые не только помогали в их обустройстве, но и являлись очагами русской жизни.

В начале 1920 г. в Швейцарии находилось несколько тысяч российских беженцев. Исторические источники не дают относительно точного ответа на вопрос об их численности. По данным Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (РЗГК), в 1921–1922 гг. в Швейцарии проживало около 4 000 человек¹. В это число вошли и представители дореволюционной эмиграции, которые не вернулись на Родину. Вскоре количество российских эмигрантов значительно сократилось. Они стремились покинуть эту страну из-за безработицы и дороговизны жизни. К 1926 г. в Швейцарии осталось около 2 300 человек².

Правовое положение российских граждан в Швейцарии было достаточно благоприятным. При этом преобладающее большинство эмигрантов испытывало серьезные материальные трудности. Общее число нуждавшихся в 1920–1921 гг. составляло, по данным российской миссии в Швейцарии (Берн), не менее 1 000 человек³. Высокий уровень безработицы в послевоенной Швейцарии не позволял трудоустроиться большинству российских граждан и способствовал ухудшению условий их пребывания здесь. Число беженцев, у которых не имелось проблем в финансовом отношении, было очень невелико.

Необходимо отметить, что правительство Швейцарии оказывало посильную помощь эмигрантам. Со временем она стала сокращаться, поскольку в стране хва-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9135. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

² Там же. Ф. Р-5764. Оп. 5. Д. 1. Л. 48.

³ Там же. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 185. Л. 141.

тало собственных безработных и нуждавшихся. Если в 1921 г. на эти цели было выделено 370 000 швейцарских франков, то в 1922 г. — только 260 000⁴. Вскоре поиск источников финансирования, необходимого для улучшения материального положения эмигрантов, лег на их собственные плечи.

В условиях беженства в особой заботе нуждались российские дети. Из истории школьного дела в изгнании известно, что в странах с немногочисленной эмиграцией, за редким исключением, не создавалось русских учебных заведений. Дети эмигрантов посещали местные школы, при этом начальное образование, как правило, было для них бесплатным. По этому поводу российский посланник в Швейцарии И.Н. Ефремов в письме от 10 марта 1922 г. в РЗГК писал: «Швейцария — страна высококультурная, здесь много прекрасных школ, много больниц и санаториев, и нет никакой необходимости создавать русские общеобразовательные школы, приюты...»⁵ Тем не менее российские общественные деятели, деятели науки и культуры, религиозные деятели и, конечно, представители дипломатического корпуса вынуждены были уделять очень серьезное внимание вопросам образования и воспитания детей, улучшения их положения.

К сожалению, современные исследователи не располагают сколько-нибудь достоверными статистическими сведениями о количестве русских детей в Швейцарии. По данным ряда эмигрантских организаций, численность только нуждавшихся детей в 1920 г. составляла около 500 человек⁶. По другим сведениям — 368 человек. В письме от 20 марта 1922 г., направленном в адрес РЗГК, И.Н. Ефремов указал, что общее число детей, проживавших в Швейцарии, составляло 350 человек⁷ (детей до 7 лет — 90 человек, от 7 до 18 лет — 260 человек)⁸.

Среди детей, оказавшихся в Швейцарии в начале 1920-х гг., было немало таких, кто не успел закончить начатое в России школьное образование. Поэтому уже осенью 1919 г. сотрудники российской миссии в Берне предприняли попытки создания экзаменационной комиссии, которая позволила бы детям получить аттестаты зрелости, а также необходимые свидетельства о переходных экзаменах. К этому времени опыт работы подобных комиссий у российских дипломатических учреждений уже имелся — они были основаны и успешно осуществляли свою деятельность в Стокгольме, Копенгагене и Париже.

Непосредственное участие в создании экзаменационной комиссии при российской миссии в Швейцарии принимал И.Н. Ефремов: вместе с другими сотрудниками миссии он провел серьезную подготовительную работу, направленную на то, чтобы сдававшим экзамены выдавались документы, которые будут признаны высшими учебными заведениями европейских стран. С этой целью был изучен опыт работы подобной комиссии во Франции, соз-

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 185. Л. 141.

⁵ Там же. Л. 140 об.

⁶ Там же. Д. 154. Л. 14.

⁷ Там же. Д. 181. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 185. Л. 151.

данной уже в конце 1919 г. под председательством первого секретаря посольства Ю.А. Колемина. Кроме русских преподавателей в состав комиссии вошли представители Министерства народного просвещения Франции. В результате окончившие получали заверенные посольством аттестаты, дававшие возможность поступить в вузы. И.Н. Ефремов также запросил официальное разрешение на проведение экзаменов для детей российских эмигрантов в Швейцарии у министра иностранных дел Российского правительства С.Д. Сазонова. 24 января 1920 г. такое разрешение было получено⁹. Экзаменационная комиссия была создана в Женеве. Очевидно, здесь сыграло определенную роль то обстоятельство, что в Женеве проживало больше всего российских граждан. Чтобы иметь помещение для работы, по согласованию с И.Н. Ефремовым экзаменационная комиссия на правах культурно-просветительской секции вошла в состав Русского общества, о чем имеется заявление от всех членов комиссии на имя председателя этого Общества¹⁰.

Экзамены проводились по правилам и программам классов мужских и женских гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения России. К ним допускались лица, написавшие заявление на имя российского поверенного с приложением метрического свидетельства либо другого документа, удостоверявшего личность в подлинном виде или заверенного у юриста, документа об обучении, автобиографии и фотографии. За проведение экзаменов взималась плата, поскольку необходимо было выплачивать гонорар экзаменаторам. По итогам экзаменов, проведенных женевской комиссией, выдавались соответствующие документы, заверенные в российской миссии в Берне.

Председателем первой экзаменационной комиссии стал профессор Высших женских курсов в Москве, приват-доцент Женевского университета В.М. Цебриков, который немало сделал для оказания помощи русским детям, создав для них на своей квартире пансион. В утвержденный российской миссией состав комиссии вошли многие видные ученые и преподаватели, известные как в России, так и за рубежом. В список экзаменаторов, кроме В.М. Цебрикова, принимавшего экзамены по латинскому языку, географии, космографии, были включены: Л.В. Цебрикова (Женева), приват-доцент Высших женских курсов в Москве (принимала экзамены по математике и физике), А.Н. Николаев (Женева), приват-доцент Московского университета, профессор Археологического института (принимал экзамены по законоведению, истории), М.М. Зайцев (Цюрих), инженер путей сообщения, приват-доцент Цюрихского университета (принимал экзамены по истории, словесности и языкам), С.С. Ратновский (Женева), доктор Женевского университета, приват-доцент Цюрихского университета, преподаватель Цюрихского кантонального училища (принимал экзамены по физике и математике), Э. Гольцапфель (Женева), преподаватель французского и немецкого языков в Московском кадетском корпусе и военных училищах (принимал экзамены по немецкому и французскому языкам), протоиерей Женевской церк-

---

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 63. Л. 22.

¹⁰ Там же. Д. 64. Л. 8.

ви отец С.И. Орлов (принимал экзамен по Закону Божиему), Д.С. Мириманов (Женева), доктор математики, приват-доцент Женевского университета (принимал экзамены по математике). В свое время доктор Д.С. Мириманов готовил к экзамену на аттестат зрелости министра иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко. Кроме того, для приема экзаменов по естественным наукам предложения войти в состав комиссии получили ученые-естественники В.Э. Бухгейм и Н.А. Касьянов¹¹.

По имеющимся данным, только в 1920 г. экзамены проводились не менее трех раз — в январе, марте и июне.

В октябре 1921 г. экзаменационную комиссию возглавила бывший товарищ министра народного просвещения С.В. Панина, кандидатура которой была согласована с Женевским университетом. К сожалению, не представляется возможным установить число сдававших экзамены. Как и в других странах, где были созданы экзаменационные комиссии, в Швейцарии их было немного: например, в январе 1920 г. из шестнадцати записавшихся экзамены сдавали только два человека.

К середине 1920-х гг. необходимость в работе экзаменационной комиссии отпала, поскольку российские дети стали посещать швейцарские школы.

Опыт деятельности экзаменационной комиссии в Швейцарии оказался весьма полезным и был использован дипломатической миссией в Италии, о чем свидетельствует переписка И.Н. Ефремова и И.А. Персиани.

Для оказания целенаправленной помощи детям эмиграции в апреле 1920 г. в Берне был создан Русско-швейцарский комитет помощи русским детям (впоследствии он стал называться Комитетом попечения о русских детях). Его работу возглавила В.А. Ефремова, жена российского посланника. В состав Комитета входили также дамы из числа граждан Швейцарии. Помимо содействия в получении образования к задачам, стоявшим перед Комитетом, относилось оказание помощи детям из нуждающихся семей, детям-сиротам и детям, имевшим одного из родителей. Таких на содержании Комитета насчитывалось 19 человек¹².

Свою деятельность Комитет начал с организации отдыха российских детей в швейцарских летних школьных лагерях, на что В.А. Ефремова добилась согласия от Женевского и ряда других муниципалитетов. По всем кантонам в кратчайшие сроки были составлены списки детей, желающих поехать на лечение и отдых, при этом далеко не все родители по разным причинам решили воспользоваться предоставленной их детям возможностью. Как указала позднее в своем отчете В.А. Ефремова, в летние швейцарские лагеря выехало 109 учеников¹³.

Большую помощь в организации работы Комитету попечения о русских детях оказали многие другие общественные эмигрантские организации, занимавшиеся обустройством российских беженцев в Швейцарии. К их числу следует

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

¹² Там же. Д. 154. Л. 17 об.

¹³ Там же. Л. 24.

отнести, прежде всего, Русский комитет по распределению правительственной помощи, также много внимания в своей деятельности уделявший решению вопросов, связанных с субсидированием нуждавшихся семей с больными или маленькими детьми. В.М. Фелькнер, руководивший работой данного комитета, по просьбе В.А. Ефремовой собрал сведения о нуждавшихся детях по всей стране. Согласно его данным, как уже упоминалось выше, в Швейцарии проживало 368 нуждавшихся детей моложе 16 лет. Из них в Женевском округе — 165 человек, в Лозаннском — 51, Бернском — 30, Цюрихском — 30, в Монтрё, Вёве и окрестностях — 28, в Аллеманской Швейцарии — 22, в Романской Швейцарии — 18, в Давосе — 14, в Лейзене — 7, в Итальянской Швейцарии — 3¹⁴.

На организацию работы по оказанию помощи детям требовались серьезные денежные средства, поиск которых потребовал больших усилий со стороны не только эмигрантской общественности, но и дипломатических учреждений. В.М. Фелькнер в письме от 27 апреля 1920 г. проинформировал В.А. Ефремову о том, что возглавляемый им комитет 26 апреля 1920 г. принял постановление о выделении ассигнований для помощи детям в размере 1 000 швейцарских франков¹⁵. Впоследствии Русский комитет по распределению правительственной помощи неоднократно субсидировал деятельность Комитета попечения о русских детях.

Как уже упоминалось выше, одной из важнейших задач, стоявших перед этой организацией, являлась забота о получении детьми эмигрантов школьного образования, в том числе в швейцарских школах. Если начальное образование в Швейцарии было бесплатным, то обучение в средней школе, как правило, являлось платным или частично платным. Для детей иностранцев оплата во многих кантонах была выше, чем для граждан страны (особенно высокой в Женевском и Ваадском кантонах). Русские школьники нуждались в учебниках, одежде и обуви. Оплата обучения учащихся из России производилась дважды в год по 1 000 швейцарских франков. Все это заставляло В.А. Ефремову очень активно искать возможности получения финансовой помощи не только в эмигрантских или благотворительных организациях в самой Швейцарии, но и в других странах, в частности во Франции и в Англии. Средства, как правило, выделялись под гарантии российской миссии.

12 июля 1920 г. В.А. Ефремова обратилась с просьбой о выделении 50 000 швейцарских франков, необходимых для оказания финансовой поддержки российским детям в Швейцарии, к председателю РЗГК Г.Е. Львову¹⁶. С подобной же просьбой она обратилась к графу П.Н. Игнатьеву, возглавлявшему Русский комитет по делам о беженцах в Лондоне. Вскоре через И.Н. Ефремова было получено сообщение Русского комитета о решении выделить 1 500 фунтов стерлингов на оказание помощи нуждавшимся российским гражданам в Швейцарии. Сумма выделялась на три месяца — по 500 фунтов в месяц. Часть

---

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁶ Там же. Д. 154. Л. 14.

этих денег разрешалось использовать на улучшение положения детей¹⁷. Перечень обращений Комитета попечения о русских детях за материальной помощью, необходимой для улучшения условий жизни детей, не исчерпывался приведенными примерами.

Обучение детей в местных школах не могло не ускорить процесс их денационализации. Поэтому уже 30 августа 1920 г. Комитет попечения о детях организовал курсы по русским предметам. Курсы были открыты в Женеве (их посещали 68 учеников) и Лозанне (50 учеников)¹⁸. На курсах в Женеве было сформировано четыре группы в соответствии с возрастом и уровнем знаний, занятия в которых проводили две учительницы. Детям с православным вероисповеданием протоиерей С.И. Орлов преподавал Закон Божий. Для работы курсов в Женеве и Лозанне были отведены помещения в швейцарских школах. Для посещавших курсы организовывались рождественские елки, пасхальные и другие традиционные национальные праздники, создавались школьные хоры, ставились театральные спектакли.

Организаторы не без основания делали вывод о том, что «курсы сблизили русских детей между собой и создали для них уголок России»¹⁹. Поэтому необходимость сохранения работы курсов была очевидна. К сожалению, осенью 1923 г. из-за отсутствия детей школьного возраста курсы в Лозанне закрыли. В Женеве в 1923–1924 гг. на курсах обучалось 45 детей [Руднев 1924, с. 159]. Значительные денежные средства на деятельность курсов по русским предметам выделялись РЗГК. Только в 1921–1923 гг. на эти цели было выделено около 13 000 швейцарских франков [Там же].

РЗГК оказывал финансовую помощь Комитету попечения о детях до 1925 г., когда Комитет прекратил свою деятельность, а И.Н. и В.А. Ефремовы переехали в Париж в связи с закрытием российской миссии в Швейцарии.

Однако решение вопросов, связанных с улучшением положения детей и их воспитанием, по-прежнему оставалось в центре внимания эмигрантской общественности. Об этом свидетельствует прежде всего создание в Женеве в 1924 г. русской школы, которая была учреждена по инициативе протоиерея С.И. Орлова и находилась в ведении Женевской православной церкви. Она работала по типу воскресных школ в свободное от занятий в швейцарских школах время: по средам вечером и четвергам утром. Школа содержалась на средства, собираемые школьным комитетом, в состав которого входили и местные швейцарские дамы во главе с мадам Р. Хенцех. Обучение здесь было бесплатным. Кроме того, школа бесплатно снабжала учащихся учебниками и учебными пособиями. Основными предметами были русский язык и русская литература. В ограниченных объемах преподавались география и история. Уроки проводили Н.И. Рашевская и Н.Я. Цитович, труд которых оплачивался школьным комитетом; занятия по Закону Божию безвозмездно проводили

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 154. Л. 15.

¹⁸ Там же. Л. 24 об.

¹⁹ Там же. Д. 185. Л. 283.

протоиерей С. Орлов и диакон Д. Поповицкий. В 1927 г. в школе обучалось 27 учеников: 12 мальчиков и 15 девочек²⁰. Уроки проходили в классах швейцарской школы. Сведений о закрытии школы не имеется. Ее роль в жизни русской колонии Женевы трудно переоценить. Обучение здесь являлось эффективным способом сохранения российскими детьми национального самосознания в чужой социокультурной среде.

В Швейцарии, по целому ряду причин, главной из которых являлось отсутствие денежных средств, не нашла распространения деятельность Русских курсов заочного преподавания, хотя такая форма обучения оказалась весьма востребованной в среде русской эмиграции в других странах. Курсы заочного обучения были созданы в 1921 г. в Берлине, с 1924 г. их перевели во Францию. За три года работы только в Берлине на курсах прошли обучение свыше шести тысяч человек из разных стран Европы, США, Африки, Дальнего Востока. Курсы были созданы для молодых людей, не имевших возможности поступить в иностранные учебные заведения из-за необходимости зарабатывать себе на хлеб. Поэтому курсы с разработанным методом заочного преподавания для многих являлись почти единственно доступным способом получения образования или приобретения прикладных знаний.

30 сентября 1924 г. И.Н. Ефремов получил письмо от директора Русских курсов заочного преподавания А.Ф. Андерсона, в котором тот обратился с просьбой поддержать его предложение начать работу курсов в Швейцарии. А.Ф. Андерсон подчеркивал, что курсы, «преследующие лишь интересы русского учебного дела за границей и совершенно отбрасывающие какие-либо коммерческие цели — приобрели общественное значение для русской эмиграции и вправе рассчитывать на активную поддержку со стороны русских учреждений и организаций»²¹. Однако при зачислении на курсы с учащихся взималась плата за обучение. Как пояснил Андерсон, это было связано с желанием руководства курсов оставаться относительно самостоятельными в своей работе от американского Христианского союза молодых людей, на средства которого они были созданы. В ответном письме И.Н. Ефремов, обещая свое содействие в распространении сведений о курсах заочного обучения, его программах и методах обучения, отметил, «что в Швейцарии почти нет той категории русских беженцев, которые могли бы воспользоваться курсами»²².

С 1925 г. российская эмиграция начала отмечать День русской культуры, приуроченный ко дню рождения великого русского поэта А.С. Пушкина, творчество которого символизировало величие русской культуры. Организаторы празднования ставили перед собой несколько задач, в том числе объединение разбросанных по многим странам мира психологически неподготовленных к жизни вдали от Родины соотечественников. Однако одной из важнейших задач, решить которую должен был этот общеэмигрантский праздник, являлось национальное воспита-

---

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

²¹ Там же. Ф. Р-5760. Оп. 1. Д. 15. Л. 29 об.

²² Там же. Л. 30.

ние молодого поколения эмиграции, чье духовное состояние во многом зависело от влияния культуры принимавшей страны. Праздник русской культуры стал, по сути, еще одним важным этапом в борьбе с денационализацией русских детей в изгнании.

Швейцария вошла в число тринадцати стран, в которых российские эмигранты сразу же поддержали идею ежегодно отмечать День русской культуры. Дни празднования стали важной частью жизни русской диаспоры в Швейцарии. Из истории проведения Дней русской культуры известно, что, как правило, большой размах празднование приобретало в тех странах, где русские колонии были большими. Там же, где русских проживало мало, празднование проходило более скромно.

Швейцария оказалась, пожалуй, исключением. Торжественные мероприятия проводились в Женеве, Лозанне, Монтрё, Кларане. Наибольший размах празднование Дня русской культуры приняло в Женеве. Известные эмигрантские газеты, такие как «Руль», «Возрождение», «Последние новости», широко освещавшие на своих страницах участие русских эмигрантов в пушкинских днях в разных странах, отмечали, что мероприятия в Швейцарии по своему размаху мало в чем уступали крупным эмигрантским центрам.

В Женеве инициатором проведения Дня русской культуры в 1925 г. стало Русское общество. Его председатель Ю.И. Лодыженский был в числе первых, кто откликнулся на призыв Центрального оргкомитета Дня русской культуры (ДРК) в Праге.

Сам Ю.И. Лодыженский не входил в состав комитета по подготовке празднования в Женеве. Загруженный служебными обязанностями в качестве постоянного представителя Российского общества Красного Креста (РОКК) при международных гуманитарных учреждениях Женевы, работой в совещательном комитете при Верховном комиссариате Лиги Наций по делам русских беженцев и в деятельности многих эмигрантских организаций, он не имел такой возможности. Тем не менее Ю.И. Лодыженский ежегодно принимал самое активное участие в пушкинских праздниках.

В состав оргкомитета по проведению ДРК в Женеве вошли известные в эмиграции общественные деятели и представители русской культуры: Б.А. Никольский (председатель), А.А. Ростовцев, Н.М. Языков, протоиерей С.И. Орлов.

В 1925 г. празднование Дня русской культуры проходило в зале местного музея изящных искусств художественного общества Атенэ. По этому случаю зал был украшен российскими трехцветными флагами, а учащиеся русской школы были одеты в национальные костюмы. Председатель оргкомитета Б.А. Никольский обратился к собравшимся с приветственной речью, в которой отметил: «Празднование Дня русской культуры установлено в годовщину — 126-ую в нынешнем году — рождения Пушкина. Трудно было сделать лучший выбор. Трудно было выбрать более яркий символ полного слияния всего существа человеческого с Родиной. Ведь Пушкин немислим без России, вне ее, как Россия последнего столетия, наша Россия, немислива без Пушкина. Его сказками мы начинали жизнь. Его герои были мечтой нашей молодости. Стоит

теперь, после всего пережитого, наугад перелистать Пушкина, чтобы убедиться, что его неизжитому обаянию все возрасты покорны»²³. Рассчитанный на четыреста мест зал оказался заполненным. Вечер длился около трех часов. В концертной программе прозвучали отрывки из произведений А.С. Пушкина и других русских классиков. Участники праздника водили хороводы, исполняли народные песни. Присутствовавшие, как отметила газета «Возрождение», почувствовали «себя опять на Родине». «Праздник, к которому очень основательно готовились в школе, оказался светлым пятном в невеселой беженской жизни, и оставил у всех глубокий, яркий след <...>. Если судить по женеvским впечатлениям, мысль о праздновании Дня русской культуры — одно из самых ценных, если не самое ценное достижение беженства, почувствовавшего в этот день свои неизжитые силы и тесную связь с не по своей воле покинутой Родиной»²⁴, — сделала вывод газета.

Отличительной особенностью празднования Дня русской культуры в Женеве в 1926 г. стало участие в нем большого числа детей эмигрантов. «Возрождение» отметило, что праздник носил «более семейный характер». В концертной программе вечера приняли участие в основном дети и молодежь — ученики русской школы и образованного в 1926 г. Кружка русской молодежи. Газета подчеркнула, что юные артисты «показали своей игрой с чисто эмигрантским говором, насколько полезны и необходим для них День культуры»²⁵.

В день празднования был произведен сбор средств в пользу Общества русских инвалидов. В ряде других стран, в которых обосновались эмигранты из России, отмечался День русского инвалида. В Швейцарии такая акция не проводилась. Протоиерей С.И. Орлов уведомил председателя Союза русских военных инвалидов генерала Н.Н. Баратова о том, что сбор денежных средств в пользу Союза будет произведен во время мероприятий, связанных с проведением Дня русской культуры. Перед участниками праздника с призывом оказать материальную помощь инвалидам выступил Ю.И. Лодыженский. Его поддержал вышедший на сцену в походной офицерской форме член комитета ДРК Н.М. Языков. Впоследствии участники проведения пушкинских праздников неоднократно собирали средства в пользу русских военных инвалидов.

Ежегодное проведение Дня русской культуры стало ярким подтверждением того, что этот праздник стал неотъемлемой частью жизни русской Женевы. В 1929 г., когда он проводился в пятый раз, газета «Руть» подчеркнула, что Женева «принадлежит к числу зарубежных центров, где празднование Дня русской культуры стало прочной традицией»²⁶. Юбилейный праздник в Женеве отмечался торжественно и очень достойно. В воззвании Комитета по устройству Дня русской культуры говорилось: «Русская культура — наша держава. Держава великая. Она властно держит нас, рассеянных и рассыпанных по всему свету, в добровольном

---

²³ ГА РФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 47. Л. 24.

²⁴ Там же. Д. 38. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ Там же. Л. 20.

и дружном подчинении светлым заботам доброй русской старины. Она помогает нам не униженно, с достоинством переносить все невзгоды»²⁷.

В празднике русской культуры в 1931 г., по свидетельству газеты «Последние новости», активное участие приняли «русские швейцарцы», «швейцарцы по крови и русские по культуре, любящие Россию». По их предложению, вечер отмечался в «Русском уголке», Русско-швейцарском женевском клубе, созданном в 1930 г. русскими эмигрантами и швейцарцами, жившими в свое время в России²⁸.

Сведений о праздновании Дня русской культуры в более поздний период не сохранилось.

Перед российскими эмигрантами, проживавшими в Швейцарии в 1920–1930-е гг., стояли труднейшие задачи по организации помощи многочисленным категориям неимущих соотечественников, проживавших в этой стране, старикам, инвалидам, безработным. Тем не менее, несмотря на малочисленность колонии, скромные возможности из-за отсутствия средств, забота о детях была всегда в центре их внимания. В результате успешно решалась задача по сохранению родной культуры и народных традиций, что позволяло, с одной стороны, передавать молодому поколению свои идеалы, с другой — способствовало интеграции молодежи в жизнь швейцарского общества.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

Руднев 1924 — *Руднев В.В.* Зарубежная русская школа. 1920–1924. Париж, 1924.

---

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

²⁸ Там же. Д. 38. Л. 14.

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ XX в.
И СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
Из собрания Дома русского зарубежья

В.С. Хитрово

ПОХОД В ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ. ВТОРЖЕНИЕ

Предисловие, подготовка текста и примечаний

И.В. Домнина и Н.Д. Егорова

В связи со 100-летием начала Первой мировой войны внимание к истории этой войны, ко всем ее аспектам и участию в ней России значительно возросло. В архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына хранится немало источников по данной теме. Для настоящего выпуска «Ежегодника» мы отобрали фрагмент из не публиковавшегося ранее труда полковника В.С. Хитрово «Война 1914–1917. Поход в Восточную Пруссию». Он касается начальных страниц боевой летописи последней войны Российской Императорской армии. Заметим также, что Восточная Пруссия была единственной частью Германской империи, на которой в 1914–1917 гг. велись военные действия, ибо в основном немецкие войска воевали на чужой территории.

* * *

Вначале — об авторе. Владимир Сергеевич Хитрово родился в 1891 г. Учился в Орловском Бахтина кадетском корпусе, а затем в Пажеском его императорского величества корпусе; в старшем классе состоял камер-пажом государя императора Николая II. В 1910 г. по окончании корпуса был произведен в подпоручики полевой конной артиллерии с прикомандированием к гвардейской конной артиллерии, составлявшей бригаду, и назначением в ее 5-ю батарею. На следующий год переведен в гвардию. С началом войны с батареей вышел на фронт. В 1915–1916 гг. по собственному желанию служил в пехоте, командуя ротой в 51-м Литовском государя наследника цесаревича полку. Закончил войну осенью 1917 г. командиром 5-й батареи в звании полковника. Был награжден Георгиевским оружием и многими орденами. Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии. Затем — в эмиграции: до 1924 г. в Сербии, позже во Франции.

В Париже Владимир Сергеевич Хитрово сразу вошел в круг сослуживцев по родной бригаде и Российской Императорской гвардии. В 1929 г. было создано Общество взаимопомощи офицеров лейб-гвардии конной артиллерии в Париже под председательством великого князя Андрея Владимировича. В.С. Хитрово много лет состоял секретарем Общества, был его архивистом, а с начала 1960-х гг. до своей кончины (1968) — председателем. Он приложил огромные усилия для систематизации архива и музейной коллекции Общества. Кроме того, Владимир Сергеевич на протяжении десятилетий вхо-

дил и в другие объединения военной эмиграции, в том числе Гвардейское, где играл весьма заметную роль.

В.С. Хитрово неустанно трудился и на военно-историческом поприще. Его публикации можно встретить в «Русском инвалиде», «Часовом», «Военно-историческом вестнике» и других изданиях эмиграции. В 1930-е гг. прочитал десятки докладов на открытых собраниях Гвардейского объединения и военно-исторических собраниях Гвардейской конницы, а в 1960-е гг. также возглавлял Общество ревнителей русской военной старины. Соратники видели в нем человека, «заслужившего всеобщее уважение своим благородством, простотой, прямолинейностью и твердостью своих убеждений, сочетававшей с большой терпимостью к чужим мнениям» [Отправления Общества... 1968, с. 2].

В октябре 2014 г. архив Общества взаимопомощи офицеров лейб-гвардии конной артиллерии был торжественно передан Дому русского зарубежья имени Александра Солженицына Объединением потомков офицеров лейб-гвардии конной артиллерии (Париж). Это чрезвычайно ценное поступление. Наряду с изумительным по полноте текстовым материалом по истории этого соединения Российской Императорской гвардии, составленным под руководством и при самом живом участии великого князя Андрея Владимировича, в нем находятся уникальные фотоальбомы и отдельные коллекции фотографий, а также переписка, собрание воспоминаний и статей офицеров Общества. Среди них и воспоминания В.С. Хитрово, дополненные фотоснимками (довоенный период) и фотоальбомом (война), где автором атрибутирован каждый из двух сотен сюжетов, в том числе относящихся к началу войны и походу в Восточную Пруссию. Здесь же прекрасно исполненные автором схемы. Правда, по неизвестной причине, в архиве не оказалось части текста, посвященной Великой войне. Зато копия этой части обнаружилась в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США), с которым у нашего Дома давние тесные партнерские отношения, и благодаря куратору архива, протоиерею Владимиру Цурикову, нам удалось восполнить утрату, хотя бы и скопированным вариантом. Вероятно, Владимир Сергеевич Хитрово как умудренный историк и весьма предусмотрительный человек одну из копий труда передал в Джорданвилль. Не исключено, однако, что она оказалась в Америке и без участия автора.

«Поход в Восточную Пруссию» В.С. Хитрово, по всей вероятности, был завершен к середине 1940-х гг. К этому времени отечественная историография вторжения войск Российской империи в Восточную Пруссию и боевых действий на ее территории уже насчитывала ряд трудов, сборников документов и множество отдельных статей. Авторы публикаций, вышедших в Советском Союзе, основное внимание уделяли аспектам военного искусства, действиям дивизий, корпусов, армий [Радус-Зенкович 1920; Цихович 1922; Вацетис 1923; Рогвольд 1926; Евсеев 1936; Кузнецов 1936; Восточно-Прусская операция 1939; Коленковский 1940 и др.]. Как правило, «молекулярный уровень» войны, боевая история рот (батареи), батальонов (дивизионов), полков (отдельных артиллерийских и специальных частей) игнорировались. В эмиграции, напротив, в силу отсутствия необходимых архивных документов прежде всего соз-

давались мемуары, отражающие личный опыт, впечатления и размышления участников боевых действий (немногими исключениями являются: [Головин 1926; Керсновский 1933–1938]). К тому же практически все описания персонафицированы, в них фигурируют не только крупные военачальники, но и старшие, младшие офицеры, а зачастую и нижние чины. Благодаря этому для истории запечатлены многие имена героев, ратных тружеников Великой войны [Воронович 1924; Розеншильд-Паулин 1926; Андреев 1928; Гоштовт 1931; Сергеевский 1933; Звегинцов 1936 и др.].

Хитрово в конце войны командовал артиллерийской батареей, следовательно, в боевой практике и задачах не поднимался выше тактического уровня. В то же время в своем творчестве он вполне уверенно анализирует проблемы не только тактического, но и оперативно-стратегического характера. Это свидетельствует о том, что на чужбине Владимир Сергеевич находил силы и время для профессионального развития, расширения своего военно-теоретического кругозора, совершенствования военной культуры.

Свою задачу автор изложил следующим образом: «Настоящие воспоминания написаны для того, чтобы запечатлеть для истории действия 5-й батареи лейб-гвардии конной артиллерии в войну 1914–1917 гг. Отсутствие журнала военных действий батареи, отсутствие каких-либо официальных документов и дневников лишает меня возможности написать историю батареи и вынуждает придать моему изложению характер *личных воспоминаний*. Вот почему в части, касающейся действий батареи, читатель найдет подробное описание событий, в которых я участвовал сам, и умолчание или упоминание вскользь о тех, где меня не было. Иначе поступить я не мог. Я пишу только о том, что помню, что врезалось у меня в память, или о том, что могу подтвердить ссылкой на серьезные источники»¹.

В десяти главах отражены мобилизация и сосредоточение, пограничные боестолкновения, вторжение на территорию Германии, знаменитый бой у деревни Каушен, сражения у города Гумбиннен и у Мазурских озер, отход из Восточной Пруссии и некоторые другие эпизоды. Вниманию читателей предлагается только одна глава — «Вторжение».

Следует иметь в виду, что при рассмотрении событий в Восточной Пруссии основные усилия отечественных историков направлялись на изучение гибели 2-й армии генерала Самсонова. Ее трагедия как бы заслонила собой освещение других, более удачных действий 1-й армии того же Северо-Западного фронта. А 5-я батарея лейб-гвардии конной артиллерии, в которой воевал В.С. Хитрово, входила в состав 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Следовательно, речь идет как раз о 1-й армии.

И уже поэтому, как всякие новые документы и материалы по данной тематике, источник представляет значительный интерес. Но прежде всего эти воспоминания ценны своей содержательностью: важными деталями, фактами, выразительными сценами, меткими оригинальными наблюдениями, глубокими, обоснованными и поучительными выводами. Они правдивы, открыты, как почти вся военная мысль русского зарубежья.

---

¹ Здесь и далее автор воспоминаний цитируется по рукописи, подготовленной к печати.

Например, перечисляя соединения кавалерийской группы вторжения, Хитрово обращает внимание на сложность взаимоотношений старших начальников как следствие непродуманных кадровых решений высших руководителей, что пагубно сказывалось на управлении войсками. Автор также указывает на недостатки войск, перешедших границу, в их подготовке к войне на территории противника. Плохое знание особенностей местности создавало огромные сложности еще до боевого соприкосновения. Низкий уровень осведомленности о ситуации, предстоящих задачах зачастую был присущ не только командирам младшего и среднего звена, но даже многим старшим начальникам. «Куда мы идем и зачем мы идем, нам, младшим офицерам, сказано не было...», «Путаница была общая», — честно признается автор. Тогда же, в первые дни войны, офицерам пришлось столкнуться и с неудобными вопросами солдат, увидевших в Восточной Пруссии порядок, изобилие хуторского крестьянского хозяйства. Они спрашивали: «Почему у нас по-другому?» И командиры не знали, что отвечать подчиненным. К таким вопросам кадровое русское офицерство действительно было не готово, что особенно остро и самым трагичным образом сказалось в 1917 г.

В целом публикуемые воспоминания гвардейского офицера-артиллери-ста весьма красноречиво свидетельствуют о преждевременности наступления русской армии в Восточной Пруссии, предпринятого на пятнадцатый день после объявления мобилизации. Слишком многое было не подготовлено, механизм работы частей и соединений, штабов корпусов и армий в условиях боевой обстановки еще не был отлажен. И за это пришлось заплатить очень высокую цену.

Воспоминания изданы в соответствии с «Правилами публикации исторических документов...». Даты приводятся по старому стилю (кроме одного германского приказа). Географические названия приведены в соответствии с официально принятыми в свое время, при этом нужно учитывать, что в научной литературе и документах существуют определенные разночтения в их написании. Курсивом отмечены места, выделенные автором.

Подстрочные сноски автора сохранены без изменений. Примечания публикаторов и документы, приводимые автором в качестве приложений, помещены в конце текста.

Литература

- Андреев 1928 — *Андреев В.* Первый русский марш-маневр в Великую войну: Гумбиннен и Марна. Париж, 1928. 32 с.
- Бендерский 1929 — *Бендерский А.П.* «Легкая паника в Пилькаллене» // Лейб-драгуны дома и на войне. Париж, 1929. Вып. 2.
- Бендерский 1929а — *Бендерский А.П.* Слоеный пирог // Лейб-драгуны дома и на войне. Вып. 2. Париж, 1929.
- Вацетис 1923 — *Вацетис И.И.* Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и в начале сентября 1914 г. Стратегический очерк: (Действия 1-й и 2-й русских армий и 8-й германской армии). М., 1923. 105 с.

- Воронович 1924 — *Воронович Н.* Каушенский бой // Дни. 1924. 10 авг.
- Восточно-Прусская операция 1939 — Восточно-Прусская операция: Сб. док. М., 1939. 612 с.
- Головин 1923 — *Головин Н.Н.* Современная конница. Белград, 1923.
- Головин 1926 — *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. 436 с.
- Гоштовт 1931 — *Гоштовт Г.* Дневник кавалерийского офицера. Париж, 1931. 194 с.
- Евсеев 1936 — *Евсеев Н.Ф.* Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936. 301 с.
- Звегинцов 1936 — *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914–1920 год. Париж, 1936. 168 с.
- Керсновский 1933–1938 — *Керсновский А.А.* История Русской Армии. Белград, 1933–1938. Т. 1–4.
- Коленковский 1940 — *Коленковский А.К.* Маневровой период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. 368 с.
- Кузнецов 1936 — *Кузнецов Ф.И.* Действия III корпуса 1-й русской армии в августе 1914 года в Гумбинненском сражении / отред. и утв. А.К. Коленковский. М., 1936. Вып. 1–2.
- От правления Общества... 1968 — От правления Общества ревнителей русской военной старины // Военно-исторический вестник. 1968. № 31. С. 2.
- Радус-Зенкович 1920 — *Радус-Зенкович Л.А.* Некоторые выводы из сражения при Гумбиннене в августе 1914 г.: (Встречный бой) // Военно-исторический сб. М., 1920. Вып. 3. С. 74–95.
- Радус-Зенкович 1920а — *Радус-Зенкович Л.А.* Очерк встречного боя. По опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г. Критико-историческое исследование. М., 1920.
- Рогвольд 1926 — *Рогвольд В.* Конница 1-й армии в Восточной Пруссии (август — сент. 1914 г.). Л; М., 1926. 180 с.
- Розеншильд-Паулин 1926 — *Розеншильд-Паулин А.Н.* 29-я пехотная дивизия в первый поход в Восточной Пруссии: Из дневника начальника дивизии // Военный сб. Белград, 1926. Кн. 8. С. 221–245.
- Сергеевский 1933 — *Сергеевский Б.Н.* Пережитое, 1914. Белград, 1933. 190 с.
- Цихович 1922 — Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1922. Ч. 1: Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва / сост. Я.К. Цихович. 224 с.

Одно из обязательств, взятых нами на себя в развитие франко-русской военной конвенции, заключалось в том, что русская армия начинала наступление против Германии на пятнадцатый день мобилизации.

Первым днем русской мобилизации было 18 июля, пятнадцатым — 1 августа, и 31 июля главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Жилинский посылает командующим армиями директиву № 1¹.

В ней сказано о намерении главнокомандующего перейти в решительное наступление против германских войск, оставленных в Восточной Пруссии, с охватом обоих флангов противника.

Во исполнение этого 1-й армии утром 3 августа предписывалось перейти границу конницей, а 4 августа пехотой, направляя корпуса на линию Инстербург — Ангербург.

Неприятель, говорится далее, должен быть на всем фронте и во всех случаях энергично и с упорной настойчивостью атакован.

Во исполнение этой директивы войска 1-й армии утром 1 августа двинулись из районов сосредоточения к государственной границе.

Ни одна из второочередных дивизий еще не прибыла, и потому армия перешла в наступление в составе 6½ пехотных и 5½ кавалерийских дивизий*.

На следующий день, 2 августа, командующий 1-й армией в свою очередь рассылает директиву № 1² и приказ № 2³, которыми правой группе армейской конницы ставится задача: «Выступить по направлениям... на Инстербург в обход Сталупенена и Гумбиннена с севера»⁴. Границу перейти 3 августа.

Кроме того, на конницу возлагалась задача по возможности скрыть направление движения корпусов армий и помешать угону подвижного состава железных дорог.

Бригаде генерала Орановского⁵, обеспечивая правый фланг армии, 4 августа достигнуть Шилленена. По смыслу этого приказа выходило, что правая группа армейской конницы должна к вечеру 2 августа стянуться к правому флангу в районе Владиславова, но очевидно, что одновременное выполнение задачи по скрытию движения армейских корпусов становилось невыполнимым.

---

* III, IV, XX армейские корпуса и 5-я стрелковая бригада, 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии, 1, 2 и 3-я кавалерийские дивизии и 1-я отдельная кавалерийская бригада. — *Примеч. авт.*

Соответствующие распоряжения получены были в штабе 2-й гвардейской кавалерийской дивизии после окончания боя вечером 1 августа. День 2 августа прошел в хозяйственных распоряжениях и приготовлениях к предстоящему походу.

Рано утром в воскресенье 3 августа генерал Хан Нахичеванский⁶ прибыл со штабом во Владиславов. Свои соображения о сосредоточении сюда всех дивизий, для дальнейшего наступления на Пилькаллен, он сообщил штабу армии, но, не получив ответа и считая, что план одобрен, приступил к его выполнению.

Первоначальное предположение начать наступление в 6 часов утра, для чего весь отряд должен был собраться к Владиславоу еще накануне, не могло быть осуществлено из-за того, что накануне, 2 августа, 2, 3 и 1-я гвардейская кавалерийские дивизии оказались втянутыми в бой с начавшими у Вержболова наступление немцами. Из них 3-я дивизия смогла выйти из боя только к ночи, будучи сменена подошедшим авангардом нашей пехоты.

Таким образом, правая группа армейской конницы сосредотачивалась к Владиславоу лишь к 11 часам утра 3 августа.

В составе ее произошли изменения. Павлоградский гусарский полк с одной конной батареей передан в XX армейский корпус. Оставшиеся два полка 2-й дивизии подчинены генералу Бельгарду⁷ и с тремя полками его дивизии составили одну сводную кавалерийскую дивизию. Всего в группе в день перехода ее в наступление насчитывалось 70 эскадронов, 7 батарей (42 орудия) и 32 пулемета⁸.

Хотя формирование этой конной группы и было предусмотрено в мирное время, никаких предположений о сформировании управления ее не было сделано. Поэтому штабу 2-й кавалерийской дивизии пришлось первоначально исполнять одновременно две роли, а со сведением 2-й и 3-й в сводную, сделаться штабом группы, для чего он оказался слишком малочисленным, а главное — лишенным технических средств.

У Хана Нахичеванского уже с начала войны находилось в подчинении три начальника дивизии, которые все три были старше его по производству в генерал-лейтенанты. Мало того, еще недавно Хан, командуя Конной Гвардией, находился сам в прямом подчинении у генерала Кознакова, тогда и теперь начальника 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Генерал Раух был тогда же начальником Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, а генерал Бельгард, однополчанин Хана, был старше его по службе в полку.

Если прибавить к этому, что по странному стечению обстоятельств начальники штабов дивизий: 1-й гвардейской Леонтович⁹, 2-й гвардейской Богаевский и Сводной Максимович-Васильковский также оказались как по службе Генерального штаба, так и по производству в полковники старше начальника штаба группы полковника Чеснакова, то станет ясным та подчас нездоровая атмосфера, в которой протекала работа этих штабов.

Обстоятельства эти в какой-то мере, вероятно, влияли и на ход операций.

Произошло же это потому, что согласно проведенному Куропаткиным закону всякий георгиевский кавалер имел право один раз в течение своей службы ходатайствовать о получении нескольких лет старшинства.

Хан имел крест за японскую войну, правом этим воспользовался и оказался на несколько месяцев старше других начальников дивизий.

Целей, поставленных правой группе армейской конницы при наступлении в Восточную Пруссию, последняя не достигла и надежд, на нее возлагавшихся, не оправдала.

Какая тому причина?

При исключительной доблести наших частей и их высокой тактической подготовке, ответ может быть только один: отсутствие кавалерийских вождей. Но этим ответом вопрос не исчерпывается.

Конница наша воспитана была в преклонении перед действием холодным оружием. Ее начальники — на идее шока кавалерийских масс¹⁰, и все их действия в первый период войны свидетельствуют о том, что в возможность этого шока они искренно верили.

Столкновения конных масс они ждали, столкновений конных масс желали и крайне были удивлены и на немцев негодовали, когда столкновения этого не произошло.

В ожидании этого, никогда не осуществившегося столкновения, дивизия Хана при вторжении в Восточную Пруссию водились тремя колоннами на столь узком фронте, что мы подчас простым глазом видели своих соседей. Расстояние между колоннами иногда не превышало 1½ верст. А в приказе, отданном Ханом еще 28 июля, сказано прямо: «При походе в боевой обстановке дивизиям держаться 1½–2 версты друг от друга».

И если распоряжение это отвечало «Наставлению для действия крупных кавалерийских частей» (приложение к Уставу строевой службы кавалерии), то в данном случае совершенно не отвечало обстановке, являясь основной причиной нашей медлительности со всеми проистекавшими отсюда действиями. И нигде как в этом случае не применимы слова Петра Великого: «Не держись устава, яко слепой стены».

А не отвечало это распоряжение обстановке потому, что местность, на которой мы оперировали, была соответствующим образом подготовлена и исключала возможность маневрирования крупных кавалерийских масс.

Пограничная полоса, шириной около 50 километров, в такой степени опутана проволокой, что движение по местности, даже дозоров, вызывало серьезные затруднения. Проволочные заборы были на каждом шагу, проволокой огорожены фермы, проволокой разграничены все участки. Встречалась она всех видов и размеров и местами была настолько толста, что не поддавалась резке даже специальными ножницами.

Невольно возникает вопрос. Обстоятельство это должно было быть известно разведывательному отделению штаба Виленского военного округа, и конница, предназначенная планом войны для действия в этом районе, об этом осведомлена, соответствующим образом подготовлена и, во всяком случае, широко снабжена специальными ножницами. Ничего подобного сделано не было. Наличие прово-

локи явилось для нас неожиданностью настолько, что по свидетельству генерала Рауха им из Пильвишек командированы были в Ковно люди с приказанием закупить все виды ножниц, которые найдутся на вольном рынке.

Кроме того, имелось большое количество водоотливных канав. Канавы же были почти вдоль всех дорог, большинство которых обсажено также деревьями и при движении временами создавалось впечатление, что идем мы узкими коридорами, выбраться из которых не всегда легко.

К этому нужно прибавить, что все строения были каменные, хутора обнесены солидными стенами с проделанными подчас бойницами и встречались хутора на каждом шагу.

Очевидно, что при этих условиях тормозить наше движение ничего не стоило. Достаточно было кучки велосипедистов, засевшей за одним из строений, чтобы надолго задержать дивизию, и тактика эта широко практиковалась немцами. У меня сложилось определенное впечатление, что появление велосипедистов, сыгранная ими роль и применявшаяся тактика явились неожиданностью для наших начальников, встречавших назойливый огонь отдельных стрелков там, где полагалось быть стройным рядам неприятельской конницы.

Единственным средством являлось движение очень широким фронтом, но сделано это не было, и из дальнейшего изложения станет видно, что правую группу армейской конницы, перешедшую границу 3 августа, два дня спустя, к вечеру пятого, догнала пехота, начавшая наступление сутками позже.

Простейшим способом выполнения поставленной Хану задачи являлось движение от Владиславова прямо на запад по шоссе на Виллунен, Пилькаллен и Куссен.

Загадывать о том, что было бы — если бы, в вопросах военных несерьезно и бесполезно, но в данном случае с полной уверенностью можно сказать, что в случае выбора этого направления, Пилькаллен, отстоявший от границы всего в 23 километрах, был бы занят нами на сутки раньше, чем это было, в самом деле, т. е. к вечеру 3 августа. Тем более что на пути нашего движения мы могли встретить лишь всё ту же 1-ю германскую кавалерийскую дивизию, которая со своими 24 эскадронами не могла оказать нам серьезного сопротивления.

Таков, по свидетельству полковника Чеснакова, и был первоначальный проект Хана, с которым он прибыл во Владиславов, где в 7 часов утра собрал старших войсковых начальников, для передачи им своих приказаний.

Намечалось, что 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, переправившись у Владиславова, двинется на Пилькаллен, за ней 1-я гвардейская кавалерийская. Сводная, смененная в ночь со 2-го на 3-е пехотной, пройдя Владиславов, должна была идти в правой колонне.

Предоставляю слово генералу Чеснакову: «Собравшиеся начальники дивизий напали на Хана за то, что он ведет рискованную игру, попав под влияние своего начальника штаба. По-моему, суть дела заключалась в том, что Рауху, *не терпевшему опасных положений*, не хотелось первому принять (начать) удар; не активнее

его были и Казнаков и Бельгард. Поддержанный Генерального штаба капитаном Чайковским, я горячо возражал, но Хан после долгих колебаний уступил авторитету начальников дивизий и изменил приказ»*.

Следствием всего этого явилось движение конницы на север, причем 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, у Владиславова, должна была двигаться левым берегом Ширвиндты по дороге на север, оставляя слева болото die grosse Plinis. Остальные дивизии должны были двигаться на север правым берегом реки и переправиться на левый: 1-я гвардейская против деревни Будувенен, сводная у деревни Жолтины.

Конечной целью движения являлось занятие местечка Лилинен. Обозы 1-го и 2-го разрядов приказано оставить в Владиславове. С собой взять только зарядные ящики, патронные двуколки и лазаретные линейки. Выступление назначено в 10 часов утра.

2-я гвардейская кавалерийская дивизия еще в 8 часов утра собралась у западной окраины Ширвиндта и здесь простояла часа три, ожидая возвращения генерала Рауха, уехавшего на совещание к начальнику конницы. Вернулся он около 11 часов, и вслед затем дивизия вытянулась, имея в авангарде Уланский полк со взводом 2-й батареи. Слева движение прикрывалось боковым отрядом в составе двух эскадронов.

При подходе к деревне Дористаль колонна остановилась, и началось бесконечное томительное ожидание. Куда мы идем и зачем мы идем, нам, младшим офицерам, сказано не было. Как общее правило, официальным путем сверху нас, за крайне редкими случаями, никогда ни о чем не осведомляли. Во всех последующих операциях нам лишь случайно и урывками удавалось получить ориентировку, и для этого нужно было куда-то пойти, кого-то расспросить, кого-то по дороге поймать, причем сведения, этим путем приобретенные, не всегда были точны. От нас делали секрет из самых простых невинных вещей, и если в неведении были мы, то ясно, что солдаты наши ходили в потемках.

Любопытно, что на отсутствие ориентировки горько сетует генерал Раух, и это дает основание заключить, что слова Суворова: «Всякий воин должен понимать свой маневр» оставались у нас пустым звуком.

Находясь на своей территории, мы пользовались своей прекрасной двухверстной картой, чрезвычайно точной, наглядной и хорошо исполненной. Карта Германии в масштабе 1:100 000 оказалась гораздо хуже, и то обстоятельство, что все названия написаны были по-немецки, сильно затрудняло пользование ею нижними чинами.

Стоял теплый, пасмурный день, временами накрапывал дождик.

Било в глаза богатство края. Фермы полны были клевера, сена, пшеницы, овса. На полях паслись стада овец и рогатого скота. Изобилие птицы, свиней и домашних животных. Среди лошадей выделялись прославленные тракены¹².

«Ваше благородие, откуда такое богатство, почему такая разница с Россией?» — задавали вопросы солдаты, ставя в тупик молодого офицера.

* Чеснаков П.В. Конница Хана Нахичеванского. 1937. — Примеч. авт.

Дороги местами обсажены фруктовыми деревьями, увешанными в это время года плодами. Деревья эти меня особенно поразили, и я невольно задал себе вопрос, что случилось бы с фруктами, если бы идею такой посадки осуществить, скажем, у нас в Орловской губернии, где для охраны фруктового сада нужны были сторожа, вооруженные ружьями.

Часть жителей ушла. Оставшиеся попрятались по домам и смотрят на нас волками. Резко чувствовалось, что мы в неприятельской стране и население принимает активное участие в борьбе с нами. С первых же дней обратили внимание на два явления. Крылья ветряных мельниц, количество которых в крае огромно, при нашем приближении начинали вращаться, независимо от того, имеется ветер или нет. Затем загорались стога или копны, и дым их неизменно сопровождал наше движение.

Поражало количество велосипедистов.

На второй или третий день штабом дивизии стали расклеиваться размноженные на ротаторе воззвания, автором которых был гусар Остен-Сакен и в которых население призывалось к спокойствию. «Ostpreußische Bürger¹²» начиналось воззвание, заканчивающееся угрозой по адресу тех, кто позволит себе выступление против русских войск.

Причиной стояния нашего у Дористаля явилась задержка в движении правых колонн. 1-я гвардейская кавалерийская дивизия переправилась в указанном ей месте, Сводная же переправиться у Жолтин не смогла и, продвинувшись далее на север, перешла на левый берег реки у деревни Рукше.

Наконец в 14 часов Хан отдал приказ о движении на Шиллене. Сводная дивизия должна была охватить город с севера, 1-я гвардейская наступать с фронта, а мы подойти с юга. Томительное ожидание наше кончилось, и в 16 часов мы двинулись наконец вперед.

Никакого противника, кроме разъездов, в Шиллене не оказалось, и город был занят без боя.

Вся наша дивизия еще засветло стала квартиробиваком в деревне *Ингляуден*. 1-я гвардейская кавалерийская в Шиллене, Сводная в районе к северу. Выставлено кольцевое сторожевое охранение. Ночь провели не расседывая.

По этому поводу вспоминается мне один из докладов, прочитанных мною в Париже на собрании конницы, на котором присутствовал генерал Гурко. Гурко в описываемый мною период командовал 1-й кавалерийской дивизией, перевезенной из Московского округа к левому флангу 1-й армии, где дивизия его составила левую группу армейской конницы. В первых же столкновениях Гурко выдвинулся как выдающийся генерал и кавалерийский начальник, в 1916 году исполнял должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, и мнение его очень авторитетно. По окончании моего доклада Гурко взял слово и высказался против системы ночевки не расседывая, совершенно резонно указывая, что это очень изнурительно для лошадей, в данном же случае и не оправдывается обстановкой, т. к., с одной стороны, никакого противника вблизи не было, с другой, нам предстояло идти в наступление и нужно было особенно беречь лошадей.

К вечеру 3 августа главные силы 1-й армии подошли к государственной границе. Штаб нашего ближайшего соседа, XX корпуса генерала Смирнова, заночевал в Пильвишках. Его правофланговая 28-я дивизия между Владиславовым и деревней Жерделе; авангард другой, 29-й, дивизии этого корпуса занял деревню Слибины.

В состав 28-й пехотной дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Лашкевич, входили полки: 109-й Волжский, 110-й Камский, 111-й Донской и 112-й Уральский.

Район наступления XX корпуса ограничивался с севера линией Ширвиндт — Виллунен — Пилькаллен — Куссен.

При взгляде на карту становится ясно, что за день 3 августа конница Хана Нахичеванского не углубилась в неприятельскую территорию, отойдя от границы всего на 4 версты, и к вечеру находилась на линии пехотных авангардов.

Ночь с 3 на 4 августа 1-я германская кавалерийская дивизия провела в районе Пилькаллен, о чем донесла Хану его разведка, и, получивши эти сведения, он принимает решение двинуться на нее для того, чтобы атаковать и разбить.

В *понедельник 4 августа* отряд наш, как и накануне, направился тремя колоннами. Правая, Сводная кавалерийская дивизия, шла на Серделен, Киаушен, Патильшен, Уздруген. Средняя, 1-я гвардейская кавалерийская дивизия, на Крушен, Грумковкайтен, Ушбаллен. 2-я гвардейская кавалерийская в общем направлении на Виллунен, Пилькаллен.

Еще с вечера отдано приказание быть готовым к выступлению в 8 часов утра. К указанному часу дивизия наша собралась на сборном месте у западной окраины деревни Ингляуден и, спешившись, ожидала прибытия начальника дивизии.

В это время над нашими головами появился германский аэроплан. Никем не тревожимый, низко летел он, и сидевший в нем летчик лейтенант Гантер донес о том, что обнаружил в районе Шиленена шесть биваков русской конницы, на которые и сбросил свои бомбы*.

Бомба над нашей дивизией сброшена была в то время, когда мы, спешившись, стояли в резервной колонне, ожидая приезда начальника дивизии. Упала она на пахотное поле шагах в ста, и эффект ее разрыва был равен нулю. Не только воронка оказалась ничтожной, но ни одна из пуль, начинявших бомбу, ни один осколок до нас не долетели. Я пошел посмотреть. Подобрал несколько круглых пуль и куски оболочки, напомиравшие скорее куски жестяной коробки, чем бомбы. Впоследствии пришлось также видеть небольшие острые стрелы, сбрасывавшиеся в начале войны с германских аэропланов.

Около двух часов простояли мы на сборном месте и только в 10 часов двинулись в путь.

Порядок следования тот же, что и накануне. В авангарде Уланы со взводом 2-й батареи под командой Мариновича. В голове нашего дивизиона 2-я батарея.

Путь наш пролегал по великолепному широкому шоссе, обсаженному огромными деревьями и обнесенному большими канавами. По краям, почти непре-

---

* *François, von H. Marneschlacht und Tannenberg, betrachtungen zur deutschen Kriegsführung der ersten sechs Kriegswochen, von Hermann v. François; mit zahlreichen kartenskizzen im text und 14 kartenanlagen. B., 1920. S. 176. — Примеч. авт.*

рывной стеной, белые камни, которые, должно быть, очень облегчали движение ночью, но делали почти невозможным выезд на позицию батарей. Справа и слева поля покрыты густой сетью проволочных заборов.

Около деревни Радшен дивизия свернула вправо на полевую дорогу, и, не доходя Виллунена, авангард ее был обстрелян взводом неприятельской артиллерии, стрелявшей на пределе, откуда-то из района деревни Шварпельн. Авангарду пришлось развернуться, взвод 2-й батареи выехал на позицию и удачно обстрелял появившиеся впереди небольшие колонны неприятельской конницы.

Более серьезное сопротивление, подходя к деревне Лаугаллен, встретила 1-я гвардейская кавалерийская дивизия, авангард которой встречен был от деревни Грумковкайтен огнем целой батареи, и лишь Сводная дивизия могла продолжать движение, имея перед собой только разъезды.

В 12 часов дня огонь прекратился, вслед за тем получены были вести о том, что противник отходит, и дальнейшее движение наше продолжалось беспрепятственно. Но времени потеряно было много, дальнейший путь продолжали мы также ощупью и лишь в пятом часу остановились верстах в 6 от Пилькаллена. Спешились и стали уже поговаривать о высылке квартирьеров, как вдруг раздалась команда: по коням, садись.

Затем все понеслись вперед. Объяснить себе то, что случилось, я в первый момент не мог и скакал, стараясь не потерять из виду командира батареи, т. к. думал, что предстоит выезд. Полевым галопом неслась по шоссе батарея, с обнаженной шашкой в руке летел командир дивизиона, и вскоре, свернув с дороги, мы снялись с передков фронтом на Пилькаллен. Это был единственный за всю войну выезд батареи полевым галопом на открытую позицию.

Вправо и влево от нас, путаясь в проволоке, строили фронт полки.

Как узнал я впоследствии, в то время как мы стояли, получено было донесение о том, что у Пилькаллена обнаружена германская конница, которая собирается нас атаковать, и этим вызваны были наш выезд и построение дивизии. Огня открывать не пришлось, конницы мы не видели, и вскоре получено было приказание идти к Пилькаллену, который тем временем без боя занят был 1-й бригадой 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, подошедшей к городу с севера. Наши Уланы подошли к вокзалу одновременно с дивизионом Кавалергардов, высланным для его захвата.

Можно думать, что вся эта тревога с собирающейся атаковать нас неприятельской конницей вызвана была заболтавшимся разъездом 1-го драгунского полка, возвращавшимся с разведки и уничтоженным здесь.

В одном из домов у входа в Пилькаллен намечен был бивак дивизиона. Орудия 5-й батареи уже установлены были в парке, но лошади еще не распряжены, как вдруг со стороны города раздалась ружейная и пулеметная стрельба. Оттуда стали выскакивать отдельные всадники.

Часть офицеров вошла уже в домик.

Не дожидаясь никаких приказаний, командир батареи приказал запрягать и рязью вывел батарею из города, намереваясь занять позицию, с которой можно было бы открыть огонь по Пилькаллену. Ружейная стрельба скоро стихла, и надобность в нашем выезде миновала.

*Лейб-гвардии конная артиллерия на улицах г. Пилькаллен.
Восточная Пруссия. 4 августа 1914 г.*

Кем-то был пущен слух, упорно державшийся, о том, что в момент занятия города к вокзалу подошел поезд с германской пехотой, которая, ничего не подозревая, стала высаживаться и, будучи обстреляна нашей кавалерией, вступила с ней в бой. Основанием этому слуху послужило то обстоятельство, что по занимавшим вокзал кавалергардам несколькими пехотинцами, засевшими в одном из строений, действительно открыт был огонь, на который ответили наши пулеметы. Одновременно стреляли в разных частях города ландштурмисты и вольные стрелки, причем из второго этажа занимаемого ими дома обстрелян конвой штаба нашей дивизии. Дом этот, по приказанию генерала Рауха, взорван был нашей саперной командой.

Как бы то ни было, стало ясно, что ночевать в городе нельзя, и нам указано было стать в усадьбе, находящейся восточнее города, там, где на карте написано «Paslören». Драгунского полка ротмистр Бендерский рассказывает в статье, помещенной в выпуске II «Лейб-драгуны дома и на войне», о том, что усадьбу эту он уже занимал со своим эскадроном и, выехав по тревоге, встретил идущую к хутору 5-ю батарею¹³.

Действительно, в усадьбе этой мы разместились с драгунами. Вскоре прибыл весь полк во главе с командиром, и мы уступили им господский дом. С первых же дней войны у офицеров батареи вошло в обычай не забираться на ночь в дома и особенно не разбредаться, а располагаться на ночлег всем вместе и возможно ближе от солдат, что особенно важно было в этот вечер при том нервном настроении, которое создалось после Пилькалленской стрельбы. Осмотрев все углы и закоулки, мы ночь провели на сеновале.

Помнится, что такое скопление лошадей вызвало недостаток вод, и всю ночь у единственного исправного, скрипевшего колодца стоял хвост за водой, и к свету он был вычерпан до дна.

Орудия 5-й батареи близ границы Восточной Пруссии. Конец июля 1914 г.

2-я батарея и штаб дивизиона были, вероятно, с нами, но я этого не помню и утверждать не могу. Остальные полки обеих дивизий выведены были из города и ночевали в окрестных хуторах. Сводная дивизия в деревне Шаметкемен. В Пилькаллен она не входила. Сторожевое охранение выставлено кругом.

В день конница Хана Нахичеванского прошла около 20 верст, выйдя на то направление, с которого ушла накануне, сделав ненужный крюк на Шиленен. В своем донесении № 102 о действиях этого дня Хан Нахичеванский пишет, что неприятель «решительно избегает конных столкновений и быстро отходит»*.

26 июля штаб 8-й германской армии переехал в Мариенбург. Еще накануне он подтвердил генералу Франсуа свое приказание «впредь до распоряжения, оставаться с главными силами на реке Ангерап». Охрана границы должна вестись конницей, поддержанной небольшими частями пехоты и артиллерии.

Сведения, собранные германской разведкой в течение последующих дней, приводят его к решению активно противодействовать Неманской русской армии, главные силы которой ошибочно предполагаются южнее Роминтенской пуши. И 1 августа, в тот день, что корпуса нашей 1-й армии двинулись к государственной границе, генерал Притвиц отдает приказ о сосредоточении своей 8-й армии к ее левому флангу¹⁴.

Согласно этому приказу, туда перевозятся XVII армейский корпус и шесть резервных дивизий, а также подтягивается дивизия Бродрюка, составлявшая гар-

---

* Радус-Зенкович Л.А. Очерк встречного боя. По опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г. Критико-ист. исслед. М., 1920. С. 20. — Примеч. авт.

низон крепости Кенигсберга, и таким образом, для активных действий против нашей 1-й армии, перешедшей, как мы уже знаем, в наступление в составе 6½ пехотных дивизий, на реке Ангерап сосредотачивается 8½ германских*.

Мы видим из этого приказа, что I германскому корпусу приказано «оставаться» в районе Гумбиннен — Инстербург, т. е. там, где он на самом деле не находился. На самом же деле дивизии его выдвинуты были к границе и растянуты кордоном на фронте в 50 верст от Гольдапа до Сталупенена. Тяжелая артиллерия находилась в Гумбинене, в Инстербурге же находился лишь штаб корпуса.

Любопытно, что о неисполнении своего повторного приказа штаб 8-й германской армии узнал лишь 4 августа по прибытии в Бартенштейн.

Я говорил уже и в дальнейшем изложении приведу тому многочисленные примеры, как хромала у нас ориентировка. Хромала у нас и связь, но все же трудно представить себе командующего армией, который в течение недели пребывает в неведении об истинном расположении своих войск и отдает приказания, предписывающие корпусам оставаться там, где они не находятся. И это при условии нахождения на своей территории и возможности пользоваться всеми видами связи.

4 августа корпуса наши перешли границу. Обстановка на фронте 1-й армии складывалась для нее чрезвычайно благоприятно. Против 1-й германской пехотной дивизии, силой в 12 батальонов при 16 батареях**, выходило три русских (29, 25, 27-я) в составе неполных 41 батальона при 20 легких батареях.

Разыгравшийся у Сталупенена бой не дал, однако, решительных результатов. Если на нашем правом фланге совместными действиями 25-й и 29-й дивизий у Бильдервейчена одержан был крупный успех и захвачено 7 орудий и 12 зарядных ящиков¹⁵, то на левом фланге 27-й дивизии, у Гериттена, почти уничтожен 105-й пехотный полк, и вследствие этого генерал Франсуа имел возможность с наступлением темноты прекратить бой и отвести свои части к Гумбиннену, во исполнение нового, полученного в разгаре боя, приказания командующего армией.

Правый фланг 29-й дивизии дошел до деревни Дегезен.

28-я дивизия двигалась впустую, не имея перед собой противника. К вечеру она заняла Виллунен, выдвинув авангард к деревне Шварпельн.

1-я германская кавалерийская дивизия с утра выдвинулась навстречу наступавшему от Шиленена корпусу Хана Нахичеванского и, заняв позицию на фронте деревень Грумковкайтен — Шварпельн, заставила нас развернуться, после чего, около полудня, перешла через Пилькаллен в Каттенау, для охраны левого фланга втянувшегося у Сталупенена в бой I корпуса.

Бригада генерала Орановского, на которую возложена была охрана правого фланга армии и которая 4 августа должна была достигнуть Шиленена, за дальностью расстояния прибыть туда не смогла и дошла только до местечка Шаки.

* I армейский корпус, XVII армейский корпус, I резервный корпус, 3-я резервная дивизия, дивизия Бродрюка, 2-я ландверная бригада. — *Примеч. авт.*

** В это число входили 4 батареи тяжелых гаубиц корпусной артиллерии. — *Примеч. авт.*

Действиями Хана Нахичеванского 4 августа командующий армией остался недоволен, и «ему было передано всевозможными способами, в том числе и через штаб XX корпуса, приказание командующего армией содействовать всеми силами XX корпусу при выполнении последним поставленных ему боевых задач»*.

В телеграмме же за № 393, посланной 6 августа, генерал Ренненкампф пишет: «Деятельность вашего конного отряда в бою 4 августа крайне неудовлетворительна; пехота вела тяжелый, упорный бой; конница обязана была помочь появлением не только на фланге, но и в тылу неприятеля, не считаясь с числом верст. В будущем приказываю быть более энергичным, подвижным, помнить, что у вас 48 орудий, которые направлением в тыл неприятелю нанесут громадное поражение»**.

Нижеприведенное приказание, переданное через штаб XX корпуса (дошло ли оно?), уточняет задачу, данную правой группе армейской конницы и сформулированную в директиве № 1 так: «Выступите по направлению на Инстербург в обход Сталупенена и Гумбиннена с севера».

Но если задачу, данную правой группе, оно уточняет, лишая вместе с тем ее действия характера рейда, то вносит путаницу во взаимоотношения с бригадой Орановского, на которую возложена была задача обеспечения правого фланга армии.

Что же касается обвинения, изложенного в телеграмме № 393, то оно совершенно необоснованно. «В течение 3, 4 и 5 августа Хан никаких указаний или сообщений об общем положении дел на фронте армии не получал»***. Иными словами, не был ориентирован.

Можно и нужно помочь в бою соседу. 4 августа ближайшим нашим соседом была 28-я пехотная дивизия и никакого боя она не вела. Связь с ней была установлена, т. к. вечером 4 августа Хан Нахичеванский доносил: «Вошел в связь с 112-м Уральским полком»****, но вопрос — знали ли в штабе 28-й дивизии больше, чем в штабе конницы. В этом позволительно усомниться, т. к. уже на следующий день, 5 августа вечером, штаб конницы с отчаяния посылает в штаб армии своего старшего адъютанта Генерального штаба капитана Чайковского с запиской следующего содержания: «Не могу получить от 28-й пехотной дивизии сведений о положении дел на фронте; отвечают, что ничего не знают; прошу ориентировать через посланного капитана Чайковского»*****.

Мало того, в штабе 28-й пехотной дивизии не только ничего не знали об общем положении на фронте, но, как это ни покажется неправдоподобным, на следующий день 5 августа не знали, по-видимому, и не могли ориентировать Хана даже об исходе бывшего накануне боя у Сталупенена.

---

* Радус-Зенкович Л.А. Указ. соч. С. 31. — Примеч. авт.

** Радус-Зенкович Л.А. Указ. соч. С. 34–35. — Примеч. авт.; опубл. также: Головин Н.Н. Указ. соч. С. 125. — Примеч. публ.

*** Рогвольд В. Конница 1-й русской армии в Восточной Пруссии (август–сентябрь 1914 г.). М.; Л., 1926. С. 56. — Примеч. авт.

**** Радус-Зенкович Л.А. Указ. соч. С. 20. — Примеч. авт.

***** Рогвольд В. Указ. соч. С. 57. — Примеч. авт.

Об этом свидетельствует следующая фраза в любовно адресованном мне письме капитана Чайковского в ответ на просьбу мою изложить обстоятельства его поездки в штаб армии. «Путь мой был отмечен через Пилькаллен, Ширвиндт, Вилковишки, Вержболово. От Пилькаллена я решил отклониться круто к северу, т. к. не знал результатов боя, нами слышанного накануне в направлении к юго-востоку от Пилькаллена».

Оставалось движение на выстрелы. В нашей колонне, по мере продвижения вперед, всё яснее и яснее слышен был гул орудийной стрельбы, доносившейся с юга. Слышен он был и в штабе отряда, но ведь в этом направлении мы и двигались.

Цитирую новую фразу из письма капитана Чайковского: «О бое к югу от Пилькаллена (в направлении) в штабе нашего конного отряда было известно тогда, когда мы подходили 4 августа к Пилькаллену с севера, по отчетливо слышной сильной артиллерийской канонаде — на мой вопрос Хану — не надлежит ли нам скорее “идти на выстрел” — мне было в добродушной форме предложено: “Не говорить глупостей — куда же это после целого дня похода идти, на ночь глядя, в бой”». Но Хана вопрос этот беспокоил.

В «Дневнике кавалерийского офицера» автор его, кирасир *ее величества* Гоштовт, полк которого назначен был в сторожевое охранение, рассказывает о том, что при выходе из Пилькаллена их нагнал Хан Нахичеванский и приказал выслать два разъезда в деревню Грибен и послушать, не доносятся ли с юго-востока звуки боя.

Приказание было выполнено, но, пишет Гоштовт, «как мы ни прислушивались, звуков боя с юго-востока до нас никаких не доносилось». Следовательно, бой уже кончился. Займи мы Пилькаллен третьего вечером, сражение это разыгралось бы совершенно иначе, вернее предположить, что немцы вообще бы не приняли боя.

Не приняли мы участия в Сталупененском сражении потому, что 3 августа неизвестно зачем ушли на Шилленен. Не приняли мы участия в Сталупененском сражении потому, что при принятой нами системе движения продвигались так медленно, что, продолжая движение после занятия Пилькаллена, появиться на поле сражения могли лишь с наступлением темноты, когда бой кончился.

Наступление отряда *во вторник 5 августа* назначено было на 6 часов утра. К указанному часу дивизия наша собралась на сборном месте у восточной окраины Пилькаллена, и здесь, как и накануне, началось томительное ожидание, продолжавшееся около двух часов, и лишь в 8 часов двинулись мы в путь. В авангарде опять шел Уланский полк на этот раз с 3-м взводом 5-й батареи под командой Колзакова. Вторым офицером был Аладов.

Ближайшая цель действий этого дня в приказе для движения указана не была.

Шли тремя колоннами на очень узком фронте, не превышавшем 4 верст, в общем направлении на Цулькинерский лес. В правой Сводная дивизия на Сентилопен, Спуллен, Драгупенен; в средней 1-я гвардейская кавалерийская по

большому шоссе на Хенскишкен и Иоганнисберг; в левой 2-я гвардейская кавалерийская на Кегстен.

В центр Пилькаллена дивизия наша не заходила, обойдя город по крайней южной улице. Шли среди мертвого царства: ни одного человека на улице, шторы опущены, ставни закрыты. Первая часть пути прошла беспрепятственно — шли по хорошим шоссированным дорогам.

При подходе авангарда к большому шоссе, ведущему от Гумбиннена к Куссену, на участке между последним и Радшеном он был встречен ружейным огнем. Стрелки, оказавшиеся велосипедистами 44-го и 45-го германских полков*, засели в большой придорожной канаве и стоявшем на шоссе каменном доме. 3-й и 4-й эскадроны улан развернулись и, поддержанные пулеметным взводом драгун Гринева, после перестрелки и конной атаки заставили велосипедистов отступить на Гумбиннен. Немцы же, засевшие в каменном доме, после геройской обороны погибли. Взвод Колзакова выезжал на позицию, но непосредственного участия в стычке не принял, обстреляв, по указаниям пешей разведки и почти на пределе, уходившие на запад части неприятельской конницы.

Эпизод этот задержал движение всего отряда, тем более что и авангард средней колонны имел стачку с мелкими частями противника у деревни Егленикен.

Вслед затем дивизия наша продолжала движение по шоссе на Радшен и здесь в начале первого часа получила приказание идти на бивак в деревне Кегстен — Беднорен, где и расположилась около 2 часов дня. Обе батареи и гусары стали тесным биваком в *Беднорене*. Штаб дивизии и 1-я бригада в Кегстен. Беднорен оказался совершенно брошен жителями, и по царившему в домах беспорядку видно было, что бежали они очень поспешно.

1-я дивизия и штаб отряда стали в деревне Егленикен; Сводная в деревне Драгупенен.

Сторожевое охранение, как и обе предыдущие ночи, выставлено круговое.

От 2-й дивизии в охранении лейб-драгуны.

Ближняя разведка выдвинута до линии деревень Краупишкен — Рорфельд — Антбален — Бракупенен — Тутшен. Для дальней разведки выслано 6 разъездов по одному взводу. В 14 часов деревня Мальвишкен была занята 1-м эскадронам Конной гвардии**.

В 16 часов 30 минут дивизия поднята по тревоге. Как сейчас помню этот момент. Пообедав и устроившись на биваке, я только что собирался заснуть и погрузился в дремоту, как выведен был из этого состояния сигналом тревоги и криком: «Вставай».

Немедленно поседлав, мы куда-то помчались и заняли позицию фронтом на юго-восток, на котором и простояли до темноты. Ходили самые противоречивые слухи, говорили, что в нашем тылу появился противник, но толком никто ничего не знал. К ночи вернулись мы на бивак свой в Беднорен, но настроение оставалось тревожным.

---

* 2-й пехотной дивизии I армейского корпуса. — *Примеч. авт.*

** *Рогвольд В. Указ. соч. С. 56. — Примеч. авт.*

Оказалось, что тревога вызвана была донесением, полученным от драгун, в котором сообщалось, что со стороны Гросс Мальвишкен обнаружено появление противника и что к деревне Радшен подходит большая колонна пехоты^{15*}. Получив это донесение, генерал Раух поднял дивизию и направил конно-гренадер с артиллерией на поддержку сторожевого охранения, когда же выяснилось, что подходившая к Радшен пехота своя, части возвращены были на свои стоянки. В остальных дивизиях также была тревога, но полки, поседлав, оставались на сборных пунктах и в 7 часов вечера разошлись по своим бивакам.

О действиях 5 августа Хан донес: «Конница двинулась в направлении на Гумбиннен. На фронте Витгирен, Мальвишкен авангарды сбили спешенную кавалерию неприятеля и самокатчиков 44-го и 45-го пехотных полков. Два неприятельских конных полка отошли на запад. Движение медленное, со всех фольварков стреляют. 108»*.

За весь день конный отряд прошел не больше 15–16 верст, и приказ становиться на ночлег отдан был уже в 12 часов дня. О причинах, вызвавших такое решение, определенного и ясного ответа получить мне не удалось. Надо думать, что решающую роль сыграло отсутствие ориентировки об общем положении дел на фронте, т. к. уже через 1½–2 часа по прибытии начальник отряда приказал старшему адъютанту штаба конницы Генерального штаба капитану Чайковскому отправиться в Вержболово, в штаб 1-й армии, для получения ориентировки и передачи сводки о деятельности отряда на 3, 4 и 5 августа. Возвратиться он должен был в гвардейскую дивизию в Егленинкен, по возможности не задерживаясь в штабе армии. Для поездки ему предоставляется автомобиль штаба конницы. Составление сводки заняло много времени, затем была тревога, и выехал капитан Чайковский лишь в 8 часов вечера, увозя с собой записку, текст которой мною уже приводился.

Поздно вечером того же дня, после тревоги, генерал Раух ездил в Егленинкен в штаб конницы, где, по его словам, в это время из штаба армии получено было отчетное кроки на 5 августа, из которого явствовало, что к вечеру этого дня авангард правофланговой дивизии должен достигнуть деревни Радшен. «Никакими письменными дополнениями или предписаниями кроки это не сопровождалось», — пишет в своих воспоминаниях генерал Раух.

Последняя оговорка, а также все то, что мы знаем об отсутствии связи со штабом армии, равно как текст посланной с Чайковским записки, заставляют предположить, что кроки это прислано было не из штаба армии, а из штаба 28-й пехотной дивизии, связь с которой поддерживалась. И получено было после отъезда Чайковского.

Обратимся теперь к нашей пехоте.

Вследствие отхода германцев в ночь с 4 на 5 августа, боевое соприкосновение с ними было утеряно, и 5 августа пехота 1-й армии продвигалась вперед, не встречая сопротивления. Однако вследствие отхода 27-й дивизии и необходимости

---

* Раух Г. Воспоминания. Рукопись, хранящаяся в Пражском русском заграничном историческом архиве. — *Примеч. авт.* Точное название рукописи: «Мои воспоминания за время Великой Войны и революции». — *Примеч. публ.*

привести части в порядок, центр армии двинулся вперед лишь в 2 часа дня и, заняв Сталупенен без боя, остановился на ночлег. 29-я дивизия расположилась на ночлег в районе Юкнишкен — Кегстен на железной дороге Сталупенен — Пилькаллен. 28-я дивизия, не принимавшая участия в бою 4 августа, продвинулась значительно дальше и оказалась выдвинутой уступом вперед. Главные силы 28-й дивизии расположились в районе Куссен — Зеекampen — Тутшен, выдвинув авангард в составе 110-го Камского полка при 8 орудиях и ½ эскадрона в Мингштиммен. Последний выставил охранение на линию Мальвишкен — Бракупенен. Штаб 28-й дивизии расположился в Брутшен. Части прибыли на место поздно, авангард стал в Мингштиммене только в 10 часов вечера и всю ночь до утра расставлял охранение. Командир 6-й роты 110-го полка, направленный в Мальвишкен, донес в 4 часа утра: «Занял деревню Мальвишкен, где оказался 4-й эскадрон лейб-гвардии Конного полка, который, вероятно, сегодня уйдет. Кавалерия передает, что 1½ версты западней Мальвишкена велосипедисты неприятеля». Командир 2-й роты 110-го полка, направленный в Иодшен, донес в 6 часов 20 минут утра: «2-я рота прибыла в Иодшен и расставила заставы. В Иодшене лейб-гвардии Драгунский полк...»*

Высланная начальником 28-й дивизии разведка от дивизионной конницы на линию Мальвишкен — Шпринген никаких сведений ему не дала, и группировка противника оставалась неизвестной.

Из изложенного ясно, кем была вызвана тревога в нашей дивизии. Но что совершенно не ясно и просто невероятно, это, с одной стороны, отсутствие ориентировки штабом конницы подчиненных ему дивизий, с другой, отсутствие своевременной взаимной ориентировки штабами двух крупных параллельно и рядомдвигающихся войсковых единиц: конного корпуса и 28-й дивизии. Ведь вошел же штаб конницы еще накануне в связь с Уральским полком и должен же был выставлявшийся в охранение Драгунский полк быть предупрежден о том, что с востока подходит наша пехота. В штабе конницы, правда, поздно, получено было кроки из 28-й дивизии, но что в свою очередь знали там?

Обращаюсь к статье А. Бендерского, помещенной во II выпуске «Лейб-драгуны дома и на войне» и озаглавленной «Слоеный пирог». Ротмистр Бендерский, командир 6-го эскадрона лейб-гвардии Драгунского полка, вечером 5 августа вышел с полком в охранение, и ему достался участок фронтом на деревню Куссен, т. е. как раз туда, откуда подходила наша пехота, о которой пишет он: «Мы ничего не знали». С самого начала застава его в Куссене имела перестрелку с каким-то противником; стреляли понемногу и правее и левее него. А немного спустя он опознал в одном из подъезжавших с востока всадников Павлоградского гусара, полк которого в качестве дивизионной конницы придан был XX корпусу. Стремясь выяснить положение, он с этим гусаром решил проехать к начальнику дивизии генералу Лашкевичу и вот как описывает встречу с ним: «...Вхожу. В первой комнате писаря на двух машинках что-то выстукивают. На полу разбросаны чемоданы, ящики, денщики собирают и укладывают вещи. Настроение чувствуется

*Орудия 5-й батареи на позиции у д. Шупинен.
У дальнего орудия — В.С. Хитрово (высокая фигура).
Восточная Пруссия. Август 1914 г.*

тревожное. Обо мне докладывают начальнику дивизии. Меня вводят в следующую комнату. Там несколько штабных офицеров видно заняты спешной работой. У большого стола с разложенными картами стоит небольшого роста седой генерал. Я подхожу к нему и докладываю, кто я такой и откуда прибыл. Генерал в недоумении и подозрительно оглядывает меня. Потом просит на карте показать расположение корпуса. Я показываю.

“Как же вы бросили свой эскадрон и зачем вы приехали?” — все еще недоверчиво спрашивает он.

Я рассказываю мою встречу с гусаром, высказываю свое подозрение, что в Куссене была перестрелка между нашими и что конно-гренадерский полк вызывается тоже против его дивизии.

“Дайте донесение корнета Щебеко”, — приказывает генерал. “Читайте”.

*5-я батарея лейб-гвардии конной артиллерии на походе.
Восточная Пруссия. Август 1914 г.*

Примерное содержание донесения было следующее: “Со стороны Куссена — Радцена на нас наступают один батальон и два эскадрона противника”¹⁶.

По получении этого донесения начальник 28-й дивизии выслал уже батальон на поддержку охранения и сам собирался менять место штаба дивизии.

Итак, путаница была общая, и не удивительно, что ближняя разведка, выдвинутая к Антбаллену, Бракупенену и Тутмену, оказалась направленной в район, занятый нашей пехотой.

Мы оставили генерала Орановского в местечке Шаки, куда он со своей бригадой прибыл в 15 часов 4 августа. Между тем мы знаем, что в этот день он должен был дойти до Шиленена. Представляется совершенно непонятным, что по прибытии в Шаки он не знал о назначении своей бригады*, а всю вторую половину 4-го, весь день 5 августа провел в бесплодных попытках связаться со штабом армии. Наконец в штабе XX корпуса ему удалось получить точные сведения о возложенной на него задаче, и в ночь с 5 на 6 августа бригада его перешла в Шиленен.

В течение 5 августа обе дивизии I германского корпуса окапывались к востоку от Гумбиннена. Первая дивизия на левом фланге расположения дугой на фронте Гросс Каннапинген — Небудшен — Шпринген — Дитерлаукен, пересекая оба шоссе, ведущие от Гумбиннена на Мальвишкен и Куссен. Расположение, определенно указывающее на то, что германцы отдавали себе отчет в намерении русских охватить их левый фланг. Правее первой дивизии, на фронте Норгаллен —

---

* Рогвольд В. Указ. соч. С. 65. — Примеч. авт.

Задвайчен стояла 2-я дивизия, пересекая шоссе Гумбиннен — Сталупенен.

1-я германская кавалерийская дивизия, ночь с 4 на 5 августа проведшая в Каттенау, 5 августа перешла через Куммельн и Кармонен в Бракупенен, для прикрытия левого фланга 1-й дивизии. Получив известие о движении сильной русской конницы от Радшена на Мальвишкен, дивизия перешла в Антбракупенен и стала на ночлег в районе к северу от Гервишкемен.

Эти ее передвижения, обнаруженные нашей разведкой, и послужили, очевидно, основанием Хану указать в своем донесении № 108: «Два неприятельских конных полка отошли на запад»¹⁷.

¹ Директива командующему 1-й армией № 1 от 31 июля 1914 г. (гор. Волковыск):

Противник направил большую часть своих сил на свой западный фронт против Франции. По имеющимся у нас сведениям в Восточной Пруссии им оставлено от 3 до 4 корпусов и несколько резервных дивизий и ландверных бригад. Авангарды его выдвинуты к границе, но его главные силы находятся, несомненно, за линией озер.

Я предполагаю перейти в решительное против него наступление с целью разбить его, отрезав от Кенигсберга, и захватить его пути отступления к Висле, для чего 1-й армии наступать от линии Вержболово — Сувалки на фронт Инстербург — Ангбург в обход линии Мазурских озер с севера, а 2-й армии — от линии Августов — Граево — Мышинец — Хоржеле на фронт Летцен — Руджаны — Ортельсбург и далее к северу, причем главные силы армии будут направлены на фронт Руджаны — Ортельсбург во фланг и тыл линии озер.

Таким образом, наступление будет введено в обход обоих флангов противника, находящегося в озерном пространстве. Имея в своем составе многочисленную конницу, 1-я армия должна по переходе через Анграп возможно глубже охватить левый фланг противника, с целью отрезать его от Кенигсберга. На кавалерию возлагается: заслонить, скрыть от неприятеля направление наших корпусов, закрепить за собой наиболее важные пункты, захватить переправы для нас и разрушить дальние в тылу, дабы помешать угону подвижного состава железных дорог.

Во исполнение изложенного предписываю 1-й армии утром 3 августа перейти границу конницей, поддержанной отрядами пехоты, и отеснить передовые части противника, закрепив за собой занятые пункты, а 4 августа — перейти границу всеми тремя корпусами, входящими в состав армии, направляя их первоначально на фронт Инстербург — Ангбург, а затем развивая наступление в охват левого фланга противника. При этом наступлении надлежит оставить достаточной силы заслон против Летцена, откуда можно ожидать перехода германцев в наступление.

2-я армия будет наступать своим правофланговым корпусом от Августова на Лык, Арис и Летцен, перейдя границу 6 августа.

Неприятель на всем фронте и во всех случаях должен быть энергично, с упорной настойчивостью атакован. Эти указания не касаются укреплений Летцена, на случай атаки коего следует особое приказание.

Линией, разграничивающей районы действий 1-й и 2-й армий, назначаю линию селений: Липовка, Поломен, Солтманен, Летцен, причем вся эта линия относится ко 2-й армии.

Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта,
генерал от кавалерии *Жилинский*.

Начальник штаба, генерал-лейтенант *Орановский*.

Опубл.: [Радус-Зенкович 1920а, с. 133–134; Головин 1926, с. 420–421].

² Директива 1-й армии № 1 от 2 августа 1914 г. (штаб армии гор. Вильно):

<...> Главнокомандующий приказал:

1) 1-й армии перейти границу 4 августа и с линии Владиславов — Сувалки наступать на фронт Инстербург — Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера.

2) 2-й армии перейти границу и с линии Августов — Граево — Мышинец — Хоржеле наступать на фронт Летцен — Рудшани — Ортельсбург и далее к северу.

3) Задача 1-й армии — возможно глубже охватить левый фланг неприятеля на р. Анграп, где предполагаются его главные силы, имея целью отрезать неприятеля от Кенигсберга.

4) Задача 2-й армии — свои главные силы направить на фронт Руджаны — Ортельсбург, во фланг и тыл линии Мазурских озер.

5) Районы действий 1-й и 2-й армий разграничиваются по линии селений Липовка — Поломен — Солтманен — Летцен; вся линия для 1-й армии включительно.

6) Правофланговый корпус 2-й армии наступает от Августова на Лык — Арис — Летцен, причем этот корпус перейдет границу 6 августа.

7) Коннице 1-й армии перейти границу 3 августа, оттеснив передовые части неприятеля.

Во исполнение изложенных указаний Командующий 1-й армией приказал:

1) Обеим группам армейской конницы 3 августа выступить по направлениям, соответствующим ранее данным им задачам:

а) правой группе — на Инстербург в обход Сталупенена и Гумбиннена с севера;

б) левой группе — имея в виду обеспечение левого фланга армии со стороны Маркграбова, а впоследствии — Летцена;

в) 1-й отдельной кавалерийской бригаде, обеспечивая правый фланг армии, 4 августа достигнуть Шиленена.

При этом конница должна, по возможности, скрыть направление движения корпусов армии и помешать угону подвижного состава на железных дорогах.

2) Корпусам армии главными силами 4 августа овладеть линией Вилюнен — Сталупенен — Герминкемен — Дубенинкен — Ковален.

Начальник штаба 1-й армии

генерал-лейтенант *Милеант*.

Опубл.: [Радус-Зенкович 1920а, с. 135–136; Головин 1926, с. 423–424].

³ Приказ 1-й армии № 2 от 2 августа 1914 г. (штаб армии гор. Вильна):

1) Имеющиеся сведения указывают, что на фронте Пилькаллен — Пилупенен развертываются части обеих дивизий I германского корпуса, имея на своем левом фланге у Пилькаллена 1-ю кавалерийскую дивизию (6 полков); на остальном фронте без переменов.

2) Армии, согласно моей директивы № 1, перейти 4 августа границу Германии и занять в этот день главными силами корпусов линию Вилюнен — Сталупенен — Герминкемен — Дубенинкен — Ковален.

3) Коннице:

а) Генералу Орановскому — обеспечивая правый фланг армии, разведывать на фронте Тильзит — Крапишкен и занять к вечеру 4 августа деревню Шиленен.

б) Генералу Хану Нахичеванскому и генералу Гурко действовать согласно моей директивы № 1.

4) Районы наступления, реквизиций и действий корпусов ограничиваются:

XX корпуса — с севера: Ширвинт — Вилюнен — Пилькаллен — Куссен; с юга: Эйдкунен — Сталупенен — Гумбиннен исключительно.

III корпуса — с севера: южная граница XX корпуса включительно; с юга: Копсодзе — Викнавейтшен — Энцунен — Вальтеркемен включительно.

IV корпуса — с севера: южная граница III корпуса исключительно; с юга: Пржеросль — Гольдап — Даркемен включительно.

5) 5-ю стрелковую бригаду подчиняю генералу Гурко для выполнения возложенной на него директивой № 1 задачи.

6) Штабам корпусов иметь ночлег на 5 августа:

XX — Владиславов.

III — Эйдкунен.

IV — Пржеросль.

7) Донесения присылать: до 3 часов дня 4 августа в Вильно, после 3 часов дня — ст. Вержболово (Кибарты).

8) Связь — государственный телеграф; IV корпусу соединиться телеграфом с Шиплишки.

9) Заместители: генерал-лейтенант Милеант; генерал от инфантерии Смирнов.

Командующий армией,

генерал-адъютант, генерал от кавалерии *Ренненкампф*.

Начальник штаба армии, генерал-лейтенант *Милеант*.

Опубл.: [Радус-Зенкович 1920а, с. 136–137; Головин 1926, с. 425–426].

⁴ [Радус-Зенкович 1920а, с. 135]. — *Примеч. публ.*

⁵ Генерал-лейтенант Н.А. Орановский в указанное время командовал 1-й отдельной кавалерийской бригадой. — *Примеч. публ.*

⁶ Командир 2-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Гусейн Хан Нахичеванский возглавлял группу конницы в составе 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских, 2-й и 3-й кавалерийских дивизий. — *Примеч. публ.*

⁷ Генерал-лейтенант В.К. Бельгард был начальником 3-й кавалерийской дивизии, убит в бою у г. Вормдит 18 августа 1914 г. — *Примеч. публ.*

⁸ Состав правой группы армейской конницы при вторжении в Восточную Пруссию 3 августа 1914 г.:

Начальник конницы генерал Хан Нахичеванский, начальник штаба Ген. штаба полковник Чеснаков.

1-я гвардейская кавалерийская дивизия (начальник дивизии: генерал-лейтенант Казнаков, начальник штаба Ген. штаба полковник Леонтьев): Кавалергардский Е.В.Г.И.М.Ф. полк, лейб-гвардии Конный полк, лейб-гвардии Кирасирский его величества полк, лейб-гвардии Кирасирский Е.В.Г.И.М.Ф. полк, 1-я его величества и 4-я государя наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича батареи лейб-гвардии конной артиллерии: 16 эскадронов, 12 орудий, 8 пулеметов.

2-я гвардейская кавалерийская дивизия (начальник дивизии: генерал-лейтенант Раух, начальник штаба Ген. штаба полковник Богаевский): лейб-гвардии Конно-гренадерский полк, лейб-гвардии Уланский Е.В.Г.И.А.Ф. полк, лейб-гвардии Драгунский полк, лейб-гвардии Гусарский его величества полк, 2-я генерал-фельдцейхмейстера и 5-я Е.И.В. Великого Князя Михаила Александровича батареи лейб-гвардии конной артиллерии: 24 эскадрона, 12 орудий, 8 пулеметов.

Сводная кавалерийская дивизия (Начальник дивизии: генерал Бельгард, начальник штаба Ген. штаба полковник Максимович-Васильковский): 2-й лейб-драгунский Псковский Е.В.Г.И.М.Ф. полк, 2-й лейб-уланский Курляндский императора Александра II полк, 3-й драгунский Новороссийский Е.И.В.В.К. Елены Владимировны полк, 3-й уланский Смоленский императора Александра III полк, 3-й гусарский Елисаветградский Е.И.В.В. Княжны Ольги Николаевны полк, 5-я генерала Никитина и 6-я конные батареи: 30 эскадронов, 18 орудий, 16 пулеметов.

Всего: 70 эскадронов, 42 орудий, 32 пулемета.

⁹ Начальником штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии в указанное время был полковник В.А. Леонтьев. Генерал-майор Е.А. Леонтович был командиром 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, после боя при Гумбинне временно командовал 1-й отдельной кавалерийской бригадой. — *Примеч. публ.*

¹⁰ См.: «Конницы всех европейских армий вступили во всемирную войну, исповедуя учения “шока”. Картины конных атак эпох Фридриха и Наполеона упорно гипнотизировали военные умы» [Головин 1923, с. 7]. — *Примеч. публ.*

¹¹ Порода лошадей. — *Примеч. публ.*

¹² Граждане Восточной Пруссии (нем.). — *Примеч. публ.*

¹³ [Бендерский 1929, с. 135]. — *Примеч. публ.*

¹⁴ Приказ по 8-й германской армии (гор. Мариенбург) 14 (1) августа 1914 г. 4 часа пополудни.

1. Не лишено вероятности, что противник поведет наступление против линии озер в районе южнее леса Роминтен. Его передовые части — пехота с артиллерией двигаются от фронта Гросс Эрцимехен — Мирунскен.

2. Армия сосредотачивается к левому флангу для встречи русского удара наступлением.

3. XX армейский корпус двинется в район Ортельсбург. На него возлагается прикрытие армии от возможного наступления русских южнее озера Спирдинг. Корпусу быть также готовым к наступлению на Иоганисбург, для чего отряд у Бяла должен оставаться.

3-я резервная дивизия с 6-й ландверной бригадой удерживают линию Николайкен — Летцен.

I резервный корпус удерживает линию реки Ангерап, примыкая правым флангом к озеру Мауер.

XVII армейский корпус будет перевезен по железной дороге через Алленштейн и Кенигсберг в район Инстербург — Бокеллен — Норкитен, откуда он двинется в направлении на Даркемен.

I армейский корпус остается в районе Гумбиннен — Инстербург.

Главный резерв крепости Кенигсберг — у Инстербурга.

2-я ландверная бригада удерживает линию реки Мемель.

Задача 1-й кавалерийской дивизии остается прежняя.

Прикрытие правого фланга армии против маловероятного, но возможного наступления русских со стороны р. Нарева возлагается на генерала Унгер, которому подчиняются: <...>

4. Разведка: <...>

5. Воздушная разведка: <...>

6. Отделение Воздушных Кораблей № 8 <...>

7. Тыловые пути <...>

8. Штаб армии остается до вечера 15 (2) августа в Мариенбурге; затем переходит в Бартенштейн, куда прибудет в полдень 16 (3) августа.

Командующей армией *фон Притвиц*.

Опубл.: [Головин 1926, с. 421–423].

¹⁵ Силами 115-го пехотного Вяземского полка 29-й пехотной дивизии. — *Примеч. публ.*

¹⁶ [Рогвольд 1926, с. 57]. — *Примеч. публ.*

¹⁷ [Бендерский 1929а, с. 114]. — *Примеч. публ.*

¹⁸ [Рогвольд 1926, с. 57]. — *Примеч. публ.*

И.П. Мирошникова

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ГУСАРСКИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛК В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

*(по материалам музейного и архивного фондов
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына)*

В архивном собрании Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына хранятся материалы Объединения господ офицеров лейб-гвардии Гусарского его величества полка, которое было создано в эмиграции в Париже¹.

Фонд создан стараниями и заботами поручика Сергея Христофоровича Роопа, долгие годы собиравшего сведения для продолжения и дополнения известной истории полка, написанной в 1857 г. полковником Манзеєм.

Заботы поручика Роопа по воссозданию истории полка в эмиграции заслуживают особого внимания и благодарности. Все архивы, полковые журналы и записи остались в России, поэтому Сергей Христофорович обращается к однополчанам с просьбой присылать ему любые документы, фотографии, воспоминания — всё, что могло бы помочь составлению и изданию истории полка, задуманного им к 180-летию старшинства полка и первого гусарского эскадрона и к 160-летию существования лейб-гвардии Гусарского Е.В. полка.

Воспоминания и письма офицеров — очевидцев и участников событий, послужные списки, поденный полковой журнал, который вел до своего ранения его высочество князь Олег Константинович, находясь при штабе полка, карты-схемы, фотографии дают возможность представить хронику боевых действий полка во время Первой мировой войны.

«Еще со времен императора Николая I все новые требования и нововведения испытывались на 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии, что происходило и в 1914 году.

10-го июля состоялся Высочайший смотр войск на Военном поле в Красном Селе. 12-го июля Государь передал командиру лейб-гвардии Гусарского Е.В. полка генералу Шевичу императорский приз за лучшую стрельбу для всей кавалерии и произвел затем в офицеры вызванных пажей и юнкеров.

13-го июля был объявлен первый день предмобилизационного периода. Начались необходимые приготовления в войсковых частях и подготовка к мобилизации.

По приказу командира гвардейского корпуса генерал-адъютанта Безобразова лошадей полка покрасили в зеленый цвет»².

¹ Архив ДРЗ. Ф. 56.

² Там же. Оп. 2. Д. 47. Л. 45–46.

Лейб-гвардии Гусарский полк вместе со 2-й гвардейской кавалерийской дивизией вошел в состав 1-й армии генерала Ренненкампа, которая была направлена на территорию противника для разгрома германских войск, прикрытия развертывания в стране мобилизации и занятия Восточной Пруссии. Главной целью армии был Кёнигсберг.

Сводный конный корпус генерал-лейтенанта Хана Г. Нахичеванского, в который входила и 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, с первых же дней принял самое активное участие в боевых действиях против 8-й германской армии.

27 июля 1914 г. начинается наступательный марш в Восточной Пруссии.

1 августа происходит бой под Ширвиндтом.

Из полковых записей: «...вокруг г. Ширвиндт были выставлены полевые караулы от 4-го эскадрона. Под командой ротмистра гр. Велепольского были высланы 2-й и часть 3-го эскадроны с пулеметным отделением и подрывными вьюками для взрыва станции Вилюнен. Велись разведки и рекогносцировки в районе Зодаргена.

3-й, 5-й и 6-й эскадроны находились в ближайшем сторожевом охранении у Ширвиндта, прочие эскадроны — в самом городе. 30 июля производилось укрепление и рытье окопов вокруг Ширвиндта. Северной работой руководил полковник Гревс, в южной части — полковник Грече»³.

Начальник дивизии генерал-лейтенант Раух так описывает 1 августа:

«При первых признаках наступления неприятеля дивизия была поднята по тревоге, и части заняли свои участки согласно приказу. Драгуны обороняли Ширвиндт с запада и юга, гусары заняли Мейшты и составляли правый фланг позиции, обеспечивая расположение всей дивизии справа, наблюдая за путями по северному берегу реки Шешупы. Уланы стали на позиции южнее Владиславова среди песчаных холмов уступом, чтобы фланговым огнем поражать неприятеля. Конно-гренадеры составляли общий резерв дивизии, находясь у юго-восточной окраины Владиславова, где был и штаб дивизии»⁴.

В последующие дни происходили бои у Шилена, Вилюнена, Пилькалена, Каушена.

Из полкового дневника:

«На высоте Вилюнена наш отряд был остановлен частями 1-й германской кавалерийской дивизии с артиллерией. Сбив части противника, мы продолжали

Поручик С.Х. Пооп

³ Архив ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 47. Л. 42.

⁴ Там же. Л. 78–79.

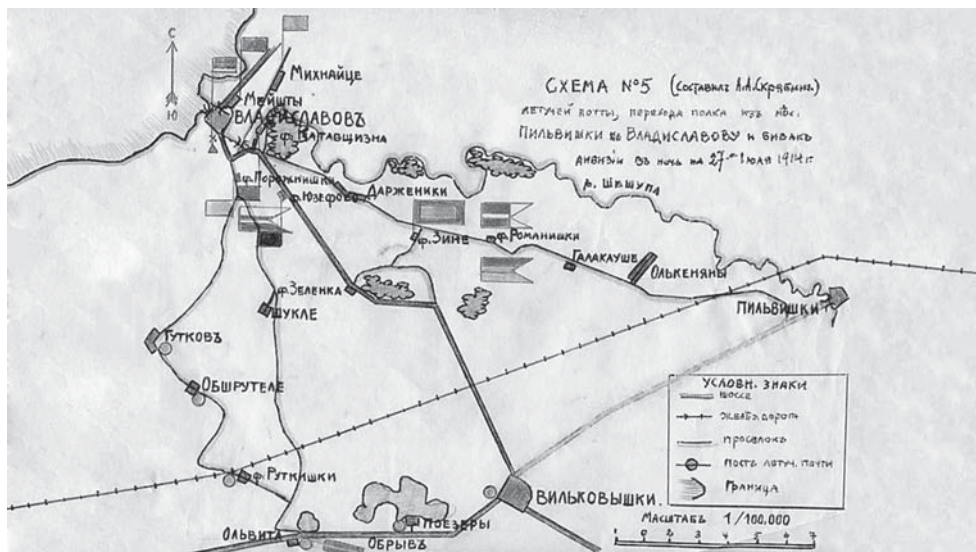

Схема перехода полка 27 июля 1914 г.

свое движение. Лейб-гвардии Гусарский полк втянулся в лощину, снова послышалась перестрелка, раздалась команда “марш-марш”, и Полк карьером пронесся через кряж. Потом широкие канавы, затянутые проволокой, которую пришлось рубить шашками.

На широком поле правее был уже развернут строем лейб-гвардии Уланский полк. Версты полторы от нас стояла около леса черная масса неприятельской кавалерии в полной готовности к атаке. Момент был грозный, ибо неприятель превосходил нас силами. Командир эскадрона Е.В. ротмистр гр. Воронцов-Дашков обернулся к нам, обдав нас горячим взглядом. Мы поняли, крепче сжали в руках обнаженное оружие, раздалась команда “марш-марш”, и полк ринулся на неприятеля...

Произошло что-то необъяснимое. Черная масса дрогнула, разъехалась и быстро начала удаляться от нас. Тогда только мы поняли, что сильнейший противник не выдержал нашего порыва и не принял атаки. Началось преследование быстро отходящего противника. Неприятель начал отход через Пилькален к югу»⁵.

Действия полка под Каушеном записаны со слов их участников ротмистра Сомова и штабс-ротмистра Шеншина 2-го.

«Генерал Раух послал три эскадрона нашего полка с определенными заданиями: эскадрону Е.В. занять хутор Пилькален и не допустить обходного движения неприятеля нашего левого фланга, 2-му эскадрону ротмистра гр. Игнатьева охранять крайний левый фланг всего боевого расположения, 5-я конная батарея

⁵ «Краткая история лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка 1775–1975 // ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 39. С. 51–52.

Полковник Грече и генерал Шевич

полковника Велио стала рядом и открыла огонь. Обходящему слева противнику были нанесены тяжелые потери. 3-й эскадрон оставался все время на хуторе и метким огнем при содействии артиллерии выполнил возложенную на него задачу, не допуская противника. В этот день был смертельно ранен в лейб-эскадроне поручик фон Кауфман Туркестанский. Он скончался в госпитале в Вильно в той самой комнате, где два месяца спустя умер Е.В. князь Олег Константинович⁶.

Каушенский бой произошел 6 августа, 8-го был бой у Стулена, 11-го — у Якобсдорфа, потом происходили усиленные рекогносцировки⁷.

«13 августа 2-я гвардейская кавалерийская дивизия с целью разведки переправы у Тапиау, имея в авангарде л.-гв. Гусарский полк и взвод 5-й гвардейской конной батареи, двинулась через Петерсдорф на Тапиау. Нашим полком временно командует полковник Звегинцов. Эскадроны 2, 3 и 4-й по его приказанию переходят мост и лавой движутся на Тапиау. Вскоре эскадроны были обстреляны из опушки впереди лежащего леса, но, рассыпавшись в цепь, продолжали идти вперед. Цепи залегли, и началась перестрелка, когда 4-й эскадрон нарвался на проволочное заграждение и попал под сильный огонь.

Полковник Грече послал 2-й эскадрон в обход леса. Противник, заметя обход, стал отступать и сжег мост на реке Прегель. По пятам отступающего неприятеля наши три эскадрона с налета заняли окопы противника на опушке леса и, пройдя лес, заняли правый берег р. Прегель. За взятие с налету позиции полковник Звегинцов был награжден Золотым оружием, а полковник Грече — орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом⁸.

27 августа 1-я армия была атакована превосходящими силами противника с движением в обхват, и 2-я гвардейская кавалерийская дивизия получила прика-

---

⁶ Архив ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 36. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 43. Л. 21–22.

⁸ Там же. Д. 47. Л. 122.

Полк на позициях. 1914 г.

зание идти на Марграбово для разведки и определения движения противника. С наступающим противником произошел бой в районе Велау, после чего начался общий отход.

«Наш полк был спешен для поддержки авангарда и своим огнем прикрывал отход, задерживая наступление противника.

Во время одного из переходов с рубежа на рубеж лейб-эскадрон ротмистра гр. Воронцова-Дашкова и 5-й эскадрон ротмистра гр. Велепольского занимали позиции на юго-восток от Гольдапа, в прикрытие 2-й и 5-й гвардейских конных батарей. Была дана команда генерала Рауха «к коням», это совпало с моментом, когда спешенные эскадроны и батареи поразились ружейным огнем неприятеля.

Эскадроны, следуя команде начальника дивизии, начали отходить, однако, увидав, что батареи еще не взяты на передки, заняли вновь свои позиции и, открыв огонь, задержали наступление противника.

Отход шел по узкой дороге, лошадь одного орудия была убита, и проход для следующих орудий оказался закрыт. Тогда корнеты Сомов и Шеншин отрубили построики и совместно с гусарами вывезли застрявшее орудие, открыв путь другим.

За действия лейб-эскадрона в этот день гр. Воронцов-Дашков был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Один взвод лейб-эскадрона находился в этот день в резерве со штандартом. Разъезд 2-го эскадрона корнета Мальцева был выслан на Кальнишкен и частой переменной высот, холмов и окраин деревень, удачно обстреливая противника, ввел его в заблуждение, ибо неприятель решил, что весь фронт наступления занят русской кавалерией»⁹.

⁹ «Краткая истории лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка 1775–1975» // ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 39. С. 57–58.

- 1 -

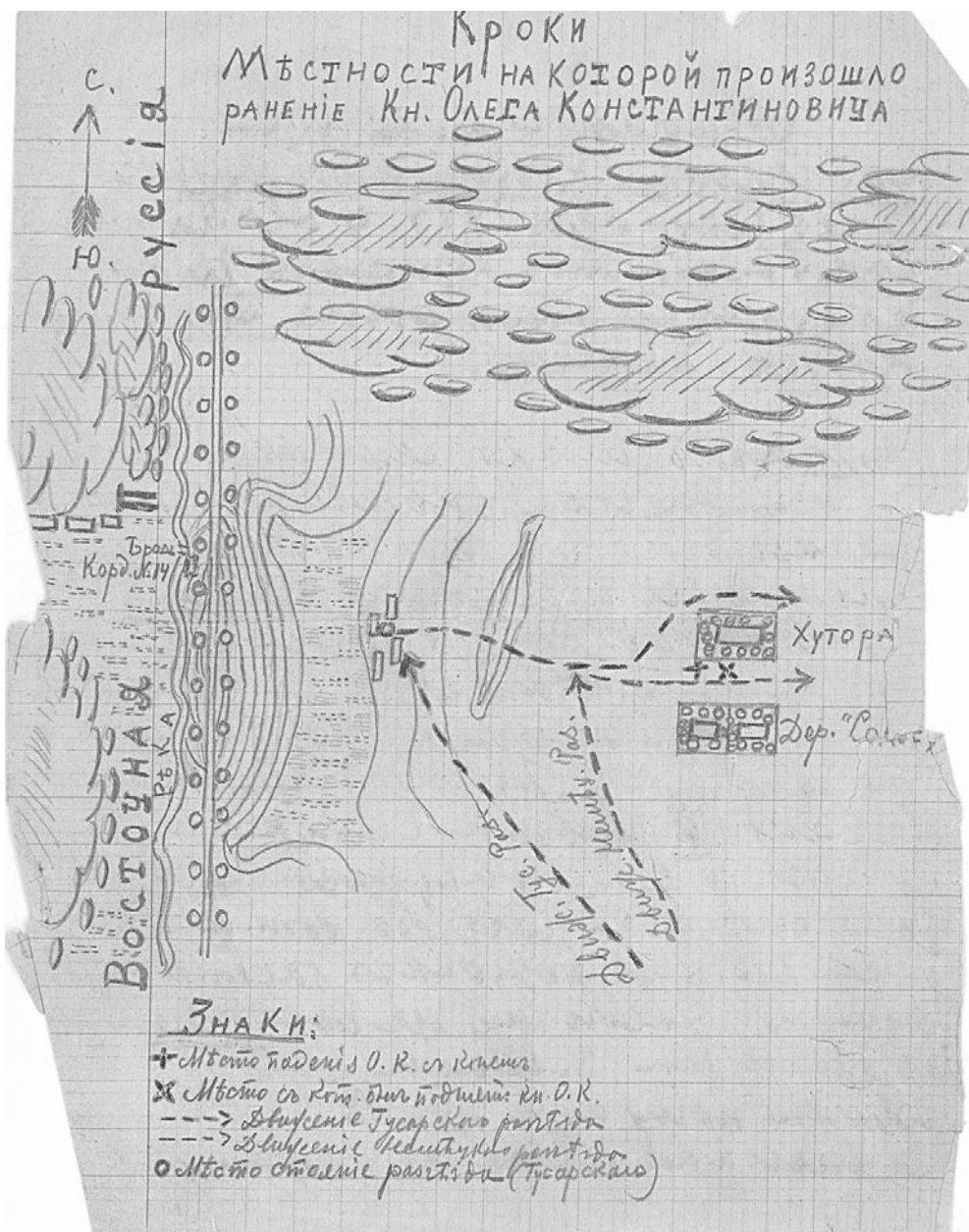
Тяжелое ранение

Кн. Олега Константиновича 28-29
Сентября 1914 г. у дер. "Содзе", посетившем
которого через несколько дней дня его супруга
в Стрел. Вильно.

Утром 28-го или 29-го сентября 1914 г. в
Гвардейских Кав. Дивизии под командой Ген. А.
Рауля вступили в наступление. Стрелки
Кордон № 14 шли на реку Шенуря и были
задачей охранение вала восточной и восточ-
наступавшей на Владиславлю-Шенуря
Во время похода движения дивизии
составили д. Гв. Гусарский Е. В. под командой
Е. В. под командой Ген. Ад. Пот. Гр. Восточная
Дивизия в походе заставила. Около
12 часов дня не доходя шоссе идущего на с.
"Шенуря" атакован дивизии поущил. При
вступлении и вступить и вступить
офицерский состав в наступлении
Владиславлю-Шенуря Кордон № 14,
на границе. Получил задание вступить
свободен-ли Кордон № 14 от переезда

Письмо штабс-ротмистра Шенина от 19 сентября 1938 г.

Кроки местности, на которой был ранен кн. Олег Константинович

До утра 29 августа в Гольдапе происходили жестокие уличные бои и схватки. На рассвете следующего дня противник возобновил свое наступление. На пути 8-й германской кавалерийской дивизии находилась конница генерала Хана Нахичеванского.

День 30 августа 1914 г. был исключительным в истории кавалерии, ибо 2-я гвардейская кавалерийская дивизия предотвратила повторение Самсоновской катастрофы, а лейб-гвардии Гусарский полк быстрым и стремительным выходом на путь обходящего противника первый пресек ему путь, задержал, отеснил его, отбил обозы и выдержал натиск неприятеля до подхода главных сил, когда вновь перешел в короткое наступление.

Ночью части германских войск двигались уже к государственной границе. Неприятель наступал с запада и юга, хутора и деревни пылали, натиск неприятеля усиливался, а наши войска по приказу оттягивались в восточном направлении.

Лейб-гвардии Гусарский полк ведет арьергардные бои по прикрытию отхода 1-й армии.

Генерал Ренненкампф свел 2-ю бригаду 1-й гвардейской кавалерийской дивизии со 2-й в Конный отряд генерала Рауха, дав задачу прикрыть переход на западный берег Немана. Хану Нахичеванскому приказано было быть впереди линии движения пехоты и далее преследовать отходящего противника.

Части 8-й германской армии отошли к государственной границе и расположились по линии: река Шешупа–Владиславов–Шукли.

24 сентября отряд генерала Рауха получил задание ударом с севера на Ширвиндт содействовать общему наступлению, зайдя в тыл немцам.

Е.В. князь Олег Константинович в полковом журнале так описывает события 26 сентября: «Выступили в 8 часов утра, предполагалось идти в Дайнен затыкать дыру между стрелковой бригадой и 56-й пехотной дивизией. Надо было зайти в тыл немцам, сидящим в Шукле. Слышна пулеметная и артиллерийская стрельба, все чаще и чаще! Пехота отходит»¹⁰.

Это последняя запись князя.

В архиве полкового объединения лейб-гусар хранятся письмо штабс-ротмистра Шеншина от 19 сентября 1938 г. с заголовком «Тяжелое ранение кн. Олега Константиновича 27–29 сентября 1914 г. у дер. Содзе, последствием которого через несколько дней была его смерть в гор. Вильно» и кроки местности, на которой был тяжело ранен О.К.¹¹

28 сентября отряд генерала Рауха прикрывал линию р. Шешупы, обеспечивая правый фланг нашей пехоте. 1-я армия перешла к обороне и укреплению занятых позиций.

Генерал Ренненкампф решил дать гвардейской коннице обещанный отдых. Лейб-гвардии Гусарский полк был отправлен для охраны в Ставку Верховного главнокомандующего в Барановичи.

Прибыло пополнение, и конский состав начал приходить в порядок. 7 ноября было получено распоряжение о переброске гвардейской кавалерии в район

---

¹⁰ Архив ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 47. С. 65.

¹¹ Там же. Д. 64.

Полк в Барановичах. Октябрь 1914 г.

г. Радома. Все части 2-й гвардейской кавалерийской дивизии сосредотачивались в этом районе. Крупные боевые операции начались в начале ноября под городами Лодзь и Краков. Затем происходил марш от Радома к Петрокову. Австрийцы перебросили свою 2-ю армию с Карпат на участок Русец–Новорадомск; немцы в начале ноября перекидывали из Франции в левобережную Польшу в состав своей 9-й армии четыре армейских корпуса. Это и явилось причиной передвижения гвардейской кавалерии к западу г. Петрокова. 1 декабря начинаются арьергардные бои по прикрытию отхода 4-й армии.

В начале 1915 г. обозначилось усиленное движение противника на восток на всех фронтах, что и вызвало общий отход русских войск. В начале февраля гвардейская кавалерия была переброшена в состав 10-й армии.

И с 12 февраля по 5 марта полк участвует в Сейнской операции¹².

2-я гвардейская кавалерийская дивизия в этот день оттянула свой правый фланг. Ввиду отступления пехоты было послано несколько разъездов в разные стороны. Разъезд поручика Павлова 1-го попал в самый прорыв. С высоты большого кургана он увидел местность, где происходил сильный бой, о чем и послал донесение, сам оставшись с разъездом на месте. Небольшая роща недалеко была занята немцами, и выехавшие из нее офицер с двумя солдатами были взяты в плен. Офицер оказался командиром скрытой в роще батареи полковником Ниполдом. Найденная в его документах диспозиция неприятеля помогла нашему штабу в дальнейших действиях, и поручик Павлов получил орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом¹³.

В начале апреля, будучи сменил уланами ее величества, полк переходит в резерв в Бальвержишки.

Затем происходят арьергардные бои по прикрытию отхода 3-й армии.

¹² Архив ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 43. Л. 21–22.

¹³ Там же. Д. 52. Л. 19–20.

Мартовскими и апрельскими боями закончилась операция в районах рек Немана и Бобра. Противник стал сосредотачивать части своих войск в районе Тильзита для начала наступления в Ковенскую губернию.

В конце мая начинается Козлово-Рудская операция.

В июне 2-я гвардейская кавалерийская дивизия была переправлена в район Владимира Волынского. Происходят арьергардные бои при отходе в район Брест-Литовск–Кобрин, и начинается длительный период боев в Полесье.

В июле 1915 г. лейб-гвардии Гусарский полк вместе с другими гвардейскими полками участвует в переходе австрийской границы.

6 июля 2-я гвардейская конная батарея оказалась в 600 шагах от наступающего противника. Подошедшие лейб-гусары со взводом 5-й гвардейской конной батареи ударом во фланг остановили неприятельские цепи и захватили пленных и обозы.

К концу июля начинается постепенный отход некоторых частей за линию реки Стоход. Затем происходят бои по прикрытию отхода 29-го армейского корпуса в районе Брест–Кобрин.

В начале сентября полк участвует в Ломжинской операции.

Севернее гвардейской кавалерии в это время происходили важные события.

21 сентября был бой по удержанию позиций западнее Петрокова. Сторожевое охранение состояло из пяти эскадронов лейб-гусар и четырех эскадронов драгун. 22-го произошел бой под Грабицей, но и в этот день благодаря стойкости гвардейской конницы и других частей неприятелю не удалось взять Петроков.

Даже противник в своем Рейхсархиве указывает, что «переброшенная из Литвы русская гвардейская конница помешала успехам германских войск на подступах к г. Петрокову»¹⁴.

Однако позднее, несмотря на большую стойкость, лейб-гусары должны были отходить, задерживая и обстреливая противника.

24 сентября происходят жестокие бои на линии Голузия–Чарторыйск. Здесь и находится расположение до 7 октября.

Организовываются партизанские отряды.

27 ноября лейб-гусары были сменены лейб-драгунами в окопах и отошли в резерв.

В тот же день была получена благодарность Верховного главнокомандующего за бои на подступах к Петрокову.

В 1916 г. происходят усиленные рекогносцировки в районах Люблина, реки Стоход, Райместо, бои у Тихотина и Мариановки. Там располагается полк до 1917 г.¹⁵

«В 1917 году, в момент революции, командиром полка был свиты его величества генерал-майор Д.Ф. Левшин.

В день чтения приказа об отречении Государя Императора половина полка, солдаты оплакивали своего любимого Шефа.

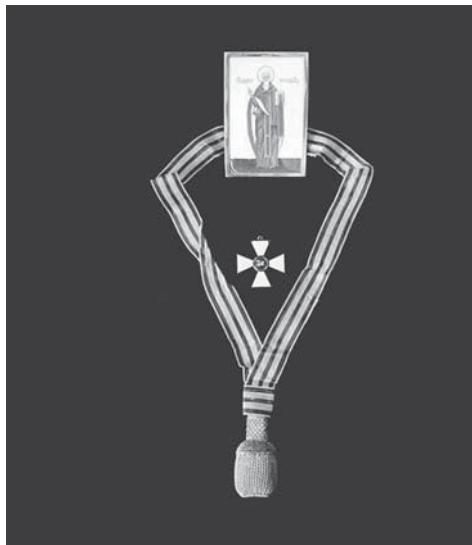
---

¹⁴ «Краткая история лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка 1775–1975» // ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 39. С. 70.

¹⁵ Архив ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 43. Л. 21–22.

Георгиевский крест полкового штандарта

*Георгиевский крест полкового штандарта,
Георгиевский темляк и полковая икона
св. Павла Исповедника*

10 марта читается приказ г. Гучкова о запрещении писать домой, и служитя молебен о державе Российской. Получены сведения об убийстве графа Клейнмихеля в городе Луге, и нескольким господам офицерам полка выражено недоверие солдатами.

Прослужившие верой и правдой долгие годы Вере, Царю и Отечеству, не желая изменять присяге, многие старшие господа офицеры отбывают из полка по болезни или в командировки.

19 апреля на позицию прибывает делегат Государственной думы князь П. Долгорукий с призывом всем служить Русской Республике. Позднее читается приказ о “правах солдата” и во всех частях постепенно создаются ячейки Союза офицеров для защиты своих прав.

25 июня принимаются последние офицеры в полк, но они прибывают только в ноябре.

В августе и сентябре полк передвигается на юг в район 11-й армии. Командующим полком назначен князь Кантакузен, георгиевский кавалер из 9-го Киевского гусарского полка.

При разложении Русской армии лейб-гусары при переходе встречаются наслаждением в деревнях с восторгом, ибо они еще поют старые полковые песни.

6 ноября 1917 г. в день св. Павла Исповедника отмечается полковой праздник во дворце графа Потоцкого.

Сюда прибывает молодежь из училищ. Они не знают традиций полка. Вахмистры прекрасны, но в качестве офицеров демократически якшаются с солдатами.

Командующий полком является и начальником гарнизона города Шепетовки, — в городе полный развал. В качестве временно командующего полком при-

бывает вновь назначенный полковник В.П. Неттельгорст, лейб-драгун, погибший несколько недель спустя.

В конце ноября полк разложился на великороссов и украинцев. Идет взаимная вражда...

Существование лейб-гвардии Гусарского его величества полка окончено.

Старшие офицеры полка штабс-ротмистр Шеншин 2-й и князь Мещерский в Царском Селе спасли штандарт полка (судьба которого неизвестна), а Георгиевский крест штандарта окружным путем доставляется в зарубежье генералу Левшину в Париж»¹⁶.

Спасенные святыни лейб-гвардии Гусарского его величества полка — Георгиевский крест и Георгиевский темляк полкового штандарта, а также полковая икона св. Павла Исповедника, небесного покровителя полка, — были переданы Дому русского зарубежья имени Александра Солженицына вместе с архивом полкового объединения и хранятся сейчас в музейном фонде ДРЗ¹⁷.

---

¹⁶ «Краткая история лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка 1775–1975» // ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 39. С. 75–76.

¹⁷ ДРЗ. Музейное собрание. № КПоф 362/2-4.

Т.Ф. Соколова

КОЛЛЕКЦИЯ ПЛАУТИНЫХ В АРХИВНОМ ФОНДЕ
ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

В архивном собрании Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына хранится фонд «Коллекция Плаутиных», в который входят материалы и документы семьи Плаутиных, лейб-гвардии Гусарского его величества полка, Общества взаимопомощи офицеров лейб-гвардии Гусарского его величества полка и материалы представителей дома Романовых.

Так как архивы, документы и полковые журналы лейб-гвардии Гусарского полка остались на родине, материалы в эмиграции необходимо было восстанавливать заново. Благодаря потомкам лейб-гусар Плаутиных многие материалы были сохранены и переданы в ДРЗ госпожой Плаутинофф (Франция) в 2007 и 2008 гг. Переданная коллекция является прекрасным дополнением к материалам Плаутиных и лейб-гвардии Гусарского полка, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном военно-историческом архиве, Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Центральном государственном архиве кинофотодокументов (Санкт-Петербург) и др.

В музейном собрании ДРЗ хранится негатив с родословной Плаутиных, а в архивном фонде находятся материалы одной ветви дворянского рода Плаутиных¹. Ее ярким представителем был Николай Федорович Плаутин (1796, Костромская губ., имение Писцово — 1866, Ницца), Плаутин 1-й, — генерал от кавалерии (1856), член Государственного совета (1862), командир лейб-гвардии Гусарского полка (1839–1843), командир Гвардейского корпуса (1856–1862). Он участвовал в военных кампаниях — Турецкой (1828–1829), Польской (1831), Венгерской (1849). Во время Крымской войны в 1855 г. находился с войсками у Перекопа, затем в Симферополе и у Карасубазара. В 1856 г. назначен командиром Гвардейского корпуса и генералом от кавалерии, в 1862 г. — членом Государственного совета. В 1856–1862 гг. Н.Ф. Плаутин сыграл важную роль в деятельности комиссии, подготовившей военные реформы. Основал в 1857 г. журнал «Военный вестник», ставший на многие годы центром передовой военной мысли. Как член Государственного совета Плаутин принимал участие в обсуждении проекта земской реформы 1863 г.

Будучи командиром лейб-гвардии Гусарского полка, Николай Федорович был вынужден в 1840 г. разбирать дело своего подчиненного Михаила Лермонтова, стрелявшего с бароном Э. де Барантом.

¹ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 1.

Н.Ф. Плаутин награжден многочисленными отечественными и иностранными орденами, в том числе — алмазными знаками к первым степеням орденов Св. Анны и Св. Александра Невского, а также Св. Андрея Первозванного, золотой саблей с надписью «За храбрость». За участие в Польской кампании получил майорат по чину в Польше. Женой Николая Федоровича была Северина Иосифовна (урожденная графиня Калиновская; 1815–1852).

Младшие братья Н.Ф. Плаутина Михаил и Сергей также служили в гвардии.

Михаил Федорович Плаутин (1799–1874, Санкт-Петербург) — генерал-майор. В 1828 г. штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка, в 1833 г. полковник лейб-гвардии Гренадерского полка и батальонный командир, в 1839 г. состоял при Комиссариатском департаменте. Участник Турецкой (1828) и Польской (1831) кампаний. В отставке с 1840 г. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Был членом Русского технического общества (фотограф) и действительным членом Русского энтомологического общества.

Сергей Федорович Плаутин (1798–1881), Плаутин 2-й, — юнкер, произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка в 1817 г., ротмистр (1826), в 1829 г. уволен в отставку полковником.

Сын Н.Ф. Плаутина — Сергей Николаевич Плаутин (1837–1926), генерал-лейтенант, генерал-майор свиты его императорского величества. В фонде хранится «Полный послужной список генерал-лейтенанта Сергея Николаевича Плаутина», составленный 6 июня 1883 г.² С 1855 г. корнет лейб-гвардии Гусарского полка, с 1857 г. флигель-адъютант его императорского величества с оставлением на фронте, в 1861 г. отчислен с фронта, в 1867 г. вновь прикомандирован к лейб-гвардии Гусарскому полку, в 1873 г. произведен в генерал-майоры с назначением в свиту его императорского величества и зачислением по армейской кавалерии. В 1883 г. С.Н. Плаутин за отличие по службе был произведен в генерал-лейтенанты с зачислением в запас армейской кавалерии, а Высочайшим приказом в 1885 г. уволен в отставку с мундиром.

С.Н. Плаутин — кавалер орденов Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, прусского ордена Красного Орла 4-й степени, награжден бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг.

С.Н. Плаутин был страстным коллекционером, собравшим огромную коллекцию чучел русских птиц. Вместе с женой, Елеонорой Принил, дочерью отставного английской службы полковника, открыл новые виды ископаемых животных, названных фамилией Плаутиных. Один из видов ископаемых иглокожих, впервые обнаруженный его супругой, *Syathocystis plautinae*. Плаутины нашли новые виды трилобитов: *Asaphus plautini plautini* (1901), *Asaphus plautini polyxenus*, *Hoplolichas plautini* (1885), *Шлаenus plautini*, *Reraspis plautini*, *Paraptychopyge plautini*.

Сын С.Н. Плаутина — Николай Сергеевич Плаутин (1868, Санкт-Петербург — 1918, г. Краснослав, Польша), генерал-майор. В послужном списке командира 2-й бригады 2-й Казачьей сводной дивизии генерал-майора Н.С. Плаутина, составленном 8 февраля 1917 г.³, имеются следующие сведения: в 1888 г. окончил Николаевский кадетский корпус, затем Николаевское кавалерийское училище, в 1890 г.

---

² ДРЗ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3.

³ Там же. Д. 4.

произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. В дальнейшем командовал эскадронами, был командиром Терско-Дагестанского конного полка (1904). В 1904–1906 гг. прикомандирован к штабу главнокомандующего на Дальнем Востоке; в 1906–1907-м — командир Приморского драгунского полка; в 1907–1908-м — 4-го гусарского Мариупольского полка; в 1908–1910 гг. находился в распоряжении начальника Главного штаба, в 1910–1914-м — в распоряжении главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1914–1916 гг. — командир 2-й бригады 2-й сводной казачьей дивизии. В отставке с 29 апреля 1917 г. Участвовал в походах и боях против неприятеля в Русско-японскую и Первую мировую войны. Был членом и председателем полкового суда, членом суда Общества офицеров полка, председателем военно-полевого суда (1915).

Награжден орденами Св. Анны 2-й степени с мечами и 3-й степени, Св. Владимира 3-й степени с мечами и 4-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени, а также золотым оружием с надписью «За храбрость» (28 октября 1905 г.), получил иностранные награды — прусский орден Красного Орла 3-й степени, сербские ордена Такова 3-й степени и Св. Саввы 2-й степени и др. Был женат на Марии Михайловне, урожденной Раевской (1872–1942), фрейлине ее императорского величества.

Сын Н.С. Плаутина — Сергей Николаевич Плаутин (1897–1969, Париж) — филолог и историк, занимался русской историей и историей славянских языков, генеалогией Древней Руси. Эмигрировал из России в 1919 г.

Сергей Николаевич в течение длительного времени занимался изучением поэмы «Слово о полку Игореве», вносил исправления в существующие переводы Слова, предлагал свою трактовку спорных мест. В 1958 г. в Париже в издательстве Русского научного института при Русской академической группе вышла книга С.Н. Плаутина «Слово о полку Игореве», в которой были обобщены результаты многолетнего исследования поэмы⁴. Но и после выхода книги Сергей Николаевич продолжал изучать древнерусскую поэму и рассылать текст с новыми изменениями и дополнениями ее многочисленным исследователям. В «Коллекции Плаутиных» в ДРЗ находятся материалы, собранные С.Н. Плаутиным об исследовании поэмы «Слово о полку Игореве»: библиография изданий, переводов и исследований за 1938–1954 гг., оттиски статей к IV Международному съезду славистов, некоторые с дарственными надписями С.Н. Плаутину, и др.⁵

С.Н. Плаутин много занимался сбором и исследованием документов для составления родословной Плаутиных. Он вел переписку с Г.А. Гоштовтом о генеалогии литовских великих князей и князей смоленских, о родословиях князей Вяземских, Друцких, Одинцевич, Острожских и др.⁶

⁴ Плаутин С.Н. «Слово о полку Игореве»: Исправленный и неисправленный тексты. Перевод и примечания. Париж, 1958.

⁵ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18, 19.

⁶ Там же. Д. 10–12.

Г.А. Гоштовт (1889–1953, Париж) — полковник лейб-гвардии Кирасирского полка, участник Первой мировой и Гражданской войн, военный историк, писатель, секретарь исторической комиссии Гвардейского объединения.

Сохранилась значительная подборка имущественно-хозяйственных документов по майорату, полученному Н.Ф. Плаутиным в Польше: выписка из положения об устройстве имений, которые поступают в частную собственность по Всемило-стивейшему пожалованию, выписка из указа о границах имения, принадлежащих Н.Ф. Плаутину, ведомости платежей и т. д. (1835–1866); отдельную подборку составляют выписки из ипотечных решений Люблинского губернского суда о майорате Бялка, принадлежавшем С.Н. Плаутину с 1866 по 1921 г. и национализированном польским правительством 30 сентября 1922 г.⁷

При научно-технической обработке фонда выявлено много интересных и уникальных, по крупицам восстановленных в эмиграции документов о лейб-гвардии Гусарском полке.

История полка восходит к 1775 г., когда по Указу ее императорского величества Екатерины II был сформирован лейб-гусарский эскадрон под командованием майора Штерича. В 1798 г. образован лейб-гвардии Гусарский полк, и по случаю вступления на престол императора Александра II в 1855 г. он наименован лейб-гвардии Гусарским его величества полком. Полк переименован в лейб-гвардии Гусарский полк в марте 1917 г. Последние офицеры были приняты в полк 25 июня 1917 г., а прибыли в его расположение только в ноябре. Приказом комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны за № 57 от 8 мая 1918 г. полк расформирован с 23 апреля того же года. Полк разделит судьбу многих гвардейских кавалерийских полков.

Лейб-гусары участвовали в военных походах против Наполеоновских войск 1805–1807 гг. (сражение при д. Аустерлиц, бой у Вольфсдорфа, сражение при г. Фридланд), в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. (в сражениях при с. Бородино, г. Красный, г. Витебск, при Кульме, Лейпциге); в Русско-турецких войнах 1828–1829 и 1877–1878 гг. (бой у д. Телиш, под Филиппополем). Полк принимал участие в Польской кампании 1830–1831 гг. (в бою у д. Соколово и штурме Варшавы).

В Первой мировой войне полк участвовал в Восточно-Прусской операции. В июле–августе — занятие г. Ширвиндт, бой у д. Каушен, в октябре–ноябре 1914 г. гусары были назначены в конвой Верховного главнокомандующего, в ноябре–декабре участвовали в боях в районе г. Петраков — р. Пилица. В январе–феврале 1915 г. полк нес сторожевое охранение и вел усиленную разведку в районе местечка Серее, озера Обелия и г. Сейны; в марте–апреле — разведку и сторожевое охранение в районе г. Кальвария и д. Дембовка — фольварка Яворов; в мае — бой у дд. Иподачи и Серафины; в июне–июле — сторожевое охранение в районе дд. Паллее и Пожеры и бои в районе р. Буг; в сентябре–ноябре — в районе Огинского канала; с конца ноября 1915 г. до июля 1916 г. полк находился в резерве, затем принимал участие во Владимир-Волынской операции и осенних боях на р. Стоход. С ноября 1916 г. по апрель 1917 г. гусары вновь были в резерве, а затем по июль на позициях в районе д. Райместо, август–сентябрь — сторожевое охранение в районе д. Гржималов; с октября — дислокация в районе м. Шепетовка.

В конце 1917 — начале 1918 г. части гвардейской кавалерии прекратили свое существование. Основная часть вернулась в места своей прежней дислокации,

---

⁷ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6, 9.

где после сдачи полковых архивов, денежных касс, регалий и другого имущества остатки частей были демобилизованы и распущены по домам. Многие офицеры остались проживать в местах довоенной дислокации своих родных полков.

Ценнейшие документы (семнадцать ящиков), принадлежащие офицерскому собранию лейб-гвардии Гусарского полка, в 1917 г. были переданы на хранение в Московскую ссудную казну на шесть месяцев, о чем свидетельствует расписка, хранящаяся в фонде⁸.

После начала Гражданской войны в России почти все гвардейские офицеры-кавалеристы приняли самое активное участие в борьбе с большевиками — как в рядах восстановленных в составе Вооруженных сил на Юге России полков и батарей, так и в белых частях на других фронтах — Северо-Западном, Северном и Восточном.

Ячейка лейб-гвардии Гусарского полка входила в Вооруженные силы на Юге России. Эскадрон полка сначала был в составе Сводно-горской дивизии — с 30 декабря 1919 г. взвод и эскадрон полка входили в Сводную кавалерийскую бригаду, с начала января 1920 г. — в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. лейб-гусары составили взвод Гвардейского кавалерийского полка. В годы Гражданской войны полк потерял 10 офицеров (2 расстреляно, 7 убито и 1 умер от болезней).

В дальнейшем, в эмиграции, полк участвовал в Гвардейском объединении и в Общевоинском союзе. В 1949–1951 гг. всего насчитывалось 26 лейб-гусар (в том числе 18 в Париже, 2 в США), в 1958 — 21 (13 в Париже), к 1962 — менее 10⁹.

Офицеры бережно собирали и хранили материалы по истории полка. Начальный период его формирования отражен в книге «История Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. 1775–1857 гг.», составленной полковником Константином Николаевичем Манзеем и изданной в Петербурге в 1859 г. в четырех частях. Существуют как отдельные выпуски каждой части, так и книга, объединяющая все четыре. Часть I — «Устройство полка» — содержит описание всех событий полковой жизни, не имеющих касательства до боевых дел; часть II — «Кампании, совершенные полком» — включает описание действий полка в войнах 1807, 1812–1814 гг. с наполеоновской Францией, а также данные об офицерах полка, участвовавших в Кавказской войне; часть III — «Списки офицеров полка», начиная от Лейб-Гусарского эскадрона и заканчивая 1856 г.; часть IV — «Приложения» — содержит различные документы полковой жизни: боевые приказы, штаты полка, нормы довольствия провиантом, фуражом, обмундированием, вещевым имуществом и т. д. К «Истории» прилагался альбом «Рисунки по истории лейб-гвардии гусарского Его Величества полка. 1775–1857 гг.», в который вошли 24 цветные литографии, изображающие офицеров и нижних чинов полка в том обмундировании, которое гусары носили на протяжении пяти царствований, — от времен Екатерины II до первых лет правления ее правнука Александра II.

Дальнейшую историю полка по воспоминаниям служивших в нем офицеров, документам и архивным записям продолжал составлять и дополнять поручик Сергей Христофорович Рооп — и делал это до конца жизни в 1956 г.

⁸ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 6.

⁹ См.: SWolkov.org

Переписка Г.С. Гартинга и С.С. Сомова рассказывает о написании истории полка С.Х. Роопом, о продолжении работы Г.С. Гартингом, о событиях в последний год существования полка¹⁰.

По этим материалам к 180-летию старшинства полка и первого Гусарского эскадрона и к 160-летию существования лейб-гвардии Гусарского полка была составлена «Сокращенная история Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка» в двух частях¹¹. На сайте «Russia Beyond Russia: The André Savine Digital Library» («Россия вне России: Электронная библиотека Андрея Савина») отмечено, что издание представляет исключительную редкость, Полковое объединение в 1956 г. в Париже выпустило книгу тиражом двадцать экземпляров.

200-летний юбилей со дня основания лейб-гвардии Гусарского полка был торжественно отмечен в 1975 г. В храме Знамени Божией Матери (87, Boulevard Exelmans) 16 ноября был совершен молебен с поминовением Государственных шефов полка и всех чинов полка, на поле брани, за веру, царя и Отечество живот свой положивших, смуте убиенных и в рассеянии почивших. По окончании молебна на квартире Н.С. Плаутина (18, rue Georges Bizet), внука старого лейб-гусара, под председательством ротмистра С.С. Сомова, состоялась дружеская встреча и трапеза. Присутствовали лейб-гусары, участники войны, сыновья и внуки старых лейб-гусар. К юбилею была составлена «Краткая история Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. 1775–1975». Материалами для составления краткой истории послужили выдержки из книги, изданной полковником Манзеем в 1859 г.; полковой журнал, ведомый в начале войны доблестным князем Олегом Константиновичем, павшим в бою смертью храбрых¹²; труды и записи С.Х. Роопа и Г.С. Гартинга. Присутствующие на юбилее получили «Краткую историю Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. 1775–1975», выпущенную тиражом пятьдесят экземпляров¹³. Хранящееся в фонде юбилейное издание содержит рукописные автографы — подписи гвардейцев, эмигрантов первой волны, доживавших свой век в Париже¹⁴.

Свои воспоминания о Первой мировой войне офицеры присылали в ответ на обращение Д.Ф. Левшина, С.Х. Роопа, С.С. Сомова. Хранящиеся в фонде материалы представляют собой тетради¹⁵, в которых описываются события каждого дня (с 9 июля 1914 по 14 декабря 1916 г.). В тетрадях много вставок с записями воспоминаний офицеров о боях, дополнительные сведения и записи этого дня, карты-схемы местности и самые подробные кроки боев, нарисованные вручную на кальках в масштабе. В одной тетради¹⁶ есть надпись — «Материалы для исто-

---

¹⁰ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58.

¹¹ Там же. Д. 33, 35.

¹² Князь императорской крови Олег Константинович (1892, Санкт-Петербург — 1914, Вильно) — правнук Николая I. Единственный представитель императорской фамилии, чья жизнь оборвалась на фронте Первой мировой войны: умер от раны, полученной в сражении у деревни Содзе.

¹³ ДРЗ. Ф. 56. Приложение 1. Д. 6.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 39.

¹⁵ Там же. Д. 47–55.

¹⁶ Там же. Д. 48. Л. 52.

рии полка собрал Сергей Рооп». Эти тетради использовались как черновики, они позволили составить картину участия полка в Первой мировой войне и включить эти сведения в историю полка.

Гвардейская кавалерия являлась элитным подразделением вооруженных сил Российской империи. Постепенно восстанавливались списки офицеров лейб-гвардии Гусарского полка и эскадрона с 1775 по 1917 г.¹⁷

В частях гвардейской кавалерии служили представители императорской фамилии: император Николай II, великие князья Борис Владимирович, Гавриил Константинович, Павел Александрович, князья императорской крови Игорь Константинович, Олег Константинович, принц Константин Петрович Ольденбургский, князь Александр Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский.

Шефами полка были: А.С. Кологривов (1706–1802), герцог Людвиг Вюртембергский (1802–1807), граф П.Х. Витгенштейн (1807–1818), император Александр II (1818–1881), император Александр III (1881–1894), император Николай II (1894–1917, в полк зачислен 6 мая 1868 г.).

Первым великим князем, зачисленным в лейб-гвардии Гусарский полк, стал Николай Николаевич-младший, занесенный в списки с момента рождения в 1856 г., 6 мая 1884 г. назначенный командиром полка и остававшийся в нем до гибели Российской империи. В разные годы среди лейб-гусар числились великие князья Александр Александрович, Александр Владимирович, Александр Михайлович, Кирилл Владимирович, наследник цесаревич Алексей Николаевич, Николай Николаевич-старший, сыновья Александра II — Николай и Сергей Александровичи.

Последними из представителей дома Романовых в лейб-гвардии Гусарский полк вступили дети великого князя Константина Константиновича — Гавриил, Игорь и Олег, причем последний приказом Николая II был зачислен в полк корнетом, хотя не закончил военного училища.

Из офицерского корпуса лейб-гвардии Гусарского полка вышли три генерал-фельдмаршала — светлейший князь П.Х. Витгенштейн, князь А.И. Барятинский и И.В. Гурко.

В полку имели честь служить многие представители дворянских родов России — Балашовы, Воронцовы-Дашковы, Нарышкины, Офросимовы, Раевские, князья Вяземские и т. д.

В полку служили поручик М.Ю. Лермонтов (1834–1840), поэт-партизан Д.В. Давыдов (с 1806 г.), П.Я. Чаадаев (1817–1821), князь А.Г. Чавчавадзе (1809–1817). В стихах и эпиграммах Лермонтова звучат фамилии лейб-гусар Н.И. Бухарова, Н.Ф. Плаутина, А.А. Столыпина (Монго), А.Ф. Тирана.

Имена многих замечательных офицеров встречаются в документах коллекции Плаутиных: П.А. Офросимов, Н.Н. Раевский, И.В. Гурко, Д.Ф. Левшин, Н.Ф. Плаутин 1-й, С.Ф. Плаутин 2-й, С.Н. Плаутин, Н.С. Плаутин, К.Н. Манзей 1-й, С.Х. Рооп, кн. А.В. Мещерский, Н.И. Свечин, Г.А. фон Таль, его королевское высочество принц Чакробон Сиамский, Н.Н. Най-Пум и др.

¹⁷ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 12–20.

К о п и я . .

Копия. ПОЛНЫЙ ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ
Состоявшаго въ Свѣтъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Лейтенанта ПЛАУТИНА
Составленъ Имъ 6 дня 1883г.

1. Имя, имя, отчество и фамилия.	Генералъ-Лейтенантъ Сербій Николаевичъ ПЛАУТИНЪ .
2. Должность на службѣ.	Состоялъ въ Свѣтъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА .
3. Ордена и знаки отличія.	Кавадеръ орденовъ: Св. Владимира 3 и 4 степени, Прусскій орденъ Краснаго Ордена 4 степени и Бронзовая медаль въ память войны 1853 - 1856 годовъ.
4. Когда родился.	Въ 1837 году .
5. Изъ какого звѣнія происходить и какой губерніи уроженецъ.	Изъ дворянъ Костромскій губерніи.
6. Какого вѣроисповѣданія.	П р а в о с л а в н а г о .
7. Гдѣ воспитывался.	Въ Пажескомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА корпусѣ.
8. Получаемо на службѣ содержаніе.	Н е п о л у ч а е т с я .

*Въ фондѣ имѣю...
составлено...
[Подпись]*

Послужной список Н.С. Плаутина. ДРЗ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 4

В последние годы лейб-гвардии Гусарским полком командовали: генерал-майоры Г.И. Шевич (с 1913 по 1915 г.) и Д.Ф. Левшин (с 1915 по 1917 г.), князь В. Кантакузен (1917), барон В.П. Неттельгорст (1917, убит в поезде).

В фонде хранятся разнообразные списки: шефов полка (1796–1894), начальников лейб-гусарского эскадрона и конвойных команд (1775–1917), полковых командиров (1775–1918), полковых адъютантов (с 1796), по старшинству, по алфавиту, рядовых (1785–1802), получивших награды, ранения, убитых и смертельно раненных¹⁸.

Написанные с большой теплотой, живо, образно, личные воспоминания офицеров составляют отдельный раздел описи 2. Уникальные воспоминания штабс-ротмистра Н.С. Шеншина, датированные 19 сентября 1938 г., повествуют о тяжелом ранении великого князя Олега Константиновича 27 сентября 1914 г. у деревни Содзе. Через несколько дней великий князь скончался в г. Вильно. К воспоминаниям приложены уточняющие кроки местности, где произошла трагедия¹⁹.

¹⁸ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 12–32.

¹⁹ Там же. Д. 64.

Об императоре Николае II как о Верховном главнокомандующем в 1915–1917 гг. подробно написал С.Х. Рооп. Е.Н. Волков вспоминает о великом князе Николае Николаевиче («Наш Главнокомандующий») и проводимых им реформах в кавалерии.

Сохранились выдержки из мемуаров кн. А.В. Мещерского (1901) в записи великого князя Гавриила Константиновича. В воспоминаниях В.И. Гурко «От сумы и тюрьмы не отказывайся» повествуется об участии государя императора Александра III в жизни лейб-гусара Шидловского²⁰.

Интересна подборка стихотворений «На полковой праздник 6 ноября», написанных в разные годы лейб-гусарами В.П. Мятлевым (1889), Г.А. Бобринским (Georg Bobrinsky), Гревсом (1924), Г.А. фон Талем (1955–1957, 1959) и др.²¹ Важные события в жизни офицеров находили свое отражение в стихотворениях — «Товарищам лейб-гусарам». «Моему дорогому полку. По случаю чудесного возвращения пропавшего полкового образа Св. Павла Исповедника полковому объединению лейб-гусар» Г.А. фон Таля, «Памяти убиенного князя Владимира Палей», «На смерть друга. Памяти С.Х. Роопа», «На смерть Е.И.В. великого князя Гавриила Константиновича» Н.С. Шеншина²².

В сохранившейся в фонде переписке можно прочесть, как была получена книга «Приказы по Лейб-Гвардии Гусарскому Его Величества полку за 1879 г. со 2 января по 29 июня»²³.

После исхода из России офицеры полка рассеянно проживали в разных странах мира. Для их объединения и сохранения идеи единства, возможности общения, нравственной поддержки, оказания материальной помощи было организовано Общество взаимопомощи офицеров лейб-гвардии Гусарского его величества полка (ОВО). Общество действовало на основании устава, в фонде сохранились его редакции 1921, 1925, 1928 гг. Редакция устава была утверждена собственноручно командиром полка великим князем Николаем Николаевичем в замке Шуаньи под Парижем: «Утверждаю. Николай. 25 августа / 7 сентября 1928 г.»²⁴.

В уставе было записано, что ОВО учреждается до наступления государственного порядка в России и восстановления полка и состоит из офицеров, служивших в полку к 27 февраля 1917 г.

Во главе Общества стоял председатель, руководивший через совет старшин. Совет определял все дела ОВО, в том числе собирал сведения об офицерах полка, распоряжался всеми средствами, выдавал ссуды и пособия, представлял годовой отчет, а также собирал данные о местах хранения полковых реликвий, документов и имущества для дальнейшей передачи в распоряжение ОВО. Обществом избирались секретарь и казначей, формировались Суд чести и ревизионная комиссия. Общество имело печать, а каждый член — членский билет.

²⁰ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 60–63, 66.

²¹ Там же. Д. 69, 70.

²² Там же. Д. 72–74.

²³ Там же. Д. 3–5; Оп. 3. Д. 29.

²⁴ Там же. Оп. 3. Д. 4.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ

Командира 2-й бригады 2-й кавказской сводной дивизии, Генерал-Маиора
Николая Сергеевича ПЛАУТИНА.

I. Чем, или отчество и фамилия.	Генерал-Маиор Николай Сергеевич ПЛАУТИНЪ.
II. Должность по службе.	Командир 2-й бригады 2-й кавказской сводной дивизии.
III. Орден и знаки отличия.	Имѣетъ Ордена: Святого Александра 3 ст. съ мечемъ и 4 ст. съ мечемъ и безъ меча, Святого Анны 2 ст. съ мечемъ 2-го степ., Святого Николая 2 ст. съ мечемъ 3 ст. степ., Орденовъ оружія иностранцевъ: Прусскій - Крестнаго Ордена 2-й степени, Австрійскій - Св. Саввы 2-й степени, Италійскій - 4 степени, Баварскій - 2-го класса, Медаль серебрянную - въ память Царствования Императора Александра 1-го и въ память Священнаго Коронованія Императора Александра Николаевича въ 1856 году, Гемангоборнскую за труды на ратныхъ нравоисловіяхъ въ 1897 году и свѣтло-бронзовую - въ память 100-лѣтія Императорской войны и 300-лѣтія Царствования Дома Романовыхъ.
IV. Когда родился.	1868 года января 21.
V. Изъ какого званія произведенъ и какою губерніею упоминаемъ.	Изъ дворян Костромской губерніи.
VI. Какого вѣроисповѣданія.	Православнаго.
VII. Гдѣ воспитывался.	Видервальскомъ пансіонѣ при Николаевскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ окончилъ курсъ по 1-му разряду.
VIII. Полученіе на службу по службе.	казовникъ . . . . . руб. Словоухъ . . . . . руб. Кавартыльнхъ . . . . . руб.
Число	

IX.
ПРОХОЖДЕНІЕ СЛУЖБЫ.

Имя въ службу вступилъ и проходилъ въ первый офицерскій чинъ, произведенъ въ старшій чинъ и дальнѣйшее служебное, гражданское и въ военное, гражданское и въ военное, по какому случаю по иному чинамъ или по собственному желанію, послѣ отставки и прибытіи въ военную службу, каковыя чины, званія, званія, ордена, Высочайшимъ распоряженіемъ, Высочайшимъ благоволеніемъ.

Въ службу вступилъ въ	Мѣсяца		три года.	Мѣсяца	
	Года.	Числа.		Года.	Числа.
Въ службу вступилъ въ Николаевское кавалерійское училище прикомандированнымъ	1888	Авг. 31	Временно командовалъ 6-мъ эскадронномъ св.	1890	Сент. 19
Зачисленъ инжениромъ рядового званія	"	Сент. 1	Временно заведывалъ ротничьей командой св.	"	" 23
Служба на основаніи 174 ст. Уста.о Волнискіе поимности считается съ	"	Сент. 1	Назначенъ заведывающимъ развѣдчиками 6-го эскадрона	"	Окт. 28
Определенъ въ Николаевское кавалерійское училище	"	" 1	Назначенъ временно командующимъ 6-мъ эскадронномъ	1891	Сент. 12
Проведенъ въ интерпретированіи	1889	Авг. 3	Отчисленъ от должности заведывающаго развѣдчиками 6-го эскадрона	"	" 39
По окончаніи полнаго курса наукъ по 1-му разряду Высочайшимъ приказомъ тысяча восемьсотъ девятисотого года августа десятого произведенъ въ корнети въ 1-й Изв. Гусарскій ИГО ВЕЛИЧЕСТВА полкъ	1890	" 10	Сдѣль Вр. командовавшимъ 6-мъ эскадронномъ	"	Окт. 5
На основаніи циркуляра Главнаго штаба отъ 25 сентября 1879 года за № 359 и на точномъ основаніи и приложеніи къ ст. 545 ин. Уста. Св. В. П. 1869 года по 2-му продолженію за воспитаніе въ училищѣ обязанъ прослужить въ войскахъ	"	" 10	Завѣдывалъ новобранцами 6-го эскадрона св.	1892	Сент. 28
	"	" 10	Вр. командиромъ св.	"	" 10
	"	" 10	Со старшинствомъ св.	"	" 10
	"	" 10	Вр. прикомандированъ въ 4-мъ эскадронномъ	"	Сент. 1
	"	" 10	Вр. командовала 4-мъ эскадронномъ	"	" 20
	"	" 10	6-мъ эскадронномъ	"	Дек. 14
	"	" 10	по	"	" 10

Послужной список С.Н. Плаутина. ДРЗ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3

Годовое общее собрание созывалось 6/19 ноября каждого года, на котором утверждались отчет за минувший год и смета на предстоящий год, решались текущие дела. Денежные средства ОВО составлялись из суммы членских взносов, пожертвований, из сумм, поступающих от лекций, концертов, от финансовых, торговых и иного рода операций. В фонде сохранились финансовые документы первых лет: приходно-расходная отчетность за 1926–1929 гг. (денежные сметы, отчеты и счета); отчет по ссудному капиталу за 1926–1927 гг.; список членских взносов; расходы на разные нужды и т. д. Членские взносы часто поступали неисправно, вопрос о дальнейшем существовании Общества обсуждался на годовом собрании 1928 г. Многие офицеры, в том числе Г.А. фон Таль и Н.Н. Най-Пум, уведомляли об оплате долга по взносу и сообщали о причинах неуплаты²⁵ и др.

В изгнании одной из главных задач ОВО было собрание и хранение полковых реликвий, документов, имущества, поскольку многие военно-исторические материалы из полкового музея в Царском Селе остались в России после событий 1917 г.

²⁵ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 3. Д. 24, 27.

Создавался музей, заведующим которого стал ротмистр С.С. Сомов. Он вел активную переписку с офицерами о привлечении разнообразных экспонатов и документов. В перечнях материалов музея ОВО значатся документы, альбомы фотографий и отдельные фотографии, музейные экспонаты и воинские реликвии, собранные офицерами²⁶. На некоторых делах, переданных в ДРЗ, сохранились номера, соответствующие позициям в этих перечнях²⁷.

После Второй мировой войны члены ОВО вели интенсивную переписку о размещении фондов музея. Рассматривался вопрос о возможности перемещения фондов в музей лейб-гвардии Казачьего его величества полка. В письмах князя императорской крови Гавриила Константиновича к П.П. Гудим-Левковичу, Д.Ф. Левшину, С.С. Сомову обсуждались условия перевода полкового музея в Военный музей в Брюсселе или Датский военный музей в Копенгагене, о составлении описи архива лейб-гвардии Гусарского его величества полка для Америки²⁸.

На сегодняшний день по источникам определить дальнейшую судьбу коллекций музея ОВО не удалось (по данным А.В. Попова, материалы перешли в частные руки, как и собрания многих других музеев²⁹). Время от времени на аукционах выставляются документы, связанные с деятельностью лейб-гвардии Гусарского его величества полка и ОВО.

В музейном фонде ДРЗ хранятся святыни лейб-гвардии Гусарского его величества полка: Георгиевский крест полкового штандарта, Георгиевский темляк и полковая икона св. Павла Исповедника, переданные вместе с архивом Полкового объединения.

В 1922 г. на собрании совета старейшин ОВО обсуждался вопрос о командировании в Лондон ротмистра Орлова для переговоров о получении штандарта полка³⁰, который был спасен старшими офицерами штабс-ротмистром Шеншиным 2-м и князем Мещерским в Царском Селе. Но судьба штандарта неизвестна, а Георгиевский крест окружным путем был доставлен в зарубежье генералу Д.Ф. Левшину в Париж.

Ежегодно офицеры Общества отмечали полковой праздник в день Павла Исповедника: составлялось меню, определялись порядок и место проведения встречи, сочинялись стихи. Председатель и члены Общества получали поздравления от представителей дома Романовых, офицеров других полков, гвардейских объединений, союзов, частично отложившиеся в фонде³¹.

Вместе с документами лейб-гвардии Гусарского полка в коллекции Плаутиных оказались материалы других полков — рукотворная тетрадь с дарственной

²⁶ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 3. Д. 18–20.

²⁷ Например, № 21 по перечню музея ОВО — Приказы по Л.-Гв. Гусарскому Е.В. полку. 2 января — 29 июня 1879 г. (см.: Оп. 2. Д. 3. Обложка); № 26 — Расписка московской ссудной казны (см.: Д. 6. Л. 1 об.).

²⁸ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 3. Д. 36; Оп. 4. Д. 6, 11.

²⁹ Попов Андрей Владимирович — руководитель Центра по изучению русского зарубежья Института политического и военного анализа (Москва).

³⁰ ДРЗ. Ф. 56. Оп. 3. Д. 6.

³¹ Там же. Д. 16, 17, 23, 32.

надписью великому князю Гавриилу Константиновичу «Памятка исторического прошлого Нарвского кавалерийского полка», представляющая краткий обзор полкового прошлого, посвященный «дорогим чинам полка»³²; бюллетени: к 50-летию боя у деревни Тарнавка (1914–1964), выпущенный объединением лейб-гвардии Московского полка, «Галлиполиец» (1975); информация 1-го отдела Русского общевойскового союза (1972, 1975).

В фонде сохранились письма командира великого князя Николая Николаевича-младшего — поздравления лейб-гусарам с полковым праздником (1925, 1926), гр. Г.А. Бобринскому, Д.Ф. Левшину и др.; переписка великого князя Гавриила Константиновича; телеграммы императрицы Марии Федоровны лейб-гусарам, генералу А.А. Каульбарсу; письма великой княгини Анастасии Николаевны и телеграммы членов императорской семьи Д.Ф. Левшину; письмо великой княгини Елены Владимировны, принцессы Греческой, лейб-гусарам и др.³³

Интересны изобразительные материалы: рукотворная тетрадь «Помянник Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка»; рисованная открытка с изображением чинов лейб-гвардии Егерского полка; литографии «Форма одежды рядовых и офицеров Лейб-Гвардии Гусарского полка. 1801–1825»; «Лейб-Гусар»; воспроизведение графической работы Шарля Мореля (Charle Morel) «Встреча французского офицера в Лейб-Гвардии Гусарском Его Величества полку»³⁴.

В 2003 г. в ограде Софийского собора на Софийской площади г. Пушкина был установлен памятник лейб-гвардии Гусарскому полку.

Софийский собор, заложенный 30 июля 1782 г. и освященный 20 мая 1788 г. как приходская соборная церковь городка Софии (ныне в составе г. Пушкин), 9 сентября 1817 г. был передан из Санкт-Петербургской епархии в ведение военного духовенства. Император Александр I высочайше повелел состоящий в г. Софии собор обратить в полковую церковь лейб-гвардии Гусарского полка. Походная полковая церковь была установлена в центральном приделе. Став полковой церковью, София не только сохранила высокий нравственный дух и ту идею, которая была заложена при ее создании, но и прививала любовь к Отчизне, лучшим традициям нашей духовной культуры.

Коллекция Плаутиных обработана в 2013–2014 гг., документы составили пять описей, печатные издания и музейные предметы включены в шесть приложений³⁵.

---

³² ДРЗ. Ф. 56. Оп. 3. Д. 41.

³³ Там же. Оп. 4. Материалы представителей Дома Романовых за 1921–1966 гг.

³⁴ Там же. Оп. 5. Изобразительные материалы за 1880–1950-е гг.

³⁵ Оп. 1. Материалы семьи Плаутиных за 1867–1966 гг. Всего 21 дело; Оп. 2. Материалы Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка (приказы, списки офицеров, история полка) за 1855–1975 гг. Всего 74 дела; Оп. 3. Общество взаимопомощи офицеров Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка за 1906–2007 гг. Всего 57 дел; Оп. 4. Материалы представителей Дома Романовых за 1921–1966 гг. Всего 22 дела; Оп. 5. Изобразительные материалы за 1880–1950-е гг. Всего 13 дел. Приложение 1. «Печатные издания» — журналы «Вестник гвардейского объединения» (1970, 1974, 1975), «Вестник кавалергардской семьи» (1972), «Военно-исторический вестник» (1973, 1974), сборник С.С. Бехтеева «Царский гуслиер» и др. Всего 9 изданий; Приложения 2–5. Книги с дарственной надписью, печатные материалы, журналы, газеты, переданные в библиотеку; Приложение 6. Список музейных предметов.

Материалы фонда представляют большую ценность, поэтому они начали осваиваться уже в процессе научно-технической обработки. Ведущий научный сотрудник ДРЗ И.П. Мирошникова выступила с докладами «Из истории наступления русских войск в Восточной Пруссии в 1914 г. (по материалам фонда Лейб-Гвардии Гусарского Е.В. полка в архивно-музейном собрании ДРЗ)» (V Международная научно-практическая конференция «Война и оружие. Новые исследования и материалы». 14–16 мая 2014 г., Санкт-Петербург) и «Лейб-Гвардии Гусарский Е.В. полк в Великой войне (по материалам музейного и архивного фондов ДРЗ)» (Международная научно-просветительская конференция «Великая война и русское зарубежье». 24–26 сентября 2014 г., Москва), вызвавшими большой интерес среди научной общественности.

К.К. Семенов

РУССКИЙ ГЕРОЙ ИСПАНСКОЙ ВОЙНЫ:
Н.В. ШИНКАРЕНКО

Среди сотен русских генералов, оказавшихся в вынужденной эмиграции, имя генерал-майора Николая Всеволодовича Шинкаренко занимает далеко не первый ряд, но вместе с тем личность генерала хорошо известна исследователям эмигрантики, при этом испанский период его жизни наименее изучен как российскими, так и зарубежными учеными. Настоящий биографический очерк призван исправить сложившуюся ситуацию.

Николай Всеволодович Шинкаренко родился 5 декабря 1889 г.¹ в дворянской семье². Детство будущего генерала прошло в Перми — по месту отцовской службы. Вместе со сверстниками Николай Всеволодович поступил в Пермскую мужскую классическую Александра I гимназию, а затем, выдержав поверочный экзамен, 29 августа 1906 г. был зачислен в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге юнкером рядового звания. Через год обучения, 13 октября 1907 г., юнкер Шинкаренко был произведен в унтер-офицеры. По окончании полного курса наук по 1-му разряду Н.В. Шинкаренко высочайшим приказом от 6 августа 1909 г. производится в подпоручики (со старшинством с 14 августа 1907 г.). Молодой офицер был определен на службу в 1-й конно-горный артиллерийский дивизион, входивший в состав I Сибирского армейского корпуса. Дивизион был расквартирован в Приамурском военном округе, в селе Спасское, куда прибыл подпоручик Шинкаренко 9 сентября 1909 г.

Новоприбывшего офицера определили во 2-ю батарею дивизиона. 29 апреля 1911 г. Шинкаренко был откомандирован в управление Уссурийской конной бригады³ для письменных занятий по артиллерийской части сроком на шесть меся-

---

¹ Дата рождения по послужному списку РГВИА. (Ф. 409. П/с 2-653 (1914) Шинкаренко Н.В.). Здесь и далее даты приводятся по старому стилю, если не оговорено иное.

² Отец — *Всеволод Иванович Шинкаренко* (1861–1918), уроженец Кубанской области, проходил службу по военно-судебному ведомству, в 1889 г. был кандидатом на военно-судную должность при Туркестанском военно-окружном суде. В 1908 г. В.И. Шинкаренко стал военным прокурором Приамурского военно-окружного суда. В 1914 г. был произведен в генерал-лейтенанты. С января 1917 г. являлся председателем Иркутского военно-окружного суда. 17 марта 1917 г. В.И. Шинкаренко вышел в отставку. Остался на территории, подконтрольной большевикам. В 1918 г. был арестован органами ВЧК и расстрелян. Мать — *Варвара Николаевна Брусилова* (02.10.1859–?) — сводная племянница генерала от кавалерии А.А. Брусилова.

³ Уссурийская конная бригада сформирована в августе 1906 г. В состав бригады входили: Приморский драгунский полк, 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска, Уссурийский казачий дивизион, 1-й конно-горный артиллерийский дивизион.

цев. 31 августа 1911 г. Николай Всеволодович производится в поручики (со старшинством с 14 июня 1911 г.). В апреле 1912 г. Шинкаренко возвратился из командировки в свой дивизион, который вскоре перебрался на квартиры в урочище Зайсановка (Приамурский военный округ). Приказом от 4 июля 1912 г. поручик Шинкаренко был прикомандирован к 1-му Нерчинскому полку Забайкальского казачьего войска.

Служба офицера шла тихо и размеренно, но вдруг, 10 марта 1913 г., Н.В. Шинкаренко был уволен в запас высочайшим приказом. Казалось, военная карьера закончилась... Что же заставило молодого офицера оставить службу? 25 сентября 1912 г. началась война Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия и Черногория) против Турции, которая позже станет известна как Первая Балканская (1912–1913). Она вызвала большой резонанс — в России еще помнили Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Многие молодые русские офицеры пожелали отправиться на помощь болгарской армии в качестве добровольцев, и Николай Всеволодович Шинкаренко был одним из них. Подал соответствующий рапорт, офицер, вероятно, не дожидаясь отставки, отбыл в Болгарию. В болгарской армии Н.В. Шинкаренко был определен в артиллерию и отправлен на фронт под Адрианополь. За участие в осаде Адрианополя⁴ доброволец был награжден болгарским орденом «За храбрость». Война закончилась, и поручик Шинкаренко на некоторое время остался в составе миссии русского военного агента в Болгарии полковника Г.Д. Романовского⁵ в качестве его помощника. Несколько месяцев спустя Шинкаренко вернулся в Россию и 22 июня 1913 г. высочайшим приказом был вновь принят на службу в свой родной 1-й конно-горный дивизион.

Перед самым началом Первой мировой войны поручик Шинкаренко был командирован в миссию в Софии от Министерства иностранных дел⁶. По дороге в Болгарию он заехал к своему «дяде Алеше Брусилову»⁷, который командовал

⁴ Осада Адрианополя длилась с 21 октября 1912 г. по 13 марта 1913 г. и завершилась взятием города союзными сербско-болгарскими войсками.

⁵ *Романовский Георгий Дмитриевич* (13.12.1877–1939). Из дворян. Выпускник Пажеского корпуса. Выпущен корнетом в лейб-гвардии Уланский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1902 г., капитан Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Полковник со старшинством с 22 апреля 1908 г. В феврале 1911 — сентябре 1914 г. военный агент в Болгарии, затем командир 20-го пехотного Галицкого полка. Участник Первой мировой войны. С 1915 г. генерал-майор, служил на различных штабных должностях. В 1918 г. ушел в отставку. В Гражданскую войну в войсках Самарской директории (Комитета членов Учредительного собрания). Затем на Дальнем Востоке. В эмиграции в Японии, позже — в Югославии. Скончался в Белграде.

⁶ ЦМВС. Дф. 4/47. Д. 423/1. Л. 4.

⁷ *Брусилов Алексей Алексеевич* (19.08.1853–17.03.1926) — российский военачальник. Из дворян. По окончании Пажеского корпуса выпущен прапорщиком в 15-й драгунский Тверской полк. С 1883 г. в постоянном составе Офицерской кавалерийской школы. Полковник с 1892 г. Генерал-майор с 1901 г. Начальник Офицерской кавалерийской школы с февраля 1902 г. Генерал-лейтенант с 1906 г. На должностях командира дивизии, корпуса. С 1912 г. генерал от кавалерии. В августе 1914 г. командующий 8-й армией. Успешно провел Галицийскую операцию. В 1916 г. главнокомандующий Юго-Западным фронтом. Поддержал Февральскую революцию. В мае 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим Российской армии. 19 июля 1917 г. смещен с этого поста. Проживал в Москве. В 1918 г. арестовывался большевиками. С 1919 г. на службе в РККА. В 1923–1924 гг. инспектор кавалерии РККА. Скончался в Москве.

тогда XII армейским корпусом. В разговоре с ним Николай Всеволодович прояснил для себя предполагаемое развитие событий и упросил дядю помочь ему с переводом в армию. После вмешательства Брусилова Шинкаренко был прикомандирован к 4-му эскадрону 12-го уланского Белгородского полка.

18 июля 1914 г. началась мобилизация, а затем грянула война. Белгородский уланский полк в составе 12-й кавалерийской дивизии находился на левом фланге 8-й армии. С августа 1914 г. уланы сражались на юго-западе от Львова. Уже в конце августа белгородцы обратили на себя внимание командования. 29 августа 1914 г. они участвовали в конной атаке противника у села Демня, в которой принимал участие и Николай Шинкаренко. Спустя 45 лет он написал об этой атаке следующие строки: «Воспоминания о ней и о предыдущих днях живы во мне и по сейчас» [Шинкаренко 1961, с. 30].

Тянулись фронтовые будни, атаки сменялись днями позиционной войны. Летом 1915 г. Н.В. Шинкаренко официально перевелся в Белгородский уланский полк и был переименован из штабс-капитанов в штабс-ротмистры и назначен командиром эскадрона. 11 июня 1915 г. 12-я кавалерийская дивизия участвовала в боях под Рудзвянами. В ходе конной атаки Шинкаренко был ранен — одной пулей в правую руку, другой в правый бок. Осенью 1915 г. оправившийся после ранения офицер вернулся в полк и был назначен командиром 5-го эскадрона.

Позиционная война вносила свои коррективы: изменялся состав строевых частей, создавался новый тип формирований — гренадерские (штурмовые) команды в пехотных полках, стрелковые батальоны в кавалерийских дивизиях. В начале 1916 г. при 12-й кавалерийской дивизии начал формироваться стрелковый батальон⁸. Между тем 7 февраля 1916 г. штабс-капитан Шинкаренко был награжден Георгиевским оружием [Шабанов 2004, с. 840]. В июне 1916 г. его назначают командиром стрелкового батальона 12-й кавалерийской дивизии. Вместе с батальоном Н.В. Шинкаренко участвовал в Брусиловском прорыве⁹. В составе 8-й армии его дивизия сражалась в Карпатах.

В августе 1916 г. в войну на стороне Антанты вступила Румыния, которой 1 сентября 1916 г. объявила войну Болгария. В ноябре 1916 г. Военное министерство приняло решение направить Шинкаренко в состав миссии в Софию для ведения разведывательной работы и информирования румынского союзника о болгарских планах. Получив документы, он отправился в Бухарест и стал ожидать прибытия главы миссии генерала Романовского. Однако удача не сопутствовала румынской армии, и вскоре основания для поездки пропали. Шинкаренко вернулся на фронт, позже за бои в Румынии он был представлен к производству в подполковники.

Февральскую революцию Николай Всеволодович встретил сдержанно, но отречение императора было воспринято подполковником с чувством удовлетворения — он надеялся на выход страны из смуты [Wildman 1992, p. 85]. Позже в своих

---

⁸ РГВИА. Ф. 3626. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁹ Брусиловский прорыв (22 мая — 31 июля 1916 г.) — крупнейшая наступательная операция войск Юго-Западного фронта. В ходе операции русские войска заняли Буковину и Восточную Галицию.

воспоминаниях Шинкаренко написал о Николае II: «отсутствие личной верности именно ему! Нет его больше на троне, — и мне все равно...»¹⁰ Тем временем войска на фронте начали стремительно разлагаться.

Желание сохранить армию сблизило Шинкаренко с именитым дядей и заставило поддержать идею создания ударных частей. По одному из свидетельств Н.В. Шинкаренко был среди инициаторов создания ударных частей в 8-й армии. Правда, о своем участии в этих событиях он скромно умалчивает: «О революции и о керенщине — не знаю, ибо уехал во Францию»¹¹. Это действительно так, однако во Францию Шинкаренко отбыл не ранее июня 1917 г., а в февральские дни он находился в Кишиневе. Перед отъездом Николай Всеволодович последний раз виделся с «дядей Алешой», который пытался отговорить племянника от отъезда, но безрезультатно.

Границу Н.В. Шинкаренко пересек по дипломатическому паспорту. Во Францию он ехал с целью вступить во французскую кавалерию и продолжать сражаться против немцев и австрийцев. Прибыв во Францию, Шинкаренко все же вступил в состав частей Русского экспедиционного корпуса¹². После сентябрьского мятежа частей корпуса в Ля Куртине¹³ Николай Всеволодович решил возвращаться в Россию.

В своих воспоминаниях, хранящихся в России, ротмистр Шинкаренко указывал, что выехал из Парижа между 15 и 20 октября 1917 г. и стал очевидцем наступления на Петроград Краснова–Керенского (26–31 октября), но его записки в архиве Гуверовского института войны, революции и мира освещают и более раннее — корниловское¹⁴ выступление¹⁵. Более того, в самый разгар выступления Корнилова Шинкаренко наконец был произведен в подполковники приказом по армии и флоту от 26 августа 1917 г. со старшинством с 17 декабря 1916 г.

Со слов нашего героя, он не участвовал в октябрьских событиях, а находился в Петрограде, где последний раз видел своего отца. Спустя несколько дней после большевистского переворота Н.В. Шинкаренко отбыл на Дон и часть пути про-

¹⁰ ЦМВС. Дф. 4/47. Д. 423/1. Л. 204.

¹¹ Там же. Л. 54.

¹² Русский экспедиционный корпус, РЭК (Экспедиционный корпус русской армии во Франции) — собирательное название ряда частей Русской императорской армии, направленных на помощь союзникам. Две особые пехотные бригады (1-я и 3-я) сражались на фронте во Франции, а две другие (2-я и 4-я) — на Салоникском фронте.

¹³ После Февральской революции в частях РЭК началось брожение, позже переросшее в отказ сражаться с немцами. Главным очагом недовольства была 1-я Особая пехотная бригада. Она и другие более мелкие, вышедшие из повиновения части (всего около 9 000 человек) были отведены в тыл и собраны в лагере Ля Куртин. В середине сентября 1917 г. в лагере начался вооруженный мятеж, и французы применили оружие для наведения порядка.

¹⁴ Корниловское выступление (Корниловский мятеж) — события 25–31 августа 1917 г. Верные генералу Л.Г. Корнилову части начали 25 августа 1917 г. наступление на Петроград, но были остановлены революционными частями.

¹⁵ См.: Colonel N.V. Shinkarenko-Brusilov, MS., Hoover Institution for War, Revolution and Peace, Stanford, California, p. 301.

делал с ударниками подполковника Манакина¹⁶, о чем позже вспоминал на страницах «Донской волны».

20 ноября 1917 г. подполковник Шинкаренко прибыл в Новочеркасск и сразу же включился в деятельность местных антибольшевистских организаций. Позже в своих воспоминаниях он напишет: «Борьба за Россию началась на Дону: здесь родилась и дала свои первые бои Добровольческая армия» [Белогорский 1928, с. 39]. Однако в Новочеркасске подполковник Н.В. Шинкаренко вступил не в Добровольческую армию, а в одну из формировавшихся казачьих сотен.

В начале декабря 1917 г. Николай Всеволодович был взводным офицером в подразделении есаула И.Г. Конькова¹⁷. Вскоре обстоятельства вынудили командование отправить сотню на фронт. Боевое крещение подполковника Шинкаренко на полях Гражданской состоялось 12 декабря 1917 г. между станицей Александровской и Нахичеванью. Обстоятельства боя отложились в памяти подполковника, и спустя десять лет он вспоминал: «Большевицкие пули русских винтовок. Я думаю, что между ними и немецкими только одна разница: только то, что под ними еще стыднее пригибаться» [Там же, с. 52].

В середине января 1918 г. подполковник Шинкаренко перешел в разведывательный отдел штаба Донского походного атамана генерал-майора А.М. Назарова¹⁸. На этой должности Николай Всеволодович выполнил ряд ответственных поручений, включая посещение сильно разложившейся 6-й Донской дивизии. Штабная служба тяготила Н.В. Шинкаренко, и вскоре он покинул штаб, записавшись пулеметчиком на бронепоезд. В середине февраля 1918 г. в бою около станции Каменоломня подполковник Шинкаренко был ранен в бедро. Ранено-

---

¹⁶ Манакин Виктор Константинович (17.06.1887–29.02.1964) — российский офицер. Окончил Михайловское артиллерийское училище в 1907 г. и был выпущен в 1-ю лейб-гвардии артиллерийскую бригаду. Окончил Николаевскую военную академию в 1913 г. Штабс-капитан в 1914 г. Участник Первой мировой войны. Служил на различных штабных должностях. Подполковник с 1916 г. С февраля 1917 г. помощник начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Горячий сторонник создания ударных частей. С 1918 г. на командных должностях в Донской армии. Участник Гражданской войны. С октября 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР. В эмиграции проживал в Югославии, затем в США.

¹⁷ Коньков Иван Григорьевич (05.08.1888–21.01.1969) — казачий офицер. Из дворян Области Войска Донского. Окончил Михайловское артиллерийское училище в 1909 г. Участник Первой мировой войны. Есаул, командир лейб-гвардии 6-й Донской казачьей батареи. Участник Гражданской войны в Донской армии. При эвакуации Новороссийска остался в городе. С августа 1920 г. командир Донской атамана Каледина батареи 3-й Русской армии в Польше. Войсковой старшина, позже полковник. В эмиграции в Польше и Франции.

¹⁸ Назаров Анатолий Михайлович (12.11.1876–18.02.1918) — российский генерал. Окончил Михайловское артиллерийское училище в 1897 г., выпущен хорунжим в 16-ю Донскую артиллерийскую батарею. В 1903 г. окончил Николаевскую военную академию, произведен в штабс-капитаны. Участник Русско-японской войны на штабных должностях. С декабря 1908 г. подполковник. С 1909 г. на преподавательской работе в военных училищах. С марта 1912 г. полковник. На Первую мировую войну вышел командиром 20-го Донского казачьего полка. Тяжело ранен в бою в апреле 1915 г., по февраль 1916 г. находился на излечении. Произведен в генерал-майоры за отличие. Командир Забайкальской казачьей бригады, затем 8-й Донской казачьей дивизии и Кавказской кавалерийской дивизии. С ноября 1917 г. начальник Таганрогского гарнизона. С 15 декабря 1917 г. походный атаман Донского казачьего войска. С 30 января 1918 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Отказался покинуть Новочеркасск и был арестован большевиками. Расстрелян.

го офицера отправили в одну из новочеркасских больниц. Накануне вступления в город большевиков он был тайно перевезен на частную квартиру своих знакомых, что, безусловно, спасло ему жизнь. Прячась в городе, Шинкаренко дождался его освобождения. После прихода в Новочеркасск отряда полковника М.Г. Дроздовского¹⁹ Николай Всеволодович присоединился к нему, вступив в образованный конный полк. 31 мая этот полк получил № 2, а подполковник Шинкаренко возглавил один из четырех эскадронов. В середине 1918 г. наш герой возглавил уже весь полк [Волков 2012, с. 658], с которым участвовал во 2-м Кубанском походе.

В 1919 г. подполковник Н.В. Шинкаренко был назначен на должность командира Кабардинской конной дивизии²⁰, входившей в состав войск Северного Кавказа. Знакомство подполковника с горцами состоялось еще в годы Великой войны, когда соседями 12-й кавалерийской дивизии являлись всадники Дикой дивизии²¹. Стоит сказать, что сослуживцем Шинкаренко по Кабардинской конной дивизии в это время был Анатолий Владимирович Фок²², позже сражавшийся в Испании.

¹⁹ *Дроздовский Михаил Гордеевич* (07.10.1881–14.01.1919) — российский офицер, организатор похода Яссы — Дон. Из дворян. Окончил Павловское военное училище. Выпущен в лейб-гвардии Волынский полк. В октябре 1904 г. зачислен в Николаевскую военную академию. Не окончив академии, был отправлен на фронт Русско-японской войны. В 1905 г. вернулся в академию. Окончил академию в 1908 г., произведен в штабс-капитаны, причислен к Генеральному штабу. Переименован в капитаны, проходил службу на штабных должностях. В 1913 г. прошел курс Офицерской авиационной школы. Участник Первой мировой войны. Служил на различных штабных должностях. С марта 1915 г. подполковник. Был ранен в августе 1916 г., находился на лечении. С ноября 1917 г. начальник 14-й пехотной дивизии на Румынском фронте. В Яссах возглавил 1-ю отдельную бригаду русских добровольцев и с ней выступил на Дон для соединения с Добровольческой армией. 21 апреля 1918 г. отряд Дроздовского освободил Ростов, а затем выступил на Новочеркасск. 27 мая 1918 г. отряд Дроздовского соединился с Добровольческой армией. Был назначен командиром 3-й пехотной дивизии. 31 октября 1918 г. был ранен в ногу под Ставрополем. В ноябре 1918 г. произведен в генерал-майоры. Скончался от заражения крови.

²⁰ В составе дивизии числились 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й Кабардинские конные полки.

²¹ Кавказская туземная конная дивизия (Дикая дивизия) — добровольческое кавалерийское формирование из народов Северного Кавказа. Создана 23 августа 1914 г. В составе дивизии было сформировано три бригады: 1-я — Кабардинский и 2-й Дагестанский конные полки; 2-я — Татарский и Чеченский конные полки; 3-я — Черкесский и Ингушский конные полки. Дивизией командовал младший брат императора Михаил Александрович.

²² *Фок Анатолий Владимирович* (03.07.1879–26.08.1937) — активный участник белой борьбы. Из дворян. Окончил Константиновское артиллерийское училище, Главную гимнастическо-фехтовальную школу. На Первую мировую войну вышел капитаном Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, командующий 1-й батареей. С мая 1916 г. подполковник за боевые отличия. Кавалер Георгиевского оружия и полковник в 1917 г. С сентября 1917 г. командир 51-го тяжелого артиллерийского дивизиона. Участник Гражданской войны. В июне 1918 г. вступил на должность рядового в артиллерию Добровольческой армии. Затем командир батареи и дивизиона. С сентября 1918 г. инспектор артиллерии I Кубанского корпуса, ранен в октябре 1918 г. В 1919 г. командир 2-го конно-горного артиллерийского дивизиона в составе Сводно-горской и позже Кабардинской дивизий. С августа 1919 г. генерал-майор, командир Кавказской стрелковой артиллерийской бригады. С апреля 1920 г. командующий артиллерией Перекопского укрепленного района, позже инспектор артиллерии II армейского корпуса. Эвакуировался из Крыма в составе армии. В Галлиполи начальник Сергиевского артиллерийского училища. В эмиграции в Болгарии и Франции. Активный деятель Русского общевойскового союза (РОВС). С 1931 г. глава группы I армейского корпуса в Париже. Летом 1936 г. вышел из РОВС и вступил в Рус-

По представлению генерала Врангеля Шинкаренко был произведен в чин полковника и назначен в Сводно-горскую конную дивизию²³. В начале июня 1919 г. после неудачного штурма Царицына полковник Н.В. Шинкаренко назначается командующим Сводно-горской дивизией. На этой должности он особенно отличился в конце августа 1919 г. в боях под Царицыном.

В июне 1920 г. Шинкаренко был произведен в генерал-майоры и назначен командиром 2-й отдельной конной бригады. Эта бригада принимала активное участие в боях у Серагоз в Северной Таврии 12–17 августа 1920 г., в ходе которых понесла большие потери и 22 августа была расформирована. Шинкаренко получил назначение на должность начальника Горской дивизии. Вместе с дивизией Николай Всеволодович сражался вплоть до эвакуации из Крыма и 1 ноября 1920 г. оставил пределы России, отплыв на итальянском судне в Константинополь. В жизни генерала начался период изгнания. По ряду свидетельств, генерал-майор Н.В. Шинкаренко был награжден П.Н. Врангелем орденом Св. Николая Чудотворца 2-й степени²⁴.

Как и большая часть Русской армии, генерал Шинкаренко прошел через военные лагеря²⁵ на турецком берегу. Вместе с армейской кавалерией перебрался в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Некоторое время он проживал в Сербии, затем переехал в Польшу (Данциг и Вильно), недолго пожил в Берлине и, наконец, в 1925 г. обосновался в Ницце. Оказавшись во Франции, Н.В. Шинкаренко вступил в образованный в эмиграции Союз русских военных инвалидов. Позже Николай Всеволодович перебрался в Париж, где проживал со своей матерью. Жизнь во Франции оставила у него тягостные воспоминания, «одиннадцать лет несчастий и одиночества» — так он называл эти годы [Keene 2003, p. 196]. Свое одиночество Шинкаренко использовал очень продуктивно — уделял много времени творчеству, продолжая заниматься сочинительством. В эмиграции он принял псевдоним Николай Белогорский. Из-под его пера вышли роман «Марсова маска» (1924; 2-е изд. 1929), статья «Калка», очерк «В дни Каледина» (1928), книга новелл «Тринадцать щепок крушения» (1929), роман «Суворов» (1930).

В отличие от большинства своих сослуживцев, Н.В. Шинкаренко не вступил в созданный в 1924 г. Русский общевоинский союз (РОВС), хотя и активно участвовал в жизни военной эмиграции (стоит сказать, что сам Союз русских военных инвалидов кооптировался в РОВС), опубликовал две полемические брошюры о задачах военной эмиграции — «Что же мы должны делать?» (1930) и «Доколе

ский национальный союз участников войны. Доброволец в армии генерала Франко. Служил в терсио (батальоне) карлистского ополчения «Донна Мария де Молина». В августе 1937 г. со второй ротой терсио попал в окружение у Кинто де Эбро, не желая сдаваться в плен — застрелился.

²³ В состав дивизии входили: 3-й Осетинский, Карачаевский, 1-й и 2-й Ингушские, 1-й и 2-й Дагестанские конные полки и 1-й и 2-й Дагестанские стрелковые батальоны, 5-й конно-артиллерийский дивизион, 2-я конная и 2-я конно-гаубичная батареи.

²⁴ См., например: [Орехов 1969, с. 20; Рутыч 1997, с. 274].

²⁵ Эвакуированная из Крыма Русская армия была сосредоточена в военных лагерях на территории Турции. Местами временного пребывания военных беженцев стали лагеря Галлиполи, Чаталджа, остров Лемнос и Бизерта.

же...» (1931). Оставаясь лояльным П.Н. Врангелю²⁶, Шинкаренко, тем не менее, критиковал его детище — РОВС.

В 1931 г. Николай Всеволодович сделал попытку сблизиться со сторонниками великого князя Кирилла Владимировича²⁷, объявившего себя в 1924 г. императором. Глава канцелярии Кирилла Владимировича оставил интересную характеристику Н.В. Шинкаренко: «Среди них был некий генерал Шинкаренко. Это был не старый офицер и генерал Гражданской войны. Это был тип офицеров, сумевших проявлять в Гражданскую войну предприимчивость, инициативу и смелость... Обычно это были люди с большой амбицией, избалованные властью и бесконтрольностью своих действий. Они не могли примириться с тем, что с проигрышем Гражданской войны утратили всякое значение. Поэтому им хотелось возобновления борьбы против коммунизма силой оружия. Они продолжали быть уверенными, что и теперь коммунизм может быть сброшен поднятием восстаний, террором или интервенцией извне.

Они не верили в значение идеологической борьбы. Конечно, они критиковали все методы борьбы, которые не относились к использованию оружия. Если же их спросить, что же они советуют делать, то обычно следовал ответ: дайте нам денег, и мы со “своими людьми” поднимем восстание внутри Советского Союза и свергнем коммунистический режим...» (цит. по: [Граф 2004, с. 261]). В большей части все написанное можно отнести на счет Николая Всеволодовича, ведь это о нем написали: «Что, например, можно сказать о человеке, который

²⁶ *Врангель Петр Николаевич* (15.08.1878–25.04.1928) — один из лидеров антибольшевистского сопротивления. Из дворян. Окончил Ростовское реальное училище и Санкт-Петербургский горный институт. В 1901 г. вступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Конный полк, в 1902 г. выдержал экзамен на офицерский чин в Николаевском кавалерийском училище, корнет. Участник Русско-японской войны в составе 2-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска. К концу войны штабс-ротмистр. С января 1906 г. в 55-м драгунском Финляндском полку, с марта 1907 г. в лейб-гвардии Конном полку. В 1910 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба, в 1911 г. курс Офицерской кавалерийской школы, ротмистр. Участник Первой мировой войны, один из первых кавалеров ордена Св. Георгия 4-й степени в войну. Командир полка, потом бригады в Уссурийской конной дивизии. С 13 января 1917 г. генерал-майор, с 23 января временно исполняющий должность командующего Уссурийской конной дивизией. В июле 1917 г. назначен командиром 7-й кавалерийской дивизии, а затем Сводного кавалерийского корпуса. С августа 1918 г. в Добровольческой армии. Командир 1-й Конной дивизии, затем I Конного корпуса. С 22 ноября 1918 г. генерал-лейтенант. Командующий Кавказской армией, затем Добровольческой армией. Из-за разногласий с А.И. Деникиным уволен в отставку. После отставки Деникина 22 марта 1920 г. избран главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Переформировал остатки частей ВСЮР в Русскую армию. Эвакуировался в составе армии в ноябре 1920 г. из Крыма в Константинополь. В эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. 1 сентября 1924 г. преобразовал армию в РОВС. В сентябре 1927 г. переехал в Брюссель, где был отравлен советскими спецслужбами. Похоронен в Брюсселе. В 1929 г. перезахоронен в Белграде.

²⁷ *Романов Кирилл Владимирович* (30.09.1876–12.10.1938) — великий князь, второй сын великого князя Владимира Александровича (сына Александра II). Окончил Николаевскую морскую академию. Участник Русско-японской войны. Начальник военно-морского отдела штаба командующего флотом в Тихом океане. В 1909–1912 гг. служил на крейсере «Олег». С 1913 г. в Гвардейском экипаже. Первым из царствующей фамилии поддержал Февральскую революцию. После ареста Николая II подал в отставку и уехал в Финляндию, затем перебрался в Германию. 31 августа 1924 г. провозгласил себя императором, что вызвало далеко не однозначную реакцию в эмиграции. Скончался в Париже.

16 марта 1931 года потребовал у великого князя Владимира Кирилловича²⁸ денег, чтобы... поднять восстание в Москве. Великий князь оторопел и попросил генерала Д.Г. Щербачева избавить его от подобных людей» [Густав Маннергейм 2008, с. 102].

Несмотря на заигрывание со сторонниками великого князя, отношение к личности Шинкаренко у руководства РОВС оставалось доброжелательным и на его демарши смотрели сквозь пальцы. Более того, в 1934 г. в помещении Общества галлиполийцев в Париже (одного из наиболее сильных структурных подразделений РОВС) состоялся творческий вечер Н.В. Шинкаренко.

Ситуация в Европе продолжала ухудшаться. После Великой депрессии произошла резкая поляризация взглядов большинства европейцев. 17 июля 1936 г. в Испании началось восстание националистов против республиканской власти. Вскоре восстание переросло в беспощадную гражданскую войну с широкомасштабным участием иностранцев. Руководство РОВС и значительная часть белой эмиграции поддерживали националистов, в то время как Советский Союз оказал помощь республике. Вскоре эмигрантская пресса окрестила республиканцев красными, а восставших — белыми. Откликнулся на испанские события и Н.В. Шинкаренко — в августовском номере журнала «Часовой» была опубликована его статья «Привет испанским “Корниловцам”». В ней автор выказал свое отношение к восстанию националистов и провел параллели с белой борьбой в России: «Знаю или, точнее, чувствую, — и каждый из нас, Русских военных, вероятно, знает и чувствует тоже, — что за все 16 лет, истекших со дня нашего поражения, еще никогда, ни в какой точке земного шара не пришлось белому и красному снова сплестись в столь трагическом поединке.

И — есть все-таки такое ощущение, что, может, на этот раз одолеет белое.

Наше.

Дай, Боже! Дай, Боже! Дай, Боже!..» [Белогорский 1936, с. 2].

Война в Испании с первых дней шла с большим ожесточением. Республиканское правительство, а затем и националисты обратились за военной помощью к другим государствам. Вскоре активисты различных эмигрантских организаций стали пробираться в Испанию, кто на защиту республики, кто на помощь националистам. В армию националистов вступило около 150 белоэмигрантов, был среди них и Н.В. Шинкаренко²⁹.

Впервые Николай Всеволодович попал в Испанию в октябре 1936 г. Средства на поездку ему предоставил редактор журнала «Часовой» В.В. Орехов³⁰. Взамен

---

²⁸ Так в тексте. На самом деле речь идет о великом князе Кирилле Владимировиче.

²⁹ Более подробно об этом см.: [Семенов 2010; Яремчук 1983].

³⁰ Орехов Василий Васильевич (17.09.1896–06.07.1990) — российский военный журналист и политический деятель эмиграции. Из дворян. Окончил Орловскую гимназию и поступил в Киевский политехнический институт. В начале Первой мировой (не кончив обучения) вступил добровольцем в 113-й пехотный Старорусский полк. В боях в Восточной Пруссии тяжело ранен в правую ногу. Был эвакуирован. После выздоровления прапорщик, командующий 7-й ротой полка. 11 сентября 1915 г., будучи раненым в плечо, возглавил 2-й батальон полка и атаковал противника, но был ранен в ногу и контужен. За этот подвиг награжден Георгиевским оружием. После выздоровления определен во 2-й железнодорожный батальон, командир роты. После Февральской революции в составе 15-го ударного батальона. Участ-

Шинкаренко обещал предоставить для журнала ряд статей и неофициально собирать данные о красных испанцах для Генерального штаба Польши (такое мнение об адресате сложилось у него из разговора с В.В. Ореховым). 12 октября 1936 г. при содействии Орехова генерал-майор Шинкаренко был принят в Профессиональный союз иностранных журналистов и официально стал корреспондентом журнала «Часовой». Также для поездки он получил рекомендательный сертификат от председателя РОВС генерала Е.К. Миллера³¹. 24 октября 1936 г. Шинкаренко оказался на территории Испании³².

Встретивший Шинкаренко в Саламанке майор Бороззо занимался внешнеполитическими вопросами в штабе Франко и позже вел переговоры с представителями РОВС. Бороззо заявил прибывшему Николаю Всеволодовичу, что он может быть принят только в Испанский иностранный легион и лишь рядовым, на что Шинкаренко ответил согласием. Бороззо отправил его обратно в Бургос якобы для записи в легион. В Бургосе испанские знакомые рекомендовали Шинкаренко вернуться во Францию и дожидаться более благоприятных условий для вступления в армию националистов. Вернувшись, Николай Всеволодович с горечью написал в своем дневнике: «Выставлен из Испании. Казенными испанцами. Это бесспорно»³³.

Второй раз Шинкаренко появился в Испании 12 февраля 1937 г. в компании еще трех русских артиллеристов, среди которых находился и ранее упоминавшийся генерал-майор А.В. Фок. Все четверо русских были зачислены в ряды испанского

ник Гражданской войны. Командир бронепоезда «За честь Родины», позже отдельной железнодорожной роты. В 1920 г. старший офицер 1-й железнодорожной роты генерала Маркова, капитан. Эвакуировался в составе армии. Находился в военном лагере Галлиполи, где издавал одноименный журнал. В эмиграции в Болгарии, затем во Франции. Один из организаторов Общества галлиполийцев. Активный деятель РОВС. С 1929 г. издавал журнал «Часовой». С 1935 г. постоянно проживал в Бельгии. Организовал Русское национальное объединение. В 1937 г. находился в Испании на территории националистов. Участвовал в организации антисоветской пропаганды. После оккупации Бельгии немцами прекратил издание журнала «Часовой» (вплоть до 1947 г.). Последний номер журнала увидел свет в 1988 г.

³¹ Миллер Евгений Карлович (07.10.1867–11.05.1939) — один из лидеров Белого движения, председатель РОВС в 1930–1937 гг. Из дворян. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1886 г., выпущен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк. В 1891 г. штабс-ротмистр. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1892 г. Состоял на различных штабных должностях. С 12 февраля 1898 г. военный агент в Брюсселе, с 14 августа 1901 г. на той же должности в Риме. С 1901 г. полковник. Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 5-й армии, генерал-лейтенант с декабря 1914 г. С 1916 г. командир XXVI армейского корпуса. Противник революционных событий. После Октябрьской революции скрывался в итальянском посольстве в Петербурге. В ноябре 1918 г. выехал на Север. 13 января 1919 г. прибыл в Архангельск и был назначен генерал-губернатором Северной области. С мая 1919 г. главнокомандующий войсками Северной области, генерал от кавалерии. С февраля 1920 г. военный министр, управляющий иностранными делами и заместитель председателя Временного правительства Северной области. 19 февраля 1920 г. бежал со штабом в Норвегию. С мая 1920 г. главноуполномоченный генерала Врангеля по военным и морским делам. С апреля 1922 г. начальник штаба генерала Врангеля. С 1923 г. состоял в распоряжении великого князя Николая Николаевича. С 1925 г. старший помощник председателя РОВС. С 27 января 1930 г. председатель РОВС. Выступал за активное участие чинов РОВС в гражданской войне в Испании. 22 сентября 1937 г. похищен в Париже советскими спецслужбами и вывезен в СССР. Расстрелян в Москве.

³² ЦМВС. Дф. 4/47. Д. 423/2. Л. 241.

³³ Там же. Л. 247.

монархического ополчения — «рекете» в терсио «Генерал Зумалакарреги»³⁴, все — на должности простых ополченцев-добровольцев.

Уже в мартовском номере «Часового» была опубликована первая весточка от Шинкаренко — «Письмо из Испании», подписанное не обычным псевдонимом, а инициалами Н.В. Письмо содержало общую информацию о добровольцах в терсио «Генерал Зумалакарреги» [Н.В. 1937, с. 13]. Следующее письмо в редакцию «Часового» — более содержательное и интересное, процитируем его начало: «Итак, я солдат испанской армии, белой и христианской. Солдат этой армии, потому что верю, что ее победа нанесет жестокий удар большевизму и в конце концов создаст условия для продолжения нашей борьбы за Россию.

Испанцы с большим вниманием, симпатией и чисто братскими чувствами отнеслись ко мне и тем офицерам, которые в свое время к ним прибыли.

Скажите всем читателям “Часового”, что мы здесь счастливы и удовлетворены. Счастливы уже потому, что перестали быть шоферами, рабочими — перестали быть в том состоянии, в которое нас поставила русская трагедия. Военные и добровольцы, мы нашли свое призвание опять. Сколько лет ждали этого момента, сосчитайте сами...» [Белогорский 1937а, с. 5].

Терсио «Генерал Зумалакарреги» в это время сражалось на Северном фронте в Бискайе против баскских сепаратистов. Уже 2 апреля 1937 г. за храбрость Шинкаренко производится в лейтенанты рекете [Mesa 1996, р. 87]. А на следующий день, 3 апреля, в бою у горы Пенья де Амбота (неподалеку от г. Очандиано) Н.В. Шинкаренко был тяжело ранен в левый висок. Это стало шестым по счету ранением в его жизни. Известны и его обстоятельства: находясь на фронте, Николай Всеволодович не кланялся пулям и ходил с прямой спиной, чем и воспользовался республиканский снайпер [Keene 2003, р. 208]. Раненый лейтенант-доброволец был помещен в сарагосский госпиталь. В мае 1937 г. русские сослуживцы Шинкаренко перешли в другое терсио «Донна Мария де Молина», где служило большинство русских добровольцев [Яремчук 1983, с. 26].

В июле 1937 г. он был прооперирован в больнице Витории и, как писал один из его знакомых, писатель А.В. Амфитеатров³⁵, «теперь, после трепанации черепа, быстро поправляется» [Флейшман и др. 1997, с. 25]. Н.В. Шинкаренко служил добровольцем в ополчении и не получал денежного довольствия, положенного в регулярной армии, поэтому русская эмиграция собирала деньги для раненого

³⁴ *Зумалакарреги Томас де* (29.12.1788–24.06.1835) — карлистский военачальник 1-й карлистской войны. Участник войны с Наполеоном, один из лидеров герильясов. В 1813 г. капитан в восстановленной испанской армии. После революции 1820 г. в эмиграции. В 1823 г. вернулся в Испанию и участвовал в наведении порядка. Подполковник в 1825 г., полковник и военный губернатор в Феролле с 1829 г. 30 октября 1833 г. возглавил силы карлистов в Наварре. Одержал ряд побед. 14 июня 1835 г. был ранен в ногу. Доверил лечение раны местному знахарю. Умер от заражения крови.

³⁵ *Амфитеатров Александр Валентинович* (14.12.1862–26.02.1938) — российский прозаик, публицист, драматург и критик. В 1885 г. окончил юридический факультет Московского университета. Автор-фельетонист газеты «Новое время». В 1899 г. создал газету «Россия». В 1902 г. за антимонархический фельетон выслан в Минусинск. Вернувшись из ссылки, эмигрировал во Францию. В Париже издавал газету «Красное знамя». Вернулся в Россию в 1916 г., редактировал газету «Русская воля». В августе 1921 г. бежал из Советской России в Финляндию. В эмиграции проживал в Праге, затем в Италии.

героя. Находясь в госпитале, Николай Всеволодович вел обширную переписку с различными представителями эмиграции, преимущественно с военными. В письмах он часто проводил параллели между событиями Гражданской войны в России и Испании. Большой интерес представляет его переписка с архимандритом Иоанном Шаховским³⁶. В ней он предстает не только профессиональным воином, но и глубоко религиозным человеком, ищущим ответы на различные конфессиональные вопросы. Их сложность хорошо подтверждает один из ответов архимандрита Иоанна: «В Вашем лице христианская Россия и христианская Испания соединяются... И потому Ваше письмо так проникнуто испанским духом и — русским. Так же русским, как и испанским» [Испанские письма 1939, с. 13].

Находясь на излечении, Шинкаренко подготовил и направил на имя главы националистов Франсиско Франко³⁷ меморандум о русских добровольцах, изложив в нем все их проблемы и выразив готовность возглавить полностью русское формирование. 15 июля 1937 г. Николай Всеволодович получил ответ из штаба Франко, в котором его благодарили за вклад в защиту национальной Испании, но вместе с тем и указывали на невозможность осуществить его предложения. В госпитале раненый Шинкаренко был навещен супругой генералиссимуса Кармен Поло³⁸ и представительницами испанской аристократии. После публикаций заметок о ранении Н.В. Шинкаренко в русскоязычной прессе в его адрес стало приходить большое количество писем от русских изгнанниц, но ни одна из них не составила ему счастья.

---

³⁶ *Шаховской Иоанн* (в миру князь Шаховской Дмитрий Алексеевич; 23.08.1902–30.05.1989) — епископ Русской православной церкви за рубежом, архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский, писатель, поэт. Учился в Императорском Александровском лицее в Санкт-Петербурге. С 1918 г. в Вооруженных силах Юга России. В боях под Царицыном был контужен. Окончил Севастопольскую морскую телеграфную школу и был зачислен на Черноморский флот. Эвакуировался в составе армии в ноябре 1920 г. В эмиграции во Франции, затем в Бельгии. В 1926 г. окончил историко-философский факультет Левенского университета. Редактировал журнал «Благонамеренный», опубликовал ряд стихотворений под псевдонимом Странник. В 1926 г. принял постриг и поступил в Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. С 1927 г. проживал в Сербии, иеромонах. В 1927–1930 гг. настоятель храма при Крымском кадетском корпусе. В 1930 г. вернулся в Париж. С 1 апреля 1932 г. настоятель Свято-Владимирской церкви в Берлине. С 1935 г. игумен, с 1937 г. архимандрит. Основал православное издательство и журнал «За церковь». В 1937 г. посещал русских добровольцев на фронте в Испании. В феврале 1945 г. переехал в Париж, затем в США. В 1946–1947 гг. настоятель храма в Лос-Анджелесе. С 1947 г. епископ Бруклинский и ректор Свято-Владимирской семинарии. С 1950 г. епископ Сан-Францисский и Западно-Американский, с 1961 г. архиепископ.

³⁷ *Франко Франсиско Баамонде* (04.12.1892–20.11.1975) — испанский военный и политический деятель. Диктатор Испании в 1939–1975 гг. Родился в дворянской семье. Окончил Пехотную академию в 1910 г. Служил в туземных войсках и в Иностранном легионе. Отличился в войне с рифами, в 1916 г. был ранен и произведен в майоры. В 1922 г. назначен командиром пехотной бригады в Мадриде. С 1928 г. начальник Военной академии в Сарагосе. Один из лидеров восставшей армии в 1936 г. С 29 сентября 1936 г. официальный лидер националистов — каудильо. Генералиссимус испанской армии. Под руководством Франко националисты одержали победу в Гражданской войне. В годы Второй мировой войны лавировал во внешней политике, что позволило избежать участия Испании в войне. В 1973 г. ушел с поста главы правительства.

³⁸ *Поло Мария дель Кармен Поло-и-Мартинес Вальдес* (11.06.1900–06.02.1988) — супруга испанского диктатора Франсиско Франко. В браке с 22 октября 1923 г.

По выздоровлении лейтенант Шинкаренко 5 августа 1937 г. был принят Франко, состоялась недолгая беседа, после которой Николай Всеволодович был переведен на службу в Испанский иностранный легион. В составе легиона он принял участие в сражении за местечко Куэста де ла Рейна, о чем рассказал в одном из своих писем. Наступление производилось обычным для националистов способом — колонной. В состав колонны, как правило, входили батальон легиона и батальон мавров. Впечатления о такой атаке и поведал читателям «Часового» Н.В. Шинкаренко: «В наступление, в контратаку. Мы, наша бандера, и мавры — марокканцы. Их зовут “*regulares*”³⁹. Алые фески и серые колпаки-тюрбаны. Лица, — мне они напомнили моих чеченцев и кабардинцев нашей русской гражданской войны» [Белогорский 1937, с. 22].

Помимо непосредственного участия в боевых действиях Н.В. Шинкаренко выступал в качестве диктора на русской радиостанции в Саламанке. 31 октября 1937 г. лейтенант Шинкаренко был определен на службу в IX бандеру (батальон) Испанского иностранного легиона и отбыл к месту службы. Вместе с бандерой он участвовал в осаде предместий Мадрида — Университетского городка, о чем рассказал в февральском номере «Часового» [Белогорский 1938].

Шинкаренко неоднократно пытался добиться у командира Иностранного легиона полковника Ягуэ⁴⁰ создания в легионе отдельной русской единицы, что, вероятно, вскоре спровоцировало перевод лейтенанта сначала в запасную часть легиона инструктором, а затем, в конце 1938 г., в штаб регулярных марокканских войск, при этом в качестве основания было указано незнание испанского языка. Так закончилось активное участие Н.В. Шинкаренко в испанской войне. В феврале 1939 г. он был направлен в штаб генерала Варелы⁴¹ в Теруэль, но и там не смог найти взаимопонимания с штабными офицерами.

Стоит сказать, что и русские сослуживцы Шинкаренко по Испании практически не упоминали его в своих мемуарах, а если и вспоминали, то ограничивались самыми общими фразами о его службе и ранении. Другой интересной

---

³⁹ Fuerzas Regulares Indígenas de España — Регулярные туземные войска Испании.

⁴⁰ Ягуэ Бланко Хуан (1891–29.10.1952) — испанский военачальник. В 1910 г. окончил Пехотную академию в Толедо. Участник войны с рифами, был несколько раз ранен. В 1934 г. участвовал в подавлении мятежа анархистов. Сторонник Испанской фаланги. Подполковник. В июле 1936 г. командовал одним из батальонов Иностранного легиона. Обеспечил захват Сеуты 17 июля 1936 г. За успешные действия произведен в полковники. В 1937 г. бригадный генерал и командир 1-го Марокканского корпуса. В 1939 г. дивизионный генерал и министр авиации. В 1940–1942 гг. находился в опале. В 1942 г. вернулся на службу, был назначен командующим в Мелилье. С 1943 г. генерал-лейтенант и командующий 6-м военным округом.

⁴¹ Варела Иглесиас Хосе Энрико (17.04.1891–24.03.1951) — испанский военачальник. На военной службе с 1909 г. в полку морской пехоты, позже сержант. В 1915 г. окончил Пехотную академию, младший лейтенант. Направлен для прохождения службы в Мелилье в марокканские части. Участник боев в Марокко. Полковник с 1929 г. После революции 1931 г. отправлен в отставку как ярый монархист. Участвовал в различных заговорах против республики, позже организовал военную подготовку карлистского ополчения — рекете. Летом 1936 г. арестован республиканцами. После восстания освобожден. Участник штурма Мадрида и Харамского сражения. В 1937 г. возглавил армию Кастилии. В 1939 г. дивизионный генерал и военный министр в первом правительстве Франко. Из-за внутривластного кризиса в Испании подал в отставку летом 1942 г. С марта 1945 г. верховный комиссар Испании в Марокко. Генерал-капитан.

деталью послевоенной жизни Н.В. Шинкаренко является его отсутствие на фототрафиях с юбилейных собраний русских добровольцев — участников войны в Испании.

Победа националистов мало что дала русским ветеранам — испанские военные власти сильно скупались на награды и чины. Все русские, воевавшие за национальную Испанию, по окончании боевых действий были повышены лишь на одно звание, некоторые получали награды и всем было предложено испанское гражданство. Николай Всеволодович решил не возвращаться в опустылевшую Францию. При получении гражданства он по испанской традиции добавил к своей фамилию матери и стал зваться Шинкаренко-Брусиллов. Вышел в отставку и поселился в городке Сан-Себастьян.

В своих воспоминаниях Николай Всеволодович достаточно много размышлял о войне в Испании. Особенно интересны его оценки испанских солдат, офицеров, самой испанской армии в целом. Испанские солдаты, по мнению Шинкаренко, были храбры, но безынициативны, а «их командиры не были знакомы с военным искусством» [Keene 2003, p. 208].

1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Как и большинство русских участников Первой мировой войны, Н.В. Шинкаренко недолюбливал немцев. Приход к власти в Германии Гитлера ничего не изменил в убеждениях нашего героя. Он не испытывал никаких иллюзий в отношении фюрера, более того, он считал и называл его Антихристом. После немецкого вторжения во Францию Шинкаренко попытался вступить во французскую армию, но был отвергнут из-за возраста и ранений. В 1941 г. Николай Всеволодович не поддержал нападения Германии на СССР, однако он и не осуждал своих сослуживцев по испанской армии, вступивших в ряды вермахта.

Живя в Сан-Себастьяне, Н.В. Шинкаренко приводил в порядок свои записи, вел активную переписку с самыми разными представителями русской эмиграции и даже переписывался с Карлом Маннергеймом. В 1943 г. испанский гражданин русского происхождения принял католичество, объясняя это давней симпатией. Сочинительство занимало все больше времени: он стал активно сотрудничать с журналом «Военная быль». В 1964 г. в Мадриде свет увидел роман «Вчера» в двух томах, посвященный жизни офицерства в период 1919–1930 гг. Более ничего примечательного в жизни Николая Всеволодовича Шинкаренко не происходило. 21 декабря 1968 г. на улицах Сан-Себастьяна Н.В. Шинкаренко был насмерть сбит грузовиком. Так закончилась жизнь генерал-майора русской армии Николая Всеволодовича Шинкаренко, участника четырех войн. Погибший был похоронен на кладбище Сан-Себастьяна.

Источники и литература

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
ЦМВС — Центральный музей Вооруженных Сил

Белогорский 1928 — *Белогорский Н.* В дни Каледина // Белое дело. Берлин, 1928. Т. 4. С. 39–70.

- Белогорский 1936 — *Белогорский Н.* Привет испанским «Корниловцам» // *Часовой*. 1936. Август. № 172. С. 2–3.
- Белогорский 1937 — *Белогорский Н.* Куэста де ла Рейна // Там же. 1937. 20 декабря. № 202–203. С. 21–23.
- Белогорский 1937а — *Белогорский Н.* Письма из Испании // Там же. 1937. 1 мая. № 189. С. 5.
- Белогорский 1938 — *Белогорский Н.* Под Мадридом // Там же. 1938. 15 февраля. № 206. С. 9–13.
- Волков 2012 — *Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2 т. М., 2012. Т. 2.
- Граф 2004 — *Граф Г.К.* На службе Императорскому дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб., 2004.
- Густав Маннергейм 2008 — Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах / сост. Л.В. Власов, М.А. Власова. СПб., 2008.
- Испанские письма 1939 — *Испанские письма о воинстве*. <Б. м.>, 1939.
- Н.В. 1937 — *Н.В.* Письмо из Испании // *Часовой*. 1937. 20 марта. № 187. С. 13.
- Орехов 1969 — *Орехов В.В.* Незабываемые могилы // Там же. 1969. Февраль. № 512 (2). С. 20.
- Рутыч 1997 — *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). М., 1997.
- Семенов 2010 — *Семенов К.К.* Лицом к солнцу: участие белоэмигрантов в Гражданской войне в Испании (1936–1939) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2010. С. 46–76.
- Флейшман и др. 1997 — *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Стэнфорд, 1997. Кн. 5.
- Шабанов 2004 — Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: Именные списки: 1769–1920: Биобиблиографический справочник / сост. В.М. Шабанов. М., 2004.
- Шинкаренко 1961 — *Шинкаренко Н.В.* К статье К. Шургаевича «Атака Ахтырских гусар» // Военная быль. 1961. Май. № 48. С. 30.
- Яремчук 1983 — *Яремчук А.П.* 2-й. Русские добровольцы в Испании. 1936–1939. Сан-Франциско, 1983.
- Keene 2003 — *Keene J.* Fighting for Franco: International Volunteers in Nationalist Spain During the Spanish Civil War, 1936–39. N.Y., 2003.
- Mesa 1996 — *Mesa J.L. de.* Los otros internacionales: Voluntarios extranjeros desconocidos en el Bando Nacional durante la Guerra Civil (1936–39). Madrid, 1996.
- Wildman 1992 — *Wildman A.* The General Staff and Kornilov Movement in Revolution in Russia: Reassessments of 1917. Cambridge, 1992.

Н.А. Ёхина

«ИСТОРИЯ РУССКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ...

ЕЩЕ НЕ НАПИСАНА»:

К ИСТОРИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ В ЮГОСЛАВИИ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Предисловие, подготовка текста и комментарии Н.А. Ёхиной

Сведения о деятельности подпольной эмигрантской антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП) в Югославии в период Второй мировой войны довольно скупы. Как отмечает автор единственной статьи о ССП А.Ю. Тимофеев, эта организация почти не упоминается ни в научной, ни в художественной литературе [Тимофеев 2012; Тимофе́ев 2012]¹. Причиной данной историографической лакуны он считает нелегальный характер организации, арест и гибель в 1944 г. двух из трех ее руководителей, а также уничтожение последних следов деятельности ССП во время преследования «белых» русских эмигрантов в титовской Югославии в 1948–1953 гг. Более детальное исследование истории Союза советских патриотов стало возможным, по словам А.Ю. Тимофеева, лишь после того, как в Архиве Сербии в Белграде были рассекречены материалы Управления государственной безопасности. Опираясь на показания некоторых членов ССП, историк представил информацию о времени его создания, структуре и предположительных причинах провала, коротко остановился на судьбах отдельных его представителей. Однако дать более точную оценку деятельности ССП в целом, подчеркивает А.Ю. Тимофеев, представляется затруднительным «до рассекречивания соответственных архивных материалов в России» [Тимофеев 2012, с. 19].

Между тем в 1963 г., уже после возвращения в СССР, известный филолог, профессор Белградского университета и член ССП И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969) опубликовал ряд статей, в которых затрагивал деятельность Союза и одного из его руководителей, Ф.Е. Высторопского² [Голенищев-Кутузов 1963а; 1963б].

¹ На сербском языке опубликованы воспоминания члена ССП Е.Ж. Гильотен: [Две моје домовине 1991]. Их русскоязычный машинописный вариант хранится в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Ф. 1. Р-178); см. также воспоминания Ю.П. Лобачева: [Лобачев 1997].

² *Высторопский Федор Ефимович* (серб. Висторопский Федор Евтимьевич; 27.9.1903, с. Троицкое Павлоградского у. Екатеринославской губ. — 1944, концлагерь Маутхаузен), участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии (с 8 октября 1919 г.), канонир 3-й конно-артиллерийской бригады, сводной батареи 2-го конно-горного артиллерийского дивизиона, галлиполиец (имел нагрудный знак «Галлиполи 1920–1921» за № 20700). В составе своей батареи прибыл в КСХС (2.8.1921), нес службу в пограничной страже в г. Гусинье на границе с Албанией. Получил отпуск для завершения среднего образования (март 1922), был принят в I Русско-сербскую гимназию, с 1923 г. жил в Белграде. Окончил гимназию (1926), философский факультет Белградского университета (1931). Принял подданство Королевства Югославия (1931) (см.: ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 161. Л. 139–140; Д. 165. Л. 114–115; Д. 167. Л. 162; Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 1062. Л. 3125–3127).

Конечно, в силу времени и места издания эти тексты были идеологически окрашены. Однако даже в статье, приуроченной к 46-летней годовщине Октябрьской революции [Голенищев-Кутузов 1963], ученому удалось избежать славословия в адрес советских вождей, акцентировав внимание на той роли, которую сыграли представители второго поколения русской эмиграции, сражавшиеся в рядах Сопротивления в годы Второй мировой войны, в приближение победы над фашизмом. При этом Илья Николаевич подчеркивал, что «история русского зарубежного Сопротивления фашистам еще не написана...» [Там же, с. 6]. Хотя с тех пор появилось немало публицистических и исторических работ, посвященных участию российских эмигрантов в европейском движении Сопротивления, особенно во Франции, история югославского Союза советских патриотов все еще остается белым пятном³.

В Государственном архиве Российской Федерации нам удалось выявить комплекс автобиографических документов ряда членов Союза советских патриотов, позволяющий лучше представить персональный состав ССП. Эти материалы отложились в фонде Управления уполномоченного СНК (Совета министров) СССР по делам репатриации и представляют собой заявления белоэмигрантов, желавших вернуться на родину, на имя представителя уполномоченного в Югославии⁴. В двух архивных делах сброшюрованы 227 заявлений потенциальных возвращенцев. Практически все они написаны от руки на листах разного формата, авторизованы и в большинстве случаев датированы самими заявителями (написаны в период с 22 февраля по 30 марта 1945 г.). Какие-либо делопроизводственные пометы на заявлениях отсутствуют, и создается впечатление, что по мере подачи они просто складывались в стопку, а затем были сброшюрованы в дело. Тем не менее появление заявлений именно в указанный период было обусловлено вполне конкретными причинами.

Красная армия и Народно-освободительная армия Югославии освободили Белград 20 октября 1944 г. Чуть более чем за две недели до этого события, 4 октября 1944 г., постановлением СНК СССР учреждается должность уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, на которую был назначен генерал-полковник Ф.И. Голиков (1900–1980). В свою очередь 23 октября 1944 г. образовано Управление уполномоченного и установлены его штаты, включая представителей уполномоченного за границей. Первые специализированные заграничные представительства (миссии) Управления были созданы в ноябре 1944 г. в Финляндии, Франции, Румынии и Иране, группа «Балканы» (Греция, Албания и Югославия) — 18 января 1945 г., ее возглавил полковник В.Г. Брагин [Полян 2002, с. 334, 341, 380, 786].

Еще через месяц, 22 февраля 1945 г., на страницах издаваемой в Белграде сербской газеты «Политика» появилось следующее сообщение на сербском и русском языках: «Представитель уполномоченного СНК СССР по вопросу репатриации граждан СССР на родину сообщает, что все граждане Советского Союза, которые

---

³ Материалы настоящей публикации частично использованы в нашей работе в журнале «Берега»: [Ёхина 2015].

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 236, 234.

оказались во время этой войны на территории Югославии (те, кто бежали из немецкого рабства или насильственно уведены с советской территории, и другие лица, которые по каким-либо причинам оказались на территории Югославии), должны немедленно лично явиться для регистрации к представителю уполномоченного по вопросу репатриации. Граждане, которые не имеют возможности явиться лично по причине тяжелой болезни, должны это сообщить письменно и вместе с тем указать место своего пребывания и точный адрес. Место явки: Белград, улица Капетан Мишина № 6а»⁵. С этого момента на имя представителя уполномоченного СНК по репатриации в Югославии и стали поступать в значительном количестве заявления «других лиц» — потенциальных возвращенцев из эмигрантской среды, которые восприняли газетное сообщение как отправную точку для возможности вернуться в СССР.

В автобиографиях одиннадцати эмигрантов, подавших заявления с просьбой о возвращении на родину, имеются сведения о том, что они, а также их ближайшие родственники, являлись членами Союза советских патриотов в Югославии. Эти материалы и составили документальную базу данной публикации, которая включает четыре заявления, — Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова, Олега Сергеевича Гребенщикова, Кирилла Владимировича Мартино (о них см.: [Российское научное зарубежье 2011, с. 206, 220; Шергалин 2012; 2013]) и Зои Александровны Лебедевой (члена ССП и супруги одного из его руководителей, Владимира Александровича Лебедева). Хотя публикуемые заявления не содержат какой-либо объемной и детальной информации о деятельности ССП, они дают яркое представление о составе Союза советских патриотов, их политических настроениях и ожиданиях. В частности, многие члены Союза надеялись, что участие в антифашистском движении поможет им вернуться на родину. Об этом было известно и советским военным. Так, в записке «О “Союзе советских патриотов”», представленной начальником 7-го отделения политотдела 57-й армии Крюковым начальнику этого политотдела полковнику Г.К. Циневу⁶ и датированной 14 ноября 1944 г., указывалось: «Цели союза: борьба всеми средствами против немцев и их эмигрантских сообщников. Возвращение на родину как награда за понесенные союзом жертвы и усилия его работников в антифашистской борьбе»⁷.

Как известно, с началом Второй мировой войны русская эмиграция в Югославии, как и все «белое» зарубежье, разделилась на «пораженцев» и «оборонцев» (см. подробнее: [Тимофеев 2010; Obradović 1997]). Несмотря на кардинальные различия позиций, и те и другие считали себя патриотами и жили надеждой на

⁵ Аналогичное сообщение только на сербском языке см.: Саопштење опуномоћеног претставника Совјета народних комесара СССР по питању репатриације // Борба. 1945. 25 февраля. № 50. С. 4.

⁶ Цинев Георгий Карпович (1907–1996), выпускник Днепропетровского металлургического института, член ВКП(б) (1932), на партийной работе (с 1939 г.), 3-й секретарь Днепропетровского горкома КП(б)У (1941); военком полка, штаба оперативной группы войск, заместитель начальника политуправления Калининского фронта (с июля 1941 г.); начальник политотдела 57-й армии (3-й Украинский фронт) (март 1943 — май 1945), войну закончил в Австрии; генерал армии (1978), первый заместитель председателя КГБ СССР (1982–1985).

⁷ ЦА МО РФ. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 233. Л. 188.

возвращение на родину. Преобладающие в Югославии «пораженцы» при выборе между внутренним врагом России — советской властью и внешним — нацистской Германией и ее союзниками меньшим из двух зол считали последнее и надеялись, что они покончат с большевистским режимом. «Оборонцы», напротив, решительно поддерживали родину в борьбе против любого внешнего врага. И.Н. Голенищев-Кутузов вспоминал: «В поисках “новых решений” политических вопросов некоторые молодые эмигранты в тридцатых годах восприняли фашистские теории разных мастей и оттенков. Другие стали склоняться влево. Они воспринимали идеи социализма, записывались в рабочие синдикаты, читали советскую литературу без предубеждения. <...> Все чувствовали, что надвигаются грозные события. Следовало заранее решить, на чьей стороне ты будешь, когда разразится война. На политических и литературных собраниях эмигрантов стали выступать молодые люди, заявлявшие, что они будут защищать Россию с оружием в руках» [Голенищев-Кутузов 1963, с. 6].

Именно такую, патриотически настроенную молодежь объединил в своих рядах Союз советских патриотов. И.Н. Голенищев-Кутузов, О.С. Гребенщиков, К.В. Мартино, В.А. Лебедев и др. принадлежали к поколению эмигрантских детей, вынужденно покинувших родину вместе с родителями после Октябрьской революции 1917 г. Все они были выпускниками I Русско-сербской гимназии в Белграде. В 1921 г. здесь учился Илья Голенищев-Кутузов, Олег Гребенщиков окончил гимназию в 1923 г., Владимир Лебедев — в 1924 г.⁸, один из трех руководителей ССП Федор Высторопский и Павел Крат — в 1926 г. Зоя Демьянович (в замужестве Лебедева), Борис Марков и Всеволод Прокофьев — в 1928 г., Юрий Лобачев — в 1929 г. Это был последний, девятый выпуск смешанной I Русско-сербской гимназии, которую с 1930 г. разделили на мужскую и женскую части. В 1932 г. мужскую гимназию окончил еще один будущий руководитель ССП Илья Одишелидзе, Кирилл Мартино получил аттестат зрелости в 1933 г., Андрей Ефимовский — в 1940 г. [Памятка 1986, с. 85–97]. Ф.Е. Высторопский особо подчеркивал, что «лозунг первого директора гимназии Владимира Дмитриевича Плетнева — “Думайте!” — проник во все уголки ученической жизни...» [Там же, с. 34]; в историческом семинаре гимназии затрагивались, например, такие актуальные для своего времени проблемы, как евразийское понимание русской истории и украинский вопрос. «За докладами, — резюмировал Высторопский, — было не только научное значение, они важны были и как общественный фактор» [Там же, с. 37].

По нашим подсчетам, по меньшей мере пятнадцать выпускников гимназии входили в состав Союза советских патриотов. Если учесть, что за годы существования I Русско-сербской гимназии из ее стен вышло более тысячи человек [Там же, с. 85–111], то следует признать — среди ее выпускников просоветски настроенная молодежь составляла меньшинство. Однако именно эти молодые люди являлись руководящим ядром ССП и были его наиболее активными членами.

---

⁸ В качестве даты окончания В.А. Лебедевым I Русско-сербской гимназии ранее указывался 1929 г. (см.: [Јовановић 1994, с. 349; Ёхина 2015, с. 8]), данная информация является ошибочной, по уточненным данным В.А. Лебедев стал выпускником гимназии в 1924 г.

IX выпуск I Русско-сербской смешанной гимназии, Белград, 1929 г.

Из личного архива Д.Ю. Лобачева.

*Во втором ряду слева направо — третий слева — Юрий Павлович Лобачев,
в центре, в очках, Владимир Эммануилович Мартино*

Формирование их «оборонческой» стратегии началось в гимназические годы. Так, преподавателем I Русско-сербской гимназии был отец К.В. Мартино, Владимир Эммануилович Мартино⁹, чья гражданская позиция существенно отличалась от взглядов большинства преподавателей гимназии. Неслучайно в августе 1941 г. он (в числе пяти преподавателей) был уволен из гимназии с формулировкой: «Линия Вашего мировоззрения, неоднократно Вами определенная, не совпадает с принятым нами путем, а потому нам приходится расстаться с Вами, причем коренное расхождение в идеологии нисколько не умаляет оценки Вашей педагогической деятельности»¹⁰. Увольнение, по словам Владимира Эммануиловича, совпало «со временем наибольших немецких успехов и с чудовищной немецко-эмигрантской пропагандой, и поэтому можно считать, что уволенные преподаватели проявили должное присутствие духа, ясность мысли и верность родине»¹¹.

⁹ *Мартино Владимир Эммануилович* (1888–1961), орнитолог, зоогеограф, эколог. Директор заповедника «Аскания-Нова» (1917–1920). См. подробнее: [Сорокина 2011, с. 208–209].

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 234. Л. 228.

¹¹ Там же.

Входил в состав Союза советских патриотов и Николай Александрович Чернышев (1877–1947), в прошлом член РСДРП, «оборонец»¹², участник Гражданской войны, работавший в гимназии с 1922 по 1941 г. и совмещавший здесь должности воспитателя интерната, преподавателя русского языка и библиотекаря¹³.

Кроме того, некоторые будущие члены ССП еще до войны были связаны с Земгором и возглавлявшим его Ф.Е. Махиным¹⁴. В созданной по инициативе Махина библиотеке Земгора работал Высторопский; он же председательствовал в Обществе выпускников I Русско-сербской гимназии. Супруга И.Н. Голенищева-Кутузова, по-видимому со слов мужа, называла Махина старшим другом Ильи Николаевича, оказавшим большое влияние как на формирование его политических убеждений, так и на его работу в рядах югославского Сопротивления [Голенищева-Кутузова 2004, с. 9]. Сам Голенищев-Кутузов считал Махина умным и осторожным деятелем, указывая, что в довоенном Белграде Земгор являлся единственным местом, «где можно было иметь открытый доступ не только к советским книгам, но и к газетам. Высторопский, — писал Илья Николаевич, — был как бы живой связью между нами, посетителями библиотеки, и далекой Родиной. Он снабжал нас советскими изданиями, помогал ориентироваться в советской литературе. Уходя с югославской армией в первые дни войны весной 1941 года, Махин поручил Высторопскому организовать русских патриотов для борьбы с фашистами в Белграде» [Голенищев-Кутузов 1963б, с. 6].

Таким образом, объединение выпускников I Русско-сербской гимназии в рамках ССП в годы Второй мировой войны оказалось далеко не случайным. В их семьях не было ярко выраженного антисоветского настроения, но всегда присутствовала ностальгия по утраченной родине, что не могло не оказать влияния на формирование мировоззренческих приоритетов будущих членов Союза. Именно эта «неугасимая любовь к России», как подчеркивал И.Н. Голенищев-Кутузов, «заставила некоторых эмигрантов еще в тридцатых годах поверить в достижения Советского Союза и как неизбежное принять Октябрьскую революцию» [Голенищев-Кутузов 1963, с. 6]. Некоторые будущие члены ССП еще до начала войны предпринимали безуспешные попытки вернуться в СССР.

В вышеупомянутой записке полковнику Г.К. Циневу отмечалось, что в Югославии незначительное меньшинство просоветски настроенных эмигрантов, желавших вернуться на родину, начали «организовываться еще в 1940 году», после приезда в Югославию советского посла. В основном это были представители интеллигенции — инженеры, врачи, преподаватели и т. д. После нападения Германии на СССР некоторые из них ушли в партизаны, как Ф.Е. Махин, А. Ефимовский и др., а некоторые, оставшись в Белграде, организовали подпольный Союз советских патриотов¹⁵.

¹² Там же. Д. 236. Л. 264.

¹³ Там же. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 890. Л. 1–16.

¹⁴ *Махин Федор Евдокимович* (1882–1945) — офицер, эсер. В эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) с 1923 г. Председатель Земгора в Белграде (с 1924 г.), основатель сербско-русского журнала «Русский архив» (1928–1937). Член Коммунистической партии Югославии (с 1939 г.), один из организаторов партизанского движения в Югославии. Генерал-лейтенант Народно-освободительной армии Югославии (февраль 1944 г.). См.: [Ганин 2006].

¹⁵ ЦА МО РФ. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 233. Л. 188.

И.Н. Голенищев-Кутузов, который в этом документе характеризовался как «умный, высококультурный, одаренный человек», по сути попал в обе категории, поскольку помимо членства в ССП он в течение трех лет воевал и в партизанах¹⁶.

Безусловно, обстановка, царившая в стенах гимназии, и умело поставленная агитация в пользу СССР в рамках Земгора оказывали определенное идеологическое влияние на умы будущих членов Союза советских патриотов, однако не стоит забывать и о том, что они в разные годы окончили Белградский университет и активно трудились на своем научном, преподавательском или медицинском поприще, отдавая именно этой деятельности, а отнюдь не политике свои силы и знания.

Филолог И.Н. Голенищев-Кутузов, окончив в 1925 г. Белградский университет, преподавал в гимназиях городов Никшич (Черногория) и Дубровник (Далмация). В 1929 г. он принял югославское подданство, а в мае 1934 г. был избран приват-доцентом одновременно Белградского и Загребского университетов, но предпочел Белград. На протяжении 1930-х гг. критические статьи, очерки, заметки, эссе И.Н. Голенищева-Кутузова широко печатались во многих эмигрантских и югославских газетах и журналах. В эти годы он очень интересовался жизнью в Советской России и ее литературой, что стало поводом для ареста Голенищева-Кутузова югославской полицией по обвинению в советской пропаганде (после публикации в 1938 г. статей о романах М. Шолохова «Поднятая целина» и А. Толстого «Петр I» в журнале «Смена» [Гардзонио 2004, с. 10]). Более того, ученый был лишен югославского подданства и уволен со службы «как лицо политически неблагонадежное»¹⁷. После жалобы в Верховный суд Югославии Голенищев-Кутузов был возвращен на службу и восстановлен в гражданстве. Тем не менее этот инцидент мотивировал филолога к решению покинуть королевство и обратиться в советское полпредство в Софии (до июня 1940 г. между Советской Россией и Югославией не было дипломатических отношений) с просьбой о возвращении на родину, однако его просьба была отклонена. Осенью 1940 г., после установления дипломатических отношений между СССР и Югославией, Голенищев-Кутузов повторил попытку, которая также не увенчалась успехом¹⁸.

Другой выпускник Белградского университета О.С. Гребенщиков успешно сочетал научные исследования в области геоботаники с занятиями живописью и музыкой (см.: [Жизнь и приключения... 2006; Миркин, Розенберг 2007; Художники-географы 2007]). Ввиду нежелания принять югославское подданство основным местом работы для Олега Сергеевича многие годы оставался Белградский народный театр. Параллельно он занимался в Ботаническом институте Белградского университета под руководством профессора, также русского эмигранта, П.И. Чернявского (1892–1969). С 1930 по 1940 г. Гребенщиков совершил немало научных экспедиций по Югославии и всему Балканскому полуострову. Собранный в поездках гербарий (около восьми тысяч экземпляров) он преподнес в дар Естественно-историческому музею в Белграде. Со второй половины 1930-х гг. научные работы О.С. Гребенщикова стали публиковаться на русском, сербохорватском и английском языках, он также постоянно следил за советской научной ли-

¹⁶ ЦА МО РФ. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 233. Л. 187.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 236. Л. 167.

¹⁸ Там же.

тературой по интересовавшим его областям ботаники и географии.

К.В. Мартино окончил биологическое отделение философского факультета Белградского университета в 1937 г. С детских лет приобщенный отцом, В.Э. Мартино, к походам, экскурсиям и охоте, он уже в конце 1930-х гг. опубликовал ряд научных работ, посвященных наблюдениям за хищными птицами в окрестностях Белграда (см.: [Шергалин 2012]). В 1939–1944 гг. Мартино-младший служил ассистентом по кафедрам биологии и гистологии домашних животных ветеринарного факультета Белградского университета¹⁹.

Ю.П. Лобачев (1909–2002), сын дипломата Павла Артемьевича Лобачева (1874–1921), приехавшего в КСХС в 1919 г., остался круглым сиротой в возрасте тринадцати лет — отец умер в 1921-м, мать — в 1922 г. После окончания гимназии, став студентом отделения истории искусств философского факультета Белградского университета, Юрий Павлович зарабатывал на жизнь самым разным трудом. Но талант художника, реализованный в жанре комикса, определил дальнейшее направление его профессиональной деятельности. В 1935–1941 гг. он рисовал комиксы для газеты «Политика», детского еженедельника «Политикин забавник», журналов «Мика миш», «Микијево царство», «Ошишани еж» и др. (подробнее см.: [Лобачев 1997, с. 70–106]. В мае 1940 г. во время приезда в Белград первой официальной делегации из СССР во главе с А.И. Лаврентьевым он, будучи сотрудником белградской газеты «Политика», освещавшей данное событие, сопровождал советскую делегацию в качестве переводчика [Там же, с. 100–101]²⁰.

Юрий Павлович Лобачев. Белград, 1943–1944 гг.

Подпись на обороте фотографии:

«Железный конь» активиста ССП. 1943–1944 г.

Из личного архива Д.Ю. Лобачева

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 236. Л. 70.

²⁰ После разрыва отношений между СССР и Югославией Ю.П. Лобачев был арестован в 1949 г., прямо из тюрьмы привезен на железнодорожную станцию в Панчево (июнь 1949 г.), куда были также доставлены его жена, Е.К. Лобачева, и сын Дмитрий, здесь же находились еще несколько семей русских эмигрантов. Вся группа была посажена в поезд, отправленный на югославо-румынскую границу в районе г. Кикинда, после чего вагон с людьми был отцеплен и локомотив просто толкнул его через границу [Лобачев 1997, с. 203–205]). В дальнейшем Лобачев жил в Румынии, вернулся в СССР в ноябре 1955 г., обосновался в Ленинграде, работал в газете «Смена», рисовал плакаты для объединения «Боевой карандаш», иллюстрировал произведения югославских писателей (Из интервью Д.Ю. Лобачева от 21.10.2014 (Личный архив автора; далее: Из интервью Д.Ю. Лобачева)).

*Владимир Александрович Лебедев.
Белград, 1 февраля 1942 г.
Из личного архива С.В. Лебедева*

В.А. Лебедев (1906–1990) окончил медицинский факультет Белградского университета. В 1933 г. он поступил на службу в Союз здравоохранительных кооперативов и был назначен врачом в село Варна округа Шабац, где проработал до 1938 г. Его супруга З.А. Лебедева, также получившая образование в Белградском университете по специальности «химия», помогала мужу, работая в аптеке. В 1938 г. В.А. Лебедев был переведен в Центральное управление Союза здравоохранительных кооперативов в Белграде, где возглавил социально-медицинское отделение и много ездил по стране, вводя в работу новых докторов.

Сведения о судьбе доктора Лебедева до недавнего времени практически отсутствовали в историографии. Только профессор Белградского университета М. Йованович в 1994 г. опубликовал статью [Йовановић 1994], в которой в буквальном смысле разбирался

в том, «ко је В. Лебедев»²¹, устраняя тем самым недоразумения историографии «относительно ролей и функций, которые имели в 1941 г. три личности, носящие фамилию Лебедев» [Там же, с. 339, 354]²². М. Йованович пришел к выводу, что «врач Владимир Александрович Лебедев в сер<едине> 1941 г. в Белграде являлся активным деятелем антифашистской организации “Союз советских патриотов”, а в течение войны был одним из самых ее выдающихся руководителей» [Там же, с. 354]²³.

²¹ Кто такой В. Лебедев (*серб.*).

²² Помимо В.А. Лебедева в статье идет речь о дипломате, советнике полпредства СССР в Югославии (в 1941 г.) Викторе Захаровиче Лебедеве (1900–1968) и директоре журнала «Русский архив» в Белграде Владимире Ивановиче Лебедеве (1883–1956). Последнего, в частности, в некоторых случаях путали с В.А. Лебедевым, приписывая ему руководство ССП.

²³ Установить точную дату рождения В.А. Лебедева М. Йовановичу не удалось, и сделанное им предположение о том, что это мог быть 1907 г., является ошибочным. На самом деле В.А. Лебедев родился в 1906 г. [Йовановић 1994, с. 348]. Информацию о послевоенном периоде его жизни исследователь хронологически ограничивает августом 1951 г. Тогда В.А. Лебедев в числе других российских эмигрантов, получивших советское гражданство и выступивших в 1948 г. в поддержку резолюции Информбюро, был обвинен в шпионаже в пользу СССР и осужден в ходе проходившего в Белграде публичного показательного процесса над «группой советских шпионов» [Тимофеев 2012, с. 19; Йовановић 1994, с. 351]. Заканчивая раздел о Лебедеве словами: «Његова даља судбина није позната» (Его дальнейшая судьба неизвестна (*серб.*), см.: [Йовановић 1994, с. 351]), в комментарии к ним М. Йованович высказал два предположения о судьбе медика: либо он скончался в югославской тюрьме, либо в 1950-е гг. ему удалось вернуться на родину, как это сделали его соратники по ССП Ю.П. Лобачев и И.Н. Голенищев-Кутузов [Там же]. За двадцать лет с момента выхода статьи М. Йовановича информации о том, что происходило с В.А. Лебедевым и его семьей после 1951 г. не прибавилось. На-

6 апреля 1941 г. гитлеровская Германия напала на Югославию. Белград был подвергнут бомбардировке, а 12 апреля в город вошла передовая команда немцев. В этой короткой «апрельской войне» принимали участие и российские эмигранты — как мобилизованные в югославскую армию, так и вступившие в нее добровольцами. К числу последних принадлежал И.Н. Голенищев-Кутузов. После капитуляции югославской армии он вернулся в Белград и в начале ноября 1941 г. был арестован гестапо. Вместе с группой профессоров Белградского университета Голенищев-Кутузов был отправлен в концлагерь «Баница» в одноименном пригороде Белграда, где сидел в одном бараке вместе с известным сербским филологом, членом-корреспондентом Петербургской академии наук, председателем Сербской академии наук и искусств Александром Беличем (1876–1960)²⁴. Подпоручик К.В. Мартино участвовал в войне в качестве взводного командира минометной батареи²⁵, подпоручик В.А. Лебедев был мобилизован в югославскую армию как врач, после ее разгрома попал в плен, но затем бежал и вернулся в Белград.

Таким образом, к моменту создания Союза советских патриотов осенью-зимой 1941 г. осознанный антифашистский выбор его будущих членов был подкреплен опытом непосредственной борьбы с оккупантами. Объясняя причины возникновения ССП, П.В. Крат писал: «После оккупации появились и такие русские, которые не соглашались с психозом, обуявшим большинство русских эмигрантов, — в поддержку немцев. Эти русские не были связаны друг с другом, и их объединение шло довольно медленно, на основании предыдущего знакомства и личного доверия» (цит. по: [Тимофеев 2012, с. 17]). Собрания потенциальных членов организации происходили на квартире Ф.Е. Высторопского — и неудивительно, что ядро ССП составили его личные знакомые, многие из которых были выпускниками I Русско-сербской гимназии.

Именно так — по приглашению Ф.Е. Высторопского — вступил в ССП И.Н. Голенищев-Кутузов: «Однажды я встретился в маленьком кафе на окраине города с Высторопским, он предложил мне принять участие в работе подпольной организации Союза советских патриотов. Я тогда еще не знал, что он был генеральным секретарем этой организации. Вскоре мне пришлось взять на себя руководство одной из подпольных групп. Я был несколько раз у Федора на квартире. Там было два шкафа с собранным среди друзей штатским платьем, предназна-

---

ши попытки найти в России следы самого Лебедева, его жены и старшего сына Александра (1931–2009; он также был осужден в 1951 г.) на первом этапе не увенчались успехом. Однако благодаря совету М.Ю. Сорокиной нам удалось связаться с младшим сыном В.А. Лебедева Святославом Владимировичем (р. 1937), доктором технических наук, профессором кафедры Высшей геодезии МИИГАиК (ныне на пенсии). С.В. Лебедев не только любезно согласился дать интервью, но и помог организовать встречу со своим другом, сыном Ю.П. Лобачева журналистом Дмитрием Юрьевичем Лобачевым (р. 1935). Семьи Лебедевых и Лобачевых находились в тесных дружеских отношениях на протяжении всей жизни не только в Югославии, но и в России, куда им с большим трудом и в разное время, но все же удалось вернуться. Информация, полученная во время интервью, использовалась при подготовке данной публикации, а переданные С.В. Лебедевым и Д.Ю. Лобачевым фотографии сопровождают ее.

²⁴ Здесь же И.Н. Голенищев-Кутузов написал стихотворение «За узкою тюремною решеткой...». См.: [Голенищев-Кутузов 2004а, с. 184].

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 236. Л. 70.

ченным для переодевания освобожденных советских военнопленных, которые затем переправлялись в партизанские отряды. У Высторопского хранились карты окрестностей Белграда, Воеводины и Сербии, карты бывшего югославского генерального штаба (вероятно, из запасов Махина) для определения немецких опорных пунктов и дорог. Было и оружие...» [Голенищев-Кутузов 1963б, с. 6].

Несмотря на то что идея создания в Белграде подпольной антифашистской организации возникла практически сразу после начала немецкой оккупации, ее формирование шло медленно. Каждый из трех будущих руководителей ССП: Ф.Е. Высторопский, В.А. Лебедев и И.А. Одишелидзе постепенно, на основе личных связей, собирал вокруг себя группу единомышленников. Слияние групп произошло в конце 1941 — начале 1942 г. Однако к активной деятельности Союз советских патриотов приступил в 1943 г., когда после Сталинградской битвы и битвы на Курской дуге стало понятно, что поражение гитлеровцев неизбежно. Руководители групп составили и руководство организации — «верховную тройку». Каждому был присвоен свой номер: Владимир Лебедев — № 1, Федор Высторопский — № 2, Илья Одишелидзе — № 3. В свою очередь члены подчинявшихся им троек также получали номера и по тому же принципу формировали собственные группы (см.: [Тимофеев 2012, с. 17]). Численность Союза составляла от 120 до 150 человек [Йованович 2012, с. 15; Тимофеев 2012, с. 18]²⁶.

Одним из важных направлений деятельности ССП была подготовка побегов военнопленных красноармейцев из лагерей и переброска их в партизанские отряды. В частности, для этого несколько членов Союза служили в немецкой военно-строительной организации Тодта²⁷, что позволяло добывать немецкие документы и использовать их в процессе переправки освобожденных красноармейцев [Тимофеев 2012, с. 18]. Не менее значимым аспектом в работе ССП был сбор информации о расположении немецких опорных пунктов, заминированных объектах и т. д. При подходе советских войск к Белграду члены Союза не только передали собранные сведения советскому командованию, но и приняли непосредственное участие в боях за Белград, выступая в качестве проводников и переводчиков, а после освобождения города 20 октября 1944 г. участвовали в его разминировании²⁸. С их помощью были спасены многие человеческие жиз-

²⁶ А вот как описываются структура и деятельность ССП в упомянутой записке Г.К. Циневу: «В целях конспирации союз состоял из троек. Каждый член тройки знал только двух своих товарищей. Члены делились на действительных членов и кандидатов. Общая численность союза не более 120 чел. Вне Белграда союз не имеет ни организации, ни связей. В течение трех лет подполья союз входил в состав конспиративной организации Национально-освободительного фронта восьмого района Белграда. Эта организация возглавлялась коммунистом Янковичем. Деятельность союза в условиях подполья шла по следующим линиям: переброска пленных красноармейцев в партизанские отряды, организация снабжения партизан продуктами, медикаментами, агитлитературой и оружием, разведка и др.» (ЦА МО РФ. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 233. Л. 188–189).

²⁷ Организация Тодта (*нем.* Organisation Todt) — военно-строительная организация, созданная в Германии в 1938 г., названа по имени возглавившего ее Фрица Тодта (1891–1942), рейхсминистра вооружения и боеприпасов. Занималась восстановлением шоссе и железнодорожных мостов, полотна автомобильных и железных дорог.

²⁸ Из интервью С.В. Лебедева от 10.10.2014 (Личный архив автора; далее: Из интервью С.В. Лебедева); Из интервью Д.Ю. Лобачева.

ни, а также сохранены культурные и исторические ценности югославской столицы.

Но незадолго до освобождения Белграда, в августе 1944 г., руководители ССП Ф.Е. Высторопский, В.А. Лебедев, И.А. Одишелидзе были арестованы гестапо²⁹. Вскоре за недостаточностью улик Одишелидзе и Лебедев были освобождены, а Высторопский отправлен в концлагерь Маутхаузен, где и погиб. Оставшиеся на свободе (и освобожденные) члены ССП продолжали борьбу с гитлеровскими оккупантами. Некоторые из них ушли в партизанские отряды, в их числе И.Н. Голенищев-Кутузов и И.А. Одишелидзе. Первый воевал в рядах одного из партизанских отрядов Воеводины в регионе Банат³⁰. Судьба второго сложилась трагически — по недоразумению он был расстрелян партизанами [Тимофеев 2012, с. 19].

В.А. Лебедев, оказавшись на свободе, снова организовал в Белграде небольшую группу Сопротивления из тридцати человек, которая в октябре 1944 г. влилась в ряды Красной армии и в составе 11-й штурмовой инженерно-саперной бригады полковника А.Г. Загребина участвовала в боях за освобождение Белграда [Йованович 2012, с. 15]. Впоследствии доктор Лебедев в составе санитарного отделения Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) воевал в Восточной Боснии и окончил войну в звании майора медицинской службы. К.В. Мартино с декабря 1944 г. также служил переводчиком в Отделе пропаганды штаба НОАЮ³¹.

После освобождения Белграда деятельность Союза советских патриотов перешла на легальную основу, хотя В.А. Лебедев и настаивал на роспуске организации как выполнившей свои функции. К его пожеланиям не прислушались, и вскоре он сам покинул ССП³². Таким же образом поступили К.В. Мартино и О.С. Гребенщиков. В публикуемом заявлении И.Н. Голенищева-Кутузова от 28 февраля 1945 г. также говорится, что он членом ССП больше не является.

Надежды эмигрантов на скорое свидание с родиной не оправдались, советское правительство не спешило с их репатриацией, не отказываясь, однако, сде-

*Кирилл Владимирович Мартино —
подпоручик Народно-
освободительной армии Югославии.
Белград, 1945 г.*

*Опубликовано: Шергалин Е.Э.
Кирилл Владимирович Мартино
(1914–2005) — орнитолог,
ихтиолог и охотник // Русский
орнитологический журнал. 2013. Т. 22*

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 234. Л. 192; Д. 236. Л. 37 об.

³⁰ Там же. Д. 236. Л. 168.

³¹ Там же. Л. 69.

³² Из интервью С.В. Лебедева.

*Зоя Александровна Лебедева.
1955 г.*

дать это в перспективе. Объединенные идеей возвращения, многие русские белградцы активно занимались культурно-пропагандистской деятельностью, будучи уверенными, что укрепляют престиж своей великой родины-победительницы, гражданами которой они смогли стать после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. И это был совершенно искренний порыв.

После разрыва отношений между СССР и Югославией в 1948 г. семьи русских эмигрантов, получивших советское гражданство, стали подвергаться репрессиям со стороны югославских властей. Вернуться на родину они смогли лишь в середине 1950-х гг. на волне хрущевской оттепели и нормализации отношений между СССР и Югославией. К тому времени за плечами многих из них были как высылка в соседние с Югославией государства (Румынию, Болга-

рию, Венгрию), так и аресты с обвинениями в шпионаже в пользу СССР и годы, проведенные в югославской тюрьме.

И.Н. Голенищев-Кутузов, ставший советским гражданином в августе 1946 г., был арестован и осужден в ходе показательного процесса над группой «советских шпионов» в августе 1951 г. в Белграде. После четырехлетнего заключения Илья Николаевич вышел на свободу в 1954 г. и уехал в Венгрию, а в 1955 г. — в СССР. «Он вернулся на родину почти как вновь родившийся, — писала И.В. Голенищева-Кутузова, — ни с чем. Весь архив, все рукописи и книги погибли при аресте» [Голенищева-Кутузова 2004, с. 24]. Тем не менее Илья Николаевич быстро получил работу по специальности и в течение многих лет преподавал историю французской и итальянской литературы в Московском университете, а также занимался научными исследованиями в Институте мировой литературы АН СССР.

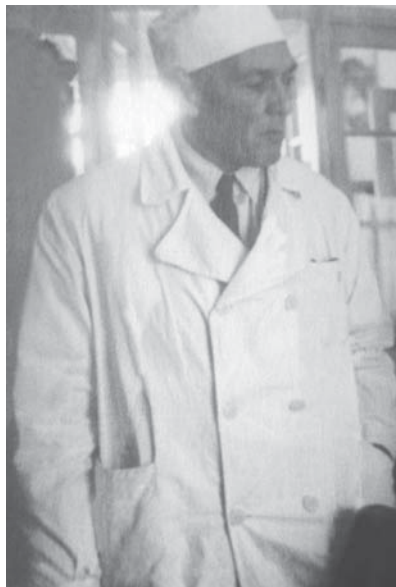
К.В. Мартино, проведя девять месяцев в югославской тюрьме, в 1950 г. вместе с семьей был выдворен в Болгарию. В СССР он вернулся в 1954 г., жил в Астрахани и работал в Каспийском научно-исследовательском институте рыбного хозяйства, пройдя путь от лаборанта до заведующего лабораторией. После выхода на пенсию в 1986 г. К.В. Мартино вместе с женой переехал к дочери в Уфу. В 1990-е гг. Кирилл Владимирович много печатался в профильных журналах, где были опубликованы десятки его статей по вопросам охотоведения, баллистике и охотничьим ружьям (см.: [Шергалин 2013]).

О.С. Гребенщиков избежал участи своих товарищей и не был арестован, однако в результате конфликта между СССР и Югославией в 1950 г. вынужденно уехал в Чехословакию. Работал экспертом-геоботаником Министерства водного хозяйства в Братиславе, директором лаборатории геоботаники и систематики растений Словацкой академии наук. Гребенщиков вернулся в СССР в 1956 г. и жил в Москве.

Однако профессиональную работу на родине ему пришлось начинать с должности младшего научного сотрудника Всесоюзного института научной и технической информации. С 1966 г. О.С. Гребенчиков получил должность старшего научного сотрудника лаборатории биогеографии Института географии АН СССР, в 1970 г. защитил докторскую диссертацию.

Политические репрессии в полной мере затронули и семью Лебедевых. В январе 1949 г. был арестован старший сын Александр, а в июле — сам В.А. Лебедев. Его супругу З.А. Лебедеву вместе с отцом, свекровью и младшим сыном Святославом в 1950 г. выслали в Болгарию. Отсюда они вернулись в СССР в августе 1955 г. и жили сначала в поселке Досанг Астраханской области, а затем в Астрахани. Сам В.А. Лебедев отбывал заключение в мужском концлагере на острове Голи-Оток на Адриатике, в западной части Хорватии. После освобождения в 1955 г. он сразу выехал к семье в СССР и в январе 1956 г. уже был в Астрахани. Практически всю оставшуюся жизнь Владимир Александрович проработал в Астраханском областном туберкулезном диспансере, пройдя путь от рядового до главного врача³³.

Судьбы наших героев — членов действовавшей в Югославии во время Второй мировой войны подпольной антифашистской организации «Союз советских патриотов» — сложились по-разному. Но объединяло их многое: практически все они принадлежали к поколению изгнанников — эмигрантских детей, вывезенных родителями из России после революций и Гражданской войны. Югославия стала для них второй родиной, давшей образование и позволившей реализоваться в профессии; в то же время молодые специалисты стали полноправными членами российской диаспоры и, будучи далекими от политики, прежде всего добросовестно исполняли свой профессиональный долг перед страной, приютившей «русских избеглиц»³⁴. После нападения гитлеровской Германии на Югославию представители российской эмигрантской интеллектуальной элиты выступили на ее защиту. В отличие от преобладавших в стране «пораженцев» будущие члены Союза советских патриотов были готовы с оружием в руках защищать и свою первую родину, Россию, невзирая на реалии большевистского режима. Они вери-

*Владимир Александрович Лебедев —
врач астраханского областного
туберкулезного диспансера.
1956 г.*

³³ Скончался В.А. Лебедев в Москве в конце июня 1990 г., похоронен на Хованском кладбище (Из интервью С.В. Лебедева).

³⁴ Уже в 1919 г. правовой статус российских граждан, вынужденных покинуть свою страну, был определен сербским законодательством как статус эмигрантов, когда они получили официальное название «русских избеглиц» (см.: [Йованович 2005, с. 188; Бочарова 2013, с. 94]).

ли, что приближают не только общую победу над фашизмом, но и свою встречу с родной страной. Перефразируя слова И.Н. Голенищева-Кутузова, адресованные Ф.Е. Высторопскому, хотелось бы сказать: мы чтим светлую память участников антифашистского Сопротивления и ответим их тени: «Слышим! Помним!» [Голенищев-Кутузов 1963б, с. 6].

Публикуемые заявления хранятся в ГА РФ (Ф. Р-9526). Документы печатаются в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации, с сохранением присутствующих в текстах сербских слов, перевод которых дается в комментариях. В угловые скобки заключены восстановленные фрагменты слов, а также трудночитаемые сербские фамилии.

В заключение выражаю сердечную благодарность Святославу Владимировичу Лебедеву и Дмитрию Юрьевичу Лобачеву за интереснейшие интервью и предоставление фотографий из личных архивов, Марине Юрьевне Сорокиной за помощь в выборе исследовательской темы и ценные критические замечания при подготовке публикации, а также Евгению Эдуардовичу Шергалину за предоставление фотографии К.В. Мартино.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
ЦА МО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

- Болгарские геологи... 2013 — Болгарские геологи российского происхождения. София, 2013.
- Бочарова 2013 — Бочарова З.С. Правовое положение русских беженцев в Югославии (1920–1930-е гг.) // Русское зарубежье и славянский мир: Сб. трудов. Белград, 2013. С. 94–106.
- Ганин 2006 — Ганин А.В. Судьба генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58.
- Гардзонио 2004 — Гардзонио С. Предисловие // Голенищев-Кутузов И.Н. Благодарю, за все благодарю: Собрание стихотворений. Томск; М., 2004. С. 5–20.
- Голенищев-Кутузов 1963 — Голенищев-Кутузов И.Н. Думы в канун Октября // Голос Родины (Берлин). 1963. № 63 (764). С. 6.
- Голенищев-Кутузов 1963а — Голенищев-Кутузов И.Н. Поэт, борец, партизан // Голос Родины (Берлин). 1963. № 64 (765). С. 6.
- Голенищев-Кутузов 1963б — Голенищев-Кутузов И.Н. Подвиг Федора Высторопского // Голос Родины (Берлин). 1963. № 68 (769). С. 6.
- Голенищев-Кутузов 2004а — Голенищев-Кутузов И.Н. Благодарю, за все благодарю: Собрание стихотворений / сост., подгот. текста, примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой; предисл. С. Гардзонио. Томск; М., 2004.
- Голенищев-Кутузов 2004б — Голенищев-Кутузов И.Н. Лики времени: Парижские эссе / сост., подгот. текста, предисл., примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой. М., 2004.
- Голенищев-Кутузов 2005 — Голенищев-Кутузов И.Н. От Рильке до Волошина: Журналистика и литературная критика эмигрантских лет / сост., подгот. текста, предисл., примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой. М., 2005.

- Голенищева-Кутузова 2004 — *Голенищева-Кутузова И.В.* Несколько предваряющих слов. Об авторе этой книги // *Голенищев-Кутузов И.Н.* Лики времени: Парижские эссе. М., 2004. С. 3–24.
- Гребенщиков 1934 — *Гребенщиков О.С.* Краткий очерк древесной растительности юго-восточного склона горы Псилорити (Ида) на острове Крите // *Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде.* Белград, 1934. Кн. 10. С. 183–191.
- Гребенщиков 1936 — *Гребенщиков О.С.* Азиатский бук (*Fagus orientalis Lipsky*) на Фессалийском Олимпе (Греция) // *Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде.* Белград, 1936. Кн. 14. С. 167–171.
- Гребенщиков 1938 — *Гребенщиков О.С.* Биљно-географски преглед шума у сливу горње Радике // *Гласник Скопског научног друштва.* 1938. Т. 18. С. 107–124.
- Две моје домовине 1991 — Две моје домовине: Успомене Јелизавете Жерардовне Гильотен. Горњи Милановац, 1991.
- Ёхина 2015 — *Ёхина Н.А.* Российские ученые-эмигранты — члены Союза Советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // *Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье.* СПб., 2015. Вып. 19. С. 6–14.
- Жизнь и приключения... 2006 — Жизнь и приключения геоботаника, художника, композитора, поэта — Олега Сергеевича Гребенщикова (1905–1980) / ред.-сост. Е.А. Белонская, А.А. Тишков. М., 2006.
- Йованович 2005 — *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005.
- Йованович 2012 — *Йованович М.* Те, кто за Сталина, и те, кто за Гитлера. Российская эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны // *Родина.* 2012. № 11. С. 14–16.
- Јовановић 1994 — *Јовановић М.* О једној забуни у нашој историографиј или ко је В. Лебедев // *Зборник филозофског факултета.* Београд, 1994. Књига XVIII. С. 348–351.
- Лобачев 1997 — *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву. Београд, 1997.
- Маркович 2011 — *Маркович С.* Юрий Лобачев — основоположник сербского комикса // *Художники-иллюстраторы Русского зарубежья и детская литература / сост. Н.А. Авдюшева-Лекомт, М.Д. Чернышева.* СПб., 2011.
- Миркин, Розенберг 2007 — *Миркин Б.М., Розенберг Г.С.* Бумеранг судьбы Олега Гребенщикова // *Природа.* 2007. № 3. С. 84–87.
- Памятка 1986 — I Русско-Сербская гимназия. Памятка. Белград 1920–1944. Нью-Йорк; Вашингтон; Сан-Франциско; Каракас; Буэнос-Айрес, 1986.
- Полян 2002 — *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.
- Российские врачи... 2012 — Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946) / сост. М. Горинов-мл., М. Сорокина и др. Белград; М., 2012.
- Российское научное зарубежье 2011 — Российское научное зарубежье: Библиографический справочник / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011.
- Русский некрополь 2011 — Русский некрополь в Софии / авт.-сост. т. к. Пчелинцева, К.Д. Бендерова; сост. С.А. Рожков, В.П. Гаристов. М., 2011.
- Серков 2001 — *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001.
- Серков 2009 — *Серков А.И.* История русского масонства XX века: в 3 т. СПб., 2009. Т. 2.
- Сорокина 2011 — *Сорокина М.Ю.* Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Пилотный вып. 6: Естественные науки. XIX — первая половина XX в. М., 2011.
- Тимофеев 2010 — *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор: Вторая мировая война в Югославии 1941–1945. М., 2010.

- Тимофеев 2012 — *Тимофеев А.Ю.* Союз советских патриотов в Сербии // Родина. 2012. № 11. С. 17–19.
- Тимофејев 2012 — *Тимофејев А.* Савез совјетских патриота — антифашистичка организација руских емиграната у Србији 1941–1945 // Токови Историје. Часопис Института за новију историју Србије. Београд, 2012. № 3. С. 257–277.
- Художники-географы 2007 — *Художники-географы: Альбом.* М., 2007.
- Шашић 1991 — *Шашић Б.* Знаменити шапчане и подринци. Шабац, 1998
- Шергалин 2012 — *Шергалин Е.Э.* Кирилл Владимирович Мартино и его публикации по хищным птицам Югославии // Труды VI Междунар. конф. по соколообразным и совам Северной Евразии, г. Кривой Рог, 27–30 сентября 2012 г. Кривой Рог, 2012. С. 601–602.
- Шергалин 2013 — *Шергалин Е.Э.* Кирилл Владимирович Мартино (1914–2005) — орнитолог, ихтиолог и охотник // Русский орнитологический журнал. 2013. Т. 22. Экспресс-выпуск 925. С. 2687–2696.
- Grebenshchikov 1938 — *Grebenshchikov O.* On the occurrence of *Fagus orientalis* in Greece // Bulletin of Miscellaneous Information (Royal Gardens, Kew). 1938. № 1. P. 38–45.
- Grebenščikov 1943 — *Grebenščikov O.* Prilog poznavanju vegetacije planine Koprivnik kod Peci // Ohridski zbornik. Beograd, 1943. № 35. S. 241–267.
- Obradović 1997 — *Obradović M.* Dve krajnosti u političkoj delatnosti ruskih izbeglica u Srbiji (1941–1945) // Tokovi istorije (Beograd). 1997. Br. 1–2.

Приложение

ВЫПУСКНИКИ I РУССКО-СЕРБСКОЙ ГИМНАЗИИ — ЧЛЕНЫ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ

Высторопский Федор Ефимович (1903–1944) — выпускник I Русского им. великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, I Русско-сербской гимназии (1926), Белградского университета. Председатель Общества выпускников I Русско-сербской гимназии. Погиб в концлагере.

Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904–1969) — специалист в области романской и славянской филологии, поэт и переводчик. Выпускник I Русско-сербской гимназии (1921), Белградского университета.

Гребенщиков Олег Сергеевич (1905–1980) — геоботаник. Выпускник I Русско-сербской гимназии (1923), Белградского университета.

Демьянович (в зам. **Лебедева**) **Зоя Александровна** (1909–1993) — химик. Выпускница I Русско-сербской гимназии (1928), Белградского университета.

Ефимовский Андрей Борисович (1920–1944) — выпускник I Русско-сербской гимназии (1940).

Крат Павел Васильевич (1907–1969) — архитектор. Выпускник I Русско-сербской гимназии (1926), Белградского университета.

Лебедев Владимир Александрович (1906–1990) — медик. Выпускник I Русско-сербской гимназии (1924), Белградского университета.

Липский Александр Владимирович (1915–1944) — выпускник I Русско-сербской гимназии (1932).

Лобачев Юрий Павлович (1909–2002) — художник-график. Выпускник I Русско-сербской гимназии (1929), Белградского университета.

Марков Борис Сергеевич (1908 — нач. 1960-х, Алма-Ата) — архитектор. Выпускник I Русско-сербской гимназии (1928), Белградского университета.

Марков Сергей Сергеевич (1907—1980-е, Алма-Ата) — выпускник I Русско-сербской гимназии (1927), учился в Белградском университете.

Мартино Кирил Владимирович (1914–2005) — зоолог. Выпускник I Русско-сербской гимназии (1933), Белградского университета.

Одишелидзе Илья Александрович (1912–1944) — выпускник I Русско-сербской гимназии (1932).

Прокофьев Всеволод Георгиевич (1908–?) — историк, переводчик. Выпускник I Русско-сербской гимназии (1928), Белградского университета.

Расторгуева (в зам. **Кривченко**) **Евгения Леонидовна** (1922–?) — выпускница I Русско-сербской гимназии (1940), училась в Белградском университете.

ЗАЯВЛЕНИЕ
ИЛЬИ НИКОЛАЕВИЧА ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

Представителю Уполномоченного Совета
народных комиссаров СССР по вопросам репатриации
Белград, 28 февраля 1945 г.

Прошу разрешить мне и моей жене Ольге¹ вернуться на Родину.

Я родился в селе Наталино² Сердобского района Саратовской (теперь Пензенской) области³. Отец мой, полковник Николай Ильич Г<оленищев>-К<утузов>⁴, умер в Белграде в 1925 г. Прихожусь правнучатым племянником фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова⁵. В Белграде живет моя мать Вера Александровна Г<оленищева>-К<утузова>⁶ (рожд. Бодиско, родственница патриарха Московского и всея Руси Алексия — Сергея Симанского⁷ в миру) и моя сестра Ирина⁸. Сын мой от первого брака Илларион⁹ (род. в 1926 г. в г. Дубровнике) находится в настоящее время в Северной Америке (Чикаго) у своих американских родственников со стороны его матери. В Советском Союзе у меня есть родственники, проживавшие до войны в Москве, — тетки, двоюродные братья и сестры (со стороны матери).

В феврале 1920 года, 15 лет от роду, был вывезен моими родителями за границу. В 1921 г. я окончил в Белграде I русско-сербскую гимназию, а в 1925 г. историко-филологический (философский) факультет Белградского университета (французский язык и литература, всеобщая литература, сравнительная грамматика романских языков, сербская литература). Сдал экзамен на старшего преподавателя средних учебных заведений с отличием при Министерстве народного просвещения. В 1928 и 1929 г. ездил летом в Италию, где изучал итальянскую литературу в Риме и во Флоренции. В 1929–32 годах был стипендиатом французского Министерства народного просвещения. Работал в École des Hautes Études Philologiques et Historiques при Сорбонне¹⁰. В 1933 г. защитил диссертацию и получил степень доктора Парижского университета (французская литература)¹¹. Учился у известных романистов — Марио Рока, Альфреда Жанруа, Анри Оветта¹², членов французского Института (Академии наук)¹³. Имею печатные труды по специальности¹⁴.

Женился в первый раз в 1925 г. на Елене Циглер, приехавшей в Югославию из Америки. В 1925 был преподавателем гимназии в г. Никшиче (Черногория), осенью того же года был переведен в г. Дубровник (Далмация), где оставался до 1929 г. В 1929–32 г. жил в Париже. Как писатель, литературный критик и поэт, принимал участие во многих эмигрантских изданиях, писал критические статьи, издал сборник стихов¹⁵. В 1934 был выбран приват-доцентом Белградского университета¹⁶ при кафедре франц<узского> языка и литературы и назначен старшим преподавателем V мужской гимназии в Белграде. 1934–1941 г. (до начала войны) жил в Белграде.

Женился вторично в 1937 году на Ольге Бреверн¹⁷. Моя жена родилась в 1912 г. в Варшаве. Окончила гимназию в Новом Бечее (Бачка, Югославия) и училась на юридическом и историко-филологическом факультете, но курса не окончи-

ла. До войны служила в Аграрном банке в Белграде чиновницей. Была вместе со мной в партизанах летом и осенью 1944 г. Знает хорошо по-сербски, средне по-французски, немного по-английски.

До войны 1941 г. в политических партиях не состоял. Был в Париже масоном Великой Ложи Франции Шотландского Ритуала и получил степень «мастера» в ложе «Юпитер»¹⁸. Состоял в профессиональных Союзах писателей и журналистов в Париже и Белграде (до 1937 г.), член Русского научного института в Белграде, принимал участие в различных научных и литературных обществах, стоявших вне политики. Во франц<узской> масонской ложе был последний раз в 1934 г.¹⁹ В сербских ложах был как гость в 1936–7 г.²⁰ В 1937 ушел окончательно из масонских лож.

В 1937–39 преподавал русский язык и читал лекции в Народном университете²¹ о советской литературе. Весной 1938 г. был арестован югославской полицией по обвинению в пропаганде в пользу СССР²², с которым, по мнению тогдашнего министра внутренних дел Корошца²³, Югославия находится в войне (!). Корошеч лишил меня югославского гражданства (принятого мною в 1929 г.). Министерство народного просвещения выгнало меня со службы как лицо политически неблагонадежное и лишенное гражданства. Я подал жалобу на Корошца в Государственный Совет (Верховный суд Югославии), который нашел, что отсутствие дипломатических отношений между СССР и Югославией не есть война между этими государствами (решение находится у меня). На службу меня вернули только через полтора года, когда мне были восстановлены гражданские права. Не желая больше оставаться в Югославии, я просил о принятии меня и моей жены в советское гражданство в Полпредстве СССР в Софии. Товарищ Лаврищев²⁴ посоветовал мне подать еще раз прошение, когда приедет Полпредство в Белград, что мною и было сделано осенью 1940 года.

Когда Германия напала на Югославию, я ушел добровольцем в югославскую армию. После капитуляции я вернулся из Далмации в Белград. В начале ноября 1941 г. был арестован агентами гестапо и заключен как заложник в концлагерь «Баница», где просидел до декабря. Когда я вышел на свободу, правительство генерала Недича²⁵ выгнало меня со службы. Жил под оккупацией сначала уроками языков и переводами, затем комиссионерством.

В октябре 1941 г. вступил в десятку Народного освободительного движения, организованного Коммунистической партией Югославии (т. Гойко Вукотич, т. Божо Иованович). Когда я вышел из тюрьмы, почти что все товарищи были арестованы или бежали в лес. Продолжал встречаться и работать с Гойко Вукотичем. В 1943–44 гг. работал с группой т. Браны Джорджевича, старого белградского марксиста. Занимались организацией банатских партизан²⁶, доставкой оружия, переброской товарищей в Срем²⁷, пропагандой и т. д. В это время я работал также в организации ССП (Союз советских патриотов) с тов. Федором Высторопским (арестован немцами и увезен в Германию). Из Союза в настоящее время я вышел. Ожидая вторичного ареста, я не мог больше оставаться в Белграде и с разрешения т. Джорджевича перебросился через земунскую организацию КП в сремские партизаны. Был одним из помощников начальника Информативного отделения

Воеводины. Работал также как военный корреспондент и переводчик. Во время боев за Белград был в окрестностях города с партизанами. Вернувшись в Белград, был назначен командой города управляющим б<ывшим> «Русским домом». Получил благодарность от Военной команды за мою деятельность по сохранению оставленного имущества и сдал должность 22/ХI майору Станковичу. Работал по составлению учебника русского языка для югославской армии.

На Родине хотел бы работать по специальности как научный работник, преподаватель высших (или иных) учебных заведений, лектор, литературный работник, переводчик (знаю французский, английский, немецкий, итальянский, сербский, читаю еще на нескольких европейских языках). Хотел бы ехать в Москву, где у меня родственники, но согласен ехать в любое мне указанное место Советского Союза.

Илья Голенищев-Кутузов

Адрес: Вишеградска 12/II, Београд (Белград), Югославия

ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 236. Л. 164–169. Автограф.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОЛЕГА СЕРГЕЕВИЧА ГРЕБЕНЩИКОВА

Представителю Уполномоченного СНК СССР
по вопросам репатриации

Белград, 9 марта 1945 г.

Желая вернуться на Родину и работать на пользу родной стране, прошу представителя Уполномоченного по делам репатриации ходатайствовать о принятии меня в число подданных СССР вместе с матерью моей Ольгой Сергеевной Гребенщиковой (61 год)²⁸.

Моя специальность — геоботаника (изучение растительности, фитоценология, география растений, флористика).

Окончив лесной факультет Белградского университета, по чисто лесной части не работал, а специализировался по выше приведенным отраслям ботаники. Совершил множество научных поездок по всему Балканскому полуострову. Имею ряд напечатанных научных работ.

Параллельно изучал отряд прямокрылых насекомых и их экологию в связи с растительностью.

Кроме того — художник-пейзажист (темпера, акварель)²⁹.

При сем прилагаю краткое жизнеописание.

Олег Серг. Гребенщиков
Белград, Скерличева ул. № 28

Краткое жизнеописание

Родился 11 июля 1905 г. в гор. Пернове (теперь в Эстонии), но постоянно проживал с родителями в Ленинграде (тогдашнем Петербурге), где отец³⁰ был связан военной службой. В Ленинграде окончил I, II и перешел в III класс реального училища В.П. Кузьминой³¹.

После революции, весной 1917 г. переехал с матерью в гор. Сумы (ок. Харькова) (отец был с начала войны на германском фронте), где продолжал среднее образование. Окончил IV класс в Сумском реальном училище и перешел в V класс. Участвовал в устройстве музея местной природы под руководством А.А. Мигулина³² (теперь киевский зоолог).

В феврале 1920 года (15 лет от роду) эмигрировал с родителями за границу из Новороссийска и через Константинополь и Салоники прибыл в Югославию, где после короткого пребывания в Враньской Банье (Южная Сербия), окончательно поселился с родителями в гор. Земуне, под Белградом.

Помогая отцу в заработке, продавал газеты, работал на постройках, служил посыльным, стриг деревья в парках. В 1921 году осенью поступил в открывшуюся тогда I-ую русско-сербскую гимназию в Белграде и, работая на случайных заработках, в свободное время и летом, окончил гимназию в 1923 г. весной³³. Осенью того же года записался на лесной факультет Белград<ского> университета и переехал из Земуна в Белград. Кончил курс весной 1927 года, но сдал все экзамены и дипломную работу только в 1930 году, т. к. приходилось все время зарабатывать. Уже в 1924 г. поступил для заработка в Белград<ский> народный театр, сперва статистом, а позже мимистом и секретарем балета. Эта работа в театре и дала мне возможность окончить лесной факультет, на котором меня интересовали главн<ым> образом естественные науки, в частности, ботаника, которой я увлекался еще в детские годы. Однако, не имея югославского подданства, принимать которого мне не хотелось, мне не удалось поступить на государственную лесную службу. Я продолжал служить в театре и усиленно специализировался по своей любимой специальности ботанике, работая в Ботанич<еском> институте Белгр<адского> университета под руководством П.И. Чернявского³⁴ (доктора ботаники) и Т. Сошки, инспектора Ботанич<еского> сада, и все свое свободное время посвящая экскурсиям и изучению растительности, сначала Сербии, а позже и целого Балканского полуострова. С 1930 по 1940 годы (до самой войны) совершил много научных экспедиций и больших поездок в целях изучения природы столь богатого в этом отношении Балкана. Сотрудничество с несколькими музеями и научн<ыми> учреждениями давало мне некоторый минимум материальных средств для этих поездок — я поставлял для них научные материалы, собранные на местах. Такими учреждениями были: Британский музей в Лондоне; Ботанический сад в Лондоне (Kew-Garden); Естественно-исторический институт в Лунде (Швеция); Ботанический институт в Брно (Чехия); Естественно-исторический музей Сербии в Белграде и другие.

Так я осуществлял в очень трудных материальных условиях (т. к. субсидии музеев были очень скромных размеров) свою мечту — работать на изучении и исследовании природы.

По-прежнему подспорьем являлась служба в театре, давая мне возможность и теперь работать по своей специальности — устроиться же куда-нибудь геоботаником, да и вообще ботаником, было невозможно, т. к. подобная научная деятельность находилась в Белграде в совершенно зачаточном состоянии и жить этим нельзя было. Да и вообще иностранцу да еще «без всякого подданства» устроиться было куда бы то ни было чрезвычайно трудно. В 1933 г. скончался отец, служивший в госуд<арственной> статистике, а потом маленьким чиновником в Военном министерстве. Приходилось зарабатывать еще и музыкальными сочинениями, аранжировками и оркестровками.

В смысле научно-исследовательской работы особенно плодотворны были годы от 1933 до 1940 года. За это время удалось совершить следующие поездки с научными целями: в Югославию: в Далмацию — 3; Боснию — 6; в Македонию и Южн<ую> Сербию (главн<ым> образом исследование растительности пограничных с Албанией неисследованных горных массивов) — 7 экс.; в Черногорию — 1 экс.; внутри Сербии — множество мелких экскурсий.

В Греции: на Фессалийский Олимп — 4 экс.; на Афон — 1 экс.; на г. Парнас — 2 экс.; на горы Оссу, Тимфрестос (Сред<няя> Греция), Хельмос, Киллини (Пелопоннес) — по 1 экс.; на о. Крит — 2 поездки, на о. Кефалонию — 1 поездка, на о. Корфу — 1 экс.

Удалось напечатать следующие работы:

1. Очерк древесной растительности г. Псилоритис на о. Крит [Изд. Русск<ого> научн<ого> института в Белграде]³⁵.

2. Азиатский бук на Фессалийском Олимпе [(там же)]³⁶.

3. О лесной растительности бассейна реки Радика (Македония) [Известия Научн<ого> общ<ества> в Скопле]³⁷.

4. О нахождении азиатского бука в Греции [Kew-Gardens Bulletin, London]³⁸.

5. Материал к изучению растительности горы Копривник на Албан<ской> границе [Охридский сборник Академии наук в Белгр<аде>]³⁹.

Очень много научных материалов, списков, наблюдений лежит в рукописях, т. к. не было возможности их напечатать.

Весь большой гербарий, собранный мною в этих поездках, около 8 тысяч экземпляров пришлось подарить Естественно-историческому музею Сербии в Белграде, так как не имел возможности держать и содержать такой большой гербарий в более чем страшной обстановке своей комнаты, где гербарные паразиты уже начинали ее уничтожать.

В последние годы (до войны) имел возможность познакомиться с советской научной литературой по интересующим меня отраслям ботаники (Сукачев, АLEXIN, Ильинский, Морозов⁴⁰) и работал по освоению этой литературы и по географии СССР. Для уяснения многих растительных цензов я изучал также (под руководством В.Э. Мартино и с помощью литературы и личной переписки с Б.П. Уваровым⁴¹) и распространение и экологию прямокрылых и зависимость их от растительного покрова. Имею свою небольшую коллекцию прямокрылых.

Война в 1941 г. прекратила исследовательскую работу. Все время оккупации провел по-прежнему чиновником Народного театра, где нахожусь на службе и по сие время, после освобождения.

До войны ни в каких эмигрантских и местных политических организациях не состоял. Во время оккупации принадлежал к иллегальной группе Народно-освободительного движения, работая в русской группе Др Влад<имира> Лебедева (в связи с сербской группой Миши Божовича⁴²). При входе Красной армии в Белград наша организованная группа предоставила себя в распоряжение одного из штабов Красной армии, где мы и работали, начиная с боев за Белград, вплоть до отъезда этого штаба из Белграда в качестве проводников, переводчиков и пр<очее>⁴³.

Сейчас по-прежнему состою чиновником Нар<одного> театра в Белграде, но не теряю надежды (если советские власти найдут возможным принять меня в число граждан СССР) остаток моей жизни проработать уже по своей специальности, на благо своей земле и своей горячо любимой Родине.

Олег Гребенщиков

ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 236. Л. 76–81. Автограф.

ЗАЯВЛЕНИЕ КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА МАРТИНО

Товарищу представителю уполномоченного Совнаркома СССР
по вопросу репатриации
22 февраля 1945 г.

Согласно с Вашим распоряжением о регистрации граждан Советского Союза сообщаю Вам свой адрес, хотя и не уверен вполне в том, что это распоряжение охватывает и эмигрантов тысяча девятьсот двадцатого года. В настоящий момент я состою лектором русского языка при Пропагандном отделении штаба Первой армии Н<ародно-> о<свободительного> д<вижения> Югославии⁴⁴.

Если Вы считаете и меня гражданином СССР, то очень прошу Вас занести мое имя в регистр для репатриации.

Краткое жизнеописание прилагаю.

С совершенным почтением Кирилл Мартино (Кирилл Владимирович Мартино), ассистент Белградского университета

Адрес: Пропагандно отделение Штаб I Армије
Квартира в Белграде: Кватерникова ул. № 1, Белград XIII.

Краткое жизнеописание

Родился: в г. Севастополе 2 мая 1914.

В Югославию: прибыл в 1920-м году вместе с родителями⁴⁵.

Подданство: югославское приобрел механически, т. к. был несовершеннолетним в момент, когда отец⁴⁶ принял подданство.

Гимназию: первую русско-сербскую (средняя ступень), окончил в 1933 г. с отличными успехами в г. Белграде.

Университет: биологическое отделение философического факультета университета в Белграде, закончил в 1937 году⁴⁷.

Воинская повинность: в 1938 году закончил в Мариборе Школу за резервные пешадијске офицере (Школа для пехотных офицеров запаса) с отличными успехами.

Участие в войне: 1941 года принял в качестве подпоручика, взводного командира батареи минометов 81 мм. После капитуляции югославской армии вернулся в Белград.

Служба гражданская: осенью 1938 года был выбран, а в 1939 году назначен ассистентом при кафедре биологии на ветеринарном факультете Белградского университета. Позже был прикомандирован к кафедре гистологии домашних животных того же факультета. На этом посту оставался до конца декабря 1944 г., до момента вступления в ряды Н.О.В. Югославии.

Во время немецкой оккупации: был членом Союза советских патриотов (С.С.П.) — иллегальной эмигрантской организации.

Сотрудничество в журналах: до оккупации опубликовал свыше 15-ти статей: исследовательских — по биологии птиц и популярных — по разным отраслям охотоведения⁴⁸.

Иностранные языки: кроме русского, владею сербским языком и пользуюсь французской и немецкой литературой.

Кирилл Марино

ЗАЯВЛЕНИЕ К.В. МАРТИНО

Товарищу представителю уполномоченного Совнаркома СССР
Белград, 3 марта 1945 г.

Прошу занести меня в списки граждан СССР, возвращающихся на Родину. Прибыть на регистрацию лично не могу, т. к. нахожусь в рядах Югославской армии — лектором русского языка при пропагандистском отделении штаба I армии.

В конце февраля я послал Вам по почте такое же заявление, но, к сожалению, наша почта еще настолько ненадежна, что я счел необходимым повторить свое заявление.

Кирилл Марино
(Кирилл Владимирович Марино, ассистент Белградского университета)
Пропагандное отделение, Штаб I армии,
Положај
Краткое жизнеописание прилагаю⁴⁹.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЗОИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ЛЕБЕДЕВОЙ

Представителю уполномоченного СНК СССР
по делам репатриации
Белград, 15 марта 1945 г.

Прошу считать меня⁵⁰ и членов моей семьи, ниже перечисленных, желающими вернуться на родину. Т. к. мой муж в настоящее время находится на фронте в войсках Югославской армии, не считаю возможным уезжать с семьей до его возвращения. Семья моя, кроме меня, насчитывает пять членов:

1) Мой муж, Владимир Александрович Лебедев, доктор медицины, 38 лет, ныне в Восточной Боснии.

2) Мать мужа Лидия Семеновна Лебедева⁵¹, доктор медицины, 59 лет.

3) Сын Александр, 13 лет⁵².

4) Сын Святослав, 7 лет⁵³.

5) Мой отец, Александр Александрович Демьянович, 65 лет⁵⁴.

Прилагаю мою биографию, в которой описала и жизнь моего мужа.

Автобиография

Зои Александровны Лебедевой, рожд<енной> Демьянович

Рождена 23.VIII.1909 года в Бресте⁵⁵. В 1919 году вместе с родными бежала от немцев, переехала в Киев, где и прожила до осени 1924 года. Окончила в Киеве семилетку — Трудшколу № 49 в 1924 году. Отец мой, юрист по образованию, к 1920 году оказался за границей в Югославии и в 1924 г., списавшись с матерью, выписал мать и меня и сестру⁵⁶ к себе в Земун, куда мы приехали в конце сентября 1924 г. Через год переехали в Белград. В 1928 году я окончила 8 классов I Русско-сербской гимназии и выдержала экзамен на зрелость («матура») и поступила на философский факультет Белградского университета, VII группа — практическая химия. Факультет окончила в июне 1935 года и имею диплом на звание дипломираног⁵⁷ химика. В отношении образования могу еще упомянуть о том, что прилично знаю французский, немецкий и английский языки — для чтения и переводов, в разговорном языке практики почти не имела. Имею известные познания в области фармакологии, фармакопееи и медицины, т. к. прослужила больше шести лет в аптекарском отделении Союза кооперативов по здравоохранению и помогала мужу-врачу в его работе.

В 1931 г. я вышла замуж за Владимира Александровича Лебедева, тогда студента медицины⁵⁸. Т. к. моя жизнь тесно связана с жизнью мужа, а он, находясь в данное время в югославских войсках, не может сейчас написать своей биографии, я расскажу о нем, что знаю. Рожден 5.XII.1906 г. в Воронеже. В 1920 г. с родителями⁵⁹ приехал в Белград. В 1924 г. окончил I Русско-сербскую гимназию в Белграде и поступил на медицинский факультет. По окончании факультета в 1931 г. мой муж отбыл воинскую повинность в югославских войсках и докторский стаж и в конце

1933 г. поступил на свою первую и единственную службу в Союз здравоохранительных кооперативов («Савез здравствених задруга») и был назначен врачом в село Варна, окр<уг> Шабац. Там мы прожили до февраля 1938 года. Мой муж работал как врач в кооперативе, занимался широкой культурно-просветительной работой, организовал в селе союз молодежи, театр, курсы, лекции, футбольный клуб и т. д. В марте 1934 г., окончив все мои лабораторные работы в университете, я переехала к мужу в Варну, помогала ему в аптеке, в администрации и вела свое маленькое домашнее хозяйство (в 1931 г. родился первый сын, в 1937 г. второй). В 1938 г. моего мужа как заслуженного работника на поле кооперации переводят в Центральное управление в Белград⁶⁰. Мы покидаем Варну. Целый обоз крестьян провожает нас до железнодорожной станции в Шабац, где эти проводы производят сенсацию и попадают в газеты («Политика» от 13.II.1938 г.). Имея больше способностей к общественной деятельности и горячую готовность помочь людям, Владимир Александрович своей пятилетней работой заслужил любовь и уважение целого Поцерского уезда.

В Белграде до оккупации доктор занимает пост шефа социально-медицинского отделения Союза и врача-инструктора. Много ездит по провинции и вводит в работу новых врачей. После оккупации Союз должен был значительно сузить свою деятельность, и муж работает главным образом как врач Белградского кооператива. Зимой 1943–44 гг., кроме своей основной службы, состоял еще врачом Русской мужской гимназии и преподавателем гигиены. Ученики его очень любили, т. к., обладая даром слова, доктор преподавал ново и интересно. После освобождения Белграда, испробовав все возможности примкнуть к Красной армии⁶¹, доктор ставит себя в распоряжение санитарского⁶² отделения Верховного штаба НОВ и ПОЈ⁶³ и, получив назначение, уезжает на фронт в Восточную Боснию. За 5 месяцев получил два повышения и сейчас занимает пост референта санитарии 27 дивизии III корпуса⁶⁴.

Знаю моего мужа с 1927 года. Взглядов своих он никогда не менял и имел совершенно определенные политические убеждения, о которых всегда было лучше молчать. Все, что происходило в СССР, глубоко его интересовало и изучалось им с полным вниманием и одобрением. Состоял дольше года — до самого закрытия — подписчиком библиотеки Земгора. В своей врачебной деятельности старался проводить в жизнь свои взгляды. Бедных лечил бесплатно, жил только на жалование всегда очень скромно, частной практикой (оплачиваемой) не занимался и много времени посвящал социальной работе. До 1941 г. Влад<имир> Алек<сандрович> активно не занимался политикой как таковой, но был в дружеских отношениях с многими партийными людьми в Сербии, напр<имер>, в Шабацком округе сотрудничал с проф. Жикой Поповичем⁶⁵, <Стояном Трифунвичем>, Драго<любом> Ј<овичичем>⁶⁶ и мн<огими> др<ругими>. После 1941 г. доктор счел своим долгом активно участвовать в борьбе с окупатором⁶⁷. Помимо работы с местными элементами, с узкой группой русских единомышленников он основывает конспиративную политическую организацию ССП (Союз советских патриотов), которая ведет пропаганду в пользу Советской России и призывает к активной борьбе с немцами. Пропагандине⁶⁸ прокламации распространяются

в среде сербской и русской — с опасностью для жизни — и даже среди членов русского охранного корпуса. Налаживаются связи с партизанскими отрядами и партийными людьми в тылу. Под видом пациентов к доктору ежедневно приходят свои люди, которых он лечит, помещает в больницы, снабжает лекарствами, дает инструкции, держит связь, передает оружие, взрывчатку⁶⁹, людей. Имя доктора Лебедева в партизанской среде многим известно и представляет собой определенное понятие. Д-р Лебедев не ушел на терен⁷⁰ по специальному желанию организации, т. к. имел больше возможности для нужной работы именно в Белграде. Был два раза арестован на короткие сроки в 1941 г. (гестапо и Сербская специальная полиция), а в 1944 г., после провала группы членов ССП, отсидел 3 недели в Специальной полиции и едва спасся.

Моя биография тесно связана с жизнью мужа. Всегда и везде старалась ему помогать. Состояли вместе с ним в ССП и в НОП (Народно-освободительное движение Югославии). Исполняла работу организации по его инструкциям. С декабря 1938 г. служу в том же учреждении, где и мой муж, в аптекарском отделении, но не работаю как химик (не было возможности), а как административный чиновник.

И муж, и я являемся югославскими подданными, т. к. отец моего мужа принял югославское подданство, когда он был еще несовершеннолетним. Наша семья, кроме меня и мужа, состоит еще из членов: мать мужа Лидия Семеновна Лебедева, доктор медицины 59 лет, мой отец Александр Александрович Демьянович 65 лет, сын Александр 13 лет, сын Святослав 7 лет.

3. Лебедева

ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 234. Л. 3–5 об. Автограф.

¹ Жена И.Н. Голенищева-Кутузова во втором браке — Ольга Вальтеровна (урожд. фон Бреверн; 1912–1983), дочь полковника В.Н. фон Бреверна (1881–1953), в эмиграции в Швейцарии; см. также примеч. 17.

² Так в тексте.

³ И.Н. Голенищев-Кутузов родился 12/25 апреля 1904 г. в селе Натальино Сердобского уезда Саратовской губернии в имении своей бабушки по материнской линии, Натальи Степановны Бодиско (урожд. Чихачевой).

⁴ *Голенищев-Кутузов Николай Ильич* (1875–1925), полковник. Получил тяжелое ранение в годы Первой мировой войны, после отставки служил в Крыму по таможенному ведомству. В эмиграции вместе с семьей (с февраля 1920 г.) сначала в Болгарии, затем в КСХС. Служил в Таможенном управлении КСХС с сохранением чина. Скончался в Белграде, похоронен на Новом кладбище.

⁵ Подчеркнуто автором.

⁶ *Голенищева-Кутузова Вера Александровна* (урожд. Бодиско; 1877–1961), дочь отставного капитана А.Я. Бодиско. В эмиграции с февраля 1920 г. в Болгарии, затем в КСХС.

⁷ Алексей I (1877–1970) с мая 1944 г. Местоблюститель Патриаршего престола, со 2 февраля 1945 г. — Патриарх Московский и всея Руси.

⁸ *Голенищева-Кутузова Ирина Николаевна* (в зам. Груничева; р. 1907), выпускница I Русско-сербской женской гимназии в Белграде 1929 г.

⁹ В первом браке И.Н. Голенищев-Кутузов был женат на Елене Александровне Циглер. Их сын — Голенищев-Кутузов Илларион Ильич (р. 1926), языковед, публицист, живет в США.

¹⁰ L'École pratique des hautes études (EPHE) — Практическая школа высших исследований при Сорбонне, образована в 1868 г., в рамках школы функционировала секция исторических и филологических наук (Section des sciences historiques et philologiques).

¹¹ В 1933 г. И.Н. Голенищев-Кутузов защитил докторскую диссертацию по теме «Легенда о Гризельде во Франции в XIV–XV веках».

¹² *Рок Марио* (Mario Roques; 1875–1961), профессор истории средневековой литературы, преподавал в Сорбонне; член Академии надписей и изящной словесности Института Франции. *Жанруа Альфред Мари Анри Гюстав* (Alfred Jeanroy; 1859–1953), литературовед, профессор Тулузского, затем Парижского университетов; член Академии надписей и изящной словесности Института Франции. *Оветт Анри* (Henri Hauvette; 1865–1935), литературовед, профессор итальянской литературы в Гренобле и Сорбонне, член Академии надписей и изящной словесности Института Франции (с 1933 г.).

¹³ В состав Института Франции (*фр.* Institut de France) — главного научного учреждения Франции — входят пять академий: Французская академия, Французская академия надписей и изящной словесности, Французская академия наук, Французская академия изящных искусств, Французская академия моральных и политических наук.

¹⁴ Библиографию трудов И.Н. Голенищева-Кутузова см.: [Голенищев-Кутузов 2005, с. 329].

¹⁵ Первый сборник стихотворений И.Н. Голенищева-Кутузова «Память» был опубликован в Париже в 1935 г., предисловие к нему написал Вячеслав Иванов. Полное собрание стихотворений поэта вышло в 2004 г. (см.: [Голенищев-Кутузов 2004а; 2004б; 2005]).

¹⁶ В мае 1934 г. И.Н. Голенищев-Кутузов был избран приват-доцентом одновременно в Белградском и Загребском университетах, однако предпочел работу в Белграде.

¹⁷ В письме Вячеславу Иванову от 11 июля 1937 г. И.Н. Голенищев-Кутузов так представлял свою невесту: «Невесту мою зовут Ольга Вальтеровна фон Бреверн, по матери она из моих мест — мы могли бы встретиться на балу у Пензенского предводителя или в имении Чембарского или Сердобского уезда. Ей двадцать пять лет (мне уже тридцать три!). Очень недурна собой. Учитя в университете (филолог) и служит в банке. Надеюсь, что на этот раз Гименей и Гера будут ко мне благосклонны — умоляю Вас, ввиду Вашей несомненной близости к древним богам, вопреки всем палинодиям, похотатайствовать за нас перед небожителями!» (Вяч. Иванов — И.Н. Голенищев-Кутузов. Переписка (1928–1939), см.: [Голенищев-Кутузов 2004а, с. 279–280]).

¹⁸ Ложа «Юпитер» работала в Париже с ноября 1926 г., входила в «Союз Великой Ложи Франции». С началом фашистской оккупации прекратила работу, возобновила в 1945 г. В число членов ложи И.Н. Голенищев-Кутузов вошел во время своей учебы в Париже — посвящен 17 июля 1930 г., возведен во 2-ю степень 5 февраля 1931 г., в 3-ю степень (мастера) — 6 августа 1931 г., радиирован (исключен) 15 июня 1933 г. (см.: [Серков 2001, с. 1199–1201]).

¹⁹ По сведениям А.И. Серкова, И.Н. Голенищев-Кутузов был реинтегрирован (восстановлен) в членстве ложи «Юпитер» 20 февраля 1936 г., вновь радиирован 1 декабря 1938 г. (см.: [Там же, с. 1201]).

²⁰ В Белграде функционировала основанная в 1926 г. ложа «Максим Ковалевский», входившая в «Союз Великой Ложи сербов, хорватов и словенцев» «Югославия», в 1929 г. она насчитывала 12 человек; прекратила существование в июле 1940 г. И.Н. Голенищев-Кутузов был членом данной ложи в 1930-е гг. (см.: [Серков 2009, т. 2, с. 361–364; Серков 2001, с. 1146]).

²¹ Имеется в виду «Коларчев народный университет» (*серб.* Коларчев народни универзитет), или «Задужбина Илију М. Коларца».

²² И.Н. Голенищев-Кутузов был арестован после выхода в 1938 г. его статей о первом томе романа М. Шолохова «Поднятая целина» и романе А. Толстого «Петр I» в журнале «Смена». Номера журнала были конфискованы, а автор арестован за «советскую пропаганду» (см.: [Гардзонио 2004, с. 10]).

²³ *Корошец Антон* (Anton Korošec; 1872–1940), католический священник и теолог, в 1935–1938 гг. министр внутренних дел Югославии.

²⁴ *Лаврищев Александр Андреевич* (1912–1979), советский дипломат. Первый секретарь миссии СССР в Болгарии (1939–1940), полномочный представитель (1940–1941) и чрезвычайный и полномочный посол СССР в Болгарии (1941–1944), политический советник Союзной контрольной комиссии в Румынии, Болгарии (1944–1945); заведующий IV Европейским отделом НКВД СССР (1945); заведующий Отделом Балканских стран НКВД (МИД) (1945–1948).

²⁵ *Недич Милан* (Милан Недић; 1878–1946), генерал, министр обороны Югославии (1939–1940), премьер-министр правительства национального спасения, созданного после оккупации Сербии гитлеровскими войсками (август 1941 — октябрь 1944).

²⁶ Один из партизанских отрядов Главного штаба Воеводины Югославской Народно-освободительной армии, действовавший в регионе Банат.

²⁷ Историко-географическая область, расположенная частью в Хорватии и большей частью в Сербии (Сремский округ) — один из семи округов Автономного края Воеводины (с июля 1944 г.). На территории Срема действовал один из партизанских отрядов Главного штаба Воеводины Югославской Народно-освободительной армии.

²⁸ *Гребеницкова Ольга Сергеевна* (урожд. Зволянская; 1883–1961), дочь сенатора, директора Департамента полиции в 1897–1902 гг. С.Э. Зволянского (1855–1912), выпускница Смольного института. В браке с С.Я. Гребенщиковым с 1903 г. В эмиграции в КСХС с 1920 г. В 1956 г. вернулась с сыном в СССР.

²⁹ См. альбом: [Художники-географы 2007].

³⁰ *Гребеницков Сергей Яковлевич* (1873–1933), генерал-майор, командир лейб-гвардии Драгунского полка, участник Первой мировой войны. С 1918 г. сумской уездный староста в правление гетмана П.П. Скоропадского, с 1919 г. служил у генерала А.И. Деникина. С 1920 г. в эмиграции в КСХС.

³¹ Частное Реальное училище В.П. Кузминой (1874–1976) основано в 1906 г. После Октябрьской революции В.П. Кузмина эмигрировала в Болгарию, открыла в Софии в 1924 г. Русскую школу новых языков В.П. Кузминой (в дальнейшем — Русская смешанная гимназия новых языков В.П. Кузминой, более известная как Лицей В.П. Кузминой, функционировала до 1944 г.).

³² *Мигулин Алексей Алексеевич* (1893–1989), зоолог. В 1940–1956 гг. заведовал кафедрой зоологии Украинской сельскохозяйственной академии, в 1956–1971 гг. — кафедрой зоологии и энтомологии Харьковского сельскохозяйственного института.

³³ См.: [Памятка 1986, с. 86].

³⁴ *Чернявский Павел Иванович* (1892–1969), ботаник. Участник Белого движения, служил в Дроздовском полку, эвакуирован в Пирей (Греция). С 1923 г. жил в Белграде. Югославский подданный. Профессор ботаники Белградского университета. В 1948 г. выехал в Болгарию, старший научный сотрудник Института леса Болгарской академии наук (1951–1960). Вернулся в СССР в 1960 г., жил в Волгограде. См.: [Болгарские геологи... 2013, с. 37–38].

³⁵ См.: [Гребенщиков 1934].

³⁶ См.: [Гребенщиков 1936].

³⁷ См.: [Гребенщиков 1938].

³⁸ См.: [Grebenshchikov 1938].

³⁹ См.: [Grebenshchikov 1943].

⁴⁰ *Сукачев Владимир Николаевич* (1880–1967), геоботаник, лесовод, географ, член-корреспондент Академии наук СССР. Профессор, заведующий кафедрой ботанической географии Московского университета (1946–1953). Именно В.Н. Сукачев в ноябре 1956 г. рекомендовал О.С. Гребенщикова на работу во Всесоюзный институт научной и технической информации АН СССР. *Алехин Василий Васильевич* (1882–1946), геоботаник-фитоценолог, основатель Московской геоботанической школы. Организовал и возглавил кафедру геоботаники в Московском университете (1923). *Ильинский Алексей Порфирьевич* (1888–1945), геоботаник, биоценолог, профессор Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена (с 1929 г.), ученый секретарь Русского географического общества. *Морозов Георгий Федорович* (1867–1920), лесовод, ботаник, почвовед и географ, профессор Петербургского Лесного института (1901–1917), профессор Таврического университета в Симферополе (1918–1920).

⁴¹ *Уваров Борис Петрович* (1888–1970), энтомолог, зоогеограф. Организатор и директор первого в России Энтомологического бюро. Эмигрировал в Великобританию, главный специалист Имперского бюро по энтомологии, президент Королевского энтомологического общества (1959–1961).

⁴² Через югославских коммунистов М. Божовича (М. Божовић) и Р. Бошковича (Р. Бошковић) осуществлялась связь группы В.А. Лебедева с КПЮ (см.: [Јовановић 1994, с. 349]).

⁴³ О.С. Гребенщиков входил в группу из тридцати человек, которую В.А. Лебедев организовал в октябре 1944 г. и которая участвовала в освобождении Белграда в составе 11-й штурмовой инженерно-саперной бригады полковника А.Г. Загребина. После освобождения Белграда арестован, подвергнут проверке и отпущен. Подробнее (см.: [Жизнь и приключения... 2006]).

⁴⁴ В этот период в отделе пропаганды штаба НОАЮ работал, а по некоторым данным и заведовал им Ф.Е. Махин. Подробнее (см.: [Ганин 2006]).

⁴⁵ Семья Мартино эвакуировалась из Севастополя на транспорте «Якут» в Константинополь, затем на транспорте «Владимир» в Бакар (Хорватия) (см.: ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 234. Л. 227, 227 об.).

⁴⁶ Мартино Владимир Эммануилович (см. сн. 9, предисловие к публикации).

⁴⁷ Имеется в виду философский факультет Белградского университета. К.В. Мартино получила специальность эмбриолога и зоолога широкого профиля.

⁴⁸ Избранную библиографию работ К.В. Мартино см.: [Шергалин 2012].

⁴⁹ Приложение в деле отсутствует.

⁵⁰ *Лебедева Зоя Александровна* (урожд. Демьянович; 1909–1993). Получила советское гражданство в 1946 г. После ареста мужа и старшего сына в 1949 г. вместе с отцом, свекровью и младшим сыном выслана в Болгарию в 1950 г. В СССР вернулась в 1955 г. Первоначально жила в пос. Досанг Астраханской обл. Вскоре получила работу по специальности химика на Астраханском кожевенном заводе № 2 и вместе с семьей переехала в Астрахань. Некоторое время работала на Осташковском кожевенном заводе (Тверская обл.). Последние годы жизни провела в Москве. Похоронена на Хованском кладбище.

⁵¹ *Лебедева Лидия Семеновна* (1885 — ок. 1970), медик. В эмиграции в КСХС с мая 1920 г. После окончания медицинского факультета Белградского университета (1920–1927) врач-волонтер в туберкулезном отделении Государственной больницы в Белграде (1928–1937). Во время войны уехала из Белграда, жила в с. Варна, продолжала работу в Союзе здравоохранительных кооперативов, оказывала медицинскую помощь партизанам. Получила советское гражданство (1946). В 1950 г. вместе с невесткой и младшим внуком выслана в Болгарию. В 1955 г. вернулась в СССР, жила в пос. Досанг Астраханской обл., затем в Астрахани (см.: [Јовановић 1994, с. 348; Российские врачи... 2012, с. 186–188]; ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 1102. Л. 883; Из интервью С.В. Лебедева).

⁵² *Лебедев Александр Владимирович* (1931–2008) вместе с родителями получил советское гражданство в 1946 г., учился в Белградской гимназии № 2, но обучение не завершил, поскольку в январе 1949 г. был арестован как член Союза коммунистической молодежи Югославии, сторонник идеи создания русской секции Союза. Заключение отбывал на острове Голи Оток (1949–1952). Работал в каменоломнях, затем плавал в качестве матроса на судне «Пунат», курсировавшем между островом и материком и перевозившем заключенных, провиант и т. д. После освобождения вернулся в Белград. Стремясь покинуть Югославию, бежал в Румынию, был арестован, обвинен в шпионаже и приговорен к десяти годам заключения. В 1955 г. вышел на свободу, вскоре вернулся в СССР. Жил в Астрахани; в Москве окончил Московский текстильный институт по специальности «инженер-механик». Работал над изобретением и внедрением медеплавильных установок (Из интервью С.В. Лебедева; Из интервью Д.Ю. Лобачева).

⁵³ *Лебедев Святослав Владимирович* (р. 1937), учился в Белграде в III, V и VIII сербских гимназиях. В 1950 г. вместе с семьей выслан в Болгарию, в 1955 г. вернулся в СССР. Жил в Астрахани, затем окончил Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (1962), где проработал всю жизнь; доктор технических наук, профессор кафедры высшей геодезии.

⁵⁴ *Демьянович Александр Александрович* (1878/79/80(?)–1957), мировой судья в г. Пружаны, Брестской обл. После начала Первой мировой войны вместе с семьей приехал в Киев, откуда, уже один, — в Одессу, эвакуирован в январе–марте 1920 г. Жил в КСХС (Белград). Получил советское гражданство в 1946 г. В 1950 г. выслан в Болгарию, где и скончался (см.: Из интервью С.В. Лебедева; [Русский некрополь 2011, с. 110]).

⁵⁵ По уточненным данным родилась в г. Пружаны Брестского у. Гродненской губ. (Из интервью С.В. Лебедева).

⁵⁶ Мать: *Демьянович Лидия Викторовна* (урожд. Смирнова; ум. в конце 1920-х гг. в Белграде). Сестра: *Демьянович Лидия Александровна* (в зам. Тимофеева; 1903 — не ранее 1956, Земун, Белград), эвакуировалась вместе с родителями в 1920 г., жила в Земуне, занималась домашним хозяйством. Гражданка Югославии, от принятия советского гражданства отказалась.

⁵⁷ Так в тексте.

⁵⁸ Венчались в церкви Святой Троицы в Белграде, там же крестили и своих детей.

⁵⁹ *Лебедев Александр Асинкритович* (1876–1928), выпускник Брянского семиклассного механико-технического училища, жил в Воронеже, работал железнодорожным машинистом; во время Русско-японской войны за предотвращение железнодорожной аварии был награжден Георгиевским крестом; до Первой мировой войны занимал должность начальника депо Юго-Восточных железных дорог; в период Гражданской войны инструктор броневой бригады и начальник школы машинистов; в эмиграции в КСХС с мая 1920 г., работал машинистом поезда, трагически погиб, спасая пассажиров (см.: ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 1102. Л. 811, 881 об.; [Јовановић 1994, с. 348–349]; Из интервью С.В. Лебедева).

⁶⁰ Имеется в виду Центральное управление Союза здравоохранительных кооперативов.

⁶¹ Как указывалось выше, образованная В.А. Лебедевым в 1944 г. группа из 30 человек предоставила себя в распоряжение 11-й штурмовой инженерно-саперной бригады полковника А.Г. Загребина и принимала участие в освобождении Белграда. Однако подобного рода взаимодействие эмигрантов с Красной армией было, как правило, кратковременным и осуществлялось в основном в ходе боев за Белград и последующих работах по его разминированию. По словам С.В. Лебедева, одним из направлений деятельности ССП на протяжении всего периода его существования являлся сбор информации о дислокации немецких частей, укреплениях и т. д., которая была передана Красной армии. Дальнейшее пребывание эмигрантов в советских войсках можно назвать достаточно редким явлением. В.А. Лебедев имел югославское гражданство и был офицером югославской армии, поэтому то, что он не смог «примкнуть к Красной армии», обусловлено вполне объективными причинами. Советское командование выдавало справки, в которых подтверждался факт работы того или иного эмигранта, например, в качестве переводчика. В частности, такую справку за подписью генерал-лейтенанта В.И. Жданова получил член ССП Ю.П. Лобачев — его переводческая работа в воинской части № 28345 под командованием Жданова продолжалась в течение 10 дней (с 15 по 25 октября 1944 г.) (см.: [Лобачев 1997, с. 123–129]).

⁶² Т. е. санитарного (*серб.*).

⁶³ NOV — Народно-освободительная армия Югославии; ПОЈ — партизанские отряды Югославии.

⁶⁴ Точнее — 27-я Восточно-Боснийская дивизия III корпуса. На 8 октября 1944 г. действовала в Восточной Боснии, в районах Тузла, Вареш, Власеница (см.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1372. Л. 65).

⁶⁵ Попович Живорад Жика (Живорад Жика Поповић; 1895–1941), преподаватель, публицист, член КПЮ с 1921 г., известен в Югославии как организатор культурно-просветительной работы в Шабаце в 1920–1930-х гг., основатель Национальной библиотеки города, которая ныне носит его имя, и Национального музея в Шабаце; координировал культурно-просветительную работу в селах округа Шабац; во время Второй мировой войны воевал в рядах партизанского движения под руководством И.Б. Тито (см.: [Шашић 1991, с. 253–258]).

⁶⁶ Йовичич Драголюб (Драгољуб Јовичић; 1910–1943), поэт, эссеист, ученик и соратник Ж. Поповича; во время Второй мировой войны воевал в рядах партизанского движения под руководством И.Б. Тито (см.: [Шашић 1991, с. 139–142]).

⁶⁷ С оккупантами (*серб.*).

⁶⁸ Пропагандистские (*серб.*).

⁶⁹ Взрывчатые вещества (*серб.*).

⁷⁰ Т. е. не ушел в партизаны, а остался в Белграде (Из интервью С.В. Лебедева; Из интервью Д.Ю. Лобачева).

М.А. Васильева

О ВОЕННОЙ ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО

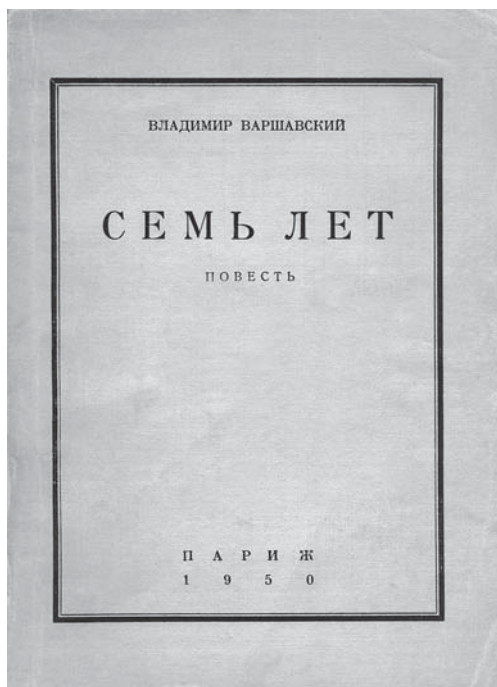
Писатель Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1978) вошел в историю русской литературы как автор книги «Незамеченное поколение» (1956) и одноименного термина, образно определившего детей русской эмиграции «первой волны». Между тем для многих своих современников Варшавский был прежде всего оригинальным автором военной прозы и автобиографического романа «Ожидание» (1972). «...Сколько бы ни были ценны, интересны и значительны его публицистические труды, — писал прот. Александр Шмеман, — <...> в живую ткань русской культуры он должен войти, в первую очередь, как автор “Ожидания”» [Шмеман 1978, с. 265]. «Ожидание» — в сущности, роман всей жизни Варшавского — вырос во многом из его военного опыта и военной прозы. В основу романа легла повесть «Семь лет» (1950), она же, в свою очередь, вобрала в себя цикл военных рассказов, которые стали появляться в эмигрантской периодике во второй половине 1940-х гг.¹

История Варшавского-воина, героя движения Сопротивления, уходит корнями в его новоградские воззрения, которые сам писатель, участник журнала «Новый град» (Париж, 1931–1939), определил как «утверждение абсолютной ценности личности, неприкосновенности ее свободы и прав, отказ прибавлять к своим лозунгам слова “или смерть”, отказ считать каких-то людей не людьми, отказ считать “двуногих тварей миллионы” только орудием для достижения своих целей» [Варшавский 1976, с. 212]. Большое влияние на решение писателя пойти в армию оказали собрания религиозно-философского объединения «Круг» (Париж, 1935–1939), основанного видным общественным деятелем, эсером, публицистом и одним из редакторов «Нового града» Ильей Исидоровичем Фондаминским (1880–1942). Дискуссии в объединении накануне Второй мировой войны, которые без преувеличения можно назвать судьбоносными, В.С. Варшавский опишет сначала в рассказе «Пролог», а потом в повести «Семь лет». Собрания посещали Г.П. Федо-

¹ Несколько рассказов, вошедших в роман «Ожидание», вышли еще до войны: Уединение и праздность // Числа. 1932. № 6. С. 51–56; Амстердам // Круг. Париж: Дом книги, 1938. Кн. 3. С. 43–74. После войны были опубликованы: Первый бой // Новый журнал. 1946. № 14. С. 114–119; Младший лейтенант Данилов // Новоселье. 1946. № 24/25. С. 23–35; Прогулка в город. (Рассказ военнопленного) // Там же. № 29/30. С. 11–32; Командо // Там же. 1947. № 35/36. С. 3–31; В крепости // Там же. 1949. № 39/41. С. 50–70; Пролог // Там же. 1950. № 42/44. С. 110–138. После издания повести в периодике появились еще несколько рассказов, также вошедших в роман «Ожидание»: Дневник художника // Новый журнал. 1952. № 31. С. 80–99; Отрывок // Опыты. 1954. № 3. С. 52–69; Рассеянность. (Из записок художника) // Там же. 1957. № 8. С. 26–35; Мечтание. (Отрывок из повести) // Новый журнал. 1961. № 65. С. 65–90.

тов, Г.В. Адамович, Н.А Бердяев, К.В. Мочульский, мать Мария, Ю.К. Терапиано, В.С. Яновский, Ю. Фельзен, Б.В. Вильде, А.П. Ладинский, С.И. Шаршун и др. «Круг» оказался местом встреч двух поколений, и влияние «старших» на «младших» было в иных случаях решающим. Фондаминский, принявший во время войны мученическую смерть в концентрационном лагере Освенцим, был выведен в рассказе, а затем повести и романе под именем Эммануила Осиповича Кладинского (Мануши)². Огромное значение в общем предвоенном настрое молодой эмиграции имела и позиция Георгия Адамовича, отчетливо прописанная в прозе Варшавского, и что еще более важно — решение Адамовича записаться добровольцем во Французскую армию осенью 1939 г.³

Однако было бы ошибкой считать, что участие Варшавского во Второй мировой войне против нацистской Германии было только плодом стороннего влияния. Желание стать резервистом Французской армии — следствие этико-онтологической установки самого писателя, своеобразный итог его понимания места эмигрантского молодого человека в мире. Опыт младших эмигрантов Варшавский четко отделял от опыта старших, замечая, что «конечно, и они были эмигранты, но только мне казалось, что их эмигрантство другого рода, менее полное, чем наше» [Варшавский 1950, с. 27]. В цикле статей, написанных в межвоенный период, он выведет архетип «эмигрантского молодого человека», в котором явственно виден прообраз «незамеченного поколения». Это «голый человек на голой земле» [Варшавский 1936, с. 410], или «это действительно как бы “голый” человек, и на нем нет “ни кожи от зверя, ни шерсти от овцы”» [Варшавский 1932, с. 164], или человек, который «оторван от тела своего народа и не находится ни в каком мире, ни в каком месте» [Варшавский 1930/31, с. 221]. В то же время именно из-за своей тотальной отверженности от внешнего мира эмигрантский молодой человек, в понимании писателя, был способен «искать вокруг себя и в себе истинную жизнь еще с большей силой» [Там же, с. 217], т. е. мог начать всё с чистого листа. Так сложилось, что становление писателя, как и его поколения в целом, пришлось на один из

Обложка книги Владимира Варшавского
«Семь лет» (Париж, 1950)

² Подробнее о псевдонимах в военной прозе В.С. Варшавского см.: [Хазан 2011, с. 179–206].

³ Об участии Г. Адамовича в качестве добровольца во Французской армии см.: [Коростелев 1997].

*Владимир Варшавский в форме
военнослужащего Французской армии.
Октябрь 1939 г.*

самых драматичных периодов в истории. Однако, с точки зрения Варшавского, это был уникальный шанс для молодых эмигрантов пересмотреть исторические парадигмы, предложить агрессивной истории и агрессивной конструирующей мысли XX в. иную иерархию ценностей, «так как именно сейчас, на пороге огромных ассирийских изменений, входящих в мир, происходит как бы последняя трагическая безвыходная борьба между уничтожаемой сущностью и торжествующей общественностью» [Варшавский 1932, с. 167]. Композиция книги «Незамеченное поколение» с ее завершающей главой «Погибшие за идею», посвященной новомученикам и героям Резистанса, не оставляет сомнений — как видел эту иерархию, или «лестницу восхождения», сам автор⁴, поставив в центр исторического делания борьбу за «уничтожаемую сущность». Участие В.С. Варшавского в военных действиях стало также своеобразным личным «восхождением» и одновременно попыткой вписаться во внешний мир, в «Ожидании» он пишет: «В первый раз в жизни я делал что-то, признаваемое всеми нужным и важным, в

первый раз у меня было место в человеческом обществе и я не испытывал моего всегдашнего страха, что я живу не так, как все. Наоборот, у меня было теперь спокойное чувство укрепленности моей жизни в чем-то достоверном и прочном» [Варшавский 1972, с. 113].

Осенью 1939 г. В.С. Варшавский записывается запасным Французской армии и принимает участие как солдат второго класса в боевых действиях на франко-бельгийской границе⁵. Бесславная «странная война» («drôle de guerre»), длившаяся с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г., отличалась минимальным сопротивлением французских войск. Между тем Варшавский, оказавшийся в армии не по мобилизации, а по убеждениям, проявил беспримерное мужество: в одном из сражений он отстаивал Булонскую крепость, оставшись фактически один на линии огня. После

⁴ Об этом же он пишет в статье памяти друга Бориса Вильде: «...мы знаем это и не должны забывать, как в эти годы расставились на лестнице восхождения личности: одни в самом низу, другие на средних ступенях, третьи — на верхнем конце, уходящем в открытую вечность жизни. К этим третьим, чьи доблесть и пролитая праведная кровь спасли честь имени русского, принадлежал и Борис Вильде» [Варшавский 1947, с. 10].

⁵ Военный жетон В.С. Варшавского «1936 Vladimir Varsavsky» (Музейное собрание ДРЗ. Вх 1554/1-2).

поражения французских частей на франко-бельгийской границе писатель разделил со многими французами печальную участь плена, оказавшись в лагере Stalag II В в Гаммерштайне и был заключенным долгих пять лет под номером 16.600⁶. Судя по автобиографической военной прозе, в которой описанные события максимально приближены к реальности, В.С. Варшавский в первые месяцы плена был брошен на самую тяжелую работу, он рыл канал, узнал, что такое настоящий голод, стал свидетелем многочисленных смертей от истощения и болезней; затем его перевели на сельскохозяйственные работы в небольшую коммуну из пяти человек, где он пробыл четыре года, а последний год плена проработал в лазарете. Волей судьбы так сложилось, что освобождение Варшавскому принесли советские войска: «...в грохоте боя шла неизвестная грозная Россия, от берегов которой я отплывал более двадцати лет тому назад», — вспоминает он в «Ожидании» [Варшавский 1972, с. 181]. Эта символическая встреча описана в романе максимально непредвзято. Он видит метаморфозы, которые принесла советская власть России, изменив почти необратимо облик своего народа, и тем не менее «...это был всё тот же русский народ, о котором писал Толстой. Мне вспоминались невысокие, незаметные, похожие на капитана Тушина, офицеры и солдаты, с лицами, выражавшими почти уже галлийскую, добрую, смиренную простоту» [Там же, с. 236].

В архиве Дома русского зарубежья хранится любопытный документ, озаглавленный как «Препроводительная» за подписью старшего лейтенанта Ткаченко, командира военной части 21477 (21-я гвардейская механизированная бригада 1-го Белорусского фронта⁷; ДРЗ. Ф. 54). В повести Варшавский переименует Ткаченко в Сильченко, а документ воспроизведет с фотографической точностью (см.: [Там же, с. 217]). По этой препроводительной группа из 137 человек разных национальностей, большей частью бывших военнопленных, под началом переводчика Владимира Варшавского ушла по свободной дороге в деревню Лабец. Документ датирован 7 марта 1945 г., этой датой отмечено фактическое освобождение Варшавского, юридически оно было зафиксировано уже во Франции, в нескольких официальных документах, датированных 11 июня 1945 г.⁸

⁶ Номер выбит на концлагерном номерном знаке Варшавского (Там же. Вх 1553), тот же номер указан на обороте его фотокарточки периода плена, надпись на обороте: «Varsavsky Vladimir. Gefangenenummer 16600. Stalag II В. Poste Nr. 1202» (ДРЗ. Ф. 54), а также в документах, полученных Варшавским в 1945 г. во французском Министерстве по делам военнопленных, депортированных и беженцев (см. примеч. 8).

⁷ За уточнение выражаю признательность научному сотруднику Дома русского зарубежья К.К. Семенову.

⁸ В удостоверении, выданном Варшавскому Министерством по делам военнопленных, депортированных и беженцев (*Ministère des prisonniers, déportés et réfugiés*) записано: «Я, нижеподписавшийся Роже Элуар, директор Дома заключенного департамента Сены, 1, Пляс Клиши, Париж-IX, удостоверяю в соответствии с предоставленными документами, что господин Варшавский Владимир, д.р. 12/10/1906 в Москве (Россия) был заключенным лагеря Сталаг II В под номером 16.600 до 11 июня 1945 года, даты освобождения. Данное удостоверение выдано для подтверждения. Париж, 24 июля 1945 года». Тем же числом датирован документ Лагерного секретариата (*Secrétariats de Camps*) Товарищества заключенных лагеря Сталаг II В (*Amicale de Camp Stalag II В*) за подписью генерального секретаря Товарищества Мишеля Прово-Лемуана, подтверждающего, что «Владимир Варшавский был заключенным лагеря Сталаг II В, под номером 16.600, и был репатрирован 11 июня 1945 года» (ДРЗ. Ф. 54; пер. с фр. С.Н. Дубровиной).

*Владимир Варшавский в лагере военнопленных
Сталаг (Stalag II-B). Около 1943 г.*

После войны Владимир Варшавский распоряжением военного министра Франции Поля Косте-Флоре от 8 января 1947 г. был награжден известной французской военной наградой — Военным крестом с серебряной звездой (Croix de Guerre avec Etoile d'Argent). В приказе по дивизии указывалось, что «Варшавский Владимир, солдат 2-го класса, великолепный боец, выдержавший с храбростью и преданностью все испытания. 14 мая 1940 г. остался последним на линии огня, чтобы прикрыть отступление своей роты. Добровольно вызвался защищать Булонскую цитадель, вызвав в этом бою всеобщее восхищение своим презрением к опасности. Прекратил сопротивление лишь по приказу после истощения всех боеприпасов»⁹.

В 1946 г. в эмигрантской периодике начинают появляться военные рассказы: «Первый бой» в «Новом журнале», а в «Новоселье» — «Младший лейтенант Данилов» и «Прогулка в город.

(Рассказ военнопленного)». На выход в свет этих прозаических опытов мгновенно отреагировал Георгий Федотов: «...недавно я прочитал два Ваших рассказа, или очерка, в <“Новоселье”> и <“Новом журнале”> и захотелось написать Вам. Прежде всего, чтобы сказать Вам, что они мне очень понравились, особенно в <“Новом журнале”>. Большая правдивость и объективность, даже какая-то прозрачность. Я думаю, что это должно было бы понравиться Толстому за абсолютную честность»¹⁰. Близость к Толстому и «большая правдивость» («абсолютная честность») — два положения, которые в немалой степени задают вектор эмигрантской критики о творчестве Варшавского. Так, Георгий Адамович замечал: «Вл. Варшавский, писатель-тяжелодум, всегда искренний, всегда серьезный, с чисто толстовским влечением к “единому на потребу” и безошибочной пронизательностью упорного, пристального взгляда» [Адамович 1947, с 6]. Ему вторил Александр Бахрах: «Варшавский — писа-

⁹ Citation. Ordre № 1972/C. Le Ministre de la guerre, Paul Coste-Floret (ДРЗ. Ф. 54).

¹⁰ Г.П. Федотов — В.С. Варшавскому. 16 янв. 1947 (Там же).

тель медлительный, вдумчивый; вероятно, среди всего “молодого” поколения самый медлительный, наиболее взвешивающий слова и наименее способный фантазировать. Неприкрашенностью деталей его манера писать порой способна отталкивать, но читая его “Командо”, ощущаешь, почти с физической болью, что всё это так и было и <ни> на минуту не задумываешься над правдой его слов» [Бахрах 1947, с. 4].

Военной прозой Варшавский окончательно вошел в русскую литературу как представитель художественного метода, призывавшего к сближению творчества и «человеческого документа». Однако и этот тезис, выдвинутый в русской эмиграции основателем «парижской ноты» Г.В. Адамовичем, для самого Варшавского имел исключительно личностное наполнение. Источник его литературных начинаний, как и феноменальной точности его прозы, — воспроизведение фундаментального опыта «эмигрантского молодого человека». Проза Варшавского в буквальном смысле слова — последовательная фиксация становления человека, отсюда органичное переплетение художественного слова и документа. Глубинное тождество между человеческим и писательским опытом В.С. Варшавского отметил Константин Мочульский. Приветствуя выход в свет его рассказы о войне, он заметил в одном из писем к их автору: «...война Вас разбудила — удар был настолько силен, что тюрьма Вашего “я” оказалась взорванной. Вдруг Вы увидели мир и людей — удивлению Вашему не было конца. Из этого удивления (совсем по Платону) родилось Ваше творчество. <...> Вы стали человеком и писателем. Какое великое событие и какое Божие чудо!»¹¹

В 1950 г. в Париже вышла повесть «Семь лет», вобравшая в себя опубликованные прежде военные отрывки. Судя по архивным документам, Варшавский приложил немало усилий по организации сбора средств на ее издание, а видные представители русской эмиграции охотно поддержали это начинание. «Имя В.С. Варшавского сравнительно мало известно русским читателям. Он сложился и вырос за рубежом и полностью испытал на себе тяжесть здешних условий: недостаток журналов, отсутствие издательств. То немногое, что Варшавскому удалось до сих пор обнародовать, побуждает отнестись к нему и его дарованию с доверием. Было бы обидно, если бы его роман, в котором отражены впечатления от войны и от плена в Германии, остался ненапечатанным», — сообщалось в одном из писем в поддержку издания за подписью Марка Алданова, Ивана Бунина и Василия Маклакова¹². И еще одна иллюстрация поддержки со стороны друзей по писательскому цеху: рукопись «Семи лет» для публикации «переписывал, вернее, перестукивал» Александр Бахрах¹³.

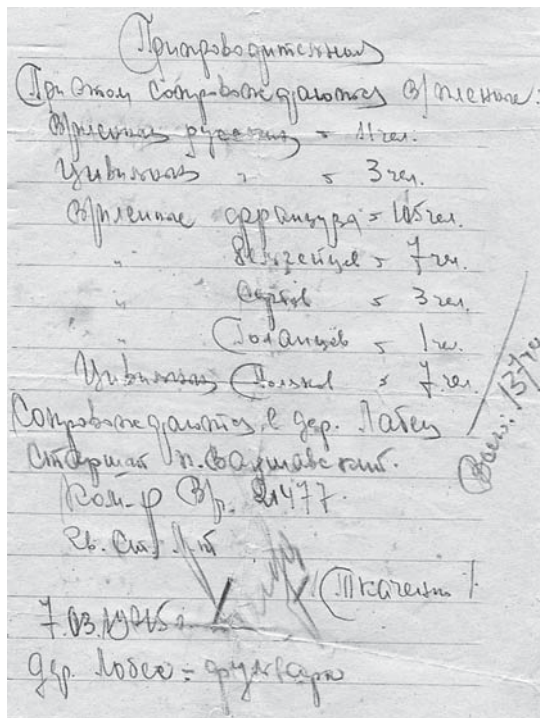
---

¹¹ К.В. Мочульский — В.С. Варшавскому. 1 февр. 1947 (ДРЗ. Ф. 54).

¹² Авторизованная машинопись, без даты (Там же). Письма с похожим содержанием от «группы друзей писателя» по организации предварительной подписки на издание были подписаны Г.В. Адамовичем, А.В. Бахрахом, В.Н. Бунинной, В.В. Вейдле, М.Л. Кантором, Б.С. Нилус, Ю.К. Терапиано и Б.Ю. Физом. Подобную акцию «по сбору суммы, достаточной для издания книги» в Нью-Йорке поддержали М.Е. Вейнбаум, Р.Н. Гринберг, М.М. Карпович, Е.Ф. Рубисова, Андрей Седых (Я.М. Цвибак), Ирина Яссен (Р.С. Чеквер); деньги посылались на адрес газеты «Новое русское слово» (243 West 56 street, New York 19, N. Y.) главному редактору М.Е. Вейнбауму (Там же). После выхода «Семи лет» в свет «Новое русское слово» участвовало в распространении книги, регулярно ее рекламируя на своих страницах.

¹³ Об этом: А.В. Бахрах — Т.Г. Варшавской. 4 марта 1978 (Там же).

Препроводительная команда в.ч. 21477
старшего лейтенанта С. Ткаченко,
выданная «старшему переводчику»
Владимиру Варшавскому,
под предводительством которого группа
бывших военнопленных (всего 137 человек)
ушла в деревню Лабей, 7 марта 1945 г.

Невероятную активность, столь не свойственную «медлительному» и болезненно скромному Варшавскому, с которой он взялся за издание повести, можно было бы объяснить самолюбивыми писательскими амбициями, и хотя такое объяснение удобопонятно, оно не совсем вяжется с жизненными принципами писателя. Если же отбросить умозрительные догадки и обратиться только к документу, то лучшей иллюстрацией писательского кредо В.С. Варшавского мог бы послужить его дневник, который он вел на склоне лет. «...Ведь самое трудное начать: потом начнется радость усовершенствования, или, как у Толстого, “снятия покровов”, открытие, непосредственное видение и воссоздание реальности, воссоздание, которое не может погибнуть», — записано 19 мая 1973 г.¹⁴ Здесь — продолжение и логическое завершение цепи, начало которой — участие Варшавского в войне как «борьба за сущность». По В.С. Варшавскому, если пройденный опыт будет запечатлен в слове и станет литературным фак-

том, значит — реальность не погибнет, стремление «почувствовать очевидность» [Варшавский 1972, с. 242] достигнет цели. «Но я надеялся, усилие сосредоточиться поможет мне увернуться от небытия. Нужно только писать точно, что видишь, ничего не выдумывая. <...> Непосредственные впечатления не могут быть пошлыми или глупыми. Я для того и пишу, чтобы их проявить...» — заметит он в «Ожидании» [Там же, с. 243, 246]. Литература — и есть окончательное преодоление небытия. Таким образом, становление писателя совершает своеобразный круг: искомая им реальность постигается в личном опыте; опыт, в свою очередь, воплощается в слове, а слово — снова в реальность. Об этой глубоко философской составляющей художественного метода Варшавского писал его друг прот. Александр Шмеман: «...если в этой автобиографической книге, с одной стороны, действительно ничего “не выдуманно”, то всё в ней, с другой стороны, полностью подчинено тому вымыслу, который в своем “Умирании искусства” В.В. Вейдле определил как источник искус-

¹⁴ Варшавский В.С. Ионафан. <Дневник (1972–1976)> (ДРЗ. Ф. 54).

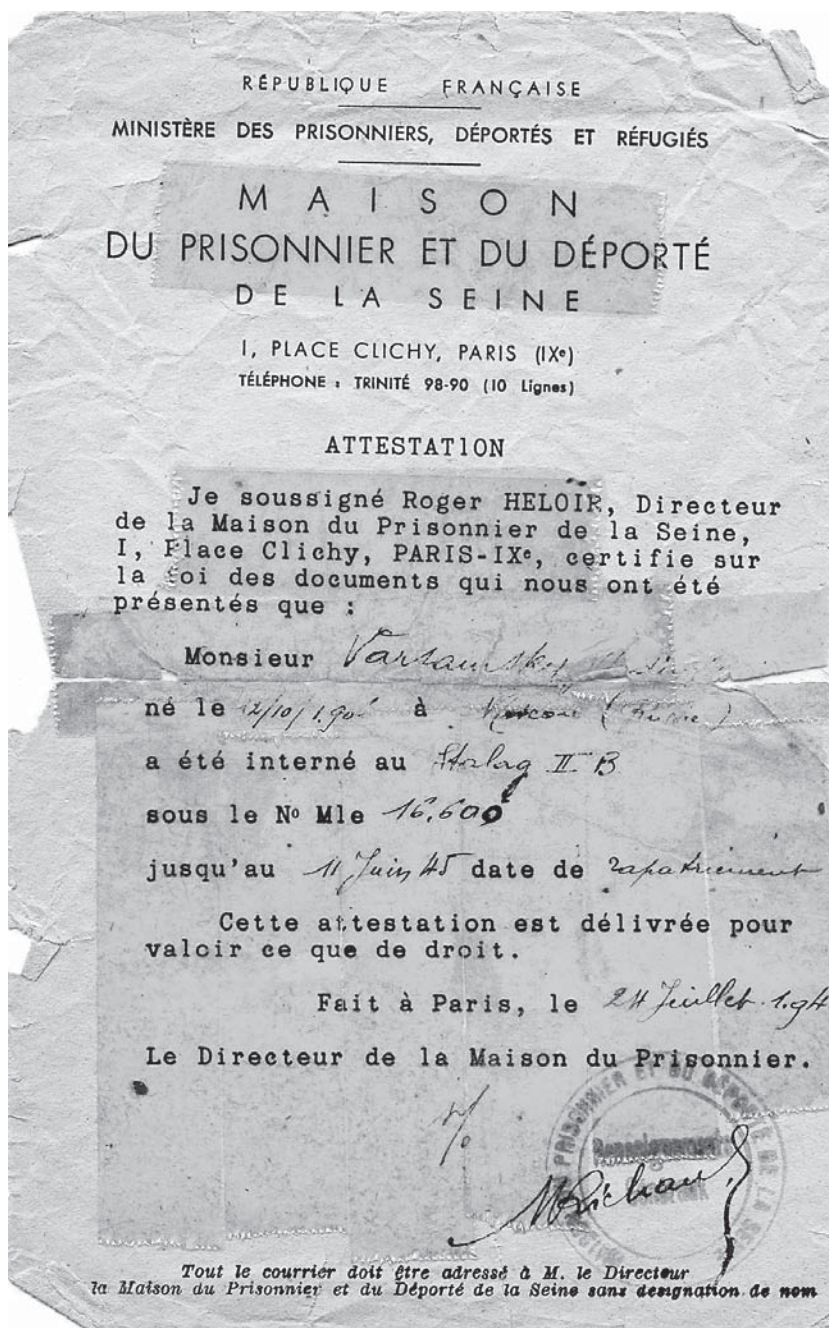
ства и суть которого не в “выдумке”, а в только художнику, только творцу присущем даре — любой “материал” претворять в жизнь и делать ее нашей жизнью, нашим общением со всем тем, чему всякое подлинное искусство в претворении этом нас приобщает» [Шмеман 1978, с. 266].

Повесть «Семь лет» в оценке современников — отдельный и весьма содержательный сюжет, вобравший в себя не только рецепцию творчества Варшавского, но и умонастроения русской эмиграции начала 1950-х гг. — зыбкого промежутка между завершением Второй мировой войны и быстро пришедшей ей на смену эпохой холодной войны. В эмигрантской периодической печати появилось немало доброжелательных откликов (Георгия Адамовича, Юрия Иваска, Михаила Корякова, Веры Александровой, Перикла Ставрова, Николая Нарокова, Вячеслава Завалишина)¹⁵. Даже краткие упоминания в этом сюжете играют важную роль. Чего стоит, например, лапидарное определение Михаила Корякова: «...книга Владимира Варшавского “Семь лет” — одна из самых замечательных книг в русской эмигрантской литературе» [Коряков 1950, с. 3]. Прохладно отреагировал на повесть Леонид Ржевский, напечатавший в «Гранях» кислый и местами ироничный отзыв с оговоркой, что у Варшавского «неудачи и шероховатости искупаются искренностью» [Ржевский 1951, с. 178], а также анонимный автор малотиражного нью-йоркского издания «Тропа», назвавший «Семь лет» «повестью “лишнего человека” в эмиграции» [Б.п. 1951, с. 80]. Откровенно враждебными были рецензии за подписью Л.Р. в монархическом нью-йоркском журнале «Знамя России» и Нины Берберовой в «Русской мысли». Первый поставил автору на вид «замалчивание преступных сторон советского режима» [Л.Р. 1951, с. 10], а Нина Берберова, пойдя против логики, обвинила героя французского Сопrotивления Варшавского в «полу-насмешке и полу-враждебности по отношению к Франции» [Берберова 1950, с. 5]. Реакция эмигрантской общественности на рецензию Берберовой была крайне негативной. В письме к Варшавскому от 8 ноября 1950 г. Роман Гуль резюмировал: «Ее статья возмутительна, глупа, очень мимо цели, не о книге, а о Вас. Написана она жалко и подло, той особой (русско-эмигрантской) подлостью доноса, от которого стыдно. Молчала бы она лучше. Не она ли была сама недавно жертвой травли и доносов? Я ей всё это и выскажу на будущей неделе, когда она пожалует сама сюда» (ДРЗ. Ф. 54). Так же охарактеризовала рецензию Елена Николаевна Федотова (супруга философа Г.П. Федотова), разослав многим эмигрантам, в том числе и Берберовой, открытое письмо с символическим заголовком «Рецензия или донос?» (Там же)¹⁶.

---

¹⁵ Адамович Г. «Семь лет» // Новое русское слово. 1950. 1 окт. № 14037. С. 8; Иваск Ю. Д. Кленовский. След жизни. 1950; Владимир Варшавский. Семь лет. Париж. 1950 // Новый журнал. 1950. № 24. С. 297–299; Коряков М. Дом русской культуры // Новое русское слово. 1950. 4 дек. № 14101. С. 3; Александрова В. Загадка советского человека // Социалистический вестник. 1950. № 10 (637). С. 189–190, 200. Несколькоими годами позже выйдут статьи Ю. Иваска «Письма о литературе» (Новое русское слово. 1954. 21 марта. № 15303. С. 8), П. Ставрова «После Бунина» (Там же. 20 июня. № 15394. С. 8) и В. Завалишина «Где же выход безнадежности» (Там же. 1959. 18 янв. № 16740. С. 2) с упоминаниями повести «Семь лет», а также обстоятельная аналитическая статья Н. Нарокова «Злая сила» (Там же. 1957. 29 мая. № 16041. С. 8).

¹⁶ См. об этом: [Васильева 2010, с. 415–416].

Удостоверение Дома заключенного департамента Сены, подтверждающее, что В. Варшавский «был заключенным лагеря Сталаг II-B под номером 16.600 до 11 июня 1945 года, даты освобождения». Париж. 24 июля 1945 г.

И все же при всей полемичности оценок повести «Семь лет» камертоном ее восприятия современниками могла бы послужить рецензия Адамовича, одного из наиболее влиятельных и прозорливых литературных критиков русского зарубежья. «Интерес, ценность и значение повести Варшавского, — замечал он, — в ее исключительной правдивости, притом правдивости прежде всего психологической. При сколько-нибудь развитом чутье к слогу и стилю у читателя не может с первых же страниц не возникнуть уверенности, что автор ни в чем не лжет, ни к какой рисовке не склонен и ничего не хочет скрыть. Его можно было бы назвать маниаком правдивости. Грозные события, свидетелем которых довелось ему стать, запечатлены в его книге без малейшей предвзятости, без всякого заранее придуманного “подхода”» [Адамович 1950, с. 8].

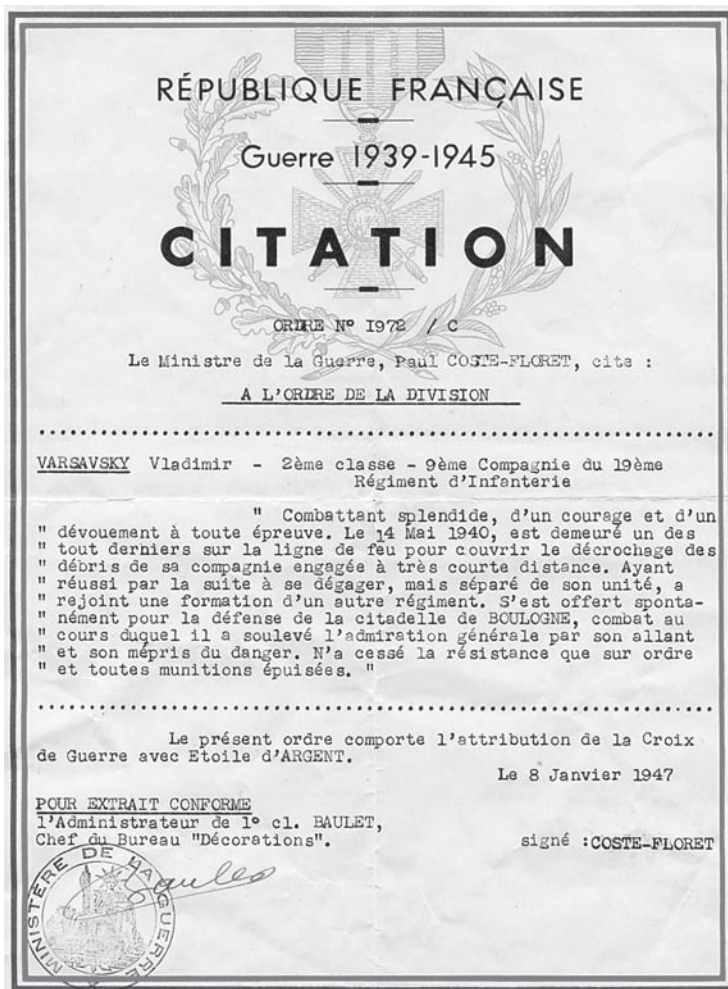
В марте 1951 г. Владимир Варшавский перебрался из Парижа в Нью-Йорк. 25 мая того же года при содействии газеты «Новое русское слово» в Нью-Йорке в Риверсайд-Плаза состоялось обсуждение повести «Семь лет», на котором выступили Вера Александрова, Сергей Максимов, Михаил Коряков, Илья Тартак, Александр Биск, Илья Троцкий, Иван Елагин и сам Варшавский. Судя по отчету об этом вечере, дискуссия была оживленной и беспристрастной, сам же отчет, появившийся на страницах «Нового русского слова», стал ценным дополнением к дискуссии вокруг первой повести писателя¹⁷.

Однако еще один пласт рецепции военной прозы Варшавского до последнего времени был нам неизвестен. Недавно переданная в Дом русского зарубежья часть архива В.С. Варшавского¹⁸ содержит любопытный эпистолярный современников. Обсуждение повести «Семь лет» в форме писем к автору стало прямым следствием рассылки экземпляров, которую организовал сам писатель. Эта корреспонденция содержательно не только не уступает дискуссии в эмигрантской прессе, но местами представляет шире и полнее восприятие творчества Варшавского современниками, а также послевоенную атмосферу, полемику мировоззрений, видение Второй мировой войны в русском зарубежье. Авторы писем — выдающиеся представители русской эмиграции: А.М. Ремизов, В.А. Маклаков, М.А. Алданов, Е.Д. Кускова, М.Л. Слоним, Р.Б. Гуль, Н.А. Оцуп, Н.Н. Оболенский, М.С. Цетлина, Е.Ф. Рубисова, В.С. Яновский, Р.Н. Гринберг, Г.Я. Аронсон, Л.Д. Червинская, Ю.П. Одарченко, Б.Ю. Физ, А.Е. Величковский, Н.Д. Татищев и др. Среди корреспондентов Варшавского значится и выдающийся французский славист Андре Мазон. Темы писем крайне разнообразны: от попытки прояснить судьбу Сергея Ивановича Варшавского (1879–1945?), отца писателя, видного юриста и общественного деятеля, арестованного советскими органами в Праге в мае 1945 г. (письмо Е.Д. Кусковой), до полемики вокруг художественного метода Варшавского (письма Л.Д. Червинской, В.С. Яновского, М.А. Алданова и др.). Эпистолярный писатель собирал в отдельный конверт, при этом, как правило, ставил астериск зеленым

---

¹⁷ См.: Беседа и споры о книге В. Варшавского // Новое русское слово. 1951. 26 мая. № 14275. С. 4.

¹⁸ Даритель архива — Татьяна Георгиевна Варшавская, вдова писателя. В декабре 2014 г. в Дом русского зарубежья поступила очередная и довольно внушительная часть архива В.С. Варшавского.

Постановление военного министра Франции Поля Косте-Флоре о награждении В. Варшавского французской военной наградой Круа де Герр. 8 января 1947 г.

карандашом в верхнем левом углу письма, помечая так, скорее всего, наиболее важные для него ответы.

Предлагаемая ниже подборка писем из этой корреспонденции публикуется впервые по оригиналам, хранящимся в фонде В.С. Варшавского (ДРЗ. Ф. 54). Тексты писем печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации и с сохранением индивидуальных особенностей написания, в частности, неточностей и отклонений от принятой сегодня формы написания иноязычных имен и собственных названий. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Конъектуры помещены в угловые скобки. Публикация

писем сопровождается рецензией Г.В. Адамовича на «Семь лет» — наиболее часто упоминаемой в письмах литературно-критической оценки военной повести Варшавского.

Глубокую признательность за помощь, оказанную на разных этапах в подготовке данной публикации, хотелось бы выразить Т.Г. Варшавской, А.М. Грачевой, С.Н. Дубровиной, К.К. Семенову и В. Хазану.

Литература

- Адамович 1947 — *Адамович Г.В.* Привет «Новоселью» // Русские новости. 1947. 18 июля. № 111. С. 6.
- Адамович 1950 — *Адамович Г.* «Семь лет» // Новое русское слово. 1950. 1 окт. № 14037. С. 8.
- Бахрах 1947 — *А. Бахрах*. Новоселье № 35–36 // Русские новости. 1947. 1 авг. № 113. С. 4.
- Берберова 1950 — *Берберова Н.* «Семь лет» В. Варшавского // Русская мысль. 1950. 11 окт. № 283. С. 5.
- Б.п. 1951 — *Б.п.* <Рец. на кн.: Варшавский В. Семь лет. Париж, 1950> // Тропа. 1951. № 1. С. 80.
- Варшавский 1930/31 — *Варшавский В.* Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке // Числа. 1930/31. № 4. С. 216–222.
- Варшавский 1932 — *Варшавский В.* О «герое» эмигрантской молодой литературы // Числа. 1932. № 6. С. 164–172.
- Варшавский 1936 — *Варшавский В.* О прозе «младших» эмигрантских писателей // Современные записки. 1936. № 61. С. 409–414.
- Варшавский 1947 — *Варшавский В.* Борис Вильде // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. 1947. № 2. С. 9–15.
- Варшавский 1950 — *Варшавский В.* Семь лет. Париж: Imprimerie Abécé, 1950. 302 с.
- Варшавский 1972 — *Варшавский В.* Ожидание. Paris: YMCA-Press, 1972. 304 с.
- Варшавский 1976 — *Варшавский В.* «Чевенгур» и «Новый град» // Новый журнал. 1976. № 122. С. 193–213.
- Васильева 2010 — *Васильева М.А.* О Владимире Сергеевиче Варшавском: Биографический очерк // Варшавский В.С. Незамеченное поколение / под ред. О.А. Коростелева и М.А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2010. С. 405–424.
- Коростелев 1997 — *Коростелев О.А.* Георгий Адамович, русская эмиграция в Париже и Вторая мировая война <Републикация статьи Г. Адамовича «Смерть и время» / предисл. и примеч. О.А. Коростелева> // Литература. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1997 (май). № 18. С. 6–7, 13.
- Коряков 1950 — *Коряков М.* Дом русской культуры // Новое русское слово. 1950. 4 дек. № 14101. С. 3.
- Л.п. 1951 — *Л.п.* О книге Варшавского «7 лет» // Знамя России. 1951. 1 дек. № 52. С. 9–10.
- Ржевский 1951 — *Л. Ржевский*. Повесть о пережитом // Грани. 1951. № 11. С. 178.
- Хазан 2011 — *Хазан В.* Без своего места в мире. («Отцы» и «дети» в прозе В. Варшавского) // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009): Сб. докладов / сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 179–206.
- Шмеман 1978 — *Шмеман А., прот.* Ожидание. Памяти Владимира Сергеевича Варшавского // Континент. 1978. № 18. С. 261–277.

ВОКРУГ ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО «СЕМЬ ЛЕТ»

Письма В.С. Яновского, А.М. Ремизова, М.А. Алданова,
Ю.П. Одарченко, Н.Н. Оболенского, Е.Д. Кусковой, Л.Д. Червинской,
М.Л. Слонима, Е.Н. Федотовой

*Публикация, подготовка текста и примечания
М.А. Васильевой и О.А. Коростелева*

Предлагаемая подборка писем адресована писателю Владимиру Сергеевичу Варшавскому (1906–1978), автору повести «Семь лет», вышедшей в Париже в 1950 г. Корреспонденция публикуется впервые по оригиналам, хранящимся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (Ф. 54). Тексты писем печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации и с сохранением индивидуальных особенностей написания, в частности, неточностей и отклонений от принятой сегодня формы написания иноязычных имен и собственных названий. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Конъектуры помещены в угловые скобки. Публикация писем сопровождается приложением, в котором воспроизведена рецензия Г.В. Адамовича — наиболее часто упоминаемая в письмах литературно-критическая оценка военной повести Варшавского. Глубокую признательность за помощь, оказанную на разных этапах в подготовке данной публикации, хотелось бы выразить Т.Г. Варшавской, А.М. Грачевой и В. Хазану.

1

В.С. Яновский — В.С. Варшавскому

2 октября 1950 г. Нью-Йорк

2 октября,
1950

Дорогой Варвар!

Спасибо за книгу, я ее успел прочитать еще до получения моего экземпляра: одолжил у наших общих друзей. Она здесь всем нравится. Поздравляю тебя с «издательским» крещением. В общем, я согласен с отзывом Адамовича¹ (в основном). Хотя писал он (и вообще пишет теперь) скучновато.

Книга мне очень нравится, хотя я почему-то ждал большего. Критические замечания... Во-первых, не равномерно: военным эпизодам, дроль дэ гэр², продолжавшимся полгода, посвящено 135 страниц, а плену — шесть лет — остальные 165. Военные страницы очень хороши и художественно переработаны, плен больше «смахивает» на документ, дневник. В плену много пропущено (именно, поскольку это «дневник»), многое не ясно, причесано. Где ваша сексуальная жизнь?

Именно от тебя я ждал «документа» в этом смысле³. Раздражают портреты: описания наружности, одежды, литые персонажи, «типы» (и это под формой дневника?). Я не верю твоим портретам, ибо вижу, как ты описывал известных мне людей. Наши собрания вышли куцовато⁴, служат тебе только разбегом (а тез)⁵. Мануша⁶ не полный, профессор писал также о Пассионарии с энтузиазмом⁷, Полянский (если это я?)⁸ не говорил таких преступных пошлостей о христианстве и страдании, и, наконец, Вильде елейный⁹. (Ты помнишь, принимая его в содружество, мы даже обсуждали вопрос — не «шпион» ли он.) Типов нет. Это всё было сложнее и не так «пластично» (по Алданову или Толстому, как хочешь, ибо и в Толстом есть Алданоизмы). Велик Толстой своей беспрестанной борьбой за самоулучшение. Но и в этом ты не дорастаешь до Толстого. Эпизод, где ты, смакуя, занимаешься психологией: когда убивают Раймонда и твой герой не может выжать из себя сочувствия и жалости... это нарциссизм. Толстой бы либо любил его, либо взмолился бы о даровании другой природы. Ведь молился же ты, когда голодал или при смертельной опасности. А тут не взмолился.

Это моя критика. Надеюсь, ты не рассердишься. Лучший эпизод, мне кажется, как вы выползаете назад из-под бомб, это можно в хрестоматию.

В нашем журнале 3ий час я постараюсь написать заметку о тебе (по-английски), если Извольская изволит¹⁰.

- 1) Перешли, пожалуйста, мне письмо Прегель!¹¹
- 2) Сообщи адрес Адамовича!¹²

Жму руку. Пиши.

В. Яновский

Публикуется впервые по оригиналу (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; далее – ДРЗ. Ф. 54). Авторизованная машинопись с дописками от руки черными чернилами (дата, последние три абзаца и подпись на обороте). В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ Имеется в виду рецензия: [Адамович 1950]. Полный текст рецензии Г.В. Адамовича см. в приложении к публикации.

² От «drôle de guerre» — странная война (*фр.*). Странной, или смешной, войной окрестили сперва американцы (Phoney War), а потом и сами французы период с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г. во Второй мировой войне, который отличался почти полным отсутствием боевых действий на франко-немецкой границе.

³ Некоторые критики, наоборот, отмечали переизбыток физиологичности, см., например, отзыв Андреева на следующую публикацию В.С. Варшавского о войне: «Дневник художника» Вл. Варшавского — полная противоположность романтизму Косача. У Варшавского — наблюдательный глаз, ряд картин и образов, иногда неприятных из-за откровенной физиологичности, сами по себе подтверждаются, как и его повесть «Семь лет», одаренность писателя. Но центр тяжести его прозы в самоанализе героя: мыслей, чувств, ощущений, поступков, даже снов, т. е. в том сознательном разложении спектра человеческой психологии на составные элементы, которое утвердилось у некоторых западных прозаиков после Первой мировой войны и которое отразилось у нескольких эмигрантских авторов и нередко с проблематичным успехом. В данном случае — «Дневник» оправдывает

своей формой эту манеру. Часто раздражающую отсутствием “стержня”, но удобно включающую в себя зачатки самых разнообразных жанров и “первозданный хаос” авторского “сырья” всех видов» [Андреев 1953, 16 мая. № 554, с. 4].

⁴ Имеется в виду основанное И.И. Фондаминским в 1935 г. религиозно-философское объединение «Круг» (Париж, 1935–1939), которое стало местом встреч двух поколений — эмигрантских писателей младшего поколения с религиозными мыслителями старшего. Постоянными участниками общества были (помимо самого Василия Яновского и Владимира Варшавского) Г.П. Федотов, К.В. Мочульский, мать Мария, Г.В. Адамович, Ю.К. Терапиано, Юрий Фельзен, Б.В. Вильде, А.П. Ладинский, Л.Ф. Зуров и др.

⁵ От à thèse — тезисно, тенденциозно (*фр.*).

⁶ Описывая заседания «Круга», Варшавский вывел многих участников под вполне угадываемыми именами. Общественный деятель, публицист Илья Исидорович Фондаминский (Фундаминский; псевд. Бунаков; 1880–1942) в повести представлен под именем Эммануила Осиповича Кладинского (Мануши). Подробнее о расшифровке прототипов в романе «Ожидание» см.: [Хазан 2011].

⁷ Речь идет о Г.П. Федотове, который действительно писал о Пассионарии (Долорес Ибаррури (Ibaruri; 1895–1989)). См., в частности: [Федотов 1936]. Яновский имеет в виду, что реальный Федотов не вполне соответствовал тому образу, который был запечатлен в книге Варшавского.

⁸ Скорее всего, Яновский сделал верное предположение, что под фамилией Полянский в повести был выведен он сам.

⁹ Герой движения Сопротивления Борис Владимирович Вильде (псевд. Борис Дикой; 1908–1942) был выведен в повести под именем Вани Иноземцева.

¹⁰ Экуменический журнал «Третий час» (Нью-Йорк, 1946–1976) был основан писательницей, переводчицей, организатором одноименного экуменического общества Еленой Александровной Извольской (в иночестве Ольга; 1896–1975). Круг имен, представленных в журнале, был достаточно широк: Симона Вейль, Эдит Штейн, мать Мария, Тейяр де Шарден и др. Одним из авторов был также Василий Яновский. О журнале см.: [Яновский 1995].

¹¹ Неизвестно, о каком письме упоминает Яновский. Варшавский познакомился с писательницей Софией Юльевной Прегель (1897–1972) в Париже, куда она переехала в первой половине 1930-х гг. В период немецкой оккупации Прегель перебралась в Нью-Йорк, где вместе с М.Л. Слонимом основала журнал «Новоселье» (1942–1950). Как редактор журнала приняла самое активное участие в творческой судьбе Варшавского, опубликовав в «Новоселье» пять его рассказов, вошедших потом в повесть «Семь лет»: «Младший лейтенант Данилов» (1946. № 24/25. С. 23–35); «Прогулка в город (Рассказ военнопленного)» (1946. № 29/30. С. 11–32); «Командо» (1947. № 35/36. С. 3–31); «В крепости» (1949. № 39/41. С. 50–70); «Пролог» (1950. № 42/44. С. 110–138). О рассказе «Прогулка в город...» она писала Варшавскому: «Ваш рассказ получила в день отъезда. И уже здесь прочла его с огромным вниманием. Вы представить себе не можете, как Вы меня порадовали (если такая страшная, обнаженная правда может радовать, слово неподходящее)... Вы, пожалуй, единственный из зарубежных писателей, кот<орым> до конца удаются советские люди — никакой фальши, никакого штампа, — несмотря на то, что рассказ длинноват, сокращать его не буду...» И в том же письме замечала: «“Младший лейтенант Данилов” имел настоящий успех. До сих пор есть отклики» (4 июля 1946). О рассказе «Командо» Прегель в письме к Варшавскому от 31 марта 1947 г. отзывалась так: «Вещь большой силы. Огромного напряжения. “Толод” описан лучше, чем у Гамсуна» (ДРЗ. Ф. 54).

¹² В 1950 г. Г.В. Адамович начал преподавать в Англии, сперва в Оксфорде, остановившись на первое время по адресу: Wellington Hotel, 2, Wellington Square, Oxford, затем в Манчестере. Возвращаясь из Англии в Париж на каникулы, он с января 1950 г. по декабрь 1954 г. останавливался на квартире мадам Фруэн (53, rue de Ponthieu, Paris 8^e). Адрес Янов-

ский, судя по всему, получил и Адамовичу написал, впервые после нескольких лет перерыва. 21 ноября 1950 г. Адамович ему ответил, извиняясь, что «с большим опозданием» (именно с адреса 53, rue de Ponthieu), и, в частности, написал: «Насчет Варшавского Вы не правы. Хорошая книга. Я рад не без гордости его успеху. Я, кажется, один отстаивал его, когда все над ним смеялись» [Адамович 2000, с. 125].

2

А.М. Ремизов — В.С. Варшавскому
10 сентября 1950 г. Париж

10 IX 1950

Дорогой Владимир Сергеевич.

Спасибо. Двурогий¹ передал мне Вашу воинскую повесть. Чего не знаю, прочту с карандашом. Я не ошибки подчеркиваю. А где встречу не по-русски или жуж и жвачку и потом Вам все расскажу, когда пожелаете.

Тоже и о мыслях и об образах себе в науку.

А. Ремизов

«Окликающий голос» не обязательно к смерти. Гоголь слышал в детстве².

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54).

¹ Ремизов так называл литературного критика и мемуариста Александра Васильевича Бахраха (1902–1985), см. об этом: [Обатнина 2001, с. 337]. Бахрах положительно отзывался о военной прозе Варшавского. В рецензии на № 35–36 «Новоселья» (1947), где появился рассказ Варшавского «Командо», Бахрах писал: «В очередной тетрадке центральное место занимает отрывок из повести В. Варшавского, в которой, несмотря на тургеневский эпиграф “Прошу не принимать ‘я’ рассказчика сплошь за личное ‘я’ автора”, эти оба “я” слиты неразрывно. В беллетристической форме Варшавский рассказывает нам о днях своего плена, о днях, когда все помыслы соединялись в нем с образами коробки консервов и кругами колбасы, точно перерождая его и видоизменяя его человеческую природу. <...> ...Читая его “Командо”, ощущаешь, почти с физической болью, что всё это так и было и <ни> на минуту не задумываешься над правдой его слов» [Бахрах 1947, с. 4].

² Сам Ремизов писал в книге «Сны и предсонье»: «Есть в “Старосветских помещиках” автобиографическое: полдневный окликающий голос. Этот голос услышал Афанасий Иванович, вестник его смерти, слышит и Гоголь и в детстве и перед смертью, когда начнет свой подвиг: сожжет рукописи и откажется от еды» [Ремизов 1954, с. 15].

М.А. Алданов — В.С. Варшавскому

27 октября 1950 г. Ницца

27 октября 1950

Дорогой Владимир Сергеевич.

Очень прошу извинить, что только теперь пишу Вам о Вашей книге. Я прочел ее с чрезвычайным интересом, в два присеста, и всецело присоединяюсь к оценке, сделанной в «Н<овом> р<усском> слове» Г.В. Адамовичем¹. Все же, если позволите, сделаю серьезную оговорку. Я считаю и всегда считал неподходящим делом выводить под прозрачными или не-прозрачными псевдонимами живых или недавно умерших людей, даже в таких случаях, когда автор о них ничего дурного не говорит². Знаю, что есть знаменитые прецеденты и что некоторые писатели смотрят на это иначе. Но таково мое мнение. Спорить, конечно, не будем, тем более что книга уже напечатана. Повторяю, книга Ваша написана талантливо, и я желаю ей большого успеха. Надеюсь, что она продается хорошо в наших эмигрантских масштабах³.

Так Вы собираетесь в Америку⁴. Верно, Вам обещан тот или другой вид за-работка. Я слышал, что туда уехала или уезжает Берберова⁵. Не знал, что уезжает Игорь Чиннов⁶. Понимаю, как тяжело покидать Париж. Трудно любить этот город больше, чем люблю его я.

Наши планы на ближайшее время еще не определились.

Татьяна Марковна⁷ и я шлем Вам сердечный привет и лучшие пожелания.

Ваш М. Алданов

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). Авторизованная машинопись. В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ См. письмо 1, примеч. 1.

² См. об этом письмо 1, примеч. 6.

³ Марк Алданов принимал участие в развернутой Владимиром Варшавским кампании по сбору средств на издание повести «Семь лет», его подпись в поддержку издания также стоит на одном из коллективных писем рядом с подписями И.А. Бунина и В.А. Маклакова (ДРЗ. Ф. 54). Друзья Варшавского активно участвовали и в организации предварительной подписки на издание (см. об этом вступ. ст. к данной публикации, примеч. 12). 4 октября 1949 г. Г.В. Адамович писал М.А. Алданову: «У меня к Вам две просьбы. Не от себя лично, а от людей, которые просят меня “замолвить слово” за них перед Вами. Первый из этих людей — Влад<имир> Серг<еевич> Варшавский, который стесняется сам Вам о своем деле написать. Он закончил свой роман и мечтает о его издании. Мария Самойл<овна> Цетлина обещала просить Зайцева рекомендовать его в ИМКУ, но ничего не сделала. Да и надежды на успех мало. Он хочет собрать деньги по предварительной подписке и уже кое-что сделал в этом отношении во Франции. У него есть тут преданные ему друзья, которые

ему помогают. Деньги должны поступать не ему лично (во избежание неизбежных предположений, что он их растратит и ничего не издаст), а лицу, которое он укажет, — вероятно, М.Л. Кантору. Вон он и спрашивает, не могли ли бы ему как-либо помочь в Америке: указать лицо, к которому обратиться, написать кому-нибудь и т. д.? Или Вы считаете это дело для себя неприемлемым и вообще безнадежным? Я откровенно сказал В<ладимиру> Серг<ееви>чу, что не знаю, как Вы к его просьбе отнесетесь. Он пока просит *только совета*, и всякое Ваше указание будет ему очень ценно» [Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым 2011, с. 337]. О процессе подготовки повести «Семь лет» к публикации см. также: [Хазан 2010].

⁴ В.С. Варшавский прибыл в США 12 марта 1951 г.

⁵ Н.Н. Берберова прибыла в США в середине ноября 1950 г. См.: [Демидова 2007].

⁶ Скорее всего, И.В. Чиннов планировал уехать из Парижа уже в 1950 г., однако сделал это только в 1953 г. Сперва он перебрался в Мюнхен, где работал на радиостанции «Освобождение» («Радио Свобода»), а затем в 1962 г. переехал из Германии в США.

⁷ Татьяна Марковна Алданова (урожд. Зайцева; 1893–1968), жена М.А. Алданова.

4

Ю.П. Одарченко — В.С. Варшавскому

29 октября 1950 г. Ванн

Vannes le 29 octobre 50

Дорогой Владимир Сергеевич,

спасибо Вам за присланную книгу, которую передала мне Ваша сестра¹. Читаю я с большим трудом и очень медленно. Потому и пишу Вам только теперь. Но в том, что чтение мне дается нелегко, есть своя прелесть — я безошибочно угадываю с первых страниц — хороша ли книга или плоха. Не сочтите мое признание за бахвальство. Я болен, и болезнь моя это что-то вроде барометра. Я не могу прочесть одну главу плохой книги — дикая ярость обуревает мною. Если есть столь желаемая Вами потусторонняя жизнь, то наверное есть и ад. Я очень страшусь, что в аду черти обложат меня творчеством эмигрантских писателей и, под страхом пытки раскаленным железом, заставят меня читать. Недавно из уважения к моему приятелю З.² я решил прочесть хоть одну из его книг, и вот, читая, пришлось ковырять ногу ржавым гвоздем, чтобы не заснуть!

С большим удовольствием я прочел Вашу книгу «Семь лет». Не хватает очень малого в ней, чтобы назвать ее отличной книгой. Подход к Вашей книге: «...да, но до него было обо всем этом написано так много замечательного»... — неправильный. Во-первых, в Вашей книге написано много замечательного. А во-вторых, в таких боевых книгах, как «Капут» Малапартэ³, — сплошь брехня, тогда как у Вас — все правда. Но самое главное то, что Вы вовсе и не стремитесь чем-то поразить читателя, а рассказываете о внешних событиях в связи с Вашими личными переживаниями, которые и являются основой Вашей книги. Надежда Александровна Тэффи (не читая Вашей книги) возразила мне так: «ну а если переживания автора никому не интересны?» Для меня интерес и ценность

книги именно в Ваших личных переживаниях, в их несомненной искренности и духовной чистоте их.

Одна из лучших книг, прочитанных мною за последние десять лет, это «Этранж» Камю⁴. Чем-то Ваша книга напоминает мне Камю. На 233 странице у Вас сказано так: «Я надеялся, что бившие по деревне снаряды меня не тронут: это было бы несправедливо, не по логике — ведь я только свидетель, а не участник происходящего». В сущности, эти слова приложимы ко всей Вашей книге. Духовно развитый человек уже не может быть участником происходящего вокруг него ужаса. Он может быть или пророком, или до времени «только свидетелем происходящего». Те места Вашей книги, где Вы пытаетесь сделать из себя участника, слабее тех страниц, где Вы всего лишь свидетель. Сёрен Киркергардт так начинает одну из своих книг: прошу оставить меня в покое, а когда начнется Ваше очередное безобразия, то прошу предупредить меня барабанным боем под окном — когда и в какое рекрутское бюро мне надо идти записываться⁵.

Совершенно ясно из Вашей книги, что Вы совершенно не осознаете, какую огромную работу Вам удалось проделать: написать большую серьезную книгу в эмиграции почти невозможно, да и вообще трудно. О, как трудно! Поздравляю Вас сердечно!

На слова Берберовой не обижайтесь⁶. Критику ее всерьез принимать нельзя⁷. В ее книгах есть такие перлы: «она вошла в комнату — на диване лежал труп, с которым она провела все свое детство», или: «он нажал на акселератор и машина резко застопорила». Посудите сами — разве такое вяжется с поучительным тоном ее глупых рецензий?

Г. Иванова можно не любить, но нельзя отрицать в нем чуткого критика. Он написал о Вашей книге похвальную статью⁸.

Перечел письмо. Не очень ясно, почему я заговорил о Камю. Отрешенность от жизни — это острый вопрос для всего поколения XX века... Но это обширная тема, о которой можно много сказать. Вот у Адамовича, несмотря на все его интеллигентское развитие, этой отрешенности нет. Предложите ему прочесть лекцию на эту тему! Если вздумается — зайдите как-нибудь вечером, я всегда дома.

Да хранит Вас Господь милосердный.

Юрий Одарченко

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). Авторизованная машинопись с дописками от руки простым карандашом (место, дата, последний абзац на правом поле письма). В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ Наталья Сергеевна Варшавская (в браке Фиалковская; 1903–1990), сестра В.С. Варшавского, в свою очередь, очень высоко оценила «Семь лет». В недатированном письме к брату и матери Ольге Петровне Норовой она заметила, что повесть — «эссенция, похожая на исповедь человека, который знал и почти перешел черту жизни и смерти». «Из всего, что я читала о войне, — продолжала она, — это можно сопоставить предсмертному письму Дикого, где только обнаженная душа человека уже перед смертью. Володя не выду-

мывает, как бы чувствовали другие, страх смерти и т. д. (это мог бы написать только гений Толстой), а он взял себя — простого человека и описал беспощадно себя и свои чувства, и поэтому книга производит потрясающее впечатление правдивости и вот почему она сейчас же заставляет думать о Толстом» (ДРЗ. Ф. 54)

² Возможно, имеется в виду Л.Ф. Зуров.

³ Книги «Капут» (1944) и «Шкура» (1949) итальянского писателя и журналиста Курцио Малапарте (Malaparte, настоящие имя и фам. Курт Эрих Зуккерт (Suckert); 1898–1957) описывают военные действия на Восточном фронте, куда писатель отправился в качестве корреспондента газеты «Коррьере делла Сера» («Corriere della Sera»).

⁴ От «L'Étranger» — «Посторонний» (*фр.*), название повести французского писателя Альбера Камю (1913–1960), вышедшей в 1942 г. в парижском издательстве «Галлимар» («Gallimard»). На русском впервые вышла в переводе Г.В. Адамовича: *Камю А. Незнакомец (L'Étranger)* / пер. Георгия Адамовича. Paris: Editions Victor, <1966>.

⁵ Не удалось установить источник цитаты.

⁶ Одарченко имеет в виду разгромную рецензию Нины Берберовой «“Семь лет” В. Варшавского» (см.: [Берберова 1950]), содержащую немало оскорбительных для Варшавского пассажей — от пренебрежительной оценки его творческой биографии («Судьба писателя В. Варшавского довольно безрадостна: до войны он не успел выпустить ни одной книги и печатал случайные отрывки каких-то незаконченных вещей: пишет он уже лет двадцать, или больше, книга его “Семь лет”, наконец вышедшая, к сожалению, опоздала, и в 1950 г. представляет мало интереса...») до откровенных инсинуаций («Насмешка и враждебность Варшавского к стране, где он прожил большую часть жизни, необъяснимы. Даже по отношению к немцам он находит какие-то снисходительные слова, только не по отношению к французам!»).

⁷ О критике Н.Н. Берберовой В.Ф. Марков писал Г.П. Струве 22 января 1959 г.: «Я не ожидал такого от Берберовой. Мало того, что она ничего не поняла в статье, весь этот ответ — на столь низком уровне, что я даже призадумался — да была ли она замужем за Ходасевичем, да жила ли она в Париже? Я понимаю, что оба эти факта еще ничего прибавляют к человеку, но ведь она писательница: откуда этот уровень доярки, обсуждающей стихи Ахматовой на последнем комсомольском собрании» (Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9). Двумя годами позже В.Ф. Марков вновь вернулся к этой теме, написав Г.П. Струве 1 июля 1961 г.: «Статья Берберовой о поэзии, что с ней стряслось? Я давно такого ужаса не читал: плохо переваренная эрудиция человека, недавно познакомившегося с поэтами и критикой англосаксонской литературы 20-го в.; безвкусная “ученость” во что бы то ни стало со смехотворными результатами. Много ошибок, ляпсусов, непоследовательностей. И все это нахвтанное подается с самомнением чуть ли не реформатора литературы. Я ее всегда считал женщиной во всяком случае неглупой, а тут статья не только неумная, но и нечестная (в том смысле, что она сознательно “вкручивает” читателю, в чем до конца и сама-то не уверена, видимо). Вещи известные подаются как открытие. В ее длинном разборе “Незнакомки” Блока есть 3–4 интересных наблюдения, но остальное пестрит сомнительными вещами. Язык временами просто ужасен. Каталоги имен — смехотворны (и полны орфограф<ических> ляпсусов). В общем — статья почти шарлатанская, и Карпович такого не напечатал бы» (Там же). И на этот раз Г.П. Струве согласился, ответив В.Ф. Маркову 7 июля 1961 г.: «Да, статья Берберовой произвела и на меня странное впечатление. Впрочем, дело, мне кажется, объясняется довольно просто: она впервые вдруг познакомилась с англосаксонской “новой критикой” (м. б., из лекций Веллека или бесед с ним — он ведь возглавляет там Отдел сравнительной литературы и славянских литератур), а отчасти и с современной англосаксонской поэзией, и, не переварив всех этих свалившихся на нее “откровений”, пустилась делиться ими с читателями (может быть, не без мысли эпатировать их)» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес).

⁸ Такой статьи Г.В. Иванов не опубликовал.

Н.Н. Оболенский — В.С. Варшавскому

12 октября 1950 г. Париж

12-X-50

Дорогой Владимир Сергеевич!

Я по совести не мог Вам писать, не прочтя Вашей книги, а обстоятельства сложились так, что до последнего времени прочесть ее я не мог.

Прочтя, пишу Вам. Во-первых, сердечное спасибо за внимание и подарок тем более ценный, что я не сумел быть Вам полезным и найти подписчика (не говорю подписчиков).

Читал я книгу *с волнением*. Вы честно и просто рассказали о переживаниях своих, без «авантажных поз», без желания выдать себя за героя. Скромно и сдержанно написанные страницы вызвали во мне воспоминания «моей войны», заставили меня пережить их с новой силой¹. Значит, написаны они не только честно и правдиво, но и талантливо. Талантливо, потому что атмосфера всей нашей войны передана такой, какой она была в действительности, с убедительностью такой, что кажется, сам был в овраге, лежал под обстрелом на поле, отсиживался в крепости. Думаю, что никто из наших соратников русских эмигрантов, добровольно пошедших защищать Францию, считая, что это наш прямой долг благодарности и чести, от Вашей книги не отречется.

Я с Вами сравнительно близко знаком, чему искренне радуюсь. Работа в Amicale Русских эмигрантов участников Войны в рядах Французской армии² дала мне возможность ознакомиться с Вашим боевым досье. Оно сделало бы честь любому из нас. Ваша Croix de guerre³ лучшее свидетельство доблести боевой и честной и верной службы стране, которую мы защищали и за которую если не сложили головы, то не по нашей, а по Божьей Воле.

Мне, следовательно, были понятны Ваши переживания и желание подвига. Более интересно мнение одного Писателя⁴, я нарочно пишу с большой буквы, т. к. отношусь к нему с глубоким уважением и как к писателю, и как к человеку, Писателя, мало или совсем Вас не знающего, с которым мы говорили о Вашей книге. Вот приблизительно его слова: «За этими строками вырисовывается фигура автора, вызывающая к себе расположение как своей душевной настроенностью, так и своим желанием подвига и доблести».

Мне хотелось бы загладить свою вину перед Вами и распространить книгу среди некоторых из моих знакомых. Если у Вас есть авторские экземпляры и Вы можете мне дать 2–3 месяца срока, я, конечно, помещу 5–6 экземпляров к таким лицам, которые их в магазине не купят.

Крепко и дружески жму Вашу руку.

Искренне Ваш Н. Оболенский

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ Оболенский Николай Николаевич, князь (1905–1993) — поэт, генеалог, кавалер ордена Почетного легиона (1965). Окончил Специальную военную школу в Сен-Сир и Свободную школу политических наук. Во время Второй мировой войны, не будучи французским гражданином, поступил добровольцем в армию, был лейтенантом 21-го маршевого полка Иностранного легиона. О нем Варшавский так писал в книге «Незамеченное поколение» (1956): «Молодой эмигрантский поэт Н.Н. Оболенский служил во время войны офицером в одном из маршевых полков Иностранцев, был тяжело ранен и за боевые заслуги награжден военным крестом.

И вот несут, глаза в тумане
И в липкой глине сапоги,
А в левом боковом кармане
Страницы Тютчева в крови.

Эти автобиографические стихи Оболенского рисуют очень русский “тургеневский” образ молодого эмигрантского человека, отправляющегося на войну за свободу с томиком Тютчева в кармане» [Варшавский 2010, с. 262–263].

² Об участии русских эмигрантов в Ассоциации резервистов французской армии (Amicale des réservistes de l'Armée française) см.: Русские, павшие смертью храбрых в рядах Французской армии <Текст> / Amicale des réservistes de l'Armée française. Paris: <s. n.>, <19-->; [Алексинский 1947]; см. также URL: Amicale des Anciens de la 1ère Division Française Libre: <http://1dfl.jimdo.com/>

³ Croix de Guerre — военный крест за боевые заслуги, французская военная награда. За проявленное во время Второй мировой войны мужество Владимир Варшавский распоряжением военного министра Франции Поля Косте-Флоре от 8 января 1947 г. был награжден Военным крестом с серебряной звездой (Croix de Guerre avec Etoile d'Argent). См.: Citation. Ordre № 1972/C. Le Ministre de la guerre, Paul Coste-Floret (ДРЗ. Ф. 54).

⁴ Имя не удалось установить.

6

Е.Д. Кускова — В.С. Варшавскому

24 октября 1950 г. Женева

Génève, le 24/X 1950

Глубокоуважаемый Владимир Сергеевич!

Только вчера позавидовала Бор<ису> Ар<кадьевичу> Членову¹, кот<орый> с увлечением читает Вашу книгу. Обещал дать, когда прочтет. Но милый старичок наш читает медленно и надо долго ждать. А сегодня утром получила подарок прямо от Вас. Примите мою душевную благодарность и за книгу, и за память. Желаю Вам «следующих томов», — теперь так мало пишущих!

Как только прочту ее, напишу Вам, а быть может, и в Н<овое> р<усское> с<слово>. Сегодня же прочла о книге рецензию Адамовича (в Н<овом> р<усском> с<слове>)². Оговариваюсь, что книги еще не читала, но рецензия показалась мне

сухой и вялой. Это, может быть, происходит от его собственного настроения: травят этого человека... Он еще к этому не привык³.

Много лет мы жили в Праге с Вашим отцом⁴. Недружно жили. Очень мы разные, и вовсе не по политическим убеждениям. Иногда ссорились даже очень остро. А вот сейчас с большой радостью послала бы ему приветы. О нем как-то не удавалось что-нибудь услышать. По Вашим сведениям он работал при универ<ситетской> библиотеке⁵. Вряд ли это возможно: к таким публичным учреждениям б<ольшевки> на выстрел не пускают сосланных. Даже П.Н. Савицкий долгое время работал на лесоповалах в Тамб<овской> губ<ернии>⁶. И только недавно вместе с И.П. Нестеровым⁷ и Николаевым⁸ допущен к агрономическим работам при колхозах на Волге. От одного чешского коммуниста слышала, что А<льфред> Люд<вигович> Бем расстрелян в Пражской тюрьме через час же после ареста и в Россию не был отправлен⁹. Его семье я недавно отправила посылки, как и семье П.Н. Савицкого (от Литер<атурного> фонда). Получила от них ответ: все дошло быстро. Плохо С.П. Постникову¹⁰. Он томится на севере около Архангельска и зимой очень страдал от холода. Попытки через русское посольство в Праге отправить ему теплую одежду ни к чему не привели.

Как живете? Над чем-нибудь работаете? Очень хорошо, что удалось выпустить книгу, теперь русским писателям печататься почти нет возможности.

С приветом и лучшими пожеланиями

Ек. Прокопович (Кускова)

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ Членов Борис Аркадьевич (1864–1952) — врач-терапевт, общественный деятель, основатель и руководитель санаториев в Швейцарии.

² См. письмо 1, примеч. 1.

³ В 1945–1949 гг. Адамович сотрудничал в газете «Русские новости», которая основывалась как продолжение милюковских «Последних новостей», однако на фоне массового послевоенного «покраснения» эмиграции придерживалась линии на «стирание граней», причем с годами просоветская ориентация газеты проявлялась все больше. В конце 1949 г. вместе с А. Бахрахом, В. Татариновым и др. Адамович прекратил сотрудничество в «Русских новостях» и начал печататься в «Новом русском слове», что в эмиграции некоторыми было воспринято как своеобразная «смена вех». Впрочем, очень сильно это раздуть не стали, и «травля» ограничилась несколькими статьями и кулуарными разговорами, которые вскоре затихли, т. к. Адамович в 1950 г. уехал в Англию преподавать в университете.

⁴ Кускова Екатерина Дмитриевна (в зам. Прокопович; 1896–1958), видный политический и общественный деятель; после высылки из России в 1922 г. сначала поселилась в Берлине, затем в 1924 г. переехала в Прагу, где играла видную роль в политической жизни русской эмиграции. В 1939 г. после немецкой оккупации Чехословакии переехала в Женеву. Варшавский Сергей Иванович (1879–1945?), отец В. Варшавского, переехал из Константинополя в Прагу в начале апреля 1923 г. В Праге он преподавал на Русском юридическом факультете (читал лекции по уголовному процессу), в Русском народном (свободном) университете. С.И. Варшавский также был членом Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии (в 1924–1928 — товарищ председателя, в 1934–1940 —

председатель Союза), входил в состав Комитета русской книги, сотрудничал с различными газетами и журналами, как русскими, так и чешскими, например, газетами «Народни листы», «Народни политика», «Венков», с парижскими газетами «Россия и славянство» и «Возрождение», варшавскими «За свободу!» и «Меч». В военные годы — автор анти-советских аналитических исследований и лекций, тиражированных Российским национал-социалистическим движением (РНСД); его библиографию военных лет см.: [Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace 1996]. В досье от 14 июня 1939 г. из полицейского дела С.И. Варшавского, хранящегося в Национальном архиве ЧР, значится, что он «по информации STB <Службы государственной безопасности> имеет четыре документа как участник фашистских мероприятий в качестве иностранного корреспондента и репортера. <...> Является Российским фашистом (националистом). <...> Является постоянным корреспондентом Русской фашистской газеты в Берлине “Новое слово”, цель которой антикоммунистическая пропаганда и объединение всей русской эмиграции для укрепления связей с Германией» (Národní archiv. F. Policejní ředitelství Praha II — všeobecná spisovna — 1921–1930. K. 12105. Sign. V 1115/2; пер. с чеш. М. Васильевой). Эта информация диссонирует с описанием антифашистской деятельности С.И. Варшавского в повести «Семь лет»: «От чешских коммунистов я получил свидетельство, что отец помогал им в их подпольной борьбе против немцев» [Варшавский 1950, с. 297]. В мае 1945 г., после вступления в Прагу Красной армии, С.И. Варшавский был арестован советскими органами и, скорее всего, депортирован в СССР.

⁵ Те же сведения Варшавский приводит в повести «Семь лет» и в романе «Ожидание». «От знакомых, бежавших из Праги, — пишет он в повести, — я узнал, что НКВД арестовал моего отца. В числе многих других пражских эмигрантов, его увезли в Россию. Об увезенных доходили слухи, кто-то из них написал письмо. Отец будто бы работал при университетской библиотеке» [Там же]. Николай Александрович Цуриков (1886–1957) в письме к В.С. Варшавскому от 10 сентября 1955 г. даст новые сведения о судьбе его отца: «В августовском № (кажется 38-й) журнала “Свобода” (ЦОПЭ) есть интервью с г. Безсоновым, возвращенным большевиками за границу. Узнав, что он был взят в Праге (в 1945 году), я встретился с ним, и он мне сказал между прочим: “С.И. Варшавский умер в Караганде”. Каковы бы ни были его взгляды и его политическая информация, я склонен относиться к его сведениям с доверием, так как из совершенно другого источника получил о некоторых пражанах тождественные сведения <...>. Сер<гей> Ив<анович> должен был уехать вместе с группой пражан, с которой выехал я из Праги (18 апреля 1945 года). Но колебался, поверив в возможную защиту какого-то представителя, кажется, Международного Красного Креста, и был взят после прихода большевиков» (ДРЗ. Ф. 54). Это письмо в несколько видоизмененном виде Варшавский привел потом в романе «Ожидание» (см.: [Варшавский 1972, с. 164]). В Центральном архиве ФСБ России документов, относящихся к С.И. Варшавскому, не обнаружено. О нем см. также: [Васильева 2012].

⁶ Савицкий Петр Николаевич (1895–1968), экономист, географ, социолог, один из основателей и лидеров евразийства. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Софию, в конце 1921 г. — в Чехословакию. В Праге стал приват-доцентом Русского юридического факультета, преподавал в Русском народном университете и других высших учебных заведениях. В 1927 г. тайно посещал СССР, доверившись организаторам легендарной операции «Трест». Во время Второй мировой войны занимал активную антинацистскую позицию, за что был арестован гестапо. После освобождения Праги в 1945 г. был арестован советскими органами и, получив 8 лет лагерей за контрреволюционную деятельность, отбывал наказание в Дубровлаг (Мордовия), затем был переведен в Подмосковье. В 1956 г., после реабилитации, вернулся в Прагу.

⁷ Нестеров Иван Петрович (1887–1960), общественно-политический деятель, эсер, в 1917 г. гласный Минской городской думы, делегат II Всероссийского съезда Советов РСД.

Участник заседания Учредительного собрания. В 1918 г. один из организаторов Комуча. В конце декабря 1919 — начале января 1920 г. как один из руководителей вооруженных сил эсеров участвовал в свержении власти Колчака в Иркутске. Эмигрировал в Чехословакию, в эмиграции — один из организаторов Русского заграничного исторического архива в Праге. В 1945 г. депортирован в СССР. В 1956 г. освобожден из заключения и вернулся в Чехословакию. См. о нем: [Серапионова 1995, с. 69, 110, 133; Протасов 2008, с. 351–352].

⁸ Николаев Семен Николаевич (1880–1976), общественно-политический деятель, эсер. В 1909 г. выслан в Енисейскую губернию. В 1918 г. — заведующий чувашским подотделом губкомпроса; секретарь Комитета Комуча; был арестован колчаковцами в Уфе. Затем — судебный чиновник во Владивостоке, член УС ДВР. С 1922 г. жил в Чехословакии, заведовал Русской библиотекой в Праге. В 1945 г. депортирован в СССР. С 1946 г. находился в ГУЛАГе, сослан в Красноярский край, освобожден в 1957 г., вернулся в Чехословакию. О нем см.: [Протасов 2008, с. 351–352].

⁹ Бем Альфред Людвигович (Алексей Федорович; 1886–1945?), историк литературы, литературный критик, общественный деятель. С 1919 г. в эмиграции, в 1922 г. обосновался в Праге. Секретарь Русского педагогического бюро, редактор его бюллетеней. Организатор и руководитель Семинария по изучению Достоевского (1925–1933), литературного объединения «Скит поэтов» (1922–1939). Преподавал русский язык в Карловом университете (1922–1939), а также был преподавателем в ряде других университетов Праги. Один из лидеров Крестьянской партии. В 1932 г. защитил докторскую диссертацию в Немецком университете. В последние месяцы оккупации работал библиотекарем в Фонде Гейдриха. После прихода в Прагу Красной армии был арестован 16 мая 1945 г. Точная дата и обстоятельства смерти не уточнены и обросли версиями, одну из которых и выдвигает Е.Д. Кускова. По другим версиям, после ареста Бем покончил с собой или умер по дороге в Россию или в одном из советских лагерей. О последних разысканиях по этой теме см.: [Нечаев 2008].

¹⁰ Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965), общественно-политический деятель, эсер. В 1913 г. входил в Петербургский совет РД. С 1914 г. работал в Союзе городов. В 1917 г. гласный Петроградской думы; секретарь редакции «Дела народа»; делегат III съезда ПСР; участник заседания Учредительного собрания. В мае 1918 — делегат VIII Совета ПСР. В 1921 г. эмигрировал в Финляндию, затем жил в Берлине, Праге. Один из основателей Русского заграничного исторического архива, составитель «Библиографии русской революции и гражданской войны» (1938). В 1945 г. депортирован из Чехословакии в СССР, сослан на 5 лет в Североуральск. В 1957 г. вернулся в Чехословакию. О нем см.: [Протасов 2008, с. 366].

7

Л.Д. Червинская — В.С. Варшавскому

29 ноября 1950 г. Париж

Paris, le 29. 11

Дорогой Варшавский.

Я совсем недавно прочла Вашу книгу и хотела Вам сказать все, что о ней думаю. Не потому, что считаю, что Вам это интересно (я хорошо знаю, что Вы <с> моим мнением мало считаетесь, особенно теперь, но исключительно потому, что я, как это иногда бывает (редко), была потрясена этой книгой и мне хочется (мне *нужно*) с кем-нибудь поделиться. Будь у нас пресса, я бы постаралась написать

статью. Жалею, что не была на вечере, где обсуждали эту книгу¹, — но это вышло по причинам, от меня не зависящим.

Passons².

Я начала читать книгу Вашу, как обычно читают книгу знакомого, с предубеждением. Кроме того, мне казалось, что столько ужасного было написано по-французски за эти годы на эту тему, что ничего нового и свежего уже не скажешь, особенно на нашем утомленном русском языке (эмигрантском).

Оказалось, во-первых, что книга *прекрасно* написана, с тактом, благодаря которому французская обстановка (диалоги и т. д.) не звучит переводом, а *органически* передается на русский язык. Это книга писателя, а не просто мысли честного человека или опыт рассказанный. Очень хороши описания, земля, небо, танки³, обои⁴ — все приобретает индивидуальность и острую реальность находки, которой всегда радуешься. Хороши также люди — как-то по-толстовски описаны они — без усилия, без навязанных читателю выводов. Несмотря на то (или, точнее, *благодаря* тому) что автор исходит из себя, «занят» собой, все вокруг него залито ласковым светом — любовью к жизни, — все: и пушки, и светлоглазый мальчик-пастух, и немцы, и Данилов, и даже лошадь на площади перед крепостью. Кто это (кажется, Женья?) упрекал Вас в отсутствии любви⁵? Какая ересь. Ведь это-то и есть любовь. Ведь все «объекты» любви — случайные и подставные по сравнению с этим чувством.

Кто-то еще говорил о *наивности* некоторых мыслей. Я думаю, что если бы каждый из нас имел мужество и скромность проявить ту же наивность в отношении таких слов (понятий), как «демократ», например, то, может быть, стало бы легче, чище жить. Если бы все научились молиться, как Гуськов, когда ему хочется есть, то, может быть... ну эта тема заведет меня слишком далеко. Хотя кажется, это или что-то близко к этому и есть главная тема книги. Мне лично очень близки некоторые страницы по опыту (как Гуськов «перестал бояться»), и я читала их с тем счастьем и какой-то дрожью, как бывает, когда узнаешь свое важное и простое в ком-нибудь. Мне слишком близок климат книги, ее внутренняя сущность, чтобы судить о ней, но все же мне хочется сказать Вам, что для меня они прекрасны и что это единственный воздух, в котором можно жить — и писать.

Гуськов в моем ощущении — Пьер Безухов в Москве, в плену. (Мне всегда казалось, что в *этом* весь Толстой.) Но это скобки. Вернемся к книге. Та часть, в которой описана встреча с русской армией, одна из лучших картин, одно из самых убедительных свидетельств нашего времени, без тяжеловесных выводов, без горечи или злорадства. *Удивление* Гуськова, непосредственность всех его ощущений и реакций, горе, которое чувствуется за этими открытиями, и эта по-детски правдивая какая-то молодая фраза об английском офицере («впервые за пять лет я вижу свободного человека»⁶) перевешивает все брошюры и личные свидетельства, наводнившие печать за эти годы. Какая все же *дура* Берберова!⁷

Книга голого человека на опустошенной земле⁸ (*очень* хорош Ваш Париж после войны) — но прочитав ее, хочется жить, писать, любить, верить. За такую книгу хочется сказать: спасибо. Между прочим, ее и легко и интересно читать, это и есть настоящая литература, а не так называемый «человеческий документ», к которому всегда некоторое недоумение: «какое мне дело?».

Еще раз, эта книга писателя, а не нашего друга Пети. Кстати, Гуськов вовсе не Варшавский, он оторвался от него и живет своей, убедительной, какой-то круглой и упругой, как мячик, жизнью.

Если Вы всю жизнь жили только для того, чтобы написать эту книгу, то все же стоило. Не знаю, пришло ли то счастье, которое ищет Гуськов в другой форме, но поиски этого счастья (собственно *правда*) создало писателя и *так должно быть*. Так *хорошо*.

Когда-то, очень давно, мы говорили с Вами о трудности писания, «хочется все вложить», говорили Вы. Я и тогда думала, что любая книга должна быть «вложение в опыт», в эпизод (а не наоборот: опыт-эпизод в книгу, что *плохая* литература). Когда я прочла Вашу книгу, я подумала: вот он, кусок жизни, который «ограничил» Варшавского и сделал из него автора *литературного* произведения, а не *дневника*. Думая дальше в этом направлении, я сделала для себя открытие: не всем дается такой опыт. Иначе любой человек, проживший жизнь, полную приключений, мог бы написать книгу. Подобный опыт (как Ваш в войне, в плену, несмотря на то, что это похоже на 1000 других и в целом случайных, как всякое внешнее событие) дается как завершение, как награда, как плод. Понадобились все годы глухие и бессильные — до Войны, все напряжение, внутренняя творческая работа, чтобы *так* увидеть, *так* пережить то, что пережил Гуськов. Настоящий писатель *создает жизнь в себе и вокруг себя* и потом легко и скромно повествует о ней. Это и есть литература. И в этом Ваша удача.

Чувствую, что нужно кончать. Я искренне жалею о том, что это письмо написано именно мной. Я знаю, что Вы всегда относились ко мне с *недоверием* (и это всегда было больно именно от Вас)⁹. И все же я не могу не поделиться с Вами той радостью, которую мне принесла Ваша книга. Для убедительности прибавлю, что мне пришлось многое пережить со времени Монпарнасса и что поэтому я все же немного «судья».

Пишу Вам накануне (*может быть*) третьей мировой войны. Хочу Вам пожелать — *что бы ни случилось на свете*, сохраните то, чем жив Гуськов (хотя мы и знаем, что это все «то же дождливое, серое небо»¹⁰).

Кстати, о последних страницах — у меня есть две-три оговорки — формальные — при случае и если Вам интересно, я Вам скажу, в чем они заключаются, но сегодня не в этом дело.

Простите за это письмо, которое (мне вдруг показалось) может вызвать смущение, я не могу его не послать.

Те несколько дней, когда я читала книгу (семь дней, а не семь лет, какое все же несоответствие!), мне было значительно легче жить. Спасибо.

Ваша Лидия Червинская.

Нужно б эту книгу перевести и издать на французском языке. Я бы хотела, чтобы Вы мне послали все, что было написано и напечатано о книге. Статью Н<ины> Б<ерберовой> и Адамовича¹¹ я прочла «до», хотела бы перечесть. Мой адрес: 14 rue de Vaugirard. Пошлите — я Вам верну.

Лидия

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). На конверте: обратный адрес: L. Tchervinsky. 14, rue de Vaugirard (Paris 6^e); почтовый штемпель: Paris 25. Rue Danton. 29.XI.1950.

¹ В издании «Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция» (М.: Русский путь; Paris: YMCA-Press, 2000–2002) упоминаний об этом вечере нет.

² Мимо (*фр.*).

³ Речь, скорее всего, идет о следующем пассаже: «...огромный, выше домов, немецкий танк стоит около памятника мертвым. Так вот какие они вблизи. Я с любопытством рассматривал его. Странно раскрашенный зеленым, коричневым и желтым, он стоял, как ископаемое железное чудовище, злобно и насмешливо смотря на нас узкими щелями, прорезанными в орудийной башне» [Варшавский 1950, с. 107].

⁴ Речь идет о следующем пассаже: «Я зажег свет. Выступая из сумрака, стены утвердились в своей каменной несдвигаемости. Закурив папиросу, я с удивлением рассматривал серо-розовые с лиловыми полосами обои; столько лет живу здесь и не помнил, какого они цвета» [Там же, с. 19].

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Неточная цитата. В повести: «Когда русские переводили нас через Эльбу и я увидел на том берегу англичан, я вдруг подумал, что это в первый раз за пять лет я вижу свободных людей» [Варшавский 1950, с. 287–288].

⁷ Имеется в виду рецензия Н. Берберовой на «Семь лет» [Берберова 1950]. Подробнее об этом см. письмо 4, примеч. 7.

⁸ Выражение «Голый человек на голой земле» употребляется нередко, в России особенно часто со времен «Саввы» (1906) Леонида Андреева, а восходит к Античности (Плиний Старший. Естественная история. VII. 77). В эмиграции тоже многими употреблялось, в частности, Адамовичем в «Комментариях» [Адамович 1939, с. 265]. Сам Варшавский прибегает к этому образу неоднократно в своих программных статьях, посвященных архетипу нового социального явления — эмигрантского молодого человека: «...это действительно как бы “голый” человек, и на нем нет “ни кожи от зверя, ни шерсти от овцы”», — пишет он, в статье «О “герое” эмигрантской молодой литературы» [Варшавский 1932, с. 164], отсылая к строкам шекспировского «Короля Лира» (в переводе А.В. Дружинина). «Да, эмигрант не стал, конечно, “голым человеком на голой земле”, но его одиночество больше обычного одиночества иностранца в чужом человеческом муравейнике», — заметит он в статье «О прозе “младших” эмигрантских писателей» [Варшавский 1936, с. 410].

⁹ Видимо, Червинская намекает на неблагоприятную историю в ее биографии — арест французскими властями из-за пособничества немцам во время Второй мировой войны. По заданию Резистанса Червинская сблизилась с агентом гестапо Шарлем Ледерманом, однако раскрыла себя, что стало причиной ареста нескольких участников французского антифашистского подполья. Подробнее об этом см.: [Хазан 2000, с. 332].

¹⁰ Скорее всего, Червинская имеет в виду следующий пассаж: «В неподвижном свете дня все оставалось по-прежнему: отвесная черта угла мертвецкой, столбы с колючей проволокой, а за ними какое-то непонятное отсутствие дали, песок, немножко травы, и сразу за краем дороги — дождливое серое небо. Но эта черная карета и санитары, казалось, находились в глубине какого-то особенного, ярче освещенного пространства, прорубленного в бледности всего этого. Будто там открылась какая-то потаенная комнатка, отдаленная от нас невидимой стеной. Что-то невыразимо грустное и страшное происходило в этой комнате, и мы знали, что это была правда существования, о которой лучше бы не думать, но от которой некуда уйти» [Варшавский 1950, с. 193]. Отчасти этот пассаж отсылает к

описанию неба Аустерлица в «Войне и мире» Л. Толстого («И вдруг ничего нет, кроме неба — высокого неба с ползущими по нем серыми облаками — ничего, кроме высокого неба. “Как же я не видал прежде этого высокого неба? — подумал князь Андрей. — Я бы иначе думал тогда. Ничего нет, кроме высокого неба, но того даже нету, ничего нет, кроме тишины, молчания и успокоения”»).

¹¹ См. письмо 1, примеч. 1.

8

М.Л. Слоним — В.С. Варшавскому

26 декабря 1950 г. Нью-Йорк

Décembre 26, 1950

Дорогой Владимир Сергеевич,

я так давно не отвечал, потому что хотел сперва прочесть Вашу книгу — а это не легко было сделать из-за очень тяжелой «нагрузки»¹.

Теперь я могу честно сказать, что прочел от доски до доски. Вот мое искреннее мнение — для Вас: книгу я читал с волнением и интересом. Считаю, что ряд глав и сцен написаны прекрасно — и с человеческой, и с литературной точки зрения. В ней есть какая-то правда — и это самое важное. Есть и передача внутренней драмы — в начале. Имеются и блестящие страницы чисто романического показа — плен и освобождение.

Вопросы, которые возникают у критика, связаны с формой «повести», как Вы ее назвали. Тут, на мой взгляд, не все обстоит благополучно. В книге идут, развиваются разные темы — и того единства, которое в таких случаях желательно, не ощущается. Материал (война и плен) не только определяют судьбу героя, но и влияют на композицию произведения. Темы, резко поставленные в первой части (внутреннее, разлад и так далее), затем потеряны, заслонены бытовыми описаниями. Сперва — герой «я», и все вокруг него, а затем герой — только «око», глаз, фотографический аппарат.

Вы скажете, что так оно и было в действительности. Но в книге — как произведении искусства — есть два разных плана, и они не слиты. Можно даже сказать, что это не одна, а две книги! Может быть, так и надо было сделать. Впрочем, тут есть обычная трудность романов, построенных на автобиографии.

Любопытно, что это отсутствие единства сказывается и на стиле: в первой части он чрезмерно «олитературен» — хотя есть очень хорошие и сильные места. Тенденция — «сюрреалистическая». А потом вдруг вся поэтическая игра отброшена, и повествование о плене ведется в «экспрессивном» и реалистическом тоне (я считаю, что он Вам лучше удался). Я знаю, что несколько замечаний далеко не исчерпывают ни того, что я хотел бы сказать, — ни того, что Вам интересно было бы услышать. Но я считаю, что выразил мое основное отношение к книге, которую я расцениваю как Вашу самую крупную литературную удачу. Что Вы сейчас пишете?

Надеюсь собраться летом в Европу — и тогда увидимся — если позволят события. А может быть, придет новая война и новый плен.

Желаю Вам всяческих благ к наступающему году — здоровья, бодрости, веры в себя, которой Вам недостает, — и благополучия материального и душевного.

Искренне Вас любящий
дружески и сердечно

Ваш М. Слоним

Шлет Вам привет Рейзини, которому Ваша книга очень понравилась². Денег за 2 экз<емпляра> я послал Р.С. Чеквер³.

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). На конверте обратный адрес: M. Slonim. 35 Parkview Avenue. Bronxville. NY; почтовый штемпель: Bronxville. NY. Dec. 29. 1950. В верхнем левом углу письма помета зеленым карандашом (астериск) рукой Варшавского.

¹ С 1941 г. М.Л. Слоним жил в США и преподавал русскую литературу в американских университетах.

² Рейзини Николай (наст. имя и фам. Рейзин Наум Георгиевич; 1902 (1905)–1979?), общественный деятель, предприниматель. Активно участвовал в культурной жизни межвоенного русского Парижа, был членом литературного объединения «Кочевье», принимал участие в собраниях «Зеленой лампы», стал одним из инициаторов создания журнала «Числа» и т. д. Во время гражданской войны в Испании «поставлял на греческих судах оружие Франко, затем занимался торговлей опиумом и другими делами в Данциге, Харбине и других местах»; во время Второй мировой войны «сотрудничал с японцами и числился в черных списках США» (Авантюрист Николай Рейзен // Русские новости. 1946. 29 нояб. (№ 81). С. 2). Выдвинутые в его адрес обвинения в различных финансовых махинациях вынудили Рейзини в 1946 г. покинуть Европу и обосноваться в США. Встречу с Николаем Рейзини в Нью-Йорке Варшавский описал в рассказе «Отрывок», где Рейзини представлен в образе Владимира Рагдаева (Опыты. 1954. № 3. С. 56–69). Рассказ вместе с повестью «Семь лет» потом вошел в роман «Ожидание» (1972).

³ Чеквер Рахиль Самойловна (псевд. Ирина Яссен; 1893–1957), автор сборников «Земной плен» (Нью-Йорк, 1944), «Дальний путь» (Нью-Йорк, 1946), «Лазурное око» (Париж, 1950), инициатор и один из редакторов антологии «Эстафета» (Париж, 1948), основатель в 1950 г. парижского издательства «Рифма». Друг и постоянный корреспондент Владимира Варшавского, Чеквер принимала деятельное участие в его судьбе, а также в издании повести «Семь лет» (организация финансирования издания по предварительной подписке), а также в выезде Варшавского в США, к которому тот стал готовиться уже в 1948 г. Во всяком случае, в запросе на получение американской визы (черновой вариант) от 8 июня 1948 г. (ДРЗ. Ф. 54), как и в ряде других документов по оформлению отъезда, Варшавский указал мужа Ирины Яссен — Льва Иосифовича Чеквера как своего поручителя и родственника (кузен), что в немалой степени помогло получить разрешение на выезд.

Е.Н. Федотова — В.С. Варшавскому

Декабрь 1950 г. Нью-Йорк

Дорогой Володя!

Еще раз перечитываю Вашу книгу. Давала ее и многим, и все восхищались (Нина¹ и Г.П.² в том числе).

Володя, когда же Вы будете здесь? Слышала, что у Вас есть какие-то задержки с визой. В чем дело? Кто о Вас хлопочет? Не мог ли бы Г.П. чем-нибудь Вам помочь? Ведь рекомендация человека, связанного с церковью, тут много значит. Он для Вас сделает все что может³.

Живу тут ужасно, в смертельной тоске по Парижу и в ужасе за его судьбу. С работой тут трудно и я живу в жалкой нищете, какой давно не знала. Ну Вы-то молоды, Вы устроитесь, приезжайте поскорее. Если бы Вы знали, как я несчастна и одинока.

Если видите Бор. Юл.⁴, передайте ему привет.

Еще раз спасибо за книгу.

Обнимаю и жду.

Ел. Федотова

P.S. Работы нет, каждые полчаса слушаю радио в ожидании нового Дюнкерка⁵.

До половины ночи перечитывала Вашу книгу, т. е. то, что касается Франции. Нет тех ужасных рассказов (так! — М.В.) о концентрационных лагерях, которые я бы не читала не скажу спокойно, но мужественно с каким-то сознанием морального долга «соучастия». Но когда доходит до падения Франции, до ее обреченности, я не могу удержать<ся> от слез и воплей (благо я одна в отельной комнате).

Это было пережито 10 лет тому назад, не на полях сражений (что может быть и легче), а у радио и на больших дорогах и exode'a⁶. Неужели надо это переживать второй раз здесь, в Америке, при полной невозможности помочь? Да и во Франции была бы та же невыносимая пассивность на «пиру богов». Надеюсь поработать на вооружение, но до полной мобилизации, когда берут старух, еще далеко. Теперь и в прислути попасть нелегко. Остается или подголаживать, или ходить по знакомым, чужим людям и слушать праздные разговоры. Предпочитаю первое, к тому же это полезно для «мысли», хотя и губительно для физиомордии. Впрочем, слезы еще губительнее.

Тут появилась Нина Берберова и произвела неприятное впечатление бегающими глазами и заискиванием. Но с помощью Керенского и Романа Гуля она всюду пролезет⁷.

Трудно Вам теперь, Володя, помню себя в Марселе в таком же положении. Да поможет Вам Господь, и Ил.Ис. и Борис⁸. Я так чувствую, как они веют над Вашей книгой и как они обрадуются.

Ел. Федотова

Публикуется впервые по оригиналу (ДРЗ. Ф. 54). Датируется по содержанию.

¹ Нина (1916–1992), дочь Елены Николаевны Федотовой (1885–1966) от первого брака, удочеренная Г.П. Федотовым.

² Федотов Георгий Петрович (1886–1951), русский историк, философ, публицист, оказал большое влияние на идейное становление В.С. Варшавского, в т. ч. на формирование его новгородских идей в период сотрудничества с парижским журналом «Новый Град» (1931–1939), которым Варшавский был верен и в дальнейшем (см., например: [Варшавский 1965]). В 1941 г. Федотов в связи с немецкой оккупацией эмигрировал из Франции в США. Горячо поддержал военную прозу Варшавского и высоко оценил его первые послевоенные рассказы, появившиеся в эмигрантской прессе: «Первый бой» (Новый журнал. 1946. № 14) и «Младший лейтенант Данилов» (Новоселье. 1946. № 24/25). В письме к Варшавскому от 16 января 1947 г. он писал: «Я думаю, что это должно было бы понравиться Толстому за абсолютную честность. Ждем от Вас других присылок. И еще мне хотелось бы сказать Вам, что Вы должны верить в себя, в свои силы и помнить, что для Вас в литературе заключается выход из трагедии жизни. Вообще этот выход только в творчестве. Для одних в любви, для других в искусстве или в знании. Жизнь всегда была страшна, но это не мешало любить ее Пушкину и Толстому. Весь секрет в собственных силах. У Франциска страдания мира зажигали костер пламени любви, а у нас чаще всего оборачивается ненавистью — и к людям, и к самому себе. Я за последние годы пришел к выводу, что почти все современное искусство живет разрушением жизни и человека. В этом смысле есть полное соответствие между, скажем, Пикассо (или Яновским) с Бухенвальдами. И сейчас особенно нужно доброе слово о человеке» (ДРЗ. Ф. 54).

³ По приезду в США Варшавский при устройстве на работу указывал в документах Г.П. Федотова, а также М.М. Карповича как своих поручителей, см: Application for Position. The New York Public Library. 1951. 6 April (Там же).

⁴ Физ Борис Юльевич (1904–1978), инженер, редактор издательства «УМСА-Press», член РСХД, коллекционер работ постимпрессионистов, друг В.С. Варшавского.

⁵ Имеется в виду военная операция 26 мая – 4 июня 1940 г. по эвакуации английского экспедиционного корпуса и отдельных частей французской армии из Дюнкерка (Франция) в Англию, вошедшая в историю как Дюнкерская трагедия. В итоге этой операции 28 мая бельгийские войска капитулировали, а французские войска, прикрывавшие отход англичан, к 4 июня остались без боеприпасов и также сложили оружие. 4 июня Дюнкерк был занят немцами.

Е.Н. Федотова скорее всего имеет в виду значительный виток в истории холодной войны между СССР и США, произошедший именно в 1950 г. 31 января 1950 г. президент Трумэн поручил Совету национальной безопасности США разработать директиву, содержащую всесторонний анализ политического положения и целей США с учетом возможного появления у Советского Союза нового ядерного оружия, в том числе термоядерной бомбы, и гипотетического ядерного удара. Директива была принята 14 апреля 1950 г., войдя в историю как Директива СНБ-68 и как один из основных документов холодной войны. В 1950 г. Соединенные Штаты приступили к реализации обширной программы испытаний ядерного оружия, включая водородную бомбу. Эта нарастающая атмосфера страха перед «красной опасностью» во многом вынудила Варшавского переехать в США.

⁶ Exode — исход (*фр.*). Речь идет о панике, охватившей Францию при наступлении фашистских войск.

⁷ Писатель, журналист и общественный деятель Роман Борисович Гуль (1896–1986) помогал Берберовой в первое время после ее переезда в США, но очень быстро разочаровался и стал относиться к ней с откровенной враждебностью. С политическим деятелем Александром Федоровичем Керенским (1881–1970) Берберова дружила еще в парижский период, он не раз гостил у нее в Лонгшене.

⁸ Имеются в виду описанные в повести герои движения Сопротивления Илья Исидорович Фондаминский и Борис Владимирович Вильде. После войны Варшавский посвятил памяти Вильде также отдельный очерк [Варшавский 1947].

Приложение

Г.В. Адамович

«СЕМЬ ЛЕТ»*

В повести В. Варшавского «Семь лет» рассказано о том, что видел, что передумал и перечувствовал русский эмигрант, интеллигент, солдат Французской армии, во время последней войны. Герой носит имя Владимира Гуськова. Однако автобиографичность повести совершенно очевидна и несомненна, рассказ, ведущийся от первого лица, по всей вероятности представляет собой дневник. Некоторые литературные украшения, в этот дневник введенные, — например, заключительная полусомнамбулическая глава, — ничего к нему не добавляют и с ним мало связаны. В памяти остается лишь точная обстоятельная запись о том, что относится к действительности, а не к вымыслу — предвоенные дни в Париже, короткое пребывание на фронте, долгий утомительный плен в Германии, освобождение, пришедшее с советской стороны и оказавшееся далеко не столь легким и радостным, как автор ждал.

Повесть исключительно содержательна и исключительно интересна, — однако вовсе не в том смысле, в котором определяется порой, как «очень интересный» какой-нибудь авантюрный роман. Интерес, ценность и значение повести Варшавского в ее исключительной правдивости, притом правдивости прежде всего психологической. При сколько-нибудь развитом чутье к слогу и стилю у читателя не может с первых же страниц не возникнуть уверенности, что автор ни в чем не лжет, ни к какой рисовке не склонен и ничего не хочет скрыть. Его можно было бы назвать маниаком правдивости. Грозные события, свидетелем которых довелось ему стать, запечатлены в его книге без малейшей предвзятости, без всякого заранее придуманного «подхода», и когда они, эти события, оказываются мало похожи на те представления, которые в сознании автора «Семи лет» сложились, в книге отражается изумление, смущение, даже растерянность, что угодно, кроме стремления подогнать факты к удобным, готовым схемам.

Владимир Гуськов — существо не совсем «от мира сего», во всяком случае, он не похож на большинство тех людей, которых мы ежедневно встречаем. Он доверчив, искренен, серьезен, рассеян к пустякам, вдумчив и пытлив в отношении всего, что касается самой сущности бытия, и — это очень для него характерно — лишен чувства юмора. Поэтому он часто кажется простодушен. Все мы по привычке отшучиваемся от многого того, что, казалось бы, к шуткам ничуть располагать не должно — да и не стало ли это до известной степени нашей традицией со времени Пушкина и его прелестных, чудесных, но почти всегда двоящихся между насмешкой и печалью писем? Не знаю, ценит ли и понимает Гуськов шутку. Но личного расположения к ней у него нет наверное, и он как бы без кавычек говорит о том,

---

* Впервые: Новое русское слово. 1950. 1 окт. № 14037. С. 8. Подп.: Георгий Адамович.

что у другого писателя иронию вызвало бы неизбежно. Он признается в своей готовности любить всякое начальство, настойчиво напоминает о своем врожденном желании всем нравиться и у всех вызывать симпатию, он по-детски рассказывает о том, как в плену, жестоко голодая, молился Богу — «Боже, неужели Тебе не жалко меня, разве Ты не видишь, как я мучаюсь?.. Сжался надо мной, пошли мне еду, и Ты увидишь, каким я стану хорошим». Прочитав у Бергсона о христианском происхождении демократического идеала, Гуськов «навсегда, на всю жизнь понял, что он демократ». Да, над такими строками улыбка, отсутствующая у автора, появляется на лице читателя сама собой. Не то чтобы мысли или чувства эти были уж слишком диковинны, нет, но тон их как-то беззащитно откровенен и бесхитростен. В наши дни мы к этому не привыкли. Однако неизменная склонность и согласие Гуськова остаться таким, как он есть, обезоруживает и подкупает.

Гуськов пошел на войну с энтузиазмом, считая, что в борьбе против Гитлера происходит схватка мирового добра с мировым злом. О неизбежности войны было много разговоров в философско-политическом кружке некоего Мануши, — псевдоним, который легко будет раскрыт всяким, знавшим русскую общественную жизнь в Париже до 1939 года. Были в этом кружке «непротивленцы». Однако сам Мануша и вернейшие его друзья были за уничтожение зла любой ценой. К ним примкнул и Гуськов. Его, созерцателя и мечтателя, увлекла возможность действия, и какого действия! Что сильнее всего поразило Гуськова на фронте? Пожалуй, то, что не только о метафизической, но и просто об идейной основе или подкладке войны никто из участников войны не думал, видя в этой войне, как и во всякой другой, дело тягостное и бессмысленное. Одни надеялись «заработать крестик», другие заботились о том, как бы устроиться где-нибудь в интендантстве или в тылу. Энтузиазм отсутствовал полностью. На фронте среди тех людей, которые в войну были невольно вовлечены, борьба добра со злом представлялась мифом или даже бредом. Гуськов, прирожденный Гамлет, оказался тут Дон Кихотом.

Это — очень верное наблюдение и наблюдение трагическое. Можно было бы без натяжки добавить: наблюдение русское. Еще раз русский интеллигент столкнулся с народом, пусть ему по крови и чуждым, и еще раз оказалось, что его бескорыстные и тревожные порывы народу чужды. Гуськов переписывается с парижскими друзьями, и те его понимают. Но военные его товарищи, все эти Раймонды, Жаны и Пьеры понять его не могут, да и не хотят. Его духовное одиночество усиливается с каждым днем, по мере того как растет и укрепляется обыкновенное житейски-молодецкое приятельство с однополчанами. Замечательно, что в иностранной литературе явления такого рода мало и только случайно отражены. Несомненно, есть в недоумении Гуськова что-то глубоко русское, может быть и уходящее сейчас в прошлое, — как знать? — но со всей нашей историей неразрывно связанное.

Страницы, посвященные сдаче в плен, пребыванию в Германии, первым встречам с «остовцами» и, наконец, появлению советских войск, замечательны в своей простоте и спокойной, ровной силе. Кропотливый «психологизм» автора, несколько душный и утомительный в начале повести чрезмерным вниманием к самому себе, сменяется вниманием к миру и другим людям. Впечатление такое, будто распахиваются окна. Крепнет и язык, увереннее становится изобразитель-

ное мастерство. В первых главах книги Варшавского еще попадают фразы, будто взятые из арсенала условно-книжной словесности (например: «выступая из сумрака, стены утвердились в своей каменной несдвигаемости»). Чем дальше, тем таких уступок литературщине оказывается меньше, и тем тверже и вернее становятся портретные или пейзажные наброски. Читатель не знал, конечно, ни этих немцев, ни этих упрямых или добродушных бретонцев, ни фельдшера Федю, ни удалого конюха Яшку, но вспоминает он о них после чтения как о близких знакомых. Да и весь бытовой фон повествования кажется видным в самом деле.

Ценнее, значительнее всего в книге — записи о встречах с советскими офицерами и солдатами, именно потому, что в них явно и несомненно отсутствует всякая нарочитость, положительная или отрицательная. Русские люди у Варшавского то представлены такими же, какими они казались нам всегда, то вдруг оказываются проникнуты новым, пугающим его, жестоким, презрительно-административным духом. Размышления автора «Семи лет» и наблюдения его должны бы заставить задуматься всякого, — и не случайно он, рассказывая о возвращении своем во Францию, говорит:

«Как же это могло случиться? Я так спорил, когда бранили русских, так преклонялся перед великим подвигом, совершенным ими в эту войну, а вот расставаясь, не только не пожалел, что не могу остаться с ними, а вздохнул с таким чувством освобождения и счастья, точно избавился от большой опасности. Неужели же я лгал самому себе, будто я восхищаюсь русскими? Предположить это было бы бессмысленно, ведь это был тот же русский народ. Мне вспоминались невысокие, незаметные, похожие на капитана Тушина офицеры и такие же солдаты с лицами, выразившими почти что галилейскую добрую, смирную простоту... Но вдруг я видел нечеловеческую ничтожность серого бритого лица майора Дубкова, его бездушный, глумливо блестящий взгляд, и на всех плакатах, на всех портретах вождей такой же взгляд, смотревший на все живое с бессмертным презрением административного всемогущества... И я вспоминал, как все доброе заменялось в чертах русских чем-то безличным и невероятно грубым, когда они исполняли приказания воли, светившейся в этом взгляде».

Над такими раздумьями и сомнениями останавливаешься невольно: книга лежит на коленях, мысль уносится далеко. Тысяча вопросов связана с ними, и вопросов таких, которые для всех нас и для всего нашего будущего важны.

Подводя впечатлениям от книги Варшавского итоги, я хотел бы назвать одно, огромное имя, которое вспоминается при чтении много раз — имя Льва Толстого. Не для сравнения, конечно: сравнение было бы нелепо. Однако что-то смутно-толстовское в натуре автора «Семи лет» несомненно есть: упорство, настойчивость, глубокая, непреклонная правдивость, бесстрашная искренность, отказ от всякой позы или фанфаронады. Он тоже чуть-чуть тяжелодум или даже однодум, тоже хочет все понять, проверить и до всего дойти сам, без чужой указки. Скажу еще раз, людей такого рода, как Гуськов-Варшавский, в наш — как известно, чрезвычайно «динамический» — век очень мало. Оттого, может быть, и книга его выделяется среди других новых русских книг. Есть книги более блестящие. Нет книги, в которой отчетливее сквозило бы желание отбросить и вытравить всякую мишуру.

Литература

- Адамович 1939 — *Адамович Г.* Комментарии // Современные записки. 1939. № 69. С. 265–271.
- Адамович 1950 — *Адамович Г.В.* «Семь лет» // Новое русское слово. 1950. 1 окт. № 14037. С. 8.
- Адамович 2000 — *Адамович Г.* Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / публ. и примеч. Вадима Крейда и Веры Крейд // Новый журнал. 2000. № 218. С. 121–151.
- Алексинский 1947 — *Алексинский В.И.* Несколько слов о русских добровольцах в рядах «Войск свободной Франции» // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. 1947. № 2. Февр. С. 23–27.
- Андреев 1953 — *Андреев Ник.* Заметки о журналах («Возрождение» 25, 26; «Грани» 16; «Новый журнал» XXXI, XXXII) // Русская мысль. 1953. 13 мая. № 553. С. 4–5; 16 мая. № 554. С. 4–5.
- Бахрах 1947 — *А. Б<ахрах>.* Новоселье № 35–36 // Русские новости. 1947. 1 авг. № 113. С. 4.
- Берберова 1950 — *Берберова Н.* «Семь лет» В. Варшавского // Русская мысль. 1950. 11 окт. № 283. С. 5.
- Варшавский 1932 — *Варшавский В.* О «герое» эмигрантской молодой литературы // Числа. 1932. № 6. С. 164–172.
- Варшавский 1936 — *Варшавский В.* О прозе «младших» эмигрантских писателей // Современные записки. 1936. № 61. С. 409–414.
- Варшавский 1947 — *Варшавский В.* Борис Вильде // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. 1947. № 2. С. 9–15.
- Варшавский 1950 — *Варшавский В.* Семь лет. Париж: Imprimerie Abécé, 1950.
- Варшавский 1965 — *Варшавский В.* Перечитывая «Новый Град» // Мосты. 1965. № 11. С. 267–285.
- Варшавский 1972 — *Варшавский В.* Ожидание. Paris: YMCA-Press, 1972.
- Варшавский 2010 — *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение / предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста прилож., послесл. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2010.
- Васильева 2012 — *Васильева М.А.* Семья Варшавских в Праге // Русская акция помощи в Чехословакии: История, значение, наследие / сост. Л. Бабка, И. Золотарев. Прага: Национальная библиотека ЧР — Славянская библиотека; ГО «Русская традиция», 2012. С. 301–308.
- Демидова 2007 — *Демидова О.* Американский опыт Нины Берберовой // Космополис. 2007. № 2 (18). С. 11–23.
- Нечаев 2008 — *Нечаев В.П.* К вопросу о гибели А.Л. Бема // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья / сост. и науч. ред. М.А. Васильева. М.: Русский путь, 2008. С. 333–338. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Мат-лы и исслед.; вып. 9).
- Обатнина 2001 — *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.
- Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым 2011 — «...Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения...»: Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957) / предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2011. С. 290–478
- Протасов 2008 — *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008.

Ремизов 1954 — *Ремизов А.* Огонь вещей: Сны и предсонье. Париж: Оплешник, 1954.

Серационова 1995 — *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.

Федотов 1936 — *Федотов Г.П.* Пассионария // Новая Россия. 1936. № 14. С. 14–15.

Хазан 2000 — *Хазан В.* Два фрагмента из истории русских масонов-эмигрантов в Париже // Евреи России — иммигранты Франции: очерки о русской эмиграции / подред. В. Москвича, В. Хазана и С. Брейар. М.; Париж; Иерусалим: Гешарим — Мосты культуры, 2000. С. 307–376.

Хазан 2010 — *Хазан В.* «Семь лет»: история издания. Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом // Новый журнал. 2010. № 258. С. 177–224.

Хазан 2011 — *Хазан В.* Без своего места в мире. («Отцы» и «дети» в прозе В. Варшавского) // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009): Сб. докладов / сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 179–206.

Яновский 1995 — *Яновский В.* «Третий час» Елены Извольской // Время и мы. 1995. № 127. С. 235–241.

Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace 1996 — Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydanévČeskoslovensku 1918–1945. Praha: NárodníknihovnaČeskérepubliky, 1996. DíI. Svazek 1. S. 114–116.

Н.В. Ликвинцева

МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА)
О «ПРОЗРЕНИИ В ВОЙНЕ»

Во время Второй мировой войны мать Мария (Скобцова) пишет статью с характерным названием: «Прозрение в войне»¹. Такое «прозрение» предполагает рождение нового зрения, обусловленного встречей с реальностью, принципиально меняющей ход истории и положение человека в мире. Эта новая, болезненно рождающаяся реальность стала затем предметом рефлексии послевоенной европейской мысли. Опыт Второй мировой войны, разгоревшейся через столь краткий промежуток после Первой и унесшей миллионы жизней, жуткий опыт концентрационных лагерей и газовых камер, планомерного и механистического уничтожения человека человеком не могли не заставить задуматься не только о политическом и историческом будущем Европы, но и о самих основах антропологии² и этики³, об основаниях политического и социального бытия человека⁴ и экклезиологии⁵. Такое новое, в войне окончательно оформившееся зрение определяет собой позднюю богословскую мысль матери Марии, ее тематические и проблемные доминанты. Это не чисто теоретическая рефлексия, но мысль, тесно сплетенная с самой жизнью: кроме богословских и религиозно-философских статей и художественных произведений (поэма «Духов день», мистерии «Семь чаш» и «Солдаты»), созданных во время войны, не менее принципиальную значимость для исследователя представляют биографические факты непосредственного участия в войне как историческом событии — принадлежность матери Марии к Сопротивлению, ее вклад в дело спасения евреев, арест, пребывание в концентрационном лагере Равенсбрюк, гибель в газовой камере накануне окончания войны.

¹ Статья не датирована; написана, судя по контексту, в конце 1941-го или в 1942 г. Опубликовано впервые в книге: *Мать Мария. Стихотворения. Поэмы. Мистерии. Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк*. Paris: La Presse Française et Étrangère, 1947.

² Первая книга Примо Леви, свидетеля, выжившего в Освенциме, появилась уже в 1947 г. с характерным названием «Человек ли это?». Философским анализом свидетельства Примо Леви стала книга Джорджо Агамбена «Номо sacer: Что остается после Освенцима: архив и свидетель» (М., 2012).

³ См., например, книгу Ханны Арендт «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» (М., 2008).

⁴ См., например: *Арендт Х. Истоки тоталитаризма*. М., 1996; *Адорно Т.В. Негативная диалектика*. М., 2003.

⁵ См., например: *Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность*. М., 1994 (следует отметить, в частности, его принципиальную для послевоенной экклезиологии идею «церкви для других»); [Шмайна-Великанова 2000].

Попыткой анализа такого «прозрения в войне» и его богословских компонентов и является данная статья.

Сразу следует оговорить этические коннотации термина «война» в настоящем контексте: естественным образом она воспринимается в первую очередь как зло, как угроза для жизни множества людей, как неизбежность крайне разрушительных последствий. У матери Марии нет ни малейших иллюзий относительно возможности исторически благоприятного выхода из столь глубокого кризиса, поглотившего Европу и весь мир. Она пишет: «Мы знаем, каковы бывают итоги больших войн: по существу, они сравнивают потери победителей и побежденных, они обескровливают обе стороны. Статистика считает десятками и сотнями тысяч, если не миллионами, раненых и убитых, статистика говорит нам о невероятном материальном оскудении, о миллиардах разорвавшихся в воздухе, пущенных на дно океана, сожженных, истребленных, изничтоженных. Есть еще в известном смысле более страшное явление, не подлежащее учету никакой статистики, — это озверение народов, падение культурного уровня, гибель творческих возможностей, — разложение душ. Каждая война отбрасывает всё человечество назад: в этом процессе играет роль как истребление самых молодых и творчески активных слоев населения, так и психическая деформация тех, кто остается живым и физически целым. В известном смысле можно утверждать парадокс, что всякая война, как бы она ни кончилась, самым фактом специфического своего влияния создает возможность, даже неизбежность следующей войны» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 324]. И всё же: «...есть в войне нечто, являющееся как бы единственным шансом в современном положении человечества. Это не значит, что ее можно хотеть. Но раз уж она разразилась, ее надо использовать» [Там же, с. 325]. Сам этот парадокс в определении войны одновременно и как исторического тупика, и как единственного шанса для человечества послужит хорошей отправной точкой для нашего исследования.

ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИЕ СТОРОНЫ И ИХ ИДЕОЛОГИИ: СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Историко-политический анализ основных сил, участвующих во Второй мировой войне, их соотношения и прогнозируемого результата противостояния мать Мария дает уже в самом начале войны и даже до ее непосредственного начала в статьях «Расизм и религия» (1938), «Четыре портрета» (1939) и «Размышление о судьбах Европы и Азии» (1941). В «Четырех портретах» она рисует живописную образную картинку: трехголовый чудище-дракон и пленная «невинная» царевна. Царевна — европейская демократия, на глазах гибнущая Европа. Дракон — три тоталитарных режима, участвующих в войне: национал-социализм (Германия), фашизм (Италия) и противостоящий им, но столь же «кусающийся» «коммунизм» (СССР). Здесь сразу обращает на себя внимание поразительная для того времени трезвость взгляда матери Марии. В начале и в самый разгар российско-германского конфликта ее ни в коей мере нельзя упрекнуть и в тени коллабора-

ционизма: она ни минуты не желает победы Германии, беспепелляционно точно описывает и анализирует национал-социалистический режим и не питает иллюзий, что Германия может избавить Россию от коммунизма. Мать Мария абсолютно уверена в победе России и, рискуя собственной жизнью, делает все возможное, чтобы эту победу приблизить. Но она и не считает победу России в войне автоматическим условием падения в ней коммунистического режима или поводом для смягчения или завуалирования своего отношения к этому режиму: правящая в России советская власть — одна из трех голов все того же дракона. Наиболее полный на сегодняшний день философский анализ тоталитаризма как исторического феномена XX в. сделан был после войны Ханной Арендт в ее фундаментальном труде «Истоки тоталитаризма» (1951). Х. Арендт, как и мать Мария, ставит на одну доску советский и гитлеровский тоталитаризмы, правда, оговариваясь, что она анализирует главным образом гитлеровский вариант, так как о советском еще мало доступной информации. Внимание философа здесь также направлено прежде всего на становление идеологии режима, на те идеологические рычаги, посредством которых выплескивается агрессия: одним из таких выплесков как раз и стала Вторая мировая война.

Итак, взглянемся в дракона. Само появление трехголового чудовища связано с Первой мировой войной, он родился «в насилии и крови великой войны» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 297]. В России это привело к трансформации «идеи классово́й борьбы и классово́й ненависти» в «страшное обличье советской власти» — именно она и будет первой головой нашего дракона. Сразу обратим внимание на то, что все головы связаны не столько с конкретными странами или народами (а к принципиальному отличию народа от государства мы вернемся подробнее позже), сколько с бытующими в этих странах, поработившими себе их народы идеологическими конструктами: именно идеология и будет основной драконьей сущностью, движущим импульсом самой страшной войны в истории человечества. В России можно наблюдать следующие характерные черты идеологии советского тоталитаризма: «Отрицание человеческой личности, удушение свободы, культ силы, преклонение перед вождем, единое обязательное для всех мирозерцание, борьба со всякими отклонениями от генеральной линии партии или, что то же, вождя...» [Там же]. Такая идеология становится своеобразной «вульгарной религией», можно даже «составить точную догматику коммунизма, — да она и составляется в бесчисленных катехизисах. Она обнимает собою всё — отношение к экономике, к истории, к вопросам искусства, к принципам бытия» [Там же]. На иные верования объявлены самые ожесточенные гонения: всех «инаковерующих» расстреливают и сажают в лагерь. Собственно, этот религиозный характер коммунизма и позволяет ответить на вопрос, откуда он черпает свою силу: коммунизм жив именно своим религиозным пафосом, своей страшной целостностью, тем, что становится ответом на потребность человека иметь целостное мировоззрение. Правда, ответ этот дан путем жуткой подмены: коммунизм становится «страшным, черным чудом», «черной религией», антицерковью, которой противостоит сейчас в России гоная и подлинная церковь мучеников.

Но хотя сам тоталитарный и псевдорелигиозный характер советской идеологии и роднит ее с идеологией противостоящего ей национал-социализма, интересны здесь различия и нюансы, позволяющие сразу и с большой определенностью говорить о победе одной стороны и поражении другой. Дракона, как мы помним, породила Первая мировая война, но не без посредников: она стала той искрой, от которой разгорелись революции, а уж те, в свою очередь, вдохнули силу в рождающиеся в их огне идеологии. Так, победоносное шествие Германии, беспрепятственно завоевывающей в этой войне европейские страны одну за другой, «является естественным процессом агрессии, неизбежным для Германии после национал-социалистической революции, Гитлер в такой же мере победитель, в какой мере он революционер» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 482]. Но легендарная удачливость Гитлера на этот раз ему изменила, ведь немецкая революция моложе русской и значительно уступает ей по масштабу: русская революция «оказалась и глубже, и шире, и могущественнее германской; русский революционный плуг пахал до самой глубины, взрыл все слои русской почвы. Гитлер пришел к власти, когда его будущий смертельный враг и соперник, когда будущий неизбежный и неотвратимый победитель его — русский революционный дух — уже владел Россией. В этом рок Гитлера» [Там же, с. 482–483].

Различие не в пользу Гитлера ощутимо и при детальном сравнении самих идеологических систем национал-социализма и коммунизма, вернее, тех фундаментальных, движущих идей, на которых они основаны, не тоталитарная практика действующих античеловеческих режимов, но их программы. Лежащая в основе гитлеризма идея о превосходстве одной расы над всеми остальными неодолимым образом толкает Германию к войне против всех, неизбежно обреченной на провал. Тогда как сердцевину советской идеологии составила «интернациональная доктрина, делающая из Москвы родину всемирного пролетариата» [Там же, с. 512]. И хотя на деле тоталитарная практика советского государства противоречит лежащему в его основании мифу о всемирном освобождении трудящихся и всеобщем пролетарском братстве, сам этот миф, впитывающий сейчас, во время войны, в себя свободолюбивые чаяния всего человечества, уже несет семена будущего: «Москва-миф всей своей силой, всей массой сконцентрированных в ней волей, всей жаждой свободы, которая существует в мире, давит на Москву деспотическую» [Там же]. И это тоже залог победы над гитлеризмом.

В 1940 г. после оккупации немцами Парижа матери Марии приснился сон с аллегорическими изображениями противостоящих сил в виде животных. Об этом свидетельствует Константин Мочульский: «Мать рассказывает свой сон: “На площади Конкорд бьется окровавленный и израненный галльский петух и движется процессия. Впереди идет тигр, за ним медведь, дальше другие — все без лица, одни копыта. И тащат колесницу. Я не могу разглядеть того, кто на колеснице. Я проснулась...” “При первой возможности поеду в Россию...”» [Мочульский 1946, с. 74]. Желание поехать в на родину, высказанное сразу после пересказа сна, не случайно: ведь медведь здесь, конечно, Россия. Все образы зверей не только очень выразительны, но и легко узнаваемы: поверженный петух — завоеванная Франция, тигр — Германия. Повозка, то есть груз, который звери тянут, — идео-

логия. Образы эти вновь возникают в поэме матери Марии «Духов день» (1942), там к ним прибавляется шакал, олицетворяющий собой фашистскую Италию. Но интереснее и загадочнее всего в поэме как раз образ медведя. В нем сила будущего победителя: «Пусть нужен срок ему расшевелиться, / Но, раз поднявшись, он неутомим, — / Врага задушит в лапах». Однако интересен он не столько своей будущей победой, сколько собственным парадоксом, противоположностью жизни и смерти, которые одновременно несет в себе. С одной стороны, медведь тянет за собой смертоносную колесницу, которая «Тяжелым колесом живое давит. / Не тяжелей ступал железный Рим». С другой — именно он несет жизнь, то есть семя будущего: «Кого везет? Кто колесницей правит? / Где родина его? Урал? Алтай? / Какой завет он на века оставит?» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 274]. Сама возможность этого будущего, возможность преображения сражающегося в войне советского государства в живую Россию во многом зависит от тех уроков, которые нужно извлечь из войны, от «прозрения в войне».

Обратим теперь внимание на вторую (если брать в хронологическом порядке их возникновения) голову дракона, на «этактический тоталитаризм фашизма» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 300], восторжествовавший в Италии. О нем не стоит говорить подробно, поскольку это «самый слабый из всех тоталитаризмов». Слабость его связана прежде всего с отсутствием новаторства и вторичностью идей, лежащих тут в основе идеологии: это попытка реставрации прежней мощи Римской империи. Но последняя, как известно, уже однажды была побеждена христианством. Тем более обречено на провал ее бледное подобие, реставрация того, что уже было уничтожено. В идеологии мы видим здесь всё те же хорошо узнаваемые тоталитарные черты: «...ту же борьбу против человеческой личности, тот же культ коллектива, ненависть к свободе, обязательность известного стандартного мировоззрения, восприятие основных принципов фашизма чисто догматически» [Там же], культ вождя, начало насилия. Вторична не только сама идеология итальянского фашизма с ее реставрационными мотивами, вторична, на фоне Германии, и та политическая роль, какую Италия играет в войне, — это шакал (если вернуться к обрисованным в поэме образам животных), плод муссолиниевского шутовства и маскарада, не способный вести самостоятельные военные действия и лишь несущий полицейскую службу на оккупированных Германией территориях, в нем нет уже ни тени величия, ни капли жизни: «Шакал питается трупами, но не рискует нападать сам на живых, шакал-трупоед отравлен ядами этих трупов» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 477].

Перейдем, наконец, к самой опасной и агрессивной драконьей голове — к германскому национал-социализму, к «религии расы». Основная идея этой новой «религии», как мы уже заметили, беднее коммунизма и уступает ему в универсальности: противопоставление собственной расы всем остальным заранее обречено на провал, поскольку не оставляет носителям идеологии другого выбора — либо порабощение или полное уничтожение всех прочих рас и народов, либо поражение, которое рано или поздно наступит в бесперспективной войне против всех, так что сама эта идея становится идеологическим динамитом, принципом государственного самоубийства. Но у расизма есть и свои идеологические преимуще-

ства, позволяющие ему говорить даже более убедительно и ощутимо, чем советский коммунизм, еще сильнее влиять на массы. Расизм, в отличие от коммунизма, «апеллирует не только к внешним интересам человека, он апеллирует к самой его природе, к его крови, к глубинным, подспудным инстинктам человеческой души, к каким-то полузабытым зовам природы, он органичнее... материалистичнее коммунизма... это мистика биологии <...>. Можно сказать, что как материал для образования языческой религии он гораздо богаче коммунизма. А кроме того, он, в противовес коммунизму, открыто признает этот свой религиозный языческий характер, — и этим самым, как религия, он гораздо более осуществлен, чем коммунизм...» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 302–303]. Реализует себя данная идеология точно так же, как и ее «братья по религии тоталитарности», уже знакомыми нам средствами насилия, отказа от личности, упразднением свободы и тоталитарностью мирозерцания, борьбой с иными расами, иными религиями.

Моральная ответственность Германии как зачинательницы этой войны, как нападающей стороны, государства-агрессора не вызывает никаких сомнений. Если Европа предстает перед нами в образе умирающего, отравленного человека, объекта болезни, то, заводя разговор о Германии, мы «переходим к отравителю, к субъекту, к стране, поднявшей руку для самоубийственного европейского акта, к великому отравителю всех европейских источников и колодцев, к источнику гноя, рассылающему свои смертельные соки по всему европейскому организму» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 479]. Но сам этот импульс к отравлению всех и вся, включая собственную страну, уже заложен в расистской идеологии национал-социализма, сама идея избранности уже будет шагом к самоубийству. Возникает псевдонаучная и квазирелигиозная шкала избранничества: среди всех рас выделяется венец и элита, избранная, арийская раса; в этой расе выделяется следующая ступень избранности, уровень еще большей чистоты расы — северные германцы; следующей ступенью отбора оказывается партия национал-социализма, «правлящая партия, мускулы и мозг народа» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 287]; и наконец, вершина пирамиды — венчающий собою всё вождь, Адольф Гитлер, «ипостасное воплощение германской избранности» [Там же]. Здесь и происходит самое страшное: живой германский народ делегирует своему вождю право на творчество, словно переливая в него свою живую душу; в таком отказе от творчества, от этической ответственности за собственные поступки, делегировав собственную человеческую сущность обоготворенному господину, он тем самым перестает быть живым народом, становясь «бесконечными рядами живых мертвецов, мертвым народом» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 487]. И сам фюрер, своим согласием на самообожение, на такое принятие живой народной души, действительно вбирает в себя все отданные ему грехи народа, при том что творческий потенциал больше своих человеческих сил принять на себя не способен: «Таким образом создается эта страшная личность вождя. Некоторые, может быть даже значительные, но личные творческие способности, некоторый комплекс среднеположительных человеческих свойств — и вся мера преступления, лжи, жестокости, тупости, самоуверенности и греха собственного народа. Может ли кто-нибудь выдержать такую страшную нагрузку?» [Там же, с. 488]. Вот

и приходится наблюдать в лице фюрера еще одно страшное последствие войны: обезчеловеченного человека, звериный вой, разносящийся по радиоприемникам.

Но подробнее к антропологическим последствиям войны мы еще вернемся, а сейчас обратим внимание на стоящую перед трехголовым драконом царевну — европейскую демократию. Она тоже не так невинна, как кажется на первый взгляд: «Плоха наша царица, мало чего стоит, сама виновата, что блуждала без пути, пока не попала в лапы дракона, не могла не попасть» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 304]. Царица слаба отсутствием целостного мирозерцания — того, что придает силу дракону, слаба своим принципиальным отказом от него. Налицо лишь поверхностные декларации, идущие вразрез с живой жизнью, раздробленность общества, у которого нет никаких объединяющих идей. Солдаты призваны защищать свою страну — Францию, например, — но вдруг оказывается, что им просто не за что идти умирать, слишком жалки те ценности, которые им предлагается защищать: «В самом деле, какой смысл умирать за аперитив, если после смерти нельзя его выпить, и даже за свой клочок земли, если она после моей смерти перестанет быть моей? Итак, смысла умирать не нашлось, потому что не было смысла жить, настоящего Смысла с большой буквы» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 474–475]. Демократия стала синонимом обычного мещанства, бездарности и скуки, в ней нет жизни, огня: «Если тоталитаризмы страшны, то демократия просто скучна. На реальной исторической арене сейчас демоны борются с мещанством» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 304]. Есть еще один пугающий момент, связанный с неприглядным образом царицы и ставший одной из характерных особенностей именно этой войны, — тотальная склонность к предательству. Стоит только вспомнить самое начало, даже преддверие войны, Мюнхенское соглашение 1938 г., от него прямая дорожка к коллаборационизму в воюющей Франции. Мать Мария пишет: «Вот на этой склонности к предательству стоит особенно остановиться, потому что оно делает эту войну совершенно небывалой, совершенно противоположной всем бывшим войнам. И в этом смысле делает ее последней, то есть смертельной для европейского человечества войной» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 474]. Картина, рисуемая автором, меняется: перед нами уже не пленная царица, но труп, лежащий в гробу посреди комнаты. В статье «Размышления о судьбах Европы и Азии» речь идет об окончательной смерти Европы, о точке невозврата к довоенному прошлому. Растерявшая себя в предательствах, трусости и лжи демократическая Европа не может противостоять натиску новых религий тоталитаризма, горящих смертоносным, но реальным огнем. Потенция жизнеспособности есть только у Англии, единственной из европейских стран, которая не сдается под гитлеровским натиском: если она сможет отказаться от тормозящих ее развитие колоний, то в союзе Великобритании с США может возникнуть «специфический англосаксонский мир, атлантический по своему географическому центру, некая новая Атлантида» [Там же, с. 479]. В любом случае послевоенный мир уже не будет европоцентричным: история на глазах уходит в «азиатские дебри и из русских степей или пустынь Центрального Китая смотрит на европейский полуостров, решая его судьбу» [Там же, 471]. Рисуемая картина — и это самое интересное — не приговор, а предупреждение:

для каждой из воюющих сторон, включая и вероятную победительницу Россию, сама возможность будущего зависит от точки настоящего, от того, произойдет ли здесь и сейчас «прозрение в войне», сможет ли человечество измениться настолько, чтобы научиться видеть, получить новое зрение.

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ ЗРЕНИЕ

Одно из принципиальных противопоставлений, часто встречающихся в текстах матери Марии, ставшее у нее своеобразной бинарной оппозицией: противоположность размеренного, погрязшего в мелочности эгоистических интересов, «мещанского» существования, — и потрясенности глубиной подлинного бытия, какая бывает, например, при встрече человека со смертью или со смертельной опасностью — сгорание всего второстепенного и обнажение самой сути вещей, самих оснований жизни. Тема потрясенности не удивительна для русского эмигранта, пережившего целый ряд исторических катаклизмов: Первую мировую войну, русскую революцию, Гражданскую войну, вынужденную эмиграцию, установление тоталитарной власти на любимой, далекой и недоступной теперь родине, нищенское эмигрантское существование и вот теперь Вторую мировую войну. Неудивительно, что многие эмигрантские мыслители пытаются усмотреть за этой чередой катастроф, взорвавших привычный миропорядок, какой-то смысл, направленность исторического вектора, ведь тяжелее всего человеку вынести бессмыслицу и абсурдность происходящего. История воспринимается как такой вектор, если она эсхатологична, т. е. устремлена к собственному концу: истории придает смысл то, что находится уже за пределами самой истории. Отец Сергей Булгаков использует для этого термин «метаистория» [Булгаков 1945, т. 3, с. 184]⁶, а Н.А. Бердяев — «сверх-история» [Бердяев 1969, с. 237]. В таком контексте религиозно-философской мысли историософия матери Марии примечательна резким, подчас парадоксальным сближением исторических и метаисторических событий, стянутых здесь в единый узел темой Апокалипсиса. Конечно, Апокалипсис выходит за пределы истории, он та точка-омега, к которой вся история устремлена, ради которой разворачивается, только в нем возможно разрешение трагедии истории, — здесь мать Мария мыслит в той же парадигме, что и о. Сергей Булгаков и Н.А. Бердяев. Но ее интересует прежде всего точка настоящего. В катастрофе войны, несущей с собой массовые смерти, масштабное уничтожение человеком человека, она усматривает черты и знаки Апокалипсиса, своеобразный Апокалипсис нашего времени⁷. Тогда умение видеть в такой перспективе, умение

⁶ Детальное сравнение апокалиптики матери Марии и о. Сергея Булгакова в контексте представлений обоих мыслителей о Второй мировой войне см.: [Емельянова 2001].

⁷ Примечательно, что такие апокалиптические ноты начинают звучать уже в ее художественных текстах, посвященных Первой мировой войне, которая, таким образом, сразу понимается как начало большей трагедии, чем она представляется, и в то же время как часть грандиозного Божьего замысла о мире и человеке. См., например, ее поэтический сборник «Руфь» (1916), одна из частей которого так и называется «Война»: [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 80–83].

читать апокалиптические знаки поможет разглядеть смысл в современных исторических событиях, извлечь из них уроки, взять на себя ответственность за настоящее и будущее мира. Уже в 1938 г. мать Мария пишет статью с характерным названием «Под знаком гибели»: именно гибельность нашей эпохи и делает наше время по преимуществу христианским, помогает раскрыть в нем «тайну христианского Апокалипсиса» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 189]. Когда всё человечество дышит страданием, когда все человечество оказывается на Голгофе, уже нельзя, как прежде, «не видеть и не слышать», приходится «увидеть совершаемый Апокалипсис»: «Кончился сон, в котором все было обманно и противоестественно. Наступает трезвое утро. Кто знает, — быть может последнее утро в истории человечества, и кто сейчас не проснется, тому уж не будет времени просыпаться. <...> Иллюзии сторают. <...> Остается Бог, жизнь, смерть, любовь и простая, честная правда» [Там же, с. 191].

Итак, внимание автора сконцентрировано не на будущем, не на той точке, куда история устремлена, но на точке настоящего, совершающегося сегодня. Однако эсхатологическое зрение, помогающее увидеть знаки Апокалипсиса в том ужасе, который совершается здесь и сейчас, может изменить, определить собою этическую установку субъекта, а значит, его жизнь и судьбу, точка настоящего становится точкой выбора, точкой принятия решения. Выбор связан с уже упомянутой бинарной оппозицией: можно остаться в мелочности мещанской повседневности или прорваться к подлинному бытию, проснуться или замереть в неживой беспробудности, выбрать бескрылый уют или сделать шаг к вечности⁸. Сам момент выбора, вернее, связанного с таким выбором шага, этического поступка решимости, довольно болезнен, поскольку предполагает отрыв от привычного и повседневного, от полужизни будней, ради неизведанной большей жизни, угадываемой и читаемой в страшных апокалиптических знаках. К такому порогу выбора и подошло человечество во Второй мировой войне, именно от этого выбора и зависит основной ее исход и основной итог: использует ли человечество данный ему шанс, сделает ли этот столь необходимый рывок к подлинной жизни или нет. В статье «Прозрение в войне» мать Мария так характеризует эту развилку, на которой замер современный мир: «...в эту минуту Бог посещает свой мир. И мир может принять это посещение... — и тогда мгновенно соединится наша временная и падшая жизнь с глубиной вечности, тогда наш человеческий крест станет подобием Креста Богочеловеческого, тогда в самой нашей смертельной скорби увидим мы белые одежды ангела, который нам возвестит: Его, умершего, нет во гробе. Тогда человечество войдет в пасхальную радость воскресения. Или... Может быть даже не будет хуже, чем было, будет только так, как было. <...> Старая, пыльная, скорбная земля в пустом небе несется в вечную пустоту. Мертвенное человечество радуется малым удачам и огорчается малыми неудачами, отказывается

---

⁸ См., например: «Человеческая история также поставлена перед выбором: или торжество экономического и политического будничного устройства мещанского благополучия, трехмерного пространства и вытянутого в прямую ниточку времени, или же принятие вечности, крылатость, ощущение здесь того, что задумано там» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 315].

от своего избранничества, кропотливо и усердно натягивает на свою голову крышку гроба» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 326–327]. Выбор предстоит между жизнью (включающей в себя риск и опасность, боль и скорбь, но и чудо воскресения, оживания, пасхальную радость) и не-жизнью (мертвенностью призрачного существования, оторванного от корней бытия, от источников Жизни, т. е. чем-то более страшным, чем сама смерть).

Для того чтобы ярко и наглядно показать сам момент рождения апокалиптического зрения, узел, сплетающий в одно целое историю и метаисторию, мать Мария выбирает средневековый жанр мистерии, вновь обживаемый модернистской поэзией начала XX в. В 1942 г., незадолго до ареста, в оккупированном Париже, в момент активной работы в Сопротивлении, она пишет поэмы-мистерии «Семь чаш» и «Солдаты». Само заглавие «Семь чаш» сразу отсылает читателя к новозаветной книге Апокалипсиса, Откровению св. Иоанна Богослова, где семь Ангелов держат «семь золотых чаш, наполненных гневом Бога» (Откр. 15: 7). Место действия мистерии — «пустынный остров», на котором только два человека: тайнозритель Иоанн Богослов и его ученик Прохор, старающийся проникнуть в апокалиптические видения учителя, задающий вопросы по поводу увиденного и получающий разъяснения. Оба персонажа молятся о даровании им зрения («открой глаза нам», «открой нам зренье»), которое позволит увидеть «корни жизни» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 307]. Сами же «видения» резко возвращают читателя из времени жизни Иоанна Богослова к моменту настоящего, к 1942 г. Чашами гнева оказываются: безработица (как поругание труда, как картина «жизни без надежды», подобной тому, как если бы «Живым я был в тяжелый гроб положен» [Там же, с. 310]); толпа — тоталитарный «муравейник» невидимых людей, лишенных личности («И увидеть нельзя их, — нету ликом, / Многообразья нету в их толпе» [Там же, с. 312]). Следующие три чаши — война и ее последствия («Война и голод, подневольный труд / Сейчас меняют лик привычный мира» [Там же, с. 314]): действие этой картины Божьего гнева явлено на разрушенном полустанке, где собраны жены и матери убитых, раненых, голодных, оплакивающий всех и цитирующий Апокалипсис старик, пленные, отправляемые в концлагерь. Шестая чаша гнева — гонения на Израиль. Перед читателем проходит шествие евреев, идущих навстречу собственной гибели: они переговариваются, обсуждая вопрос о страшном будущем и тайну избранничества Израиля. Передние ряды «В нежданном ужасе теснятся. Что там?». Один из евреев, непохожий на других, признающий Мессией Распятого на Кресте, видит впереди, там, где с ужасом замирают остальные, «ангельские крылья» и «Страшного Суда преддверье» [Там же, с. 321]. Седьмую, последнюю чашу, чашу расплавленного пламени, льет сияющий ангел в утреннем, заревом небе. Последняя картина композиционно выделена из числа прочих тем, что Прохор и Иоанн в ней уже не просто тайнозрители, но непосредственные участники происходящего: сделав тот болевой шаг, о котором шла речь выше, необходимый рывок, они прорываются в само действие, в свершающуюся картину Апокалипсиса. Заканчивается мистерия монологом Прохора, обретшего зрение, уже превышающее человеческое видение, зрение изнутри света:

Не вижу я: от света слепнут очи.
Везде разит он — этот свет слепящий.
Мне кажется, что у меня по жилам
Не кровь струится, — это серебро,
Что добела расплавлено. Мне больно.
Мне радостно. Как перья крыльев белы
У ангела, и у тебя, отец.
И за моей спиной тоже крылья.
Отец, отец, в крылатый мир вступаем,
В мир царственной, священной белизны,
И в солнце мы горим и не сгораем,
Неопалимой Купине причастны,
Крещаемы Огнем Святого Духа
[Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 322].

Теме огненного крещения Святого Духа, т. е. того простора, на который человек и человечество может выйти, приняв свой Апокалипсис и сделав выбор, совершив рывок и прорыв, посвящено самое мистериальное из поэтических сочинений матери Марии — поэма «Духов день». К анализу возможных последствий такого меняющего мировоззрение рывка мы еще вернемся, а пока стоит обратить внимание на предпоследнюю, шестую чашу гнева. Гонения на евреев, ужас Холокоста стали одной из самых трагических страниц последней войны: до сих пор требует осмысления сама возможность тотального уничтожения целой нации, стремление истребить всех, включая маленьких детей, утилитарное использование мертвых тел и сжигание их в печах крематория, методичное, будничное убийство людей в лагерях смерти, в газовых камерах. Еврейской теме посвящена еще одна мистерия матери Марии — «Солдаты». Ее действие происходит в арестном помещении при комендатуре в оккупированном Париже. Гитлеровские солдаты играют в карты, лениво разговаривают, ждут очередную группу арестантов с ночной облавы. В углу сидит неподвижно и бормочет себе под нос старик-еврей, в котором по его репликам читатель постепенно узнает обреченного на вечное странничество Агасфера. Вводят толпу арестованных: бродяг, противников режима — коммунистов и попавших в облаву евреев. Вершится суд: бродяг уводят, коммунистов отправляют в заложники, евреям, несмотря на их мольбы, одна дорога — в концлагерь. В следующей сцене произносящий гордый монолог офицер вдруг замечает, что увели не всех: на скамье остались двое. Прежний старик и юноша, добровольно пошедший за арестованными (в его чертах много сходства с сыном матери Марии Юрием Скобцовым). Молодой человек — христианин, он описывает две статуи собора в Страсбурге. Одна из них, со сломанным посохом и повязкой на глазах, олицетворяет Ветхозаветную церковь Израиля. Вторая — «будущего господжа», Новозаветная церковь. Пришло время их встречи, время «Повязку снять с очей сестры любимой». Юноша молится: «Благослови, распятый Иисус. / Вот у креста Твои по плоти братья, Вот мор и глад, и серный дождь, и трус, / Голгофу осеняет вновь Распятье. // Благослови, Мессия, Свой народ / В лице измученного Агасфера, / Последний час, последний их Исход, / И очевидностью смени их веру» [Там же, с. 336]. Старик видит, как «Царь приближается в облаке Славы». Офицер велит вытолкать за ворота обоих — и старика, и юношу.

Те же образы двух статуй мать Мария приводит и в статье «Размышления о судьбах Европы и Азии», где наиболее подробно освещает свой взгляд на еврейскую тему. Здесь стоит отметить один момент, характерный для всего довоенного эмигрантского периода творчества матери Марии: резкое противопоставление в ее мысли Израиля и Рима как двух противоположных типов сознания. Для израильского сознания в центре стоит народ, живая народная личность. История Израиля являет собой характернейший пример такого типа сознания: этот народ существовал на разных территориях, при разных государствах, всегда продолжая оставаться единым народом, живой народной личностью. Именно этим Израиль и подготовил христианство — Бог как абсолютная Личность мог воплотиться только в такой личности. В противоположном типе сознания, квинтэссенцией которого является Рим, во главу угла ставится государство, которому все остальное приносится в жертву: это мертвая машина, противоположная всему живому. Самой большой трагедией христианства было именно сближение христианской церкви с государством, компромисс. Сейчас этот противоестественный союз распался, поскольку в тоталитарных государствах правит неприкрытое воинственное язычество. Поэтому не случайно именно сейчас возникли гонения на евреев: «Еще и еще раз мертвый государственный коллектив, обожествленная и превознесенная римская идея хочет утвердить себя, сея смерть всякой живой личности, как индивидуальной, так и народной. Израиль есть такая живая личность, более того — он только это и есть <...>. И в этом честь Израиля. В этом смысл тех жертв, которые он несет. Борьба с Израилем — той же природы, что и современная борьба с христианством» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 495]. В таком совместном мученичестве, в совместном несении этой чести отдания себя на жертву (вспомним, что юноша в мистерии «Солдаты» добровольно последовал за арестованными) и рождается новый и таинственный союз двух сестер, Ветхозаветной и Новозаветной церковей: «Он, может быть, есть самое значительное из всего, что сейчас происходит в мире» [Там же, с. 496]⁹. Сразу отметим еще один принципиальный момент. Говоря о чести и об избранничестве гонимого Израиля, мать Мария обращает эти слова не к евреям, а к христианам, именно их призывая разделить бремя такой чести и облегчить страдания тех, кто его несет. Это не призыв к евреям радоваться тому, что они гонимы. К страждущим и обездоленным мать Мария вообще никогда не обращается ни с какими призывами, она обращается к ним с предложением помощи: спасает арестованных на велодроме еврейских детей, вынося их оттуда в мусорных баках, вместе с отцом Димитрием Клепининым помогает распространять подложные свидетельства о крещении, пока это может помочь, прячет евреев на Лурмель и помогает устроиться дальше. К. Мочульский вспоминает ее слова: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. <...> Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звезды» [Мочульский 1946, с. 75]. Не просто слова: спасая гонимых евреев, мать Мария сполна разделила их участь — арест, концлагерь, вплоть до гибели в газовой камере и до печи крематория. Как и у многих из них, от нее не осталось могилы: в израиль-

⁹ О еврейской теме у матери Марии см. подробнее: [Аржаковская-Клепинина 1999; Беневиц 2003].

ском музее Яд Вашем на Аллее праведников есть дерево с именем матери Марии, посаженное в ее честь, — именно так в этом месте отмечены имена праведников, спасавших народ во времена жесточайших гонений.

Собственно, это и определяет основную особенность апокалиптического зрения: способность увидеть того, кому сейчас нужна помощь, того, кто рядом. Ведь «в самом эсхатологическом тексте Евангелия, в том месте, которое называют даже Малым Апокалипсисом, упоминает Христос именно о тех добродетелях и пороках, которые связаны с материальным служением ближнему»: накормить голодного, одеть того, кто наг. Когда все сгорело в огне Апокалипсиса, то не осталось уже даже «самой тонкой перегородки, отделяющей сердце от мира, от его боли» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 198]. Человек прозревший, совершивший тот рывок пробуждения, о котором шла речь, видит рядом с собой — ближнего, другого человека.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ПРОЗРЕНИЯ В ВОЙНЕ»

Собственно, другой человек, помощь ближнему, нуждающемуся, тому, кто рядом, всегда были в самой сердцевине деятельности и мысли матери Марии. Но в разгар войны антропология выходит на новый уровень: именно от нее зависит сейчас будущее мира и человечества, исход исторических сдвигов. Если нынешняя война является плодом прогремевших революций, с их неизбежным «процессом агрессии», наращивающим «волю к войне» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 482], тогда выход из войны связан вовсе не с аккумулярованием внешней силы и не с хрупким перевесом в том противостоянии сил, которое мы уже обрисовали. С внешней силой будет связана лишь внешняя победа, которая сразу неизбежно обернется поражением, т. е. новой аккумуляцией агрессии и волей к новой войне. Настоящая победа предполагает выход из войны к подлинной жизни, а это возможно только в ситуации рождения, утверждения личности. Понятие личности может показаться чем-то само собой разумеющимся, но это не так, — вспомним название книги Примо Леви «Человек ли это?»: в нацистском концлагере человек перестает быть человеком, личностью. Эту на глазах реализовывающуюся опасность обезчеловечивания человека остро подмечает мать Мария. Анализируя общий идеологический фундамент тоталитаризма, проявленный в германском нацизме, итальянском фашизме и советском «коммунизме», она обращает особое внимание на поглощение и упразднение личности мертвым коллективом: «Это идея тоталитаризма, тоталитарного государства, тоталитарной войны, тоталитарного права и т. д. Основа ее — полное порабощение личности интересам целого, это нам так хорошо знакомый по Достоевскому гигантский муравейник, это человек — тоже по Достоевскому, — штифтик или фортепианная клавиша» [Там же, с. 484–485]. Квинтэссенция такой тоталитарной обезличенности, упразднения личности — концентрационный лагерь, где арестованный человек становится просто номером, документом, членом какого-то

неблагонадежного коллектива (например, евреев), только за принадлежность к этому коллективу и арестованного и переставшего быть чем-то другим. В тоталитарной системе ценностей наличие потерявших личность «штифтиков» уравновешено «культом сильной личности, героя, вождя, сверхчеловека», этими «штифтиками» управляющего, что находится в «своеобразном антиномическом согласии с идеей коллективизма» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 295]¹⁰. Мать Мария пронизательно подмечает, что оба крайних полюса тоталитарной системы — и потерявший личность человек, и претендующий на силу сверхличности правитель — обнаруживают себя в едином этическом пространстве, связанном с отказом от ответственности: «Человек перестает осознавать сам свою личную ответственность. Он поступает соответственно воле коллектива, в который он входит» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 486]. Так возникает этический парадокс, подробно проанализированный после войны на примере Эйхмана Ханной Арендт в ее книге «Банальность зла», когда не злой и вроде бы не желающий никому зла человек посылает на смерть миллионы ни в чем не повинных людей. Мать Мария подмечает, что с людьми тоталитарной власти происходит тот же самый процесс обезличивания, что и у тех, кого они планомерно уничтожают: такой человек «спокойно одной рукой поможет, а другой расстреляет, у него будет при этом безоблачно чистая совесть, потому что его как бы и нет совсем. Странный мир господ, психология которых такова, что они, по существу, ни за что не отвечают. Ответственность переносится все выше и выше» [Там же], отчуждаясь в итоге в пользу одного верховного вождя, уже отказавшегося от всего человеческого в себе, от самой жизни.

Итак, обоим полюсам тоталитарной обезличенности, мертвой машине коллектива противостоит живой человек, живая личность. Как мы уже заметили, главной особенностью такой личности является способность взять на себя ответственность, т. е. сделать тот выбор и шаг, о котором уже шла речь выше, ведь процесс пробуждения, «прозрения» как раз и предполагает принятие на себя ответственности за свою жизнь и за свое место в мире и в истории. И вызван такой шаг к ответственности не давлением обстоятельств, это внутреннее свободное созревание поступка и выбора в человеке: личностью может стать только свободный человек, только «доброволец»¹¹. Собственно, сам этот шаг к ответственному бытию личности и оказывается одновременно освобождающим шагом, шагом к свободе. Но это не свобода вседозволенности: смердяковский девиз «всё позволено» характерен как раз для обезличенного существования тоталитарных властителей, претендующих на звание сверхчеловеков. Личностнообразующим момен-

¹⁰ См. также в «Размышлениях о судьбах Европы и Азии»: «...за последнее время стадное сознание дошло до какого-то всеобщего и повального восторга. С восторгом толпятся около пастуха, с восторгом принимают пищу из его рук и с восторгом подставляют шеи под его нож. Милые овечки, переставшие чувствовать себя человечками! Не в них теперь дело, а дело в пастухах. Овечки своим сознанием предопределили право на существование пастухов, они их как бы вывели из себя, согласились на них, даровали им быть. Теперь дело пастухов решать дальнейшую судьбу мира» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 498-499].

¹¹ Ср.: «...государство мобилизует принудительно, наша же вера ждет добровольцев» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 325].

том в антропологии матери Марии становится понятие добровольной жертвы: именно такой отрыв от себя, от собственного уюта и благополучия, свободное принесение себя в жертву и становится шагом к жизни.

Богословие жертвы, разворачиваемое матерью Марией, в каком-то смысле парадоксально. Кроме предписанного каждому христианину сыновнего пути подражания Христу в несении собственного креста, мы еще призваны к подражанию Богородице: «Человеческое сердце должно быть пройдено еще обоюдоострыми мечами, оружиями, рассекающими душу, чужих крестов. Крест ближнего должен быть для души мечом, должен пронзать ее. Она должна со-участвовать в судьбе ближнего, со-чувствовать, со-страдать» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 104]. Только так можно помочь ближнему родить в своей душе Христа, сквозь накипь греха добраться до образа Божия в человеке и помочь ему просиять в нем; только так Христос может родиться и в нашей собственной душе. Тема усиленной жертвы — не просто полной самоотдачи пути Креста, но и ранящего приятия чужих крестов, непрерывного распинания себя в каждой человеческой встрече, дана в предсмертной и итоговой поэме матери Марии «Духов день» (1942) в парадоксальном образе пронзания сердца Птицы — Святого Духа:

Никто не попытается извлечь
Из сердца Птицы смертоносной стали,
Он Сам пришел Себя на смерть обречь.
Так было предуказано вначале.
Начало мира, — это меч и крест,
Мир на двуликой выращен печали...
[Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 278].

Завершается поэма еще более страшным, апокалиптическим видением — распятия Птицы-Духа. Однако этот образ предельной жертвы, жертвы жертв, связан со свободой (распятая Птица — вестник свободы): свободное, вольное веяние Духа Истины, его утешительность (Утешитель), полнота радости такой свободы открываются только в подобной жертве.

Таким образом, судьба всего человечества, сама возможность подлинного выхода из войны зависит сейчас не просто от наличия добровольцев, но от «степени их жертвенности» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 325], от способности к предельному напряжению, горению, сгоранию, от огненного и крылатого христианства подлинной личности — христианства вдохновенной полноты радости и не менее вдохновенной полноты жертвы: здесь уже не «выбирают между скорбным ликом Христа и радостью жизни» [Там же, с. 150], ибо они соединены в пасхальной радости воскресения как преодоления смерти.

Особенно ярко такой момент рождения живой личности, связанный с готовностью человека на жертву, на несение Креста, и делающий тем самым человека полноценно живым даже среди мертвечины войны, в самой войне, дан в еще не опубликованном тексте матери Марии — в ее «Письмах к солдатам». Текст представляет собой машинопись, на бланке «Православного дела», без даты, за подписью «монахиня Мария», — он, по всей видимости, рассылался в начале войны

русским солдатам, идущим воевать за Францию. Начинается письмо с обращения — от нас, «людей старшего поколения, не призванных активно участвовать в войне», но всем сердцем болеющих за молодежь, идущую на фронт, — к этой молодежи; обращения из своего «опыта предыдущей войны, который многих из нас научил просто и серьезно относиться и к современным событиям». Автор перечисляет все бедствия, которые несет с собой война, отмечая, что главному из них обычно придают мало значения: «Я говорю о явлении, которое можно было бы назвать нравственной контузией, душевной контузией, причиняемой участием в войне». От такой контузии может уберечь доблесть без бравады, «смирненное сознание своего греха и ответственности за чужие такие же молодые жизни». Итак, мы оказываемся в уже обрисованном этическом пейзаже ответственности и самой жизни, в который попадают через жертву. Мать Мария обращается к юным солдатам: «...но хочется пожелать вам сохраниться не только от пуль, не только в вашей физической жизни, а и в жизни духа избежать той нравственной контузии, о которой я говорила. Борясь с врагом, старайтесь их любить, т. е. видеть в них несчастных, обманутых и заблудившихся людей. Гордитесь не своими подвигами, а степенью своей жертвенности. Берегите в себе внутреннего человека, подвергающегося гораздо более страшным испытаниям, чем человек внешний. Сохраните себя, сохраните чистоту вашей молодости, не отнеситесь к войне как к чему-то естественному, не примите ужаса и греха жизни за самую жизнь». Даже особое положение русских эмигрантов во французской армии, тяжелая необходимость воевать не за свою, а за чужую родину, может стать еще одним духовным преимуществом, оборачивающим зло и боль войны через жертву и страдание в духовную победу: «...вы уже самим положением вашим поставлены так, что должны быть совершенно бескорыстны, — сама жизнь вам помогает быть бескорыстными, не искать своего, чувствовать гораздо больше свои обязанности, чем права, чувствовать силу своего служения, готовиться к жертве. И это есть то, на основе чего вам гораздо легче сохранить себя от нравственной контузии, быть подлинными воинами духа, воинами Христовыми. Вам действительно выпал тяжелый крест, и сурово даже то, что помогает нести его, — но Тот, кто посылает Крест, даст нам силы достойно принять его» [Монахиня Мария <б. д.>].

Особенно хочется отметить в этом пламенном обращении матери Марии к идущим на войну и, возможно, на смерть юным солдатам призыв любить врагов, т. е. не уклоняться от ответственности даже за их жизни, «видеть... людей» даже в тех, в кого приходится стрелять. Чешский послевоенный философ Ян Паточка в эссе с характерным названием «Войны XX века и XX век как война» назвал такую хрупкую, через саму вражду перекинутую солидарность «солидарностью потрясенных». И только в ней видел возможность подлинного выхода из все нарастающей «воли к войне», такой, что даже послевоенная «борьба за мир» становится еще одним актом все той же непрекращающейся войны-борьбы. Выйти из войны можно, только перестав гнаться за призраком мира, жизни, дня, только шагнув в самую сердцевину войны и ночи и там, через жертву, обретя абсолютную свободу и способность разглядеть даже в своем враге, в том, кто по ту сторону линии фронта, «сооткрывателя абсолютной свободы» [Паточка 2008, с. 160–161]. Для

матери Марии такая, в огне войны и всех катастроф рождающаяся солидарность и составляет основу Церкви, «мистику человекообщения». Характерной чертой данной экклезиологии становится ее неразрывная связь с антропологией: костяк Церкви составляют именно личности. Подлинно церковные отношения, соединяющие таких творческих и свободных личностей, и будут подлинной соборностью. Именно Церковь как соборный организм является настоящим противовесом тоталитарному коллективу обезличенных людей, составляющему основную социальную единицу последней войны: живое в этой дихотомии противостоит мертвому, жизнь смерти¹². Экклезиологическая задача собирания подлинной Церкви и аккумуляции подлинной жизни как раз входила в замысел создания объединения «Православное дело», члены которого заявляли: «Мы не хотим быть благотворителями — мы строим общую жизнь» [Кузьмина-Караваева 1991, с. 363]. Церковь в такой экклезиологии — это «внехрамовая литургия», соединяющая в единый узел ключевые понятия богословия матери Марии: жертву и свободу. В центре — евхаристическая жертва, приобщенностью к которой каждая личность становится членом Тела Христова; но этот центр — ядро своеобразной воронки, из которой, наподобие фонтана, любовь изливается на всех и на вся, на весь мир, на каждого человека. Церковь понимается как свободно изливающаяся в мир любовь Христова, как дарение жизни, единой и общей для всех. Мать Мария пишет: «...мы верим, что евхаристическое тайнодействие приносит в жертву за грехи мира Агнца Божия, Тело Христово. И мы, приобщенные этому жертвенному Телу, сами станем отданными на жертву — “от всех и за вся”. В этом смысле внехрамовая литургия и есть наше жертвенное служение в храме мира, украшенного живыми иконами Божиими, служение общее, все человеческое жертвоприношение любви, великое действие нашего богочеловеческого единения, единое молитвенное дыхание нашего богочеловеческого духа. В этом литургическом человекообщении мы действительно становимся едино стадо и один Пастырь, единое тело, неотделимая глава которого — Христос» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 148]. Окружность такой воронки все время преодолевает саму себя в своем стремлении к бесконечности. Это не просто открытая церковь, но церковь предельной открытости, стремящаяся покрыть изливаемой любовью всех и вся. «“Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся”». «Они действительно “все”, — продолжает литургическую формулу мать Мария, — т. е. все возможные на нашем пути встречи, все нам Богом посланные люди. Стена храма не отделила какое-то малое стадо от этих всех» [Там же, с. 325]. Здесь стоит отметить, что важнейшей частью богословия жертвы

---

¹² В статье «Вторая евангельская заповедь» мать Мария пишет: «Мы призваны воплотить в жизнь соборные и богочеловеческие начала, лежащие в основе нашей православной церкви, мы призваны противопоставить тайну подлинного человекообщения всем иным лживым взаимоотношениям между людьми. Только тут единственный путь, на котором может жить Христова любовь, более того, — только тут единственный путь жизни, — вне его смерть. Вне его смерть в огне и пепле различных ненавистей, разъедающих современное человечество, ненависти классовой, национальной, расовой, смерть безбожной и бездарной, прохладной и нетворческой, эпигонской, по существу лаической демократии. Всем видам мистических тоталитарностей мы противопоставляем только одно — личность, образ Божий в человеке. И всем видам пассивно коллективистических настроений в демократии мы противопоставляем соборность» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 229–230].

матери Марии и ее экклезиологии (см. подробнее: [Ликвинцева 2012]) стала сама ее жизнь, до конца отданная «всем», вплоть до последней жертвы: ареста, концлагеря, смерти в газовой камере; вплоть до прославления в лике святых под именем преподобномученицы Марии Парижской.

Но, говоря об экклезиологии матери Марии как части ее богословия жертвы, стоит отметить еще один момент, принципиальный для уже послевоенной социально-философской мысли, направленной на поиск освобождения от «воли к войне». Это ее разделение социальных общностей на живые и мертвые. Апогеем мертвой общности является тоталитарный коллектив, упраздняющий личность. Но возникает он не на пустом месте, ему предшествует другая общность, привычная нам и кажущаяся на первый взгляд безобидной, — государство. Мертвой общности государства мать Мария противопоставляет живую общность — народ. Она выделяет «два полюса сознания, две разные концепции жизни, которые условно можно назвать Израилем и Римом» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 488–489]. Римское сознание центрировано на мертвой общности государства, которому приносятся жертвы; оно долгие века было господствующим и теперь в тоталитарных идеологиях вернулось к своим языческим основаниям, выявило свою суть; трагедией для Церкви был константиновский союз ее с государством, исказивший самую суть Церкви: сейчас гонимая Церковь возвращается к творческой и жертвенной свободе первохристианства. В израильском типе сознания в центре не государство, а народ как живая и творческая личность. Именно таким «народом Божиим», «Новым Израилем» и является Церковь. В финале поэмы «Духов день» мать Мария рисует предельно апокалиптическую картину распятия Птицы-Духа: ее участники — «воскресшие народы»; именно они должны явиться на Суд, именно они участники последнего, самого трагического акта истории, в которой она упраздняет саму себя и выходит за собственные пределы, к эсхатологии. Сам этот выход уже не описан в поэме, к нему лишь подводит апокалиптическая «архангельская труба»: на самом пределе напряжения рассказчик признается: «Не смею больше...» — и обнаруживает себя в привычной комнате, за окном которой узнаваем послегрозовоый пейзаж: «Примята пыль. Прошел недавно дождь» [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001, с. 280]¹³. Все военное творчество матери Марии, вся работа ее мысли по осмыслению войны и усвоению ее уроков как раз и направлены из эпицентра грозы и бури к этому угадываемому, возможному и желанному послегрозовому пейзажу. Знаки надежды она видит в самом движении от смерти к жизни: пробуждение под гнетом мертвого советского государства живого русского народа, угадываемое ею по партизанскому движению, по тому, как вступила Россия в войну и как ведет ее (см.: [Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004, с. 516–518]). Знаком надежды становятся христиане, спасающие евреев и готовые ради них идти на смерть. Знаком надежды будет человек, отдающий в лагере другому пайку хлеба. Тогда война окажется не только смертью и гибелью, но и муками рождения: «Мир вступил в полосу катастроф, которые кажутся нам апокалиптическими. Мы не знаем еще, каков их смысл. Означают

¹³ Подробный и глубокий анализ поэмы в связи с эсхатологическими аспектами экклезиологии матери Марии см.: [Шмаина-Великанова 2005]. Анализ поэмы см. также: [Беневиц 2003].

ли они суд Божий над старым миром, разрушение его тысячелетней культуры, или в муках и крови нашего поколения рождается новое общество, новая жизнь? Может быть, и то и другое: и смерть, и рождение» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 148]. Жизнь и мысль матери Марии не просто фиксируют и анализируют моменты и признаки такого рождения, но и участвуют в нем.

Литература

- Аржаковская-Клепинина 1999 — *Аржаковская-Клепинина Е.* Звезда Давида: Мать Мария и судьба еврейского народа // Христианос: Альманах. Рига, 1999. Вып. 8. С. 102-112.
- Беневич 2003 — *Беневич Г.* Мать Мария (1891-1945): Духовная биография и творчество. СПб., 2003. С. 186-200, 276-290.
- Бердяев 1969 — *Бердяев Н.* Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-Press, 1969.
- Булгаков 1945 — *Булгаков С., прот.* О Богочеловечестве: <в 3 т.>. Париж: YMCA-Press, 1945. Т. 3: Невеста Агнца.
- Емельянова 2001 — *Емельянова Т.В.* «Руководитель, друг, отец...»: Мать Мария Скобцова и прот. Сергей Булгаков // Вестник РХД, 2001. № 182 (I). С. 45-63.
- Кузьмина-Караваева 1991 — *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Избранное. М., 1991.
- Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2001 — *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* (Мать Мария). Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. СПб., 2001.
- Кузьмина-Караваева (Мать Мария) 2004 — *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* (Мать Мария). Жатва Духа: Религиозно-философские сочинения. СПб., 2004.
- Ликвинцева 2012 — *Ликвинцева Н.В.* Церковь жертв: свидетельство матери Марии // Вестник РХД, 2012. № 200. С. 111-119.
- Мать Мария (Скобцова) 1992 — *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания. Статьи. Очерки: в 2 т. Paris: YMCA-Press, 1992. Т. 1.
- Монахиня Мария <б. д.> — *Монахиня Мария.* Письма к солдатам. Письмо первое // Архив о. Сергия Гаккеля (Льюис, Великобритания). Авторизованная машинопись. 2 с.
- Мочульский 1946 — *Мочульский К.* Монахиня Мария (Скобцова): Воспоминания // Третий час (Нью-Йорк). 1946. Вып. 1.
- Паточка 2008 — *Паточка Я.* Еретические эссе о философии истории / пер. с чеш. П. Прилуцкого. Минск, 2008.
- Шмаина-Великанова 2000 — *Шмаина-Великанова А.И.* О новых мучениках // Наше положение: Образ настоящего. М., 2000. С. 218-225.
- Шмаина-Великанова 2005 — *Шмаина-Великанова А.И.* Белая птица. Эсхатологические предпосылки экклезиологического учения прмц. Марии (Скобцовой) // Кифа. 2005. Ноябрь. № 11 (37). С. 10-11.

К.К. Семенов

БЕЛЫЙ КРЕСТ О.А. ГЕШВЕНДА.
РУССКО-НЕМЕЦКИЕ КОЛЛИЗИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ
О ФОРМИРОВАНИИ АНТИСОВЕТСКИХ ЧАСТЕЙ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

С конца XX в. наметился заметный прорыв в отечественной историографии участия граждан СССР и представителей российского зарубежья в вооруженных антисоветских формированиях в годы Великой Отечественной войны. Объектами исследований становятся самые разные подразделения [Александров 2004; Жуков, Ковтун 2010], растет количество обобщающих работ по теме коллаборационизма [Дробязко 2005; Дробязко и др. 2009]. Вместе с тем некоторые антисоветские формирования, при создании которых значительную роль сыграли эмигранты, еще не получили должного освящения. Одним из таких формирований была группа «Белый крест» в составе 9-й немецкой армии. Отрывочные данные о группе приводятся в целом ряде современных работ, но они не позволяют с точностью реконструировать процесс создания этой части [Окольков 2003, с. 181; Александров 2005, с. 106, 133, 373; Голдин 2005, с. 209; Чуев 2006, с. 25, 48–49].

Предлагаемые вниманию читателей очерки Олега Александровича Гешвенда повествуют о создании антисоветских отрядов в немецкой группе армий «Центр» летом — осенью 1941 г. В качестве примера приводится история группы «Белый крест». Наряду с рассказом об участии в войне российской эмиграции автор подробно вспоминает об отношении немецких генералов к формированию добровольческих отрядов.

Воспоминания О.А. Гешвенда были написаны в конце 1970-х гг. Ряд характерных особенностей текста и его содержание позволяют предположить, что автор опубликовал часть своих очерков под псевдонимом Олег Светлов в журнале «Борьба» [Светлов]. Автор передал свои очерки А.И. Солженицыну в октябре 1979 г. для публикации в рамках Всероссийской Мемуарной Библиотеки (ВМБ). Вместе с ВМБ коллекция О.А. Гешвенда была передана в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье» и ныне хранится в Архивном фонде Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Ф. 1. Д. Ф-2. М-81).

Автор воспоминаний родился 9 ноября 1920 г. в Польше, когда сопротивление большевикам на Юге России уже было сломлено. Его отец, Александр Александрович Гешвенд, являлся участником белой борьбы и Бредовского похода, полковником лейб-гвардии Конного полка. Семья Гешвендов проживала в Польше, там автор воспоминаний получил образование. В 1939 г. Гешвенды переехали в Германию, а Олег начал учиться в университете. Летом 1941 г. Олег Гешвенд всту-

пил в немецкую армию в качестве зондерфюрера¹-переводчика, служил в группе «Белый крест», затем в частях Русской освободительной армии (РОА)². Избежал репатриации. В 1953 г. работал тренером по баскетболу в литовской гимназии «Васарио» в г. Дипхольц. В 1960-е гг. переехал в США с отцом и женой. Проживал в Чикаго, работал в туристическом бизнесе. Скончался 27 февраля 1991 г. Состоял в браке с Людмилой Гешвенд (3 октября 1922 — 5 января 2009).

В своих воспоминаниях основной акцент О.А. Гешвенд делает на противоречиях, возникших между русскими и немцами при формировании группы «Белый крест», поэтому кратко остановимся на событиях, связанных с этими моментами.

Весной 1941 г. на территории Германии была проведена неофициальная вербовка белоэмигрантов с хорошим знанием немецкого языка для службы на должностях переводчиков в немецкой армии. Вербовка осуществлялась как армейскими органами, так и Управлением по делам российской эмиграции в Германии (УДРЭ располагалось по адресу: Берлин, Бляйбтройштрассе, 27). Часть белоэмигрантов прибыла в немецкую армию еще накануне вторжения в СССР, другие — в последующие дни. О.А. Гешвенд и некоторые его товарищи оказались на фронте при помощи УДРЭ. Ряд белоэмигрантов к началу Второй мировой войны уже принял гражданство Германии и призывался на воинскую службу в соответствии с законами Третьего рейха. Призванные и завербованные эмигранты распределялись по различным немецким штабам на должности переводчиков.

К осени 1941 г. в рядах 9-й полевой немецкой армии оказалось 110 эмигрантов — выходцев из России. Достаточно большая концентрация эмигрантов в штабах разного уровня рано или поздно должна была привести к созданию полностью русского воинского формирования. Использование местного населения требовала и все ухудшавшаяся для немцев обстановка на фронте и в тылу. Однако непосредственная работа в этом направлении началась лишь в конце июля 1941 г. после издания распоряжения о формировании вспомогательных охранных частей из военнопленных в тыловых областях [Дробязко 2005, с. 41].

14 июля 1941 г. частями 9-й немецкой армии был захвачен город Велиж³, которому было суждено стать колыбелью одной из первых русских антисоветских частей. Месяц спустя в городе началось формирование интересующих нас частей. Один из переводчиков 9-й армии зондерфюрер А.П. Заустинский⁴ получил разре-

¹ Зондерфюрер — специалист с высшим образованием, используемый в немецкой армии, но не занимающий строевой должности.

² РОА — Русская освободительная армия, собирательное название для ряда антисоветских формирований (т. н. Восточных батальонов), образованных преимущественно из жителей РСФСР в рядах немецкой армии в 1942–1944 гг. Осенью 1944 г. большинство Восточных батальонов, сформированных из жителей РСФСР, были переданы на формирование Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (КОНР) генерал-лейтенанта А.А. Власова.

³ Город в Смоленской области в 124 км от Смоленска.

⁴ Заустинский (Заусцинский) Александр Петрович (1893–1971). Из дворян, произведен в офицеры из вольноопределяющихся. Офицер 1-го Лейб-Московского драгунского полка. Участник Гражданской войны, ротмистр. В эмиграции во Франции, владелец продуктового магазина (по другой версии работал на заводе в Германии). После вторжения Германии в СССР отправился на Восточный фронт. Организатор добровольческого подразделения «Белый крест». В 1945 г. избежал репатриации в СССР. Проживал во Франции. Активный член Народно-монархического движения, в 1950-е гг. председатель парижского отдела НМД.

шение на создание русской охранной антипартизанской роты, на формирование которой было передано пятьдесят советских военнопленных и ряд белоэмигрантов, служивших в 9-й армии. Новая рота должна была стать частью формирующегося с 24 августа 1941 г. моторизованного антипартизанского подразделения при штабе командования 9-й армией [Tessin 1966–2002, Bd. 14, S. 238]. Основой последнего стала усиленная 9-я рота 18-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии под командованием обер-лейтенанта резерва Георга Титьена⁵. Один из сослуживцев Титьена позже писал о его подразделении: «Они были совершенно автономным подразделением и, выполняя свое исключительно опасное задание, могли полагаться только на свою собственную инициативу. Постепенно к Титжену⁶ примыкало всё больше и больше русских добровольцев, рота усиливалась и обновлялась и вскоре приобрела довольно широкую известность как “группа Титжена”. Русские добровольцы были отважными бойцами, и в тех условиях ведения войны, которые складывались тогда, — чаще всего им приходилось действовать в огромных дремучих лесах — группа Титжена жила подобно шайке настоящих лесных разбойников» (цит. по: [Хаапе 2009, с. 290–291]). Не менее восторженные отзывы о подразделении и его русском командире оставил журналист-эмигрант Н.Н. Брешко-Брешковский: «Передо мною не человек, нет <...>. Какая-то очеловеченная стальная пружина в серой офицерской форме. И глаза у нее стальные, бездонные, гипнотизирующие. Оторваться нельзя! <...> Ими гипнотизировал он вчерашних красноармейцев, сегодня готовых идти с ним и за него и в огонь и в воду, и к черту на рога <...>. Какая выносливость, какая сопротивляемость мощного организма, какие дерзания воли! <...> После почти смертельного ранения в грудь, с пронзенным пулею легким, весь забрызганный собственной кровью, он “приказал” себе остаться в строю... И остался на несколько месяцев, только раз выбыв на... десять минут. Это, когда после ранения, во время спешной перевязки в зимнем лесу, под трескотню пулеметов, потерял сознание...» (цит. по: [Брешко-Брешковский 1942, с. 4]).

Обрастая добровольческими частями, подразделение Титьена становилось все более многочисленным. 15 ноября 1941 г. в его составе было сформировано шесть восточных рот по 50 человек каждая и артиллерийский взвод из трофейных советских 76-мм орудий. Теперь подразделение называлось боевой группой

⁵ *Титьен Георг* (1914–1991) — немецкий офицер. Отец Титьена погиб на фронте во Франции в 1915 г. Мальчика растила мать. По окончании университета работал чиновником в городской администрации Оберхаузена. С 29 октября 1935 г. на военной службе в 37-м пехотном полку. В октябре 1936 г. ефрейтор и кандидат в офицеры резерва. В 1937 г. унтер-офицер и фельдфебель резерва. С 18 января 1938 г. лейтенант резерва. С 25 октября 1938 г. в отставке. С 23 ноября 1939 г. вновь на службе во 2-й роте 18-го пехотного полка. За бои во Франции награжден Железным крестом II класса. С 20 ноября 1940 г. в 9-й роте 18-го полка. С 1 апреля 1941 г. командир 9-й роты. С 1 августа 1941 г. обер-лейтенант резерва. 12 августа 1941 г. награжден Железным крестом I класса. С 1 ноября 1942 г. штабс-офицер Восточных войск в 582-м тыловом районе. С 1 декабря 1942 г. врио командира 628-го Восточного батальона. 31 марта 1943 г. произведен в капитаны со старшинством с 1 января 1943 г. С июля 1943 г. командир 628-го Восточного батальона. С 1 ноября 1943 г. майор. Сдался в плен англичанам в мае 1945 г. С 1947 г. работал менеджером на фабрике в Бремене. В 1977 г. после инфаркта оставил работу. Умер одиноким.

⁶ В данном случае ошибка переводчика, правильное написание фамилии — Титьен.

Титьена. 1 марта 1942 г. группа была подчинена командованию 582-го тылового района, а численность рот увеличена до 150 человек [Tessin 1966–2002, Bd. 14, S. 238]. 29 сентября 1942 г. группа была официально распущена, ее личный состав составил I, II, III добровольческие батальоны 582-го тылового района, запасную роту 582-го тылового района и Восточную батарею 582-го тылового района с подчинением инспектору местных охранных войск 582-го тылового района. На этом переформирования в истории части не закончились — 19 ноября 1942 г. батальоны тылового района переименовали в 628, 629 и 630-й Восточные батальоны. По документу штаба группы армий «Центр» на 2 декабря 1942 г. интересующие нас части имели следующую численность:

- 582-й Восточный батальон — 65 человек (из них 49 немцы)
- 582-я запасная Восточная рота — 250 человек
- 582-я школа унтер-офицеров — 54 человека
- 582-я Восточная батарея — 236 человек (из них 9 немцы)
- 628-й Восточный батальон — 638 человек (из них 122 немцы)
- 629-й Восточный батальон — 534 человека (из них 138 немцы)
- 630-й Восточный батальон — 595 человека (из них 61 немцы) [Дробязко 2005, с. 427–428].

По ряду косвенных признаков (численность, отсутствие в штате немецких военнослужащих и информации о каком-либо переформировании группы «Белый крест» в Восточные батальоны либо другие части и, наконец, отличия в униформе) можно предположить, что группа «Белый крест» существовала как 582-я запасная Восточная рота.

28 января 1943 г. на базе 628–630-го батальонов и 582-й Восточной батареи было образовано 709-е командование⁷ Восточными войсками [Tessin 1966–2002, Bd. 11, S. 501–630]. Осенью 1943 г. батальоны стали перебрасываться на Западный фронт, а 582-я запасная рота осталась на Восточном фронте, при этом ее следы теряются в переломные годы войны.

За свою двухлетнюю историю военнослужащие группы «Белый крест» неоднократно принимали участие в боях как с партизанами в тылу немецких войск, так и на передовой с регулярными частями Красной армии. Особенно трудными для группы были бои под Москвой в октябре 1941 г. и антипартизанская операция «Цыганский барон» весной — летом 1943 г. Офицеры-эмигранты были многократно ранены, сам ротмистр Заустинский после второго ранения не вернулся на фронт. Так прервалась история этой части, но многие из «братьев Белого креста» продолжили войну в рядах частей РОА. Позже они вместе со служащими 628-го и 630-го батальонов вошли в состав 1-й пехотной дивизии Вооруженных сил Комитета освобождения народов России.

---

⁷ С 9 июля 1943 г. 709-й полковой штаб особого назначения. 31 августа 1943 г. расформирован.

Литература

- Александров 2004 — Александров К.М. Армия генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945: Материалы к истории Вооруженных сил КОНР. СПб., 2004.
- Александров 2005 — Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: Сб. ст. и мат-лов. М., 2005. С. 106, 133, 367–396.
- Брешко-Брешковский 1942 — Брешко-Брешковский Н.Н. «Большой капитан». Ротмистр Заустинский и его борьба с красными партизанами // За Родину (Псков). 1942. 20 декабря. № 88.
- Голдин 2005 — Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005.
- Дробязко 2005 — Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2005.
- Дробязко и др. 2009 — Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха. М., 2009.
- Жуков, Ковтун 2010 — Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русские эсэсовцы. М., 2010.
- Окороков 2003 — Окороков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990. М., 2003.
- Светлов — Светлов О. Братство Белого Креста // Борьба. Лондон; Онтарио; Канада <б. д.>. № 75–76. С. 79–85.
- Хаапел 2009 — Хаапел Г. Оскал смерти. 1941 год на Восточном фронте. М., 2009.
- Чуев 2006 — Чуев С.Г. Власовцы — пасынки Третьего рейха. М., 2006.
- Tessin 1966–2002 — Tessin G. Verbände und Truppen der Deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Bd. 11. Osnabrück, 1975; Bd. 14. Osnabrück, 1980.

О.А. Гешвенд

ДОБРОВОЛЬЦЫ БЕЛОГО КРЕСТА*

Подготовка текста и комментарии К.К. Семенова

Русские добровольческие части создавались и существовали на Восточном фронте, конечно, еще до создания РОА, еще в то время, когда о генерале Власове¹ и его решении бороться за русскую, национальную, свободную Россию <никто> не знал и сам генерал командовал Красными частями.

Маленькие добровольческие части русских патриотов были созданы до начала и до самого решения создать под Смоленском (в Осинторфе)² Русскую национальную народную армию (РННА)³, по инициативе радиоинженера, в Берлине

---

* Текст О.А. Гешвенда публикуется в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации.

¹ *Власов Андрей Андреевич* (1901–1946) — советский военачальник, номинальный глава анти-советской РОА и КОНР. Родился в с. Лوماкино Нижегородской губернии, из крестьян. Учился в Нижегородской духовной семинарии. В Рабоче-крестьянской Красной армии с 1919 г. С 1922 г. на командных должностях. Окончил Высшие командные курсы «Выстрел» и Военную академию им. М.В. Фрунзе. Командир полка, в 1938–1939 гг. военный советник в Китае. С января 1940 г. командир дивизии, с января 1941 г. командир дивизии. После начала Великой Отечественной войны командир 37-й армии, защищавшей Киев. В ноябре 1941 г. возглавил 20-ю армию, во главе ее оборонял Москву. С марта 1942 г. заместитель командующего Волховским фронтом, с апреля — командующий 2-й Ударной армией. В июле 1942 г. попал в немецкий плен. Находясь в плену, стал сотрудничать с немцами. Подготовил и подписал официальное обращение «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». Стал номинальным главой РОА (без каких-либо командных полномочий). Добивался от немцев официального признания РОА в качестве союзной армии. После длительных переговоров возглавил КОНР и его Вооруженные силы. Пленен Красной армией в мае 1945 г. 30–31 июля 1946 г. в Москве состоялся закрытый судебный процесс по делу Власова и его соратников. По решению суда повешен 1 августа 1946 г.

² Осинторф (Асинторф) — поселок городского типа в Витебской области Беларуси. До войны в поселке располагалось торфопредприятие, чьи помещения использовались в качестве казарм для частей РННА.

³ РННА — Русская народная национальная армия, собирательное название для ряда антисоветских частей, сформированных в поселке Осинторф при участии немецкой разведки (Абвер) и белоэмигрантов С.Н. Иванова, К.Г. Кромиади, И.К. Сахарова, В.А. Ресслера весной 1942 г. Отличалась от остальных Восточных батальонов тем, что весь личный состав «армии» был одет в советское обмундирование, но с погонами. В августе 1942 г. белоэмигранты в руководстве РННА были заменены на бывших советских офицеров — В.И. Боярского (Баерского) и Г.Н. Жиленкова. К осени 1942 г. в Осинторфе было сформировано 5 пехотных батальонов и ряд мелких вспомогательных частей. К ноябрю 1942 г. в РННА было зафиксировано несколько случаев дезертирства, а ее командование проводило независимую от немцев политику. В ноябре 1942 г. для контроля за РННА был образован 700-й полковой штаб особого назначения, а батальоны РННА были переименованы в Восточные батальоны № 633–637.

проживавшего, Сергея Иванова⁴ и полковника К. Кромиади⁵. Скоро свет увидит книга⁶ полковника Кромиади, в которой будет описана и «Осинторфская эпопея». Это, безусловно, будет ценный исторический взнос.

Русские добровольческие отряды — дружины существовали до создания частей РОНА (Русская освободительная народная армия)⁷, которые были организованы благодаря личному решению и без разрешения Главной ставки Гитлера генерал-полковник<a> Шмидт<a>⁸, командовавшего 2<-й> Танковой армией в области Орла, в районе Локоть. Такие более маленькие части могли непосредственно принадлежать штабу армии, или даже быть организованы по инициативе, что правдивее говоря, с разрешения армейского корпуса.

В общем говоря, добровольцами и может быть только с очень малыми исключениями, если такие были, патриотами были и те русские эмигранты (и даже

⁴ *Иванов Сергей Никитич* (1900–?) — уроженец Санкт-Петербурга, радиоинженер, в годы Гражданской войны в войсках генерала Булак-Булаховича. В эмиграции в Берлине руководитель германского филиала Всероссийской фашистской партии. С 1937 г. представитель Всероссийской национал-революционной партии. Сотрудничал с немецкой разведкой. Один из организаторов РННА. В конце войны майор ВС КОНР и организатор Братиславской разведшколы ВС КОНР.

⁵ *Кромиади Константин Григорьевич* (1893–1990), уроженец Карской области, грек по национальности. Участник Первой мировой войны и боев на Кавказском фронте, поручик. В Гражданскую войну в отряде полковника Л.Ф. Бичерахова. Подполковник. В эмиграции в Берлине работал таксистом, член РОВС, с 1938 г. в ОРВС. Покинул организацию со скандалом. С сентября 1941 г. на службе в Имперском министерстве оккупированных восточных территорий. С марта 1942 г. в РННА на штабных и комендантских должностях. С сентября 1942 г. в Берлине. С весны 1943 г. в Гвардейской бригаде РОА в Пскове. С сентября 1943 г. комендант штаба А.А. Власова, позже, с сентября 1944 г., начальник личной канцелярии. Полковник ВС КОНР. В 1945 г. избежал выдачи в СССР. Активный деятель Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР). После войны проживал в Мюнхене. Начальник отдела кадров радиостанции «Свобода» после 1953 г.

⁶ Книга К.Г. Кромиади «За землю, за волю» увидела свет в 1980 г. в издательстве «Глобус» (Сан-Франциско).

⁷ РОНА (Русская освободительная народная армия) — собирательное название для антисоветских воинских формирований, созданных в 1941 г. в поселке Локоть Брянской области. РОНА была сформирована на основе народной милиции Локотского самоуправления. К середине 1943 г. в РОНА были сформированы 5 полков и различные вспомогательные формирования. Командиром РОНА являлся Бронислав Владиславович Каминский (1899–1944), под его руководством РОНА была реформирована в бригаду. Части РОНА активно участвовали в борьбе с партизанами и позже в боях против советских войск. Осенью 1943 г. части РОНА оставили Брянскую область и ушли в Лепель. Бригада была передана в состав войск СС, а Каминскому присвоено звание бригадефюрера СС. Из Лепеля бригада отступила в Силезию. 1 июля 1944 г. бригада была развернута в 29-ю гренадерскую дивизию войск СС. После начала Варшавского восстания 1 августа 1944 г. рейхсфюрер СС потребовал от Каминского принять участие в подавлении восстания. В Варшаву был отправлен сводный полк РОНА. Из-за скандала с немецким командованием Б.В. Каминский был расстрелян, а полк выведен из города. Осенью 1944 г. личный состав РОНА был обращен на формирование 1-й пехотной дивизии ВС КОНР.

⁸ *Шмидт Рудольф* (1886–1957) — немецкий военачальник, генерал-полковник. Участник Первой мировой войны, лейтенант, продолжил службу в Рейхсвере, подполковник. В 1937 г. генерал-майор, с 1938 г. генерал-лейтенант. Командир дивизии, корпуса. С 1 января 1942 г. командующий 2-й Танковой армией. С 1943 г. в отставке за антинацистские высказывания. В 1947 г. арестован советскими спецслужбами и вывезен в СССР. В 1956 г. передан властям Федеративной Республики Германия и освобожден. Кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями.

не русские, а в душе верные россияне), которые поступили в немецкую армию служащими-переводчиками⁹.

Если это вербовкой можно назвать, то она началась до войны с Советским Союзом¹⁰. Когда это началось, трудно сказать, но в нашем кругу знакомых в Берлине это узнали не больше недели до начала самой войны. Такие русские добровольцы-переводчики (Dolmetscher) призывали<сь> из Германии, Франции, Югославии, Бельгии, Польши и люди, бежавшие в 1940 и 1941 году из Прибалтики после того, как Красная армия заняла Литву, Латвию и Эстонию. Переводчиками были и немцы-переселенцы (umgesiedelt) из Прибалтийских стран.

Знание немецкого языка или же русского языка были разные и, конечно, назначения были разные. Но сами назначения делались при штабе действующей армии. В Берлине для 9<-й> армии, которая входила в Средний (или Центральный) фронт¹¹ (Heeresgruppe Mitte), добровольцев-служащих-переводчиков принимал ротмистр (в немецкой армии Sonderführer «К», что значит, что в ранге капитана, но без звания и чина капитана) Карцев¹², личный переводчик главнокомандующего 9<-й> армией генерал-полковника Штраус<a>¹³. Карцев имел контакты с бывшими офицерами Императорской и Белой армии и с другими кругами русской эмиграции. Он же имел полное доверие генерал-полковника Штраус<a> — настоящего представителя старой школы немецкой армии.

Добровольцы в гражданском направлялись в Arys-Süd¹⁴ (Восточная Пруссия) где происходило обмундирование и прикрепление к отдельным частям. Надо сказать, что переводчики были разного возраста, разных профессий, разного происхождения и из разных мест Европы. Понятно, что они не знали, что начнется война с Советским Союзом. Да, очень подразумевали, думали, надеялись, что начнется война с Советским Союзом. А надеялись потому, что в войне видели единственный путь освобождения России от большевиков, от Сталина, от НКВД, от порабощения. Были уверены, что советская власть падет и опять возродится русская — национальная, свободная и, конечно, совсем независимая Россия.

---

⁹ Переводчики, принимаемые на службу в немецкую армию, имели статус не военнослужащих, а служащих. См. объяснения автора очерка.

¹⁰ Набор эмигрантов на территории Германии производился в начале июня 1941 г. Цели вербовки от эмигрантов не скрывались.

¹¹ Правильное название — группа армий «Центр».

¹² Карцев Борис Николаевич, фон (1897–?), из дворян, уроженец Ярославской губернии. Проживал в Санкт-Петербурге. Выпускник Николаевского кавалерийского училища. Поручик. В Русской Западной армии в гусарском графа Келлера полку. Ротмистр. С декабря 1919 г. в Германии. Вращался в среде белой эмиграции. В июне 1941 г. переводчик отдела ИЦ штаба 9-й армии и личный переводчик командующего 9-й армией генерал-полковника Штрауса.

¹³ Штраус Адольф (1879–1973) — немецкий военачальник. Накануне Первой мировой войны окончил Военную академию, капитан. В Рейхсвере майор, позже подполковник. В декабре 1932 г. генерал-майор, в 1937 г. — генерал-лейтенант. С 30 мая 1940 г. командующий 9-й армией. Зимой 1942 г. отрешен от командования и отправлен в резерв. С августа 1944 г. снова на службе на инспекторских должностях. Генерал-полковник. В 1945–1949 гг. в английском плену.

¹⁴ Арюс-Зюд — ныне польский город Ожиш (Orzysz, нем. Arys). В 1890 г. в городе был построен крупный военный полигон.

Люди тогда не видели, что нацисты с Гитлером не хотят свободной — национальной России. Было у русских и у немцев (антинацистов) мнение, что дальше влияние армии опять усилится, а мощь нацистской партии ослабнет. Что Гитлер пойдет с генералами на компромисс. Это пришлось слышать и от молодых офицеров, с которыми пришлось откровенно говорить. Во всяком случае, начало войны было для русских и россиян Крестовый поход¹⁵ и было много чувств идеализма, патриотизма.

Было, конечно, и мнение, что после падения советской власти любой ценой надо бороться за свободную, национальную Россию, если этому стремлению окажут сопротивление нацисты.

Среди переводчиков с первых же дней были люди из НТС (Национально-трудовой союз), бывшие военные, безусловно, принадлежат в большинстве случаев РОВСу (Русский общевойсковой союз), были представители русских национальных организаций молодежи — но шли они на фронт просто, совсем просто как русские, которые искренно любили свою Родину — Россию. Стремление, желание и просто мечта о истинно свободной и истинно русской России так наболели, что это был искренно Крестовый, истинно освободительный поход.

Штаб 9<-й> армии из Arys-Süd переселился в лесной лагерь Gibz (Гибц), и началась война <с> Советским Союзом. Новые добровольцы, новые переводчики уже подходили в 9<-ю> армию во время наступления. А наступление шло (как сама история говорит) быстро и скоро продвигая части на Восток. Вот битва под Гродно, танковые части ген<ерал>-полковника Гудериана¹⁶ у Минска. Штаб переходит дальше. Военные действия развиваются.

А вот о вопросе совести и другие вопросы, которые могут быть на месте. Еще в лесном лагере при начале военных действий главнокомандующий 9<-й> армией ген<ерал>-полковник Штраус находит нужным сказать лично совсем молодому переводчику начальника его штаба, Ген<ерального> штаба полковника Курт<а> Векманн<а>¹⁷: «Не имейте угрызений совести. Ваша совесть должна быть чиста.

¹⁵ Крестовый поход против большевизма (*нем.* Kreuzzug) — пропагандистский лозунг, используемый нацистами для обозначения общеевропейских усилий в войне с СССР. В соответствии с этим лозунгом немцы приветствовали отправку добровольцев на Восточный фронт из союзных им стран и нейтральных государств.

¹⁶ Гудериан Гейнц Вильгельм (1888–1954) — знаменитый немецкий военачальник, военный теоретик, один из проводников концепции молниеносной войны (*нем.* Blitzkrieg). Участник Первой мировой войны и боев в Прибалтике в 1919 г. Служил в Рейхсвере. С 1934 г. начальник штаба моторизованных войск, с 1938 г. командующий танковыми войсками. Командир корпуса и генерал-полковник. С ноября 1940 г. командующий 2-й Танковой группой. С декабря 1941 г. из-за конфликта с начальством отстранен от командования и направлен в резерв. С 1943 г. инспектор бронетанковых войск. С июля 1944 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск. С апреля 1945 г. в отпуске. С 1946 г. в заключении. В июне 1948 г. освобожден. Автор воспоминаний.

¹⁷ Векманн Курт (1895–1981) — немецкий военный теоретик. Участник Первой мировой войны, лейтенант. Служил в Рейхсвере. В 1936 г. подполковник. С 1938 г. преподаватель тактики в Военной академии. С октября 1939 г. в действующей армии. С 1940 г. в 9-й армии. В 1941 г. направлен в резерв фюрера. С марта 1942 г. начальник Военной академии. Генерал-лейтенант. С июня 1944 г. опять в резерве, с октября 1944 г. командир 274-й пехотной дивизии в Норвегии. С 1952 г. работал для французских войск в Германии. В 1962–1968 гг. первый президент Общества имени Клаузевица.

Мы не воюем и не думаем воевать с самим русским народом. Война идет против советской власти, против правительства большевиков. Это война, но не против русского человека». (Не знаю, много нашлось или найдется командующих армиями, которые даже мельком подумают это сказать совсем молодому человеку. Но генерал-полковник Штраус был генерал старой школы и рыцарь душою.) Но личный адъютант капитан Штраус (его племянник) был глубоко верующий человек, очень мягкого характера, которому было само собою ясно, что помощь должна быть дана русским в занятых областях создать русское независимое правительство, с которым надо заключить мир, дать возможность создать свою армию. Он знал, что и генерал-полковник Штраус придерживался такого же мнения. Он же говорил, что с мнением генерал-полковника Штрауса по своим убеждениям соглашался главнокомандующий Среднего фронта генерал-фельдмаршал фон Бок¹⁸. Теперь уже довольно известно, что фельдмаршал фон Бок послал меморандум (составленный не без внимания и помощи капитана Штрик-Штрикфельдта¹⁹) тогда же в 1941 году главнокомандующему сухопутными частями (Heer) фельдмаршалу фон Браухичу²⁰, что надо уже организовать Русскую национально-освободительную армию. Генерал-фельдмаршал фон Браухич с предложением совершенно согласился и его возвратил с заметкой «Считаю это решающим для скорейшего окончания войны». Но Гитлер был против создания русских частей, против создания Русской освободительной армии. Как увидите, потом в расположении 9-й армии решили создавать русские добровольческие отряды без разрешения Главной ставки Гитлера. Так поступали и отдельные армейские корпуса.

Близок русскому делу и русскому народу был начальник штаба Генерального штаба полковник Курт Векманн. Это было очень, очень важно

¹⁸ Бок Мориц Альбрехт Франц-Фридрих Федор, фон (1880–1945) — немецкий военачальник. Выпущен лейтенантом в гвардейскую пехоту. Позже окончил Академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, майор. Продолжил службу в Рейхсвере. Начальник штаба Военного округа, командир батальона, полка. В 1929 г. генерал-майор и командир дивизии. К началу Второй мировой войны генерал-полковник. После разгрома в 1940 г. Бельгии и Нидерландов — генерал-фельдмаршал. Накануне нападения на СССР возглавил группу армий «Центр». В декабре 1941 г. за критику Гитлера и неудачное развитие наступления снят со своего поста. С января 1942 г. командующий группой армий «Юг». В июле 1942 г. за критику Гитлера снят с должности и отправлен в резерв. Проживал в Германии. 3 мая 1945 г. машина фон Бока расстреляна английским летчиком. Скончался от ран.

¹⁹ Штрик-Штрикфельдт Вильфрид Карлович (1896–1977) — офицер русской и немецкой армий. Родился в Риге, окончил Реформистскую гимназию в Петрограде в 1915 г., вступил добровольцем в русскую армию, получил звание офицера. Участник Первой мировой войны. С 1918 г. в белых войсках на Северо-Западе России. В 1920–1924 гг. сотрудничал с Международным Красным Крестом и службой Нансена. В 1924–1939 гг. проживал в Риге. В 1939 г. репатрировался в Германию. С 1941 г. в немецкой армии. Входил в ближайшее окружение А.А. Власова. Избежал выдачи в СССР. Автор воспоминаний.

²⁰ Браухич Вальтер Генрих Альфред Герман, фон (1881–1948) — главнокомандующий немецкой сухопутной армией в 1938–1941 гг. Выпущен лейтенантом в гвардейскую пехоту. К началу Первой мировой войны капитан Генерального штаба. В годы Первой мировой на штабной службе, майор. Продолжил службу в Рейхсвере. На различных должностях в Военном министерстве. В 1935 г. генерал артиллерии. В 1938 г. генерал-полковник и главнокомандующий сухопутной армией. В 1940 г. генерал-фельдмаршал. В декабре 1941 г. снят со своего поста из-за провала зимнего наступления на Москву. Зачислен в резерв, проживал в Германии. Арестован англичанами в мае 1945 г. Скончался в госпитале.

для разрешения и поддержки создания Русского добровольческого отряда. Баварец начальник оперативного отделения штаба 9<-й> армии подполковник Ген<ерального> штаба Блаурук²¹ тоже был очень близок созданию русских национальных частей и сердечно относился <к> русскому национальному делу.

Безусловно большую роль сыграл в создании отряда-роты сам ротмистр Карцев, который и провел главные подготовительные работы. В Велиже была создана первая рота русских добровольцев, одних из первоначальников Русского освободительного движения с оружием в руках!

Начальником роты стал на Восточном фронте прибывший ротмистр Заустинский — настоящий русский патриот, офицер Императорской и Белой ар<мии>. Он, как и сам ротмистр Карцев, был воспитанником Николаевского кавалерийского училища. Простыми словами выражаясь, надо сказать, что его любили солдаты-добровольцы, бывшие красноармейцы (военнопленные), потому что они не могли не чувствовать, что он чистою русскою душою искренне любит Россию, любит русского человека и что он им начальник, брат и отец. Это чувство куда больше стоит и связывает вместо организационных и других уставов, параграфов.

С ротмистром Заустинским роту создавали, добровольцев выбирали и обучали, сплочали старш<ий> лейтенант Насанов²² (бывший офицер Красной армии, бежавший в Финляндию что-то в 1931–1933 году, если не ошибаюсь), Вл<адимир> Втор<ов>²³, прошедший военную школу в Франции (сильная и умная личность) и молодой (наверно, 22 лет) Олег Горбачевский из Польши, насколько я знаю. Они одни других знали, и это дало очень хорошее, удачное ядро для начала создания русских освободительных частей. Младшими руководителями были солдаты Красной армии. И это было начало в конце августа — начала сентября 1941 <года>. Начало было хорошее — русские люди нашли русских людей, которые хотели свободы и лучшего будущего России.

Когда еще шли первые подготовительные работы для создания отряда-роты добровольцев, когда было получено первое и принципиальное разрешение создавать русские добровольческие части, еще была надежда, что Гитлер послушает ген<ерал>-фельдмаршала фон Браухич<а> и откажется от наступления на Москву до весны 1942 года. Стоящий в твердых позициях фронт дал бы куда больше

²¹ *Блаурук Эдмунд* (1899–1966) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, лейтенант. На службе в Рейхсвере. В 1936 г. майор. К началу Второй мировой войны на штабных должностях. Офицер Генерального штаба. Подполковник. Начальник штаба дивизии и корпуса. Полковник в штабе 9-й армии занимал должность офицера Ia (оперативные вопросы), начальником штаба 9-й армии не являлся. Командир пехотного полка, дивизии. Генерал-майор с 1944 г. Закончил войну в звании генерал-лейтенанта и командира 5-й егерской дивизии. В британском плену.

²² Личность не установлена, возможно, речь идет о Насанове Павле Ивановиче, 1919 г. р., уроженце д. Курганово Петровского района Карельской ССР. Член ВЛКСМ, в Красной армии с 1940 г. Техник-интендант 2-го ранга, заведующий делопроизводством 260-го стрелкового полка 71-й особой стрелковой дивизии. Пропал без вести на Карельском фронте 15 июля 1941 г.

²³ *Второв Владимир Алексеевич*, 1908 г. р., уроженец г. Лиепая. Вместе с родителями эмигрировал во Францию. Получил военное образование во Франции. В 1943 г. командир 308-го батальона, сформированного в г. Ржеве.

время и лучшие условия укрепить душевно и физически добровольческий отряд. Дабы лучшие условия отряду расти и организовывать с ним связанные отряды-роты и батальоны до того времени, когда можно будет их связать в более крупные единицы — в бригады и дивизии. По мнению генерал-фельдмаршалов фон Браухича и фон Бок и других командующих генералов, в том числе и генерал-полковника Штрауса, надо было без остановки наступать на Москву и не терять время. Но Гитлер остановил это наступление и начал наступление на Южном фронте, в котором участвовали и танковые части Среднего фронта под командою генерал-полковника Гудериана. Генералы требовали, чтобы после этого до весны 1942 года хорошо окопаться и дальнейшего наступления не начинать.

Такое бы решение не только бы дало больше время для организации и увеличения русских добровольческих отрядов, но и для устройства русской администрации в занятой территории. Далеко от Ставки Гитлера можно было больше провести, чем эта политика нацистов желала и предписывала. Благожелательно была принята генерал-полковником Штраусом идея создать в Смоленске Русское временное освободительное правительство²⁴. С этим соглашался командующий Средним фронтом генерал-фельдмаршал фон Бок. Для всего этого надо было время. Маленькому кругу, близкому командующему 9-й армией и его начальнику штаба, это было известно, и молодой лейтенант фон Реден²⁵, тонный кавалерист и личный адъютант начальника штаба полковника Векманна, открыто говорил моему другу переводчику: «Свергнем красное правительство в Москве, а потом упраздним нацистское правительство в Берлине». По чину и возрасту молодой фон Реден через свою семью и знакомых имел для русского дела полезные связи.

Конечно, знали, что во многом у Гитлера было другое, настойчивое мнение, но уступать всем его желаниям не собирались. Только некоторые из русских добровольцев это знали, только несколько имели возможность совершенно откровенно о всем говорить, но этого уже было вполне достаточно. Но Гитлер настоял на своем и приказал начать наступление на Москву. Таким образом, формирование русских добровольческих частей в более спокойной и нормальной обстановке стало невозможно. Штаб 9-й армии ушел в деревушку, Русский добровольческий отряд (уже хорошая и хорошо вооруженная рота) тоже ушла из Велижа в лесах лежащие деревни и росла и зрела, крепла в среде русского народа, среди русского крестьянина вблизи лесов или даже в лесах. Отряд пополнялся военнопленными, а потом часто в деревнях или же лесах скрывающимися красноармейцами. Кто годен и достоин доверия, решат не какие-то немецкие институции, контрразвед-

²⁴ Вероятно, речь идет о создании Русского комитета под председательством А.А. Власова и его Смоленской декларации от 27 декабря 1942 г. В качестве главных целей провозглашались свержение Сталина и уничтожение большевизма, заключение почетного мира с Германией, создание «Новой России» без большевиков и капиталистов. Программа содержала также 13 главных принципов построения новой власти.

²⁵ Реден Вильбрандт, фон (1917-?) — лейтенант 13-го кавалерийского полка с 1938 г., обер-лейтенант с 1940 г.

ка, а ротмистр Заустинский и его офицеры, пополненные бывшими офицерами Красной армии. Там в русских лесах рождалась Русская освободительная армия. В немецкой униформе, но со своими знаками отличия и чинами. На левом рукаве символически был Белый крест на черном фоне. Погоны с просветами и звездочками были свои и также свои шпигеля²⁶. Оружие немецкое, которое по своему усмотрению²⁷ пополнялось русским оружием, и тут сказалась находчивость русского народа. Технически и административно русская добровольческая часть была прикреплена к немецкой группе Tietjen (снабжение, амуниция, лекарства), и тут русские стали все больше самостоятельнее. Из других немецких частей прибывали другие эмигранты, переводчики и становились в ряды боевых добровольцев. Всего этого нельзя было слишком форсировать, но отряд рос скоро. Прибывали новые русские эмигранты из Зап<адной> Европы просто в отряд, который уже фактически вырос в несколько рот и был размещен в нескольких местах, но был связан в одно под ротмистром Заустинским.

Население любило добровольцев и знало, что они взяли оружие против Красного Кремля за свободную и независимую Россию. Там разговор был ясный и никто этому разговору не мешал. Деревня их поддерживала, и партизаны, да еще в лесах скрывающиеся красноармейцы не находили восторга и смысла нападать на добровольцев, хотя политруки и комсомольцы на это вызывали. К партизанам сбросили особенно обученных политработников.

Внутреннее и физическое развитие добровольцев отрядов Белого креста шло куда скорее, чем можно было предполагать.

Но вот 2 октября 1941 <года> началось фронтовое наступление на Москву. Началась большая битва, которую немцы называют битвой под Вязьмой и Брянском. В котел попало больше 600 000 пленных. Части 9<-й> армии дошли до Ржева, Клина и взяли Калинин, но за это дорого заплатились. Непроходимые дороги и слякоть, а потом сразу же суровые морозы к истощению (физическому) частей добавили свое. Что из того, что 7<-я> танковая дивизия под командой генерала фон Функ<а>²⁸ стоя<ла> на 16 километров от Москвы.

Началось наступление Красных частей — 80 свежих дивизий, это была могучая сила и, по мнению некоторых историков, должна была разбить немецкие дивизии и корпуса, немецкие армии. Что значит воевать в большие морозы чуть ли не в летнем одеянии, знают только те — кто сам это видел и сам пережил. Знают это и русские добровольцы Белого креста. Только благодаря их братьям, бывшим бойцам Красной армии, ставшим их соратниками, они умели лучше от мороза и стужи защищаться.

²⁶ Речь идет о петлицах, носимых на воротнике кителя (от нем. kragenspiegel).

²⁷ Добровольческие подразделения обмундировывались и вооружались по остаточному принципу, наличие разных образцов вооружения в одной части было связано только с этим.

²⁸ Функ Ганс Фрайхерр, фон (1891–1979) — немецкий генерал. Участник Первой мировой войны, лейтенант. Служил в добровольческом корпусе, участник боев в Силезии. Служил в Рейхсвере. В 1936–1939 гг. военный атташе в Испании, полковник. С началом Второй мировой войны командир танкового полка, позже бригады. С февраля 1941 г. командир 7-й танковой дивизии. В 1942 г. генерал-лейтенант. С 1943 г. командир корпуса. Генерал танковых войск. С сентября 1944 г. в резерве. В 1945–1955 гг. в советском плену.

С продвигающейся немецкой армией пришли в районы Вязьмы, Ржева, Сычевки, Зубцова, Оленина и Белово (в общих чертах только говоря, чтобы дать географическое понятие) и русские отряды Белого креста. В походе и в боях они слились в одно и можно сказать, что стали настоящим братством. Сложившиеся военные события, критические фронтовые положения их бросили в бой не только с партизанами, а уже с свежими, хорошо по-зимнему одетыми и по-настоящему вооруженными частями Красной армии. Временами в некоторых местах настоящего фронта и не было. Части дрались смело против часто их численно превосходящего противника. Лучшего доказательства их стойкости и доблести и быть не могло. Но и потери были большие. Большие убитыми и ранеными, которые в большие морозы от ран умирали. Но добровольцы стояли, дрались и не дрогнули.

Положение 9<-й> армии было крайне критическим, если в некоторых случаях не катастрофическое. Бригадир британской армии Horrocks²⁹ пишет, что за всю 2<-ю> мировую войну немецкая армия одержала самую большую победу в оборонительных боях в суровую зиму под Москвой 1941–1942 года. Но она и дорого за эту победу заплатила. Поплатились и русские добровольцы, которых не предвиделось бросать в такие большие битвы.

Генерал-фельдмаршал фон Браухич был прав, что наступать на Москву было поздно и надо было на зиму основательно окопаться и для наступления ждать весны. Своим упорством Гитлер опять сотворил непоправимую ошибку, но он не хотел этого сознать и уволил фон Браухича от командования сухопутной армией. Русскому делу было в ущерб это, как будто по болезни был отставлен и командующий Средним фронтом ген<ерал>-фельдм<аршал> фон Бок. Его заместивший генерал-фельдмаршал фон Клуге³⁰ был тоже благожелателен созданию Русской освободительной армии, но не в той же сильной мере. Настоящим ударом для русского национального дела, для создания русских освободительных частей было ранение Ген<ерального> штаба полковника Курт<а> Векманн<а>. После развития наступления на Москву он один вылетел к фронтовым частям и вечером был в Сычевке ранен в населении скрывавшимися

---

²⁹ *Хоррокс Брайан Гуин, сэ* (1895–1985) — британский генерал, военный историк. Участник Первой мировой войны, лейтенант, был в немецком плену. В годы Гражданской войны в России в составе британских войск в Сибири. В 1919 г. 10 месяцев находился в плену Красной армии. Вернулся в Британию. Служил на штабных должностях, с 1938 г. на преподавательской работе. В мае 1940 г. в Экспедиционном корпусе во Франции, бригадир 11-й пехотной бригады. Позже командир дивизии. В 1943 г. командир корпуса. Генерал-лейтенант в 1944 г. и командир XXX армейского корпуса. Главнокомандующий Западной группой войск. С 1949 г. герольдмейстер в Палате лордов. Автор военно-исторических статей и воспоминаний.

³⁰ *Клуге Ханс Гюнтер, фон* (1882–1944) — немецкий военачальник. Окончил Военную академию. Офицер Генерального штаба. В годы Первой мировой войны на штабных должностях. Ранен под Верденом. После войны продолжил службу в Рейхсвере на штабных должностях и в артиллерии. С февраля 1933 г. генерал-майор. В 1936 г. командующий 6-м военным округом и генерал артиллерии. С 1939 г. генерал-полковник и командующий 4-й армией. С декабря 1941 г. командующий группой армий «Центр». В октябре 1943 г. попал в аварию и был отправлен на лечение в Германию. С июля 1944 г. командующий Западным фронтом. 18 августа 1944 г. вызван в Германию. Из-за связи с заговорщиками и боясь результатов расследования, покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий.

партизанами. Блестящего генштабиста, рыцаря душою, в это время сложного и рискованного наступления не хватало и самой 9<-й> армии. После некоторого времени полк<овник> Векманн был отправлен в военный лазарет в Германии. За его заслуги его произвели в генерал-майоры и наградили «Немецким крестом в золоте» (Das Deutsche Kreuz im Gold). После выздоровления он был назначен начальником Военной академии в Берлине. Уже в Берлине, в Военной академии он говорил навестившему, его же бывшему переводчику: «Мы должны русским преподнести чистое, ясное вино. Мы должны с ними честно говорить об общем деле освобождения». После войны генерал-лейтенант Векманн создал «Общество имени генерала фон Клаузе<ви>ц<а>», в котором собрались офицеры Генерального штаба прошлого поколения бывшей и теперешней немецкой армии. Теперь он почетный председатель этого общества.

Уже говорилось, что новые добровольцы прибывали и наполняли 9<-ю> армию уже во время наступления на Москву. Прибыл полковник Сакирич³¹, капитан Козлов³² (не перепутать с ротмистром Козловым³³ из Берлина, который одно время был при квартирмейстере 9<-й> армии), прибыл корниловец поручик К., пришла в эмиграции выросшая молодежь, на командующие места было назначено больше бывших офицеров Красной армии, пленных. Хотя единицы, отряды (роты) и росли (и рост уже чуть не во время похода), но всех добровольцев взять было не под силу.

Клин, Калинин и другие места быстро взяла наступающая Красная армия. Разгорелся бой под Ржевом за Ржев. Для немцев Ржев был величайшего значения и в этот бой (как и в другие бои в разных местах) бросили солдат из обозов, поваров, писарей и других. Русские добровольческие части дрались в разных местах и по возможности поддерживали связь с ротмистром Заустинским.

Еще немного до советского контр наступления подполковник Рыковский³⁴ под Сычевкой создал свою добровольческую роту, которая чуть созданная была по неожиданно создавшимся обстоятельствам втянута в военные операции с прорвавшимися частями Красной армии. Ей удалось при этом избежать более чувствительных потерь. Уже говорилось, что в таком критическом положении связь между некоторыми немецкими частями была довольно шаткая и многое надо было быстро и уверенно импровизировать. Но части дрались, защищались и де-

---

³¹ Сакирич Георгий Павлович (?–1942). Окончил Киевское военное училище (1905), Гатчинскую авиационную школу (1916). Офицер 7-го Закаспийского стрелкового батальона. В Гражданскую войну — капитан авиационного отряда охраны Ставки, затем в 1-м Кубанском авиационном отряде. В эмиграции в Германии и Франции. Глава филиала Национальной организации русских разведчиков в Венсене. Полковник (капитан), с октября 1941 г. переводчик при штабе 9-й армии, затем начальник одного из отрядов Белого креста. Погиб в бою.

³² Козлов — капитан. Погиб на Восточном фронте. Личность не идентифицирована.

³³ Возможно, речь идет о Козлове Михаиле Константиновиче (?–1971), ротмистре 10-го гусарского Ингерманландского полка.

³⁴ Возможно, речь идет о войсковом старшине (позже полковнике) Владимире Федоровиче Рыковском (?–1958). Служил в казачьих частях. В конце войны командир 2-го Донского полка Казачьего Стана. В конце войны избежал выдачи и примкнул к остаткам Русского корпуса в Келлерберге. Затем выехал в Аргентину, проживал в Буэнос-Айресе.

лали местные контрнаступления. Советский план был окружить и уничтожить весь немецкий Средний фронт и открыть себе дверь в Германию, в Европу³⁵.

Командующий 9<-й> армией ген<ерал->полк<овник> Штраус и временный начальник его штаба полковник Гофманн³⁶ (Hoffmann) делали все, что могли, чтобы остановить наступление и спасти 9<-ю> армию. Приказы Гитлера были неисполнимы и утопичны. В Главной ставке не воображали, что происходило на фронте. Ужасная была судьба не по-зимнему одетых солдат, умопомрачительная судьба была несчастных военнопленных. Бывали случаи, бывали дни, что 5–6 солдат получали одну буханку хлеба. Что тут говорить о страшной участи военнопленных. Автострада Минск — Москва еще была открыта, хотя уже не без перерывов и иногда под огнем. С юга грозила конница ген<ерала> Белова³⁷.

Бои за Ржев продолжались, но взять Ржев советской армии не удалось. Но севернее Ржева Красным частям удалось прорваться на запад и повернуть на юг. Этот прорыв и продвижение на юг мог<ли> решить судьбу 9<-й> армии и вместе с тем и всех русских добровольческих частей Белого креста. Приказы Гитлера выполнить было невозможно — они были утопичны. Он не мог себе вообразить, что действительно происходило на фронте, и в своем бреде маньяка не жалел своих солдат, а вместе с тем, конечно, и русских патриотов-добровольцев Белого креста. Душевная и вместе с тем физическая нагрузка на ген<ерал->полк<овника> Штраус<а> была для простого смертного невообразима. И это был полководец, который любил своих солдат и не хотел их бессмысленно жертвовать. Резервов не было и их не давали. 9<-я> Армия и южнее находящиеся 3<-я> армия и 4<-я> танковая армия были почти окружены и дрались как бы в четырехугольнике железных дорог Смоленск — Вязьма — Ржев — Оленин за свою жизнь. В конце концов Гитлер согласился некоторые части отвести на другую оборонительную линию. Два дня позже по угрожающему положению здоровья генерал-полковник Штраус должен был оставить свой пост и командовать 9<-й> армией начал генерал Модель³⁸. Но подготовка для

³⁵ Явное преувеличение автора: до границ Советского Союза и коренного перелома в войне было еще далеко.

³⁶ *Хоффман Рудольф* (1895–1970) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, лейтенант (1915). Продолжил службу в Рейхсвере, капитан, с 1933 г. на штабных должностях. Полковник с 1 января 1940 г. Последовательно начальник штаба дивизии, корпуса, армии. Начальник штаба командующего на Северо-Западе, затем начальник штаба командующего на Севере. В советском плену в 1945–1948 гг.

³⁷ *Белов Павел Алексеевич* (1897–1962) — советский военачальник. В 1916 г. призван на службу в Русскую императорскую армию. В 1917 г. окончил школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 г. С 1919 г. на командирских должностях. С 1922 г. командир полка. С 1932 г. помощник инспектора кавалерии РККА. В 1933 г. окончил Академию РККА. С марта 1941 г. командир II кавалерийского корпуса. С июня 1942 г. командующий 61-й армией. После войны на командных должностях, с 1955 г. председатель ЦК ДОСААФ.

³⁸ *Модель Отто Мориц Вальтер* (1891–1945) — немецкий полководец. Участник Первой мировой войны, капитан. Продолжил службу в Рейхсвере. Офицер Генерального штаба. К началу Второй мировой войны генерал-майор и начальник штаба IV армейского корпуса. Начальник штаба 16-й армии, командир 3-й танковой дивизии. С октября 1941 г. командир ХLI танкового корпуса, с января 1942 г. командующий 9-й армией. Генерал-полковник. С 31 января 1944 г. командующий группой армий «Север». Генерал-фельдмаршал. В июле 1944 г. командующий группой армий «Центр». С августа 1944 г. командующий группой армий «В» на Западе. В апреле 1945 г. попал в окружение в Рурской области. Покончил жизнь самоубийством.

лучшей обороны и некоторых контрнаступлений было уже начато. К некоторому утешению немецких генералов советская армия недостаточно и даже плохо использовала свой прорыв. Но положение все было опасное и напряженное.

Но зимнюю битву все-таки выиграли немцы³⁹. Несмотря на большие потери и несмотря на первичные успехи Красной армии. Несмотря на то, что кавалерия генерала Горина⁴⁰ угрожала прервать автостраду и угрожала самой Вязьме, куда временно перешел штаб 9-й армии. Генерал Гроссман⁴¹, его 6-я стрелковая дивизия⁴² и другие части все-таки отстояли Ржев. Русские добровольческие отряды, солдаты и офицеры Белого креста, доказали свою доблесть и боеспособность.

Беречь от больших потерь добровольческие отряды, от чувствительных потерь, как это был намерен провести Генерального штаба полковник Курт Векманн, не удалось. В боях с регулярными частями Красной армии и с партизанами пали солдаты и были довольно чувствительные потери в командном составе. Пал полковник Сакирич, одна из самых светлых личностей движения Белого креста. Пал капитан Козлов (не берлинский). Попал на партизанскую засаду и был убит князь Мещерский⁴³. Тяжело раненные, в снегу мучительно погибли Александр (Саша) Власов⁴⁴ и Олег Горбачевский⁴⁵ — представители совсем молодого поколения русской эмиграции, как и молодой Щурюгин⁴⁶. Ротмистр Заустинский и старший лейтенант Насанов были ранены и выбыли из строя. Другие заняли их места. Пришлось сомкнуть ряды, но отряды твердо стояли на своем русском посту. В продолжении борьбы в таком положении очень важную роль для русского дела сыграл старший лейтенант В. Второв (позже уже капитан и майор). Ему, по-моему, много помог старший лейтенант Воронов⁴⁷, выдающийся и одаренный офицер из военнопленных.

Без русскому делу искренно расположенных генерал-полковника Штрауса, без полковника Векманна и в другую часть переведенного подполковника

³⁹ Автор ошибается. Немецкая армия была полностью истощена. Гейнц Гудериан так оценивал результаты операции: «Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение, которое из-за упрямства верховного командования повело в ближайшие недели к роковым последствиям. В немецком наступлении наступил кризис, силы и моральный дух немецкой армии были надломлены».

⁴⁰ Автор имеет в виду полковника Н.Г. Горина, с 19 декабря 1941 г. командовавшего 82-й кавалерийской дивизией, затем XI кавалерийским корпусом.

⁴¹ *Гроссман Хорст* (1891–1972) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, обер-лейтенант. Служил в Рейхсвере. В 1939 г. полковник, командир полка. С января 1942 г. командир 6-й пехотной дивизии. С января 1944 г. на должностях командира корпуса. Генерал пехоты. В 1945–1947 гг. в британском плену. Автор воспоминаний о Ржевском сражении.

⁴² Автор ошибается, Гроссман командовал 6-й пехотной дивизией, стрелковых дивизий в годы Второй мировой в немецкой армии не было.

⁴³ *Мещерский Никита Петрович* (1909–1942) — лейтенант, окончил Военное училище в Германии. Племянник князя Мещерского. Убит во время бунта бывших военнопленных в феврале 1942 г.

⁴⁴ *Власов Александр*. Погиб на Восточном фронте.

⁴⁵ *Горбачевский Олег Павлович* (?–1942) — член Русского комитета в Генерал-губернаторстве (оккупированная Польша). Погиб в бою в феврале 1942 г.

⁴⁶ Личность не установлена.

⁴⁷ Личность не установлена.

Блаурока возможности развития отрядам (общая сила была намного больше батальона) в крупные единицы была не дана. Не хватало и молодого кавалериста старшего лейтенанта фон Редена. Он перешел в 2-ю танковую дивизию и пал в танковом бою. Ушел и сам ротмистр Карцев (в казацкие части), попросив бывшего переводчика полковника Векманна остаться, чтобы при штабе были все-таки искренне свои россияне.

В генерал-полковники произведен Модель русскому делу был равнодушен, но надо отдать справедливость, что он успешно командовал 9-й армией. Новый начальник штаба 9-й армии Генерального штаба полковник (скоро произведенный в генерал-майоры) Кребс⁴⁸, конечно в сущности разбирался в русском деле. Он был долгое время старшим офицером в Москве при германском военном атташе генерале Кестринге⁴⁹. Не по слабому характеру и наверно не по незнанию, а скорее всего из-за личного удобства и расчета, он и не думал поддерживать русского освободительного дела. Но при корпусах были и даже новые (Лордкипандзе⁵⁰) русские добровольческие части.

Между среднего офицерского состава при 9-й армии были русскому делу благожелательные люди, но они были более слабые люди и не имели влияния. Но до самого конца, до последней битвы на Одере штаб 9-й армии не был пропитан нацистским духом. И остались или пришли новые русские и россияне, которые делали все, что было возможно.

ЕЩЕ О РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ОТРЯДАХ (Условия и общее положение немецких сухопутных частей)

Считаю, что нужны некоторые пояснения к статье-очерку «Добровольцы Белого креста», и я попытаюсь дать несколько пояснений, включая сами возможности делать решения руководством, генералами, сухопутными частями (Heer), главнокомандующим, которым до что-то середины декабря 1941 года был генерал-фельдмаршал фон Браухич. Мы увидим, что сила решения все больше и больше

---

⁴⁸ *Кребс Ганс* (1898–1945) — немецкий генерал. Участник Первой мировой войны. Служил в Рейхсвере, капитан. С 1930 г. в Военном министерстве. В 1933–1934 гг. помощник военного атташе в Москве. С 1935 г. на строевых должностях. С 1937 г. на штабных. В 1938 г. подполковник. В 1939 г. начальник штаба VII корпуса. С октября 1940 г. 1-й помощник военного атташе в Москве. Полковник. С января 1942 г. начальник штаба 9-й армии. Генерал-майор. С марта 1943 г. начальник штаба группы армий «Центр». Генерал-лейтенант. В сентябре 1944 г. начальник штаба группы армий «В» на Западном фронте. С 29 марта 1945 г. начальник Генерального штаба сухопутной армии. После переговоров о капитуляции с представителями Красной армии застрелился.

⁴⁹ *Кестринг Эрнст Август* (1876–1953) — немецкий военный деятель. Участник Первой мировой войны, ротмистр. В 1917–1918 гг. в немецкой миссии при турецкой армии. Продолжил службу в Рейхсвере, майор. Владел русским языком. В 1931–1933 гг. военный атташе в Москве. В 1933 г. вышел в отставку в звании генерал-майора. С 1935 г. снова на военной службе. В 1935–1941 гг. снова военный атташе в Москве. Генерал-лейтенант, генерал от кавалерии. В 1941–1942 гг. в резерве. В 1942 г. в качестве специалиста привлечен к работе с добровольческими частями из граждан СССР. С 1 января 1944 г. генерал добровольческих войск при Верховном командовании сухопутной армии.

⁵⁰ Личность не установлена.

ше переходила в руки Гитлера и его приспешников. Но мы увидели, что с некоторыми исключениями генералы ему не поддакивали и проявляли свое мнение и даже проводили свои решения против желания Гитлера. Бывали и резкие стычки, и многих командующих фронтами и армиями Гитлер сменил, но некоторых призывал к командованию большими соединениями — фронтами.

Как бы это ирония судьбы хотела, генерал-фельдмаршал фон Бломберг⁵¹ (тогда еще генерал-полковник) сам дал большие карты в руки Гитлера, еще будучи военным министром. После смерти президента фон Гинде-н-бурга⁵² он приказал Вермахту (Wehrmacht)⁵³ дать присягу на самого Гитлера. Это было даже против закона Веймарской конституции⁵⁴, которая тогда (в 1934 году) еще была в силе. В 1935 году Гитлер генерал-фельдмаршала фон Бломберга назначил главнокомандующим всего Вермахта (армии, морского и воздушного флота), но сам Гитлер был Верховным главнокомандующим всеми военными силами Германии. По доверчивости и не без некоторого влияния тогда еще генерала фон Рейхенау⁵⁵, начальника его штаба (фон Рейхенау был настоящий нацист), фон Бломберг следовал линии Гитлера. Но когда генерал-фельдмаршал фон Бломберг воспротивился планам присоединения Австрии и уничтожения Чехословакии, то Гитлер этого не забыл.

Под другими предложениями фон Бломберг был заставлен подать в отставку в 1938 году (в укор ему было поставлено, что он женился на женщине, которая по своему прошлому не подходила его обществу). Таким образом Гитлер избавился от генерала еще старой закалки, старой школы. Насколько это повредило Русскому делу, навредило созданию независимых русских добровольческих частей, сегодня трудно сказать, но во всяком случае это послужило укрепить влияние Гитлера на армию и была победа нацистов, что и было во вред Русскому делу.

Хорошо известно, что за создание Русской добровольческой армии были генерал-фельдмаршалы фон Браухич (главнокомандующий всеми сухопутными

⁵¹ *Бломберг Вернер Эдуард Фриц, фон* (1878–1946) — немецкий военачальник. Офицер Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, майор. Продолжил службу в Рейхсвере, к 1933 г. генерал-лейтенант, командующий 1-м военным округом. С 30 января 1933 г. военный министр и главнокомандующий. Генерал-полковник, позже генерал-фельдмаршал. С конца 1937 г. стал критиковать политику Гитлера. В январе 1938 г. женился на женщине с темным прошлым и был скомпрометирован. С 1938 г. в отставке. Умер от рака.

⁵² *Гинденбург Пауль Людвиг Ганс Антон фон Бенекендорф унд фон* (1847–1934) — знаменитый немецкий военачальник и государственный деятель. Участник австро-прусской и франко-прусской войн, Первой мировой войны. В 1911–1914 гг. в отставке. После начала Первой мировой войны возглавил 8-ю армию на Восточном фронте. Нанес поражение русской армии в Восточной Пруссии. Генерал-фельдмаршал. В 1916 г. начальник Генерального штаба. С 1925 г. президент Германии. В январе 1933 г. назначил А. Гитлера канцлером.

⁵³ Вермахт — Вооруженные силы Третьего рейха. Состояли из сухопутной армии (Heer), военно-воздушных сил (Luftwaffe) и военно-морского флота (Kriegsmarine).

⁵⁴ Речь идет о Конституции Веймарской республики.

⁵⁵ *Рейхенау Вальтер, фон* (1884–1942) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, капитан. Продолжил службу в Рейхсвере на штабных должностях, полковник. С 1935 г. командующий 7-м военным округом, генерал-лейтенант, позже генерал артиллерии. С 1939 г. командующий 6-й армией, генерал-фельдмаршал. С декабря 1941 г. командующий группой армии «Юг». Умер 17 января 1942 г. от остановки сердца.

частями), фон Бок (в 1941 <году> командующий Средним фронтом, а в 1942 году Южным фронтом), генерал-полковник Штраус (командующий 9<-й> армией), генерал-фельдмаршал Клуге, генерал-фельдмаршал авиации Кессельринг⁵⁶ (действительно светлая личность), генерал-полковник (танковый генерал⁵⁷) Гудериан, генерал-фельдмаршал фон Манштейн и другие.

Гитлер, Гиммлер⁵⁸, Кох⁵⁹ и другие нацисты и некоторые им всецело послушные генералы были против. Надежда, (на то. — К.С.) что с продолжением войны влияние военных усилий (изменит положение. — К.С.), к сожалению, не оправдалась. В Главной ставке всю вой<ну> просидевший генерал-фельдмаршал Кейтель⁶⁰ (ошибочно писать и думать, что после отставки генерал-фельдмаршала фон Браухич<а> он стал главнокомандующим всех сухопутных частей — нет. После его (фон Браухича. — К.С.) отставки сам Гитлер стал главнокомандующим) был

---

⁵⁶ *Кессельринг Альберт* (1885–1960) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны. Летчик, капитан. С 1919 г. в Рейхсвере как командир артиллерийской батареи. С 1922 г. в Военном министерстве. В 1931–1933 гг. офицер Генерального штаба. С 1933 г. полковник в Имперском авиационном министерстве. Командующий 1-м Воздушным флотом. Генерал авиации. С января 1940 г. командующий 2-м Воздушным флотом. Генерал-фельдмаршал. В середине войны стал командующим на Юге (Италия). После войны судим британским судом за расстрелы мирного населения на подвластной ему территории. После освобождения глава возрожденной ветеранской организации «Стальной шлем». Автор воспоминаний.

⁵⁷ Танковый генерал (Panzergeneral) — игра слов в немецком, названием должности было генерал танковых войск (General Panzertruppe).

⁵⁸ *Гиммлер Генрих Луитпольд* (1900–1945) — имперский руководитель (рейхсфюрер) охранных отрядов (СС). В конце 1917 г. был принят в армию, участия в боевых действиях не принимал. В 1920-е гг. активно участвовал в деятельности различных правых военизированных организаций. С 1923 г. в НСДАП. Участник Пивного путча. Позже вступил в организованные для сопровождения Гитлера охранные отряды. С 1927 г. заместитель рейхсфюрера СС. С 1929 г. рейхсфюрер СС. Превратил СС в сильную разветвленную организацию. После прихода нацистов к власти получил ряд государственных постов и возглавил немецкую полицию. Санкционировал создание войск СС и их численный рост. К началу Второй мировой войны стал одним из самых могущественных деятелей Третьего рейха. Контролировал Главное управление имперской безопасности и систему концентрационных лагерей. Горьчайший сторонник расовой теории. До 1944 г. резко возражал против использования русских в Вермахте. Позже пересмотрел свои взгляды. В мае 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

⁵⁹ *Кох Эрих* (1896–1986) — государственный деятель Третьего рейха. Участник Первой мировой войны. После войны демобилизовался. С 1922 г. член нацистской партии. С 1928 г. гауляйтер (руководитель области) Восточной Пруссии. В 1941 г. назначен главой Имперского комиссариата Украины (образован на оккупированной территории УССР). Сторонник расовой теории. С пренебрежением относился к украинцам и полякам. Повинен в депортациях мирного населения. Правление Коха было чрезвычайно жестким и вызывало жалобы даже у немцев. После войны пытался скрыться. Арестован британцами и передан СССР. Власти Советского Союза не стали судить Коха, а передали его Польше. Был осужден и в 1959 г. приговорен к пожизненному заключению. Умер в заключении.

⁶⁰ *Кейтель Вильгельм Бодевин Йоханн Густав* (1882–1946) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, капитан. Продолжил службу в Рейхсвере на командных и штабных должностях. С 1929 г. начальник организационного департамента Министерства обороны. С 1933 г. начальник артиллерии 3-го военного округа. Генерал-майор, позже генерал-лейтенант и генерал артиллерии. С 1938 г. глава ОКВ, генерал-полковник. Был контужен 20 июля 1944 г. Руководил подавлением заговора и участвовал в судах над заговорщиками. 8 мая 1945 г. подписал акт о капитуляции Германии. Обвинялся современниками в том, что угождал Гитлеру, отчего получил прозвище «Лакейтель». В качестве главного военного преступника был осужден в Нюрнберге. Казнен.

послушным орудием Гитлера. Его звание было шеф ОКВ (OKW — Oberkommando der Wehrmacht) — шеф штаба всех вооруженных сил. Его называли «лакеем» Гитлера и ему Русское дело было чуждо, да и по своему характеру он и не собирался сопротивляться Гитлеру.

Но не так это было с генералами, командующими фронтами и армиями. Не только в ведении фронтовых операций, но и в управлении занятых областей они с Гитлером и его партийцами не соглашались, этому сопротивлялись и даже вопреки приказов делали свои решения. Я не склонен думать, что так поступали сталинские генералы, но, может быть, такие случаи были.

После окончания войны с Польшей в 1939 году генерал-полковник Рунштедт⁶¹ был назначен Главнокомандующим всех немецких восточных частей (Oberbefehlshaber Ost). Заведующим гражданским управлением при нем был назначен партиец Франк (Frank)⁶². Но фон Рунштедт скоро заметил, что так работать ему было не по душе и ему противны методы гражданского управления. Он строго запротестовал против вмешательства на его территории управления Гиммлером и его СС и полицейских частей и ими проводимых безобразий, преступлений. Не имея протестом успеха, он требовал его освободить от его должности и был переведен на Запад главнокомандующим фронтом «А»⁶³. Но в смысле влияния выиграл Гитлер и его партнеры, выиграли СС, СД и гестапо⁶⁴.

Были и другие мероприятия армейских генералов против преступлений СС и СД. После окончания военных действий в Польше в тылу немецкой армии (и даже во время самих военных действий) части СС и полицейские части (по книге «Die Deutschen Generalfeldmarschälle») проводили жестокости и преступления, расстреливали невинных людей, которые должны были сами себе выкопать могилы. Такие преступления привели командующих военными частями в ярость.

Винючников, проводивших эти страшные преступления, с которыми армия ничего общего не имела, поставили под военный суд и приговорили к смертной

⁶¹ *Рунштедт Карл Рудольф Герд, фон* (1875–1953) — немецкий военачальник. В годы Первой мировой войны на штабных должностях, майор. Продолжил службу в Рейхсвере. К 1933 г. генерал пехоты и командующий 1-й группы армий. С 1938 г. в отставке. Вернулся на службу в сентябре 1939 г., командующий группой армий «Юг», в 1940 г. командующий группой армий «А». Генерал-фельдмаршал. В июне 1941 г. командующий группой армий «Юг». В ноябре 1941 г. приказал своим войскам отойти, за что был отправлен Гитлером в отставку, но затем Гитлер извинился перед Рунштедтом и отставку заменил отпуском. С марта 1942 г. на Западе. В 1944 г. требовал от Гитлера вступить в переговоры с союзниками. В марте 1945 г. смещен с поста за пораженческие разговоры.

⁶² *Франк Ганс Михаэль* (1900–1946) — нацистский государственный деятель. Участник боев с левыми в Германии в 1919 г. В 1924 г. окончил Кильский университет. Юрист, выступал защитником нацистов и лично Гитлера на большом количестве судебных процессов. Член штурмовых отрядов (СА) НСДАП. В 1933 г. рейхскомиссар Министерства юстиции. После разгрома Польши в 1939 г. назначен генерал-губернатором оккупированных польских земель (Генерал-губернаторство). Один из главных нацистских преступников. Осужден в Нюрнберге, казнен.

⁶³ Фронт «А» — правильно группа армий «А».

⁶⁴ СД — разведывательная служба охранных отрядов, позже одноименные управления, гестапо — тайная государственная полиция Германии, перед войной вошла в состав Главного управления имперской безопасности в качестве 4-го управления. Обе организации были подведомственны Гиммлеру как рейхсфюреру СС и шефу германской полиции.

казни⁶⁵. Но Гитлер заступился за своих «опричников» и смертная казнь не была приведена <в исполнение>. Против зверств команд (частей) особого СС назначения главным образом вступились генерал Петцель⁶⁶, генерал-полковник Бласковиц⁶⁷ (который открыто сказал, что Вермахт против «Бесчинств банды бандитов») и генерал фон Кюхлер⁶⁸, командующий 3<-й> армией. Он заступился за поляков и евреев и требовал, чтобы самого гауляйтера Эрих<a> Кох<a> призвали к ответственности. Генерала фон Кюхлер<a> за все это отставили, но за него вступился главнокомандующий сухопутными частями генерал-фельдмаршал фон Браухич и он позже был назначен командующим 18<-й> армией.

Но то, что Гитлер отменил смертный приговор преступным офицерам и солдатам СС и полиции, было же опять большим, очень большим ударом по Вермахту. Таким образом, Вермахт не был хозяином в им занятых территориях и не был в силах задерживать массовые убийства и преступления, а Гитлер с государственного положения санкционировал эти преступления нацистской идеологии. А командующие частями Вермахта получили уничтожающий ответ, хуже которого и быть не могло. Все это, по-моему, дает картину условий действия и решений самого Вермахта и вместе с тем условий для Русских патриотических отрядов, для Русского национального самоуправления.

Несмотря на все это, генералы Вермахта пытались и дальше по возможности проводить свою линию, которая с нацизмом ничего общего не имела. Пытались наказы-

---

⁶⁵ Известен только один случай осуждения эсэсовца и служащего полицейского батальона за расстрел 50 евреев в дни Польской кампании. По требованию Гимmlера приговор не был приведен в исполнение. Из-за громкой огласки этого дела 17 октября 1939 г. Министерство юстиции Германии издало указ «Об особом порядке привлечения к суду членов СС и полицейских формирований особого назначения».

⁶⁶ *Петцель Вальтер* (1883–1965) — немецкий генерал. Участник Первой мировой войны, капитан артиллерии. В том же звании перешел в Рейхсвер. Командир артиллерийского дивизиона, позже полка. В 1935 г. генерал-майор. С 1936 г. командир пехотной дивизии. В 1938 г. генерал-лейтенант, инспектор артиллерии. Командующий 21-м военным округом. В марте 1945 г. по требованию Гимmlера отправлен в резерв.

⁶⁷ *Бласковиц Йоханнес Альбрехт* (1883–1948) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, обер-лейтенант. Офицер Генерального штаба. В Рейхсвере командир полка, подполковник, позже полковник. С 1933 г. в Военном министерстве. Генерал-майор. Командир дивизии, корпуса, командующий войсками военного округа. В 1939 г. командующий 8-й армией. Генерал-полковник. Был возмущен действиями в Польше частей СС «Мертвая голова». Направил по инстанции меморандум «О предосудительных действиях СС в отношении гражданского населения Польши». Активная гражданская позиция по этому вопросу не позволила Бласковицу получить звание генерал-фельдмаршала. С мая 1940 г. командующий 9-й армией, с октября 1940 г. — 1-й армией. С 1944 г. командующий группой армий «Г». Пленен. Обвинялся союзниками в военных преступлениях. Покончил жизнь самоубийством.

⁶⁸ *Кюхлер Георг Карл Фридрих Вильгельм, фон* (1881–1968) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, капитан. Служил в артиллерии и на штабных должностях. Участник боев в Прибалтике в составе Добровольческого корпуса в 1918–1919 гг. Затем на преподавательских должностях в Рейхсвере. С 1932 г. начальник артиллерии 1-го военного округа. Генерал-майор. В 1935 г. генерал-лейтенант. С 1937 г. командующий войсками 1-го военного округа. Руководил оккупацией Мемеля (Клайпеда) в 1939 г. Участник войны с Польшей. Командующий 18-й армией на Западе в 1940 г. С января 1942 г. командующий группой армий «Север». Генерал-фельдмаршал. В январе 1944 г. войска Кюхлера отступили, что вызвало гнев Гитлера. Кюхлер был снят со своего поста и более постов в Вермахте не занимал. В 1947 г. осужден американским военным трибуналом за военные преступления на 25 лет заключения. Освобожден в 1954 г.

вать СС-командиров за безответственную растрату своих воинов СС. И это случилось после наступления на укрепление Модлин (под Варшавой). Вопреки приказу армейского командования ждать артиллерийской и воздушной подготовки СС-овская часть начала наступление на форт Модлин и понесла ужасные потери, не взяв Модлина, который после этого был взят частями армии. За это ответственных офицеров СС поставили под военно-полевой суд, но и тут наказание не было проведено, так как за осужденных вступились Гитлер и Гиммлер. Опять же удар по Вермахту.

ЕЩЕ О РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ОТРЯДАХ (Условия для создания и возможности немецких генералов)

Самодействие и жестокое бесчинство СС-овских карательных особого назначения отрядов, несмотря на строгие дисциплинарные мероприятия со стороны начальников Вермахта (Wehrmacht) на занятой территории, продолжались. Генералам стало ясно, что это творится с согласия самого Гитлера. Это было против старой традиции и правил армии, и генералы, как и другие начальники, этому сопротивлялись. Все-таки они были господа и начальники в уже занятых областях и тем более на фронтовой и прифронтовой территории. Благодаря этому они могли делать и делали свои независимые решения против воли Гитлера и нацистской партии, создавая русские добровольческие и давая согласие и разрешение русским патриотам организовывать такие отряды русских добровольцев. Но этим они рисковали и проявляли большое личное мужество. СС-овских бригад и дивизий в 1941 году еще было, по-видимому, мало⁶⁹, и многие командующие фронтами и армиями старались по возможности их у себя не иметь. Недовольство и ярость у генералов вызывали СС-овские отряды и СД-отряды карательного характера в тылах, которых на поверхности часто почти не было видно и сами фронтовики и другие прифронтовые части не знали об их существовании.

Большое возмущение, протесты и открытое сопротивление вызвал так называемый «комиссарский приказ»⁷⁰, в котором говорилось не брать живыми в плен комиссаров, политруков и подобных чинов Красной армии и расправляться с партийцами. На это если, может быть, не все, то всяком случае подавляющее большинство командующих резко реагировало. Об этом сопротивлении генералов армейских (Heer) частей уже писалось в книгах и в некоторых статьях, и надо подчеркнуть, что генералы тут ясно и строго не только высказывали свое мнение, но издавали свои контрприказы.

Танковый генерал-полковник Гудериан в своем приказе просто и ясно своим солдатам и офицерам (в начале 1941 года наступления на Советский Союз он был командующим 2<-й> танковой группой, которая была переименована в <о> 2<-ю> танковую армию) — типично его твердому характеру, сказал, что этот при-

⁶⁹ В 1941 г. существовало 5 пехотных дивизий и 2 пехотные бригады СС, а также отдельные полки и формирования. Наличие частей СС в составе той или иной армии никоим образом не зависело от желания командующих армиями и их окружения.

⁷⁰ Приказ о комиссарах (Kommissarbefehl) — директива ОКВ об обращении с политическими комиссарами (политработниками) от 6 июня 1941 г.

каз их не касается и чтобы они не смели его проводить, а то он их за это приведет к ответственности. Таким образом, этот вопрос был решен коротко и ясно.

Командующий Средним фронтом генерал-фельдмаршал фон Бок (который уже раньше у Гитлера протестовал против массовых политических и других расстрелов в тылу армии) дал строгое указание своим частям Среднего фронта «Комиссарского приказа» ни в коем случае не проводить. Командующий 9<-й> армией генерал-полковник Штраус (9<-я> входила в состав Среднего фронта) от себя издал такой же строгий приказ. Чтобы этот приказ во всяком случае остался у командующих дивизиями и корпусами в памяти, уже в Витебске нач<альник> штаба 9<-й> армии Ген<ерального> штаба полковник Курт Векманн в виде меморандума этот приказ еще повторил и еще добавил, что<бы> солдаты Вермахта ни в коем случае не следовали примеру СС и СД. Так что тут исключений или отказа от армейского приказа быть не могло. Более того, ген<ерал->полк<овник> Штраус и его нач<альник> штаба полковник Векманн всеми силами старались в составе 9<-й> армии не иметь частей СС (Waffen-SS)⁷¹, и это им удавалось. Уже в 1943 году в танковой 2<-й> дивизии погибший старш<ий> лейтенант фон Роден (тогда еще адъютант полк<овника> Векманн<а>) с улыбкой злорадно рассказывал, как в самом начале войны, <в> первые же дни наступления в штабе 9<-й> армии прибыли полковник, капитан и лейтенант какой-то СС-овской части и выразили недовольство <тем>, что их часть решили оставить в Восточной Пруссии на всякий случай, а вот они уж так хотели воевать, это, конечно, не вызвало впечатления, так как обычно армейские офицеры демонстративно и громко не глаголили о своем патриотизме, а просто исполняли свой долг, так как это само собой разумеется. По-видимому, СС-полковник знал как-то со старых времен ген<ерал->полк<овника> Штраус<а> и поэтому другого как и не осталось, как по его указанию полк<овнику> Векманн<у> позвонить в Главную ставку. Смеялся же ст<арший> лейт<е>н<ант> фон Реден, потому что полк<овник> Векманн так «просил включить» в наступление СС-часть, что оттуда пришло нет. Таким образом, 9<-я> армия избавилась от этой части и до прибывших просителей дошло, что они не желательны.

Благородных и русскому народу полной свободы желающих немецких начальников было не мало, было много. Условия помочь русскому народу не становились легче, а иногда и много хуже, так как воздействия самого Гитлера, влияния его партийцев вроде Бормана⁷², Коха, Кубе⁷³ и других становились сильнее. Но

⁷¹ Автор ошибается. С января 1942 г. в состав 9-й армии входила Кавалерийская бригада СС.

⁷² Борман Мартин (1900–1945) — партийный и государственный деятель Третьего рейха. Участник Первой мировой войны. После войны состоял в различных националистических организациях. Один из руководителей СА и НСДАП в Тюрингии. С 1933 г. начальник штаба заместителя Гитлера Р. Гесса. Один из ближайших сотрудников Гитлера. После перелета Р. Гесса в Великобританию в 1941 г. влияние Бормана выросло до невероятных масштабов. 13 мая 1941 г. стал секретарем Гитлера и возглавил партийную канцелярию. Выступал за германизацию оккупированных земель СССР. Непримиримый противник создания русских добровольческих формирований в Вермахте. Погиб при штурме Берлина.

⁷³ Кубе Вильгельм Рихард Пауль (1887–1943) — государственный и партийный деятель Третьего рейха. Журналист, член ряда националистических организаций. С 1927 г. в НСДАП на руководящих должностях. С июля 1941 г. рейхскомиссар генерального округа Белоруссия. В сентябре 1943 г. убит белорусскими партизанами.

генералы от своей линии не отступали, хотя многие и поплатились своим положением. После полета на фронтную полосу полк<овник> Векманн был ранен и после лазарета произведен в генерал-майоры и назначен начальником Военной академии в Берлине. Но и там он высказывался за свободную и независимую Россию, за создание русских добровольческих частей и против военной и административной политики Гитлера. Вместе с тем он в той же Военной академии ясно указывал на тактические и стратегические ошибки Гитлера и на последствия этих ошибок. Когда академия перешла в Hirschberg, Гитлер генерала Векманн<a> устранил от должности начальника Военной академии и послал на новый пост далеко в Норвегию. Еще один друг Русского дела был поставлен в такое положение, где он меньше всего мог быть полезен России и русским. После войны генерал Векманн не возвратился в армию, но он создал «Общество имени генерала фон Клаузевиц<a>» и он утверждает, что фон Клаузевиц был самым выдающимся военным мыслителем, военным философом, который был далеко не достаточно, как полагают, был признан в Германии, в противоположность того, как он был признан в других странах, и в пример ген<ерал> Векманн приводит Россию. В общество имени фон Клаузевиц<a> входят офицеры Генерального штаба военного и довоенного времени и генштабисты настоящей немецкой армии, Bundeswehr⁷⁴. Деятельность общества уже давно перешагнула границы Зап<адной> Германии, как это часто случается и с другими академическими обществами. Теперь генерал Векманн почетный председатель общества. Но есть и другие его изречения по адресу красноармейцев. В первые недели войны с Советами он был глубоко возмущен, что плен избежавшие красноармейцы по-партизански скрываются и стреляют в спину немецких солдат, и говорил: «Они же воюют не шпагой, не рапирой, а булавой!» Но и он заметил, что на Восточном фронте часто воевали не по международным правилам. Первый раз увидев большую массу пленных красноармейцев, он удивился, как русский солдат по виду изменился. По его словам, русский солдат Первой мировой войны был крепче и по виду и выражению был другой.

Но были генералы и генерал-фельдмаршалы в Вермахте и другого типа, хотя это и были исключения. Тут вернемся к генерал-фельдмаршалу фон Рейхенау, к ярому нацисту, который уже до начала войны старался Вермахт (Wehrmacht) привести к влиянию и юридическому авторитету самого Гитлера. Это было злое начало сокрушающим последствиям и трагического перехода армии в зависимость от партийной линии, надо опять повторить, что это было в вред русскому национальному делу.

Будучи командующим 6<-й> армией в октябре 1941 г<ода> (она тогда входила в состав Южного фронта немецкой армии), ген<ерал>-фельдмаршал фон Рейхенау издал приказ по армии, как себя держать и как действовать на Востоке (Verhalten der Truppe im Ostraum — Die Deutschen Generalfeldmarschälle — 169 страница). Приказ был издан полностью в духе партийной пропаганды и своею жестокостью к русскому народу вызвал большое возмущение и противоречие в кругах армии (Heer). В книге пишут, что этот приказ и мероприятия фон Рейхенау до сих дней

⁷⁴ Вооруженные силы Федеративной Республики Германия.

затемняет воспоминания об одаренном генерале. Когда генерал Паулус⁷⁵ (тот же, который стал в Сталинграде генерал-фельдмаршалом и попал в советский плен) перенял командование 6-й армией, он после смерти фон Рейхенау решительно отменил жестокий приказ по отношению русского населения и пленных красноармейцев (Die Deutschen Generalfeldmarschälle — 148 страница).

Как совсем противоположно к русскому народу — к населению и к военнопленным, относился высокой морали и благородства генерал-фельдмаршал фон Манштейн⁷⁶. Еще будучи командующим 11-й армией на Южном фронте (включая Крым) и потом командующим фронтом «Дон»⁷⁷, фон Манштейн, несмотря на большие затруднения с подвозом разного снабжения, лично заботился о благополучии, о квартировке (самих лагерей) и о питании очень больших масс военнопленных, а также о сожалении вызывающего гражданского населения, так как отступавшая Красная армия уничтожила все склады, включая и продовольственные склады (Die Deutschen Generalfeldmarschälle — 123 страница). Население с благодарностью увидело заботу немецкого генерала и помогло немецким частям в борьбе с партизанскими группами. Таким образом, тогда еще в чине генерал-полковника фон Манштейн своим добрым отношением к русским достиг куда больше, чем фон Рейхенау, который строго запретил всякое сочувствие беспомощному русскому населению.

Благожелательно к русским и русскому делу относился и генерал-фельдмаршал фон Клейст⁷⁸, командовавший 1-й танковой армией, а потом Южным фронтом — «А» (Южный фронт в 1942 году был позже разделен на 2 от-

---

⁷⁵ Паулус Фридрих Вильгельм Эрнст (1890–1957) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, капитан. Продолжил службу в Рейхсвере. Служил на различных штабных должностях. В мае 1939 г. генерал-майор, в августе генерал-лейтенант. С июня 1940 г. заместитель начальника Генерального штаба сухопутной армии. Один из авторов плана нападения на СССР. С января 1942 г. командующий 6-й армией. Вместе с армией попал в окружение в Сталинграде (ныне Волгоград). Генерал-фельдмаршал. С февраля 1943 г. в советском плену. В качестве свидетеля участвовал в Нюрнбергском процессе. В конце 1953 г. вернулся в Восточную Германию. Занимался педагогической деятельностью.

⁷⁶ Манштейн Эрих фон Левински (1887–1973) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, капитан. Продолжил службу в Рейхсвере на штабных должностях. С 1935 г. начальник Оперативного управления Генерального штаба сухопутной армии. В 1939 г. начальник штаба группы армий «Юг», позже командир корпуса. С сентября 1941 г. командующий 11-й армией. За взятие Севастополя произведен в генерал-фельдмаршалы. С ноября 1942 г. командовал группой армий «Дон». С февраля 1943 г. командующий группой армий «Юг». За мнимые недочеты в командовании войсками 1 апреля 1944 г. отправлен в резерв. До конца войны проживал в Германии. Арестован британцами в 1945 г. В 1950 г. британским судом приговорен к 18 годам заключения за невнимание к гражданскому населению. Освобожден в 1953 г. по состоянию здоровья. Советник правительства ФРГ. Автор воспоминаний.

⁷⁷ Правильно — группа армий «Дон».

⁷⁸ Клейст Эвальд Пауль Людвиг, фон (1881–1954) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, ротмистр. Участник боев в Прибалтике в 1919 г. в составе Добровольческого корпуса. С 1920 г. в Рейхсвере на преподавательской работе. В 1931 г. полковник, командир полка. В 1932 г. генерал-майор, командир дивизии. С 1935 г. командующий 8-м военным округом и VIII корпусом. Участник боев в Польше, на Западе, в Югославии. В мае 1940 г. возглавил танковую группу своего имени. Генерал-полковник. В 1941 г. командир 1-й танковой группы, затем 1-й танковой армии. С ноября 1942 г. командовал группой армий «А». Весной 1944 г. отправлен в отставку. В 1945 г. арестован англичанами. В 1946 г. передан Югославии, осужден на 15 лет заключения. В 1949 г. передан в СССР, осужден на 25 лет заключения. Умер в лагере.

дельных фронта). При отступлении в 1943 году, первых неудачах немцы старались спасти тех русских, которые с ними сотрудничали или по другим причинам боялись возвращения большевиков. В своих в «Часовом» появившихся статьях Ширяев⁷⁹ (писал под псевдонимом А. Алымов, название статей «Ставрополь — Берлин») писал, что при отступлении всем не хватало грузовиков, не хватало транспорта. И вот немецкие начальники с грузовиков снимали своих немцев и садили русских и говорили: «Вам грозит плен и тяжелый плен, им <—> русским грозит верная смерть».

Не все без исключения немецкие генералы искренне и жертвенно заботились о несчастных русских пленных. Но иногда и обстоятельства были почти безнадежны, как это было во время Ржевской битвы под Москвою зимою <в> 1941–1942 году, когда в критическом, отчаянном положении дрались за само существование и сам подвоз продовольствия был очень слабый. Военная и моральная нагрузка на генерал-полковника Штрауса^а и других генералов была больше, чем любой человек мог вынести, а средств не было.

В такое положение своим диким упрямством и военной тупостью своих генералов загнал Гитлер. Фронтовые части совершенно выдохлись, положение подвоза продовольствия и даже амуниции подходило к критическому положению, зимней одежды не было. Во время битвы под Вязьмой и Брянском было в котле взято что-то 650 000 пленных и их надо было кормить, а продовольствия не хватало.

Русские переводчики и сами немцы докладывали о ужасном, умопомрачительном положении в лагерях военнопленных. Эти вести действовали на душевное состояние русских переводчиков. Ротмистр Карцев говорил, что переводчик лагеря военнопленных Сычевки с совершенно подорванными нервами (бывший офицер царской армии) подал в отставку и уехал обратно не то в Югославию, не то во Францию. Уехали еще два переводчика. Но подавляющее большинство осталось, чтобы хоть как помочь русским людям. В одном случае переводчику почти случайно от армейского шофера грузовика почитать попала СС-овская брошюра, печатающаяся для домашней, черной (в черных униформах) СС, в которой была статья об уничтожении и истреблении русских. Через ротмистра Карцева эта брошюра попала в руки командующего 9-й армии генерал-полковника Штрауса^а. Результат был, что приказом по армии подобные брошюры, подобная агитация запретились в участке 9-й армии. Интересно, рискнул бы какой-нибудь командующий советской армии запретить печатное слово Ильи Эренбурга⁸⁰.

⁷⁹ Ширяев Борис Николаевич (1887–1959) — знаменитый писатель русского зарубежья. Окончил Московский университет. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. Остался в Советской России. Преследовался большевиками, неоднократно отбывал сроки. Накануне войны преподаватель в Ставропольском педагогическом институте. После оккупации Ставрополя возглавил редакцию газеты «Ставропольское слово». Офицер РОА. В конце войны находился в Италии. Избежал выдачи. В эмиграции в Аргентине. Автор ряда произведений. Псевдоним — А. Алымов.

⁸⁰ Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — российский и советский журналист, переводчик, поэт. После 1908 г. в эмиграции во Франции. В годы Первой мировой войны военный корреспондент российских газет на Западном фронте (Париж). Приезжал в Россию в 1917 г. и позже. В качестве корреспондента был в Испании в годы гражданской войны 1936–1939 гг. В 1940 г. вернулся в СССР. Один из главных советских пропагандистов.

Пошли жалобы и депеши, что немецкие солдаты с крестьян и другого русского населения снимают валенки. Среди русских это вызвало возмущение, но, видно, больших результатов не дало, так как считалось, что таким образом немецкие солдаты спасаются от отмораживания ног. Но это доложили даже самому генерал-полковнику Штраусу, который в то время старался спасти свою 9-ю армию от гибели.

Конечно, в душе он хотел помочь военнопленным, конечно, он хотел охранить гражданское население, но в то очень критическое время для его 9-й армии его возможности были очень ограничены и он должен был спасти свою армию от гибели. Был момент, когда уже во время зимней битвы под Москвой (и Ржевом) на приказ Гитлера из Главной ставки во что бы то ни стало держать фронт (где его еще можно было фронтом назвать) генерал-полковник Штраус по телефону ответил: «Дайте мне новые части, помощь, и я буду фронт держать, иначе я должен отступать!» Он не хотел бессмысленно в военной мясорубке жертвовать своих солдат. Но когда по приказу Гитлера его заменил генерал Моделль, то фронт уже стабилизировался и в общем 9-я армия была спасена. Этим не хочу уменьшить заслуги и военную одаренность генерала Моделля, которому приписана победа в зимней битве под Ржевом и который своих частей не жалел и от них больше требовал и, конечно, в душе, наверно, был безразличен к русскому народу и, конечно, русскому делу. Если потом в генерал-фельдмаршалы произведен Моделль и не был таким ярым и фанатичным нацистом, как генерал-фельдмаршал фон Рейхенау, если он с Гитлером иногда и не соглашался в военных решениях, то по мировоззрению и политической линии подтверждено в книге (Die Deutschen Generalfeldmarschälle).

Настоящими нацистами в среде генерал-фельдмаршалов были Риттер фон Грейм⁸¹ (авиация) и Фердинанд Шюрнер⁸² (Schörner). Если фон Грейм до производства был совсем неизвестным (только 21 апреля 1945 года произведен в генерал-фельдмаршалы и назначен главнокомандующим жалкими остатка-

⁸¹ *Грейм Роберт Риттер, фон* (1892–1945) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны. Обер-лейтенант. В 1915 г. направлен на курсы летчиков. Летчик-истребитель. С 1920 г. в отставке. В 1924–1926 гг. в качестве военного советника был в Китае. В январе 1927 г. вернулся в Германию. Руководитель летной школы. С 1934 г. вновь на военной службе, командир авиагруппы, позже авиаэскадры. С июня 1937 г. начальник управления кадров в Министерстве авиации. В 1939 г. командир авиадивизии. Участвовал в войне с Польшей и Норвегией, принимал участие в организации воздушной битвы над Англией. С 1942 г. командующий ВВС на Востоке, позже командующий 6-м Воздушным флотом. После отстранения рейхсмаршала Г. Геринга от командования авиацией возглавил ВВС Германии и был произведен в генерал-фельдмаршалы 26 апреля 1945 г. Сдался американской армии. Опасаясь передачи в СССР, покончил жизнь самоубийством.

⁸² *Шюрнер Фердинанд* (1892–1973) — немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны, лейтенант. Продолжал службу в Рейхсвере. В 1937 г. подполковник, командир полка. Участник боев в Польше, Греции. Генерал-майор, командир дивизии. В 1941 г. в немецких частях на Мурманском направлении. Летом 1942 г. генерал горных войск. Командовал немецкими частями в Норвегии и Финляндии. В конце 1943 г. командир корпуса на Украине. Руководил боевой группой своего имени. С июля 1944 г. командующий группой армий «Север». В январе 1945 г. возглавил группу армий «А», позже группу армий «Центр». Генерал-фельдмаршал. Перед самоубийством был назначен Гитлером Верховным командующим Вермахтом. Сдался в плен американской армии, но был передан в СССР. Осужден на 25 лет заключения. Репатрирован в Германию в 1955 г.

ми авиации) большинству людей (опасаясь выдачи Советам 24.5.1945 <года>, в плену покончил самоубийством), то Шиорнер стал скоро известным своею жестокостью, безжалостностью к своим же солдатам и даже легче раненых брал из лазаретов и посылал на фронт. Тут не приходится и говорить, что от него русские, само русское дело и добровольческие отряды ничего ожидать не могли. В той же Die Deutschen Generalfeldmarschälle книге подтверждают, что у Шиорнера ничего рыцарского не было и ему был чужд дух старой военной традиции и в противоположность почти всем генерал-фельдмаршалам он был безгранично привязан к Гитлеру и его партии. Но интересно то, что когда он после 12½ лет советского плена возвратился в Германию, то Восточная Германия пыталась уговорить его стать на службу в Восточной Германии и делала большие обещания. Но Шиорнер отказался и поехал в Зап<адную> Германию. Там его за жестокое отношение к своим же солдатам судили и приговорили к 4 годам и 6 месяцам тюрьмы.

Вот примеры немецких полководцев, от которых зависело Русское дело, зависела дальнейшая судьба России. Но окончательные решения делал все-таки Гитлер. Надежда, что с продолжением войны влияние Гитлера и его партии станет меньше и армия будет в состоянии делать больше решительных решений, не оправдалась.

Во время первой недели, первых же дней войны 1941 года начальник штаба 9<-й> армии полк<овник> Курт Векманн спросил своего личного переводчика, русского совсем молодого добровольца, как, по его мнению, будет на войну реагировать русский народ. И ответ был, что будет восстание, будет переворот и устранена власть большевиков. С этим полк<овник> Векманн согласился. После 3–4 недель он повторил этот вопрос и ответ был тот же самый.

— Нет, — сказал полк<овник> Векманн, — теперь уж переворота не будет.

И он был прав.

ЦЕРКОВЬ.
БОГОСЛОВИЕ. ИСКУССТВО:
К 700-летию Сергия Радонежского

О. Т. Ермишин

ОБРАЗ, НАСЛЕДИЕ И ТРАДИЦИИ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО
В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*Международная научная конференция
Москва. 27–28 октября 2014*

В 2014 г. исполнилось 700 лет со дня рождения преподобного Сергия Радонежского. К юбилейной дате 27–28 октября 2014 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына была проведена международная научная конференция «Образ, наследие и традиции преподобного Сергия Радонежского в культуре русского зарубежья», на которой выступили ученые из России, Франции, Великобритании, Венгрии. Конференция показала, что Сергей Радонежский был значимой фигурой для русского зарубежья, духовным символом для единения русских людей, оторванных от родины. Кроме Православного богословского института преподобного Сергия Радонежского в Париже и Братства св. Албания и преподобного Сергия в Великобритании, которые непосредственно ориентировались на образ святого, влияние Сергия Радонежского проявилось через различные и многообразные явления в культурной жизни русской эмиграции XX в. Рассмотрению и анализу этих явлений и была посвящена конференция.

Прежде всего, в докладах А.И. Кырлежева «Русское зарубежье XX в.: повороты богословской мысли» и П.Б. Михайлова «Этос православного богословия в традициях русского церковного зарубежья» был дан обзор основных направлений в богословии русской эмиграции, которое в наибольшей степени отражало церковное сознание и тенденции в восприятии русской святости, в том числе Сергия Радонежского. Неопатристический синтез, персонализм, евхаристическая экклезиология, литургическое богословие были востребованы ведущими русскими богословами, стремящимися, по словам П.Б. Михайлова, к целостному знанию, к единству богословия и жизни. Указанные доклады стали своего рода введением в тему конференции.

Идейно-политическая тема была освещена в докладах С.А. Нижникова и С.М. Половинкина, в которых, отталкиваясь от Сергия Радонежского, благословившего князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву, выступающие рассмотрели религиозные основы политики и государственности (на примере таких мыслителей русского зарубежья, как В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, прот. Сергей Булгаков и др.). Последующие выступления можно условно разбить на три темы: литература, искусство, агиография. Среди литераторов наибольшее внимание докладчиков привлекли Б.К. Зайцев, автор книги о Сергии Радонежском (В.В. Лепяхин, А.П. Козырев), и И.С. Шмелев (Л.В. Суравова). Через литературный образ Сергия Радонежского и других святых русские писатели пытались восстановить духов-

ную связь с Россией, продолжить на чужбине историю русской культуры. Примерно то же самое происходит в искусстве и иконописи: Россия обретает зримые черты в церковном пространстве храмов, этих духовных центрах русского рас-seяния. Иконописцам были посвящены доклады протоиерея Николая Озолина (о Д.С. Стеллецком), И.К. Языковой (о парижской школе иконописи), Н.П. Белевцевой (о монахине Иоанне Рейтлингер). Размышлениями о феномене святости и агиографической традиции русского зарубежья поделились в своих выступлениях А.Н. Ужанков и Л.В. Крошкина.

Конференция закончилась блоком докладов по богословию: об архимандрите Софронии Сахарове (К.Б. Ермишина), протоиерее Сергии Булгакове (В.Н. Белов), Братстве св. Албания и преподобного Сергия (прот. Стивен Платт (Platt)), православной традиции и межконфессиональных связях в Великобритании (протопресвитер Ян Грэм (Graham), архимандрит Кирилл Дженнер (Jenner), архимандрит Ефрем Лэш (Lash), пастор Крис Мур (Moore)). Следует отметить живой интерес иностранных участников к православному наследию, к развитию церковной традиции на английской земле. Например, архимандрит Кирилл Дженнер много лет развивает англоязычную традицию знаменного распева. Напомню, что знаменный распев, преимущественно существовавший в России до XVIII в. (сейчас в России практикуется только в старообрядческих и единоверческих приходах), — это часть той литургической традиции, в которой непосредственно жил Сергей Радонежский. То, что знаменный распев адаптирован для англоязычной православной литургии, является живым доказательством непрерывности церковной традиции, продолжающейся от эпохи Сергия Радонежского до наших дней.

Представляем читателям «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» избранные доклады по богословию и искусству, прочитанные на конференции.

П.Б. Михайлов

ЭТОС ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВИЯ В ТРАДИЦИЯХ РУССКОГО ЦЕРКОВНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Катастрофически сложились судьбы русского православия в XX в. Христианская традиция подверглась в этом столетии тяжелейшим испытаниям. Трудно найти за всю историю мирового христианства время, сопоставимое по масштабам гонений на Церковь. Даже если обратиться ко временам древних гонений, сравнение будет не в их пользу. Вопреки распространенным убеждениям, Римская империя не видела в христианстве своего идеологического соперника. Лишь изредка имперские администраторы вспоминали о христианах и отдавали спорадические распоряжения о локальных гонениях на церковные общины. Время от времени и по местам по-разному эти репрессии носили более или менее жестокий характер. Но даже там, где гонения были совершенно истребительны (например, в Лионе, в 177 г.)⁸³, они очень быстро заканчивались, и церковная община чрезвычайно скоро возобновляла свое существование, продолжая жизнь с новой силой, подкрепляя убежденность в истине веры подвигом пострадавших мучеников. На костях мучеников в полном смысле слова созидалась Церковь.

Знаменитый историк Античности XVIII в. Эдуард Гиббон, которого никак нельзя отнести к числу апологетов христианства, с большой тенденциозностью, но тем не менее недалеко от истины, утверждал: «...во время своих внутренних раздоров христиане причинили одни другим гораздо более зла, чем сколько они потерпели от усердия неверующих» [Гиббон 2008, т. 2, с. 160]⁸⁴. Статистика, предлагаемая английским исследователем, конечно, сильно искажена. Историк говорит о числе христианских мучеников на начало IV в., составляющем немногим менее двух тысяч жертв. Это сильное приуменьшение истинного количества мученически погибших древних христиан, которое едва ли можно точно установить⁸⁵, однако оно в целом передает настоящий масштаб и характер древних гонений на христиан. Самое главное: империя на протяжении почти трехсот лет не признавала за христианами реальной силы, угрожающей ее существованию. Церковь не воспринималась как серьезный идеологический соперник. Поэтому власть в империи относилась с известным равнодушием к христианскому культу,

---

⁸³ См. подробное описание этого события в пятой книге «Церковной истории» Евсевия Кесарийского: [Евсевий Памфил 1993, с. 157–174].

² Для сравнения с периодом религиозных войн Гиббон приводит свидетельство Гроция о цифре в сто тысяч погибших от рук палачей в Нидерландах, остающихся на совести католической стороны.

³ См. анализ современной изученности вопроса в статье: [Price 2008].

что сделало возможным развитие церковной культуры, социальной активности и мобильности, косвенно способствовало необычайным успехам древнего миссионерства, наконец, это обстоятельство не составило препятствий для возникновения и бурного развития образовательных институтов древних христиан, что дало возможность расцвета церковного воспитания, образования и науки или церковного богословия как такового. Ярким примером этого могут служить выдающиеся успехи Огласительного училища в одном из главных городов тогдашнего мира — Александрии, пик которых приходится на первую половину III в., т. е. на эпоху усиливавшихся гонений на Церковь, еще по крайней мере за сто лет до того, как христиане получили статус законной религии.

В России после революции подобные локальные расцветы основных форм церковной жизни были совершенно исключены. И объясняется это принципиально иной интенсивностью преследований христиан. Гонения на огромной территории носили тотальный характер. Приблизительная статистика жертв гонений на христиан СССР, как ее оценивал Н.Е. Емельянов, подводя итог работе государственной комиссии, такова: «...число пострадавших можно оценить в сотни тысяч: по разным оценкам их было от 500 000 до 1 000 000 православных людей, пострадавших за Христа» [Емельянов 1999, с. 264]. На один только 1937 г. приходится около ста тысяч казней православных христиан (см.: [Там же, с. 270]). Церковная жизнь во всех ее основных внешних проявлениях — в литургической культуре, в церковной проповеди, в науке и образовании — в таких обстоятельствах, разумеется, оказалась вытеснена в подполье. Как об этом пишет историк Церкви в период гонений А.Л. Беглов: «За пределами легальности окончательно остались: монашество, церковная благотворительность, образование, хозяйственная деятельность и масса незарегистрированных или снимаемых с регистрации общин...» [Беглов 2008, с. 34]. Добавим от себя: в совокупности это означает, что никакое церковное творчество не было возможно. И совершенно исключено было такое важное направление церковной жизни, как богословие, деятельность церковной мысли и слова. Исключения здесь единичны и случайны и потому не меняют общего состояния дела. Вновь, как и в древние времена, порой поневоле самым распространенным и вместе парадоксальным способом христианской активности оказался подвиг мученичества. Тот же Н.Е. Емельянов подводит итог своим статистическим наблюдениям: «...количество святых мучеников и исповедников, которых дала Русская Церковь в XX в., действительно исчисляется десятками тысяч человек» [Емельянов 1999, с. 274]. Напомним, что в соответствии с изначальным греческим значением слово «мученик» / *μάρτυς*, происходящее из юридического словаря Античности, означало «свидетель», а «мученичество» / *μάρτυρία* — «свидетельское показание». Наверное, феномен свидетельства есть самое главное историческое и общественное призвание христиан. Оно более всего отвечает предназначению Церкви, согласно слову Спасителя: «шедше, научите все языцы» (Мф. 28: 19). И массовое христианское мученичество в России эпохи советских гонений было такой крайней формой исторического свидетельства смертью об истине христианства, поскольку часто иного выбора у людей тех поколений просто не оставалось.

* * *

Часть русской Церкви, иерархи, клирики и миряне, оказавшиеся вне Родины, при всей подчас крайней бедственности своего материального положения, в особенности в европейских странах, опустошенных Первой мировой войной, тем не менее, обладали возможностями для того самого церковного творчества, необходимыми условиями для осуществления свидетельства в основных формах церковной жизни. Насколько можно судить, русские христиане в эмиграции именно в этом видели свое подлинное убежище — в сохранении, деятельном воспроизведении и новом наполнении форм церковной жизни уходящей Руси. И потому русская Церковь в изгнании пронесла русское церковное предание со всей возможной верностью и сохранностью. Несмотря на тяжелейшие обстоятельства изгнания и суровые условия эмигрантской жизни русской церковной диаспоры, многие ее поколения понимали эту деятельность как некое историческое служение и исполнение долга перед своей церковной и культурной метрополией, оказавшейся в безбожном пленении советской власти. Церковные деятели первых волн русской эмиграции вдохновлялись этим служением. Тем самым мы имеем основания говорить об ином проявлении того самого христианского свидетельства в мире, понятого как главное призвание Церкви, о чем было сказано выше, а именно о свидетельстве жизнью, которое было принесено русским зарубежьем. Попытаемся проследить, как это свидетельство воплощалось. Пожалуй, наиболее показательным для данного случая будет обращение к той области церковной жизни, которая отвечает за осознание христианского призвания, за его словесное, рациональное выражение, формулирование задач и указание перспектив для распространения христианского свидетельства. Это — богословская мысль.

Разумеется, палитра различных богословских традиций, школ и концепций русского зарубежья весьма красочна. Ее никак нельзя свести к какому-то единому колориту. Даже более того, особенностью богословской среды русского зарубежья оказалась разноголосица позиций и программ. Эта среда отмечена характером живой и широкой дискуссии, обилием мнений по самым разным вопросам. Ведь разномыслие как проявление свободы, пожалуй, должно быть присуще любому типу человеческого общения, разновидностью которого, несомненно, хотя и со своими особенностями, является богословие. Мы найдем здесь: 1) мощную философски окрашенную традицию софиологии, возглавленную прот. Сергием Булгаковым и восходящую к русскому Серебряному веку и В.С. Соловьеву; 2) в том же контексте место и для более традиционных, прежде всего богословских и исторических программ, к которым можно отнести неопатристический синтез, выношенный и отчасти осуществленный прот. Георгием Флоровским и В.Н. Лосским; 3) в этой же области обретается глубокая рефлексия над природой церковной жизни, широко вовлеченная в богословие таинств и Литургии; 4) отдельным направлением рефлексии и дискуссии упомянем обращение к природе Церкви, экклезиологическую мысль. Этот ряд можно продолжать, но в настоящем случае важна не столько содержательная сторона сформулированных позиций и подходов, сколько то корневое основание, составляющее их общий исток и придающее всему совокупному богословскому опыту русского зарубежья XX в. его особен-

ное родовое свойство. Попробуем охарактеризовать его основные параметры — формальный и содержательный.

С формальной точки зрения следует отметить, что та область церковной жизни, которая отвечает за самосознание и самоосмысление, именно сфера рационального в Церкви (богословие), после русской революции переступила за строгие духовно-академические рамки, свойственные дореволюционной ведомственной монополии духовных академий на богословское дело, и вышла за пределы академических стен. Вообще взаимодействие богословской и светской мысли в русской культуре имело место и прежде. Своеобразные и весьма плодотворные интервенции в пространство богословской мысли осуществлялись выдающимися русскими мыслителями в XIX и начале XX в.: А.С. Хомяков высказывался по вопросу о природе Церкви, В.С. Соловьев — по вопросам внутриконфессиональных отношений между православием и католицизмом, философы и публицисты начала века, принимавшие деятельное участие в «Религиозно-философских собраниях», широко обсуждали фундаментальные аспекты христианской религиозности и феномен религии как таковой. Однако в русском зарубежье модальность присутствия светской мысли, интеллигенции в церковной среде характеризуется принципиально иным качеством. Есть все основания говорить вслед за Н.М. Зерновым об «обращении ордена интеллигенции» (см.: [Зернов 1991, с. 148, 225]), произошедшем после русской революции. Отныне верующая интеллигенция стала частью и одной из мощных опор Церкви, а не внешней заинтересованной силой. Достаточно взглянуть на портретную галерею довоенной профессуры Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, чтобы в этом убедиться. В его стенах трудились философы и историки, литературоведы и искусствоведы нецерковного профессионального и биографического происхождения, такие как В.В. Вейдле, Б.П. Вышеславец, К.В. Мочульский, Г.П. Федотов и др. Они стали частью Церкви, оставаясь частью культуры, из которой произошли, — культуры русского XIX — начала XX в. во всем его многообразии и богатстве. Это придало церковной мысли характер особенной открытости к современности и миру, значительно повысило ее коммуникативные возможности.

Оборотной стороной стало некоторое размывание строгих дисциплинарных, школьных границ церковной мысли и академического богословия. Порой именно этот период истории русского богословия иные ревнители от традиции упрекают в модернизме, а ревнители от науки — в самодеятельности. В первом случае, в частности в связи с концепцией неопатристического синтеза прот. Георгия Флоровского, высказывается такое мнение: «...провозглашенная Флоровским теоретическая программа “неопатристического синтеза”, притязаящая стать новым словом в современных духовных исканиях, взаимно обогатить концептуальные горизонты философии и богословия, в действительности не дает отклика на актуальные проблемы современности и представляет собой не что иное, как один из интеллектуалистических сценариев “нового средневековья”» [Черняев 2010, с. 183]. Автор этого высказывания, А.В. Черняев, склонен воспринимать замысел богословского возрождения Флоровского как реализацию некоей модернистской

установки, вводящей в живую традицию новые, не свойственные ей изначально интенции; оценка А.В. Черняева дается скорее от обратного — не с позиций традиционализма, а с позиций актуализации традиции, однако он отказывает Флоровскому в каком-либо успехе в данном начинании. Выражением упрека в некоей самобытности и непосредственности стиля богословствования в русской зарубежной традиции воспринимается и замечание В.К. Шохина о недостаточном внимании к теоретической стороне богословского дела: «Маргинальное место классификации дисциплин в русском богословии XX в. Одна из причин — борьба со “схоластикой” под знаменем “опытного богословия”» [Шохин 2002, с. 55]. На это можно возразить, что даже такой подчеркнута «непредвзятый» богослов, как прот. Александр Шмеман, посвятил теоретическим разработкам значительный этап своего профессионального становления как богослова, ученого, педагога и пастыря¹. Попытаемся же оценить духовную правоту русского богословия в изгнании, столь разнообразного по своим манифестациям, увидеть его укорененность в церковной традиции и основу его идентичности. Для этого перейдем к рассмотрению содержательного аспекта богословской традиции русского зарубежья, попытавшись выявить некое его родовое свойство.

* * *

Английский историк русской богословской мысли XX в., замечательный богослов и историк богословия, глава Англиканской Церкви (ныне на покое) Роуэн Уильямс предлагает хороший ключ к определению нашего предмета, называя его богословским этосом и констатируя наличие в русском богословии XX в. замечательного согласия церковной рациональности (богословия) и духовности (религиозного опыта), иными словами, веры и жизни. Наличие такого согласия Уильямс отмечает у настоящих богословов христианства самых разных времен; именно подобный этос отличает настоящего богослова от специалиста в какой-то узкой области, исторической, теоретической или практической. Уильямс характеризует его как «...предание жизни, где богослужение и духовность ни на миг невозможно отделить от богословия» [Уильямс 2009, с. 33]. Именно этим целостным сознанием проникнута вся церковная жизнь русского зарубежья, если внимательно присмотреться к ее следам и проявлениям. Уклонения от этого пути скорее следует считать исключениями. Направление на преодоление разрывов, на обретение единства не было вполне воспринято в Русской православной церкви за границей. Во всяком случае, официальные шаги епископата следует оценивать чаще всего как реакционные и оборонительные². Возможно, именно этим можно объяснить то обстоятельство, что богословская школа в карловацкой ветви русской православной традиции так и не сложилась. Импе-

---

¹ См., в частности, цикл его статей, созданных в период преподавания в парижском Свято-Сергиевском православном богословском институте: [Шмеман 2009].

² В этом отношении показателен эпизод с осуждением Собором русских епископов в изгнании благотворительной деятельности протестантских организаций, помогавших православным объединениям; под прицелом оказалась миссионерская и экуменическая деятельность Русского студенческого христианского движения в 1926 и 1927 гг. См. об этом: [Зернов 1991, с. 243–247].

ратив цельности религии, с одной стороны, средоточия жизни в духовном мире и участия в церковных таинствах, с другой — потребности в различных способах выражения этого опыта — в богословских построениях, в разнообразных плодах духовной культуры — в церковных искусствах (иконе, монументальных творениях, музыке) и религиозной литературе вполне реализовался в той части русского православия в изгнании, которое было связано с митрополитом Евлогием. Оно имеет свое продолжение и сейчас, уже давно выйдя за рамки канонической юрисдикции. Для русских православных людей, оказавшихся за пределами России, таким общим правилом (этосом) стало требование единства всех разобщенных сторон жизни — духовной, интеллектуальной, культурной, профессиональной, общественной, наконец, личной; единства, осуществляемого в сакраментальном пространстве Церкви. Это то самое единство веры и жизни, которого так страстно жаждали выдающиеся христианские богословы того же времени, принадлежавшие к другим церковным традициям. В частности, выразителем этой настоящей тоски по единству в современном христианстве стал замечательный представитель католического богословия в XX в. Ив Конгар. Он видел необходимость его обретения в преодолении двух симптоматических разрывов современности — разрыва между верой и жизнью и разрыва между Церковью и миром³. Применительно же к русским духовным исканиям это был поиск духовного единства метрополии и диаспоры, преодолевающий политический разрыв между Россией и миром, разрыв, переходящий в раскол почти онтологического свойства; поиск единства Церкви и мира (перед лицом жестокой истории), где церковный быт, становясь средоточием жизни во всех ее проявлениях, вместе с тем обретает признаки домашнего обихода и уюта; поиск единства мысли и жизни, богословия и благочестия.

Не стоит понимать многообразные выражения этой глубинной потребности в единстве как проявление некоего «фальшивого иренизма». Разногласия в вопросе о точке совершения единства, о месте осуществления синтеза порой прорывались ожесточенными спорами и даже столкновениями в русской церковной среде. В связи с этим достаточно вспомнить трагический эпизод, наверное, наиболее мрачный по своему внешнему и внутреннему контексту, а именно спор о Софии. В нем столкнулись разные концепции единства, различные мнения о том или ином месте его проведения; сторонники учения о Софии проводили его в области онтологии, космологии и даже экономики и политики, тогда как противники усматривали его в непрерывности церковной традиции — в единстве истории и современности.

Замечательно, что все богословские концепции, которые были сформулированы в данную эпоху, отмечены интуицией единства, всеединства, синтеза, встречи Востока и Запада, преемства, непрерывности, наконец, традиции, или предания, понятого как передача, сохранение и преумножение. И даже конкурировавшие богословские программы имеют явное типологическое сходство в этой точке — например, учение прот. Сергия Булгакова о Софии и неопатристический синтез прот. Георгия Флоровского. В первом случае мы имеем дело с попыткой

---

³ См. об этом, в частности, его своеобразное духовное завещание в книге: [Congar 1987].

космологического преодоления разлада между миром тварным и миром божественным (единство в пространстве бытия). Так, прот. Сергей Булгаков самым последовательным и сильным образом выразил идею божественного призвания мироздания. Замысел Божий о мире осуществляется в Церкви; обожествлению предшествует творение. Бог создал мир для того лишь, чтобы обожествить его затем. Церковь есть сердце и сущность мира, его скрытая и окончательная причина. Поэтому Церковь он характеризует как Богочеловечество в истории (см.: [Bulgakov 1937, p. 208, 210–211]). А во втором случае мы наблюдаем попытку преодоления исторического разрыва между богословием христианской древности, богословием отцов и богословием современным; шире — разрыва между древностью и современностью (единство во времени бытия). Флоровский формулирует концепцию неопатристического синтеза, в котором призваны сыграть свою роль не только святые отцы прошлого, но и христиане настоящего: «Подлинный исторический синтез не столько в истолковании, сколько в творческом исполнении будущего» [Флоровский 1988, с. 520]. Слово же «неопатристический» для Флоровского значит «восстановление патристического стиля, первый и основной постулат русского богословского возрождения. Речь идет не о какой-нибудь “реставрации” и не о простом повторении, и не о возвращении назад. “К отцам”, во всяком случае, всегда вперед, не назад. Речь идет о верности отеческому духу, а не только букве» [Там же, с. 506]. В том-то и заключается отличие замысла Флоровского от замысла Булгакова, что последний говорил об искомой кафоличности как категории универсальной (творение, включенное в нетварное), а первый — как категории темпоральной (история, включенная в вечность). Булгаков говорит о Церкви как Богочеловечестве в истории, а Флоровский о самой истории как богочеловеческом процессе.

Создатели этих концепций могли спорить и порою спорили друг с другом на пределе остроты (хотя чаще заочно в своих публикациях) относительно места проведения синтеза — между старым и новым, между тварным и нетварным, между частным и общественным, но они были согласны в насущной необходимости единства как факта церковной и вообще христианской жизни. Все они были охвачены жаждой цельности, потребностью соединения распавшегося бытия.

В.Н. Лосский выражает теоретический синтез богословия и мистики, веры и жизни; и делает это необычайно последовательно. Размышляя о предании восточного православия, он пишет: «...нет христианской мистики без богословия и, что существеннее, нет богословия без мистики...» [Лосский 2013, с. 12]; «Богословие и мистика отнюдь не противоплагаются; напротив, они взаимно поддерживают и дополняют друг друга» [Там же, с. 11]. Мистика понимается в данном случае в расширительном смысле, как совокупность духовного опыта в религии; личное участие в жизни Церкви. Лосский уточняет наполнение слов «мистика» и «богословие»: мистический опыт есть «личностное проявление общей веры», а богословие — «выявление именно того всеобщего, что может быть опытно познаваемо каждым» [Там же]. Иначе говоря, соотношение мистики и богословия можно описать словами: личное участие в общем.

У Лосского союз, соединение, целостность выдвигается как самое средоточие христианской, точнее, православной духовности. Именно это обстоятельство, характерное для всей православной традиции, делало и продолжает делать православие в его русской версии эпохи изгнания столь привлекательным для представителей братских конфессий. Так, уже упоминавшийся Роуэн Уильямс обратился к наследию православного богослова В.Н. Лосского как к живому свидетельству непрерывного единства традиции, в которой мистика и догматика, опыт и его обобщение нерасторжимы. Более того, Уильямс говорит о результате, превосходящем первоначальные ожидания: «Для многих западных исследователей-богословов чтение Лосского принесло наиболее глубокое понимание богословия; благодаря ему изучение патристики перестало носить чисто академический характер и оказалось связанным с целостной задачей самопознания и духовного ученичества <...> целостным видением человеческого существования» [Уильямс 2009, с. 5].

Отец Александр Шмеман подхватывает у Лосского идею преодоления распада между церковной мыслью и жизнью, переносит предмет из области высокой теоретической мысли в сферу церковной практики и провозглашает соединение в самом средоточии церковной жизни — в евхаристическом таинстве. Применительно к духовной жизни человека единство означает возведение всего времени жизни к его действительно ценному и подлинному знаменателю; отнесенность всего, что есть в этой нашей церковности, к Царству Божьему (см.: [Шмеман 2005, с. 372–373]). Шмеман констатирует наличное отчуждение между богословием и благочестием, мыслью и жизнью: «...богословие, искушаемое рационализмом, словесностью, гладкими схемами, и благочестие, искушаемое эмоциональностью и сентиментализмом» [Там же, с. 226]. Предлагаемая им программа преодоления этого кризиса разворачивается как концепция эпифанического символизма, наиболее полно реализующего евхаристическое и эсхатологическое единство мира тварного и божественного: «Основное свойство <...> эсхатологического символизма — не просто его реализм в смысле присутствия в знаке той реальности, которую он обозначает <...> он просто-напросто пренебрегает самим различием между знаком и обозначаемым» [Шмеман 2009, с. 297]. Литургическое действие окончательно снимает какое-либо противопоставление между событием Литургии и прообразуемым им явлением вечности в опыте времени.

Таким образом, органичное православное сочетание и тесное взаимодействие мира и Церкви, древности и современности, мистики и богословия, согласие жизни и веры (богословия и мистики), мысли и веры (богословия и благочестия) оказываются выражением самой природы православной духовности, или православной религиозности, одним из выражений богословского этоса эпохи, присущим всем ее выдающимся богословским достижениям. Природой, впрочем, далеко не всегда понятой самими приверженцами православной традиции и потому не всегда воспринятой.

* * *

Богословие русской эмиграции стало голосом православия в XX в. Именно этому поколению церковных деятелей, оказавшихся в изгнании, принадлежит историческая честь быть главными представителями православного богословия. Через их посредство мировое христианство открывало для себя сокровища православия, причем не ограниченного теперь уже только русской религиозной традицией, но вбирающего в себя также и мировое православное наследие. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют выдающиеся представители современной православной богословской науки и культуры, следующие ее этосу. Современное православное богословие давно живет независимо от своей этнической метрополии, но преемствует у нее и восходит к своему духовному истоку. Примеры многочисленны: греческие богословы второй половины века, румынский священник Думитру Станилоае, ставший лицом румынского богословия, из ныне здравствующих епископ Иоанн Зизиулас, архиепископ Каллистос Уэр, протоиерей Джон Бэр и др. Все они связаны с русской богословской традицией прочными духовными узами и никогда о своем родстве не забывают и не умалчивают.

К этой линии духовного и богословского преемства принадлежим и мы. Так какой же урок мы можем извлечь из того духовного завещания православного богословия русского зарубежья, которое я попытался реконструировать? Избегать инстинктивного эгоистического обособления в исполнении какой-либо одной избранной задачи церковного служения; усердно следуя собственному духовному призванию, не забывать о соборном значении своего вклада; индивидуальны заслуги и завоевания возводить к заслугам всей церковной общины; и, пожалуй, самое главное — работать на преодоление разнообразных внутренних и внешних распадов и расколов, которые всегда сопровождают исторический путь Церкви. Думаю, нашему поколению надлежит воспринять тот дух открытости, единства, верности и согласия, которым жило русское богословие в нашем ближайшем прошлом. Благодаря ему оно исполнило свой долг свидетельства о христианской правде в этом мире и потому оставило особый след в истории, следуя заповеди единства: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, <так> и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин. 17: 21).

Литература

- Беглов 2008 — Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. М., 2008.
- Гиббон 2008 — Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи. Закат и падение Римской империи: в 7 т. М., 2008.
- Евсевий Памфил 1993 — Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.
- Емельянов 1999 — Емельянов Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. // Богословский сборник ПСТБИ. М., 1999. Вып. 3. С. 258–274.

- Зернов 1991 — *Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж: YMCA-Press, 1991.
- Лосский 2013 — *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Сергиев Посад, 2013.
- Уильямс 2009 — *Уильямс Р.* Богословие В.Н. Лосского: изложение и критика. Киев, 2009.
- Флоровский 1988 — *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1988.
- Черняев 2010 — *Черняев А.В. Г.В.* Флоровский как философ и историк русской мысли. М., 2010.
- Шмеман 2005 — *Шмеман А., прот.* Дневники: 1973–1983. М., 2005.
- Шмеман 2009 — *Шмеман А., прот.* Символы и символизм в византийском богослужении // *Шмеман А., прот.* Собрание статей: 1947–1983. М., 2009.
- Шохин 2002 — *Шохин В.К.* Теология: Введение в богословские дисциплины: Уч.-метод. пособие. М., 2002.
- Bulgakov 1937 — *Bulgakov S.* The Wisdom of God. London, 1937.
- Congar 1987 — *Congar Y.* Entretiens d'automne. Paris, 1987.
- Price 2008 — *Price R.M.* Martyrdom and the cult of the saints // The Oxford Handbook of Early Christian Studies. Oxford, 2008. P. 808–825.

И.К. Языкова

ПАРИЖСКАЯ ШКОЛА.
ИКОНОГРАФИЯ СВЯТЫХ
И РАДИКАЛЬНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Двадцатый век для России стал эпохой радикальной во всех смыслах: крушение старой империи и созидание империи новой, советской, а в конце столетия вновь крушение — распад Советского Союза и новая попытка основания страны на иных принципах. В этой головокружительной амплитуде маятника истории происходила радикальная переоценка всех ценностей. Начинаясь ХХ в. с высоко-го накала духовности: культура Серебряного века, расцвет религиозной философии, открытие древних икон, стремление к обновлению церковной жизни, подготовка и созыв Собора, поиски диалога интеллигенции и Церкви. Но грянул 1917 г., и все это оказалось ненужным, идеологически чуждым, гонимым, пафос созидания «светлого будущего» воздвигал новых кумиров. Однако через семьдесят лет маятник качнулся в противоположную сторону, и отвергаемое вновь стало востребованным: Церковь из гонимой превратилась в одну из главных действующих сил в стране, общество заговорило о возрождении духовности и сохранении традиционных ценностей.

Многие философы и общественные деятели пытались осмыслить тектонические сдвиги, происходившие в России в ХХ в., и давали разные ответы на те повороты и изломы нашей истории, в которых менялся не только вектор пути, но и сам менталитет общества. Тем не менее до сих пор вопросы о национальной идентичности и ценностной ориентации нашей культуры остаются открытыми. Сегодня, в начале ХХI в., у нас гораздо больше вопросов, чем ответов. И опять страна переживает новый радикальный сдвиг... Так не пора ли задуматься над нашей историей, нашим восприятием культурного и духовного наследия, особенно в год 700-летия преп. Сергия Радонежского, одного из самых почитаемых и в то же время одного из самых непонятых, как считал о. Александр Мень, русских святых?

В этом смысле чрезвычайно важен опыт русского зарубежья: сотни тысяч наших соотечественников, оказавших за пределами России, самой жизнью были поставлены перед необходимостью заново осмыслить российскую историю, заново обрести веру, заново строить культуру, которой уже суждено корениться не в почве, но в духе, не в земном, а в небесном.

Для православия всегда было характерно почитание святых, любовь к святым, стремление к общению с ними. В Древней Руси почитание святых, как оно проявлялось в народной культуре, граничило с языческими пережитками, на эту

тому написано немало работ — достаточно вспомнить теорию двоеверия в трудах Б.А. Успенского, Ю.М. Лотмана, В.М. Живова и др. (см.: [Лотман, Успенский 1977; Успенский 1979; Живов 2002]). Тем не менее отношение к святым в сознании народа было всегда сильным и эмоционально окрашенным. В XX в., несмотря на распространение в России материалистических идей и рост атеизма, почитание святых не только не исчезает, но и в кризисные моменты становится понятно, что это не только благочестивая традиция, но реальная духовная потребность в небесных заступниках, в тех, кто жил на нашей земле и, оставив ее, не перестал о ней заботиться и в трудные времена может встать рядом с нами.

Потребность в заступничестве русских святых была осознана с новой силой между двумя революциями 1905 и 1917 гг. Не только в простом народе, но и в среде русской интеллигенции Серебряного века заметен большой интерес к истории святости, к «Святой Руси». Это проявляется у философов (Вл. Соловьев, Вяч. Иванов, В. Розанов, С. Аскольдов и др.), поэтов (А. Блок, С. Есенин, Н. Клюев и др.), художников (М. Нестеров, В. Васнецов, Н. Рерих и др.). В исторической науке также наблюдается интерес к данной теме, например, у В.О. Ключевского, а архиеп. Сергей Спасский еще в 1875 г. выпускает в свет первое издание Полного месяцеслова святых Востока, который будет перерабатывать и дополнять вплоть до начала XX в.

Плодом этого интеллектуального и культурного движения явилось восстановление праздника Всех святых, в земле Российской просиявших, на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Более того, именно в переломный момент российской истории было осознано, что святость не только была в прошлом, но она возможна и в настоящем, что святые — это не только те, кто жил в прежние времена, но и те, кто исповедует веру сегодня, кто свидетельствует о Христе. В Службу Всем святым, в земле Российской просиявшим, текст которой по поручению Поместного Собора разрабатывали епископ Ковровский Афанасий (Сахаров) и профессор Б.А. Тураев, вошли также тропари, посвященные новомученикам¹.

В 1934 г. владыка Афанасий совместно с иконописцем Марией Соколовой (впоследствии монахиней Иулианией) создают икону «Собор Всех святых, в земле Российской просиявших». И все последующие годы Мария Николаевна по благословению владыки Афанасия и при его непосредственном руководстве писала иконы русских святых и целые соборы святых — земли Владимирской, Ярославской и др., Московских святителей и т. д. В этом воплощалась не только ее личная молитва, но и молитва всего верующего народа к небесным заступникам страны, в которой поруганы святые, уничтожена Церковь, растоптана вера, а людей превращают в безликую массу и лагерную пыль.

Преподобный Сергей Радонежский всегда занимал особое место в сонме русских святых. И в страшные годы разорения его влияние было особенно ощутимо. Кажется, это осознавали даже большевики, поспешившие закрыть Троице-Сергиеву лавру в числе первых монастырей, уже в 1918 г. В 1919 г. город Сергиев Посад был

---

¹ «О новых страстотерпцев! Подвиг противу злобы убо претерпеша, веру Христову яко щит пред учении мира сего держаще, и нам образ терпения и злострадания достойно являюще. О твердости и мужества полка мученик Христовых, за Христа убиенных! Тии бо Церковь Православную украсиша и в стране своей крови своя, яко семя веры даша и купно со всеми святыми достойно да почтутся».

переименован в Сергиев, а в 1930 г. — в Загорск, в честь революционера В.М. Загорского. Но и закрытая лавра продолжала восприниматься в народе как святыня и духовное сердце России. Многие старцы советовали своим духовным чадам: «идите к преподобному Сергию, он вас не оставит». И действительно, в маленьких домиках Загорска селились монахи из разоренных монастырей, опальные священники, гонимые миряне. Здесь были подпольные монастыри и нелегальные общинки, в основном из непоминающих, позже их назовут Катакомбной церковью.

Преп. Сергий стал также духовным покровителем и тех, кто вынужден был покинуть родину, кто оказался весьма далеко от лавры и России. Богословский институт, организованный в Париже в 1925 г., и русское подворье получают его имя. Сама история обретения дома для подворья в 19-м округе Парижа на рю Крими была мистической, покупка участка с храмом совершилась именно 18 июля 1925 г. — в день памяти Сергия Радонежского. Этот факт был воспринят как чудо, как проявление покровительства преподобного русским эмигрантам. О. Сергий Булгаков в Речи на годовичном акте Парижского богословского института 7 июня 1926 г. называет преп. Сергия «Игумен Русской земли, Радонежский и вся России, а ныне и Парижский и иных стран». Православно-англиканское содружество, зародившееся в Англии в 1927 г., к которому были причастны и деятели Парижской школы, также получило имя преп. Сергия и св. мученика Албания.

В среде русского зарубежья отношение к духовному наследию православия, и в частности к святым, обретает особый характер, во многом отличный от того, что происходило на родине. В советской России православная вера подверглась гонениям со стороны власти, и потому деятельность Церкви и ее членов носила вынужденно охранительный характер. Любой радикализм мог обернуться новым витком репрессий. Безусловно, в первые годы революции Православная Церковь выступала довольно смело и радикально, что проявилось в работе Поместного Собора, поднявшего вопросы о пересмотре некоторых, казавшихся незыблемыми устоев православия (календарь, язык богослужения, статус приходов и роль мирян и пр.), в выступлениях патриарха Тихона. Но очень скоро под давлением обстоятельств (репрессий, атеистической пропаганды, обновленческого раскола) Церковь заняла более консервативную позицию, ибо радикальной задачей стало ее выживание. В зарубежье, напротив, накал радикализма возрастал. Правда, он был весьма разного характера: одни православные выбрали радикальный консерватизм, другие — радикальную свободу. Первые группировались вокруг Зарубежного Синода во главе с митрополитом Антонием Храповицким, отличавшимся крайне жесткой позицией по многим вопросам, а вторые тяготели к кругу митрополита Евлогия, мыслящего более свободно. Именно евлогиане и стали основателями Парижской школы.

В чем же проявлялся радикализм Парижской школы? Прежде всего, в отношении к культуре святых.

Радикальную попытку заново осмыслить опыт Святой Руси предпринял Георгий Петрович Федотов, чему свидетельство его книга «Святые Древней Руси», изданная в 1931 г. «Изучение русской святости в ее истории и ее религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения, — пишет Г.П. Федотов во введении. — В русских

святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути. Верим, что каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями. Здесь путь для всех, отмеченный веками героического подвижничества немногих. Их идеал веками питал народную жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки. Если мы не обманываемся в убеждении, что вся культура народа, в последнем счете, определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях и современной, секуляризированной русской культуры» [Федотов 1990, с. 27].

Сам Георгий Петрович не считал себя радикальным мыслителем. Напротив, он стремился идти по царскому пути. Так, в работе 1928 г. о митрополите Филиппе Федотов пишет: «Будем остерегаться двух ошибок: чрезмерно идеализировать прошлое — и рисовать его сплошь в черном свете. В прошлом, как и в настоящем, шла извечная борьба добрых и темных сил, правды и кривды, но, как и в настоящем, слабость, малодушие преобладали над добром и злом» [Федотов 1928, с. 7].

Однако оценивая вклад Г.П. Федотова в исследование святости, можно сказать, что он во многом сформировал новый взгляд на агиографию. «Святая Русь» для Федотова — это не елейно-благочестивое явление, в котором происходят сплошные чудеса, мироточения и умиление, но жизнь Духа в людях, живших в самые разные эпохи и давших ответ на вопрос своего времени. Святой — не лубочный герой, но живой человек, даже если о его жизни мы имеем не всегда достоверное свидетельство (ведь некоторые жития писались века спустя). По отдельным опорным точкам мы можем восстановить эпоху, в которую он жил, и через это понять духовные потребности людей того времени и увидеть, какой ответ дает на них святой. Пробыться к живому образу, увидеть неповторимый лик и понять его послание нам — такую задачу ставил и Федотов как историк.

Идеал святости Георгий Петрович видит в Древней Руси, но Святая Русь — это надъисторическое и наднациональное понятие. Православное христианство имеет вселенский характер и не ограничивается рамками национального. «Мы не будем приравнивать, как часто это делается, русского к православному, поняв, что русская тема есть тема частная, а православная — всеобъемлющая, и это спасет нас от духовной гордыни, искажающей нередко русскую национально-религиозную мысль. С другой стороны, осознание нашего личного исторического пути поможет нам сосредоточить на нем возможно более организованных усилий, избавив, может быть, от бесплодной растраты сил на чужих, нам непосильных дорогах» [Федотов 1990, с. 27].

Святого Федотов мерит, прежде всего, Евангелием, Христом. Святой — тот, кто в свое время, на своем месте, исполнил Завет Христа. Таковы, считает автор, святые Древней Руси. Святая Русь — это люди, которые порой вопреки давлению власти отстаивали правду Божию. Таким был митрополит Филипп.

Между тем как историк Г.П. Федотов видит трагедию русской святости, она для него в постепенном уходе от вселенскости, в перенесении акцентов. Вслед за Лесковым, который утверждал, что христианство на Руси было лишь проповедано, но не исповедано, «Русь во Христа крестилась, но во Христа не облеклась»

[Лесков 1989, т. 1, с. 350], Федотов признает, что христианство не глубоко укрепились в сознании русского народа. Он подвергает критике церковную жизнь Синодального периода, в которой происходит уход от Евангелия, а значит, и от святости. Святые Древней Руси, как показывает Федотов, не только искали небесного отечества, но и заботились об отечестве земном, отвечали на потребности времени, учили народ, вели его, созидали культуру, преобразовывали землю во имя неба. А вот «новая святость», как он называет святых Синодального периода, утрачивает связь с народом, пренебрегает реальной жизнью, разрывает живую ткань культуры. «Во многом уже оставившая за собой духовный опыт Древней Руси, — пишет Георгий Петрович, — новая святость в одном уступает ей. Она почти ничем не связана с национальной жизнью России и ее культурой. Как никогда и нигде в христианстве, келья и скит отрезаны от мира, даже если они и открыты пришельцам из него. Никогда влияние Афона не сказывалось так сильно на русскую духовную жизнь, как за последние века. Порванная русская духовная традиция заменяется древневосточной школой “добротолюбия”» [Федотов 1990, с. 239].

Связь с Афоном, и об этом пишет Г.П. Федотов, в ранний период являлась животельной, первые монахи были связаны с афонской школой (например, св. Антоний Печерский, а позже и св. Нил Сорский, один из любимых Федотовым святых). Но в XVIII–XIX вв. Афон переживал кризис, и это, что называется, подпортило, по выражению Федотова, русскую святость, уводя ее из мира, оставляя при этом мир на разграбление темных сил, которые не замедлили занять пустой дом.

Вслед за Г.П. Федотовым исследованием Святой Руси занимался иеромонах Иоанн (Кологривов)², иезуит восточного обряда (что само по себе было уже радикальным выбором для русского эмигранта). В своих «Очерках по истории русской святости» он пытается осмыслить опыт русских святых по-новому, не совсем так, как привычно к ним относились в России.

И Федотов, и Кологривов понимали важность того, что святость и культура должны быть едины, поскольку во Христе соединены небесное и земное, божественное и человеческое, — русская эмиграция осознала это с какой-то особой остротой. Об этом много писал Н.А. Бердяев, вспомним хотя бы его рассуждения о Пушкине и преп. Серафиме Саровском как двух модусах русской жизни...

Болезненный разрыв веры и культуры, святости и творчества ощущал и о. Сергей Булгаков. Его софиология — это не что иное, как попытка соединить в Софии небесное и земное, увидеть святость как миссию человека продолжать творение, начатое Богом. Святость для о. Сергия — это не что-то неотмирное, но предельное приближение человека ко Христу, Который уничтожил себя и прошел человеческую жизнь ради спасения людей. Помочь спастись другим, когда ты сам идешь ко спасению и чувствуешь, что оправдан перед Богом, — это и есть главное качество святой души. О. Сергей напоминает, что еще в апостольские времена всех христиан называли святыми, поскольку они посвятили себя Христу и стали членами Церкви, составляющими ее живой организм.

---

² Родился в 1890 г. в России. До революции 1917 г. гвардейский гусар, был близок ко двору. Эмигрировал в Бельгию. Перешел в католичество. Член Общества Иисуса (иезуит). Иеромонах, священник восточного обряда. Скончался в июле 1955 г. в Риме.

Среди мыслителей русского зарубежья многие обращались к теме русской святости: И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун, о. В. Зеньковский, Н.Д. Тальберг, И.С. Шмелев, Г.В. Флоровский и др. И о каждом можно сказать, что он в той или иной степени предпринимает попытку нового взгляда на наследие Святой Руси.

Но, пожалуй, наиболее радикальная фигура русского зарубежья — мать Мария (Скобцова). Ее максима «Христианство — это огонь, или его нет!» красноречиво говорит о взятой монахиней планке духовной жизни. Ее жизнь и ее смерть действительно были огненными. Мать Мария осталась радикальна в своих христианских взглядах и в своем монашеском подвиге, точно так как когда-то она радикально восприняла революционный путь. Она критиковала сложившуюся систему монастырей как ухода от мира не в духовном смысле, а в физическом. Служение миру ради его спасения, а не уход из мира ради спасения личного — вот краеугольный камень ее радикализма: «чем больше мы выходим в мир, чем больше отдаем себя миру, тем менее мы от мира, потому что мирское себя миру не отдает!» (цит. по: [Мамонтов 2008, с. 25]).

Мать Мария считала также, что изгнание, утрата родины хотя и трагичны, но именно это дает небывалую свободу для Церкви, для каждого христианина, и это, она была уверена, принесет большой плод для России. «Мы здесь являемся некой лабораторией для России» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 262]. «Мы призваны к великой свободе» [Кузьмина-Караваева 2004, с. 429] и «...мы должны принять ее как тяжелый дар» [Там же, с. 424], «...на нас лежит ответственность за религиозное свободное творчество русского православия» [Там же, с. 237].

В 1927 г. мать Мария издает сборник житийных рассказов «Жатва Духа». В своих пересказах житий святых она стремится показать святость как подвиг во имя любви, жертвенной любви ко Христу и людям. Даже в тех, кто уходил из мира в пустыню, мать Мария видела не абстрактную любовь к человечеству, а конкретную любовь к каждому, кого посылает Бог. Так, рассказывая о египетском иноке Серапионе, она уделяет внимание эпизоду из его жития, как он готов был отдать последнее и самое драгоценное имущество — Евангелие ради спасения «нищих и бродяг». На вопрос, куда он девал Евангелие, святой отвечал: «Я продал слово, которое научило меня: продай имение свое и раздай нищим».

В отличие от других авторов русского зарубежья взгляд матери Марии на агиографию не столько исторический или богословский, но пророческий. Размышляя о Церкви, которая на протяжении всей своей истории то возвышалась духовно, то оскудевала, она показывает, что Дух в ней, несмотря на все искажения, продолжал жить в святых, пророках, мучениках, юродивых. Именно они и определяли ту Церковь, которую «врата ада не одолеют». Церковь для матери Марии — не иерархия, не система, не догматы и учение, но братство во Христе, живой соборный организм, осуществляющий «внехрамовую литургию», проецируемую из церкви в мир. Как Христос пришел на землю ради спасения людей, так и святые — это те, кто жертвует собой во имя других, этим они и исполняют Завет Христов. Мать Мария утверждала, что подлинному христианству «...чужда религия личного спасения как центральной задачи христианства, нам ясно, что Христос пришел спасти всех и среди всех лично каждого, <...> нам ясно, что церковь

не является самодовлеющим коллективом, а свободным союзом, основанным на любви» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 258–259].

Корень бед России, причины оскудения духа и иссякания святости мать Мария видит в подчинении Церкви государству, которое «медленно внедряет в церковную жизнь нецерковные понятия, подменяет лик Христов» [Кузьмина-Караваева 2004, с. 235]. Эпоха гонений, по ее мнению, хотя и подвергает Церковь огненному испытанию, но при этом выявляет святость Церкви, очищает церковную жизнь. С пророческим пафосом она пишет: «...или через покаяние и очищение, безбожное человечество вернется в Отчий дом и засияет эпоха подлинного христианского возрождения, и оно почувствует себя богочеловечеством, или же на долгие века мы обречены власти зверя, человекобога, новой и страшной идолопоклоннической религии. Третьего не дано. Но вероятнее, что осуществится второе» [Мать Мария (Скобцова) 1992, т. 1, с. 457].

Столь же радикальна мать Мария и в своем искусстве: она пишет святых с пронзительной выразительностью, почти гротескно, в них нет и тени надмирной отстраненности, но, напротив, каждый образ подается с сильной эмоциональной окраской. Мы почти физически ощущаем незащитность обнаженного тела Василия Блаженного, который духовно побеждает властителя-тирана Ивана Грозного, ибо «Божья сила в немощи совершается» (2 Кор. 12: 9). Вот царь Давид, играющий на псалтири, кажется, он исполнен изумления перед неисследимыми путями Божиими. Интересно, что в среднике царь изображен уже в летах, а в клеймах представлен как ребенок, ибо его душа, открытая перед Богом, Которому он предан. Здесь словно предвосхищаются слова Спасителя «будьте как дети». Изображая встречу Марии и Елизаветы, мать Мария лишает ее привычного пафоса, она больше похожа на беседу двух подруг, которым известна некая общая тайна, их объединяющая.

У матери Марии и Юлии Николаевны Рейтлингер, принявшей постриг с именем Иоанна, двух подруг, такая общая тайна действительно была. Сестра Иоанна, кажется, являлась полной противоположностью матери Марии — она выбрала путь тихого иконописного служения, не занималась общественной или благотворительной деятельностью, не стремилась к огненно-жертвенному подвигу, она была скорее мыслителем-созерцателем. И, конечно, ищущим художником. Но отношение к святым сестры Иоанны также можно характеризовать как радикальное. И это заметно в ее иконах и фресках. Святые сестры Иоанны, с одной стороны, просты и почти будничны, и в этом они очень близки молящемуся, с другой стороны — исполнены пасхальной радости и ликования и в этом обретают космический масштаб.

С большим дерзновением сестра Иоанна соединяет в своих росписях русских и западных святых, вместе торжествующих на Небесах и предстоящих перед Божиим престолом. Такое видение не лишено пророческого пафоса. Святость для сестры Иоанны не ограничена национальными границами, святой — гражданин Небесного Града, его значение вселенское. И в ее росписях рядом с преп. Сергием Радонежским мы видим св. Франциска Ассизского, а рядом с преп. Серафимом Саровским — св. Жанну Д'Арк и т. д.

Знакомство с западными святыми было очень важно и плодотворно для русских православных зарубежья. Наиболее яркий святой Запада — Франциск Ассизский, многие авторы сравнивают его влияние на западную духовность с влиянием преп. Сергия на русскую. Действительно, несмотря на очевидную разницу, в них немало общих черт: и св. Франциск, и преп. Сергий из христианских подвигов превыше всего ставили нищету, бедность и деятельную любовь ко всему живому — от человека до малой твари. Также из западных святых в практику почитания православных органично вошли святые первого тысячелетия, т. е. неразделенной церкви. Это св. Албаний, первый мученик Британских островов, св. Женевьева, покровительница Парижа, св. Бланина, раннехристианская мученица II в., и многие другие.

Образ св. Женевьевы прекрасно исполнил инок Григорий Круг, один из ярчайших иконописцев русского зарубежья, который также отличался большим радикализмом, хотя в отличие от матери Марии и сестры Иоанны был склонен скорее к консерватизму в своем церковном опыте, однако как иконописец, несомненно, далеко шагнул за границы привычного благочестиво-ремесленного иконописания.

Творчество Григория Круга дало новый мощный импульс в развитии иконописной традиции Парижской школы. Его осмысление образов святых также имеет особый характер. Например, написанный им для церкви в Монжероне образ преп. Серафима, пожалуй, самый яркий, гармоничный и цельный в иконописи XX столетия. В нем соединились духовная полнота и художественная новизна, и он значительно отличается от многих других образов, написанных в это время и в эмиграции, и в России.

К сожалению, в записках, изданных под названием «Мысли об иконе», Григорий Круг не изложил своего понимания святости и святых. Скорее всего, оно не было бы радикально отличающимся от традиционного, но вот в художественном смысле творчество Круга, как иконы и вышивки матери Марии, иконы и фрески сестры Иоанны, можно назвать радикальным поворотом в русской иконописной традиции.

Продолжателем этого пути Парижской школы сегодня можно назвать и Марию Александровну Струве, которая училась иконописи у Юлии Николаевны Рейтлингер. Она обладает столь же открытой позицией и художественной смелостью. Очень интересны, к примеру, ее образы британских святых. Она также радикально раздвигает границы святости православия. Особой удачей Марии Александровны можно считать икону Парижских новомучеников, написанную ею в 2004 г., к канонизации Константинопольским патриархатом матери Марии (Скобцовой), Даниила Скобцова, Ильи Фондаминского и о. Алексея Медведкова.

Своеобразие стиля Марии Струве очевидно. В ее иконах нет копийности и вторичности, которая сопровождает возрождение иконописной традиции в России. Трепетность образов, некоторая наивность художественного языка и в то же время концентрированность смысла — вот что отличает иконы Марии Александровны.

Осваивая опыт мировой святости, иконописцы русского зарубежья часто не могли опираться на какие-то образцы, просто потому что их не было; многие из них стали первопроходцами, создав образы, которые явились примерами для по-

следующих поколений. И в этом их уникальность, новизна и смелость. Собственно сам термин «Парижская школа» не означает единого стилевого направления, он только очерчивает локальные границы явления, внутри которого каждый из иконописцев имеет свое неповторимое лицо.

В иконоведении последних лет появился термин «авторская икона», позволяющий радикально переосмыслить наследие православной иконописи, считавшейся традиционно анонимным искусством. Искусство иконы в XX и теперь уже XXI в. обретает свое ярко выраженное авторское лицо. Мы узнаем авторов икон не только потому, что мы живем в эпоху коммуникаций и информационного общества и можем получить о каждом художнике гораздо больше информации, чем в прежние времена. Есть и другая причина. Известно, что в светской культуре, отказавшейся от Бога или живущей в контексте «смерти Бога», неизбежно происходит «смерть автора» (Ролан Барт), что является одним из ключевых признаков постмодерна, в котором происходит смерть супероснований культуры. И обезличивание искусства, и отказ от святости — это тоже радикальный поворот, но поворот к смерти. Культура XX в. живет в ситуации перманентного кризиса: «смерти Бога», утраты веры, обесценивания человека и пр. Однако этим она не исчерпывается, в недрах культуры продолжают поиски Бога, поиски смысла и цели человеческого существования, поиски красоты и истины. Можно сказать, что иконописцы Парижской школы стоят в начале этого процесса и их опыт, несомненно, будет интересен и полезен тем, кто в современной России пытается пролагать новые пути в церковном искусстве и осмыслять святость как постоянно развивающуюся во времени духовную традицию.

Литература

- Булгаков 1926 — *Булгаков С., прот.* Благодатные заветы преп. Сергия русскому богословствованию // Путь. 1926. № 5. С. 3–19.
- Живов 2002 — *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 306–316.
- Кузьмина-Караваева 2004 — *Кузьмина-Караваева Е. (Мать Мария).* Жатва духа. СПб., 2004.
- Лесков 1989 — *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 12. М., 1989. Т. 1.
- Лотман, Успенский 1977 — *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 414. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 28. Литературоведение. Тарту, 1977. С. 3–36.
- Мамонтов 2008 — *Мамонтов В., арх.* Господь — пастырь мой. М., 2008.
- Мать Мария (Скобцова) 1992 — *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки: в 2 т. Париж: YMCA-Press, 1992.
- Успенский 1979 — *Успенский Б.А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 59–63.
- Федотов 1928 — *Федотов Г.* Святой Филипп Митрополит Московский. Париж, 1928.
- Федотов 1990 — *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990.

К.Б. Ермишина

БОГОСЛОВИЕ И АСКЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ
В РАБОТАХ АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА)

Жизнь и духовный опыт архим. Софрония (Сахарова; 1896–1993), известного богослова, мыслителя, подвижника, ученика преп. Силуана Афонского, мало изучены в России, в то время как на Западе, в частности в Греции и на Афоне, его наследие с любовью принимают и хранят многочисленные последователи и почитатели. Недостаточное внимание к трудам архим. Софрония в России может быть объяснено в том числе отсутствием традиции богословской культуры, прерванной «вавилонским пленением» Русской Православной Церкви в советское время, последствия которого сказываются и сегодня. Форпостом православия на Западе в этот период выступила Русская церковь в изгнании с ее центром — Свято-Сергиевским подворьем в Париже. Не случайно оно было названо в честь преп. Сергия Радонежского. В России сердцем православия, как известно, является Свято-Троицкая Сергиева лавра. Подобно этому, центральное значение для Церкви в рассеянии приобрело Свято-Сергиевское подворье, из которого пастыри и благочестивые миряне посылались во все концы западного мира для проповеди и утешения людей.

Архим. Софроний (Сахаров) на протяжении всей своей жизни также был связан с этим центром Русской церкви в изгнании. Святость преп. Сергия, его личность с трудом могут быть поняты в наше время, поскольку данный тип духовной жизни, породивший, например, феномен Андрея Рублева, ученика преп. Сергия, с его неземной, грандиозной иконописью, был слишком тесно связан с прошедшей эпохой, ее реалиями, архитектурой, типом образованности, способами ведения хозяйства, организации общественной жизни и быта и т. д. Тем не менее некоторое существенное ядро духовных переживаний и состояний должно быть общим как для подвижников прежних эпох, так и для наших современников, идущих тем же узким и трудным путем сохранения евангельских заповедей. Богословский и религиозный опыт архим. Софрония, описанный в его книгах, имеет для нас особую ценность, приоткрывает «лабораторию святости», что дает возможность постижения важнейшего духовного центра русской цивилизации: монастыря преп. Сергия Радонежского.

Прежде всего следует отметить, что архим. Софроний в миру был Сергеем Семеновичем Сахаровым, т. е. носил имя, непосредственно связанное с преп. Сергием, его святым покровителем. В детстве и юности он любил молиться в часовне преп. Сергия Радонежского в районе Лубянки, о чем впоследствии неоднократно вспоминал. Скончался архим. Софроний на праздник преп. Сергия и Германа Валаам-

ских, таким образом завершив мистический круг связи с этим именем. Как и большинство русских подвижников и мыслителей, архим. Софроний придерживался имяславческих взглядов, подчеркивая связь слова и заключенной в нем энергии: «...мы знаем также, что никакое человеческое тварное слово-понятие не является достаточным для выражения того предвечного Бытия, приобщение к Которому дается Святым в видениях и откровениях. И все же реален сей творимый Богом мир, реально и слово человека, образа Божия и подобия; и оно имеет, несомненно, свою онтологическую основу, как отображение Бога-Слова, собезначального Отцу» [Софроний (Сахаров) 1954, с. 21]. Между тем позицию имяславцев, вызвавшую кризис 1913 г. на Афоне, архим. Софроний не поддерживал, полагая, что верная по сути мысль была ими изложена с оттенком радикализма, поскольку они не имели соответствующего образования и навыков изложения своего богословия. Для него сама возможность концептуализации темы имени Бога представлялась сомнительной, потому как не весь духовный опыт может быть предметом богословия...

Сергей Сахаров в период до эмиграции увлекался живописью. Он готовил себя к профессиональному занятию искусством, считая, что все его жизненные силы должны принадлежать этой области. В поисках познания мира и его сущности С. Сахаров на восемь лет ушел от традиционного церковного пути. В этом смысле он был сыном своей эпохи: смутной, ищущей, талантливой, беспокойной, с тягой к авангарду, футуризму, революционным экспериментам. Его интересовали трансцендентальная медитация и мистическое постижение высшей реальности. Эти опыты он проецировал в своем творчестве, увлекаясь абстракционизмом: «Каждый человек имеет то или иное дарование воспринимать мир. Скажем, писатели через слово в литературе воспринимают мир <...>. Для меня мир был живопись. Тайна этого видения меня держала постоянно как бы прикованным к себе. И от этого чувство красоты принимало болезненные формы — болезненные потому, что все мои средства, которыми я располагал в живописи, были ничто <...>. Все мое бытие было заключено в искании выхода из узких рамок времени и пространства» [Софроний (Сахаров) 1997, с. 22]. Память о религиозном опыте детства, тем не менее, не покидала С. Сахарова, заставляя его искать согласования евангельского христианства и высшего философского синтеза.

С. Сахаров эмигрировал из России в 1921 г., жил в Италии, Германии и Франции. В Париже он совершил решительный поворот к Церкви и церковной вере, сблизился с участниками Русского студенческого христианского движения (РСХД). Два противоборствующих начала в душе — молитва и живопись — не могли быть согласованы, поскольку и то и другое дело требовало полной отдачи, посвящения жизни. Архим. Софроний вспоминал: «И я, хотя не без боли, решил пойти в богословский институт, чтобы ближе познакомиться с христианским мировоззрением, христианскими взглядами, христианским учением. Пребывая там, я не нашел того, чего искал: я узнавал имена, даты, кто что говорил, узнавал об исторических трудностях Церкви и так далее, а мне хотелось слышать только о том, как *достигнуть вечности*» [Там же, с. 25].

С. Сахаров стал одним из первых студентов Православного богословского института преподобного Сергия Радонежского, занятия в котором начались

30 апреля 1925 г., в четверг Фоминой недели. Студентам был прочитан вводный богословско-исторический курс, а осенью предстояло сдать экзамены. Занятия шли все лето 1925 г. Осенью к преподавателям (еп. Вениамин Федченков, С.С. Безобразов, А.В. Карташев, П.Е. Ковалевский) присоединились прот. С. Булгаков и В.В. Зеньковский; началось чтение первого академического курса. Вскоре прибыли В.Н. Ильин, Б.П. Вышеславцев, Г.В. Флоровский, Л.А. Зандер. Затем присоединились Г.П. Федотов, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев и др. Среди сокурсников Сергея Сахарова были еп. Василий (Кривошеин), архиеп. Иоанн (Шаховской), священник Евграф Ковалевский, священник Дмитрий Клепинин. Духовным наставником С. Сахарова в этот период был прот. Сергей Булгаков, руководство которого, судя по всему, имело весьма формальный характер и мало касалось внутренней жизни будущего архимандрита. Большое влияние на него и на Всеволода Кривошеина оказал первый инспектор Православного богословского института преподобного Сергия Радонежского еп. Вениамин (Федченков), к которому они обращались с духовными вопросами. Проучившись в институте полгода, С. Сахаров вместе с В. Кривошеиным выехал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев в Хопово, где проходил съезд РСХД (28 августа — 4 сентября 1925 г.).

По воспоминаниям очевидцев, съезд был значительным начинанием, объединившим русских в рассеянии, однако для В. Кривошеина и С. Сахарова не он являлся целью, но святая гора Афон, монашеская обитель, в которую они могли попасть через Югославию, встретив по ряду причин препятствия в получении визы во Францию. В монастыре С. Сахаров и В. Кривошеин очень быстро, буквально через год, приняли постриг. Их связь и в дальнейшем не прерывалась. В письмах к Д. Бальфуру, своему духовному собеседнику, написанных в 1930-е гг. с Афона, архим. Софроний неоднократно упоминал еп. Василия. Он вывел его также на страницах своей самой известной книги «Старец Силуан» (1948) под именем «одного монаха», заведующего библиотекой и отношениями с иностранными посетителями.

Париж, однако, не забыл своих даровитых студентов: так, архим. Софроний писал в письме к Д. Бальфуру о том, что «в 1927 году сюда приезжал г. К., с намерением убедить отца Василия и меня возвратиться во Францию, причем он очень откровенно высказывал предположения парижан (русских) о причинах моего бегства на Афон, находил их неуважительными, обещал все “устроить” и даже материально брал на себя заботы обо мне, лишь бы я вернулся в Париж» [Софроний (Сахаров) 2003, с. 141].

Отличие его внутреннего мира от русских парижан проявлялось и в том, что архим. Софроний не нашел взаимопонимания со своим знаменитым сокурсником, игуменом (будущим архиепископом) Иоанном (Шаховским), прибывшим на Афон в сентябре 1936 г. Относясь с любовью и почитанием к игум. Иоанну как к человеку («Это человек какой-то особой чистоты, как ангел; благодать Божия очевидно почивает на нем» [Там же, с. 249]), архим. Софроний, тем не менее, с грустью отмечал, что тот не понимает самого ценного для него, того, ради чего он удалился от мира. Величайшая, неземная культура монашества, по выражению архим. Софрония, не встретила сочувствия у игум. Иоанна, который придерживался идеалов «белого» иночества, служения в миру, проповеди и труда, соединенного с целомудрием. Су-

ществование монастырей для игум. Иоанна не вполне отвечало современной задаче христианства. Какие же именно идеалы отстаивал архим. Софроний, что привело его в монастырь, а после кончины старца Силуана — в безмолвную келию Святой Троицы на Карулии, в самом диком и опасном месте Афона? Эта причина та же самая, что побудила преп. Сергия Радонежского уйти на Маковецкую гору, покрытую непроходимыми лесами, населенную дикими зверями, малодоступную для людей, и там основать монастырь в честь Святой Троицы.

Стоит вспомнить, что парижский Православный богословский институт преподобного Сергия Радонежского в то время являлся не просто учебным заведением, где можно было получить богословское образование у ведущих русских богословов и философов, но и центром духовным, в котором жизнь учащихся была организована по иноческому образцу: проживание в келиях, нестяжание, лекции, чередующиеся с богослужениями и совместными трапезами, на которых читались святоотеческие поучения. Учащиеся носили подрясники и внешне напоминали послушников. Архим. Софроний, поступив в институт, оставил свое занятие живописью, являвшееся для него главным в жизни, после чрезвычайных событий, особого откровения: «Знаю одного человека в Париже, который с Великой Субботы до третьего дня Пасхи, в течение трех дней, был в состоянии видения, которое в образах нашего земного бытия он находил возможным выразить только словами, что он *видел утро не вечернего дня* <...>. Невечерний же день — вечность» [Софроний (Сахаров) 2003, с. 232]. Соприкосновение с вечностью в ее положительном аспекте (когда человек воспринимает ее как нечто бесконечно ценное — более ценное, чем земная жизнь) изменяет сознание, после чего он способен, как преп. Сергий, жить в месте, совершенно непригодном для нормального существования, даже с точки зрения непритязательного XIV в. Опыт богообщения, созерцания Нетварного Света, покаяния и напряженной внутренней молитвы победил опыт теоретического богословия у архим. Софрония. Как ученый, увлеченный своими открытиями, или влюбленный юноша, не способный думать ни о чем другом, кроме предмета своей страсти, монах, получивший особое откровение, уже не может противиться неудержимому стремлению к вечности, к «подлинному бытию». Тем не менее решение об удалении из мира принимается не как следствие аффекта, слепой страсти, но в результате опыта, сравнения «того» и «этого» бытия, знания, радости и сознательного, ответственного предпочтения духовной жизни. Именно в богословском институте архим. Софроний понял глубинное различие отвлеченного интеллектуально знания о Боге (или о том, как об этом предмете рассуждают другие) и онтологического благодатного знания Бога, что стало одной из самых важных и заметных идей его богословского наследия¹.

Опыт светоносного откровения есть то, что роднит архим. Софрония на самом глубинном уровне с преп. Сергием Радонежским, одним из русских святых, о котором известно, что он был зрителем таинственных откровений, связанных с созерцанием Нетварного Света. Одно из клейм его житийной иконы изображает преподобного причастившимся огнем из евхаристической чаши. Известны

---

¹ Эту тему архим. Софроний подробно развивает в книге «Видеть Бога как Он есть» [Софроний (Сахаров) 2000]. См. также: [Захария (Захару) 2003].

несколько видений преп. Сергия, ставшие важной частью церковного предания. Свято-Троицкая лавра хранит даже память о некой виртуальной географии видений преподобного: так, Серапионова палата в лавре поставлена на месте явления преп. Сергию Богородицы. Архим. Софроний в своих работах описал условия, при которых подвижник получает истинное откровение (с точки зрения критериологии духовного опыта бывают заблуждения, состояния измененного сознания, душевные болезни и другие духовные патологии). Истинное видение приходит при продолжительных молитвах в духе покаяния и сокрушения или во время скорби, иссушающей страсти гордости, эгоизма, похоти и т. д. (см.: [Иерофей (Влахос) 2013, с. 281, 332 и др.]). Во всех иных случаях видение либо ложно, либо неполно и субъективно, не имеет ценности для Церкви как сообщества христиан. Видения преп. Сергия дают основания предполагать, что он творил с огромным напряжением покаянную молитву, приносил обильные благодарения, но был чужд страстей гордости, гнева, зависти, уныния, сребролюбия и пр.

Преп. Сергей Радонежский стал известен не только в России, но и на христианском Востоке как достигший особых духовных откровений. Через его скромный монастырь осуществлялось общение Русской и Вселенской Церквей, делегация от Вселенского патриарха была послана к преп. Сергию для вручения креста как свидетельства глубокого уважения к его трудам. Тем не менее преп. Сергей стал основателем Свято-Троицкой лавры, со временем превратившейся также в центр научной (в частности, археологической) и богословской работы. И это не случайность. То живое богословие, которое дает мистическое созерцание и безмолвная жизнь, кристаллизуется, как показал и опыт архим. Софрония, в догматическое творчество и письменное богословие. Архим. Софроний различал богословие от ума, при котором человек может даже жить в грехе, не молиться, но при этом писать статьи богословского содержания или читать лекции, и богословие благодатное, когда мысль исходит из сердца, сокрушенного и постоянно молящегося, получающего откровение свыше [Там же, с. 277]. Благодатное богословие есть пророческое служение, при котором в центре всех жизненных сил ставится преображенное сердце, и тогда «от избытка сердца глаголют уста». Жизни сердца, соединению его с разумом старец придавал, пожалуй, центральное значение, что ставит архим. Софрония в один ряд со многими русскими мыслителями, начиная от славянофилов с их идеей цельного разума, противостоящего рассудку.

Тем не менее для выражения своих благодатных познаний необходим определенный инструментарий, понятийный словарь, и в этом смысле архим. Софроний являет собой редкий пример сочетания святости и образованности. В своих сочинениях, письмах и беседах он часто ссылается на известных философов, писателей, поэтов: Н.А. Бердяева, О. Конта, Ф. Шлейермахера, Плотина, блаж. Августина и др., основы знаний о которых, скорее всего, были получены им в Православном богословском институте преподобного Сергия Радонежского. Через общение с ведущими русскими философами в Париже архим. Софроний еще более углубленно интересуется проблемой личности. Большое влияние на него оказал В.Н. Лосский, с которым архим. Софроний сблизился после возвращения с Афона в 1950-е гг. С ним он издавал журнал «Вестник Русского Западно-Европейского

экзархата», где помещались статьи богословского, догматического и святоотеческого характера. Именно благодаря В.Н. Лосскому в свет вышла книга «Старец Силуан» — первоначально архим. Софроний хотел опубликовать записки старца, но Лосский побудил его написать введение, которое и составило сам труд. Возвратившись во Францию не по своей воле в 1947 г., после более чем двадцатилетнего пребывания на Афоне, архим. Софроний вновь сблизился с Православным богословским институтом преп. Сергия Радонежского, в частности с профессором института прот. Георгием Флоровским, которому писал письма и посылал свои богословские работы на рецензию. Будучи основателем и игуменом монастыря в Эссексе (Англия), архим. Софроний посылал насельников своего монастыря учиться в Православный богословский институт преп. Сергия Радонежского, полагая богословское образование важнейшей частью духовного становления для своих монахов. Так, например, архим. Кирилл (Акон), избранный настоятелем монастыря еще при жизни старца, выпускник богословского института, учился там по благословию архим. Софрония.

Таким образом, мы наблюдаем удивительную реверсию: от теоретического богословия архим. Софроний уходит в монастырь для стяжания практического богословия, «богословия сердца», просвещенного непрестанным покаянием и молитвою. Потом он вновь возвращается в мир с обретенным опытом и знанием, которые выражает на языке теоретического богословия, наполняя его новым содержанием, смыслом и значением. Эта реверсия характерна для многих отцов и учителей Церкви (можно вспомнить святителей Василия Великого, Григория Богослова, Григория Паламу). Для них, как и для архим. Софрония, первичным также являлся опыт сердечного, внутреннего богословия и богообщения, который ставился во главу угла их духовной жизни.

По слову архим. Софрония, сердце, которое не исстрадалось и не изболелось в поисках Бога, не получит благодати. Основное отличие Православной церкви от Католической, по его мнению, заключается в характере молитвы: католики не понимают долгих многочасовых служб, поскольку молятся интеллектом и утомляются уже через полчаса такой напряженной молитвы. Интеллект имеет прямое отношение к телу через воображение, отсюда явление стигматизации в католичестве. Святоотеческое предание обращается к сердцу человека, через него, в отрыве от воображения, происходит выход к его духовному центру, ипостасному началу. Правильные методы сосредоточения и покаяния, сердечно теплое отношения к Богу и ближнему, при котором монашество понимается как «особый вид любви», открывает глубинные измерения личности, выход к ним лежит через подвиг самоотречения. Чем больше самоотречение, отказ от эгоизма, самолюбия, самолюбования, тщеславия, тем больше приближение к подлинной сущности человека, а от нее — к Богочеловеку, приобщение к Которому и открывает православное богословие. Именно в данном ключе нужно понимать богословие архим. Софрония: оно исходит от «сердца сокрушенного и смиренного», а не из гения разума и блестящей образованности. В этом же ключе нужно понимать святоотеческое богословие вообще. По слову старца Силуана, совершенные «от себя ничего не говорят <...>. Говорят лишь то, что дает им Дух» [Софроний (Сахаров)

1991, с. 27]. Это идеал восточно-православного богословия, когда ни одно слово или переживание не может быть запечатлено на бумаге, если оно не выстрадано сердцем, не вымолено. Опыт преп. Сергия также был трудным опытом: он претерпел голод, холод, одиночество, страх от диких зверей, непонимание. Святость человека раскрывается в подобных испытаниях.

Архим. Софроний противопоставляет психологический план познания и онтологический, когда Бог переживается как Бытие и живая, конкретная Личность, а не отвлеченное понятие. В поисках подлинного бытия архим. Софроний покинул Париж, понимая, что, получив богословские и церковно-исторические знания, он не получит знания Бога и Церкви. Тем не менее, вернувшись в Париж, он передал свой опыт, таким образом обогатив Церковь. Можно сделать очевидный вывод: богословие, церковная история и предание возникают именно благодаря таким духовным «радикалам», которые, появляясь в каждую эпоху, способны вдохнуть новую жизнь в поблекшее, ставшее рутинной церковное знание. Подлинное онтологическое знание человек усваивает с раскрытием всех своих внутренних сил, приобретая тем самым неистощимую радость как цель долгого пути. Через таких людей, как архим. Софроний, приоткрывается тайна святости. Через их богословие раскрывается тысячелетняя традиция, связующая единым опытом и мировоззрением христианский Восток в древности (мистическое богословие преп. Исаака Сирина), византийскую культуру (преп. Симеон Новый Богослов, свт. Григорий Палама), древнерусских подвижников (преп. Сергей Радонежский) и современных интеллектуалов, каким был сам архим. Софроний. Во всех упомянутых случаях христианство раскрывается как в высшей степени мистическая, лично ориентированная религия и философия, которая преображает человека, раскрывая в нем подлинное, общечеловеческое достоинство.

Литература

- Захария (Захару) 2003 — *Захария (Захару), архим.* Христос как путь нашей жизни: Введение в богословие старца Софрония (Сахарова). М., 2003.
- Иерофей (Влахос) 2013 — *Иерофей (Влахос), митр.* «Знаю человека во Христе...»: Жизнь и служение старца Софрония, исихаста и богослова. Сергиев Посад, 2013.
- Софроний (Сахаров) 1954 — *Софроний (Сахаров), иером.* Заметка к новому переводу гимнов преподобного Симеона Нового Богослова // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего экзархата. 1954. № 17. С. 20–24.
- Софроний (Сахаров) 1991 — *Софроний (Сахаров), архим.* Преподобный Силуан Афонский. Эссекс, 1991.
- Софроний (Сахаров) 1997 — *Софроний (Сахаров), архим.* Письма в Россию. Эссекс; М., 1997.
- Софроний (Сахаров) 2000 — *Софроний (Сахаров), архим.* Видеть Бога как Он есть. М.; Эссекс, 2000.
- Софроний (Сахаров) 2003 — *Софроний (Сахаров), схиархим.* Подвиг богопознания. Письма с Афона (к Д. Бальфуру). Эссекс; М., 2003.

Протоиерей Н. Озолин

ОБЩЕСТВО «ИКОНА», ДМИТРИЙ СЕМЕНОВИЧ СТЕЛЛЕЦКИЙ
И ЕГО РОСПИСЬ В ИНСТИТУТСКОМ ХРАМЕ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ПАРИЖЕ

«Одно из величайших открытий XX века, и в плане художественном, и в плане духовном, — православная икона», — утверждает отец современного возрождения православного иконописания и богословия иконы Леонид Александрович Успенский, и у нас есть все основания полагать вместе с ним, что «долгий процесс ее постепенного открытия», начавшийся в России задолго до революции, «стягивается к нашему времени» [Успенский 1989, с. 401].

Судьба русской иконы удивительна во многих отношениях: после столетий гонения в Синодальный период [Там же]¹ в советское время ее десятилетиями то уничтожали вместе с храмами, то путем изъятий на «консервацию» отправляли в музеи. Между тем известие о ее открытии распространилось за пределы исторического Православия, и икона начала покорение мира, до тех пор ее либо игнорировавшего, либо отвергавшего.

Действительно, то явление, которое Успенский называет «длительным процессом постепенного постижения духовного смысла иконы», теперь приобрело необратимый характер как в России, где, несмотря на огромные потери, множество древних икон было спасено героическими усилиями реставраторов, так и на Западе, который сквозь все свои надломы и надрывы через икону вновь открывает — в собственном искусстве давно трагически утраченный — лик Богочеловека.

Ибо именно об этом идет речь. Обоснованием иконы как *специфически христианского* образа является факт Боговоплощения. Во Христе (Который Сам является предвечным и единосущным образом Отца) произошло не только общение Бога и человека, но их истинное соединение, и в Церкви мы приобщаемся к этому соединению.

Можно назвать икону Евангелием, видимо явленным через личную святость, преобразующую мир. Икона явилась в наше время как умиротворяющий ответ на тревожные вопрошания современного человека — как «умозрение в красках».

В эмиграции, этой многоликой «зарубежной Руси», нашлись люди, посвятившие себя возрождению православной иконы. Париж стал центром встречи двух христианских традиций — восточной и западной, — и поскольку в Православии судьба иконы неотделима от судьбы Церкви, открытие иконы не только русской

---

¹ См. также замечательную главу «Пути искусства живописного направления в Синодальный период Русской Церкви» [Успенский 1989, с. 151–399].

эмиграцией, но и Западом оказалось совершенно естественно вписанным в логику этой встречи.

Первые годы эмиграции были для многих временем скитаний, но вскоре в различных европейских столицах сформировались довольно большие и устойчивые общины, в которых возобновилась русская культурная, художественная и зачастую научная жизнь. Так, в 1925 г. были созданы два новых центра по изучению различных аспектов русской иконы.

В Праге академик Никодим Павлович Кондаков организовал семинарий, который впоследствии стал называться его именем (с 1931 г. Археологический институт имени Н.П. Кондакова). Но нет сомнения, что наиболее значительные инициативы эмиграции осуществлялись в Париже. Столица Франции стала важным центром русской церковной жизни с 1922 г., после того, как там обосновался митрополит Евлогий, назначенный ныне прославленным Патриархом Московским святителем Тихоном управляющим Западноевропейским митрополичьим округом.

Будучи центром церковного управления, Париж вскоре стал не менее важным центром богословской мысли и возрождения церковного искусства. Действительно, на протяжении двух лет — с 1925 по 1927 г. — были основаны Свято-Сергиевский православный богословский институт (см.: [Озолин 1996]) и Общество «Икона», которые сыграют, каждый в своей области, заметную роль в судьбе Православия XX в.

Наиболее активными учредителями Общества «Икона» стали москвичи братья Владимир Павлович и Степан Павлович Рябушинские: лишившись своих замечательных коллекций древнерусских икон, они стремились пробудить в эмиграции и среди инославных желание изучать это искусство и любовь к нему. Другими членами-соучредителями были Павел Павлович Муратов, художники Иван Яковлевич Билибин и Дмитрий Семенович Стеллецкий. Великая княгиня Ксения Александровна и митрополит Евлогий явились почетными председателями, французские академики Габриэль Милле (Millet) и Луи Брейе (Bréhier) — почетными членами.

Вскоре в Общество вошли представители первого поколения его тружеников: архитекторы Альберт Александрович Бенуа и Николай Иванович Исцеленов (после смерти В.П. Рябушинского он стал вторым председателем Общества), а также начинающие тогда иконописцы Петр Александрович Федоров (в прошлом контр-адмирал и герой Японской войны), Юлия Рейтлингер (будущая сестра Иоанна), княжна Елена Сергеевна Львова, Тамара Владимировна Ельчанинова (матушка о. Александра) и Георгий Вадимович Морозов.

В том же 1925 г., когда отец Сергей Мечёв благословляет молодую Марию Николаевну Соколову обучаться древнерусскому иконному письму у мстёрича Кирикова, в Париже объявляется официальный конкурс на проект иконостаса и внутренней росписи храма Свято-Сергиевского подворья. Кандидатов было немало, но что очень характерно — тогда еще никто из них не владел традиционной иконописной техникой. Как известно, эту работу поручили Д.С. Стеллецкому, который во время Первой мировой войны и русской революции работал в Париже

Д.С. Стеллецкий в своей мастерской. Начало 1920-х гг.

и, зная о происходящем на родине, посчитал невозможным вернуться. Ни Февраля, ни Октября, ни войны гражданской ему не пришлось пережить на родине... Сам он — сын Серебряного века и бывший «мирискусник», но надо признать, что, в отличие от многих других, Дмитрий Семенович не застрял на том «стилизованном православии», о котором так метко писал Бердяев. Между тем сколько ему стоило это освобождение от оных светских уз!

Еще в 1910-х гг. Стеллецкий выезжал на Русский Север, где изучал иконы и стенописи, и мечтал, как некогда мечтали Васнецов и Нестеров, о создании нового жанра и стиля русской живописи, основываясь на мотивах древнерусского искусства. Мечтали по-своему и Николай Рерих, и «ранний» Кандинский, и Стеллецкий сам-то, конечно, грезил именно как молодой художник. Чаял возрождения родного русского искусства из истоков — не западных, а своих, — но тогда еще ясного представления и глубинного понимания этого «своего» он не имел — и в этом сказались горькие плоды Петрова «просвещения».

Для того чтобы лучше представить себе творческий путь Д.С. Стеллецкого, по моему мнению, необходимо напомнить о недостаточно известной странице его биографии. Я имею в виду дружбу и сотрудничество Дмитрия Семеновича с будущим новомучеником графом Владимиром Алексеевичем Комаровским (1883–1932), первопроходцем из русских художников, дошедшим до подлинной иконы в смысле *специфически христианского образа*. Владимир Алексеевич в 1920-е гг. в Москве был близок к отцу Сергию Мечёву, собравшему вокруг себя на Маросейке ревнителей возрождения традиционной православной иконы на *чисто церков-*

ных началах. В эти же годы Комаровский написал о Сергии свое замечательное «Письмо об иконописи», которое, по-моему, следует считать основополагающим манифестом творчески возрождаемой православной иконы².

Как и когда именно возникли дружба и сотрудничество Дмитрия Семеновича с Владимиром Алексеевичем, сейчас трудно сказать, но по всей вероятности не позже 1910 г., ибо уже за лето 1911 г. они вместе напишут трехъярусный иконостас для церкви Святых Константина и Елены в имении графа Александра Медем на Волге. Через три года, за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, два друга успели написать также трехъярусный иконостас для храма преп. Сергия Радонежского на Куликовом поле, сооруженного в память знаменитой победы, — для Стеллецкого эта ответственная работа оказалась последней на родной земле...

Сам факт, что четыре года жизни перед отъездом из России прошли для Дмитрия Стеллецкого под знаком иконописи, и притом в близком сотрудничестве с одним из самых выдающихся деятелей начинающегося тогда процесса постепенного постижения не только духовного смысла икон вообще, но также конкретных приемов традиционного иконописания, конечно, имел решающее значение для дальнейшего его творчества. Князь Н.В. Гагарин действительно был прав: в 1925 г. в Париже, да и во всей Франции не было человека более компетентного, чем Стеллецкий, который мог бы расписать храм преп. Сергия Радонежского.

Почему из многочисленных кандидатов именно Дмитрий Семенович получил заказ на иконостас и внутреннюю роспись храма, объяснил очевидец и деятельный участник тех событий Михаил Михайлович Осоргин, долголетний регент подворского студенческого хора, а тогда активный член «Комитета по сооружению Сергиевского подворья», только что созданного митрополитом Евлогием по благословению самого святейшего патриарха Тихона.

«Как сейчас помню, — писал Михаил Михайлович в некрологе о Стеллецком, — когда через два месяца после покупки Сергиевского подворья на официальных торгах в Palais de Justice 5/18 июля 1924 года впервые возникла мысль о необходимости поручить какому-нибудь компетентному лицу роспись иконостаса и храма, я случайно в разговоре с ныне покойным моим дядей, большим художественным авторитетом, кн. Николаем Викторовичем Гагариным, узнал от него, что на юге, в Каннах, проживает Стеллецкий и что такую крупную и ответственную работу, на его взгляд, нельзя никому поручить, кроме него. Я решил, не будучи с ним знакомым, написать ему, чтобы узнать, как отнесется он к такой работе, если к нему обратятся с официальным предложением. Чтобы дать ему хоть элементарное понятие о размерах и внутренности храма (бывшего до войны 1914 года протестантской киркой), я приложил к своему письму три старые немецкие фотографии, найденные мной на чердаке здания, наружного вида храма и внутренности его с немецкими детьми, елкой и портретом императора Вильгельма в апсиде храма. На пятый или шестой день получаю я увесистый пакет от Стеллецкого с восторженным письмом, безоговорочно соглашающегося на совершенно безвозмездных началах взять на себя роспись храма, с приложением двух эскизов,

² Машинописную копию этого письма вверила мне ныне покойная дочь Владимира Алексеевича Антонина Владимировна Комаровская в 1977 г.

на основании посланных фотографий, иконостаса и росписи стен внутренности храма и наружный “оправославленный вид”, как он писал, здания. В этой горячности, готовности отдать всего себя на пользу Церкви и полной бескорыстности красочно сказался Дмитрий Семёнович <...>. А сколько трудностей предстояло преодолеть, раньше чем он, наконец, был приглашен официальным образом! <...>

Большим препятствием для принятия окончательного решения являлось отсутствие денег на роспись, и это обстоятельство, как ни странно, способствовало в конце концов приглашению Стеллецкого: мне случайно удалось узнать, что у великой княгини Марии Павловны Романовой³ хранится ценный изумруд, данный ей ее покойной теткой великой княгиней Елизаветой Феодоровной⁴ с пожеланием, чтобы этот камень был использован на украшение какого-нибудь храма. Когда я начал просить великую княгиню, чтобы она этот камень пожертвовала на наш храм, она ответила, что готова это сделать, но ставит определенным условием, чтобы храм расписывал Стеллецкий и никто другой, и что в этом случае она готова взять на себя председательствование в художественном комитете для сбора дальнейших средств на роспись. В результате кандидатура Стеллецкого была нашим комитетом принята, и великая княгиня принялась энергично за сбор денег, которых она за два года набрала около 400 тысяч франков.

Стеллецкий приехал в Париж, поселился в Подворье и принялся за работу. На внутренней стороне северных дверей главного придела имеется собственноручная надпись Стеллецкого: “Начал расписывать церковь 6 ноября 1925 года, в пятницу. Кончил 1 декабря 1927 года, в четверг. Дмитрий Семёнович Стеллецкий”. Этот рекордный по краткости срок для такой большой художественной работы лишний раз характеризует талант Стеллецкого, как и то, что работал он без малейших колебаний, заранее имея до мельчайших деталей всю общую композицию росписи в голове. Помню, с какой виртуозной быстротой (около 10 дней) все белые доски пролевкашенного, сооруженного по его чертежам иконостаса были расписаны Стеллецким углем, и контуры святых имели вполне определенный вид, и сотрудники (их число колебалось от двух до трех) Стеллецкого обводили лишь эти угольные контуры иголкой. А все потолочные рисунки ангелов, символических изображений евангелистов, имея точный размер длины и ширины расписываемого участка потолка, Стеллецкий на полу расстилал соответствующей величины бумагу, навязывал на конец палки уголь и твердой рукой расписывал на полу бумагу такими законченными контурами, что сороботникам оставалось лишь ножницами вырезать рисунки, прикладывать к потолку полученный трафарет и расписывать его красками по указаниям Стеллецкого, командовавшего снизу. Верная сотрудница Дмитрия Семёновича по росписи храма кн. Елена Сергеевна Львова со свойственным ей талантом выписывала все лики святых на всех иконах, которые сам Стеллецкий никогда не дописывал, всецело доверяя эту работу ей.

---

³ Внучка императора Александра II и дочка великого князя Павла Александровича, младшего брата императора Александра III.

⁴ Как отраднo знать, что само возникновение нашего храма и института связано с именем великой заступницы за землю Русскую, святой новомученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны, основательницы Марфо-Мариинской обители в Москве.

А как любил Стеллецкий наш храм! Сколько раз впоследствии приезжал он в Париж, чтобы полюбоваться на свою работу, которая ныне приобрела всемирную известность» [Осоргин 1999, с. 116–117].

К этому замечательному рассказу Михаила Михайловича хочется добавить несколько слов известного «аполлоновца» Сергея Маковского о долголетнем своем друге: «Не только верующему церковно, но каждому из нас, кому дорого Отечество, его преемственное достояние, следовало бы с особым вниманием вникнуть в творчество талантливейшего художника Дмитрия Семеновича Стеллецкого <...>. Его роспись церкви Сергиева Подворья в Париже мне представляется самым значительным из всего, что унаследует будущая Россия от эмиграции. Не потому, конечно, что Стеллецкий одареннее всех художников, нашедших на чужбине применение своим силам, а потому, что он как бы спрыснул “живой водой”, сделавшись иконописцем-творцом <...>».

Стеллецкий с молодых лет задумал воскрешение русской “Византии” (когда, незадолго до революции, мы вновь “открыли” красоту православной иконы) — воскрешение творческое, но не рабское подражание древнему ремеслу. Мечтой его стало — наполнить старые меха молодым вином, сделать иконопись, не отступая от византийской традиции, современным искусством и показать при случае его жизненность не на отдельных досках, а храмовым “ансамблем”, декоративным целым, выражающим по-новому эстетическое чувство и религиозный порыв.

Свою мечту и осуществил он после долгой предварительной работы (где только не был, изучая памятники родной старины), когда ему была поручена роспись храма преподобного Сергия. И вот, думается мне, из всего, что почти за сорок лет эмиграцией сделано в художественном области, эта роспись — значительнейшее явление» [Маковский 1962, с. 315].

Что касается конкретного оформления этого непростого ансамбля, то не стоит забывать — храм был построен в неоготическом стиле, с большими окнами, для православного храма очень большими и пропускающими слишком много внешнего света (единственный изъян в интерьере). Росписи Д.С. Стеллецкого покрывают все пространство стен. Изучавший иконостасы на Русском Севере, художник использовал приобретенные знания для создания росписей и иконостаса в храме преп. Сергия Радонежского. Последний относится к базиликальному типу, т. е. не имеет купола; на том месте, где скрещиваются трансепт и корабль, Стеллецкий изобразил тетраморф (ангел, лев, телец, орел), олицетворяющий теофанию. В центре иконостаса — царские врата северно-русского письма XVI в., которые пожертвовал один из русских парижских антикваров. Вокруг них художник и создал композицию иконостаса, вдохновляясь древнерусским письмом этих царских врат.

Были у Д.С. Стеллецкого и критики: знаменитый иконописец и богослов Л.А. Успенский, приходя в храм на Свято-Сергиевском подворье, часто указывал на разницу между древнерусским письмом, выполненным яичной темперой (царские врата), и современными красками Стеллецкого, который готовил по своему рецепту особую эмульсию для иконописи.

Общий вид фасада храма преп. Сергия с двумя лестницами на второй этаж

Остановимся на отдельных деталях этого иконостаса. Рядом с царскими вратами, справа, как всегда помещена икона Спасителя, в изображении которой чувствуется влияние иконописи XVII в. Слева Богоматерь — несколько необычный вариант Владимирской иконы Божией Матери, так как Стеллецкий писал иконы достаточно свободно, не приемля буквальное копирование (в этом художник предвосхитил иконописный подход Л.А. Успенского и о. Григория Круга). За Спасителем справа следует икона преп. Сергия Радонежского, святого, которому посвящен храм. А далее — образ святителя Тихона Задонского, размещенный в местном ряду иконостаса в честь Патриарха Московского святителя Тихона, благословившего создание Свято-Сергиевского подворья. Композиция иконы придумана самим Стеллецким и выглядит очень убедительно. Слева за Богоматерью — лики святителей Николая Чудотворца и преп. Серафима Саровского. Д.С. Стеллецкий изобразил Серафима Саровского в лесу среди своеобразных иконописных деревьев. Вообще, эта икона является одним из первых иконописных изображений Серафима Саровского — святой был канонизирован только в начале XX в., т. е. еще до начала возрождения традиционной иконописной техники в Русской Церкви. Обратим внимание и на роспись алтарной апсиды, в центре которой изображена Богоматерь «Оранта», а с двух сторон — пророки (слева) и апостолы (справа). При этом Д.С. Стеллецкий написал апостолов в следующей последовательности — Иоанн, Павел, Петр и затем остальные, отвергая тем самым католические претензии на первенство апостола Петра. Над Богоматерью изображены три ангела «гостеприимства Авраамова», которые, как известно, яв-

ляются ветхозаветным антитипом новозаветного откровения Пресвятой Троицы (см.: [Озолин 1993]). И эта композиция художника была глубоко продуманной и последовательной.

Итак, несмотря на то, что работа, строго говоря, небезупречна с точки зрения использования для стенной росписи и икон нетрадиционной техники иконописи, Д.С. Стеллецкому вполне удалось создать целостный интерьер, где множество разнообразных изображений и узоров нисколько не нарушает художественного единства ансамбля, что и позволяет рассматривать это его творение как важный этап на пути к возрождению подлинно православной иконописи.

Литература

- Маковский 1962 — *Маковский С.* На Парнасе Серебряного века. Мюнхен, 1962.
- Озолин 1993 — *Озолин Н., прот.* Троица или Пятидесятница? // *Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.* М., 1993. С. 375–384.
- Озолин 1996 — *Озолин Н., прот.* К семидесятилетию Русского Православного Богословского института преподобного Сергия Радонежского в Париже // *Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 1992–1996.* М., 1996. С. 239–246.
- Осоргин 1999 — *Осоргин М.М.* Памяти Д.С. Стеллецкого // *Свято-Сергиевское подворье в Париже: К 75-летию со дня основания.* Париж; СПб., 1999.
- Успенский 1989 — *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989.

СЛАВИСТИКА
И СЛАВИСТЫ

М.В. Ефимов, О.А. Коростелев

Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:
ИСТОРИК И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУБЛИЦИСТ

Личность и творческое наследие выдающегося литературного критика и историка литературы князя Дмитрия Петровича Святополк-Мирского (1890–1939) в последние годы привлекают к себе в России все больше внимания¹. Однако до полного представления о наследии Мирского, его масштабе и его многообразии по-прежнему далеко. Наиболее заметной лакуной в этом плане являются работы Мирского как историка России, а не историка русской литературы. Мирскому принадлежат две систематические истории России [Mirsky 1927; 1931a], биография Ленина [Mirsky 1931], а также ряд статей, посвященных истории² и современному положению России³. Все эти работы до настоящего времени практически неизвестны российским читателям и российским исследователям⁴.

Мирский получил диплом об окончании историко-филологического факультета Харьковского университета осенью 1918 г., в разгар Гражданской войны⁵. В конце 1920-х гг., когда Мирский планировал лекционное турне по университетам США, в англоязычной биографии, которой он снабдил своего американского коллегу М. Флоринского, было указано: «Graduate of Universities of St. Petersburg (in Classics) and Kharkov (in history)» [Smith 1994, p. 130]⁶. И, уже всерьез обдумывая отъезд из Англии, Мирский в письме к тому же М. Флоринскому (январь 1930 г.), говоря о возможности получения постоянной работы в США, подчеркивал: «...специальность моя не литература, а история» [Ibid., p. 133].

Дело, однако, не только в формальной квалификации. Принадлежа к одному из древнейших в русской истории княжеских родов, Рюрикович (по линии матери, урожденной графини Бобринской, потомок Екатерины II), сын министра

¹ См. издания последних лет: [Святополк-Мирский 2002; Святополк-Мирский 2005 (переизд. 2006, 2007, 2009, 2014); Русская лирика 2010; Мирский 2014].

² Особо отметим работу: [Mirsky 1932].

³ Мирский выступал и как переводчик на английский язык сочинений российских историков: [Vladimirtsov 1930; Pokrovskii 1933].

⁴ Особняком на фоне остальных работ Мирского-историка стоит историко-политический памфлет «Интеллигентсия» (М.: Сов. лит., 1934), посвященный истории социально-политической мысли и культуры Великобритании XIX — начала XX в.

⁵ Перед самым началом Первой мировой войны, в мае 1914 г., Мирский окончил Санкт-Петербургский университет (историко-филологический факультет, классическое отделение), получив от М.И. Ростовцева приглашение остаться на его кафедре.

⁶ Письмо от 29 марта 1927 г.

внутренних дел, Мирский самими условиями рождения и среды изначально находился в пространстве русской истории. Для Мирского это обстоятельство никоим образом не было второстепенным. Более того, оно являлось одним из основополагающих в его биографии (см.: [Ефимов 2014]).

Лишь по немногим упоминаниям в текстах Мирского можно определить его отношение к предшествующей русской историографической традиции. В 1927 г. в «Истории русской литературы» Мирский даст блестящую характеристику Карамзину-историку: «Его основополагающая идея о всё искупающих добродетелях самодержавия искажает прочтение отдельных фактов. Но у этих недостатков имеется и хорошая сторона. Заставляя читателя воспринимать русскую историю как единое целое, Карамзин помог ему понять ее единство. Рассуждая о поведении государей с точки зрения моралиста, он получал возможность осуждать их за эгоистическую или деспотическую политику. <...> ...Больше всего воображение читателя поражали именно истории отдельных монархов, без сомнения, основанные на солидных фактах, но поданные и объединенные с искусством настоящего драматурга» [Святополк-Мирский 2007, с. 119].

В том же, 1927-м, году Мирский завершит свою краткую англоязычную «Историю России» списком рекомендуемых для дальнейшего чтения книг. Из шести авторов трое — русские. Мирский адресовал читателя к английским изданиям курсов Ключевского (при том что в 1925 г. скептически и мимоходом заметит: «Что бы ни говорили историки-экономисты и юристы, типа Ключевского...» [Mirsky 1989, p. 145]), Платонова и Корнилова [Mirsky 1927, p. 79]. В своей второй «Истории России» («Russia: A Social History», 1931) Мирский писал: «Что касается общих работ по русской истории, то каждый изучающий ее должен прочесть “Лекции по русской истории” В.О. Ключевского. Хотя им ощутимо недостает конструктивной точки зрения, их никто не превзошел по богатству конкретного материала, в особенности в том, что касается позднего средневековья и периода Московского царства. <Также необходимы> работы патриарха марксистской историографии, профессора М.Н. Покровского, чья общая схема русской истории является до настоящего времени наиболее адекватной из всех предложенных, которые после Покровского, соответственно, устарели. Единственная из его книг, доступная по-английски, это четырехтомная “История России” <...>, раннее сочинение, частично вытесненное последующими работами Покровского, бесценное, помимо всего прочего, потому, что содержит единственное удачное изложение истории петербургского периода. Более подробный реестр событий и законодательных мер (лишь до 1774 г.) можно найти в монументальном труде С.М. Соловьева» [Mirsky 1952, p. VIII]. Разумеется, эти упоминания ни в коей мере не описывают круг чтения Мирского в области русской истории, но, хоть и фрагментарно, дают о нем представление. Необходимо также отметить влияние английской историографической традиции. Основательное знакомство с сочинениями британских историков и историков культуры засвидетельствовано его многочисленными рецензиями, в частности, в журнале «The London Mercury».

Лейб-гвардеец Мирский участвовал как боевой офицер в Первой мировой войне, зимой 1916/17 г. проходил курсы Академии Генштаба в Петрограде, а в

Гражданскую войну был активным участником военного антибольшевистского сопротивления⁷. Осенью 1920 г., уже находясь в эмиграции, Мирский суммировал этот период своей биографии в письме из Афин к английскому писателю М. Берингу коротко и недвусмысленно: «Это были ужасные годы потерь (в феврале 1920-го был убит мой брат, погибли все мои друзья, за исключением двоих) и разочарований» [Святополк-Мирский 2002, с. 240]. Мирский стал непосредственным участником решающих событий в русской истории XX в., что навсегда изменило его мировосприятие. В большинстве случаев Мирский в публичных печатных высказываниях избегал говорить о себе, однако его историческая рефлексия явным образом мотивирована не только глубокими общеисторическими познаниями, но и личными обстоятельствами.

В представлении многих эмигрантов-современников Мирский первой половины 1920-х гг. был эстетом-эксцентриком, склонным к эстетическому же эпатажу в своих литературно-критических и историко-литературных оценках. Между тем в книге «Современная русская литература, 1881–1925» («Contemporary Russian Literature, 1881–1925», L.; N. Y., 1926) Мирский поместил две так называемые «промежуточные главы» («interchapters»), «Первая революция (1905)» и «Вторая революция», мотивируя это следующим образом: «Я все-таки включил в книгу две промежуточные главки о политике и о взаимодействии политики и литературы. Я сделал это не потому, что в разговоре об Андрееве и Блоке две революции важнее, чем гражданская война в разговоре об Уитмене и Уитьере, — а потому, что (хотя русская революция у всех на устах) очень мало кто из родившихся к западу от Риги знает хоть какие-нибудь факты, нужные для понимания вопроса» [Святополк-Мирский 2007, с. 455]. Этот опыт историко-политического письма не был для Дмитрия Петровича первым (достаточно обратиться к его более ранним англоязычным статьям; см. наст. публ.), но он значим потому, что является составной частью большого историко-культурного нарратива. Мирский не случайно писал историю русской литературы. Можно сказать, что в своих литературно-критических работах Мирский с самого начала был и оставался именно историком — историком, постоянно соотносящим прошлое с современностью.

В промежутке между первым и вторым томами своей знаменитой «Истории русской литературы», в 1927 г., Мирский опубликовал на английском языке сжатый популярный очерк истории России [Mirsky 1927], представляющий не только Мирского-историка, но Мирского как историка-евразийца. Его книга была замечена выдающимся историком и филологом П.М. Бицилли, опубликовавшим печатный отклик на нее и на «Начертание русской истории» Г.В. Вернадского⁸. Бицилли среди прочего писал: «Князь Д.С. Мирский задался целью изобразить на 78 страницах

⁷ В марте 1919 г. Мирский был мобилизован в армию генерала А.И. Деникина. До февраля 1920 г. находился на штабных должностях в Кубанском кавалерийском корпусе — 1-й Кубанской дивизии (Донбасс, Царицын), 3-й пехотной дивизии (Харьков, Льгов), с октября 1919 г. — 9-й пехотной дивизии (Нежин, Тирасполь). В феврале 1920 г. в составе отряда генерала Н.Э. Бредова перешел польскую границу, был интернирован, в феврале–апреле 1920 г. находился в польском концлагере как военнопленный.

⁸ Ср. высказывание Мирского 1927 г. о книге Вернадского: «Слабо. Я думаю, он просто довольно глуп. Единственное достоинство книги, — что она вносит некоторое количество любопытного и малоизвестного материала» [Smith 1995, p. 90].

всю историю России — для иностранцев *ad usum Delphini*. В общем, он и здесь проявил свое мастерство в улавливании и в сжатом и отчетливом формулировании наиболее существенного, — как и в своей английской истории русской литературы. Конечно, многим пришлось пожертвовать. Некоторые умолчания очень досадны <...>. Попадаются неточности и спорные, но догматически высказываемые утверждения <...> есть упрощение действительности, которое затрудняет ее понимание, а не упрощает» [Бицилли 1928, с. 519]. Однако главный акцент Бицилли делает на заключении книги Мирского: «Это заключение очень показательно для евразийской “историософии” и для лежащих в ее основе приемов и навыков мышления и обращения с историческими понятиями и исторической терминологией. Евразийская историософия в значительной мере определяется и обосновывается идеей “материка-океана”, самодовлеющего евразийского континента (“a continent a part”) кн. Мирского, — именно идеей, т. е. захватывающей всю духовную сферу силой, а не только понятием, идеей, несомненно коренящейся в некотором чутье, нашедшей себе поэтому изумительное и захватывающее поэтическое воплощение (Блок!), раньше, чем она отложила и отвердела в понятии. Именно это чутье историко-географической реальности и позволило евразийству, на мой взгляд, преодолеть отвлеченность и “бесплотность” русской исторической вульгаты. С другой стороны, однако, увлечение идеей обусловленности “истории” “географией” привело евразийство, как мы видели, к своего рода одержимости географией, более того, — географической терминологией. “Континент” для них — нечто абсолютное, непререкаемое, вроде “категорического императива”» [Там же, с. 521].

И тем не менее Мирский как историк, а не как историк-евразиец был едва различим для его компатриотов. Одна из главных причин — в том, что все важнейшие высказывания Мирского как историка были сделаны по-английски. Весьма показательной в этом отношении является статья «The Ukraine», опубликованная в 1923 г. в английском журнале «The Quarterly Review»⁹. Как отмечает крупнейший специалист в области изучения биографии и творчества Мирского Дж. Смит, «...<э>то наиболее впечатляющий образец описательной прозы на нелитературную тему, когда-либо созданный Мирским» [Smith 2000, p. 62]. Можно с высокой долей уверенности утверждать, что ничего подобного этой статье Мирского, с ее ясным и сжатым изложением событий многовековой давности, а также событий совсем недавнего прошлого (в обоих случаях — чрезвычайно сложно поддающихся структурированию), в то время по-русски попросту не существовало. Характерной особенностью является то, что Мирский на всем протяжении текста ни разу напрямую не отсылает к своему личному опыту участника Гражданской войны на Украине, а также к факту существования в Харьковской губернии родового имения Святополк-Мирских, где он сам и родился и куда вернулся в 1917 г. с Кавказского фронта. Статья демонстрирует и еще одну принципиально важную черту Мирского — тотальную логицизирующую историзацию любого современного материала. Мирский видит современность (и общеисторическую, и литературную) не как арифметическое, а как алгебраическое производное предшествующей истории. Эта черта, однако, парадоксальным образом сочетается у него с

⁹ См. наст. публ.

антидетерминизмом. Отсюда и устойчиво высокая оценка Герцена. В «Истории русской литературы» Мирский определил это следующим образом: «Его <Герцена> историческая интуиция, умение широко видеть историю, понимать значение деталей и связывать их с главными направлениями развития — поразительны. Мысль его прежде всего исторична, и именно понимание истории как стихийной, непредопределенной, не поддающейся вычислению силы, продолжающей столь же стихийную, непредопределенную, эволюцию природного мира, сближает его с Бергсоном. Для него процесс становления был творческим процессом, каждое будущее было новым относительно каждого прошлого, и страницы, которые он посвящает опровержению самой идеи предопределения, самого понятия мысли, направляющей историю человечества извне, принадлежат к числу самых ярких из всего, им написанного» [Святополк-Мирский 2007, с. 338].

Мирский, как это и вообще было ему свойственно, не оставил сколько-нибудь развернутого высказывания о своих общеисторических взглядах. Однако сохранилось исключительно ценное свидетельство выдающегося британского художника и художественного критика Роджера Фрая о разговоре с Мирским осенью 1925 г., сразу после того, как они оба приняли участие в знаменитых собраниях европейских интеллектуалов, «Декадах Понтины»¹⁰:

«Фрай: Как некоторые другие мыслители в Понтины, Вы предвидите новые “темные века”.

Мирский: Да, мне не терпится увидеть их наступление.

Фрай: Не терпится? Меня это поражает. Вы хотите увидеть, как все медленно накапливаемые достижения европейской мысли погибнут?

Мирский: Меня не интересует Европа, с ней покончено. Меня интересует Россия.

Фрай: Но ведь Россия находится в орбите европейской мысли?

Мирский: Нет, ничуть, и она освобождается от этого и готовится создать новое понимание жизни — и это то, что меня заботит» (цит. по: [Smith 2000, p. 102]).

И далее Мирский замечает: «...моя нервная система слишком чувствительна. Насилие по отношению к другому вызывает у меня отвращение, вот и всё. У меня нет морального возражения против насилия и даже жестокости, но это действует мне на нервы» (цит. по: [Ibid.])¹¹.

Этот разговор об этике личной и исторической происходил в 1925 г., и для его понимания необходимо помнить, что с 1922 г. Мирский был тесно связан с движением евразийцев, в первую очередь — с одним из его руководителей, П.П. Сувчинским. Работы Мирского, посвященные евразийству, напрямую связаны с его историческими (и, если допустимо использовать это слово, историософскими) взглядами. До настоящего времени участие Мирского в евразийском движении не привлекло должного внимания, хотя в данной области накоплен исключительно важный материал (см.: [Smith 1995; Smith 2000, p. 136–143; Казнина 1992]). Даже один из лучших современных исследователей истории евразийства относит Мир-

¹⁰ В письме к Сувчинскому из Понтины в конце лета 1925 г. Мирский писал: «Я живу в Европейской и интеллектуальной атмосфере, и не без удовольствия» [Smith 1995, p. 40].

¹¹ В этом контексте особенно важны слова Дж. Смита о Мирском как «“политическ<ом> существ<е>” (пусть наивн<ом>)» [Смит 2002, с. 266].

ского к числу «второстепенных» персонажей и «попутчиков» движения», а также допускает, что для Мирского — наряду с П.С. Араповым и Л.П. Карсавиным — евразийство могло быть важно «просто как средство эстетического эпатажа» [Глебов 2010, с. 22, 34]. Едва ли, впрочем, крайне противоречивый сюжет «Мирский и евразийство» можно свести к подобным редуцирующим формулировкам. Здесь мы затронем его по необходимости кратко.

В сентябре 1922 г. Н.С. Трубецкой писал Сувчинскому: «Диму Мирского я знаю и всецело приветствую его присоединение к нам» [Там же, с. 202]. В свою очередь Сувчинский писал Савицкому о Мирском в письме от 7 сентября 1922 г.: «в нашем полку прибыло», Мирский хочет «печатно сочетаться с евразийством» (цит. по: [Казнина 1992, с. 81]). В декабре того же, 1922-го, года Мирский замечает в письме к Сувчинскому: «Практически вообще я вполне Евразиец, но теоретическое обоснование Евразийства — дело другое. Я думаю все-таки, что между нами нет непримиримого расхождения и что мой взгляд не выходит из рамок допустимого разномыслия» [Smith 1995, р. 20–21]. Но уже в августе 1923 г. Мирский напишет тому же Сувчинскому: «Совестно сознаться, но Евразийство мое было в сущности явлением преходящим, выросшим на чисто эмоциональной почве оскорбленного эмигрантского самолюбия. (Что, между прочим, мне кажется, Вы отчасти еще в прошлом году заметили?) Поэтому не считаю себя вправе, само собой разумеется, принять Ваше приглашение. Был бы, конечно, рад впоследствии писать для Вас, если Вы примете человека настолько несерьезного, что бывает евразийцем в четные и европейцем в нечетные годы. Впрочем, я вообще человек без убеждений и прирожденный, хотя и не всегда открытый, враг идей вообще. Вот и имейте со мной дело» [Ibid., р. 22–23]¹².

И, однако же, евразийские руководители сочли возможным «иметь дело» с Мирским¹³. В январе 1924 г. в Лондоне с ним встречался П.С. Арапов, писавший об этой встрече Сувчинскому: «Он все-таки замечательный человек. В общем, я не вижу его разногласий с нами, если не считать, может быть, отсутствия темперамента бойца и крайний индивидуализм» [Глебов 2010, с. 580]. Полгода спустя, в июле 1924 г., Арапов еще раз писал Сувчинскому: «...по прочтении программы <евразийцев Мирский> сказал, что он не вернется в Россию, когда мы сделаем переворот! Он считает, что вообще единой доктрины евразийства нет и что у отдельных авторов выражены взгляды порой настолько различные, что они не сводимы, не обязательно идут вместе и не составляют единого стройного целого. <Мирский> <в>выражал ошибочный взгляд <...>, что евразийцы эволюционируют и что основная разница, отделяющая нас от Леонтьева¹⁴, в том и состоит, что последний понимает историю статически, а мы якобы динамически» [Там же, с. 598].

В 1925 г. Мирский первый и единственный раз опубликовался в официальном евразийском издании, «Евразийском временнике» [Святополк-Мирский 1925], но его статья о протопопе Аввакуме не имела никакого отношения к акту-

¹² Пунктуация исправлена.

¹³ В 1923 г. Сувчинский сообщил П.Н. Савицкому, что Мирский обратился в евразийство ([Smith 2000, р. 102], со ссылкой на: [Казнина 1992, с. 81]).

¹⁴ Речь идет о Константине Николаевиче Леонтьеве.

альной евразийской идеологии¹⁵, что тогда же было отмечено. С.И. Гессен писал: «Точно так же мало евразийского и в двух отрывках кн. Д. Святополк-Мирского “О московской литературе и протопопе Аввакуме”. Напротив, скорее противоевразийски звучат следующие справедливые слова автора: “Древнерусское искусство ‘открыли’ не славянофилы, а декаденты. И ‘открыли’ потому, что не задавались историческими и патриотическими задачами, а имели ‘многогранный’ и восприимчивый вкус... Грабарь, совершенно беспринципный эстет, и Муратов, идолопоклонник Рима, сделали для восстановления нашей связи с древнеримским искусством больше, чем все славянофилы, взятые вместе, просто потому, что у них не было предвзятого представления о ‘русской идее’”. Впрочем, оба отрывка автора и не претендуют быть исследованием: если они и дают о чем-нибудь понятие, то скорее всего о личности самого автора, не скупящегося на чисто субъективные оценки своих предшественников и современников» [Гессен 1925, с. 501]¹⁶.

Сотрудничество Мирского с Сувчинским продолжилось изданием журнала «Версты», который, по словам Трубецкого Сувчинскому (февраль 1927 г.), «хотите Вы этого или не хотите, всеми воспринимается как журнал евразийский» [Глебов 2010, с. 464]. В том же письме Трубецкой, разбирая 2-й номер «Верст», с нескрываемым раздражением отзывается о статье Мирского «Веяние смерти в предреволюционной литературе»: «Статья Мирского после всего того, что до сих пор было сказано и написано им и о нем, производит впечатление, как когда зажигают отсыревшую ракету: зажгут, отбегут, ожидая выстрела, а она, вместо того чтобы выстрельнуть вверх, погорит-погорит, сделает “пуф!”, подпрыгнет и упадет. В конце статьи какие-то извинения перед критикой, что уже совсем нехорошо. К тому же у Мирского страшно испортился язык. Вообще, что с ним сделалось?» [Там же]. Мирский, не зная, вероятно, об упреках Трубецкого¹⁷, размышлял между тем в письме к Сувчинскому в конце февраля 1927 г. о текущем положении евразийства: «Вашу мысль о Праве на диктатуру считаю бесконечно плодотворной. А араповское евразийство, конечно, в конце концов поло, как фашизм. Лично я считаю, что очередная задача Евразийства — его этизация» [Smith 1995, p. 77].

Всё в том же феврале 1927 г. Мирский пишет Сувчинскому: «<E>сли Вы считаете это своевременным, мне очень хочется написать откровенную статью о Евразийстве со всеми моими возражениями против него и с объяснением, почему все-таки несмотря на все его недостатки надо быть за Евразийцев. Если статья будет написана, она будет очень откровенная, и Савицкому и другим очень не понравится (а кое-что и Вам не понравится)» [Smith 1995, p. 73–74].

¹⁵ Незадолго до этого Мирский опубликовал предисловие к английскому переводу «Жития протопопа Аввакума», выполненному Дж.Э. Харрисон и Х. Мирлиз (см.: [Mirsky 1924]). В письме к Сувчинскому (октябрь 1924 г.) Мирский заметил, сравнивая две свои работы, посвященные одному предмету, но написанные на разных языках: «Для англичан я знаю достаточно, для русских ничего не знаю, особенно для Евразийцев» [Smith 1995, p. 30].

¹⁶ Неожиданным выглядит утверждение современной исследовательницы, что факт публикации в «Евразийском временнике» означает, что Мирский «был допущен к практической деятельности» (см.: [Устрялов 2010, с. 75]).

¹⁷ Хотя Мирский и пишет Сувчинскому (27 февраля 1927 г.): «Письмо Трубецкого одобряю вполне» [Smith 1995, p. 77], однако не уточняя, о каком письме Трубецкого идет речь. В марте 1927 г. Мирский мимоходом заметит: «Я не очень доверяю Трубецкому в серьезных вопросах» [Ibid., p. 81].

Статья была написана и опубликована по-английски в журнале «The Slavonic Review»¹⁸, официальном издании Школы славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета (The School of Slavonic Studies of King's College, London University), где преподавал Мирский. Дж. Смит характеризует статью как «наиболее ясное краткое изложение идеологии <евразийства> в его начальной стадии (1921–1926)» и добавляет, что работа «выделяется как один из лучших примеров способности Мирского сводить сложные понятия к самой их сути» [Smith 2000, p. 137]. Как отмечает О.А. Казнина, Савицкий «очень сдержанно отозвался» об этой статье [Казнина 1992, с. 82]. В свете последующих событий очевидно, что формулировки Мирского 1927 г. в значительной степени являются не выражением консолидированной общеевразийской позиции, а характерны для левого крыла течения¹⁹, которое в итоге и поведет курс на окончательный раскол движения.

В начале марта 1927 г. Мирский сообщал Сувчинскому: «Меня просят написать книгу (страниц в 100) по-английски о Евразии. Я соглашаюсь, и, вероятно, придем к соглашению. Моя линия будет тактическая и успокоительная, что, мол, раз континентальная культура (как это у Савицкого), нам никаких морей и ничего такого не надо. И латышей не будем трогать — но вообще книга будет совсем серьезная. Благодарствуйте ли Вы меня?» [Smith 1995, p. 80]. Неизвестно, «благодарствовал» ли Сувчинский Мирского написание книги о евразийстве, но в любом случае такой книги Мирский не написал, а в конце мая 1927 г. директивно сообщил Сувчинскому: «Важно сохранить комбинацию Вас (не сочувствующего Евразийству Евразийца) и меня (сочувствующего Евразийству не-Евразийца), и на всё остальное насрать. И издавать своими средствами маленькие книжки на насущные темы» [Ibid., p. 84].

«Комбинация» оставалась для вождей евразийства, Трубецкого и Савицкого, некоторое время секретом, так что еще в сентябре 1928 г. Трубецкой инструктировал Сувчинского: «Мирскому взмывте голову. Эпизод с ним поучителен в том смысле, что при нем нужно впредь быть весьма осторожным на словах. Он бестактен и органически анархичен, а потому, несмотря на свой ум, никак не годится в деятели» [Глебов 2010, с. 538]²⁰. Сувчинский, как известно, не последовал совету Трубецкого, и им вдвоем еще предстояло стать инициаторами раскола евразийства (см.: [Шевеленко 1994]), поводом для чего послужили издание Сувчинским газеты «Евразия» и ее редакционный курс при активном участии Мирского (см. подробнее: [Ефимов 2015]).

Нынешняя публикация призвана частично восполнить существующий пробел и ввести в русскоязычный исследовательский и читательский оборот некоторые наиболее значительные тексты статей Мирского-историка и Мирского-евразийца. Публикация приурочена к 125-летию со дня рождения Д.П. Святополк-Мирского. Предлагаемые статьи ранее не переводились на русский язык, и лишь одна из них («The Eurasian Movement») была перепечатана в английском оригинале в 1989 г. [Mirsky 1989, p. 237–245]. Переводы выполнены по текстам первых публикаций.

¹⁸ См. наст. публ.

¹⁹ Ср. с высказыванием Мирского 1927 г. по другому поводу: «<Я> всё очень хорошо понимаю, но страх люблю заниматься провокацией» [Smith 1995, p. 69].

²⁰ С. Глебов предполагает, что под «случаем с Мирским» могут подразумеваться нелестные высказывания Мирского в среде американских евразийцев о евразийце П.Н. Малевском-Малевиче.

Все выделения в тексте принадлежат Мирскому и даются курсивом (за исключением специально оговоренных случаев). Комментарии Мирского к собственным текстам приводятся в постраничных сносках, примечания публикаторов — в конце каждого текста.

Авторы публикации благодарят П.В. Дмитриева (Санкт-Петербург), Р. Дэвиса (R. Davies; Лидс), Т.В. Марченко (Москва), Ю.И. Мошник (Выборг), С. Сендеровича (S. Senderovich; Итака), П.А. Трибунского (Москва), Б. Уилли (B. Wyllie; Лондон), Н.А. Фролкину (Москва), К. Харера (K. Harer; Берлин), М. Шрубю (M. Schrubu; Бохум) за разнообразную помощь и содействие при подготовке публикации. Особые слова благодарности — Дж. Смиуту (Оксфорд) за его неоценимую помощь.

Литература

- Агурский 1980 — *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-Press, 1980.
- Бердяев 1912 — *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. М., 1912.
- Бицилли 1928 — *Бицилли П.М.* Новые синтезы русской истории // *Современные записки.* 1928. Кн. 34. С. 514–522.
- Блок 1918 — *Блок А.А.* Двенадцать. Скифы / предисл. Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре». СПб.: Революционный социализм, 1918.
- Велидов 1998 — *Велидов А.С.* Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М.: Современник, 1998.
- Восстание декабристов 1925–1986 — *Восстание декабристов. Документы. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии.* Т. I–XVIII. М.; Л., 1925–1986.
- Галанина 1998 — *Галанина Ю.Е.* О сотрудничестве Александра Блока с левоэсеровскими изданиями в начале 1918 года // *Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования.* СПб., 1998. Вып. II. С. 208–216.
- Герцен 1923 — *Герцен А.И.* Систематическая хрестоматия / сост. А. Розенблюм; под ред. Р.В. Иванова-Разумника. Берлин: Скифы, 1923.
- Гессен 1925 — *Гессен С.И.* Евразийство <Рец. на кн.: Евразийский временник: Непериодическое издание / под ред. П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого. Берлин, 1925. Кн. 4> // *Современные записки.* 1925. Кн. 25. С. 494–508.
- Глебов 2010 — *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2010.
- Гольденвейзер 1922 — *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // *Архив русской революции.* Берлин, 1922. Т. 6. С. 161–303.
- Граф Келлер 2007 — *Граф Келлер.* М.: Посев, 2007.
- Ефимов 2014 — *Ефимов М.В.* Д. Святополк-Мирский: Между аристократией и интеллигенцией // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына.* 2013 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 102–109.
- Ефимов 2015 — *Ефимов М.В.* Д.П. Святополк-Мирский в газете «Евразия» (1928–1929 гг.): поиск синтеза «авторского канона» русской литературы с евразийской и марксистской идеологиями // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.* Сер. «Филология». 2015. № 1 (41). С. 39–52.
- Казнина 1992 — *Казнина О.А.* Д.П. Святополк-Мирский и евразийское движение // *Начала.* 1992. № 4. С. 81–88.
- Киянская 1997 — *Киянская О.И.* Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 — 3 января 1826). М.: РГГУ, 1997.

- Колеров 1994 — *Колеров М.А.* Братство Св. Софии: «веховцы» и «евразийцы» (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 143–151.
- Крикун — *Крикун М.* Згін населення з Правобережної України в Лівобережну 1711–1712 років (До питання про політику Петра I стосовно України). URL: <http://www.franko.lviv.ua/Subdivisions/um/um1/Statti/2-krykun%20mykola.htm> (дата обращения: 21 сентября 2015 г.).
- Леонтьев 2007 — *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XX, 2007.
- Лукашова 2006 — *Лукашова С.С.* Миряне и Церковь: религиозные братства киевской митрополии в конце XVI в. М.: Ин-т славяноведения, 2006.
- Мирский 2014 — *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / сост., подгот. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. ст. Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Об отмене... 1905 — Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб.: Тип. Имп. АН, 1905.
- Осипов 1994 — *Осипов В.А.* Газета «Накануне». Берлин (1922–1924 гг.) // Россия и современный мир. М., 1994. Вып. 2. С. 173–179.
- Пайпс 2001 — *Пайпс Р.* Струве. Биография: в 2 т. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2001.
- Папков 1900 — *Папков А.* Братства. Очерк истории западнорусских православных братств. М., 1900.
- Партия социалистов-революционеров 1989 — Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П. С.-Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. Amsterdam: Stichting beheer IISG, 1989.
- Петр Сувчинский 1999 — Петр Сувчинский и его время / ред.-сост. А. Бретаницкая. М.: Издательское объединение «Композитор», 1999.
- Плющ 1969 — *Плющ П.П.* Из истории украинского правописания // Вопросы филологии М., 1969. С. 293–297. (Уч. зап. МГПИ; т. 341).
- Процесс декабристов 1905 — Процесс декабристов: донесение, следствие, приговор, письмо Рылеева из крепости, указы. М.: Изд. И.А. Малинина, 1905.
- Пути Евразии 1992 — Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. М.: Русская книга, 1992.
- Ратьковский 2006 — *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
- Романовский 2009 — *Романовский В.К.* Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). 2-е изд. М.: Русское слово, 2009.
- Русская лирика 2010 — Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирского; вступ. ст. Е.Б. Белодубровского. Новосибирск: Свиныйн и сыновья, 2010.
- Святополк-Мирский 1925 — *Святополк-Мирский Д.* О московской литературе и протопопе Аввакуме // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 338–350.
- Святополк-Мирский 2002 — *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / сост., подгот. текстов, примеч. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002.
- Святополк-Мирский 2005 — *Святополк-Мирский Д.П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свиныйн и сыновья, 2005; 2-е изд. 2006; 3-е изд. 2007; 4-е изд. 2009; 5-е изд. 2014.
- Смит 2002 — *Смит Дж.* Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002.
- Стегний 2002 — *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Междунар. отношения, 2002.

- Струве 1922 — *Струве П.Б.* «Евразийство» (По поводу сб. «На путях. Утверждение евразийцев». Кн. 11) // *Русская мысль*. Прага. 1922. Кн. VI–VII, июнь–июль. С. 376–377.
- Трубецкой 1920 — *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920.
- Устрялов 1920 — *Устрялов Н.В.* Интервенция // *Новости жизни* (Харбин). 1920. 24 февраля. С. 3.
- Устрялов 1921 — *Устрялов Н.В.* Patriotica (Путь термидора) // *Смена веж*: Сб. ст. Прага, 1921. С. 52–71.
- Устрялов 2010 — *Устрялов Н.В.* Письма к П.П. Сувчинскому. 1926–1930 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.
- Фельштинский 1985 — *Фельштинский Ю.Г.* Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 — июль 1918. На пути к однопартийной диктатуре. Париж: YMCA-Press, 1985.
- Флеров 1857 — *Флеров И.* О православных Церковных братствах, противоборствовавших унии в юго-западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб., 1857.
- Хавкин 2006 — *Хавкин Б.Л.* Убийство графа Мирбаха: По следам преступления // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2006. № 2. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/Chavkin6.pdf>.
- Чахотин 1921 — *Чахотин С.С.* В Каноссу! // *Смена веж*: Сб. ст. Прага, 1921. С. 150–166.
- Шевеленко 1994 — *Шевеленко И.Д.* К истории евразийского раскола 1929 года // *Themes and Variations: In Honor of L. Fleishman = Темы и вариации*: Сб. ст. и мат-лов к 50-летию Л.С. Флейшмана. Stanford, 1994. С. 376–416.
- Шульгин 1890 — *Шульгин Я.* Очерк Колиивщины. Киев, 1890.
- Щёголев 1912 — *Щёголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912.
- Bergson 1907 — *Bergson A.* L'Évolution créatrice. Paris: Alcan, 1907.
- Mirsky 1924 — *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself* / transl. from the seventeenth century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees with a preface by Prince D.P. Mirsky. London: Hogarth Press, 1924. P. VII–XXX.
- Mirsky 1927 — *Mirsky D.S.* A History of Russia. London: Ernest Benn, 1927. (Benn's Sixpenny Library; № 012); *Ibid.*: Garden City, New York: Doubleday, Doran & Co., 1928. (The Little Books of Modern Knowledge).
- Mirsky 1931 — *Mirsky D.S.* Lenin: Makers of the Modern Age. London: The Holme Press, 1931 (= Boston: Little, Brown & Co., 1931).
- Mirsky 1931a — *Mirsky D.S.* Russia: A Social History. London: The Cresset Press, 1931. (Historical Series / ed. C.G. Seligman; № 1); 2nd ed. 1952.
- Mirsky 1932 — *Mirsky D.S.* Russia, 1015–1462 // *Cambridge Medieval History*. 1932. Vol. VII. P. 599–631.
- Mirsky 1989 — *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature / ed. by G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1989. (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts; Vol. 13).
- Pokrovskii 1933 — *Pokrovskii M.N.* Brief History of Russia: 2 vols / transl. by D.S. Mirsky. London: Martin Lawrence Limited, 1933.
- Smith 1994 — *Smith G.S.* The Correspondence of D.S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–32 // *Slavonic and East European Review*. 1994. Vol. 72, № 1. P. 115–139.
- Smith 1995 — *Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995.
- Smith 2000 — *Smith G.S.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford, 2000.
- Vladimirtsov 1930 — *Vladimirtsov B.* The Life of Chingis Khan / transl. by Prince D.S. Mirsky. London: George Routledge, 1930.

Чуть больше года назад князь Н.С. Трубецкой¹, сын покойного князя Сергея Трубецкого², философа и ректора Московского университета, ныне преподаватель в Софийском университете, опубликовал книгу «Европа и человечество»³, в которой намеревался доказать, что европейская цивилизация не была ни единственной, ни высшей формой человеческой цивилизации. Трубецкой доказывал, что она превосходила другие цивилизации лишь с точки зрения военной и коммерческой подготовленности, что каждая настоящая цивилизация имеет свою внутреннюю и всеобщую ценность и что Россия не была ни частью Европы, ни частью Азии, но была целым континентом со своей собственной географической и культурной индивидуальностью. Этот континент Трубецкой назвал, вслед за Ламанским⁴, «Евразией». Вокруг Трубецкого собралась группа людей, назвавшихся «евразийцами». Центр движения находится в Софии⁵, а «Исход к Востоку»⁶ является его манифестом. Из четырех авторов сборника Трубецкой — филолог, Флоровский — философ, Савицкий — экономист, у Сувчинского нет какой-либо определенной академической специализации⁷. Далекая от того, чтобы оставаться в той исключительно географической и этнографической стадии, из которой она произросла, евразийская идея развилась до уровня философского учения, которое объединяет авторов «Исхода» без всякого намерения сделать их единообразными. Евразийская идея завоевывает широкую и сочувственную аудиторию среди самых разных классов русской публики.

Предисловие к «Исходу» содержит основные тезисы евразийцев⁸. Они считают, что наше время — это не только переходный период, но поворотный момент. Они не верят в предустановленные цели и очень настойчиво подчеркивают свою веру в творческий характер истории, используя слово «творческий» в его точном бергсоновском смысле⁹. «История не есть для нас уверенное восхождение к некоей доисторически предначертанной абсолютной цели, но свободная и творческая импровизация, каждый момент которой исполнен не какого-либо задуманного в общем плане, но своего значения». Евразийцы, таким образом, отбрасывают все «историософские» системы, претендующие на то, чтобы объяснить и предсказывать историю человечества, и в первую очередь — идею прогресса. «С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне, — мы чувствуем, вместе с Герценом, что ныне “история толкается именно в наши ворота”». Их вера в Россию — не покорное приятие предопределенной цели, но интуитивная вера в творческую силу нации. Они верят во внутреннюю ценность «русской национальной стихии», но отказываются поклоняться или

признавать как воплощенного идола любое конкретное проявление или достижение этой стихии. Их вера по сути своей динамична, и они знают, что будущее зависит не от судьбы, а от воли человека. Они безоговорочно враждебны большевизму и твердо убеждены, что адресованное миру послание России будет «отвержением социализма и утверждением Церкви». Их отношение к революции выражено в следующих словах: «Смиряться перед революцией, как перед стихийной катастрофой, прощая все бедствия разгула ее неудержимых сил, — мы проклинаем лишь сознательно-злую ее волю, дерзновенно и кощунственно восстанавливая на Бога и Церковь».

В книге наиболее интересны работы Трубецкого и, в особенности, Флоровского. Трубецкой посвятил свою статью анализу «подлинного и ложного национализма». Он непримиримый враг национализма, беспокоящегося лишь о своих политических притязаниях и готового принести в жертву Молоху государственного суверенитета все подлинные ценности оригинальной национальной культуры. Трубецкой равно враждебен беспримесно агрессивному шовинизму, рассматривающему все прочие нации лишь как материал для завоевания. Подлинный национализм — это, прежде всего, самопознание и развитие зачатков подлинной культуры. Как и остальные евразийцы, Трубецкой не склонен отождествлять славянство и Россию и принимает во внимание лишь черты, указывающие на Восток. Флоровский развивает идею творческой истории. Он — заклятый враг всех систем мировой истории, и Гегеля, и Маркса. Он — ученик Бергсона, но в еще большей степени — Фихте. Он большой поклонник американского прагматизма (Джеймс¹⁰ и Ройс¹¹) и обширно цитирует Герцена, чьи исторические и эволюционные взгляды и впрямь являются замечательным примером «бергсонизма до Бергсона»¹².

Два элемента евразийского учения особенно ценны и плодотворны. Это убеждение в превосходстве культуры над политикой — убеждение, которое они разделяют со всем, что есть лучшего и наиболее жизнеспособного в современной русской мысли. И это смелое утверждение свободы и творческой природы исторического процесса. Такое утверждение должно оказаться ценным вкладом в образование и воспитание нации. Ничто из этих идей, как представляется, органически не связано с восточными чертами, от которых евразийцы получили свое название. Будем надеяться, что этот ориентализм окажется наименее прочной частью евразийского учения.

Опубл.: *Anon.* A «Eurasian» Manifesto. The Exodus toward the East («Iskhod k Vostoku»). Articles by Peter Savitski, P. Suvchinsky, Prince N.S. Troubetzkoy, and George Florovsky. (Sofija) // The Times Literary Supplement. 1922. 1 June. P. 350.

¹ Трубецкой Николай Сергеевич, князь (1890–1938) — лингвист, философ, публицист. В 1915–1916 гг. приват-доцент Московского университета, с 1918 г. преподаватель Ростовского университета. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Болгарии, преподавал в Софийском университете; в 1923 г. переехал в Вену, преподавал в Венском университете.

² Философ, публицист и общественный деятель Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905) стал первым выборным ректором Московского университета в 1905 г.

³ [Трубецкой 1920].

⁴ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — историк, славист, один из первых русских геополитиков. С 1865 г. доцент (с 1871 г. профессор) Петербургского университета, преподаватель Духовной академии и Академии Генерального штаба. Академик (1899). Секретарь Русского географического общества (позже председатель этнографического отделения). Основатель (и редактор в 1890–1912 гг.) журнала «Живая старина». В докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1870) выдвинул теорию различных по религиозному, гражданскому и нравственному характеру миров, которую развил в труде «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), очерчивая особенности германо-романского, греко-славянского и азиатского миров. Считал Евразию центром распространения современной мировой цивилизации.

⁵ После выхода в 1920 г. книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» его единомышленниками стали находившиеся тогда в Софии Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский, а также вскоре перебравшиеся из Константинополя в Софию П.Н. Савицкий и кн. А.А. Ливен. София очень недолго была центром евразийства. В конце 1921 г. Г.В. Флоровский и П.Н. Савицкий получили приглашение преподавать на Русском юридическом факультете в Праге, а Н.С. Трубецкой годом позже стал преподавателем Венского университета. Подробнее о складывании евразийства см.: [Колеров 1994].

⁶ Полное название: Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1921. Первый сборник евразийцев включал работы четырех авторов, каждый из которых дал две или три статьи. Сборник составили статьи Н.С. Трубецкого «Об истинном и ложном национализме», «Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры)», Г.В. Флоровского «Разрывы и связи», «Хитрость Разума», «О народах не исторических (Страна отцов и страна детей)», П.Н. Савицкого «Поворот к Востоку», «Миграция культуры», «Континент — Океан (Россия и мировой рынок)», П.П. Сувчинского «Сила Слабых», «Эпоха Веры».

⁷ Сувчинский проявил себя преимущественно как музыкальный деятель. Подробнее см.: [Петр Сувчинский 1999].

⁸ По поводу авторства предисловия исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. И.А. Исаев считает автором Н.С. Трубецкого (см.: [Пути Евразии 1992]), М.А. Колеров усматривает следы редактирования, принадлежащие П.Н. Савицкому (см.: [Колеров 1994]).

⁹ Мирский имеет в виду взгляды Анри Бергсона (Bergson; 1859–1941), изложенные им в книге «Творческая эволюция» («L'Évolution créatrice»; см.: [Bergson 1907]). В этой книге Бергсон саму эволюцию рассматривал как непрерывно возобновляющееся творчество.

¹⁰ Джеймс Уильям (James; 1842–1910) — американский философ и психолог, один из основателей прагматизма.

¹¹ Ройс Джосая (Royce; 1855–1916) — американский философ-неогегельянец, профессор Гарвардского университета (1882–1916), президент Американской философской ассоциации. Ройс не был сторонником прагматизма, хотя и называл одну из своих работ — «Мир и индивидуум» (1900–1901) — «абсолютным прагматизмом». С годами он все больше критиковал прагматизм за игнорирование вечных ценностей.

¹² У самого Флоровского такого сравнения нет.

РУССКИЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

I

Одним из непредвиденных результатов великой интернационалистской революции октября 1917 г. стало появление множества новых доктрин национализма. Россия, обнаружив, что в своем интернационализме оказалась в одиночестве, открыла в этом, судя по всему, свежий источник для самоутверждения.

Первая из этих доктрин, сочетавшая национализм с принятием большевистской революции, возникла еще в 1917 г.¹ Часто забывают, что большевистская ре-

волюция — результат коалиции двух партий — большевиков, с тех пор официально именующих себя коммунистами, и левых социалистов-революционеров, чьи представители в Совете народных комиссаров покинули свои посты в начале 1918 г.² Эти две партии удачно воплощают два вполне отчетливых типа умонастроений, или, точнее говоря, в то время как большевики сочетают эти два типа, левые социалисты-революционеры представляют один из них в его почти химической чистоте. Они воплощают чистый дух мятежа, великой *Lust der Zerstörung*³, которая вдохновляла их духовного отца, Михаила Бакунина⁴.

В своей теории большевики — ученики Маркса. Левые социалисты-революционеры, при всем своем почтении к автору «Капитала», не питают к нему безоговорочной преданности и исповедуют учение, которое иногда называют «русским социализмом». В экономике их учитель — Чернышевский, их пророк — Герцен. Фактически Герцен был первым русским, который связал идеи национализма и социализма: для него, глубоко презиравшего буржуазный дух Запада, вера во врожденный социализм русского народа была единственной опорой и надеждой. Его учение было воспринято и видоизменено народниками 1870-х гг., от которых и перешло к социалистам-революционерам. Большинство этой партии, игравшей столь заметную роль в 1917 г., поддерживало демократию, Керенского и Учредительное собрание. Пылкое и фанатичное меньшинство усвоило советскую идею, присоединилось к Ленину и несколько месяцев находилось с большевиками в правительстве. Однако левые эсеры оказались неспособны следовать за Лениным и Троцким во всех тяжелых испытаниях, решительных шагах и поворотах их политики. Они были в известном смысле пуритане. Чистота революционного идеала была для них всем. Они провозгласили прекращение военных действий на фронте, но протестовали против Брестского мира. Они отказались осквернить себя переговорами с германским императором. Они выступали за *пассивное* сопротивление последнему, соглашаясь скорее с тем, чтобы позволить немцам оккупировать территорию всей России, чем подчиниться их условиям. Когда Брестский договор был подписан, левые эсеры начали террор против немцев и остальных подписавших его сторон. Это от их рук пали граф Мирбах⁵ и генерал Эйхгорн⁶; это одна из них покушалась на жизнь Ленина⁷. Большевики ответили созданием ЧК⁸. Нужно отметить, что первые удары официального большевистского террора были направлены против их бывших союзников, которые, вопреки всему, даже тогда все еще поддерживали советское правительство, не без оснований считая себя истинными защитниками революционного коммунизма⁹. Они являются (или, по крайней мере, были в 1918 г.) ультралялистской оппозицией, *plus royaliste que le Roi*¹⁰.

Тем не менее левые социалисты-революционеры представляли бы мало интереса для широкой публики, если бы не их литературная деятельность¹¹. Она неотделима от имени Иванова-Разумника. Этот вполне второразрядный писатель и историк литературы сумел успешно сосредоточить вокруг себя ведущие литературные силы своего времени. В 1917 г. он начал издавать неперIODический альманах «Скифы»¹², и под этим же названием он до сих пор ведет оживленную издательскую деятельность в Берлине¹³. Два года назад это «скифское» издательство

было за пределами России единственным, кто публиковал новые и значительные произведения русской литературы¹⁴. Несколько крупнейших русских поэтов присоединились к Иванову-Разумнику. В том числе и величайший из них — Блок, чья грандиозная поэма «Двенадцать» появилась с многословным предисловием Иванова-Разумника¹⁵. В 1917–1918 гг. верными последователями Иванова-Разумника также были Андрей Белый и Есенин.

Национализм «Скифов» довольно странный. В нем нет ничего, что обычно ассоциируется с патриотизмом. Наоборот, «Скифы» верят, что интернационализм и социализм являются национальными чертами России, с неожиданным воодушевлением перенимая идеи не только Герцена¹⁶, но и Достоевского. Они своего рода мистики, хотя и абсолютно нерелигиозного типа. В их мистике нет места для Бога, а лишь для некоего мистического восприятия Жизни и Истории, что было знакомо и Герцену и что напомним западному читателю идеи Мишле¹⁷ и Эдгара Кине¹⁸. Их идеал — социализм и свободная федерация коммун, идеал Бакунина¹⁹. И они верят, что Россия мистически предназначена воплотить этот идеал в жизнь. Следуя за близкой Герцену мыслью, «Скифы» любят проводить параллель между христианством и социализмом. Для них Христос и Ленин — это звенья одной цепи²⁰. Западный мир пребывает в состоянии Рима, каким тот был девятнадцать веков назад, Спаситель же — это социализм. Но западный мир (здесь «скифы» вновь вторят Герцену) неспособен к социализму, он разъеден до мозга костей «буржуазной» заразой. Россия одна способна к духовному возрождению. Отсюда и русский мессианизм «Скифов», причудливый двойник польского мессианизма восьмидесятилетней давности. Замечательна степень присущей этим «Скифам» гордыни, они усердно и искренне презирают Запад, и, говоря о западном мире, кажутся фарисеями, творящими молитву. Но поскольку они не уважают буржуазных добродетелей Европы, считают преступление и злодейство почти необходимым началом спасения в социализме и прославляют «грехи во спасение», открытые ими в России, то кажется, что временами они меняются ролями и превращаются в мытаря, благословляющего Бога за то, что Тот не создал его похожим на фарисея²¹.

II

То, что было сделано большевиками созидательного, было сделано после того, как они расстались с обществом левых социалистов-революционеров. Можно по-разному оценивать эту созидательную работу, но несомненно, что большевики, по крайней мере, оказались бóльшими государственниками, чем люди 1917 года. Эта особенность их деятельности вызвала рост национал-большевистского движения, если его можно так назвать.

Национал-большевиков можно легко описать как противоположность левым социалистам-революционерам. От большевизма левые эсеры усвоили идеи анархии и мятежа, а национал-большевики — идеи организации и дисциплины. Национал-большевизм возник позже и большевизма, и скифства. Вначале все национально-мыслящие и патриотические элементы российского общества встретили

большевизм решительным сопротивлением и категорическим неприятием. Как все помнят, были созданы белые армии, первая из них — в первую же неделю²² после большевистского *coup d'état*²³. Белые армии боролись во имя русского народа, государства и родины против красных интернационалистов. Но очень скоро белые начали ощущать ложность своего положения. Они обнаружили, что борются рука об руку с иностранцами против российских армий. Большинство из этих иностранцев делало всё, чтобы не пользоваться популярностью в России. Имя чехов до сих пор вызывает исключительную ненависть от Волги до Тихого океана. Японцы едва ли могли рассчитывать на сколько-нибудь нежное отношение со стороны русских. Кремлевские интернационалисты весьма умело использовали национальное возмущение, вызванное интервенцией. Красная армия, впитавшая в себя многие тысячи офицеров старой армии, стала первым рассадником национал-большевизма. Во время войны с Польшей²⁴ и возвращения Закавказья²⁵ в армии произошел подлинный национальный переворот, и отношение Врангеля к Польше²⁶ не сделало его более популярным: его присутствие в Крыму в 1920 г. было очень важным фактором, определившим успешность сражений поляков с Красной армией.

С другой стороны, большевики доказали некоторую, пускай и поверхностную, способность управлять страной. Если деятельность Временного правительства в 1917 г. была чисто разлагающая, то в Ленине и Троцком был, по крайней мере, намек на что-то, напоминающее строительство. Многие подлинные патриоты, находившиеся на советской территории, — например, генерал Брусилов²⁷ — поддержали большевиков на чисто патриотических основаниях. Все это сказалось и на белом стане: в начале 1920 г. профессор Устрялов, находившийся тогда в Харбине, первым заявил о необходимости подчиниться Советам²⁸. Идея родины, утверждал он, выше партийной идеи, и, соответственно, какая бы партия ни правила, родина остается той же, что и прежде. Большевики были сознательными и открытыми интернационалистами, но само положение вынудило их проводить национальную политику — вопреки их теориям, получив власть, они не могли не стать национальной силой. Они возродили Россию как великую державу и заставили весь мир трепетать при упоминании ее имени. Устрялов резюмировал свои доводы с большой риторической силой: «Над Зимним дворцом, вновь обретшим гордый облик подлинно великодержавного величия, дерзко развеивается Красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически-национальную святость, древние куранты играют “Интернационал”. Пусть это странно и больно для глаза, для уха²⁹, но в конце концов в глубине души невольно рождается вопрос: “Красное ли знамя безобразит собой Зимний дворец, — или, напротив, Зимний дворец красит собой Красное знамя? “Интернационал” ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в “Интернационал”?»³⁰

В этих словах и в этом строе мыслей есть глубокое идолопоклонство, глубокий фетишизм по отношению к самой идее государства и империи. Глубокое чувство реальности, как говорят национал-большевики, или глубокое уважение

к успеху, как это определяют их противники; чувство, противоположное благородным словам Катона: *Victrix causa deis placuit sed Victa Catoni*³¹. Но Катон — не герой современности, и я вспоминаю патетические и глубоко прочувствованные слова жалости и презрения, обращенные к нему другим человеком с «чувством реальности», пророком германского индустриализма, графом Германом Кайзерлингом³².

Идеям профессора Устрялова понадобилось некоторое время, чтобы найти последователей в среде эмиграции. Но к концу 1921 г., под влиянием окончательного провала всех попыток сбросить большевиков *manu militari*³³, после того, как многие эмигранты разочаровались в своих западных друзьях, эти идеи стали более популярными, и весьма значительная группа эмигрантских интеллектуалов объединилась, издав сборник статей «Смена вех»³⁴, в котором были приняты и развиты идеи национал-большевизма. Почти все авторы сборника были в прошлом активными участниками антибольшевистского движения, ныне же они несут эпитимью, и название «Каносса»³⁵ — одно из любимых в их словаре. Некоторые из авторов были завзятыми реакционерами и шовинистами, лишь один, Ю. Ключников, бывший член колчаковского правительства³⁶, может внушать в обществе некоторое уважение.

Большевики встретили движение с явной усмешкой, но предоставили ему действительную помощь. «Сменовеховцы», как их стали называть, получили субсидию на издание ежедневной газеты в Берлине, «Накануне»³⁷, и она стала единственной эмигрантской газетой, допущенной в Россию. Что же до высказываемых газетой идей — принятия большевизма во имя отстаивания национальных интересов и упорной веры в естественную эволюцию большевизма в сторону национальной и буржуазной политики, то они постоянно атакуются официальной прессой большевиков, лидерами партии и еще больше — левыми коммунистами. Но московское правительство считает «Накануне» полезным средством пропаганды среди эмигрантской интеллигенции, и щедрая финансовая помощь делает его таковым. Это средство привлекло некоторых известных людей (среди них — романист А.Н. Толстой³⁸). Газета сохраняет некоторый флёр независимости: защищает НЭП (новую экономическую политику) и выступает против любых симптомов коммунистической реакции. «Накануне» с энтузиазмом относится к Чичерину и политике Москвы в Азии, горячо поддерживает Кемаля, уделяет много внимания Ирландии, Индии и Египту, а также всем вопросам несогласия с Антантой, таким как Рур, Вильно и Мемель. Газета красноречива в своих атаках на Польшу и Румынию. С другой стороны, она позволяет себе мягко не соглашаться с такими мерами, как преследование Церкви или принудительное атеистическое воспитание. «Накануне» хорошо информирована, и ее передовицы временами умело написаны. Но с точки зрения издательского дела она не может стоять на своих ногах и во многом зависит от милости советских властей.

III

Движение сменовеховцев, в той степени, в какой оно не есть лишь продукт щедрости большевиков, имеет своим центральным мотивом идею государства. Ее можно назвать почти государственным фетишизмом, крайней формой *étatisme*³⁹, буквальным воплощением сакраментальных слов св. Павла «нести бо власть, аще не от Бога»⁴⁰. Это настроение умов, весьма чуждое старой интеллигенции, и национал-большевизм является одним из многих симптомов разрушения и упадка этого странного и бурно обсуждаемого социального образования. Нелишне, *à propos*⁴¹ национал-большевиков, вспомнить замечательную, подлинно эпохальную книгу, от названия которой национал-большевики и произвели название своего сборника. Это — «Вехи» 1909 г., собрание статей группы интеллектуалов, восставших против тогдашней интеллигентской ортодоксии, некоторые — во имя христианства, другие — во имя философии и идеализма, третьи (опять же) — во имя государства и страны. К последней категории принадлежал Петр Струве, ставший центром движения большей части интеллигенции в сторону патриотизма и империализма. Это движение сыграло свою роль и в подготовке к войне, и в упрямом отказе либеральных партий заключить мир в 1917 г., и в продолжении Гражданской войны. Сам Струве был начальником Управления иностранных дел при генерале Врангеле⁴². Ныне он является одним из руководителей Национальной лиги⁴³ и крупнейшим политическим мыслителем в эмиграции. Идеи Струве совершенно свободны от того поверхностного патриотизма, который сводит большевизм к немецкому заговору или еврейской мести. Струве признает революцию как подлинный плод русской почвы и русского национального духа. По своей сути он близок к Устрялову, и некоторые из его последователей могли бы ожидать, что его любовь к абстрактной идее государства и его империалистические эмоции приведут Струве к объединению с Устряловым и проповеди паломничества в коммунистическую Каноссу⁴⁴. Но Струве видел то, чего Устрялов предпочитал не замечать: он видел, что большевизм был не бессознательно-национальным государством устряловской доктрины, а вполне сознательной интернациональной и антипатриотической организацией, для которой Россия была лишь подручным средством для мировой революции. Струве не был ослеплен силлогизмом, согласно которому правительство, находящееся в Москве, должно обязательно быть правительством российским. И он отверг российское правительство, которое отвергает Россию. Он не отвергает саму Россию, и если Россия ответственна за столь многие преступления против самой себя, его отношение к ней подобно отношению к любимому человеку, пытавшемуся совершить самоубийство и все еще находящемуся в смертельной опасности.

Но патриотизм Струве никоим образом не мессианский или метафизический. Струве полностью осознает тот факт, что он любит Россию по той единственной причине, что ему довелось родиться русским, и у него нет склонности идеализировать все русское. В освященном времени споре западников и славянофилов Струве, пожалуй, скорее славянофил. Это делает его патриотизм весьма неподходящей пищей для тех, чья жажда более опьяняющего прямолинейного национализма была чрезмерно усилена недавней трагической судьбой их родины.

IV

Таковы евразийцы. Они, разумеется, не имеют ничего общего с «евразийцами» в Индии⁴⁵. Свое имя они получили из учения русского географа Ламанского⁴⁶, предложившего различать в большом континенте Старого Света не две, а три большие части; третья, Евразия, приблизительно совпадает с Российской империей — утверждение, имеющее, к слову сказать, в свою пользу географические и даже весьма убедительные климатологические аргументы. Поэтому в сердцевине евразийской доктрины находится утверждение, что Россия — не часть Европы или Азии, но самостоятельный мир, замкнутый и герметичный *Kulturkreis*⁴⁷, противоположный, с одной стороны, европейскому *Abendland*⁴⁸, с другой же — восточным цивилизациям Китая и Индии.

Евразийцы возникли сравнительно недавно. Они появились всего лишь к концу 1920 г., когда князь Н.С. Трубецкой⁴⁹, сын выдающегося профессора философии и ректора Московского университета, сам многообещающий молодой лингвист, опубликовал в Софии книгу под названием «Европа и человечество», в которой взялся доказать, что Западная, или римско-германская, цивилизация всего лишь цивилизация локальная, что, если судить по любым иным меркам, кроме экономической и военной, она ничем не выше любой другой цивилизации, что первой целью любого не-римско-германского народа является освобождение от губительного влияния и подавляющей гегемонии и что миссия России в том, чтобы возглавить восстание против тирании Запада. Могут возразить, что Россия уже делает это в лице своих интернационалистских вождей в Москве, с их широкой пропагандой в Азии. Однако Трубецкой и евразийцы, вскоре присоединившиеся к нему и опубликовавшие в той же Софии сборник статей под выразительным названием «Исход к Востоку», являются духовным потомством славянофильства, и для них, как и для славянофилов, «без православия наша народность — дрянь*»⁵⁰. Это первый догмат евразийской веры, и он решительно отличает евразийство от любых форм революционного мессианизма.

Второй догмат, и дающий, собственно, евразийцам их имя, это утверждение глубокого и сущностного различия между Россией и Европой, и естественно, что это часто ведет евразийцев к противоположной крайности — к утверждению большей близости России к Востоку, чем к Западу. Трубецкой пытался доказать это при помощи сложных этнографических аргументов. Его решающим доказательством было более близкое родство российских песен и танцев с тюркскими, а не европейскими. Это также побуждает евразийцев мало считаться со славянскими элементами России, а одного из евразийцев даже привело к заключению, что татарское владычество было одним из счастливейших периодов в истории России. Иногда кажется, что евразийцы должны глубоко сожалеть, что для русских евразийцы и западные бесы — на одно лицо. Однако на практике весь этот ориентализм не привел к чему-то большему, чем перевод книги Трубецкого на

---

* Слова, принадлежащие Кошелеву (1806–1874), одному из старших славянофилов. — Примеч. Д. Мирского.

хиндустаны, а вся реальная евразийская политика России направляется интернационалистами.

Третий и важный пункт в евразийской программе — это их отношение к революции. Они антиреволюционеры (иначе и быть не могло), и, однако же, они ослеплены блеском и силой ее пламени и едва ли не гордятся ею как одним из наиболее восхитительных актов самоутверждения русского народа. В евразийцах есть полубессознательная, мистическая вера в творческую энергию, во врожденные силы жизни, что сближает их с Бергсоном и с великим русским предшественником Бергсона — Герценом. Герцен вообще один из любимцев евразийцев. Не социалист Герцен, идол «Скифов», а пророк подсознательных жизненных сил России, человек, замороженный непостижимым и необъяснимым течением истории. Это противоречивое отношение хорошо выражено в словах предисловия к сборнику «Исход к Востоку»: «Смиряться перед революцией, как перед стихийной катастрофой, прощая все бедствия разгула ее неудержимых сил, — мы проклинаям лишь сознательно-злую ее волю, дерзновенно и кощунственно восставшую на Бога и Церковь».

В евразийцах много романтизма. Есть в них также, как указал Струве, нечто морбидное⁵¹, что-то, что могло появиться лишь в тифозных бараках большевистской эры. Но в них есть и изрядная доля молодой витальности, явно животного духа, и того самого подлинного духа Катона, который столь примечательно отсутствует у национал-большевиков и который не примирится с поражением. Идеи евразийцев можно оценивать по-разному, но сам факт их появления симптоматичен: он означает, что жизненная сила интеллектуальной России не ослабела, а растет — и даже с большими притязаниями и большим самосознанием, даже в исключительно неблагоприятных условиях изгнания и рассеяния.

Опубл.: *Mirsky D.S. Russian Post-Revolutionary Nationalism // The Contemporary Review. 1923. № 124. P. 191–198.*

¹ См. об этом, например: [Агурский 1980].

² Левые эсеры покинули свои посты в Совнарком в марте 1918 г. в знак протеста против условий подписанного большевиками Брестского мирного договора. Три месяца спустя разногласия достигли пика и завершились в июле 1918 г. вооруженным выступлением левых эсеров против большевиков. Подробнее см.: [Фельштинский 1985].

³ Страсть к разрушению (*нем.*).

⁴ В 1842 г. Бакунин под псевдонимом Жюль Элизар (Jules Elizard) опубликовал в издании «левых» гегельянцев «Немецкий ежегодник наук и искусств» («*Deutsche Jahrbucher*») статью «Реакция в Германии» («*Die Reaction in Deutschland*»), которая завершалась словами: «Позвольте нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть и неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть» («*Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust*»).

⁵ 6 июля 1918 г. посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве граф Вильгельм фон Мирбах (von Mirbach; 1871–1918) был убит левыми эсерами Я.Г. Блюмкиным и Н. Андреевым по решению ЦК партии левых эсеров с целью спровоцировать возобновление войны с Германией. Подробно см.: [Велидов 1998; Хавкин 2006].

⁶ 30 июля 1918 г. германский генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн (Eichhorn; 1848–1918), главнокомандующий группой армий «Киев», руководивший оккупацией Южной Белоруссии, Украины и Юга России, убит левым эсером Б.М. Донским.

⁷ 30 августа 1918 г. Фанни Ефимовна Каплан (Фейга Хаимовна Ройтблат; 1890–1918) стреляла в Ленина во время митинга на заводе Михельсона в Москве.

⁸ Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР была создана еще 7 (20) декабря 1917 г., за восемь месяцев до покушения на В.И. Ленина. Большевики ответили на покушение (а также произошедшее в тот же день убийство М.С. Урицкого) красным террором. 2 сентября 1918 г. Я.М. Свердлов потребовал этого в обращении ВЦИК, и уже 5 сентября 1918 г. Совнарком утвердил решение своим постановлением. Подробнее см.: [Ратьковский 2006].

⁹ См. об этом, в частности: [Партия социалистов-революционеров 1989].

¹⁰ Больше роялист, чем сам король (*фр.*). Так в 1789 г. Людовик XVI с иронией назвал младшего брата Карла (графа д'Артуа). Слова вошли в поговорку.

¹¹ См. об этом подробно: [Леонтьев 2007].

¹² Вышло всего два номера в петроградском издательстве «Революционный социализм», первый в 1917 г. под редакцией Р.В. Иванова-Разумника и С.Д. Мстиславского, второй в 1918 г. под редакцией А. Белого, Иванова-Разумника и Мстиславского.

¹³ Издательством «Скифы» руководил в Берлине Евгений Германович Лундберг (1883–1965) с основания осенью 1920 г. до своего возвращения в Россию в 1924 г.

¹⁴ В издательстве «Скифы» выходили книги А. Блока, А. Белого, С. Есенина, Н. Клюева, А. Кусякова, А. Ремизова, Л. Шестова, Иванова-Разумника и др.

¹⁵ Вскоре после первой публикации поэмы Блока в газете ЦК партии левых эсеров (Знамя труда. 1918. 3 марта (18 февраля). № 147. С. 2) она была напечатана в журнале, выпускавшемся издательством левых эсеров «Революционный социализм» (Наш путь. 1918. № 1 (апрель). С. 1–12), рядом со статьей Иванова-Разумника «Испытания в грозе и буре». Затем вышла книгой в издательстве левых эсеров (см.: [Блок 1918]). Позже эта книга была перепечатана за рубежом под названием «Испытания в грозе и буре» (Берлин: Скифы, 1920). Подробнее см.: [Галанина 1998]. Поэму Блока переиздавали и евразийцы с предисловием П.П. Сувчинского (София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920).

¹⁶ В издательстве в серии «Русские мыслители» была издана, в частности, книга: [Герцен 1923].

¹⁷ Мишле Жюль (Michelet; 1798–1874) — французский историк и публицист, представитель романтической историографии. Герцен дружил с Мишле, переписывался с ним.

¹⁸ Кине Эдгар (Quinet; 1803–1875) — французский историк, публицист и мыслитель, друг и союзник Мишле в общественно-политической деятельности. Также вел переписку с Герценом.

¹⁹ См., в частности, его работу «Федерализм, социализм и антиеологизм» (впервые опубликована на французском языке М. Неттлау в 1895 г. в первом издании сочинений М.А. Бакунина; на русском языке одиннадцатью годами позже: СПб.: Мысль, 1906; Лейпциг: А. Миллер, 1906).

²⁰ Эти мысли проводились «скифами» не только в статьях, но и в художественных произведениях, см., например, стихотворение Н. Клюева «Есть в Ленине керженский дух...» (1918).

²¹ Мирский переиначивает евангельскую притчу о мытаре и фарисее (Лк 18, 9–14).

²² Первой следует считать Добровольческую армию на Дону, которую создала «Алексеевская организация» 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.). За ней весной-осенью 1918 г. были созданы Донская, Сибирская, Северная белые армии.

²³ Государственный переворот (*фр.*).

²⁴ Советско-польская война продолжалась с января 1919 г. по март 1921 г.

²⁵ После разгрома денкинцев части Красной армии подошли к Закавказью, где была установлена советская власть весной 1920 г. в результате кратковременных боев (в Грузии) или вообще без единого выстрела (в Армении и Азербайджане). Отряды басмачей продолжали бороться вплоть до 1933 г.

²⁶ Врангель надеялся на взаимность и считал предательским мир, заключенный новообразованной Польшей с большевиками.

²⁷ Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — военачальник и военный педагог, генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915), в Первую мировую войну командующий армией, а затем фронтом, с 1920 г. в Красной армии, глава Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами, в 1923–1924 гг. главный инспектор кавалерии РККА.

²⁸ Николай Васильевич Устрялов (1890–1937) — русский правовед, философ, политический деятель, основоположник русского национал-большевизма, идеолог сменовеховства. С начала 1920 г. в эмиграции в Харбине. В статьях, опубликованных в первой половине 1920 г., призвал поражение

белого движения и предлагал использовать опыт победителей для возрождения России, см. его сборник «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920). Подробнее см.: [Романовский 2009].

²⁹ Здесь Мирский, цитируя, пропустил слова: «пусть это коробит».

³⁰ [Устрялов 1920]. Статья была включена в сборник Устрялова «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920). Позже процитированный пассаж в несколько ином контексте вошел в статью знаменитого сборника «Смена вех» (Прага, 1921): [Устрялов 1921].

³¹ Дело победителей было угодно богам, но дело побежденных Катону (*лат.*) — фраза из поэмы Марка Аннея Лукана «Фарсалия» (I, 128). В переводе Л. Остроумова: «Мил победитель богам, побежденный любезен Катону».

³² Г. Кайзерлинг (Keyserling; 1880–1946) писал о Катоне в брошюре «Entwicklungshemmungen» (Leipzig, 1909), позднее этот текст вошел в его книгу «Philosophie als Kunst» (Darmstadt, 1920). Кроме того, первая часть введения книги Кайзерлинга «Politik. Wirtschaft. Weisheit» (Darmstadt, 1922) озаглавлена «Catonentum».

³³ Военный путь (*лат.*).

³⁴ В сборник «Смена вех» (Прага, 1921) вошли статьи Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова, А.В. Бобрищева-Пушкина, С.С. Чахотина, Ю.Н. Потехина.

³⁵ Одна из статей сборника так и называлась — «В Каноссу!» (см.: [Чахотин 1921]). Каносса (Canossa) — замок в Северной Италии (в 18 км от города Реджонель-Эмилия), у стен которого в январе 1077 г. отлученный от церкви и низложенный германский император Генрих IV простоял три дня в одежде кающегося грешника, добиваясь приема римским папой Григорием VII (гостем владелицы Каноссы маркграфини Матильды Тосканской). Выражение «идти в Каноссу» стало нарицательным обозначением унижительной капитуляции.

³⁶ Юрий Вениаминович Ключников (1886–1938) в ноябре–декабре 1918 г. занимал пост управляющего Министерством иностранных дел Российского правительства адмирала Колчака.

³⁷ Ежедневная газета «Накануне» была создана взамен еженедельного журнала «Смена вех» (1921–1922) и выходила в Берлине с 26 марта 1922 г. по 15 июня 1924 г. (№ 1–651) с несколькими приложениями («Иностранная жизнь», «Кинообозрение», «Литературная неделя», «Литературное приложение», «Экономическое обозрение»). Первоначально выходила под редакцией Ю.В. Ключникова и Г.Л. Кирдцова, а после возвращения Ключникова в Россию в августе 1923 г. управлялась редакционной коллегией. Подробнее см.: [Осипов 1994].

³⁸ Под редакцией А.Н. Толстого выходило «Литературное приложение» к «Накануне» с 30 апреля 1922 г. по 22 июля 1923 г. (№ 1–62).

³⁹ Государственность (*фр.*).

⁴⁰ Рим. 13, 1.

⁴¹ По поводу (*фр.*).

⁴² Во врангелевском Правительстве Юга России в апреле–ноябре 1920 г. П.Б. Струве занимал пост начальника Управления иностранных сношений (министра иностранных дел).

⁴³ По-видимому, речь идет о Русском национальном комитете в Париже, в котором П.Б. Струве был товарищем председателя в 1923–1927 гг.

⁴⁴ Политическая эволюция П.Б. Струве шла в ином направлении, см.: [Пайпс 2001].

⁴⁵ В Индии евразийцами (сокращение от европейцев-азиатов) называли потомков от смешанных браков англичан с индийцами.

⁴⁶ См. примеч. 4 к предыдущей статье.

⁴⁷ Культура, культурный мир (*нем.*).

⁴⁸ Запад (*нем.*).

⁴⁹ Здесь и далее см. примечания к предыдущей статье.

⁵⁰ В письме к И.С. Аксакову А.М. Кошелев писал: «Без православия наша народность — дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение» [Бердяев 1912, с. 22–23].

⁵¹ Скорее всего, Мирский имеет в виду статью П.Б. Струве «Евразийство» (По поводу сб. «На путях. Утверждение евразийцев». Кн. 11) ([Струве 1922, с. 376–377]), в которой Струве писал: «...“евразийство” не то что разложится — ему нечего и разлагаться, оно как духовное явление само есть разложение — оно кончится» [Там же, с. 376].

ДЕКАБРИСТЫ (14 (26) ДЕКАБРЯ 1825)

Легко предсказать, что напишет любая русская газета по случаю столетия восстания декабристов¹. Официальные публицисты коммунистической партии, воздавая декабристам ограниченную хвалу как первым, кто восстал против самодержавия, напомнят пролетарскому читателю, что эти бунтовщики были землевладельцами и дворянами, что единственное, о чем они заботились, были классовые интересы мелкопоместного дворянства, и что их революционное значение ни в какой степени не сопоставимо с Разиным и Пугачевым. Эмигрантские социалисты и республиканцы будут безоговорочно полны энтузиазма в своих восхвалениях декабристов и оплачут жестокую иронию судьбы, увенчавшую начатую ими попытку коммунистической тиранией. Бывшие либералы, последователи Петра Струве, попытаются не замечать политическую сторону вопроса, но подробно остановятся на религиозном чувстве, патриотизме и родовитости декабрьских мятежников, столь непохожих на сомнительных революционеров последующего и недавнего времени. Комментарии реакционеров будут самыми незамысловатыми и простыми из всех. Они превознесут Николая I за несентиментальность, с которой он обошелся с Рылевым и Пестелем, и будут почтительно сожалеть, что его правнук не был столь же решителен с Милюковым и Керенским.

Что бы сказали сами декабристы, окажись они в состоянии наблюдать сегодняшнюю Россию? В одном можно быть уверенным: они бы не продемонстрировали единства. Все партии нашли бы среди них своих сторонников. Не сомневаюсь, что иные из них присоединились бы даже к тупоголовым зубрам крайне правых в своих панегириках Николаю I. Их было бы, однако, немного; большинство, вероятно, присоединилось бы к экс-либералам, глубоко возмущенным тем поворотом, который приняла революция. Значимое меньшинство, включая (убежден в этом) лучших — Рылеева, Якушкина, Батенькова, — сплотилось бы вокруг республиканцев, также презирующих нынешних правителей России, но не снисходящих до сожаления о прошлом. По крайней мере один или два (как, например, Пестель) с энтузиазмом присоединились бы к Ленину и Троцкому. При всем многообразии голосов ни один из них не изменил бы своей столетней юности. Дело в том, что декабристы были не партией или сектой; они были поколением. Они были, во всех смыслах этого слова, лучшей частью поколения, достигшего совершеннолетия во время наполеоновских войн и после них: все те в нем, кто слышал призыв гражданской чести и патриотического долга; все те, кто повиновался велениям благородного сердца; все те, кто, говоря словами рылеевского «Гражданина» (написанного в декабре 1825 г. за несколько дней до восстания), были «неспособны в объятьях сладострастья, / В постыдной праздности влачить свой век молодой / И изнывать кипящею душой / Под тяжким игом самовластья». Восемнадцать или пятнадцать лет назад никто из них даже не мечтал о вооруженном восстании против монархии; они нашли достаточно пищи для своей любви к славе и для своей деятельности на полях Эйлау² и Бородино. Многие из них воевали там, и всё еще были опьянены победой

в наполеоновских войнах. Они вернулись из захваченного Парижа, возвратив свободу народам Запада, — и нашли дома союз жестоких хулиганов, истеричных лицемеров и честных, но устарелых, выживших из ума стариков, навязывающих свою бесславную власть народу и армии, покорившим всю Западную Европу. Но дух был все еще силен в молодых людях, честолюбивых, одаренных и жаждущих улучшений. Сходные условия господствовали за пределами России и в других странах. Последние десять лет царствования Александра I были тем временем, когда Россия, в лице передовой элиты ее высших классов, была наиболее европеизированной и европейской. И декабристы не должны были быть изолированными от своих современников на Западе. Революции в Испании³ и Неаполе⁴, «Tugendbund»⁵ в Германии, заговоры против Бурбонов во Франции эпохи Реставрации⁶ — все они были связаны с армией и с образованной молодежью высших классов. Моделью для русских тайных обществ послужили такие же общества в Германии и Италии, и одушевлявшее их настроение было тем же самым. Всё, что было активного и живого в молодом поколении, группировалось вокруг тайных обществ. Было невозможно обладать чувством чести и не вступить, или не попытаться вступить, в них. На поэтическом языке того времени слово «честь» неизбежно употреблялось в смысле «революционного долга». Дух тайных обществ одушевлял поэтов того времени. Из крупных литературных деятелей в стороне от них держались лишь совершенно далекие от политики, как патриархальный и безмятежный Аксаков и метафизический Баратынский. Величайшие умы поколения — Чаадаев, Пушкин и Грибоедов — были заодно с тайными обществами. Если их не было на Сенатской площади в день Св. Филимона⁷, то лишь по чистой случайности.

Декабристы были обществом молодых людей. А от молодых людей, как правило, не много пользы в политике, когда они действуют на собственный страх и риск. Молодые люди — это ценный актив в революционной работе, но лишь тогда, когда ими руководят старшие и опытные люди. У декабристов не было никого, кто бы направлял их. История заговора и восстания 14 декабря душераздирающая, поскольку бестолковость и неумелость заговорщиков и бунтовщиков была невероятной. Еще более душераздирающей была беспомощность восстания Черниговского полка на Юге, его поход на Киев и его уничтожение правительственными силами⁸. Революционеры погубила не только их молодость, но и недостаток сплоченности. Они не знали, чего хотели. Они были объединены отрицанием, моральным импульсом, сильным, но смутным чувством долга — долга сокрушить деспотизм аракатеевых, но не программой и позитивным идеалом. Единственным из них, имевшим четкую идею того, что он хотел, был Пестель, но Пестель был слишком радикален для большинства из них; они боялись его идей и не доверяли ему как человеку.

Была ли возможной победа декабристов при каких-либо обстоятельствах? Более чем вероятно. С большей сплоченностью они бы легко одержали верх 14 декабря. Семья Романовых была невелика, чтобы легко ее уничтожить; ее гибель дезорганизовала бы правительство и вызвала бы смятение в армии; средние и низшие городские классы были определенно сочувствующими; крестьяне были

равнодушны. Но победа восставших также вполне определенно вскоре привела бы к хаосу и анархии, и — за исключением того, что каким-то чудом Ермолов⁹ или кто-то другой оказался бы «Наполеоном» — революция достигла бы апогея во всеобщей жакерии и быстром низвержении всего социального порядка — удесятеренном восстании Пугачева или большевистской революции без направляющих ее марксистов.

Но все это могло случиться лишь в том случае, если бы бунтовщики не были теми, кем они были. Поражение было для них единственно возможным.

В обращении с декабристами Николай I продемонстрировал поразительное отсутствие чувства реальности, иными словами — чувства юмора^{*}. Он преувеличивал фактическое и недооценивал скрытое значение восстания и восставших. Во всем их поведении было патетическое противоречие между их благородным и высокоморальным стремлением и их практической и политической несостоятельностью. В самом восстании присутствовали все элементы комедии. Если бы Николай заметил это, он одержал бы победу, которая смогла бы изменить русскую историю, он оказался бы гениальным политиком, которым он — к счастью или несчастью (я думаю, к счастью) — не являлся. Поведение Николая было провалом не столько политика, сколько человека. 14 декабря он столкнулся со Страхом. Все его обращение с побежденными бунтовщиками было продиктовано злобой против тех, кто сделал его трусом. В суде над декабристами он, с подлинно шекспировским чутьем, играл роль победившего труса. Основные факты суда слишком хорошо известны, чтобы напоминать о них¹¹. Они являются самым мрачным и подлым позором на памяти русской монархии. Они оказывают наиболее устойчивое влияние, работающее против доброго имени династии.

У Николая была возможность превратить все дело в комедию, он предпочел сделать из этого трагедию. Единственным итогом оказалось лишь подчеркивание соответствия противоположностей. Юмористический и, так сказать, государственный подход к делу мог бы более жестоко преуменьшить значение восставших, чем все ужасы суда. Их мученичество выявило основополагающий факт — внутреннее превосходство побежденных, неразумных, неумелых декабристов над самонадеянными победителями; их превосходство, в свете важнейших и долговременных ценностей, над теми, кто не с ними^{**}.

Процесс был первым действием царствования, чье убожество и моральная ничтожность беспримерны в истории, царствования, которое сделало неизбежным и непоправимым раскол между монархией и лучшей частью нации и отметило печатью трагическую судьбу Романовых.

* Чувство юмора, говорит У.П. Кер¹⁰, заключается в способности думать в данный момент больше чем об одной вещи. — *Примеч. Д. Мирского.*

** Поведение некоторых (не всех) декабристов во время процесса, их отречения и признания бросают тень на их моральные достоинства не больше, чем отречение Галилея на суде. Хотя юридические инструменты и несколько отличались друг от друга, условия суда были в обоих случаях одинаковы. В любом случае, *последующее* поведение приговоренных декабристов было великолепным «*errur si tiuove*» («и все-таки она вертится», *итал.*). — *Примеч. Д. Мирского.*

Суд и то, что за ним последовало, создали легенду о декабристах, которая в России стала действенной всего остального в поднятии морального и поэтического престижа революционного движения и в придании ему почти религиозной поддержки¹. Самым главным было *единодушие* общественного настроения по поводу декабристов; независимо от политических предубеждений, все были зачарованы светящимся нимбом над головами первых революционеров, и никто не отказывался уважать их моральное превосходство. Это была единственная неизбежная поэтическая справедливость.

Помимо своей легенды, декабристы оказали мало влияния на последующее развитие русского революционного движения. Первая половина царствования Николая I была одним из критических периодов русской истории, когда были брошены старые традиции и возникли новые. Как и Пушкин, декабристы принадлежали к старому строю русского общества, предшествующему Белинскому, и — так же как Пушкин — они выжили в новой эпохе лишь в форме мифа. Миф этот был весьма значителен, но связь с поддерживавшими его историческими фактами и идеями, одушевлявшими эти факты, была утрачена. Новая революционная традиция выросла из движения тридцатых и сороковых годов, которые не были связаны с декабристами. Душой нового движения был социализм, и само движение не испытывало какого-либо осязаемого влияния восстания декабристов. Лишь благородный дух, двигавший декабристами, не был мертв, и тот же самый дух снова ожил в народниках семидесятых годов. Это тот самый дух, который всегда ценен, как душа декабристского движения: та *multa pars*¹³, которая избегает смерти и становится самым лелеемым наследием нации.

В современном мире есть лишь одна религия — культ успеха. Но есть ценности выше, чем успех; и всеобщее и сверхнациональное значение русского революционного движения в том, что он сделал особое ударение на этих ценностях и усилил их в глазах идолопоклонников успеха. Политическая неудача декабристов очевидна. Не потому лишь, что они не управляли ситуацией; они даже не заслуживали успеха. Победа была бы для них худшим из поражений. И однако же мы не можем отметить единодушный приговор потомства, поставившего их на одно из самых высоких мест в глазах нации. Нас восхищает в них высокое побуждение, двигавшее ими. Они остаются — и останутся — чтимы в нашей памяти, потому что в своих жизни и смерти они защищали вечную правду свободного духа против растительных сил лениности и эгоизма, этой сердцевины социального консерватизма.

Опубл.: *Mirsky D.S. The Decembrists (14 (26) December, 1825) // The Slavonic Review. 1925. Vol. 4, № 11. P. 400–404.*

¹ Прогноз Мирского оказался верным: посвященные декабристам газетные статьи в разных русских станах вышли примерно такими, как он описал.

¹³ Героическое поведение жен декабристов, конечно, очень сильно способствовало усилению престижа ссыльных. Но одного этого было бы недостаточно; равный по силе героизм княгини Натальи Долгорукой¹² в правление Анны также превратил ее в одну из благороднейших фигур русской истории, но не смог способствовать тому, чтобы в Долгоруких видели нечто большее, чем предмет трагической жалости. — *Примеч. Д. Мирского.*

² Под Прейсиш-Эйлау (с 1946 г. Багратионовск Калининградской обл. России) 7–8 февраля (26–27 января) 1807 г. произошло генеральное сражение между русской и французской армиями, признанное самым кровавым в русско-пруско-французской войне 1806–1807 гг.

³ Речь об Испанской революции 1820–1823 гг. В январе 1820 г. оппозиционно настроенные офицеры во главе с полковником Рафаэлем Риэго подняли полк близ Кадиса, выступив против короля, арестовали верных ему генералов. Восстание охватило всю страну. 9 марта 1820 г. король вынужден был объявить о восстановлении конституции 1812 г. Революция была задушена три года спустя: с санкции держав Священного союза в апреле 1823 г. в Испанию вошли французские войска, и к осени абсолютистский режим был восстановлен.

⁴ Революция в Неаполитанском королевстве началась 2 июля 1820 г. восстанием карбонариев в Ноле, охватившим вскоре Авеллино и Неаполь. Руководил повстанцами генерал Г. Пепе. Здесь события развивались быстрее, чем в Испании. Революция не продержалась и года, уже в марте 1821 г. она, опять же с санкции Священного союза, была подавлена войсками австрийских Габсбургов.

⁵ «Союз доблести» (*нем.*) — патриотическое общество, основанное в Кёнигсберге в апреле 1808 г. для восстановления духа нации после поражения от войск Наполеона (а также восстановления утраченного статуса Пруссии). 31 декабря 1809 г. закрыто указом короля Пруссии Фридриха Вильгельма III по требованию Наполеона.

⁶ Заговоров против Бурбонов было много, их готовили тайные республиканские общества, карбонарии, масоны, иезуиты, бонапартисты (нередко совместно или прикрывая одно другим). Были и попытки восстаний (в частности, восстание карбонариев 1822 г.), но они не добились успеха. В 1825 г. Эжен де Монглав и Проспер Шала выпустили книгу «История заговоров иезуитов против династии Бурбонов во Франции».

⁷ 14 декабря Русская Православная церковь чтит память святого мученика Филимона, жившего в Египте на рубеже II и III вв. и принявшего смерть за веру при императоре Диоклетиане.

⁸ См. об этом: [Киянская 1997].

⁹ Генерал Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) в период формирования декабристского движения командовал боевыми действиями на Кавказе: с 1823 г. в Дагестане, а в 1825 г. в Чечне.

¹⁰ Кер Уильям Пэйтон (Ker; 1855–1923) — шотландский филолог и эссеист. Источник цитаты в опубликованных сочинениях Кера найти не удалось.

¹¹ Ко времени написания Мирским статьи многие материалы уже публиковались: [Процесс декабристов 1905]. Но более полное научное издание лишь начинало издаваться: [Восстание декабристов 1925–1986].

¹² Графиня Наталия Борисовна Шереметева (в замуж. княгиня Долгорукая; 1714–1771), обрученная с фаворитом Петра II князем И.А. Долгоруким, после воцарения Анны Иоанновны не оставила своего впавшего в опалу жениха, обвенчалась с ним и отправилась вслед за ним в ссылку в Берёзов. После казни мужа 8 ноября 1739 г. по обвинению в государственной измене приняла постриг под именем схимонахини Нектарии.

¹¹ Большая часть (*лат.*).

УКРАИНА

Украинские националисты используют понятия «Украина» и «украинская» для обозначения всей территории, полностью или большей частью населенной юго-западной ветвью русского народа. Альтернативные названия для этой ветви — «русинская» (*Ruthenian*) или «малороссийская». Первое (латинское обозначение русских) используется поляками, австрийцами и Римско-католической церковью. Оно собственно применяется к той части населения, которая до 1918 г. была под австро-венгерской властью. «Малороссы» было и официальным, и просторечным русским выражением, используемым всеми теми русскими и находящимися под их влиянием иностранцами, кто был враждебно настроен к идеям украинского сепаратизма. Украинским националистам это обозначение отвергати-

тельно. Таким образом, взятая в самом широком значении, Украина включает в себя — помимо тех русских земель, что образовали сначала независимую, а потом советскую Украину, — следующие территории: 1) часть юго-восточной Польши (Холм); 2) всю восточную Галицию; 3) северную Буковину и северную Бессарабию (Хотин); 4) бывшую «Угорскую Русь» (ныне — автономная область Чехословакии); 5) те части Российской империи, которые никогда не входили в состав независимой Украины, но имеют преобладающее украинское население (в первую очередь — территория кубанского казачества).

Украина, в нынешнем официальном значении этого понятия, имеет площадь 218 000 квадратных миль и население (согласно последним надежным оценкам 1913 г.) 33 млн чел. Это исключительно богатая в сельскохозяйственном отношении территория; почти целиком это — плодородный чернозем. Киевская и Харьковская губернии — центры сахарной промышленности, где сравнительно редки засухи, обычные для территорий к востоку от этих земель. Земля также богата минеральными запасами — углем Донецка и железной рудой Кривого Рога. На Украине есть четыре города с населением свыше 200 тыс. чел. (в Российской империи таких городов было всего девять) — Киев и Одесса (население каждого — свыше 600 тыс. чел.), Харьков (300 тыс. чел.) и Екатеринослав (250 тыс. чел.). В Подолии, Киеве и Полтаве плотность населения достигает 200 чел. на квадратную милю (самая большая плотность по всей России). В целом же Украина была во многих отношениях наиболее процветающей и прогрессивной частью Российской империи. Население Украины включает 70 % украинцев, 13 % великороссов, 9 % евреев, 2 % поляков и 6 % представителей других национальностей.

Что касается вопроса о языке, то не составляет труда различать язык великорусский и малороссийский. Можно, однако, спорить, достаточно ли велика разница между двумя братскими наречиями, чтобы применять понятие «язык» к каждому из них, или же они лишь два диалекта одного языка, литературная форма которого стала московским диалектом. Можно сказать, что это лишь вопрос названия. Однако использование понятий «украинский язык» или же «малороссийский диалект» — это та метка, которая отличает приверженцев независимой Украины от сторонников Великой России. В 1905 г. Российская академия наук в оппозиционном припадке постановила, что украинский — это язык¹. Но предположение, что эта проблема может быть решена «научно», само по себе — ненаучный вопрос.

Три основные ветви русской языковой группы — великорусская, белорусская и малороссийская — находятся между собой в разных отношениях. С чисто лингвистической точки зрения белорусская ветвь столь мало отличается от великорусской, что едва ли может считаться хотя бы диалектом. Фонетическая разница между речью в Минске и Рязани меньше, чем между речью в Рязани и в Архангельске. Однако, с другой точки зрения, если мы исследуем различные культурные влияния на эти две ветви, разница окажется весьма велика. Сильное польское влияние, явно ощутимое в белорусской лексике, отсутствует в лексике великорусской. И именно это, а не просто различие в произношении, столь рез-

ко очерчивает границу белорусской ветви; она совпадает с границей Польши до эпохи разделов². Эти факты должны привести нас к поиску истоков нынешних политических обстоятельств не в распространении диалектов, а в политическом прошлом различных территорий. И это как раз случай Украины.

В X–XI вв. русская нация образовала ощутимо однородное единство. В великих бедствиях XIII в. значительная часть этого единства была утрачена, но общее имя осталось и до сего дня используется всеми русскими в любом месте, где они граничат с другими нациями, от Камчатки до Венгрии. На протяжении XIII–XV вв. возникли новые политические комбинации, и русская территория оказалась разделена на множество разнородных частей. Север и восток к 1500 г. были объединены неустанными трудами московской династии. Западная граница Московии около 1500 г. — это нынешняя граница распространения великорусских речи и обычаев.

Два широко распространившихся движения спасли душу и будущность Украины. Средние городские классы создавали независимые братства³ для защиты веры своих отцов, преданных погрязшими в симонии⁴ и обмирщенными священниками времен литовского господства⁵. Это могущественное движение породило великое церковное возрождение, оживившее и воскресившее умирающую киевскую церковь и сыгравшее ведущую роль в создании современной общероссийской цивилизации в конце XVII — начале XVIII в. В это же самое время казаки — группы разбойников и первопроходцев, вызванных к жизни растущим угнетением со стороны польских помещиков и внезапным возрождением авантюрного духа, бывшего мертвым с XII в., — возглавили народ в его борьбе против ненавистной тирании поляков. Борьба велась во имя православной веры против папистов и евреев и во имя казачьей и крестьянской свободы от польского помещика и еврейского трактирщика. Поначалу это было совершенно спонтанное и народное движение. Его активными застрельщиками были собственно казаки, жившие вдоль польской границы и за ней, у днепровских порогов. Но эти казаки пополнялись беглыми крепостными из всех русских областей Речи Посполитой. Они даже не ограничивались Малороссией; Наливайко⁶, один из первых казачьих вождей, был по рождению белорусом. Движение получило поддержку всего православного населения Польши. Оно было русским, православным и отчетливо демократическим. Именно тогда название «Украина» получает заметное распространение. «Украина» же означает всего лишь пограничье, пограничную полосу.

Казачьи возмущения достигли высшей точки в 1648 г. во время восстания под руководством Богдана Хмельницкого, который после ряда блестящих успехов понял, что не может справиться с организованным сопротивлением всего воинственного польского дворянства и, вопреки своему желанию и воле своих заместителей, принес присягу Москве. Украина вошла в состав Московской империи как автономная и привилегированная область. Это объединение не было вполне удачным, однако антипатию, которую многие бояре испытывали к казакам, незачем воспринимать как доказательство большой разницы между двумя ветвями русской нации. В первую очередь речь идет о несовместимости высокоспециализированной бюрократической и по сути своей аристократической организации

Московского царства с казацкими демократическими институтами. Такого же рода трения случались везде, где московские бюрократы приходили в соприкосновение со свободно организованными общинами, такими как чисто великорусские казаки на Дону и Яике. За присягой Москве (1654) последовал бесславный и разрушительный период, длившийся почти тридцать лет, во время которого московские политики демонстрировали одно за другим доказательства своей неспособности и близорукого консерватизма, а казацкие вожди показали себя вероломными и переменчивыми до почти неправдоподобной степени, попеременно примыкая то к Москве, то к Польше, то к Турции и приведя свою страну на край гибели.

В результате всего этого Волынь, Подолье и Галиция остались жертвами польского угнетения, и только Полтава, Киев, Чернигов образовали автономную область под московским сюзеренитетом, управляемую гетманом, выбиравшимся сначала всеобщим голосованием, а позднее — лишь казацкими полковниками и старшинами. Золотым веком этой украинской автономии стало правление Мазепы (1688–1708). После этого настал черед трагического восстания Мазепы, который, будучи по крови поляком и имея приверженность Польше, надеялся создать для себя и своих наследников украинское королевство. Мазепу поддержала группа, включавшая в основном недавно образованную военную аристократию, прельщенную польским олигархическим строем и действовавшую в авантюристской манере прежних казаков. Измена Мазепы стала смертельным ударом для сердечных отношений Петербурга и Украины. Но за этим последовало предательство с российской стороны — злополучный *Zgin*⁷ 1714 г., когда Петр Великий распорядился уступить всю территорию Украины к западу от Днепра Польше, чей король был тогда союзником Петра, и худшие формы польского угнетения опять вернулись в несчастные районы Канева, Чигирина, Черкасс и Умани. Урезанная территория гетманщины стала всего лишь незначительной провинцией. Казацкие демократические институты вскоре уступили место новорожденной аристократии, что открыло путь для русского дворянства. В 1764 г. автономия Малороссии была официально упразднена; несколькими годами позже поселение за днепровскими порогами (Запорожская Сечь) было уничтожено (1775).

Процесс ассимиляции неуклонно продолжался на протяжении XVIII–XIX вв. Он не был полностью односторонним, поскольку киевская цивилизация, во многих отношениях превосходящая московскую, оставила неизгладимый отпечаток на многом из того, что с тех пор стало нормативным русским литературным языком. В XVIII в. украинские прелаты, чиновники, придворные, поэты и художники были весьма уважаемыми лицами в Петербурге. Украинское дворянство быстро усвоило общероссийские манеры и привычки и немало выиграло от екатерининского законодательства, поддерживающего дворян. Духовенство следовало дворянскому примеру. Народ отставал, и это очень важно отметить, поскольку разница между украинцами и великороссами (если и не племенная, то, по крайней мере, в обычаях и речи) в иных местах имела тенденцию становиться разницей между дворянином и крестьянином, что придавало украинскому национализму отчетливо демократический и революционный характер. Но уравнительные вли-

жизни современной жизни действовали и на простой народ; школа, воинская повинность, работа в городах и горнодобывающих центрах способствовали тому, чтобы украинец все меньше и меньше ощущал свою отчужденность и все лучше усваивал общероссийские правила и манеры поведения.

Древний революционный дух казаков и украинских крестьян в последний раз проявил себя в ужасной вспышке 1768 г., когда крестьяне Чигирина, Черкас и Умани восстали против своих польских помещиков и были подавлены лишь с помощью российского войска⁸. Но с этого времени и до 1918 г. (когда украинские крестьяне тех же самых районов восстали против немецких оккупационных войск) весь украинский национализм и оппозиционность сосредоточились в литературных и интеллектуальных кругах.

До 1798 г., когда Котляревский опубликовал свою пародию на «Энеиду»⁹, на Украине не было литературы. Правда, с конца XVI в. в среде южнорусского духовенства в Киеве и в Львове (Лемберге) была довольно активная литературная деятельность, но их язык был макаронической смесью церковнославянского и польского, с единственным исключением в виде народного и разговорного элемента, как будто авторы не могли воздержаться от потворства этому. Но ближе к концу XVIII в. нормативный русский язык стал в Южной России, по сути, языком цивилизации. Многие украинцы сыграли выдающуюся роль в истории русской литературы в конце XVIII в. и начале XIX в. Наконец, Гоголь (1809–1852), сельский дворянин из Полтавы, получил национальную и международную известность как один из величайших русских писателей. Вне всякого сомнения, Гоголь — величайший гений, рожденный на украинской земле. Тот факт, что он писал на имперском языке, а не на своем местном диалекте, является одной из сильнейших культурных скреп между Великороссией и Малороссией и источником уныния для крайних украинских националистов.

Но еще до смерти Гоголя возникло и заявило свои права литературное движение, давшее украинскому языку законное право на признание и уважение. Движение было инициировано группой провинциальных дворян, интересовавшихся самобытностью своей области и знакомых им обычаев и речи. У некоторых из этих деятелей, как, например, у Квитки¹⁰, был талант, но никому из них не было дано выйти за очень тесные границы того, что по-немецки называется «Heimatkunst¹¹»; их интересы были чисто этнографическими. Внезапно внутри этой безмятежной и провинциальной литературы появился молодой человек, чей талант далеко превосходил все прочие и происходил из совершенно другой среды. Тарас Шевченко (1814–1861) был крепостным. Он родился в Киевской губернии и получил волю, будучи уже взрослым человеком и проявив себя как поэт. Ненависть к деспотической московской бюрократии и помещикам-крепостникам сочеталась в нем с пылкой и страстной любовью к свободе и славным крестьянским традициям. Он был уроженцем страны, давшей наибольшее количество участников казацких восстаний, страны, в которой традиция вооруженного бунта была еще жива. Шевченко отбросил все износившиеся традиции литературного провинциализма и обратился к живому источнику народной поэзии. Ему удалось создать поэзию,

эпическую и лирическую, тесно связанную со стихийной песней украинской деревни, но вместе с тем полную подлинной оригинальности. Шевченко был поэтом с ограниченным кругозором, и когда в поздние годы он пытался обратиться к более широким и не столь узконациональным темам, результат оказался достойным сожаления. Но его ранняя патриотическая поэзия драгоценна, и вполне естественно, что все, кто любит Украину и украинское, преувеличивали значение Шевченко и превратили его в символ национальной независимости и собственной правоты. Шевченко — это призывный клич для всех украинских националистов, и первое, что делают украинцы, когда приходят к власти, это развешивают портреты Шевченко во всех школах, почтовых отделениях, сберегательных кассах, железнодорожных станциях, до которых могут добраться.

По сути, у Шевченко не было преемников. Все богатство его народных ритма и речи было утрачено русско-украинскими писателями конца XIX в. После Шевченко литература мало сделала для утверждения украинской идеи и для того, чтобы внушить народу любовь к ней. Самый известный сегодня украинский писатель, Винниченко¹², о котором я буду подробнее говорить позже, — второразрядный ученик школы Горького, Андреева и Арцыбашева, а поэты вроде Чупринки¹³ или Тычины¹⁴ — немногим больше, чем провинциальные парафразы Бальмонта, Блока и Есенина.

Но в 1860-х гг. в Восточной Галиции возникло литературное движение, быстро привлекавшее к себе все крайние элементы российской Украины и ставшее тараном воинствующего антироссийского украинизма. В течение столетий литературным языком объединенных русинов Галиции был макаронический церковнославянский Киева и Львова. В XIX в. он обнаружил тенденцию к сближению с нормативным русским литературным языком, однако это было не в интересах ни Габсбургской монархии, ни польского большинства Галицкого сейма, ни проримского духовенства греческого обряда. Движение против языкового единства началось в 1860-х гг. и быстро сделало успехи. Этому много способствовала политика преследования литовско-русских книг, начатая российским правительством в 1860-х гг. Многие украинские энтузиасты эмигрировали во Львов, и Галиция превратилась в то, что и друзья, и недруги называли «Украинским Пьемонтом»¹⁵. Наиболее выдающийся из числа этих эмигрантов, проф. Грушевский¹⁶, и плеяда местных писателей занялись созданием нового литературного языка, который должен был как можно сильнее отличаться от нормативного русского языка. Речь жителей Галиции намного более пронизана полонизмами, чем любая другая южнорусская речь. Но, помимо этого, там, где народному языку не хватало слов, новые языкотворцы придумывали новое слово неизменно по польскому образцу, создавая, таким образом, научную и культурную лексику, непонятную для русских или воспитанных на русском языке украинцев. Этот язык был принят австрийским правительством как один из *Landessprachen*¹⁷ империи. Его преподавали в школах, и в Львовском университете, где этот язык стал языком высшего образования, были даже учреждены соответствующие профессуры. В России украинцы-радикалы, чтобы сохранить связь со своим «Пьемонтом», тоже изучали новый язык, и некоторые из них преуспели в том, чтобы сравнительно легко им пользоваться.

Российское правительство наблюдало за украинским движением с явным недовольством. Но, как и в остальных случаях, принятые меры были и недостаточны, и неумны. В 1876 г. был издан указ¹⁸, согласно которому полностью запрещались украинские книги, напечатанные по новой фонетической орфографии Кулиша¹⁹, и даже издание книг с традиционной орфографией не одобрялось. Указ стал одной из основных причин сосредоточения в Галиции украинских националистов и их согласия с Австрией в ее антирусской политике. Но российское правительство не могло предотвратить распространение украинских идей в той самой среде, где они, вероятно, и были наиболее опасны — среди сельской *интеллигенции*, класса, известного как «третий элемент»*, в особенности же — среди деревенских учителей. Именно они, так же как другие группы полуобразованного сельского или провинциально-городского населения — фельдшеры, мелкие чиновники и — до определенной степени — сельское духовенство, в итоге и стали главными поборниками украинской идеи. Их возглавляло весьма ограниченное количество интеллектуалов дворянского происхождения, в основном писателей, журналистов и университетских преподавателей. Их центром был Львов, но и в южнорусских университетах было множество украинофилов более умеренного толка.

В первый период войны признаков украинской смуты не было, несмотря на усилия австрийского Генштаба. Но после начала революции все скрытые разрушительные и центробежные силы вышли на поверхность, и тут же заработала украинская пропаганда. Проф. Грушевский организовал в Киеве «Раду», которая начала переговоры с Временным правительством, то есть — с кадетами. Временное правительство снизошло до того, чтобы обращаться с Радой как с ровней, но при этом шло только на уступки. В июне 1917 г. в Киеве было подписано соглашение, от имени Временного правительства — Терещенко (сам богатый украинский землевладелец) и Церетели (грузинский социалист), от имени Рады — Грушевским. Согласно условиям соглашения, пять губерний — Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская (кроме четырех северных уездов) — были признаны составляющими территорию автономной Украины²⁰. Украинцам было разрешено создавать в армии «национальные» части (что они начали делать уже до подписания соглашения). Но введение в действие пункта об автономии было отложено на неопределенный срок. Временное правительство, по своему обыкновению, уступило достаточно, чтобы продемонстрировать свою слабость, и остановилось как раз там, чтобы вызывать недовольство. Украинцы не были удовлетворены, и всю вторую половину 1917 г. они поддерживали большевиков, обещавших признать самоопределение Украины. Однако вопроса о независимости еще не стояло, предмет украинских желаний ограничивался полной автономией и федерацией с Великороссией.

Украинская пропаганда активно действовала и в армии, и в сельских местностях. В этом особо отличился человек, впоследствии приобретший громкую и дурную славу. Это Семен Петлюра, в начале революции служивший фельдшером. На

---

* Выражение «третий элемент» означает, что эти сельские интеллигенты пришли третьими в сельскую местность, где до того было лишь два «элемента» — крестьяне и помещики. — *Примеч. Д. Мирского.*

селе пропагандой занимались в основном украинские социалисты-революционеры и социал-демократы. Обе эти партии усвоили самые крайние формы аграрного социализма и в большинстве социальных вопросов шли рука об руку с большевиками. Единственная разница в их программах заключалась в том, что украинские социалисты настаивали на исключительном праве украинского крестьянства на все частные земли внутри Украины, тогда как большевики не высказывались по этому вопросу. Однако украинцы очень стремились усидеть на двух стульях. Они требовали признания прав Украины на всю азиатскую часть России, которая, таким образом, стала бы неким российско-украинским *кондоминиумом*; вот почему украинцы стремились не к полной независимости, а к федерации, в которой Великороссия и Украина имели бы равные права. Во время выборов во всероссийское Учредительное собрание (ноябрь 1917 г.) нельзя было предугадать, за кого будут голосовать крестьяне — за украинских социалистов-большевиков или же за российских социалистов-революционеров. Для несведущего в выборах человека эта разница была едва заметна, и результаты на местах зависели от счастливых случайностей, таких как красноречие того или иного кандидата или выборщика.

Однако до выборов произошел большевистский *coup d'état*²¹ 7 ноября (по новому стилю) 1917 г. Украинские социалисты не испытывали сильной антипатии к большевизму и поначалу не заняли ярко выраженной враждебной позиции. Но они предвидели распад России и решили воспользоваться неограниченным правом на самоопределение, провозглашенным большевиками. Однако большевики были либеральны лишь в теории. Они признали независимость Украины (как они признают ее и по сей день), но они не могли терпеть «буржуазную» Украину. Большевики требовали, чтобы она стала советской республикой. Украинские социалисты не могли уступить в этом без того, чтобы не поссориться со своими более умеренными союзниками, среди которых были и наиболее выдающиеся украинские ветераны, например, Грушевский. Поэтому большевики начали военные действия, в которых их главным преимуществом было присутствие большого количества вооруженных масс недалеко от линии фронта и в лагерях военнопленных.

Местные антибольшевистские правительства на Юге (Рада в Киеве, Круг в Новочеркаске, Рада в Екатеринодаре, Меджлис в Симферополе, Сфатул-Цэрий (Sfatul-Tării) в Кишиневе) пытались заменить явно устаревший великорусский патриотизм новорожденным местным патриотизмом и противопоставить его большевистскому интернационализму. Почти все эти правительства состояли из социалистов-революционеров, которым представлялось, что лишь их программа может соперничать с большевистской. Фронт был оставлен немцам, большевики же бросили все доступные им силы на раскольников-южан. Соотношение сил было явно неравным. Всё, что было жизнеспособного и энергичного, находилось на стороне большевиков, где латышские батальоны, отряды матросов и диверсионные отряды красногвардейцев под командованием головорезов и авантюристов вроде Муравьева²², Сорокина²³, Антонова²⁴ и Дыбенко²⁵ действовали вполне успешно — и с ужасающей жестокостью. Украинскую Раду поддерживало некоторое количество энтузиастов-укаинофилов, немногочисленные авантюристы, разыгрывавшие антибольшевистскую карту, и воздерживавшееся от политики офицерство, считав-

шее своими долгом любой ценой противостоять большевизму. Но в украинском вопросе все они были не особенно ревностны; огромное большинство армейских офицеров оставалось нейтральным. Военная кампания оказалась весьма краткой. В начале февраля 1918 г., после десятидневного артобстрела, Киев был взят большевиками; украинская Рада и ее аппарат бежали в Житомир. За этим последовала чудовищная бойня, жертвами которой стали в основном офицеры российской армии, не принимавшие участия в военных действиях. Такие же события произошли и во всех остальных южнорусских губерниях (особенно ужасной была резня в крымских портах²⁶), все местные правительства были сметены. В одной лишь Бессарабии большевики потерпели неудачу: румыны, при австро-немецком попустительстве, воспользовались случаем и прибрали к рукам эту местность²⁷.

Рада во время своего бегства в Житомир обратилась за помощью к немцам. Был подписан договор, по которому Центральные державы признавали независимость Украины и обязывались поддерживать Раду в ее борьбе с большевиками. Взамен Рада должна была подчиниться военной оккупации всей территории Украины, а немцы получали права экспортировать столько зерна и иного продовольствия, сколько им требовалось²⁸. Большевики также, по Брестскому договору, признали независимость Украины. Но они сформировали Украинское советское правительство, формально независимое, которое продолжало военные действия против Рады и ее союзников, австро-германских войск. Кампания генерала Эйхгорна против советских украинцев была короткой и нетрудной²⁹. В начале марта 1918 г. Киев был занят немцами, и к концу апреля вся территория Украины была очищена от красных. В этой кампании всю работу сделали немцы. Украинским войскам досталась чисто орнаментальная роль; с военной точки зрения их нельзя было принимать в расчет. Таким образом началось существование «независимой Украины».

Первоначально правительство находилось в руках Рады, которая приняла весьма передовую демократическую конституцию, с гарантиями прав меньшинства и пр. Единственным недостатком конституции является то, что она никогда не была введена в действие. Был провозглашен аграрный закон, согласно которому вся земля должна была перейти в руки крестьян, но и он не был осуществлен на практике. Немцы, заняв Киев, сразу увидели, что какое-либо сотрудничество с украинскими социалистами невозможно: большей частью это были полубольшевики. Более умеренные имели мало влияния, а все вместе они не имели никакого политического опыта. Между тем в среде собственников возникло движение, нашедшее выражение в Конгрессе хлеборобов в Киеве (конец апреля)³⁰. На конгрессе были представлены все землевладельцы, большие и малые, в том числе и крестьяне-единоличники*, происходившие из бывших казаков и весьма многочисленные в Полтавской и Черниговской губерниях. Конгресс провозгласил генерала Скоропадского³¹ гетманом Украины. *Coup d'état* был признан немцами, а Рада распущена.

Скоропадский был богатым полтавским землевладельцем, потомком гетмана³² (1709–1722), флигель-адъютантом покойного императора и генералом Генерального штаба, принимавшим участие в 1917 г. в создании украинских «нацио-

---

* Т. е. крестьяне, владеющие собственностью, не входящей в сельскую общину. — Примеч. Д. Мирского.

нальных» частей. Лишенный каких-либо талантов, Скоропадский стал простой игрушкой в руках немецкого командования и — одновременно — могущественных «хлеборобов». Социалисты и передовые националисты должны были оставить свои должности (за исключением Министерства иностранных дел, где они на протяжении всего времени играли ключевые роли), и гетман столкнулся с трудностью: сформировать украинское правительство без украинцев, поскольку было чрезвычайно трудно найти сторонников независимой Украины, которые не были бы социалистами. Правительство гетмана не устраивало никого, за исключением, быть может, малого числа крестьян-земледельцев в Полтаве и Чернигове. Однако многими правительство Скоропадского воспринималось как наименьшее из всех возможных зол: украинцами — поскольку предлагало видимость независимости, помещиками (которые большей частью были русскими националистами) — поскольку подтвердило их право владеть землями, средними классами — поскольку в любом случае было предпочтительней большевиков, немцами — поскольку делало всё, что ему приказывали. Что же касается крестьян, то они были равнодушны к политике. В тех местах, где земельный вопрос не играл решающей роли, они были более или менее довольны. Но в других местах помещики, чтобы вернуть себе свою собственность, в отплату за совершенные крестьянами эксцессы революционного года использовали вооруженную полицию и даже немецкие войска. И это, и временами очень бестактное и грубое поведение немцев, изымавших запасы зерна (что было оговорено в договоре с Радой), приводило к ужасающим крестьянским восстаниям и мятежам, в особенности в Киевской и Екатеринославской губерниях. В первой, в особенности в Чигиринском и Таращанском уездах, бывших местом восстания гайдамаков в XVIII в., волнения оказались успешными и держали немцев в страхе до самого конца.

Когда Германия потерпела поражение (октябрь 1918 г.) и стало очевидно, что на революционизированную немецкую армию положиться больше нельзя, перед Скоропадским встала альтернатива. Он все время действовал как украинский консерватор, но ныне эта позиция стала непригодной. Скоропадский должен был стать либо «всероссийским» консерватором, либо украинским социалистом. Он предпочел первое, вступил в переговоры с генералом Красновым³³ и пригласил в качестве военных советников генерала гр. Келлера³⁴ и кн. Долгорукова³⁵. Эти действия гетмана вызвали восстание среди нескольких частей украинской армии, которая всегда была в массе своей социалистической, и по всей Украине началась гражданская война. Во главе восстания были остатки Рады, с Петлюрой и Винниченко в качестве вождей. Они образовали правительство, названное ими Директорией³⁶. Немцы оставались нейтральными, думая лишь о том, как быстрее и безопаснее вернуться в Германию. Восставшие крестьяне большей частью не признавали власть правительства Петлюры. Они создавали свои собственные отряды, которые — когда это считалось необходимым — принимали политическую программу просоветских левых социалистов-революционеров или анархистов. Наиболее значительным из этих «бандитов» (как их стали называть) был Махно в Екатеринославской губернии. Он занимался террором и грабежом с ноября 1918 г. до 1921 г., когда большевикам удалось вытеснить его в Румынию³⁷.

Между тем Скоропадский вел себя глупо и постыдно. Надеясь сохранить свою власть, он не желал передать власть генералу Деникину (как это сделал Краснов). Говорят, он мечтал остаться в восстановленной России «подобием саксонского короля». Он мобилизовал в Киеве всех офицеров для своей защиты от приближающихся петлюровцев. Доблестный и знающий гр. Келлер был отстранен, и оборона Киева была доверена неправдоподобно бездарному Долгорукому. В решающий момент, когда Киев был почти полностью окружен петлюровцами, Скоропадский и Долгорукий бежали в Германию, переодевшись немцами, предоставив мобилизованных ими офицеров неистовству захватчиков. Благодаря посредничеству немцев массовую резню удалось предотвратить, но среди погибших был гр. Келлер³⁸.

Номинально Петлюра и Винниченко контролировали в тот момент всю Украину, но положение их было ненадежным. Русские белые армии Деникина и Краснова не признали их и продвигались на юго-восток, заняв горнорудный район и северную Тавриду. Политика французов, оккупировавших Одессу, была двусмысленной. В сражении украинцев и белогвардейцев, в котором Деникин взял Одессу, французы сохраняли нейтралитет. Махно и другие «бандиты» были независимы и ненадежны. Но главная опасность шла с севера: большевики неуклонно шли по пятам за немцами, не досаждая им, но всегда одерживая победу над украинцами (если можно одерживать победу над врагом, который ни разу не принял сражения). Под новый, 1919-й, год большевики захватили Харьков и восстановили марionеточное правительство Советской Украины под руководством Раковского³⁹. Для Директории трудность заключалась в том, что большевики не вступали с ней в переговоры. Для большевиков правительство Раковского было единственным законным на Украине, все остальные были просто мятежниками. Винниченко, бывший до революции неизменно большевиком, тщетно пробовал начать переговоры. Он попытался спастись, предложив принять полубольшевистскую конституцию. Отбросив демократию, Винниченко объявил созыв Трудового конгресса, названного так, чтобы прикрыть съезд Советов. На выборах большинство получили умеренные социалисты, но, когда конгресс (ближе к концу января) собрался в Киеве, он оказался мертворожденным⁴⁰. Никто не хотел защищать Директорию, и в последние дни февраля Киев был взят Красной армией. Украинское правительство отступило в Винницу. Винниченко обвинили в пробольшевизме, и он был вынужден подать в отставку. Петлюра реформировал свое правительство в более националистическом ключе.

Однако правление большевиков было столь же непрочно, как и власть Директории. Они были окружены врагами. Внутренние области кишели бандитами, которые в лучшем случае были очень ненадежными союзниками, всегда готовыми превратиться во врагов. Но большевики обнаружили много энергии; они остановили продвижение Деникина в каменноугольном районе, разбили его в Тавриде и захватили Крым. В Одессе французы, истощенные мятежом (и, как шептали, изменой), вступили в переговоры с красными и эвакуировались из Одессы⁴¹. Большевики уговорили Махно сотрудничать с ними, а Григорьев (еще один «бандит»), открыто восставший против большевиков и в определенный момент угрожавший захватить Харьков, был разбит и уничтожен⁴². Петлюра потерял свое значение и

был на какое-то время оставлен как маловажный противник. Примерно к середине мая 1919 г. казалось, что большевистская власть вполне окрепла. Но Гражданская война в России всегда была полна неожиданными и необъяснимыми поворотами. Около 20 мая 1919 г. армия Деникина начала наступление, оказавшееся неожиданно успешным. 24 июня был взят Харьков, и к 1 сентября, после взятия Киева, вся территория Украины, за исключением крайнего северо-запада, оказалась в руках белых. Но правительство Деникина не смогло никого удовлетворить. Повсюду (в особенности на юге и на востоке) белых поначалу приветствовали, но через два или три месяца они вызвали горячую ненависть. Их расшатанная дисциплина и презрение к человеческой жизни и собственности превратили их в бич божий для населения. Махно, чьи отряды были сначала рассеяны, вновь собрал свои силы. В это же время боеготовность Белой армии пошла на убыль.

Среди крестьян, уставших от Гражданской войны, реквизиций и мобилизаций и всегда бывших на стороне той партии, которая не представляла опасности, вспыхнула череда восстаний. И почти повсюду крестьяне оказывали пассивное сопротивление. На вершине своего успеха белые разбили остатки петлюровских сил и вынудили самого Петлюру искать убежища по ту сторону польской границы⁴³. Таким образом Украинское правительство потеряло последнюю часть украинской территории. Но это был последний успех Деникина. 20 октября начались его поражения, и к концу января 1920 г. на территории Украины не осталось ни одного белого солдата.

Война с Врангелем слабо затронула территорию Украины. Однако в политической конфигурации появился новый важный фактор: Польша. Сразу после революции в Австрии русины Восточной Галиции провозгласили свою автономию и верность Украинскому государству. Между лидерами русинов и Директорией был подписан договор (ноябрь 1918 г.), по которому Галиция включалась в состав Украины. Согласно договору, две территории должны были объединиться навсегда и без каких-либо условий, но огромные различия в политических обстоятельствах и традициях вынудили русинов сохранить свою фактическую независимость. Галиция стала официально именоваться «Украиной за Днестром» («Надднестровая Украина», «Naddnistrova Ukraïna»). Поскольку Галиция была намного лучше российской Украины организована и готова к политической самостоятельности, галичане естественным образом заняли видные места в новом государстве и дали торжественное обещание защищать Директорию от всех ее врагов. Обещание было опрометчивым, поскольку Галиция имела своего собственного врага — и намного более грозного, чем большевики. Поляки немедленно проявили себя агрессивными и алчными. Они были намного сильнее русинов, имея за собой не только три армии Халлера⁴⁴, Пилсудского⁴⁵ и Довбор-Мусницкого⁴⁶, но, что было важнее, и поддержку Антанты. Они не теряли времени и представляли украинских русинов как опасных сторонников Германии. Результат борьбы, в которой Директория не могла помочь галичанам (которые в свою очередь растрачивали силы, помогая Директории), был тот, какого и следовало ожидать. К марту 1919 г. вся Галиция стала польской провинцией; остатки галичанской армии присоединились к Петлюре в Подолье.

Поляки пересекли границу и заняли часть Волыни и Подолья. Пока победа Де-никина была в пределах вероятности, поляки не шевелили пальцем против большевиков. Но как только большевики разбили белых, поляки начали переговоры с Петлюрой, с предложением завоевать для него Украину. Новая петлюровская Украина должна была находиться по отношению к Польше в том же положении, в каком Украина Скоропадского находилось по отношению к Германии. В конце апреля 1920 г., под личным руководством главы государства, началось наступление, и 2 мая Киев был взят. Через несколько недель он был потерян, и мощное наступление большевиков, дошедшее до стен Варшавы, было остановлено лишь благодаря эффективным мерам французских военных советников. Итоговым результатом авантюры Петлюры-Пилсудского для всей Украины стало: 1) признание Польшей советской власти на Украине; 2) передача Польше восьми уездов Волыни и Подолья вместе с Брестом, Холмом и Галицией; 3) полный разрыв между Петлюрой и галичанами, которых он столь подло предал полякам. С этого момента у галичан не было для Петлюры другого слова кроме «*zradnyk*» — «предатель».

Рижский мирный договор (март 1921 г.) — последнее событие в истории Украины. С этого момента она стала автономной провинцией — официально: автономной республикой — в советской федерации. Ее столица находится в Харькове. Во главе ее Совнаркома (Совета народных комиссаров) стоит Раковский. Состав должностей Совнаркома тот же, что и в Москве. Формально он самостоятелен, и те, кто читает новости, вспомнят, что несколько месяцев назад был подписан договор между советской Украиной и кемалистской Турцией⁴⁷. Но на самом деле Украина — провинция большевистской России.

Итоговый результат революционных лет для украинской идеи можно суммировать следующим образом. Народ Украины привык к тому, что одни назовут анархией, а другие — свободой. Но эта свобода — исключительно местная. Крупнейшей территориальной единицей «независимости» во многих случаях была деревня, иногда — уезд. Это устраняет возможность когда-либо восстановить централистское правительство, которое бы не воспринималось как враждебная и чуждая власть. В этом смысле Украина доказала свое право на самоопределение. Но она не смогла доказать свое право как национальное и единственно возможное единство. Идея единой и антирусской Украины рухнула. И будущее украинской политической мысли может лежать единственно в развитии идеи местного самоуправления в пределах большой (и возможно свободной) федерации. Что же до большевиков, то, сколько бы ни продлилась их власть, они не смогут быть не чем иным, кроме как тонкими (хоть и хорошо сплетенными) сетями военного деспотизма, наброшенными на практически неуправляемое население.

Опубл.: *Mirsky D.S. The Ukraine // The Quarterly Review. 1923 (April). № 239. P. 318–325.*

¹ Имеется в виду составленная комиссией под председательством Ф.Е. Корша Записка «Об отмене стеснений малорусского печатного слова», в которой предлагалось отменить три принятых ранее решения по данному вопросу: 1) одобренный царем циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева от 20 июня 1863 г. о запрещении печатания религиозных и учебных книг на украинском языке;

2) распоряжение Александра II от 18 мая 1876 г., запрещавшее ввоз украинских книг из-за границы, печатание в империи произведений и переводов на украинском языке, за исключением исторических документов и произведений изящной словесности (т. наз. Эмский акт); 3) постановление от 8 октября 1881 г., вносившее коррективы в предыдущие решения и разрешавшее издание украинских словарей, печатание украинских текстов к нотам. Комиссия была создана по поручению Комитета министров во исполнение указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., устраняющего излишние стеснения печати. Помимо Ф.Е. Корша и А.А. Шахматова, записку подписали еще пять академиков, среди них филолог Ф.Ф. Фортунатов, зоолог В.В. Заленский, археолог А.С. Лаппо-Данилевский, ориенталист С.Ф. Ольденбург и ботаник А.С. Фаминцын. Отчет о работе комиссии (с приложением записок, писем и сообщений А.И. Лотоцкого, П.Я. Стебницкого, А.А. Русова, В.П. Науменко и др.) был издан на правах рукописи тиражом 150 экземпляров, основное внимание было уделено прежде всего свободе печати: «Знакомство с прошлым поднятого в настоящее время вопроса побуждает нас высказаться за необходимость отмены Высочайше одобренного распоряжения 1863 года и Высочайших повелений 1876 и 1881 года» [Об отмене... 1905, с. 26]. О языке составители записки высказывались по ходу дела и не вполне последовательно: «Разговорный язык Малорусов стал языком новой малорусской письменности» [Там же, с. 16]; «Свободное развитие в лучшем случае выработает один общий для всех Малорусов литературный язык, в худшем — Малорусы, не сознав духовного своего единства, погубят свою письменность в бесплодных несогласиях и раздорах» [Там же, с. 19]. Подробнее см.: [Щёголев 1912, с. 143–152].

² Речь о разделах Польши 1772, 1793 и 1795 гг. Подробно см.: [Стегний 2002].

³ См. об этом: [Флеров 1857; Папков 1900; Лукашова 2006].

⁴ Симония — продажа и покупка церковных должностей, духовного сана, церковных таинств и др.

⁵ Украинские земли с XIV в. входили в состав Великого княжества Литовского (Речи Посполитой после объединения 1569 г.). Речь Посполита утратила контроль над частью украинских земель в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг., а окончательно при разделах 1772–1795 гг.

⁶ Наливайко Северин (1560?–1597) — казачий вождь, руководитель восстания 1594–1596 гг., родился в Гусятине (ныне Тернопольская обл.).

⁷ Zgin (згин) — изгнание (укр.). См.: [Крикун].

⁸ Речь о восстании гайдамаков под руководством запорожского атамана Максима Железняка, которое получило известность также под названиями Колиивщина и Уманская резня. Подробнее см.: [Шульгин 1890].

⁹ Первое издание 1798 г., содержащее три части поэмы, было осуществлено в Петербурге без ведома автора. Авторизованным было лишь третье издание 1809 г., в которое Котляревский включил четыре части поэмы, внося ряд изменений в опубликованный ранее текст.

¹⁰ Квитка Григорий Федорович (псевдоним — Основьяненко; 1778–1843) — украинский писатель, принадлежал к харьковскому кружку, вместе с такими авторами, как П.П. Гулак-Артемовский, Е.П. Гребенка.

¹¹ Региональное искусство (нем.).

¹² Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) — украинский писатель, общественный и политический деятель.

¹³ Чупрынка Григорий Аврамович (1879–1921) — украинский поэт, политик, в 1919 г. руководитель антибольшевистского восстания на Черниговщине, расстрелян Киевским губчека 28 августа 1921 г.

¹⁴ Тычина Павел Григорьевич (1891–1967) — украинский поэт, позже советский государственный деятель, министр (нарком) просвещения УССР (1943–1948), председатель Верховного Совета УССР (1953–1959).

¹⁵ По аналогии с итальянским Пьемонтом, вокруг которого в 1859–1860 гг. произошло объединение Италии, галицкие поляки и украинофилы называли «украинским Пьемонтом» Галицию, считывая, что она сыграет такую же роль в объединении Украины. М.С. Грушевский в 1906 г. опубликовал статью под названием «Український П'ємонт».

¹⁶ Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) — украинский историк, общественный и политический деятель, профессор Львовского университета (1894–1914) председатель Украинской Центральной рады (1917–1918), академик Всеукраинской академии наук, член Чешской АН, действительный член АН СССР (1929).

¹⁷ Местные языки (нем.).

¹⁸ См. примеч. 1 к наст. статье.

¹⁹ Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) — украинский писатель, фольклорист, этнограф, историк, создатель одной из ранних версий украинского алфавита. «Упорядоченное П. Кулишом правописание со временем употреблялось в правописной практике петербургской “Основы”, а также в изданиях “народовцев” в Галичине в 60-х – 80-х гг. XIX в. Это правописание под названием “кулишивка” пользовалось в дореволюционный период наибольшей популярностью на Украине. В целом характеризовалось оно склонностью к чрезмерной фонетизации» [Плющ 1969, с. 293].

²⁰ Делегация Временного правительства во главе с министром финансов М.И. Терещенко и министром почт и телеграфов И.Г. Церетели вела в Киеве переговоры с 28 июня по 2 июля 1917 г., завершившиеся признанием полномочий Центральной рады, распространявшиеся на перечисленные Мирским губернии. Соглашение вызвало бурный протест в Петрограде: «В самом Временном правительстве на почве украинского вопроса произошел тогда же кризис, и министры-кадеты (Шингарев, Мануилов и кн. Шаховской) вышли из его состава» [Гольденвейзер 1922, с. 181].

²¹ Государственный переворот (*фр.*).

²² Муравьев Михаил Артемьевич (1880–1918) — офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Примыкал к левым эсерам, затем к большевикам. В январе–марте 1918 г. на Украине последовательно: командующий группой войск на Киевском направлении, начальник штаба Верховного главнокомандующего южной группой войск Антонова-Овсененко, командующий фронтом, командующий войсками Одесской советской республики. Погиб 11 июля 1918 г. при попытке поднять мятеж.

²³ Сорокин Иван Лукич (1884–1918) — казачий офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Организатор первого красного казачьего отряда на Кубани, с февраля 1918 г. помощник командующего Юго-Восточной Красной армией, в июне 1918 г. помощник командующего войсками Кубанской советской республики А.И. Автономова. В октябре 1918 г. отказался подчиниться приказам, расстрелял группу руководителей ЦИК Северо-Кавказской советской республики и крайкома РКП(б), решением 2-го Чрезвычайного съезда Советов Северного Кавказа был смещен с поста и расстрелян в Ставрополе 1 ноября 1918 г.

²⁴ Антонов-Овсененко Владимир Александрович (наст. фам. Овсененко; 1883–1938) — революционер, меньшевик, с 1917 г. член РКП(б), советский партийно-государственный и военный деятель. С декабря 1917 г. на Украине: главнокомандующий войсками Южного революционного фронта по борьбе с контрреволюцией, в марте–мае 1918 г. командующий советскими войсками Юга России, в декабре 1918 г. командующий Украинской советской армией, в январе–июне 1919 г. командующий Украинским фронтом и — одновременно — в мае–июне 1919 г. командующий всеми вооруженными силами УССР.

²⁵ Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) — революционер, советский политический и военный деятель, в феврале–марте 1918 г. народный комиссар по морским делам РСФСР. С ноября 1918 г. на Украине командовал последовательно полком, бригадой, группой войск, 1-й Заднепровской Украинской советской дивизией, с весны 1919 г. командующий Крымской армией и нарком по военным и морским делам Крымской советской республики.

²⁶ Речь о первом периоде массового красного террора зимой 1917/18 г., когда по городам Крыма — Севастополю, Симферополю, Ялте, Феодосии, Евпатории и др. — прокатилась волна убийств русских офицеров. Расправа над офицерами после вторичного взятия Крыма красными войсками была еще более жестокой и продолжалась с ноября 1920 г. до конца 1921 г.

²⁷ Бессарабия находилась в составе Румынии с 7 декабря 1917 г. по 28 июня 1940 г.

²⁸ По условиям мирного договора, подписанного 27 января (9 февраля) 1918 г., Центральная рада обязалась в течение полугода (до 31 июля 1918 г.) поставить Германии и Австро-Венгрии 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого веса рогатого скота, 400 млн штук яиц, сотни тысяч пудов сала, масла, сахара и других продуктов. Затем неоднократно подписывались соглашения о дополнительных поставках.

²⁹ 18 февраля 1918 г., после официального обращения Центральной рады к правительствам Германии и Австро-Венгрии с просьбой о помощи, германские войска вступили на территорию Украины. Операция была завершена в течение полутора месяцев.

³⁰ Конгресс партии украинских хлеборобов-земледельцев состоялся в Киеве 29 апреля 1918 г.

³¹ Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — генерал, военный и политический деятель; гетман Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 г.

³² Мирский имеет в виду Ивана Ильича Скоропадского (1646–1722), гетмана Войска Запорожского с 6 ноября 1708 г. П.П. Скоропадский был праправнуком его брата.

³³ Переговоры П.П. Скоропадского с П.Н. Красновым состоялись 21 октября 1918 г. на станции Скороходово в поезде гетмана.

³⁴ Келлер Федор Артурович (Августович) (1857–1918) — генерал от кавалерии, участник Русско-турецкой и Первой мировой войн, один из руководителей Белого движения на Юге России. 5 ноября 1918 г. был назначен главнокомандующим войсками на территории Украины с подчинением ему гражданских властей, однако уже через неделю, 13 ноября, снят с должности и назначен помощником нового главнокомандующего князя А.Н. Долгорукова. Подробнее см.: [Граф Келлер 2007].

³⁵ Долгоруков Александр Николаевич (1872–1948) — генерал-лейтенант, участник Русско-японской и Первой мировой войн. В ноябре–декабре 1918 г. заместитель командующего, затем главнокомандующий русскими добровольческими частями на Украине. После отречения от власти гетмана П.П. Скоропадского уехал в Германию.

³⁶ Директория Украинской Народной Республики была образована 14 ноября 1918 г. бывшими деятелями Центральной рады. Председателем Директории стал В.К. Винниченко (с 13 февраля 1919 г. С.В. Петлюра). Прекратила существование в ноябре 1920 г. после завершения польско-советской войны и подписания мирного договора между РСФСР, УССР и Польшей.

³⁷ 28 августа 1921 г. Н.И. Махно с остатками своего отряда перешел румынскую границу в районе Ямполья.

³⁸ Ф.А. Келлер отказался бежать в Германию и был убит петлюровцами 8 (21) декабря 1918 г.

³⁹ Раковский Христиан Георгиевич (наст. фам. Станчев; 1873–1941) — революционер, политический, государственный и дипломатический деятель. С января 1919 г. по июль 1923 г. председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел Украины.

⁴⁰ Трудовой конгресс в Киеве открылся 23 января 1919 г., наделил Директорию верховной властью и, в частности, ратифицировал Акт объединения Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики в единое украинское государство.

⁴¹ Французские войска, по договоренности Франции с Англией находившиеся в Одессе со 2 декабря 1918 г., были эвакуированы 4–6 апреля 1919 г.

⁴² Григорьев Николай Александрович (1885–1919) — офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1918 г. на Украине командовал ротой, затем полком, Херсонской дивизией, принял от Петлюры звание Атамана повстанческих войск. 18 февраля 1919 г. со своим отрядом перешел к красным, с апреля 1919 г. начальник 6-й Украинской советской дивизии. 9 мая 1919 г. поднял антибольшевистский мятеж, пытался объединиться с другими повстанческими отрядами, но во время переговоров 27 июля 1919 г. был убит махновцами.

⁴³ После разгрома петлюровцев частями ВСЮР в октябре 1919 г. Петлюра сделал ставку на военное сотрудничество с Польшей и 21 апреля 1920 г. заключил с ней договор о совместных действиях против советских войск (ценой Галиции и Волыни, отходивших по этому договору Польше). После того как РСФСР, УССР и Польша в марте 1921 г. подписали Рижский мирный договор, завершивший советско-польскую войну 1919–1921 гг., Петлюра эмигрировал в Польшу, организовывал военные рейды на территорию Украины, а когда советское правительство потребовало его выдачи, уехал в Венгрию, оттуда в Австрию, Швейцарию и с октября 1924 г. осел во Франции.

⁴⁴ Халлер Юзеф (Haller von Hallenburg; 1873–1960) — офицер австрийской армии, участник Первой мировой войны, польский генерал, в 1918–1919 гг. командующий армией (первоначально находившейся под французским контролем, а затем под контролем Польского национального комитета), в июне 1919 г. командовал Юго-Западным фронтом, во время советско-польской войны — Северным фронтом.

⁴⁵ Пилсудский Юзеф (Piłsudski; 1867–1935) — польский государственный и политический деятель, основатель польской армии, в 1918–1922 гг. начальник государства, затем начальник Генерального штаба, с 1926 г. военный министр и генеральный инспектор вооруженных сил, в 1926–1928 и 1930 гг. занимал также пост премьер-министра.

⁴⁶ Довбор-Мусницкий Иосиф (Юзеф) Романович (1867–1937) — офицер на русской службе, участник Русско-японской и Первой мировой войн, польский генерал брони (1920). В августе 1917 г. командующий I польским корпусом, командующий частями польских повстанцев во время Великопольского восстания.

⁴⁷ 2 января 1922 г. в Анкаре был подписан договор о дружбе и братстве между Украинской ССР и Турцией (от имени правительства УССР его подписал М.В. Фрунзе, а от имени правительства Великого национального собрания Турции Юсуф Кемаль-бей).

ЕВРАЗИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Революция поставила русских перед необходимостью ревизовать все свои до-революционные политические убеждения и ценности. Событие такого масштаба не могло оставить наше знание о природе вещей неизменным и вынуждает нас делать переоценку предшествующих событий. Трудно предположить, чтобы наши души были наделены пророческим даром и знали всё заранее, и, хотя бы на этом основании, отказываться от переосмысления наших идей, даже *si fractus illabatur orbis*¹. Однако это именно то, чем занято старшее поколение русских интеллектуалов. Их образ мыслей остался незатронутым — или, по крайней мере, неоплодотворенным — грандиозными событиями. Они держатся за свои старые политические ярлыки, и самое большое, что они могут сделать, это перейти от одного старого ярлыка к другому. Единственным результатом революции была во всей этой этикеточной мастерской замена вышедших из употребления умеренных ярлыков на более радикальные. Либералы и либеральные социалисты либо стали реакционными монархистами, либо склонили головы перед коммунизмом, которого они в большинстве своем не приняли сердцем, но от которого пассивно страдают как от стихийной силы, с которой невозможно бороться. Твердолобый либерализм столь редок, что верность его сторонников безнадежно проигранному делу не может не вызывать определенного уважения к этим «*impravid*»² философам. Но то, чего недостает русским интеллектуалам «после 1917 года» — это не поза неуязвимой гражданской добродетели в духе Катона, а мышление, способное быть творчески оплодотворенным самим ходом истории. Некоторые представители дореволюционных партий, в особенности из числа коммунистов, оказались способны к этому, и — по крайней мере, в практической деятельности — доказали своими поступками наличие здравого реалистического мировоззрения. Но эта деятельность остается связанной с закостенелой теорией, и вытекающее из этого противоречие между теорией и практикой неизбежно ведет их к политике, внешне напоминающей беспринципный оппортунизм. Долг пересмотреть запас политических и исторических идей русских интеллектуалов был до настоящего времени исполнен лишь одной группой — евразийцами.

Евразийское движение началось в 1921 г. в Софии, когда несколько эмигрантов-интеллектуалов обнаружили, что имеют сходные взгляды в некоторых жизненно важных пунктах общего и исторического мировоззрения. Это были князь Н.С. Трубецкой (сын покойного профессора кн. С. Трубецкого, ныне — преемник Ягича на посту главы кафедры славянской филологии в Венском университете), П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Г. Флоровский. Все они, за исключением последнего, остаются интеллектуальными и духовными вождями движения, центр которого переместился из Софии сначала в Берлин, а позднее — в Париж. К движению присоединились и другие выдающиеся люди, среди которых упомянем лишь профессора Л.П. Карсавина, человека старшего поколения (родился в 1882 г.), историка и философа исключительных дарований. Кн. Трубецкой еще в 1920 г. опубликовал брошюру под названием «Европа и человечество», в которой были ясно намечены многие идеи, создавшие евразийство. Это была горячая и блестя-

щая защита прав неевропейских цивилизаций против самонадеянности Европы, отождествляющей себя со всем человечеством и считающей свою цивилизацию высшей и единственной человеческой цивилизацией в целом. Первые идеи, объединившие евразийцев, были таковы: убеждение, что Россия не есть часть Европы, что европейская цивилизация чужда России, что Россия имеет свою собственную цивилизацию, что эта цивилизация была подавлена и заслонена двумя столетиями европеизированной (Phileuropean) монархии и что революция, которая хоть и была в своей сознательной воле страстным утверждением рожденного в Европе идеала безбожного коммунизма, в своей подсознательной сути была восстанием русских народных масс против власти европеизированного и изменнического высшего класса. Евразийцы представляли себе русскую цивилизацию как религиозную в своей основе и связанную нерасторжимыми узами с истинным христианством Православной Церкви, которую евразийцы противопоставляли романизированному, юридическому и рационалистическому христианству Европы. В своем отождествлении России и Православия и в неприятии романского начала евразийцы — подлинники наследники славянофилов. Но они отвергают другой славянофильский догмат, давший старшему движению его название: евразийцы видят мало общего между русским народом и западными славянами, которых они (продолжая в основном традицию Константина Леонтьева) считают немногим лучше, чем второсортными европейцами. Евразийцы подчеркивают связи России с Востоком, и именно от этой части своего учения они и получили свое имя.

Разумеется, говоря о русских евразийцах, нужно забыть любые ассоциации с евразийцами Индии и Цейлона. Последние являются результатом смешения европейской и азиатской крови; Евразия же в том смысле, который придали ему Савицкий и Трубецкой (определившие термин соответственно с географической и этнографической точек зрения), не есть *ни* Европа, *ни* Азия. Это «континент» сам по себе, расположенный на восток от Европы и на север от Азии, приблизительно совпадающий с бывшей границей Российской империи и, в еще большей степени, с нынешним СССР*. Русские географы (в особенности Ламанский) ранее уже использовали слово «Евразия», и концепция «континента», более или менее сосуществующего с «большой Россией», не нова для европейских географов, археологов и этнологов.

Название «евразийство» несколько чрезмерно подчеркнуло чисто географические и этнографические основы движения. Однако сколь бы важны они ни были, самыми важными они не являются. Взятые сами по себе, они просто доказывают чувство реальности у их авторов. Географы слишком хорошо знают, сколь искусственна и призрачна границы «Европы» и «Азии», как она показана на наших картах. Линия, проведенная от Мурманска до Галаца, со всеми многочисленными климатическими, ботаническими и культурными границами, более или менее совпадающими с ней, есть много более реальная граница, чем ни в чем не повинная невысокая гряда Уральских гор. Мало способствует прояснению карти-

---

* Использование евразийцами понятия «Евразия» призвано отличаться от принятого английскими и континентальными (*европейскими*) географами понятия, обозначающего «Европу и Азию». — Примеч. Д. Мирского.

ны и включение Сибири в Азию. Древние (по крайней мере, их величайший географ Эратосфен) помещали «Европу» на севере, а «Азию» — на западе, и считали Паропамисады и Иммаус³ (горный хребет, отклоняющийся на восток от Памира) северной границей Азии, объединяя, таким образом, Европу и Евразию евразийцев в один континент, но не делая различий между «европейской» и «азиатской» Скифиями. Итак, Евразию должно рассматривать как образование, отдельное и от Европы, и от Азии и образующее самостоятельную единицу. Характеристики, общие для всей Евразии, столь многочисленны, что есть много способов определить их, и выбранные границы будут отличаться между собой в деталях, в зависимости от того, что выбрано в качестве *principium divisionis*⁴. Климат и поверхность являются наиболее показательными характеристиками. Савицкий определяет Евразию как ту часть главного континентального массива Старого Света, где нормальная последовательность климатических зон, с севера на юг, в наименьшей степени нарушается не связанными с географической широтой факторами (морями или горами). Эта регулярность в последовательности зон находится в остром контрасте с чересполосной «региональной» структурой Европы. Теория зон была с исключительной убедительностью разработана основанной Докучаевым школой российских почвоведов. Савицкий называет структуру Евразии «флаговой»: зоны тундры, леса, степи и пустыни следуют на карте одна за другой сверху вниз как полосы на флаге. Каждая зона подразделяется с равной регулярностью на подзоны (например, степь делится на «луговую степь», «ковыльную степь» и «попынную степь»). Каждая зона и подзоны имеют свои характерные комплексы (complex) растений и свои характерные почвы. Каждая непрерывно простирается с запада на восток на протяжении десятков градусов долготы. Такой широтной регулярности зон не обнаружено более нигде в мире (за исключением, быть может, Западной Африки).

В сфере взаимоотношений между российской и европейской культурами евразийская идея также представляет собой дальнейшее утверждение возросшего чувства реальности. Различие в истории и культуре России и Европы — факт, совершенно очевидный любому беспристрастному уму, и может подвергаться сомнению лишь (более или менее) софистически. Ни один европеец никогда даже не сомневался в этом, и русское западничество обычно принимает форму неуверенного снобизма. С другой стороны, западные (и, в меньшей степени, южные) славяне — явные европейцы и, за исключением болгар, не имеют особого культурного родства с Россией. Революция — хотя ее вожди и являются решительными и радикальными западниками — вновь с исключительной силой выявила на практике разницу между Россией и Европой тем, что ужесточила отношения России с цивилизацией буржуазной Европы.

Евразийцы иногда избыточно подчеркивают сходство русских с народами Восточной Евразии. Но в политической сфере их ориентированный на Восток интерес также является лишь выражением возрожденного чувства реальности. История нерасторжимо связала Россию со степными народами, и любое будущее российское правительство должно будет поверяться способностью найти с ними понимание. С другой стороны, признавая отдельность России от Европы, евра-

зийцы отказались от любых видов российского империализма, смотрящего на Запад или в сторону моря. Евразийцы не оспаривают независимости Финляндии, Эстонии, Латвии или Литвы, которые являются не евразийскими, а европейскими «латинскими» нациями. Для континентально-ориентированного евразийца Константинополь и Средиземноморье не представляют интереса. Не одержим он и каким-либо желанием обладать незамерзающими портами в Азии, будь то в Желтом море или в Персидском заливе. В географическом смысле евразийская политика — это политика реалистическая, которая рассматривает границы Советского Союза как единственный театр для российской и евразийской деятельности.

Евразийцы полагают, что Евразия является как географическим, так и этнографическим единством. Это, быть может, наиболее уязвимый пункт в их теории, давший повод для наиболее резких возражений. Существует определенная разновидность русского интеллектуала, который возмущается, когда ему говорят, что он ближе к немытому татарину, чем к «Данте и Гёте». Несомненно, что евразийцы (не столько его руководители, сколько рядовые члены) особенно подчеркивали наши «туранские» черты. Истина, кажется, лежит где-то посередине между вульгарным европеизмом и вульгарным монголизмом. В антропологическом и культурном отношении существует постепенный переход от альпийской и скандинавской Европы к финно-уграм и урало-алтайцам Сибири. Переход от поляка к русскому столь же постепенен, как переход от русского к пермяку, а от пермяка — к вогулу. Конечно, экономические условия ответственны за глубокое различие между аграриями и кочевниками. Но не нужно забывать, что аграрии финны или турки Среднего Поволжья и Прикамья ничуть не меньше подобны русским, чем русские похожи на поляков или словаков. В любом случае, глубокое культурное различие между Россией и Польшей нельзя преуменьшать (и во все времена поляки были последними, кто это делал). Оно вызвано, в первую очередь, разницей в религии — глубоким различием латинской и греческой форм христианства, давших — соответственно — столь различные плоды для западных и восточных славян. Это религиозное различие, вслед за географическим, является опорой евразийской теории, и из этих двух важнейшее именно оно, поскольку связано с глубинными метафизическими основаниями движения.

Приверженность православию, вместе с резким неприятием римского католицизма, составляет ядро евразийской доктрины. В своей критике римского католичества (и произошедшего от него протестантизма) евразийцы в целом следуют за славянофилами. Особенно высоко евразийцы ценят Хомякова. Они осуждают юридический, римский, аналитический и потому рационалистический, индивидуалистический и морализирующий дух Рима (и Женевы, которая, в конце концов, всего лишь анти-Рим). Западный человек утерял способность думать «целостно», он не видит ничего, кроме логических абстракций. Его этика неизбежно деградирует до состояния казуистики, а его наука — до деструктивного анализа. Тот же дух рационализма находит выражение в юридических построениях римского права, в логических построениях Фомы Аквинского и в современной аналитической науке. В религиозной и духовной сферах он становится индивидуализмом, полностью усвоенным человеческой душой и не соприкасающимся со вселенной.

Этот дух уже очевиден у Тертуллиана и Августина и достигает своего расцвета в протестантизме — в жестоком августиновском протестантизме Кальвина, так же как и в оптимистическом не dogматическом протестантизме Эмерсона. Греческая теология никогда не была столь антропоцентрична, как латинская. Воспитанная в традициях платонизма, она мыслила Бога как Логос, одушевляющий и преобразующий космос, и человека как часть Космоса, причастника Логоса. Мир играл важную роль в православном видении, и никакая часть творения не находилась вне религиозной сферы. Это делает невозможным исключительно человеческое («антропоцентрическое») отношение к религии и предотвращает поглощение религии этикой. Это также устраняет индивидуализм, поскольку ни человек, ни Бог не воспринимаются как нечто отдельное от мира и друг от друга. Профессор Карсавин, ведущий в евразийстве богослов (и богослов подлинно александрийской утонченности, одаренный богатым воображением), со свойственной ему любовью к парадоксу, пошел даже столь далеко, чтобы утверждать, что «христианство не есть чисто теистическая религия, но смесь теизма и пантеизма».

На практике это отношение ведет евразийцев к некоему метафизическому «материализму», который рассматривает материю и «плоть» не как религиозно малозначащие явления, но как важнейшую сферу религиозной деятельности. Главной религиозной целью человечества становится «преобразование плоти» и материи в целом — идея, глубоко укорененная в православной традиции, особенно в том, как она выражена в Литургии. Рассматривая плоть и материю как материал для преобразования, а форму и организацию — как средства этого преобразования, евразийцы оказались в неожиданном согласии с большевистским материализмом, сколь бы ни были различны их метафизические основания. Что для большевиков покорение грубой природы, то для евразийцев — преобразование материи. Экономические достижения становятся религиозным делом, а ленинский план электрификации — возможным этапом в преобразении материи. «Мистика с практикой», практическая деятельность, направленная на материальные цели, но руководимая религиозной верой, провозглашена специально российским идеалом и основной мыслью грядущей эпохи.

Антииндивидуализм евразийцев имеет свои корни в том же метафизическом мировоззрении. Они рассматривают человека в его неразрывной связи с обществом и считают аморфное состояние, до которого либеральный индивидуализм и буржуазная экономика довели европейцев, абсолютным злом. Человек неразрывно связан с обществом, его личность органично связана с высшей «симфонической» личностью, частью которой он является и которая принадлежит к более высокому уровню реальности, чем человек сам по себе. Эти «симфонические» общности-личности могут быть различных уровней. Наиболее типичными являются нации или племена, а выше их всех — Церковь, в свою очередь являющаяся частью Космоса, который наиболее совершенным образом одушевлен Логосом. Теория «симфонической» личности наилучшим образом была разработана опять же профессором Карсавиным. Она имеет явное сходство с социализмом, но необходимо понимать, что их основания совершенно разные. Социализм — это (по крайней мере, исторически) развитие «препарирующего» индивидуализма латин-

ского Запада, и начинает он с *права* каждого индивидуума на свою роль в материальной вселенной. Евразийская же доктрина начинает с метафизического *факта* сущностного единства человека и общества и видит их окончательное единение в Абсолюте.

На первых этапах евразийцы искали свой симфонический идеал в прошлом. Они были склонны идеализировать Московскую Русь, которая отвечала образцу симфонической и внеличной религиозной цивилизации, в которой форма и сущность, обряд и догма, жизнь и вера были едины и неразличимы. Такая идеализация все еще привлекательна для рядовых участников движения и находит свое запоздалое выражение в некоторых недавних евразийских публикациях. Но руководители поняли, что Московия и империя монголов (которую временами тоже идеализировали) могли быть лишь частичными воплощениями симфонического идеала, но возврат в прошлое невозможен. Построение симфонического общества было отнесено в будущее и становилось все более и более неотделимым от возрастающего искреннего принятия революции.

Националистский элемент в евразийстве также идет на убыль. Поначалу движение было явно и выражено националистическим. Его эмоциональная привлекательность для эмигрантской и не-эмигрантской массы была обязана в основном ксенофобии, причиной которой стали интервенция союзников и опыт изгнания. Сегодня из националистической партии евразийцы быстро превращаются в интернационалистов. Ныне они настаивают на сущностно-федеративном и сверхнациональном характере Евразийской федерации, первым эскизом которой евразийцы видят Советский Союз. Идея Евразийского интернационала, еще не сформулированная, витает в воздухе. Некоторые евразийцы осознают, что глубокий кризис, схожий с тем, который переживает евразийство, происходит сейчас во всем западном мире. Он находит выражение, с одной стороны, в нынешнем кризисе научной философии (представленной такими мыслителями, как профессор Уайтхед⁵ и генерал Смэтс⁶) с ее разочарованием в чисто аналитическом и препарирующем знании. С другой стороны — в растущем разочаровании в этой предельной форме аморфного и изолирующего индивидуализма — парламентской демократии, которая не признает посредников между отдельным человеком и абстрактным государством. Европейский коммунизм и (в меньшей степени) фашизм явным образом ищут более органичное и внутренне прочное общественное устройство, в котором государство не было бы абстрактной, математической равнодействующей отдельных и разобщенных волеизъявлений избирателей, но союзом «симфонических» общностей, организованных в высшее единство общей верой.

Необходимость общества, подчиненного одной Идее, стала главным принципом евразийцев. Предлагаемой государственной системе они дали название «идеократия». Они представляют ее воплощаемой уникальной партией, объединенной одной идеей, но идеей, принятой симфонической личностью Народа. И снова коммунизм и фашизм должны рассматриваться здесь лишь как грубые приближения к идеальному идеократическому государству. Недостаточность фашизма лежит в принципиальной бесплодности его правящей идеи, которая

малосодержательна, если исключить простую волю к организации. Недостаточность коммунизма также находится в слишком очевидном противоречии между политикой, идеократической на практике, и материалистической философией, на которой она основывается и которая отрицает реальность идей и сводит всю историю лишь к череде неизбежностей.

То, что евразийство укоренено в «правой» традиции русской мысли, не вызывает сомнений. Но с самого начала они стремились быть «вне правых и левых». С самого начала они признали великую революцию как историческую необходимость, и, осуждая сознательную волю коммунистов, «восставших на Бога и Его Церковь», они распознали в подсознательной воле большевизма восстание русского духа, угнетенного двумя веками европеизированной монархии и бюрократии, освобождение от чужой ферулы. Но это освобождение евразийцы были склонны считать прелюдией к восстановлению чего-то наподобие Московского царства. «Православный Властелин» (поскольку в контексте английской Библии это более подходящее слово для обозначения русского царя (tsar), чем экзотическое «Tsar») был их далеким идеалом. В экономической политике они защищали идею «добраго хозяина». Они считали приемлемой советскую систему, но она должна была превратиться в нечто вроде группового представительства в московских парламентах. Что больше всего восхищало евразийцев в большевиках, так это их организаторский гений и их презрение к параферналиям либеральной демократии. Однопартийное правление удовлетворяло их потому, что, не будучи «демократическим», оно было «демотическим», то есть находилось в согласии с невыраженной, но очевидной «симфонической» волей народа.

Ныне все изменилось. Концепция «демотической» партийной диктатуры осталась. Но подчинение делу революции стало более чистосердечным и искренним. О «православном царстве» больше не говорят. Революция принята как восстание не только против европеизированной монархии, но и против несправедливой социальной системы. Идеал «социальной справедливости», со всеми подразумеваемыми смыслами, вышел на первый план. П.П. Сувчинский разработал концепцию «права на диктатуру», которое правящая партия приобретает, лишь служа идеалу социальной справедливости. Материалистическая философия коммунистов критикуется более сурово, чем их социальная политика, которая признается в целом допустимой, но испытывающей чрезмерное и вредное влияние марксистской теории и социалистического предрассудка. «Добрый хозяин» предан забвению, и ныне защищается экономическая политика, которая бы сочетала частное и государственное начала — главной задачей первого является стимулировать второе для большей успешности, посредством соревнования на равных условиях.

В практической политике евразийцы осуждают любую контрреволюционную деятельность, не говоря уже о политическом терроре или иностранной интервенции. Однако они не отказываются от пропаганды своих идей в СССР, и хватает свидетельств того, что эти идеи сочувственно принимаются внутри Союза все большим количеством людей.

Параллельно с этой евразийской эволюцией влево изменилась и тактика их врагов. Евразийцев, на которых вначале нападали как на реакционеров и средне-

вековых мракобесов, ныне осуждают как тайных большевиков и развратителей контрреволюционной чистоты юного эмигрантского поколения. В то время как Милюков учтив, а эсеры лишены предубеждений, монархисты всех цветов и оттенков (вместе с бывшими социалистами, сторонниками интервенции) выбрали евразийцев главным объектом нападок. Евразийцы не отвечают. У них нет ежедневного, еженедельного и даже ежемесячного издания, и они предпочитают доверять времени, которое медленно, но неизбежно евразийрует (*Eurasianising*) русское мышление и на родине, и в изгнании.

Опубл.: *Mirsky D.S. The Eurasian Movement // The Slavonic Review. 1927 (December). Vol. 6, № 17. P. 311–320; перепеч.: [Mirsky 1989, p. 237–245].*

¹ Строки Горация, ставшие латинским выражением: «*Si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae* / Рухни хоть само небо, это убьет, но не испугает его» (Гораций. Оды. III. 3, 7–8). В переводе Н. Гинцбурга: «Пусть свод небес, распавшись, рухнет — Чуждого страха сразят обломки».

² Бесстрашные (*лат.*).

³ Иммаус — древнее название горного хребта Болор, или Белур-Таг. Поверхность Памира опирается со всех сторон, кроме востока, на снежные бока меридианного хребта Болора, или Белур-Тага (Иммаус древних. Белур-Таг значит: Хрустальные горы), связывающего между собою три параллельные с экватором цепи гор тибетской системы: Гималая, Кхун-Лун и Тхан-Шан.

⁴ Принцип разделения (*лат.*).

⁵ Альфред Норт Уайтхед (*Whitehead*; 1861–1947) — британский математик, логик, философ. Профессор Лондонского (1914–1924), затем Гарвардского (1925–1937) университетов. Создатель собственного платонического учения с элементами бергсонизма («философия процесса»).

⁶ Ян Христиан Сметс (*Smuts*; 1870–1950) — южноафриканский государственный и военный деятель, премьер-министр Южно-Африканского Союза в 1919–1924 и 1939–1948 гг. Генерал (с 1941 г. фельдмаршал), командующий британской армией в Восточной Африке. Философ, один из основателей холизма.

Перевод с английского и вступительная статья М.В. Ефимова

Примечания О.А. Коростелева

К 120-летию со дня рождения
Д.И. Чижевского
(1894–1977)

*Дмитрий Чижевский. Прага. Около 1932 г.
Фотография из собрания В. Кортхаазе*

М.А. Васильева

ДМИТРИЙ ЧИЖЕВСКИЙ И ЕГО ЮБИЛЕИ
В ДОМЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В 2014 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося русско-украинского философа, историка, литературоведа Дмитрия Ивановича Чижевского (23.03.1894, Александрия — 18.04.1977, Гейдельберг). В 1921 г. он эмигрировал из России и большую часть жизни провел в Германии, однако не столь длительное его пребывание в Чехословакии и США оставило заметный след в научной жизни этих стран. В эмиграции Чижевский оказал немалое влияние на развитие западной славистики, оказавшись в ряду ее «первых лиц», — таких как Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой, М.Р. Фасмер и др. В Чехословакии — участник Пражского лингвистического кружка, Семинария по изучению творчества Достоевского, член правления и ученый секретарь Русского философского общества, преподаватель в Украинском педагогическом институте и Украинском свободном университете; в Германии — основатель Семинара славистики Марбургского университета и Галльского центра славистики, преподаватель в Галльском, Гейдельбергском, Франкфуртском и Кёльнском университетах; в США — активный участник нью-йоркского филиала Украинской свободной академии наук и преподаватель Гарвардского университета — вот лишь неполный «послужной список» этого гуманитария-энциклопедиста. Неудивительно, что к его 60-летию в Берлине вышел объемный «Festschrift», в котором приняли участие коллеги со всего мира (Festschrift für Dmytro Tschizewskij zum 60. Geburtstag am 23 März 1954. Berlin, 1954). Подобным же изданием научная общественность встретила и 70-летие Чижевского (Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966). Отдельная страница биографии Чижевского — его интерес к немецкой философии (в Германии он посещал лекции Карла Ясперса, его учителями были Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер, Рихард Кронер). Как представитель «другой России» ученый внес существенный вклад в изучение российско- и украинско-немецких культурных связей, а его фундаментальный труд «Гегель в России» (1939) навсегда вошел в золотой фонд философской мысли российского зарубежья. Отличительная черта мировидения Чижевского — интерес к глубинному пересечению разных культур, к их взаимовлиянию и диалогу, и эта особенность концепций универсального ученого делает их необычайно актуальными и востребованными именно в наши дни.

Сегодня Д.И. Чижевский — одно из наиболее привлекательных имен для современных исследователей, интересующихся идеями гуманитарной науки XX в.

*Дмитрий Чижевский. Галле. Около 1934 г.
Фотография из собрания В. Кортхаазе*

За рубежом его научное наследие последовательно вводится в научный оборот благодаря публикациям, монографиям и международным конференциям. Между тем для широкого российского читателя он до сих пор остается неузнанным феноменом, «неизвестной страницей». Бóльшая часть его программных трудов, посвященных Я.А. Коменскому, Г. Сковороде, немецкой философии и русской классической литературе, пока еще не опубликована в России, его архивное наследие разрабатывается у нас в стране благодаря усилиям нескольких подвижников-энтузиастов, причем наиболее значимая в России публикация архивных материалов состоялась благодаря инициативе Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына и издательства «Русский путь» [Чижевский 2007].

Еще одним издательским проектом Дома стало переиздание пражских сборников «О Достоевском» под редакцией А.Л. Бема [Вокруг Достоевского 2007] и как следствие — возвращение трудов Чижевского в контексте достоевистики русского зарубежья. В 2009 г. в Доме русского зарубежья были организованы круглый стол и выставка «Д.И. Чижевский: возвращение имени. К 115-летию со дня рождения ученого». В 2013 г., в преддверии юбилея, в рамках постоянного семинара «Русское зарубежье: Неизвестные страницы» состоялся международный научный семинар «Роман Якобсон, Дмитрий Чижевский и пути становления филологии русского зарубежья: поиски, диалоги, конфликты», в котором приняли участие российские и зарубежные исследователи: Владимир Янцен (Галле/Заале), Евгений Пшеничный (Дрогобич), Роман Мних (Седльце, Польша), Ирина Валявко (Киев),

Участники круглого стола «Д.И. Чижевский: возвращение имени.

К 115-летию со дня рождения ученого»

Роман Мних, Олег Ермишин, Мария Васильева, Евгений Пшеничный, Владимир Янцен.

Москва, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 31 марта 2009 г.

*Международный научный семинар «Роман Яacobсон, Дмитрий Чижевский
и пути становления филологии русского зарубежья: поиски, диалоги, конфликты».*

Москва, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 18 октября 2013 г.

Мария Васильева (Москва), Данута Шимоник (Седльце), Томаш Гланц (Берлин), Александра Тоичкина (Санкт-Петербург) и Оксана Блашкив (Седльце). Публикуемый ниже блок статей тематически во многом пересекается с докладами, озвученными на этом семинаре, и отчасти воспроизводит основные исследовательские направления становящегося чижевсковедения.

Литература

- Вокруг Достоевского 2007 — Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сб. статей / под ред. А.Л. Бема; сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. 576 с.
- Чижевский 2007 — *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007. 848 с.

В. Янцен

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ И ПАРАДОКСАХ ЧИЖЕВСКОВЕДЕНИЯ

В последнее двадцатилетие большое внимание в международных исследованиях истории украинской науки и философии уделяется преодолению дефицитов знания, связанных с более чем полувековым разрывом единых традиций отечественной культуры на «официальную» и «неофициальную», «легальную» и «нелегальную», «революционную» и «контрреволюционную», «советскую» и «эмигрантскую». В ходе этих исследований постепенно возвращаются на родину незаслуженно табуизированные и забытые имена великих отечественных ученых, обезличенная история наук персонифицируется, складываются ее новые разделы, задача которых — изучение научного наследия русской и украинской эмиграции. Одним из таких разделов истории науки является исследование биографии и творчества Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977), обычно называемое чижевсковедением. И хотя это направление исследований находится пока только в состоянии становления, не лишним будет отдать себе отчет в том, до какой ступени развития оно сейчас дошло, какие проблемы и парадоксы в нем накопились и какие попытки их разрешения могли бы рассматриваться как приоритетные.

Если начать с парадоксов, то одним из основных парадоксов современного чижевсковедения, на мой взгляд, является амбивалентность оценок и смешанность временных перспектив восприятия личности и творчества Д.И. Чижевского. В одно и то же время — 1990-е — начало 2000-х гг. — Чижевский для одних (в основном для исследователей из стран бывшего СССР) уже стал классиком эмигрантской философии и славистики и как бы принадлежит к классическому прошлому, о котором можно судить с достаточной объективностью и дистанцией, в то время как для круга его друзей, учеников и знакомых на Западе, а также для ряда западных исследователей он до сих пор современник (друг или враг, учитель или оппонент, наконец, автор все еще находящихся в употреблении учебников и т. д.), подлинное значение наследия которого еще далеко не выяснено.

К сожалению, эта амбивалентность сказывается как на отношении к личности, так и на перспективах сохранности и исследования наследия Чижевского, находящегося сегодня в основном в Германии и в Америке. Исследователям, работавшим в личных архивах Чижевского в Галле и в Гейдельберге, сразу же бросается в глаза, что к его наследию относятся там отнюдь не как к классическому. В общей сложности четыре официальные попытки разбора личного архива Чи-

жевского работниками Гейдельбергской университетской библиотеки при значительных материальных затратах дали довольно скромный, чтобы не сказать жалкий результат. Это наследие сегодня, правда, доступно для исследователей и в самом общем виде упорядочено в нескольких рубриках, но до сих пор не каталогизировано и находится в таком состоянии, что каждый новый исследователь вынужден начинать работу над ним заново и, даже найдя однажды какой-то важный документ или источник, во второй раз может найти его лишь с очень большим трудом. Только благодаря личной инициативе киевской исследовательницы Ирины Валявко и бывшего сотрудника немецкого издательства Вильгельма Финка (Wilhelm Fink Verlag) Винцента Зивекинга (Sieveking; Штутгарт) в последние годы была проведена важная работа по упорядочиванию самой обширной рубрики этого архива: рубрики переписки. Ирина Валявко составила каталог всех корреспондентов Чижевского, а Винцент Зивекинг, работая с этим каталогом и отчасти уточняя его, упорядочил саму переписку, так что отныне, интересуясь письмами каких-то конкретных корреспондентов Чижевского послевоенного периода, в Гейдельберге можно будет без проблем заказывать именно их, не выискивая среди сотен писем иных корреспондентов. Как ни важен этот результат, все же симптоматично в нем то, что достигнут он благодаря личной инициативе исследователей, а не официальных хранителей наследия Чижевского.

Здесь уместно будет сказать и о некоторых печальных последствиях нынешней недооценки наследия Чижевского в Германии.

Только профессиональной некомпетентностью и непониманием значения наследия Чижевского для мировой философии и славистики можно объяснить такую катастрофу для чижевсковедения, как распродажа в Гейдельберге в конце 2003 г. значительной части его архива (всей коллекции отдельных оттисков, принадлежавшей Чижевскому, всего около 3000 единиц: это было богатейшее собрание как его собственных статей, так и статей его коллег, друзей и знакомых, в основном с дарственными надписями, сохранившими существенную биографическую информацию о его личных и научных связях) и около 6000 томов его гейдельбергской личной библиотеки.

Такое же отношение к наследию Чижевского характерно в целом и для Галле (с тем отличием, что галльским славистам всё же удалось создать хотя и неполный, но достаточно подробный каталог первой части его личной библиотеки): личный архив Чижевского за 1921–1945 гг. там до сих пор не каталогизирован и к нему все еще нет официального доступа. Мои многочисленные попытки сдвинуть это дело с мертвой точки, а также попытки спасти от распыления и приобрести для Галле проданную в Гейдельберге частному букинисту коллекцию оттисков и часть библиотеки Чижевского успехом не увенчались. У университетской библиотеки в Галле на приобретение этих фондов просто не оказалось средств. Поэтому гейдельбергская коллекция отдельных оттисков, принадлежавшая Чижевскому, и около 1000 томов славянских изданий его библиотеки были приобретены мной и пока хранятся в моем частном собрании эмигрантики в г. Галле.

Следует также отметить, что недавно в университетский архив в Гейдельберге поступили интересные новые материалы Чижевского:

1) около 400 его биографически важных писем ученице Гуссерля Фердинанде Гоманн (Homann) за 1924–1944 гг.;

2) одна из версий его немецкой книги о Сковороде;

3) проспекты различных конференций, в которых он принимал участие, а также тексты нескольких его докладов.

Все эти материалы переданы в университетский архив их бывшим хранителем, знакомым Чижевского, историком Дитрихом Донатом (Donat; 1927–2006). К сожалению, они оказались переданными в университетский архив с условием открытия к ним доступа только с 2010 г. Это ограничение было обосновано Донатом тем, что у Чижевского в Гейдельберге все еще достаточно много недоброжелателей, и поэтому его сугубо личные письма к близкой ему женщине не должны способствовать таким настроениям. Но, как известно, недоброжелатели (уже по своему определению!) не особенно интересуются наследием, а тем более перепиской Чижевского. Исследователей же это ограничение лишило возможности получения аутентичных свидетельств о жизни Чижевского в 1920–1940-е гг., ознакомления с его непосредственными откликами на те или иные события философской жизни Фрейбурга и особенно на выход произведений Гуссерля и Хайдеггера.

Один из парадоксов современного чижевсковедения состоит не в том, что не хватает источников о жизни и творчестве Чижевского, а в том, что еще слишком много неосвоенных источников, т. к. его личный архив и даже личная библиотека сохранились почти полностью. Но связи между чижевсковедением и освоением личных архивов Чижевского пока еще очень слабы. Этот факт может создать опасную иллюзию, что в личных архивах Чижевского в Галле и в Гейдельберге собрано все его наследие и исследователям осталось эти собрания только обработать... Однако с полной ответственностью могу заявить, что собрано далеко не все, и что если сегодня не обратить внимание на явные пробелы в личных архивах Чижевского в Германии, то завтра эти пробелы уже будет невозможно восполнить. Речь идет прежде всего о самой обширной и биографически наиболее интересной части наследия Чижевского — его письмах, которые он написал за свою жизнь десятки тысяч (а в его личных архивах их машинописных копий сохранилось всего 200–300). Нет в этих архивах и воспоминаний о Чижевском. Нет в них и некоторых рукописей его лекций и докладов, на основе которых потом, как правило, создавались статьи или книги. Но ведь некоторые из этих докладов и лекций так и остались неопубликованными и неизвестными.

Затрагивая тему «неизвестный Чижевский», хотелось бы обратить внимание прежде всего на источники, которые могли бы существенно повлиять на изменение образа ученого и наше представление о значении его наследия. Здесь собственно теоретические размышления должны идти рука об руку с пониманием трагического характера его биографии, прослеживающегося как в личном плане, так и в том, что значительная часть его работ, и особенно работ философских, при жизни осталась невостребованной. Конечно, в этом трагедия не одного Чижевского, а всей эмигрантской философии. Но закрывать глаза на этот факт, ссылаясь на успехи Чижевского-слависта, вряд ли уместно. Не все было благополучно и с публикацией работ Чижевского-слависта. В качестве примера можно приве-

сти, скажем, совместную книгу, которую в начале 1950-х гг. собирались писать Роман Якобсон и Чижевский («Славянская литература раннего средневековья» или «Древнецерковнославянская литература»). По счастливой случайности в приобретенном мной несколько лет назад в США личном архиве гарвардской ученицы Чижевского Зои Осиповны Юрьевой (урожд. Микуловской; 1922–2000) сохранился как общий план этой работы с распределением предполагавшегося авторства глав, так и почти полная машинопись ее части, написанной Чижевским на основе лекций, которые он читал в Галле и в Гарвардском университете («История церковнославянской литературы»).

Не менее интересны и источники, которые можно было бы отнести к рубрике «Нереализованные или лишь отчасти реализованные творческие замыслы». К ней относится множество материалов, хранящихся ныне в Галле: например, неоконченная магистерская философская диссертация Чижевского «О формализме в этике», его статьи «Проблема конкретности в современной философии» и «Метафизика пространства и времени», показывающие абсолютную беспочвенность разговоров о том, был ли Чижевский вообще философом или только историком мысли (ср. воспоминания Х.-Г. Гадамера и В.В. Зеньковского; вряд ли стоит напоминать о том, что, не будучи философом, нельзя быть и полноценным историком философии и мысли).

Из-за отсутствия достаточно достоверных работ о корпусе сочинений Чижевского и их содержательной взаимосвязи между собой (нет даже полной библиографии его печатных трудов, не говоря уже о работах ненапечатанных и незавершенных) в обзорах творчества ученого, естественно, мало обращается внимания на изображение развития его идей. Мы находимся пока еще на стадии чисто позитивистского сбора материала, его перечисления, а то и просто названия и только начинаем подходить к какой-то его классификации.

Наиболее четко это проявляется, например, во все еще общепринятом подходе к периодизации творчества Чижевского. Применяется здесь чисто биографический, а точнее — географический (т. е. наименее всего приемлемый для классификации научного творчества) принцип, выводимый не из содержания и понимания специфики развития творчества, а из довольно внешних для творчества обстоятельств: перемены мест жительства или мест работы ученого. Вопрос о том, совпадают ли периоды биографии с периодами творчества, обычно и не ставят. Но поскольку речь идет о периодизации творчества, то этот вопрос должен быть поставлен и разрешиться он может только отрицательно. В самом деле, какое содержание мы можем придать периодизации творчества разделением его на киевский, гейдельбергско-фрейбургский, пражский, галльский, марбургский, гарвардский и снова гейдельбергский периоды? Абсолютно никакого, кроме фиксации чисто внешнего и случайного для творческого процесса факта... Ведь такого же рода «периоды» были и в творчестве сотен других ученых, ровно ничего о специфике творчества Д.И. Чижевского не говорящих. Бессодержательность биографического принципа для классификации и периодизации творчества становится еще очевидней, если за ее основу взять, например, не места жительства и работы, а развитие академической карьеры или приобретение ученых степеней

или даже кулинарные пристрастия ученого в то или иное время... Все это к содержанию творчества имеет очень отдаленное отношение! Единственно верным критерием периодизации творчества может быть только развитие его содержания, и только из него она и должна выводиться.

«Многосторонность» Чижевского, о которой часто с восхищением упоминают близко знавшие его люди, состояла не только в многогранности и интердисциплинарности его научных интересов, но и в разнообразии и богатстве его личных контактов. Поэтому публикация переписки Чижевского представляется мне вообще одним из самых перспективных направлений изучения его биографии и личных контактов. Это изучение Е. Пшеничный и я уже начали публикацией в первом дрогобычском сборнике переписки Д.И. Чижевского и В.И. Симовича. Некоторые свои публикации в русских изданиях я посвятил переписке и контактам Чижевского с С.Л. Франком, Е.Д. Шором, Г.Г. Шпетом, Н.А. Бердяевым, Б.В. Яковенко, Ф. Либом, Г.В. Флоровским и В.И. Вернадским. Конечно, число таких чрезвычайно интересных для истории мысли персонифицированных параллелей можно было бы значительно умножить: Х.-Г. Гадамер, Э. Гуссерль, С.И. Гессен, Г.Д. Гурвич, Д.И. Дорошенко, Р. Ингарден, М.М. Карпович, А.В. Койре, Я. Паточка, Ф.А. Степун, П.В. Феденко, Г.П. Федотов, А.В. Флоровский, Р.О. Якобсон, чешские комениологи, редакторы различных журналов, владельцы издательств и десятки других представителей интеллектуальной элиты разных стран. Но в принципе мы уже сегодня вправе поставить перед собой задачу сбора, подготовки и публикации не только избранной переписки (чем сейчас, в частности, занимается в Гарвардском университете Г. Грабович, ограничивший ее 100 письмами), но и академического издания переписки Чижевского, без которого любая его научная биография окажется неполной.

Необходимо отметить, что собранные нами мемуары, юбилейные статьи и некрологи о Чижевском почти все посвящены последнему периоду его жизни и творчества. Поэтому одним из перспективных и важных направлений чижевсковедения является анализ текстов и переписки раннего и зрелого Чижевского 1920–1940-х гг. Именно там предстоят наиболее неожиданные, причем не только биографические, но и теоретические открытия: например, уточнение генезиса и структуры творчества ученого, предполагающее включение в него и истории Церкви. Только объективно изучив эти тексты, мы избежим и излишней «памятниковости» образа Чижевского, и герменевтически ложной его модернизации.

Одним из методологических принципов изучения биографии Чижевского как единства (а не нескольких относительно самостоятельных жизней), связанных с изменением не только мест жительства, занятий и специализаций, но и характера ученого, является постоянное присутствие трагического элемента в этой жизни и воистину стоических попыток его преодоления и положительного преобразования в творчестве. Именно способность в невероятно мрачных и подчас совершенно безнадежных ситуациях сохранить верность гуманистическим идеалам и раз и навсегда избранному профессиональному пути делает личность Чижевского столь привлекательной для нас сегодня. Но мы мало что поймем в его творчестве, если будем заниматься только поиском его «теорети-

ческих источников». Конечно, нельзя и без этого. Но как смыслообразующая константа в нем более важна именно «энергия отталкивания»: полемика и полемический контекст этого творчества. Если бы нужно было дать краткое определение творчеству Чижевского, то его можно было бы назвать «творчеством вопреки»: вопреки не востребованности украинской и русской мысли за границей, вопреки равнодушию издателей и коллег, вопреки преследованиям нацистов и постоянным унижениям, которым он подвергался разного рода бюрократическими учреждениями «от науки». Тем самым тема «Pro et contra» должна занять достойное место в чижевсковедении.

Развитие чижевсковедения связано с переизданием и переводом на различные языки известных и неизвестных трудов ученого. Необходимость переводов обусловлена тем, что довольно много его трудов было опубликовано на немецком и английском языках, и поэтому современные переводы их на русский и украинский являются необходимым условием для введения их в научный оборот на родине ученого. Отчасти эта задача уже решена. Но уровень, на котором она выполнена, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Один из странных парадоксов этой важнейшей отрасли чижевсковедения состоит в том, что при переиздании и переводах трудов ученого почти совершенно не учитываются новейшие результаты исследований его биографии, творчества и архивного наследия. По какой-то совершенно необъяснимой сегодня инерции боязни самостоятельной мысли, идущей еще из советских времен, его труды вводятся в научный оборот в виде некомментируемых переводов и просто републикаций, к которым в XXI в., конечно, нельзя относиться иначе, как к недопустимой халтуре и неуважению к памяти отечественного мыслителя. Ведь в том, как мы издаем своих классиков, проявляется наше собственное лицо: наличие или отсутствие собственных вопросов к ним, способность или неспособность, желание или нежелание их понимания. Имея сравнительно легкую возможность использования всей полноты информации, содержащейся не только в личном архиве Д.И. Чижевского, но и в многочисленных архивах его коллег, учеников и современников («архив эпохи») и в стихийно сложившемся за последние десятилетия мощном потенциале чижевсковедения, располагая новейшей техникой обработки этой ценнейшей информации, мы почему-то этого не делаем. Но интеллектуальная лень — плохой советчик при переиздании классики. Если уж мы признаем Чижевского одним из классиков украинской и русской философской, историко-церковной и литературоведческой мысли, то и эдидиционные принципы переиздания его трудов на родине должны быть строго академическими: учитывающими различные их варианты и редакции и требующими хотя бы элементарного реального комментария.

При изучении трудов Д.И. Чижевского неизбежно возникает вопрос о национальной принадлежности его наследия. И в этом вопросе до сих пор много досадной путаницы. Даже если положить в основу его решения такой чисто формальный критерий, как национальное происхождение и воспитание ученого, он решается двояко: Чижевский происходил из украинско-русской семьи. Если же отталкиваться от его родного языка, то таким языком для Чижевского был русский. Украинским, чешским, немецким, а тем более английским языками он не

владел в совершенстве. И это необходимо учитывать при переводе его наследия на украинский и русский языки. Национальные темы всегда сложны и эмоционально окрашены. Еще более усложняются они, будучи отягощенными национальными амбициями и политической демагогией, на которые чижевсковедам вряд ли стоило бы обращать внимание. Для людей смешанной национальности или людей, работавших над духовными влияниями и связями различных национальных культур не на родине, а в эмиграции и тем самым принимавших участие в процессах развития культуры не только своей собственной страны, но и стран, принявших и признавших их во времена изгнания и преследования на родине, атрибуция однозначной принадлежности их творчества к определенной национальной культуре кажется вопросом почти неразрешимым.

Но чисто теоретически никакой сложности в нем нет. Сам Чижевский в своих «Нарисах з історії філософії на Україні» (1931), перечисляя обычные критерии отнесения той или иной философской системы к отдельной национальной культуре наряду с происхождением, воспитанием и языком, называет еще «участие в национальном движении» и благодаря этому критерию включает в «украинскую философию» не только многих реально участвовавших в ее развитии «иноплеменников», но и «соплеменников», писавших исключительно на других языках. Думается, что тот же критерий может быть применен и к его собственному творчеству. Да будет позволено мне для тех, кто еще сомневается в правомерности многоплановой национальной атрибуции наследия Чижевского, привести цитату из его письма к польско-американскому литературоведу Вацлаву Ледницкому: «...То, что я писал об украинцах и поляках, мне приходилось наблюдать очень часто — и, вероятно, видеть объективнее, чем большинство моих земляков видит сейчас. Предпосылка моей объективности та, что я “страдаю” (?) полной атрофией национального чувства, которое заменено уважением ко всякой культуре, кто бы ни был ее носителем. Этой “болезнью”, впрочем, страдал уже Шиллер, по собственному признанию, как и многие его земляки в начале 19 в. (между ними и Гегель и Гёте). Но большинство “излечилось” после 1814–5 г., многие не сразу: Гегель только к 1820 г., а Гёте, кажется, никогда»¹.

Чижевский обладал удивительной способностью интегрироваться в национальные особенности культуры тех стран, в которых он жил, и в стратегические задачи тех учебных заведений, в которых преподавал, рассматривая их проблематику как «свою»: не «извне», а «изнутри». Иначе такие его тексты, как «Славистическая безграмотность в немецкой науке» (1929), «Сущность и задачи чехословацкой философии» (1936), «Письмо Т. Манну» (1945), «Положение и задачи славистики в ФРГ» (1963), воспринимались бы как не совсем тактичное вторжение «чужака» в чисто внутренние национальные проблемы. Если отвлечься от политики и конъюнктуры, глубоко чуждых подходу Чижевского к национальным вопросам, и сконцентрироваться на его участии в исследовании различных национальных культур, на его вкладе в развитие этих исследований, то вполне можно говорить о Чижевском как об «украинском», «русском», «чешском», «словацком»,

---

¹ См.: Черновик письма Д.И. Чижевского от 5 апреля 1955 г. из Кембриджа // Tschì, Heid. Hs. 3881. Abt. C // Nicht identifizierte Adressate.

«немецком» и даже «американском» ученом. И для каждой из названных национальных культур — немалая честь, что такой энциклопедист и ученый всемирно значимого уровня, как Чижевский, посвятил какую-то часть своих трудов проблемам этих отдельных национальных культур.

В заключение хотелось бы сделать попутное замечание об относительности понятий «научный центр» и «научная периферия», или «научная провинция». При сегодняшних возможностях современных средств информации и коммуникации эти понятия совершенно устарели, потеряв свой первоначальный географический смысл: можно жить в столицах и быть «духовным провинциалом», т. е. не знать состояния и уровня науки в какой-то конкретной области исследования или даже просто быть некомпетентным в своей профессии, и можно жить и работать в провинции, но в духовном отношении быть вполне на уровне мировых стандартов и требований. С этой точки зрения прекрасную возможность стать центрами мирового чижевсковедения имеют не только столицы, в то время как знаменитый научными традициями Гейдельберг в отношении к наследию Чижевского, к сожалению, оказался настоящим «духовным и интеллектуальным захолустьем», и ему надо всячески помогать из этого состояния выбраться.

Все цивилизованные народы в определенный отрезок своего существования порождают ограниченное число культурных деятелей высшего ранга, своего рода «культурной и интеллектуальной элиты», продукты деятельности которой представляют их лицо. И каждое государство обычно заинтересовано в сохранении, изучении и пропаганде собственного культурного наследия, так как от степени его освоенности зависит культурный уровень будущих поколений, а его утрата неизбежно ведет к возникновению пробелов в национальной памяти, понижению уровня отечественной культуры и считается ее трагедией. Такие трагедии могут случиться с каждым народом. Но совершенно непростительно, когда трагедия забвения национального наследия продолжается в периоды мирного и относительно нормального существования.

Чижевский является несомненным представителем как украинской, так и русской культурной и интеллектуальной элиты XX в. Так как он внес значительный вклад и в европейскую культуру в целом, то сегодня назрела задача создания Международного общества имени Д.И. Чижевского.

Литература

- Бердяев 2007 — *Бердяев Н.А.* Письмо Д.И. Чижевскому / публ. В. Янцена // Новый журнал. Галле; Нью-Йорк, 2007. Март. Кн. 246. С. 212–216.
- Гадамер 2007 — *Гадамер Х.-Г.* Воспоминания о Чижевском // *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007. С. 281.
- Зеньковский 2007 — *Зеньковский В.В.* Встречи в Киеве. Дмитрий Иванович Чижевский // *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977) / сост.,

- вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007. С. 243–245.
- Магидова, Янцен 2007 — *Магидова М., Янцен В. Д.И.* Чижевский: Письма А.Л. Бему (1925–1932). А.Л. Бем: Письмо Д.И. Чижевскому (1930) // *Rossica*. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2007. С. 67–96.
- Послевоенная переписка Д.И. Чижевского и С.Л. Франка 2006 — Послевоенная переписка Д.И. Чижевского и С.Л. Франка / публ., подгот. текста и примеч. В.В. Янцена // *Русский Берлин (1920–1945): Междунар. науч. конф. 16–18 декабря 2002 г. / сост. М.А. Васильева, Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006. С. 336–354.*
- Пшеничний, Янцен 2003 — *Пшеничний Є., Янцен В.* Листування Дмитра Чижевського з Василем Сімовичем // *Славістика. Т. 1: Дмитро Чижевський і світова славістика / ред. Р. Мних, Є. Пшеничний. Дрогобич, 2003. С. 251–330.*
- Франк 2006 — *Франк С.Л.* Письма к Д.И. Чижевскому (1932–1937) / публ., подгот. текста и примеч. В.В. Янцена // *Русский Берлин (1920–1945)... С. 327–335.*
- Чижевский 2007 — *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007.
- Чижевський 2005 — *Чижевський Д.* Філософські твори: у 4 т. / під заг. ред. В. Лісового. К.: Смолоскип, 2005.
- Янцен 2003 — *Янцен В.В.* Неизвестное письмо Б.В. Яковенко к Д.И. Чижевскому: к истории одного скандала // *Славістика. 2003. Т. 1. С. 331–334.*
- Янцен 2003а — *Янцен В.В.*, публ. > Письмо Д.И. Чижевского Томасу Манну // *Зап. Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2003. С. 305–321.*
- Янцен 2004 — *Янцен В.В.* Неизвестное письмо Б.В. Яковенко к Д.И. Чижевскому (1934): к истории одного философского скандала // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2003 [6] / под ред. М.А. Колерова. М.: Три квадрата, 2004. С. 605–608.*
- Янцен 2006 — *Янцен В.В. Д.И. Чижевский, Е.Д. Шор и Г.Г. Шпет // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания / под ред. В.А. Лекторского и др. М.: Языки слав. культур, 2006. С. 357–352.*
- Янцен 2006а — *Янцен В.В.* Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932–1937, 1947 гг.) // *Русский Берлин (1920–1945)... С. 304–326.*
- Янцен 2008 — *Янцен В.В.* Неизвестный Чижевский: Обзор неопубликованных трудов. СПб.: РХГА, 2008.
- Čyževs'kyj 1929 — *Čyževs'kyj D.* Slavistische Umbildung in der deutschen Wissenschaft // *Slavische Rundschau. Prag, 1929. Jg. 1. Nr. 1–2. S. 58–62.*
- Čyževs'kyj 1936 — *Čyževs'kyj D.* Wesen und Aufgaben der tschechoslovakischen Philosophiegeschichte // *Slavische Rundschau. Prag, 1936. Jg. 8. Nr. 1. S. 13–22; Jg. 8. Nr. 2. S. 68–80.*
- Tschizewskij 1963 — *Tschizewskij D.* Die Lage und die Aufgaben der Slavistik in der Bundesrepublik Deutschland // *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. Braunschweig, 1963. Bd. 200. H. 1. S. 36–52.*

Р. Мних

ФИЛОСОФ ДМИТРИЙ ЧИЖЕВСКИЙ

(полемиические заметки)

Настоящие заметки о философском творчестве Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977) — прежде всего повод к общим размышлениям, касающимся наследия этого удивительного ученого, а вместе с тем — повод к рефлексии о том, что представляет собой сегодня гуманитарное знание / гуманитарные науки как таковое / таковые. Нужны ли сейчас гуманитарные знания, и если нужны, то в каком объеме? И совершенно особый вопрос — в каком объеме и какие знания из тех наук (от астрономии до политики, философии, литературоведения, компаративистики), которыми занимался Дмитрий Чижевский, сегодня востребованы? Своеобразный парадокс ситуации с наследием Д. Чижевского состоит в том, что мы имеем даже обзор его неопубликованных трудов¹, не имея при этом полного представления о его опубликованных работах или даже реферативного обзора опубликованных русскоязычных текстов этого замечательного ученого.

В свое время я участвовал с докладами в нескольких международных встречах, посвященных жизни и творчеству Дмитрия Чижевского (в Галле, Донецке, Дрогобыче, Москве, Амстердаме, Седльце, Петербурге)². Во время каждой из этих встреч десятки раз участники говорили об актуальности идей и мыслей Дмитрия Чижевского: будь то его концепция барокко, его комениологические труды, историко-теоретические исследования, собственно историко-философские тексты, его литературно-теоретические или философские концепции, как, например, русское гегельянство, и т. д. Но все наши дискуссии не выходили за пределы констатации самого факта актуальности в контексте современного гуманитарного дискурса, не отвечая на вопрос по существу: какое отношение имеет упоминаемая актуальность к нашей сегодняшней жизни, к тому, что происходит сегодня в гуманитарных науках, и к тому, что происходит с нами самими?

¹ См.: [Янцен 2008]. Публикация, очень интересная для чижевсковедов и, конечно же, во многом дискуссионная. Ведь ясно, что эта брошюра В. Янцена понятна весьма ограниченному кругу исследователей, которые имеют хотя бы элементарные представления об архивных собраниях Д. Чижевского и его творчестве, ибо для более широкого научного круга, который не знаком с масштабом *реализованных* замыслов Дмитрия Чижевского, информация о замыслах *нереализованных* только усугубит чувство незнания.

² Часть этих текстов сейчас напечатана, хотя понятно, что по истечении времени мои взгляды на творчество Д. Чижевского тоже менялись. См.: [Мних 2003а; 2003б; 2005а; 2005б; Мних 2008; Мних 2009а–г; Мних 2010а–е; Мних 2011а–в; Мних 2012а–г].

После целого ряда таких дискуссий и соответственных публикаций, подводя своеобразные предварительные итоги сегодняшнего чижевсковедения, мы можем со всей определенностью говорить о его трех основных направлениях. Во-первых, это собственно биографический дискурс Дмитрия Чижевского, целью которого является воссоздание фактов биографии ученого, его творческого и жизненного пути, круга его корреспондентов и знакомых. Основные тексты данного дискурса — воспоминания и переписка, и именно эти тексты в сравнении с другими на сегодня изданы достаточно широко (благодаря усилиям прежде всего Владимира Янцена, Ирины Валявко, Оксаны Блашквив). Конечно же, остаются неизданными огромные материалы переписки Гейдельбергского архива, переписка Д. Чижевского с Фердинандой Хоман (Homann), но в любом случае письма ученого и письма к нему по сравнению с его научными текстами изданы и прокомментированы в большем объеме. Гораздо хуже дело обстоит со вторым аспектом чижевсковедения — изданием текстов самого ученого. В России до сегодня не издан ни один сборник его работ, а переиздание монографии «Гегель в России» (СПб., 2007) вышло с ошибками и без необходимых комментариев (о чем скажу ниже). Четыре тома украинского издания выглядят в научном отношении скандально и вообще ни к чему не годятся³. Этот второй аспект чижевсковедения — издание текстов Чижевского, вернее «неиздание» — свидетельствует как о сложности самого материала, так и об определенной «невостребованности» этого материала в современном научном дискурсе. Фигурирующие время от времени в научных публикациях цитаты из произведений Д. Чижевского или являются расхожими, кружащими от текста к тексту (таковы цитаты из известных статей о «Шинели» Н. Гоголя или «Двойнике» Ф. Достоевского), или же свидетельствуют — за редким исключением — о том, что авторы этих текстов статей самого Д. Чижевского никогда не читали. А следствием советского запрета на труды ученого, по справедливому замечанию Лидии Сазоновой, было то, что «...работы Д. Чижевского не получили в свое время отражения в отечественных исследованиях» [Сазонова 2006, с. 18].

Наконец, третий аспект чижевсковедения — исследование и научная интерпретация текстов ученого. Но это осуществимо, конечно, только после научного издания произведений Д. Чижевского и всей подготовительной работы, связанной с такими публикациями. Традиционная методология подобной научной работы связана с двумя моментами. С одной стороны, это реферирование основных идей ученого и по возможности полное, на фоне всего творчества, представление его научных концепций и мыслей. С другой стороны, это должны быть интерпретации, представляющие выход за пределы творчества самого Д. Чижевского и репрезентацию его идей в широком контексте европейской философской и литературоведческой мысли. При этом понятно, что для собственно научного изучения текстов Д. Чижевского мы не можем ограничиваться обычным фактографическим комментарием по принципу «что — где — когда», ибо мы должны «поместить» мысль ученого в континуум нашего сегодняшнего понимания проблемы и перспектив ее решения.

---

³ См. мои рецензии на это издание: [Мних 2007; 2009].

Идеи Д. Чижевского естественным образом были голосами в живой дискуссии в Европе начала XX в., голосами в своеобразном культурном диалоге, который отражал философскую парадигму того времени. Поэтому мысли и концепции этого ученого могут быть интерпретированы только как одно из возможных решений определенной проблемы. Так, размышления Д. Чижевского об астрологии (ср.: [Чижевский 1929]) были вызваны соответствующими публикациями немецких ученых и философов (например, Эрнста Кассирера⁴), его рассуждения на тему социально-религиозного движения немецкой молодежи («Jugendbewegung») в Германии (см.: [Чижевский 1926]) должны быть изучаемы в сопоставлении с аналогичными по тематике публикациями русских философов⁵ (не говоря уже о публикациях немецких авторов), а представленная Д. Чижевским религиозная утопия Ал.А. Иванова⁶ коррелирует с утопическим дискурсом того времени, в особенности с мыслями Василия Зеньковского об утопии как болезни христианства («...утопическая мысль есть специфический род заболевания христианского духа» [Zenkovskij 1934, S. 23]), и т. д. Поэтому в русле обозначенной проблематики Д. Чижевский остается своеобразной «вещью в себе», окруженной облаком самых общих определений: меньшевик, гегельянец, историк философии, славист, ученик Э. Гуссерля, друг Романа Якобсона и Х.-Г. Гадамера и т. д. В то время как аксиологические аспекты его наследия, отражающие исторические контексты того времени, которые бы имели, по словам самого ученого, «надъисторический смысл», странным образом не привлекают серьезного внимания исследователей (ср.: «Исторический материал мы привлекаем здесь, имея в виду его *надъисторический* смысл» [Чижевский 1928, с. 197]).

В этой заметке мы ограничиваемся исключительно попыткой постановки проблемы, и она касается только двух мотивов в творчестве Дмитрия Чижевского: гегельянства и двойничества. Такое ограничение необходимо в плане чисто методологическом: масштаб философских поисков раннего Д. Чижевского не позволяет выйти на решение обозначенной проблемы в пределах статьи и требует, по крайней мере, одной монографии. Следует особо отметить, что раннее философское творчество Д. Чижевского необходимо интерпретировать в сопоставлении с философской проблематикой украинского зарубежья (прежде всего речь идет о произведениях Вячеслава Липинского, Ивана Мирчука и Микола Шлемкевича). Хотя очевидно, что самой интересной и методологически перспективной была бы интерпретация этого наследия Д. Чижевского в контексте идейных поисков немецкой философии XX в. (неогегельянство, феноменология и герменевтика). Думаю, что Дмитрия Чижевского можно было бы отнести к тем философам, которые, по словам Густава Шпета, «...являются сторонниками философии как знания, а не как морали, не как проповеди, не как мировоззрения» [Шпет 2008, ч. I, с. 40]. Для этого типа мыслителей «философия приобретает национальный характер не в ответах — научный ответ, действительно, для всех народов и язы-

⁴ См. об этом: [Mnich 2008].

⁵ Ср. хотя бы: [Арсеньев 1930].

⁶ [Прокофьев 19306] (П. Прокофьев — один из псевдонимов Д. Чижевского.).

ков — один, — а в самой постановке вопросов, в подборе их, в частных модификациях» [Шпет 2008, ч. I, с. 40]. В контексте приведенных мыслей становится понятным, почему Д. Чижевский написал историю украинской философии, так же как и Г. Шпет написал историю русской философии (не забудем при этом, что каждый из них отрицал само наличие национальной философии как таковой).

Отмечу специально, что сопоставление идей Д. Чижевского с целыми направлениями в философии или литературоведении XX в. всегда будет выглядеть проблематично. Так, если русский формализм — это «...не только ряд концепций, но и тип мышления, культурного поведения, организации быта (в смысле, который был разработан самим обществом)» [Левченко 2012, с. 21], то, конечно же, Дмитрий Чижевский окажется очень далеким от русского формализма. Его тип мышления совершенно особый, и он не похож ни на какой другой. Его культурное поведение представляет собой явление совершенно уникальное в истории европейской философии и славистики XX в., равно как и его организация быта (семейного, общественного, университетского) отличается оригинальностью и индивидуальным своеобразием. Парадоксальной по отношению к Д. Чижевскому выглядит и другая заслуга формалистов, о которой пишут исследователи. Я имею в виду попытку «...отделить внутреннее изучение произведения от тех контекстов, в которые его пыталась вписать предшествующая наука» [Иванов 2013, с. 22]. У Д. Чижевского, с одной стороны, мы находим множество собственно «внутренних», формальных интерпретаций художественных произведений (достаточно вспомнить известную статью «О “Шинели” Гоголя»). Но, с другой стороны, ученый постоянно подчеркивал необходимость контекстуального изучения литературы как явления культуры (таковы практически все его работы о Ф. Достоевском, статьи по истории религии, заметки на тему «плодов чтения»).

Остановимся теперь подробнее на упомянутых выше двух мотивах в творчестве Дмитрия Чижевского, которые предстают, на мой взгляд, особенно важными для понимания способа мышления этого ученого и его собственно философского наследия.

Гегель и «разумная действительность»

Вне всякого сомнения, монография о Гегеле в России (наряду с книгой о философии Г. Сковороды) является одной из самых важных книг в философском наследии Дмитрия Чижевского. Она принципиально отличается от других публикаций ученого своей концептуальностью и целостностью: книги Д. Чижевского о философии на Украине по сути своей историографические, статьи о формализме в этике так и не оформились в целостную монографию⁷, а заявляемые в различ-

---

⁷ Предложенная В. Янценом реконструкция этого замысла Д. Чижевского, на мой взгляд, не очень убедительна (см.: [Янцен 2008, с. 75–77]). Здесь не место обсуждать эту тему по сути, укажу только на абсолютно эклектическое соединение разных тем, мотивов и имен (теория знака и символа, самораскрытие бытия, Песталоцци, Адам Смит, Тиллих, Шиллер в России — все это не имеет прямого отношения к проблеме формализма в этике), а также на тот факт, что Д. Чижевский при его феноменальной памяти не возвращался к замыслу такой книги в послевоенные годы.

ных публикациях другие философские замыслы никогда не были реализованы. Вспомним, что немецкий вариант монографии, посвященной восприятию философии Гегеля в России, Дмитрий Чижевский издал в 1934 г. В 1939 г. ученый подготовил русский вариант этой книги, текст которой принципиально отличался от упомянутой немецкой монографии. А в 1961 г. Д. Чижевский подготовил и опубликовал второе издание книги, посвященной славянской рецепции Гегеля (см.: [Hegel bei den Slaven 1961]). В приложении к ней ученый специально подчеркивал, что основные идеи, которые обычно русская (советская) философия возводила к Гегелю, имеют отнюдь не гегелевское происхождение, ибо корни этих мыслей выходят далеко за пределы не только философии Гегеля, но и немецкого идеализма вообще. Таких основных заблуждений Д. Чижевский насчитывает четыре. О них стоит здесь вспомнить отдельно, так как именно на этих идеях строилось изложение гегелевской философии практически во всех русских (советских) исследованиях и учебниках XX в. Во-первых, речь идет об идее универсального развития или исторической динамики, которая, как специально подчеркивает Д. Чижевский, является не столько гегелевской, сколько отличительной чертой философии Шеллинга, не говоря уже о том, что на этой идее зиждется вся философия дарвинизма и марксизма [Ibid., S. 475]. Во-вторых, это идея борьбы и единства противоположностей и противоречий, которая, по мнению Д. Чижевского, своими корнями восходит к учению Платона и неоплатоников (Прокла прежде всего). Она представлена весьма репрезентативно в философии Николая Кузанского, мыслителей европейского барокко, даже у Фихте и Шеллинга. Далее Д. Чижевский пишет о знаменитой триаде («тезис — антитезис — синтез»), которая тоже не является порождением ума Гегеля, но восходит к Проклу, а в Новое время к Канту и тем мыслителям, которые вообще не имеют ничего общего с Гегелем [Ibid.]. Наконец, четвертая идея связана со смыслом и употреблением понятий «дух» («Geist») и «дух народа» («Volkgeist»), которые были введены как собственно термины в научный оборот еще Гердером, широко употреблялись Шиллером, не говоря уже о немецких переводах текстов Монтескье (Д. Чижевский при этом ссылается на знаменитый словарь братьев Гримм).

Приведенные примеры свидетельствуют прежде всего о том, что в «гегелевской» концепции Д. Чижевского не осталось практически ничего от традиционного «советского» Гегеля: идеи этого немецкого философа наш ученый рассматривает на очень широком фоне европейской философии культуры, поэтому интерпретация гегелевской философии изменяется кардинально. В русле сказанного подчеркнем, что все приведенные примеры представляют сферы постоянных творческих и научных интересов самого Дмитрия Чижевского (универсальное развитие, мистика и Прокл, противоречия). В связи с упомянутыми контекстами мысли Д. Чижевского, вспомним здесь и текст авторских предварительных замечаний к русскоязычной монографии о Гегеле в России. В нем ученый говорит о генетической связи философии Гегеля с идеями европейской мистики и пишет о сознании «общности мистической традиции и философии немецкого идеализма» и о том, что «...в истории русской мысли немецкая мистика и немецкий идеализм

не раз выступали как родственные, созвучные и даже тождественные силы» [Чижевский 1939, с. 11]⁸.

Говоря о гегельянстве Дмитрия Чижевского, мы должны также осознавать тот факт, что его концепция Гегеля в России может быть понята только на широком фоне дискуссий о гегельянстве и неогегельянстве того времени. Прежде всего работ о русском гегельянстве Бориса Яковенко⁹ и Янко Янева (см.: [Janeff 1932]), на фоне вопроса о ренессансе Гегеля в Европе¹⁰ и в контексте тех рецензий, которые появились на монографию самого Д. Чижевского¹¹. Для понимания книги Д. Чижевского нужно также ознакомиться с теми публикациями, на которые ученый сам указывает в предисловии к русскоязычному варианту книги (одна только статья А. Койре в двух выпусках журнала «Le Monde Slave» занимает почти 80 страниц¹²). К теме русского гегельянства ученый обращался в течение всей жизни, писал о влияниях Гегеля на русских писателей, постоянно конкретизируя свои мысли¹³. И, разумеется, весь этот материал должен был войти в научное издание монографии «Гегель в России».

Нам, очевидно, трудно сегодня однозначно ответить на вопрос о гегельянстве самого Д. Чижевского как доминанте его философского мировоззрения (см.: [Физер 2005]). Но, подводя предварительные итоги сказанному, отмечу, что для этого ученого принципиально важными были многие идеи немецкого философа в их современной интерпретации. Это прежде всего идея «разумной действительности» и ее оправдание, философия государства, этика, концепция Просвещения и ее критика у Гегеля («просвещенство» у Чижевского — «der Dogmatismus der Aufklaererei» у Гегеля)¹⁴, также фундаментальная концепция феноменологии духа.

---

⁸ Орфография здесь и далее современная, цитаты приводятся по парижскому изданию с указанием в скобках страницы, так как Санкт-Петербургское переиздание 2007 г., к сожалению, полно опечаток и фактических ошибок: Гегель перепутан с Гоголем (ср.: «В поэме Гегеля выступает вся Россия», с. 195), Зольгер назван Зольгеном (с. 322) и т. д. Самым большим недостатком является, однако, отсутствие ссылок в тексте и то, что редакторы не проверили цитирования Д. Чижевского. Все это лишний раз свидетельствует, насколько Д. Чижевский не читал серьезными учеными. Очевидно, что научное издание этой книги должно учитывать и научный аппарат (ссылки и примечания), которые есть в немецком варианте и который автор опустил в издании русском. Для понимания концепции русскоязычной монографии о Гегеле принципиальное значение имеет текст «От автора» (с. 5–6), где Д. Чижевский объясняет частично суть этих всех изменений и основные положения книги.

⁹ Эти публикации выходили отдельными выпусками (Beiträge), а в 1940 г. Б. Яковенко опубликовал роскошный том (450 страниц) с вклейками и фотографиями, см.: [Jakowenko 1940].

¹⁰ О таком ренессансе и его связях с неокантианством того времени см.: [Levy 1927].

¹¹ Укажу только на самые важные рецензии, без исторического контекста которых понимание концепции Д. Чижевского становится просто невозможным: [Losskij 1934; Fleischhacker 1934; Frank 1935a, b; Гессен 1935; Hessen 1935; Бицилли 1939; Seeböhm 1968].

¹² См.: [Koyré 1936].

¹³ Особенно интересны многочисленные упоминания Д. Чижевского о влиянии Гегеля на Андрея Белого. Например, о влиянии «Феноменологии духа» на историософскую модель романов писателя (ср.: Das geschichtsphilosophische Modell nach Hegel (s. Phänomenologie des Geistes. Werke II. Stuttgart, 1927. S. 31), das die innere Form von «Kotik Letaev» bestimmt, ist hier nur schwach angedeutet / A.H. und D. Tsch. «Einleitung» // Slavische Propyläen 23. München, 1969. S. VIII; предисловие к роману Д. Чижевский написал в сотрудничестве с А. Хенигом).

¹⁴ Сравним слова Гегеля о том, что «Просвещение, эта суетность рассудка, является самым резким противником философии» ([Гегель 1977, т. 2, с. 331]; курсив Гегеля. — Р.М.).

Кроме этого, книга Д. Чижевского о Гегеле в России содержала множество разнообразных философских размышлений, не имеющих прямого отношения к заглавию, но отражающих стиль мышления ученого и его философские убеждения: от уничижительной критики личности и творчества В. Белинского¹⁵ и всего так называемого русского просвещения до обобщенных философских дефиниций, определений и выводов, историко-философский контекст которых еще предстоит исследовать чижевсковедам¹⁶. Ведь некоторые идеи в книге Д. Чижевского о Гегеле в контексте широкой исторической интерпретации перерастают в настоящие теории, объясняющие в новом свете многие явления русской действительности. Именно так, например, выглядит критика упомянутого выше В. Белинского, гегельянство которого Д. Чижевский называет «психической заразой», подчеркивая при этом: «Можно было бы ожидать, что он поймет неправильность своего истолкования Гегеля, откажется от своего истолкования “действительности”. Не было никакой внутренней необходимости переживать “кризис мировоззрения”, убедившись в том, что Гегель понят неправильно, что из гегельянства вовсе не вытекает ни фатализм, ни идеализация “кухонной действительности”. В значительной степени “кризис” мировоззрения Белинского вытекал не из имманентного развития его мировоззрения, а отчасти из тех внешних условий, в которых это мировоззрение развивалось. Эпоха Николая I-го толкала каждого мыслящего человека к оппозиции, если не прямо к политическому радикализму: яснее всего это становится при знакомстве с развитием славянофильства» [Чижевский 1939, с. 139]. Заявленные в этой цитате концепты («фатализм», «кухонная действительность», славянофильство) в контексте философского творчества Д. Чижевского и его гегельянства по-новому объясняют многие явления русской духовной жизни прошлого столетия.

Очевидно, увлечение восприятием Гегеля в России было в случае Дмитрия Чижевского связано одновременно как с увлечением философией самого Гегеля, так и с интересом ученого к духовной истории России и славян вообще, с его исследованиями славяно-германского диалога. Вспомним здесь и о том, что кроме огромнейшего влияния Гегеля на русское общество XIX в. этот немецкий философ был по-особому востребован в России и позже, в ее советский период¹⁷: «диа-

¹⁵ Вспомним, что Д. Чижевский назвал традицию В. Белинского «несчастьем для русской литературы». В этом аспекте оценка Д. Чижевского перекликается со взглядами Г. Шпета на творчество и личность В. Белинского. Анализируя понимание проблемы действительности и связь такого понимания с традицией Гегеля у В. Белинского, Г. Шпет замечает: «непонимание и извращение философских положений влечет за собой отнюдь не открытие новых философских истин, а простое уничтожение самой философии» [Шпет 1991, с. 118].

¹⁶ Сравним, например, хотя бы два определения философии в книге Д. Чижевского: 1) «Философия, имеющая дело с неизмеримым и неосязаемым, с невидимым и неисчисляемым, могла встретить со стороны просвещенцев только презрение и издевательство» (с. 249), 2) «Философия вся есть сплошное толкование, герменевтика бытия и предания» (с. 257). Если в первом случае перед нами явно платоновская традиция понимания философии, то во втором мы сталкиваемся с хайдеггеровской постановкой проблемы.

¹⁷ Не без основания, очевидно, Олег Сумин свою книгу о Гегеле в России назвал «Гегель как судьба России. История русско-советской философии и философии русско-советской истории» (Краснодар, 2005; в специальной главе автор анализирует и монографию Д. Чижевского).

лектика Гегеля в ее марксистско-ленинском варианте» уже в 1920–1930-е гг. становится основным учением большевиков. Сам Дмитрий Чижевский весьма положительно отзывался в 1930 г. на выход «поразительных», по его словам, конспектов и заметок Владимира Ленина, посвященных «Науке логики» Гегеля. Они, по словам ученого, «представляют огромный философский шаг вперед в сравнении с наивно и просто скучною книгою Ленина об эмпириокритицизме», а «наиболее примечательно в заметках Ленина, что им — в противоположность марксистской традиции — схвачено в диалектике действительно существеннейшее ее ядро» и «продумывание ряда мыслей, набросанных Лениным, до конца должно бы было привести к взрыву “диалектического материализма”» ([Прокофьев 1930а, с. 478]; орфография современная. — Р.М.).

Но с именем Гегеля и с русским гегельянством связана еще одна личность, чрезвычайно важная в биографии и творчестве Д. Чижевского. Я имею в виду здесь Романа Якобсона (1886–1982). Сегодня практически никто из исследователей не вспоминает тот факт, что Роман Якобсон 22 июня 1982, т. е. меньше чем за месяц до своей смерти (последовавшей 18 июля), получил в Германии престижную Гегелевскую премию города Штутгарта. На торжественном вручении Роман Якобсон свою речь озаглавил «О диалектике языка» — это была явная, как пишут комментаторы, аллюзия на название запланированной вместе с Д. Чижевским книги¹⁸. На страницах немецкоязычной монографии «Гегель в России» именно об этой книге — «Диалектика языка» («Dialektik der Sprache») — сообщал Д. Чижевский своим читателям в 1934 г., отмечая, что пишет ее вместе с Романом Якобсоном¹⁹.

Отношения Д. Чижевского и Р. Якобсона до сего дня вызывают споры и дискуссии разного характера. Часто на первый план в таких публикациях выступают некоторые аспекты биографии самого Романа Якобсона: отношения его к русским формалистам²⁰, конфликт ученого с Виктором Шкловским (см.: [Галушкин 1999]), подозрения в сотрудничестве с советскими органами государственной безопасности²¹, философские контексты его идей²². Судьба распорядилась так, что оба ученые — Роман Якобсон и Дмитрий Чижевский — много лет сотрудничали в общих научных поисках, спорили, дружили, обсуждали создание совместных книг и, как показывают некоторые документы, даже враждовали — то ли по при-

---

¹⁸ Эти материалы полностью изданы: Das Erbe Hegels II. Roman Jakobson, Hans-Georg Gadamer, Elmar Holenstein. Frankfurt a/M, 1984.

¹⁹ См.: «Auf die Hegelianische Provenienz der Sprachphilosophie Aksakovs beabsichtige ich in einer — sich in Vorbereitung befindlichen — gemeinsam mit R. Jakobson abgefasten Arbeit “Dialektik der Sprache” zurückzukommen» [Hegel bei den Slaven 1934, S. 250].

²⁰ См. в связи с этим том материалов и исследований: [Роман Якобсон 1999].

²¹ В этом плане характерны прежде всего воспоминания украинского филолога Юрия Шевелева, см.: [Шевельов 1994]. Но эти воспоминания не единственный текст, заставляющий задуматься над сложной судьбой Романа Якобсона, которого даже Владимир Набоков называл «большевиком» [Мельников 2013, с. 175]. См. также: [Гланц 1999].

²² Кроме уже классической монографии Эльмара Холенштайна о феноменологическом контексте структурализма Романа Якобсона (см.: [Holenstein 1975]), укажу на весьма интересную публикацию, отражающую герменевтический потенциал теории Р. Якобсона: [Birus 2003].

чине научной зависти, то ли по другим, на сегодня еще не известным мотивам. И литературоведческое наследие обоих, вне всякого сомнения, можно отнести к так называемому философскому литературоведению, т. е. к тому типу литературоведческого исследования и одновременно творчества, которое активно начало формироваться в европейской гуманитарной парадигме после смерти Вильгельма Дильтея в 1911 г. и под непосредственным влиянием идей этого ученого. В плане собственно философском это направление было тесно связано с гуманитарной мыслью Германии того времени во всем ее многообразии: от неокантианства и феноменологии до немецкой герменевтики XX в. Философское литературоведение было представлено в Европе именами Эрнста Роберта Курциуса, Лео Шпитцера, Эмиля Штайгера, Ханса-Георга Гадамера, частично Эрнста Кассирера и Мартина Хайдеггера, в то время как в России похожие проблемы решали Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Михаил Бахтин, Густав Шпет. Дмитрий Чижевский и Роман Якобсон — каждый по-своему — примыкают к этому направлению, причем это «по-своему» Чижевский и Якобсон сохранили до конца своего творческого пути.

В связи со сказанным возникает очень интересный вопрос, связанный с той эволюцией литературоведения и теории литературы, которую наука о литературе претерпела на протяжении всего прошлого века. Ведь в самом начале XX в. литературоведение тянется к философии, пытаясь вобрать как можно полнее философский опыт эпохи, но через столетие — в конце века — уже сама наука о литературе хочет быть чем-то больше, чем собственно литературоведением. Говоря другими словами, сегодняшнее литературоведение становится всеобъемлющим дискурсом, пытающимся объяснить практически все стороны жизни современного человека: историю, социологию, философию, психологию, культурологию. Такие попытки выхода за пределы собственно литературоведческой интерпретации становятся нормой современных публикаций, сосредоточенных на объяснении всего что угодно, кроме собственно текста литературного произведения.

Роман Якобсон и Дмитрий Чижевский хронологически принадлежат к эпохе XX в., говоря точнее — эпохе модернизма, поэтому творчество обоих мыслителей можно определить как творчество затянувшегося модернизма и структурализма в литературоведении: от 20–30-х гг. предвоенного структурализма и формализма до 60–70-х гг., когда на арену литературоведческих исследований выходят семиотика и рецептивная эстетика. Что же касается феноменологии, то я думаю, что сегодня все-таки существует необходимость пересмотра концепции феноменологического структурализма у Романа Якобсона, представленной в упомянутой выше монографии Эльмара Холенштайна, речь идет не столько о критике, сколько об актуализации поисков. В этом же контексте важна и разработка большого проекта, касающегося феноменологии Дмитрия Чижевского как непосредственного ученика Э. Гуссерля.

Творчество Романа Якобсона и его судьбу исследователи никогда не воспринимали однозначно, а сейчас в связи с публикацией новых материалов и определенной временной дистанцией появляются возможности интерпретации наследия этого ученого в другой идеологической перспективе. Речь идет о сложных эпизодах его биографии: отношения с Юрием Шевелевым (кстати, не только опи-

санные самим Ю. Шевелевым, но и отмеченные в воспоминаниях Вячеслава В. Иванова; см.: [Роман Якобсон 1999, с. 231]), нелюбовь Романа Якобсона к Западной Германии (которая мне представляется все-таки наигранной), его активное непризнание Александра Солженицына, его переписка с Элизой Триоле 1920 г.²³ и т. д. Вспомним в связи со сказанным, что еще в 1925 г. советские службы в Праге информировали Министерство внутренних дел СССР о том, что Роман Якобсон является необычайно полезным осведомителем, потому что добрая половина информации идет от него и его источников²⁴. Если к этому мы добавим тот факт, что родной брат Романа Якобсона — Сергей Якобсон (1901–1979) — был директором отделения славистики в Библиотеке Конгресса США, а его жена Елена Якобсон (1912–2002) работала в пресс-агентстве радиостанции «Голос Америки», то частые поездки Р. Якобсона в СССР выглядят проблематично.

Но не только эти эпизоды из биографии ученого представляют сложность для их научно-исторического осмысления и интерпретации — сложность таится и в самих текстах Р. Якобсона, уже опубликованных статьях и книгах, которые сегодня мы можем читать и анализировать по-другому. Так, например, в 1960 г. на конференции в Варшаве в докладе «Поэзия грамматики и грамматика поэзии», позже опубликованном в виде отдельной статьи, Роман Якобсон со всей серьезностью ссылается на книгу Иосифа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950)²⁵ — факт действительно курьезный. То ли таким образом Р. Якобсон торил себе дорогу для возвращения в Россию, то ли он действительно серьезно воспринимал мысли и идеи Сталина — это вопрос открытый.

В то же время ряд идей Романа Якобсона, к сожалению, не актуализирован до сих пор, как, например, высказанные им в дискуссии с польским философом Романом Ингарденом вопросы, связанные с границами анализа языка в литературоведческих исследованиях (дискуссия на конференции в Варшаве 1960 г.). Причем постановка самой проблемы анализа языка в этом контексте провоцирует не только соотнесение лингвистики и литературоведения, которым всю жизнь занимался Р. Якобсон, но и соотнесение лингвистики с философией: от идей Л. Витгенштейна до современных дискурсологических теорий. Отмечу здесь и тот факт, что некоторые мысли Р. Якобсона — например, о роли статуи в мифотворчестве А. Пушкина — уж слишком тотально экстраполированы в сегодняшних литературоведческих исследованиях, когда всякая статуя в любом художественном тексте провоцирует интерпретацию в контексте статуарного мифа Романа Якобсона.

---

²³ Письма Р. Якобсона опубликовал Бенгт Янгфельдт (Роман Якобсон. Будетлянин науки. Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза. М., 2012. С. 130–152; эта книга была напечатана в 1992 г. в Стокгольме). Говоря о разнообразии своей деятельности, Роман Якобсон сам признается, что он был в последние годы (1918–1920) «...контрреволюционером, ученым и не из худых, <...> дезертиром, картежником, незаменимым специалистом в топливном учреждении, литератором, юмористом, репортером, дипломатом» (с. 131), он уверяет, что отходит от политики и политиков, и в то же время просит присылать письма на адрес официального представительства СССР в Праге (с. 134, 146).

²⁴ Этот материал содержит словарная статья о Р. Якобсоне в Википедии с ссылками на официальные источники (http://ru.wikipedia.org/wiki/Якобсон_Роман_Осипович, электронный ресурс от 7.11.2013). См.: [Сорокина 2000, с. 139].

²⁵ См.: [Jakobson 1995, S. 117].

Если мы теперь в свете сказанного попробуем сравнить судьбы и творчество наших протагонистов, то можем сказать следующее. Между Дмитрием Чижевским и Романом Яacobсоном, а также между их творческими судьбами существует принципиальное различие: признанность еще при жизни, известность и посмертная слава Романа Яacobсона никак не похожи на судьбу Дмитрия Чижевского, который и сегодня остается малоизвестным мыслителем и исследователем. Мы не можем объяснять эту ситуацию только сложным личным характером Д. Чижевского — характер Р. Яacobсона был не менее трудным. В сегодняшних публикациях, касающихся осмысления личности и творчества обоих мыслителей, огромный сдвиг произошел в сторону личностно-биографическую. Всякого рода воспоминания, письма, отклики, дневники, касающиеся личности и Р. Яacobсона, и Д. Чижевского, приводят множество материалов курьезного, негативного характера, и оценка этого материала еще только ждет своего интерпретатора. Особенно это касается периода пребывания Д. Чижевского в Гарварде, нареканий Яacobсона на Чижевского и заявлений последнего о том, что «...возвращаться в Гарвард при господстве Яacobсона невозможно: ничего подобного по наглости и хамству я в жизни не встречал»²⁶. И даже те аспекты, которые выглядят общими для обоих ученых — как в судьбе, так и в творчестве (эмиграция, Пражский лингвистический кружок, структурализм), — при ближайшем рассмотрении оказываются совсем не похожими. Эмиграция Р. Яacobсона — это не совсем эмиграция, ибо Роман Яacobсон был так называемым невозвращенцем, он выехал в Прагу в составе официальной советской делегации и не вернулся в Советскую Россию, в то время как Д. Чижевский спасался бегством от расстрела. Деятельность Р. Яacobсона и Д. Чижевского в Пражском лингвистическом кружке и структурализм обоих тоже не были одинаковыми, потому что Чижевского всегда интересовали больше литературоведение и философия, нежели собственно лингвистические теории.

«Место человека во вселенной»: проблема двойничества

С философией Гегеля связан также и другой магистральный сюжет в творчестве Д. Чижевского — мотив двойничества как потери онтологического места человека. Такой феномен двойничества ученый считал специфически русской проблемой, рассматривая и интерпретируя ее на примере творчества Н. Гоголя и Ф. Достоевского. Сущность двойничества как феномена экзистенциального, социального, биологического и психологического интересовала ученого всю жизнь. Частично это было связано с фактами его биографии, а частично объяснялось его повышенным интересом к творчеству Н. Гоголя и Ф. Достоевского. Не последнюю роль в этом случае сыграли также философские концепции первой половины XX в., представленные творчеством Мартина Бубера, Макса Шелера и даже Михаила Бахтина, в концепции которого двойничество явилось «...полным временным распадением голосов» [Бахтин 2002, т. 6, с. 275]. Именно в контексте философских исканий XX в. идея «раздвоенного сознания» и другого «Я» представляла осо-

²⁶ Цитата из письма Д. Чижевского Зое Юрьевой от 4 августа 1955 г. (цитирую по копии из некаталогизированного архива Вернера Кортхаазе, Берлин).

бый интерес, и Д. Чижевский рассматривает эту проблематику в онтологической перспективе, характеризующей русский тип бытия. Подводя итоги такого рода исследованиям в своей статье «К проблеме двойника» (статья посвящена философской интерпретации двойника в творчестве Ф. Достоевского), Д. Чижевский писал: «Этическая функция появления двойника, пожалуй, сходна с этической функцией смерти — утрата бытия субъектом (ибо утрата конкретности низводит субъект до безличности, до “вещности”, все равно в смысле материального или абстрактно-идеального бытия, т. е. снимает бытие субъекта как субъекта) с последней решительностью ставит перед субъектом проблему жизни в абсолютном бытии, или уход в ничто». И дальше как итог Д. Чижевский отмечает: «Постановка Достоевским проблемы двойника является одним из наиболее значительных этапов борьбы философской мысли XIX века против этического рационализма, борьбы, еще далеко не законченной, пожалуй, только начинающейся»²⁷.

Раздвоение личности — будь то метафизическое у Н. Гоголя и Ф. Достоевского, будь то социально-бытовое у М. Салтыкова-Щедрина (когда герой не знает сам, чего он хочет: «не то конституции, не то севрюжины с хреном») — интерпретируется Д. Чижевским в онтологических измерениях. Такое раздвоение личности определяет внутреннюю сущность души человека и обуславливает причины его социальной и психологической трагедии. Конечно же, эти вопросы в широком интердисциплинарном контексте интересовали не только Д. Чижевского, но и многих других философов, литературоведов, историков русского зарубежья. Исследователи отмечают огромную сложность генезиса самой проблематики «своего места» в концепции Д. Чижевского, цитируя формулировку Николая Лосского о том, что «Чижевский вскрывает глубокий философский смысл двойничества как следствие нравственного упадка, именно невыполнение им своего конкретного индивидуального назначения, откуда возникает заменимость субъекта другими субъектами, утрата им своей неповторимости»²⁸.

Возвращаясь к проблеме влияния Гегеля на Д. Чижевского, отмечу, что для этого немецкого философа утрата человеком (как единичностью) своего места тоже являлась одной из центральных проблем и рассматривалась в неоплатонической традиции, т. е. как «отпадение единичного от единого» (Абсолюта): «Абсолютное, как бы по своей доброте, отпускает от себя единичности, чтобы они наслаждались своим бытием, и это же наслаждение само затем гонит их обратно в абсолютное единство» [Гегель 1974, т. 1, с. 158]. В связи со сказанным отмечу, что в плане историко-культурологическом двойничество как потеря своего онтологического места имеет глубокие корни так же и в русской мифологии, как и русской действительности. Вспомним хотя бы мотив шапки-невидимки из русского фольклора или историю всех Лжедмитриев в России. Конечно же, для научной интерпретации мотива двойничества мы можем говорить в нашем случае и об античных и христианских его корнях, анализ которых выходит за пределы

---

²⁷ Сейчас материалы семинара о Ф. Достоевском переизданы, цитирую по новому изданию: [О Достоевском 2007, с. 73].

²⁸ См. об этом подробнее: [Васильева 2010]. Специально о статье Д. Чижевского см.: [Васильева 2009].

данной статьи. Отмечу только связанную с тематикой статьи актуализацию мотива двойничества в русской культуре Серебряного века, которая, по словам исследователей, имела гегелевские корни и выразилась между прочим в феномене «шизофренического раздвоения души»: «Знаменитый принцип гегелевской диалектики есть рефлексированный вовне феномен шизофренического раздвоения души» [Левченко 2007, с. 174].

Понятно, что для мышления и мировоззрения Д. Чижевского предстают особо значимыми те контексты двойничества (как утраты онтологического места), которые предоставляла русская философия и эстетика, особенно XIX и начала XX в. Многие из них, очевидно, тоже возникали под влиянием Гегеля и отражали противопоставление западного католичества и русского византийства, или — говоря другими словами — западного логоцентризма и так называемой русской души. Если мы вспомним сейчас критику логоцентризма в европейской философии того времени (20–30-е гг. XX в.), то будет понятной актуальность именно такой постановки проблемы у Д. Чижевского. Причем корни отмеченной конфронтации западного католичества и русского православия, конечно же, уходят глубоко в историю, до времен Ивана Грозного. Но сама идея актуализируется по-особому в русской культуре XIX в. в связи с идеологическим конфликтом западников и славянофилов. Здесь достаточно вспомнить слова такого мыслителя, как Иван Киреевский из его статьи «О необходимости и возможности новых начал для философии»: «Раздробив цельность духа на части и отделенному логическому мышлению предоставив высшее сознание истины, человек в глубине своего самосознания оторвался от всякой связи с действительностью и сам явился на земле существом отвлеченным, как зритель в театре, равно способный всему сочувствовать, все одинаково любить, ко всему стремиться под условием только, чтобы физическая личность его ни от чего не страдала и не беспокоилась» [Киреевский 1979, с. 315] (здесь и далее в приводимых цитатах курсив мой. — Р.М.).

Подобную критику западного теоретизирования и западной философии мы находим также у представителей русского философского зарубежья. В статье «Смысл истории и смысл жизни» Георгий Флоровский, друг и в каком-то смысле единомышленник Д. Чижевского, писал: «Внимательный исследователь религиозных и этических исканий человечества не может не останавливаться перед одним неизменно повторяющимся, но, по видимости, совершенно парадоксальным фактом. Чем ярче бывает выражен индивидуалистический уклон какого-нибудь учения, тем глубже центр тяжести переносится в недра личной жизни, тем меньше перегородок воздвигается между человеческой личностью и божеством, — тем резче выступает на первый план идея Провидения... Романтический культ личности, неповторимой, автономной и самодовлеющей, которая сама себе предписывает законы, фихтеанский пафос свободы морального творчества, гениальный эстетизм Шеллинга, шлейермахерова религия чувства и настроения... — все это слишком известно. Но весь этот ряд завершается гегельянством, где личная свобода, свобода творческого самоопределения становится основной темой космического развития. И, вместе с тем, в этих индивидуалистических системах, строго

говоря, *личность... исчезает, для творческой личности не оказывается места*» [Флоровский 1998, с. 104–106].

Этот мотив потери места и поисков своего места был центральным для художественного мира романов Ф. Достоевского, которые были объектом пристального изучения и интерпретации Дмитрия Чижевского. Герои Достоевского сами проповедуют необходимость так называемого онтологического места для каждого человека. Мармеладов в разговоре с Раскольниковым в романе «Преступление и наказание» произносит следующие слова: «А коли не к кому, коли идти больше некуда! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти! <...> Милостивый государь, милостивый государь, ведь надобно же, *чтоб у всякого человека было хоть одно такое место*, где бы и его пожалели!» [Достоевский 1980, т. 5, с. 16]²⁹. Этот же мотив становится характерным для всей последующей русской литературы. Не будем сейчас приводить десятки примеров из русской поэзии и прозы, но остановимся на двух цитатах: из стихотворения Осипа Мандельштама и романа «Белая гвардия» Михаила Булгакова. Оба случая, вне всякого сомнения, представляют философский и художественный дискурс в русской литературе в их единстве. Стихотворение О. Мандельштама повествует о значимости места человека во Вселенной:

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью брэнной:
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.
Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны;
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари!
[Мандельштам 1997, с. 119].

В художественно-философской концепции О. Мандельштама мы имеем дело с соотношением индивидуального бытия личности с временными и пространственными масштабами Вселенной, а также с измерением такого соотношения в категориях исторического бытия личности (город Рим, цари, священники). В онтологическом и аксиологическом центре художественного мира О. Мандельштама находится именно место человека во вселенной — все другие исторические реалии и их антропологические измерения — брэнны, являются жалким сором и достойны презрения. Другой, социальный полюс этой концепции мы можем найти у Михаила Булгакова, который в романе «Белая гвардия», отмечая несовпадение призвания человека и его реального жизнеустройства у полковника Козыря, пишет: «А произошло это потому, что война для него, Козыря, была призванием,

---

²⁹ Насколько эти слова Мармеладова важны для авторской концепции, свидетельствует и тот факт, что Раскольников повторяет их про себя накануне планируемого убийства (см. с. 46 в приведенном издании романа).

а учительство лишь долгой и крупной ошибкой. Так, впрочем, чаще всего и бывает в нашей жизни. Целых лет двадцать человек занимается каким-нибудь делом, например, читает римское право, а на двадцать первом — вдруг оказывается, что римское право ни при чем, что он даже не понимает его и не любит, а на самом деле он тонкий садовод и горит любовью к цветам. Происходит это, надо полагать, от несовершенства нашего социального строя, при котором люди сплошь и рядом попадают на свое место только к концу жизни» [Булгаков 1987, с. 90].

Приведенные примеры представляют только возможные пути интерпретации той центральной проблемы, которая интересовала Д. Чижевского, в контексте русской литературы и русской действительности. Возвращаясь к творчеству самого Д. Чижевского, отмечу, что этот ученый проблему «своего места» считал центральной прежде всего для творчества Н. Гоголя как родоначальника всей русской прозы XIX в.: «Существеннее связан сюжет “Шинели” с центральной в мировоззрении Гоголя проблемой “своего места”, проблемой, позже опошленную в социальном аспекте в псевдопроблему “лишних людей” (замечательный — идеологически и художественно — ответ Лескова на эту псевдопроблему в его *Праведниках*, стремящихся показать, что нет лишних людей, был никем не замечен)» [Чижевский 1938, с. 187].

Итак, две основные идеи, которые онтологически и гносеологически объясняют феномен двойничества, связаны с утратой онтологического места в бытии личности. Следствием такой утраты является, с одной стороны, раздвоение личности, а с другой стороны, отпадение ее от Единого (следствие грешности человека). Дмитрий Чижевский на примере творчества Н. Гоголя и Ф. Достоевского убедительно доказал, что обе эти идеи имеют универсальные антропологические измерения и объясняют сущность творчества русских писателей и концепцию личности в их произведениях. В связи со сказанным вспомним здесь известное размышление Ф. Достоевского о его повести «Двойник»: «Повесть эта мне положительно не удалась, но идея ее была довольно светлая, и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил» [Достоевский 1984, т. 26, с. 65]³⁰.

Литература

- Аванесов 1927 — Аванесов Р.И. Достоевский в работе над «Двойником» // Творческая история: Исследования по русской литературе / ред. Н.К. Пиксанова. М., 1927. С. 154–191.
- Арсеньев 1930 — Арсенев Н. О религиозном значении современного германского «движения молодежи» (Jugendbewegung) // Путь. Орган русской религиозной мысли. 1930. Август. № 30. С. 110–119.
- Бахтин 2002 — Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х годов. М., 2002.
- Бицилли 1939 — Бицилли П. Д.И. Чижевский. Гегель в России. (Русская Научная Библиотека. Кн. II. Изд. «Современные Записки» и «Дом Книги». Париж, 1939) // Современные записки. Париж, 1939. Т. LXX. С. 289–291.

³⁰ В русле наших размышлений особый интерес представляет также и старая работа Рубена Аванесова «Достоевский в работе над “Двойником”» [Аванесов 1927].

- Булгаков 1987 — *Булгаков М.* Романы: Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Кишинев, 1987.
- Васильева 2009 — *Васильева М.А.* Статья Д.И. Чижевского «К проблеме двойника...» и ее историко-литературный контекст. К постановке вопроса // *Dmitrij Tschizewskij als Herausforderung und Provokation der ukrainischen Literaturwissenschaft // Slavica Varia Halensia. Bd. 9. Dmitrij I. Tschizewskij. Impulse eines Philologen und Philosophen für eine komparative Geistesgeschichte / hrsg. von A. Richter, B. Klosterberg. Berlin, 2009. S. 103–118.*
- Васильева 2010 — *Васильева М.А.* Проблема двойника в работах Пражского Семинария по изучению Достоевского: Открытое пространство // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2010. С. 95–106.*
- Галушкин 1999 — *Галушкин А.Ю.* Еще раз о причинах разрыва В.Б. Шкловского и Р.О. Якобсона // *Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 136–143.*
- Гегель 1974 — *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: <в 3 т.> Т. 1: Наука логики. М., 1974.
- Гегель 1977 — *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии: в 2 т. М., 1977. Т. 2.
- Гессен 1935 — *Гессен С.* <Рец. на кн.: Hegel bei den Slaven. Im Auftrage der Deutschen Gesellschaft für slavistische Forschung in Prag, mit Unterstützung des Slavischen Institutes in Prag herausgegeben von D. Čyževskij. Reichenberg, 1934> // *Современные записки. Париж, 1935. Т. LVII. С. 470–472.*
- Гланц 1999 — *Гланц Т.* Разведывательный курс Романа Якобсона // *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 354–362.*
- Достоевский 1980 — *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 5: Преступление и наказание. Л., 1980.
- Достоевский 1984 — *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Дневник писателя 1877 (сентябрь — декабрь). 1880 (август). Л., 1984.
- Иванов 2013 — *Иванов Вяч.* Формальная система и ее интерпретация в науке XX–XXI веков // *Русский формализм (1913–2013) // Междунар. конгресс к 100-летию русской формальной школы: Тез. докл. М., 2013.*
- Киреевский 1979 — *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М., 1979.
- Левченко 2007 — *Левченко Е.В.* Г. Гегель и А. Блок // *Вопросы философии. 2007. № 2. С. 174–177.*
- Левченко 2012 — *Левченко Я.* Русские формалисты в поисках биографии. М., 2012.
- Мандельштам 1997 — *Мандельштам О.* Полное собрание стихотворений. СПб., 1997.
- Мельников 2013 — *Мельников Н.* Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников. М., 2013.
- Мних 2003а — *Мних Р.* Передісторія, що вже стала історією, або «Переписка из двух концов» // *СЛАВІСТИКА. Т. 1: Дмитро Чижевський і світова славістика // Збірник наукових праць / ред. Р. Мниха та Є. Пшеничного. Дрогобич, 2003. С. 115–134.*
- Мних 2003б — *Мних Р.* Pro et Contra, або Три парадокси Дмитра Чижевського // *СЛАВІСТИКА. Т. 1: Дмитро Чижевський і світова славістика // Збірник наукових праць / ред. Р. Мниха та Є. Пшеничного. Дрогобич, 2003. С. 13–20.*
- Мних 2005а — *Мних Р.* Этика творчества и эстетика символа в осмыслении Дмитрия Чижевского // *Rossica Lublinensia III: Literatura. Mit. Sacrum. Kultura / red. M. Cymborska-Leboda. Lublin, 2005. S. 109–118.*
- Мних 2005б — *Мних Р.* Проблема поэтического творчества в русском зарубежном литературоведении: пример Дмитрия Чижевского // *Russische Emigration im 20. Jahrhundert. Literatur — Sprache — Kultur / hrsg. von F. Goebler. München, 2005. S. 135–149.*
- Мних 2007 — *Мних Р.* Wer wird nicht Čyževskij ehren? <Рец. на: *Чижевський Д.* Філософські твори: у 4 т. / під заг. ред. В. Лісового. Київ: Смолоскип, 2005> // *Україна модерна. Число 12, 2007 (1). Київ; Львів, 2007. С. 229–238.*

- Мних 2009 — *Мних Р.* Наследие Дмитрия Чижевского и проблемы гуманитарных наук на Украине // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2006–2007 (8) / под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М., 2009. С. 558–575.
- Мних 2009а — *Мних Р.* Из истории одного протокола: материалы Дмитрия Чижевского в архиве Венского университета // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien, 2009. Bd. 55/2009. S. 221–234.
- Мних 2009б — *Мних Р.* Проблема универсалий русской культуры в творческом наследии Дмитрия Чижевского // Универсалии русской культуры. Воронеж, 2009. С. 59–68.
- Мних 2009в — *Мних Р.* Творчество Дмитрия Чижевского в контексте европейской культуры 20 века // COLLOQUIA LITTERARIA SEDLCENSIA. Studia minora. Vol. I: Наследие Дмитрия Чижевского и проблемы его изучения / pod red. R. Mnicha i J. Urban. Siedlce, 2009. S. 25–30.
- Мних 2009г — *Мних Р.* Чижевский и актуальность его наследия // Междунар. науч. симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», Москва 24–26 марта 2009 // Труды и материалы. М., 2009. С. 36–37.
- Мних 2010а — *Мних Р.* Дмитрий Чижевский «Принцип относительности и его проверка астрономическим путем» // COLLOQUIA LITTERARIA SEDLCENSIA. T. IV: Дмитрий Чижевский и европейская культура / red. R. Mnich i J. Urban. Drohobycz; Siedlce, 2010. S. 299–307.
- Мних 2010б — *Мних Р.* Дмитро Чижевський і німецьке літературознавство // COLLOQUIA LITTERARIA SEDLCENSIA. T. IV: Дмитрий Чижевский и европейская культура / red. R. Mnich i J. Urban. Drohobycz; Siedlce, 2010. S. 123–130.
- Мних 2010в — *Мних Р.* Дмитро Чижевський як проблема / Dmytro Czyżewski jako problem // COLLOQUIA LITTERARIA SEDLCENSIA. T. IV: Дмитрий Чижевский и европейская культура / red. R. Mnich i J. Urban. Drohobycz; Siedlce, 2010. S. 7–8.
- Мних 2010г — *Мних Р.* Ернст Кассіпер і Дмитро Чижевський: До історії слов'янської реценції Е. Кассіпера // COLLOQUIA LITTERARIA SEDLCENSIA. T. IV: Дмитрий Чижевский и европейская культура / red. R. Mnich i J. Urban. Drohobycz; Siedlce, 2010. S. 111–122.
- Мних 2010д — *Мних Р.* Поэтика Дмитрия Чижевского // Русская литература XVIII–XXI вв. в диалоге с литературным и культурным наследием. Literatura rosyjska XVIII–XXI w. w dialogu ze spuścizną literacką i kulturową / pod red. O. Główko i E. Sadzińskiej. Łódź, 2010. S. 302–311.
- Мних 2010е — Публікації Дмитра Чижевського у журналі ARCHIV FÜR DAS STUDIUM DER NEUEREN SPRACHEN UND LITERATUREN // COLLOQUIA LITTERARIA SEDLCENSIA. T. IV: Дмитрий Чижевский и европейская культура / red. R. Mnich i J. Urban. Drohobycz; Siedlce, 2010. S. 309–320.
- Мних 2011а — *Мних Р.* Дмитро Чижевський — «ні в нас, ні в чужих» // СЛАВИСТИКА. Т. II: Дмитро Чижевський і європейська культура: Збірник наукових праць / ред. Є. Пшеничний, Р. Мних, В. Янцен. Дрогобич, 2011. С. 93–102.
- Мних 2011б — *Мних Р.* Дмитро Чижевський про проблеми дослідження поетичної мови (співавтор Оксана Блашків) // СЛАВИСТИКА. Т. II: Дмитро Чижевський і європейська культура: Збірник наукових праць / ред. Є. Пшеничний, Р. Мних, В. Янцен. Дрогобич, 2011. С. 427–434.
- Мних 2011в — *Мних Р.* Идея России в концепции Дмитрия Чижевского // Evropské areály a metodologie (Rusko, Střední Evropa, Balkán a Skandinávie) / ed. I. Pospíšil, J. Šaur. Brno, 2011. S. 59–70.
- Мних 2012а — *Мних Р.* Автобиографический дискурс Дмитрия Чижевского // Studia Rossica. XXI: Autobiografie pisarzy rosyjskich / red. nauk. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łuciewicz. Warszawa, 2012. S. 211–223.

- Мних 2012б — *Мних Р.* Дмитрий Чижевский и Польша // *Studia Rossica. XXII: Polska — Rosja: dialog kultur. Tom poświęcony pamięci Profesor Jeleny Cybienko / red. nauk. A. Wołodźko-Butkieiwcz, L. Łucewicz.* Warszawa, 2012. S. 311–320.
- Мних 2012в — *Мних Р.* Дмитрий Чижевский и формализм: гуссерлианский контекст // *Litteraria Humanitas. XVI: Dialogy o slovanských literaturách: tradice a perspektive.* Brno, 2012. S. 135–145.
- Мних 2012г — *Мних Р.* Пражский лингвистический кружок и русское философское литературоведение // *Nosně tradice české slavistiky / ed. I. Pospíšil, J. Šaur.* Brno, 2012. S. 27–38.
- О Достоевском 2007 — О Достоевском: Сб. статей под ред. А.Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М., 2007.
- Прокофьев 1930а — *Прокофьев П.* Кризис советской философии // *Современные записки.* Париж, 1930. Т. XLIII. С. 471–488.
- Прокофьев 1930б — *Прокофьев П.* Религиозная утопия Ал.А. Иванова // *Путь. Орган русской религиозной мысли.* 1930. Октябрь. № 24. С. 41–57.
- Роман Якобсон 1999 — Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999.
- Сазонова 2006 — *Сазонова Л.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
- Сорокина 2000 — *Сорокина М.Ю.* «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика-Якобсона» // *In memoriam: Ист. сб. памяти А.И. Добкина.* СПб.; Париж, 2000.
- Фізер 2005 — *Фізер І.* Про гадане гегельянство Дмитра Чижевського в його «Історії української літератури» // *Магістеріум. Вип. 21. Літературознавчі студії.* Київ, 2005. С. 54–56.
- Флоровский 1998 — *Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. М., 1998.
- Чижевский 1926 — *Чижевский Д.* «Jugendbewegung» в Германии в 1925 г. // *Русская школа за рубежом.* Прага, 1926. Ч. 21–22. С. 434–438.
- Чижевский 1928 — *Чижевский Д.* О формализме в этике (Заметки о современном кризисе этической теории) // *Философия / Filosofie / Русский нар. ун-т в Праге. Науч. труды.* Т. I. Прага / Praha, 1928.
- Чижевский 1938 — *Чижевский Д.* О «Шинели» Гоголя // *Современные записки.* Париж, 1938. Т. LXVII. С. 172–195.
- Чижевский 1939 — *Чижевский Д.И.* Гегель в России. Париж, 1939.
- Чижевський 1929 — *Чижевський Д.* Нові досліді над історією астрології // *Етнографічний вісник.* Київ, 1929. Кн. 8. С. 190–215.
- Шевельов 1994 — *Шевельов Ю.* Зустрічі з Романом Якобсоном // *Сучасність.* 1994. № 12. С. 93–128.
- Шпет 1991 — *Шпет Г.* К вопросу о гегельянстве Белинского (эюд) // *Вопросы философии.* 1991. № 7. С. 115–176.
- Шпет 2008 — *Шпет Г.* Очерк развития русской философии. I. М., 2008.
- Янцен 2008 — *Янцен В.* Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008.
- Birus 2003 — *Birus H.* Hermeneutik und Strukturalismus. Eine kritische Rekonstruktion ihres Verhältnisses am Beispiel Schleiermachers und Jakobsons // *Roman Jakobson Gedichtsanalysen. Eine Herausforderung an die Philologen / hrsg. von H. Birus, S. Donat und B. Meyer-Sickendiek.* Göttingen, 2003. S. 11–37.
- Fleischhacker 1934 — *Fleischhacker H.* Hegel bei den Slaven. Im Auftrage der Deutschen Gesellschaft für slavistische Forschung in Prag, mit Unterstützung des Slavischen Institutes in Prag herausgegeben von D. Čyževskij. Reichenberg, 1934 // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven / hrsg. von E. Hanisch.* Bd. X. Heft 3/4. Breslau, 1934. S. 201–210.

- Frank 1935a — *Frank S.* <Рец.:> Hegel bei den Slaven // *Neue National Zeitung*. Augsburg, 23.1.1935.
- Frank 1935b — *Frank S.* <Рец. на кн.:> Hegel bei den Slaven. Im Auftrage der Deutschen Gesellschaft für slavistische Forschung in Prag, mit Unterstützung des Slavischen Institutes in Prag herausgegeben von D. Čyževskij. Reichenberg, 1934 // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. XII. Leipzig, 1935. S. 435–440.
- Hegel bei den Slaven 1934 — Hegel bei den Slaven. Im Auftrage der Deutschen Gesellschaft für slavistische Forschung in Prag, mit Unterstützung des Slavischen Instituts in Prag / hrsg. von D. Čyževskij. Reichenberg, 1934.
- Hegel bei den Slaven 1961 — Hegel bei den Slaven / hrsg. von D. Tschizewskij (Čyževskij). Zweite, verbesserte Auflage. Darmstadt, 1961.
- Hessen 1935 — *Hessen S.* <Рец. на кн.:> Hegel bei den Slaven. Im Auftrage der Deutschen Gesellschaft für slavistische Forschung in Prag, mit Unterstützung des Slavischen Institutes in Prag herausgegeben von D. Čyževskij. Reichenberg, 1934 // *Germanoslavica*. Jahrgang III. Heft I. Prag, 1935. S. 163–169.
- Holenstein 1975 — *Holenstein E.* Roman Jakobsons phänomenologischer Strukturalismus. Frankfurt a/M, 1975.
- Jakobson 1995 — *Jakobson R.* Poetická funkce. Jinočany, 1995.
- Jakowenko 1940 — *Jakowenko B.* Geschichte des Hegelianismus in Russland. Erster Band. Prag, 1940.
- Janeff 1932 — *Janeff J.* Zur Geschichte des russischen Hegelianismus // *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. Bd. X (1932). Heft 1. S. 45–73.
- Koyré 1936 — *Koyré A.* Hegel en Russie // *Le Monde Slave*. Revue mensuelle. 1936. T. II. 1936. Mai. P. 215–248; Juin. P. 321–364.
- Levy 1927 — *Levy H.* Die Hegelrenaissance in der deutschen Philosophie, mit besonderer Berücksichtigung des Neukantianismus. Charlottenburg, 1927.
- Losskij 1934 — *Losskij N.* Hegel bei den Slaven // *Slavische Rundschau* VI. 1934. S. 357–359.
- Mnich 2008 — *Mnich R.* Ernst Cassirer and Dmytro Chyzhevsky: An Instance of Cassirer's Reception among the Slavs // *Journal of Ukrainian Studies*. Vol. 32, № 2. Winter 2007. Toronto: CIUS Toronto Office, 2008. P. 21–32.
- Mnich 2009 — *Mnich R.* Dmitrij Tschizewskij als Herausforderung und Provokation der ukrainischen Literaturwissenschaft // *Slavica Varia Halensia*. Bd. 9: Dmitrij I. Tschizewskij. Impulse eines Philologen und Philosophen für eine komparative Geistesgeschichte / hrsg. von A. Richter und B. Klosterberg. Berlin, 2009. S. 135–143.
- Seebohm 1968 — *Seebohm Th.M.* Dmitrij Tschizewskij (hrsg.), Hegel bei den Slaven, 2., verb. Aufl. Homburg v. d. H., 1961 // *Zeitschrift für Ostforschung*. 17. Jahrgang. Marburg, 1968. S. 127–131.
- Zenkovskij 1934 — *Zenkovskij V.V.* Der Geist der Utopie im russischen Denken // *Orient und Occident: Staat — Gesellschaft — Kirche*. Sechzehntes Heft. 1934. Juni. S. 23–31.

А.В. Тоичкина

ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ СТАТЬИ Д.И. ЧИЖЕВСКОГО
«К ПРОБЛЕМЕ ДВОЙНИКА»

(К методологии исследования ученого)

Статья Д.И. Чижевского «К проблеме двойника (Из книги о формализме в этике)» была опубликована в известном сборнике «О Достоевском», который вышел под редакцией А.Л. Бема в Праге в 1929 г. (см. об этом: [Магидова 2004, 2007; Васильева 2010]). Статья писалась в контексте философских исследований ученого, в частности, как раздел так и не завершенной им книги «О формализме в этике»¹. Работа Чижевского занимает особое место как в ряду его философских и литературоведческих исследований, так и собственно в истории изучения повести Достоевского. В истории достоевсковедения именно эта статья положила начало философской линии в интерпретации «Двойника». В судьбе Д. Чижевского данная работа связана с ключевым моментом в его научной биографии: в это время в его творчестве намечается поворот от чисто философских исследований к созданию масштабной историософии культуры, его «истории духа».

Существует два варианта текста статьи Чижевского «К проблеме двойника»: на русском (1929) и немецком (1931) языках. Немецкоязычный вариант вышел в составе сборника «Dostojevskij Studien. Gesammelt und herausgegeben von D. Čuževskij» [Čuževskij 1931]. Далее необходимо кратко очертить содержание статьи Чижевского.

В *первом разделе* — экспозиции — рассматривается история идеи двойника в творчестве Достоевского. Затем Д. Чижевский обращается к исследованию религиозно-философского смысла идеи двойника («внутренней структуре этой “идеи”» [Ibid., S. 21]). Во *втором разделе* статьи он рассматривает проблему двойника Голядкина в повести «Двойник»: «То, что появляется двойник и вытесняет господина Голядкина с его места, только демонстрирует, что это “место” было совершенно иллюзорным. <...> Здесь Достоевский вводит “этико-онтологическую” проблему устойчивости, реальности — надежности индивидуального существо-

---

¹ Работа была задумана как «магистерская диссертация», которую Чижевский «...собирался защищать под руководством С.Л. Франка в Русском научном институте в Берлине» [Янцен 2008, с. 69, 130]. Были опубликованы и другие части этого сочинения: [Чижевский 1928; 1928а; 1928б; 1931]. См. исследование незавершенной книги Чижевского «О формализме в этике» [Янцен 2008, с. 69–78, 133–136; Plotnikov 2012]. Проблеме двойничества (помимо рассматриваемой работы) посвящена статья Чижевского: «Goljadkin — Stavrogin bei Dostoevskij» [Čuževskij 1930, S. 358–362]. Эта же тема затронута ученым в его первой большой опубликованной работе о Достоевском «Шиллер и “Братья Карамазовы”» (1929).

вания. Эта проблема является одной из самых существенных проблем этики! Реальность человеческой личности не подтверждается просто ее эмпирическим существованием, а требует еще некоторых (внеэмпирических) предпосылок» [Čuževskýj 1931, S. 26–27]. В *третьем разделе* Чижевский обозначает новый уровень постановки проблемы в романном мире Достоевского: «*Онтологически-этическая неустойчивость* личности, однако, никоим образом не соотносится с ее психологической (“слабый характер”) или *социальной* (“зависимость”) слабостью. Поэтому в дальнейшем развитии образа двойника Достоевский связывает эту этически-онтологическую слабость личности с характерами совсем другого рода, чем был Голядкин» [Ibid., S. 27]. Затем Чижевский рассматривает проблему двойничества Версилова и обращается к анализу «Бесов» и «Братьев Карамазовых». *Четвертый и шестой разделы* статьи посвящены рассмотрению проблемы двойничества Ставрогина и Ивана Карамазова в художественных мирах романов. Проблема двойника в связи с образом Ставрогина рассматривается на нескольких уровнях (проблема его души, отношений Ставрогина с другими героями романа, двойничество). Чижевский пишет: «...в душе Ставрогина нет целеустремленности, нет главного направления <...> он не знает “магнитного полюса”, к которому, по мнению Достоевского, влечется каждая живая душа — он не знает Бога! Живая, конкретная душа человека, всякое его “место” в мире становится возможным только посредством живой связи людей с Божественным бытием. <...> Поэтому для “безграничной”, но также и безбожной, силы Ставрогина в мире остается одно только последнее “место”, которое <...> похоже на места, где Голядкин хотел спрятаться от мира» [Ibid., S. 33]. Путь к конкретности (путь к жизни) был открыт Ставрогину. Путь этот лежал через стыд и позор, и Ставрогин по нему не пошел. В «Братьях Карамазовых» (*пятый раздел* статьи) «...в основе всей конструкции романа лежит различие путей, которыми три брата приходят к пониманию этически-религиозной базовой максимы: “Каждый за всё и за всех виноват”. Алеша идет путем веры. Дмитрий — страдания, а для рационалиста Ивана остается только один путь — путь безумия, разрушения личности, путь переживания двойничества» [Ibid., S. 35]. Таким образом, Чижевский выстраивает типологический ряд: Голядкин — Версиров — Ставрогин — Иван Карамазов. В шестом разделе проблема двойника анализируется как проблема религиозной этики.

В *седьмом разделе* рассматривается вопрос о положениях религиозной этики Достоевского. Проблема «своего места» важна не только для Достоевского. «Эта проблема, по сути, является одной из самых центральных для русской духовной жизни девятнадцатого века. В западноевропейской философии эта проблема выступает лишь в отдельных случаях (например, у Фихте — ср. его определение “сферы свободы”, у Песталоцци, у Макса Штирнера), но в России она обсуждалась на каждом шагу не только в философской литературе, но и в художественной²» [Ibid., S. 40]. Далее, после ряда примеров, Чижевский дает определение «ближнего», как его понимает Достоевский: «“Ближние” не просто даны нам. Для тех же людей, которые, как Версиров или Иван (или также Ставрогин), не способны поставить себя в отношении “близости” с другими людьми, не существует “ближ-

² Далее речь идет о типах лишних людей.

них». Люди становятся для нас “ближними” только посредством того, что мы ставим себя по отношению к ним в особое положение. Основание этого отношения — это “нежелание судить”» [Čuževskýj 1931, S. 42]. Достоевский, как пишет дальше Чижевский, «...хочет показать <...>, что единственное возможное четкое основание человеческого существования в его конкретности, то есть и “свое место” человека в нравственном мире — это Бог. “Место” каждого человека — в Боге. Если связь с Богом теряется, утрачивается и онтологическая устойчивость человеческого существования» [Ibid., S. 44]. Это и приводит к появлению двойника. Субъект теряет «сферу свободы», «собственное место», свое «где». Внутреннее раздвоение воплощается во внешнем явлении двойника.

В последнем, *восьмом разделе*, Чижевский рассматривает философские идеи (преимущественно XIX в.), которые проясняют истоки проблемы двойничества у Достоевского. Завершает Чижевский статью сопоставлением идей Кьеркегора и Достоевского. Проблема двойничества у Достоевского — это та же (что и у Кьеркегора) «проблема абстракции, которая стремится стать жизненным принципом и которая посредством этого подрывает конкретную жизнь, ослабляет, даже убивает. И внутренняя сила постановки вопроса Достоевским заключается именно в том, что он показал проблему абстракции в ее проявлении в повседневности, на общечеловеческом уровне» [Ibid., S. 50].

Вопрос о философском контексте статьи Чижевского о проблеме двойника можно условно разделить на две части: 1) философское осмысление истоков явления двойничества в XIX в. (от Канта до Ницше); 2) контекст философских исследований 10–20-х гг. XX в., т. е. современной Чижевскому философии. В рамках данной работы я остановлюсь на значении М. Хайдеггера и его знаменитого трактата «Бытие и время» (1927) для философских трудов Чижевского, в частности, для статьи о проблеме двойника у Достоевского. Отмечу сразу, что Хайдеггер упомянут как в русском, так и в немецком вариантах статьи «К проблеме двойника».

Чижевский сделал свой первый доклад на эту тему в Русском народном университете в Праге на Семинарии А.Л. Бема 12 февраля 1927 г.³ А весной 1927 г. вышел знаменитый труд Мартина Хайдеггера (1889–1976) «Бытие и время». Чижевский был знаком с Хайдеггером. Он познакомился с ним еще во Фрейбурге, когда учился у Эдмунда Гуссерля (1859–1938)⁴. Можно сказать, что Чижевского и Хайдеггера свела вместе феноменология Гуссерля [Кортгаазе 2005, с. 287]. Известно, что Чижевский общался с Хайдеггером вплоть до 1933 г., когда немецкий ученый стал сотрудничать с гитлеровской властью. Нет сомнений, что Чижевский внимательно следил за научной деятельностью Хайдеггера, и появление «Бытия и времени» было для него, безусловно, событием. Но вот как он оценил его трактат? 12 августа 1927 г. в одном из писем он пишет о «Бытии и времени»: «Книга хорошая, однако ее, возможно, следует воспринимать как нереалистическую» [Там же]⁵. Через месяц он снова пишет, что «еще не закончил»

³ Пользуюсь возможностью поблагодарить В.В. Янцена за предоставленные сведения, в частности, составленный на архивной базе данных сводный список докладов Д.И. Чижевского.

⁴ См. об этом: [Кортгаазе 2005, с. 285]. Перевод с украинского мой. — А.Т.

⁵ В издании, по которому приводятся цитаты, адресаты писем Чижевского не указаны.

книгу Хайдеггера, и добавляет: «Вторая часть <значительно> интереснее, хотя намерения ее достаточно непонятны» (4.9.1927, письмо из Фрейбурга) [Кортгаазе 2005, с. 285]. Через год Чижевский пишет: «Уже во второй раз перечитываю книгу Хайдеггера. Он производит на меня сильное впечатление», а далее: «...хотя у меня было впечатление, что я “приблизительно” знаю все, про что там идет речь...» (24.7.1928, письмо из Церингена). Еще через две недели читаем: «Я пересылаю вам книгу Хайдеггера. Она, конечно, не очень хорошая» (8.8.1928, письмо из Церингена) [Там же, с. 288].

Критическая оценка Чижевским «Бытия и времени» не покажется странной, если мы попробуем проанализировать ее в контексте его работ 1920-х гг. (в частности, работ по этике, к которым относится и статья о двойнике у Достоевского)⁶. Известно, что Хайдеггер использовал феноменологию для построения своей онтологии бытия. Известно также, что он выстроил онтологию «Бытия и времени» вне религиозной идеи, вне телеологии⁷. Для Чижевского, судя по всему, онтология вне религиозной идеи заключала в себе противоречие в определении предмета исследования. Именно потому, видимо, он и писал о «нереалистичности» книги Хайдеггера. Тем не менее читал он трактат не один раз. И книга производила на него «сильное впечатление». Что было важным для Чижевского в «Бытии и времени»? Не претендуя на специальный анализ сложного, значительного и исторического философского сочинения Хайдеггера (о нем существует своя большая литература), попробуем обозначить переклички между трудами и мыслями Чижевского и Хайдеггера, общие точки и пункты расхождений, которые помогут прояснить смысловое своеобразие научного подхода Чижевского.

Конечно, для Чижевского была важна феноменология и принципиальный перенос ее в сферу онтологии. Приведу некоторые важные для темы моей работы цитаты из «Бытия и времени». Вот что пишет Хайдеггер: «Феноменология есть способ подхода к тому и способ показывающего определения того, что призвано стать темой онтологии. *Онтология возможна только как феноменология*. Феноменологическое понятие феномена имеет в виду как кажущее себя бытие сущего, его смысл, его модификации и дериваты. И казание себя здесь ни какое угодно, ни тем более что-то вроде явления. Бытие сущего всего менее способно когда-либо быть чем-то таким, “за чем” стоит еще что-то, “что не проявляется”» [Хайдеггер 1997, с. 35–36]. «Взятая предметно-содержательно, феноменология есть наука о

⁶ Необходимо отметить, что оценка Д. Чижевским трактата М. Хайдеггера совершенно органично вписывается в контекст восприятия «Бытия» русскими религиозными философами, в частности, Н. Бердяевым и Н. Лосским (см.: [Плотников 2012]). О значении феноменологии для русской религиозной философии см.: [Счастливецова 2012], а также: [Назарова 2012].

⁷ Конечно, вопрос о телеологичности онтологии Хайдеггера является сложным и спорным. Так, Н. Бердяев писал, что «...философия Гейдеггера, феноменологическая по форме, есть христианская метафизика без Бога и за ней скрыта религиозная тревога <...>. Это очень мрачная и пессимистическая философия, более пессимистическая, чем философия Шопенгауэра, которая знает много утешений» [Плотников 2012, с. 470]. М. Шелер конечную причину столь «пессимистического» образа человека у Хайдеггера видит в теологической основе его рассуждений: «разновидность неокальвинизма, теология Барта и Гогартена» [Там же, с. 477]. Ср. книгу В.В. Бибикина [Бибихин 2009].

бытию сущего. В данном прояснении задач онтологии возникла необходимость фундаментальной онтологии, которая имеет темой онтологически-онтически особенное сущее, присутствие, а именно так, что ставит себя перед кардинальной проблемой, вопросом о смысле бытия вообще. Из самого разыскания выяснится: методический смысл феноменологической дескрипции есть *толкование*. <Логос> феноменологии присутствия имеет характер <...> герменевтики, *через* которую бытийная понятливость, принадлежащая к самому присутствию, *извещается* о собственном смысле бытия и основоструктурах своего бытия. Феноменология присутствия есть *герменевтика* в исконном значении слова, означающем занятие толкования. <...> В этой герменевтике тогда, насколько она онтологически разрабатывает историчность присутствия как онтическое условие возможности историографии, коренится то, что может быть названо “герменевтикой” только в производном смысле: методология историографических наук о духе» [Хайдеггер 1997, с. 37–38]. Далее Хайдеггер указывает: «...одно дело сообщать повествуя о *сущем*, другое схватить сущее в его *бытии*» [Там же, с. 39].

Безусловно, важной для Чижевского была и «Постановка экзистенциального вопроса о кто присутствия» [Там же, с. 114]⁸. Онтологический смысл своего места в мире, центральный в работах Чижевского по этике, тоже ставится Хайдеггером в контексте его рассмотрения понятия присутствия («здесь-присутствия» — [Там же, с. 119, 120, 132]⁹. Понятия страха [Там же, с. 140–142] и ужаса [Там же, с. 184–191] тоже находятся в поле зрения обоих философов¹⁰. Ясно также, почему вторая часть трактата Хайдеггера Чижевскому была интересней первой. Именно во второй части философ рассматривает принципиально значимые для Чижевского вопросы: онтологический смысл смерти [Там же, с. 235–267], онтология совести [Там же, с. 267–301], онтологический смысл истории [Там же, с. 372–404]. Конечно, плоскость решения онтологических вопросов в трактате Хайдеггера для Чижевского была неприемлема. Поэтому он, судя по всему, и пишет о непонятности намерений ученого и о том, что книга в целом не хороша и не дала ему ничего принципиально нового. Тем не менее опыт Хайдеггера был для него существенен на путях разработки собственной методологии.

14 декабря 1927 г. Чижевский обратился к проблеме двойника в рамках очередного доклада, который он сделал в Философском обществе в Праге. На этот раз это был доклад на тему «Проблема формальной этики». В тезисах отражено место, которое должен был занимать анализ проблемы двойника у Достоевского в «Этике» Д. Чижевского. Предполагался, во-первых, логический анализ основной проблемы формальной этики. Вывод ученого: «...отсутствуют логические предпо-

---

⁸ С проблемой двойника вполне соотносимо, к примеру, следующее рассуждение в трактате Хайдеггера: «“Я” можно понимать только в смысле необязывающего формального указания на что-то, что в конкретной феноменальной бытийной взаимосвязи разоблачится возможно как его “противоположность”. Причем “не-Я” никак не означает тогда чего-то вроде сущего, которое сущностно лишено свойств “Я”, но имеет в виду определенный способ бытия самого “Я”, к примеру потерю себя» [Хайдеггер 1997, с. 116].

⁹ На это указывает Н.С. Плотников (см.: [Plotnikov 2012, S. 157]).

¹⁰ Чижевский, опираясь в немецком варианте работы о двойнике на Кьеркегора, отсылает также к Хайдеггеру и Тиллиху [Čiževský 1931, S. 45].

сылки для утверждения, что этическое действие должно исходить из общих принципов, данных в форме общих суждений (аналогичных по структуре законам природы. Кант)» [Чижевский 1928а, с. 9]. Во-вторых, антропологический анализ «...показывает необоснованность полного отрицания этического значения “удовольствия” или “наслаждения” <...>. Между тем никакое действие невозможно без привязанности человека к этому — конкретному, к этому — непосредственно данному, в чем реализуются все ценности этического действия» [Там же]. В-третьих, онтологический: «Закон, значимый для всех, равнодушен к тому, кто его осуществляет, индивидуальность растворяется в надъиндивидуальном, личное — в безличном, индивидуальное *бытие* утрачивает *смысл*» [Там же, с. 10]. Именно в этом разделе шла речь о проблеме двойника у Достоевского. В-четвертых, с точки зрения философии религии, в последнем параграфе Чижевский приходит к заключению, что «...гарантии добра не даются этическим законом, но могут быть даны лишь Абсолютным бытием (проблема “благодати”, в зачаточной форме заключенная уже в “демоне” Сократа)» [Там же, с. 10–11]. Как справедливо пишет В. Янцен, «...в этой программе заключительное место отводится религиозно-философскому анализу, а решение психологической проблемы раздвоения и двойничества в произведениях Достоевского Чижевский ищет в онтологии» [Янцен 2008, с. 133]. В. Янцен, указывая на религиозно-философский аспект работ Чижевского по этике, обозначает значимость влияния и трудов С.Л. Франка, под руководством которого Чижевский писал свой труд по этике¹¹. Конечно, тема эта требует отдельного рассмотрения, как, скажем, и тема значения работ Н.О. Лосского 1920-х гг. для становления научной методологии Д. Чижевского. Важно отметить, что «система координат» русской религиозной философии оказалась принципиально важна для Чижевского в дальнейшем, при создании его «истории духа», глубокий телеологический характер которой обозначил своеобразие исследовательского пути слависта-историка в Германии.

Книга о формальной этике в конечном итоге написана не была. Проблему онтологии Чижевский решал в работах по истории философии и литературы: в книге «Философия Г.С. Сковороды» (1934)¹², статьях о Достоевском («К проблеме бессмертия: Достоевский — Страхов — Ницше», 1936–1947) и других работах. Решал, конечно, и отталкиваясь от опыта онтологии Хайдеггера¹³, и определяясь

¹¹ Так, В. Янцен пишет: «Не исключено, что выбор темы диссертации (кризис современного нравственного сознания и его отражение в этике) и не исторического, а систематического плана ее рассмотрения, связанного с примерами из истории русской литературы, был сделан именно под влиянием Франка и его размышлений над книгой М. Шелера “О формализме в этике”. <...> Чижевский, выдвигая проблемы онтологии на первый план, всегда справедливо подчеркивал преимущество исследований Франка (“Предмет знания”, 1915) перед работами немецких философов (Н. Гартмана, М. Шелера, и М. Хайдеггера)» [Янцен 2006, с. 321].

¹² В книге Д. Чижевского «Філософія Г.С. Сковороди», изданной в Варшаве в 1934 г. на украинском языке, есть разделы «Метафізика», «Антропологія», «Етика», «Містика». Конечно, Чижевский рассматривает творчество украинского философа. Но вместе с тем он систематизирует представления Сковороды, изложенные в диалогах, баснях, стихах. Систематизация и «угол зрения» исследователя вполне характеризуют философские взгляды самого Д. Чижевского.

¹³ В частности, его решения проблемы смерти.

с принципами исследования своей историософии в духе русской религиозной мысли. В одном из примечаний к немецкому варианту статьи «К проблеме двойника» он пишет следующее: «Но в данной статье я только попытался отобразить настоящие идеи Достоевского, не занимая по отношению к ним определенной позиции <...> — некоторые философские наблюдения, примыкающие к изложению этой статьи, я опубликую впоследствии» [Čiževskýj 1931, S. 46]. Примечание характеризует принципы «истории духа»: в религиозном аспекте рассматривается факт истории литературы. Но задача исследователя — заставить высказаться текст и его автора. Теоретически этот подход был осмыслен Чижевским в его статье «Представитель, знак, понятие, символ», которую он сам считал центральной частью своего труда по этике [Янцен 2008, с. 72].

Много лет спустя, в известной ответной речи Ф. Степуну на поздравление с 70-летием, Д. Чижевский сказал следующее: «Приехав впервые 13 мая 1921 года в Гейдельберг, я составил список своих предполагаемых исследований. К настоящему времени почти все из него опубликовано» [Чижевский 2007, с. 467]. Это высказывание указывает на существенную специфику эволюции Д. Чижевского. Судя по всему, главным интересом его жизни со студенческих лет была история философии (известно, что его диссертация, которую он защитил в Киевском университете, была посвящена Шиллеру и называлась «О философском развитии Шиллера»). Видимо, список «предполагаемых трудов» состоял из работ по истории философии и литературы. Но в 1920-е гг. Чижевский, кажется, был увлечен по преимуществу именно философией: он учился у Гуссерля, слушал лекции Хайдеггера, активно участвовал в деятельности Философского общества в Праге¹⁴. В одной из своих автобиографий он так писал об этом времени: «Завершив образование в 1924 году, я начал свою преподавательскую деятельность. Но как только я начал заниматься историей философии славянских народов, от чисто историко-философских исследований меня потянуло к несколько более обширным “духовно-историческим” темам. Уже тогда (где-то в 1926 году) я решил посвятить свою жизнь работе над историей философии на славянской почве, дополнив <потом> этот план дальнейшим планом <создания> сравнительной истории славянских литератур» («Творческая автобиография. Июль 1945 года») [Там же, с. 51]. И далее в этой же автобиографии он пишет: «Мои разнообразные печатные труды не затрагивают случайных тем, наоборот, все они опираются на определенный план» [Там же, с. 53]. Чижевский всю жизнь работал над своей «историей духа», которая включала в себя историю мысли, литературы, изобразительного искусства и языка. И принципиальное своеобразие исследований Д. Чижевского состояло в подходе к изучению развития истории национальной культуры как к воплощению духовных, религиозных, философских исканий данного народа. Сам Чижевский следующим образом разъяснял специфику своего подхода в своей немец-

---

¹⁴ Среди своих учителей в философии он впоследствии называл: «...в Петербурге и Киеве — А. Гиляров, В. Зеньковский, Н. Лосский, в Гейдельберге — К. Ясперс, во Фрейбурге — Э. Гуссерль, Р. Кронер, Ю. Эббинггауз, М. Хайдеггер, Й. Кон» [Чижевский 2007, с. 46]. Важно, конечно, указать на то, что влияние немецкой мысли ни в коей мере не отменяет значимости для Чижевского русской религиозной философии, в особенности С.Л. Франка, Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского.

кой монографии 1959–1961 гг. «Русская история духа»: «Чем занимается история духа? На этот вопрос можно ответить тавтологически: “историческим развитием духа”. <...> Под духом (которым занимается история духа) мы понимаем сознание человеком сущности своего бытия. <...> К содержанию этого сознания относится представление человека о том, какое место он занимает в кругу других людей, в природе (“в космосе”) и в сверхъестественном мире (в том случае, если признается существование такового), наконец, в каких отношениях он находится с прошлым и будущим. История духа может заниматься таким сознанием только тогда, когда оно либо сформулировано отвлеченно, либо может быть приведено к отвлеченной формулировке посредством исследования. Поскольку историк духа чаще имеет дело с написанным словом (реже с устной традицией) как со своим источником, он может надеяться, что такая отвлеченная формулировка может быть получена посредством интерпретации. Также и в случаях, когда объектом истории духа являются материальные памятники, она может иногда приходиться к понятийному пониманию духа, действующего через эту материю» [Tschizewskij 1959, S. 7–8].

Принципиально важным является метод исследования Чижевского. Создавая «историю духа» (от древности до XX в.), ученый использует индуктивный метод. Так, в своих работах по истории литературы он идет от анализа литературных фактов (в частности, изучения их стиля) к концепции стилей и историко-культурных эпох и их взаимодействий. Отрицая *рационализирующую* философию истории, для которой «...все специфически историческое остается <...> “неким не поддающимся рационализации остатком”» (выражение П.М. Бицилли) [Чижевский 1929, с. 544], Д.И. Чижевский на основе гегелевской диалектики вырабатывает свою диалектическую «философию истории», вносящую процессуальность и временную обусловленность в самую сферу ценностей¹⁵. «Стихия исторического» являлась для Чижевского воплощением духовных ценностей данной национальной культуры в данную эпоху ее развития. Для него конкретные исторические формы ее бытования и являлись непосредственным и абсолютно ценным предметом исследования. Выработывалась же эта научная методология именно в 1920-е гг. Задача Хайдеггера «схватить сущее в его *бытии*» нашла своеобразное преломление в историософии Д. Чижевского. И статья «К проблеме двойника» стала не только первым опытом осмысления философского содержания и философских контекстов повести Достоевского, но и целым этапом в разработке ученым основных принципов его подхода и методологии религиозно-философской интерпретации поэтики художественного произведения.

Литература

- Бибихин 2009 — Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер. Материалы к семинару. М., 2009. 536 с.
 Васильева 2008 — Васильева М.А. П.М. Бицилли и Д.И. Чижевский: К истории одного «заочного» диалога // Вестник Воронежского гос. ун-та. (Сер. Филология. Журналистика). 2008. №. 1. С. 18–24.

¹⁵ О сопоставлении идей П.М. Бицилли и Д.И. Чижевского см., например: [Васильева 2008].

- Васильева 2010 — *Васильева М.А.* Проблема двойника в работах пражского Семинария по изучению Достоевского: Открытое пространство // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 95–106.
- Кортгаазе 2005 — *Кортгаазе В.* Від Меланхтона до Коменського і Чижевського. Дрогобич: Київ, 2005. 378 с.
- Магидова 2004 — *Магидова М. Д.И.* Чижевский — участник пражского Семинария по изучению Достоевского // *Dmytro Čyževskij, osobnost a dílo. Praha, 2004. S. 149–162.*
- Магидова 2007 — *Магидова М.* Пражские сборники «О Достоевском» // О Достоевском: Сб. статей под редакцией А.Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М., Русский путь, 2007. С. 9–47.
- Назарова 2012 — *Назарова О.А.* «Онто-феноменологический» проект Семена Людвиговича Франка // Семен Людвигович Франк / под ред. В.Н. Поруса. М., 2012. С. 212–231.
- Плотников 2012 — *Плотников Н.С. С.Л. Франк о М. Хайдеггере.* К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли // Семен Людвигович Франк / под ред. В.Н. Поруса. М., 2012. С. 466–490.
- Счасливцева 2012 — *Счасливцева Е.* Очерки развития феноменологической мысли в России. М., 2012. 476 с.
- Хайдеггер 1997 — *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. В.В. Библихина. М., 1997. 452 с.
- Чижевский 1928 — *Чижевский Д.* О формализме в этике // Труды Русского нар. ун-та. Прага, 1928. Т. 1. С. 195–209.
- Чижевский 1928а — *Чижевский Д.* Проблема формальной этики // Философское общество в Праге, 1927–1928. Прага, 1928. С. 9–11.
- Чижевский 1928б — *Чижевский Д.* Представитель, знак, понятие, символ: (Из книги о формальной этике) // Философское общество в Праге, 1927–1928. Прага, 1928. С. 20–24.
- Чижевский 1929 — *Чижевский Д. П.М. Бицилли:* Очерки теории исторической науки // Современные записки. 1929. № 39. С. 542–547.
- Чижевский 1931 — *Чижевский Д.* Этика и логика. К вопросу о преодолении этического «формализма» // Труды Русского нар. ун-та. Прага, 1931. Т. 4. С. (50) 222 — (68) 240.
- Чижевский 2007 — *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977). М., 2007. 848 с.
- Янцен 2006 — *Янцен В.В.* Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932–1937, 1947 гг.) // Русский Берлин 1920–1945: Междунар. науч. конф. 16–18 декабря 2002 г. М., 2006. С. 304–326.
- Янцен 2008 — *Янцен В.В.* Неизвестный Чижевский. СПб., 2008. 162 с.
- Čyževskýj 1930 — *Čyževskýj D. Goljadkin — Stavrogin bei Dostoevskij // Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1930. Bd. VII. S. 358–362.*
- Čyževskýj 1931 — *Čyževskýj D.* Zum Doppelgängerproblem bei Dostojevskij. Versuch einer philosophischen Interpretation // Dostojevskij-Studien. Gesammelt und herausgegeben von D. Čyževskýj. Reichenberg, 1931. S. 19–50.
- Tschizewskij 1959 — *Tschizewskij D.* Das Heilige Rußland. Russische Geistesgeschichte I. 10.–17. Jahrhundert. Hamburg, 1959. 176 S.
- Plotnikov 2012 — *Plotnikov N.* Der Sinn der Individualität. Zum Entwurf einer phänomenologischen Ethik bei Dmitrij Tschizewskij // Plotnikov N., Siegfried M., Bonnemann J. (Hg.) Zwischen den Lebenswelten. Interkulturelle Profile der Phänomenologie. SYNEIDOS. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte. Berlin: LIT Verlag, 2012. Bd. 3. S. 147–165.

Д.И. Чижевский

К ПРОБЛЕМЕ ДВОЙНИКА У ДОСТОЕВСКОГО

Попытка философской интерпретации

Публикация и комментарии А.В. Тоичкиной

Статья Д. Чижевского «Zum Doppelgängerproblem bei Dostojewskij. Versuch einer philosophischen Interpretation» опубликована в сборнике «Dostojewskij-Studien», составленном и вышедшем под редакцией ученого [Čuževskýj 1931, S. 19–50]. У нас хорошо известен русский вариант статьи Чижевского «К проблеме двойника» (опубликован в сборнике под редакцией А.Л. Бема «О Достоевском») [Вокруг Достоевского 2007, с. 54–73]. Немецкий вариант в значительной степени отличается от известного у нас русскоязычного текста. Если в русском тексте (1929) подзаголовок был: «Из книги о формализме в этике», то в немецком (1931) — «Попытка философской интерпретации». Немецкоязычная версия значительно расширена за счет цитат из текстов Достоевского. Кроме того, изменена структура исследования: в русском тексте пять основных разделов и два заключительных; в немецком материал перераспределен и уложен в восемь разделов. Последние разделы фактически написаны заново. Объем статей в обоих случаях 30 и 31 страницы, но шрифт и печать различны, что и сказалось на формальном сходстве объема. По количеству же знаков немецкий текст значительно больше (русская версия около 52 359 знаков, немецкая в переводе — около 88 253). В немецком тексте много вставок и дополнений. Русский текст соотносится с немецким практически как конспект с полным текстом. Необходимо, правда, обозначить и проблему стиля немецкоязычного варианта статьи, его многословность и неточность в передаче мыслей, известных нам по русскому тексту. В. Янцен считает, что неточности — следствие перевода статьи немецким переводчиком, плохо понимавшим русский текст; однако в таком случае возникает вопрос: почему Чижевский не внес редакторскую правку в текст немецкого варианта его статьи, помещенной в составленный им сборник? Кто был переводчиком и был ли на самом деле переводчик — достоверно неизвестно. Впрочем, проблема стиля немецких работ Д. Чижевского еще ждет своего исследования. По причине указанной выше специфики стиля немецкого текста статьи при редактировании перевода был в значительной степени использован русский вариант.

В рамках данной публикации впервые предлагается немецкий вариант работы Чижевского на русском языке. Перевод выполнен М.Д. Кармановой. Примечания публикатора даются в угловых скобках, примечания Д.И. Чижевского — без скобок. Публикатор пользуется возможностью поблагодарить В.В. Янца и С.Ю. Иванова за помощь в подготовке перевода.

Литература

- Аванесов 1927 — *Аванесов Р.И.* Достоевский в работе над «Двойником» // Творческая история. Исследования по русской литературе / под ред. Н.К. Пиксанова. М., 1927. С. 154–192.
- Ареопагит 2006 — *Ареопагит Дионисий.* Корпус сочинений. С приложением толкований преп. Максима Исповедника / пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова. СПб., 2006. 464 с.
- Вокруг Достоевского 2007 — Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сб. статей под редакцией А.Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М., 2007. 576 с.
- Врангель 1912 — *Врангель А.Е.* Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири. 1854–1856 гг. СПб., 1912. 221 с.
- Герцен 1919 — *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. / под ред. М.К. Лемке. Пг., 1919. Т. 1: 1820–1837 гг. № 1–166. 450 с.
- Гессен 1928 — *Гессен С.И.* Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» // Современные записки. 1928. № XXXV. С. 308–338.
- Долинин 1925 — *Долинин А.С.* Страницы из «Бесов» (в канонический текст не включенные) // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. Л.; М., 1925. С. 544–556.
- Достоевский 1911–1918 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. с многочисленными приложениями / под ред. Л.П. Гроссмана. Пг., 1911–1918.
- Достоевский 1928–1959 — *Достоевский Ф.М.* Письма: в 4 т. / под ред. А.С. Долинина. М.; Л., 1928–1959.
- Достоевский 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990.
- Магидова 2004 — *Магидова М. Д.И. Чижевский — участник пражского Семинария по изучению Достоевского* // Dmytro Čuževský, osobnost a dílo. Praha, 2004. S. 149–162.
- Магидова 2007 — *Магидова М.* Пражские сборники «О Достоевском» // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сб. статей под редакцией А.Л. Бема / сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М., 2007. С. 9–47.
- Назарова 2012 — *Назарова О.А.* «Онто-феноменологический» проект Семена Людвиговича Франка // Семен Людвигович Франк / под ред. В.Н. Поруса. М., 2012. С. 212–231.
- Писарев 2002 — *Писарев Д.И.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М., 2002.
- Плотников 2012 — *Плотников Н.С. С.Л. Франк о М. Хайдеггере. К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли* // Семен Людвигович Франк / под ред. В.Н. Поруса. М., 2012. С. 469–472.
- Счастливецова 2012 — *Счастливецова Е.* Очерки развития феноменологической мысли в России. М., 2012. 476 с.
- Тоичкина 2011 — *Тоичкина А.В.* Концепция просвещения в работах Д.И. Чижевского о Достоевском // Вестник РХГА. 2011. № 12, вып. 3. С. 199–208.
- Тоичкина 2012 — *Тоичкина А.В.* Достоевский, Страхов, Ницше в «истории духа» Д.И. Чижевского // Вестник РХГА. 2012. № 13, вып. 2. С. 145–153.
- Хайдеггер 1997 — *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. В.В. Библихина. М., 1997. 452 с.
- Чернышевский 1950 — *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 7: Статьи и рецензии 1860–1861. М., 1950. 520 с.
- Чижевский 1928 — *Чижевский Д.* О формализме в этике // Труды Русского нар. ун-та в Праге. Прага, 1928. Т. 1. С. 195–209.
- Чижевский 1928а — *Чижевский Д.* Проблема формальной этики // Философское общество в Праге, 1927–1928. Прага, 1928. С. 9–11.
- Чижевский 1928б — *Чижевский Д.* Представитель, знак, понятие, символ: (Из книги о формальной этике) // Философское общество в Праге, 1927–1928. Прага, 1928. С. 20–24.

- Чижевский 1929 — *Чижевский Д. П. М.* Бицилли: Очерки теории исторической науки // Современныe записки. 1929. № 39. С. 542–547.
- Чижевский 1930 — *Чижевский Д.* <Прокофьев П.>. Религиозная утопия Ал.А. Иванова // Путь. 1930. № 24. С. 41–57.
- Чижевский 1931 — *Чижевский Д.* Этика и логика. К вопросу о преодолении этического «формализма» // Труды Русского нар. ун-та. Прага, 1931. Т. 4. С. (50) 222 — (68) 240.
- Чижевский 1936 — *Чижевский Д.* К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов — Достоевский — Ницше) // Жизнь и смерть: Сб. памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова / под ред. А.Л. Бема, Ф.Н. Досужкова и О. Лосского. II: Статьи памяти Н.Е. Осипова. Прага, 1936. С. 26–38.
- Чижевский 1965 — *Чижевский Д.* Новые книги о Достоевском: М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; А.С. Долинин. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подрасток» и «Братья Карамазовы». М.; Л., 1963 // Новый журнал. 1965. Кн. 81. С. 282–286.
- Чижевский 2007 — *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977). М., 2007. 848 с.
- Чижевський 1931 — *Чижевський Д.* Нариси з історії філософії на Україні. Прага, 1931. 176 с.
- Янцен 2006 — *Янцен В.В.* Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932–1937, 1947 гг.) // Русский Берлин 1920–1945. Междунар. науч. конф. / науч. ред. Л.С. Флейшман; сост. М.А. Васильева, Л.С. Флейшман. М., 2006. С. 304–326.
- Янцен 2008 — *Янцен В.В.* Неизвестный Чижевский. СПб., 2008. 162 с.
- Dostojewski 1922 — *Dostojewski F.M.* Arme Leute; Der Doppelgänger: Zwei Romane; Ubertragen von E.K.Rahsin. Munchen: R. Piper&Co. Verlag, 1922.
- Čyževskýj 1929 — *Čyževskýj D.* Schiller und die «Brüder Karamazov» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1929. Bd. VI (1/2). S. 1–42.
- Čyževskýj 1930 — *Čyževskýj D.* Goljadkin — Stavrogin bei Dostoevskij // Zeitschrift für slavische Philologie. 1930. Bd. VII. S. 358–362.
- Čyževskýj 1931 — *Čyževskýj D.* Zum Doppelgängerproblem bei Dostojevskij. Versuch einer philosophischen Interpretation // Dostojevskij-Studien / Gesammelt und herausgegeben von D. Čyževskýj. Reichenberg 1931. S. 19–50.
- Tschižewskij 1931 — *Tschižewskij D.* Fedor Dostojewskij. Auseinandersetzung mit der Aufklärung. Aus dem Russischen übersetzt von Alexander Kresling, mit einer Einleitung von D. Tschižewskij // Orient und Occident. Blätter für Theologie und Soziologie. 1931. Heft VII. S. 1–10.
- Tschižewskij 1947 — *Tschižewskij D.* Dostojewskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen Wiederkunft. Kleine Schriften aus der Sammlung «Deus et anima». 1. Schriftenreihe. Bd. 6. Universitäts-Verlag Boon, 1947. 16 S.
- Tschižewskij 1959 — *Tschižewskij D.* Das Heilige Rußland. Russische Geistesgeschichte I. 10.–17. Jahrhundert. Hamburg, 1959. 176 S.
- Tschižewskij 1975 — *Tschižewskij D.* Dostojewskij und die Aufklärung. Tübingen, 1975. 30 S.
- Plotnikov 2012 — *Plotnikov N.* Der Sinn der Individualität. Zum Entwurf einer phänomenologischen Ethik bei Dmitrij Tschižewskij // Plotnikov N., Siegfried M., Bonnemann J. (Hg.) Zwischen den Lebenswelten. Interkulturelle Profile der Phänomenologie. SYNEIDOS. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte. Bd. 3. Berlin: LIT Verlag, 2012. S. 147–165.

Тема «двойничества», удвоения человеческой сущности, казалась Достоевскому очень значительной. Не зря он снова и снова возвращается к этой теме, разрабатывает ее заново, разнообразно ее варьируя. Но историко-литературные исследования довольно беспечно проходили мимо этого важного мотива в творчестве Достоевского. В литературе о Достоевском едва ли найдешь исследование на эту тему, не говоря уже о попытке раскрытия ее глубинного смысла и философского содержания. Первая разработка этой темы Достоевским в ранней повести «Двойник» получила не особенно дружелюбный прием уже у современной ему критики. И позднее, вплоть до последнего времени, «Двойник» оценивался в историко-литературных исследованиях как несамостоятельное произведение, как подражание то «Шинели» или «Носу» Гоголя, то западноевропейским повестям о двойниках. Насколько иначе оценивал эту повесть сам Достоевский! Не только в ходе работы он был совершенно увлечен своей темой, когда пишет своему брату Михаилу¹: «Это будет мой chef-d'œuvre» (16.XI.1845)² [Достоевский 1972–1990, т. 28, кн. 1, с. 116] или: «Голядкин в 10 раз выше “Бедных людей”. Наши говорят, что после “Мертвых душ” на Руси не было ничего подобного, что произведение гениальное...» Сам Достоевский не считает эту оценку преувеличенной: «Действительно, — пишет он, — Голядкин удался мне донельзя... Тебе он понравится даже лучше “Мертвых душ”» (1.II.1846) [Там же, с. 118], — добавляет он. Если подумать о том, как превыше всех Достоевский тогда ценил Гоголя как художника³, то можно составить себе правильное представление об этой оценке им собственного произведения. Разочарование друзей (критика Белинского) после выхода повести в свет заражает в некоторой степени и Достоевского. «Мне Голядкин опротивел» (1.IV.1846) [Там же, с. 120], — признается он брату. Но Достоевский дал убедить себя лишь в том, что *художественная форма* ему не удалась. Он несколько не сомневается в том, что *идейное содержание* «петербургской поэмы» значительно и глубокомысленно: «я обманул ожидания и испортил вещь, которая могла бы быть великим делом» [Там же]. Но еще через год он уже колеблется и готов согласиться с теми, кто «понял» «Двойника» и восторженно о нем отзываясь: «О Голядкине я слышу исподтишка (и от многих) такие слухи, что ужас, — пишет он брату. — Иные прямо говорят, что это произведение *чудо* и не понято. Что ему страшная роль в будущем, что если б я написал одного Голядкина, довольно с меня <...> Как приятно быть понятым» (1.II.1847) [Там же, с. 139].

И после лет, проведенных в сибирской каторге, Достоевский не потерял интереса к теме «Двойника». В первом же письме к брату после освобождения из тюрьмы Достоевский спрашивает: «Кто такой Чернов, написавший “Двойник” в 50 году?» (Омск, 22.II.1854) [Там же, с. 174]. Планируя затем новое издание своих сочинений, он не хочет включать в него «Двойника», — но не потому, чтобы считал его недостойным внимания читателей, а желая позднее издать его отдельно — разумеется, в переработанном виде: «Впоследствии можно издать обделанного или, лучше сказать, совершенно вновь написанного “Двойника”» (Семипалатинск, 9.V.1859) [Там же, с. 326]. И Достоевский действительно начал эту переработку — из Твери он однажды пишет брату: «Я пришлю тебе (или привезу сам) исправленного “Двойни-

ка» (1.X.1859) [Достоевский 1972–1990, т. 28, кн. 1, с. 340]. Сохранились и заметки к этой переработке (см. ниже). Он надеется, что эта переработка повести выявит то, что осталось непонятым современниками: «Поверь, брат, что это исправление, снабженное предисловием, будет стоить *нового романа*. Они увидят, наконец, что такое “Двойник”! Я надеюсь слишком даже заинтересовать. Одним словом, я вызываю всех на бой <...>». И теперь Достоевский считает самым важным идейное содержание «Двойника»: «Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип, по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником» [Там же].

Но и через 30 лет после выхода в свет «Двойника», оглядываясь с высоты своего творческого пути на пройденные этапы, Достоевский очень высоко оценивает идею повести. Признаваясь в «Дневнике писателя» (1.XI.1877), что «Двойник» — «вещь совсем неудавшаяся», что «повесть эта мне положительно не удалась», Достоевский, однако, хочет обратить внимание читателя на идейное содержание «Двойника» — «идея <...> была довольно *светлая*, и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил». «Идею» эту Достоевский, очевидно, считал и для того времени актуальной и острой: «если б я теперь принял за эту идею и изложил ее вновь, то взял бы совсем другую форму; но в 1846 году этой формы я не нашел и повести не осилил» [Там же, т. 26, с. 65].

Но неужели Достоевский после «Двойника» больше никогда не обращался к этой идее? Неужели он никогда не пытался придать ей другую художественную форму? Эта идея, «серьезнее» которой Достоевский, по его собственным словам, «никогда ничего в литературе не проводил», идея, ради которой он собирался «вызвать всех на бой», не была им забыта, — она звучит в его творчестве вновь и вновь. Более того — эта идея в известном смысле является ответом на глубочайшие духовные проблемы девятнадцатого века, эта идея актуальна и для нашей философской современности. А в идейном содержании творчества Достоевского она действительно — одна из самых центральных, она раскрывает один из подходов к более глубоким слоям его религиозно-этических взглядов. В настоящей работе я собираюсь кратко охарактеризовать внутреннюю структуру этой «идеи» и ее судьбы в творчестве Достоевского. Философский анализ я могу предложить здесь только в виде очерка. Подробное развитие этой философской проблематики я оставляю за собой на ближайшее будущее.

2

Исходным пунктом нашего анализа должен быть тот факт, что *стиль Достоевского построен на взаимопроникновении «натуралистических» и ирреалистических элементов*. Проза и повседневность жизни причудливо сплетаются с фантастикой, натуралистический рисунок — с пафосом идеи, трезвенное устремление к реальности — с экстатическим ясновидением запредельного. И художественная сила Достоевского — в том, что эти полярно-противоположные, «противоречивые» элементы у него не просто смешаны, но сплетены и сращены в органическое

единство. Нет сомнения, что этот стиль тесно связан с литературной традицией (Э.Т.А. Гофман, Гоголь, Диккенс, Бальзак) и с личной жизнью Достоевского. Здесь для нас прежде всего важно, что *реально-психологическое* изображение в творчестве Достоевского одновременно является «*трансцендентально-психологическим*», «*смысловым*», и что все события и вся *сюжетная схема* в целом и в частности всегда одновременно содержат и развитие *идеологической конструкции*, которая иногда построена предельно сложно, но в то же время предельно гармонично⁴. Для наших дальнейших анализов особо существенен именно этот дуализм смысловых плоскостей развертывания сюжета.

С первых страниц «Двойника» Достоевский подчеркивает двусмысленность появления второго Якова Петровича Голядкина. Хотя странный *факт* его появления и может быть объяснен естественным образом — то есть существованием Голядкина-младшего, то *смысл* этого факта лежит исключительно в некоторой собственной психической «ситуации» Голядкина-старшего. Подобно тому как в «Хозяйке» фантастические сцены вводятся постоянно в сюжет повести на фоне почти полубредового состояния Ордынова⁵, двойник Голядкина также является ему первоначально в странном состоянии, почти в бреду⁶.

Достоевский позволяет психическому состоянию своего героя развиваться до высочайшей степени нервозности по нарастающей, напоминающей лучшие эпизоды «Идиота», чтобы только тогда позволить выступить из жуткой холодной и сырой темноты петербургской ночи его двойнику. Господин Голядкин бежит по безлюдным улицам Петербурга, пока не остановился «в истощении сил» [Достоевский 1972–1990, т. 1, с. 139]. Он «оперся на перила набережной <...> и пристально стал смотреть на мутную, черную воду Фонтанки. Неизвестно, сколько именно времени проведено было им в этом занятии. Известно только, что в это мгновение господин Голядкин дошел до такого отчаяния, так был истерзан, так был измучен, до того изнемог и опал и без того уже слабыми остатками духа, что позабыл обо всем <...>. Вдруг... вдруг он вздрогнул всем телом и невольно отскочил шага на два в сторону. С неизъяснимым беспокойством начал он озираться кругом; но никого не было, ничего не случилось особенного, — а между тем... между тем ему показалось, что кто-то сейчас, сию минуту, стоял здесь, около него, рядом с ним, тоже облокотясь на перила набережной, и — чудное дело! — даже что-то сказал ему, что-то скоро сказал, отрывисто, не совсем понятно, но о чем-то весьма к нему близком, до него относящемся <...>. А между тем какое-то новое ощущение отозвалось во всем существе господина Голядкина: тоска не тоска, страх не страх... лихорадочный трепет пробежал по жилам его. Минута была невыносима неприятная!» [Там же, с. 139–140]. В эту минуту и выступает из снежной метели двойник господина Голядкина, его «двойник во всех отношениях» [Там же, с. 143]. Темная вода и метель, которые ослепляют человека, затемняют его лицо, образуют в первый раз фон для появления двойника. Впоследствии двойник появляется иногда при обстоятельствах, которые заставляют сомневаться в его реальности. И далее он появляется то в кондитерской: «В дверях в соседнюю комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицом к господину Голядкину, в дверях, которые, между прочим, герой наш принимал доселе за зеркало, стоял один человек, —

стоял он, стоял сам господин Голядкин, — не старый господин Голядкин, не герой нашей повести, а другой господин Голядкин, новый господин Голядкин...» [Достоевский 1972–1990, т. 1, с. 174], то — у его превосходительства: «В дверях, которые герой наш принимал доселе за зеркало, как некогда тоже случилось с ним, появился *он* — известно кто, весьма короткий знакомый и друг господина Голядкина <...> господин Голядкин-младший» [Там же, с. 216]. В другой раз двойник появляется «рядом» с господином Голядкиным на Невском, может быть, также выходя из отражения его в зеркальных стеклах магазинов, а после визита к господину Голядкину-старшему исчезает так бесследно, что заставляет сомневаться в реальности самого посещения. Достоевский еще несколько раз подчеркивает, что отраженный блеск света приводит Голядкина в какое-то полубезумное состояние. То это отсвет на пузырьке с лекарством: «Темная, красновато-отвратительная жидкость зловещим отсветом блеснула в глаза господину Голядкину... Пузырек выпал у него из рук и тут же разбился. Герой наш вскрикнул и отскочил шага на два назад от пролившейся жидкости... он дрожал всеми членами, и пот пробивался у него на висках и на лбу. “Стало быть, жизнь в опасности!”» [Там же, с. 208]. То это всего лишь «блик» или «светлое ребро» на вычищенных сапогах его превосходительства⁷. Двойник господина Голядкина — какова бы ни была его физическая реальность — обусловлен *психически*, поднимается, вырастает из недр Голядкинской души. И пусть с точки зрения психопатологии возможно раскрыть причинную необходимость этого вырастания, для нас существенно, что обрисованная Достоевским в начале повести «психическая ситуация» ведет с неизбежностью к трагическому финалу повести. В начале повести безумие еще не ворвалось в душу Голядкина. Но поведение его уже носит патологический характер двойственности. Достоевский знакомит нас со своим героем в тот момент, *когда* он на что-то решился, готовится к поступку, который должен изменить всю его жизнь. Он действует «как будто» по какому-то плану. Но именно только «как будто»! Уже с первых шагов его для нас становится ясным, что ни к какому решительному шагу он по существу своему не способен: уже замечание его слуги Петрушки «смущает» его, он «скрывается» в свою коляску, когда его замечают сослуживцы, он «прячется» в ту же самую коляску от проезжающего мимо его начальника, он «краснеет», когда он вспоминает о своем плане, «даже, и бог знает по какому случаю, стали его терзать ни с того ни с сего угрызения совести» [Там же, с. 123], «ни за что бы не согласился он теперь встретиться, например, с Андреем Филипповичем или хоть с Крестьяном Ивановичем» [Там же]. Исчезновение, небытие, кажется, становится его самым горячим желанием. После неудачного посещения Олсуфия Ивановича «господин Голядкин мысленно обнаружил желание провалиться сквозь землю или спрятаться хоть в мышиную щелочку вместе с каретой. Ему казалось, что всё, что ни есть в доме Олсуфия Ивановича, вот так и смотрит теперь на него из всех окон» [Там же, с. 127]. Все новые и новые судорожные попытки действовать («почти бессознательно») оканчиваются тем, что Голядкин постоянно и повсюду прячется. Так, во время бала у Олсуфия Ивановича «он находится теперь в весьма странном, чтоб не сказать более, положении. Он, господа, тоже здесь, то есть не на бале, но почти что на бале; он, господа, ничего; он

хотя и сам по себе, но в эту минуту стоит на дороге не совсем-то прямой; стоит он теперь — даже странно сказать — стоит он теперь в сенях, на черной лестнице квартиры Олсуфия Ивановича. Но это ничего, что он тут стоит; он так себе. Он, господа, стоит в уголку, забившись в местечко хоть не потеплее, но зато потемнее, закрывшись отчасти огромным шкафом и старыми ширмами, между всяким дрязгом, хламом и рухлядью, скрываясь до времени и покамест только наблюдая за ходом общего дела в качестве постороннего зрителя» [Достоевский 1972–1990, т. 1, с. 131]. В его душе сменяют друг друга попеременно решимость действовать и сознание собственной слабости. «Дело-то в том, что он до сеней и до лестницы добраться умел, по той причине, что, дескать, почему ж не добраться, что все добиваются; но далее проникнуть не смел, явно этого сделать не смел... не потому, чтоб чего-нибудь не смел, а так, потому что сам не хотел, потому что ему лучше хотелось быть втихомолочку» [Там же, с. 132]. «Смелому дорога везде!» [Там же] — это настроение, однако, тут же сменяется противоположным: «Нет, — думал он, — а ну как войдет кто-нибудь? <...> Нет, уж что проникнуть, когда характер у человека такой! Эка ведь тенденция подлая! Струсил, как курица. Струсить-то наше дело, вот оно что! Нагадить-то всегда наше дело: об этом вы нас и не спрашивайте» [Там же]. Но когда, несмотря на это, он проходит в зал, то все-таки постоянно остается в том же состоянии: «без всякого сомнения, глазком не мигнув, он с величайшим бы удовольствием провалился в эту минуту сквозь землю», «он опустил глаза в землю» [Там же, с. 133], «Конечно, он бы дорого дал за возможность находиться теперь, без нарушения приличий, на прежней стоянке своей в сенях, возле черной лестницы; но так как это было решительно невозможно, то он и начал стараться улизнуть куда-нибудь в уголок да так и стоять себе там <...>. Наконец он добрался до одного уголка и стал в нем как посторонний, довольно равнодушный наблюдатель» [Там же, с. 134]. Страх, боязнь, сознание всеугрожаемости подготавливают появление двойника. Господин Голядкин доходит до отрицания собственного бытия — не только в мелькнувшем решении (на балу у Олсуфия Ивановича) «каким-нибудь образом застрелиться в эту же ночь» [Там же, с. 133], но и в попытках успокоить себя тщетным утверждением, что он не является самим собой — «или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожий со мною, и смотреть как ни в чем не бывало? Именно не я, не я, да и только! <...> я совсем ничего, это вовсе не я <...> это вовсе не я, не я, да и только» [Там же, с. 113]. Господин Голядкин пытается превратиться в «чужого, непричастного зрителя», или же — «ему пришло было на мысль как-нибудь, этак под рукой, бочком, втихомолку улизнуть от греха, этак взять — да и стушеваться, то есть сделать так, как будто бы он ни в одном глазу, как будто бы вовсе не в нем было и дело» [Там же, с. 135]. (В этом фрагменте Достоевский употребляет введенное им в русский литературный язык слово «стушеваться».) И позднее, блуждая по пустым улицам ночного Петербурга, он «сам от себя куда-то спрятаться хочет, как будто сам от себя убежать куда-нибудь хочет. Да! оно было действительно так. Скажем более: господин Голядкин не только желал теперь убежать от себя самого, но даже совсем уничтожиться, не быть, в прах обратиться» [Там же, с. 139]. Господин Голядкин напрасно ищет выхода из этой невыносимой ситуации в утвержде-

нии своей «независимости» в сфере «частной жизни»: «это мое частное дело», «это моя частная жизнь и что здесь, сколько мне кажется, ничего нельзя найти предосудительного касательно официальных отношений моих» [Достоевский 1972–1990, т. 1, с. 127]. «Это более относится к домашним обстоятельствам и к частной жизни моей <...> это не официальное приключение» [Там же, с. 134]. Двойник — для нас безразлично, насколько реально существование Голядкина-младшего, — врывается в жизнь Голядкина-старшего, не оставляет неприкосновенно ни сферы «официальных отношений», ни «частной жизни».

Во второй части повести, после появления двойника, Достоевский устами Голядкина дает наконец формулировку «идеи» произведения. На фоне того же постоянного колебания господина Голядкина между кажущейся решимостью и готовностью самоупрадниться, не быть, и патологическим прятанием от мнимых и действительных опасностей — как в первой части⁸ — звучит и новая, более глубокая нота. *Двойник господина Голядкина вытесняет его из всех сфер его жизни*, он «подменяет», заменяет его и на службе, и в «частной жизни», в семье Олсуфия Ивановича и среди товарищей-сослуживцев⁹, или, как выражает это сам Голядкин-старший, стремится «насильственно войти в круг моего бытия и всех отношений моих в практической жизни» [Там же, с. 175]. Говоря словами письма Голядкина-старшего, Голядкину-младшему присуща «странная претензия их и неблагородное фантастическое желание вытеснить других из пределов, занимаемых сими другими своим бытием в этом мире, и занять их место» [Там же, с. 184]. «Развернутый человек занимает место господина Голядкина в практической жизни» [Там же, с. 390] — стояло в заголовке одной из глав повести в первом издании (эти стилистически последовательные заглавия — в духе диккенсовских или гоголевских — Достоевский убрал при переработке повести). Господин Голядкин-младший — «узурпатор» (Достоевский использует в своих ранних рукописях историческое сравнение, вероятно из-за эффекта гротеска, который дает сопоставление мелкого чиновника со Лжедмитрием или даже Наполеоном)¹⁰. «А самозванством и бесстыдством <...> в наш век не берут <...> Гришка Отрепьев только один, сударь вы мой, взял самозванством <...>» [Там же, с. 167–168], Голядкин повторяет многократно, что «Отрепьевы в нашем веке невозможны», «Гришка Отрепьев другой раз не может явиться»¹¹. «Его место», «собственное место» — это ключевое слово, которое заключает в себе идейное содержание «Двойника». «Идеи мои, выше распространенные насчет *своих мест*, чисто нравственные» [Там же, с. 184] — так оканчивает Голядкин свое важнейшее письмо, которое мы цитировали выше¹².

И чтобы окончательно сделать ясным, что дело здесь не в поведении реально Голядкина-младшего, а в переживаниях и в самосознании Голядкина-старшего, Достоевский использует свой излюбленный художественный прием — развертывает эту ситуацию в сне Голядкина-старшего; в этом сне Голядкин-младший занимает «место его на службе и в обществе» [Там же]. Голядкин-младший в этом сне «ясно доказал, что Голядкин-старший и вместе с тем настоящий — вовсе не настоящий, а поддельный, а что он настоящий» [Там же, с. 185], и наконец двойники умножаются бесчисленно: «Не помня себя, в стыде и в отчаянии, бросился погибший и совершенно справедливый господин Голядкин куда глаза глядят, на волю судьбы, куда бы ни вынесло; но с каждым шагом его, с каждым ударом

ноги в гранит тротуара, выскакивало, как будто из-под земли, по такому же точно, совершенно подобному и отвратительному развращенностью сердца господину Голядкину. И все эти совершенно подобные пускались тотчас же по появлении своем бежать один за другим и длинной цепью, как вереница гусей, тянулись и ковыляли за господином Голядкиным-старшим, так что некуда было убежать от совершенно подобных, — так что дух захватывало всячески достойному сожаления господину Голядкину от ужаса, — так что народилась наконец страшная бездна совершенно подобных, — так что вся столица запрудилась наконец совершенно подобными <...>» [Достоевский 1972–1990, т. 1, с. 186–187]. Также и в заключительной сцене снова возвращается эта «бездна, целая вереница совершенно подобных Голядкиных» [Там же, с. 227] — как предвестие Крестьяна Ивановича.

В этом поистине жутком сне — центр произведения. Ответ на вопрос о «своих местах» ясен! Голядкин (и именно в этом его типическое, «социальное», как выражается Достоевский, значение) *не имеет*, не приобрел во всей своей жизни никакого «своего места», никакой «собственной» сферы в жизни, кроме, может быть, тех уголков за шкафами и за печкою, куда он прячется от (предполагаемых) преследований врагов. В этом Голядкин напоминает и других героев Достоевского. (Ср. «мечтателей», героев «Белых ночей» и «Петербургской летописи», отчасти героев «Слабого сердца» и «Господина Прохарчина», Мармеладова в «Преступлении и наказании».) И в этом отсутствии своего места — что-то нелюдское, «вещное» (Голядкин чувствует и часто говорит, что с ним обращаются как с «ветошкой»). Появление двойника и вытеснение им господина Голядкина из его места обнаруживает только иллюзорность этого «места». Ведь двойник удерживается на всех «местах» — от канцелярии до кабинета его превосходительства и до дома Олсуфия Ивановича — только благодаря чисто внешним, а не глубоко человеческим качествам своего характера — юркости и пронырливости, которые мог бы пожелать себе Голядкин-старший, но которые поверхностны, несущественны, нечеловечны и также никакого внутренне обусловленного места в жизни не обеспечивают. Здесь Достоевский ставит «этико-онтологическую» проблему устойчивости, реальности, прочности индивидуального человеческого существования. Эта проблема действительно является одной из существеннейших проблем этики! Реальность человеческой личности не обуславливается простым ее существованием в эмпирическом плане бытия, но требует еще каких-то иных (вне-эмпирических) предпосылок¹³.

3

Мы не знаем, что именно не удовлетворяло Достоевского в форме «петербургской поэмы»¹⁴. Если же судить об этом по дальнейшим судьбам идеи двойника в творчестве Достоевского, то нужно заключить, что одним из существенных недостатков в развитии темы двойника было то, что героем произведения был сделан слабохарактерный, находящийся в неустойчивом, несамостоятельном социальном положении мелкий чиновник. Между тем *онтологически-этическая неустойчивость* личности отнюдь не связана с неустойчивостью *психологической*

(«слабохарактерность») или *социальной* («зависимость»). Поэтому в дальнейшем развитии образа двойника Достоевский связывает эту этически-онтологическую слабость личности с характерами совсем иного рода, чем был Голядкин.

Сохранившиеся заметки к новому изданию «Двойника» равным образом демонстрируют тенденцию к тому, чтобы сделать из господина Голядкина внутренне независимого человека с определенными духовными интересами, который хотя и не является в полном смысле слова «сильным человеком», но по крайней мере стремится к этому¹⁵.

Проще всего тема двойничества дана в «Подростке»¹⁶. Здесь взят только один мотив содержательной темы, а именно неустойчивость, колебания «Я», выражающиеся в двойственности отдельных поступков и всего поведения человека. Версиров в «Подростке» никоим образом не является слабой личностью, т. к. он в своем роде личность яркая и законченная. Вследствие этого было бы ошибочно искать причину его раздвоения в психологической слабости. Достоевский не дает читателю ключа к пониманию событий, которые разыгрываются в душе Версирова. Он только описывает. «Знаете, мне кажется, что я весь точно раздваиваюсь, — рассказывает сам Версиров. — Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь. Точно подле вас стоит ваш двойник; вы сами умны и разумны, а тот непременно хочет сделать подле вас какую-нибудь бессмыслицу, и иногда превеселую вещь, и вдруг вы замечаете, что это вы сами хотите сделать эту веселую вещь, и бог знает зачем, то есть как-то нехотя хотите, сопротивляясь из всех сил хотите» [Достоевский 1972–1990, т. 13, с. 409]. Описание периода двойничества Версирова заканчивается теоретическим замечанием: «Что такое, собственно, двойник? Двойник, по крайней мере по одной медицинской книге одного эксперта, которую я потом нарочно прочел¹⁷, двойник — это есть не что иное, как первая ступень некоторого серьезного уже расстройства души, которое может повести к довольно худому концу» [Там же, с. 446]. Пути к объяснению потери своего «Я», утраты его единства, в «Подростке» только намечены — например, в словах вечного странника Макара Ивановича о «безбожниках»: «Иной весь раскидался, самого себя перестал замечать» [Там же, с. 302].

Глубинные мотивы, проясняющие двойничество Версирова, выявляются только в анализе «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Поэтому обратимся теперь к этим двум романам¹⁸.

4

Большое значение для интерпретации «Бесов» имеют страницы, выпущенные Достоевским в первом отдельном издании романа¹⁹. В одном из исключенных мест Ставрогин рассказывает Даше о явлениях ему двойника, «беса»²⁰. «Я опять его видел <...> сначала здесь, в углу, вот тут, у самого шкафа, а потом он сидел всё рядом со мной, всю ночь, до и после моего выхода из дому...». Ставрогин говорит, что в последнее время перед этим разговором он стал являться чаще: «Теперь начнется ряд его посещений. Вчера он был глуп и дерзок. Это тупой семинарист, самодовольство шестидесятых годов, лакейство мысли, лакейство среды, души, развития, с полным убеждением в непобедимости своей красоты <...> ничего не могло

быть гаже. Я злился, что мой собственный бес мог явиться в такой дрянной маске. <...> Я, впрочем, всё молчал, нарочно; я не только молчал, я был неподвижен. Он за это ужасно злился, и я очень рад, что он злится <...> я в него не верю <...>. Пока еще не верю. Я знаю, что это я сам в разных видах, двоюсь и говорю сам с собой. Но все-таки он очень злится; ему ужасно хочется быть самостоятельным бесом и чтоб я в него уверовал в самом деле» [Достоевский 1972–1990, т. 12, с. 141]. Об этом же Ставрогин рассказывает и архимандриту Тихону (в также исключенной главе «Исповедь», отсутствовавшей в первом издании романа) — он признает, что он «подвержен <...> некоторого рода галлюцинациям, <...> он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и “разумное”, “в разных лицах и в разных характерах, но оно одно и то же, а я всегда злюсь...”». «Это я сам в разных видах, и ничего больше» [Там же, т. 11, с. 9].

Но бес Ставрогина не остается только в плоскости галлюцинации. В художественный замысел Достоевского входило и то, что некоторые люди из окружения Ставрогина повторяют то же самое, что говорил бес. И «Кириллов, в одно слово с семинаристом, говорит то же самое» [Там же, т. 12, с. 141]. И «Федька Каторжный» — воплощение того же беса: в исключенной главе Ставрогин рассказывает о ночи, когда он говорил с Кирилловым, Шатовым и с Федькой Каторжным, следующее: «Бесов было ужасно много вчера! — Ужасно много! Изо всех болот налезли. Один предлагал мне вчера на мосту зарезать Лебядкина и Марью Тимофеевну» [Там же, с. 141]. (Это предложение в действительности осуществил Федька Каторжный.) И на самом деле — и Кириллов и Шатов — только «две эманации его [Ставрогина] духа, воспринимающие его каждый в своем аспекте»²¹, и Федька Каторжный только совершает то, что, как ему кажется, хочет от него Ставрогин. Петр Верховенский также только «обезьяна» Ставрогина. В Ставрогине скрывается какое-то душевное богатство, которое им, однако, «разбросано», «рассыпано» и которое не мешает ему «потерять себя». У Ставрогина (как и у Версилова и в противоположность Голядкину) есть духовная сила, достаточная для того, чтобы стать идеологом и славянофильства (Шатов), и богоборчества (Кириллов), и революции (Петр Верховенский). В самом деле: Шатов, Кириллов и Верховенский живут только за счет духовного богатства Ставрогина.

Идеология Шатова — вся от Ставрогина. «Знаете ли вы, кто теперь на всей земле единственный народ “богоносец”, грядущий обновить и спасти мир именем нового бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова... Знаете ли вы, кто этот народ и как ему имя?» [Там же, т. 10, с. 196]. Это высказывание Шатова, которое, разумеется, относится к русскому народу, по утверждению самого Шатова, было сначала высказано Ставрогиным: «Это ваша фраза целиком, а не моя. Ваша собственная, а не одно только заключение нашего разговора. “Нашего” разговора совсем и не было: был учитель, вещавший огромные слова, и был ученик, воскресший из мертвых. Я тот ученик, а вы учитель» [Там же], «вы насаждали в моем сердце Бога и родину» [Там же, с. 197]. Шатов говорит: «Ставрогин, для чего я осужден в вас верить во веки веков? <...> Разве я не буду целовать следов ваших ног, когда вы уйдете? Я не могу вас вырвать из моего сердца, Николай Ставрогин!» [Там же, с. 202]. Только Ставрогин один «мог бы поднять это знамя» — знамя своеобразного славянофильства. Но сам Ставрогин только отвечает: «Но уверяю

вас, что на меня производит слишком неприятное впечатление это повторение прошлых мыслей моих» [Достоевский 1972–1990, т. 10, с. 198].

Идеология Петра Верховенского настолько мелка и пошла, что, конечно, он не нуждался в ее порождении в духовной помощи Ставрогина. Но и Петр Верховенский чувствует судьбу своих планов, несмотря на это, находящейся в совершенной зависимости от того, «поднимет ли у них знамя» Ставрогин, знамя революционера. Верховенский даже верит, что судьба революции зависит от участия Ставрогина в революционном движении: «я люблю идола! Вы мой идол! <...> Вы именно таков, какого надо. Мне, мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...» [Там же, с. 323–324], «Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в стклянке, Колумб без Америки» [Там же, с. 324]. И он развивает полубезумный план революции со Ставрогиным-Самозванцем, поддельным принцем во главе. Этот план мог родиться в мелкой и мелочной душонке Петра Верховенского только как отблеск по своему значительной личности Ставрогина. И Верховенский — как и Шатов — это только эманация души Ставрогина.

И умоисступленный гений Кириллова берет начало в глубинах духа Ставрогина. «Это ваше создание, — упрекает его Шатов, — вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом... Вы утверждали в нем ложь и клевету и довели разум его до иступления...» [Там же, с. 197]. И Кириллов, может быть, единственный из живых «эманаций» Ставрогина, относится к нему, напротив, тепло и сердечно («На Ставрогина он смотрел <...> с каким-то спокойным, но добрым и приветливым чувством» [Там же, с. 187]). Впрочем, и он ожидает от Ставрогина — как и Шатов, и Верховенский, — что он «понесет бремена, которых никто не может снести». — «Почему все ждут от меня чего-то, чего от других не ждут? — возмущенно кричит Ставрогин в разговоре с Кирилловым. — К чему мне переносить то, чего никто не переносит, и напрашиваться на бремена, которых никто не может снести?» [Там же, с. 227].

Менее всего «эманация духа Ставрогина» — Федька Каторжный. Но Ставрогин, конечно, прав, называя Федьку своим «бесом» или «бесенком». Последнее убийство Федьки — также только ответ каких-то Ставрогинских, может быть, от самого себя им скрывааемых желаний, правда, преломленных и загрязненных душой Петра Верховенского, который передал Федьке «желание» Ставрогина, на самом деле Ставрогиным ни разу не высказанное. Однако нельзя и отрицать, что Ставрогин все же несет вину за убийство его жены и ее брата, т. к. он не предотвратил угрозу убийства, а его разговоры с Федькой могли произвести на последнего впечатление, что Ставрогин, по меньшей мере, одобрил бы это преступление, к которому Верховенский стремился целенаправленно. Во всяком случае, Ставрогину будет приписано это преступление гражданами города, а также и его собственной совестью: «Я не убивал и был против, но я знал, что они будут убиты, и не остановил убийц» [Там же, с. 407], хотя Петр Верховенский и хочет возразить ему: «Юридически вы совершенно правы, по совести тоже, — ведь вы не хотели же?» [Там же, с. 404].

Не случайно во второй части романа Достоевский сталкивает Ставрогина по очереди со всеми его «двойниками». Можно показать, что Достоевский в этих сценах строит характеристику Ставрогина на характеристиках его «двойников». Это можно легко показать, но здесь мы не станем этого делать, так как этот факт выявляется достаточно ясно и при внимательном чтении второй части «Бесов».

Так живет Ставрогин среди «эманаций» своего духа, в мире призраков, «бесов». Или, вернее: другие живут для него (вспомним о женских типах романа), «от него» и из него, а он сам не живет, он — не реален, он только «самозванец», только поддельный принц — в действительности и возможности, «Иван-Царевич», «Гришка Отрепьев», как его часто называют Петр Верховенский и Марья Тимофеевна. За ним идут настоящие, живые люди, принимающие его за нечто совсем другое, чем он есть в действительности. Ибо в действительности он «рассыпан», «рассеян», «двоится», разбивается на две (или больше) частей, безлико-многоликий²², «вселикий». Другие видят в нем и стороны, и лики, каких у него вовсе нет (дворяне держат его за защитника дворянских традиций, а позднее за правительственного агента). Но, во всяком случае, в нем проявляются два полярно-противоположные лика — светлый и темный. Одни (Шатов, Кириллов, Даша) ждут от него «подвига», принятия на себя «бремени», которое никто нести не может, а другие (Петр Верховенский) видят в нем «необыкновенную способность к преступлению» [Достоевский 1972–1990, т. 10, с. 201]. В действительности же для него нет «различия в красоте между какою-нибудь сладострастной, зверскою штукой и каким угодно подвигом, хотя бы даже жертвой жизнью для человечества»; «в обоих полюсах» он находит «совпадение красоты, одинаковость наслаждения» [Там же]. «Могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие» [Там же, с. 514]. Неудивительно, что обыватели считали его «способным на всякий сумасшедший поступок в полном рассудке» [Там же, с. 43]²³, поскольку он «и очень умен, но, может быть, и помешан» [Там же, с. 83]. Иными словами, Ставрогин «не холоден и не горяч» не потому, что для него нет различия между добром и злом (как, например, не знает этого различия Федор Павлович Карамазов или, в «Бесах», Петр Верховенский). Он знает, что такое добро. Он пытается «воскресать». Он пытается — и не раз — пробудиться к добру: и через объявление брака с Марьей Тимофеевной, и через (преднамеренное) «обнародование» той «Исповеди», которую он дает читать епископу Тихону (в исключенной главе романа). Но для пробуждения к добру недостаточно *простого знания*, что такое добро, недостаточно *теоретического* (и эстетического — мысль *очень* существенная для Достоевского²⁴, — ср. выше приведенные цитаты о связи «красоты» и «удовольствия» с добром и злом) приобщения к добру. У Ставрогина только и есть, что такое теоретическое приобщение к добру, добро для него доступно только на этом пути. И потому Ставрогин, при всем, что он хочет совершить во внешнем и внутреннем мире, остается совершенно пассивным. Достоевский многократно подчеркивает, что Ставрогин в своих внешних и внутренних качествах владеет всем, что только может пожелать человек: красотой, изяществом, образованием, интеллектом, смелостью, самообладанием... Но он оторван ото всего мира, обособлен, изолирован, он абсолютно уединен, не имеет в конкретном никакой точки опоры. *Он многое понимает, но ничего не любит*. В Ставрогине поражает прежде всего — сила, колоссальная духовная сила (она, возможно, не *показана* Достоевским достаточно убедительно, но утверждение о том, что Ставрогин владеет этой силой, повторяется самим Достоевским, как и различными действующими лицами романа), «беспредельная сила» (Шатов), «великая сила» (Тихон). Но эта сила Ставрогина (в первоначаль-

ных набросках к роману «князя») «непосредственна, не знает, на чем основаться», «это необычайная, для них самих тяжелая непосредственная сила, требующая и ищущая, на чем устояться и что взять в руководство» [Достоевский 1972–1990, т. 9, с. 128]. Но Ставрогин не находит этого последнего основания для своей силы. В этом источник его «спокойствия», его «равнодушия», «вялости», «бездушности», «рассеянности», «лени». Даже самая злоба его является «холодной и спокойной, если можно так выразиться, *рассудочной*». У него не лицо живого человека, а «маска», он напоминает «восковую фигуру». Источник этого отчуждения — в нем самом. Его отделяют от живой конкретной реальности его гордость, его «беспредельное высокомерие», «брезгливость», «омерзение» к людям, его «насмешливое» отношение к жизни — «зараженность смехом», — так определяет он себя — его «презрение» к конкретным «ближним». Может быть, отчасти прав Ставрогин, когда он пишет Даше: «Никогда не могу поверить идее в той степени, как он» (Кириллов), «я даже заняться идеей в той степени не могу» [Там же, т. 10, с. 514]. И все же прав и Кириллов, заверяющий, что Ставрогина тоже «съела идея» [Там же, с. 426]. Прав Ставрогин — идеи возможны противоположные: «Обо всем можно спорить бесконечно, но из меня вылилось одно отрицание, без всякого великодушия и безо всякой силы»²⁵ [Там же, с. 514]. «Одно отрицание», т. к. для утверждения нужно не только знание, познание, но и любовь, нужен не «абстрактный разум», но необходимо, как Кириллов, обладать, говоря языком Плотина, неким *νοῦς ἐρωῦ*²⁶, поскольку Кириллов «чувствует мысли», как он сам говорит. Так, мысль, которую «почувствовали», была «всегда», она же — «вдруг станет новой» [Там же, с. 187]²⁷. Да, даже убивающий себя Кириллов направлен, устремлен к чему-то определенному, к «человекобугу», к своеволию, к «непокорности». А в душе Ставрогина нет устремленности, нет главного направления. У него нет «душевного магнитного меридиана», и для него нет того «магнитного полюса», к которому, по мнению Достоевского, влечется всякая живая душа, — нет Бога! Живое, конкретное бытие человека, всякое его «место» в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием. «Анекдотик» Петра Верховенского, пожалуй, центральное место в романе, которое в юмористической форме намекает на глубочайшие замыслы Достоевского. Верховенский «с офицерами пил <...> Об атеизме говорили и, уж разумеется, Бога раскассировали. Рады, визжат. <...> Один седой бурбон капитан сидел, сидел, всё молчал, ни слова не говорил, вдруг становится среди комнаты и, знаете, громко так, как бы сам с собой: “Если Бога нет, то какой же я после того капитан?” Взял фуражку, развел руки, и вышел» [Там же, с. 180]. Как даже пехотным капитаном нельзя быть без Бога, так и Ставрогин не может быть без Бога ни славянофилом, ни революционером, ни даже воинствующим атеистом (как Кириллов). И для его «беспредельной», но безбожной силы остается только одно «место», которое *mutatis mutandis*²⁸ похоже на места, где прятался от мира Голядкин. Это то самое «место», куда он кличет Марью Тимофеевну: «Это в горах, в Швейцарии, там есть одно место...», «место это угрюмое», «Я тоже с моего места всю жизнь никуда не сойду», «Но зато так всю жизнь, на одном месте» [Там же, с. 218]. Затем он хотел бы укрыться там с Дашей: «Место очень скучно, ущелье; горы теснят зрение и мысль», «мы поедem и будем там жить вечно. Я не хочу никогда никуда

выезжать» [Достоевский 1972–1990, т. 10, с. 513]. Но даже и это «место» не было суждено Ставрогину; мы ведь знаем его конец: «Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей» [Там же, с. 516] — как будто и в смерти он испытывал потребность спрятаться, скрыться...

И все же перед Ставровиным открывался явно очерченный Достоевским путь к конкретности. На этот путь он, правда, не вступает. Это путь стыда и позора. Этот «стыд или позор» или, более того, способность переживать эти чувства — нечто, что особенно и, может быть, одно только и связывает Ставровина с отдельными людьми и с человеческим обществом. Если он равнодушен к успеху, к славе, к опасностям, то возможность позора его глубоко волнует: «если бы сделать злодейство или, главное, стыд, то есть позор, только очень подлый и... смешной, так что запомнят люди на тысячу лет и плевать будут тысячу лет <...>» [Там же, с. 187]. У Лизы впечатление, что у Ставровина «что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое, и... и в то же время такое, что ставит вас в ужасно смешном виде. Берегитесь мне открывать, если правда: я вас засмею. Я буду хохотать над вами всю вашу жизнь... Ай, вы опять бледнеете?» [Там же, с. 401]. Также и Тихон в сцене исповеди утверждает, что Ставровин никогда не воплотит в жизнь свое намерение исповедаться, поскольку он «не вынесет смеха» людей. «Смех же будет всеобщий» [Там же, т. 11, с. 26]. «Некрасивость убьет <...> преступления. Есть преступления поистине некрасивые. <...> есть преступления стыдные, позорные, мимо всякого ужаса, так сказать, *слишком* уж не изящные...» [Там же, т. 10, с. 27]²⁹. Но Тихон советует Ставровину искренне принять «заушение и заплевывание». «Всегда кончалось тем, что наипозорнейший крест становился великой славой и великой силой, если искренно было смирение подвига» [Там же, т. 11, с. 27]. Путь Ставровина к жизни шел через «позор и стыд». Но он выбрал — не вынеся возможности «заушения и заплевывания» — путь к смерти. И возможно, что мотивом к этому было не только его собственное преступление, но и преступления его «двойников». Ибо и преступления Петра Верховенского и Федьки Каторжного «слишком уж не изящны»...

Как и сам Ставровин не нашел пути к жизни, не сделал этого никто из его «двойников». Все его двойники, все «эманации» его духа (за исключением П. Верховенского) символически значительно гибнут еще до его смерти, как будто они хотят разоблачить этим свое небытие, свою онтологическую пустоту³⁰.

5

Бес Ставровина был исключен Достоевским при перепечатке романа отдельным изданием, т. к. изображение черта, возможно, казалось не совсем соответствующим «просвещенному» времени и, пожалуй, сводило трагедию Ставровина, в глазах читателя, просто к психическому заболеванию. В творчестве Достоевского остался другой бес — черт Ивана Карамазова³¹.

Иван Карамазов — не безумен; он не преступен, и он далеко не равнодушен к жизни, как Ставровин. Но и он, тем не менее, отделен, обособлен от людей, как

Ставрогин. Но и его отделяет от людей, от «ближних» та же гордость, что и Ставрогина. Иван высокомерен, он ставит себя выше других людей и считает себя вправе судить и осуждать их. Так, он осуждает своего отца и своего брата Дмитрия — для него они не являются полноценными людьми: «Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!» [Достоевский 1972–1990, т. 14, с. 129]. Он осуждает Дмитрия, поскольку с самого начала считает его убийцей отца. Источник гордыни Ивана — его рационализм, его гордыня — это гордыня разума. Однако в основе всей конструкции романа лежит различие путей, которыми три брата приходят к пониманию этически-религиозной исходной нормы: всякий «за всех и за вся виноват» [Там же, с. 275]. Алеша идет путем веры, Дмитрий — страдания, а для рационалиста Ивана остается только один путь — путь безумия, распада личности, путь переживания двойничества.

Иван, несмотря на переживаемый им тяжелый душевный кризис, не доходит до осознания своей вины *перед всеми*, но только *перед одним человеком*, который является его «двойником», т. к. Смердяков в каком-то смысле — двойник Ивана. Как до настоящего времени многочисленные интерпретаторы «Братьев Карамазовых» могли упускать это из виду, совершенно не понятно. Достоевский, однако, подчеркнул это отношение двойничества между обоими героями всеми средствами. Смердяков всегда появляется либо вместе с Иваном, либо в соседних главах романа. При этом не только «темы» их общи, но сходны и основные черты их характеров, само собой с отступлениями, которые, однако, совершенно естественны для людей, стоящих на таких разных ступенях. Если мы вспомним о «темах» обоих в романе, то у Смердякова — доказательство права на смертный грех, у Ивана — «всё позволено»; Смердяков презирает Россию, но и европейцы, по его мнению, не лучше русских, Иван — страницей позже — высказывает непосредственно то же самое (известное «европейское кладбище»³² только в результате невероятной невнимательности при чтении может быть принято за выражение, с которым соглашается сам Достоевский)³³; даже признание ограниченности понимания («эвклидовского» ума) — одна из глубочайших идей Ивана, высказывается и Смердяковым, который, однако, признает существование людей, находящихся в совершенно других отношениях с Богом, чем он сам; оба интересуются — не обладая живой верой — религиозными вопросами: Иван занимается церковным правом и религиозной философией, Смердяков читает работы Исаака Сирина, но теоретическое понимание немногим помогает в религиозных вопросах, и горделивый рассудок остается горделивым, несмотря на то, что он понял свою ограниченность. Но, как сказано, и черты характера обоих в своей основе сходны, и только благодаря высочайшему писательскому мастерству Достоевского мы воспринимаем обоих как очень разных людей, несмотря на их внутреннее сходство, т. к. основные черты характера Смердякова — просвещенное умствование, надменность и презрение ко всем («брезгливость») — в опошленном и окарикатуренном виде являются основными чертами характера и Ивана. Не зря Смердяков сразу же после знакомства с Иваном начинает его «уважать». Но то, что Смердяков и в самом деле очень многое понял в Иване, показывают его разговоры после убийства. Достоевский не устает подчеркивать нам внутреннюю общность обоих, так как действительно между

обоими существует, так сказать, общность судьбы. С несравненным мастерством Достоевский изображает, как сходство их однажды осознается Иваном (сцена у ворот). Здесь, впрочем, мы имеем обильные реминисценции из разговора Ставрогина с Федькой Каторжным, правда, контакт между обоими устанавливается в данном случае не через посредничество другого человека (в «Бесах» все же Федьку сначала «обрабатывает» Петр Верховенский), а благодаря сходству, которое остается психологически загадочным. Так Иван как бы делается соучастником в убийстве отца — не «юридически», но и не морально, если в качестве морального признается только сфера осознанного; в каком-то смысле он виновен за Смердякова — не эмпирически «виновен», а в более глубоком, ином смысле, виновен потому, что «в душе его сидел лакей Смердяков» [Достоевский 1972–1990, т. 14, с. 242]. Ивану *стыдно* за Смердякова, поскольку Смердяков в некотором смысле — это он сам, по крайней мере, часть его «Я». Стыд оказывается единственным ключом к моральному сознанию рационалиста Ивана. Моральный кризис Ивана развернут перед нами снова в форме появления двойника.

Болезнь Ивана, его «кошмар» — это, как у Ставрогина, появление двойника. «Черт» Ивана — это, однако, только «воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых» [Там же, т. 15, с. 72], «ты — я, сам я, только с другою рожей», «Только все скверные мои мысли берешь, а главное — глупые. Ты глуп и пошел» [Там же, с. 73], «это я, ...я сам. Всё мое низкое, всё мое подлое и презренное!» [Там же, с. 87]. Как черт Ставрогина и как Смердяков, черт Ивана — это «лакей»: «я никогда не был таким лакеем! Почему же душа моя могла породить такого лакея, как ты?» [Там же, с. 83; Там же, т. 10, с. 196]. С самого начала читатель, возможно, воспринимает эту «пошлость» в черте Ивана не так отчетливо, как этого хотел Достоевский. Черт, несмотря на это, по меньшей мере, очень остроумен. Несколько раз уже указывалось на то, что черт даже предугадывает некоторые мысли Ницше. Мы поймем «пошлость» черта на самом деле только тогда, когда мы осознаем, в какой «жизненной ситуации» Ивана высказывается эта остроумная идея о его «втором Я» — остроумное, попросту остроумное противопоставляется здесь предельным ценностям человеческой жизни, остроумное выступает здесь против божественного. Разум — не та способность духа, которая свойственна святому. Высшая «разумность» превращается в глумление и насмешки, когда она заменяет веру, хочет состязаться с религией. Достоевский не идет путем тех мыслителей, которые представляют своих противников слишком примитивными или слишком глупыми. Поэтому его черт стоит, так сказать, «на высоте» и помимо нескольких плохих шуток высказывает идеи, принадлежащие к числу глубочайших последних следствий рационализма. Поэтому и Великий инквизитор никоим образом не является лишь слабым противником христианства Достоевского, Алеши и Зосимы.

В Иване черт в любом случае раскрывает крайние глубины его религиозной — и при этом также онтологической — слабости. Разговор Ивана с чертом — лишь начало духовного кризиса, конец которого не изображается Достоевским; мы можем предполагать, что продолжение должно было следовать в дальнейших, ненаписанных, частях романа; решительное утверждение было бы, однако, слишком смелым.

Итак, что следует из нашего анализа для интерпретации «Бесов»?

Во-первых, мы можем утверждать, что Ставрогин принадлежит к тому ряду типов Достоевского, высшей точкой которого является Иван Карамазов. Но об этом сказано еще очень мало. Поскольку еще должно быть показано, в *каких* отношениях Ставрогин находится к обоим представителям того же типологического ряда, так отличающимся от него, — к Голядкину и к Ивану. Мы кратко ответим на этот вопрос.

Появление двойника ставит перед человеком вопрос о конкретности его реального существования. Просто «существовать», «быть» еще не есть достаточное условие бытия человека как этического индивидуума. Чисто эмпирическое, вещественное существование человека — это еще не человеческое существование. Двойник, вторгаясь в «Я» человека, показывает этим несамостоятельность, несостоятельность, неуверенность, нетвердость «этического бытия» этого человека.

Достоевский видит основу (здесь, вероятно, остается нерешенным, является ли эта основа единственно возможной) этой слабости «этического бытия» человека в том, что этот конкретный человек существует чисто «абстрактно», то есть — как человек, который полностью подобен себе подобным, неотличим от них. Такое «абстрактное существование» человек может вести двумя путями — как человек, определяющий самого себя как абстрактное существо, либо как человек, которого рассматривают как «абстракцию» другие — или, в большей степени, который объективно может выразить себя лишь как «абстрактное существо».

Первая возможность «абстрактного» человеческого существования воплощена в Ставрогине и Иване Карамазове. Ставрогин и Иван оба являются в некотором смысле «интеллектуалистами». Мыслительная мощь является общей чертой обоих. Они, разумеется, не «теоретики», но замысел Достоевского, возможно, был именно в том, чтобы показать, что избыток интеллекта также приводит к редукции человеческого бытия. У Ставрогина, разумеется, интеллект преобладает, т. к. он не имеет живых связей с конкретной жизнью. Его интеллектуальная сила особенно подчеркивается Достоевским. Иван, напротив, — типичный интеллектуалист, и прежде всего в этике³⁴. Иван, как и Ставрогин, может существовать только на почве русского просвещения и сохраняет, вследствие этого, влияние на всех своих двойников. Достоевский ставит их в тесную взаимосвязь с «просвещением», лучше сказать, — с «просвещенством»³⁵. Русское просвещенство с его универсальным рационализмом, с его убеждением в способности разума постичь всю действительность и даже создать новую, было именно *тем* основным, против чего Достоевский неустанно боролся в течение всей своей жизни. Рационализация эстетической сферы — сведение красоты к полезности; рационализация сферы этической, — рациональная аргументация вместо непосредственного чувства; рационализация социальной жизни, — идеал «муравейника» — вот основные идеи русского просвещенства, против которых борется Достоевский. В своих статьях против Добролюбова он остро нападает на рационалистическую эстетику. Его многочисленные столкновения с русскими юристами того времени (на-

пример, со Спасовичем³⁶, ср. образ Фетюковича в «Братьях Карамазовых») были направлены в основном против рационалистического анализа мотивов преступника. «Легенда о Великом инквизиторе» содержит равным образом колкости, направленные против этического рационализма: поступок Христа бессмыслен с точки зрения разума, он нуждается в улучшении с точки зрения человеческой «разумности» — нет сомнения, что для самого Достоевского это не аргумент против христианства, а исключительно аргумент против самого рассудка. Идеал «муравейника» прямо критикуется в обоих анализируемых романах («Легенда о Великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» и социалистический проект Шигалева в «Бесах»). И, быть может, Достоевский в менее известном юмористическом произведении «Щедродаров»³⁷ развил целую программу русского просвещенца и дал краткий, но точный ответ на все пункты этой программы, вложив его в уста известного русского сатирика Щедрина. В качестве главных пунктов просветительской программы Достоевский просто взял формулы, высказанные самими просветителями: «высшая цель для всякого художника и поэта... популяризация естественных наук»³⁸, «яблоко натуральное лучше яблока нарисованного»³⁹ [Достоевский 1972–1990, т. 20, с. 108], «сапоги во всяком случае лучше Пушкина» [Там же, с. 109], «просвещенный Курочкин, уничтожающий предрассудки <...> выше непросвещенного Гомера» [Там же], «для счастья всего человечества, равно как и отдельно для каждого человека, прежде всего и важнее всего должно быть — брюхо, иначе — живот» [Там же], «муравейник <...> самый высший идеал социального устройства»⁴⁰ [Там же, с. 110], «люди глупы, не умеют разглядеть, в чем их настоящая выгода, бросаются за погремушками, за какими-то искусствами, за бесполезным, коснеют в предрассудках, живут сами по себе наобум, по своей воле, и не по умным книжкам» [Там же]. На это Достоевский (Щедродаров) дает такую отповедь: «Вы против жизни идете. Не мы должны предписывать законы жизни, а изучать жизнь и из самой жизни брать себе законы. Вы теоретики! <...> Как можно стоять на воздухе, не чувствуя под собой почвы. <...> Прежде чем что-нибудь сделать, нужно самим чем-нибудь сделаться, воплотиться, самим собой стать <...>. А вы отвлеченные, вы тени, вы — ничего. Из ничего ничего и не будет. Вы чужие идеи. Вы — сон. Вы не на почве стоите, а на воздухе. Из-под вас просвечивает...» [Там же, с. 115–116]. Здесь с полной ясностью поставлена та же проблема — рационализм означает ослабление, умаление конкретного человеческого существования. Но в России 60–70-х годов каждый средний либеральный и революционный интеллигент был рационалистом в описанном выше смысле⁴¹.

В той же проблематике находится и Голядкин. Только он является представителем второй возможности «абстрактного» человеческого существования. Он-то, конечно, не «теоретик» и не «мыслитель». Но в России «просвещенчеством» было заражено не только общество, но и государство. Это «заражение» было наиболее сильным именно в 40-е годы, а к этому времени принадлежит и Голядкин. Николаевское общество и было попыткой создания такого насквозь рационально организованного муравейника сверху донизу⁴². И Петр Верховенский добивается для своей революционной партии и для революционного общества будущего такого порядка: «Нет ничего сильнее мундира. Я нарочно выдумываю чины и должно-

сти: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи, — очень нравится и отлично принялось» [Достоевский 1972–1990, т. 10, с. 298]. Против правительственного муравейника боролся Гоголь, противопоставляя рациональной организации идеал религиозной организации общества. Не будет полностью ошибочным утверждать, что он поддался искушению изобразить эту религиозную организацию по образу и подобию Николаевского государства, он взял краску для ее изображения с той же палитры⁴³. Голядкин, так сказать, пассивный носитель рационального принципа. Он опустошен, высосан рациональным принципом, воплощенным в государственном аппарате Николаевской эпохи. Это, впрочем, один из центральных мотивов в русской традиции изображения чиновников, начиная с гоголевской «Шинели». Ставрогин и Иван Карамазов истощены своим разумом, «идеями», Голядкина уничтожают внешние силы рациональных элементов. Трагедия Ставрогина и Ивана Карамазова глубже и значительнее.

7

Принцип «абстракции»⁴⁴ в этической сфере ведет равным образом к отмене конкретной человечности каждого этического субъекта. Если в поступке важнейшим является всеобщий принцип, то этический субъект вместе со своей конкретной жизненной ситуацией — это просто инструмент абстрактного принципа, и, будучи таковым инструментом, он имеет только совершенно второстепенную функцию в процессе воплощения добра. Этический мир должен быть, по сути, миром вечного повторения, миром субъектов, выполняющих похожие на самих себя «правильные» действия, без оглядки на многообразие этих действий. Как и сам субъект, окружение этического субъекта также с этой точки зрения не играет никакой роли. Но ведь «как», а не «где» действия должно быть самым существенным! Все связи человека с конкретным окружением (родина, народ, сословие, семья) с этой точки зрения оцениваются только как обстоятельства, уменьшающие этическую активность человека⁴⁵.

Эта точка зрения этического рационализма была для Достоевского неприемлемой с самого начала. Недаром он сделал черта Ивана защитником теории вечного повторения: «Да ведь теперешняя земля, может, сама-то биллион раз повторялась <...> — ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и всё в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая...» [Достоевский 1972–1990, т. 15, с. 79]. Уже Зиммель показал, что теория «вечного повторения» Ницше является только следствием из не до конца преодоленного этического рационализма⁴⁶. То же самое в намного большей степени верно для теории черта Ивана.

Но главной проблемой для Достоевского является проблема «своего места»⁴⁷. Эта проблема, по сути, является одной из самых центральных для русской духовной жизни девятнадцатого века. В западноевропейской философии эта проблема выступает лишь в отдельных случаях (например, у Фихте — ср. его определение «сферы свободы»⁴⁸, у Песталоцци⁴⁹, у Макса Штирнера), но в России она

обсуждалась на каждом шагу не только в философской литературе, но и в художественной. Типы «лишних людей» русской художественной литературы тянутся через все девятнадцатое столетие. Можно пытаться объяснить социологически, исторически или характерологически, как это уже многократно случалось, когда пытались возвести существование «лишних людей», которые, однако, возможно, являются «лучшими» людьми России, к русскому абсолютизму, к своеобразию русского духа и т. д. Достоевский объясняет существование «лишних людей» идеологически⁵⁰. Русский человек становится «лишним», то есть человеком, не находящим своего места в российской действительности, посредством того, что он теряет связь с «ближними», — но эта потеря «ближних» может быть понята только с точки зрения рационалистической этики, которая хочет заменить живую любовь к «ближнему» рациональным законом.

Тот факт, что во внимание принимается только «как», а не «где» этического действия, ведет к тому, что игнорируется не только существование действующего субъекта, но и всех других субъектов. Достоевский конструирует «свое место», исходя из христианского понятия «ближнего», т. е. принимая за основную этическую данность конкретно-индивидуальное бытие множества этических субъектов. Но этический рационализм понимает любовь к *человеку* только как любовь к *человечеству*, то есть к «общечеловеку», то есть к «человечеству вообще». Отдельный, конкретный человек — чужд этическому рационалисту и далек от него. Идея человека заслоняет живого человека. Поэтому этический рационалист неспособен любить конкретного человека. Поэт-просвещенец Некрасов, по мнению Достоевского, способен был любить только «общечеловека». «И на Волге любили общечеловека в бурлаке и, действительно, страдали по нем, т. е. не по бурлаке собственно, а, так сказать, по общечеловеку. Видите ли-с, любить общечеловека — значит наверно уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека»⁵¹ [Достоевский 1972–1990, т. 21, с. 33]. Так думает и Версиков в «Подростке»: «Любить своего ближнего и не презирать его — невозможно. По-моему, человек создан с физической невозможностью любить своего ближнего. <...> ... “Любовь к человечеству” надо понимать лишь к тому человечеству, которое ты же сам и создал в душе своей <... >» [Там же, т. 13, с. 175]. «Любить людей так, как они есть, невозможно. И, однако же, должно. И поэтому делай им добро, скрепя свои чувства, зажимая нос и закрывая глаза» [Там же, с. 174]. Совершенно то же самое говорит и Иван Карамазов: «я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних» [Там же, т. 14, с. 215]; «Отвлеченно еще можно любить ближнего и даже иногда издали, но вблизи почти никогда» [Там же, с. 216]. То же самое рассказывает врач в разговоре с Зосимой: «чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц <...>. Я <...> становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще» [Там же, с. 53]. В некоторых местах отчетливо слышны отзвуки того ответа, который дал Шиллер Канту, исключившему «склонность», любовь к «ближнему» из числа этических стимулов действия:

Ближним охотно служу, но — увы! — питаю к ним склонность,
 Вот и гложет вопрос, — вправду ли нравственен я.
 — Нет тут другого пути: старайся питать к ним презренье,
 И, с отвращеньем в душе, делай, что требует долг⁵².

Любовь к «дальним», как известно, также проповедовал Ницше: «Советую я вам любить ближнего? Скорее я советую вам бежать ближнего и любить дальнего! Выше любви к ближнему — любовь к дальнему и грядущему...»⁵³

Но мы здесь не будем разворачивать всю философскую проблематику, связанную с основными этическими тенденциями Достоевского. Для наших целей будет достаточно, если мы кратко обозначим понятие «ближнего», как его понимает Достоевский. «Ближние» не просто даны нам. Для тех же людей, которые, как Версилов или Иван (или Ставрогин), не способны поставить себя в отношения «близости» с другими людьми, не существует «ближних». Люди становятся для нас «ближними» только благодаря тому, что мы ставим себя по отношению к ним в особое отношение. Основание этого отношения — «неосуждение». Таким образом, для Алеши Карамазова «неосуждение» — такая основная и исходная (запретительная) этическая норма. Но, возможно, именно поэтому она открывает каждому, кто ей следует, бесконечные возможности живого отношения к конкретности, — поскольку она является не связывающей, а наиболее свободной формой этического самоопределения. В Алеше Карамазове, говорит Достоевский, «что-то было <...>, что говорило и внушало, <...> что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит» [Достоевский 1972–1990, т. 14, с. 18]. Сам Алеша говорит Ивану: «неужели имеет право всякий человек решать, смотря на остальных людей, кто из них достоин жить и кто более недостоин?» [Там же, с. 131]. Алеша чувствует себя совершенно подобным Дмитрию: «я то же самое, что и ты <...>. Всё одни и те же ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, где-нибудь на тринадцатой <...> это всё одно и то же, совершенно однородное» [Там же, с. 53]. Алеша и перед Грушенькой выступает «не как судья», «а сам как последний из подсудимых» [Там же, с. 321]. Он «пронзает сердце» своего отца, ведь он рядом с ним «жил, всё видел и ничего не осудил» [Там же, с. 87], «я чувствую же, что ты единственный человек на земле, который меня не осудил» [Там же, с. 24]. То же заповедует и Зосима: следует особенно избегать «брезгливости» к самому себе и к другим людям, для инока необходимо сознание, что «он хуже всех мирских»; в особенности: «не можешь ничьим судьей быть» [Там же, с. 291], «любите человека и во грехе его»⁵⁴ [Там же, с. 289]. Достоевский показывает читателю, что на этом пути действительно может быть завоевано «свое место» в мире, или, более того, не завоевано — поскольку для этого нужно бороться только с самим собой, с собственным «желанием осуждать», — а может быть обнаружено совершенно естественно. В «Братьях Карамазовых» Алеша, который на наших глазах *впервые* знакомится со своими братьями, отцом, Грушенькой, слугами, капитаном, — всюду оказывается любимым, «близким» и другом: он становится «ближним» в истинном, христианском смысле слова. Его «место», его «сфера свободы» — весь нравственный мир. Всякая отдельная сфера, всякое «место», всякое «где-то» делается для него конкретным, наполняется его

задачами; весь нравственный мир для него — этически «прозрачен», становится его «собственностью»⁵⁵ через его действенную любовь, расцветающую на почве «неосуждения». В более простой форме эту мысль выражает даже просвещенец Миусов. Алеша «может быть, единственный человек в мире», которого можно оставить в совершенно чужом городе «одного и без денег», и он ни за что не погибнет, потому что сразу же найдутся люди, которые позаботятся о нем — «и это не будет стоить ему никаких усилий», и те же, кто помогут ему, будут только радоваться, что они ему помогли⁵⁶ [Достоевский 1972–1990, т. 14, с. 20].

Но здесь возникает сложность, которую мы не будем обсуждать более подробно, поскольку она относится к несколько иному кругу идей, чем круг идей анализируемого произведения. Некоторые высказывания об этом внутреннем затруднении разработанного Достоевским понятия «ближнего» будут здесь совершенно уместны. Если «ближний» на всяком месте, в любой местности, в любом времени может быть найден, если так, как это сделал Алеша, всюду и всегда находят «ближних» и благодаря этому «свои места», сконструированные лишь посредством «ближних», то ведь снова возникает «абстракция»: совершенно «прозрачный» этический мир — это мир, где нет ничего «конкретного». Не является ли «ближний», так сказать, человеком с «заранее предрешенной судьбой»? Достоевский развивает эту проблематику в связи с вопросом о «русских» задачах русского человека⁵⁷. Достоевский решительно высказывается против подмены «общечеловеческими» задачами конкретных задач данной страны и данного времени. Поиск дальних целей — именно следствие этического рационализма. То, что при этом «отдаление» следует понимать не в пространственном смысле, само собой разумеется. «Даль» достижима только «вблизи», — общечеловеческие задачи решаются русским человеком благодаря тому, что он решает конкретные русские задачи. Но, по нашему мнению, Достоевский в этом чрезвычайно важном пункте⁵⁸ не достиг предельной ясности.

Однако его замысел совершенно ясен. Он хочет показать (с этим связан и «анекдотик» Петра Верховенского, о котором была речь выше), что единственное возможное четкое основание человеческого существования в его конкретности, то есть и «свое место» человека в нравственном мире — это Бог. «Место» каждого человека — в Боге. Если связь с Богом теряется, утрачивается и онтологическая устойчивость человеческого существования⁵⁹.

Можно спросить, связаны ли это отпадение от Бога и этический рационализм между собой однозначным образом и почему они выражаются в появлении двойника. Достоевский отвечает на первый вопрос положительно. На второй же он дает ответ (или, по крайней мере, намекает на него), и об этом мы должны сказать здесь несколько слов.

Во-первых, рационалистическая («рационалистическая» в широком смысле этого слова, т. е. определяющая этическое действие общими, логически сформулированными законами) этика вносит раздвоение в психическую жизнь человека, противопоставляя *абстрактный долг конкретной склонности*, видит этическую задачу человека в отречении от склонности, от конкретного, в пользу абстрактного. Разрыв и борьба в душе этического субъекта объявляются его «до-

стоинством», существом его этического бытия. Недаром этическая система Канта (в которой были, разумеется, в несколько скрытой форме и идеи, дающие возможность преодоления этического рационализма) стала объектом ожесточенных нападков Шиллера, Фихте, Гегеля, гегельянцев (например, Фейербаха и Макса Штирнера), наконец, Ницше. Окончательного преодоления этического рационализма и следующего из него дуализма однако еще не было достигнуто. Между тем разрыв этот в человеческой душе делает конкретное несущественным, а абстрактное бессильным⁶⁰.

Еще более отчетливо раздвоение, вносимое в жизнь этического рационалиста, выявляется в том факте, что единственный живой этический мотив в его душе есть *стыд*. К существу этического рационализма принадлежит своего рода «количественное» сравнение этических субъектов, расположение их по степеням, расценка их как «высших» и «низших». Этические субъекты по существу своему не сравнимы, вернее — не должны быть сравнимы. Каждый из них имеет *собственную* индивидуальную шкалу степеней этического достоинства, ступенчатую лестницу, спускаться и подниматься по которой может он и только он. Эта лестница совершенно несравнима с аналогичными лестницами других субъектов. Но поскольку для этического рационализма субъекты сравнимы, это сравнение (поскольку оно является противоестественным или «противосущностным») может быть предпринято только с *внешней* для субъекта точки зрения и по *несущественным* критериям. Другими словами — значение субъекта оценивается по отношению к «иному», т. е. его «полезности» для некоторой цели. Но «полезность» — это категория, под которой каждый и всякое бытие становится *совершенно бессодержательным и пустым*⁶¹. Когда субъект определяется как этически сравнимый, живая конкретность сводится к чему-то второстепенному, лежащему за границами этического, в сфере природы. Затем она становится чем-то тождественным у разных людей, как бывают тождественны вещи в природе. Отсюда стыд за свою конкретность, поскольку она кажется тождественной с конкретностью других людей, а также конкретностью бытия «последнего человека», «слишком человека». Ставрогину стыдно за наивный энтузиазм Шатова, за Федьку-Каторжного, своего беса. К этическому сознанию Ивана единственным ключом оказывается также стыд — за Смердякова, за черта. Для Ницше «стыд» (VI, 13), «презрение» (VI, 418), «отвращение» (VI, 419), «великое пресыщение» (VI, 316), насмешка — влиятельнейшие этические движущие силы, стыд, отвращение к мерзости в себе, перед тем, что имеешь общего именно с этими «многими, слишком многими», — поскольку «отвращение само создает крылья и чающие источника силы» (VI, 299). К этим движущим силам он апеллирует вновь и вновь — его этическая аргументация столь часто все же прибегает к изображению «многих, слишком многих», «последнего человека», «маленького человека», поскольку он только «обезьяна», «насмешка и мучительный стыд» сверхчеловека — следует стыдиться быть таким, как он. Для Достоевского же стыд — это нечто такое, что должно быть преодолено. Стыд приводит человека к сокрытию тех качеств, которых он стыдится, и поскольку гордый рационалист не желает переживать осуждения со стороны других людей, он должен выносить внутреннюю борьбу, в которой часто

терпит поражение, — ведь Достоевский показывает нам *только* такие случаи, где гордый человек из-за своей гордости и своей неспособности пережить «позор» осуждается на гибель⁶².

Так подготавливается двойничество. Ибо конкретность — живая и онтологически устойчивая — отвергнута и презрена, а абстрактный принцип объявлен этически-существенным, но онтологической силы и крепости конкретного бытия приобрести не мог. «Сфера бытия» этического субъекта ослаблена. Неудивительно, что чувство страха, сознание опасности, угрозы, исходящей со всех сторон, становится основным мотивом сознания этического субъекта. Это осознание, разумеется, может стать и источником живой веры, но может — и это, по мнению Достоевского, случается в большинстве случаев — довести этического субъекта до состояния совершенной неуверенности в своей онтологической крепости⁶³. Душа ждет только толчка, который бы вывел ее из этого состояния неуверенности, неустойчивого равновесия. И этот толчок направляется, естественно, в наиболее слабый, незащищенный пункт, — субъект, утративший онтологическую устойчивость своей конкретности, теряет теперь и «сферу свободы», как бы внешне надежно она ни была бы защищена, «свое место», свое «где». Но т. к. в душе этического субъекта уже господствует раздор, внутреннее раздвоение, то кризис субъекта принимает форму появления двойника. Этическая функция двойника, пожалуй, сходна с этической функцией смерти, — утрата сферы своего бытия (ибо утрата конкретности низводит субъекта до безличности, до вещиности, все равно материальной или абстрактно-идеальной вещиности⁶⁴) ставит субъекта перед последним решением: обрести предельную устойчивость в Абсолютном бытии или погрузиться в Ничто⁶⁵.

8

Мы сумеем достичь несколько большей ясности в отношении мотивов, приведших Достоевского к проблеме двойника, если хотя бы кратко укажем на дискуссию, которые играли известную роль в западноевропейской философии девятнадцатого века, — я имею здесь в виду начальный период занятий проблемой человеческого бытия в западноевропейской философии⁶⁶.

Здесь мы не можем дать даже приблизительно полной картины развития философии человеческого бытия. Мы хотели бы только указать на некоторые моменты этого развития, существенно соприкасающиеся с обозначенными выше постановками вопросов.

Уже Георг Зиммель указал на «антиэкзистенциальную» вершину, содержащуюся в каждой этической системе, в основе которой лежит абстрактный нравственный закон. Зиммель вскрывает эту абстрактность основного принципа даже в философии морали Ницше. Как известно, Ницше учит о «вечном повторении» всего, что есть в мире. «Содержание каждого момента, каждый человек со всем, чем он живет, уже были здесь бесконечно много раз и будут возвращаться бесконечное число раз, в абсолютно тождественном повторении»⁶⁷. Ницше говорит:

«Этой жизнью, которую ты жил и живешь, ты должен будешь жить еще раз, еще бесчисленное число раз; и в ней не будет ничего нового, но все несказанно малое и великое твоей жизни вернется к тебе снова, и все в том же порядке и последовательности. Постоянно переворачиваемые вечные песочные часы — а вместе с ними и ты, пылинка от пыли. Если бы всякая мысль овладевала тобою, она бы преобразила тебя, каков ты есть, а может быть, и сокрушила; и в каждом случае вопрос: “хочешь ли ты этого еще раз, еще бесчисленное число раз?” будет лежать величайшей тяжестью на твоих поступках! В какой мере ты должен примириться с собой и с жизнью, чтобы не требовать ничего другого, как этого последнего подтверждения и утверждения!»⁶⁸ Ницше, конечно, хочет, чтобы тем самым индивидуальное существование не «сокрушалось», а, скорее, укреплялось⁶⁹. Но для него речь идет не о том, чтобы придать статус вечной ценности *каждому* индивидуальному существованию, а, наоборот — *только и исключительно тем*, кто может выдержать это испытание. Это — один из самых нехристианских и антихристианских мотивов философии Ницше.

Зиммель справедливо указывает на то, что в неразвернутом виде эта проблематика имела место уже у Канта. Но Кант требует от нравственного действия, чтобы оно рассматривалось этическим субъектом как ценное здесь и там, сейчас и всегда. Но это означает не что иное, как то, что конкретное существование этического субъекта признается «несущественным». В рассуждениях Канта также достаточно мотивов, противоречащих этому⁷⁰, но несомненно есть и этот мотив. «Пробный камень для соответствия действия долгу Кант находит в том, что деятель может выбрать принцип, которым оно руководствуется, как всеобщий, просто имеющий силу закон»⁷¹. У Канта можно найти множество таких формулировок нравственного закона, которые проводят аналогию между нравственным законом и законами природы — этические предписания должны «мыслиться», «выбираться», «иметь силу» как «всеобщие законы природы»⁷². «Кант растягивает этический акт в ширину в бесконечное повторение друг возле друга в обществе, в то время как Ницше распространяет его в длину, в повторение его тем же самым индивидуумом в бесконечной последовательности»... У Фихте обе постановки проблемы — Канта и Ницше — соединены: «Эмпирическое Я должно быть настроено так, как оно могло бы быть настроено вечно. Поэтому я выразил бы основание нравственного учения в следующей форме: действуй так, чтобы ты мог помыслить закон твоей воли как вечный закон твоего поведения»⁷³ — тем самым кантовская формула перенесена из «измерения ширины» в «измерение длины». Но мое конкретное существование снимается, лишается всякой ценности, если его ценность я вижу лишь в том, что одинаково для *каждого* «здесь и сейчас»! Большое число ставится выше неповторяемости — «оба приумножения дела служат одной цели: освободить его смысл от случайности, которую ему навязывает его представление в только-сейчас, только-здесь. Внутренняя ценность действия, то в нем, за что мы ответственны, само по себе пребывающее совершенно вне времени и числа, вне существования где и как часто, должно быть для нас, поскольку мы всё же привязаны к этим категориям, снабжено бесконечностью числа и времени, для определения ее истинного веса»⁷⁴. Как бы верно в этих словах ни

был передан Зиммелем общий замысел Канта и Ницше, бесконечное повторение в пространстве и во времени никоим образом не укрепляет ценность и смысл действия, но, наоборот, снимает эту ценность и этот смысл! Нравственная ценность действия заключается якобы в его удалении от конкретности, а единообразие тем самым объявляется главной чертой нравственного мира, той самой «скущицей неприличнейшей», о которой говорит черт Ивана.

Но еще более интенсивно эта черта выступает во всей этике «просвещения»! Предшественник Канта — просветитель Адам Смит⁷⁵ — уже пришел на этом пути к формулировке, которая, собственно, собиралась сделать идею о двойнике основой нравственности. Ибо Адам Смит полагал, что нашел критерий нравственной ценности действия в том, что оно может быть верно оценено с точки зрения «непричастного наблюдателя», «impartial spectator [беспристрастного наблюдателя]» или «indifferent spectator [нейтрального наблюдателя]»⁷⁶; иными словами: судьей над людьми делается бесстрастный и безликий «всеобщий двойник»!

«Экзистенциальная философия» девятнадцатого века, которая, впрочем, никогда детально не исследовалась в своих основных мотивах, — это страстный протест против абстракции как метода этической мысли. Мы находим мотивы «экзистенциальной философии» в полной мере уже у молодого Гегеля. Но именно те гегельянцы, которые при «радикализации» его философии вновь вернулись к воззрениям его юных лет, не зная, что Гегель уже занимался этой проблемой⁷⁷, эти сторонники «левого» гегельянства, представляли «экзистенциальную философию» в философской литературе в различных, часто довольно невразумительных формах. Людвиг Фейербах, Бруно Бауэр, Макс Штирнер пытались выдвинуть человеческое существование во всей его конкретности в центр философских размышлений⁷⁸. Без колебаний эти попытки сейчас можно оценить только как исторические. И отдельные русские мыслители тоже пытались выяснить эту проблему. Все учение о «конкретном бессмертии» и идея «воскрешения мертвых», которая обычно приписывается своеобразнейшему русскому мыслителю Н. Федорову и которая была намечена еще Александром Герценом⁷⁹, а возможно, и князем Владимиром Одоевским⁸⁰, и это учение, своеобразная смесь христианских и натуралистически-материалистических элементов, принадлежит к той же линии духовно-исторического развития⁸¹. И такой мыслитель, как В.В. Розанов, терзался, собственно говоря, только проблемой человеческого существования. Но едва ли есть такие представители «экзистенциальной философии» девятнадцатого века, которые были бы так же интересны для нашей философской современности, как Достоевский и Киркегор.

И именно Киркегор нередко был весьма близок той точке зрения Достоевского, характеристике которой посвящен этот наш очерк. «Абстракция», против которой Киркегор полемизировал резко и остроумно, есть, конечно, не столько абстракция в этической теории, сколько абстракция, реализованная в самой жизни, так сказать, «жизненная абстракция». Этим Киркегор отличается от большинства представителей «экзистенциальной философии» девятнадцатого века, но именно это сближает его особенно тесным родством с Достоевским⁸². Конечно, там, где Достоевский видит «общечеловеческую» проблему, Киркегор видит пробле-

му «мыслителя», «философа», «теоретического человека». Но это различие часто только внешне, глубина проблематики часто понимается и выражается одинаковым образом. Мы завершаем наше изложение цитатой из Киркегора потому, что тем самым хотели бы указать на тему, которая заслуживает теоретического исследования и которой мы собираемся заняться в теоретической работе.

«В языке абстракции, собственно говоря, никогда не встречается того, что составляет сложность существования и существующего, не говоря о том, чтобы эта сложность объяснялась. Поскольку абстрактное мышление существует именно *sub specie aeterni*⁸³, оно отворачивается от конкретного, от временности, от становления существования, от той беды существующего человека, что его существование связано с сочетанием вечного и временного. Но если теперь предположить, что абстрактное мышление есть нечто высшее, то из этого последует вывод, что наука и мыслители гордо покидают существование, оставляя нам, прочим людям, самое худшее. Но ведь одновременно из этого предположения следуют кое-какие выводы и для самого абстрактного мыслителя, а именно: что он, поскольку и сам он является существующим, тем или иным образом вынужден быть рассеянным. — Задать абстрактный вопрос о реальности и абстрактно на него ответить совсем не так сложно, как спросить и ответить на вопрос, что же такое значит, что это определенное нечто есть реальность. Абстракция как раз отвлекается от этого определенного нечто, но сложность именно в том и состоит, чтобы сочетать это определенное нечто и тождество мысли, собираясь думать о нем. До такого противоречия абстракции не может быть даже и дела, ибо она же его и запрещает. — Сомнительность абстракции как раз и проявляется при постановке всех экзистенциальных вопросов, в которых абстракция удаляет затруднение, опуская его, а затем похвально объяснением всего. Она объясняет бессмертие вообще, и, смотри-ка, получается это отлично благодаря тому, что бессмертие становится тождественно вечности, той вечности, которая по сути является посредником мысли. Но бессмертен ли отдельно существующий человек, в чем как раз и состоит сложность, до этого абстракции нет дела. У нее нет интереса, но сложность существования состоит в интересе того, кто существует, и в том, что существующего существование бесконечно интересует. Поэтому абстрактное мышление помогает мне достичь бессмертия, убивая меня как отдельно существующего индивида и потом делая меня бессмертным, а потому помогает примерно так же, как доктор у Хольберга, своим лекарством лишивший пациента жизни — но и сбивавший температуру. Поэтому если посмотреть на абстрактного мыслителя, не желающего себе уяснить и осознать, как же его абстрактное мышление относится к тому, что он существует, то он, каким бы дельным он ни был, производит комичное впечатление, поскольку собирается перестать быть человеком. — В то время как действительный человек, состоящий из бесконечности и конечности, свою действительность видит именно в том, чтобы в бесконечном интересе к существованию соединить в себе конечность и бесконечность, такой абстрактный мыслитель является раздвоенным существом: фантастическим существом, живущим в чистом бытии абстракции, а временами печальной профессорской фигурой, которую абстрактная сущность отодвигает в сторону, подобно тому, как отставляют в сторону палку».

«Поспешное обожествление чистой мысли как чего-то высшего показывает, что этот мыслитель никогда не существовал как человек, что он, между прочим, никогда не совершал выдающихся поступков, я веду речь не о предпринимательской деятельности, а о внутренней жизни. Но совершать выдающиеся поступки — это существенная часть того, чтобы существовать как человек»⁸⁴.

Не звучат ли эти слова аналогично словам Ницше о тех, кто проповедует «непорочное познание»: «Для меня было бы самым высшим <...> взирать на жизнь без вожелений. <...> Для меня было бы самым дорогим <...> любить землю, как любит ее месяц, и только одними глазами прикасаться к ее красоте. И *непорочным* называется для меня такое познание всех вещей, когда я от вещей не хочу ничего: только бы можно было лежать перед ними, подобно зеркалу с сотнею глаз»⁸⁵.

Как бы иначе ни ставил проблему двойничества Достоевский, это все же та же самая проблема абстракции, которая стремится стать жизненным принципом и которая тем самым подрывает, ослабляет, даже убивает конкретную жизнь. И внутренняя сила постановки вопроса Достоевским заключается именно в том, что он показал проблему абстракции в ее проявлении в повседневности, в общечеловеческой плоскости.

---

¹ Все письма Достоевского, которые мы здесь цитируем, можно найти в первом томе нового издания писем (Ленинград, 1929). <Имеется в виду издание: [Достоевский 1928–1959]>.

² <Цитаты из произведений и писем Достоевского приводятся по изданию: [Достоевский 1972–1990]. После цитаты в квадратных скобках указываются том и страница по этому изданию. Чижевский в немецком варианте статьи дает с оговорками цитаты из произведений Ф.М. Достоевского по изданиям Пипера (Мюнхен) 1920-х гг. Параллельно он отсылает к изданиям сочинений Ф.М. Достоевского И.П. Ладыжникова (Берлин, 1919–1922) и Л.П. Гроссмана [Достоевский 1911–1918]. См. также комментарий М. Магидовой к русскому тексту статьи Д. Чижевского «К проблеме двойника» [Вокруг Достоевского 2007, с. 165].>

³ Мы говорим именно «как художника». То, что Достоевского уже в его ранние годы многое отделяло от Гоголя, убедительно показал А. Бем («Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского» в «Slavia», VII, 1 и «Шинель» Гоголя и «Бедные люди» Достоевского <из доклада «К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского»> в «Записках Русского исторического общества в Праге», Т. I, Прага, 1927, С. 47–56 — обе работы на русском языке).

⁴ Ср. первые страницы интересной статьи С. Гессена «Идея добра в “Братьях Карамазовых”» («Russische Gedanke», 1929, I). <См.: [Гессен 1928].>

⁵ Как это показал А. Бем («Tajemství osobnosti Dostojevského», Prag, 1928).

⁶ Ср. указание *Отокара Фишера*: Duše a slovo. Prag, 1930, S. 193.

⁷ Голядкин не раз смотрит в зеркало. В первой редакции повести (сейчас она доступна в издании Леонида Гроссмана, Петербург, без года, «Сочинения», Т. 22) подчеркивается присутствие зеркала и в той кофейной, где Голядкин разговаривал с двойником. (Т. 22, С. 30, Гл. 11). Состояние «транса», вызываемое созерцанием блестящих предметов, — один из излюбленных приемов любимого Достоевским Э.Т.А. Гофмана. (Ср. «Сочинения», *Гризбах*, Т. I, 198, 203, 211, 238, Т. III, 27, 133 и далее, Т. XIII, С. 119 и др.). См. также *мою* работу «Э.Т.А. Гофман и Достоевский», которая вскоре будет издана. <Статья так и не была издана. В «Пражских воспоминаниях» Чижевский пишет, что текст статьи сохранялся у него до 1956 г. Уже в Гейдельберге одна из участниц семинара Д. Чижевского взяла у него рукопись «на несколько часов или дней, и с тех пор я никогда больше не видел ни участницы, ни рукописи и до сих пор сожалею об этом» [Янцен 2008, с. 94–95]. См. также: [Чижевский 2007, с. 88].>

⁸ Достоевский повторяет одни и те же выражения буквально десятки раз. Уже здесь мы видим зачатки «оркестрального», как я его называю, приема, при котором Достоевский повторяет свои любимые мысли в произведениях устами всех героев в различных ситуациях и в различных формули-

ровках (ср. здесь мое наблюдение в работе «Шиллер и “Братья Карамазовы”» в «Zeitschrift für slavische Philologie» VI, ½, §3). <См.: [Čyževskij 1929, S. 1–42].>

⁹ Сцена захвата Голядкиным-младшим бумаги, переписанной Голядкиным-старшим, в целом и в деталях напоминает одну сцену из «Крошки Цахес» Гофмана (V, 478). Иные сюжетные сопоставления см. в *моей* цитированной выше работе.

¹⁰ Ср. также работу А. Бема о Пушкине и Достоевском, которая в скором времени выйдет в этой серии. <Скорее всего, имеется в виду глава «Пушкин и Достоевский» из монографии А.Л. Бема «У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский» (Прага, 1936), вышедшей в серии сборников «О Достоевском». См.: [Вокруг Достоевского 2007, с. 430–491].>

¹¹ Прочитированные здесь места из первого издания можно найти у Л. Гроссмана (цитированное выше издание, Т. 22. С. 15, 21, 22, 33, 37).

¹² Проблема «своих мест» ярко поставлена Гоголем уже в «Переписке с друзьями» (ср. об этом написанную Л. Миколаенко главу о Гоголе в *моей* книге «Нариси з історії філософії на Україні», Прага, 1931, особенно С. 94 [Чижевский 1931, с. 87–107]; <«Глава VII. Микола Гоголь» была написана Л. Миколаенко под руководством и при участии Д. Чижевского>). Ср. важные замечания об истории этих понятий у Достоевского в цитированной выше работе А. Бема в «Slavia», VII. В небольшой повести «Господин Прохарчин» эта тема затронута, разумеется, в тесной связи с другой проблемой — проблемой бедности (ср. А. Бем: «Скупой рыцарь» Пушкина и Достоевский» в «Пушкинском сборнике», Прага, 1929, на русском языке).

¹³ Я цитирую «Двойника» с исправлениями по пиперовскому изданию. К сожалению, именно в переводе «Двойника» незаметно ни *малейших* улучшений, в отличие от больших романов Достоевского. Перевод «Двойника» совершенно ненадежен для историко-литературных целей, поскольку переводчик часто дает только парафразы, упускает некоторые важные слова, и — что еще более непонятно — некоторые слова добавляет. Использование этого бойкого и легко читаемого перевода вследствие этого не стоит допускать ни одному историку литературы, не владеющему русским языком. <См.: [Dostojewski 1922].>

¹⁴ Изменения, сделанные Достоевским в тексте «Двойника» для «Собрания сочинений», не очень значительны (в основном это сокращения некоторых повторов и устранение подзаголовков глав, которые в то время могли показаться излишне «старомодными») и никоим образом не позволяют дать ответ на наш вопрос. (Я не могу согласиться с мнением Л. Гроссмана — «Сочинения», Т. XXII, С. 10, что выпущенные фрагменты особенно важны для понимания повести). <Л. Гроссман пишет: «Возможно, что Достоевский в момент этой окончательной переработки, т. е. в середине 60-х годов, уже имел в виду наново разработать тему самозванства и потому решил совершенно исключить из своей ранней повести эти первые, не удовлетворявшие его впоследствии эскизы одной из своих любимых идей» [Достоевский 1911–1918, т. 22, с. 10].>

¹⁵ Ср. *мою* статью «Голядкин — Ставрогин» в «Zeitschrift für Slavische Philologie», ¾, S. 358–362. Переработка образа Голядкина придает ему некоторые черты, которые мы вновь обнаруживаем у Ставрогина. Это поддерживает нашу интерпретацию «Двойника» [Čyževskij 1930, S. 358–362]. <Чижевский опирается на статью: [Аванесов 1927]. В статье были опубликованы заметки Достоевского к переделке «Двойника» начала 1860-х гг.>

¹⁶ Именно поэтому здесь я рассматриваю — противореча хронологии — «Подростка» раньше «Бесов».

¹⁷ Здесь отзвук интереса Достоевского к психологической и психиатрической литературе того времени. Вопрос о связях Достоевского с психологической школой Шеллинга (Достоевскому был известен Карус, об этом мы узнаем из его писем) я предполагаю обсудить впоследствии в другой работе. <По свидетельству А.Е. Врангеля, Достоевский планировал «переводить “Философию” Гегеля и “Психию” Каруса» [Врангель 1912, с. 35]. В письмах Достоевского имя Каруса не упомянуто.>

¹⁸ Отталкиваясь от подобных мест, В. Перверзев («Творчество Достоевского». М., 1922) применяет термин «двойник» к «раздвоенным» натурам. Как показывают наши дальнейшие анализы, это словоупотребление не соответствует замыслу Достоевского. — Из «раздвоенных натур» Достоевского для нас имеет значение еще князь Мышкин («Идиот»). За недостатком места мы вынуждены, однако, отказаться от анализа «Идиота».

¹⁹ Эти страницы были перепечатаны в изданном А. Долининым сборнике «Достоевский», Ч. I, Петербург, 1925, С. 544–550. <Речь идет об издании: Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. Л.; М., 1924 (на обложке Л., 1925).>

²⁰ Достоевский не настолько внимательно просмотрел весь текст романа, чтобы полностью устранить все места, касающиеся этих появлений беса. Так, по уходе Петра Верховенского: «Но он [Ставрогин] вдруг сам открыл глаза и, по-прежнему не шевелясь, просидел еще минут десять, как бы упорно и любопытно всматриваясь в какой-то поразивший его предмет в углу комнаты, хотя там ничего не было ни нового, ни особенного» [Достоевский 1972–1990, т. 10, с. 182]. В последнем письме Даше Ставрогин пишет: «от галлюцинаций надеюсь избавиться» [Там же, с. 513]. О галлюцинациях он рассказывает и Тихону.

²¹ Слова А. Долинина в процитированном выше сборнике: Т. II, С. 547. <См.: [Долинин 1925, с. 544–556].>

²² В русских (равным образом и в немецких) народных воззрениях «нечистая сила» часто безлика (или без спины), она, так сказать, является только личиной, маской действительности. Ср. то, что говорится о демонах в «Ареопагитиках» (*De divinis nominibus*, IV, 23): «Что они злы, говорят из-за того, что они оказались неспособны к соответствующей их природе деятельности. Их зло — это отступничество, уход от того, что им подобает, упущение, несовершенство и бессилие, ослабление, отступление и отпадение от создающей их совершенство силы» [Ареопагит 2006, с. 210].

²³ Это предложение отсутствует в пиперовском издании произведений Достоевского («Бесы», Т. 1, С. 75–76, ср. русское издание Ладъжникова, Т. 1, С. 62–63).

²⁴ Ср. мою статью «Шиллер и “Братья Карамазовы”» в «*Zeitschrift für slavische Philologie*» VI, ½.

²⁵ Ср. место из упомянутого выше «*De divinis nominibus*» и там же: «И если они (демоны) не желают добра, они желают не-сущего. И это уже не желание, а погрешность относительно истинного желания». <[Ареопагит 2006, с. 223].>

²⁶ <Любящий разум (*grec.*)>

²⁷ <Цитата приведена неточно: «Мысль почувствовали? — проговорил Кириллов. — <...> Есть много мыслей, которые всегда и которые вдруг станут новые» [Достоевский 1972–1990, т. 10, с. 187].>

²⁸ <Изменив то, что следует изменить (*лат.*)>

²⁹ То, что каждое преступление «некрасиво», принадлежит к числу любимых идей Достоевского. <Выделение курсивом в цитате Д. Чижевского.>

³⁰ «Бесы» цитируются по пиперовскому изданию; в этом случае необходимо не так много исправлений, как в «Двойнике». Однако хватает невнимательно переведенных мест. Что касается передачи названия, то «*Dämonen*» звучит определенно слишком по-западному; я выбирал между «*Besessenen*» и «*Teufeln*». Русский «черт» («бес») существенно отличается от немецкого «черта» («*Teufel*»), но я все же принял решение в пользу этого перевода, поскольку в тексте Евангелия, на который ссылается Достоевский (Лука, VIII, 32–37), в переводе Лютера идет речь о «*Teufeln*», а этот текст имеет основополагающее значение для понимания идеи романа.

³¹ В анализе «Братьев Карамазовых» я буду по возможности краток, поскольку многие частности уже были однажды более подробно изложены мной (в вышеупомянутой работе в «*Zeitschrift für slavische Philologie*», VI, ½).

³² <Иван говорит: «Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что!» [Там же, т. 14, с. 210].>

³³ Алеша, который скорее всего может рассматриваться как персонаж, высказывающий идеи самого Достоевского, все же не соглашается с мнением Ивана.

³⁴ Добротный анализ образа Ивана читатель найдет в уже упомянутой выше статье С. Гессена. См. также мою статью «Шиллер и “Братья Карамазовы”» (см. выше).

³⁵ Тема «просвещения» и «просвещенства» является сквозной для работ Чижевского о Достоевском: от первой его статьи «Шиллер и “Братья Карамазовы”» (1929) до последней работы, которая специально и была посвящена этой теме: «Достоевский и просвещение» (1975) [Tschizewskij 1975]. Сам термин «просвещенство» принадлежит Чижевскому. В рецензии на книги М.М. Бахтина и А.С. Долинина он писал по этому поводу следующее: «В России, конечно, не было таких ярких представителей “просвещенства” (так я называю вместе с В.В. Зеньковским мировоззрение русских “шестидесятников”, — дожившее, кстати, до наших дней), как Раскольников, Шигалев, Кириллов и Иван Карамазов» [Чижевский 1965, с. 284]. См. об этом мои статьи: [Тоичкина 2011; 2012].>

³⁶ <Спасович В.Д. (1829–1906) — юрист-правовед, адвокат, публицист, критик и историк польской литературы, общественный деятель. Достоевский критически отзывался на участие адвоката Спасовича в деле С.Л. Кроненберга («Дневник писателя», февраль 1876 г.). Позднее Спасович стал одним из прототипов адвоката Фетюковича в «Братьях Карамазовых». Обращаясь к судебным делам

своего времени, Достоевский публицистически и художественно обличал адвокатскую казуистику и приемы оправдания преступника, свойственные либеральным юристам.>

³⁷ Издано в процитированном выше издании произведений Достоевского под редакцией Л. Гроссмана (Т. XXIII). <Речь идет о статье Ф.М. Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (1864), в рамках которой был опубликован пародийный «Отрывок из романа “Щедрадров”».> Некоторые неизвестные фрагменты, также содержащие острую критику русского просвещения, были недавно изданы в посвященном Достоевскому номере московской «Литературной газеты» (1931, № 8). Но они не содержат принципиально новых идей.

³⁸ Большинство приведенных высказываний действительно выдвигались русскими просветителями — Писарев действительно в критической статье советовал Щедрину обратить свой талант на популяризацию естественных наук. <...Естествознание составляет в настоящее время самую животрепещущую потребность нашего общества. <...> И потому еще раз скажу г. Щедрину: пусть читает, размышляет, переводит, компилирует, и тогда он будет действительно полезным писателем. При его умении владеть русским языком и писать живо и весело он может быть очень хорошим популяризатором» [Писарев 2002, т. 5, с. 358]. Цитата из статьи Достоевского приведена неточно: «...вы должны стремиться к другому высшему идеалу, а именно: популяризовать естественные науки, излагая их в виде повестей и рассказов. Это высшая цель для всякого художника и поэта» [Достоевский 1972–1990, т. 20, с. 107].>

³⁹ Это предложение — намек на работу Чернышевского «Антропологический принцип в философии», 1860 и др. <Статья Чернышевского была опубликована в «Современнике» (апрель, май 1860 г.) и явилась фактом и фактором развития материалистического направления в русской философии 60-х гг. XIX в. [Чернышевский 1950, т. 7, с. 222–294].>

⁴⁰ Муравейник — это одно из излюбленных «ключевых слов» Достоевского. Первое изображение улья как социалистического общества восходит к Писареву (работа осталась незавершенной). <Речь идет, судя по всему, о статье Д.И. Писарева «Пчелы» (1862). Статья заканчивается многоточием, а вопрос о ее завершенности остается дискуссионным. В основе работы Писарева очерк «Государство пчел» из книги немецкого ученого-натуралиста и политика Карла Фохта «Старое и новое из жизни животных и людей» (1859). Опираясь на Фохта, Писарев предложил в этой статье свой опыт критики государственности (см. комментарий к статье в издании: [Писарев 2002, т. 4, с. 358–359].>

⁴¹ Блестящую характеристику русского просветительства дал Г. Шнем (в своем «Очерке развития русской философии», Петербург, 1922). Станным образом, многое почти тождественно с гегелевской характеристикой Просвещения в «Феноменологии духа». Ср. мою заметку о русском просвещении в «Orient und Occident», Heft 7. <Заметка Чижевского предваряла публикацию отрывков с критикой просвещения, выбранных из сочинений Достоевского: [Tschizewskij 1931, S. 1–10].>

⁴² Об этом см. в вышеупомянутой книге Г. Шнема. С. 26, 30–32 и др.

⁴³ Друг Гоголя, художник А.А. Иванов, с невероятной смелостью почти отождествлял николаевскую Россию с Царством Божьим (см. мой очерк «Религиозная утопия А.А. Иванова» в журнале «Путь», 1930, XXIV) [Чижевский 1930]. <В статье на основе новых публикаций рукописей рассматривается религиозная эволюция Ал. Иванова (в частности, Чижевского интересует влияние идей Штрауса на мировоззрение и творчество художника).>

⁴⁴ <Статья о проблеме двойника была задумана как часть «магистерской диссертации», которую Чижевский «...собирался защищать под руководством С.Л. Франка в Русском научном институте в Берлине» [Янцен 2008, с. 69, 130]. Были опубликованы и другие части этого сочинения: [Чижевский 1928; 1928а; 1928б; 1931]. См. исследование незавершенной книги Чижевского «О формализме в этике»: [Янцен 2008, с. 69–78, 133–136; Plotnikov 2012]. В 7–8 параграфах статьи Чижевский разворачивает собственно философскую часть своей концепции этики.>

⁴⁵ Эта критика этического рационализма будет несправедливой, если к рационалистам причислить и Канта. В кантовской этике закладывается именно основа для преодоления этического рационализма, хотя в ней нет недостатка и в отдельных рационалистических точках зрения. (Ср. мою работу «О формализме в этике» в «Трудах Русского народного университета в Праге», Прага, 1928, Т. 1, на русском языке).

⁴⁶ Georg Simmel: Schopenhauer und Nietzsche, 2. Ausgabe, 1920. S. 247–250. См. далее!

⁴⁷ См. выше — § 2.

⁴⁸ См. Werke (Medicus) II, 614 и далее, 623, III, 128, II, 55 и далее, III, 430 и далее.

⁴⁹ Песталоцци пришел к подобному учению независимо от Фихте и не используя термина «сфера свободы».

⁵⁰ Против «социологических» объяснений феномена «лишних людей» Достоевский высказывался и в своих заметках к переработкам «Двойника» (ср. мою статью, упоминаемую в примечании 15). <«Петрашевский» должен был дать на жалобы Голядкина против двойника прямо-таки классический ответ: «Ну-с, <...> это изменится, когда наступят новые экономические отношения» (это было в русской журналистике того времени обычным обозначением социализма) [Достоевский 1972–1990, т. 1, с. 166] [Čuževský 1930, S. 361].>

⁵¹ «Дневник писателя», 1873, издание Ладыжникова. С. 255.

⁵² <Заключительные строчки стихотворения Ф. Шиллера «Философы» (1796) в переводе В.С. Соловьева (см. об этом комментарий М. Магидовой: [Вокруг Достоевского 2007, с. 170].>

⁵³ Ср. *Nietzsche: Werke, Kröners kleine Ausgabe. «Zarathustra»*. S. 88.

⁵⁴ Это высказывание часто превозносят как выражение чисто русской религиозной нравственности. Схожее высказывание мы находим, однако, у Гёте: «Годы странствий Вильгельма Майстера», II, 1. (Cotta-Ausgabe, XIX, 183).

⁵⁵ Макс Штирнер в поиске «сферы свободы» или «собственного места человека» объявлял весь мир «собственностью» «единственного». Подобные мотивы звучат и у Достоевского.

⁵⁶ В теснейшей связи с этой темой находится князь Мышкин из «Идиота». Он принадлежит к особому ряду типов Достоевского, который начинается Ордынвым («Хозяйка») и через князя Мышкина ведет к Алеше.

⁵⁷ По этому вопросу, кроме известного места в «Дневнике писателя», см. также «Бесы», Ладыжников, I, 406, II, 444 и «Сочинения», Л. Гроссман, XXIII, 127, 297, 307. <[Достоевский 1972–1990, т. 20, с. 6, 110, 116].>

⁵⁸ Здесь нужно иметь в виду не только проблему русского XIX века — презрение ко всему русскому при возвеличивании всего чужого — от ландшафта и породы людей до культуры. Возможно, более важен тот факт, что историческое развитие России было процессом пространственного расширения — то есть стремления вдале. При этом природные условия территории в течение долгого времени не были исчерпаны до конца. Консерватизм русской жизни в Средневековье был как раз весьма относительным, поскольку колонизация невероятно протяженных областей, так сказать, была подспудно-радикализирующей жизненной силой. Статичность внешних форм поддерживалась динамикой территориального распространения русского народа. — Достоевскому была хорошо известна эта историко-географическая проблематика русской истории.

⁵⁹ С проблемой «своего места» в пространстве Достоевский связывает и проблему «своего места» во времени — проблему бессмертия. Оставляем ее здесь в стороне. Отметим только, что наиболее существенны для этой проблемы у Достоевского — образ Кириллова, идеи Ивана Карамазова и «Письмо самоубийцы» в «Дневнике писателя», 1876, X, 1. <Видимо, имеется в виду письмо самоубийцы из главы «Приговор» в «Дневнике писателя» за октябрь 1876 г. [Там же, т. 24, с. 146–148]. Проблеме бессмертия Чижевский посвятит свою статью: [Чижевский 1936] и ее немецкий вариант: [Tschizewskij 1947].>

⁶⁰ По этому вопросу см. мою работу «Hegel et Nietzsche» в «Revue d'histoire de la philosophie», 1929, III, 6 и 7.

⁶¹ Достоевский полемизирует с проблемой «полезности» в «Щедрадарове» и «Крокодиле» (в последнем произведении также затрагивается и тема «своего места»).

⁶² В этом пункте (как и в некоторых других) мысль Достоевского в значительной степени сближается с фрейдизмом.

⁶³ Ср. *S. Kirkegaard: Der Begriff der Angst. Werke. Bd. 5; кое-что можно найти в книге O. Liebeck: Das Unbekannte und die Angst, 1928*. Ср. также роль, которую «страх» и «угроза» играют, например, у П. Тиллиха и М. Хайдеггера.

⁶⁴ В сфере идеального бытия тоже существует своего рода «вещность» — ср. математическое бытие — абстрактные числа или знаки.

⁶⁵ Поэтому в поэзии с мотивом двойника часто связан мотив смерти (созерцание собственного погребения).

⁶⁶ В этом параграфе, как и в некоторых предыдущих, мои высказывания часто совпадают с высказываниями превосходной статьи Фрица Либя «Проблема человека у Достоевского» («Orient und Occident», 1930, III). Но в настоящей статье я только пытался представить действительные идеи самого Достоевского, не выражая своего отношения к ним, поэтому могу лишь указать на эту интересную работу. Некоторые философские размышления, примыкающие к изложению этой статьи, я опубликую в ближайшем будущем.

⁶⁷ *Simmel*: Op. cit., S. 247. Это место привлекает также С. Гессен (op. cit.) для интерпретации рационализма Ивана.

⁶⁸ *Nietzsche*: Werke, IV, S. 341 («Веселая наука»).

⁶⁹ Ведь Ницше упрекает Канта именно в том, что его моральная философия должна была бы привести к расщеплению человеческого существа; проблему двойника (в нашем смысле слова) он, пожалуй, осознавал — в кантовской философии «чиновник, как вещь в себе, поставлен судьей над чиновником, как явлением» (VIII, 164), она ведет к борьбе человека со своим «высшим Я», и люди из-за этого часто становятся «актерами себя самих» (III, 400).

⁷⁰ Об этом см. мою упомянутую выше работу «О формализме в этике» (примечание 45).

⁷¹ *G. Simmel*: Ibidem. S. 248.

⁷² См. *Kant*: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, Reclam, S. 59, 73, 78 и др.

⁷³ Цитируется по *Simmel*. S. 249.

⁷⁴ *Simmel*. Op. cit., S. 249.

⁷⁵ *A. Onken*: A. Smith und Kant, Lpz, 1877, *H. Wolff* в «Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie», Bd, XVII, и введение *W. Ecksteins* к немецкому изданию «Theory...», Lpz. 1926, Bd. 1.

⁷⁶ «Theory of moral sentiments», II, 1, 3, III, 1, 3; VI, III и в др. местах.

⁷⁷ См. *H. Glockner*: Krisen und Wandlungen in der Geschichte der Hegelianismus, «Logos», XIII, 1924, S. 340–357.

⁷⁸ Замечания по этой теме см. в моей работе «Гегель и Ницше» в «Revue d'Histoire de la philosophie», 1929, III, и в книге *K. Loewith*: Das Individuum in der Rolle des Mitmenschen. München, 1928, S. 5 и далее (Фейербах). Некоторые частности есть также у *W. Stähler*: Zur Unsterblichkeitsproblematik in Hegels Nachfolge. Münster i. W. 1925.

⁷⁹ См. *А. Герцен* «Сочинения». Издание Лемке. Т. 1. С. 324. <В письме к Н.А. Захарьиной от 6–9 сентября 1836 г. А.И. Герцен излагает сюжет своей повести, который строится на идее воскрешения из мертвых любовью (в процессе работы повесть называлась «Там», в окончательном варианте — «Елена») [Герцен 1919, т. 1, с. 321–325].>

⁸⁰ На это обратил мое внимание Р.В. Плетнев. Это учение, впрочем, восходит к В. фон Баадеру и В. Годвину:

⁸¹ Влияния Федорова на Достоевского, Л. Толстого и Вл. Соловьева сильно преувеличены почитателями Федорова. Правда, Федоров оказывал влияние, его влияние может быть отмечено у некоторых «евразийцев», также у некоторых марксистов (Н. Рожков), есть также, так сказать, «ортодоксальные» последователи Федорова. Коммунистический поэт В. Маяковский (как показал *P. Якобсон* в своей статье в «Slavische Rundschau», 1930, VII и в сборнике «Der Tod Majakovskijs», Berlin, 1931) тоже очень интересовался идеями «воскрешения мертвых».

⁸² На родство Достоевского и Кьеркегора указывает и *Фриц Либ* в упомянутой выше статье.

⁸³ С точки зрения вечности (*лат.*).

⁸⁴ *S. Kirkegaard*. Werke (в переводе на немецкий), Bd. VII. Jena. 1910, S. 1 ff. О проблеме «ближнего» ср. *Kirkegaard* «Wesen und Walten der Liebe», Jena. 1924. <Цитата дана в переводе с немецкого В. Янцена.>

⁸⁵ «Zarathustra». Werke VI. S. 179.

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ.
МАТЕРИАЛЫ

В.Н. Ильин

ПЕРЕЖИТОЕ

Предисловие, подготовка текста и комментарии

Е.В. Бронниковой и О.Т. Ермишина

В архивном собрании Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына с 2005 г. хранится и продолжает пополняться личный архивный фонд Владимира Николаевича Ильина (1890–1974), философа, богослова, музыкального критика, искусствоведа, композитора, публициста русского зарубежья.

Владимир Николаевич Ильин родился в имении Владовка под Киевом. Около 1893 г. он вместе с матерью Верой Николаевной Ильиной (урожд. Чаплиной) и ее родителями Надеждой Петровной и Николаем Петровичем Чаплиными переехал в имение Ивань Минской губернии. В 1900 г. поступил в Слуцкую гимназию и окончил там три класса. В 1903 г. в связи с кончиной деда Н.П. Чаплина имения Ивань и Докторовичи Минской губернии были проданы, Владимир Ильин вместе с матерью вернулся в Киев, где учился в 1-й и 4-й киевских гимназиях, затем окончил физико-математический (отделение естественных наук, 1912) и историко-филологический (философское отделение, 1917) факультеты Киевского университета св. Владимира (в настоящее время Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко); изучал композицию, историю и эстетику музыки в частной консерватории.

В 1918 г. В.Н. Ильин стал приват-доцентом Киевского университета и приступил к чтению курса лекций по философии. Имение Норинск под г. Овручем и хутор Россаховский, принадлежавшие матери Ильина, были разграблены, киевская квартира В.Н. Ильина (на углу Паньковской и Николо-Ботанической улиц) в январе 1918 г. сгорела¹.

Приход большевиков к власти он назовет торжеством «красного ига», с установлением которого почувствовал «смертельную опасность по причине давнишней <...> борьбы с материалистической марксистской идеологией» [Ильин 1996, с. 77] и решил покинуть пределы бывшей Российской империи. Зимой 1919 г. Владимир Николаевич уехал из Киева сначала в Одессу, а потом в Константинополь, где он первоначально и обосновался, занимаясь преподавательской деятельностью. В 1923 г. при содействии Американского византийского общества ему удалось перебраться в Берлин, где он получил богословское образование. В 1925 г. Ильин был приглашен в Париж в Свято-Сергиевский православный богословский институт, где читал курс литургики и

¹ Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 672. Л. 2.

средневековой философии, писал статьи и книги об апологетике и православном богослужении.

В декабре 1944 г. в Париже по инициативе Братства св. Фотия (председатель Н.А. Полторацкий) и священника, члена братства Е.Е. Ковалевского открылся французский православный Богословский институт св. Дионисия (Institut St. Denis), куда В.Н. Ильин был приглашен для чтения лекций по православной литургике (см.: [Русское зарубежье... 2000, с. 67; Третий час 1946]). В дальнейшем Владимир Николаевич читал там лекции на русском и французском языках по методологии наук, логике, древней философии, литургическому богословию и др. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. Ильин был преподавателем Русской консерватории в Париже и вел музыковедческие дисциплины, в ноябре 1949 г. избран профессором консерватории по классу церковной композиции².

Владимир Николаевич прожил долгую творческую жизнь: писал статьи, монографии, отзывы, читал разные лекции, посвященные вопросам философии, литературы, истории, музыки, богословия, психологии, естествознания и т. д. и т. п.; практически весь послевоенный период жизни ежедневно вел дневники. Дважды его личный архив пропадал: первый раз — когда из России он перебрался в Константинополь, второй — в годы Второй мировой войны, когда были утрачены некоторые его работы и переписка. Ильин, отличавшийся неустанным творческим горением и страстностью натуры, был переполнен идеями и замыслами... Он, по-видимому, старался зафиксировать на бумаге все свои планы, темы для разработки, поэтому всегда чрезвычайно трепетно относился к своим рукописям, наброскам, заметкам, выпискам... Тем не менее исследователю явно не хватало систематичности и пунктуальности, столь необходимых для сохранения архивных материалов. В результате в его личном архиве отложилось большое количество документов, иногда в двух, трех, пяти экземплярах, часто с утратой отдельных листов или значительных фрагментов, с перепутанным порядком расположения частей текста. Все это усложняет работу по систематизации архива и его изучению.

Для первоначального знакомства с рукописным наследием В.Н. Ильина выбраны воспоминания «Пережитое», посвященные раннему детству, проведенному в имениях Владовка Киевской губернии, Ивань и Докторовичи Минской губернии, и гимназическим годам в Слуцке³. Это первая часть задуманных, но недописанных мемуаров.

Воспоминания писались в несколько приемов в 1941–1944 гг. Первые упоминания о «Пережитом» встречаются в дневниковых записях от 7 и 12 декабря 1941 г.:

«7 декабря. Воскресенье. <1941 г.> <...> Мне пришло в голову в связи с писанием мемуаров — “Пережитое” и о тех хороших людях, с которыми мне

² Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 6. Л. 56. Дневниковая запись в ночь с 9 на 10 ноября 1949 г.: «Сегодня я узнал, что абсолютным большинством (всеми) голосов я был избран профессором русской консерватории по классу церковной композиции и строгого стиля. Пожалуй, это самый крупный мой успех за все время моего пребывания в эмиграции. Слава Тебе Боже!»

³ Там же. Д. 665. Подлинник. Автограф; Д. 666. Л. 1–44. Ксерокопия машинописи.

пришлось встретиться на моем пути, что вообще надо быть благодарным людям за все добро, от них получаемое, а за зло — просить у Бога: “Да простятся им их грехи”. <...>

12 декабря <...> я чувствую, что прав, когда гневаюсь на наших левых, которые, пролив кровь имп. Александра II и имп. Николая II, мистически и прагматически, символически и реально, стали почти единственными виновниками всего того, что теперь совершается. Это и будет одной из главных тем “Пережитого”⁴.

О своих замыслах упоминает он и в письме Н.А. Бердяеву: «Что касается записи о происшедшей со мною духовной катастрофе, то я уже это начал несколько месяцев тому назад. Эта запись будет состоять из нескольких отделов, из которых главные будут называться: 1) Пережитое, 2) Болезнь, 3) Выздоровление. <...> Если удастся привести этот замысел к концу, то переписанный на машинке экземпляр будет Вам доставлен — конечно»⁵. Начиная с 1933 г. Ильин переживал глубокий духовный кризис («черную отвесную кручь», по его меткому выражению), усилившийся во время Второй мировой войны. Началом кризиса стали личные переживания на почве неразделенной любви⁶, а затем болезненный разрыв с Н.А. Бердяевым [Ильин 1997]. Конфликт еще более усугубила статья Ильина против Бердяева «Идеологическое возвращенство» в газете «Возрождение» (1 февраля 1935 г.). Затем после начала немецкой оккупации Франции приостановил свою деятельность Свято-Сергиевский богословский институт, в который Ильину уже не удалось вернуться после окончания войны. Вокруг Ильина стал образовываться духовный «вакуум», критичное отношение к нему значительной части русской эмиграции еще больше усилилось после обвинений его в сотрудничестве с пронемецким «Управлением делами русской эмиграции во Франции» (см.: [Ермичёв 2012]). В этот трудный период и писался текст «Пережитого». Обращение к далекому и невозвратному прошлому отчасти помогло В.Н. Ильину пережить эти страшные, мучительные годы.

«Пережитое» — это необычные воспоминания, они написаны критичным и рефлектирующим человеком, ищущим религиозно-философского смысла. В воспоминаниях Владимир Николаевич наглядно демонстрирует упомянутое в них «эмоциональное мышление»: он легко переходит от одной темы к другой, от лирических описаний к критическим оценкам, от бытовых деталей к философским и богословским проблемам. Иногда кажется, что автор воспоминаний стремится преодолеть границу между временем и вечностью. Прошлое и пережитое для Ильина не исчезло, так как его можно воскресить творческой силой памяти, эмоций, воображения. К тому же Ильин ищет в

---

⁴ Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 9, 10.

⁵ Письмо В.Н. Ильина Н.А. Бердяеву от 8 июня 1943 г. (РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 491. Л. 34об.).

⁶ В сентябре 2015 г. в архивное собрание ДРЗ поступил полный текст воспоминаний В.Н. Ильина, состоящих, как и намеревался автор, из трех частей — «Пережитое», «Болезнь», «Выздоровление» (Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 667. Ксерокопия машинописи). В «Болезни» он пишет о расставании с любимой девушкой Татьяной Степановой осенью 1933 г.

прошлом ответ на вопрос о своей несчастной судьбе и находит его в осмыслении закона возмездия, когда свое изгнание и гибель России воспринимает как заслуженное наказание. Ильин начинает воспоминания с философского аффекта удивления и заканчивает драматическим финалом с метафорическим описанием того, что с ним произошло.

Несколько десятилетий спустя, в 1965 г., В.Н. Ильин предпринял новую попытку осмысления своего жизненного опыта и начал писать воспоминания, которые озаглавил «Концлагерь на свободе (опыт автобиографии)», текстологически во многом совпадающие с «Пережитым». Их отличает чрезвычайно эмоциональная категоричность автора в оценках прошлого и настоящего, отраженная уже в самом названии документа. Скорее всего, это начинание завершено не было⁷.

* * *

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (в то время еще Библиотеку-фонд «Русское зарубежье») выбрала во время одного из приездов в Россию для хранения рукописного и библиотечного собрания В.Н. Ильина его вдова — Вера Николаевна Ильина (1912–2004). Документы в БФРЗ–ДРЗ после кончины Веры Николаевны передавали Елена Ильина-Гурдон и Николай Ильин. Это один из наиболее крупных фондов ДРЗ (Ф. 31), находящийся в процессе научно-технической обработки, изучение его материалов только начинается.

В Дом русского зарубежья на хранение попали только часть автографа воспоминаний «Пережитое», написанного разными чернилами на бумаге разного качества и формата, и неполный экземпляр машинописи конца 1950-х — 1960-х гг., выполненной, по всей видимости, по просьбе автора, — направленной, с большим количеством текстологических пропусков, ошибочным прочтением отдельных слов, вычеркиванием некоторых фрагментов⁸. При подготовке публикации пришлось реконструировать воспоминания, совместив в едином тексте сохранившиеся фрагменты, что оговаривается в подстрочных текстологических примечаниях. Когда публикация была уже подготовлена, в архивное собрание ДРЗ поступили еще две копии документа: во-первых, упоминавшаяся уже ксерокопия машинописи полного текста трехчастных воспоминаний⁹, во-вторых, машинописный экземпляр «Пережитого» с правкой неустановленного лица, причем, скорее всего, правка делалась по автографу¹⁰, что позволило частично восстановить имевшиеся пропуски или уточнить прочтение некоторых слов. Воспоминания В.Н. Ильина публикуются в полном объеме впервые. Обширные цитаты из этого документа приводились в ряде статей А.П. Козырева [Козырев 1996, 1997].

Текст печатается по современной орфографии и пунктуации с сохранением авторских особенностей, явные опечатки исправляются без оговорок; сверены и уточнены цитаты. Сокращенные слова раскрыты в угловых скобках.

⁷ Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 672. Неполный экз.

⁸ Там же. Д. 665, 666.

⁹ Там же. Д. 667.

¹⁰ Там же. Д. 668.

В них же помещены слова, прочитанные предположительно или восстановленные по контексту или по машинописной копии с правкой неустановленного лица, а также слова, отсутствующие в документе, но необходимые по смыслу. Публикаторские изъятия повторяющихся слов обозначены знаком купюры <...>, также обозначены пропуски текста, имеющиеся в документе, что оговаривается в подстрочных примечаниях. Все авторские выделения текста передаются курсивом.

Авторы благодарят Е.Ю. Дорман, С.М. Кокурину и С.Г. Нелиповича за помощь в расшифровке текста.

Источники и литература

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

- Безносков 1997 — *Безносков В.* Покаянные письма В.Н. Ильина, или Страсти по Бердяеву // Звезда. 1997. № 3. С. 169–171
- Бердяев 1990 — *Бердяев Н.А.* Собр. соч. Париж, 1990. Т. 4.
- Бронникова 1997 — *Бронникова Е.* К истории взаимоотношений В.Н. Ильина и Н.А. Бердяева // Звезда. 1997. № 3. С. 187–189
- Гегель 1992 — *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. СПб., 1992.
- Глебов 1903 — *Глебов И.* Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617–1630–1901 гг. Вильна, 1903.
- Ермичёв 2012 — *Ермичёв А.А.* Casus Владимира Ильина, или О том, как трудно любить Россию // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 111–120.
- Ильин 1965 — *Ильин В.Н.* Чайковский и русская симфония // Возрождение. 1965. № 162. С. 58–79.
- Ильин 1996 — *Ильин В.Н.* Краткое жизнеописание Владимира Николаевича Ильина, магистра философии и доктора богословия // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 77–78.
- Ильин 1997 — *Ильин В.Н.* Письма Н.А. Бердяеву // Звезда. 1997. № 3. С. 174–186.
- Козырев 1996 — *Козырев А.П.* Перипатетик русского Парижа: <К публикации книги В.Н. Ильина «Статика и динамика чистой формы»> // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 75–90.
- Козырев 1997 — *Козырев А.П.* В тени Парнаса и Афона // *Ильин В.Н.* Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 3–34.
- Отчет о состоянии Слуцкой гимназии... 1899 — Отчет о состоянии Слуцкой гимназии в 1897–98 учебном году / сост. В.А. Берсенев. Слуцк, 1899.
- Религиозно-философское общество... 2009 — Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. М., 2009. Т. 1.
- Розанов 1911 — *Розанов В.В.* Темный лик. Метафизика христианства. СПб., 1911.
- Русское зарубежье... 2000 — Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни. 1940–1975. Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж; М., 2000. Т. 1 (5).
- Сазанович (Ильин) 1997 — *Сазанович П. (Ильин В.Н.).* Идеологическое возвращенство // Звезда. 1997. № 3. С. 171–173.
- Третий час 1946 — Третий час. N. Y., 1946. Вып. 1. С. 94–97.
- Фрагменты... 1989 — Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. I.

Начну с удивления. Это философский аффект. И кроме того, удивление есть та «недоступная черта», которая отделяет духовных аристократов от пошляков и мещан, в каком бы они ранге ни находились. Для них обыкновенен даже Иисус Христос, из которого они сделали либо великого учителя морали, пострадавшего за идеи, либо «небесного дядюшку», покровителя подлецов и дураков, источника протекций и теплых местечек на этом свете и на том. Пошляки и мещане знать не хотят того, что у Бога нет зрения на лица и что «всё обыкновенно сравнительно с Иисусом»¹, — как очень хорошо сказал В.В. Розанов. Но ведь пошляки с мещанами («фарисеи» и «саддукеи») Его распяли... и они же подкупили вооруженную мразь, испугавшись воскресения Распятого. А когда освоились с тем, с чем освоиться нельзя во веки веков, то сделали из Пасхи обжорку... «мне всё нипочем, ежели захочу, весь этот пасхальный стол сожру»... Попы и купцы... «медное войско вокруг Христа»², — припечатывает всё тот же Розанов.

...Удивляюсь!.. Удивляюсь тому, что я, Владимир Николаевич Ильин, родившийся 16 (29) августа 1890 г. в селе Владовка Киевской губернии Радомысльского уезда в имении своих дедов, теперь в изгнании, во французской провинциальной глуши, пятидесятитрехлетним бесправным парией с седой головой пишу эти строки. Удивляюсь своему бытию, своему сознанию, тому, что я — *это я*, удивляюсь светлым высотам, темным глубинам и провалам своего духа. Удивляюсь своим радостям и страданиям, удивляюсь тому, что я — мыслитель и художник, человек страстный и порочный, часто одержимый, но во всяком случае очень несчастный... Несчастный вследствие страданий от противоречий, раздирающих меня, несчастный вследствие ненависти ко мне со стороны мещан и пошляков, а также тех, кто по роковому недоразумению считает меня в числе своих идеологических и политических противников, хотя я ни в какой степени не идеолог и не политик. Конечно, есть и такие ненависти, которыми надо гордиться, напр<имер>, ненависть заведомых негодяев, низких и злобных людей. Но от этого не легче.

С первых же дней моей жизни меня окружали в огромном большинстве своем или очень добрые, но крайне неразвитые, люди, или же люди неразвитые и недобрые... Первая категория, которую я очень любил и всё ей прощал, — это наивные простецы вроде моего покойного дедушки Николая Петровича Чаплина. Вторая категория — это «себе на уме» прозаические дельцы вроде моего покойного отчима Нарцисса Аницетовича Дубинского (бывший управляющий моего деда, обрусев-

ший поляк). К этой же категории «себе на уме» прозаических душ относятся ремесленники науки и искусства разного рода, «духовных дел мастера», карьеристы, более или менее набившие себе руку в технике своего дела, в кувыркании перед молодежью, но внутренне совершенно чуждые тем ценностям, которые стали для них пирогом, — и именно вследствие этого преуспевающие в жизни, всеми любимые и всеми уважаемые. Уже в Париже я столкнулся с такими лицами, как притворившийся черносотенцем, но в действительности иудо-оппортунистичный Георгий Мейер³, мелкая мразь, низкий аморальный негодяй, духовно сгнивший от головы до пят, — и симпатизирующий ему Лже Дон Кихот черносотенства, ни на что не пригодный кн<язь> Горчаков⁴. До Мейера — такой же негодяй П.П. Сувчинский⁵. Я тяжело страдал — и теперь страдаю от того, что в качестве художника я влекся всегда к чувственным конкретностям, к образам и звукам, и был заклятым врагом книжности и интеллигентства, хотел быть и был в молодости босоногим Лелем и «ковбоем»... но в качестве ученого и мыслителя неудержимо стремился к схематизму понятий, к отвлеченной мысли, очень любил чистую математику и гносеологию — и стремился основать самую отвлеченную из всех философских наук, холодную, как междупланетное пространство, «общую морфологию», и всю свою жизнь просидел над книгами в пыли библиотек, выражаясь на таком заумно специальном языке, что стал непонятен даже самым искушенным в этом деле читателям.

Как художник я возлюбил, прежде всего, чувственную красоту священной осязаемой плотности. Как интеллигент я был всегда склонен к святости и монашеству, к аскезе, влекся к духовенству. Но в то же время ненавидел люто и монахов, и аскетов, и вообще духовенство за их непонимание красоты, за скопчество, за холодную прозаическую развращенность и тяготение к благам земным (не духовенство, а «плотовенство»), за полное отсутствие детской непосредственности, за неспособность умиляться красотой Божьего мира, за нежелание «поклоняться придорожью», «припадать к траве» и «чуять радуницу Божию» (выражаясь словами раннего Есенина⁶).

Эмоциональное мышление (Emozionaldenken), поэзия и, прежде всего, музыка, музыка, музыка — вот чем с самого начала была полна моя душа. Помнить себя я начал удивительно рано — раньше года. Пошляки этому не верят, да это и неудивительно. Они меряют по себе, а им-то что вспоминать? Ведь это всё пустые «орехи со свистом», куда забралась нечисть. Поэтому они и не верят в существование орехов с ядром, не верят в онтологию — как в жизни, так и в метафизике. Скепсис — глубоко пошлый, мещанский аффект и за редким исключением удел хамов и холуев, вроде Ария⁷ и им подобных. От скепсиса спасает внутренняя музыка души.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пеньё мое
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие... (Ходасевич)⁸

Как мне писать эти воспоминания? Туннель надо пробивать с двух противоположных концов. Поэтому буду писать от начала и от конца. Человек должен жить и думать так, как будто каждое его мгновение — последнее...

Но в эти дни лета 1942-го — разгар военного ада, когда мне пришлось до ужаса много пережить (Paris — Garancière⁹), — моя мысль, мое сердце и все мое существо стремится к видениям прошлого, которые стеснили меня повсюду, придвинулись вплотную. И мне хочется обратиться к ним со словами «Zueignung»¹⁰ Гёте, самого прекрасного из когда-либо написанных предисловий.

Ihr bringt mit euch, die Bilder froher Tage
 Und manche liebe Schatten steigen auf;
 Gleich einer alten, halbverklugnen Sage
 Kommt erste Lieb und Freundschaft mit herauf;
 Der Schmerz wird neu, es wiederholt die Klage
 Des Lebens labyrinthisch irren Lauf
 Und nennt die Guten, die, um schönen Stunden
 Vom Glück getäuscht, vor mir hinweggeschwunden.
 .....
 Und mich ergreift ein längst entwöhntes Sehnen
 Nach jenem stillen, ernsten Geisterreich;
 Es schwebet nun in unbestimmten Tönen
 Mein lispelnd Lied, der Äolsharfe gleich,
 Ein Schauer faßt mich, Träne folgt den Tränen,
 Das strenge Herz, es fühlt sich mild und weich;
 Was ich besitze, she ich wie im Weiten,
 Und was verschwand, wird mir zu Wirklichkeiten¹¹.

Позитивисты и вообще те, кто держится убогой репрезентативной теории познания, думают, что воспоминание есть простое воспроизведение — более или менее несовершенное, с провалами и искажениями, исполнение похоронного и старого диска. Но это совсем не так. Воспоминание, как всякое познание, есть творчество и всегда поэтому окружено ореолом художественных и всяких иных переживаний, это есть вечная жизнь отошедшего по его воскресении. То и не то. В этом радость, в этом необычайная тоска воспоминаний, которые суть бессмертные года прошедшего, и в этих чадах — его вечная жизнь. Но творчество воспоминаний должно быть по своим устремлениям честным, в нем не должно быть намеренной выдумки, и все должно происходить так, как будто «репрезентативисты» правы. Классики-живописцы ведь всегда пишут так, как будто они копируют действительность, но получается творчество, свежее, ненарочитое. Отвергаю и проклинаю, как пошлую бесовщину, всякий футуризм, всякое намеренное искажение и уродование. Лучше олеография, чем уродство... Это же касается литературы, музыки, архитектуры, философии... и даже кулинарного дела. Однако ни один футурист не является таковым в кулинарном деле. Пикассо! Я тебе тогда поверю, когда ты будешь питаться <2 сл. нрзб.>, <заловя> их Ренуаром.

Мне дан большой композиторский дар, но не дано удачи — и я пишу мелодии для самого себя без надежды на аудиторию, хотя это отсутствие соборного принципа в моей музыкальной работе мне очень мешает. Но всё же то, что я не в силах выразить словом в этих строках, я уже выражал и буду стремиться выражать в звуках.

Поделись живыми снами,
Говори душе моей,
Что не выскажешь словами,
Звуком на душу навей (А. Фет)¹².

Мне горько, что, будучи артистом по существу, я теперь должен уподобиться некоему «Цицерону в отставке» и начать свои «Тускуланские беседы»¹³, ибо и в академической деятельности вследствие моей греховной неосмотрительности и еще более вследствие злобы и непорядочности людской я потерпел фиаско. Воспоминание и тускуланский стиль деятельности — вот что мне осталось. Но <в> каждое мгновение и это может прекратиться*. Передо мною смерть — и притом в самых ее ужасных и разнообразных возможностях. Сейчас война и всесторонний террор. Меня может разорвать бомбой с аэроплана, меня могут оклеветать, бросить в тюрьму и поставить под дуло палачей бесчисленные доносчики, лжецы и клеветники. Наконец, я болен и очень уже не молод, голова моя поседела. Поэтому мои воспоминания — это какое-то сочетание «панорамного видения жизни умирающего» с размышлениями о смерти, с философской танатологией.

Есть еще для меня горшая из возможностей: медленное угасание в смертельной тоске от утраты близких, что гораздо хуже смерти. <Ergo et ii, quibus evenit iam ut morerentur, et ii, quibus eventurum est, miseri (Cic. Tusc. V. 9).>¹⁴

Конечно, Цицерон со своим электическим стоицизмом борется с этим взглядом. Но есть что-то жалкое, прости Господи, не только в стоицизме (и скучное, что подметил Гегель в «Феноменологии духа»¹⁵), но и в самом Цицероне и в его ужасной смерти.

Эти слова, не помню какого средневекового мыслителя, все время томят мою душу несказанной тоской... В этой молитве мало отрады и очень много печали.

Да, я нашел слово! <Le mot du mourant¹⁶> — вот чем будут мои записки.

И мой нынешний философский труд о Сократе и Ницше и моя музыка к «Страшной мести» Гоголя — все это <le mot du mourant>. Но отчаля от берега вечности (рождение) и причала к нему (смерть) — не есть ли это встреча противоположностей, хотя и асимптотическая¹⁷?

Я весь в созерцании и переживаниях, но не в действии, не в инициативе. Когда такое свойство сочетается с безумным темпераментом, то это может только взрывать и калечить жизнь, быть проклятием и обречением на несказанные мучения здесь на земле и, быть может, за гробом, ибо я весь в ропоте, в проклятиях и кощунстве — я, богослов, мистик, церковный человек! Может ли быть что-нибудь хуже? Мне все время надо сдерживать свой бешеный, безумный темперамент и притворяться «паинькой». Все мои попытки действия и инициативы всегда и неизменно проваливались с позором или же обращались против меня, превращаясь в длительное самоубийство. В связи с этим, несмотря на чувство своей одаренности, я всегда был под гнетом того, что немцы называют «Minderwertigkeitsgefühl», а французы «complexe <d'infériorité>»¹⁸.

---

* Далее часть текста воспроизводится по ксерокопии машинописи (Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 666. Л. 2–17).

Такое свойство очень способствовало моему теперешнему богословско-философскому мирозерцанию, как в его основах, так и в деталях его развития. Это — мирозерцание эссенциальное, онтологическое, софийное, резко антиволюнтаристическое, антиэкзистенциальное, хотя я сам весь в экзистенции, и притом в экзистенции пассивно страдающей, претерпевающей. Я в философии очень долгое время держался о. Сергия Булгакова против Ник<олая> Алек<сандровича> Бердяева. А ведь я очень любил и люблю его темпераментные сочинения, полные страсти и огня и потому всегда односторонние, любил и люблю его дом и семью, и разрыв с ним, происшедший в 1934 г., есть одна из самых тяжелых катастроф моей жизни, в сущности меня безнадежно состаривших и заживо погребших¹⁹. И меня Бердяев любил, принимал как родного и всячески меня ласкал и поощрял (разумеется, только не в плохом) <...>^{*} в то время как о. Сергей Булгаков вольно или невольно, но был злым гением моей жизни, да еще в качестве духовника^{**20}. Теперь, впрочем, я понял, что эссенциальная софиология о. Сергия Булгакова и экзистенциальное метафизическое учение Н.А. Бердяева о свободе представляют антиномию внутри какого-то грандиозного философского целого, именуемого русской метафизикой. Но этот вывод пришел ко мне после разрыва с Бердяевым и после того, как я стал стареть. Старость же для меня — ужас из ужасов. Я чувствую себя не только вечным юношей, но даже вечным отроком, младенцем, молодым сатиром, козлом, Лелем, фавном. Старости или даже взрослого состояния я никак не мог себе представить. И вот все же — старость у порога. Проклятие! «Почтенный старец, украшенный сединами, маститый философ» — тьфу! Нет, лучше в молодости быть сатиром («казаком Лукашкой»), в зрелом возрасте быть «дядей Ерошкой», а старости чтобы совсем не было... утешаюсь мыслью, что меня-таки «Марьяшка любила, и не одна»²¹. Но причем же здесь богословие? Ведь богословие на «дяде Ерошке» и на «казаке Лукашке» — да ведь это же петля... Что меня больше всего радует в моих воспоминаниях? Скачка верхом (я был отличный кавалерист), запах лошадиного пота, гул леса, песни парубков и девчат, в обществе которых я был принят по своей искренности, шум моря и девичьи поцелуи... где же тут богословие, черт бы его побрал? Где тут метафизика, очки, кабинетная пыль, не будь ей ни дна, ни покрышки! И вот все же, как символ рока, погубившего мое счастье, — проклятые очки на носу, которые менее всего пристали «Лукашке» и «дяде Ерошке»... Впрочем, Шуберт был в очках, а профессорского в нем не было ничего. Соловей «милостью Божию» — и только. Созерцание мое двойится... То это пассивное переживание со мною случающегося и мною видимого и стоящей за этим метафизической сущности... То это вливание чужих созерцаний, чтение книг, восприятие искусства — главным образом, музыки, хотя я и музыку очень чувствую, не менее, чем литературу. У меня мучительный дуализм жизни (гл<авным> обр<азом>, эротики)^{***} и книги. Пассивность и созерца-

* Пропуск в машинописи.

** Слова «в то время как... в качестве духовника» вычеркнуты в машинописи неустановленным лицом.

*** Слова «(гл<авным> обр<азом>, эротики)» вычеркнуты в машинописи неустановленным лицом.

ние — страдательны. Тут вся моя трагедия. Созерцать — страдать. Действовать — с позором проваливаться. И так плохо, и так. Не так, не то... Впрочем, здесь я в малом виде разделяю судьбу всего человечества — главным образом, старой, милой России. Гимн солнцу и радости — заветная мечта моего творчества, особенно в музыке («Весенняя симфония» <В-dur>²²). Страдать я не хочу — и всё делаю, чтобы страдать как можно больше. Как будто и без этих стараний мало беды! Я одарен. Чувство одаренности естественно повышает самолюбие и жажду творческой и житейской активности. Пассивность понижает и оскорбляет творческое активное самолюбие. И вот я всю жизнь нахожусь под обидами и ударами. Мои переживания — это длинный ряд заушений. С творческой эротикой, которая есть основа моей экзистенции, это никак не вяжется, ибо мужская эротика не пассивна, но активна. Это связано с тем еще, что я навсегда остался ребенком, да еще, так сказать... девочкой (Лель — ведь мальчик-девочка). Какие это должно было вызывать идиотские недоумения и насмешки у стада бездарных, незадумывающихся и бессердечных пошляков — можно себе представить! Отсюда нелеп<ая> мучитель<ность> всех моих поступков, всей моей биографии. Как ребенок я всё всегда принимал с энтузиазмом и всерьез. Взрослая сволочь (от колыбели до могилы, взрослая и пошлая) ничего с энтузиазмом и всерьез не принимает — если это только не касается ее чрева и кошелька. Отсюда — недоумение, а потом и гонение со стороны детоненавистников и детоубийц, которых как раз больше всего в той пакостной клоаке, которая именуется* духовно-академической средой, в которой я по роду своей деятельности вынужден... циркулировать! Впрочем, также не понимали и ненавидели Россию... Я — Россия. Да, я вечный ребенок и козленок — и потому предельно нелеп. И потому смешон. А что может быть мучительнее чувства своего комизма, особенно при детски серьезном и добросовестно-любовном отношении к окружающему миру?

Все эти мучительные противоречия и конфликты, вся эта безысходность заставляют меня думать о предопределенности к вечной гибели и во всяком случае соблазняться этой мыслью. Меня неудержимо влечет к себе образ монаха Готесшалка (IX в.)²³, одного из авторов учения о предопределении и одного из самых несчастных и разд<авл>енных судьбой исторических персонажей. Ведь подобно тому, как он силою обстоятельств стал монахом-богословом, что и погубило его, — так и я, по темпераменту артист и «Тарзан», оказался наделенным богословско-метафизическим даром, убивающим счастье моей жизни и высасывающим как вампир всё живое из меня. Я ношусь с мыслью написать книгу «Страдальческая жизнь монаха Готесшалка и судьба учения о предопределении». Я хочу развить эту книгу из той главы моей книги о средневековой философии, которая посвящена этому предмету²⁴ <...>^{**} созерцательная эротика, медитативное любование природой, вечная пастораль в душе, чувство вечной молодости, даже детства, даже младенчества, сладость рая до грехопадения, софийное чувство мира и всего космоса, — и в то же время страхи, ужасы («древний ужас»), протесты, гнев, хула, ярость на неустройство мира, на его зло, мерзость, прозу и

---

* Слова «в той пакостной... именуется» вычеркнуты в машинописи неустановленным лицом.

** Пропуск в машинописи.

пошлость — вот основные противоречия моей жизни... и лютая жалость, лютое сострадание по отношению к слабым и обиженным, месть по отношению к обидчикам <...>*, но вне какого бы то ни было социального плана... К этому надо присоединить противоречия страстного Константин-Леонтьевского** помещичьего (и крестьянского) быта и безумную жажду вольной мысли, вольной жизни, почему консерваторы и либералы считали меня одинаково чужим и одинаково не любили и старались раздавить меня! Ведь я был воплощенным обличением их идиотской, бездарной и бесчеловечной односторонности. И еще вот что! Ненавидя марксизм за его плоскую скучную прозу, за урбанизм, я всегда влекся к пролетарию, бесконечно поклонялся его труду и был всегда с ним против буржуа, которого ненавидел и ненавижу больше всего на свете. За это я ненавижу Маркса и Чернышевского — за то, что они, в сущности, революционные буржуа и хотят из пролетария сделать коллективного буржуа — безбожного, бездушного и бескрылого, выращивающего капусту <на пролитой ими крови>, — совсем как немецкие наци, от которых они ничем не отличаются, ибо они тоже такие же расисты, но только в плане социальном. Впрочем, даже и <в> национальном — ибо ненавидят Россию и русский народ, хотя вынуждены притворяться любящими.

И вот еще противоречие: я — Лель, антиурбанист, — люблю степь, поле, лес и в то же время всегда любил (особенно в России) запах машинного масла и каменного угля, обожал машину и сделал из покрытого копотью рабочего, машиниста, кочегара — настоящее божество и идеал. Пожалтием черной руки кочегара я больше гордился, чем поощрением профессора и артиста, и симпатия машиниста мне была так же дорога, как симпатия красивой девушки... Меня даже в гимназии товарищи, и не подозревавшие о раздирающих меня творческих противоречиях, прозвали «Ильин-Паровоз». Да и теперь я пишу философию техники с любовью и пониманием... как странно! И если я предпочитаю <решительно> безмолвие деревни — так это по той причине, что в шуме города я более всего улавливаю голоса поистине трансцендентной сверхпошлости торжествующего американизма. Нигде ни дела, ни пристанища.

Не обожай ничьей святыни
Нигде приют себе не строй²⁵.

Господи, какой ужас! Кто же я такой? Что меня ожидает и что со мной будет? Ведь мне давно уже пора петь со вниманием «приближается, душе, конец, приближается... время сокращается»... Мне очень хотелось начать эти строки словами Покаянного канона св. Андрея Критского: «Откуда начну плакать деяний окаянного моего жития, кое ли положу начало нынешнему рыданию?»

Но не в обычном, общепринятом смысле хочу я каяться... Нет, совсем по-другому... в том, что недостаточно пил из чаши сладости тогда, когда эта чаша подносилась к моим устам... Боже мой! Как часто и яростно отталкивается душа моя от привлекавшей меня аскезы ради сладости природной жизни, безумств эроса и ради книжно-познавательного гордынного неистовства. И всегда я был ни тут, ни там.

* Пропуск в машинописи.

** Так у автора.

Теперь, когда надо мною уродливая образина моей старой, глупой, злой и феноменально бездарной, феноменально самовлюбленной тещи, когда со мною жена моя, которую я жалею и по-христиански люблю, но несколько не влюблен и которую никак и ни к кому не ревную (а я безумный ревнивец), — теперь-то мне как раз и время вспоминать и готовиться*.

Одно из первых воспоминаний — большая комната, слабо освещенная ночником маленькой лампочки с кру<ченным> фитильком и шарообразным молочным колпачком. Я лежу в детской кроватке известной формы, с решетками по бокам. В ногах стоит стройная красивая женщина, высокая, есть в ней что-то девичье. Она в серой жакетке и смотрит на меня пристально. Это моя мама — центр всех моих детских и юношеских воспоминаний. Ныне жив и находится в Париже ее единокровный брат, Владимир Федорович Сазанович, генерал от артиллерии царской армии²⁶. Это мой единственный родственник, ему около 78 лет. Мне 52 — и у меня седая голова. Боже, как идет время!

Река времен в своем теченье
Уносит все дела людей.
Глагол времен, металла звон,
Меня твой страшный глас смущает,
Зовет, зовет меня твой стон,
Зовет и к гробу приближает (Державин)²⁷.

И в тоже время все эти детские образы словно при мне, словно я — и сейчас младенец. Нет чувства истории, последовательности, но лишь некое накопление, нарастание образов вокруг центральной фигуры матери. История в смысле последовательности во времени и внутренней связи событий начнется значительно позже — на пороге отроческого возраста, и то в очень смятом, разорванном виде массы параллельных и, так сказать, стоячих, фиксированных образов и событий. История чисто формальная, поскольку у меня есть представление о формальном течении времени и формальной хронологии календарного порядка. Быть может, эта личная история есть малый образ истории человечества?

Сумерки, полумрак «большой комнаты», слабая звездочка ночника, едва брезжащая искорка сознания и образ матери — в этом есть символ метафизики начала человеческого существования, той самой экзистенции, которую ныне философы ставят во главу угла мирозерцания. Страшного в этом выходе из небытия я не помню. Может, и были метафизические (и физические) ужасы, но они забыты, и, быть может, позднейшие кошмары, страхи и тяжкие переживания в житейском лесу, о котором говорит Данте, — это дошедшие слабые отзвуки забытых ужасов «начала», которые, как думает Фет, равны «ужасам конца» (в его «Ничтожестве» — «тебя не знал я»²⁸). Все это тема германской метафизики, и, быть может, мое последующее влечение к ней есть стремление оформить мирозерцательно то, что дано физико-психо-биологически. Вместе с образом матери всплывает и

---

* Слова «Теперь, когда... вспоминать и готовиться» вычеркнуты в машинописи неустановленным лицом.

тоска любви, тоска привязанности, очевидно, предвосхищение неминуемой утраты. И вот — матери нет, и остались лишь воспоминания.

Следующее воспоминание — мама лежит в постели с выражением страдания на лице, хотя всё такая же молоденькая и красивая. Она покрыта голубым одеялом с желтыми разводами. Тоже большая комната с окном, выходящим в сад. Возле постели сидит мужчина с темной бородой, которого зовут Федором Алексеевичем, и размешивает в большой белой аптекарской ступке что-то желтое, <очевидно> горчицу. Мама больна, Федор Алексеевич — фельдшер, говорят, очень хороший, добрый и интеллигентный, знающий свое дело лучше многих докторов. Страдающая мать — следующее яркое воспоминание детства и первая кровоточащая рана-язва, никогда не заживающая язва детского сердца. Это воспоминание незримыми узами поможет мне по существу вникнуть в тайну Богоматеринства, которое навсегда ляжет в основу моей религиозности. Наряду с этим у меня возникает стремление оградить святыню страдающей матери, и когда немного позже в каком-то журнале (кажется, в «Ниве»), который я перелистывал своими детскими пальчиками, я увидел рисунок «Мать и дитя» (кажется, Штука²⁹), где, как мне показалось, младенец мучит свою, лежащую на одре болезни или смерти, мать, моментально моя душа приняла сторону матери, и я стал бить и ковырять фигурку злого младенца, даже (смутно помню) выколол ему булавкой или иголкой глаза. Это первая ревность о конкретной и притом высочайшей ценности и ненависть к «чужому», к «толпе». Моя дальнейшая ненависть к «классу», «пансиону», к толпе тесно связана с этим образом злого мальчишки, терзающим свою Мать. Этот злой младенец лег в основу моей метафизической ненависти к преступнику, вернее, к преступлению и, следовательно, к тому, что генерализирует, алгебраизирует преступление — к революции — к матере- и отцеубийству, к оплеванию и осквернению родного гнезда и рождающей утробы, в пределе — к ненависти к осквернителям Матери Божией и Божественного Младенца.

Третье основное воспоминание — сад. Он — в двух образах. Сад днем. Весна — дорожки сада, по которым меня ведет няня, все усеяны белыми лепестками цветущих яблонь, груш, черешен. Сад ночью за окнами. Я сижу на руках матери. На столе стакан чая, о который так мечтательно позванивает размешивающая его ложечка. За окном — последний отблеск догорающей вечерней зари. Низко склонился серебряный рожок молодого месяца. Чернеют тени деревьев, и вдалеке трещит трещотка сторожа. Там ходит «петух». Это наиболее музыкальное воспоминание. Здесь и Шуберт, и Шопен, и Чайковский (серенада «Ревери дю суар»³⁰ и Ноктюрн).

Вот и четвертое воспоминание — наиболее загадочное и жуткое. Это воспоминание о «*петухе*». Это нечто страшное, вполне бесовское и вполне противоположное тому материнскому и Богоматеринскому началу, в коленях которого я искал прибежища, подобно тому как Пер Гюнт искал прибежища в коленях Сольвейг от страшного Пуговичника и всех ужасов, его окружающих. Впрочем, еще лучше и вернее сказать, что это подобно тому страшному и черному, что окружало Лермонтова и противостояло его ангелизму.

Вот ночь, опять та же комната, освещенная ночником в молочном колпаке. Я сплю рядом с мамой. Просыпаюсь среди ночи. Мне страшно. Мой взор прикован

к органчику («шарманке»), стоящему на табурете у двери. Под этой шарманкой лежит свернувшись чудовищно огромная птица — курица или петух. Но вот я уже не в кровати, возле мамы, а на полу — и страшная птица в свернутом состоянии как-то подкатывает ко мне. Я не могу ни пошевелиться, ни крикнуть. Но вот я опять лежу в кровати, смотрю себе в ноги и вижу огромного петуха в полчеловеческого роста, неподвижно уставившегося на меня своими глазами. Тут я стал вопить: «Петух, петух», — разбудил мать, которая меня взяла к себе. Всю ночь я не мог успокоиться, как не успокоился и утром. Меня повели в кухню, показали остатки петуха, какие-то куриные или цыплячи головки, сказали, что петух давно варится в кастрюле (впрочем, это была курица) — это не помогло. И с тех пор до юношеского возраста «петух» или вообще в этом роде птица стала главным содержанием моих кошмаров. Либо эта птица стояла возле моей постели, или я с ужасом ожидал ее прихода в слабо освещенной комнате из соседней темной раскрытой двери, откуда уже раздавался характерный стук ее когтей. Впоследствии были и видения бесов. Но и ангелов я видел, и святых, <блаженствовал>, и это у меня соединилось впоследствии с Лермонтовым, которого я полюбил очень рано — около 7–8 лет.

Что это такое? По всей вероятности символика борьбы светлых и темных духов вокруг меня и за меня, за мою душу.

Наконец, пятое существенное воспоминание детства — это машина, предмет моего восхищения и ужаса — и то, в образе чего в мир сейчас вошла эта ужасная вторая война 1939 г.³¹

Воспоминание о машине связано с винокуренным заводом во Владовке, с соединенной с ним паровой мельницей и с сельскохозяйственными машинами, в частности, с конной веялкой, около которой я помню хорошеньких хохлушек, моргавших мне своими черными бровями. Впоследствии некий Витольд Бенько, служащий в имении дедушки, сделал мне очень удачную модель веялки, с которой я чрезвычайно любил забавляться. Совсем особое настроение грозной и послушной мощи навевала на меня горизонтальная паровая машина, возле которой я, как теперь, вижу седую фигуру машиниста немца Шульца, который ее смазывает. Приводный пас был не ременный, но пеньковый, серый с фиолетовыми полосами. Помню я также старой системы заторный чан, очень широкий, для охлаждения простым испарением и где мешалка приводилась в движение лошадьё. Помню и темный винный подвал с <характерным> сивушным запахом неочищенного спирта-сырца (88 гр<адусов>), хранившегося в прямоугольных цистернах. Помню, как я с мамой сто<ял> возле сложной рядовой сеялки. Мне дали в мою крошечную ручку горсть жита, я бросил его на вспаханное и взбороненное поле, начав этим сеянье. После этого лошади пошли, потащив сеялку, с журчаньем разбрасывавшую зерна. Мама пошла за сеялкой, а я остался с няней. Ходьба по полю была признана для меня, очевидно, невозможной. Мою няню звали Ликерой (Гликерия). Это была 17-летняя хорошенькая хохлушка. Как теперь помню ее коричневый платок. Я ее очень любил! Но детская эротика, пробудившаяся во мне чрезвычайно рано (все эти воспоминания относятся к годам 1–2, ибо из Владовки мы уехали, когда мне было около 3-х лет, не больше). Сладость бытия у меня с первых же этапов сознания связана со сладостью женской плоти. И это начало моей биографии, которую я хотел бы назвать вместе с Абеяром «<Historia

calamitatum» — историей бедствий³². Некая коллективная Элоиза <с самого начала> стала моим тяжким роком, моей черной звездой.

Кстати, от своего дяди (Володи³³) я узнал, что немец Шульц был не машинист, но винокур. Машинист же был поляк Зигмунд, впоследствии занявший ту же должность в имении Ивань Слуцкого уезда Минской губернии, куда переехали мои деды (Надежда Петровна и Николай Петрович Чаплины) после продажи Владовки. Вечно женственное я всегда переживал как вечно девичье. А женственное отождествлялось для меня с материнской любовью и ее защищающей силой. Эротика исходила из девичьего; защищающая, ограждающая сила — от женственно-материнского. Вот почему я должен сказать, что не только траурная звезда рока, но и светлое солнечное начало, и лоно благодатной утробной ночи соединились для меня с девичье-женским, неслиянным и нераздельным двуединством. Вот еще воспоминание — тоненькая стройная молодая швея Ольга Гавриловна (фамилии не помню). Она сидит за швейной машиной и поет для меня «Отче наш». Ярко запечатлелись в моей памяти ее красная кофточка и ее черные волосы и напев «Молитвы Господней». О вечно молодое, о вечно эротическое начало «Песни Песней» в Ветхом Завете, как ты мне близко и понятно! И я верю и надеюсь, что в жизни будущего века эта сладчайшая райская эротика будет нам возвращена вместе с древом жизни, «двенадцатый раз в год приносящим плоды»³⁴.

Ведь это прах святой затихшего страданья!
Ведь это милые почившие сердца!
Ведь это страстные, блаженные рыданья!
Ведь это тернии колючего венца!³⁵

И если память абсолютна (и только воспоминание дефективно), если память есть сопребывание, онтологическая связь с ее объектом, то ничто не погибнет, но всё воскреснет, преобразится и будет вечно исходить из силы в силу, чтобы приять увенчание Божественной красоты и славы. Как это будет — не знаем, но это будет. «Не уявися, что будет!..»³⁶

Самое тягостное в моих <recheres du temps perdu>³⁷ — это отрывочность, фрагментность картин воспоминаний — отдельные слова, фразы и даже отрывки слов, по которым трудно, а иногда невозможно составить связную картину жизни души, ее разворачивание во времени. А между тем для меня несомненно, что каждая душа имеет свою «Акаша-хронику»³⁸, входящую интегрально в мировую «Акаша-хронику» по принципу равенства микрокосмоса и макрокосмоса. Как я понимаю этот ад тщетного воспоминания, который с такой силой передал Гоголь в своем бездонно глубоком «Вечере накануне Ивана Купала». Надо мириться со своими немощами — одна из форм добродетели смирения — и, не мудрствуя лукаво, записывать все картины и сопутствующие им мысли. О если бы найти путь софиологии времени!

Продолговатая столовая. Всё это еще Владовка — т. е. не позже второго года. В этой столовой стоит желто полированный шкаф со сладями — заветная мечта каждого младенца и первая объективация его чувственности, как бы безгрешной. В шкафу конфеты, которые я на своем детском языке называл «квеньки», и также

рахат-лукум и халва — два лакомства, к которым я так же, как к женским ногам, сохранил влечение и по сей день, т. е. по сей день с ограничением, ибо теперь, когда мне почти 53-й год, духовный императив аскетике и тщета чувственности всё настойчивее стучатся в мою дверь. В этой столовой я почему-то помню низенькую фигуру чиновника в форме, которого зовут Мейером, имя, ныне ставшее для меня предметом отвращения и глубокого презрения, а теперь скорее приятное*. Этот Мейер меня любил держать на руках, а я почему-то обращал внимание на толстый и черный ноготь его мизинца, очевидно, искалеченного или природно-уродливого. Помню, как меня во время чаепития, когда стаканы и чашки были наполнены кипящим чаем, передавали через стол и нечаянно погрузили одной ногой в <дымящуюся> жидкость. Боли я не помню, но хорошо помню запах прованского масла, продолговатую бутылку, где оно блестело янтарем, и тряпочки, смоченные прованским маслом, которые прикладывали к моей обожженной ноге. Вообще, я заметил, что первичные ощущения, т. е. запахи, цвета и проч<ее>, врезаются в память гораздо сильнее, чем сопутствующие им чувственные тона. Исключения составляют только высшие чувства и половое «либидо», воспоминания о котором у меня сохранились с исключительной яркостью. Помню качалку, на которой любил сидеть и покачиваться дедушка Николай Петрович. Помню его кабинет, где на письменном столе стояла пепельница оригинальной формы: это был продольный разрез шрапнельного снаряда, не то 3-х-дюймо<во>го, не то 4-х-дюймо<во>го, утвержденного вместо ножек на 4 шрапнельных же пулях. Помню черно-синий «Смит и Вессон» — страшный револьвер, из которого застрелились мой отец и Сергей Николаевич (Силя), младший сын моего дедушки, т. е. мой младший дядя. Кажется, еще кто-то застрелился из этого револьвера. Впоследствии он сторел, уже в имении моей матери (хуторе Россоховский³⁹), откуда я начал свой скитальческий путь. Помню и неизбежный в каждом помещицьем доме металлический барометр, вторую контрольную стрелку, которую я так любил вертеть. Вообще занимательно это наслаждение, которое получают дети от вращения стрелки. Я помню себя стоящим и вертящим стрелку подаренных мне игрушечных карманных часов, помню и наслаждение от этого вращения. В чем тут дело? И почему еще на пороге гимназического возраста я также остро наслаждался часами и стрелками. Слабый оттенок этого наслаждения сохранился и теперь.

Помню, как девки цедили в прохладном погребе молоко, которое слабо хлопнуло и произвело звук, похожий на «блэк», отсюда и наименование на моем детском языке молока — «блэк». Помню паука-крестовика, ползающего на земляном полу погреба. Паук был раздавлен одной из девок.

Помню еще одно событие, легшее впоследствии темной тенью на всю мою молодость. Это был вечер. Я гулял со своей нянькой у ворот в усадьбу. Въезжала коляска, и в ней сидел человек с усами и в пыльнике. Раздался кругом шепот: новый управляющий едет. Это был Нарцисс Аницетович Дубинский, польский дворянин, мой будущий отчим и враг. Но враг не только по его вине, но и по моим грехам.

---

* Слова «имя, ныне... приятное» вычеркнуты неустановленным лицом.

Из воспоминаний «владовского периода» помню поездку в Искорость (или Коростень) к Ланчковским. Следователь Ланчковский — бородатый мужчина с животом, большой гастроном, как потом выяснилось, привез моего отца в дом к родителям моей матери (т. е. к моим дедам) и был таким образом косвенным виновником моего появления на свет. Если он умер — упокой, Господи, его душу. Помню, как его мать, седая старушка, подносила мне хрустальную вазу с конфетами. Помню водопады «Ольгиных купаний»; река Уж (или Уша), протекающая в этом месте, чрезвычайно живописном, проходит через скалы и пороги. Помню, как я, мама и бабушка сидели на крыльце дома Ланчковских. Мама в амазонке слегка ударяет меня стеклом по голым икрам. Я вскрикиваю, и бабушка ударяет маму по плечу и говорит: «Да перестань же ты, Вера», — я бросаюсь на бабушку с криком: «Не смей бить маму». Бабушка с удивлением и со смехом: «<Ишь> ты, я за него заступаюсь, а он на меня с кулаками». Это объясняется тем, что какая бы то ни была обида по отношению к матери, какое бы то ни было причинение ей боли или страданий — хотя бы самых малых, — было для меня совершенно невыносимым. Отсюда, повторяю, мое отвращение к «товарищам», к коллективу молодежи, в котором я всегда чувствовал открытую или скрытую хулу на святыню материнства, под предлогом дурацкого «квази» молодечества Васьки Буслаева⁴⁰ — этого предтечи большевизма.

Предмет и вещь играют вслед за <Emotionaldenken> очень важную роль в моих переживаниях и воспоминаниях. <Person, Sache, Emotionaldenken⁴¹> — вот три кита моих воспоминаний и моей нынешней жизни. Это содержание книги моего бытия.

Я вижу на окнах владовского дома ягоды т<ак> наз<ываемой> «жидовской вишни», ягоды, словно завернутые в папиросную бумагу. Вижу и низкий зеленый куст этой «жидовской вишни». Помню поездку поздней весной среди роскоши майского леса. Под одним из деревьев мы увидели ландыши. Экипаж остановился, и мама стала собирать ландыши. Какая грация в молодой девичьей фигуре моей матери, склонившейся над ландышами. Моя мама была высокая, стройная и очень долго моложавая. Лишь под конец, под гнетом внешних и внутренних ужасов, она стала быстро стареть и вянуть.

Вот еще поездка. Кусты — река — брод. Выше — плотина и водяная мельница. Река, вода, сумерки и мелодичный усыпляющий звук колокольчика. Лошади медленно хлюпают по воде. Поездка к некоему Григораму. Большие часы в его столовой и красные козьяки в его саду.

А вот еще — барон Дауэ — высокий, жилистый, худой и краснолицый привез мне шоколадные папиросы и сахарные спички. По сей день питаю я слабость к этим лакомствам. Вот еще Владовская черточка. Я стою возле умывальника, а в стакане розовая жидкость — марганцовокислый калий, черные зернышки которого на дне дают пурпуровые облачки, размешиваемые зубной щеткой. Вот еще — большая комната, где красят пасхальные яйца, и весь пол закапан разноцветными пятнышками. Есть у меня еще воспоминание, как я у умывальника обделался, и еще одно такое же воспоминание — дорожное. Помню, что с меня сняли белье и мыли.

Далее — переезд из Владовки Киевской губернии Радомысльского уезда в Ивань (Минской губернии Слуцкого уезда). Это первое знакомство с железной дорогой, специфическая поэзия и эстетика которой сделались одним из важнейших элементов моего <Emotionaldenken>. Долго думали, что я буду инженером-машиностроителем. Вот я бегу по вагону. В купе сидят офицеры и с улыбкой смотрят на меня. Станция днем. Часы. Много народу, куча вещей. Станция ночью. Стоим на платформе. Подкатывает поезд очень быстро и быстро останавливается. Из-под вагонов раздается шипение оттормаживания. Поезд мчится ночью. Мелькают ночные пейзажи, и огненной метелью всё засыпано искрами.

И серебром облиты лунным,
Деревья мимо нас летят,
Под нами с грохотом чугунным
Мосты мгновенные гремят⁴².

На одной из станций вижу паровой котел поезда, вокруг которого ходит смазывающий его помощник машиниста. Помню красные вагоны встречного товарного поезда и вагоны платформы, на которой стояли люди, обливаясь дождем. А ведь мне тогда было между двумя и тремя годами. Удивительно! Обстановка и вещный мир в Ивань становятся ярче и определеннее, хотя исторической последовательности во времени еще нет, и события носят всё такой же фрагментарный характер, как и во Владовке. Можно сказать, что место — ярко и определенно. Время — бесвязно и фрагментарно. Вещи — тверды. События, за редким исключением, — жидки, текут и неопределенны. Фокус сознания как-то странно перепрыгивает с одного события воспоминания на другое, но чувство единства личности остается непоколеблемым этими зияющими провалами. Наоборот! С первых же владовских воспоминаний и до настоящего времени у меня определенное чувство единой безвозрастной души.

Ах, да, надо возвратиться назад. Среди дорожных воспоминаний — яркая картина моего дорогого мистически возлюбленного Киева. Самое главное — это ощущение города св. Владимира, и эта внутренняя «картина» непередаваема так же, как и все внутренние переживания Малороссии–«Украины». Такие переживания, что Россия в ее мистико-онтологическом существе — это именно «она», и сердце ее — Киев. Да, мистико-онтологическое сердце России есть Киев. В этом смысле я, конечно, украинец, но в гоголевском смысле. Я всегда тосковал по Малороссии и по ее языку. Звуки ее песен, разработанные, правда, в российско-имперском масштабе на великорусский манер, по типу Глинки, «Кучки»⁴³ и Чайковского, есть основа моего музыкального творчества. Отсюда мой шуманизм, ибо Шуман для нас, русских, не менее родное явление, чем для немцев⁴⁴. Стоит только вспомнить <fis-moll> или первую сонату⁴⁵ <...>*

Мне говорили бабушка и мама, что в Киеве я становился на колени перед каждой церковью, крестился и клал земные поклоны — в грязь и в чем был, в нарядном белом костюмчике из гагачьего пуха, стоившего больших денег. Помню,

---

* Пропуск в машинописи.

что меня куда-то вели, на какие-то этажи, помню розовые стены проходов, крики рабочих, специфические стуки мастеров и по контрасту — строгое молчание докторского кабинета, молчаливую фигуру доктора — bruneta в военной форме, помню часы на его письменном столе. Кажется, это был профессор Лисицын, прописавший мне необычайно приятную ароматическую мазь (с перувианским бальзамом), которую у нас так и прозвали «лисицынской мазью». Она исцелила меня от струпьев на голове. Мама говорила, что у меня в раннем детстве было гнойное истечение из уха и струпья на голове. Возможно, что причиной этому были: 1) ужасающее мясоястие и винопитие, вообще типично малорусское помещицье обжорство всей семьи и отца, человека чувственного (и одновременно страстно религиозного и духовно живого), в особенности, 2) чрезмерное раскармливание мясом и сладостями меня самого.

В Киеве помню его холмы, грозу и потоки дождевой воды, стекавшей по склонам улиц, и удары грома. Помню фейерверки за Днепром и дождь разноцветных искр. Помню даже фейерверочные установки (у нас в семье очень любили детские фейерверки, и два моих дяди — Володя и Коля <, оба военные> — даже очень поплатились). Я сам впоследствии делал бенгальские огни и пускал ракеты, правда, без вреда для себя. Помню поездку по Днепру (по всей вероятности, через Днепр) на пароходике. Помню специфический запах масла от паровой машины и машиниста, ухаживающего за своим прибором.

Все эти воспоминания и первая часть воспоминаний, касающаяся Ивани (Минской губернии Слуцкого уезда), относятся к эпохе Александра III, к которому вполне применимы слова (кажется, Сиэнса⁴⁶ или Талейрана⁴⁷): <«Ce lui qui n'a pas vécu dans l'ancien regim ne sait pas ce que c'est la douceur de vivre»>⁴⁸. Мое раннее детство захватило последний период Фета, Чайковского, Влад. Соловьева. Все три трагичны — каждый по-своему, и все три немислимы вне дворянско-помещицкого быта. Повторилась трагедия внутрирайского падения. Кстати, имя Ивань — это прежде всего изумительный грандиозный липовый парк, единственный в своем роде. И когда я впервые познакомился с историей рая и грехопадения прародителей, то не мог не переживать рая в виде грандиозно увеличенного липового парка Ивани. Тем более что с этим периодом у меня начинается и интенсивнейшая религиозная жизнь, стимулируемая окружающей обстановкой, наследственностью и специфической немецкой мистикой моей крестной матери Матильды Герке, а более всего, конечно, — бездонными тайниками собственной души. И еще возвращаюсь назад для воспоминания, весьма трудно передаваемого. Помню, что в девичьей девицы лукаво обнажались передо мною. Интимные части женщины, которые вообще не надо видеть, ибо это ночная часть нашего существа, до сих пор ярко стоят передо мною во всей их неизъяснимой таинственности. Они навсегда стали для меня предметом ужаса, трепета и несказанного сладостно благоговейного тяготения. Благоговение — от материнства. Тяготение — от девичества. Я никогда не мог постигнуть фривольного легкомыслия и развратно-<...>* отношения к этому корню нашей психобиологии и переживал всегда такое отношение как кощунство и мерзость. Необычайный трепет, своего рода <misterium tremendum⁴⁹>, <благого-

* Пропуск в машинописи.

вение> сделали для меня доступ к этой <твердыне> чрезвычайно трудным. Препятствие оказалось во мне самом. Во мне соединились безумная страстность и величайшее благоговение. Результат мог быть один: меня не поняли и не сочли своим ни девственники, ни развратники. Я здесь оказался одиноким, как всюду и даже более чем где бы то ни было. Отсюда неопишное страдание в течение всей жизни: меня не поняли и женщины, которые, увы, лишь очень редко понимают и берегут свой эротический алтарь. Какой ужас!

Свет из тьмы!
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их⁵⁰.

Очевидно, нечто подобное было и в натуре Вл. Соловьева. Но я также понимаю В.В. Розанова, объединяя в себе тайну обоих в их восприятии пола и эротики. Какой ужас!

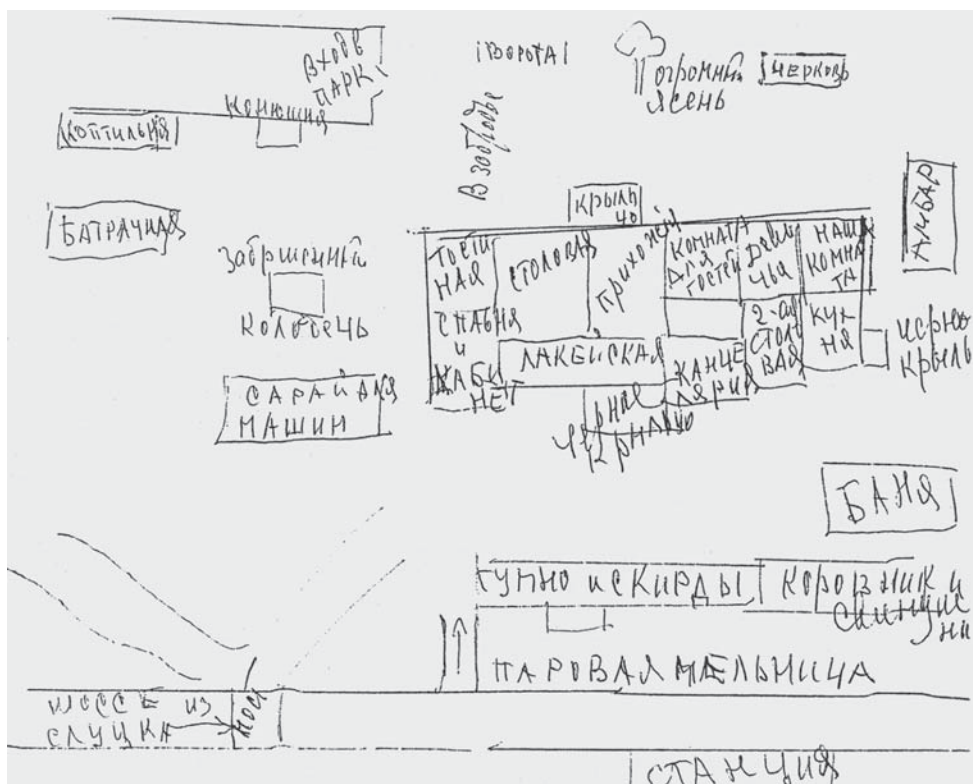
Поздний вечер. Владовка. Темная комната, куда из соседней вливаются лучи света в полуоткрытую дверь, там зажжена лампа. На диване полулежит одна из девиц, должно быть, очень молодая, ибо тоненькая. Я люблю ее ногами и держу одну из них в руках. Яркое помню, как огонь пронзил меня, когда я вдруг поцеловал эту ногу к величайшему смущению девицы.

Звездное небо и мировое пространство я всегда воспринимал ангельски сладостно, и ужас бесконечных пространств, леденивший душу Паскаля и Тютчева, стал проникать в меня лишь теперь, да и то из вторых, т<ак> ск<азать>, рук. Звезды я всегда переживал как ангельски-богородичную символику, и это переживание вполне аутентично. Поэтому просветитель<ск>ая астрономия с ее адом <дурной бесконечности> меня всегда раздражала. Я был и остался прирожденным космофизиологом. Просветительской астрономией и идиотской идеей бесчислен<ых> населенных миров я любил лишь дразнить ханжей.

Итак, я в имении моих дедов, называемом Ивань. Это в шести верстах к западу от уездного города Слуцка Минской губернии, очень известного в истории России, собственно в истории литовско-русского государства, шесть верст к западу от Слуцка по шоссе, идущему из Бреста в Москву. Ближайшие железнодорожные станции на запад — Ляховичи, Полесск⁵¹ (около 80 верст по шоссе); старые дороги на восток — подъездной ширококолейный путь к большой станции Осиповичи Либаво-Роменской железной дороги. Это <около> 50 верст. Дальность железнодорожной станции не мешала быть этому своеобразному уголку очень культурным. Конечно, культура эта провинциальная. Но Шпенглер отлично показал, что подлинной культуре надлежит быть именно провинциальной. То, что обыкновенно считают культурой, есть лишь интернациональная цивилизация.

Между Иванью и Слуцком находилось еще имение Испаски, в котором мои деды никогда не жили, но лишь сдавали его в аренду. Помню еще деревушку Ваньковщизну недалеко от Ивани и деревушку Забродье с именем того же названия,

<в трех верстах от Ивани,> где жили Коваленковы — мои дядя и тетя, т. е. родной была тетя Надежда Федоровна, а ее муж, большой чудак, не лишенный ума и культуры, — Димитрий Иванович (дядя Митя) был мне чужой. В верстах 20-ти к западу впоследствии было еще куплено имение — Докторовичи. Воспоминания местно-зрительного характера становятся чрезвычайно яркими. Не менее ярки и вещно-чувственные воспоминания, хотя события, как я уже говорил, остаются отрывочными. Отрывков, конечно, гораздо более, и они по мере накопления лет всё более и более умножаются. Чтобы попасть в Ивань со стороны Слуцка, надо было миновать домик дорожного мастера и переехать по шоссе очень культурно сделанный мост через речонку, где немного далее мы купались* и где была сооружена купальня. Интересно, что поэтический домик дорожного мастера всегда почему-то связывался в моем воображении с «Рондо а ля тюрка» Моцарта (из сонаты А-дюр)⁵². Из окна этого домика иногда выглядывало милостивое личико. Не доезжая до желтого станционного дома типично николаевской казенной архитектуры великодержавно-ампирного стиля, надо было свернуть с шоссе налево и проехать мягким проселком меньше версты, открывались ворота, и мы въезжали в Иваньскую усадьбу овальной формы**.

* Так у автора.

** Рисунок воспроизводится по машинописи, далее текст публикуется по автографу.

Я так долго останавливаюсь и буду останавливаться на старом русском дворянском помещичьем быте (со всем его окружением российского великодержавия), что за ним огромные, поистине не исчислимые культурно-духовные заслуги, несмотря на все его грехи (кто без греха?). Кроме того, мне пришлось на личном горьком опыте пережить все ужасы деклассирования, не только за границей, но уже в самой России — по причине моего положения пария в собственной семье и презрения к моим талантам, которые, конечно, не мои, но Божии — об этом Евангелия от Матфея, Марка и Луки говорят нам прямо — и без обиняков. Сам я, да и каждый из нас по себе* — нуль. Итак, возвращаюсь к Ивани. Пройдя парк вдоль и миновав луг, попадаем в винокуренный завод с примыкающей к нему паровой мельницей, — оба приводились в движение общей паровой машиной в 70 сил с усовершенствованной отсечкой пара и автоматической смазкой. Системы не помню. К заводу и мельнице примыкали соответствующие службы, квартиры и проч<ие> здания, напр<имер>, спиртовой подвал, склады зерна, муки и проч<ее>. Так что получилось что-то вроде фабричного городка. Все было поставлено на очень культурную ногу, хотя нравы были полупатриархальные, даже с некоторым оттенком библеизма.

В противоположном направлении от парка и уже за воротами усадьбы, поворота направо, была церковь, огнем горевшая в моей отроческой душе. Этот огонь уже более никогда не погасал. Церковь топографически примыкала к усадьбе, но была вне ее черты и была вполне самостоятельна. Отец Рождественский, постоянно у нас бывавший, был предметом всеобщего почитания, ему все целовали руку. Страх Божий перед благодатью иерейства был прочно вкоренен моей бабушкой Надеждой Петровной Чаплиной в моем сердце. Он тоже остался навсегда. Батюшка был как бабушка. Зато его сын, гимназист высших классов (помню его разговоры о физике), был типичный жирондист или эсер. Дочь Нина — типичная мелкобуржуазная барышня. Парк имел отношение к церкви. В одном из его укромных уголков была устроена крестовидная и огражденная полисадом клумба: на этом месте застрелился дядя Силя (Сергей Николаевич Чаплин), отпелся в местной церкви. Это было первое и решительное вторжение трагического начала в мой детский рай, символизировавшийся этим изумительным парком, состоявшим из огромных тоннелей пригнувшихся друг к другу многолетних лип. В промежутках между тоннелями лип были фруктовые и ягодные посадки, а также пасека, где хозяйничал, и кажется, не совсем удачно, эконом имения некий Дудковский (обрусевший поляк).

В Ивани впервые четко вырисовались образы многих людей, близких и отдаленных — так или иначе определивших мой жизненный путь и определившихся, вырисовавшихся на этом пути. Это мама моя — Вера Николаевна Ильина, урожденная Чаплина, деды мои — Николай Петрович Чаплин и Надежда Петровна Чаплина, урожденная баронесса Меллер-Закомельская — дочь адмирала⁵³. Дяди: Владимир Федорович Сазонович — сын бабушки от первого мужа (дядя Володя), Константин Николаевич Чаплин (дядя Костя), Николай Николаевич Чаплин (дядя Коля), Сергей Николаевич Чаплин (дядя Силя). Следуют тети: Александра

---

* Так у автора.

Николаевна Стахурская (впоследствии Крейтер) (тетя Шура), Надежда Николаевна Коваленкова (замужем за Дмитрием Ивановичем Коваленковым), София Николаевна Персиянова (замужем за Александром Александровичем Персияновым, дядей Сашей — стопроцентным пошляком и дрянью), тетя Катя (жена дяди Коли), тетя Валя (жена дяди Кости). Из кузенов следует отметить: Жоржа, Лёлю (Александра), Мику (Митрофана) и Женю — детей Коваленковых. Из трех детей дяди Коли и тети Кати помню Лилю, а имена кузенов забыл. Из детей тети Шуры помню кузину Фаню (Фаину) и Володю Крейтера (ныне не то полковник, не то генерал в Сербии и сделавший себе карьеру у немцев⁵⁴). Да еще из детей тети Шуры от первого брака со Стахурским (полковником кавалерии) помню Сергея Сергеевича (Силу) Стахурского, тогда готовившегося к конкурсному экзамену в какое-то высшее техническое учебное заведение. В Ивани определилась крестная мать — прусская подданная Матильда Ивановна Герке. В Ивани я получил французскую гувернантку Жозефину (фамилии не помню).

Из неродных, но ставших родственниками, в Ивани определились: Нарцисс (Наркис по-русски) Аницетович (Аникетович по-русски) Дубинский, его жена Мальвина Францевна и сын их Александр Нарциссович Дубинский (Саша). Кроме того, надо еще назвать Михаила Михайловича Ивановского, директора Слуцкой гимназии, ставшего моим первым отчимом (Дубинский стал вторым отчимом). Назову еще докторов, ездивших из Слуцка: Шильдкрета (очень хороший человек), Францкевича (святой человек), Бильдзюкевича (неважного, хотя и талантливого человека). Прочих назову попутно, особенно после переезда из Ивани в Слуцк и поездок на каникулы, уже не в Ивань, а в Докторовичи — имение, купленное дедушкой после Ивани, в том же Слуцком уезде, возле местечек Романово и Копыль.

Помню, что когда в Ивани собирались на 17 сентября (день святых Веры, Надежды, Любви и Софии), на Новый год, на Пасху, на 9 мая (именины дедушки), то за столом скоплялось подчас 22 человека родных или близких.

Стол и еда с их философией займут в моих воспоминаниях очень важную роль*, ибо это не только Пасха, но и преддверие Голгофы. Много радостного, но много и невообразимо жуткого, трагического связано у меня с застольными воспоминаниями. Большинство семейных катастроф и мучительных скверных анекдотов произошли за столом, и эти застольные страдания так удивительно и печально контрастируют с обилием и превосходным приготовлением яств. Это словно анаморфоз⁵⁵ Тайной Вечери Господа, где сладости Евхаристии и прощальные слова Спасителя контрастируют с предательством Иуды и ужасом грядущей Голгофы. Вообще трагедию мира и каждого отдельного человека, как бы он мал и ничтожен ни был, — всё принял на себя уничиженный Бог. И это есть уже спасение, ибо то, что казалось ужасающей бессмыслицей — приобретает полновесный смысл, — вроде того, как бесконечно большой коэффициент превращает в бесконечность очень малую (но не бесконечно убывающую) величину. Хотя, правда, здесь как с точки зрения математики, так и с точки зрения аксиологии очень и очень много трудной проблематики. Эта проблематика сводится, в общем, к вопросу: каково отношение (аксио-математико-логическое) произведения бес-

* Так у автора.

конечно большого коэффициента на бесконечно убывающую и становящуюся меньше всякой данной величины как к этому коэффициенту, так и к бесконечно убывающему сомножителю?

Ивань, как место первого обучения грамоте и счету, незаметно сливается со Слуцком — местом, где пройдены первые три класса гимназии и пережито, с отрицательной оценкой в итоге, ощущение школьного товарищества или, если угодно, школьного социализма — миниатюрного преддверия настоящего социализма, этой жестокой и страшной трагической темы человеческих многоединств — особенно в XIX и XX веках. С отвращением воспринимая школьный социализм, особенно в его «красной части спектра», я внимал с ужасом внутреннему голосу, говорившему мне: социализм — это школа или пансион навеки. А так как равенство идет по худшему, то социализм я воспринимал как вечную колонию <для> малолетних преступников. Это тема Достоевского, сочетавшего ужасы «Мертвого дома» с мерзостями «Бесов». Правда, национал-социализму и фашизму здесь удалось сказать новое слово, и здесь причина, почему я с первого же момента резко примкнул к Муссолини и Гитлеру, которых я считал (да и теперь считаю) антитезой (даже в Гегелевском смысле) красному социализму (= коммунизму). И конечно, не тихому и кроткому «Дворянскому гнезду» дано было бороться с железным зверем красного социализма, представители которого с такой удивительной слепотой и карикатурным прекрасодушием были отнесены к «погибающим за великое дело любви»⁵⁶. Хотя на деле это были губители за страшные дни ненависти и не угнетенные, а угнетатели, и не освободители, а закрепостители.

Жертвой, конечно, оказалось «Дворянское гнездо» и его великая культура. Я последний представитель, последний птенец «Дворянского гнезда», понял это очень рано, и в моей душе загорелось пламя священной мести, ринуться в бой в единственном числе против несметной своры, предводимой очень часто своими же лжебратьями-ренегатами. Конечно, я оказался в роли Дон Кихота, но не праведного, а грешного. И был заранее обречен.

И гибну, принц, в чужом краю
Отравленным клинком заколот⁵⁷.

Да, я Гамлет и Дон Кихот «Дворянского гнезда» и царской России. И то ужасно, что менее всего я понят сплошь выродившимися, отгородившимися, утратившими и знание, и культуру представителями дворянско-помещичьей России — подобно тому как Константин Леонтьев нашел оценку не «справа», а скорее «слева» — его поняли Вл. Соловьев, Бердяев, прихотливо-капризный гений Розанова (нисколько не «правый», несмотря на «нововременство»⁵⁸) — но буквально никто «справа». Так и я. Аудитория у меня была или нейтральная, или «левая», но никогда не «правая», где я в ответ на мои гимны слышал только «лай, рев и визг» стада бесов и хамов «справа». Это ли не трагедия? Да, вот «Attalea princeps» Гаршина⁵⁹.

Трагедия есть смысл, и смысл есть трагедия, ибо нет смысла вне темы свободы (resp<ectiv>⁶⁰ рок) и креста (по ту сторону свободы и рока). И в этом смысл моих воспоминаний, моей «Истории бедствий» (Historia calamitatum) нового Абеяра.

Кроме того, я хочу быть честным и поставить вопрос о, т<ак> ск<азать>, втором грехопадении, т. е. о том грехе, что изгнал из «Дворянского гнезда» его насельников. Ибо грех был, и я не хочу лукавить перед лицом Царя Царей. Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa!⁶¹ По грехам нашим изгнал Ты, Господи, из наших гнезд и рассеял, обратив в посмешище. И прости нам наш ропот, наше неизменение, наше нежелание увидеть свои язвы и сказать от чистого сердца: «Восмердиша и согниша рана моя от лица безумия моего!»⁶²

Оставляю «левым» и «правым» их ужасное и погибельное самоупоение своей «правотой» и своей «безгрешностью». Конечно, Дон Кихот — жалкая пародия на святого и прежде всего на подвигоположника святости. Это все та же тема «анаморфозы». Но есть возможность «цилиндрическими» или «коническими» зеркалами превратить анаморфозу в правильный рисунок. Это «зеркало покаяния». Да будут мои страдания и моя летопись страданий такими «цилиндрическими» и «коническими» зеркалами, и да превратится силою Креста Господня анаморфоза моей жизни и дворянско-помещицкой России в славный и честный вид для одесного стояния.

Всё более и более, в процессе писания этих строк выясняется для меня, что их смысл — сильное раскрытие тайны рая и трагедии изгнания из него, т. е. трагедия «роста», выхода из младенческого состояния и искание путей из райского сада в райский град, т. е. искание путей из благословенного младенчества в благословенное мужество. Ну, а старчество? Старчества в одиозном смысле слова вообще не должно быть. И поклонение старику — это есть грех скопчества (негатив хлыстовства, т. е. <1 сл. нрзб.>), грех смертобожничества. И еще вот какова цель этого писания: раскрыть правду эмоционального мышления, эмоциональной активности с ее срывами и грехами. И в связи с этим — тайна Дон Жуана, т. к. я сорвавшийся и погибший Дон Жуан. И еще тайна человеческого «неудачничества».

Да, я остановился в своих воспоминаниях на «трагедии стола».

Где стол был яств — там гроб стоит
Где пиршеств раздавались клики,
Надгробные там воют лики⁶³.

Вот я вижу себя, 6-тилетнего мальчика, в гостиной стол, наш большой стол, и на нем черная фигура застрелившегося дяди Сили (Сергея) в гимназической куртке. Потом <...> я вижу себя уже в мамином будуаре, в Слуцке, над раскрытой шкатулкой, где хранится вырез из гимназической куртки дяди Сили, пробитый самоубийственной пулей. С наружной стороны — отверстие с рваными обожженными краями и струйка засохшей крови. Изнутри всё в крови, в засохших запекшихся сгустках. В этой же шкатулке и свеча, которая была вставлена в его мертвые руки. На розовом столике в стиле Louis XV («рококо»), где стоит эта шкатулка, — там же томики Шопенгауэра в коленкорových переплетах с красными, словно окровавленным углами. Да и сам пессимистический гений Шопенгауэра воспитался на рококо вольтеринства, того самого вольтеринства, которым так грешили дети «Дворянского гнезда», даже в лучших его представителях. Не все,

конечно, — Хомяков и Киреевский не согрешили, Сергей Тимофеевич Аксаков не согрешил.

Однако я всё забегаю вперед. Меня волнует мысль — в своих мемуарах я должен сделать вклад в ту науку, где мой учитель, покойный ныне Генрих Майер (Maier) сделал вклад пионера, «Psychologie der emotionalen Denkens» (Tübingen, 1908), сочетав в этом метафизику активности и игры⁶⁴. Ибо в неудачах активности и игры тоже моя «Historia calamitatum».

Гастрономия, удовольствия стола — все это связано с страданиями животных от охоты и от убоя. Несмотря на мою вспыльчивость и приступы ярости, я всегда был сострадателен и ненавидел жестокость как по отношению к людям, так и по отношению к животным. Отсюда мое отвращение как к революции, так и к реакции. Государство, полицию, суд я с малых лет любил за то, что по моему представлению они защищали невинных от насилий со всех сторон наступающих на них преступников революционного мира, которых я всегда переживал как палач<ей>. А потому суд и государство для меня были как бы контрпалачеством. Это были «белые шарики», фагоциты, съедавшие и уносившие патогенные микроорганизмы. Я всегда также был на стороне «общества покровительства животных» и желал, чтобы это общество также расширилось, как расширились суд и полиция по отношению к людям.

До сих пор в моих глазах стоят сцены убийств и мучений животных на кухне. Вот режут цыплят и кур. Вот рубят головы индюкам. Вот повар Лось в Ивани срывает головы голубям, предназначенным в жаркое. Вот дорезывают недобитого на охоте зайца. Вот визжание и рев свиней и поросят, которых колют. Правда, в охоте и гастрономии часто сознательная жестокость совершенно исчезала перед удовольствием спорта, авантюры и гастрономии. Кроме того, у нас очень любили и людей, и животных, и жестокости в сущности не было. Мучения царили в области, т<ак> ск<азать>, метафизики и Достоевского.

Одно из самых ранних воспоминаний в Ивани — это иллюминация по поводу коронационных торжеств при восшествии на престол покойного Государя Николая II Александровича, которого я очень любил, которого трагедию* я не только всецело принял в сердце, но пережил всецело** как свою собственную и как трагедию всей России⁶⁵. Да оно так и есть. Я хочу к этой теме возвращаться не раз — до того момента, когда в Париже, в <последние> годы моей <эмиграции> в Храме на 12, rue Daru (Paris 8^e)⁶⁶ слева от алтаря, не будет воздвигнут мемориальный крест с короной — символом царственного мученичества.

О возлюбленный Государь, святой и мученик, — твои страдания — мои страдания. Покуда ты правил и был на своем мученическом троне — и мы были в своем страдальческом раю, в своем грустном «Дворянском гнезде». Когда ты ушел — изгнали и нас. И вот мы у последней черты. Моли Бога о нас, царственный мученик. Ты видишь — мы все исходим кровью, ибо пуля, кощунственно пронзившая тебя, венценосного мученика, пронзила и нас. И вот десятки лет длится наша агония.

---

* Так у автора.

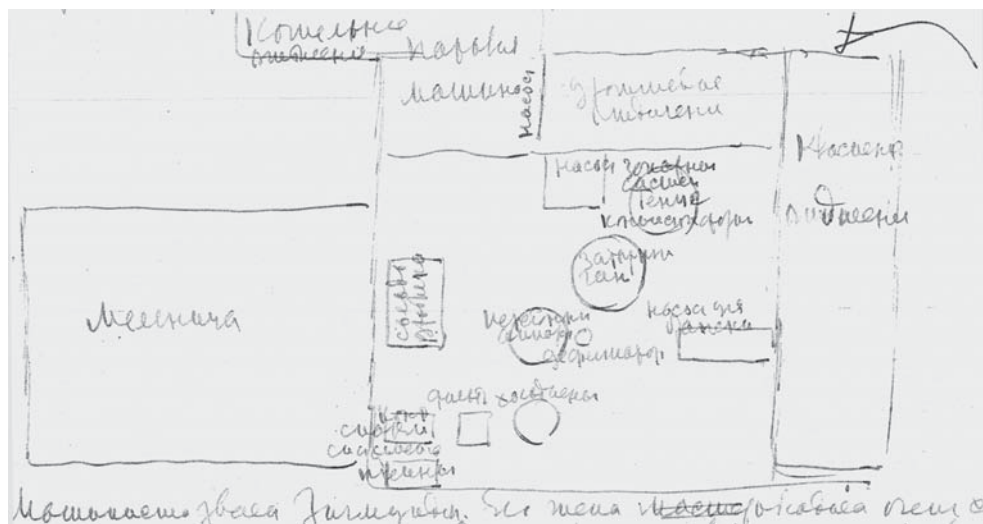
** Так у автора.

Итак, вот иллюминация по случаю коронации. У ворот, при въезде во двор устроена из хвой огромная монограмма НА, т.<е.> Н.А. (Николай Александрович). И на этой гигантской монограмме расставлены разноцветные плашки.

Ничего связанного с Ходынской катастрофой мне моя детская память не сохранила⁶⁷.

Очень ярки из Иваньских воспоминаний — машины, винокурный завод с паровой мельницей и их персоналом, семья Дубинских, визиты директора Слуцкой гимназии Михаила Михайловича Ивановского и женитьба его на маме, самоубийство дяди Сили, поездки на купанье, переезд в Слуцк после свадьбы мамы, поездки в Докторовичи из Слуцка, еще до поступления в первый класс гимназии. Помню первые уроки грамоты по кубикам, первое чтение по слогам в азбуке, помню первые уроки счета у бабушки Надежды Петровны.

Паровая машина, приводившая в движение винокурный завод и паровую мельницу, получала пар от батареи из шести бустеров. Помню, я очень боялся свистка как при машине — тонкого и пронзительного, — так и при котле — густого ревуна. В отделении машины стоял питательный насос системы Вартингтона, часто портившийся и потому замененный простой помпой, приделанной к самой машине. Завод состоял из главной машинной залы и двух приделов — дрожжевого и квасильного. Главная зала была приблизительно квадратной формы, и механизмы в ней были расположены следующим образом:

Машиниста звали Зигмундом. Его жена обладала очень хорошим голосом и мастерски исполняла украинские песни. Они заронились в мою душу навсегда и теперь дают творческий плод. Винокур был обрусевший поляк по фамилии Бобрович, очень красивый, щеголеватый молодой человек, умудрявшийся франтить даже на своей довольно грязной службе. Кажется, он был большой Дон Жуан, но лирически-мечтательного типа. Помню у него в кабинете большой кислотометр системы Вейнберга, а также сахарометр и спиртомер системы Тралеса. Мельник

(«крупчатник») был чех по фамилии Ганауска — тоже Дон Жуан, но толстый и свиноватого типа, кажется, был нечестен и даже форменный вор.

В заводе царил совершенно особый и в общем приятный, хотя и одуряющий, запах. Он был смешанный. Сюда входили: специфический запах паровой машины и машинного масла, запах распаренного под высоким давлением картофеля (3 ½ атм<осферы>), очень пряный, напоминающий какао, запах дрожжей, кислый запах перебродившей бражки, запах солода и царствовавший над всем запах винного спирта-сырца (88°) с его «букетом» сивушных масел (амиловый, бутиловый и пропиловый спирты из категории т<ак> наз<ываемых> высших алкоголей), странно гармонировавших с этиловым спиртом — т. е. основным продуктом.

На дворе к этому присоединялся еще карамелисто-пряный запах «барды» — побочного, очень ценного продукта — браги, откуда отогнали спирт. Эта барда — колоссально питательной силы вещество, смешанная с половой, с соломенной сечкой и солью — давалась скоту — своему и чужому, поставленному на кормежку. Поэтому сверх прочих запахов еще сюда вмешивался запах коровьего навоза — ценнейшего продукта для удобрения полей. Последнее было настолько важно, что считалось выгоднее иметь винокуренный завод ради «барды» и навоза, даже если прибыль от спирта и не была велика или ее вовсе не было. Побочные продукты становились главными, и не спирт, а пшеница, выращенная на навозе от барды, оказывалась основной целью производства. Сельское хозяйство доминировало над фабрично-заводским.

По линии машинно-хозяйственной и научной связано у меня воспоминание с мужским персоналом во главе с дедушкой — Николаем Петровичем Чаплиным, человеком удивительной доброты и цельности натуры.

По линии мистической и сердечной связаны у меня воспоминания с женским персоналом во главе с моей мамой — Верой Николаевной Ильиной, урожденной Чаплиной (по второму мужу — Ивановская, по третьему мужу — Дубинская). Это тоже натура очень цельная, но крайне неудачливая, страдальческая, несмотря на ум и глубину, а может быть, благодаря тому и другому.

Всё в нашей большой семье (говорю о семье своих дедов) было благолепно, слажено, всё было добротное, обильно — и всё разрушалось. Воистину — образ изгнания из рая, микрокосм революционной феноменологии.

Вся наша семья — и большая, и малая — развалилась до революции, и революция причинно тут не замешана. Малый круг внутри большого, но касания нет. Есть только аналогия и некое мистическое влияние.

Дедушка — Лель, высокий и очень сильный физически мужчина, чрезвычайно добрый, но щепетильный насчет своего *point d'honneur*⁶⁸ и потому не позволявший наступать себе на ногу. Он был превосходный хозяин-практик и весь ушел в эту сторону жизни. Городским человеком себе представить его нельзя, и тот момент, когда он, продав имение, переселился в город (в Киев), означал его смерть, скоро наступившую, и развал всей семьи. Я его помню совершенно седым благолепным старцем с небольшой бородкой и в золотых очках. Всё крупное — руки, ноги, мускулатура, черты лица очень значительные, но скорее тонкие и благородные. Голос — высокий баритон, переходящий в тенор. Большой запас бессознательного остроумия, что при-

давало этой стороне его существа особую прелесть. Сердце слабое и не соответствующее громадным силам и размерам всего организма. Отсюда меланхолия и сердечная болезнь (грудная жаба), унесшая его в могилу. Любил выпить, но уже в эпоху, связанную с моими воспоминаниями, выпивка ему была запрещена. Отлично помню граненый графин, наполненный топазно-желтой старкой. Вставал он рано, надевал темно-зеленый халат с бронзовыми пуговицами и, распорядившись по хозяйству, пил чай со сливками из огромной белой чашки с лиловыми цветочками, щелкая сахар небольшими щипчиками (пил он всегда вприкуску). Он проводил большую часть своего времени на поле или в хозяйственных зданиях имения. У него была небольшая двуколка, куда запрягалась старая светло-серая кобыла, которую так и звали Серенькая. В эту двуколку он часто брал меня. К часу он возвращался домой, и все садились обедать. Стол в Ивани был значительно скромнее, чем во Владовке (не считая праздников, особенно Пасхи, и приемов). Еще скромнее стал он в Докторовичах. Я очень любил печеный картофель и рубленую селедку. Любил зеленые щи с крутым яйцом, разделяя эти вкусы с бабушкой. После обеда дедушка традиционно отдыхал, а потом опять отправлялся по хозяйству. В четыре часа дня (летом) или около этого запрягали желтую парную бричку и отправлялись купаться. Купальное место нашей небольшой речки находилось верстах в двух от усадьбы, в стороне от так называемого старого тракта и корчмы. В этом месте река раздваивалась в овал, в одном конце мелкий, а в другом — глубокий — около сажени. Вокруг типичный луговой пейзаж, мелкие поросли ольховых кустов, кочки и кое-где болотца с незабудками. В одной из прогалин — родник чистой, кристальной и холодной, как лед, воды. Помню зелень на дне нашей речки, где водились раки. Я их боялся. Вся семья хорошо плавала. Очень рано и я научился плавать (уже в Докторовичах). После купания пили чай. Часто <...> помню я бабушку в глубокой задумчивости в кабинете (он же и спальня). На столе кабинета помню научные весы для зернового хлеба (сложный инструмент), апланатическая лупа и аппарат для насечек при поставке* кровососных банок (скарификатор). По части литературы и чтения дедушка отличался девственной наивностью. Помню, как в Ивани он увлекался чтением путешествия Нансена к Северному полюсу. Художественной музыки он не знал и не понимал. То же касалось и прочих искусств. Социальная проблема, философско-метафизические и проч^{ие} «вопросы» тоже не существовали для него. Религия состояла в традиции. Однако в области сельскохозяйственной культуры, и особенно под влиянием дяди Володи, были введены все новейшие усовершенствования Европы и Америки, такие усовершенствования, которые далеко не всюду и теперь введены. Ужинали часов в 7, немного позже пили чай. Ложились рано.

Бабушка — Надежда Петровна Чаплина (урожденная баронесса Меллер-Закомельская, по первому мужу Сазонович), была высокая полная женщина, некогда блиставшая гордой величественной красотой, следы которой сохранилась у нее до глубокой старости (она умерла 89 лет в эпоху большевизма). Походка у нее была царственная, и вообще во всей осанке что-то напоминало Екатерину II. Так же как дедушка, она была близорука и щурила глаза, что иногда сообщало ее лицу презрительно пренебрежительное выражение. У нас в хуторе Рос-

---

* Так у автора.

соховском сохранилась фотография моих дедов, снятая в цветущем возрасте. Дедушка сидит «верхом» на стуле странной формы и крестообразно скрестивши руки на его спинке. Бабушка стоит, слегка облокотившись на круглый стол. Лица строгие и серьезные у обоих. Помню удивительные красивые и породистые руки бабушки.

Бабушка вставала поздно, любила лежать в постели, и ей приносили в кровать чай со сливками и поджаренный черный хлеб. Она любила огород, сад и проводила там целые дни, распорядившись работами. Помню огромный деревянный ящик с набором всевозможных семян и горой каталогов семян, фруктовых деревьев и огородно-садовых принадлежностей. В противоположность дедушке моя бабушка была очень музыкальна, превосходно играла на фортепиано, будучи ученицей Рубинштейна⁶⁹. В последние годы запустила технику, но не потеряла ее совершенно. Меня приводил в трепет нежно-бархатистый в пиано и громовой в форте ее удар. Так же как и дедушка, она не знала ни философской, ни социальной проблематики. Это не мешало обоим быть инстинктивно демократическими. Гордые и неприступные по отношению к равным, они становились всё ласковее и ласковее по мере понижения социальной лестницы. Деревенские бабы запросто приходили к бабушке в спальню, и, кажется, все младенцы села перебивали у нее в постели, что не обходилось без специфических инцидентов. Любимая ее горничная Евдоха (Евдокия) была неофициальным диктатором дома, что было бедственно, ибо нрава она была злого. К счастью, ее уравновешивала моя крестная мать, Матильда Ивановна Герке. Дедушка и бабушка также очень хорошо жили с евреями, и у дедушки постоянно можно было видеть кого-нибудь из них. Особенно часто бывал толстый и рыжий Школьник — бесчестный человек, обкрадывавший верившего ему деда. Надо заметить, что когда весть о смерти деда дошла до еврейской общины — ему служили еврейские заупокойные службы и долго оплакивали его.

Вот я пишу эти мемуары и думаю о том, насколько различны помещичьи быты юго- и северо-западного края сравнительно с северо-восточным, описанным у Сергея Тимофеевича Аксакова⁷⁰, которого я всегда безумно любил за совершенно исключительной красоты язык и кроткую, незлобивую, вечно детскую душу, воистину ангела во плоти, как бы не канонизированного Серафима, просиявшего в помещичьей усадьбе, но для меня совершенно ясно, что центр русско-евразийской культуры передвинулся на восток и что я почти «иностранец»... Впрочем, нет, не иностранец, но «украинец» или, если угодно, «украинец», что мне не мешало нежно любить мою метрополию и взирать на нее с надеждой. Это не смотря на то, что грех большевизма тоже оттуда.

Впрочем, Россия полипериодична в истории и политипична в географии. Я просто человек Киевской Руси, да еще с присоединением северо-волинского и южно-минского провинциализмов. Но и это ведь моя любимая, дорогая матушка Россия, всю пестроту которой так хорошо передали Майков и Хомяков:

Край мой — теплый берег Евксина!
Край мой — берег тех дальних стран,
Где одна сплошная льдина
Оковала океан⁷¹.

И разве не могу я сказать вместе с «великороссом» Хомяковым:

Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр мой⁷² быстротечный,
Руси чистая купель!

Управляющий дедушки — обрусевший поляк Нарцисс Аницетович Дубинский стал впоследствии мужем мамочки, а его жена 100%-я полька Мальвина Францевна и его сын Александр (Саша, «Олесь») стали заклятыми врагами мамочки и меня на всю жизнь. Впоследствии к этой вражде присоединился и сам Н.А. Дубинский. Роман мамочки с Дубинским, по-видимому, начался уже в Иванни, и когда маму выдали замуж за влюбившегося в нее директора Слуцкой гимназии Михаила Михайловича Ивановского — она была уже влюблена в Дубинского и вскоре изменила своему законному 2-му мужу и моему отчиму. В этом завязка той семейной драмы, которая отложила (*vordrucken*) на всей моей жизни в России черные лучи, которые протянулись на всю мою жизнь. Правда, теперь, когда уже в эмиграции я списался с Сашей Дубинским и с его женой Стасей (Станиславой Ивановной) Кудешей (по первому мужу Собадская), у меня создалось такое чувство, что после смерти мамы, Нарцисса Аницетовича и Мальвины Францевны эта вражда погасла. Да кроме того, у самого Саши остались добрые черты — он не был никогда моим врагом до конца, но тьма у него часто прорезалась светом.

Я пишу эти строки и думаю о словах Пушкина «что пройдет, то будет мило»⁷³, <они> вскрывают тайну поэзии и красоты в правде (*Tatsache*⁷⁴). Есть во всяком воспоминании *Dichtung und Wahrheit*⁷⁵, тяжелое и пошлое забывается, быть может, по той причине, что оно не истинно сущее (ибо зло не имеет подлинно субстанциального бытия, несмотря на свою реальность). Встает в памяти (в итоге в вечной памяти софийной «Акаша Хроники»⁷⁶) то, что есть истинно сущее, а потому софийное и прекрасное, и тогда сама жизнь премудро прекращается в красоту воспоминания.

Was im Leben uns verdrießt,
Das im Kunst uns gern genießt⁷⁷.

Но *Kunst* и *Erinnerung*⁷⁸, *l'art et la recherche du temps perdu*⁷⁹ — ведь это, быть может, одно и то же. Гениальнейшее «*Zueignung*» к «Фаусту» Гёте вскрывает это с поразительной силой. Здесь всё творческое воображение, вся тайна творчества сводится к софийному образу воспоминания или к софийности воспоминания, к образу Вечной Памяти. «И сотвори ему вечную память» — значит: да просияет его образ непреходящей, вечной, софийной красотой, где даже сами тени являются лишь темным светом, прекрасными рембрандтовскими светотенями — высшим образом чего являются незаживаемые язвы Господа, сияющие вечной, сладостной красотой.

Ведь это прах святой затихшего страданья!
Ведь это милые почившие сердца!
Ведь это страстные, блаженные рыдания!
Ведь это тернии колючего венца!⁸⁰

Зло есть зло — безобразная, дьявольская антисофийная маска на софийности бытия (эссенции) и бывания (экзистенции). Его надлежит забыть. Кто старое зло вспомнит — тому глаз вон. Потому надо — ко всему воспоминаемому относиться как пушкинский Пимен к царям.

Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро,
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют...⁸¹

Летописец собственной жизни должен также относиться к тем, кого он вспоминает, ибо оказывается, всё прошедшее — мило. И кому, кроме отъявленного негодного хама, придет в голову хулить умершее, которое, т<ак> ск<азать>, беззащитно. Но так как всё есть прошедшее, то нельзя ни хулить, ни ненавидеть никого. Всегда ненависть падает на доброе, а не на злое, подобно тому как, браня и заушая человека, мы браним и заушаем Вочеловечившегося Сына Божия.

Вот эти богословские мотивы сейчас, когда мои дни склоняются к закату, как-то задним числом осеняют всю мою жизнь. Впрочем, я всегда был религиозен, органически религиозен, и вот в страшные дни и часы хульной* брани не переставал ощущать «Песнь Песней» в моей душе.

Кстати, в «Песни Песней» надо искать лень, странное, загадочное соединение эротики и церковности, мистики-аскетики и чувственности монаха и Дон Жуана в моей душе.

«Эх вы, Дон Кихот Жуанский», — сказала мне как-то на юге Надя Городецкая — п<и>сательница, очень женственное и симпатичное существо⁸².

«Дон Кихот Жуанский» — в этом тайна моего земного страдальчества. Приступ хулы и ропота — в этом тайна моего ужасающего трансцендентного мира. А вовне — загадка моего неудачничества. Ибо какой же Дон Жуан может устоять, если в нем прочно сидит на своем Россинанте Дон Кихот, и какой богослов может устоять, если его одолевают хула и ропот? Да, еще третье противоречие. Я рожден артистом, я даже эстет. Но в то же время во мне чрезвычайно сильна этика, я не выношу зло и несправедливость, отсюда моя контрреволюционность, я, наконец, «разоблачитель». Но «обличения» эстетика прямо противоречит «разоблачению» этика. И они так приятны и <невольны>, и <мучительны к ситуации, к неудачничеству и срыву жизненной карьеры>. В сущности, я требую от людей, чтобы они не были то**, что они есть. А так как этого быть не может, то им остается объявить мне войну не на жизнь, а на смерть. В особенно страшной степени это случилось с моим отчимом Нарциссом Аницетовичем Дубинским, с Бердяевым и с нынешней моей тещей — Зинаидой Львовной Пундик.

Шопенгауэр по поводу таких людей говорит: «Es muß auch solche Käuze geben»⁸³. И прибавляет, что поступает иначе, т. е., желая принять их метафизику, мы причиняем несправедливость (собственно неправду — «Unrecht») и вы-

---

* Так у автора.

** Так у автора.

зываем их на смертный бой — zum Kriege auf Tod und Leben⁸⁴. И объясняет это так: «Denn seine eigentliche Individualität, d.h. seinen moralischen Charakter, seine Erkenntniskräfte, sein Temperament, seine Physiognomie u.s.w. kann keiner Ändern, verdammen wir nun sein Wesen ganz und gar, so bleibt ihm nichts übrig, als in uns einen Todfeind zu bekämpfen» (Parerga, Berlin, IV, 497)⁸⁵.

Здесь атеист Шопенгауэр оказывается более христианином, чем православный богослов Владимир Ильин, хотя и точку зрения Шопенгауэра нельзя назвать вполне христианской. Она христианская, поскольку речь идет о неизменном, как Божия воля, индивидуальном образе. Но она не христианская, поскольку речь идет о греховных свойствах, которые мы должны желать изменить, но из любви к их носителю, а не из вражды к ним.

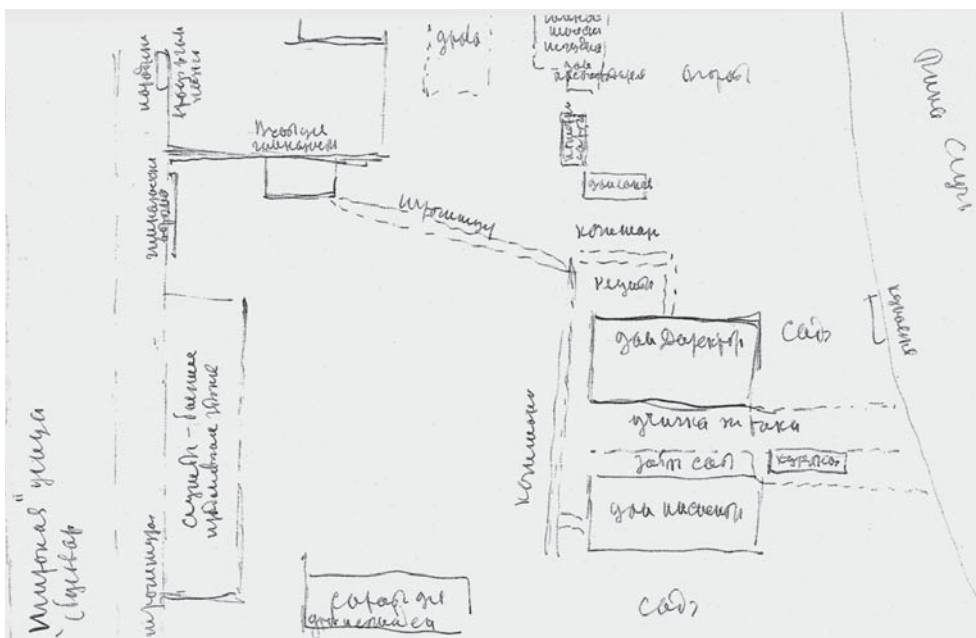
Конечно, я поступал не по-христиански, а язычески-эстетически, ненавидя «некрасивое лицо». На это обладатель «некрасивого лица» отвечал мне звериным рыком или же змеиным шипением — и был не лучше меня. Я уже не говорю о том, что в эстетике много змеиной лжи, на что указал Кайзерлинг⁸⁶ в своих «Южно-американских размышлениях».

Возвращаюсь к воспоминаниям. Центром моей сердечной жизни была и оставалась моя мама, к тому же очень красивая и стройная. Но я еще очень любил своих обеих французских гувернанток Жозефину (фамилии не знаю) и m-lle Augustine Abbé из Блуа. Первая была очень некультурная и очень развратная девушка, вернее, даже девка. Каким образом она к нам попала, не знаю. Кажется, она была во всех смыслах не чистоплотна. Помню, как однажды она разбила мой кувшин для снеговой воды (меня умывали со снеговой водой), и чтобы избежать неприятностей, дала мне обломок кувшина в руки и потребовала, чтобы я пошел и повинился перед всеми, будто это я разбил. Я так и сделал — разреvelся и, обошедши всех за столом (это был ужин), попросил прощенья. Так никто и не узнал, что это Жозефина разбила кувшин, а не я. Это случилось в Ивани. В Ивани же бедная Жозефина получила два письма из Франции — одно, извещавшее о тяжелой болезни ее отца, а другое, с траурной каемкой, с извещением о его смерти. Очень хорошо помню и ее рыдания, и ту жалость, которую вызвало во мне ее горе.

Около этого времени, т. е. когда мне было 6–7 лет, стал в Ивань ездить и ухаживать за мамой директор Слуцкой мужской гимназии⁸⁷ Михаил Михайлович Ивановский, уже пожилой мужчина, брюнет, физически очень дряблый, некрасивый, неумный и к тому же пожилой (ему было за 40 лет), в чине статского советника⁸⁸. Мама была в расцвете молодости, мощи и красоты — ей было 22 года, да и к тому же ей нравился Нарцисс Аницетович Дубинский, с которым у нее уже начинался роман. Я и прислуга прозвали Ивановского «черным барином». Этот «черный барин» приезжал все чаще и чаще, привозил подарки и мне. Помню полишинеля на палочке, полишинель вертелся и внутри него играла шарманка. Помню, он со мной играл, и я расцарапал ему до крови руки. Он мне их показал, и мне его стало очень жалко. Эта жалость и его исцарапанные руки остались у меня в сердце по сей день, когда его самого, по всей вероятности, уже нет в живых, ибо ему должно было бы быть уже около 80 лет.

Наконец отпраздновали свадьбу. Эта свадьба, несмотря на свою пышность, была очень печальной. Маму вынудили, пригрозив оставить в случае неповиновения без средств, не говоря уже о том, что она любила другого. Кроме того, мамочка была больна, не знаю, почему не отложили свадьбу до ее выздоровления. Может быть, по той причине, что срок уже был назначен и приглашения разосланы. Приехало много гимназистов. Помню, как они ловко спрыгивали с бричек и повозок. Помню, как ими переполнены были комнаты. Врезалось мне одно лицо в темно-синих очках. Был оркестр музыки — блестили медью буюгельгорны, корнет-а-пистоны, в углу прихожей, где поместился оркестр, стоял турецкий барабан с тарелкой, на котором играл маленький чернородый еврейчик. Помню конфеты, танцы, вальс «Un petit verre de Cliquot»⁸⁹.

Кажется, мама была больна, но откладывая свадьбу не хотела и поднялась с кровати. Это была своего рода «Rabenhochzeit» — жизненная иллюстрация к печальной и мрачной странице того же названия у Грига (g-moll)⁹⁰. Впоследствии мама заставляла меня играть эту пьесу и погружалась в невеселые воспоминания. Скоро переехали в город. В первый раз передо мной возникла перспектива городской жизни. Мне город представлялся каким-то сплошным собранием магазинов и кондитерских. И когда мы с мамой приехали в директорский дом и нас на крыльце встретил лакей Илларион (Каханович), человек удивительной честности, чистоты и сознания долга, я сейчас же спросил его: «А что здесь продают?», Илларион отвечал на эту детскую нелепость милой улыбкой и внес меня в прихожую. Теперь мне хочется нарисовать план гимназического двора и директорского дома, где я прожил с перерывами от 7 до 13 лет, промежуток времени для этого возраста не малый⁹¹.

Впоследствии мне хочется этот набросок упорядочить и расширить, дополнить подробностями. По этому двору я бегал (тогда босиком) и играл, и здесь же в первый раз испытал сладость эротического поцелуя — с Нилочкой Михайловой (под одним из каштанов). Еще до моего поступления в гимназию инспектором был Знаменский⁹², жена которого славилась своим кощунством и атеизмом (это была дама с острыми чертами лица, с пенсне и, кажется, миловидная). Я играл с ее двумя дочерьми — Васей и Лулушкой (Людмила), которые мне рассказывали о далеком Ташкенте, откуда они были переведены, о Каспийском море и показывали мне морские камушки и ракушки. В актовом зале гимназии было небольшое собрание камней, ракушек и иглокожих — своего рода миниатюрный океанографический музей. С этим связано мое первое пробуждение мечты о море, вылившееся потом в страсть к Жюль Верну (особенно к «Детям капитана Гранта» и «Таинственному острову») и вообще к морским путешествиям. Это была мечта о дали и свободном пути, которая осталась скованной в лучшие годы моей юности вследствие мещанства окружающей среды и которую расковала катастрофа, выбросившая меня из России. Это ведь все до жути символично! Как будто и нет иного средства расковать крылья и раскрыть дали, как страшный взрыв революционной катастрофы. Но ведь это драма, переданная Гаршиным в «Attalea princeps». Кроме того, сами революционеры оказались людьми с очень ограниченными вследствие материализма перспективами. Революционеры оказались недостойными революции, да и «дух революции враждебен революции духа», как очень хорошо сказал Н.А. Бердяев⁹³. Понадобилась катастрофа Второй мировой войны, чтобы разбить оковы революционного на этот раз уже красного (а не справа) мещанства. Здесь я опять возвращаюсь к теме основного несчастья, основной трагедии моей жизни — противоречию взрывчато-мечтательных, революционно-анархических тенденций моей души и некоей неподвижности, как бы в вечном материнском лоне, куда относится и быт. Я всю жизнь спал и грезил, ненавидя все то, что может меня пробудить ото сна и даже согнать с постели. Однако сны мои были фантастичны, дики, мечтательно-мятежны (Traumeswirren)⁹⁴ и «пробудителей» я ненавидел как насильников, вводящих путем педагогики «железного жезла» принудительную трезвость. Но жажда сна и ложа, жажда биологии (которая, как показал Кайзерлинг, всегда грязна и смрадна) искадила мою мечту. И поэтому, быть может, резким толчком выброшен был я из своей постели, подобно многим другим, находившим свое блаженство в биологизме, сне и сновидениях. Возвращаюсь к повествованию.

Инспектор Знаменский был куда-то переведен, а на место его назначен Евг. Вас. Васильев⁹⁵ — блондин в очках, большой любитель столярного мастерства, музыки и пения, но, к сожалению, очень казенно и зло относившийся к вверенной его попечению молодежи. В сочетании с бездарностью и педантизмом директора, моего отчима Мих. Мих. Ивановского, это привело к брожению и беспорядкам в гимназии. Жену Евг. Вас. звали Ольгой Гавриловной. Это была небольшого роста плотная дама, наклонная к *douceur de vivre*⁹⁶ и к рассказыванию непристойных анекдотов. Впрочем, это не мешало всей семье иметь очень приличный и даже чопорно-натянутый вид. Из детей помню хорошенькую Маню, еще более хоро-

шенькую Лиду (совсем ребенка) и мальчика Коку. Сверх того, у них жила родственница — девочка-подросток Саша, плотная блондинка. Я, сын писемоводителя (мой тезка), Юзик (Иосиф) Коханович (мой сверстник и сын лакея) постоянно играли вместе. Но у меня была своя собственная интимная жизнь, полная тоски, мистики и мечты и связанная с моим увлечением Лермонтовым. Это было моим сверстникам недоступно, да они и не подозревали о существовании этого мира во мне, да и вообще где бы то ни было. Но, странно сказать, я тяготился своей духовностью, своей тоской. Мне казалось, что этим я как-то становился ниже своих сверстников, уравновешенных, без тоски и без мечты, и я им завидовал, считая их выше себя. Вот источник моего *Minderwertigkeitsgefühl* (*complexe d'infériorité*), легшего в основу моего основного несчастья и совершенно искалечившего меня, даже превратившего меня в живой страдающий труп, в тень между живыми, несмотря на мою страшную жажду жизни и ее сладостей. Вот где исток адской темы моей жизни. Думаю также, что второй адской темой моей жизни было раздвоение общерусского чувства и местного северо-западного и юго-западного. Впрочем, я долгое время иначе себе России и не представлял, как в виде Виленщины и Киевщины. И уже лишь в 1914 и в 1916 г. узнал Петербург и Москву — лики русского имперского великодержавия. Третья адская тема — это раздвоение и противостояние сословно-дворянско-помещичьего чувства и чувства социальной справедливости и ненависти ко всякому крепостничеству и насилию, — раздвоение и противостояние монархии и анархии. Далее, пятая* адская тема — раздвоение западничества и славянофильства (впоследствии евразийства); и шестая — раздвоение прогрессизма и охранения; и седьмая — раздвоение свободомыслия и мистики, что впоследствии перешло в раздвоение кощунственного богоборчества и величайшей напряженной молитвенной церковности. Так как я по своему призванию богослов-метафизик, то такое раздвоение, конечно, оказалось для меня особенно мучительным. К этому надо еще присоединить раздвоение разгула и сладострастия с аскезой и целомудрием, раздвоение жестокости и доброты, верности и измены. Это ужасно — эти расколотовость и двуличность — внутренняя двуличность. Да еще раздвоение музыкального артистизма и физико-математического техницизма, презрение и ненависть к миру артистов как дрянных и развращенных белоручек и недорослей.

Уже во время моего пребывания в Слуцке дедушка купил второе имение в Минской губернии и все в том же Слуцком уезде. Оно называлось Докторовичи и находилось в верстах 25 к западу или, вернее, к северо-западу от Ивани, в страшной глуши, в трех верстах от еврейского местечка Романово или Романов. Мои деды ездили туда из Ивани в карете, на четверке вороных кобылиц и брали меня с собою. Наконец, они совершенно туда переселились. Опять в другой, но похожей, обстановке создалось своеобразное сочетание культуры и примитива, опять русские просторы огласились Бетховеном и Шопеном (и *dis mineur***), звуки которых неслись из помещичьего дома, опять среди глухих садов и лесов раздалась

---

* Здесь и далее сбой нумерации у В.Н. Ильина.

** Так у автора.

французская и немецкая речь. Впрочем, сам дедушка говорил только по-русски и сейчас же на новом месте оброс, если можно так выразиться, симпатиями крестьян и евреев.

Самым красивым в Докторовичах было небольшое, сильно заросшее озеро (или большой пруд), образовавшийся вследствие запруды на протекавшей речонке, имени которой я не помню. На берегу этого озера стояла усадьба. Помещичий дом, состоявший из двух отделов, соединенных крытым ходом-коридором, выходил передней частью на двор с колоссальной клумбой, обсаженной по окружности кустами великолепных роз, а задней частью с верандой выходил в огромный фруктовый сад, расположенный вдоль озера. Берега и дно озера были очень тицисты, и купание в нем было невозможно. Купались ниже, за плотиной и шлюзами, где образовалось тоже маленькое озерцо, но чистое, прозрачное, с крошечным песчаным островком. Несмотря на крошечный размер этого озерца, оно было довольно глубокое, вследствие падения воды из шлюзов во время весеннего половодья и во время дождей. Как будто перед моими глазами из поднятых шлюзов бьют скатерти белопенной воды, и мне жутко, я содрогаюсь... во мне говорит ужас потомка поколений, переживших потоп или потопы. А может быть, это ужас и перед собственной водной стихийностью, о которой мне говорил в Риге в 1931 г. ясновидящий Е.И. Финк⁹⁷. Когда я прочитал «Нисхождение в Мальстрем» Эдгара По — я сразу понял, в чем тут дело. Это мистика бездны и страх потопы.

В этом озерке я впервые научился плавать и нырять, причем наслаждение от плавания я воспринимал как некий полет в оживленном, водном воздухе. Но там же я потерял (в возрасте 7 лет) свой золотой на золотой цепочке крестильный крест... зловещий символ этой потери я всегда с болью переживал и ныне переживаю.

Но как я всегда любил и теперь люблю воду! Уже небольшой ручеек или даже лужица приводит меня в сладкий трепет. Воды, голубые под солнцем, — основная тема моих блаженных снов... Вода и солнце летом — основной образ моей Третьей симфонии E-dur⁹⁸. Сладостное и даже сладострастное прикосновение воды к телу и особенно к ногам, хождение босиком по влажным, мокрым и зеленым местам есть несомненно для меня переживание того, что Ходасевич так замечательно назвал «влажным сладострастием мира»⁹⁹.

К этому времени, т. е. к семи–восемью годам, я очень резко почувствовал красоту стихов, и навсегда они вместе с музыкой стали моим alter ego. В два часа ночи, при луне ушел я из своей комнаты, чтобы видеть первое появление зари, ибо во мне звучали стихи Пушкина:

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек¹⁰⁰.

Придя в восторг от зари, я разбудил садовника Ипполита, чтобы поделиться с ним своими переживаниями... Все кончилось тем, что бабушка строго наказала меня за мои ночные похождения. Я не мог объяснить взрослым, в чем состоят мои поэтические восторги, а если бы и объяснил, они бы ничего не поняли. По-

эты одиноки всюду, и «у своих» более чем где бы то ни было. Мне было подарено роскошное издание басен Крылова, и я очень пристрастился к этому великому гению нашего языка. Пристрастие это сохранилось по сей день. Крылов очень способствовал яркости предметных ассоциаций, связанных с литературно-художественной и поэтической речью. Басни эти я редко читал сам, но заставлял себе читать свою кузину Олю¹⁰¹, которая жива до сих пор и живет в Нежине вместе с тетей Соней. Этой же Оле я очень обязан музыкальными впечатлениями. Она много упражнялась на фортепиано и играла классиков. Я целыми часами просиживал у рояля, наслаждаясь не только пьесами, но и упражнениями, ибо очень ярко воспринимал чувственную красоту музыкального звука *per se*¹⁰². Понемногу освоился с нотной грамотой и потребовал, чтобы меня учили играть. Пробовал даже писать музыку. Играть меня стали учить позже и притом на скрипке. Это хорошо, ибо техника и звук этого инструмента лежат в основе симфонического оркестра. На ф<орте>п<ьяно> я стал учиться около 16 лет, будучи уже 8-классным гимназистом. Но об этом ниже.

В один день утром покойная мамочка посадила меня в столовой и, положив перед собой свои золотые часики, сказала: «Ну, Володя, теперь мы займемся 1/2 часа Законом Божиим». И раскрыв маленькую, узенькую книжечку, стала она указывать концом карандаша, где читать. Я начал:

«Бог есть Дух — вечный, вездесущий, всемогущий, неизменяемый, всеблаженный, вседовольный»...

Так восьми лет познал я впервые то, что стало основой и смыслом моего существования в зрелом возрасте. Ни маме, ни кому-либо из окружавших меня и в голову не приходило, что я стану богословом-метафизиком по специальности, да и вряд ли кто-нибудь из них отдавал себе отчет в том, что такое богословие и метафизика, хотя были люди культурные и верующие. Пронизанный всегда трепетом потусторонности, «благоговевя богомольно перед святыни красоты»¹⁰³, я, однако, проходил свой детский путь чудесного, сказочно-занимательного. Я не миновал Жюль Верна, который дал много пищи моим поэтическим мечтам, хотя сам этот писатель не был поэтом, но лишь занимательным выдумщиком и фантазером-рассказчиком. Технику я полюбил в поэтическом ореоле Жюль Верна.

Лето я проводил у дедов в Докторовичах, зиму — в Слуцке, где со мною занималась по-французски М<ademois>elle Augustine Abbé из Blois, а прочими предметами (и Священной историей) — учитель городского училища Петкович¹⁰⁴, очень хороший педагог — твердый, настойчивый и добрый. Воспоминания о нем у меня самые лучшие. Имя и отчество его я забыл.

Вот одно из поэтических воспоминаний зимней поры, связанное со стихотворением Пушкина — «Зимняя дорога». Условились мама и Н.А. Дубинский (у них, кажется, уже начинался роман), что он на Рождество увезет меня в Ивань. Приехать он должен был вечером на санях. Была чудная лунная ночь, и я с нетерпением ожидал Нарцисса Аницетовича. В нашем директорском доме (одноэтажный русский ампир) было тихо, темно и тепло. По комнатам бесшумной тенью бродил старый служитель Илларион Коханович, босой, в штанах навыпуске и, вполголоса напевая народные и солдатские песни, «менял» обстановку, следил, чтобы всё

было на своем месте и чтобы нигде не было ни пылинки, ни бумажки, ни малейшего беспорядка, удивительный по аккуратности, чистоте, доброте и чувству собственного достоинства, умному юмору человек. Как я его люблю и почитаю до сих пор. Он, зная, что мы с Mademoiselle с нетерпением ждали Нарцисса Аницетовича, «как посланца из рая», как некоего «ангела», который должен увезти нас в Царствие Небесное, т. е. в деревню, — подшучивал над нами, напр<имер>, звонил в электрический звонок, и мы выбегали, думая, что это приехал Нарцисс Аницетович. Но вот раздался настоящий звонок, и в переднюю ввалился в запудренной инеем шубе красавец Дубинский. Он даже не разделся, а приказал нам немедленно собираться, что, разумеется, было исполнено с восторгом. Миг один, и мы уже сидели все втроем в широких темно-зеленых санях «с подрезами», закутанные в шубы, завернутые в медвежью полость — «бороницу». Я сидел между Н<арциссом> А<ницетовичем> и Mademoiselle. Лошадь понеслась <1 сл. нрзб.> и удвоила свою рысь, выехав за черту города.

Сквозь волнистые туманы
 Пробирается луна,
 На печальные поляны
 Льет печальный свет она,
 По дороге зимней скучной
 Тройка борзая бежит,
 Колокольчик однозвучный
 Утомительно гремит...¹⁰⁵

Впереди — снежные холмы, на горизонте неизменно переходящие в холмы облачные... всё залито лунным серебром, нет черты, отделяющей небо от земли, и впрямь до самой Ивани казалось, что мы едем на небо по очень отлогому подъему. Но вот мигом промчавшие шесть верст сани свернули налево, проехали узкий, огражденный забором ход в усадьбу и остановились у крыльца тоже одноэтажного дома. В доме темно, и светится только на левом крыле, где большая комната Дубинского, кухня и девичья. Вошли. Мальвина Францевна только что проснулась, на лице ее выражение ужаса, в комнате тикает будильник. Оказывается, ее мучил кошмар — дьявольская лошадиная морда склонилась над ней и щелкала зубами. Надо заметить, что лошадь и наяву, и во сне может быть очень страшна (один из самых страшных сарчихос Гойи изображает кошмарную лошадь). Но наш приезд всех развеселил и оживил дом. Подали ужин. Повар Лось со своим сыном служителем Ванькой сервировали гигантские битки с жареным картофелем и с выпущенными яйцами, горячее молоко, свернутые треугольниками блинчики со сладким творогом и изюмом и много всякого добра. Пили чай со сливками и печеньем. В центре стола — граненый графин с желтой водкой, кажется, настоянной на апельсиновой корке — свой винокурный завод! Водку из спирта-сырца предпочитали очищенной казенке, считая ее более ароматной, хотя и была она гораздо вреднее казенки, освобожденной от «сивушного масла»...

Одно из ярких воспоминаний, связанных у меня с моей непонятной и пророческой страстью к машинам и вообще механической цивилизации (вроде стихов

А. Блока «Новая Америка»), — прибытие в разобранном виде жнеи-сноповязалки Маккормика¹⁰⁶. Приехал и монтер для ее сборки. Помню мельчайшие детали этого, ныне мало изменившегося и ставшего классическим, механизма, работу которого я наблюдал нынешнем летом в Pas-de-Jeu (Leux Sevres, Франция). От фирмы Mask-Cormick у меня забилось сердце, и я пошел по жнивью за машиной 53-летним седым мужчиной, как некогда ходил в Ивани и Докторовичах 7- и 8-летним мальчиком, за тем же механизмом, на седле которого сидел кучер Антон. Я ходил и вдыхал аромат созревшего и сжатого злака, земли, смазочного масла, манильского шпагата и лошадиного пота. Задним числом меня поражает эта необыкновенная, чисто американская, способность русского человека к механической цивилизации, превратившая колоссальную Российскую империю в грозную неодолимую силу. Все эти русские техники, монтеры, машинисты, землемеры, инженеры, шоферы — с какой непринужденностью овладевают они своим ремеслом и как творчески им распоряжаются. Какие колоссальные успехи сделали русские технические учебные заведения, какими профессорами они прославились, какими типами способнейших студентов, прошедших труднейшие конкурсные испытания, наполнились... Вот я вижу моего двоюродного брата Силу (Сергея) Стахурского, обложенного толстыми томами физики Хвольсона¹⁰⁷, «Анализами бесконечно малых» Тихомандрицкого¹⁰⁸, «Сопrotивления материалов» Тимошенко¹⁰⁹... С раннего утра, поднимаясь на цыпочках, чтобы не разбудить бабушку, выходит он к утреннему чаю с толстой книгой и тетрадкой, испещренной знаками интегралов. Мною овладевает жажда знаний, я упорно расспрашиваю его о тайнах алгебры, геометрии, физики, пристаю к нему, а потом и к жениху его сестры, моей кузины Оли, поручику, артиллеристу Валериану <Солоникову>, от которого я восьмилетним мальчиком получил первые сведения о сущности алгебры и ее отличии от арифметики. Мне кажется, что строгие, стройные и неоспоримые очертания точного знания, так же как и строгие, стройные и неумолимые очертания классической музыки, легли в основу образования моих вкусов, духовных склонностей и симпатий. Они ввели в русло точной и расчисленной формы разрывавших меня эмоциональных элементов, готовых растерзать меня, подобно тому, как менады растерзали Орфея. Они же и подготовили мне призвание философа-морфолога, сочетающего строгую, критическую гносеологию с метафизическим богословием, они же родили во мне тот платонизм, т. е. точную и в то же время пламенно-эротическую метафизику, которой определились и мои софиологические склонности в богословии. Тогда я еще даже не был эмбрионом метафизика-софиолога и платоника, и лишь намечалось то, что в будущем должно было меня породить духовно на свет. Старая Россия — это мое состояние до рождения, мой Ветхий Завет на небе, а война и революция — мое рождение, эмиграция — детство, отрочество и юность, и, наконец, нынешняя катастрофа — переход к зрелому возрасту.

Значит, все мои переживания до революции и эмиграции — это есть существование до рождения, в области гётевских «Матерей». И родился я, по-настоящему, как подобает, странником. Мое эмигрантство — символично. «Странник я на земле; не скрывай от меня заповедей Твоих» (Пс. 118, 19).

Зрелый возраст характеризуется чувством реальности и темпераментом бойца. Кажется, последнее у меня <...> имеет преимущество над прочими. Но это борьба в чисто духовном, идеологическом плане, что в итоге не помешает мне быть многократно раненым насмерть — и ни одна из этих ран не зажила. Мою зрелость можно охарактеризовать словами А. Блока:

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот¹¹⁰.

А что если я уже погиб и только ждет мой труп погребателей? Ибо зрелость и старость не может быть уделом таких людей, как я, и переход к зрелости и старости для них означает агонию (более или менее длинную) и смерть. Впрочем, об этом после. А теперь опять возвращаюсь к воспоминаниям, относящимся к временам Докторовичей и Слуцка.

Первое сильное художественное впечатление я получил в музыке от исполнения на фортепиано некоторых вещей классического и салонного репертуара бабушкой и Олей (кузиной). Я очень любил часами слушать упражнения и этюды, из которых мне некоторые очень нравились и были моими любимыми. Помню хорошо, что я любил или классиков, или упражнения, т. е. чистую игру элементарных гармоний и ритмов. Уже тогда у меня определилось равнодушие к пошлой музыке, очень скоро перешедшее в лютую вражду. Первое сильное художественное впечатление я получил от басен Крылова (оставшегося по сей день одним из любимейших моих писателей) и от некоторых стихов Пушкина. Прошел я и через увлечение Жюль Верном, однако не в порядке художественном, но «занимательно-авантюрном», куда относится и Робинзон Крузо. Тогда же я очень увлекся «Фрегатом Палладой» Гончарова, где сочетались авантюра и искусство. «Фрегат Палладу» читал для бабушки мой кузен Силя Стахурский. Сама же бабушка читала мне «Таинственный остров» Жюль Верна, особенно хорошо я помню одно из ее чтений, когда я был болен (моя вечная ангина). Бабушка дочиталась до сильной головной боли, и я помню коричнево-желтую муслиновую шаль вокруг ее головы.

Совершенно ясно, что целая пропасть уже тогда разделяла для меня искусство от интересной выдумки и авантюры, соединяя то и другое лишь в редких и даже редчайших случаях. Но живой человек, особенно в детстве, таков, что выдумка и авантюра имеют над ним волшебную власть, и я вполне отдавался этой власти. В Слуцке я читал с увлечением «В царстве черных», русский перевод какого-то английского автора¹¹¹. Помню эту роскошно изданную детскую книгу в голубом переплете с золотым обрезом и золотыми с черными заглавными буквами, красиво вытисненными на лазури переплета (у меня были еще две другие книги того же типа «Столетие открытий» — книга о Колумбе, Васко де Гама, Америго Веспуччи и др.<угих>, и еще книга русских приключений детского типа. Первая — красная с золотом, вторая — коричневая с коричневым обрезом и очень хорошими иллюстрациями). «В царстве черных», где речь шла о приключениях

арабского отряда, отправившегося на завоевание вглубь Черного материка, — все фигуры стали для меня живыми во плоти, что тоже не относится к художеству в строгом смысле слова. С Селимом, Калугу, Самбой, Мото и прочими персонажами я здоровался поутру и прощался вечером, ложась спать, когда M<ademois>elle Augustine L'Abbé тушила стенную лампу. Это была почти галлюцинаторная реальность, и невозможность до конца переселиться в этот мир тропического леса с его обитателями вызывала во мне острую тоску. Другой тип, более близкий к художеству, но еще не совсем художественно нарисован<ный>, вызывали немного позже читанные «Дети капитана Гранта» Жюль Верна. Эта книга долго имела для меня значение, и ее персонажи тоже были для меня дорогими товарищами. Мой милый, дорогой, добрый старик — Жюль Верн, — сколько счастья, хорошего, чистого счастья принес ты тысячам детских душ. Следует добром помянуть тебя, старого друга моего детства. Да и к тому же твои произведения проникнуты и согреты живым религиозным чувством. Ты нас не соблазнил, но очень многих научил и наставил любить Бога и ближних. И в то же время очаровал их своим волшебным вымыслом. Да сподобит тебя Бог, которого ты так любил, вечного блаженства. Сам ты был взрослое седое дитя. А таковых есть Царствие Божие. О, верю, что ты уже вошел в радость Господа твоего.

Приближалось время держать экзамены в первый класс гимназии. Первые уроки Закона Божия дала мне мама. Первые уроки арифметики — мой милый, дорогой учитель Петкевич. Как жаль, что я забыл его имя и отчество. Он же вел со мной диктовку и докончил Священную историю, грамматику и арифметику. Занимался я с удовольствием, особенно Законом Божиим и арифметикой. Я так полюбил задачник Евтушевского¹¹², что стал сам составлять задачи и даже стал писать сборник арифметических задач. Эту, т<ак> ск<азать>, творческую работу я продолжил в гимназии, стараясь придавать задачам форму интересного сюжета. Впрочем, дитя есть всегда дитя, и хотя своего учителя я очень полюбил (до сих пор ярко я помню его величественную, высокую фигуру, добрую улыбку, круглую золотистую бородку и приятный бархатно-ласковый, мягкий бас) — все же я радовался, когда он почему-либо не приходил, и я мог баклушничать и шалить, что со мной вместе делала и M<ademois>elle Augustine, заменившая к этому времени M<ademois>elle Josephine.

Время я делил между Слуцком, где зимой учился, и Докторовичами, где проводил лето. По-видимому, в это время мама неудержимо влюбилась в Нарцисса Аницетовича Дубинского, с точки зрения мужественной красоты и мощи представлявшего самый выгодный контраст с Михаилом Михайловичем Ивановским, которого можно было только жалеть за все его немощи и за доброе сердце. Но молодость жалости не знает, да еще влюбленная молодость. А маме тогда было 23–24 года, она была очень красива, женственна, грациозна и естественно влеклась к эротическому дополнению. Но для натур целомудренных и порядочных, нравственно и религиозно-культурных, впитавших лучшие традиции мировой и русской литературы, подобного рода страсть есть великая катастрофа. И я помню, как однажды ночью, проснувшись, я слышал громкие рыдания мамы, плакавшей у себя на постели... Что это были за рыдания и о чем плакала мама? О том ли, что

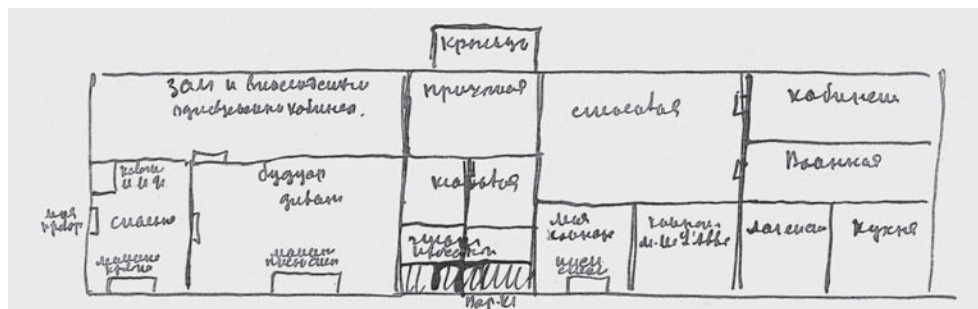
ее охватила эта оскорбительная для всей ее аристократической семьи страсть, несомненно бывшая «падением», независимо от фактического «падения»? Или это были слезы переполненного сердца... которому «широкий мир тесен» для мук и блаженства любви? Или слезы покаяния и стыда? Не знаю и никогда не узнаю. Помню только одно, что неистовая, остро-мучительная жалость пронзила меня, и я стал громко плакать вместе с мамой, разделяя сердцем ее закрытое для моего детского умишка горе. Ведь для любящего свою мать единственного дитяти слёзы родимой так же страшны и непереносимы, как и ее кровь. Но быстро подошло время крови и смертных ужасов. Мама смертельно заболела, по-видимому, в результате неловко сделанного доктором А.В. Бильдзюкевичем аборта. Помню, как дома нарастала атмосфера тревоги и неблагополучия. Помню, как мамы никогда не было дома, и она появлялась в самые неурочные часы, курила огромное количество папирос (а это у нее всегда был признак возбужденно-горестного настроения)... Помню, как Нарцисс Аницетович Дубинский постоянно появлялся и исчезал на своем велосипеде... Велосипед тогда был новинкой, и иметь его считалась признаком хорошего «буржуазного» тона, как теперь иметь автомобиль. Наш инспектор Евгений Васильевич Васильев тоже завел себе велосипед по примеру Нарцисса Аницетовича и многих других чиновников города. Ездили и ночью с масляными рефлекторными фонарями и с красными и зелеными огнями, — что было очень красиво и завлекательно. Любили очень гонки и по шоссе развивали большие скорости. Акцизный чиновник Кадди даже завел себе мотоциклетку, тогда еще очень несовершенную и постоянно портившуюся. Однако все же он на ней ездил, развивая бешеные по тому времени скорости и пугая лошадей. Помню запах резины, бензина, смазочного и горючего масла и все эти инструменты, что связаны были неизменно с велосипедом. Помню таз с водой, а в нем лопнувшую внутреннюю коричнево-красную шину, в которой Н<арцисс> А<ницетович> искал отверстие (и найдя его, он заклеивал кусочком резины и резиновым клеем, который сам приготавливал, растворяя резиновые таблетки в бензине). Саша Дубинский по примеру своего отца стал увлекаться велосипедом и был однажды в моем присутствии жестоко избит отцовской нагайкой за то, что поехал без спроса и поздно возвратился. Эта расправа вызвала во мне раз навсегда глубочайшее отвращение ко всякому палачеству, даже «педагогическому», и легла в основу той антипатии, которая впоследствии выросла у меня по адресу Нарцисса Аницетовича. Какое безумие — позволять себе такую жестокость, да еще в присутствии ребенка! Настушило время болезней. Сначала тяжело заболела Мальвина Францевна Дубинская, жена Нарцисса Аницетовича и мать Саши Дубинского. Страдала она очень сильно и долго (это была какая-то желудочно-кишечная болезнь). Мама тщательно ухаживала за женой своего возлюбленного, просиживая у ее постели целые ночи напролет и выполняя самые грязные и отвратительные процедуры. Мамочка, вообще очень сострадательная, чрезвычайно любила ухаживать за больными, кто бы они ни были, мастерски делала перевязки и все медицинские работы, и я думаю, что в ее лице Россия потеряла чрезвычайно талантливого врача. Если бы обстоятельства сложились иначе, то в лице моей мамы Россия имела бы врача-мыслителя, т<ак> ск<азать>, Пирогова-женщину. Кстати, велосипеды

эти, на которых происходила эта романтическая езда, были фирмы Дукс¹¹³, с владелицей которой, сильно напоминающей мою маму (племянницей Юлиана Брежнева¹¹⁴), я познакомился в Париже. Так скрещиваются жизненные пути.

Медленно и с трудом поправлялась Мальвина Францевна, при которой в качестве сиделки находилась еще сильно полонизированная белорусская женщина Пацлина, впоследствии переехавшая к нам в Норинск со своим гражданским мужем Сидором (Норинск — это имение, купленное мамой около 1900 г. в Волынской губернии Овручского уезда, где началась новая полоса моей жизни — отрочество и ранняя юность. Об этом, если Бог даст, речь будет впереди). Возвращаюсь к прерванному повествованию. Мальвина Францевна медленно поправлялась, и теперь наступила очередь за мамой.

Помню, некоторое время к нам стал наведываться наш гимназический врач Александр Васильевич Бильдзюкевич, сын которого, учившийся в гимназии, оказался хорошим пианистом. Помню какие-то инструменты и среди них небольшой ланцет или скальпель на очень длинной черной ручке. Это всё были женские инструменты. Среди них я еще помню какие-то т<ак> наз<ываемые> зеркала. Теперь для меня уже почти нет сомнений, что мама забеременела и ей сделали аборт. Но сделали неловко или грязно — и вот в результате тяжелая форма перитонита, который почти всегда оканчивается смертью. Но необычайно витальная и крепкая природа мамы выдержала это ужасное и мучительное воспаление брюшины, сильно, однако, отразившееся на ее здоровье. По-настоящему мама так никогда и не поправилась.

Незадолго до этой смертельной мамочкиной болезни, связанной с громадным нравственным потрясением, мне приснился вещей и очень страшный сон. Это было в Слуцке, в нашем директорском доме.

Мне снилось, что на дворе и в комнате свинцовый осенний полумрак — не то утренний, не то вечерний, скорее утренний. С тоской, с робостью прохожу я по комнатам и вхожу в мамин будуар (в стиле Louis XV), сам директорский дом в ампирическом стиле. Некоторое время не могу ничего разобрать, чувствую только свинцовую давящую тоску, тревогу и жадное желание увидеть маму. Собственно ее-то я и ищу. Мой взгляд обращается к дивану, на котором она любила читать — сидя или полулежа. Что-то страшное там делается... я подхожу совсем близко... да, это мама, но в каком виде! Лишь один ее бюст, обрубок... лицо ее подергива-

ется в судорогах жестоких мук, глаза полузакрыты, веки дрожат. Возле живота — второе лицо, но уже совершенно мертвое, полурасложившееся, желто-зеленое... Я стою над этим, что некогда было доброй стройной, красивой, высокой мамой... а теперь жалкий обрубок... не могу понять, не могу поверить тому, что случилось... из глаз поток холодных свинцовых слез, грудь сдавлена, и я поднимаю обе руки к небу с укором и мольбой. Постепенно все начинает путаться, погружается в серое ничто, и я незаметно перехожу от сна к бодрствованию, словно между тем и другим состоянием нет резкой границы и даже нет ее вовсе, словно это — одно и то же. Да и правда, разве проснулся я от этого ужаса? Ведь он продолжается, и я продолжаю стоять с поднятыми к небу руками с укором и мольбой... Кстати, это ужасное соединение стиля рококо и могильной трагедии — не есть ли символ музыки Чайковского, которого я так хорошо постиг¹¹⁵ — особенно в его трех последних симфониях и трио а-моль¹¹⁶? Здесь вообще символика трагедии всей дворянско-помещичьей и чиновничьей России¹¹⁷.

Со времени маминой болезни мистика материнской любви усилилась мистической материнской смерти. Сон о маминой смерти стал обычной печалью моих ночей, пока наконец этот сон не осуществился. Но я был далеко, и маминой смерти не видел... Но ее смертные муки видел, и запах лекарств и аптеки стал для меня с тех пор многозначительным и полным смысла... Пиявки, эфир, йод, горчичники, сулема — все это неразлучные спутники страдающего человека и не столько лекарства, сколько символы. Помню, как маме ужасно густо мазали йодом живот до того, что кожа сходила клоками... и до сих пор мое сердце исходит тоскою, когда я вспоминаю ее худые, прозрачные пальцы, снимавшие эти страшные черно-коричневые лоскутья кожи, и ее жалкую страдальческую улыбку. Это происходило на том же самом месте, в мамином будуаре, которое я видел во сне, предсказавшее мне тяжелое событие. Помню, как в первый раз оправившуюся маму подняли, и она, водимая под руки двумя*, сделала несколько шагов по комнате.

Приблизительно около этого времени мама сдружилась с простой и очень красивой девушкой Аннушкой, такой же пышной, высокой, как мама. Помню, как часто Аннушка с неизменной грустной улыбкой начинала говорить с мамой вполголоса и очень ее утешала, поила чаем, угощала, чем могла. Потом уже, став взрослым юношей, я узнал, что Аннушка была жертвой обмана со стороны одного гнусного молодого человека, которому она отдала всё — от своего тела до своих жалких грошей. Получив образование на счет Аннушки и «выйдя в люди», этот бесчестный человек бросил ее, навсегда разбив ее сердце, и поселил в ней недоверчивость, разочарование, горечь. Мама вообще влеклась к униженным и оскорбленным и всегда любила врачевать духовные язвы, подобно тому как она любила врачевать язвы телесные. Мамочка не знала в таких случаях ни счета деньгам, ни счета времени. Вся целиком отдавалась страдальцу. И это — до конца своих дней. Незадолго до своей смерти мама ухаживала за каким-то несчастным парализованным старцем в Житомире, носила ему воду, убирала за ним, рубила дрова для него (это было уже при большевиках). На этом слегла и уже больше не вставала. Я верю в святость моей мамы и в ее молитвенное заступничество. К тому же мама

* Так у автора.

была усердная благоговейная молитвенница, и у нее в комнате было множество икон, окружавших центральную большую икону — кажется, художественную копию Козельщанской Божией Матери¹¹⁸. Маленькую копию этой иконы, бабушкино благословение дяди Володи, я ношу на себе. Этим медальоном-иконой дядя благословил меня в день моего брака. Эта же икона спасла дядю (ныне покойного) на войне от ядовитых газов. Носоглотка была сильно обожжена, обоняние уничтожено, но он уцелел и прожил еще 30 лет¹¹⁹.

Пожары... и во сне и наяву они играли для меня очень большую мистико-символическую роль. Поэтому я в младенческом возрасте воспринял сразу роковую красоту огня (напр<имер>, в баснях Крылова), а позже глубинно постиг этюд Feux-Follets (Irrlichter) Листа (В-dur, чрезвычайно трудный)¹²⁰, Flug <1 сл. нрзб.> Валькирий Вагнера¹²¹, «Flammes sombres» Скрябина, его «Прометей»¹²² и ἔκλυρρωσις¹²³ Гераклита, Анаксимандра, стоиков... Об этом я хотел писать целую работу. С жутким наслаждением перечитывал в младенчестве эти строки:

Смотри, как все усилия людей
Против себя я презираю,
Как с треском, что ни встречу пожираю,
И зарево мое, играя в небесах
Окрестностям наводит страх¹²⁴.

Греческое слово Πῦρ¹²⁵ я переживал как имеющее серный запах и во вздохах паровоза подходившего к станции Осиповичи скорого поезда ясно слышал звук Пор...

Уже в юности я нашел для себя, как для русского человека расшифровку этого символа в стихах Блока.

Я слышу рокот сечи
И трубные клики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар¹²⁶.

Огонь пожара и огонь молнии и грозы, каждый по-своему стал для меня мистическим и онтологическим символом, также и символом историософским — особенно касательно России, так же как символическое внутреннее видение (сон наяву) о кровавой реке... горькие слезы пролил я об этом видении в детстве. Думаю, эта изощренность чувств, помимо природной наследственности, коренилась еще в той атмосфере классической утонченности, которой, несмотря на все свои дефекты, была пропитана гимназия. Звуки античных классических языков, картины античной классической жизни, которыми были увешаны стены гимназии, атмосфера физики и математики, так хорошо согласовавшаяся с περὶ θυσεος¹²⁷ ионийских натурфилософов и с физико-математикой пифагорейцев и неоплатоников (говоря о настроениях*) — все это созидало культуру моей души и ложилось в основание ее утонченности. Еще семилетним мальчиком я обратил вни-

---

* Так у автора.

мание на изображение античных актеров в масках. Звуки латинского и греческого языков я обожал... В эту же пору я с жадностью слушал рассказы взрослых о положительном и отрицательном электричестве в облаках, соединение которого производит молнию. Я жадно читал физику Малинина¹²⁸ и списывал ее целыми страницами, делал опыты и добывал электричество с помощью примитивного электрофора (железный поднос на двух изолирующих стаканах, газетная бумага высушивается на кафеле нагретой печки и растирается шерстяным рукавом гимназической рубашки — это уже было в первом классе гимназии). Одним словом, я в миниатюре проходил путь античного духа! Природа, искусство, трагедия, религия, философия, наука. Все это было в равновесии и не только не вытесняло религии, но еще укрепляло ее. В одиннадцать лет вспыхнуло пламя первой любви, и я пережил сладость поцелуя. Дух мой воспламенился еще больше, и для него настала пора молодого платонизма. В общем, все происходило под небом Эллады и под звуки ее «божественной речи», ибо всё от нее — и древняя философия, и трагедия, и Евангелие царства. О, возлюбленная Эллада... Как это было по-гречески! Naturфилософия и трагедия... размышления о законах природы и орфические таинства, где соединились <1 сл. нрзб.> эротика и религиозная тайна бытия... Боги олимпийские и хтонические...

Только российская имперская культура могла совершить это перенесение Эллады в область Полесья и Пинских болот... и за это я всегда буду помнить ее добром — до моего последнего издыхания. О, что это за чудо — соединение двух культур и, кроме того, соединение языческого классицизма и евангельского и отеческого христианства со всем благолепием православной литургии, красоту которой я постигал чуть ли не с 2-х лет и которую сознательно начал изучать по своей воле с первого же класса гимназии. В эту же эпоху я начал ощущать государство как нечто священное, и это ощущение священности государства не мешало моему свободолюбию, духу протеста и возмущения — и странно антиномическим образом гармонировало с ним. Мне теперь кажется, что печальное и страшное видение кровавой реки есть видение субстанции Анаксимандра, из которой все вещи возникли и в которую они возвратятся с необходимостью, <...> платя друг другу покаяние и воздаяние по порядку времени.

...Вот я, семи- или восьмилетним мальчиком, горько рыдаю от того, что вижу внутренним взором неприветливый скалистый пейзаж и среди этих мрачных утесов — кровавую речку... в которой плывет качаясь труп пронзенного в сердце человека... кажется, это труп молодой и прекрасной женщины, убитой злым и жестоким негодяем, захотевшим от нее отделаться.

На этой почве у меня и возникла очень рано идея мстящей справедливости и воздающего закона — вот это самое, о чем говорит фрагмент Анаксимандра...¹²⁹ И все это сбилось на самом ионийском натурфилософе-метафизике: в 494 г. Милет разрушен¹³⁰, и кровавая пучина поглотила прекрасную страну и гениального мыслителя. Всё обрывается сразу... Не это ли я бессознательно оплакивал, надрываясь в рыданиях перед страшным кровавым видением...

¹ Цитата из доклада В.В. Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» в Санкт-Петербургском религиозно-философском обществе (21 ноября 1907 г., доклад вошел в книгу: [Розанов 1911]). См. также: [Религиозно-философское общество 2009, т. 1, с. 149].

² В.Н. Ильин неточно цитирует «Опавшие листья» В.В. Розанова (запись от 2 июля 1912 г.). У Розанова: «Попы — медное войско около Христа». Далее Розанов пишет: «все-таки попы мне всего милее на свете».

³ Мейер Георгий Андреевич (1894–1966) — публицист, философ, литературовед. С 1920 г. в эмиграции. С 1923 г. жил во Франции. С 1925 г. сотрудник газеты «Возрождение». В 1934–1937 гг. В.Н. Ильин написал множество статей для газеты «Возрождение», с которой прекратил сотрудничество после ссоры с Г.А. Мейером. По словам В.Н. Ильина, Г.А. Мейер, «...сидя в редакции, наполнял мои статьи бранными выходками, которых у меня не было в оригинале, делал это, несомненно, со злым умыслом повредить мне и дискредитировать меня до конца в глазах общества» [Ильин 1997, с. 183].

⁴ Вероятно, имеется в виду Михаил Константинович Горчаков (1880–1961), светлейший князь, основатель парижского издательства «Долой зло», целью которого был выпуск книг, посвященных «опасной для человечества работе темных сил, масонства, сектантства, социализма и иудаизма». Этим издательством, в частности, была выпущена книга «Сионские протоколы» (Париж, 1927) с предисловием кн. М.К. Горчакова.

⁵ Сувчинский Петр Петрович (1892–1985) — музыковед, литературный критик, публицист. Один из лидеров евразийского движения. С 1918 г. в эмиграции. Жил в Болгарии, затем в Германии, где познакомился с В.Н. Ильиным и привлек его к участию в евразийском движении. В.Н. Ильин печатался в «Евразийской хронике», «Евразийском временнике», газете «Евразия». В 1929 г. он не принял просоветскую идеологию П.П. Сувчинского и его парижской евразийской группы, участвовал в сборнике «О газете “Евразия” (газета “Евразия” не есть евразийский орган)» (Париж, 1929). В 1934 г. В.Н. Ильин официально вышел из евразийского движения.

⁶ Из стихотворения С.А. Есенина «Чую радуницу Божью» (1914).

⁷ Арий (ок. 260–336) — александрийский священник, основатель еретического арианского учения.

⁸ Из стихотворения В.Ф. Ходасевича «Баллада» (1921).

⁹ В небольшом поселке Гарансьер под Парижем в годы Второй мировой войны снимала квартиру Евгения Николаевна Берг, саяченица В.Н. Ильина. В этой квартире часто находили прибежище Вера Николаевна с дочерью Еленой и теща Ильина — Зинаида Львовна Пундик.

¹⁰ «Посвящение» (нем.).

¹¹ И.-В. Гёте, «Посвящение» из трагедии «Фауст»:

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне заставивши кругозор.
Ловлю дыханье ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.

.....
И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне.
Эоловою арфой прорыдало
Начало строф, родившихся вчерне.
Я в трепете, томленье миновало,
Я слезы лью, и тает лед во мне.
Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.
(Перевод с нем. Б.Л. Пастернака.)

¹² Из стихотворения А.А. Фета ««Поделись живыми снами...» (<1847>).

¹³ «Тускуланские беседы» (осень 45 г. до н. э.) написаны Цицероном за два года до смерти и состоят из пяти книг, представляющих конспект лекций, будто бы прочитанных перед обширной аудиторией, с изложением взглядов по важнейшим жизненным вопросам.

¹⁴ Цитата из «Тускуланских бесед» (Кн. I. V. 9): «Стало быть, несчастны и те, кто уже умер, и те, кому это еще предстоит» (пер. с лат. М.Л. Гаспарова).

¹⁵ В.Н. Ильин подразумевает раздел «Свобода самосознания: стоицизм, скептицизм и несчастное сознание» в книге Гегеля «Феноменология духа» («Phänomenologie des Geistes», 1807). Гегель писал о стоицизме: «...общие фразы об истинном и добром, о мудрости и добродетели, от которых он не мог уйти, поэтому хотя в общем и возвышенные, но так как на деле они не могут способствовать развитию содержания, то они скоро начинают надоедать» [Гегель 1992, с. 158].

¹⁶ Слово умирающего (*фр.*).

¹⁷ Бесконечно приближающаяся (понятие, используемое в математическом анализе).

¹⁸ *Minderwertigkeitsgefühl* (*нем.*), *complexe d'infériorité* (*фр.*) — комплекс неполноценности.

¹⁹ О взаимоотношениях В.Н. Ильина и Н.А. Бердяева см. материалы, опубликованные в рубрике «Религиозно-философский архив русской эмиграции» журнала «Звезда» (с. 169–189): [Безносос 1997; Сазанович (Ильин) 1997; Ильин 1997; Бронникова 1997].

²⁰ Духовным отцом В.Н. Ильина о. Сергей Булгаков стал после кончины о. Александра Ельчинова (1881–1934).

²¹ Персонажи повести Л.Н. Толстого «Казачьи».

²² Первая симфония си-бемоль мажор Р. Шумана (1841), одно из любимейших произведений В.Н. Ильина.

²³ Имеется в виду Готшалк или Готшалк из Орбе (Gottschalk; Годескальк, Готескальк, что на древнемецком означает «раб Божий», ок. 803 — ум. ок. 868), саксонский богослов, философ, поэт, монах. Проповедовал учение о предопределении.

²⁴ В.Н. Ильин на основе собранного им материала по истории средневековой философии в течение почти трех десятилетий читал лекции на эту тему в Институте св. Дионисия в Париже, значительная часть лекций хранится в ДРЗ (Ф. 31. Оп. 1. Д. 402–406). Лекция, посвященная Готшалку, в ДРЗ отсутствует.

²⁵ Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Когда надежде недоступный...» (между 1835 и 1841). У Лермонтова: «Не обожай ничью святыню / Нигде приют себе не строй».

²⁶ Сазанович (Созанович, Сазонович) Владимир Федорович (1865, по др. сведениям 1863–1943) — генерал-лейтенант (генерал-майор), общественный деятель. Участник Первой мировой и Гражданской войн; командовал 2-й Гренадерской артиллерийской бригадой (1915–1917). В эмиграции во Франции, жил в Париже. Председатель Общества русских гренадер, член Объединения бывших воспитанников Полоцкого кадетского корпуса и др.

²⁷ В.Н. Ильин неточно цитирует две строки из эпиграфа к стихотворению Г.Р. Державина «Бог» (1784) и четыре строки из его же стихотворения «На смерть князя Мещерского» (1779). У Державина: «Река времен в своем стремленье / Уносит все дела людей», «Глагол времен! металла звон! / Твой страшный глас меня смущает; / Зовет меня, зовет твой стон, / Зовет — и к гробу приближает».

²⁸ В стихотворении А.А. Фета «Ничтожество» (1880): «Тебя не знаю я».

²⁹ Скорее всего, речь идет о немецком живописце и скульпторе Франце фон Штуке (Franz von Stuck; 1863–1928).

³⁰ Пьеса П.И. Чайковского «Rêverie du soir» («Вечерние грезы») (Op. 19).

³¹ Имеется в виду Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 г.

³² Абельяр Пьер (Abélard/Abailard; ок. 1079–1142) — французский философ и теолог-схоласт. Известна его автобиография «История моих бедствий» («Historia calamitatum mearum»).

³³ В.Ф. Сазанович.

³⁴ Ср.: (Отк. 22, 2).

³⁵ Из стихотворения А.А. Фета «А.Л. Бржежской» (1886).

³⁶ В.Н. Ильин цитирует в церковнославянском переводе 1-е Соборное Послание апостола Иоанна Богослова. В русском Синодальном переводе: «Возлюбленные! Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем» (1 Ин. 3, 2).

³⁷ Аллюзия на название цикла из семи романов французского писателя Марселя Пруста «À la recherche du temps perdu», опубликованного в 1913–1927 гг. (в русском переводе: «В поисках утраченного времени»). В дневнике В.Н. Ильин размышлял о том, как он может написать свои воспоминания: «...думаю о писании “Пережитого”, чем это должно быть? Вроде “Былого и дум” Герцена, вроде “Recherche du temps perdu” Марселя Пруста или вроде оживляющего воспоминания, как в “Синей птице” Метерлинка?» (запись от 1 февраля 1942 г. // Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп.1. Д. 4. Л. 29).

³⁸ В.Н. Ильин использует теософский и антропософский термин (более распространенный вариант — «Хроники Акаши»), который означает мистическое знание, включающее совокупный опыт человечества и объясняющее способность к ясновидению.

³⁹ Хутор Россоховский находился в Народицкой волости Житомирского уезда Киевской губернии.

⁴⁰ Василий Буслаев — герой новгородских былин, идеал молодецкой удали и бесшабашности.

⁴¹ Личность, дело, эмоциональное мышление (нем.).

⁴² Из стихотворения А.А. Фета «На железной дороге» (1859–1860).

⁴³ Имеется в виду «Могучая кучка» — творческое содружество композиторов (М.А. Балакирева, М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, Н.А. Римского-Корсакова, Ц.А. Кюи), теоретика музыки В.В. Стасова, действовавшее в Петербурге в конце 1850-х — 1870-е гг. и занимавшееся изучением фольклора и возможностей воплощения в музыке русской национальной идеи.

⁴⁴ См. статьи В.Н. Ильина о Шумане, написанные осенью 1956 г. к 100-летию со дня смерти композитора: «Роберт Шуман и проблемы литературно-музыкального романтизма» и «Роберт Шуман — великий романтик и поэт в звуках» (Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 391).

⁴⁵ Речь идет о сонате № 1 *fis-moll* Р. Шумана (Op. 11; 1833–1835).

⁴⁶ Речь идет об аббате Эммануэле Жозефе Сийесе (Сиейес) (Sieyès; 1748–1836), французском политическом деятеле периода Великой французской революции. Ему принадлежит фраза, ставшая крылатой: «Что такое третье сословие? Всё. Чем оно было до сих пор при существующем порядке? Ничем. Что оно требует? Стать чем-нибудь».

⁴⁷ Речь Шарля Мориса де Талейрана-Перигора (Talleyrand-Périgord; 1754–1838), французского политика и дипломата, министра иностранных дел при нескольких режимах, была афористична, многие его высказывания стали крылатыми выражениями.

⁴⁸ «Тот, кто не жил при старом режиме, тот не знает сладости жизни» (фр.) — слова Ш.М. Талейрана, приводимые в мемуарах Ф.П.Г. Гизо: «Qui n'a pas vécu dans les années voisines de 1789 ne sait pas ce que c'est que le plaisir de vivre» («Тот кто не жил до 1789 г., тот не знает всей сладости жизни»).

⁴⁹ Тайна, внушающая страх (лат.).

⁵⁰ Неточная цитата из стихотворения В.С. Соловьева «Мы сошлись с тобой недаром...» (1892). У Соловьева: «Свет из тьмы. Над черной глыбой / Вознестися не могли бы / Лики роз твоих, / Если б в сумрачное лоно / Не впивался погруженный / Темный корень их».

⁵¹ Скорее всего, речь идет о городе и железнодорожной станции Барановичи Полесские.

⁵² Соната № 11 для фортепьяно *A-dur*, 3 часть «Rondo a la Turka» («Рондо в турецком стиле») В.-А. Моцарта.

⁵³ В роду баронов Меллер-Закомельских было много известных военных деятелей. Однако выявить биографические сведения об адмирале Петре Меллер-Закомельском не удалось.

⁵⁴ Крейтер Владимир Владимирович (1888–1950) — полковник (1917), генерал-майор (1920). Окончил Суворовский кадетский корпус (1907), Николаевское кавалерийское училище (1909) и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны: офицер и начальник Сумского гусарского полка; офицер в штабе 3-й кавалерийской дивизии, с апреля 1917 г. начальник штаба этой дивизии. В октябре 1918 — июле 1919 г. начальник отдела в штабе Добровольческой армии и начальник штаба бригады, затем до марта 1920 г. начальник штаба 1-й и 2-й кавалерийских дивизий. В апреле–октябре 1920 г., после эвакуации в Крым, командир 1-й кавалерийской дивизии Русской армии генерала П.Н. Врангеля, затем командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Эвакуирован из Крыма в ноябре 1920 г. В межвоенный период жил в Панчево (Сербия), в начале 1920-х гг. служил в сербской пограничной страже. Во время Второй мировой войны служил в Русском Охранном корпусе, в конце войны принял штаб корпуса. После войны переехал в Германию, умер в Дахау (под Мюнхеном).

⁵⁵ Анаморфоз (греч. образ, форма) — конструкция, созданная таким образом, что в результате оптического смещения некая форма, недоступная поначалу для восприятия как таковая, складывается в легко прочитываемый образ.

⁵⁶ Цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Рыцарь на час» (1862).

⁵⁷ Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Я — Гамлет. Холодеет кровь...» (1904). У Блока: «И гибну, принц, в родном краю / Клинком отравленным заколот».

⁵⁸ В.В. Розанов был штатным сотрудником газеты «Новое время» А.С. Суворина с 1898 г. и до ее закрытия в 1917 г.

⁵⁹ Аллегорическая сказка В.М. Гаршина (1880).

⁶⁰ Соответственно (*лат.*).

⁶¹ «Моя вина, моя вина, моя величайшая вина!» (*лат.*) — формула покаяния у католиков.

⁶² (Пс. 37, 6).

⁶³ Неточная цитата из стихотворения Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского». У Державина: «Где стол был яств, там гроб стоит; / Где пиршеств раздавались лики, / Надробные там воют клики / И бледна смерть на всех глядит».

⁶⁴ Майер Генрих (Maier, Mauger; 1867–1933) — немецкий философ и психолог. Профессор университетов Цюриха (с 1900 г.), Тюбингена (с 1901 г.), Геттингена (с 1911 г.), Гейдельберга (с 1918 г.), Берлина (с 1920 г.). В книге «Психология эмоционального мышления» (Тюбинген, 1908; рус. пер. 1914) предложил классификацию форм человеческого мышления, в которой особое место отвел аффективному мышлению.

⁶⁵ В архивном фонде В.Н. Ильина сохранились небольшие воспоминания «Лики моих видений покойного государя», где он пишет о том, что дважды видел императора Николая II: в сентябре 1911 г. при освящении отреставрированного храма св. Василия в окрестностях г. Овруча близ имения Норинск (Киевская губ.), принадлежавшего матери Владимира Николаевича, и, вероятно, 27 января 1915 г. во время приезда императора в Киев (Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 672. Л. 1, 2, 4).

⁶⁶ На улице Дарю в Париже находится храм св. Александра Невского.

⁶⁷ В дни торжеств по случаю коронации 14 (26) мая 1896 г. императора Николая II на окраине Москвы на Ходынском поле 18 (30) мая было организовано народное гуляние, в результате произошедшей там массовой давки погибли или были покалечены несколько тысяч человек.

⁶⁸ Вопрос чести (*фр.*).

⁶⁹ Рубинштейн Николай Григорьевич (1835–1881) — пианист, дирижер, педагог. Основатель Московской консерватории и ее первый директор (с 1866 г.).

⁷⁰ Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) — писатель, литературный критик, мемуарист. В.Н. Ильин подразумевает его автобиографические книги «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858).

⁷¹ Из стихотворения А.С. Хомякова «Киев» (1839).

⁷² У Хомякова: наш.

⁷³ Из стихотворения А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» (1825).

⁷⁴ Факт (*нем.*).

⁷⁵ Здесь: видимость и правда (*нем.*).

⁷⁶ См. коммент. 38.

⁷⁷ «То, что нас в жизни огорчает / В искусстве охотно услаждает» (*нем.*). Неточная цитата из «Фауста» И.-В. Гёте: «Was im Leben uns verdrießt, / man im Bilde gern genießt».

⁷⁸ Искусство и воспоминание (*нем.*).

⁷⁹ Искусство и поиск утраченного времени (*фр.*).

⁸⁰ См. коммент. 35.

⁸¹ Из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

⁸² Городецкая Надежда Даниловна (1901–1985) — писательница, богослов, журналистка. В 1919 г. через Константинополь попала в Югославию, училась в Загребском университете. С 1924 г. жила во Франции, в 1934 г. переехала в Англию. В дальнейшем стала профессором Оксфордского университета.

⁸³ Из книги А. Шопенгауэра «Афоризмы житейской мудрости» («Lebensweisheit»), где приводятся слова Фауста (И.-В. Гёте): «Всякие люди бывают» (*нем.*) (в переводе Б.Л. Пастернака эта фраза звучит так: «Что же делать, уж такой чудила» — 1-я часть, сцена «Сад Марты»).

⁸⁴ Бой не на жизнь, а на смерть (*нем.*).

⁸⁵ Из работы А. Шопенгауэра «Parerga und Paralipomena» <<Примечания и дополнения>> (1851): «Поскольку его настоящая индивидуальность, т. е. его моральный облик, его познавательные способности, его характер, его физиономию и прочее никто не может изменить, мы теперь его сущность проклянем, так что ему ничего другого не останется, как бороться с нами как со смертельным врагом» (*нем.*).

⁸⁶ Кейзерлинг Герман (Keyserling; 1880–1946) — немецкий философ, автор работ по антропологии и философии культуры. В.Н. Ильин ссылается на его работу «Южноамериканские размышления» («Südamerikanischen Meditationen», 1932).

⁸⁷ Слуцкая мужская гимназия — одно из старейших учебных заведений Белоруссии, основанное в 1617 г. Янушем Радзивиллом: первоначально это была кальвинистская школа, затем гимназия,

с 1778 г. — публичное евангелическое училище, с 1809 г. — публичное уездное училище, с 1868 г. — государственная классическая мужская гимназия; в настоящее время это гимназия № 1 с углубленным изучением английского языка.

⁸⁸ М.М. Ивановский окончил курс Петербургского историко-филологического института, преподавал латинский и греческий языки, с 9 августа 1891 г. директор Слуцкой мужской гимназии; председатель правления Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Слуцкой гимназии, товарищ председателя Слуцкого комитета попечительства о народной трезвости, член Слуцкого отделения Минского епархиального училищного совета; награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава 3-й степени, серебряной медалью в память императора Александра III (см.: [Отчет о состоянии Слуцкой гимназии... 1899, с. 8; Глебов 1903, с. 188]). Ивановский был уважаемым человеком в городе, в ежегодных отчетах Слуцкой гимназии отмечались положительные изменения в организации учебного процесса и хозяйственные улучшения во время его директорства.

⁸⁹ «Стаканчик Клико» (*фр.*) — из рефрена популярного вальса А. Райналя «La valse du Cliquot».

⁹⁰ Речь идет о фортепьянной пьесе «Воронья свадьба» (*нем.*) из цикла «Норвежские танцы и песни» (1870), оп. 17, № 25.

⁹¹ Каменное здание Слуцкой гимназии, двор которой описывает В.Н. Ильин, было построено в 1829–1838 гг. по проекту профессора архитектуры Виленского университета К. Подчашинского. До сих пор там располагается один из корпусов гимназии. Здание признано памятником архитектуры эпохи классицизма.

⁹² Знаменский Николай Петрович — статский советник, учитель русского языка, инспектор Слуцкой гимназии с 1 августа 1891 г. по 1 июля 1897 г. [Глебов 1903, с. 188].

⁹³ Вероятно, В.Н. Ильин не цитирует Н.А. Бердяева, а передает общий смысл его слов. По смыслу к приведенной фразе близки высказывания Бердяева из книги «Философия неравенства» (1923): «В революции не бывает и не может быть свободы, революция всегда враждебна духу свободы»; «Дух революции, дух людей революции ненавидит и истребляет гениальность и святость, он одержим черной завистью к великим и к величию, он не терпит качеств и всегда жаждет утопить их в количестве» [Бердяев 1990, т. 4, с. 260, 262].

⁹⁴ «Traumeswirren», фантастическая пьеса Р. Шумана для фортепьяно (Op. 12).

⁹⁵ Е.В. Васильев — статский советник, заслуженный преподаватель русского языка, инспектор Слуцкой гимназии с 11 июня 1897 г. (см.: [Глебов 1903, с. 188; Отчет о состоянии Слуцкой гимназии... 1899, с. 8, 9]).

⁹⁶ Сладость жизни (*фр.*).

⁹⁷ Финк Евгений Иванович (псевд. Эйжений; 1885–1958) — фотограф, экстрасенс, предсказатель, жил в Латвии. В 1941–1953 гг. отбывал наказание в Сибири как враг народа.

⁹⁸ В Архиве ДРЗ сохранилась 1-я часть этой симфонии, написанная 28 июля — 14 сентября 1933 г.

⁹⁹ Из стихотворения В.Ф. Ходасевича «День» (1921).

¹⁰⁰ Из стихотворения А.С. Пушкина «Вишня» (1815).

¹⁰¹ Ольга Александровна Персиянова — дочь С.Н. Персияновой (урожд. Чаплиной), сестры Веры Николаевны Ильиной.

¹⁰² Как такового (*лат.*).

¹⁰³ Из стихотворения А.С. Пушкина «Красавица» (1832), написанного в альбом графини Е.М. Завадовской.

¹⁰⁴ Слуцкую мужскую гимназию окончил Антон Антонович Петкович (псевд. Адам Плут; 1823–1903), польский и белорусский писатель, публицист. Скорее всего, любимым учителем В.Н. Ильина был кто-то из его родственников.

¹⁰⁵ Из стихотворения А.С. Пушкина «Зимняя дорога» (1826).

¹⁰⁶ Речь идет о широко использовавшейся молотилке (первоначально на конной тяге), изобретенной Сайрусом Холлом Маккормиком (McCormick; 1809–1884) и его отцом. Изобретение было запатентовано в 1834 г., затем неоднократно усовершенствовалось. Для реализации механизма была создана компания McCormick Harvesting Machin Company, в 1902 г. ставшая частью International Harvester.

¹⁰⁷ Речь идет о «Курсе физики» (т. 1–4, 1897–1915), имевшем несколько изданий. Его автор — О.Д. Хвольсон (1852–1934), ученый, педагог, член-корреспондент Петербургской АН, почетный член АН СССР.

¹⁰⁸ Скорее всего, имеется в виду «Курс дифференциального и интегрального исчисления» (Харьков, 1903) М.А. Тихомандрицкого (1844–1921), доктора чистой математики, профессора Харьковского университета.

¹⁰⁹ Речь идет об одном из учебных пособий: или о «Курсе сопротивления материалов» (1911), или о «Курсе теории упругости» (т. 1, 2, 1914–1916), оказавших значительное влияние на инженерное образование не только в России, но и за рубежом. Их автор Степан Прокофьевич Тимошенко (1878–1972), ученый-механик, профессор Киевского политехнического института и декан его инженерно-строительного факультета, в 1912–1917 гг. консультант при постройке судов русского военного флота; после Октябрьской революции выехал через Крым в Константинополь, жил и работал в Югославии, США, ФРГ.

¹¹⁰ Из стихотворения А.А. Блока «Я — Гамлет...» (1914).

¹¹¹ Речь идет о книге «В царстве черных» («In darkest Afrika») английского путешественника, исследователя Африки, журналиста Генри Мортон Стэнли (Stanley; 1841–1904). В книге описывается его третье путешествие в Центральную Африку в 1886–1889 гг. в район реки Конго для освобождения немецкого путешественника и колониального деятеля Эмина-Паши (Э. Шнитцера). Книга была переведена на русский язык в 1905 г. М.Д. Танстрем.

¹¹² Имеется в виду широко распространенный в России и выдержавший десятки изданий «Сборник арифметических задач» В.А. Евтушевского (1836–1888), математика, педагога; преподавал математику великому князю цесаревичу Николаю Александровичу и великому князю Георгию Александровичу.

¹¹³ Обрусевший немец Юлий Александрович Меллер (1865–1944), спортсмен, изобретатель, скорее всего, дальний родственник В.Н. Ильина, открыл в 1895 г. в Москве мастерскую по производству велосипедов, преобразованную в 1900 г. в акционерное общество. Кроме велосипедов общество производило также паровые автомобили, моторные велосипеды, мотоциклы и др. В 1914–1917 гг. фирма стала основным поставщиком техники для русской авиации. После Октябрьской революции национализирована, ее бывший владелец остался жить и работать в Москве.

¹¹⁴ В 1915 г. Ю.А. Меллер из патриотических соображений взял фамилию жены и стал Брежневым.

¹¹⁵ П.И. Чайковский был одним из любимейших композиторов В.Н. Ильина, написавшего несколько статей о творчестве композитора. Так, в статье «Чайковский и русская симфония» Ильин писал, что «...творческое его наследие в количественном и качественном отношении <...> могло бы сделать честь целому поколению композиторов» ([Ильин 1965, с. 58], см. журнал «Вопросы философии», 2014, № 10, с. 86). См.: Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 583, 584, 588.

¹¹⁶ В.Н. Ильин пишет о следующих симфониях П.И. Чайковского: № 4 (f-moll), ор. 36 (1877); № 5 (e-moll), ор. 64 (1888); № 6 (h-moll) «Патетической», ор. 74 (1893). Пятую и шестую симфонии, написанные композитором в последние годы жизни, В.Н. Ильин характеризовал, наряду с некоторыми другими сочинениями, как «пожар творчества», а шестую симфонию называл «величайшим симфоническим произведением России девятнадцатого века <...> поэмой смерти» [Ильин 1965, с. 75, 78]. Упоминанное трио для фортепиано, скрипки и виолончели (a-moll) «Памяти великого художника», ор. 50 (1882) посвящено Н.Г. Рубинштейну, у которого училась Н.П. Чаплина, бабушка Владимира Николаевича. В трио, по мнению В.Н. Ильина, сосредоточены «все свойства прекрасной музыки» Н.Г. Рубинштейна — «рыдающая печаль», «мощь, яркая русскость», «громадная техника» [Там же, с. 73].

¹¹⁷ В дальнейшем этот тезис В.Н. Ильин сформулирует следующим образом: «Музыка Чайковского глубоко человечна и, конечно, ни в какой степени не классовая... но стиль Чайковского, его внешний стиль (ибо есть еще стиль внутренний) — дворянско-помещичий и притом скорее приближающийся к духу эпохи императора Александра III» [Там же, с. 61].

¹¹⁸ Козельщанская икона Божией Матери — один из наиболее почитаемых образов Русской Православной Церкви. Привезена в Россию из Италии одной из придворных дам императрицы Елизаветы Петровны, в XIX в. находилась на Украине и принадлежала роду Капнистов. После чудесного излечения Марии Капнист в 1881 г. для иконы был построен храм, преобразованный в женский монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В настоящее время икона находится в Красногорском Покровском женском монастыре (Киевской епархии).

¹¹⁹ В.Ф. Сазанович, будучи командиром 2-й гренадерской артиллерийской бригады, воевавшей в районе города Барановичи, летом 1916 г. участвовал в боях с применением отравляющих веществ русской и германской сторонами. Скончался 18 ноября 1943 г. в госпитале св. Анны в Париже.

¹²⁰ Этюд № 5 Ф. Листа «Блуждающие огни» из цикла «Этюды трансцендентного исполнения» («Этюды высшего исполнительского мастерства»; 1-я ред. 1826).

¹²¹ «Полет Валькирий» («Der Flug Walkirii», «Walkürenritt» или «Ritt der Walküren») — начало 3-го действия оперы Р. Вагнера «Валькирия» (1856), второй из четырех опер цикла «Кольцо нибелунга»; одно из наиболее известных произведений композитора.

¹²² «Flammes sombres» — танец «Темное пламя» (Op. 73. № 2) из цикла А.Н. Скрябина «Два танца» (1914); «Прометей, Поэма Огня» — сочинение А.Н. Скрябина для большого оркестра, фортепиано, хора и органа (Op. 60; 1909–1910).

¹²³ Εκπύρωσις — мировой пожар (*греч.*).

¹²⁴ Неточная цитата из басни И.А. Крылова «Пожар и алмаз» (1813–1814). У Крылова: «Смотри, как все усилия людей / Против себя я презираю; / Как с треском всё, что встречу, пожираю — / И зарево мое, играя в облаках, / Окрестностям наводит страх!»

¹²⁵ Πῦρ — огонь (*греч.*).

¹²⁶ Неточная цитата из цикла стихотворений А.А. Блока «На поле Куликовом» (1909). У Блока: «Я слушаю рокоты сечи / И трубные крики татар, / Я вижу над Русью далече / Широкий и тихий пожар».

¹²⁷ Περὶ φύσεως — природой (*греч.*).

¹²⁸ Скорее всего, имеются в виду «Начальные основания физики для городских училищ и учительских семинарий» (М., 1875; 5-е изд. 1891), учебное пособие А.Ф. Малинина (1835–1888), педагога.

¹²⁹ От сочинения древнегреческого философа Анаксимандра (ок. 611 — 545 гг. до н. э.) сохранилась лишь одна фраза в комментариях Симпликия к «Физике» Аристотеля: «А из каких <начал> вещам рождение <...> назначенный срок времени» [Фрагменты... 1989, ч. I, с. 117]. Эта фраза и мысли Анаксимандра, известные в пересказе других античных философов, обросли множеством интерпретаций, одну из которых предложил и В.Н. Ильин.

¹³⁰ Милет, самый могущественный и богатый из ионийских городов Малой Азии, был разрушен после подавления восстания против персидского владычества.

«ДУШЕВНО ВАША С. ПРЕГЕЛЬ»

Переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым,
1938–1971 гг.

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии
П.А. Трибунского и В. Хазана*

Авторы нижепубликуемой переписки в подробном представлении не нуждаются: имена Софии Юльевны Прегель (20 декабря 1896 / 2 января 1897¹ — 1972) и Леонида Федоровича Зурова (1902–1971) достаточно хорошо известны в русской эмигрантской литературе², что, разумеется, вовсе не свидетельствует об их сколько-нибудь полной изученности³. Данная публикация рассчитана прежде всего на расширение и углубление историко-биографической базы не только как собственно житейского феномена, но и в качестве важнейшей составляющей того общего социально-культурного контекста, в котором реально существовали и С. Прегель, и Л. Зуров. Нет оснований сомневаться в том, что всякая попытка реконструкции посредством эпистолярного диалога контуров исчезнувших или исчезающих эпох приближает к более адекватному пониманию того, что принято называть «литературным бытом», без знания и детального учета которого любые, самые изоощренные исследования индивидуально-конкретных художественных миров и поэтических систем рискуют превратиться в голую абстракцию.

Данная переписка включает несколько тематических блоков, нуждающихся в некотором комментарии.

---

¹ См.: Государственный архив Одесской области. Ф. 39 (Одесский городской раввинат). Д. 35. Ед. хр. 79 (запись 1860). Разброс в указании разными авторами на дату рождения Прегель — между верхним и нижним порогом — немалый: 10 лет. При этом «расходящихся во мнениях» по этому поводу можно разбить на три группы: называющих аутентичный год рождения — 1897-й; «омолаживающих» Софию Юльевну сразу на семь лет — 1904-й (впервые эта попытка была предпринята в «Краткой литературной энциклопедии» ([Вайншенкер 1968, стб. 956], с которой Прегель, хотя и заочно, была знакома) и затем введена в широкий обиход); и, наконец, неведомо откуда взявшийся 1894-й; все варианты — 1894, 189, 1902-й (sic) — указаны в «Dictionary of Russian Women Writers» [Souvée 1994, p. 519] и в книге В. Батшева [Батшев 2008, с. 204]. Поскольку фигурой София Юльевна была заметной и имя ее в эмигрантоведческих штудиях повторяется многократно, нет смысла для экономии места иллюстрировать эти расхождения примерами, которым несть числа, — ограничимся лишь самим упоминанием данной несостыковки.

² Л.Ф. Зурову даже посвящены две монографии: американского исследователя Л. Брома [Brom 1973] и российских исследователей А.В. Громовой и В.Т. Захаровой [Громова, Захарова 2012].

³ А в некоторых случаях — «открытии истин», авторы которых поражают своей неосведомленностью. Так, например, в одном из биографических справочников (!) по эмиграции сказано, что «Зуров Леонид Федорович (ум. 1971), секретарь И.А. Бунина. Эмигрировал с писателем во Францию в 1920 г.» [Шмаглит 2005, с. 128], в то время как Зуров перебрался из Риги во Францию только в 1929 г., а бунинским «литературным секретарем» его можно назвать лишь в очень условном и в очень косвенном смысле.

Прежде всего следует сказать о том, что нам в точности неизвестно, когда произошло знакомство Прегель и Зурова. Предположительно его следует отнести к первой половине 1930-х гг., ближе к середине, времени, когда София Юльевна, перебравшись из Берлина в Париж⁴, начала обретать себя в кругу литераторов-эмигрантов, сосредоточенных во французской столице, и печататься в таких крупных журналах, как «Современные записки» и «Числа» (в 1935 г. в издательстве «Числа» вышел ее первый сборник стихов «Разговор с памятью»). В Leeds Russian Archive (далее — LRA) сохранился экземпляр романа Зурова «Древний путь» (Париж: Современные записки, 1934), преподнесенный автором Прегель со следующей дарственной надписью: «Дорогой Софье Юльевне Прегель дружески и сердечно. Леонид Зуров. Paris». Дата подношения отсутствует, но, скорее всего, это случилось еще в первой половине 1930-х гг., когда и произошло их знакомство.

Первое из сохранившихся писем, публикуемых ниже, написано 6 июня 1938 г. В нем Прегель выступает в привычной для себя роли благотворителя, хотя датируется оно сроками более ранними, чем об этом принято думать: обычное представление о финансовой помощи, оказываемой ею многим и разным людям, связывается с военной и послевоенной эпохой. По всему видно, что она довольно хорошо была к тому времени знакома с Зуровым и упоминаемой в письме В.Н. Буниной⁵. Поскольку об их отношениях в предвоенный период сведения фактически отсутствуют, это письмо приобретает особую ценность.

Кроме того, данное письмо заключает еще один существенный биографический нюанс: оно подписано двойной фамилией Прегель-Брейнер, указывающей на то, что к этому времени София Юльевна вторично вышла замуж (ее первым мужем, с которым она жила в Берлине и о котором мы фактически мало что знаем, был некто А.Б. Левин). Второе замужество — за Сергеем (Шарлем) Николаевичем Брейнером (Charles Breyner; 1885–1971) — произошло, стало быть, еще до начала Второй мировой войны, и в Европе, а не в США в 1942 г., как это предположила в своей магистерской диссертации Х. Махуркова-Кюнелт (H. Machourková-Kühnel), которой принадлежит первая научная попытка исследования биографии Прегель [Machourková 2010, s. 16].

Следующий этап, когда встреча Прегель с Зуровым обернулась определенным приобретением для русской литературы, было появление последнего на страницах журнала «Новоселье».

Основанный и редактируемый Прегель журнал «Новоселье» возник в Нью-Йорке, где она поселилась после бегства из оккупированного нацистами Парижа (№ 1 вышел в феврале 1942 г.), и просуществовал в течение восьми с лишним лет

---

⁴ Называемый в качестве ее переезда в Париж 1938 г. [Батшев 2008, с. 204] является ошибочным. Из известных нам указаний на дату переезда Прегель в Париж самой ранней является 22 сентября 1933 г. (этим днем помечена упоминающая ее запись в «Камер-фурьерском журнале» В.Ф. Ходасевича [Ходасевич 2002, с. 222]).

⁵ Отметим к слову, что имя Прегель присутствует в группе эмигрантских поэтов и писателей, подписавших 13 ноября 1933 г. поздравительную телеграмму И.А. Бунину в связи с вручением ему Нобелевской премии (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Д. 137. Л. 28).

(последние три книжки журнала — сдвоенный № 37/38 за 1948 г. и два строенных: № 39/41 за 1949 г. и 42/44 за 1950 г. — увидели свет в Париже, куда София Юльевна вернулась в апреле 1948 г.).

«Новоселье» с самого начала заняло «оборонческую» позицию, и это привело решительную границу между Прегель и той частью эмиграции, кто отличался не меньшим, нежели она, либерализмом, но в отношении к Советскому Союзу был непримирим. Прегель достаточно определенно относилась к этому размежеванию. Так, например, в письме к Н. Евреину в от 17 августа 1945 г. она писала:

Что касается Зензинова, Николаевского, то я с ними не встречаюсь. Сами понимаете почему. «Новоселье» заняло позицию, которая им не по душе. А мне их — буквально отвратна.

Странно, бывшие «аристократы» стали патриотами, а «бывшие» социалисты оскандалились⁶...

Советофильские настроения журнала оттолкнули от «Новоселья» «дипишников», не разделявших политических иллюзий и патриотических амбиций журнала и его редактора. Позднее, 14 апреля 1946 г. Прегель сообщала тому же Н. Евреину:

«Новоселье» по-прежнему неприемлемо для известной части *новой* эмиграции⁷.

В Европе о «Новоселье» («единственный у нас журнал», как определил его Зуров в письме к Прегель от 18 сентября 1946 г.) узнали после войны, хотя какие-то тексты писателей, оставшихся в оккупированной Франции, теми или иными способами в журнал изредка попадали. Так, например, М. Алданов передал в «Новоселье» рассказ Бунина «Три рубля» (либо, как писала сама Прегель в письме советскому буниноведу П.Л. Вячеславу, «уступил» ей [Прегель 2000, с. 158]), напечатанный во 2-й книжке журнала за март 1942 г., или каким-то образом из Марселя, где во время войны находился Б. Божнев, были переданы его стихи «Элегия эллическая», появившиеся в 7-й книжке за сентябрь–октябрь того же 1942 г.; то же самое относится и к стихам парижанина Ю. Софиева, которые увидели свет в 8-й книжке журнала за ноябрь 1942 г.

Первый отзыв на «Новоселье» из числа писателей-эмигрантов, живших в Париже, принадлежал Ю. Терапиано (подписан Ю.Т.) и был напечатан в 1-м выпуске сборника Объединения русских писателей во Франции, вышедшем в Париже в июле 1945 г. (речь шла о двух сдвоенных номерах — 14/15 и 17/18 за 1944–1945 гг.). «Как они воспринимают события? Что думают о совершившемся в мире?» — риторически вопрошал рецензент, имея в виду авторов руководимого Прегель заокеанского журнала, возникшего вдали от мировой трагедии, потрясшей прежде всего Европу:

⁶ РГАЛИ. Ф. 982. Оп. 1. Д. 239.

⁷ Там же.

Было бы очень грустно увидеть прежний, обычный тип «зарубежных изданий»: в зависимости от средств, от сотрудников, более или менее хорошо подобранный материал: прозу, стихи, статьи о музыке, о философии, о Марселе Прусте.

— Сдвинулось ли что-либо там? — невольно задаешь себе вопрос.

Поняли ли они то, что мы здесь поняли, они, жившие все эти годы в спокойных и благополучных, сравнительно с нашими, условиях?

В смысле узко-литературном парижский обозреватель заранее готов сделать нью-йоркским редакциям должное снисхождение.

Нельзя требовать, чтобы они были в состоянии собирать такой разнообразный материал, как во время расцвета «Современных Записок» и «Чисел».

И далее следовала собственно оценка литературного уровня «Новоселья»:

Литературный уровень «Новоселья» (помня вышеприведенную оговорку), хорош. Отметим талантливые стихи С. Прегель и Т. Остроумовой, рассказы Ю. Сазоновой и Яновского, написанную с большим подъемом статью польского поэта Юлиана Тувима «Мы, польские евреи» в переводе Софии Дубновой, статьи А. Лурье, Ю. Сазоновой, Е. Извольской и друг<ое>.

<...>

Хотя судить приходится лишь по двум, сравнительно поздним, книгам журнала, ответ на интересующий нас вопрос в нем имеется.

Статьи Марка Слонима «Возвращение в Европу» и В. Сухомлина служат тому подтверждением [Терапиано 1945, с. 32].

Помимо того что «Новоселье» в годы Второй мировой войны и сразу вслед за ней заполняло естественным образом возникшую издательскую лакуну, журнал поддерживал физическое существование писателей. На значительные гонорары, конечно, рассчитывать не приходилось, но какой-то минимум, пусть выражавшийся в скромных суммах, Прегель платить старалась. Представление о размере ограниченных финансовых возможностей редактора-издателя «Новоселья» дает, например, ее письмо жившему в США писателю Г.Д. Гребенщикову (от 9 мая 1943 г.), которого она пригласила к сотрудничеству и который принял ее приглашение:

Ваше письмо меня искренно обрадовало. До сих пор не обращалась к Вам, так как не могла предложить гонорара. Теперь «Новоселье», считаясь с трудным положением, начало платить некоторым сотрудникам. Это начинание идейное и приносит огромные убытки пока. Журнал развивается, имеет больший тираж, чем остальные издания. Он завоевал себе прочное место на амер<иканском> книжном рынке.

Максимальный гонорар, который могу предложить: 75 центов до 1 дол<лара> на нашу страницу⁸.

---

⁸ Russian American Collection. Immigration History Research Center. University of Minnesota. The Grebenstchikoff, George and Tatiana papers. Box 34, folder 5.

Авторам, жившим в Европе, гонорары выплачивались в «натуральном» виде — продуктовыми и вещевыми посылками: это устраивало обе стороны.

Гонорар за стихи не плачу в Нью-Йорке, но Вам, как парижанину, пошлю за них посылку (в ближайшие дни). Это лучше гонорара, и мне обходится значительно дороже, —

разъясняла Прегель свою «гонорарную политику» в письме к В.Л. Корвин-Пиотровскому от 19 декабря 1945 г.⁹

Начиная с 21-й книжки (сентябрь–октябрь 1945 г.), где появился рассказ-очерк Зурова «Аушвиц», он становится постоянным автором «Новоселья», в котором были напечатаны следующие его вещи: «Петроградская ночь» (1946. № 24/25. Февр.–март. С. 3–9), «Синодик» (1946. № 26. Апр.–май. С. 85–94), «Обитель» (1946. 29/30. Окт.–нояб. С. 35–54), семь коротких прозаических миниатюр (1947. № 33/34. Апр.–май. С. 46–49), «Ванюшины волосы» (1948. № 37/38. С. 59–63), «Дворцовая площадь» (1949. № 39/41. С. 76–82) и «Русская повесть» (1950. № 42/44. С. 90–101).

Посылочная тема вполне объяснимо становится едва ли не сквозной в письмах Прегель Зурову второй половины 1940-х гг. Нет нужды объяснять, сколь актуальной для получающей стороны она являлась. Разумеется, посылки из-за океана русским писателям-эмигрантам, жившим в Европе, посылались не только в форме гонорара, но и «просто так», и не одной лишь Прегель, но именно в ее случае они приобретали ярко выраженные свойства «жизнетворческой» акции.

Заметим, что Прегель осуществляла финансовую поддержку Зурова и вне прямой связи с гонорарами или, по крайней мере, так порой пыталась ее представить. Б. Пантелеймонов в письме И. Бунину от 14 октября 1948 г. сообщал:

Был у Прегель. Она рассказывала, что накануне к ней явился Зуров с рукописью. Здесь же сидела Кодрянская. Она дала ему тысячу, он сделал изумленное лицо и говорит: «<А> П<антелеймонов> везде рассказывает, что гонораров не будет, только одной Тэффи». Она отвечает, что совершенно верно, но тысячу она ему дает как дружескую помощь¹⁰.

В письмах Прегель и Зурова появляется немало авторов-«новоселов», что, как видится публикаторам, способствует углублению представления о связях — человеческих и творческих — между теми, кого не только в идеологическом, но и в личностном плане объединял этот журнал и кто объединялся в нем, и тем самым служит дальнейшему изучению данного, в высшей степени любопытного, издательского феномена¹¹.

⁹ Beinecke Rare & Manuscript Library (Yale University). Vladimir Korvin-Piotrovskii papers. Gen MSS 598. Box 1, folder 41.

¹⁰ LRA. MS. 1066/4440.

¹¹ Изучение детища Прегель началось не сегодня — от статей злобно-ругательных (см.: [Иванов 1950]) и, напротив, выставляющих ему высокую оценку (см., например: [Андреев 1972, с. 29]), мимолетная работа, констатирующая сам факт его существования — [Терапиано 1987; 2014] — или сугубо описательные — [Юниверг 2008], до вдумчивых исследований, появившихся в недавнее время (см.: [Ermolaev 2012]).

Одна из наиболее важных в историческом плане проблем, в воронку которой так или иначе втянуты публикуемые письма, — состояние послевоенного мира и судьбы той части русской эмиграции, что была настроена просоветски или, по крайней мере, лояльно по отношению к СССР. Оба корреспондента принадлежали к «патриотическому» лагерю, хотя в течение трех десятилетий, если за точку отсчета принять начало войны Германии с Советским Союзом, проделали заметную политическую эволюцию. Война послужила решающим толчком к расколу и без того крайне неоднородной в своих идеологических симпатиях и пристрастиях русской эмигрантской колонии. Любопытную запись находим в этой связи в дневнике Я. Полонского, сделанную 7 июля 1942 г.:

Вера Николаевна Бунина сказала Любе¹², что считает, что Вера Алексеевна¹³ может на них и на Зурова в особенности (считает его большевиком) донести и поэтому поддерживает с ней (т. е. с В<ерой> А<лексеевной>) любезную переписку [Иван Бунин во Франции 1980, с. 279].

В публикуемых ниже письмах, которые охватывают протяженный временной период в 35 лет, упомянутая выше эволюционная динамика довольно хорошо просматривается. Для Прегель это был постепенный отказ от крайних просоветских настроений, которые, слившись воедино с антифашистской ненавистью, целиком и полностью владели ею в годы войны и едва ли не до середины 1950-х гг. Вернувшись из Нью-Йорка в Париж, она, как и Зуров, разделяла взгляды тех, кто с преувеличенным энтузиазмом верил, что победа над фашизмом означает неизбежные демократические перемены советского режима. В начале 1950-х гг. Прегель еще могла выказывать неудовольствие, скажем, по поводу того, что И. Чиннов (и другие «парижане») начал работать на мюнхенской радиостанции «Освобождение» (впоследствии «Свобода»). В письме к Н. Кодрянской от 26 февраля 1953 г. София Юльевна, не скрывая своего раздражения, писала:

Узнала, что Лоллий Львов (пресловутый) — большая шишка в Мюнхене, куда едет теперь Игорь Чиннов и где уже находятся Вейдле, Газданов и пр. — Как это всё скучно, противно —

Настроение у меня самое омерзительное —¹⁴

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. подобная позиция воспринималась как откровенный анахронизм, в особенности если учесть сотрудничество Прегель в журнале Народно-трудового союза «Грани», одном из самых антисоветских по-

---

¹² Жена Полонского Любовь Александровна (урожд. Ландау; 1893–1963).

¹³ Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, в 1-м браке Смирнова; 1878–1965), жена Б.К. Зайцева.

¹⁴ LRA. MS. 1408 (все цитируемые далее письма Прегель к Кодрянской хранятся в данном архиве, ссылки на него далее не даются).

слевоенных эмигрантских органов печати¹⁵. В тех самых «Гранях», после появления на страницах которых А.М. Ремизова — в виде собственного текста и статьи о нем, она писала Н. Кодрянской 30 сентября 1952 г.:

У А<лексея> М<ихайловича> давно не была. Он напечатал рассказ в «Гранях», там же хвалебная статья о нем. Очередная беспринципность, кот<орую> должна еще *переварить*.

Точно так же меняется отношение Прегель к газете «Русская мысль». В письме к Зурову от 9 июня 1947 г., живя тогда еще в Нью-Йорке, она называет ее «похабной газеткой» и добавляет: «Рядом с ней даже “покойное ‘Возрождение’ ” кажется *оазисом*», а во второй половине 1950-х гг. «Русская мысль» и ее редактор С.А. Водов становятся «своими». Не склонная ни к одному из журналистских жанров, София Юльевна на страницах «Русской мысли» как автор не появлялась, но зато она делается постоянным участником проходивших в ней «сред» — творческих собраний и посиделок, которые не только отражали политический дух и атмосферу газеты, но по-своему влияли на них. Как это бывало почти всегда и повсеместно там, где появлялась Прегель, она и в «Русской мысли» становится фигурой влиятельной и авторитетной. Лишь одна иллюстрация сказанному. Свою понадевавшую много шума статью в защиту Г. Адамовича «Нечто о критике» А. Элькан «пристроила» в газету через Прегель [Элькан 1958]¹⁶: в архиве последней сохранились рукописный текст статьи, названной автором «В чем дело?», и приложенная к ней записка:

Дорогая Софья Юльевна,
Очень прошу устройте, чтобы — в таком или ином виде напечатали, сократите, как хотите.
Обнимаю Анна¹⁷.

¹⁵ См., к примеру, выразительную аттестацию, которую дает этому изданию современный исследователь:

из всех органов зарубежной русской литературной печати этот журнал, предназначавшийся для заброски в СССР, считался наиболее опасным для Советского государства. Он был литературным ответвлением Народно-Трудового Союза, единственной в то время сильной эмигрантской подпольной организации, поставившей своей непосредственной задачей свержение советского строя [Флейшман 2008, р. 300–301].

¹⁶ В этой статье А. Элькан вела воинственную дискуссию с Г. Струве против его критических нападок на Г. Адамовича. Сам Г. Адамович отреагировал на эту статью без особого энтузиазма, заметив в письме к И. Одоевцевой от 19 апреля 1958 г. (еще до появления статьи в печати), что

Эльканша, по слухам, вступилась за меня и обложила Струве, но я ее произведения не видел. А вообще — суета сует, зачем, к чему?

А Г. Струве в письме В. Маркову от 7 мая 1958 г. назвал статью А. Элькан «не очень пристойной. <...> Кленовский полагает, что я буду отвечать ей, но я не собираюсь (да и Адамович едва ли ей за это будет благодарен)» (Собрание Ж. Шерона) (оба фрагмента приводятся по кн.: [«Если чудо вообще возможно за границей...» 2008, с. 535, 536]).

¹⁷ UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1.

Весьма правдоподобным выглядит допущение, что ко второй половине 1950-х гг. духовный арсенал прегелевского просоветского патриотизма пусть не полностью, но в значительной степени был исчерпан. И хотя она до конца жизни в известном смысле осталась на левых позициях, ее политических взгляды претерпели ощутимые перемены — не говоря уже о том, что в них сказывались гораздо большая жизненная умудренность, трезвомыслие и осмотрительность, плен прежних иллюзий перестал быть столь всеядным. И это наряду с тем, что в чисто внешнем плане связь Прегель с теми, кто жил в Советском Союзе, в особенности в «оттепельные» времена, когда Францию начали посещать многие представители советской творческой интеллигенции, только крепла, а круг корреспондентов расширялся. Как и многие в ее эмигрантском окружении, Прегель оказалась захвачена неизбежным процессом отказа от того безоглядного «советофильства» и некритического патриотического энтузиазма, который был вызван войной и первыми послевоенными годами¹⁸.

Письма Прегель Зурову последних лет свидетельствуют о том, что иллюзий, по-видимому, и вовсе не осталось: в письме от 1 февраля 1969 г. она удрученно замечает: «А на нашей родине, как Вы сами знаете, веселого мало!..», в письме же от 5 августа 1970 г. с еще большей горечью упоминает о том, что получает из России «...невеселые письма. Такого зажима уже давно не было! Этому конца не видно...»

Примерно то же *mutatis mutandis* можно сказать и в отношении Зурова. «Просоветский синдром» у обоих — не без влияния, нужно полагать, слишком явных и очевидных исторических событий, происходивших на родине, — с течением времени стал проявлять себя менее ощутимо. Во всяком случае, внешнее поведение и Прегель, и Зурова (да и если судить по многочисленным свидетельствам, направление их мыслей) довольно заметно отличалось от тех, кто не взял после войны советский паспорт, не вернулся на родину, но, оставшись в эмиграции, душой, тем не менее, перебрался в «красную Москву», как это, скажем, случилось с поэтом В. Мамченко. Сохранился любопытный рассказ последнего о вечере, организованном в Париже 17 июня 1961 г. Союзом русских писателей и журналистов и посвященном памяти О. Мандельштама. Вечер по времени примерно совпал с известием о смерти в Москве вернувшегося туда в начале 1950-х гг. А. Ладинского, которого не стало за две недели до этого¹⁹. Посетивший вечер В. Мамченко в письме к еще одному «возвращенцу», Ю. Софиеву (письмо датировано 25 июня), так описывал его:

Узнав о смерти, я пошел на лит<ературный> вечер в Р.М.О.З.²⁰ — случайный (!), по поводу О. Мандельштама, и попросил докладчика Терапиано объявить о

---

¹⁸ Впрочем, и в более поздние времена София Юльевна могла неожиданно удивить своим политическим простодушием. Г. Адамович не без иронии писал А. Бахраху (письмо от 18 января 1965 г.), что Прегель ему как-то сказала в том духе, что «Сталина я вам дарю, но Ленина я обожаю», — «И ведь не дура, а такое может сказать!» — комментировал Адамович эти слова [Адамович 2001, с. 165].

¹⁹ Об А. Ладинском см. примеч. 1 к письму № 5, от 18 ноября 1945 г.

²⁰ Российское музыкальное общество (за границей); располагалось по адресу: 26 av. de New York, Paris, 16-е.

Ладинском... Знаешь, долго мне пришлось «уговаривать» многих, чтоб, наконец, Терапиано пробормотал себе в жирный подбородок (сидя и в шуме сидящих десятка гостей) скороговоркой: «В Москве умер Ладинский, которого здесь знали...» И это всё! Вот как «холодная война» пожирает здесь своих лакеев!.. Потом, конечно, были всякие ошибки, одной из них был смят Мандельштам: но что может понять здешний ненавистник, когда за свою ненависть он получает свои «сребреники»: ну я ушел с лит<ературного> вечера, недослушав и недосмотрев «охотников на ведьм»... Ты знаешь мое влечение к людям и ко всяким литературным встречам; но вот уже больше нет у меня никакого желания к встречам даже с так называемыми здесь «прогрессистами» (да, увы, в кавычках!). Очень трудно. Вот прятала же от меня свои глаза и Прегель, когда я попросил сделать заявление о смерти товарища Ладинского [Звезды в аду 2008, с. 164]²¹.

Возможно, наиболее полно осмотрительная осторожность и дипломатическая сдержанность Прегель в ее многооттеночном отношении к Советскому Союзу проявили себя в мягком, однако же твердом и упорном отказе посетить его в качестве туриста. Будучи человеком, по целому ряду позиций не скрывавшим своих симпатий к бывшей родине, к тому же в отличие от многих других эмигрантов материально обеспеченным, она, безусловно, имела все возможности для этого, многократно темы поездки касалась, но в конце концов восточнее Швейцарии так и не двинулась. «Отговорочная стратегия» Прегель в связи с постоянно откладываемым посещением Советского Союза создавала сильное ощущение вариации на тему чеховских «Трех сестер», что не могло не броситься в глаза ее окружению. Так, хорошо Софию Юльевну знавший К. Померанцев, вспоминая о ней, впоследствии писал:

В случае С<офии> Ю<льевны> была и какая-то тоска по родине, идентифицировавшаяся с Советским Союзом. И было странно, что она, ставшая из-за своего многолетнего пребывания в Соединенных Штатах американской гражданкой, политикой не занимавшаяся, ни разу не удосужилась съездить в СССР. Я несколько раз спрашивал ее — почему? И никогда не получал ясного ответа, сводившегося к — «как-нибудь соберусь», но чувствовалось, что не соберется [Померанцев 1986, с. 70].

Наиболее отчетливым образом советское чиновно-идеологическое лицемерие, если говорить о том, где Зуров и Прегель должны были с ним тесным образом соприкоснуться, проявило себя в вопросе возвращения, точнее, в результате, невозвращения архива И. Бунина на родину. Описание этой истории в полном объеме, с учетом всех главных и периферийных ее сюжетов, переплетенных между собой и образующих сложный, многоходовый и многослойный роман, еще ждет своего летописца. Не касаясь здесь данной темы сколько-нибудь предметно²²,

²¹ К реакции Прегель на смерть А. Ладинского см. фрагмент из ее письма П.Л. Вячеславу от 19 июня 1961 г., приведенный в примеч. 1 к письму № 5, от 18 ноября 1945 г.

²² См. ее изложение одним из самых вдумчивых советских бунинистов, к тому же изнутри наблюдавшим за работой советской партийно-аппаратной машины, сделавшей, как кажется, всё возможное, чтобы бунинский архив на родину не попал: [Бабореко 1993].

тем более что переписка Прегель и Зурова скользит по ней достаточно бегло и приглушенно, отметим лишь тот факт, что они оба выступали ее деятельными участниками: Зуров, понятное дело, в качестве законного наследника бунинского архива, играл центральную роль, однако и Прегель было отведено в ней далеко не второстепенное место²³.

Надо полагать, что в вопросе о будущем местонахождении архива последнего классика русской литературы ряд поступков Зурова был Прегель не по душе. Хотя ее чувства к Зурову никогда не переходили некоей установленной грани уважения, дружеской привязанности и преданности, тем не менее, как об этом можно судить по письмам к другим людям, временами Прегель испытывала к Леониду Федоровичу разнообразные оттенки недовольства и досады. Так, в письме к Кодрянской, одной из самых близких своих подруг, она, в очередном порыве раздражения поведением Зурова, опубликовавшего в 66-й книжке «Нового журнала» за 1961 г. «Литературное завещание» И. Бунина, пишет (письмо датировано 10 января 1962 г.):

Хотела бы, чтоб Вы прочли «Новый журнал» и высказались по поводу Зурова... Он стал *невероятно* важным: *наследник бунинской славы* — К сожалению, принуждена возиться с его мебелью — я говорю *его*, т. к. *всё* бунинское он себе присвоил (увы, по вине нашей дорогой Веры Николаевны...)

Или в другом письме, ей же, от 22 февраля 1962 г., продолжая ту же тему опубликованного Зуровым бунинского литературного завещания, Прегель признается:

Зуров мне надоел, и я стараюсь видеть его как можно реже... <...> он недавно меня вызвал и стал говорить, что скоро я попаду в лагерь врагов и недоброжелателей. И всё потому, что я не увлекаюсь «Литературным» Завещанием» Бунина, кот^{орое} будто бы имеет колоссальный успех — Не понимаю, как Завещание> может иметь успех, ведь это же не художественное произведение! —

Упомянутая в первом из приведенных писем бунинская мебель, после смерти Веры Николаевны хранившаяся на складе (Зуров, которого «уплотнили», оставив за ним две небольшие комнаты, был лишен возможности держать ее у себя)²⁴, становится сквозным мотивом ряда писем Прегель начала 1960-х гг., поскольку именно ей пришлось оплачивать совсем не дешевые складские услуги из собственных средств (или, по крайней мере, она явилась частичным финансовым донором), ср. в ее письме всё к той же Кодрянской от 2 мая 1962 г.: «Опять внесла деньги за мебель Буниных», или Г.Н. Кузнецовой от 12 апреля 1963 г.:

---

²³ Более подробно об этом см.: [«Ваше письмо...» 2015].

²⁴ Следует отметить, что Зуров не только попытался сохранить основную часть бунинской мебели, предметов бытовой обстановки и личных вещей, принадлежавших Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне, но и позаботился о составлении их подробного перечня, фотографиях и схеме квартиры, см. некоторые из этих материалов в деле, присоединенном к его письму Кодрянским от 3 сентября 1966 г., в чей загородный парижский дом мебель Буниных была передана в 1960-е гг. (НИОР РГБ. Ф. 503. К. 1. Д. 9. Л. 1–8).

Опять встает вопрос о мебели Буниных. Зурову до сих пор помогали, и он почти ничего не платил за хранение. Теперь *дающим* надоело, а ему не хочется, да и трудно выложить деньги (6 тысяч старых франков за 3 месяца —). Я дам часть — 2–3 тысячи старых франков. Но не знаю, как будет в дальнейшем²⁵ —

Копившиеся бытовые обиды порой выплескивались наружу, но опять же не выходя за границы узкого круга доверенных лиц, одним из которых была Кодрянская. 4 сентября 1962 г. Прегель делится с ней:

Вера Николаевна слишком его (Зурова) избаловала, и теперь он рычит, когда его хотят погладить «против шерсти» —

По-видимому, кроме общей атмосферы доверительности и дружеской интимности, сложившейся между Кодрянской и Прегель, последняя «жаловалась» на Зурова еще и потому, что отношения Наталии Владимировны и Леонида Федоровича были весьма шероховатыми. Не случайно именно она отсоветовала К.Г. Паустовскому, посетившему Париж, встретиться с Зуровым. Об этом К.Г. Паустовский писал 22 июля 1963 г. А.К. Бабореко:

В декабре 1962 года я был в Париже, но Зурова не видел (мне отсоветовали с ним встречаться), но много беседовал о Бунине с Адамовичем, Кодрянской и Борисом Зайцевым [Бабореко 1993, с. 85].

«От посещения Зурова отговорила Н.В. Кодрянская, отношения у них были очень сдержанные», — комментирует этот пассаж автор книги [Там же].

И тем не менее — при всех сложностях реальных человеческих связей и коммуникаций — вряд ли можно оспорить то, что Прегель и Зуров принадлежали одному дружескому сообществу, кругу «своих», трения и конфликты внутри которого, как правило, не выходили за пределы выработанного и утвержденного на протяжении долгих лет кодекса конвенциональных норм, ценностей и привычек. Прегель являлась для Зурова не просто приятельницей, «одной из многих», но человеком до конфиденциальности близким, родным. Так, именно она, например, присутствовала в качестве свидетеля при составлении Зуровым 30 августа 1961 г. завещания, в конце которого имеется ее удостоверяющая запись (подтвержденная, в свою очередь, М.А. Гофманом):

При написании сего присутствовала и свидетельствую, что Леонид Федорович Зуров находится в здравом уме и твердой памяти.

С.Ю. Прегель-Равницкая
S. Pregel-Ravnicki,
17 rue des Petites Ecuries, X²⁶.

²⁵ Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. FSO 01-141.

²⁶ LRA. MS 1068/1672A.

Зуров был одной из неустанных забот Прегель — как моральных, так и материальных. Это положение со временем только усугублялось, чему, кроме прочего, способствовала душевная болезнь Леонида Федоровича, потребовавшая от близких друзей немалых жертв и моральных усилий. Прегель была свидетельницей первых проявлений зуровской болезни, выказывая свое неизменное дружеское чувство в особенности к тем, кто попадал в беду. Когда Зуров оказался в клинике, то, как писала В.Н. Бунина в письме к Н.В. Кодрянской (26 декабря 1953 г.),

из писателей его навещали только Софья Юльевна и Емельянов, оба настоящие друзья²⁷.

После смерти В.Н. Буниной одними из самых близких Зурову людей стали Прегель и жившая в Шотландии профессор славистики Эдинбургского университета Милица Эдуардовна Грин (Greene; урожд. Гартъе; 1912–1998), унаследовавшая от него бунинский архив. В письмах Прегель к Грин²⁸ едва ли не главной, а подчас и основной темой является Зуров, его здоровье, физическое и душевное состояние. Из этих писем, в частности, видно, что и Прегель, и Грин оказывали ему финансовую помощь²⁹. Так, в письме от 8 февраля 1965 г., сообщая, что она планирует отъезд из Парижа к больной сестре в Канны, а затем в швейцарскую клинику «La Lignière», где обычно проходила курс лечения и отдыхала, Прегель пишет:

Если б Вы могли к тому времени <к приезду Прегель накануне Пасхи> послать небольшую сумму для Л<еонида> Ф<едоровича>, было бы хорошо.

Перед отъездом оставляю ему деньги на расходы по лекарствам и пр. — Это покроеет и его визиты к д-ру Зернову³⁰.

Даже в тех случаях, когда это были не собственные финансовые контрибуции Прегель, а, скажем, Литературного фонда (Нью-Йорк), оказывавшего материальную помощь малоимущим и больным писателям-эмигрантам, она проявляла максимум деловой озабоченности в связи с тем, что деньги от них Зурову не поступали. Сошлемся в качестве иллюстрации на ее письмо Кодрянской от 8 февраля 1957 г., в котором София Юльевна просит подругу похлопотать о зуровском деле:

Вера Ник<олаевна> Бунина> обеспокоена Вашим молчанием. Л<еонид> Ф<едорович> до сих пор ничего от Лит<ературного> Фонда не получал — это его страшно волнует. Положение их неважное, очень и очень затруднительное. В<ера> Н<иколаевна> с трудом (не понимаю даже как...) сводит концы с концами.

---

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 503. К. 1. Д. 5. Л. 15 об.

²⁸ Письма С. Прегель к М. Грин хранятся в LRA. MS 1065/1355–1375.

²⁹ З. Шаховская называет Прегель среди тех — Н.Б. Соллогуб, М.Э. Грин, благодаря кому Зуров не умер с голоду [Шаховская 1991, с. 275].

³⁰ LRA. MS. 1065/1365. Владимир Михайлович Зёрнов (1904–1990), врач, доктор медицины, специалист по внутренним болезням, гематолог. Переехав в 1929 г. из Белграда в Париж, работал в Пастеровском институте и врачом амбулатории при Сергиевском подворье. Лечил И. Бунина и А. Ремизова, см. в связи с этим написанные им части в мемуарной книге семьи Зёрновых [За рубежом 1973, гл. «Русский врач в Париже», с. 394–399; гл. «И.А. Бунин (1870–1953)», с. 400–403].

Надеюсь, что это *случайная задержка* — Пожалуйста, родненькая, справь-тесь... Это очень важно, т. к. «бюджет» Л<еонида> Ф<едоровича> на этом по-строен, и он не может даже пойти к врачу...

Разумеется, было бы сильным преувеличением утверждать, будто бы Прегель явилась одной из «крестных матерей» Зурова, но в первые послевоенные годы ее опека зуровского творческого дарования — и в качестве редактора-издателя «Новоселья», и в роли пусть и скромного мецената — заметно чувствовалась. В частности, она сделала все от нее зависящее, чтобы обеспечить Зурову денеж-ную помощь для завершения романа «Зимний Дворец», см. обсуждение этой темы в зуровском письме Прегель (№ 9, от марта 1946 г.) и в двух ее ответных письмах (№ 10, 11, соответственно — от 27 марта и 19 апреля 1946 г.)³¹. Не вина Софии Юльевны, что роман остался незаконченным (работа над «Зимним Дворцом» за-стопорилась из-за того, что автор, получив некоторые новые данные от одного из непосредственных участников событий, был вынужден изменить первоначаль-ный замысел; кроме того, деньги пошли на лечение и пр.). Как-то, в письме к Ко-дрянской от 1 сентября 1949 г., Прегель обронила фразу о том, что Зуров о своем романе — «ни гу-гу», через несколько лет, 11 марта 1952 г., еще более близкому ей тогда корреспонденту, А. Бахраху, она писала:

Вера Ник<олаевна Бунина> усиленно переписывается с Чеквер. Ведь на адрес Ч<еквер> приходили деньги для Зурова. О книге уже не упоминает. Она, боюсь, «...отошла без возврата»... З<уров> в настоящее время *работает*. Как связать это с тем, что бумага была куплена приблизительно год тому назад?! — Некоторые американские подписчики волнуются (никак не могут привыкнуть к блёфу), парижским же меховщикам всё безразлично: деньги они давали, чтоб избавиться от В<еры> Н<иколаевны>³²...

³¹ Сбор средств на издание романа Зурова продолжался и в последующие годы, в том числе и путем подписки; эта тема становилась одной из центральных в переписке В.Н. Буниной с разными корреспон-дентами, см. об этом, в частности, в ее многочисленных письмах Г.Н. Кузнецовой [И.А. Бунин 2014].

³² В.А. Alexander Bacheras papers. Box 8. За год до этого письма, 24 марта 1951 г., В.Н. Бунина пи-сала Н.В. Кодрянской, сообщая о деньгах, собиравшихся под издание романа:

Леня совсем не выходит из «Зимнего Дворца». Собрано 990.800 фр<анков>, но этого еще мало. Цены все растут и растут.

У меня есть еще адреса, по которым я не обращалась. Опять начну через несколько дней: «Будьте вкладчики на мягкие калачики»... (НИОР РГБ. Ф. 503. К. 1. Д. 5. Л. 7).

Спустя чуть более чем через полгода, 6 октября 1951 г., она информировала того же корреспондента:

На издание «З<имнего> Д<ворца>» не хватает 84.000 фр<анков>! Надо опять приниматься за поиски подписчиков. Собрано пока 405.475. Жизнь дорожает. Леня устал, очень нервен и похудел (Там же. Л. 8 об.).

О том, что сумма, отложенная на роман, все еще является неприкосновенной, мы узнаем из ее письма к Н.В. Кодрянской от 31 марта 1953 г.:

Лени уже нет в Париже почти два месяца, по предписанию врача он уехал в деревню, где работает на огороде, за это ему хозяева немного сбавили за пансион. Он был в таком нервном состоянии, 20 дней страдал бессонницей, что мгновенно отразилось на легких... Не только мы, но и он сам испугался и продал всё, что мог (но денег книги «З<имний> Д<ворец>» не тронул), и покинул нас (Там же. Л. 17).

Кажется, этими минутными прегельскими реакциями на то, что полученные Зуровым деньги не были истрачены по назначению, дело и кончилось. По крайней мере, по имеющимся у нас данным, она об этом более нигде не упоминала.

Через многие публикуемые ниже письма Прегель к Зурову проходит тема здоровья, ее собственного и в особенности ее корреспондента, что, конечно, далеко не случайно. Как писала о Зурове З. Шаховская,

несмотря на свой цветущий вид, Зуров здоровьем не отличался. Сперва обнаружилась легочная слабость, затем, позднее, после войны, — нервная болезнь, с периодическими улучшениями или ухудшениями [Шаховская 1991, с. 275].

Первые признаки упоминаемого З. Шаховской нервного заболевания проявились у Зурова в начале 1950-х гг. В последующие годы оно то на время отходило, то вновь возвращалось, но в целом его психическое здоровье не было устойчивым. К концу жизни у него стала развиваться сердечная болезнь — он и умер от разрыва сердца в санатории *Ax-les-Thermes* (во французских Пиренеях). Зуров ушел из жизни 9 сентября 1971 г., не прошло и года, как 26 июля 1972 г. не стало Прегель.

* * *

Основную часть нижеследующей публикации составляют письма Прегель Зурову, которые, судя по всему, лучше сохранились. Они печатаются по автографам, хранящимся в Архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 3 (Л.Ф. Зуров). Оп. 1. Д. 94 и Д. 137 (кроме письма № 30, от 22 августа 1956 г., находящегося в LRA. MS. 1068/3748). Письма Зурова Прегель печатаются по автографам, хранящимся в UIAUC. *Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers*. Ms. 15/35/56. Box 3. Исключение составляют три машинописные копии — письма № 9, от марта 1946 г., № 15, от 18 сентября 1946 г. и № 19 от конца января — начала февраля 1947 г. Первая и третья копии хранятся в указанном фонде Зурова в Архиве ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. Д. 94 и Д. 102 соответственно), вторая — в LRA (MS. 1068/3747).

Публикаторы приносят искреннюю благодарность Ричарду Дэвису (R. Davies; Лидс) за неоценимую помощь в подготовке данной публикации, а также выражают признательность А.В. Громовой (Москва) и Г.Б. Глушанок (Нью-Йорк) за содействие в их работе.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына
НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

BA — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University

LRA — Leeds Russian Archive, Brotherton Library, University of Leeds

UIAUC — University of Illinois Archives at Urbana-Champaign

- Адамович 1946 — *Адамович Г.* Литературные заметки // Русские новости. 1946. № 56. 7 июня. С. 4 <Рец. на: *Раевский Г.* Новые стихотворения. Париж, 1946; *Яссен И.* Дальний путь. Нью-Йорк, 1946; *Брюсов В.* Избранные стихотворения. Москва, 1945.>
- Адамович 1958 — *Адамович Г.* «Встреча»: Стихи Софии Прегель // Русская мысль. 1958. № 1257. 28 августа. С. 2–3.
- Адамович 2001 — *Адамович Г.* Письма А.В. Бахраху (1957–1965) / <Публ. Веры Крейд> // Новый журнал. 2001. № 225. С. 148–185.
- Андреев 1972 — *Андреев Н.* Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом (Опыт постановки темы) // Русская литература в эмиграции / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. С. 15–38.
- Арманд — *Арманд Е.* Блаженны чистым сердцем. Электрон. ресурс: <http://iknigi.net/avtor-elena-armand/87331-blazhennyy-chistyey-serdcem-elena-armand/read/page-60.html>
- Арсеньев 1953 — *Арсеньев В.* «Последняя книга» // Грани. 1953. № 17. С. 149–150.
- Бабореко 1993 — *Бабореко А.* Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М.: Моск. рабочий; Скифы, 1993. 223 с.
- Батшев 2008 — *Батшев В.* Писатели русской эмиграции: Германия 1921–2008: (Материалы к биобиблиографическому словарю). Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2008. 296 с.
- Бахметьева 1993 — *Бахметьева Е.* Три ипостаси Александра Дехтерева // Вильнюс. 1993. № 7 (126). С. 123–138.
- Бахрах 1978 — *Бахрах А.* Сны и явь Ремизова // Русская мысль. 1978. № 3232. 30 ноября. С. 10.
- Берберова 1972 — *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография. München: Wilhelm Fink Verl., 1972. 709 с.
- Беседы с Н.Б. Соллогуб... 2004 — «Напишите мне в альбом...»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / авт.-сост. О.А. Ростова; коммент. Л.А. Мнухина при участии О.А. Ростово-вой. М.: Русский путь, 2004. 280 с.
- Бицилли 1949 — *Бицилли П.* Заметки о стиле Пантелеймонова // Новоселье. 1949. № 39/41. С. 198–201.
- Блок 1965 — *Блок А.* Записные книжки, 1901–1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. В.Н. Орлова. М.: Художественная литература, 1965. 663 с.
- Вайншенкер 1968 — *Вайншенкер П.Л.* ПРЕГЕЛЬ, София Юльевна // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. Стб. 956.
- «Ваше письмо...» 2015 — «Ваше письмо... меня очень тронуло»: (Переписка С.Ю. Прегель с Л.В. Никулиным и П.Л. Вячеславовым) / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры: V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013): Сб. докладов / сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 403–444.
- Гингер 2013 — *Гингер А.С.* Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма: в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2013. Т. 2. 496 с.
- Громова, Захарова 2012 — *Громова А.В., Захарова В.Т.* Жизнь и творчество Л.Ф. Зурова. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2012. 176 с.
- Гуль 1958 — *Гуль Р.* Об одной «вселенской смази». Письмо в редакцию // Русская мысль. 1958. № 1255. 23 августа. С. 5.
- «Если чудо вообще возможно за границей...» 2008 — «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. 816 с.
- Железнов 1947 — *М. Ж.* <*Железнов М.*> Вечер «Новоселья» // Новое русское слово. 1947. № 12743. 19 марта. С. 3.

- За рубежом 1973 — За рубежом: Белград–Париж–Оксфорд (Хроника семьи Зёрновых) / под ред. Н.М. и М.В. Зёрновых. Paris: YMCA-Press, 1973. 561 с.
- Звезды в аду 2008 — Звезды в аду: Письма Виктора Мамченко (Н.Н. Кноррингу и Ю.Б. Софиеву: Париж — Алма-Ата) / публ. Н. Черновой // Нива: Казахстанский литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал. 2008. № 3. С. 152–186.
- Зуров 1946 — *Зуров Л.Ф.* Астория // Русский сборник. 1946. № 1. С. 70–86.
- И.А. Бунин 2014 — И.А. Бунин: Новые материалы / сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарев, Р. Дэвис; сопроводит. ст. Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. Вып. III: «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун, 1934–1961. 713 с.
- Иван Бунин во Франции 1980 — Иван Бунин во Франции: (Дневник Я.Б. Полонского) // Время и мы. 1980. № 56. С. 279–304.
- Иванов 1950 — *Иванов Г.* «Новоселье» на новоселье // Возрождение. 1950. № 11. Сент.–окт. С. 187–188.
- Из переписки Залкинда с Прегель 2004 — Из переписки В.А. Залкинда с Б.Ю. и А.Н. Прегель / вступ. ст., публ. и коммент. В. Хазана // Вестник Еврейского ун-та. 2004. № 7 (27). С. 367–384.
- Клименко 1973 — *Клименко В.А.* Скаутизм на Дону // Родимый край (Париж). 1973. № 104. С. 28–32; № 105. С. 23–26.
- Кожевникова 1961 — *Кожевникова О.* «Некролог А.П. Ладинскому» // Русские новости. 1961. № 838. 23 июня. С. 4.
- Куприяновский 1988 — *Куприяновский П.В.* Писатель-плесянин Николай Смирнов // Тез. докл. областной науч.-практ. конф. «Проблемы изучения и заповедования Плеса». Плес, 1988. С. 12–13.
- Лавринец 2011 — *Лавринец П.* «Борьба с символизмом» А.П. Дехтерева // Славянские чтения. VIII / red. A. Stankevič <et al.>. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais argāds «Saule», 2011. С. 114–123.
- Лавринец 2013 — Александр Дехтерев. Апологет символизма (Рассвет. 1934. 27 февраля) / публ. П.М. Лавринца // Смерть Андрея Белого (1880–1934): Сб. ст. и мат-лов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 789–792.
- Певец 1998 — Певец золотого Плеса Николай Иванович Смирнов (1898–1978): Сб. науч. ст., мат-лов и публ. / сост. Л.А. Шлычков. Иваново, 1998. 212 с.
- Переверзев 2006 — *Переверзев О.К.* «...Непреходящ “образ мира сего” — образ бессмертного Искусства!» (К истории взаимоотношений Б. Пастернака и Н. Смирнова) // Куприяновские чтения–2005: Мат-лы межвуз. науч. конф. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2006. С. 177–188.
- Переписка И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым 2010 — «Дорогой Еруслан», «Дорогой Бова», «Милый, милый Леня»: Переписка И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым. Ч. II (1933–1953) / вступ. ст. И. Белобровцевой; публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы / сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. Вып. II. С. 179–224.
- Переписка Тэффи 2001 — Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными, 1939–1948 / публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 477–584.
- Письма С. Прегель к Р. Чеквер — «Вы делаете прекрасное дело» (Письма С. Прегель к Р. Чеквер) / публ., вступ. ст. и примеч. В. Хазана // Русские евреи в Америке / ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2015. Кн. 10. С. 45–105.
- Померанцев 1958 — *Померанцев К.* Поэзия Георгия Иванова // Русская мысль. 1958. № 1250. 1 августа. С. 4–5.

- Померанцев 1986 — *Померанцев К.* Сквозь смерть: Воспоминания / вступ. ст. Б. Филиппова. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1986. 193 с. (Вчера, сегодня, завтра; 5).
- Пономарев 2014 — Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова / сост., ред. А.Ю. Пономарев. М.: Б.и., 2014. Вып. 1. 402 с.
- Поплавский 1996 — *Поплавский Б.Ю.* Неизданное: Дневник, статьи, стихи, письма / сост. и коммент. А. Богословского и Е. Менегальдо. М.: Христианское изд-во, 1996. 512 с.
- Прегель 2000 — *Прегель С.* Письма П.Л. Вячеславу / публ. и примеч. Н. Рубашевой // Новый журнал. 2000. № 219. С. 154–180.
- Пяст 1997 — *Пяст Вл.* Встречи / сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 411, [2] с.
- Ронен 2001 — *Ронен О.* Берберова (1901–2001) // Звезда. 2001. № 7. С. 213–220.
- Сводный каталог... 1999 — Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М.: РОССПЭН, 1999. 462 с.
- Слоним 1929 — <Слоним М.Л.> Сборник рассказов Зурова // Воля России. 1929. № 3. С. 142.
- Струве 1996 — *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.
- Таубер 1936 — *Таубер Е.* Зарубежные поэтессы // Русское дело. 1936. № 8. 15 августа. С. 5.
- Таубер 1958 — *Таубер Е.* Буйство глаз (О стихах Софии Прегель) // Грани. 1958. № 39. Июль–сентябрь. С. 220–223.
- Терапиано 1945 — *Терапиано Ю.* <Рец. на:> «Новоселье»: Ежемесячный литературно-художественный журнал. Нью-Йорк, 1944–1945. № 14–15 и 17–18 // Встреча: Сборник Объединения русских писателей во Франции (Париж). 1945. <Вып. 1>. Июль. С. 32.
- Терапиано 1976 — *Терапиано Ю.* Последнее объединение // Новое русское слово. 1976. № 23890. 14 марта. С. 5.
- Терапиано 1987 — *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос–Третья волна, 1987. 352 с.
- Терапиано 2014 — *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. СПб.: Росток, 2014. 664 с.
- Тименчик 2006 — *Тименчик Р.* На окраине серебряного века // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes / ed. by L. Fleishman, H. McLean. Stanford, 2006. P. 123–144. (Stanford Slavic Studies; vol. 32).
- Тименчик 2008 — *Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М.: Гешарим–Мосты культуры, 2008. 684 с.
- Тэффи 1948 — *Тэффи Н.А.* «Зеленый шум» // Новоселье. 1948. № 37/38. С. 138–142.
- Тэффи 1950 — *Тэффи Н.А.* «Золотое число» // Там же. 1950. № 42/44. С. 224–227.
- Устами Буниных 1982 — Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt a/M.: Посев, 1982. Т. 3. 221 с.
- Флейшман 2008 — *Флейшман Л.* На заре «тамиздата» // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea: <in 2 parts> / ed. by A. Dolinin <et al.>. Stanford, Cal., 2008. Part II. P. 282–325. (Stanford Slavic Studies; vol. 36).
- Хазан 2011 — *Хазан В.* Без своего места в мире («Отцы» и «дети» в прозе В. Варшавского) // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 179–206.
- Ходасевич 2002 — *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал / вступ. ст., подгот. текста, указатели О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002. 477 с.

- Хроника 2000а — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2000. Т. 1 (5): 1940–1954. 670 с.
- Хроника 2000б — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2000. Т. 2 (6): 1955–1963. 584 с.
- Хроника 2001 — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2001. Т. 3 (7): 1964–1975. 429 с.
- Шаховская 1991 — Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 316 с.
- Шмаглит 2005 — Шмаглит Р.Г. Русская эмиграция за полтора столетия: Биографический справочник. М.: РИПОЛ классик, 2005. 380 с.
- Элькан 1958 — Элькан А. Нечто о критике // Русская мысль. 1958. № 1202. 22 апреля. С. 5.
- Юниверг 2008 — Юниверг Л. «Доброе дело директрисы русской литературы»: Из истории журнала «Новоселье» (1942–1950) // Лехаим. 2008. № 12. С. 29–33.
- Яновский 2012 — Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти. М.: Астрель, 2012. 479 с.
- Brom 1973 — Brom L. Leonid Zurov. Fresno, Cal.: Pioneer Publishing Co., 1973. X, 116 p. (Ivan Bunin's protégés; vol. 1).
- Couvée 1994 — Couvée P. PREGEL, Sofia Iul'evna // Dictionary of Russian Women Writers / ed. by M. Ledkovsky <et al.>. Westport, Conn.; London: Greenwood Press, 1994. P. 519–520.
- Ermolaev 2012 — Ermolaev N. Introducing America: The Shape of American Culture in Sophia Pregel's Journal *Novosselye* // Russian Emigration at the Crossroads of the XX–XXI Centuries. New York: The New Review Publishing, 2012. P. 54–66.
- Machourková 2010 — Machourková H. Sofija Pregel': Untersuchungen zum Leben und Werk. Wien, 2010. 239 s.
- Sept letters... 2002 — Sept letters autobiographiques d'Alexis Remizov à Dominique Arban / Publication, commentaries et notes de Michel Niqueux // Revue des Études Slaves. 2002. T. 74, № 1. P. 171–191.
- Zaitsev 1937 — Zaitsev Boris. Anna / transl. by Natalie Duddington. London: George Allen&Unwin; New York: Henry Holt and Co., 1937. 156 p.

1

С.Ю. Прегель – Л.Ф. Зурову

Кап-д'Ай, 6 июня 1938 г.

6.6.<19>38

Дорогой Леонид Федорович!

Надеюсь, Вы получили 200 фр<анков>, кот<орые> я оставила у нашего консьержа¹. Из-за того, что мой муж себя неважно чувствует², мы несколько задерживаемся на Ривьере. В Париже буду только в понедельник (13-го) утром. Если Вы до того времени уедете, то

1) Желаю Вам счастливого пути и всяческих успехов

2) Прошу мне написать, в каком положении наши дела и что еще нужно сделать и кому мне можно выдать деньги или оставить соответствующее распоряжение у А.С. Присмановой³.

Если от Вас не будет весточки, позвоню Вере Николаевне <Буниной> и узнаю, как мне поступить в дальнейшем.

На Ривьере чудесно. Полное затишье. Совсем как в Париже в августе–сентябре.

Желаю Вам от души всего наилучшего.

Искренно Ваша

С. Прегель-Брейнер

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–1 об. Автограф, на почтовой бумаге Eden Hôtel (Cap d'Ail près Monaco).

¹ По всей видимости, речь идет о вкладе Прегель в финансирование археологической и этнографической экспедиции Зурова в Печорский край, куда он в очередной раз отправился в середине июня 1938 г. Официальным заказчиком и, соответственно, источником субсидирования этой поездки являлся парижский Музей человека, но выплата субсидии задерживалась, и тогда по призыву П.Н. Милокова начался сбор средств среди частных инвесторов, одним из которых, судя по всему, стала Прегель.

Материалы экспедиций Зурова только сейчас начали публиковаться (см.: [Пономарев 2014]).

² См. упоминание о муже Прегель, С.(Ш.)Н. Брейнере во вступительной статье. Отметим, что Брейнер выступал в «Новоселье» с политико-аналитическими статьями: «Внешняя политика Советской России» (1944. № 12/13. Июль–авг. С. 103–120), «Испания и аргентинская угроза» (1945. № 17/18. Февр.–март. С. 58–66), «Япония и мировая политика» (1945. № 22/23. Ноябрь.–дек. С. 91–103).

³ Анна Семеновна Присманова (1892–1960), поэтесса; жена поэта А.С. Гингера.

2

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 7 августа 1945 г.

Written in Russian¹
S. Pregel-Breyner
330 W. 72 St<reet>
New York 23, N. Y. 7 авг<уста> 1945 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Несмотря на то, что Вы вместо 72 написали 27nd Street, Ваш исключительно интересный (страшный) материал получила. Он будет напечатан в ближайшем номере «Новоселья»². Журнал существует 4-ый год. Вышло 30 номеров³. Работа тяжелая и неблагодарная. Надо всё время искать новых людей, т. к. приходится рвать со многими... Хотелось создать просто *русский* журнал — я этого в какой-то мере добилась. «Новоселье» попадет на нашу родину. Получились уже письма от Союза Писателей⁴.

Сухомлин покидает Нью-Йорк 19-го авг<уста>⁵. Он Вам всё расскажет. Посвятит в здешние дела-делишки.

Сегодня же посылаю Вам посылку⁶.

Напишите о себе и о том, как живется в Париже. Здесь — в связи с интересом ко всему русскому — многие стали преподавать в колледжах и средних школах.

Я поглощена «Новосельем», кот<орое> отнимает у меня все силы и всё внимание. Жду от Вас еще материала (рассказов).

Искренне Ваша

София Прегель
(S. Pregel-Breyner)

Привет сердечный Вере Николаевне и Ивану Алексеевичу <Буниним>.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 2–2 об. Автограф.

¹ Написано по-русски (*англ.*).

² Речь идет об очерке Л. Зурова «Аушвиц», напечатанном в 21-й книжке «Новоселья» за сентябрь–октябрь 1945 г. (С. 26–31). После этой публикации очерк перепечатала парижская газета «Советский патриот» (1945. № 45. 31 августа. С. 4), что вызвало недовольство Прегель, и она была вынуждена 24 октября 1945 г. обратиться с письмом к П. Ставрову, являвшемуся тогда председателем Объединения русских эмигрантских писателей (см. о нем примеч. 2 к следующему письму):

Дорогой Перикл Ставрович,

Только что купила номер «Советского патриота» и к удивлению и ужасу увидела в нем рассказ Зурова «Аушвиц».

Очень прошу Вас передать *всем, всем, всем*, чтобы этого не делали. До США всё доходит, и журнал впервые за все эти годы выглядит глупо и смешно. Нам перепечатки не

нужны. Об этом и речи быть не может! Не знаю, почему в Париже считают, что Америка отделена от «цивилизованного» мира (Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 6–6 об.).

Правда, за несколько дней до этого, в письме к В.Н. Буниной от 19 октября, Прегель писала об успехе зуровского «Аушвица» в несколько ином эмоциональном ключе:

Л<еониду> Ф<едоровичу> напишу на днях. «Аушвиц» имеет большой успех. Газеты его перепечатали. Это хорошо. *Такое* должны все прочесть (Там же. Л. 4 об.).

³ Как было сказано выше, во вступительной статье, 1-я книжка «Новоселья» увидела свет в феврале 1942 г., в течение которого вышло 10 номеров; сквозная же нумерация журнала началась с 1943 г., поэтому всего было издано не 44 номера, как можно заключить из обычного библиографического описания (см., например: [Сводный каталог... 1999, с. 132]), а 54.

⁴ «Новоселье» с момента зарождения заняло просоветскую позицию и придерживалось ее до конца своего существования. В относящемся к более поздним временам рассказе о журнале печатавшийся в нем Ю. Терапиано дипломатично пытался придать этому факту эвфемистическую форму выражения, замечая, что по завершении войны «после изменения международных отношений, “Новоселье” стало кое-кому казаться “левым”» [Терапиано 1987, с. 193]. «Новоселье», разумеется, вовсе не казалось, а реально проводило «левую», просоветскую политику, консолидируя на антифашистской основе авторов, принадлежавших к разным идеологическим лагерям. Более решителен и, по существу, более справедлив был Г. Струве, который, рассматривая в качестве противовеса «Новый журнал», державшийся «принципиальной антисоветской позиции», писал, что в «Новоселье» «чувствовался советофильский душок, отражавший настроения некоторой части эмиграции во время войны и в первый послевоенный период» [Струве 1996, с. 254–255]. Журнал попадал в Советский Союз по линии ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей). Вспоминая об этом времени годы спустя, Прегель в письме советскому литературоведу П.В. Вячеславу от 5 июля 1961 г. сообщала:

Я посылаю в Сов<етский> Союз от 50 до 200 ном<еров> «Новоселья». Некоторые обсуждались писателями в ВОКСе [Прегель 2000, с. 158].

⁵ Василий Васильевич Сухомлин (1885–1963), публицист, политический деятель, переводчик, член партии эсеров; сын известного революционера-народника В.И. Сухомлина, погибшего в годы «большого террора», и племянник О.Е. Колбасиной-Черновой, второй жены одного из лидеров ПСР В.М. Чернова (к слову сказать, также одному из авторов «Новоселья»). После бегства из ссылки за границу в 1907 г. жил в эмиграции, вернулся в Россию вслед за падением монархии. В 1918 г. вместе с Н. Русановым, И. Рубановичем, В. Черновым и Д. Гавронским составил Заграничную делегацию ПСР. Входил в состав редколлегии журнала «Воля России». Сотрудничал в социалистической европейской прессе и, пережив со временем эволюцию политических взглядов, перешел на крайне левые, а после войны — просоветские позиции. В 1940 г. бежал из оккупированного немцами Парижа и поселился в США, откуда после окончания войны вернулся во Францию, где сотрудничал в газете «France-Tigreur», а затем в «Liberation» (под псевдонимом Victor Samaret) и журнале «Cahiers Internationaux». В 1947 г. принял советское подданство и в 1951 г. был выслан французскими властями из страны как коммунистический агент. В 1954 г. возвратился в СССР. Один из авторов «Новоселья», в котором печатались его публицистическо-политологические очерки: «Где границы России?» (1943. № 6. Окт.–нояб. С. 54–66), «Россия и Китай» (1944. 9/10. Февр.–март. С. 84–95), «О сферах влияния и “гигантах мысли”» (1944. № 12/13. Июль–авг. С. 68–82), далее под постоянным заголовком «Свое и чужое»: 1944. № 14/15. Окт.–нояб. С. 81–93; 1944. № 16. Дек. С. 63–72; 1945. № 17/18. Февр.–март. С. 88–110; 1945. № 19. Апр.–май. С. 60–68; 1945. № 20. Июнь–июль. С. 74–83; 1945. № 22/23. Ноябрь–дек. С. 76–90.

В первое время после своего переезда из Нью-Йорка в Париж близкий к «Новоселью» Сухомлин помогал в распространении журнала среди русских эмигрантов в Европе. См., например, письмо к нему Прегель от 8 сентября 1945 г.:

Дорогой Василий Васильевич,

С приездом! Надеюсь, Париж Вас не разочаровал, как предполагали многие, в том числе Терапиано.

Только что получила Вашу телеграмму. Посылаю *Дому Книги* по 50 экземпляров ном<еров> 16, 17–18, 19, 20-го и 10 экз<емпляров> ном<еров> 14–15-го (14–15-ый стал уже библиографической редкостью — это последние disponible — 10 экз<емпляров>) (НИОР РГБ. Ф. 543. К. 18. Д. 13. Л. 1).

⁶ О «гонорарных» посылках Прегель см. выше, во вступительной статье.

3

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 25 сентября 1945 г.

25 сентября 1945 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Сегодня посылаю Вам посылку; в ней будут жиры, мыло и прочее. Хотела бы знать, получили ли Вы уже ту посылку, о которой писала в прошлом письме.

По-прежнему много работаю, прошибаю стенку лбом. Здесь пока еще можно дышать. Нет того озлобления, кот<орое> царит по ту сторону океана.

Изредка вижу Яновского¹. Он работает в косметике. Недавно закончил роман. Уже писала Ставрову² о том, что Николая Оцуца здесь *нет*. Очевидно, на его след не напали. Боюсь, что он пропал³.

Следующий номер «Новоселья» (с Вашим рассказом) выйдет в первых числах октября⁴. Пошлю Вам 2 экземпляра.

От души желаю Вам всего, всего хорошего.

Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 3–3 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Василий Семенович Яновский (1906–1989), прозаик, мемуарист; один из авторов «Новоселья», в котором были напечатаны четыре его рассказа: «Прохожий» (1944. № 11. Апр.–май. С. 21–32), «96° по Фаренгейту» (1944. № 14/15. Окт.–нояб. С. 3–13), «Атлантическая хартия» (1945. № 20. Июнь–июль. С. 3–5) и «Путешествие муравья» (1946. № 27/28. Июль–авг. С. 34–60).

² Перикл Ставрович Ставров (наст. фам. Ставропуло; 1895–1955), поэт, прозаик, переводчик, мемуарист; один из авторов «Новоселья», в котором печатались его стихи «Прощание», «Вокзал», «Все ровнее, быстрее и нежнее...» (1946. № 24/25. Февр.–март. С. 52–53) и рассказы: «Мосье Жан» (1945. № 19. Апр.–май. С. 11–16), «Дорогой дальнею» (1945. № 21. Сент.–окт. С. 15–22), «Скитания» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 61–65), «Чертов спуск»

(1947. № 35/36. Июль–авг. С. 60–63), «Американская дуэль» (1948. № 37/38. С. 107–112) и «Верблюды» (1949. № 39/41. С. 111–115).

³ Накануне Второй мировой войны поэт, переводчик, литературный организатор и литературный критик Николай Авдеевич Оцуп (1894–1958), проводивший отпуск в Италии, был там арестован и более полутора лет провел в тюрьме. Совершив побег, он участвовал в итальянском партизанском движении, оставаясь в Италии до конца войны. Все это время в эмигрантской среде о нем ничего не было известно, и ходили слухи, что он находится в США (о вероятном прототипическом следе Н. Оцупа — именно как воина — в романе В. Варшавского «Ожидание» см.: [Хазан 2011, с. 190, 199]. После «самообнаружения» Оцуп стал автором «Новоселья», печатая в нем стихи: «Мне трудно без России» (1947. № 33/34. Апр.–май. С. 27–28), «Демон и Мессия» (1947. № 35/36. Июль–авг. С. 45–47); «Мы — после Блока» (1949. № 39/41. С. 47–48), критические отзывы (на книгу Г. Адамовича «L'autre Patrie» (Paris, 1947) — 1948. № 37/38. С. 130–137) и рецензии (на сборник стихов В. Мамченко «В потоке света» (Париж, 1949) — 1950. № 42/44. С. 222–223).

⁴ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

4

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 22 октября 1945 г.

22 октября 1945 г.

Дорогой Леонид Федорович,

21-ый номер «Новоселья» Вы, вероятно, уже получили. Послала Вам посылку. В ней, кроме продуктов, 1 фуфайка и шерстяные носки (2 пары)¹. Сегодня одна милая моя знакомая (Mrs R. Checkver — она же поэтесса Ирина Яссен) послала Вам костюм и белье. *Обязательно* напишите (по получении посылки), она будет Вам регулярно посылать «пакеты». Ее адрес:

Mrs R. Checkver
113 -14 — 72nd Road
Forest Hills, L. 9
New York²

Прилагаю при сем кусочек рецензии: вот что пишет об Иване Алексеевиче и о Вас Н.В. Кодрянская в «Новом Русском Слове»³.

От души желаю Вам всего, всего хорошего.

Искренне Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 3–3 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ 19 октября 1945 г. Прегель писала В.Н. Буниной:

Посылаю Леониду Федоровичу *пока* посылку, состоящую из 1 фуфайки, 2-х пар шерстяных носков и продуктов (Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 4).

² Поэтесса, издатель, благотворитель Рахиль Самуиловна (Самойловна) Чеквер (псевд. Ирина Яссен; 1893–1957) родилась в Ромнах (Полтавской губ.); после окончания с отличием роменской гимназии училась на петербургских Высших женских курсах, завершив которые вернулась в родные Ромны, где работала в качестве журналиста, и в 1923 г. эмигрировала в США. Поселившись в Нью-Йорке, в 1930-е гг. вышла замуж за Льва Иосифовича Чеквера (1898–1977), ставшего со временем крупным предпринимателем и заметной общественной фигурой; в браке родился сын. После женитьбы Чекверы жили на Манхэттене, затем в Бруклине, Бронксе, в 1940–1950-е гг. — в Форест Хилс (адрес, который сообщает в данном письме Прегель), в Лонг-Бич, сначала на 24 Tennessee Avenue, затем на 115 Arizona Avenue; последний адрес был манхэттенский: 200 West, 86 Street. Автор четырех прижизненных поэтических сборников: двух изданных в Нью-Йорке — «Земной плен» (1944) и «Дальний путь» (1946) и двух — в Париже, вышедших в созданном ею в 1950 г. и руководимом до конца жизни издательстве «Рифма»: «Лазурное око» (1950) и «Память сердца» (1956); книга «Последние стихи» (Париж: Рифма, 1959) увидела свет после ее смерти. Помимо «Рифмы», Чеквер-Яссен принадлежала инициатива и организационно-финансовая роль в издании послевоенной поэтической антологии «Эстафета» (Париж; Нью-Йорк, 1948), в редколлегию которой, кроме нее самой, вошли В. Андреев и Ю. Терапиано. Чеквер-Яссен была одним из авторов «Новоселья», где печатались ее стихи: «Я одна с тобою...», «В сокровенности сердца...» и «Дитя страданья и бессилья...» (1943. № 6. Окт.–нояб. С. 30–32; эти стихи явились литературным дебютом 50-летней поэтессы; все три включены в ее первый сборник стихов «Земная печаль»: «Я одна с тобою...», под назв. «Озеро покоя» (С. 93); «В сокровенности сердца...» (С. 69); «Дитя страданья и бессилья...», под назв. «Прозрение» (С. 44)); «Неспокойная и песенная сила!..», «Туманных будней вереница...» (1945. № 21. Сент.–окт. С. 44); «Закон», «Струится нежное сиянье...» (1947. № 33/34. Апр.–май. С. 95); «А в жизни унылой...», «Гладь, нетронутая ветром...» (1949. № 39/41. С. 85–86). Письма к ней Прегель см.: [Письма С. Прегель к Р. Чеквер 2015].

Чеквер и в дальнейшем поддерживала Зурова материально. В письме к Кодрянским, датированном 2 ноября 1957 г., незадолго до смерти Рахиль Самойловны, Зуров писал:

Дорогая Наташа и Исаак Вениаминович,

Вера Николаевна <Бунина> прочла мне Ваше письмо. Я сразу хотел поблагодарить Рахиль Самойловну, но Софья Юльевна мне сказала, что сейчас ей лучше еще не писать. Пожалуйста, передайте при первой возможности Р<ахиль> С<амойловне> мою глубочайшую благодарность. Спасибо и Вам за доброе внимание. Очень Вас прошу переслать мне то, что Вы получили от Р<ахили> С<амойловны>, чтобы во время пути вещи из посылки не были потеряны (НИОР РГБ. Ф. 503. К. 1. Д. 7. Л. 26).

³ Детская писательница, переводчица, литературовед, мемуарист, актриса Наталья Владимировна Кодрянская (урожд. Гернграсс; 1901–1983) входила в самый близкий, интимный круг друзей Прегель. Выпускница московского Института благородных девиц, в 1919 г. она эмигрировала с родителями из России; до 1927 г. жила в Женеве, где познакомилась со своим будущим мужем — тогдашним студентом-медиком Женевского университета Исааком Вениаминовичем Кодряным (в США: Jacques Codrey; 1894–1980); их свадьба состоялась уже во Франции (30 июля 1927 г.), куда Кодрянская переехала во второй половине 1920-х гг. Поселившись в Париже, они прожили там до начала немецкой оккупации, в результате которой бежали в Америку (жили в Нью-Йорке по адресу: 263 West End Ave). Несмотря на то что в 1945 г. Кодрянские получили американское гражданство, после Второй мировой войны они достаточно часто приезжали во Францию и подолгу задерживались там, приобретя в 1950-е гг. дом под Парижем (городок Elancourt), где оба и умерли. Благодаря состоятельному мужу, Кодрянская занималась благотворительной деятельностью, в частности, поддерживала материально А.М. Ремизова, для которого была, по замечанию современника, вероятно, наиболее близким человеком «на закате его жиз-

ни» [Бахрах 1978, с. 10]. Автор книг (все увидели свет в Париже): «Сказки» (1950; с предисловием А. Ремизова, иллюстрации Н. Гончаровой), о которой в письме от 6 августа 1953 г. писательнице и переводчице Н.В. Хаттнер (псевдоним Dominique Arban) А. Ремизов писал как о лучшем, «... что вышло за последние 30 лет» в эмигрантской литературе [Sept letters... 2002, р. 184]; «Глобусный человечек. Чудесное путешествие» (1954; иллюстрации Ф. Рожанковского); «Алексей Ремизов» (1959); «Золотой дар» (1964; рисунки Ю. Анненкова); «Ремизов в своих письмах» (1977).

Кодрянская приняла участие в трех выпусках «Новоселья»: в № 4/5 за 1943 г. (август) был напечатан ее рассказ «Полустанок» (С. 47–53), в № 37/38 за 1948 г. — «Монгольские сказки» (С. 67–75) и в последней книжке журнала — № 42/44 за 1950 г. — пять коротких сказок: «Неудавшееся путешествие», «Сказка о короле вермишелей», «Очкчатая мышь», «Петушок» и «Старая береза и муха-однодневка» (С. 77–88).

Прегель имеет в виду рецензию Н. Кодрянской на 21-ю книжку «Новоселья», которая была напечатана в «Новом русском слове» (1945. № 12229. 21 октября. С. 8). О рассказах И. Бунина «Мадрид и «Второй кофейник» в ней говорилось:

Рассказы эти помечены концом апреля сорок четвертого года. Франция еще находилась тогда под властью немцев, но уже массировалось вторжение союзников и ширилось освободительное движение. Бунин-человек всё это знал и, несомненно, остро чувствовал. Но Бунин-писатель в апреле 1944 года продолжал бродить по темным аллеям любви, вечно-человеческого и даже действие своих рассказов он переносит в старую, но незабытую Москву, Москву дореволюционную.

«Мадрид» и «Второй кофейник» — два рассказа, в которых даны два женских портрета <...>. Оба рассказа написаны с безупречным бунинским мастерством: характерная художественная скупость писателя — ни одного лишнего слова, простота, правдивость образов. Особенно хорош «Мадрид», в котором углублена тема жалости к человеку.

А о зуровском «Аушвице» Н. Кодрянская писала следующее:

«Аушвиц» Зурова передает одну из трагических историй нашего времени. О германских лагерях смерти, о газовых камерах писалось немало, кажется, что всё уже знаем. Но рассказ Зурова нужно прочитать. Рассказ ведется от лица женщины, чудом вышедшей из гитлеровского лагеря смерти; в передаче Зурова он производит неизгладимое впечатление. Это подлинное свидетельство и исторический документ.

5

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 18 ноября 1945 г.

18 ноября 1945 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила Ваше письмо. Эпизод с «Аушвицем» забудем, — понимаю, что это недоразумение. Здесь «Аушвиц» имел большой успех — во всяком случае.

В ближайшее время pošлю Вам посылку — 11-ти фунтовую. Теперь они быстрей доходят. Прежде можно было посылать только «заказные».

Хорошо было бы, если б Вы написали о журнале. Не думаю, чтоб Ладинский обиделся¹. Ведь была уже рецензия — Даманской². Ее сократили до неприличия: получилась скучная заметка. Я борюсь за существование «Новоселья», как могу.

Здесь в смысле печатания всё обстоит весьма непросто. Но самое главное и *самое* трудное это сохранить «линию». Это, кажется, удалось провести. Жду присылки обещанного Вами рассказа.

От души желаю всего, всего наилучшего. Мой муж Вам кланяется.

Ваша Pregel-Breyner

Привет Вере Николаевне и Ивану Алексеичу.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 8–8 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Антонин Петрович Ладинский (1896–1961), поэт, прозаик, литературный критик. В 1946 г. взял советский паспорт, в 1950 г. был выслан из Франции и в течение пяти лет жил в ГДР, работая корректором в бюро переводов на заводе советского акционерного общества «Кабель». В 1955 г. вернулся в СССР. Некролог Ладинского в парижской эмигрантской печати принадлежит О. Кожевниковой (см.: [Кожевникова 1961]). Через две недели после его смерти Прегель писала советскому литературоведу П.Л. Вячеславу (письмо от 19 июня 1961 г.):

Расстроена смертью Ант. Петр. Ладинского. Он был моим старым приятелем и одним из постоянных сотрудников «Новоселья» [Прегель 2000, с. 157].

«Старый приятель» Ладинский широко представлен в послевоенном «Новоселье» как рассказами («Сотник из Капернаума», 1945. № 22/23. Ноябрь–дек. С. 22–29; «Саломея», 1946. № 27/28. Июль–авг. С. 22–31; «На римских табличках», 1947. № 35/36. Июль–авг. С. 48–55; «Смерть Юлиана», 1949. № 39/41. С. 87–94; «Анна Ярославна и ее мир», 1950. № 42/44. С. 156–163), так и стихами (двухчастный «Лирический театр», 1946. № 24/25. Февр.–март. С. 21–22; «Роза и мотылек», «Тихая жизнь», «Памятник», 1948. № 37/38. С. 42–43).

² Рецензия А. Даманской (подписана А.Д.) на «Новоселье» появилась в № 35 «Советского патриота» от 22 июня 1945 г. (С. 3). В ней говорилось:

Было приятно раскрыть и читать дошедшую из Нью-Йорка книжку русского ежесюжника «Новоселье» — редактируемую поэтессой Софией Прегель.

Руководящее начало издания — мысль о России, обращенность к России — этот посыл редакции в полученной нами книжке оправдан больше всего двумя посвященными России статьями журналистов В. Сухомлина и Марка Слонима. В отделе художественном даны преимущественно образцы молодой американской литературы в русских переводах. Стихи — три новые поэтессы — Татьяна Остроумова, Евгения Маркова, Кроткова. Две поэмы Софии Прегель «Смерть Варшавы» и «Мадьярская степь».

<...>

Державу-освободительницу с ликованием приветствовали, как нам известно, балканские страны. Это было завершение стихийного процесса тяготения к России, и Советский Союз выполнил историческую миссию России — освобождение славян. Марк Слоним, как и В. Сухомлин в горячо написанной статье «Свое и чужое», по-видимому, обращается и к таким читательским группам в Америке, каким приходится еще доказывать торжество России, и этим объясняется полемическая страстность тона одной и другой статьи.

Москва выступила на международной арене как покровительница и носительница освободительных идей. У нее нет головокружения от успехов, и требования, которые она выставила в своей внешней политике, далеки от приписываемого ей империализма.

М. Слоним отмечает особый смысл возвращения России в Европу — «великой державы — осененной моральным престижем».

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 19 декабря 1945 г.

19 декабря 1945 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила «Петроградскую ночь». С радостью помещу ее в «Новоселье». Не очень-то люблю главы из романов, но *эта глава* имеет большую ценность сама по себе¹.

Думаю, что Вы можете смело послать мне и *большой* рассказ! Если в нем 20–25 стр<аниц> — помещу его в удвоенном номере журнала. Актуальный материал необходим.

Вам я посылаю сразу две посылки. Маленькую (express) получите недели через 3–4. А большая (11-ти фунтовая) идет сравнительно долго. Поэтому Вы еще не получили костюма —

Но зато насколько выгоднее *во всех смыслах* посылать большие посылки.

Спасибо за доброе намерение написать рецензию. Полагаю, что Вы привели его в исполнение².

Парижские дразги меня не удивляют. Нервы поистрепались —

К счастью, я в стороне от здешних *дел*. «Новоселье» имеет свою линию и свою «репутацию» —

Со *всеми* здешними журнала<ми> — ничего общего.

От души желаю Вам счастливого Нового года. Привет Вере Николаевне и Ивану Алексеевичу.

Ваша

Pregel-Breyner

Мой муж Вам кланяется.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 9–9 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ «Петроградская ночь», глава из романа «Зимний дворец», как уже было сказано во вступительной статье, опубликована в удвоенной 24/25-й книжке «Новоселья» за февраль–март 1946 г. (С. 3–9).

² Намерение Зурова написать рецензию на «Новоселье» осталось неосуществленным.

7

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 19 февраля 1946 г.

Нью-Йорк, 19 февраля 1946 года

Дорогой Леонид Федорович,

Из-за поломки линотипа «Новоселье» с главой из Вашего романа¹ выйдет только в конце этой недели. Отправила Вам вчера посылку с различными мясными консервами и рисом. Ирина Яссен² мне сообщила, что Вы собираетесь прислать мне новый материал. До сих пор еще ничего не получила. Здесь всё те же пауки в банке, что и в Париже, но надо делать свое дело и не обращать внимания на ближних. За последнее время были очень приятные отклики с нашей родины.

С самым искренним приветом
Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 10. Машинопись, автограф-подпись, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ См. примеч. 1 к предыдущему письму.

² См. примеч. 2 к письму № 4, от 22 октября 1945 г.

8

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 3 марта 1946 г.

3 марта 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила Вашу статью. Чрезвычайно интересная. Пойдет в след<ующий> номер «Новоселья»¹. Постараюсь устроить ее в амер<иканском> журнале. Родина наша сейчас не слишком здесь «en vogue»². Запросила неск<олько> изданий. Если кто-либо заинтересуется, дам перевести статью. Если это не клонет, буду искать других путей!³

Отправила Вам посылку express. В ней мыло (2 куска), 4 пакетика бритв<енных> ножей, 2 пак<ета> конфет, 3 пак<ета> супов и 2 банки с мясными консервами.

Прилагаю при сем официальное письмо, о кот<ором> Вы просили. Ирине Яссен сказала относительно книжки — она Вам уже послала ее⁴.

От Б.Г. Пантелеймонова получила письмо и уже ответила ему⁵.

Читали ли Вы в парижской газете гнусные нападки на моего брата⁶. Он, конечно, привлек их к ответственности за клевету. В других органах печати во Франции появились о нем восторженные статьи. Дело в том, что его научная работа и вся

его деятельность, выдвинувшая его в первые ряды, не по вкусу темным силам — частично исходит клевета от канадской фирмы, кот<орая> должна Б<орису> Ю<льевичу> крупную сумму и всеми «способами» уклоняется от уплаты долга —⁷

От души желаю Вам, милый Леонид Федорович, всего, всего хорошего. Мой муж Вам кланяется.

Искренне Ваша

S. Pregel-Breyner

<на первой странице над датой и обращением>

P.S. Получили ли Вы 24–25 ном<ер> <<Новоселья>>? Ваша глава имеет большой успех!

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 11–11 об. Автограф.

¹ Речь идет об очерке Зурова «Синодик», напечатанном в 26-й книжке журнала за апрель–май 1946 г. (С. 85–94); в нем рассказывалось о варварском уничтожении нацистами русских религиозно-архитектурных памятников.

² В почете, популярна (*фр.*).

³ Похоже, что желающих напечатать статью Зурова в американских изданиях не нашлось.

⁴ Речь, по всей видимости, идет о каком-то одном из поэтических сборников И. Ясен — «Земной плен» или «Дальний путь».

⁵ Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888–1950), прозаик, издатель, химик. Его имя вспыхнуло на небосклоне эмигрантской словесности в послевоенный период, когда немолодому уже писателю-дебютанту оставалось жить совсем не долго. Поддержанный И. Буниным, А. Ремизовым, Н. Тэффи и Г. Адамовичем, разглядевшими в нем крупный и своеобразный талант, Пантелеймонов во второй половине 1940-х гг. издает книгу за книгой своих рассказов: «Зеленый шум» (1947), «Приключения дяди Володи» (1947), «Звериный знак» (1948), «Золотое число» (1949) — все изданы в Париже. С высокой оценкой его творчества Н. Тэффи дважды появлялась на страницах «Новоселья» (см.: [Тэффи 1948, 1950], а также: [Бицилли 1949]). Сам Пантелеймонов представлен в «Новоселье» следующими произведениями: «Родное» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 56–60), «Молодые глаза» (1947. № 33/34. Апр.–май. С. 76–94), «Страшная книга» (1948. № 37/38. С. 44–54), «Чудородные» (1949. № 39/41. С. 36–46), «Мы жили с Вагнером» (1950. № 42/44. С. 54–62). «Последняя книга» Пантелеймонова, вышедшая посмертно, в 1952 г., в нью-йоркском Издательстве им. Чехова, встретила восторженный отклик современников.

Пантелеймонов знал Ремизова, Бунина, — говорилось в рецензии на нее в журнале «Грани». — У обоих учился. Есть у него и тонкое мастерство в языке и стиле, иногда и необычная художественная простота. Много своего, настоящего. Прежде всего захватывающая молодость, свежесть, хотя Пантелеймонов начал писать поздно, под самый конец своей жизни. Поэтому и не развернулся, не раскрылся, не дал всего, что мог. А за «Последнюю книгу» — спасибо! [Арсеньев 1953, с. 150].

⁶ Борис (Бер) Юльевич Прегель (1893–1976), ученый-физик, историк науки, предприниматель, композитор, общественный деятель, меценат (см. о нем: [Из переписки Залкина с Прегель 2004]).

⁷ После бегства из Франции в 1940 г. и переселения в США Б.Ю. Прегель вместе с братом Александром Юльевичем (1907–1998) создал компанию «Canadian Radium and

Uranium Corp.» и стал ее президентом. Компания занималась поиском и разработкой урановых месторождений на севере Канады, а позднее в американском штате Колорадо. Одновременно он являлся агентом компании «Canadian Eldorado Mining Refining Co.», которая обеспечивала ураном Манхэттенский проект по созданию атомной бомбы. С разрешения американского и канадского правительства, некоторое количество урана было в годы войны продано в Советский Союз. В марте 1945 г. Canadian Foreign Exchange Control Board начал слушание по делу о финансовой деятельности Прегеля, и хотя в ней не было найдено никаких отклонений от закона, ему пришлось выплатить гигантскую сумму по ряду юридических актов (по-видимому, с этим и были связаны «гнусные нападки» парижской прессы, о которых пишет София Юльевна). Несмотря на то что деловая карьера Б. Прегеля продвигалась в эти и последующие годы достаточно успешно, американская пресса не упускала случая и в будущем напоминать ему о торговой сделке с Советами, см., например, в еженедельнике «Time» (Uranium Unlimited // Time. 1950. Vol. LV, № 11. March 13. P. 84), где говорилось о том, что, несмотря на всю свою одаренность в других областях, он «has a special talent for bad publicity» («имеет особую способность создавать скверную рекламу»).

9

Л.Ф. Зуров — С.Ю. Прегель

Париж, март 1946 г.

<Март 1946>

Дорогая Софья Юльевна, очень был обрадован, получив Ваше письмо, счастлив, что у Вас всё идет прекрасно. Я поделился содержанием Вашего письма с друзьями и знакомыми. Они все довольны и шлют Вам привет. Журнала еще не получил. Спасибо за удостоверение и сообщение о том, что моя статья наконец-то до Вас дошла и Вам понравилась: я боялся, что она запоздает, а послал ее заказным письмом потому, что на почте за воздушное письмо спросили 110 франков. Пусть не сетует на меня за молчание Ирина Самойловна <Чеквер>¹ — я ей полмесяца тому назад послал большое заказное письмо и открытку, надеюсь, что она всё получит, хотя и с опозданием, сейчас же пришла ее книжка стихов², и я ей сегодня же ответил.

У меня к Вам большая просьба. Рукопись «Зимнего Дворца» лежит у меня на столе (если можно эту высокую табуретку назвать письменным столом). До сих пор занятый сдачей археологических материалов, я и не пытался устроить ее куда-либо, найти переводчика, во-первых, потому, что над ней надо еще немного поработать — почистить, местами сократить, перепечатать набело. На русское издание, рассчитывать, конечно, невозможно, значит, нужно попытаться ее перевести на иностранные языки. За это время я опубликовал лишь несколько отрывков — в газете, во «Встречах», у Вас³. Задержка с опубликованием вещи действует на мораль отвратительно и замедляет дальнейшую литературную работу, но для того, чтобы роман двинуть, его нужно привести в порядок, засесть за него, но для этого мне нужно около двух месяцев поработать над книгой, ничем посторонним не отвлекаясь (рукопись приблизительно насчитывает 450 страниц). Для работы над книгой мне необходимо иметь на руках десять тысяч франков. Не мог бы Ваш журнал ссудить мне для этой работы аванс в десять тысяч?> Вы знаете по совместной

работе мою точность — уверяю Вас, что если даже, паче чаяния, найти издателя сразу и не удастся, то взятую у Вас займы сумму я быстро погашу литературным материалом. Скоро выйдет «Парижский Сборник», в нем будет напечатан отрывок из «Зим<него> Дворца»⁴, за который я получил 4000, по этому отрывку Вы можете судить и о романе. Это художественное произведение, вся книга — это три дня — 24, 25 и 26 октября — фронт, Петроград, Зимний, Мариинский, приход к власти Советов, Смольный и начало Пулковских боев. Материал я собирал еще до войны, пользовался советскими источниками и зарубежными, книгу писал в самые тяжелые годы оккупации. Друзья и знакомые говорят, что она, если ее перевести на английский, то она будет иметь несомненный успех в Америке, так как такой книги еще не появлялось в печати. Мне недавно передали, что М.А. Алданов устраивает перевод романа Зайцева⁵, и я решил похлопотать о своей книге не перед Алдановым, а обратиться к Вам и Вашим друзьям с просьбой найти для «Зимнего Дворца» хорошего переводчика и издателя. Если бы это случилось<сь>, я воспрянул духом, немедленно горячо взялся бы за дело и начал бы Вам высылать для переводчика роман большими кусками. Из этих вещей Вы могли бы делать выборки для Вашего журнала — там есть цельные самостоятельно живущие главы. Друзья, которым я показывал свою рукопись, считают, что впоследствии, даже может быть очень скоро, мой роман может быть напечатан и на родине, считаю также, что из него можно будет сделать сценарий. Кроме того, может быть, можно пропустить отдельные главы в американской печати, тогда первым долгом, конечно, я погашу свой аванс⁶.

Так вот, милая Софья Юльевна, с нетерпением буду ждать Вашего ответа. Передайте мой сердечный привет Вашему мужу и Ирине Яссен. Желаю добрых творческих дней и хорошей работы.

Если Вы согласны, то напишите, как лучше посылать рукопись — по почте или с оказией. Аванс хорошо было отправить мне тем же путем, как М<ария> С<амойловна Цетлина>⁷ посылает И<вану> А<лексеевичу> Бунину⁸.

Если я развяжусь с этой книгой, это мне даст возможность сразу же взяться за вторую, которая у меня лежит в грубом черновике — это <<>Москва<>>.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 7. Машинопись. Датируется по содержанию.

¹ Зуров забавно «скрещивает» литературное имя с подлинным отчеством Яссен-Чеквер.

² См. примеч. 4 к предыдущему письму.

³ Фрагменты из «Зимнего дворца» печатались в газете «Русский/Советский патриот»: «Семнадцатый год: Глава из нового романа “Зимний Дворец”» (1945. № 11 (24). 6 января. С. 6–7) и «Зимний Дворец» (№ 55. 9 ноября. С. 4); в двух выпусках сборника Объединения русских писателей во Франции «Встреча» (Париж), вышедших из печати соответственно в июле и ноябре 1945 г.: в 1-м — «Петрополь (отрывок из романа)» (С. 22–23; в оглавлении назван «Петрополис»), во 2-м — «Дорога (отрывок из романа “Зимний Дворец”)» (С. 10–12); в «Русском сборнике» (Париж. 1946. № 1. С. 70–86) был помещен отрывок под названием «Астория»; об отрывке, появившемся в «Новоселье», несколько раз говорилось выше, см., в частности, примеч. 1 к письму № 6, от 19 декабря 1945 г.; позднее в этом же журнале увидела свет «Дворцовая площадь» (1949. № 39/41. С. 76–82; в статье о Зурове в литературной энциклопедии «Писатели русского зарубежья (1918–1940)» (М.: РОССПЭН,

1997. С. 193) «Новоселье» в данном случае перепутано с «Новым журналом»); после смерти автора одна из глав, под названием «Первый, второй», была опубликована М.Э. Грин в «Новом журнале» (1972. № 108. С. 5–12).

⁴ Имеется в виду «Русский сборник», указанный в предыдущем примечании.

⁵ Усилия М. Алданова, если таковые имели место, успеха не принесли: при его жизни из произведений Б. Зайцева на английский язык был переведен только роман «Анна» (1-е изд. на русском языке — 1929), но это случилось еще до Второй мировой войны, см.: [Zaitsev 1937].

⁶ Роман Зурова, не заверченный и на русском языке (рукопись хранится в LRA. MS. 1068/441–722), на английский язык не переводился.

⁷ Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина; в первом браке Авксентьева; 1882–1976), общественный деятель, издатель, меценат; жена одного из основателей «Нового журнала» Михаила Осиповича Цетлина (1882–1945); мать Александры Николаевны Прегель (урожд. Авксентьева; в 1-м браке Болотова; 1907–1984), жены Б.Ю. Прегеля.

⁸ Первое время после смерти мужа М.С. Цетлина продолжала заниматься делами «Нового журнала», в котором печатался И.А. Бунин.

10

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 27 марта 1946 г.

27 марта 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

По поводу Вашего романа говорила с издателем? елями?», а также с переводчиками. Здесь всего неск

- о
- л
- к
- о

признанных переводчиков. Работают они в больших издательствах и при желании могут протолкнуть книгу.

Есть два способа устраивать романы:

1) Дать издателю одну переведенную главу, а также *резюме* всего романа по-английски;

2) Показать весь роман в законченном виде.

Второй способ — правильный (*по главе* почти никогда не принимают). Готова была перевести ее на свой счет, но мне отсоветовали начинать эту процедуру. Кроме расходов, она ничего бы не дала.

Итак, Вам надо кончить роман, а потом уже послать сюда копию, которую покажем кому надо.

«Новоселье» авансов не дает (дать не может, вернее), т. е. существует оно чудом и только благодаря моему упорству.

Но я постараюсь раздобыть сумму, о которой Вы пишете. Главное, найти способ передать. Очень хочу помочь Вам закончить роман. Напишу, как только всё налажу.

Искренне и дружески Ваша

S. Pregel-Breyner

P.S. «Новоселье» с рассказами Ивана Алексеевича и Вашей статьей выйдет в двадцатых числах апреля¹.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 12–12 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ В 26-й книжке «Новоселья» за апрель–май 1946 г. под общим названием «Краткие рассказы» были напечатаны три бунинские прозаические миниатюры: «Красавица», «Дурочка» и «Гость» (С. 3–8).

11

С.Ю. Прегель – Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 19 апреля 1946 г.

19 апреля 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

С письмом Романа Самойловича Тумаркина¹, кот<орое> при сем прилагаю, пойдете к Борису Петровичу Маги²; Вы получите от него *то*, о чем Вы меня просили. Его адрес:

Mr. Bernard Magui
21 bis, rue de Paradis
Paris (X-e)

Его домашний адрес: 15, rue Raynouard, Paris.

Бесконечно рада, что мне удалось услужить Вам. Через некоторое время отправлю 11-фунтовую посылку.

26-й ном<ер> выходит на днях. Немедленно пошлю его Ивану Алексеевичу и Вам.

Жаль, что «Новоселье» так *слабо* поддерживают. Мне игра самолюбий давно надоела. Если б считалась с этим, «Новоселье» приказало бы долго жить.

Надеюсь, Вам удастся в спокойствии закончить роман.

От души желаю Вам всего, всего хорошего.

Дружески Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 13–13 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Роман Самойлович Тумаркин (1888–1971), предприниматель; брат М.С. Цетлиной.

² Борис (во Франции: Бернар) Петрович (собст. Пейсахович) Маги (собст. Магидович; 1892–1952), предприниматель, меценат, масон. В.Н. Бунина писала Н.В. Кодрянской о его смерти (письмо от 16 июня 1952 г.):

Смерть Маги огорчила меня. Вы знаете, я его ценила, и мне он казался очень привлекательным человеком. Похороны были многолюдны, человек четьреста, я не была, был Леня. Оба мы никогда из дому не отлучаемся. <Борис> Прегель читал молитву над его гробом (НИОР РГБ. Ф. 503. К. 3. Д. 11. Л. 3).

12

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 9 мая 1946 г.

9 мая 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила Ваше письмо-подтверждение. Рада, что Вам понравился Борис Петрович <Магидович>. Отправила Вам вчера 11-ти фунтовую посылку. В ней масло сливочное, мед, молоко, шоколад, сушеные фрукты, конфеты (леденцы), папиросы и еще всякая всячина.

Попрошу также Ирину Яссен послать Вам продукты. Вы должны теперь думать о своем здоровье. «Синодик» всех потрясает¹. Одна читательница так зажглась, что написала по этому поводу о немцах и прочем.

Здесь читатели пишут, не то что в Европе. Особенно трогательны письма простых людей. Один чудак в своих посланиях упорно называет меня «София Ласточка»...

Как Вы правильно отметили, настоящей поддержки журнал не имеет.

Это обидно в общем.

В след<ующем> номере (27–28) не сумею поместить главу из романа, т. к. будет уже одна — ремизовская². 2 главы в небольшой книге — *c'est trop*³.

В 29-ом можно будет поместить главу, если не набежит *рассказ*⁴ — через некоторое время напишу об откликах на Вашу статью.

Пока желаю всего, всего хорошего.

Дружески Ваша

S. Pregel-Breyner

Сергей Ник<олаевич Брейнер> шлет привет.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 14–14 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ См. примеч. 1 к письму № 8, от 3 марта 1946 г.

² В сдвоенной 27/28-й книжке «Новоселья» за июль–август 1946 г. был напечатан отрывок, названный А. Ремизовым «Чародеи», и с подзаголовком «Из повести “Очарование”» (С. 3–19).

³ Это чересчур (*фр.*).

⁴ В сдвоенной 29/30-й книжке «Новоселья» за октябрь–ноябрь 1946 г. был напечатан рассказ Зурова «Обитель» (С. 35–54).

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 2 июля 1946 г.

2 июля 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила открытку Вашу, а рукопись еще не пришла —
Вероятно, получу ее в ближайшее время — Сообщу Вам об этом немедленно.
Если у Вас (в дальнейшем) не будет денег на «air mail»¹, Вы можете всегда передать рукопись Василию Васильевичу Сухомлину² — он отправит.

Не знаю, как отнеслась Ирина Яссен к рецензии Адамовича³ — Не видела ее, т. к. уезжала в Саратогу⁴ (здесьний Ваттенс⁵). Она живет на даче — Постараюсь успокоить ее: это на тот случай, если рецензия *дошла* и огорчила ее.

На будущей неделе отправлю Вам посылку, в кот<орую> опять вложу папиросы.

От души желаю всего, всего хорошего.

Дружески Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 15–15 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ «Воздушная почта» (*англ.*).

² См. примеч. 5 к письму № 2, от 7 августа 1945 г.

³ Речь идет о рецензии Г.В. Адамовича на несколько новых поэтических сборников: «Новые стихотворения» Г. Раевского (Париж, 1946), «Дальний путь» И. Яссен (Нью-Йорк, 1946) и «Избранные стихотворения» В. Брюсова (Москва, 1945) [Адамович 1946]. В части, посвященной «Дальнему пути», говорилось следующее:

Впечатление от сборника Ирины Яссен — новое имя — двойственно. Никак нельзя назвать этот сборник пустым. Но автор еще совсем мало опытен, и если когда-нибудь суждено ему стать поэтом, он, вероятно, вспомнит о «Дальнем пути» как о пробе пера ошибочно.

У Ирины Яссен есть, как говорится, «данные». Бесспорно, есть. Но дурную службу со-служит ей тот, кто отдалается в отзыве о ее книге комплиментами. Ирине Яссен надо бы подумать о поэзии, а не только поэзией заниматься! Ей надо бы понять, что такие строчки, как:

Времена великих потрясений,
Грандиозных сдвигов
Роковой борьбы... —

со словесным творчеством ничего общего не имеют. Или почувствовать, убедиться, что такие стихи, как:

Восторженность горит звездой
В тайном искуплении греха —

как бы ни казались значительны, не значат ровно ничего. Подождем следующей встречи с Ириной Яссен, — и как бы ни был долог срок, подождем с доверием и надеждой. Едва ли доверие и надежды будут обмануты.

⁴ Саратога-Спрингс — курортный городок на востоке штата Нью-Йорк, славящийся своими минеральными источниками.

⁵ Ваттенс — горный курорт в Австрии (Тироль).

14

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 18 июля 1946 г.

18 июля 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Прилагаю письмо, кот<орое> вчера для Вас получила. Уже в прошлом письме подтвердила получение Вашего *прекрасного* рассказа¹.

15-го <июля> отправила Вам посылку. В ней: шоколад, сосиски, чай, бульон в кубиках, варенье, мед, *жир*, паштет печ<еночный>, сушеные фиги, изюм, леденцы, ирисы, папиросы (3 пакета)... Надеюсь, всё это придет в хорошем состоянии.

Ирина Яссен на даче, не видела ее, т. к. была занята экспедицией 27–28-го номера журнала —

От души желаю Вам всего, всего наилучшего —

Искренно Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 16–16 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Или письмо не сохранилось, или Прегель ошибочно решила, что подтвердила получение зуровской «Обители» (по всей видимости, речь идет об этом рассказе), см. примеч. 4 к письму № 12, от 9 мая 1946 г.

15

Л.Ф. Зуров — С.Ю. Прегель
Париж, 18 сентября 1946 г.

18 сентября 1946 года

Дорогая Софья Юльевна,

Пользуюсь любезностью Сергея Николаевича¹. Посылаю Вам рассказ «Дагмарский Лес»². Он взят из романа, но об этом можно и не упоминать, так как впечатление создается цельное. Посылку Вашу, отправленную 15 июля, я получил. Премного благодарю — посылка прекрасная, всё дошло в полной целости и сохранности, папиросы курил с наслаждением. Сообщаю Вам, что у меня на руках имеется первосортный материал для «Новоселья». В августе, во время отдыха, я встретил молодую русскую женщину — политическую заключенную из лагеря

Равенсбрюк, и она мне рассказала много замечательного о жизни женского лагеря, а именно *то, о чем еще нигде не писали*. Это главным образом рассказы не о жестокости, а о человеческом немеркнущем свете, горевшем в сердцах некоторых заключенных, который позволил не только вынести и пережить издевательства и мучения, но помог и окружающим остаться людьми, побеждая страх смерти и огни крематория. Это рассказы о советских девушках, венгерских еврейках, славянках, о родившемся в лагере ребенке, которого заключенные спасли, о лебедях, прилетевших весной на болотистое прилагерное озеро, — и о многом другом³. Мне нравится, что Вы продолжаете печатать о лагерях, в то время как здесь с этим покончили и постарались всё это крепко забыть. Рассказ русской женщины особенно интересен именно потому, что он является прямой противоположностью рассказу Ирины Грэм по обилию внутренней силы и чистоты⁴.

О многом бы хотелось поговорить с Вами, но в письме всего не расскажешь. Мы (наша группа вместе с Бердяевым) в очень трудном положении в связи с литературными событиями, происшедшими на родине⁵. Всё же наша позиция* остается неизменной. Трудный для нас, зарубежных литераторов, начинается путь. Особенно труден он для меня. Но что же делать! Таков исторический перекресток. Обстановка вокруг чрезвычайно сложная.

Видел Тэффи, просил ее послать в «Новоселье» маленький рассказ. Она обещала⁶. Просит в гонорарную посылку вложить шоколаду⁷. Если Вам угодно, то в «Новоселье» будут сотрудничать: С.С. Оболенский (он пишет передовицы в <<Русских Новостях>> и работает в Совинформбюро), Величковский и С.П. Жаба (друг Фондаминского, член «Круга», журналист)⁸.

Летом я немного отдохнул под Парижем в общежитии, основанном Матерью Марией, жил там в общем дортуаре и купался в Марне⁹. Комнату свою городскую я потерял, проиграл процесс и переехал к Бунинам (sic) — они сдали мне комнату за 500 фр<анков> в месяц + газ. Сейчас работаю опять над романом. Я думаю, что Вам о парижских событиях многие написали.

Последний номер «Новоселья» произвел на всех прекрасное впечатление¹⁰.

Ваши стихи очаровательны¹¹. Хорош Ремизов¹² и Яновский¹³. Яновскому передайте, пожалуйста, от меня сердечный привет и благодарность за присланный табак. *Он очень вырос, хорошо и уверенно стал писать. Язык выправил.*

Желаю Вам добрых творческих дней. Целую Вашу руку.

Л. Зуров

P.S. Мы думаем здесь, в Париже, создать группу «Новоселье»: это единственный у нас журнал — нам надо крепко связать Париж с Америкой.

* Верность Родине¹⁴.

LRA. MS. 1068/3747. Машинопись.

¹ С.Н. Брейнер в сентябре 1946 г. посетил Париж.

² См. приложение к настоящей публикации.

³ По всей видимости, замысел Зурова в письменной форме так и не воплотился — не только среди его напечатанных рассказов, но и сохранившихся рукописей такой текст нам неизвестен.

⁴ Зуров имеет в виду рассказы-очерки писательницы и журналистки Ирины Александровны Грэм (1910–1996) «Мой первый день в Чапее» и «Весна в Чапее», напечатанные в «Новоселье» в 1946 г. — соответственно в 26-й книжке за апрель–май (С. 33–41) и двоянной 27/28-й за июль–август (С. 93–102); в них Грэм описала свое полуторогодовое пребывание в японском концлагере.

⁵ Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г., с которого в Советском Союзе началась послевоенная эпоха «закручивания гаек» и которое прозвучало предостерегающим сигналом для части просоветски настроенных эмигрантов.

⁶ Речь идет о рассказе Тэффи «Трагедия» (см. следующее письмо), напечатанном в двоянной 31/32-й книжке «Новоселья» за январь–февраль 1947 г. (С. 8–13).

⁷ Ср. в письме Тэффи И. Бунину от 3 января 1947 г., после получения «гонимой» посылки с шоколадом (об этой посылке Прегель пишет Зурову в следующем письме):

А Прегели платят шоколадом, притом отвратительным [Переписка Тэффи 2001, с. 533].

⁸ Журналист, общественный деятель Сергей Сергеевич Оболенский (1908–1980), поэт Анатолий Евгеньевич Величковский (1901–1981) и журналист, публицист Сергей Павлович Жаба (1894–1982), автор некролога Зурову в «Русской мысли» (1971. № 2863. 30 сентября. С. 7). Из перечисленных здесь Зуровым для сотрудничества в «Новоселье» авторов лишь А. Величковский однажды, в 37/38-й книжке, напечатал свои стихи: «Я иду под липами большими...», «Никто не пел, не говорил стихами...» (С. 76–77), см. письмо № 26, от 28 февраля 1948 г.

⁹ Речь идет о Русском доме в пригороде Парижа Noisy-le-Grand, основанном поэтессой и монахиней, участницей французского Сопротивления матерью Марией (в миру Елизавета Юрьевна Скобцова; урожд. Пиленко; в 1-м браке Кузьмина-Караваева; 1891–1945).

¹⁰ Зуров говорит о двоянной 27/28-й книжке за июль–август 1946 г. После этой фразы до конца письма текст написан от руки.

¹¹ В этой книжке журнала были напечатаны два стихотворения Прегель — «Черноморский рассвет» и «В молельне» (С. 20–21).

¹² См. примеч. 2 к письму № 12, от 9 мая 1946 г.

¹³ См. примеч. 1 к письму № 3, от 25 сентября 1945 г.

¹⁴ Примечание Зурова.

16

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 2 октября 1946 г.

2 октября 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Спасибо Вам за Тэффи, получила ее чудесный рассказ «Трагедия»¹ и вчера отправила ей посылку, в кот<орой> преобладают шоколад и др<угие> сладкие вещи.

Также послала Вам посылку. В ней: масло сливочное, чай, кофе, варенье (большая банка), мед, сосиски, конфеты (леденцы), сушеное молоко, шоколад и

спец<иальные> консервы (рис с курицей), а также папиросы (3 пачки). Надеюсь, всё это дойдет в хорошем виде.

«Новоселье» с *Обителью* должно выйти через 8–10 дней приблизительно². Задержалось из-за отсутствия бумаги. Те авторы, кот<орых> Вы предлагаете для «Новоселья», с литературной стороны мне мало известны, поэтому ничего не могу сказать определенного. Хотела бы «*посмотреть*».

А Ваш рассказ — «Дагмарский лес», как всегда, очень хорош. В нем всё настоящее, нет и тени «фальши». С удовольствием его напечатаю в одном из ближайших номеров.

В след<ующем> номере (31-м) начинаю печатать замечательные воспоминания о Дранси³. Затем можно было бы пустить то, что Вы предлагаете. *Надо* продолжать писать об этом. Мир и так погряз в безразличии! Что же касается Вашей позиции — она более чем правильна. Другой быть не может!

От души желаю всего, всего хорошего

Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 17–17 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ См. примеч. 6 к предыдущему письму.

² См. примеч. 4 к письму № 12, от 9 мая 1946 г.

³ Прегель ведет речь о воспоминаниях литературного и общественного деятеля Анны Морисовны Элькан (урожд. Абельман; 1899–1962) «Дранси — лагерь во Франции», напечатанных не в следующем номере «Новоселья», а через номер, в сдвоенной 33/34-й книжке за апрель–май 1947 г. (С. 122–130). Впоследствии А. Элькан выступила на страницах «Новоселья» еще с одним мемуарным текстом на ту же тему: «Лагерная жизнь» (1948. № 37/38. С. 123–129).

17

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 13 ноября 1946 г.

13 ноября 1946 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Отправила Вам вчера посылку. В ней: масло сливочное, мед, варенье, леденцы, «ирисы», фиги сушеные, изюм, шоколад, кофе (Нестле¹, кот<орый> нужно просто заваривать), рис, папиросы (2 пак<ета>). Хочу думать, что всё это придет в хорошем состоянии.

Свой авторский экз<емпляр> «Новоселья» Вы, вероятно, уже получили. «Обитель» имеет большой успех. Посылаю вырезку из рецензии (Новое Русское Слово)².

Как видите, без «шпилек» не обошлось. Но хвалить все-таки приходится! А вот что пишет по этом<у> поводу проф. Владимир Симкович (sic) (изв<естный>

историк и экономист)³. «История монастыря — “Обитель”, — написанная в нарочито простой манере — на самом деле истинное произведение искусства...» (это я перевожу с английского)⁴.

От души желаю всего, всего хорошего. С<ергей> Н<иколаевич> шлет привет. О дальнейших откликах сообщу.

Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 18–18 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Нестле — Nestlé S.A. (полное название: Nestlé Strategische Allianz) — известная швейцарская компания по производству продуктов питания.

² Речь идет о рецензии журналиста, фельетониста, поэта-сатирика, секретаря редакции «Новоселья» Михаила Константиновича Железнова (наст. фам. Айзенштадт; др. псевд. Аргус; 1900–1970) на 29/30-ю книжку «Новоселья», в которой о рассказе Зурова «Обитель» говорилось следующее:

«Обитель» Леонида Зурова — воспоминания о Печорах (Эстония), переплетенные с историческими справками. Впечатление эффектное и яркое. Но для чего Зуров как бы нарочито повторяет несколько раз, что князь Курбский «изменил царю и народу» <?> Явная уступка официальной советской оценке Грозного и отождествление Ивана с русским народом [Железнов 1947, с. 7].

³ Владимир Григорьевич Симхович (Vladimir G. Simkhovitch; 1874–1959), экономист, историк, коллекционер, профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

⁴ Установить источник не удалось.

18

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 22 января 1947 г.

22 января 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Позавчера отправила Вам посылку. В ней: масло сливочное, кофе, мед, мед (sic), варенье (разное), рис, чай, шоколад, папиросы. В посылку включила 1 пару теплого (шерстяного) белья и одну верхнюю рубашку. Надеюсь, всё получится в хорошем виде.

Александра Николаевна Мазурова взяла у меня Ваш адрес, собирается послать В<ам> пакет¹. Говорит, что она В<аша> фонетическая мамаша. (Мá-Зурова). Это *ее* определение.

Обидно, что Вам приходится работать в таких тяжелых условиях. Доколе, доколе?!²

От души желаю Вам всех благ.

Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 20–20 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Александра Николаевна Мазурова (в замуж. Джордж; 1891–1960-е), писательница, литературный критик, журналист, мемуарист. Училась в балетной школе (по свидетельству В. Пяста, «ученица танцовщицы-босоножки Ады Корвин», см.: [Пяст 1997, с. 134]), окончила Бестужевские курсы. Бывала в доме Блоков (ее мать, О.А. Мазурова (Желябужская), дружила с матерью и теткой А. Блока) и упоминается в дневниках поэта, см., например, запись от 6 июля 1918 г.: «Аля Мазурова с мужем едет в Америку» [Блок 1965, с. 415]. В «Новоселье» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 129–136) выступила с воспоминаниями о Блоке «Оставшийся там: (К 25-летию со дня смерти Александра Блока)».

² После войны Зуров вместе с В. Варшавским служил ночным сторожем в гараже американских квакеров в Буживале (см. в письме № 19, от 2 февраля 1947 г., в котором Прегель пишет Зурову о квакерской организации, куда она обратилась, чтобы ему помочь), о чем свидетельствует ряд источников, см., например, запись в дневнике В.Н. Буниной от 2 декабря 1946 г.:

Леня <Зуров> третью ночь сряду дежурит. Он нанялся сторожем в гараж, где служит Володя Варшавский. Для защиты у них 2 дубинки и собака, которая не лает [Устами Буниных 1982, с. 184].

Или в письме Зурова к Р. Чеквер от 23 июня 1947 г.:

До окончания работы осталось две недели. Квакеры закрывают свой гараж и ликвидируют свой парижский центр. Окончанию работы я рад (ВА. R. Chekver papers. Vox. 3).

Этот биографический факт запечатлен также в романе В. Варшавского «Ожидание» (1972), в котором Зуров выведен под именем Жоржа [Хазан 2011, с. 187].

21 декабря 1946 г. Прегель писала В.Н. Буниной:

Дорогая Вера Николаевна,

Получила Ваше письмо и много над ним думала. Хотелось бы помочь Леониду Федоровичу. Он должен работать над своим романом (и не в гараже!).

Издать его роман следует, конечно, в Париже. В Нью-Йорке условия печатания трагические. С переходом на мирное строительство качество работы не изменилось. А цены всё растут.

Интереса к литературе в США — никакого. (Я говорю о «русской Америке».) Не стоит себя обманывать. «Новоселье» с трудом завоевало себе друзей. Здешняя публика крайне недоверчива. Не мудрено — ее часто обманывали проходимцы, выдававшие себя за литераторов.

Но вернемся к главному. После Н<ового> Г<ода> встречусь с Ириной Яссен, и мы обсудим, что можно сделать для Л<еонида> Ф<едоровича> (Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 19–19 об.).

19

Л.Ф. Зуров — С.Ю. Прегель
Нью-Йорк, 2 февраля 1947 г.

2 февраля 1947 г.

Дорогая Софья Юльевна, пишу Вам, вернувшись с ночного дежурства. Слава Богу, морозы кончились, а то руки опухли и до крови потрескались от топки рас-

каленной печи и холода, царящего в гараже. Спасибо за милое письмо, доброе отношение, отправленную посылку. Мазуровой, пожалуйста, передайте мой сердечный привет и благодарность. Скажите ей: земля по-фински и эстонски — ма, т. е. мать, Россию они называют Венема, т. е. земля Вене, а Зур (имя Зурислав) встречался в древности на славянском балтийском поморье.

«Новоселье» получил¹. Книжка составлена превосходно, но вот о статье Слонима² мне хотелось бы с Вами как редактором сборника откровенно поговорить — и будет хорошо, если Вы эту часть письма прочтете Марку Львовичу. Признаться, я никогда не отвечал критикам, — да и то надо сказать: критика была корректна, а вот Слониму я отвечаю, так как его статья не только меня, но и многих литераторов (после всего пережитого нами в то время, когда мы с величайшими трудностями в неимоверных условиях продолжаем работать) оскорбила. Меня поразила его безапелляционность и глубочайшее невнимание. Начну с разбора моих «воспоминаний»³. «Зуров вспоминает о Петрограде августа 1917 года (Астория). Как и в других отрывках автора о той же эпохе...» Конечно, ежели другого слова и определения художественного творчества у рецензента нет, то вся литература, за исключением фантастических романов, для него обратится в воспоминания. Что же это, нарочно Слоним так пишет или же, пожертвовав мною, он решил заострить актуальную тему, или же он даже не удосужился помещенную в сборнике главу прочитать<?>. Чтобы пристегнуть меня к воспоинающим (к старому начинающему Пантелеймонову, хотя и в его воспоминаниях я не вижу греха⁴), Слоним не поцеремонился — главу из романа «Зимний Дворец» превратил в воспоминание (хотя автору в то время было 13 лет, Астории он никогда не видел, а жил и учился в уездном городе Псковской губернии, где Октябрь и пережил), знаменательный вечер 24 октября, один из последних вечеров перед переворотом, Слоним решил превратить в августовский (хотя о том, что это октябрь и вечер именно 24 октября, в главе упомянуто), для удобства главу превратил в самостоятельный отрывок и, пользуясь этим, заклеил «длительное описание среды и социальной обстановки», хотя это-то длительное описание среды и обстановки именно и входило целиком в замысел автора, вот как и это «многословие, усугубляемое слишком частыми повторениями». (Слоним, очевидно, решил, что он имеет дело с литературным новичком, а не с литератором, который, когда ему нужно, умеет быть кратким и точным.) А потом, подумайте, какие он мне шлет из-за океана советы. «Вместо того, чтобы выбрать типические образы и построить описание на немногих характерных и ярких деталях...» Нет, отвечаю я, описание у меня построено на многих характерных для этой социальной среды деталях. Боже мой! «Хорошо подмеченные отдельные штрихи», да разве теперь так пишут, ведь эти «хорошо подмеченные штрихи» равны «огонькам, которые подмигивали», «деревьям, которые шепчутся между собой». И это написано о главе, в которой в первый раз показана офицерская среда тылового Петрограда накануне Революции, о главе, в которой, по авторскому замыслу, идет особое действие — вот это кружение, болтовня, великолепное позванивание шпорами.

Что же это? Тоже великолепная небрежность, поверхностное скольжение или же просто неуважение к «молодым», которых критик берет в кавыки⁵, иронизи-

руя. Он, очевидно, считает себя вправе иронизировать — сойдет, ничего не ответят, мало ли чего они за эти эмигрантские годы не переносили. Нет, Марк Львович, всё то кончилось. И мы требуем от Вас ответственности за каждую напечатанную Вами строку. Неужели же это всё, что Вы смогли нам сказать после долгой разлуки <?> И довоенное, когда-то очень для зарубежья удобное деление на старых и молодых, и обязательные кавычки, и обязательная ирония «приближаются к весьма к (sic) почтенным годам», но и Вы приблизились к этим годам, уважаемый Марк Львович, но почему Вам так весело и почему Вы, приблизившийся к этим роковым годам, ничего не желаете в своих рецензиях углублять, да еще и высказываетесь против чужого художественного самоуглубления (что весьма странно и удивительно) и не желаете даже подумать о том — чего стоили проведенные в тяжелых условиях годы в отрыве от народа, языка и русской стихии. Но Вы об этом как будто и знать не хотите. Для Вас прошлого как будто и нет. И, конечно, снижение тона, когда Вы спускаетесь этажом ниже и попадаете в чистилище. А потом замечательное: «<Д>ругие не совершают этой попытки». О каких попытках идет речь? Какие требования Вы предъявляете писателям, ознакомившись с материалами, опубликованными в случайно вышедшем альманахе. То Вы «не собираетесь» требовать отражения современности», а то затребуете. И дальше: «поколение, выросшее за рубежом, лишено корней». А потом изумительное откровение: «русские парижане во время войны и немецкой оккупации на всё происходящее во Франции взирали, как иностранцы, на события в России, как изгои». Какое право и основание имел право (sic) Слоним так писать! На какие он опирается факты? Где он этих парижан видел? Видите ли, он взял и разделил русских парижан, а вместе с ними, <о>чевидно, и всю эмиграцию (и при этом разделил с легкостью изумительной) на тех, кто кровно эти страшные годы пережил и все испытал, и на тех, кто ничего не пережил и не почувствовал, а просто, очевидно, как медведь зимой пролежал эти годы, сося лапу, в теплой берлоге, равнодушный к потокам крови и к страданиям и жертвам своего родного народа и народа европейского. Нет, дорогой Марк Львович, таких не только в литературной среде, но и в рядовой эмигрантской среде не было. Так безответственно писать Вам нельзя. В русской среде в эти годы были герои, мученики, подвижники, верные Родине и приютившей их Франции люди, а наряду с ними, конечно, как и во французской среде, предатели и спекулянты, наживающиеся на чужих страданиях люди, злорадствующие и проклинаящие, но вот, честно говоря, ни одного равнодушного в русской среде я за эти годы не видел. Нет, тут тему-то Вашу, Вами затронутую, углубить было нужно, а если бы Вы начали ее углублять, то и подняли бы много серьезнейших, новых вопросов, связанных с прошлым, с историей Революции и с историей Гражданской войны, и тогда бы, думаю, и моя глава «описания среды и социальной обстановки» не показалась бы Вам чуждой, ибо в Париже действовала в эти годы среда, средь которой были люди, покинувшие 24 октября гостиницу Асторию.

А потом: «я устанавливаю факт». А позвольте спросить: на чем он основан? «Лишь очень немногие из парижских поэтов и прозаиков ощутили боль и кровь, ужас и порыв этих лет с той силой и интенсивностью»... (забывая, что очень часто именно после серьезнейших и глубочайших переживаний люди о том, что

пережили, долго молчат) («которая предшествует естественному и свободному творческому акту и создает непреодолимую потребность художественному воплощению»). Художественное воплощение дело серьезное и ответственное, а главное, о чем никогда не надо забывать, — дело органическое: тем-то оно и отличается от очерков и воспоминаний, которые, действительно, люди пишут вскоре после пережитых событий. Да и то не все пишут. А потом слова: «я совершенно не собираюсь требовать», а на следующей странице «они бы выразили». «Они уходят в воспоминания, в самоуглубление», в «бегство от жизни». А в начале статьи М<арк> Л<ьвович> написал: «но в действительности воспоминаниям предаются Зуров или Пантелеймонов». Это обращено, значит, непосредственно ко мне. Да, я совершил бегство в Октябрь — ибо о нем я «вспоминал» в эти страшные годы, а именно о том, как я молодым офицером (как и в других отрывках) «с фронта ехал в Петроград, попал в Асторию, заседал в Мариинском Дворце, брал с матросами Зимний и шел с петроградскими рабочими ночью под <П>улково, дрался у Никитских ворот, хоронил своих на братском кладбище и под кремлевской стеной. Да, признаться, за это время пришлось основательно самоуглубиться и в с<в>язи с этим многое углубить, а в то время я зарабатывал, чтобы жить и писать — работал тяжелой киркой, потеряв 23 кило, занимался сапожным мастерством, а за столом у меня ежедневно сидели тайком пробиравшиеся ко мне советские солдаты из лагеря военнопленных, расположенного под Грассом, которых я организовал для перехода в го<р>ы к партизанам и благословил на кражу у немцев оружия, а из окна моей комнаты был отлично виден находящийся в 300-х метрах за дорогой немецкий штаб, охрана которого — власовцы, тоже прибегали ко мне в сад в темные вечера за последней сводкой московского радио, плакали и каялись и перешли к союзникам, а после боев, в которых принимали участие мои ребята, я вместе с ними в боевой колонне шел в Каннах под знаменем возлагать венок на памятник жертвам войны. Но ведь это уже настоящее воспоминание.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 102. Л. 85–85 об. Машинопись.

¹ Имеется в виду 31/32-я книжка «Новоселья» за январь–февраль 1947 г.

² Речь идет о «Литературных заметках» М. Слонима — критическом отзыве на «Русский сборник» (Париж, 1946) (Новоселье. 1947. № 31/32. Янв.–февр. С. 94–100).

Марк Львович Слоним (1894–1976), публицист, литературовед, литературный критик; один из идеологов и постоянных авторов «Новоселья», в котором были опубликованы множество его статей, очерков, заметок и рецензий: «Русский партизан 1812 г.» (1942. № 1. Февр. С. 50–55), «Заметки читателя» (1942. № 2. Март. С. 63–68), «Александр Невский» (1942. № 3. Апр. С. 70–71; подписан инициалами М.С.), «Гитлер и славяне» (1942. № 4. Май. С. 64), «Заметки о русском сопротивлении» (1942. № 5. Июнь–июль. С. 41–49), «Мысли обывателя» (1942. № 7. Сент.–окт. С. 50–55), «О советском человеке» (1943. № 1. Февр.–март. С. 62–71), «Россия и Европа» (1943. № 4/5. Авг. С. 59–63), «Русский патриотизм» (1943–1944. № 7/8. Дек.–январь. С. 66–73), «Битва за Россию» (1944. № 11. Апр.–май. С. 63–69), «Молот победы» (1944. № 16. Дек. С. 46–52), «Русский разговор» (1946. № 27/28. Июль–авг. С. 107–119), «Парижские поэты» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 89–96), «Литературные заметки» (1947. 31/32. Янв.–февр. С. 94–100), «Рассказы Тэффи» (1947. № 35/36. Июль–авг. С. 115–116).

³ В «Русском сборнике» Зуров был представлен главой «Астория» из романа «Зимний дворец», см. примеч. 3 к письму № 9, от марта 1946 г.

⁴ О Б. Пантелеймонове см. примеч. 5 к письму № 8, от 3 марта 1946 г. В «Русском сборнике», который он сам же собрал и издал, Пантелеймонов напечатал рассказ «Святой Владимир» (С. 95–121) и статью «Судьбы народов» (С. 195–203).

⁵ Кавыка — то же, что и кавычка.

20

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, первая половина февраля 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Квакерская организация, с кот<орой> я снеслась по получении письма от Веры Николаевны <Буниной>, отнеслась к моей просьбе весьма внимательно. Они немедленно же написали своему парижскому представителю; тот попытается сделать всё, что возможно.

Вашим друзьям, молодым поэтам, конечно, дам место на стр<аницах> «Новоселья». Посмотрю, что удастся поместить в следующем номере¹.

Есть ли у Вас рассказ поменьше «Дагмарского леса»? Думала его в этом, юбилейном, номере напечатать, но он чуть-чуть велик². Если есть другой, пожалуйста, пришлите поскорее³.

От души желаю Вам всего, всего хорошего.

Ваша

S. Pregel-Breyner

P.S. Дала квак<ерской> орг<анизации> Ваш адрес и пр. Так что беспокоиться нечего — они Вас разыщут.

P.S.S. В след<ующую> посылку вложу табак.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 21–21 об. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Под «друзьями» Зурова, «молодыми поэтами», Прегель, вероятно, имела в виду А.Е. Величковского (см. примеч. 8 к письму № 15, от 18 сентября 1946 г.) и жену его младшего брата, Алексея Евгеньевича (1904–1972), Тамару Антоновну Величковскую (во 2-м браке Величковская-Жаба; 1908–1990), которой принадлежат воспоминания «О Л.Ф. Зурове» (Новый журнал. 1981. № 142. С. 149–160). Стихи Т. Величковской появились в «Новоселье» некоторое время спустя, см. примеч. 2 к письму № 26, от 28 февраля 1948 г. В 33/34-й книжке журнала за апрель–май 1947 г., последовавшей за этим письмом, кроме стихов самой Прегель, были помещены стихи Н. Оцупа, А. Присмановой, К. Славиной, Ю. Терапиано, И. Ясен и Г. Раевского.

² Прегель имеет в виду пятилетнюю годовщину существования «Новоселья», пришедшуюся на 31/32-ю книжку за январь–февраль 1947 г. Следующая книжка журнала, 33/34-я, открывалась таким редакторским обращением:

Пять лет тому назад вышел первый номер «Новоселья». С тех пор, преодолевая все многочисленные препятствия, стоящие на пути русского журнала за рубежом, редакция неустанно трудилась над осуществлением своей основной задачи — создать независимый орган, посвященный литературе, искусству и науке и откликающийся на вопросы современности, объединить вокруг него русские творческие силы в Америке и Европе и укрепить в его читателях живую связь с родиной. Стремясь также к сближению представителей русской, американской и западноевропейской интеллигенции, «Новоселье» в сорока с лишним книжках журнала помещало не только произведения русских писателей, но и ряд рассказов и статей иностранных авторов.

Вступая в шестой год своего существования, «Новоселье» остается верным тем основным идеям, которые всегда руководили его деятельностью. В наше трудное время, когда от взаимного понимания и сближения народов зависит не только дело мира, но и самое существование человечества, «Новоселье» в меру сил будет напоминать об основном ценностях культуры и поддерживать принципы свободы, гуманизма, подлинной демократии и социального прогресса.

Редакция надеется, что широкие круги читателей, среди которых журнал находил до сих пор сочувственный отклик, и впредь поддержат наше начинание и дадут нам силы для дальнейшей работы.

³ В 33/34-й книжке «Новоселья», под названием «Семь рассказов», были напечатаны семь миниатюрных новелл Зурова, см. след. письмо.

21

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 19 февраля 1947 г.

19 февраля 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Получила «Семь рассказов». Какая восхитительная свежесть, какая гибкость языка! Рассказ в типографии. Собиралась даже напечатать «Дагмарский лес», но к этому номеру подходят больше «Семь рассказов».

Ознакомила М.Л. Слонима с содержанием Вашего письма; он Вам напишет¹.

В начале апреля мой брат, Борис Юльевич с женой (Александрой Николаев-ной) будут в Париже. Хочу послать Вам с ними «американский сувенир».

Обидно, что Вы всё хвораете.

Как только получу подтверждение относительно посылки, отправлю другую (с табаком).

От души желаю всего, всего наилучшего.

Ваша

S. Pregel-Breyner

С<ергей> Н<иколаевич> шлет Вам искренний привет.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 22–22 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Слоним ответил Зурову в письме от 23 февраля 1947 г.:

Нью-Йорк 23 февраля 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

С.Ю. Прегель прочитала мне отрывки из Вашего письма по поводу моей последней статьи в «Новоселье», и мне хочется ответить Вам — не для того, чтобы защищать мою точку зрения или переубеждать Вас, — а с целью устранения некоторых недоразумений.

Вы, быть может, знаете, что за мою — теперь уже, увы! — долгую литературную жизнь я отличался одним (в числе прочих) недостатком: я всегда говорил то, что я думаю, стараясь сказать мое мнение с предельной отчетливостью и даже резкостью. Мною не руководили никакие иные побуждения личного или политического характера. Я искренне думаю то, что пишу. Но это, так сказать, предисловие.

Упрек, обращенный мною к парижским писателям, по поводу отсутствия «современности» в их писаниях ни в коем случае не относится и не мог относиться к их личному поведению в последние годы, а особенно при немецкой оккупации. Я совершенно не ставлю вопроса о том, как они думали и что они делали в это время. Да это и не является предметом спора. Мои суждения основываются на их писаниях. Поэтому всё, что Вы пишете относительно участия в борьбе и резистанс, а также о страданиях и даже муках, бьет мимо цели. Скажу только, что смерти несчастных жертв, как Мандельштам, Фельзен, Блох, Горлин [а] и др., перед памятью которых я склоняюсь с волнением и уважением, ничуть не меняют моей основной позиции. Погибли они не в качестве писателей и не за то, что они писали, а за то, что были евреями — т. е. по самому бессмысленному и ужасному признаку. И какова бы ни была их судьба, их трагедия, она ничего не изменила ни в стихах Мандельштама, ни в романах Фельзена.

Каковы бы ни были личные заслуги и настроения оставшихся, для меня как литературного критика самое важное — что отразилось в их произведениях. Я признаюсь Вам, что ожидал литературных вестей из Парижа с большим нетерпением. Мне и раньше всегда казалось, что представители молодого эмигрантского поколения «варились в собственном соку», что им недоставало участия в жизни, жизненного опыта, той полнокровности, без которой очень трудно творить. Когда я говорю о «воспоминаниях», я отлично знаю, что «философски» вся литература — воспоминание, потому что писать о том, что сейчас переживаешь, может только поэт-лирик. Но есть все-таки разница между перспективой, которая необходима для творчества, и отказом от передачи того, что еще совсем недавно схватило писателя и заполнило его внутренний мир. Когда я говорю: «Зуров вспоминает», то я упрекаю Вас не за Ваш сюжет: Вы могли бы писать и о Риме и Греции — и в этом всё же чувствовалось бы, что именно недавние события заставили Вас обратиться к этому сюжету. Есть исторические романы, которые гораздо более современны, чем рассказы о войне и немецкой оккупации. Но я нашел в большинстве (хотя и не во всех) произведениях парижан те же темы, тот же подход, который отличал их шесть лет тому назад, а то и еще раньше. Это меня и смущает, и это заставляет меня говорить о литературе «воспоминаний» — обращаются писатели не к тому, что они только что пережили (а Вы утверждаете, и я отнюдь не хочу в этом сомневаться, что переживаний, и приключений, и страданий у них за эти годы было очень много). Почему же это не нашло отражения? Очевидно, не потрясло сознания, не было достаточно глубоко, иначе бы писали, не дожидаясь, что какой-нибудь критик обратит на это внимание. Вот чем объясняются мои фразы об изгоях и людях, лишенных корней.

Теперь несколько слов о моем отношении к Вашему отрывку. Честно Вам скажу, назвал я его «воспоминанием», потому что это ведь продолжение Вашего «Кадега» [б], который (sic) я когда-то встретил очень хвалебной заметкой в «Воле России» [в] и который я отметил с большой похвалой в одном из первых заседаний «Кочевья» в Париже [г]. Если память мне не изменяет, отрывки о начале революции Вы уже помещали в печати. И опять-таки

буду с Вами откровенен, потому что я отношусь к Вам с искренним уважением и любовью, а значит, могу быть с Вами «начистоту». Я виновен в том, что сказал в печати то, что большинство Ваших коллег и парижских критиков думает или шепчет за Вашей спиной. Отрывки из романа, изображающие офицера в начале революции, страдают одним крупным недостатком, который делает их скучными (не говоря уже о том, что тема эта была столько раз использована в советской литературе). Они многословны.

От повторений слов и штрихов впечатление уменьшается, описание становится монотонным, превращается в какое-то перечисление вместо мазков картины. Посмотрите нарочно на стр. 80 это повторение слов «голоса, смех, женское» [д], и Вы увидите, как это почти надоедает. Так воспринимаю я, читатель. Вы можете мне ответить, что это Ваша манера, и Вы на том стоите. Совершенно верно, а это мое ощущение, и я знаю, что его разделяют и другие читатели, которые, как и я, жалеют, что Вы не приносите ряда деталей в жертву экспрессивности. Если бы Вы сжали, сократили Ваши описания, всё бы выиграло в подобранности, выпуклости, художественной выразительности, стало бы тверже, мускулистее — и значительно сильнее.

Повторяю, критика моя, хотя по необходимости сводившаяся в статье к нескольким фразам, совсем не случайна (я ведь не только этот отрывок внимательно читал, но и тщательно следил за всеми Вашими писаниями). Кстати: описка моя <—> август вместо октября (Вы даже дату даете) — случайность, но очень «фрейдистского» типа — я был в Петербурге в Астории в последний раз в августе 1917 г., картина была та же, перед Корниловщиной такие же «организации» и пр. Думаю, что в октябре всё было мрачнее.

Поверьте мне, Леонид Федорович, я всё это говорю по совести. Мне очень жаль, если мои статьи задевают или обижают. Но если об этом думать, тогда нельзя ничего писать. Я не дошел еще до такого состояния, чтобы окончательно замолчать. Но, может быть, придется, если всякие мои литературные оценки будут вызывать такую взволнованную реакцию. Но я считаю, что обижаться нечего. Особенно, потому что каждый обижается за себя, оценку других считает правильной. Из Парижа получил много откликов на мою статью — и на предыдущую [е] и каждый говорит: обо мне Вы неправы, хотя согласен с Вашим отзывом о соседе. Это — человеческое, слишком человеческое [ж]. А так как я отделен от Парижа тысячами километров, то я вижу многое (или так мне кажется) со стороны — и сужу в какой-то мере более объективно, чем если бы жил в Париже, дышал бы атмосферой русско-парижской литературной среды. Здесь, в Нью-Йорке, никакой литературной среды нет.

Ну, довольно, а то слишком много написал.

Будьте здоровы и не поминайте меня лихом. Авось увидимся летом.

Всего хорошего, крепко жму Вашу руку.

(см. на обороте)

Искренно Ваш

М. Слоним [з]

Пост Скриптум: совсем о другом. 14 марта юбилей «Новоселья» — пять лет как издается! Устраивается вечер торжественный, будем чествовать Софью Юльевну. Хорошо бы ДО 14 марта получить приветствия и пожелания от парижских сотрудников журнала, если они это пожелают сделать [и]. Направлять их надо по моему адресу: 63 West 70 St. New York, N. Y.

или Ю.Л. Сазоновой:

Nevada Hôtel

2025 Broadway

New York, N. Y. [к]

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 82–84 об. Авторизованная машинопись.

а. Слоним перечисляет «русских парижан», погибших в годы Второй мировой войны: поэта и литературного критика Юрия Владимировича Мандельштама (1908–1943), прозаика и литературного критика Юрия Фельзена (наст. имя и фам. Николай Бернардович Фрейденштейн; 1894–1943), поэтов и филологов Раису Ноевну Блох (1899–1943) и ее мужа Михаила Генриховича Горлина (1909–1944).

Заметим, что Ю. Мандельштам и М. Горлин оказались представлены на страницах «Новоселья» — в 21-й книжке за сентябрь–октябрь 1945 г., первый стихами «Какая ночь! Какая тишина!» и «...Война. Летят аэропланы...» (С. 23–24), второй — статьей «Неразгаданные стихи Пушкина о Мицкевиче» (С. 60–64). См. также примеч. 3 к письму № 43, от 3 апреля 1965 г.

б. Первый сборник рассказов Зурова (Рига, 1928).

в. Слоним писал:

Если не считать романа В. Сирина «Король, дама, валет» — книга Зурова — самое интересное, что дала эмигрантская молодая литература за прошлый год [Слоним 1929, с. 142].

г. Парижское литературное объединение (1928–1938), которым руководил Слоним.

д. См.: «Он увидел, что за два месяца здесь ничего не изменилось — счастливые лица офицеров, тепло, смех, веселые голоса, очарование женского, таинственного, всего того, что меняет и освещает жизнь, чего на фронте были все лишены и о чем в землянках офицеры мечтали: хотя бы на час, на один вечер, попасть снова сюда, в эту обстановку и почувствовать себя человеком — что, несмотря на все, не одичал, и чувство жизни и радости еще существует. Голоса, аромат духов, запах английских сигарет, свет действовали на него наркотически; постепенно опьяняло музыкой, женскими глазами, возбуждало сильным электрическим светом, теплом, веселым говором, женскими голосами» [Зуров 1946, с. 80].

е. Слоним имеет в виду свою статью «Парижские поэты», напечатанную в предыдущей, 29/30-й, книжке «Новоселья» за октябрь–ноябрь 1946 г.

ж. Провербальная ссылка на книгу Ф. Ницше «Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister» («Человеческое, слишком человеческое»), 1878.

з. От «см. на обороте» до подписи написано от руки.

и. Судя по письму Прегель Зурову № 22, от 21 марта 1947 г., последний откликнулся на предложение Слонима и прислал приветствие. Отчет о вечере М. Железнова-Айзенштадта см. в примеч. 1 к указанному письму.

к. Юлия Леонидовна Сазонова (Сазонова-Слонимская; урожд. Слонимская; 1887–1957), писательница, историк литературы и театра, литературный, театральный и музыкальный критик, режиссер, переводчик. Один из постоянных авторов «Новоселья», в котором она представлена разнообразными материалами — рассказами: «Лето в Сибири» (1943. № 4/5. Авг. С. 3–23), «Будни», «В ресторане» (1943. № 6. Окт.–нояб. С. 18–29), «Мамадыж» (1943–1944. № 7/8. Дек.–январь. С. 17–40), «Пещеры» (1944. № 11. Апр.–май. С. 33–41), «В поезде» (1944. № 14/15. Окт.–нояб. С. 16–37); статьями, очерками и эссе: «Роль музыки в балетах М. Фокина» (1942. № 7. Сент.–окт. С. 50–63), «Слово о Петербурге» (1943. № 2. Апр. С. 46–53), «Немец в русской литературе» (1943. № 3. Май–июнь. С. 41–52), «Театр сороковых годов» (1944. № 12/13. Июль–авг. С. 44–56), «Передовая американская школа» (1945. № 17/18. Февр.–март. С. 67–80), «Американские впечатления Чайковского» (1945. № 22/23. Ноябрь–дек. С. 61–75), «Жизнь Софьи Ковалевской» (1946. № 26. Апр.–май. С. 58–69), «Открытие Америки» (1947. № 31/32. Январь–февр. С. 101–104), «Источник «Цыган»» (1950. № 42/44. С. 184–209); рецензиями: «В защиту «Слова»» (1949. № 39/41. С. 150–163), «Книга Евреинова о театре» (1949. № 39/41. С. 208–210, подп. Ю.С.); информационными обзорами: «По выставкам» (1943–1944. № 7/8. Дек.–январь. С. 93–96), «Выставка Александры Прегель» (1948. № 37/38. С. 144–146) и переводами: рассказы китайских писателей — «Божественный кудесник Чонг» и «Чудесная летающая колесница» Лим-Сиам-Тека и «Обращение» Сиао-Чиена (1944. № 9/10. Февр.–март, соответственно: С. 18–22 и 25–41).

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 21 марта 1947 г.

21 марта 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

От души благодарю Вас за приветствие. Вечер удался на славу. Излишне распространяться о том, что всё (приветствия, артистическая программа и даже... буфет) были для меня приятными сюрпризами. Вечер этот вознаградила *отчасти* за все муки¹.

Позавчера в Париж уехал Владимир Александрович Дукельский². Просила его повидать Вас и передать совсем маленький подарок (времени не хватило). В<ладимир> А<лександрович> <—> отличнейший композитор. Легкую музыку пишет как *Vernon Duke*, серьезную — как Влад. Дукельский.

Я сегодня получила письмо от писателя Георгия Гребенщикова³. Вот строки, к Вам относящиеся: «В номере 29–30 очерк Зурова “Обитель” настолько чудесен, что я прошу Вас сделать подарок нашему собрату — писателю о. Архимандриту Алексею Дехтереву в Египет...»⁴ (Книгу уже отправила.)

«Новоселье» выйдет дня через 2–3. Оно уже у брошюровщика. По выходе его отправлю Вам посылку —

С самым искренним и дружеским приветом
Ваша

S. Pregel-Breyner

P.S. С<ергей> Н<иколаевич> шлет Вам привет.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 23–23 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Вечер журнала «Новоселье», приуроченный к празднованию его 5-летия, проходил 14 марта 1947 г. в Carnegie Hall (Chapter Room), 154 West, 57th St., см. информацию «Вечер “Новоселья”» в «Новом русском слове» (1947. № 12737. 13 марта. С. 3) и относительно странного отчета о нем М. Железнова (Айзенштадта):

С большим успехом, в интимной атмосфере прошел в прошлую пятницу («Карнеги чептер рум») вечер, устроенный сотрудниками журнала «Новоселье» по случаю пятилетия его существования.

Вечер открыл М.Л. Слоним краткой речью, в которой указал, что «Новоселье» сейчас единственный русский журнал, регулярно выходящий в свет за пределами России. Отметив рост журнала от первого его номера, все препятствия, которые ему пришлось преодолеть, г. Слоним указывает, что своим успехом «Новоселье» обязано главным образом исключительной энергии, настойчивости и вере в свое дело редактора-издателя С.Ю. Прегель.

Далее выступали А. Введенский — от имени читателей «Новоселья», Ю. Сазонова и С. Дубнова — от имени сотрудников. Игривое стихотворение в честь «Новоселья» прочитала Кира Славина. М. Железнов-Аргус прочитал юмористическую вещь о русском журнале в эмиграции. Г-жа Сазонова, между прочим, прочитала любопытное стихотворение, написанное студентами <К>олумбийского университета, три месяца назад приступившими к изучению русского языка.

Блестяще прошла музыкальная часть вечера, успеху которой немало способствовала Надя Вейзенберг, находившаяся среди гостей и выступавшая экспромтом. Артистка с блеском исполнила «Этюд» Скрябина, «Токкату» Хачатуряна, «В деревне» Чайковского и «Прелюдию» Шопена.

Отлично спела Татьяна Поберс арии из еще не опубликованной оперетты Вернон Дюк (Вл. Дукельского) и романс «Первопутник» Бориса Прегеля на слова С. Прегель.

Обычным успехом пользовалось выступление Ефима Вятиса, спевшего несколько новых послевоенных советских песен и «Партизаны» Штримера (слова Прегель).

Очаровательно исполнила балетный номер мисс Пеги Смитерс, участница балетной студии Бориса Романова.

Оглашены многочисленные приветствия: из Парижа — от И. Бунина, Тэффи, А. Ремизова, Л. Зурова, «Дома книги», А. Даманской, Н. Кодрянской, союзов и кружков писателей и поэтов. Среди них — Ю. Терапиано, В. Андреева, Н. Оцуца и др. Из Нью-Йорка и других городов Америки — от С. Кусевицкого, А. Гречанинова, русского кружка при Колумбийском университете, Е.Т. Могилят, А. Волошина, Н. Авьерино, С. Вишневской, Т. Дейкарахановой, Е. Извольской, Г. Вернадского и многих других читателей и сотрудников «Новоселья» [Железнов 1947, с. 3].

В октябре 1947 г., когда Прегель посетила Париж, там было торжественно отмечено ее 50-летие (Restaurant du Quartier Latin), а через некоторое время, 6 декабря, в зале Российского музыкального общества (за границей) — пятилетие журнала (см.: [Хроника 2000 (1), с. 223, 229–230]).

² Владимир Александрович Дукельский (псевд. Vernon Duke; 1903–1969), композитор, поэт, музыкальный критик, мемуарист. Современники относились к нему как к «развязному, но не лишенному известных способностей чудаку» (письмо А. Бахраха Г. Струве от 31 января 1967 г. // Hoover Institution Archives (Stanford University). G. Struve papers. Box 75, folder 11). С 1921 г. жил в эмиграции в США, в 1939 г. принял американское гражданство. Автор четырех книг стихов — все изданы в Мюнхене: «Послания» (1962), «Страдания немолодого Вертера» (1962), «Картинная галерея» (1965) и посвященная Д.И. Кленовскому «Поездка куда-то» (1968). Ему принадлежат также книги музыковедческих эссе «Listen Here! (A Critical Essay on Music Depreciation)» (N. Y., 1963) и мемуаров «Passport to Paris» (Boston; Toronto, 1955). Один из авторов «Новоселья», в котором печатались его музыкальные обзоры, неизменно именовавшиеся «Музыкальные итоги»: 1945. № 22/23. Ноябрь–дек. С. 50–53; 1946. № 24/25. Февр.–март. С. 82–92; 1946. № 27/28. Июль–авг. С. 120–128; 1947. № 31/32. Янв.–февр. С. 81–93. Книгу стихов «Страдания немолодого Вертера» Дукельский преподнес Прегель со следующей дарственной надписью (хранится в Национальной библиотеке Израиля, Иерусалим):

Софье Юльевне Прегель
в знак долголетней дружбы —
Владимир Дукельский
1963.

³ Георгий Дмитриевич Гребенщиков (псевд. Сибиряк; 1883/1884?–1964), писатель, литературный критик, журналист, общественный деятель. Автор «Новоселья», в котором были напечатаны несколько его рассказов: «Видение на Бродвее», «Под кустом черемухи» (1943. № 6. Окт.–нояб. С. 10–16); «Последний ряд» (1944. № 12/13. Июль–авг. С. 17–32). Письмо, которое упоминает Прегель, как и вообще письма Гребенщикова к ней (исключая одну оставленную им у себя машинописную копию), судя по всему, не сохранились; четыре письма Прегель к Гребенщикову хранятся в Russian American Collection. Immigration History Research Center. University of Minnesota. The Grebenstchikoff, George and Tatiana papers. Box 34, folder 5.

⁴ Александр (в монашестве Алексей) Петрович Дехтерев (1889–1959), педагог, поэт, писатель, церковный деятель. Окончил Морское училище в Либаве (1911). Работал как научный сотрудник Статистического отдела по обследованию флоры субтропиков Закавказья (1913–1914). В 1918–1920 гг. руководил скаутским движением на Дону (см. об этом периоде его жизни: [Клименко 1973]). В эмиграции — воспитатель Галлиполийской гимназии (1920–1923), сотрудник отдела школьного воспитания русских детей в Болгарии (1924–1934). В 1935 г. постригся в монахи; соредактор газеты «Православная Русь», редактор журнала «Православный Карпатский вестник»; настоятель церкви в Александрии (1940–1949). В 1946 г. принял советское гражданство и в конце 1940-х гг. был выслан из Египта. В 1950–1955 гг. епископ Пряшевский (Чехословакия). По возвращении в Советский Союз библиотекарь Троице-Сергиевой лавры. С 1956 г. до смерти — архиепископ Виленский и Литовский (см. о нем: [Бахметьева 1993; Тименчик 2006, 2008; Лавринцев 2011, 2013]).

23

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Нью-Йорк, 15 апреля 1947 г.

15 апреля 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Только несколько слов, чтоб сообщить, что Конюсы¹ еще не уезжают (узнала от Марии Самойловны <Цетлиной>). Раньше мая не двинутся. А в мае будут и другие «отъезды». Во всяком случае — с ними или с другими — постараюсь послать Вам то, о чем Вы просили.

Душевно Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 24. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

¹ Дружившие с Зуровым дочь С.В. Рахманинова Татьяна Сергеевна Конюс (1907–1961) и ее муж Борис Юльевич (1904–1988), как и Прегель, жили во время Второй мировой войны в США и во второй половине 1940-х гг. вернулись в Европу. Зуров нередко гостил в усадьбе Сенар, построенной Рахманиновым на берегу Люцернского озера и после его смерти (1943) принадлежавшей Т.С. Конюс, см. зуровские воспоминания о посещении этой усадьбы и о ее владельцах (Новый журнал. 1962. № 69. С. 51–61), в которых он объясняет название Сенар: **Сергей+Наталья Рахманиновы**.

24

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 9 июня 1947 г.

9 июня 1947 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Мне удалось достать для Вас костюм. Не новый, правда, но дорогой и очень элегантный. Сергей Николаевич <Брейнер> согласился взять его.

Что же касается моего отъезда из Нью-Йорка, то уже писала Вам, что точная дата его выяснится в начале июля — перед отъездом должна устроить свои дела и получить еще кой-какие бумаги.

Мне прислали 2 номера похабной газетки «Русская мысль». Рядом с ней даже «покойное “Возрождение”» кажется *оазисом*.

Теперь труднее держаться, чем когда бы то ни было. Но горе тому, кто теперь сдает позиции! —

Всего, всего доброго. Передайте, пожалуйста, сердечный привет Вере Николаевне и Ивану Алексеевичу. Напишу им.

Душевно Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 25–25 об. Автограф, на бланке журнала «Новоселье» (330 West 72nd Street, New York 23, N. Y.).

25

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 14 февраля 1948 г.

14 февраля 1948 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Сбылось всё (приблизительно), о чем мы с Вами говорили. Обстановка тяжелейшая. Живу «на тычке», а это стоит невероятных усилий.

А *proros*¹, клика Н<ового> Ж<урнала> считает всех, вышедших из Союза, предателями, в лучшем случае, «слабоумными» или выжившими из ума².

Мне кажется, им необходимо порвать с этим Н<ью>->Й<орком>, тогда можно будет помочь и пр. К сожалению, полного разрыва не произошло.

«Новоселье» выйдет дней через десять; опаздывает Раузен, кот<орый> работает нерегулярно (из-за холодов)³.

Добужинский⁴ говорил о Вас с Юлией Леонидовной Сазоновой и горячо Вас хвалил. А он человек холодный. Впрочем, не уверена в этом. Скорей, застенчивость у него, какая-то связанность.

Вкладываю в это письмо 1 т<ысячу> франков. Надеюсь, дойдет. В ближайшее время отправлю Вам посылку.

Пока желаю всего, всего хорошего и прошу не забывать.

Ваша

S. Pregel-Breyner

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 26–26 об. Автограф.

¹ Кстати (*фр.*).

² Выход представительной группы из состава Союза русских писателей и журналистов (в их числе Г.В. Адамович, А.В. Бахрах, В.С. Варшавский, Г.И. Газданов, Л.Ф. Зуров, А.П. Ладинский, В.Н. Муромцева-Бунина, Ю.К. Терапиано; позднее к ним присоединился И.А. Бунин) произошел на собрании 22 ноября 1947 г. и явился выражением протеста против крайностей антисоветизма и неприятия любых форм культурного сотрудничества с бывшей родиной (см. об этом: Русские новости. 1947. № 106. 13 июня; № 131. 5 декабря; № 134. 26 декабря; Русская мысль. 1947. № 2. 26 апреля; № 33. 29 ноября).

³ Имеется в виду нью-йоркская типография Rausen Bros. (417 Lafayette St.), в которой печаталось «Новоселье»; в этой, последней из изданных в США, книжке журнала (37/38-й) был напечатан рассказ Зурова «Ванюшины волосы» (С. 59–63).

4. Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957), живописец, художественный критик, мемуарист; во 2-й книжке «Новоселья» за апрель 1943 г., посвященной Петербургу–Ленинграду, был опубликован его очерк «Облик Петербурга» (С. 31–37).

26

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 28 февраля 1948 г.

28 февраля 1948 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Некоторое время тому назад послала Вам 1 т<ысячу> франков в письме. Не знаю, дошло ли?

А вчера послала Вам: 1 ф<унт> кофе, 2 ф<унта> риса, 2 ф<унта> сахара, варенье, мед, молоко в порошке, чай и папиросы (2 пак<ета>).

Посылка идет теперь приблизительно 6 недель.

«Новоселье» выйдет на будущей неделе — задержали бесконечные болезни: типографа, печатника, брошюровщика. Я тоже здорово простужена. Еще один грипп перенесла на ногах, и это дает себя знать.

С Наташей Кодрянской, вероятно, увижусь сегодня. Пока мы с ней только по телефону говорили.

Как уже писала, наш прогноз относительно Н<ью>-Й<орка> оказался правильным. Ну ничего, сделаю соответствующий вывод.

От души желаю Вам всего, всего хорошего. Жду весточки.

Ваша

София Прегель

P.S. В этом номере стихи А. Величковского¹ —

Кстати, как его «величают», хочу написать, послать пакет. Стихи Тамары Антоновны в след<ующий> раз напечатаю².

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 27–27 об. Автограф.

¹ См. примеч. 8 к письму № 15, от 18 сентября 1946 г.

² Три стихотворения Т. Величковской (см. о ней примеч. 1 к письму № 20, от первой половины февраля 1947 г.) — «Каждый хочет умереть последним...», «Смерть не ужасна. Смерть проста...» и «Возвращаюсь ночью домой...» — были напечатаны в последней книжке «Новоселья» (№ 42/44 за 1950 г. С. 52–53).

27

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

22 апреля 1948 г.

22 апреля 1948 г.

Дорогой Леонид Федорович,

В настоящее время нахожусь в деревне; отдыхаю от нечеловеческого напряжения последних месяцев. Из-за этого «Дагмарский лес» сумею послать не раньше 10–15-го мая.

Не знаю, почему собственно Хмара решил читать мои стихи¹ — Для меня актерское чтение — нож по стеклу².

Выпады Смоленского³ и других меня не удивляют. В этом есть и хорошая сторона: всё как-то определилось... Ничего, приеду, наведем порядок!

Величковскому послала 5 дол<ларов> — Посылку по возвращении отправлю —

В это письмо вкладываю тоже 5 д<олларов> и прошу подтвердить получение.

Не знаю точно, сколько пробуду в деревне. Напишите по нью-йорскому адресу. Передайте от меня привет молодым поэтам.

Душевно Ваша

София Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 28–28 об. Автограф.

¹ По всей вероятности, речь идет о вечере Объединения русских писателей и поэтов, который состоялся 3 апреля 1948 г. в зале РМОЗ. Со своими произведениями на нем выступили В. Андреев, Г. Песков, А. Гефтер (см.: [Хроника 2000 (1), с. 252]). В концертной части вечера известный актер и режиссер Григорий Михайлович Хмара (1887–1970) читал стихи Прегель. Хмара был одним из авторов «Новоселья», см. его воспоминания: Александр Блок в Художественном театре // Новоселье. 1946. № 26. Апр.–май. С. 80–84; Максим Горький (Горький против Достоевского) // Там же. № 29/30. Окт.–нояб. С. 137–141; К.С. Станиславский // Там же. 1947. № 35/36. Июль–авг. С. 75–82; К пятидесятилетию М.Х.Т. // Там же. 1949. № 39/41. С. 202–204.

² Одно из любимых выражений Прегель, ср. в ее письме А. Бахраху от 2 июня 1952 г.:

А американские Лорелеи убивают ростом и интонациями. Для английского уха это, должно быть, хуже, чем скрип по стеклу (ВА. Alexander Bacherac papers. Box 8).

³ Владимир Алексеевич Смоленский (1901–1961), поэт-эмигрант. В связи с ним и Прегель широко расцитирован рассказ В. Яновского, долженствующий подчеркнуть сердо-больный характер Софии Юльевны:

Вот у Смоленского «закрывают» газ, он идет к Софье Прегель или Цетлин за деньгами. Я спрашивал этих дам: «Почему вы это делаете? Ведь Смоленский, когда пьян, бросается жидом даже в вашем присутствии...» Мне отвечали: «Как же без газа! У него дети, их надо кормить» [Яновский 2012, с. 152].

В Архиве русского зарубежья Дома-музея М. Цветаевой (Москва) хранится экземпляр сборника Прегель «Разговор с памятью» (1935), преподнесенный Смоленскому со следующей дарственной надписью: «Дорогому Владимиру Алексеевичу Смоленскому на добрую память. С. Прегель. Париж 13.5.35».

28

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Нью-Йорк, 13 мая 1948 г.

13 мая 1948 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Спешу отправить Вам «Дагмарский лес». Только вчера вернулась в Нью-Йорк. Еще не пришла в себя с дороги.

В след<ующий> раз подробно обо всем.

Пока желаю всего, всего хорошего.

Душевно Ваша

София Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 31. Автограф.

29

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, март, апрель 1949 г.

S. Ravnicki¹
39, rue Singer
Paris 16-e

Дорогой Леонид Федорович,
Благодарю Вас за пожелания и дружбу. Очень приятно было получить письмо Ваше.

В нынешнее время живу в Le Vésinet (в 20-ти минутах езды от Gare St. Lazare)². Ремонтируют нашу квартиру на rue La Tour³.

39, rue Singer — это бюро моего мужа и, так сказать, мой временный адрес.

Хочу Вас видеть по разным делам: литературным и личным. Если задержусь в Le Vésinet — дам знать.

Пока желаю всего, всего наилучшего.

Душевно Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 32–32 об. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ После переезда из Нью-Йорка в Париж, в апреле 1949 г., когда Прегель было уже за 50, она вышла замуж в третий раз, за адвоката Соломона Георгиевича Равницкого (1892–1970). Эта новость наполнила Париж, и Бунин в письме к Зурову от 19 марта 1949 г., иронизируя над немолодой невестой, не без колкости интересовался:

Вышла ли уже замуж Mlle Pregel? Лишил ли ее уже муж невинности? [Переписка И.А. Бунина с Л.Ф. Зуровым 2010, с. 217].

Однако подписываться фамилией нового мужа Софья Юльевна начала еще до вступления в брак, см., например, в письме В.Л. Корвин-Пиотровскому и его жене от 10 августа 1948 г., в котором, сообщая адрес цюрихской клиники-санатория, где она в это время лечилась, вместо привычной S. Pregel-Breyner указана S. Ravnicki (Beinecke Rare & Manuscript Library. Vladimir Korvin-Piotrovskii papers. Gen MSS 598. Box 1, folder 41). Вместе с тем ее формального развода с С.Н. Брейнером в то время еще не произошло, и переход на новую фамилию, по-видимому, просто выражал облегчение от угнетавших и сброшенных оков предыдущего брака.

² Le Vésinet — северо-западный пригород Парижа, примерно в 20 км от центра города.

³ Имеется в виду квартира по адресу 24, rue de la Tour (Paris, 16-e), в которой Прегель и Равницкий прожили с 1949 до 1957 г. Впоследствии Зуров неоднократно будет навещать Прегель в этой квартире, см., например, в письме В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун от 23 декабря 1950 г.:

Сегодня Леня пошел обедать к С.Ю. Равницкой, Прегель тож [И.А. Бунин 2014, с. 134].

30¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Канны, 1 мая 1954 г.

1 мая 1954 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Надеюсь, Вы ликвидировали Ваш грипп.

Здесь тоже много больных. Неудивительно: Ривьера превратилась в «заполярье»...

Бархатный сезон кончился. Из всех щелей выползают аборигены.

Во вторник вечером (иншаллах)² буду в Париже.

Пока желаю всего, всего хорошего.

Душевно Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 30. Автограф.

¹ Написано на почтовой фотооткрытке с изображением Канн.

² «Иншаллах» — с Божьей помощью (*араб.*). Ср. шутивное использование того же выражения в ее письме В.Н. Бунинной от 5 октября 1958 г. (LRA. MS. 1067/5978):

Покидаю Канны в субботу 11-го и в субботу же ночью должна быть в Париже («иншаллах»).

31¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 22 августа 1956 г.

22 августа 1956 г.

Дорогой Леонид Федорович,

попрошу у Бэллы Рейн² (сестры Абрамовича³) «Социалистический» вестник» и тогда пошлю его Вам.

У Каплана не бываю⁴. Видели ли Вы в Бриенце отель, где жил Байрон?⁵

Здесь пустыня — все, все уехали.

Кодрянские в Испании, еще не прислали традиционной открытки — Впрочем, их поездка короткая — 28 августа⁶ должны быть здесь.

Вчера уехала А.К. Бененсон⁶. Ее маршрут: Ленинград⁷, Москва, Стокгольм, Копенгаген...

А Юлия Леонидовна <Сазонова> 1-го уезжает в деревню, чтоб там работать над книгой —

Надеюсь, в горной долине Вы сумеете совершать *длинные* прогулки.

Желаю Вам всего, всего хорошего.

Всегда Ваша

S. P<regel>

LRA. MS. 1068/3748. Автограф.

¹ Письмо написано в Швейцарию, где Зуров проводил лето.

² Белла Абрамовна Рейн (в замуж. Божерянова; 1897–1983), актриса, режиссер, театральный педагог, чтец-декламатор, исполнительница старинных романсов; создатель в Париже «Театра жеста»; в годы Второй мировой войны жила в США, затем вновь вернулась в Париж.

³ Рафаил Абрамович Абрамович (наст. фам. Рейн; 1880–1963), общественный и политический деятель, публицист, член Бунда, представитель меньшевистского крыла в РСДРП. С осени 1920 г. в эмиграции, с 1940 г. жил в США. Один из основателей журнала «Социалистический вестник» (орган Заграничной делегации РСДРП; 1921–1965) и его редактор.

⁴ По всей видимости, имеется в виду издатель и книготорговец Михаил Семенович Каплан (1894–1979).

⁵ Бриенц (Brienzersee) — городок в центральной части Швейцарии на берегу одноименного озера. Д.Г. Байрон бывал здесь в 1816 г., когда жил в Швейцарии.

⁶ Александра Карловна Бененсон (урожд. Вейсбрем; 1901–1979), общественный деятель; председатель Административного совета института «Биотерапия», управляющий лабораториями фармацевтической фирмы «Villette» (с 1971 г.).

⁷ Заметим, между прочим, что в Ленинграде жил брат А.К. Бененсон, советский театральный режиссер Павел Карлович Вейсбрем (1899–1963), когда-то эмигрировавший в Париж, а затем в 1925 г. вернувшийся на родину.

32¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Монако, 13 марта 1957 г.

13 марта 1957 г.

Дорогой Леонид Федорович,

На этот раз Ривьера не подвела!.. Но, судя по газетам, и в Париже настоящая весна.

Никого пока не видела и вряд ли увижу — жизнь в доме у моей сестры течет медленно, с остановками...² Au ralenti!³

Тем не менее узнала уже все каннские светские и церковные новости...

Перед отъездом звонила Вам, но не удалось попрощаться —

Желаю Вам всего, всего хорошего! Обнимаю.

Душевно Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 31. Автограф.

¹ Написано на почтовой фотооткрытке с изображением Comte-Felix-Gastaldi, Monaco.

² Жившая в Каннах, сестра Прегель Клара Юльевна Каган (урожд. Прегель; 1902–1969) серьезно заболела еще в юношеском возрасте; в зрелые годы она стала предметом неустанных забот Софии Юльевны: ее недуг перешел в болезнь Паркинсона.

Она дрожит, легко теряет равновесие и говорит невнятно, — рассказывала она в одном из своих писем (от 2 ноября 1961 г.), описывая тяжелобольную сестру. — При этом она страстно любит жизнь... [Прегель 2000, с 163].

³ Неторопливо, не спеша (*фр.*).

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Цюрих, 23 августа 1958 г.

23 августа 1958 г.

Дорогой Леонид Федорович,

не имею Вашего точного адреса, поэтому посылаю письмо в Париж...

Ровно через неделю кончаются мои каникулы¹. Много пришлось лежать. Отдых был необходим. В свободное от лечения время — гуляю. Здесь отличные прогулки. Но стоит только спуститься по «финикюлеру» и попадаешь в шумный большой город, где всегда что-то происходит — выставки, конгрессы и т. д.

Из литературного Парижа вести неутешительные. Разыгрался новый инцидент между Померанцевым и Маковским². Пом<еранцев> процитировал, не называя имени автора, стихи Маковского — пример того, как *не надо* писать³.

Маковский не смолчал, и больше всех досталось бедному Водову⁴.

От души радуюсь успеху «Марьянки»⁵ и шлю Вам, дорогой Леонид Федорович, мой самый горячий привет.

Ваш друг

С. Пр<егель>

Пожалуйста, передайте Милице Эдуардовне мой привет и благодарность за письмо⁶.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 137. Л. 4–4 об. Автограф.

¹ Прегель в это время находилась в клинике Bircher-Benner неподалеку от Цюриха. В тот же день она написала письмо В.Н. Буниной, см.: LRA. MS. 1067/5976.

² Отношения С.К. Маковского и К.Д. Померанцева отличались взаимной воинственностью и конфликтностью. Сам Померанцев, относившийся к Маковскому, и не без оснований, как к довольно посредственному поэту («Поэт он был средний, хотя и упорный (восемь сборников!)»), вспоминая своих современников в мемуарной книге «Сквозь смерть», воспроизводит два инцидента, произошедшие между ними, и оба списывает на «ошибки молодости». Первый возник на одном из вечеров в квартире А.М. Элькан в начале 1950-х гг., когда Померанцев, как он пишет,

дерзнул прочесть главу из поэмы, которую писал и которая называлась ни больше, ни меньше как «Поэма о XX веке!» Писалась она, как тогда мне казалось, в самом современном стиле. Чтение продолжалось недолго, через 3–4 минуты Ю.К. Терапиано хлопнул кулаком по столу и возмущенный крикнул: «Довольно слушать этот бред!»

<...> Я вскипел, — рассказывает Померанцев далее о своей первой реакции, — («эх ты, молодость, буйная молодость!») и инстинктивно (до сих пор не понимаю, как это у меня вырвалось) отпарировал: «Но как же тогда вы слушали беспомощную версификацию Маковского!» Вообразите, что затем произошло. С<ергей> <Константинович> вскочил и, не сказав ни слова, ушел в свою комнату. Ушел, конечно, и Терапиано. Присманова принялась меня утешать. Другие обсуждали — кто кого больше обидел. Я же, как всегда, быстро остыл и объявил, что напишу извинительное письмо, что и сделал [Померанцев 1986, с. 78].

Другой случай («еще одна моя выходка», как квалифицирует ее автор воспоминаний) произошел в доме поэтессы Т. Величковской.

Кто точно присутствовал, — рассказывает Померанцев об этом вечере, — уже не помню. Кажется, Чиннов, Раевский, еще человек пять и я. Читали стихи, читал их и Маковский. Стихи были об Италии. Когда при обсуждении дело дошло до меня, я сказал, что «по моему скромному мнению», если Рим, Венецию или Флоренцию заменить Мадридом, Лиссабоном или Барселоной, стихи от этого не изменятся. Маковский, конечно, обиделся, остальные были неприятно смущены и твердо его защищали. Мне же — само собой — досталось по заслугам [Померанцев 1986, с. 80].

Покаянный тон воспоминаний (не обо всем рассказывающих, см. след. примеч.) скрывает напряженные отношения между Маковским и Померанцевым, которые в основном были связаны с парижским издательством «Рифма». Вскрывая истинные причины конфронтации Маковского и Померанцева, Г. Адамович писал И. Одоевцевой в письме от 8 июля 1958 г.:

Там <в Париже> сплошная война мышей и лягушек, т. е. Маковского и Померанцева во главе двух враждебных армий. Всё из-за «Рифмы» и того, кому ей владеть! [Если чудо вообще возможно за границей... 2008, с. 542].

Издательство «Рифма», печатавшее только поэтические сборники, возникло в Париже летом 1949 г. по инициативе и при финансовой поддержке жившей в США Р.С. Чеквер, писавшей стихи под псевдонимом Ирина Яссен. Была создана редколлегия в составе Г. Адамовича, С. Маковского, Г. Раевского, П. Ставрова, А. Элькан (она же секретарь издательства) и самой Р. Чеквер-Яссен. Организационно-техническую сторону взял на себя С. Маковский, бывший в давние российские времена редактором-издателем незабвенного «Аполлона»; он же был избран председателем редколлегии и стал доминирующей фигурой в новом издательстве. Первой книгой стихов, изданной «Рифмой», стала «Дважды два четыре» А. Штейгера, увидевшая свет 28 февраля 1950 г. О «Рифме» см.: [Терапиано 1976].

³ В статье «Поэзия Георгия Иванова» (Русская мысль. 1958. № 1250. 1 августа. С. 4–5), противопоставляя своему кумиру Г. Иванову авторов вымученных, мертворожденных стихов и метя при этом, по всей видимости, в Маковского, К. Померанцев писал:

Всё, конечно, дело вкуса. В эмиграции еще остались поэты, к которым приходят ангелы, для которых предреволюционная Россия звучит как «торжественный ямб», как есть и такие, которые, любясь природой, не замечают, как мир летит в тартарары, и воображают, что ни один полевой цветок без улыбки на них не может посмотреть, совершенно забывая, что эпоха сентиментального романтизма давно прошла. Они совершенно уверены, что поэзия как раз и заключается в «пережевывании вчерашнего пирожка» (С. 5).

«Пережевывание вчерашнего пирожка» — образ, из стихотворения Г. Иванова «Зима идет своим порядком», четверостишие из которого Померанцев следом и приводил. И далее он совершал открытый выпад против С. Маковского, цитируя первую строфу из его стихотворения «Опять, опять у моря стоя...»:

Некоторые из эмигрантских поэтов совершенно уверены, что когда, например, они пишут такие рифмованные строки, как:

Опять, опять у моря стоя,
не наляжусь на небеса
и в шуме слушаю прибор
глубин и далее голоса,

то они занимаются поэзией, совершенно забывая, что Пушкин, написав свое знаменитое стихотворение «К морю», освободил их от ненужного занятия повторять на свой лад то, что за сто пятьдесят лет до них он уже так гениально выразил (С. 5).

Через несколько номеров «Русской мысли» на статью К. Померанцева отреагировал Р. Гуль, которой, полагая, что эмигрантским поэтам вынесен «приговор крайне суровый», попенял автору за то, что он привел перевернутые цитаты из Г. Иванова (см.: [Гуль 1958]).

⁴ Сергей Акимович Водов (1898–1968), журналист, редактор газеты «Русская мысль» (1954–1968).

⁵ В 1958 г. Зуров издал в Париже сборник своих рассказов «Марьянка» (в книгу вошел 21 рассказ). На сборник положительными рецензиями отозвались Г. Адамович (Русская мысль. 1958. № 1249. 9 августа. С. 2–3), Ю. Большухин (Новое русское слово. 1958. № 16642. 12 октября. С. 8), В. Варшавский (Новый журнал. 1958. № 54. С. 293–296), В. Унковский (Возрождение. 1958. № 84. Дек. С. 129–130), А. Шик (Грани. 1958. № 38. С. 244–245) и позднее: Ф. Степун (Библиографический бюллетень: Советская и зарубежная литература (Мюнхен). 1959. № 15. Май. С. 15), Я. Горбов (Возрождение. 1962. № 129. Сент. С. 142–145).

Об успехе сборника Прегель судила по рецензии Г. Адамовича, о которой узнала из письма к ней В.Н. Буниной. В тот же день, что и Зурову, в ответ на вопрос Буниной, при-
слать ли ей рецензию, Прегель писала:

Думаю, что не стоит посылать статью о «Марьянке», прочту ее на месте. Впрочем, если Вам это не слишком трудно — пришлите! Меня она очень интересует (LRA. MS. 1067/5975).

⁶ О М.Э. Грин см. упоминание во вступительной статье.

34

Л.Ф. Зуров — С.Ю. Прегель

Эдинбург, 6 сентября 1958 г.

Эдинбург, 6 сентября 1958

Дорогая Софья Юльевна,

спасибо за сердечное письмо¹. С большим интересом прочел рецензию Георгия Викторовича². Написана она очень хорошо и благожелательно. Конечно, можно было привести еще целый ряд примеров. Читая Вашу книгу, я отметил не только стихи, приведенные в тексте рецензии, но и другие. (Стихотворение «Встреча» я бы поместил целиком.) Выделяю следующие строки:

«На самом дне воспоминаний
Есть горечь давняя обид»³.

«И это снится, снится, снится:
И площадь, и собор, и птица,
И дождевые облака»⁴.

«Всё, что, я знаю, во времени было,
Всё, что время с собой унесло...»⁵

«И дождем атласным жасмина
Отвечает дрогнувший сад»⁶.

«Убили его по праву:
Злоба всегда права»⁷.

«Будто Россия рассеяна
В долгой ночи без сна:
Золотом, золотом веяно»⁸.

«Закрывайте ворота в Париже
И гасите огни в Роттердаме!»⁹

«Веря вновь в нераздельное,
Легкое, без затей,
Быстрое, карусельное
Счастье малых детей — »¹⁰

«И по-старчески дети в перчатках»¹¹.

«Во сне туда приезжаю.
Недвижные вечер, зола,
И улица мне чужая,
В ней звездные провода»¹².

«В залах сидели мрачно
Бывшие игроки»¹³.

Для перечисления всего двух газетных подвалов, конечно, мало. — Я считаю, что Вы связаны с петербургскими символистами, а через них с Пастернаком и Мандельштамом.

— Надеюсь, что Вы оправились, чувствуете себя сильнее и крепче. От всей души желаю Вам успеха, а главное — здоровья.

Милица Эдуардовна <Грин> просит Вам кланяться и передать, что с большим интересом читала Вашу книгу. Она благодарит Вас за доставленное удовольствие.

Целую Вашу руку

Л. Зуров

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 3. Машинопись, подпись-автограф. Копия: Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 137. Л. 6–6 об.

¹ Письмо, о котором идет речь, по всей вероятности, не сохранилось.

² Речь идет о рецензии Г.В. Адамовича на книгу стихов Прегель «Встреча» (Париж: Новоселье, 1958), напечатанной в «Русской мысли» (1958. № 1257. 28 августа. С. 2–3).

³ Из стихотворения «Усну и кончится в тумане...».

⁴ Из того же стихотворения; в подлиннике: «птицы».

⁵ Из стихотворения «Источилась она, оплыла...»; в подлиннике: «Всё, что, знаю, во времени было...».

⁶ Финальное двустишие того же стихотворения.

⁷ Из стихотворения «Склонились ветлы унылые...».

⁸ Из стихотворения «Будто в разливы хлеба...».

⁹ Из стихотворения «Треск обвала и выстрел гудящий...».

¹⁰ Из стихотворения «Оттого что зноя румяного...».

¹¹ Из стихотворения «В Булонском лесу».

¹² Из стихотворения «Во сне туда приезжаю...».

¹³ Из стихотворения «Воздух лимонно-табачный...».

35

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 18 сентября 1958 г.

18 сентября 1958 г.

Дорогой Леонид Федорович,
получила письмо, в кот<ором> Вы разбираете «Встречу»... Ваше внимание привлекает именно то, что автору всего дороже. Это показывает, что Вы умеете проникать в тайники творчества — редкий и ценный дар!

На меня опять напали ревматические боли — пишу с трудом.

Здесь пока затишье. Я говорю, конечно, о «литературном» русском Париже...

Ждут приезда Георгия Викторовича <Адамовича>.

Судьба «Рифмы» окончательно еще не решена. Мак<овский> ставит палки в колеса.

В Париже обо всем поговорим.

Передайте, пожалуйста, мой привет Милице Эдуардовне.

Обнимаю Вас

Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 137. Л. 5–5 об. Автограф.

36

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Женева, 3 августа 1961 г.

3 августа 1961 г.

Дорогой Леонид Федорович,
не писала Вам, т. к. чувствовала незаурядную усталость... Много времени также отнимают поездки к сестре¹.

Завтракала с Галиной Ник<олаевной> и Маргаритой Августовной². Должна была еще раз с ними повидаться, но неожиданно скончалась жена Ф.А. Степуна³,

и они укатили в Германию. 5 августа, в субботу днем, покидаю гостеприимную Женеву. В Париже поговорим обо всем!

Обнимаю Вас

Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 33–33 об. Автограф.

¹ Клара Юльевна в это время находилась на лечении в санатории в Швейцарии, откуда написано данное письмо. Ср. в письме к П.Л. Вячеславу от 18 июля 1961 г., в котором Прегель сообщала:

На днях уезжаю в Женеву к больной сестре. Пробуду там дней 10–12 [Прегель 2000, с. 159].

² Имеются в виду жившие в это время в Женеве поэт, прозаик, переводчик, мемуарист Галина Николаевна Кузнецова (в замуж. Петрова; 1900–1976) и певица Маргарита (Марга) Августовна Степун (1877–1972).

³ Философ, писатель, историк, литературный и театральный критик, мемуарист и общественный деятель Федор Августович Степун (1884–1965), брат М.А. Степун; его второй жены, Натальи Николаевны Степун (урожд. Никольской; 1886–1961), не стало 30 июля.

37

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 28 апреля 1963 г.

28 апреля 1963 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Прилагаю «Приглашение» на Вечер И. Одоевцевой «На берегах Невы»¹ —
Всегда Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 34. Автограф.

¹ Вечер проходил 3 мая в зале РМОЗ и, хотя носил персональный характер, был посвящен литературной жизни Петербурга 1920-х гг. вообще. Г. Адамович рассказал о своих встречах с И. Анненским и А. Ахматовой, после чего Б. Рейн прочла воспоминания И. Одоевцевой о Н. Гумилеве и А. Ремизове, а затем в ее же исполнении прозвучали отрывки из книги А. Ремизова «Подстриженными глазами». И. Одоевцева выступила с чтением своих петербургских баллад: «Баллады об извозчике» и «Баллады о Роберте Пинтегью». Во втором отделении Ю. Терапиано поделился воспоминаниями об О. Мандельштаме, И. Одоевцева прочла «Балладу о Гумилеве», а Прегель — главу из воспоминаний И. Одоевцевой об О. Мандельштаме (см.: [Хроника 2000 (2), с. 549–550], а также отчет М. Михновского об этом «на редкость удачном и содержательном» вечере, помещенный в «Русской мысли» (1963. № 1999. 25 мая. С. 7)).

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Канны, 9 августа 1963 г.

9 августа 1963 г.

Дорогой Леонид Федорович,

знаю, что в Париже холодно, льет дождь — а здесь жара, нечем дышать: ни ветерка!¹

Устала от слишком яркого солнца, от пальм, от южного пейзажа — Он ничего мне не говорит.

Видела Е.Л. Таубер². Она придет в воскресенье с мужем, кот<орый> будет читать свою повесть³ —

У сестры моей никаких перемен — Живем «au ralenti»⁴ —

Очень бы хотела знать, что у Вас —

В среду, 14-го, еду в швейцарскую санаторию. Мой адрес:

S. Ravnicki

«La Lignière»

Gland (Vaud)

près Nyon

Suisse

Душевно Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 35–35 об. Автограф.

¹ Письмо написано из Канны.

² Екатерина Леонидовна Таубер (в браке Старова; 1903–1987), поэтесса, прозаик, литературный критик, переводчик. В 1920 г. эмигрировала с родителями в Сербию, где окончила французское отделение Белградского университета. В 1936 г. переехала с мужем во Францию. Преподавала русский язык в Каннах (1955–1971). Автор пяти поэтических книг: «Одиночество» (Берлин, 1935), «Под сенью оливы» (Париж, 1948), «Плечо с плечом» (Париж, 1955), «Нездешний дом» (Мюнхен, 1973), «Верность» (Париж, 1984). В «Новоселье» представлена стихотворением «В том садике, под пышною оливой...» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 55). Автор рецензии на сборник стихов Прегель «Разговор с памятью» (см.: [Таубер 1936]) и критического эссе «Буйство глаз (О стихах Софии Прегель)» (Грани. 1958. № 39. Июль–Сент. С. 220–223).

³ Константин Иванович Старов, общественный и культурный деятель.

⁴ Неторопливо, не спеша (*фр.*).

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Гланд, 31 августа 1963 г.

31 августа 1963 г.

Дорогой Леонид Федорович,

спасибо большое за письмо. Надеюсь, оформление командировки Бабореко не займет слишком много времени. По-видимому, всё подходит к благополучной развязке —¹

Думаю пробыть здесь до 12 сентября. Доктор хотел бы меня задержать, но я не сдаюсь. А затем — по пути в Париж — остановлюсь на неск<олько> дней в Женеве (е<сли> б<удем> ж<ивы>)...

Вряд ли мне удастся повидаться с Галиной Николаевной <Кузнецовой>. Говорила с ней по телефону. 2 сент<ября> они уезжают в отпуск². В настоящий момент у Марг<ариты> Авг<устовны> Степун<а> желудочный грипп. Остальное на месте!

Привезу Вам папиросы!

Простите за краткость, но обстановка клиники-санатории не располагает к писанию.

Желаю всего, всего самого лучшего!

Душевно Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 38–38 об. Автограф.

¹ Под «развязкой» имеется в виду растянувшийся на много лет и так ничем и не кончившийся процесс передачи архива Бунина на родину, в Советский Союз, о чем уже упоминалось во вступительной статье. С советским литературоведом, исследователем жизни и творчества Бунина Александром Кузьмичом Бабореко (1913–1999) Зуров первоначально познакомился заочно через В.Н. Бунину. В одном из писем к А.К. Бабореко (от 23 мая 1958 г.) Бунина высказывала мысль о желательности его приезда в Париж:

Хорошо бы вам собраться к нам в Париж. Много бы вы могли получить для вашей работы по биографии Ивана Алексеевича.

Приведя этот фрагмент в своей книге, написанной годы спустя, Бабореко далее комментирует:

Ездили в Париж для встречи с Верой Николаевной и другими писателями-эмигрантами, за малыми исключениями, — кроме одного-двух «живых классиков», — литераторы, любимые спецотделами и иностранными комиссиями, — что одно и то же: Л.В. Никулин, С.А. Макашин. Мне дорога к В.Н. Буниной была заказана [Бабореко 1993, с. 64].

² Из-за болезни М.А. Степун этот отъезд, однако, был отложен, и Прегель удалось встретиться с Г.Н. Кузнецовой в Женеве. В письме П.Л. Вячеславу от 20 сентября 1963 г. она сообщала:

В Женеве я встретила с Галиной Николаевной Кузнецовой. Она очень тепло о Вас говорила.

Галина Николаевна удручена и расстроена болезнью своей подруги. В данное время ей очень трудно писать [Прегель 2000, с. 174].

40

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 2 мая 1964 г.

2 мая 1964 г.

Дорогой Леонид Федорович,
посылаю Вам «Русские Новости» от 10 апр<еля> 1964 г. с «Признательными строками» Н. Смирнова¹.

Поздравляю Вас со светлым праздником Пасхи —
Душевно Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 38. Автограф.

¹ Николай Павлович Смирнов (1898–1978), прозаик, литературный критик, журналист. С 1922 г. сотрудник «Известий», в 1926–1934 гг. — литературный секретарь «Нового мира». В 1934 г. был арестован и «за контрреволюционную агитацию и распространение контрреволюционной литературы» приговорен к четырем годам лагерей (освобожден в 1939-м). В 1950–1970-е гг. сотрудник альманаха «Охотничьи просторы» (исполнял обязанности заместителя отв. редактора) (см. о нем: [Куприяновский 1988; Певец 1998]). О взаимоотношениях Н. Смирнова и Б. Пастернака см.: [Переверзев 2006]. В послевоенные годы активно интересовался русской эмигрантской литературой, был постоянным автором парижской просоветской (или, как называл ее Г. Адамович, «полумосковской») газеты «Русские новости» и состоял в переписке с некоторыми «патриотически» настроенными эмигрантами, в частности, с В. Мамченко (см. письмо последнего Н.П. Смирнову о Б. Поплавском в кн.: [Поплавский 1996, с. 83–85]; см. его же письмо вернувшемуся в Советский Союз и жившему в Алма-Ате Ю. Софиеву от 28 мая 1965 г., в котором В. Мамченко высоко отзывается о Н. Смирнове как о человеке и писателе [Звезды в аду 2008, с. 174]). Многократно писал в «Русских новостях» о Бунине (см., например: Бунин на родине // Русские новости. 1961. № 859. 17 ноября. С. 4; Из записной книжки (И.А. Бунин по рассказам Н.А. Пушешникова) // Там же. 1963. № 948. 2 августа. С. 5; Думая о Бунине // Там же. 1964. № 974. 31 января. С. 4; № 975. 7 февраля. С. 4–6). По-видимому, за подписью Н.П.: Бунин на родине // Там же. 1965. № 1030. 12 марта. С. 5; и др.

В письме Прегель речь идет о статье Н. Смирнова «Признательные строки (К трехлетию со дня смерти В.Н. Муромцевой-Буниной. Апрель 1961 — Апрель 1964)» (Русские новости. 1964. № 984. 10 апреля. С. 4). Смирнов состоял с Верой Николаевной в активной переписке, завязавшейся в 1958 г., после выхода ее книги «Жизнь Бунина».

41¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Канны, 5 марта 1965 г.

5 марта 1965 г.

Дорогой Леонид Федорович,
шлю Вам мой горячий дружеский привет из Канны, где до сих пор было холодно и весьма неуютно. Сегодня первый весенний день...

Живу я в отеле, но всё свое время провожу с сестрой. Да, <в> этот год она изменилась, исхудала. Сейчас при ней Лидия Елевф<т>ерьевна Флорианская² —

Остаюсь здесь до 15 марта. 16-го должна быть в «La Lignière» — в Швейцарии. Жду от Вас весточку.

Ваша

С. Пр<егель>

P.S. Для упрощения прилагаю конверт с адресом.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 39. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом Ниццы.

² Лидия Елевфтерьевна (Элевфтерьевна) Флорианская, актриса.

42

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Гланд, 22 марта 1965 г.

22 марта 1965 г.

Дорогой Леонид Федорович,
что у Вас хорошего? Были ли Вы за это время у д-ра Гашкеля <?>¹
Завтра неделя, как я в «La Lignière». Здесь весна, поют птицы, в лесу журчат ручьи, а больных не слышно и не видно: сидят у себя по комнатам.

Но в какой-то момент эта швейцарская красота и синева Женевского озера начинает меня раздражать!..

Больше всего меня угнетает болезнь Гингера². И все-таки постепенно начинаю принимать человеческий облик.

Отдых — великое дело!

В Каннах видела Е.Л. Таубер. Она много работает, но с трудом перебивается.

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович. Будьте здоровы и благополучны.

Ваша С. П<регель>

P.S. Для удобства прилагаю конверт с адресом.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 40–40 об. Автограф.

¹ Доктор, лечивший Зурова, ср. в письме Прегель к Н.В. Кодрянской от 10 декабря 1964 г.:

Уже взяла свид<етельство> у д-ра Гашкеля. Идем в понедельник. В общем, теперь я Зурову *абсолютно не нужна*, это просто каприз. Но я не хочу ему отказывать!..

И в следующем письме ей же, от 19 декабря, она сообщала о результатах этого похода:

Была с Зуровым у д-ра Гашкеля, и тот был в восторге от результатов лечения (а он *не экспансивен*).

² У одного из ближайших друзей Прегель, поэта и прозаика Александра Самсоновича Гингера (1897–1965), обнаружили в это время раковую опухоль, и он был вынужден лечь в больницу.

43¹

С.Ю. Прегель – Л.Ф. Зурову

Гланд, 3 апреля 1965 г.

3 апреля 1965 г.

Дорогой Леонид Федорович,

от души благодарю Вас за письмо: мое пребывание в «La Lignière» подходит к концу. 7 апреля еду в Женеву к приятельнице, Mme Gurvic² (на той же площадке живет Я.Н. Блох...³) Пробуду там 4½ дня. Надо встряхнуться, перейти на нормальное положение. Даже ждать не хочется.

Гингер мне пишет, что Вы прислали ему подписку⁴. Сейчас он в приподнятом настроении и считает себя здоровым.

До скорого, дорогой Леонид Федорович!

Рада, что Вы закончили статью.

Обнимаю Вас. Всегда Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 41. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом Ньюн, пригорода Женевы, расположенного на Швейцарской Ривьере.

² Ольга Марьяновна Гурвич (урожд. Тумповская; 1889–1978), сестра поэтессы и переводчицы М.М. Тумповской, возлюбленной Н.С. Гумилева, адресата нескольких его стихотворений. Жила в Германии, а затем в Швейцарии (Женева). В годы Второй мировой войны вместе с мужем, Лазарем Ильичом Гурвичем, спасала еврейских детей, переправляя их в Швейцарию (см.: [Арманд]).

³ Яков Ноевич Блох (1892–1968), издатель, переводчик, журналист; брат погибшей в Аушвице поэтессы и филолога Р.Н. Блох, близкой приятельницы Прегель; вместе с французским славистом профессором А. Мазоном и художницей и поэтессой Н.А. Бродской Прегель подготовила к изданию «Избранные стихотворения» Р. Блох и ее мужа М. Горли-

на, также погибшего от рук нацистов (Париж: Изд-во им. Ирины Яссен «Рифма», 1959), а за два года до этого — сборник их филологических статей «Études littéraires et historiques» (Paris: Institute d'Études slaves, 1961. (Bibliothèque russe de Institute d'Études slaves; t. 30)).

⁴ Для издания последнего прижизненного сборника стихов А.С. Гингера «Сердце» была организована подписка, в которой приняли участие сотни людей, см. об этом более подробно в гингеровских письмах к Прегель в кн.: [Гингер 2013, с. 258–273].

44

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 10 июня 1965 г.

10 июня 1965 г.

Дорогой Леонид Федорович,
обрадовалась Вашей весточке. В Париже «холодно» и неуютно... Успела даже простудиться, но всё постепенно налаживается.

С Кодрянскими говорю по телефону. У них, как всегда, уйма дел.

У Гингера всё то же. Он потерял еще одно кило. Подписка на его книгу продолжается. У него свыше 360 подписок...

Вчера видела Б.К. Зайцева. Он держится молодцом. В первых числах июля предполагается вечер Ирины Одоевцевой «На берегах Сены»...¹

Обнимаю Вас, мой дорогой друг, и желаю всего, всего хорошего и светлого.

Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 42–42 об. Автограф.

¹ Вечер И. Одоевцевой «На берегах Сены», посвященный воспоминаниям о литературной жизни в предвоенном эмигрантском Париже, состоялся 2 июля (вступительное слово сказал Г. Адамович). Вечере приняла участие Прегель: она выступила с воспоминаниями об А. Ремизове и чтением стихов Одоевцевой из сборника «Десять лет» (см.: [Хроника 2001, с. 67]).

45

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Гланд, 23 августа 1965 г.

Sophie Ravnicki
«La Lignière»
Gland (Vaud)
près Nyon
Suisse
23 августа <1965>

Дорогой Леонид Федорович,

Шлю Вам сердечный привет из «La Lignière», где всё та же классическая швейцарская скука.

Спасает то, что я здесь с Борисом Юльевичем и Шурочкой¹. Мы живем своей жизнью. Но они уезжают 5 сент<ября>, и я останусь здесь (если ничего не произойдет) до 10 сентября. Может быть, задержусь на неск<олько> дней в Женеве.

Пока всё это неясно. Продолжаю лечение и диету и стараюсь не думать, но мне не удается.

Всё время думаю о Гингере. Получила от него письмо. Писал сын, Сережа², под его диктовку.

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович, и очень прошу Вас *не уставать!*
Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 36–36 об. Автограф. Датируется по содержанию.

¹ Т. е. с братом и его женой.

² Сергей Александрович (Serge) Гингер (1928–2011), известный французский психолог и психотерапевт, автор большого количества работ по гештальтпсихологии и гештальттерапии; сын Гингера и А.С. Присмановой.

46

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Гланд, 1 сентября 1965 г.

1 сент<ября> 1945 г.¹

Дорогой друг,

Получила Ваше письмо от 28 авг<уста>, и оно меня *перевернуло*...² Еще ясней увидела то, что себе представляла. Невыносимо тяжело — с этой потерей не могу примириться!

Получила большое письмо от сыновей Гингера (помимо телеграммы).

Я думаю, что день поминовения надо устроить в *конце* сентября или даже в начале октября³.

Остаюсь в «La Lignière» до 10–12 сент<ября>, а потом пробуду неск<олько> дней в Женеве, где увижу Андреевых⁴, Слонима... Париж меня пугает.

Лечение идет неплохо, но я умудрилась схватить «периартрит»⁵. Постараюсь здесь его ликвидировать.

Желаю Вам, дорогой Леонид Федорович, в Nice как следует быть (sic) отдохнуть и запастись силами на зиму.

Обнимаю Вас.

Всегда Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 43–43 об. Автограф.

¹ Ошибка Прегель. Следует: 1965 г.

² Зуров сообщил Прегель о смерти А.С. Гингера.

³ Вечер памяти Гингера состоялся 2 декабря 1965 г. Его открыла Прегель, выступив с воспоминаниями о поэте и его окружении (кроме того, она читала его стихи), затем о нем говорили Г. Адамович, К. Померанцев, Ю. Терапиано и А. Юлиус; воспоминания о Гингере К. Терешковича прочитал Г. Адамович (опубликованы в кн.: [Гингер 2013, с. 371–375]). О вечере см.: [Хроника 2001, с. 119–120].

⁴ Т. е. поэта, прозаика, литературного критика, мемуариста Вадима Леонидовича Андреева (1902/1903–1976) и его жену художницу Ольгу Викторовну (урожд. Чернову; 1903–1979), приемную дочь В.М. Чернова (дочь от 1-го брака О.Е. Колбасиной-Черновой и художника М.С. Федорова). Близкие друзья Прегель, супруги Андреевы являлись авторами «Новоселья», в котором были опубликованы четыре поэмы Вадима Леонидовича: «Олень» (1945. № 22/23. Ноябрь–дек. С. 30–34), «Поэма о камне» (1947. № 35/36. Июль–авг. С. 34–37), «Поэма об отце» (1947. № 31/32. Янв.–февр. С. 14–17) и «Поэма о Ревекке» (1949. № 39/41. С. 71–75), а также два его рассказа: «Счастливый дом» (1946. № 24/25. Февр.–март. С. 58–69) и «Возвращение» (1946. № 27/28. Июль–авг. С. 61–70); Ольга Викторовна напечатала в «Новоселье» мемуарно-некрологический очерк «Серафима Павловна Ремизова» (1947. № 35/36. Июль–авг. С. 127–129).

⁵ Периартрит — воспалительный процесс в околосуставных тканях крупных суставов.

47

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Канны, 30 апреля 1966 г.

30 апреля 1966 г.

Дорогой Леонид Федорович,

шлю Вам сердечный привет из Канны, куда приехала после трехдневного пребывания в Ницце. Здесь жарко, всё в цвету. А у моей сестры, к сожалению, всё то же!

Мне переслали письмо Н.П. Смирнова. Он пишет: «...Вчера долго сидела у меня Наталья Ивановна Столярова¹. ...очень интересно рассказывала о своей прошлогодней поездке (в частности, о встрече с Л.Ф. Зуровым)...»

Он просит также передать Вам привет.

В Париж (е<сли> б<удем> ж<ивы>) приеду 9 мая... Не позже!

Душевно Ваша

С. Прегель

Sophie Ravnicki
chez Mme Kagan-Pregel
Palais Real
Av. du Parc Madrid
Cannes (A. H.)

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 44–44 об. Автограф.

¹ Наталья Ивановна Столярова (1912–1984), переводчица; дочь революционерки-террористки Н.И. Климовой. Родилась в Италии, выросла в Париже, где познакомилась с молодыми русскими поэтами и писателями-эмигрантами, в частности (в 1931 г.) с Б. Поплавским, посвятившим ей ряд стихотворений (кроме того, она стала прототипом героини его романа «Домой с небес»). В декабре 1934 г. переселилась в СССР, в 1937 г. была арестована, стала узницей ГУЛАГа, о чем рассказано в книге «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына. Реабилитирована в 1956 г. В 1956–1967 гг. — литературный секретарь И.Г. Эренбурга. Член Союза писателей (1970). Участница петиционной кампании вокруг «процесса четырех», свидетель защиты на суде (1968), участвовала в деятельности Фонда помощи политзаключенным.

48¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Канны, 14 марта 1967 г.

14 марта 1967 г.

Дорогой Леонид Федорович,

шлю Вам привет из Канн, где живу в постоянных волнениях и тревоге.

Вчера здесь была настоящая зима, а сегодня опять солнце светит и греет, и кажется, что Ривьера не сплошной «блэф»...

22 марта должна быть уже в Париже. Надеюсь, Вы хорошо себя чувствуете и продолжаете регулярно работать! —

До скорого!

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 45. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом Au soleil de la Côte d'Azur.

Л.Ф. Зуров – С.Ю. Прегель

Сустон, 23 июля 1968 г.

<23 июля 1968>

Дорогая Софья Юльевна!

Сердечное спасибо за милое письмо. Купаюсь, отдыхаю. Загорел, но прячусь днем от сильного солнца¹. От Милицы Эдуардовны <Грин> получил большое и обстоятельное письмо. Она упала на улице, повредила правую руку. Долго не могла писать.

К Вам у меня огромная просьба. Получил я от *comptabilité téléphonique*² счет (который и прилагаю). Здесь, у нас, почты нет. Очень Вас прошу, милая Софья Юльевна, уплатите за меня по счету 67 фр<анков> 80 сантимов (почтовое отделение наход<ится> на рю Синте, недалеко от Пасси). *Деньги эти я Вам сразу же верну*. Простите, что затрудняю Вас, но Соллогубы уехали³, а Вы являетесь единственным другом, оставшимся в Париже. Буду Вам благодарен и чрезвычайно признателен.

От всей души желаю Вам здоровья, бодрости и успешной творческой работы.

Пишу Вам, сидя на сосновом пне. Сорвал боровой вереск. Вкладываю его в письмо.

Целую Вашу руку.

Л. Зуров

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 3. Автограф. Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

¹ Зуров отдыхал в одном из лагерей Сустона в Аквитании (область на юго-западе Франции).

² *Comptabilité téléphonique* — организация, ведающая телефонными счетами; бухгалтерия телефонной сети (*фр.*).

³ Общественный и культурный деятель Наталья Борисовна Соллогуб (урожд. Зайцева; 1912–2008), дочь писателя Б.К. Зайцева, и ее муж, экономист и общественный деятель Андрей Владимирович Соллогуб (1906–1996). Воспоминания Н.Б. Соллогуб о Зурове, с которым она и ее муж были близкими друзьями, см. в кн.: [Беседы с Н.Б. Соллогуб... 2004, с. 210–217].

50¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 1 февраля 1969 г.

1 февраля 1969 г.

Дорогой Леонид Федорович,

получила сегодня утром Вашу открытку... Узнала адрес и телефон Барановых и сразу же им позвонила. Наталья Львовна сказала мне, что послала Вам письмо с *готовым* конвертом! Она ждет известий². Пока что прочла ей Вашу открытку. На всякий случай повторяю адрес Барановых:

156 ter, rue d'Aulnay

92 — Châtenay-Malabry

Телефон: *Robinson* 14-83

Здесь особых перемен нет.

Георгий Викторович <Адамович> в Ницце. Ирина Одоевцева вернулась из США³. А на нашей родине, как Вы сами знаете, веселого мало!..

Всего, всего доброго, дорогой друг Леонид Федорович. Набирайтесь *сил*, они Вам очень, очень нужны!

Всегда Ваша

С. Пре<гель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 46–46 об. Автограф.

¹ Письмо написано в клинику, где Зуров в это время проходил лечение.

² Наталия Львовна Баранова (урожд. Березовская; по отцу Баранова-Шестова; 1900–1993), инженер; дочь философа Льва Исааковича Шестова (наст. фам. Шварцман; 1866–1938), автор двухтомной книги об отце «Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников» (Paris: La Presse Libre, 1983). Супруги Шестовы — Лев Исаакович и его жена Анна Елеазаровна Березовская (1879–1962) — состояли в приятельских отношениях с Буниными, через которых с ними, очевидно, познакомился Зуров.

В письме, о котором Прегель здесь упоминает, Н. Баранова-Шестова писала Зурову (29 января 1969 г.):

Дорогой Леня,

Предполагаю и надеюсь, что вы хорошо доехали и довольны новым местом. У вас, наверное, большой сад, и вы можете выходить гулять.

Отец Сергей несколько раз звонил узнавать про ваше здоровье. Он очень надеется, что на новом месте вам будет хорошо и что вас там вылечат. Ему очень хотелось бы получить от вас письмо.

Посылаю конверт с адресом — напишите несколько слов, расскажите, как вы устроены.

Володя <Баранов, муж Наталии Львовны> и я шлем вам сердечный привет и желаем скорее поправиться.

Наташа

На случай, если у вас нет бумаги под рукой, посылаю вам также 2 листика бумаги, вы, наверное, где-нибудь в глуши и ничего не можете пойти купить (Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 40).

³ В марте 1968 г. И. Одоевцева ездила в США по приглашению издателя и книготорговца Виктора Петровича Камкина (1902–1974), который издал ее воспоминания «На берегах Невы» (Washington, D.C.: Русское книжное дело в США. Victor Kamkin, 1967); в конце 1968 — начале 1969 г. она отправилась туда вторично.

51¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Канны, 16 октября 1969 г.

Sophie Ravnicki
Palais Real
Av. du Parc Madrid
06 Cannes
16 X <19>69

Дорогой Леонид Федорович,
шлю Вам привет из Канн, где постепенно всё привожу в порядок. Осложнений немало, а работы — больше, чем я думала... Пробуду здесь во всяком случае до конца месяца².

Мне переслали письмо Вашего *американца*. Отвечу ему и из Парижа пошлю дополнительные сведения.

Всего, всего доброго, дорогой Леонид Федорович.

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 47. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом Лазурного берега.

² Речь идет об устройстве дел после смерти сестры Прегель (см. примеч. 2 к письму № 32, от 13 марта 1957 г.), которой не стало 16 марта 1969 г. Приехав в Канны 8 октября, Прегель на следующий день писала Н.В. Кодрянской:

Приехала вчера утром и всё еще не могу освоиться ни с Каннами, ни с квартирой бедной Кларочки. Всё кажется мне каким-то дурным сном...

И в тот же день, что и Зурову, 16 октября, сообщала ей же:

Я остаюсь в Каннах *во всяком случае* до конца месяца. Много непредвиденных осложнений, а помощи, в общем, никакой. Одна из дам, на кот<орую> я рассчитывала, уехала в Aix-en-Provence, где оперируют ее близкого родственника. Другая — вернулась 2 дня тому назад и невероятно озабочена своим «неустройством» — Вы сами понимаете, какое у меня настроение. А между тем надо держаться!

52

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 23 июня 1970 г.

23 июня 1970 г.

Дорогой Леонид Федорович,

спешу сообщить, что завтра пошлю (по почте) 150 фр<анков> (15 т<ысяч> старых фр<анков>).

Прилагаю конверт с моим адресом, чтоб Вы могли подтвердить получение.

Надеюсь, в Bassy¹ Вы хорошо поправитесь, а в Бретани по-настоящему «освежитесь».

Вчера было основательно душно. В Париже Вам было бы тяжело.

Если не будет никаких «неожиданностей», 11 июля поеду в Остенде² — с Борисом Юльевичем и Шурочкой.

Здесь всё то же, всё *те же!*

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович. Поправляйтесь! Для этого необходимо «выключиться»...

Всегда Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 53–53 об. Автограф.

¹ Bassy (Басси) — городок в Верхней Савоие на юго-востоке Франции.

² Остенде — крупный бельгийский портовый и курортный город на берегу Северного моря.

53

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 2 июля 1970 г.

2 июля 1970 г.

Дорогой Леонид Федорович,

спасибо за письмо, кот<орое> меня очень обрадовало. Вы должны быть крайне осторожны. Думаю, что у Вас холодно, как и здесь. Я, правда, радуюсь низкой температуре, но это хорошо для Парижа, а не для «деревни».

Прилагаю конверт с адресом и маркой и прошу Вас (по возможности без промедления!) сообщить мне, как долго Вы остаетесь в Bassy. Сообщите также Ваш адрес в Бретани.

Мы (Шурочка, Б<орис> Ю<льевич> и я) уезжаем в субботу, 11-го, в наше любимое Остенде.

Получила письмо от Галины Николаевны <Кузнецовой>. Она и М<аргарита> А<вгустовна> отдыхают на Tegernsee (1½ езды от Мюнхена)¹.

Я очень устала и жажду отдыха. Кроме того, не мешает и подлечиться...

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович!

Ваша С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 53–53 об. Автограф.

¹ Tegernsee (Тегернзе) — немецкий курорт, расположенный в Баварии, на восточном берегу одноименного озера.

54¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Париж, 6 июля 1970 г.

6 июля 1970 г.

Дорогой Леонид Федорович,
получила Ваше письмо — пишу ответ.

Я рада, что Вы понемногу приходите в себя! Надеюсь, к концу лета Вы забудете о всех Ваших недомоганиях.

Усиленно готовлюсь к отъезду. У меня много неотложных дел.

Галина Николаевна <Кузнецова> и М<аргарита> А<вгустовна> Степун теперь в санатории на Tegernsee (Бавария).

Была у Бориса Константиновича <Зайцева>. Он держится молодцом. Его оберегает Вера Александровна (sic)².

Одновременно с этим письмом посылаю Вам почтовый перевод на 150 франков. Прилагаю конверт с моим адресом в Бельгии и прошу подтвердить получение. Но пошлите мне письмо *не раньше* 11 июля.

«En principe»³ мы покидаем Париж 11-го утром.

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович.

Всегда Ваша

С. Пре<гель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 49, 50. Автограф.

¹ Написано на двух фотооткрытках с московскими видами: Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и Красной площади.

² См. примеч. 16 к вступительной статье.

³ «В принципе» (*фр.*).

55¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Остенде, 14 июля 1970 г.

Sophie Ravnicki
Grand Hôtel des Thermes
Ostende
Belgique
147.<19>70

Дорогой Леонид Федорович,

спешу Вам сообщить, что 11-го мы приехали в Остенде, где останемся до 7–10 августа. А затем — Брюссель и швейцарская санатория, где собираюсь подлечиться.

Сообщите, пожалуйста, получили ли Вы мой почтовый перевод!..

Надеюсь, у Вас всё в порядке!

Обнимаю Вас

Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 51. Автограф.

¹ Написано на почтовой открытке.

56¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Остенде, 21 июля 1970 г.

21.7.<19>70

Дорогой Леонид Федорович,

сегодня национальный бельгийский праздник², и письмо это *вряд* ли уйдет! *Ваше* я получила и, в общем, очень довольна Вашим состоянием...

Галина Ник<олаевна> и М<аргарита> А<вгустовна> нуждаются в серьезном отдыхе, а М<аргарите> А<вгустовне> *необходимо* полечиться, она уже давно болеет.

Из Парижа пока никаких интересных известий... Все понемногу разъезжаются.

Несмотря на неустойчивую погоду, здесь очень хорошо! Пробудем в Остенде до 10–11 августа... А затем Брюссель и Швейцария...

Обнимаю Вас и жду известий.

Ваша С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 52. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом порта в Остенде.

² 21 июля — Национальный день Бельгии (Nationale feestdag van België) — отмечаемый с 1890 г. праздник национальной независимости государства.

57

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Остенде, 5 августа 1970 г.

5 августа 1970 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Спасибо за письмо от 29 июля. Надеюсь, Вы уже в Бретани, кот<орую> Вы так любите!¹

Я всё еще наслаждаюсь морем, чудесными закатами. К сожалению, ухитрилась простудиться. Пока это простой насморк, и мне, вероятно, удастся его ликвидировать.

Начиная с *10 августа*, будем в Брюсселе, где останемся до 18-го (одну неделю!) Прилагаю конверт с моим адресом в Брюсселе, где рассчитываю получить от Вас весточку.

Из России получаю невеселые письма. Такого *зажима* уже давно не было! Этому конца не видно...

Из Брюсселя собираемся поехать в Льеж, в Антверпен и т. д. Пока это только «планы».

Желаю Вам, дорогой друг, поправиться *по-настоящему* и забыть о тяжелой зиме.

Обнимаю Вас

Всегда Ваша

С. Прег<ель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 54–54 об. Автограф.

¹ О том, что Зуров «готовится к отъезду в Бретань (к родственнице Веры Николаевны)», Прегель сообщала Н.В. Кодрянской в письме от 5 августа 1970 г.

58¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Брюссель, 15 августа 1970 г.

15 августа 1970 г.

Дорогой Леонид Федорович, получила Ваше письмо от 12-го. Я очень рада, что Вы немного «освежились» в Бретани, кот<орую> я тоже очень-очень люблю! Главное, не уставать! Вы, конечно, уже показались Вашему врачу или его заместителю.

18-го улетаем в Швейцарию; прилагаю конверт с моим адресом.

Что же касается бунинского дома (вернее, 2-х домов), то сведения Б<ориса> К<онстантиновича> Зайцева, исходящие от Сионского², неправильны. Получила письмо от Дубовикова, главного редактора <<>Лит<ературного> Нас<ледства>³ — он подтвердил, что войдет всё. Материал, по-видимому, огромный. Из Швейц<арии> напишу отн<осительно> «Посева». Вы должны это хорошо и основательно обсудить.

Обнимаю Вас
Всегда Ваша

С. Пр<егель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 55. Автограф.

¹ Написано на фотооткрытке с видом гран-плас в Брюсселе (Хлебный дом/Дом короля).

² Александр Алексеевич Сионский (1899–1976), общественный деятель.

³ Алексей Николаевич Дубовиков (1905–1984), советский литературовед; под его и С.А. Макашина редакцией в серии «Литературное наследство» увидел свет двухтомник «Иван Бунин» (М.: Наука, 1973. Т. 84), в котором приняла участие Прегель. В краткой вступительной статье «От редакции» имя Зурова называлось среди тех, кто оказывал редакции помощь «своими советами и указаниями, сообщением материалов и другими формами содействия» (Т. 84, ч. 1. С. 6).

59

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову
Гланд, 1 сентября 1970 г.

19 <19>70

Дорогой Леонид Федорович,
спасибо за письмо от 26 авг<уста>. Теперь Вам нужно «отдыхать от отдыха», который, в общем, тоже утомляет.

В понедельник, 7-го, еду в Женеву на неделю, чтоб прийти в себя и перестроиться на «старые рельсы»... Жить буду у моей приятельницы напротив парка «Perle du Lac». 14 сентября — вечером — должна быть в Париже!

В «La Lignière» сейчас находится А.И. Мазе¹, с кот<орым> иногда встречаюсь в парке. Территория «La Lignière» обширнейшая. Меня огорчило то, что Б<орис> К<онстантинович Зайцев> начал сдавать. Увы, это неизбежно...

Что же касается американских «литературоведов», это «смех и грех», как говорила няня. А писания Вейдле² (и его выступления) нагоняют на меня не только сон, но и тяжелую, нудную тоску. Руки опускаются.

Боюсь, что Берберова *ответит* на статью Гуля³, и всё это будет на очень низком уровне...

Обнимаю Вас, дорогой Леонид Федорович, и желаю Вам всего, всего хорошего и светлого.

Ваша С. Прегель

Прилагаю на всякий случай конверт с моим женевским адресом.

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 56–56 об. Автограф.

¹ Александр Иеронимович Мазе (1893–1987), инженер, масон.

² Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979), литературовед, культуролог, историк культуры, поэт.

³ На выход книги Н.Н. Берберовой «The Italics Are Mine» (Transl. by Philippe Radley. N. Y., 1969) Р.Б. Гуль отреагировал острой критической рецензией в «Новом журнале», редактором которого являлся (1970. № 99. С. 282–291). На ряд замечаний Гуля Берберова позднее ответила в предисловии к русскому изданию своих мемуаров (см.: [Берберова 1972], опустив их во втором, нью-йоркском, издании 1983 г. (о некоторых перипетиях подготовки ею этого предисловия-ответа критике см.: [Ронен 2001])).

60

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Остенде, 17 июля 1971 г.

17.7 <19>71

Дорогой Леонид Федорович,

Я здесь наслаждаюсь морем и солнцем! Погода замечательная. Надеюсь, она продержится до нашего отъезда. А остаемся мы здесь еще недели четыре (приблизительно). Затем поедем на неск<олько> дней в Брюссель, а оттуда в Нормандию... Конечно, если не будет никаких «сюрпризов»...

Разленилась до неприличия и даже сидеть не могу: глаза слипаются. Всё это следствие накопившейся усталости...

Хотела бы знать, что у Вас? Когда едете в Бретань?.. Прилагаю конверт с моим адресом и жду известий, хотя бы самых коротких —

Обнимаю Вас

Ваша С. Прегель>

Sophie Ravnicki
Grand Hôtel des Thermes
Ostende, Belgique

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 59–59 об. Автограф.

61

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Остенде, 30 июля 1971 г.

30.7 <19>71

Дорогой Леонид Федорович,

спасибо за письмо от 26-го. Судя по газетам, в Париже опять невыносимо жарко, и я надеюсь, что в начале августа Вы, наконец, поедете в Бретань...

Здесь, несмотря на жару, очень приятно, а по вечерам даже топят. Климат приблизительно такой, как в Бретани!

Вижу, что Н.П. Смирнов опять появился на горизонте. До этого он долго не отвечал своим постоянным корреспондентам —

О Газданове мне не пишут. Зато только что его взяли домой. Ничего хорошего в этом нет¹.

Меня пугает слабость Бориса Константиновича <Зайцева>. Что это? Не начало ли конца...²

Остаемся здесь до 12 августа, а затем до 18-го будем в Hôtel Métropol в Брюсселе — Своего адреса в Нормандии я еще не знаю.

Всего, всего доброго, дорогой Леонид Федорович! Главное, следите за своим здоровьем! Обнимаю Вас.

Всегда Ваша

С. П<регель>

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 60–61. Автограф.

¹ Г.И. Газданов умер от рака легких в Мюнхене 5 декабря 1971 г.

² Б.К. Зайцева не стало 28 января 1972 г.

62¹

С.Ю. Прегель — Л.Ф. Зурову

Сювилль, 25 августа 1971 г.

Sophie Ravnicki
Hague — Dick Hôtel
50, Sionville
25.8 <19>71

Дорогой Леонид Федорович,

только два слова, чтоб сказать, что Ваше письмо от 11-го я *получила вчера* вечером... Его переслали в Нормандию, где я лечусь и отдыхаю. Страшно рада, что Вы, наконец, выбрались из города (к сожалению, ненадолго...). Надеюсь, Вам удастся использовать свое пребывание в Бретани. Я немного устала от лечения и от передвижений — В Париже должна быть *в самом начале сентября*. Как только приеду, позвоню! А пока обнимаю Вас. Bonne chance!²

Ваша С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 62. Автограф.

¹ Написано на почтовой открытке.

² В добрый час! Желаю успеха! (*фр.*).

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ РАССКАЗ ЛЕОНИДА ЗУРОВА
«ДАГМАРСКИЙ ЛЕС»

В «Новоселье» рассказ Зурова «Дагмарский лес» напечатан не был, как и вообще остался не опубликованным; хранится в коллекции писателя в LRA. MS. 1068/24.

Печатается по машинописному автографу, испещренному авторской правкой и не дающему в некоторых случаях однозначного представления об окончательном варианте, выбор которого сделан публикаторами. По всему видно, что рассказ нуждается в серьезной литературной доработке (это и стало, вероятно, фактической причиной, почему Прегель не поместила его в своем журнале, хотя ее первая реакция на него была сугубо положительная, см. письмо № 16, от 2 октября 1946 г.). Вместе с тем, как думается, он представляет определенный интерес для изучения творчества Зурова, что делает оправданной данную публикацию. Как и многие другие зуровские тексты, рассказ опирается на личный опыт автора, который в Первую мировую войну находился в Северо-Западной армии.

Текст приведен в соответствие с современными грамматическими нормами.

— Видите ли, — начал он, — сказал офицерам сидевший у окна вагона широколицый, с круглой, по-солдатски остриженной головой капитан, — всё это случилось уже во время общего полумирного сожительства и братанья. А надо сказать, что стояли мы тогда по Двине, и немцы, видя наше настроение, и вот, как вы говорите, зная отлично наши достоинства и недостатки, как и то, что уже открыто и повсеместно происходит у нас, правильно всё учли, и там, на Двине, братанье ими было поставлено широко с участием, думаю, не только командиров отдельных частей, но и штабов: там всем пользовались, как я теперь понимаю, — за нами подсматривали и нас тщательно изучали, прикидывая — далеко ли у нас эта болезнь зашла, а в то же время и обнимались, и водку, которую специально подвозили, меняли, и в этом была для них не только военная выгода и передышка — возможность снятия с наших замиренных участков частей и переброска их на другие фронты, а и профит — тут тебе и полотняные рубахи, и хлеб, и казенное мыло. Ну и наши, надо сказать, были тоже уже хороши. <зачеркнуто: У нас на фронте какое было братанье; правка нрзб.>. Из Риги <зачеркнуто: например; правка нрзб.> некоторые по праздникам ездили к немцам в тыл, там проводили ночь, а к утру через сторожевое охранение возвращались. Ну, понятно, там, где уже по-настоящему забратались, пулеметы, на всякий случай, приведены были в негодность, а Двина не препятствовала — на лодках переплывали ее — пехота не желала больше по немцам стрелять и открытия артиллерийского огня тоже не

допускала. Знакомая картина, — закуривая, сказал он. — Да, господа, вот когда я наслушался, как наш брат, упрашивая солдат, унижался, а они уже не доверяли больше ни комитетам, ни нам. И клянусь вам, <далее пропуск в тексте>.

— Ах вот как, — посмотрев на артиллериста, сказал капитан, — ну, тогда, быть может, вы знаете и нашу стоянку: — видите ли, — пояснил окружающим он, — там позиции сходились так близко, что до свободы мы в германские окопы бросали ручные гранаты. Такое близкое расстояние. Да, господа, по своей опасности Дагмарский лес считался знаменитым участком. Мы и до революции знали, что немцы под наши линии подкопы вели. Ну, конечно, против них вели подкопы и мы, пока не стало свободы. Теперь-то, конечно, всё это точно известно, но тогда никто и в догадку не брал, что в то время, как наши братались, немцы против нас по лесам сосредоточивали свои батареи.

— Об этом я слышал, — сказал артиллерийский поручик, — там ведь местность на берегу Двины покрыта лесами

— Совершенно справедливо, — ответил ему капитан, — сделано всё было обдуманно и хитро. И, конечно, надо отметить, что на нашей стороне рощицы небольшие, а на той лес темный, густой. Им, видите ли, очень удобно. А надо сказать, я тогда временно командовал батальоном. Пришли мы после отдыха на дагмарский участок лесной, и я знал, что мы неделю должны простоять, а тут такая история — на второй день вызывают меня к телефону из штаба полка. «Николай Васильевич, — говорят, — сегодня ведь свадьба». А у нас код был такой. «Слушаюсь», — отвечаю, а сам думаю: что за притча — ведь это значит, к вечеру на смену нам первый Кавказский придет. «Слушаюсь», — повторяю и думаю: странно. Стемнело. Является на позиции Кавказский стрелковый. Стали мы спрашивать: почему такая спешная смена? Не знают. Ну, стали они на наше теплое место, а мы отошли верст на двенадцать в дивизионный резерв. Тихо кругом. Все довольны. Целую неделю предстояло нам еще отдохнуть. А в резерве у нас хорошие землянки, большие. «Ну, — говорим, — завтра отправимся погулять в Якобштадт». А тут еще прислали вечером на пополнение молодых прапоров, и на утро сговорились мы с ними ехать на питательный пункт имени Пуришкевича, а там любовь была, знакомые сестры. И ко мне в батальон прислали нового офицера. Он явился поздно, в роту я его не отправил, а оставил ночевать у себя. Выпили мы с ним, закусили, спал я в ту ночь здорово, и снился мне рай.

— Так-с, — продолжал капитан, — а утром, на зорьке, проснулся я от разрывов снарядов. Приподнялся, — только и слышно, как вдаль перекачивается глухая сильная канонада, но такая, что и у нас земля начинает дрожать. Я только было подумал — да ведь это не артиллерийская подготовка, как вдруг страшный гул, дверь настезь, — с невероятным треском в землянку падает дверь, и мне сразу стало понятно, что немцы взорвали Дагмарский лес, подкоп, который они вели целое лето. Вижу, вскочив с постели, стоит мой прапорщик совсем почти голый и дрожит весь от страха, а вестовой на карачках, в белье, ползет по землянке. «Филиппов, сукин сын, — кричу на него, — встать! Стыдно, — кричу, — одеваться!» Кое-как натянул я всё на себя и выскочил вон из землянки. А тут светает, стрельба, заварившись, повсюду идет, сгоняют нас немцы с укрепленного места. Только

и слышен вдали отдаленный гром, слышен рокот глухой, батарей ли наших, немецких, кто знает. Ну, думаю, сейчас отступить будут обозы и по шоссе тяжелая артиллерия начнет крыть. Так и есть — уже вещи везут, рассыпают, беспрерывно артиллерия гудит, и немцы к нам огонь переносят.

— Ну, а полк? — спросил Лосев.

— Полк, — посмотрев на него, сказал он. — Там всё — деревья, людей и кусты на воздух подняло, — весь полк разом лег, а когда он полег, немцы перешли в наступление. От первого Кавказского кашевары лишь уцелели, и то лишь потому, что в четырех верстах с кухней были.

Так бегу я к батальону, — а уж и наш резерв под страшным обстрелом. В ложине, где землянки и штаб, черная земля летит вверх. Шоссе для отступления — стратегическое наше шоссе — в дыму и пыли. Связь нарушена. Провода перебиты. «Где ординарцы? — кричит нам полковник. — Немедленно установить связь со штабом дивизии, доставить туда этот пакет!» «Слушаюсь, — отвечает начальник команды и бежит к людям, и я вижу — ординарцы дрожат: он посылает, а тот ехать не хочет. Ну что же, сам поскакал, и два унтер-офицера за ним вслед пустились. Полным карьером помчались, а вся дорога вздымается, и я видел, как снарядом убило одного, кинуло в сторону. А уже рассвело. Я оглянулся на Дагмарский лес, а там стрельбы уже нет. Видно, там всё уже немцы заняли, и пехотное наступление их по фронту идет. А тут фельдфебель кричит: «Господин капитан, бьют с газами». «Маски! — кричу я солдатам. — Маски!», и обидно до слез — маску, которую, подлец, здесь был должен носить, — показал он на бок, — он выбросил как ненужный хлам при свободе. Чего с нею валандаться! Сухие дрова, на случай газовой атаки, были приготовлены для костров, — всё пожжено на кипячение чая.

Солдатский разговор поблизости стих.

— Ну, чего там, — махнув рукой, продолжал капитан, — газ стал в ложину спускаться, а эта публика по землянкам начала прятаться.

Шинель ему мешала, он ее растянул.

— Помню, — при общей тишине продолжал он, — как дрались в тот день ударные части. Я видел, как подполковник Воробьев нарочно на смерть пошел. А тут ординарец прискакал из штаба дивизии, — приказано было полку выйти к дороге и сдерживать наступление до тех пор, пока раненые и обозы не перейдут по железнодорожному мосту через Двину. Командир выстроил полк, священник наскоро отслужил походный молебен, и вижу я — крестятся из трусости самые безбожные, вижу, крестятся, — а уже — та-та-та — немецкие пулеметы это отовсюду стрекочат. Только тронулись, нет-нет, пуля — тьюю, — ай, — упал, лежит мертвый. А повсюду, как глазом окинуть, отступление наших идет. Отходят кучами и врассыпную, бросают патроны, мешки. «Что, — кричу я своим, — побратались! — а сам чуть не плачу. — Что, ребята, поняли, — вот они ваши дружки!» И вижу я — части соседнего батальона, дрогнув, начали отходить и, смешавшись, побежали стадами. «Куда, — кричат офицеры, — стой, братцы, стой!» Полковой комиссар с красной повязкой попытался было их задержать. Выскочил напротив, набросился на кого-то, но его тут же выстрелом из винтовки убили. «А, собака, ты сдохни здесь! Товарищи, не слушайся, отходи!» Так! А у нас под ногами лес-

ное болото. Пули свищут, а в воду ложиться нельзя. Вижу вдали по шоссе идут штурмовые немецкие части и ракеты бросают для того, чтобы знак своим дать, и их автоматы — та-та. А тут, по дороге, всё, смешавшись, рвет к переправе. Санитарные мчатся повозки. Скачет по шоссе артиллерия. Солдаты бегут. А на берегу толчея, и те, что туда добрались, увидев мост, не глядя ни на кого, через него драпанули. Посмотрел я направо-налево — из нашего полка никого уже нет, а немецкие аэропланы корректируют стрельбу батарей, — вижу, бросили ракету, чтобы артиллерия перенесла свой огонь к переправе. «Братцы, — кричу я своим, — не бежать! Если останется кто в живых — это мы! Бей залпами, отходи тихо!» Стали мы, рассыпавшись, отступать, и я вижу — от моего батальона осталось всего шестьдесят человек: связи нет, вся толпа хлынула к переправе. «Стой, — только и говорю я своим, — братцы, отбой!» А немцы в это время весь свой огонь бросили к переправе.

— Ах, как подумаешь, что породила эта свободушка, — сказал лысый поручик.

— Да, ответил ему капитан, — когда пятнадцать батарей сосредоточили по переправе огонь, я видел, как десятки людей с страшными криками и стонами падали в воду. Боже, что делалось там! — качая головой, сказал он. — Мост железный, сквозной, на нем кухни, лошади, пушки — и внезапно перенесенный, брошенный в эту кашу, обрушившийся с неба ураганный огонь. Мост в четверть километра, и вижу, под огнем, слепо проламываясь через застрявший обоз, бежит эта орда, проваливаясь в дыры, сталкивая в воду друг друга. Сыпятся в Двину, — а тут и моя солдатня поняла, и у них, окаянных, как просветление. «В цепь, — кричу я своим, — не подпускать немцев до моста, кучей наложим, до вечера не полезут!»

— Ну, — спросил Лосев, у которого пылало лицо.

— Рассыпались, стали сдерживать, чтобы не дать им возможности по шоссе двигаться дальше, а когда они начали перебегать, то открыли изо всех пулеметов страшный огонь. Слава Богу, пулеметчики были с нами. Ну, отдал я распоряжение держаться до сумерек, чтобы спокойно потом отойти.

— А немцы?

— Да они несколько раз пытались было подняться. Ну, видят, опять не боятся их, — крепкая часть.

Он закурил. Офицеры молчали. Поезд катился русской равниной, в вагоне шумели солдатские голоса.

— Ну, когда стал (sic) вечером, — продолжал капитан, — вижу, дождались. Пришел приказ — отходить. По одному начали мы тихо сниматься, перебегать к переправе. Там, на берегу, оставшимся со мной я сказал: вот смотрите, ребята, что значит отсутствие дисциплины. «Господин капитан, — отвечает мне один, — с вами старые солдаты, оставшиеся в полку». «Знаете, братцы, — говорю я, — а вот теперь покажем, как мы, оставшиеся верными порядку, перейдем мост, и какие у нас будут потери». Стали мы отходить в цепочках по правой и левой стороне. «Только смотри, — говорю, — в дыры не попади». И, Господи, мы видели ужас! Дыры эти самые, в которые падали люди, повсюду, убитые в ужасном положении висят, за перекореженное железо зацепившись, а там не так глубока уж Двина.

Глянул я вниз, и холодно стало — в воде артиллерийские повозки, кухни и пушки, а на мосту всё завалено, кровью залито, — страшен не огонь немцев, а количество дыр, и — всё перековеркано и перебито. Смотришь — то голова застряла меж перекладин какого-то Вани, то ноги торчат, — скользко, мозг, тело и кровь по дороге.

— Да, — покачав головой, сказал Лосев.

— Ну, перешли мы, перебежали на другой берег, а уже торопят саперы, понтонные офицеры: скорей отходите, скорей, будем взрывать; просят — в сторону отбегайте быстрее. Мы залегли, а они дали взрыв. Смотрим на мост. Сначала на секунду он встал, приподнялся, а потом с телами и кровью рухнул в Двину.

— Какой это мост? — угрюмо спросил из коридора прислушивавшийся к офицерскому рассказу солдат.

— Якобштадского укрепленного района, — ответил ему капитан, там были сто восемьдесят четвертый пехотный корпус и двадцать восьмой армейский.

— Что верно, то верно, — сказал в коридоре пожилой рыжебородый солдат.

— Ужас, ужас! — откликнулась тут сестра милосердия.

— Да, всё это так, господа, — сказал капитан. — Но в эту ночь я видел опять настоящих солдат. Есть нечего, — обведя всех взором, продолжал он, — хозяйственная часть драпанула без оглядки, хутора эти латышские повсюду пусты, мужики по лесам разбежались. Удалось моим ребятам поймать где-то борова, найти хлеба, приволокли банный котел, разложили костер, наварили доброй похлебки. Ночь <1 нрзб.>, как попало. Пригласили меня на трапезу из общего котла, сели вокруг. А у меня ни ложки, ни черта, — взволнованным и как будто радостно-удивленным голосом сказал он, — вестовой пропал, солдаты меня пригласили, ложку дали, сел у котла. Тогда один говорит: ваше благородие, узнаете старых солдат верных <?> Луна взошла, Рождество Богородицы. Вот, думаю, вот когда опять семья-то единая.

Офицеры молчали.

— Глаз не сводили. Ложку Боровиков вытянул из-за голенища, вытер краем гимнастерки, мне подал, — улыбаясь, с блеснувшими глазами, сказал он, и Лосев почувствовал — сердце сжалось, в груди стало больно.

— Вспоминали, как воевали, — продолжал капитан, — луна, утро, заря, — а так всю ночь и не спали, словно развязало вот что-то, словно вот и не было ничего, а всегда вот так-то говорили, делились хлебом и жили. «Ваше благородие, — Боровиков говорит, — не беспокойтесь, я старый солдат». И разговор — как было в Пруссии Восточной — всё опять хорошо, ладно, честно, по-братски.

— А утром, — сказал потом медленно он, — пришла связь из штаба полка, — и нам приказано было отступить в резерв верст на двадцать. Нас сменила кавалерийская какая-то часть. Да. Там, в резерве, все собрались, подсчитались. Итого — сорок процентов бежало за два дня из полка. Куда? Да по шоссе в Россию, на Москву шла дорожка.

Б.С. Каганович, Л.Б. Вольфиун

РАИСА БЛОХ В 1930-е ГОДЫ

Новые материалы*

Долгое время имя и творчество талантливой поэтессы и историка-медиевиста Раисы Ноевны Блох (1899–1943), с начала 1920-х гг. жившей за границей и погибшей в нацистском концлагере, были почти неизвестны в России. За последние четверть века положение существенно изменилось: была издана книга стихов Раисы Блох [Блох 1996], вышло несколько посвященных ей статей¹, биографией и творчеством поэтессы занимаются и зарубежные историки русской культуры². Несколько лет назад в одном из французских архивов авторы настоящей работы обнаружили неопубликованные письма Раисы Блох, которые освещают драматические обстоятельства последних лет ее жизни и представляют собой волнующий человеческий документ.

Прежде чем обратиться к представлению этих материалов, напомним основные вехи биографии Р.Н. Блох. Немалая часть сообщаемых ниже данных содержится в литературе о Раисе Блох, но мы сочли необходимым привести их здесь для лучшей ориентации читателя, дополнив новыми материалами.

Раиса Ноевна Блох родилась 17 сентября 1899 г. в Петербурге в состоятельной и культурной еврейской семье. Рано умерший отец был адвокатом, по матери, Доре Яковлевне (урожденной Малкиель), Раиса Блох приходилась двоюродной сестрой известному филологу В.М. Жирмунскому (см.: [У. М. 1974, р. 52])³.

---

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-21-17001 «Россия и Западная Европа: пространство европейской культуры (с начала XVIII века до конца 1920-х годов)».

¹ Наиболее ценной из них является, несомненно, статья т. п. Вороновой (см.: [Воронова 1989]). См. также: [Воспоминания Евгении Каннак... 1992; Каннак 1992; Кельнер 1992].

² Из более ранних зарубежных публикаций следует особо отметить сборник научных работ Раисы Блох и ее мужа Михаила Горлина, изданный по инициативе и с предисловием патриарха французской славистики Андре Мазона, учеником и сотрудником которого был Горлин: *Gorlin Michel et Bloch-Gorlin Raissa. Etudes littéraires et historiques. Avant-propos d'André Mazon.* Paris, 1957 ([Gorlin, Bloch-Gorlin 1957], в книгу вошли три статьи Р. Блох). А. Мазону принадлежит также некролог: [Mazon 1946]. В последнее время вышла богато документированная работа: [Gracetta 2014]. К сожалению, не все новейшие публикации были доступны нам в момент написания настоящей статьи. Такова, в частности, работа: [Poljakov 2005].

³ «У меня к Вам большая просьба. Не могли ли бы Вы узнать, как здоровье родителей романтика Вити. От них вот уже год никаких известий, а они люди очень пожилые, и меня это молчание тревожит», — читаем в письме Р. Блох к О.А. Добиаш-Рождественской от 27 марта 1931 г. (ОР РНБ. Ф. 254. Д. 344. Л. 11). Несомненно, речь здесь идет о В. Жирмунском, ранние работы которого были посвящены немецкому романтизму.

В 1916 г., по окончании гимназии, она поступила на историко-филологический факультет Бестужевских курсов, которые после революции были объединены с университетом. Блох специализировалась по западной медиевистике, занималась у профессоров О.А. Добиаш-Рождественской (прежде всего), Л.П. Карсавина и И.М. Гревса, слушала лекции М.И. Ростовцева, Ф.Ф. Зелинского, С.Ф. Платонова, Н.О. Лосского и других выдающихся ученых. Ее товарищами по университету были историки А.Д. и В.С. Люблинские, Е.Ч. Скржинская, В.В. Бахтин, М.А. Гуковский, получившие впоследствии значительную известность в науке.

Одновременно Р.Н. Блох писала стихи и занималась в переводческой студии М.Л. Лозинского, в которого, как и большинство студийек, была влюблена⁴. Она приняла участие в коллективном переводе сонетов Ж.М. Эредиа и перевела в сотрудничестве с братом и его женой пьесы К. Гоцци, Н. Макиавелли и Б. Джонсона⁵. Ее брат, Яков Ноевич Блох (1892–1968), был руководителем издательства «Петрополис», где вышло большинство этих переводов, а впоследствии три сборника стихов Раисы Блох. В 1920 г. молодая поэтесса и переводчица стала членом-соревнователем Всероссийского союза поэтов, председателем которого был А. Блок, а в приемную комиссию входили Н. Гумилев, М. Кузмин и М. Лозинский (см.: [Литературное наследство 1987, с. 689]). С Гумилевым и особенно с Кузминым она была довольно хорошо знакома, главным образом благодаря брату-издателю⁶.

В 1920–1921 гг. Р.Н. Блох работала помощником библиотекаря в отделении искусств Публичной библиотеки, которое возглавлял тогда М.Л. Лозинский. Петроградский университет она окончила в 1922 г. и в том же году вместе с семьей брата (матери уже не было в живых) уехала в Берлин. Здесь Блох продолжила в университете свое историческое образование, слушая лекции и занимаясь в семинарах крупных немецких историков и искусствоведов А. Бракмана, М. Дессуара, А. Гольдшмидта, А. Гарнака, Ф. Мейнеке, Э. Перельса, К. Штелина и др. В 1928 г. она получила немецкий диплом и начала работать ассистентом в знаменитом институте *Monumenta Germaniae Historica* («Исторические памятники Германии»), занимающемся научным изданием средневековых текстов.

Ценнейшим свидетельством эмигрантской жизни Раисы Блох являются ее письма в Ленинград к любимому учителю О.А. Добиаш-Рождественской⁷. Она

⁴ Ср. записи другой студийки, в которых неоднократно упоминается Р. Блох: [Оношкович-Яцына 1993].

⁵ См.: *Гоцци К. Ворон* / пер. Я. и Р. Блох // *Гоцци К. Сказки для театра*. Пг.; М., 1923. Т. 1 (неоднократно переиздавалось); *Джонсон Б. Эписин, или Молчаливая женщина* / пер. Е. и Р. Блох. Пг., 1921; *Макиавелли Н. Мандрагора* / пер. В.А. Ракинта; Стихи в пер. Р. Блох. Берлин, 1924; *Эредиа Ж.М. Трофеи*. М., 1973. Сонет Дж. Бруно в переводе Р. Блох приведен в книге Л.П. Карсавина «Джиордано Бруно» (Берлин, 1923. С. 239–240).

⁶ Ср. записи в дневнике М. Кузмина: «Вечером был у Раи и Доры Яковлевны. Ничего, скучно без Якова Ноевича и Елены Исааковны, но радушны и любезны» (19 июня 1921); «Зашел к Блохам. Дора Яковлевна и Рая очень утешительны» (9 сентября 1921) [Кузмин 1993, с. 462, 484]. Важное свидетельство содержится в записи от 22 сентября 1921 г.: «Ночью арестовали Елену Исааковну и Раю» [Там же, с. 488]. Арест, если он действительно имел место (это единственное известное нам упоминание о нем), был, вероятно, непродолжительным.

⁷ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 343–345. Наиболее важные фрагменты этих писем приведены в указанной выше статье т. п. Вороновой.

жестoko тосковала по России и Петербургу (к этому времени относится едва ли не самое известное стихотворение Р. Блох «Чужие города», легшее в основу песни А. Вертинского), жалованье в Monumenta было незначительным, приходилось давать уроки, брать разные подработки. Думается, однако, что, несмотря на все это, берлинское десятилетие стало для Раисы Блох продуктивным в научном и литературном отношении. Она опубликовала две солидные научные работы [Bloch 1930, 1931] и книгу стихов [Блох 1928], обратившую на себя внимание. Р. Блох не пролагала новых путей в поэзии, но ее скромный и чистый голос был оценен такими критиками, как К. Мочульский и Г. Адамович, отметившими, в частности, ее органическую принадлежность к «петербургской школе». В Берлине Р. Блох входила в литературный кружок, членами которого были С. Прегель, М. Горлин, В. Набоков, В. Корвин-Пиотровский, В. Франк и др. [Воспоминания Евгении Каннак... 1992, с. 243]⁸. Она переводила на немецкий язык стихотворения С. Есенина и А. Ахматовой⁹, на русский язык — поэтессу Х в. Хросвиту Гандерсгеймскую и Поля Валери, ездила в Италию¹⁰. Имеются также данные, что вместе с М. Горлиным Р. Блох выпустила несколько детских книг под псевдонимом «Мираев»¹¹.

Свои работы Р.Н. Блох посылала в Ленинград обоим своим учителям — в науке и в поэзии. Ольге Антоновне она писала о своей работе, душевном состоянии, о немецких коллегах, сообщала научные новости. Из писем видно, что Рая (как она подписывалась) выполняла ряд литературных поручений Добиаш-Рождественской: следила за печатанием ее работ за границей, наводила некоторые библиографические справки, покупала книги (в счет оставленных ей денег).

С начала 1930-х гг. в письмах Р. Блох усиливаются тревожные ноты в связи с нарастанием кризисных явлений и фашистских тенденций в Германии. Вскоре после прихода к власти Гитлера, в марте 1933 г. Раиса Блох была уволена из Monumenta и покинула Германию. К лету 1933 г. она приехала в Париж.

К этому, последнему в жизни Раисы Блох, парижскому периоду и относятся публикуемые нами материалы. Для понимания их необходимо, однако, дать еще некоторые пояснения.

Во Францию Р.Н. Блох попала, глубоко потрясенная разгулом нацизма в Германии и поведением ряда коллег. 1 июня 1933 г. она писала О.А. Добиаш-Рождественской: «Как я счастлива, что больше не вижу торжествующих арийцев с правильной формой черепа и негнущимися спинами» (цит. по: [Воронова 1989, с. 73]). В Париже огромную моральную и практическую помощь Раисе Блох оказала семья Лот.

⁸ Автор воспоминаний Е.О. Каннак (урожд. Залкинд; 1903–1986) также была членом этого кружка.

⁹ О переводческой деятельности Р. Блох см.: [Poljakov 2013].

¹⁰ В письмах к О.А. Добиаш-Рождественской она сообщает, между прочим, о встречах во Флоренции с медиевистом, бывшим доцентом Петербургского университета Н.П. Оттокар (1884–1957), уехавшим в 1922 г. в Италию, не называя прямо его фамилии (см., например: ОР РНБ. Ф. 254. Д. 345. Л. 34 (письмо от 7 ноября 1932 г.). В открытке из Флоренции от 24 сентября 1932 г. приписка на итальянском языке принадлежит, вероятно, Оттокару. Там же. Л. 31). В Берлине Р.Н. Блох поддерживала контакты с Л.П. Карсавиным и его дочерью Ириной.

¹¹ См.: [Воспоминания Евгении Каннак... 1992, с. 251] (коммент. А. Клементьева).

Фердинанд Лот (Lot; 1866–1952) был одним из крупнейших французских медиевистов первой половины XX в., профессором Сорбонны и членом Академии надписей и словесности [Perrin 1968]. Он и его русская жена, известный французский филолог-романист Мирра Ивановна Лот-Бородина (1882–1957), были близкими друзьями О.А. Добиаш-Рождественской, учившейся у Ф. Лота в Сорбонне и Ecole des Hautes Etudes (Школа высших исследований) в 1908–1911 гг. (см.: [Каганович 2007, 2010]). Несомненно, что она просила Лотов оказать «Раичке» возможную помощь.

Письма Раисы Блох к О.А. Добиаш-Рождественской, начиная с первого парижского письма от 1 июня 1933 г., полны самых теплых и благодарных слов о семье Лот. Например: «М. Lot и Мирра Ивановна необыкновенно милые, сердечные, добрые люди. Они делают всё возможное, чтобы примкнуть к какому-нибудь делу несчастную ассистентку, испорченную высшим образованием... Я от таких добрых, тонких, умных учителей за годы моей немецкой бursy успела отвыкнуть»¹². «Все они замечательно добрые и благородные, но лучше всех сам шерметр¹³, радостно знать, что есть на свете такие добрые люди» [Воронова 1989, с. 75]¹⁴. У Раисы Блох сложились дружеские отношения с дочерьми Лотов Ирен и Марианной, которые в то время кончали университет¹⁵. Очарована она была и городом Парижем.

На первое время Ф. Лот определил Р. Блох в дом для приезжающих ученых в Университетском городке на юге Парижа, где она прожила несколько месяцев. Будучи членом международного комитета по подготовке нового издания классического словаря средневековой латыни, составленного в XVII в. Дюканжем, Ф. Лот устроил Р. Блох на работу по контракту в редакцию «Нового Дюканжа». Она занималась просмотром средневековых латинских текстов и расписыванием их на карточки. Аналогичную работу на тех же условиях выполнял и другой ученик О.А. Добиаш-Рождественской по Петроградскому университету — В.Н. Лосский (1903–1958), сын известного русского философа и сам впоследствии видный православный теолог, но также и хороший знаток западных мистических текстов. «Будьте уверены, что пока я смогу возглавлять это мероприятие от французской стороны и пока я буду иметь в своем распоряжении хоть какие-то денежные суммы, ни Лосский, ни Р. Блох не будут покинуты», — заверял Ф. Лот О.А. Добиаш-Рождественскую [Там же, с. 79]¹⁶. В. Лосский был женат на обратившейся в православие троюродной сестре Р. Блох Магдалине Шапиро, и они нередко именуются в ее письмах кузенами. Оплачивалась работа в Дюканже довольно скудно, и чтобы как-то сводить концы с концами Р. Блох одновременно стала работать секретарем в журнале «Revue d'histoire de la Pharmacie».

Небезынтересны ее сравнительные оценки французской и немецкой науки в письмах к О.А. Добиаш-Рождественской. Находясь в Германии, Р. Блох порой до-

¹² ОР РНБ. Ф. 254. Д. 345. Л. 46. Ср.: [Воронова 1989, с. 73], письмо от 1 июня 1933 г.

¹³ От фр. *cher maître* — дорогой учитель.

¹⁴ Июль 1933 г.

¹⁵ В 1934 г. Ирен Лот вышла замуж за русского эмигранта, будущего героя французского Сопротивления Бориса Вильде, который также вошел в круг друзей Р. Блох.

¹⁶ Письмо от 26 декабря 1933 г.

вольно скептически отзывалась о немецкой медиевистике в посланиях, отправляемых на берега Невы. Так, 24 апреля 1930 г. она писала Ольге Антоновне: «А что касается немецкой школы, то я думаю, Вы слишком ей симпатизируете. Право же, я больше любила науку, и веселее мне было работать, когда я не знала “немецкой школы”... Не верю я больше в объективную ценность всей этой канители, которая никого не интересует, даже самого работодателя не трогает»¹⁷. Ей же, 25 января 1931 г.: «Поздравляю Вас с выходом в свет “Голиардов”¹⁸. Книга получилась большая, красивая, такая, что ее хочется читать всякому образованному человеку... Нам, немцам, следовало бы поучиться, как писать такие книги. У нас мужества хватает только на *Urkundenforschung*¹⁹ и на примечания. Тратятся средства на издания никому не нужных, никому не интересных томов, а сколько тратится молодых сил — об этом и говорить не приходится. Лишь бы только не пропустить какой-нибудь цитаты или ссылки, а что книга мертвая — это не важно»²⁰. Но оказавшись во Франции, Р. Блох в конце 1933 г. не удержалась от признания: «Ох, не нравится мне здешняя наука (т. е. вульгарные ее проявления). Только Шерметру, прошу Вас, не пишите этого. Он на сто голов выше других. У меня от схоластической риторической чепухи, от которой ничего не остается в голове, тоска на душе и всё вспоминаю строгие, скромные мои Монументы» [Воронова 1989, с. 78]²¹. Разумеется, эти высказывания в частных письмах никоим образом не могут рассматриваться как окончательные суждения, но они достаточно характерны.

В 1935 г. Раиса Блох вышла замуж за своего берлинского друга, филолога и поэта Михаила Генриховича Горлина (он был моложе ее на 10 лет, 1909 года рождения), также перебравшегося после установления нацистской диктатуры в Париж и писавшего диссертацию в Славянском институте Сорбонны под руководством профессора Андре Мазона. В 1936 г. у Горлиных родилась дочь Дора. Извещая 11 февраля 1936 г. Ольгу Антоновну о предстоящем событии, Раиса писала: «Я сообщу эту новость Диди (т. е. Фердинанду Лоту. — Б.К.) в самую последнюю минуту, когда уже нельзя будет об этом молчать. Диди пессимист... Будет качать головой, говорить о нашей крайней бедности. Нам же нельзя рассуждать, нельзя терять времени и нам надо надеяться, что хватит сил и здоровья, чтобы дать счастливую жизнь тому, кто родится, оттого что мы любим друг друга»²². Читая сегодня эти строки и зная судьбу родителей и ребенка, с ужасом думаешь, как жестока бывает жизнь к человеку.

Как это ни парадоксально, в парижский период Р. Блох не опубликовала научных работ, сопоставимых с ее статьями берлинского периода (нам известны только несколько рецензий и небольшая статья об аптеке во времена Карла Лысого [Gorlin 1940], но, вероятно, были еще какие-то публикации, а какие-то вещи могли остаться ненапечатанными). Связано это, конечно, было с необходимостью зарабатывать

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 343. Л. 21.

¹⁸ Речь идет о книге: *Dobiache-Rojdestvsky O. Les Poésies des Goliards / groupees et traduites avec le texte latin en regard*, par O. Dobiache-Rojdestvsky. Paris, 1931.

¹⁹ Изучение документов (нем.).

²⁰ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 344. Л. 4.

²¹ Письмо от 13 декабря 1933 г.

²² ОР РНБ. Ф. 254. Д. 345. Л. 75–76.

на жизнь и заботой о маленькой дочери, которую она страстно любила. По словам Е. Каннак, «...роль главы семьи выпала на долю Раисы: это ей приходилось разыскивать квартиру, подписывать деловые бумаги, добиваться разрешения на постоянное жительство во Франции. “Что поделаешь, — говорила она мне, вздыхая и улыбаясь. — Ведь у Миши нет ни капли практического смысла”» [Воспоминания Евгении Каннак... 1992, с. 245]. Но Р. Блох продолжала писать стихи и выпустила два поэтических сборника (второй включал стихи ее и Мирры Лот-Бородиной)²³.

Вторая мировая война положила конец этому трудному, но достойному и, хочется сказать, светлomu существованию. Далее начинается мартирология. По воспоминаниям Е. Каннак, в мае 1940 г. Горлины, опасаясь бомбардировок Парижа, приехали с дочерью в приморский город Сен-Мало в Бретани, где их и застала немецкая оккупация. Затем они вернулись в Париж. 14 мая 1941 г. М. Горлин был вызван в полицию, арестован вместе с другими польскими евреями (он имел польское гражданство) и отправлен в лагерь интернирования в Питивье под Орлеаном, где использовался на разных работах. Попытки французских ученых А. Мазона, Ф. Лота, П. Паскаля и А. Вайяна добиться его освобождения успехом не увенчались. Какое-то время режим в лагере был довольно либеральным: жена регулярно навещала Горлина, привозила ему книги и даже пыталась организовать его бегство, но неудачно. 17 июля 1942 г. М. Горлин был депортирован в Аушвиц, где его следы теряются. Точная дата смерти Горлина неизвестна, несомненно только, что он погиб в нацистских концлагерях²⁴.

Раиса, опасаясь ареста, покинула Париж, оставив на некоторое время дочь у Андре Мазона, и обосновалась в деревне Вик-сюр-Сер (Vic sur Cère) в Оверни, где стала воспитательницей в приюте для детей-сирот, который создали еврейские и христианские организации. Служащий мэрии Роже Бонур (Roger Bonhoure) выдал ей документы на имя Michèlle Miraille, и она смогла взять к себе дочь. На сайте мемориального комплекса Яд Вашем в Иерусалиме Раиса Горлин-Блох фигурирует как «участница еврейского подполья во Франции». В конце 1942 г. 6-летняя Дора внезапно заболела дифтеритом и умерла. «Преодолеть это горе Раиса была не в силах, ведь Дорочка стала ее единственным утешением, единственной радостью» [Воспоминания Евгении Каннак... 1992, с. 250]. К этому времени относятся несколько трагических стихотворений Р. Блох, может быть, лучших в ее литературном наследии [Блох 1996, с. 105–108].

В октябре 1943 г., при попытке выехать в Швейцарию (куда незадолго до того удалось перебраться ее брату с семьей), Раиса Блох была задержана швейцарскими пограничниками, усомнившимися в подлинности ее документов, выдана немцам и доставлена в транзитный лагерь в Дранси под Парижем. 20 ноября 1943 г. она была отправлена в лагерь смерти Аушвиц (Освенцим), где, по всей вероятности, сразу же попала в газовую камеру.

²³ Блох Р. Тишина. Берлин, 1935; Лот-Бородина М., Блох Р. Заветы. Брюссель, 1939. Через двадцать лет в Париже стараниями друзей был посмертно издан сборник: Блох Р., Горлин М. Избранные стихотворения. Париж, 1959.

²⁴ Об обстоятельствах последних трех лет жизни и гибели Р. Блох и М. Горлина см.: [Graceffa 2014, p. 214–219]. К сожалению, мы не имели пока что возможности ознакомиться со статьей: [Поляков 2012].

* * *

В архиве Фердинанда Лота, находящемся в библиотеке Института Франции, сохранились одиннадцать писем к нему Раисы Блох за 1933–1940 гг., которые освещают французский период ее жизни. Поскольку последнее сохранившееся письмо Р. Блох к О.А. Добиаш-Рождественской датировано 11 февраля 1936 г., для более позднего периода письма к Ф. Лоту как биографический источник в какой-то мере заменяют их, хотя, конечно, они выдержаны в иной тональности и не носят столь «исповедального» характера (к сожалению, нам неизвестны письма Р.Н. Блох к М.И. Лот-Бородиной — в библиотеку Института ее материалы не передавались). Письма, относящиеся к довоенному времени, связаны в основном с работами Р. Блох для словаря Дюканжа, которые курировал Ф. Лот. Бóльшая их часть написана во время летних каникул, так как в рабочий сезон они регулярно встречались (встречи эти живо представлены в одном из писем Р. Блох к О.А. Добиаш-Рождественской: «Вам кланяется Володя <Лосский>. Мы с ним и с Вашим и нашим шерметром встречаемся по пятницам в передней Institut среди мраморных голов, а потом пьем кофе в deux Magots против St. Germain de Prés»²⁵). Вместе с тем письма свидетельствуют о дружеских отношениях Р. Блох не только с самим Ф. Лотом, но и с его семьей — она хорошо знакома с его женой и дочерьми, в курсе их занятий и интересов, бывает у них дома.

Едва ли не единственным упоминанием о событиях «большой истории» в этих письмах Р. Блох является негодующий отклик на советско-германский пакт в письме от 25 августа 1939 г., с примечательными словами: «Бедная Ольга Антоновна, как она должна страдать»²⁶.

Письма Р. Блох первого военного года — все они относятся ко времени до начала немецкой оккупации — очень наглядно отражают ее экзистенциальную ситуацию, отчаяние и надежды обреченного человека, метания семьи Горлиных в период «странной войны». Это еще только кануны грядущей трагедии, но веяние ее явственно ощутимо в этих глубоко человеческих документах.

Письма Р.Н. Блох печатаются в переводе с французского языка, выполненном публикаторами по автографам из архива Ф. Лота²⁷.

Источники и литература

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Блох 1928 — *Блох Р. Мой город*. Берлин, 1928.

Блох 1996 — *Блох Р. Здесь шумят чужие города...* / сост. и предисл. В. Леонидова. М., 1996.

²⁵ [Воронова 1989, с. 77], письмо от 5 октября 1933 г.

²⁶ О.А. Добиаш-Рождественская умерла 30 августа 1939 г., за день до начала Второй мировой войны; о ее симпатиях к внешнеполитическому курсу М.М. Литвинова, направленному на сдерживание гитлеровской экспансии в Европе в союзе с западными демократиями, см.: [Каганович 2007, с. 136, 159].

²⁷ Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 7306. Fol. 362–373 (Raissa Bloch-Gorline. Lettres à F. Lot (1933–1940)).

- Воронова 1989 — *Воронова Т.П.* Раиса Блох — русская поэтесса и историк западного средневековья (из переписки с О.А. Добиаш-Рождественской) // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. Л., 1989. С. 54–85.
- Воспоминания Евгении Каннак... 1992 — Воспоминания Евгении Каннак о поэтах Михаиле Горлине и Раисе Блох / публ. А. Клементьева // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 242–252.
- Каганович 2007 — *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007.
- Каганович 2010 — Между Петербургом и Парижем. Из переписки М.И. Лот-Бородиной и И.И. Любименко // С.-Петербург и Франция: Наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 455–473.
- Каннак 1992 — *Каннак Е.* Верность. Воспоминания, рассказы, очерки / сост. А. и С. Клементьевы. Париж, 1992. С. 150–167.
- Кельнер 1992 — *Кельнер В.* «Здесь шумят чужие города и чужая плещется вода...» (О поэтессе Раисе Блох) // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 253–263.
- Кузмин 1993 — *Кузмин М.* Дневник 1921 года / публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 13. С. 457–524.
- Литературное наследство 1987 — Литературное наследство. Т. 92, кн. 4. М., 1987.
- Лосский 2008 — *Лосский Н.О.* Воспоминания. М., 2008.
- Оношкович-Яцына 1993 — *Оношкович-Яцына А.И.* Дневник 1919–1927 / публ. Н.К. Телетовой // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 13. С. 355–456.
- Поляков 2012 — *Поляков Ф.Б.* «Трагическая и неискупимая судьба»: Свидетельства о гибели Михаила Горлина // Avoti. Труды по балто-российским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина. Stanford, 2012. С. 212–233.
- Bloch 1930 — *Bloch R.* Die Klosterpolitik Leos IX. in Deutschland, Burgund und Italien // Archiv für Urkundenforschung. 1930. Bd. 11. S. 176–257. Отд. изд.: Berlin; Leipzig, 1930.
- Bloch 1931 — *Bloch R.* Verwandtschaftliche Beziehungen des sächsischen Adels zum russischen Fürstenhause im XI. Jahrhundert // Festschrift Albert Brackmann. Weimar, 1931. S. 185–206.
- Gorlin 1940 — *Gorlin R.* Une pharmacie sous Charles le Chauve // Revue d'histoire de la Pharmacie. 1940. № 44. P. 277–279.
- Gorlin, Bloch-Gorlin 1957 — *Gorlin M., Bloch-Gorlin R.* Etudes littéraires et historiques / Avant-propos d'André Mazon. Paris, 1957.
- Graceffa 2014 — *Graceffa A.* Raissa Bloch-Gorlin (1898–1943). Parcours d'une historienne du Moyen Âge à travers l'Europe des années noires // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. P. 200–223.
- Mazon 1946 — *Mazon A.* Raissa et Michel Gorlin // Revue des études slaves. 1946. T. 22. P. 289–291.
- Perrin 1968 — *Perrin Ch.-E.* Un historien français, Ferdinand Lot, 1866–1952. Genève, 1968.
- Poljakov 2005 — *Poljakov F.B.* «Der steinerne Boden des Exils»: Materialien zu Leben und Werk des Dichterpaares Michail Gorlin und Raisa Bloch // Slavistische Forschungen. In memoriam Reinhold Olesch. Köln; Weimar; Wien, 2005. S. 219–234.
- Poljakov 2013 — *Poljakov F.* Zur Übersetzungstätigkeit von Michail Gorlin und Raisa Blochins Deutsche: Materialien im Nachlass Fritz Lieb // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2013. N.F. Bd. 1. S. 276–289.
- Prevet 1940 — *Prevet F.* Contribution à l'étude de l'évolution historique des techniques d'organisation sociale appliquées à la pharmacie. Paris, 1940.
- Y. M. 1974 — *Y. M.* <Yakov Malkiel>. Victor M. Zirmunskij // Romance Philology. 1974. Vol. 28, № 1. P. 52–56.

№ 1

12.VIII.1933

7 Boulevard Jourdan, Cité Universitaire
Fondation des Etats Unis

Дорогой месье Лот!

Благодарю Вас за письмо. Здесь несколько дней была изнуряющая жара, но теперь стало прохладней. Монсеньер Лакомб¹ позволил мне работать дома. В <Университетском> городке я чувствую себя вполне хорошо. Я могу писать карточки в саду, что делает работу гораздо более приятной. Сейчас я просматриваю части каталога, относящиеся к Германии.

Несколько дней назад я ездила в Шатене² повидать Миру Ивановну, и мы совершили очень приятную романтическую прогулку по парку. Надеюсь, что на следующей неделе я смогу еще раз вернуться туда.

Вчера я отослала деньги Владимиру Лосскому. Они писали мне, что очень довольны своим пребыванием в Сулаке, хотя там было чересчур жарко.

Привет Вам и всем Вашим, месье, желаю Вам хорошего отдыха после стольких трудовых месяцев.

Преданная Вам

Раиса Блох

---

¹ Джордж Лакомб (ум. 1934) — американский католический ученый-медиевист, занимался подготовкой каталога рукописей средневековых латинских переводов Аристотеля, в работе над которым ему, по рекомендации Ф. Лота, некоторое время помогала Р. Блох.

² Ср. в письме Р. Блох к О.А. Добиаш-Рождественской от 8 августа 1933 г.: «Только что вернулась из Chatenay — имения Шатобриана, где отдыхает теперь жена моего нового милого учителя. Провела с нею день на зеленом лугу; она показывала мне деревья, которые посадил сам Шатобриан. Говорили про друзей, которых люблю. Я сегодня с нею подружилась больше, чем раньше: в ней много доброты, и сердечности, и чистоты душевной» (ОР РНБ. Ф. 254. Д. 345. Л. 56).

№ 2¹

Auberge du Cedre
Fourqueux (S.et O.)

Дорогой месье Лот,

Я только что получила Вашу открытку и деньги из Института. Я бесконечно благодарна Вам. Здесь тоже часто пасмурно, но так как в лесу есть шампиньоны, я чувствую себя совершенно счастливой.

Привет и наилучшие пожелания всем вашим.

Преданная Вам

Раиса Блох

¹ Открытка. Датирована карандашом (вероятно, рукой М. Лот-Бородиной или одной из дочерей Ф. Лота, сдававших его архив в Библиотеку Института Франции): Août 1934 (август 1934 г.).

№ 3

30.X.1934
61, rue Chardon Lagache
Paris (XVIe)

Дорогой месье Лот,

Я только что получила Ваше письмо. Спасибо за Ваше любезное приглашение. Я приеду в Фонтене¹ в среду, то есть завтра в 4 часа и постараюсь взять с собой как можно больше книг. Шлю Вам и всем Вашим наилучшие пожелания.

Раиса Блох

---

¹ Лоты жили в южном пригороде Парижа Фонтене-о-Роз.

№ 4

Paris, 19.XII.1937
12, rue Claude-Lorrain, Paris (16^e)

Дорогой месье Лот,

Я только что узнала от Ирен, что Ваш грипп еще не совсем прошел. Думаю, что из-за холодной погоды Вы не приедете в город. Не знаю, когда будет заседание Института, поскольку пятница приходится на 24 декабря. Поэтому я позволяю себе прислать Вам список классификаций и разборов (dérouillements) (последние сведены к минимуму). Мы с Мишей регулярно работаем над классификацией карточек. В нашем зале в Архиве я отдельно откладываю всё, что уже сделано. Имеется уже более 50 каталожных ящиков — то, что сделала я и что было сделано раньше. Мой кузен очень активно занимается классификацией.

Желаем Вам, дорогой месье, Мирре Ивановне и всем Вашим хороших праздников и хорошего здоровья.

Надеемся скоро увидеть Вас.

С самыми искренними и дружескими чувствами

Раиса Горлин

№ 5

18.VII.1939

12, rue Claude-Lorrain, Paris (16^e)

Дорогой месье Лот,

Вот маленькая дюканжевская заметка. Я очень благодарна Вам за статью о Герберте¹. Прочла ее с большим интересом, поскольку питаю к Герберту и его сочинениям большую симпатию. На каникулах я напишу рецензию на диссертацию, которую Вы мне прислали одновременно с заготовками для главы о каролингской литературе².

Как Вы, дорогой месье Лот? Тепло ли на берегу моря?

Мы уезжаем на следующей неделе (27 июля вечером), если всё будет хорошо. Пора. Мы оба начинаем всерьез уставать (от всего).

Маленький сборник стихов выйдет через несколько дней. Я только что получила вторую корректуру.

Сердечный привет и наилучшие пожелания.

Преданная Вам Р. Горлин

P.S. Я оставлю свой адрес в кассе Института.

---

¹ Имеется в виду средневековый ученый Герберт Реймский (945–1003), ставший в 999 г. римским папой под именем Сильвестра II.

² Нам не удалось установить, о каких работах здесь идет речь.

№ 6

Chalet Gaudin

St. Georges de Didonne

Charent-Maritime

25.VIII.1939

Дорогой месье Лот,

Мы всё еще в Сен-Жорж-де-Дидон и думаем остаться здесь во всяком случае до следующего понедельника. Не знаю, остаетесь ли Вы еще в Конда. Представляю себе душевное состояние, в которое повергли Вас все эти события, дорогой месье Лот. То, что сделала Россия, позорно, и мучительно сознавать это.

Мы совершенно потрясены и не очень знаем, что делать. Поскольку мы здесь в довольно спокойном месте, я думаю, что разумно подождать несколько дней, прежде чем вести дочь в Париж, откуда через несколько дней будут увозить детей.

Если всё уладится, мы вернемся в начале следующей недели, и я смогу прийти в пятницу в Институт. Если события будут по-прежнему угрожающими, мы еще останемся на некоторое время в Сентонже. Я напишу Вам в понедельник, чтобы Вы были в курсе. Мы думаем поехать в Сент. Это столь же фантастический

проект, как и в прошлом году Пуатье¹, но Сент рядом и в нем есть библиотека и коллеж.

Что касается Дюканжа, то мне нужно еще около четырех недель и тексты для написания статьи о Каролингском возрождении и двух рецензий.

Если произойдет худшее, Миша и я сделаем всё, что велит нам долг. Да избавит нас Бог от всего этого.

Бедная Ольга Антоновна, как она должна страдать.

Сердечный привет Вам и всем Вашим. Очень хотела бы получить от Вас весточку.

Преданная Вам

Р. Горлин

P.S. Спасибо за присылку 400 франков, которые я получила от Института. Я заработала только 350 франков.

Сердечный привет от Миши.

---

¹ Вероятно, имеется в виду ожидание войны осенью 1938 г. в связи с событиями вокруг Чехословакии.

№ 7

7.IX.1939
Chalet Gaudin
St. Georges de Didonne
Charent-Maritime

Дорогой месье Лот,

Благодарю Вас за письмо. Я получила его накануне событий, кажется, 1 сентября. Сейчас даже срочные письма идут из Парижа в Сен-Жорж пять дней, и мы здесь отрезаны от всех новостей, без денег и с маленькой Дорой, которая совершенно безмятежна.

Ваше письмо было очень грустным, дорогой месье Лот. Я очень огорчена, что Мирра Ивановна чувствует себя неважно. Конечно, Фонтене-о-Роз не является защищенным местом, и я беспокоюсь за Вас и Вашу семью.

Не думаю, что я смогу привести свою дочь в Париж и что смогу разлучиться с ней. Для нас лично всё происходящее — большая катастрофа. Хорошо понимаю, что есть вещи поважнее, чем личная судьба, но наша участь не становится от этого легче. Ко всем прочим тревогам прибавляется угроза нищеты. Я чувствую, что не в состоянии работать в Париже. У меня больше нет сил после всего, что я видела в жизни.

Мы еще ничего не решили. Может быть, мы поедem с нашими друзьями, у которых сейчас живем, в Нант, куда они переехали. Пуатье не подходит для пари-

жан. Если этот проект осуществится, нужно будет подумать о том, что там можно будет делать. Кажется, это большой город, в котором есть два лица, и, конечно, я возьмусь за любую работу. Нет ли у Вас знакомых в Нанте?

Что касается Дюканжа, если он еще существует, то мне нужны для работы еще две недели (*lithurgia gallicana*). Когда закончу, пошлю карточки в Париж. Если библиотека в Нанте будет доступна, я найду там все тексты, необходимые для статьи о Каролингском возрождении. Конечно, я не думаю заниматься только абстрактными вещами в трудный момент, переживаемый нами. Я хочу приносить пользу.

Как Ирен и Марианна? Нет ли у Вас известий о моем кузене? Очень беспокоюсь за него, его жену и их четырех детей. Я напишу Вам через несколько дней, когда мы примем решение.

Сердечный привет от нас, дорогой месье Лот, Вам, Мирре Ивановне и всей Вашей семье.

Преданная Вам

Р. Горлин

P.S. Мы остаемся в Сен-Жорж еще около недели.

№ 8

6.IV.1940

12, rue Claude-Lorraine, Paris (16^e)

Дорогой месье Лот,

Вчера вечером, вернувшись из Института, я подумала о возможности, которая до того не приходила мне в голову. Нельзя ли относительно моего сотрудничества в Дюканже обратиться к г-ну Либману-отцу, который шесть лет назад проявил такое великодушие по отношению ко мне¹. Он внес сумму в 6000 франков и сказал мне, между прочим, что он никогда не оставит меня. Сейчас, учитывая курс доллара, ему было бы не трудно предоставить такую же сумму и тем более меньшую. Это позволило бы мне продолжить просмотры картуляриев, пусть пока медленно, — это определенно было бы большим подспорьем для меня и, надеюсь, бесполезно для Дюканжа.

Самой мне неудобно просить денег у г-на Либмана, но письмо от Вас, объясняющее мою ситуацию, наверняка возымело бы положительный эффект, и потому что его сын хорошо знает нас: меня, моего мужа и даже нашу дочь.

Простите, дорогой месье Лот, что я беспокою Вас, но я не могла не поделиться этой идеей, так как перспектива необходимости полностью расстаться с Дюканжем очень огорчает меня.

В понедельник я буду в Школе высших исследований (*l'École des Hautes Etudes*). Видела своего кузена и очень серьезно поговорила с ним.

Наилучшие пожелания Вам, Мирре Ивановне и Всем вашим.

Преданная Вам

Раиса Горлин

Вот адрес г-на Либмана-отца:
220 East 73 Street. New York City. U.S.A.

Поскольку обычные письма идут больше месяца, может быть, имело бы смысл написать авиапочтой (via clipper).

---

¹ Ср. в письме Ф. Лота к О.А. Добиаш-Рождественской от 26 декабря 1933 г.: «Прошлым летом я смог получить от одного американца и положить в банк небольшую сумму на имя Вашего друга, при условии, что она будет делать выписки из Дюканжа для нашей Академии» (цит. по: [Воронова 1989, с. 79]).

№ 9

21.V.1940

Дорогая Мирра Ивановна!

Мы приехали в Бретань и воссоединились. Я не могла больше оставаться вдали от нее. Бесконечно сожалею, что не смогла приехать в Фонтене до отъезда. Решение было принято очень быстро.

Мы надеемся скоро вернуться в Париж и продолжить все наши работы, но так как, возможно, придется принимать какие-то решения, не думаю, что Нуну¹ сможет сделать всё одна.

Дорогая Мирра Ивановна! Я все время думаю о Вас и о Вашей семье. Надеюсь, что будут хорошие известия от кого-либо из вас.

Мой брат и его жена в Париже. Как здоровье Ваше и г-на Лота?

Сердечно обнимаю Вас.

Ваша Раиса Горлин

---

¹ Вероятно, домашнее имя одной из дочерей Ф. Лота.

№ 10

21.V.1940

Saint-Malo

8 bis Boul. de Republique
Chez Madame Paillardon

Дорогой месье Лот,

Со вчерашнего дня мы в Сен-Мало. Я в отчаянии, что не смогла повидаться с Вами. Я хотела как можно быстрее воссоединиться с Дорой и приняла решение уехать в течение нескольких часов. Мы надеемся скоро вернуться к нашей работе, но мне было необходимо быть рядом с дочерью. Я оставила у м-ль Фремон книги, которые Вы любезно дали мне прочитать, прося вернуть их Ирен, равно как и бывший у меня пакет заметок об уже сделанных просмотрах.

Я оставила у себя только акты Филиппа I и Карла Простого. Они здесь со мной и вместе с некоторым числом карточек. Список картуляриев, который Вы мне дали, находится у Лосского.

Посылаю Вам список работ, выполненных за последние месяцы. Последнее время я работала над детальным списком авторов XI века, которых я уже просмотрела и тех, которых еще нужно будет просмотреть. Я передала Лосскому всё, что сделала.

Как Вы, дорогой месье Лот? Я не приехала в Фонтене, потому что не хотела тревожить Вас и Мирру Ивановну, а в последний день не смогла, так как нельзя было быстро связаться. Это очень огорчительно, так как мне хотелось повидать всех вас.

Мирра Ивановна как-то говорила мне, что Вы собирались поехать в Ваш дом в Бретани. Кажется, это не очень далеко отсюда.

Надеюсь скоро увидеться со всеми вами в Париже. Моя дочь чувствует себя хорошо.

Что касается Дюканжа, то я пока не получила ответ от г-на Либмана, но так как письма идут очень медленно, то вполне возможно, что еще получу известия от него. Относительно научных стипендий на 1941 год ничего точно неизвестно, но г-н Мазон сказал моему мужу, что надежда есть.

Насколько я помню, мне остается получить только 300 франков из имеющейся суммы, но так как книги здесь, я продолжу просматривать королевские дипломы в счет тех сумм, которые придут позже.

Я пробуду здесь по меньшей мере неделю. Вот мой адрес: Saint-Malo (Ille-et-Vilaine) 8. bis Boul. de la République. Chez Madame Paillardon. По этому адресу и следует послать остающиеся 300 франков.

Дорогой г-н Лот, я очень хотела бы иметь известия о Вас и всей Вашей семье. Буду очень благодарна, если Ирен и Эвелина напишут мне словечко.

Наилучшие пожелания от всей нашей семьи. Надеюсь скоро увидеть вас всех в Париже.

С самыми дружескими чувствами,
Преданная Вам

Р. Горлин

№ 11

3.VI.1940
Chez M-me Paillardon
8. bis, Boul. de la République
Saint-Malo (Ille-et-Vilaine)

Дорогой месье Лот,

Вот уже почти две недели как я в Сен-Мало. Спокойно делаю свои карточки и много времени провожу с Дорой.

Чувствую некоторые угрызения совести оттого, что я так быстро уехала из Парижа, и особенно оттого, что не повидалась с Вами в Институте, как обычно.

Тогда я только что получила свою стипендию и опасалась потратить ее в Париже, где все мои уроки прекратились из-за того, что дети уехали в провинцию. Здесь жизнь гораздо дешевле и мы как-то устроились, соблюдая режим жесткой экономии. Мне было также очень тяжело находиться в разлуке с дочерью, и сейчас я думаю, что поступила правильно.

Относительно фармацевтики я получила две новости, одна из которых приятная, а вторая неприятная. *La Revue d'histoire de la Pharmacie*, секретарем которого я была шесть лет, под угрозой закрытия. С другой стороны, я только что получила две толстые книги — докторскую диссертацию второго моего фармацевтического патрона г-на Ф. Прева (изобретателя поменоло). Основная диссертация посвящена истории корпоративного фармацевтического права во Франции¹. Он поручил мне составить очень детальный указатель, который я предполагаю сделать здесь во время вынужденных каникул. Эта диссертация, которую г-н Преве только что защитил, содержит главу, основанную на данных дюканжевских карточек. На стр. 186 автор благодарит сотрудников «этого монументального труда».

Я все еще не получила письма от гг. Либманов, отца и сына, но я продолжаю просмотры (*les dépouillements*), так как надеюсь на положительный ответ г. Либмана и особенно потому, что эта работа дает мне некоторое утешение и успокаивает.

Только что я узнала о большой опасности, которая угрожала семье Лосского. Я рада, что Магдалина и ее дети избежали ее².

Дорогой месье Лот, я очень хотела бы знать, как вы все. В данный момент мы рассчитываем еще некоторое время остаться в Сен-Мало. Из-за отсутствия Национальной библиотеки я хожу в муниципальную, маленькую, но превосходную в том, что касается истории Бретани.

Как Мирра Ивановна?

С наилучшими пожеланиями от всех нас

Преданная Вам

Раиса Горлин

---

¹ Имеется в виду работа: [Prevet 1940]. До 1970-х гг. для получения докторской степени (*doctorat d'État ès-Lettres*) во Франции требовалось подготовить и защитить две диссертации по разным темам: основную и дополнительную («*thèse principale*» и «*thèse complémentaire*»).

² Во время немецкой оккупации Франции М. Лосская с детьми должны были скрываться. Ср.: [Лосский 2008, с. 252–253]. Но в июне 1940 г. оккупационный режим еще не был введен, и не вполне ясно, что именно здесь имеется в виду.

Е.В. Кривцова

ПЛАНЕТЫ И ЗВЕЗДЫ ФЕДОРА АКИМЕНКО:
СУДЬБА «РУССКОГО ДЕБЮССИ» В ИЗГНАНИИ
(Опыт реконструкции биографии)

*Viens, viens danse le ciel lá-haut, loin de la Terre!*¹

Ф.С. Акименко. «Урания», оп. 25 (1904).

Цикл пьес для фортепиано, эпиграф автора к пьесе № 1

Имя композитора, дирижера, пианиста, педагога и музыкального теоретика Федора Степановича Акименко (1876–1945) принадлежит к известным фигурам отечественной исполнительской и композиторской школы. Его творческое наследие обрело свою нишу в истории русской музыки конца XIX — начала XX в.: между «кучкистами» (М. Балакирев, Н. Римский-Корсаков, Ц. Кюи), музыкантами Беляевского кружка (А. Лядов, А. Аренский, А. Глазунов), с одной стороны, и представителями русского музыкального «модерна» (Н. Метнер, В. Ребиков, Н. Черепнин, А. Крейн, М. Гнесин) — с другой. Оценка личности и творчества Акименко, «русского Дебюсси», как называли Федора Степановича современники, была неоднозначной. Одни им восхищались, другие отрицали его музыку, критикуя нереально-отстраненный мир художественных образов композитора и называя его манеру исполнения своих сочинений декадентской. Тем не менее и те и другие признавали, что «...его творчество в лучшей и наиболее характерной части произведений полно тонких неизведанных эмоций, и кто раз имел случай проникнуть в тайны его искусства, тот на всю жизнь сохранит к нему нежную привязанность» [Малков 1922, с. 17]. В своем творчестве композитор стремился изолироваться от внешнего мира. Он написал ряд превосходных, не лишенных своеобразного «астрального» очарования, произведений. Такого эффекта Акименко добился использованием целого ряда приемов: так называемых сонлирующих аккордов, септ- и нонаккордов различной структуры, многотерцовых созвучий. Наличие тональной неопределенности, зыбкость функциональных тяготений и гармонических последований позволяют отнести творчество Акименко к музыкальному импрессионизму. Подобно композиторам-импрессионистам, в своих сочинениях он нередко отвергает классическую завершенность форм, охотно обращается к жанрам программной музыки, зачастую с мистическим, фантастическим или астральным сюжетами. Однако при всех новациях основой творчества Акименко, его профессиональной, эстетической платформой являются художественные принципы композиторской школы Н.А. Римского-Корсакова.

¹ «Пойдем, пойдем на небо, туда, далёко от Земли!» (*фр.*).

Оттого в сочинениях композитора немало обращений к народным танцевальным и песенным образам, явное присутствие интонаций малороссийского музыкального фольклора. Пути обновления музыкального языка в области расширения гармоний у Акименко традиционны, границы новаторства умеренны. Не шокируя новизной, его музыка доступна восприятию самой широкой публики. Стоит отметить, что оркестровая палитра Акименко, инструментальная красочность и звукопись временами напоминают «водянистую копию» (словно акварель вместо насыщенной темперы) инструментовки Римского-Корсакова. Но Акименко не эпигон. В его творчестве нет тусклой вторичности. Композитору комфортно в собственном мире звуков и фантазий. В его музыке присутствует Spirit (Дух), или то, что можно назвать самоценностью творений Художника.

Размышления о космических светилах, о музыке небесных сфер и тайнах звездного неба не случайны при обращении к имени композитора. Куда бы ни приводила Акименко судьба — в родной Харьков, колоритный Тифлис, холодный Петербург/Петроград, в желанные Париж и Ниццу, уютную Прагу, — Teodor Akimenko (именно так на французский манер звучит имя композитора) обращал свой взор к звездному небу. Словно пастух внеземных созвучий, «русский Дебюсси» вслушивался в Гармонию мироздания и читал партитуру Вселенной. Как знать, возможно, его миссия состояла в том, чтобы озвучить музыку далеких космических сфер. С юных лет Акименко зачитывался Фламарионом², наблюдал звездное небо, грезил о других мирах, размышлял о тайнах мироздания. Это увлечение переросло в страсть на всю жизнь и оставило неизгладимый след в личности и творчестве музыканта. «Звездно-астрономическая» декларативность его сочинений, количество обращений к этой теме, пожалуй, не имеет себе равных в русской музыке: романс «Небо и звезды» на слова Лермонтова, Лирическая поэма-ноктюрн для симфонического оркестра «Ангел», фортепианные циклы «Урания», «Звездные сны»; «Танец ангелов» из цикла Десять прелюдий для фортепиано, «Лунный свет на Римском форуме» для двух фортепиано, фортепианное сочинение «Песня лунных лучей», оркестровая поэма «Стелла», пьеса «К свету звезд» для виолончели и фортепиано, отчасти опера «Фея снегов»³.

В астрономии существует термин Фламариона «двойная планета» — бинарная система самостоятельных, но взаимозависимых светил (Земля–Луна; Плу-

---

² Камилл Фламарион (Camille Flammarion; 1842–1925) — французский астроном-самоучка. В 1861 г. опубликована книга Фламариона «Множественность обитаемых миров», положившая начало большой серии его популярных астрономических работ. Широкую известность получили его книги «Популярная астрономия» (1880) и «Звезды и достопримечательности неба» (1882), а также мистические сочинения о привидениях, астральных существах и переселении души. В конце 1882 г. в городке Жювизи близ Парижа Фламарион основал обсерваторию. В конце XIX в. многие его труды, в том числе беллетристика астрально-фантастического содержания, были переведены на русский язык и стали чрезвычайно популярны в России среди читающей публики. Ф. Акименко был лично знаком с К. Фламарионом.

³ Об этом сочинении известно немного — опера «Фея снегов» («La Virga des glacies») написана в 1910–1914 гг. Произведение не увидело сцены, местонахождение клавира неизвестно, автограф партитуры сочинения хранится в фондах Национальной библиотеки Франции. Либретто (предположительно на сюжет мистической сказки «Ледяная дева» Г.-Х. Андерсена) написал французский музыкальный критик и друг Ф.С. Акименко Мишель Кальвокоресси (Michel Dimitri Calvocoressi).

тон–Харон). Биография Ф.С. Акименко, словно двойная планета, состоит из двух «объектов», или периодов: вполне сложившаяся творческая судьба до изгнания — композитор покинул Россию в 47-летнем возрасте и целая жизнь после — двадцать два года активной музыкальной деятельности. Причем биография Акименко в эмиграции до сих пор остается «планетой incognita». Источников о жизни композитора до 1917 г. много⁴, свидетельств о его зарубежном периоде жизни — наперечет. Некоторые факты из зарубежного периода жизни Ф.С. Акименко отражены на страницах труда «Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни (1920–1940)». Информация «Хроники» взята из периодических изданий русской эмиграции того времени: газет «Последние новости», «Возрождение», изданий «Новая Россия», «Евразийская хроника», «Вестник Русского студенческого христианского движения», «Звено», «Иллюстрированная Россия». Сведения о музыканте есть в «Музыкальном словаре» Римана, «Энциклопедии» Брокгауза и Эфрона, «Биографическом словаре» Половцева. Среди зарубежной литературы можно упомянуть монографию П. Маценко «Якименко Федор Степанович» [Маценко 1954] и воспоминания С. Жука «Мои встречи с композиторами Степовым⁵ и Якименко» (1953). Доступные ныне свидетельства о жизни композитора-эмигранта (в основном упоминания о концертах Акименко, о выступлениях его учеников в Париже и далеко не полный список его зарубежных опусов, см.: [Akimenko 1980, p. 187; Акименко 2004]) явно недостаточны для прояснения творческой судьбы музыканта в период с 1923 по 1945 г. При отсутствии или малодоступности информации о жизни Акименко за рубежом изучение его творчества долгое время находилось в инертном состоянии на грани забвения. В СССР «дореволюционные» сочинения композитора не переиздавались и не исполнялись, его имя упоминалось нечасто, в основном в контексте «круг учеников Н.А. Римского-Корсакова» или «музыкальные кружки и общественно-музыкальная жизнь Москвы и Петербурга». Советское музыковедение не проявляло особого интереса к фигуре музыканта, последнюю треть своей жизни находившегося в эмиграции. И дело не только в идеологических запретах. Первоочередными задачами музыкальной науки советского периода было заполнение лакун в изучении жизни и творчества таких значительных персон мировой музыкальной культуры, как Мусоргский, Чайковский, Бородин, Скрябин, Рахманинов. Здесь советское музыковедение имеет неоспоримые успехи и достижения. Однако феномен русской

⁴ Значительная часть музыкальных сочинений Акименко издана ведущими русскими и зарубежными музыкальными издательствами: Belaieff, Bessel, Jurgenson, Leduc, Rouart-Lerolle. Кроме того, Акименко оставил обширное литературное и теоретическое наследие с ясным изложением своей философско-эстетической платформы в виде ряда публикаций на страницах РМГ (Русской музыкальной газеты, 1894–1918, издатель-редактор Н.Р. Финдейзен): «Афоризмы художника» (1909), «Жизнь в Искусстве» (1910), «Автобиографическая заметка» (1911), «Лист и Данте» (1911), «Сфера музыки» (1911), «Жизнь в Искусстве», главы 1–8 (1912), «Жизнь в Искусстве» (1913), «С.А. Бармотин» (1913), «В.А. Золотарев» (1913), «О лире злато струнной Рихарда» (1913), «Искусство в мироздании» (1914), «Искусство и война» (1914), «Воспоминания о М.А. Балакиреве» (1915).

⁵ *Степовой Яков Степанович* (наст. фам. Якименко; 1883–1921) — украинский композитор и общественный деятель, выпускник Придворной певческой капеллы, учился в Санкт-Петербургской консерватории по классу композиции у Н.А. Римского-Корсакова и А.К. Лядова, младший брат Ф.С. Акименко.

музыки конца XIX — начала XX в. состоит и в том, что Россия оказалась так щедро на появление музыкальных талантов, что одно только перечисление крупных и самобытных композиторов, заслуживающих внимания и изучения, но по разным причинам «заклейменных» отечественными музыковедами унижительной дефиницией «композиторы второго ряда», займет немало времени.

Сегодня наблюдается устойчивый, всё возрастающий интерес к наследию и биографии Ф.С. Акименко. Композитору посвящены монографии и статьи⁶. Его музыка, постепенно возвращаясь в репертуар исполнителей, изредка, но все же звучит на концертной эстраде. Несомненно, этот интерес является следствием объективного процесса слияния истории первой волны эмиграции, в том числе музыкальной культуры российского зарубежья, с единой Летописью нашего Отечества. Потому назрела необходимость на основе неизвестных и не востребовавшихся источников заполнить лауну в биографии Ф.С. Акименко, преодолеть определенные «шоры» в восприятии его музыки и на примере судьбы музыканта проследить пути творчества русского композитора в эмиграции. Для решения этих задач в жанре биографического очерка использованы следующие архивные материалы:

1. Письма Ф.С. Акименко Е.О. и В.М. Гунстам⁷ из их семейного архива, который хранится в Институте музыковедения Базельского университета (Швейцария). Эти материалы неизвестны исследователям и только входят в научный оборот⁸.

2. Нотные автографы Ф.С. Акименко и печатные ноты с дарственными надписями композитора, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства⁹.

3. Основным источником (также из фондов РГАЛИ) статьи явилась коллекция писем Ф.С. Акименко. Письма адресованы давним друзьям композитора в Праге — С.А. и К.С. Траилиным¹⁰. Двадцать девять писем и открыток охватыва-

---

⁶ Назовем хотя бы диссертацию Е.В. Матюшиной «Художественный мир Ф.С. Акименко» / Рос. акад. музыки им. Гнесиных (М., 2006), ее же статью «Биография композитора и педагога Ф. Акименко» в сборнике «Из истории отечественной музыкальной культуры» [Матюшина 2011] и работу украинского музыковеда Анастасии Васильевой [Васильева 2003].

⁷ Гунст Евгений Оттович (1877–1950) — композитор, музыкальный деятель, педагог. В эмиграции с 1920 г., в 1931–1936 гг. — руководитель Русской Нормальной консерватории в Париже. Гунст Варвара Михайловна — вторая жена Е.О. Гунста.

⁸ Архив Е.О. Гунста поступил в Базельский университет от В.М. Гунста в 1951 г. и был затерян в хранилищах университета до 2010 г. Архив находится в стадии разбора и описания. Документы инвентарных шифров пока не имеют. В составе материалов обнаружено четыре письма Ф. Акименко Гунстам из Ниццы, написанных в 1926–1927 гг. (расшифровка и датировка писем принадлежат автору настоящей статьи. — Е.К.). Выражаю благодарность коллегам из Института музыковедения Базельского университета (Швейцария) — директору Маттиасу Шмидту, Терезе Штайнакер и Лейле Зикграф за предоставленную возможность ознакомиться с копиями писем и разрешение использовать их в этой работе.

⁹ РГАЛИ. Ф. 952 (Музыкальное издательство Юргенсона); Ф. 2625 (Фонд певца Александра Ильича Мозжухина (1878–1952)).

¹⁰ Траилин (Троилин) Сергей Александрович (1872–1952) — казачий офицер, воспитатель детей великого князя Константина Константиновича Романова, композитор, участник Гражданской войны на Дону, эмигрировал в Чехословакию, жил и скончался в Праге. Траилина Клавдия Семеновна (1887–1963) — жена С.А. Траилина, художница, занималась росписью по фарфору и шелку, писала акварели.

ют период с 1923 по 1938 г. Акименко писал из Петрограда, Лейпцига, Берлина, Ниццы, Парижа. Это эпистолярное наследие существенно расширяет и углубляет представления о жизни композитора в эмиграции¹¹.

1

Подробное изложение биографии Ф.С. Акименко до 1917 г. не входит в задачи статьи, но для реконструкции жизни композитора в эмиграции синопсис его творческого пути до отъезда из России в 1923 г. необходим. Итак, в пригороде Харькова под названием Пески на Речной улице, дом 5, в семье унтер-офицера в отставке, певчего Пантелеймоновской церкви Степана Иосифовича Якименко родилось трое сыновей — в 1876 г. Федор, через несколько лет Николай¹² и в 1883 г. младший Яков. Все оказались музыкально одаренными детьми с хорошими вокальными данными; каждого, по очереди, в десятилетнем возрасте отправили в Санкт-Петербург в знаменитую Придворную певческую капеллу¹³. Для выходцев из небогатых сословий это была одна из немногих возможностей получить музыкальное образование и «выйти в люди». Старшему — Феде Якименко (русифицирована его фамилия была позже) — повезло более других. Его выдающиеся музыкальные способности были замечены и развиты Милием Алексеевичем Балакиревым, возглавлявшим Капеллу с 1883 по 1893 г., и Николаем Андреевичем Римским-Корсаковым, в ту пору заместителем управляющего Капеллы. Балакирев воспитал в Федоре незаурядного пианиста, привив ему традиции петербургской фортепианной школы. Римский-Корсаков проявил к начинающему музыканту истинно отеческое внимание, став наставником в изучении азов композиции и музыкального сочинительства; позже он взял Якименко в свой консерваторский класс.

Годы обучения в Капелле для учеников были нелегкими — изнурительные придворные службы, участие в дворцовых церемониалах, непомерные учебные и

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2660. Ед. хр. 91. 38 л., автограф. Содержание писем к С.А. Трайлину связано не только с биографией Ф.С. Акименко. Источники позволяют исследовать различные аспекты истории эмиграции: выявить неизвестные сочинения русских композиторов за рубежом, проследить историю бытования этого музыкального наследия (издания, премьеры, исполнения), а также расширить круг персоналий русского музыкального зарубежья.

¹² Якименко Николай Степанович (ок. 1880 — не ранее 1931) — хоровой дирижер, единственный из семьи Якименко имеет здравствующих потомков — в Киеве проживает его внук, Евгений Громов, доктор исторических наук (Украинский институт искусства фольклора и этнографии им. М.Ф. Рильского). Сведения любезно предоставлены Татьяной Федоровной Самборской (Москва).

¹³ Придворная певческая капелла — первое профессиональное музыкальное учреждение в России: по указу великого князя Ивана III в Москве в 1476 г. был учрежден хор государевых певчих дьяков, с 1703 г. по указу Петра I переименованный в Придворный хор. «Капеллией придворных певчих» хор стали называть во времена царствования Елизаветы Петровны, с 1763 г. — «Придворная певческая Капелла», которая имела в своем составе большой хор, участвовавший в церковных службах, открытых концертах и оперных спектаклях, музыкальную школу, регентские курсы, оркестр и небольшой концертный зал. В 1918 г. Капелла переименована в Петроградскую хоровую академию, а в 1922 г. — в Ленинградскую государственную академическую капеллу (позднее — имени Глинки).

концертные нагрузки, суровый климат Петербурга, одиночество и тоска по дому. Нравы любого казенного учебного учреждения в имперской столице за редким исключением напоминали бурсу: имели место и детская жестокость, и равнодушные воспитателей. В «музыкальной бурсе» жизнь Федора Акименко скрашивала крепкая дружба с однокашниками — «капелланами» Семеном Бармотинным и Василием Золотаревым¹⁴. По окончании консерватории благодаря поддержке Н.А. Римского-Корсакова перед молодым музыкантом открылись двери в мир «большой музыки». Акименко участвует в концертах Беляевского кружка в качестве пианиста, входит в круг творческой музыкальной элиты Петербурга. Знакомство и общение с В. Стасовым, А. Лядовым, А. Глазуновым, дружба с Н. Черепнинным, В. Каратыгиным, В. Нувелем, А. Нуроком и другими музыкальными деятелями способствовали общему развитию музыканта, дали импульс к поискам своего творческого пути. Однако материальное положение Акименко оставалось непрочным — он занимал скромную должность педагога на дирижерских курсах в Певческой капелле. Приходилось давать частные уроки. Одним из его учеников (гармония и контрапункт) стал студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета (причудливо расположились звезды!) Игорь Стравинский¹⁵. Занятия были недолгими и закончились после конфликта между учеником и учителем. Нечастые (обычно на каникулы) поездки в Харьков только обостряли тоску и неудовлетворенность Акименко, ранимого меланхолика и чудаковатого мечтателя. К концу 1890-х гг. относятся первые шаги и успехи музыканта на композиторском поприще. Как часто бывает у начинающих сочинителей, первые опусы — это романсы. Известно около 40 вокальных сочинений Акименко на стихи Фета, Лермонтова, Надсона (реже Бальмонта). Композитор не был оригинален ни в музыке — стилевое сходство с вокальными сочинениями Римского-Корсакова, Кюи, Аренского очевидно, ни в выборе текстов. Романсы охотно печатались в издательствах Беляева, Гутхейля, Юргенсона начиная с 1896 вплоть до 1914 г.

В начале 1900-х гг. Акименко по совету и при поддержке Н.А. Римского-Корсакова переезжает на Кавказ, в Тифлис, — Тифлисское отделение Императорского Русского музыкального общества (ИРМО) предложило ему должность преподавателя-дирижера в музыкальном училище города. Скорее всего, переезд был вынужденным — в связи с безденежьем и из-за слабого здоровья Акименко. Рутинная педагогическая практика в колоритном и оживленном, но провинциальном Тифлисе (до середины 1901 г.) не принесла удовлетворения музыканту, мечтавшему о путешествиях и признании в Европе. Поездка в Италию и Францию требовала средств. Они были найдены у Попечительского совета издательства М.П. Беляева и харьковских меценатов. В 1903 г. композитор

---

¹⁴ *Бармотин Семен Алексеевич* (1877–1939) — композитор и педагог. С 1901 г. преподавал в Придворной певческой капелле, затем в музыкальной школе в Херсоне; в 1923–1925 гг. — в Петроградской консерватории. *Золотарев Василий Андреевич* (1873–1964) — композитор, педагог, преподавал в Московской государственной консерватории.

¹⁵ Занятия И.Ф. Стравинского с Ф.С. Акименко гармонией и теорией музыки продолжались с ноября 1901 по февраль 1902 г. См.: [Стравинский 1998, т. 1, с. 109].

Ф.С. Акименко. <1900-е гг.>

отправился в первый зарубежный вояж навстречу своим мечтам. Обосновался он в Ницце, где преподавал и выступал как пианист со своими сочинениями. На Лазурном берегу Акименко завязал немало полезных знакомств в среде русских аристократов. «Русская Ницца» с середины XIX в. вплоть до Первой мировой войны являлась резиденцией многочисленных представителей ветвей венценосной династии Романовых и сановной имперской свиты. Из Ниццы Акименко часто выезжал в Париж. Там он занимался издательскими делами, давал концерты и около трех лет (с 1903 по 1906 г.) руководил хором при одном из православных храмов Парижа. Весьма успешными оказались выступления пианиста Акименко со своими изящными, не лишенными виртуозного блеска фортепианными сочинениями в музыкальных салонах и гостиных Франции. В авторском предисловии к изданию собственных произведений композитор

не без некоторого кокетства и самолюбования отмечает: «Выпуская в свет 2 тома сочинений для фортепиано — автор их находит нужным предупредить г.<оспод> артистов-исполнителей, что эти произведения требуют чрезвычайно тонкой нюансировки — благородства вкуса, а также возможной гармонии душ автора и исполнителя» [Акименко <1910–1912>, с. 2].

Фортепианная музыка Акименко более всего способствовала его известности и популярности за рубежом и на родине. Особенностью выступлений пианиста Акименко стала театрализованная форма его речиталей — он играл в полумраке, произнося названия сочинений и развернутые ремарки-пояснения к ним. Контакты с французским музыкальным импрессионизмом в лице К. Дебюсси, М. Равеля, дружеские отношения с испанским композитором и пианистом Р. Виньесом обогатили Акименко новыми идеями, придали уверенности в себе. Однако главным событием этого периода жизни Ф.С. Акименко явилось общение, переросшее в дружбу (вследствие родства душ и характеров), с А.Н. Скрябиным. В Швейцарии, где, по словам Виктора Гюго, «озеро над крышами, а горы над озером», их пути пересекаются. Знакомство со «страной Вильгельма Телля» в XIX — начале XX в. было традицией: по количеству приезжающих в Швейцарию русские не уступали немцам и англичанам с их культом путешествий. Акименко заезжает в Женеву. Там в пригороде (местечке Везенас; *Vesenaz*) с февраля по сентябрь 1904 г. А.Н. Скрябин работает над «Божественной поэмой» (Третьей симфонией) и за-

думывает «Поэму экстаза»¹⁶. Впечатление, произведенное Александром Николаевичем на Акименко, было столь сильным, что он невольно (или намеренно?) стал копировать внешность Скрябина, его позы, жесты. Сходство музыкантов было не только в облике: почти ровесники, авторы оригинальных философских концепций, в обычной жизни оба «не от мира сего», и тот и другой пианисты, и тот и другой нуждались в помощи меценатов для реализации своих композиторских замыслов. Характеристика современников, данная Федору Акименко, «...человек <...>, совершенно оторванный от “земной поверхности” в стремлении к мистике и к грандиозному» [Сабанеев 2000, с. 83], слово в слово подходит к Александру Скрябину, провозгласившему: «Дух, жаждой жизни окрыленный, / Увлекается в полет / На вершины отрицанья...» [Скрябин 1975, с. 7].

Творческая профессиональная общность Скрябина и Акименко заключалась в разработке новых музыкальных жанров — изысканной фортепианной миниатюры «астрального» содержания и поэм для фортепиано или оркестра, в неустанном поиске расширения звучностей и новых гармоний и прежде всего в пламенной вере в Божественное предназначение Музыкального Искусства. Биограф Скрябина Л.Л. Сабанеев с иронией отметил: «Тогда время было такое — в моде было сверхчеловечество, всякие мистические прозрения и упования» [Сабанеев 2005, с. 73]. Действительно, конец XIX — первая четверть XX в. в искусстве — время господства модернистов и декадентов всех мастей, время «цветов зла» разнообразных сортов и время зарождения особой темы в музыке — «космогонической». К звездам, сферам, планетам, стихиям космоса (нередко в соединении с мистикой и образом Сверхчеловека, Героя «по ту сторону добра и зла» из философских построений Ницше, Гуссерля, Кьеркегора) обращают свой взор многие композиторы¹⁷. Мотивы музыканта-символиста Скрябина были пассионарно-ницшеанскими — Борьба Сверхчеловека, Мистерия Апокалипсиса. «Скрябинист» в душе, но вовсе не идейный «скрябинианец», Акименко, с талантом, по мнению Н.А. Римского-Корсакова, большим и симпатичным¹⁸, чуждался подобного разрушительного пафоса «вершин отрицанья» и передавал в музыке лишь то, что наблюдал и чем любовался: звездными хороводами, фантастическими видениями, таинственными дуновениями... И ни к чему не призывал! Таким образом, главная особенность творчества Акименко, препятствующая отнести композитора к символистам, — это позитивность, эмоциональная невозмутимость перед лицом трагического грядущего, светлая, несколько наивная вера в Искусство¹⁹ и

¹⁶ В Швейцарии в 1904 г. возникают замыслы и первые эскизы «Поэмы экстаза», завершенной в 1907 г. См. об этом: [Томпакова 2003; Федякин 2004].

¹⁷ «Так говорил Заратустра» Р. Штрауса, «Сын звезд» Э. Сати, «Прометей», «Пламя», «К пламени» А. Скрябина, «Звездоликий» И. Стравинского, «Планеты» Г. Холста, «Лунный Пьеро» А. Шенберга, «Пламя» — первая, юношеская опера Ф. Шрекера, «Семеро их», «Огненный ангел» С. Прокофьева и «Микрокосмос» Б. Бартока... И это лишь «эскиз» списка.

¹⁸ *Римский-Корсаков Н.А.* Отзыв о Ф.С. Акименко на экзаменационном листе в классе практического сочинения Санкт-Петербургской консерватории за 1897 год. Цит. по: [Мирошниченко 1995, с. 190].

¹⁹ Акименко употреблял слово «Искусство» только с заглавной буквы, провозглашая: «Религия будущего — религия Искусства, живущегося на астрономических началах» [Акименко 1992, с. 86].

Ф.С. Акименко. Собрание сочинений для фортепиано: в 2 т. /
Изд. П. Юргенсона. <1910–1912>

в иные миры на планетах иных. Это относится как к музыкальному, так и к литературному наследию композитора. В четвертой главе своей монографии «Жизнь в Искусстве» Акименко бесхитростно излагает свое *credo*: «Снится сон человеку-мечтателю: будто он лежит на сочных, пахучих травах привольной степи и тихо плачет. Черная густая туча застилали почти всё небо. Кругом ни одной живой души... Долго так лежал, среди полного безмолвия, одинокий человек... Но вот на правой стороне чуть просветлевшего неба, почти у самого горизонта, показался красноватый серп луны. Лучи ея скользили над поверхностью земли, неся с собой три неуловимых призрака. Проносились легкие струйки теплого воздуха, как бы дыхание наступающей Ночи. Видения приняли теперь более ясные очертания. Мечтатель уже видел в них красивейших женщин с распущенными, точно сотканными из золотистых нитей, волосами. От них исходил мягкий, бледно-розовый свет, и легкая синеватая дымка не переставала нежно окутывать эти чудесные образы... “Кто вы, мои прекрасные феи”, воскликнул изумленный человек. “Мое имя, произнесла первая из них — Любовь”. “Моё имя, сказала вторая — Наука”. “Моё имя, промолвила третья — Искусство”...»²⁰ Как верно подмечено исследователями-музыковедами, сюжет вызывает ассоциации с картиной символиста Пюви де Шаванна «Грёза», или «Сновидение»²¹. Только вот акименковское описание природы — это типичный пейзаж степной Украины, а вера в «добрых фей», как бы их ни звали, ближе к малороссийской сказочной поэтике, нежели к интеллектуальной изощренности символизма.

По возвращении в Россию в 1906 г. Акименко нашел значительные перемены в музыкальной жизни Петербурга. В искусстве обострилась борьба между различными течениями и направлениями. «Прозападничество» Акименко, мир его образов и стилевые особенности творчества стали мишенью для приверженцев «своего», «русского» пути развития музыки. Обострились отношения Акименко с Попечительским советом издательства Беляева, предъявившим претензии композитору в связи с его сотрудничеством в издательстве Юргенсона и частым требованием авансов в долг будущих сочинений. Учеба младшего брата Якова в Петербургской консерватории, помощь матери требовали средств, появились долги. Пока был жив Н.А. Римский-Корсаков²², не допускавший среди своих учеников враждебных выпадов по отношению друг к другу, «стрелы» критики не слишком тревожили Акименко. Он преподавал в Санкт-Петербургской консерватории, много концертировал и сочинял. Важным событием в личной жизни композитора стала женитьба на некоей Варваре Иосифовне, о которой известно только с его слов: «...была ученицей драматических курсов, никогда не служила, любит Искусство и только им интересуется. Она всё хворает, вот что досадно»²³. Тем временем

---

²⁰ Здесь и далее сохраняется авторская орфография и пунктуация. Цит. по: [Акименко 1912, с. 296].

²¹ Подобные параллели и рассуждения о символизме в творчестве Ф.С. Акименко встречаются в диссертации Е.В. Матюшиной, см.: [Матюшина 2006].

²² Н.А. Римский-Корсаков скончался в августе 1908 г. Ф.С. Акименко отозвался на невосполнимую утрату симфоническим сочинением — «Лирической поэмой памяти Н.А. Римского-Корсакова».

²³ РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 13.

в стане критиков музыки Акименко прибавилось. «Капелльский француз»²⁴ — так пренебрежительно называл бывшего собрата по собраниям кучкистов, а его музыку «французятиной»²⁵ А.К. Глазунов.

Федор Акименко вхож и в другие музыкальные круги — поклонников современных течений в искусстве, или модернистов. Выступления музыканта, а также исполнение его сочинений превосходной, ныне почти забытой пианисткой Софьей Полоцкой-Емцовой²⁶ на «Вечерах современной музыки» сделало имя Акименко модным и популярным, однако и в этой среде он остался чужим. Так, Сергей Дягилев отверг его кандидатуру для написания балета «Ледяной дом»²⁷ к Русским сезонам 1909/10 г.²⁸ «Акименко при ближайшем знакомстве нам не понравился — тюр, глуп и провинциален»²⁹, — писал С. Дягилев А. Бенуа. «Всякая нудь», — отзывался о музыке Акименко молодой задира Сергей Прокофьев в письме к Николаю Мясковскому³⁰. Акименко все чаще покидает Санкт-Петербург, с конца 1908 по 1914 г. музыкант в постоянных переездах: Ницца, Париж, Берлин, Москва, Краков, Варшава, Харьков. В родном городе Харькове отношение к Акименко было иным, чем в столице, — руководитель Харьковского отделения ИРМО Илья Слатин, виолончелист Евсей Белоусов, скрипач Константин Горский³¹ высоко ценили талант музыканта. В программе одного из авторских концертов композитора в Харькове 20 января 1908 г. фортепианный ансамбль (автор Федор Степанович Акименко и Александр Иоахимович Горовиц, пианист, педагог и родной дядя пианиста В.С. Горовица) исполнил сочинения «Весною в Альпах», «Лунный свет на Римском Форуме», «Дети в

²⁴ А.К. Глазунов. Письмо Н.А. Римскому-Корсакову. Озерки. 11 июня 1906. Цит. по: [Мирошниченко 1995, с. 195].

²⁵ А.К. Глазунов. Письмо Н.А. Римскому-Корсакову. Озерки. 22 июня 1906 (цит. по: [Там же]).

²⁶ *Полоцкая-Емцова Сарра (Софья) Семеновна* (1878–1957) — пианистка, окончила Санкт-Петербургскую консерваторию по классу А.Н. Есиповой. «Я помню вечер, весь свинцовый, / В лучах закатного огня, / И пальцы грезящей Емцовой, / Учившей Скрябину меня», — писал восхищенный талантом пианистки Игорь Северянин.

²⁷ Название замысла балета «Ледяной дом» в первую очередь вызывает ассоциации с одноименным романом И.И. Лажечникова. Однако предполагаю, что литературной основой задуманного Дягилевым «русского» балета была сказка Г.-Х. Андерсена «Ледяная дева» (1861). Не случайно позже этот сюжет использован Ф. Акименко в опере «Фея снегов» (1914), а также И. Стравинским в балете «Поцелуй феи» (1928).

²⁸ Ф.С. Акименко был рекомендован С.П. Дягилеву музыкальным критиком «мирискусником» Вальтером Нувелем и поэтом Михаилом Кузминым, некогда сокурсником Акименко по консерватории. См. об этом: [Схейен 2013, с. 235].

²⁹ С.П. Дягилев. Письмо А.Н. Бенуа от 12 сентября 1909. Цит. по: [Там же].

³⁰ «Превосходный Колечка, я задержался с ответом, желая сообщить об исполнении Вашей сонаты <...> пришлось слушать всякую нудь из Акименки...» — писал Сергей Прокофьев // С.С. Прокофьев. Письмо Н.Я. Мясковскому. Петроград, 1916, 12 февраля. Цит. по: [Прокофьев С.С. и Мясковский Н.Я. 1977, с. 141].

³¹ *Слатин Илья Ильич* (1854–1931) — пианист, педагог, общественный деятель, с 1883 г. — бессменный директор Харьковского музыкального училища. *Белоусов Евсей Яковлевич* (1881–1945) — виолончелист, педагог, музыковед, преподавал в Харьковском музыкальном училище, эмигрировал в США. *Горский Константин Антоний* (1859–1924) — польский скрипач, композитор, 29 лет преподавал в Харьковском музыкальном училище, основал в Харькове культурное общество «Дом Польский», во время Гражданской войны вернулся в Польшу.

Люксембургском саду». Харьковскими учениками Акименко были Иосиф Шиллингер³², юный Исаак Дунаевский и многие другие музыканты. В целом годы с 1910-го по 1917-й — самые плодотворные и счастливые в творчестве и жизни Акименко. Изданы все его произведения для фортепиано, написаны опера «Фея снегов» (1914) и симфония, ряд камерных сочинений. Композитор преподает в Харьковском музыкальном училище, в Санкт-Петербургской консерватории, ведет жизнь активно концертирующего по всей Европе пианиста и дирижера. В Париже 1910-х гг. в пору первых постановок своей «русской триады» балетов³³ И.Ф. Стравинский был изумлен тем, что французов из современных русских композиторов больше всего интересовал Ф. Акименко.

2

В мае 1917 г. весь Харьков прощался с выдающимся оперным певцом, «золотым голосом» России, красавцем Иваном Алчевским³⁴, скоропостижно скончавшимся в Баку от менингита. На похоронах присутствовали близкие друзья певца — братья Якименко. Когда на деревянном кресте водружали крест из фиалок от семьи Фон Мекк, над могилой неожиданно запел соловей. Будто оплакивал и «золотой голос» России, и саму Россию. Над миром царил «Марс, войны приносящий»³⁵.

Ф.С. Акименко увидел крушение Русского мира, пережил ужасы Гражданской войны, голод и разруху, смерть от тифа любимого брата Якова. Все это время Федор Акименко состоял в должности профессора Петроградской консерватории. Юный Митя Шостакович, принятый в консерваторию в 1919 г., еще застал музыканта в числе преподавателей. В трудностях и лишениях первых послереволюционных лет, в идеологической обстановке отрицания новой властью культуры прошлого Акименко продолжает сочинять музыку: два сборника детских пьес для фортепиано, «вещь для оркестра»³⁶, пьесы для скрипки и виолончели. Несмотря на реалии советского быта (жилищные уплотнения и подселения), адрес композитора не изменился: Петроград, Фонтанка, 24, квартира 47. После восстановления почтового сообщения с границей на этот адрес Акименко стали приходить письма из эмиграции от бывших коллег и друзей: композиторов Н.Н. Черепнина, С.А. Траилина, художника К.В. Дыдышко³⁷ и др. В 1922–1924 гг. — в условиях НЭПа

---

³² Шиллингер Иосиф Моисеевич (1895–1943) — уроженец Харькова, композитор, музыкальный теоретик, инженер-изобретатель, педагог; эмигрировал в США в 1928 г.

³³ Имеются в виду балеты «Жар-птица» (1910), «Петрушка» (1911), «Весна священная» (1913).

³⁴ Алчевский Иван Алексеевич (1876–1917) — артист оперы, драматический тенор, сын известного харьковского банкира, промышленника и мецената Алексея Кирилловича Алчевского.

³⁵ Название первой части сюиты Густава Холста «Планеты» (1914–1917).

³⁶ Так Ф.С. Акименко пишет в письме к С.А. Траилину в 1923 г. Вероятно, речь идет о Поэме для симфонического оркестра «Ангел» (по одноименному стихотворению М.Ю. Лермонтова).

³⁷ Дыдышко Константин Викентьевич (1876–1932) — художник, офицер, адъютант-порученец великого князя К.К. Романова (К.Р.), в 1921 г. эмигрировал в Финляндию, затем в Италию, близкий друг С.А. Траилина, знакомый Ф.С. Акименко.

и оживления международных контактов — у представителей художественной интеллигенции появилась возможность выезда из Советской России. Как оказалось, это был последний массовый поток эмиграции первой волны перед закрытием на долгие десятилетия «железного занавеса». Акименко с женой загораются идеей отъезда «...в Берлин, а потом может быть в Париж», чтобы получить «интересную культурную работу в области искусства». «...Хотелось бы издать свои новые произведения. Хочу дать несколько концертов, а если возможно, устроиться на продолжительное время в приемлемых климатических условиях», — пишет Акименко С.А. Трайлину в Прагу³⁸. Композитор осторожен в выражениях; только покинув СССР, он напишет другу откровеннее: «В России очень тяжело для нашего брата, так как Искусство там не нужно и за него ничего не платят»³⁹. Он хлопочет о разрешении на выезд для себя в надежде позже вызвать к себе жену. В конце августа 1923 г. Ф.С. Акименко с временной немецкой визой в компании с С.М. Ляпуновым⁴⁰ морем добирается до Щецина. Первая остановка в Лейпциге у Августа Юльевича Циммермана, сына музыкального издателя и фабриканта музыкальных инструментов Юлиуса Генриха Циммермана. После России Германия кажется благополучной. Однако Веймарская республика во главе с президентом Ф. Эбертом не принесла немцам ни экономической, ни политической стабильности — власть вот-вот перейдет в руки К. Гинденбурга, далее к Гитлеру. Взрывоопасность ситуации и зловещую «коричневую» угрозу Акименко чувствует интуитивно. «Здесь в Германии делать нечего. Настроение все время тревожное. Не хотел бы пережить здесь то, что пережил в России»⁴¹, — пишет Акименко Трайлину и просит помочь с визой в Чехословакию. А пока Федор Степанович гуляет по Лейпцигу, осматривает достопримечательности, среди которых кабачок, «...тот самый, где Шуман пивал доброе пиво»⁴².

Деньги и срок визы в Германии заканчиваются — впереди неопределенность. Акименко торопит пражских друзей и знакомых, просит помощи и содействия в устройстве на работу в любое из музыкальных учреждений Праги. Однако въезд в Чехословакию для эмигрантов ужесточен, легче получить визу во Францию. Далее судьба музыканта тесно переплетается с политикой, которую, по его словам, он «терпеть не может»⁴³. С начала 1920-х гг. в ЧСР по инициативе и под патронажем президента Т.Г. Масарика реализуется «Русская акция помощи»⁴⁴. Одновременно в Чехословакии мощный импульс получает так называемый «пражский проект

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2660. Ед. хр. 91. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 4.

⁴⁰ *Ляпунов Сергей Михайлович* (1859–1924) — русский композитор и пианист, знаком Ф. Акименко по Придворной певческой капелле (в 1894–1902 гг. С. Ляпунов занимал должность помощника управляющего) и по Петроградской консерватории, где преподавал. Эмигрировал во Францию, работал в музыкальной школе для русских эмигрантов, выступал как пианист и дирижер, скончался в Париже во время концерта от инфаркта.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2660. Ед. хр. 91. Л. 7.

⁴² Там же. Л. 5.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: [Т.Г. Масарик и «Русская акция» 2005].

решения украинского вопроса», т. е. проект создания независимого украинского государства. «Ментальный образ Украины в пражском проекте создавался на основе геополитической и политической вариативности» [Бетлий 2006, с. 120]⁴⁵, что на практике означало финансовую поддержку правительством Чехословакии как русской, так и украинской эмиграции. Фигура Акименко заинтересовала Украинский общественный комитет в Праге⁴⁶: этнический украинец, известный музыкант, в творчестве которого малороссийский фольклор занимает важное место, брат национального украинского композитора Якова Степового⁴⁷. В планах украинских деятелей консолидация сил в области национальной культуры. В ближайшей перспективе — открытие в Высшем украинском педагогическом институте имени М.П. Драгоманова музыкально-педагогического отделения и подготовка к празднованию 110-летия со дня рождения Тараса Шевченко⁴⁸. Сам Акименко, широко используя народные мотивы в творчестве, тем не менее, был весьма далек от национальной украинской идеи. Харьков, где композитор родился, типично южнорусский город с многонациональной культурной традицией: русской, еврейской, украинской, польской, греческой, немецкой. Увезенный десятилетним ребенком в Петербург, Акименко не читал, не писал и даже не разговаривал на украинской «мове». Испытывая неловкость от этого, Акименко общается с представителями украинской диаспоры И. Паливодой и Ф. Шешко⁴⁹ через С. Траилина, в письмах которому просит передавать им свои предложения и просьбы: «Я был бы очень признателен Украинскому комитету в Праге, если бы они нашли возможность оказать мне услугу. Ссудить меня некоторой суммой денег. Я ведь в долгу не буду. Я написал сейчас 6 пьес в 4 руки для фортепиано на украинские темы. Это произведение я мог бы подарить Украинскому комитету с правом его издать и распродавать»⁵⁰. Акименко необходима финансовая стабильность, чтобы помочь матери, оставшейся в Харькове, и вызвать жену из Петрограда. И он искренне готов преподавать, выступать и писать на заказ для «украинцев», как он их называет.

⁴⁵ Интернет-ресурс: pism.pl/files/?id_plik=3459 (дата обращения: 12.09.2014).

⁴⁶ Украинский общественный комитет (УГК) в Праге (1921–1925) — организация для защиты прав украинских эмигрантов, создана деятелями УНР (Украинской народной республики) при поддержке президента Т.Г. Масарика.

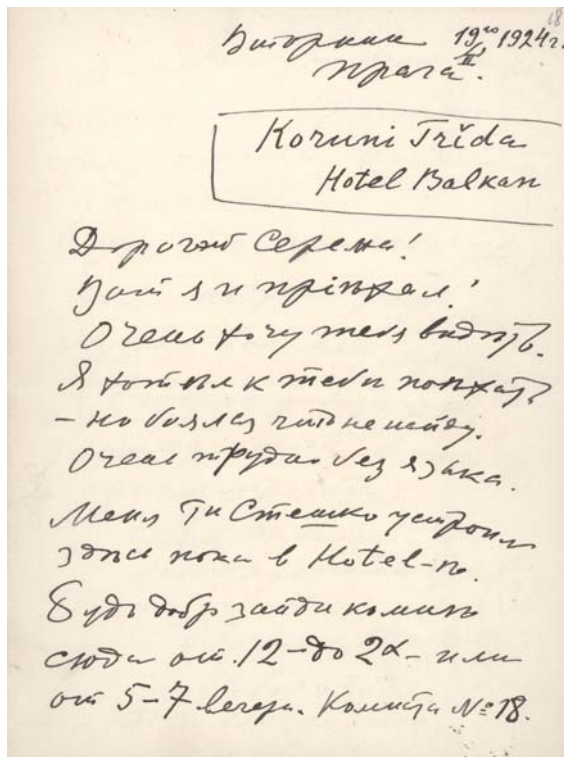
⁴⁷ Заслуги Я.С. Степового в области национальной украинской музыки были неоспоримы, поэтому недолгая работа (с 1919 по 1920 г.) композитора с большевиками — в Наркомпросе УССР — не повлияла на отношение к нему среди эмигрантов — поборников идеи независимой Украины.

⁴⁸ Высший украинский педагогический институт имени М.П. Драгоманова в Праге был открыт в 1923 г. (учрежден гораздо раньше — в 1834 г. в Киеве, как филиал Киевского университета святого Владимира). В 1924 г. в институте был образован музыкально-педагогический факультет, где преподавали Ф. Акименко и С. Траилин. 110-летие со дня рождения Тараса Шевченко широко отмечалось в Праге летом 1924 г.

⁴⁹ Паливода Иван Симонович (1885–1985) — украинский живописец и график, общественный деятель, политик (входил в состав правительства УНР), эмигрировал в Чехословакию, затем в США. Шешко Федор Николаевич (1877–1944) — украинский музыковед, педагог, офицер Русской армии, общественный деятель, активный сторонник УНР в Праге, «полковник Шешков», как называл его Ф. Акименко в начале переписки с Траилиным.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 9.

Ф. С. Акименко. Записка С. А. Трайлину с сообщением о прибытии в Прагу. Автограф. Прага, 19 февраля 1924 г. // РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 19

Между тем главной целью и смыслом жизни для композитора по-прежнему остается свободное служение Искусству, т. е. не зависимое от людей и обстоятельств сочинение музыки, звучащей в его душе. Такова симфоническая поэма «Ангел», начатая еще в Петрограде и законченная в Праге (1924), — произведение удивительное: несовременное, даже архаичное по музыкальному языку, однако с профессиональной точки зрения мастерски написанное и оркестрованное. В музыкальных образах поэмы есть нежность, теплота и что-то глубоко личное: «По небу полуночи Ангел летел и тихую песню он пел...» Тем временем те, кто решал вопрос о привлечении Акименко к деятельности Украинского общества, сомневались в готовности композитора работать во имя «Вільної України» и не торопились с визой. А может быть, чешский МИД просто не справлялся с оформлением потока эмигрантов, устремившихся в Прагу. В очеред-

ной раз приехав в Берлин и не получив в консульстве Чехословакии приглашения, Акименко на последние 25 долларов берет французскую визу и в начале ноября 1923 г. выезжает в Париж. Там он возобновляет старые связи и знакомства, в частности тесно общается с семейством Черепниных. Давний партнер композитора — французское нотное издательство Leduc — приобретает у Акименко несколько сочинений и тем самым обеспечивает его на некоторое время. «У меня сейчас работы по горло... Рад, что очутился в нормальной обстановке»⁵¹, — сообщает в письмах Акименко. Однако уже в декабре он перебирается зимовать в Ниццу из-за дороговизны жизни в Париже и проблем со здоровьем, трогательно жалуясь, что «...там <в Париже> забь». Снимает пансион у мадам Дюфо на улице Данте и тщетно ищет в душе радость, «которую испытывал раньше, когда впервые проживал здесь»⁵² (на Лазурном берегу. — Е. К.). Из России Акименко вывез клавир оперы «Фея снегов» и теперь в надежде на постановку переписывает свой единственный ветхий экземпляр для по-

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 8.

⁵² Там же. Л. 12.

каза директору Парижской оперы. Кроме того, сочиняет и пересылает в Прагу три хора для «украинцев». Но к январю 1924 г. деньги от Ледюка заканчиваются, частных учеников нет, и Акименко снова торопит С. Траилина: «Сережа, дела с Прагой поосновательней устрой — Дай, Бог, тебе здоровья!», «Я хочу в Прагу — я вижу это неизбежно»⁵³. Наконец виза в Чехословакию получена, и 19 февраля 1924 г. Акименко прибывает в Прагу. Сразу же знакомится с членами Украинского комитета: «... очень глупо чувствовал — не знал украинского языка, но мне “прощают”»⁵⁴. В музыкальную жизнь эмигрантской Праги Акименко включается активно: дает концерты, пишет музыку, составляет учебное пособие по теории музыки (см.: [Акименко 1926])⁵⁵, преподает в Высшем педагогическом институте имени М.П. Драгоманова. В числе знакомых и друзей вся русская музыкальная Прага — большая семья Траилиных, вокалисты Е. Германова, А. Александрович, философ и музыковед И. Лапшин, композитор и хоровой дирижер А. Чесноков — бывший коллега по Петроградской консерватории, дирижеры Н. Малько и А. Подашевский⁵⁶. Сохранилась программа на чешском языке авторского концерта Акименко в пражском зале «Моцартеум» 22 июня 1924 г.⁵⁷ Исполнялись сочинения, написанные давно (например, Трио до минор, ор. 7; Фантазия, ор. 26, посвященная Клавдии Семеновне Траилиной), и новые — Менуэт, Похоронный марш для фортепиано, романсы на стихи русских и современных украинских поэтов. Среди них: «Ты не пришла в вечерний час», «Не залетят песней сердце» на слова А. Олесея⁵⁸, «Душа твоя как бурно море» М. Шаповала⁵⁹ и романс из ранних сочинений «Только встречу улыбку твою» на слова А. Фета. Соседство «украинских» и «русских» произведений в программе концерта можно рассматривать как пример позитивного культурного сотрудничества бывших соотечественников — русских и украинцев. Видимо, могучая сила музыкального искусства на время примирила эти два крыла пражской эмиграции.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 13.

⁵⁴ Там же. Л. 19.

⁵⁵ Создание учебника связано с нехваткой в русских музыкальных учреждениях за рубежом пособий по теории музыки на русском языке. Отчасти дефициту способствовал запрет советской таможи вывозить из России учебную литературу (!). Об этом малоизвестном факте см. в письме Акименко из Петрограда Траилину в 1923 г.

⁵⁶ *Германова Елена Павловна* — оперная певица, в 1924 г. выступала в Праге, с 1926 г. в Париже. *Александрович Александр Дормидонтович* (наст. фам. Покровский; 1879–1959) — оперный певец; *Лапшин Иван Иванович* (1870–1952) — русский философ-неокантианец, изучал вопросы феноменологии музыкального искусства; *Чесноков Александр Григорьевич* (1880–1941) — композитор, регент, хоровой дирижер, эмигрировал в 1922 г. в Прагу, затем в Париж; *Подашевский Александр Николаевич* — дирижер, ученик Ф. Акименко в Санкт-Петербургской консерватории, в Праге возглавлял оркестр Чешского национального театра (Narodni divadlo); *Малько Николай Андреевич* (1883–1961) — русский советский дирижер, педагог, в первой половине 1920-х гг. неоднократно гастролировал в Праге, в эмиграции с 1929 г.

⁵⁷ Программа концерта хранится с подборкой писем Ф.С. Акименко к С.А. Траилину. См.: РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 24. Печ., на чешском языке.

⁵⁸ *Олесь Александр* (наст. имя Кандыба Александр Иванович; 1878–1944) — украинский поэт и прозаик, в эмиграции жил и скончался в Праге.

⁵⁹ *Шаповал Микита* (Шаповалов Никита Ефимович; 1882–1932) — политический и общественный деятель, публицист, поэт, инициатор создания Украинского общественного комитета в Праге и других общественных объединений украинских эмигрантов.

20

M O Z A R T E U M

Ve středu 22. října 1924 o 1/28. hod.

KONCERT
ze skladeb
Th. Akimenka

Účinkují:
Pí. *H. Hermanová* (zpěv), pp. *V. Heran* (cello),
A. Kisjakov (housle), *J. Kott* (viola), *J. Štěpánek*
(housle).

U klavíru *skladatel*.

PROGRAM:

I. oddělení.

1. Trio c-moll (op. 7) pro housle, violu a cello.
Pp. *J. Štěpánek*, *V. Heran* a *J. Kott*.
2. Klavír: a) Chant funèbre (op. 46).
b) Menuet A-dur.
c) Étude cis-moll (op. 55).
Přednese skladatel.
3. Čtyři písně na slova ukrajinských básníků:
a) Ty ne pryšla v večerníj čas } O. Oles.
b) Ty ne dyvujs' }
c) Ne zallešia spivom serce }
d) Duša tvoja jak burne moré — M. Šapoval.
Přednese pí. *H. Hermanová*.

II. oddělení.

4. Housle: a) Romance; b) Mazurka.
Přednese *A. Kisjakov*.
5. Klavír: a) Réverie au bord de la mer (op. 27).
b) Menuet D-dur.
c) Fantaisie (op. 26).
Přednese skladatel.
6. Čtyři písně na slova ruských básníků *Lika* a *Feta*:
a) Mesiácu nad riečkoy } Lik.
b) Daj mně ruku tvoju }
c) Věšěrky }
d) Tolko vstrieču ulybku tvoju — (Fet).
Přednese pí. *H. Hermanová*.

Palásek a Kraus, Praha I., 159.

Программа концерта из сочинений Ф.С. Акименко.

Печ., на чешском языке. Прага, 28 июня 1924 г. // РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 21

Весть о смерти жены в Петрограде/Ленинграде в июне 1924 г. повергает музыканта в депрессию и расстраивает его планы. Отъезд Акименко в Париж в середине 1925 г. становится неожиданным для его пражских друзей и приводит к разрыву отношений и с Траилиным, и с «украинцами». Во Франции Акименко сближается с ковым, М. Штейманом⁶⁰. Вскоре, уладив издательские дела, получив авторский гонорар, пообещав поддержать проект Е. Гунста о создании Русской консерватории⁶¹ и дав согласие сотрудничать, Акименко... снова уезжает. С лета 1926 г. до весны 1927 г. он живет в Ницце, мечтая на долгое время снять виллу в Кань-сюр-Мер:⁶² «...в чудной местности среди оливков (здесь и далее как в оригинале. — Е.К.) и хвойных деревьев рядом с обширным парком. Чистый здоровый и ароматный воздух. Тишина. Там, где я собираюсь жить с 1-го октября (20 минут от Ниццы). Кроме меня будет жить еще один бывший офицер инвалид — прекрасный человек, которого я по всей вероятности возьму. Он будет в качестве садовника присматривать за домиком. Шале это я намереваюсь занять на пять лет (в этом отношении уже многое сделано. Я давно уже мечтал жить обособленно, независимо от “злых хозяек” — для Музы, для творчества — для душевного покоя. И вот, благодаря Бога — это понемногу осуществляется»⁶³. Наивные планы непрактичного Акименко не осуществились. Его сбережений хватило лишь на скромный пансион у французской хозяйки на Авеню Гай (напротив Русского кафедрального собора). Приходилось занимать деньги у знакомых, вновь думать о заработке и возвращении в Париж. «Большое спасибо за присылку денег, но только я смущен, что Вам пришлось из своего кармана их добыть, а Вы и так стеснены! Простите, бесконечно виноват. Возможно, скоро постараюсь Вам их вернуть и не позже как через месяц. Что касается моего переезда в Париж — это будет удобнее с будущего сезона (после лета). Теперь мне крайне трудно отсюда выбраться и по многим причинам»⁶⁴, — пишет композитор «дорогому другу Евгению Оттовичу» Гунсту в начале 1927 г. Осенью того же года Акименко поселяется в пригороде Парижа — Венсене. Он совмещает преподавательскую деятельность в Музыкальном институте, руководимом Е. Гунстом, с активным сочинением музыки: «Я работаю много в своей области»⁶⁵. К началу 1930-х гг. им создан ряд камерных сочинений, симфонических поэм, Концерт для

⁶⁰ Деминитру Софья Осиповна (1888–1958) — в эмиграции театральный деятель, организатор музыкально-литературных вечеров, педагог, поэтесса. Володарский Рафаил Борисович (1888–1959) — скрипач, дирижер, с 1925 г. жил в Париже, преподавал в Русской нормальной консерватории. Штейман Михаил Осипович (1893–1949) — дирижер, пианист, в Париже с 1925 г., дирижировал оркестром Русской оперы (антреприза А. Церетели, Париж), там же руководил им созданным Русским симфоническим оркестром, в 1937 г. вернулся в СССР, умер в Новосибирске.

⁶¹ Русская нормальная консерватория (Conservatoire Russe Normal) в Париже образована в 1931 г. Е.О. Гунстом на основе Русского музыкального института, зарегистрированного им же в 1926 г. Консерватория просуществовала до 1936 г.

⁶² Кань-сюр-Мер (фр. Cagnes-sur-Mer) — местечко на Лазурном берегу, родина художника О. Ренуара.

⁶³ Институт музыковедения при Базельском университете (Швейцария). Архив Е.О. Гунста. Письма Ф.С. Акименко Е.О. и В.М. Гунстам.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 22.

виолончели с оркестром и главное, по мнению композитора, «большое сочинение для театра» — «Басаврюк»⁶⁶. Для этой работы в 1931 г. Ф.С. Акименко прерывает преподавание, бросает все дела в Париже и на 14 месяцев уезжает в Ниццу, где ему так легко работать. «Мне удалось написать балет с пением (пьеса в 4-х действиях). Это как бы опера-балет, но балет в ней играет первенствующую роль. Либретто прекрасно составлено из украинских повестей Гоголя <...>. Работал над этой пьесой с большим интересом — сейчас заканчиваю последние страницы партитуры. Музыка давно вся сочинена»⁶⁷, — сообщает композитор Траилину в 1932 г. из Парижа.

Тем временем Ф.С. Акименко перестают издавать — отчасти из-за экономического кризиса, повлиявшего на деятельность нотных издательств во Франции, отчасти из-за падения интереса к творчеству композитора. Театры Праги и Парижа отказывают музыканту в постановке его опер: «Всё стоит на мертвой точке. Не знаю, пошлет ли мне судьба когда-либо их увидеть на сцене. Но я счастлив, что их написал и это самое главное»⁶⁸. Ни «Фея снегов», ни «Басаврюк» так и не увидят сцены. Концерты Акименко-пианиста становятся всё реже, для коммерчески выгодных гастролей или большого турне у музыканта нет ни сил, ни толкового импресарио. К тому же происходит естественная смена ориентиров в мировой музыке, появляются другие имена. Постепенно Акименко и его творчество настигает забвение. Тем не менее, когда в европейском прокате прошел американский немой кинофильм «Любовь»⁶⁹ с Гретой Гарбо в главной роли, в оркестровом сопровождении использовались фрагменты сочинений Акименко, но без какого-либо упоминания о нем. Услышав свою музыку в кинотеатре, композитор лишь шутливо и беззлобно отмечает этот любопытный факт⁷⁰. В 1932 г. Акименко из России приходят вести о смерти брата Николая. Вскоре умирает его мать: «...уснула и не проснулась, вернее проснулась, но уже в другом мире <...>. Теперь я совершенно одинок»⁷¹. Последняя нить, связывающая Акименко с родиной, разорвана. Тосковал ли он по России? В его письмах мелькают банальные фразы: «...трудно жить нам русским на чужой стороне», он пересказывает слухи о том, «...что в этом (1932 или 1933. — Е.К.) году конец Советскому режиму, как предсказывали ясновидящие»⁷². Когда композитору становилось грустно под се-

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 27. Из письма следует, что речь идет о второй опере композитора, обозначенной в зарубежных изданиях о Ф.С. Акименко как опера «Rudy». Таким образом, проявились сюжет и дата создания (1931) сочинения, названного сначала «Басаврюк». Название «Рудый» («Рыжий»?) появилось позднее. Возможно, сочинение было переработано автором для издания и теперь хранится в виде автографа партитуры Балета-симфонии № 1 «На холмах Украины» (Ballet symphonique № 1 «Sur les collins l'Ukraine»), ор. 81 в Национальной библиотеке Франции.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 28.

⁶⁸ Там же. Л. 24.

⁶⁹ «Любовь» («Анна Каренина») — кинофильм 1927 г., киностудия «Метро Голдвин Майер», режиссер Эдмунд Гулдинг. В главных ролях — Грета Гарбо и Джон Гилберт (в 1935 г. был снят звуковой фильм «Анна Каренина» на той же киностудии и вновь с Гретой Гарбо в роли Анны).

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 33.

⁷¹ Там же. Л. 29.

⁷² Там же. Л. 28.

рым небом Парижа или Праги, то мыслью он переносился в Ниццу, а не в родной Харьков⁷³. Очевидно, ностальгия Акименко носила умеренный характер. В Париже у музыканта интересная педагогическая работа, материальная стабильность (пусть без излишеств) и много русских — друзей и знакомых.

К началу 1930-х гг. относится творческое сотрудничество Акименко с известным певцом русского зарубежья А.И. Мозжухиным. Для него композитор пишет сочинение для баса и фортепиано «Озимандия» (1933) на слова сонета Шелли в переводе Бальмонта. Сохранился нотный автограф с дарственной надписью композитора певцу⁷⁴. Тихое, как бы вкрадчивое музыкальное вступление на основе двух мотивов, оригинальные гармонии арпеджированных аккордов создают «восточный» колорит в лучших традициях русской музыкальной ориенталистики. Статичная поначалу вокальная партия: «Ваятель опытный вложил в бездушный камень. / Те страсти, что могли столетья пережить. / И сохранил слова обломков изваянья» — ведет к мощной кульминации: «Я — Озимандия, я — мощный царь царей! / Взгляните на мои великие деянья, / Владыки всех времен, всех стран и всех морей!» В заключении романса возвращается тема вступления, заканчивается романс на три пиано — звуки как бы растворяются, затихают. Обращение к творчеству Бальмонта типично для вокального творчества композитора. Миру его художественных образов созвучны поэтические метафоры символизма: «надменный пламень», «пустыни тишина», которую «Вечность сторожит». Нехарактерна для творчества Акименко тема сонета — власть, неумолимость Времени, гордыня и тщеславие правителей. Почему композитора вдохновил именно этот текст? Подведение итогов жизни? Раздумья о тленности человеческих деяний и всего сущего? Интуитивное предчувствие грядущего? В XX в. владычество разного «калибра» «Озимандий» дорого обойдется человечеству.

3

С 1936 г. Акименко все чаще и подолгу бывает в Ницце, а в 1937 г. совсем перебирается туда. Ведет тихую и размеренную жизнь одинокого русского интеллигента: посещает научные лекции, концерты, иногда выступает сам. Возможно, до 1939 г. музыкант получал материальную поддержку от Чехословацкого правительства (в письмах Акименко упоминает о намерении выхлопотать стипендию, как у писателя Д.Н. Крачковского — знакомого ему по Праге и Ницце)⁷⁵. Средства к существованию дают педагогическая работа и небольшие гонорары за всё реже издаваемые сочинения. Среди произведений, написанных в это время, но не упомянутых в списках сочинений композитора, — «Berceuses de Noël» (Рождествен-

---

⁷³ РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 28.

⁷⁴ «Чудесному артисту, доброму другу — Александру Ильичу Мозжухину. В знак глубокой симпатии от преданного автора. 25 июля 1933 Париж» // РГАЛИ. Ф. 2625. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1.

⁷⁵ Крачковский Дмитрий Николаевич (1882–1947) — писатель, редактор журнала «Записки наблюдателя», основатель литературного кружка «Далиборка» в Праге (Там же. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 26).

ская колыбельная) для скрипки с фортепиано и Концертино для фортепиано с оркестром (без номеров опусов). Последняя открытка от Акименко, адресованная в Прагу Траилиным, датирована маем 1938 г.⁷⁶ К концу 1930-х гг. забытый на родине и, судя по всему, отошедший от круга русской музыкальной эмиграции, композитор сближается с представителями украинской диаспоры. Не без их поддержки напечатаны его «Украинские поэмы» (1937), «Романсы и песни» («Romansi i pisni»), оп. 91 (1937). Последний изданный опус Акименко, о котором известно, № 93 — фортепианные пьесы «Для юношества» («Pour la jeunesse», 1939) — косвенное свидетельство того, что педагогическая практика в виде частных уроков оставалась для композитора единственным стабильным заработком. Оккупация Ниццы в июне 1940 г.⁷⁷ прервала многие деловые и дружеские контакты композитора с бывшими соотечественниками и вынудила Акименко задержаться на Лазурном берегу до освобождения Франции. Уединение музыканта в Ницце способствовало интенсивной творческой работе⁷⁸: в 1940-е гг. он написал циклы пьес для фортепиано «Маленькие пасторали», «Сентиментальные страницы», «Импровизации», «10 легких сочинений» («Dix pieces faciles»), «Нежное детство»; Трехголосную фугу си минор для органа, ряд хоровых и вокальных сочинений, доработал и подготовил к изданию ранее созданные опусы. Нужда, лишения и голод не миновали композитора, малоприспособленного к условиям военного времени. Он вернулся в Париж осенью 1944 г., но конца Второй мировой войны не увидел — в начале января 1945 г. Федор Акименко внезапно скончался⁷⁹. Судьба его музыкального архива оказалась достаточно счастливой. Еще были живы многие из его друзей и коллег, которые смогли позаботиться о музыкальных рукописях композитора. Коллекция музыкальных документов Ф.С. Акименко поступила в Национальную библиотеку Франции⁸⁰.

Заключение

Обозначив вехи жизни и творчества Ф.С. Акименко на основе неизвестных источников, можно сделать следующие выводы. 1) «Бинарность» биографии композитора оказалась мнимой. Эмиграция не разделила жизнь композитора на «до»

---

⁷⁶ Ф.С. Акименко — С.А. и К.С. Траилиным. Письмо на почтовой карточке. Ницца, 1938, 19 мая // РГАЛИ. Ф. 2660. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 38.

⁷⁷ В 1940–1943 гг. фашистское руководство Италии образовало так называемую демилитаризованную зону, или «Альпийский вал», внутри которого оказались города Ницца и Гренобль.

⁷⁸ Произведения, написанные Акименко во время войны, не изданы — автографы этих сочинений находятся в Национальной библиотеке Франции.

⁷⁹ Существуют разночтения в дате кончины Ф.С. Акименко — 3 или 8 января 1945 г. В эмигрантской прессе сообщалось, что музыкант скончался от истощения в Париже на бульваре Сан-Мишель.

⁸⁰ В рукописном отделе Национальной библиотеки Франции хранится 68 музыкальных документов — автографов сочинений Ф.С. Акименко, написанных им с 1912 по 1942 г. и большей частью неизвестных. Письма музыканта рассредоточены в фондах отечественных и зарубежных хранилищ; документов, программ, афиш, отражающих жизнь и творчество Акименко, практически не сохранилось.

и «после», так как мало повлияла на его творчество, которое воспринимается целостно, вне зависимости от места, времени, обстоятельств. 2) Мир художественных образов Федора Акименко эволюционировал незначительно. Постепенно изменялись музыкальные средства выражения. Усложнился гармонический язык, мелодизм приобрел глубину и большую свободу дыхания, возросло мастерство владения музыкальной формой. Неуклонное поступательное развитие таланта в музыке — редкое явление. В музыкальном наследии Ф.С. Акименко зарубежного периода отсутствуют (частые в произведениях русского искусства в эмиграции) надлом, творческое молчание, опустошенность. Привыкнув с юности к жизни странника, Акименко не свил своего гнезда в России и без особой печали покинул родину. Недостаточная «включенность» музыканта в жизнь русской музыкальной эмиграции объяснима внутренней отстраненностью Акименко от реального мира. Должности преподавателя в украинском Драгомановском институте в Праге или вице-директора Русской нормальной консерватории в Париже были для него лишь эпизодами между пребыванием в Ницце, где Акименко вдохновенно писал музыку...

В Париже на кладбище Батиньоль (Batignolles) на одной из могил установлено надгробие серого гранита: «Федір Якименко 1876–1945 український композитор». Содержание скупой надписи с «национальным» акцентом полностью не раскрывает смысла жизни и смерти одинокого скитальца, верившего в религию Искусства, «русского Дебюсси» — Федора Степановича Акименко. Пусть же эпитафией музыканту станут трогательные строки Ганса-Христиана Андерсена из сказки «Ледяная дева»⁸¹: «Блажен вознесшийся от любви к любви — от любви земной к любви небесной! Порвалась струна, прозвучал печальный аккорд, смерть запечатлела на брэнной оболочке свой ледяной поцелуй; пролог жизненной драмы кончился; диссонанс разрешился гармоническим аккордом».

Источники и литература

Архив Е.О. Гунста. Институт музыковедения Базельского университета (Швейцария)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Акименко <1910–1912> — Акименко Ф.С. Собр. соч. для фортепиано: в 2 т. / изд. П. Юргенсона. М., б. г. <1910–1912>.

Акименко 1912 — Акименко Ф.С. Жизнь в Искусстве // Русская музыкальная газета. 1912. № 2. С. 287–288

Акименко 1926 — Акименко Ф.С. Практический курс гармонии. Прага, 1926.

Акименко 1992 — Акименко Ф.С. «Афоризмы художника» // Дмитриева Л. Федор Акименко // Наследие. Музыкальные собрания — П. М.: СК Москвы, 1992.

Акименко 2004 — Акименко Ф.С. Нотные рукописи / Музыкальные документы в Национальной библиотеке Франции // Русские музыкальные архивы за рубежом: Справочник / сост. И.В. Брежнева, Г.М. Малинина. М.: Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского; НМБТ им. С.И. Танеева, 2004. С. 59–62.

⁸¹ Возможно, этот текст Андерсена вошел в либретто оперы Ф.С. Акименко «Фея снегов».

- Бетлий 2006 — *Бетлий О.* Украина 1919–1923: пражский проект // Европа. Журнал Польского ин-та междунар. дел. 2006. Т. 6, № 2 (19). С. 120–136.
- Васильева 2003 — *Васильева А.* Фортепианный цикл Ф. Якименка «Уранія» // Дослідження. Досвід. Спогади. Київ: Київська спеціальна середня музична школа ім. М.В. Лисенка; «ЛК Мейкер», 2003. Вип. 4.
- Малков 1922 — *Малков Н.* Музыкально-характеристические этюды. Ф. Акименко // Ежедневник Петроградских государственных академических театров. 1922. № 10. С. 16–17.
- Матюшина 2006 — *Матюшина Е.В.* Художественный мир Ф.С. Акименко: Дис. канд. искусствоведения / Российская академия музыки им. Гнесиных. М., 2006.
- Матюшина 2011 — *Матюшина Е.В.* Биография композитора и педагога Ф. Акименко // Из истории отечественной музыкальной культуры: неизвестные страницы: Статьи и мат-лы [сб.] / сост. Е.С. Дерунец. М.: РАМ им. Гнесиных, 2011. С. 174–196.
- Маценко 1954 — *Маценко П.* Якименко Федор Степанович. Виннипег, 1954.
- Мирошниченко 1995 — «Шелестят страницы писем» / публ. С. Мирошниченко // Музыкальная академия. 1995. № 1. С. 189–196.
- Прокофьев С.С. и Мясковский Н.Я. 1977 — Прокофьев С.С. и Мясковский Н.Я. Переписка. М., 1977.
- Сабанеев 2000 — *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о Скрябине. М.: Классика XXI, 2000.
- Сабанеев 2005 — *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о России. М.: Классика XXI, 2005.
- Скрябин 1975 — *Скрябин А.Н.* «Поэма экстаза». Для большого симфонического оркестра, ор. 54. М.: Музыка, 1975.
- Стравинский 1998 — *Стравинский И.Ф.* Переписка с русскими корреспондентами: Мат-лы к биографии: в 3 т. М., 1998.
- Схейн 2013 — *Схейн Ш.* Русские сезоны навсегда. М., 2013.
- Т.Г. Масарик и «Русская акция» 2005 — Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам междунар. науч. конф. М.: Русский путь, 2005. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Мат-лы и исследования; вып. 5.)
- Томпакова 2003 — *Томпакова О.М.* В стране альпийских лугов. А.Н. Скрябин в Швейцарии. СПб.: «КМБХ»; М.: ГММС, 2003. (Сер. «А.Н. Скрябин и мировая художественная культура»).
- Федякин 2004 — *Федякин С.Р.* Скрябин. М.: Молодая гвардия, 2004.
- Хроника 1995–1997 — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940. Франция: в 4 т. / под общ. ред. Л.А. Мнухина. М.: ЭКСМО, 1995–1997.
- Akimenko 1980 — Akimenko F.S. // The New Grove Dictionary of Music and Musicians. London, 1980. Vol. 1. P. 187.

П.А. Трибунский

ЛИКВИДАЦИЯ «ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ЧЕХОВА»,
ХРИСТИАНСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ
И «ТОВАРИЩЕСТВО ОБЪЕДИНЕННЫХ ИЗДАТЕЛЕЙ»*

Тысяча девятьсот пятьдесят шестой год оказался урожайным на события: XX съезд КПСС, «познанская весна», венгерская революция, Суэцкий кризис, вторая арабо-израильская война. На этом фоне прекращение публикаторской деятельности «Издательства имени Чехова Восточно-Европейского фонда» для мировой общественности прошло практически незаметно. Совсем по-другому восприняла это русскоязычная диаспора, лишившаяся крупнейшего в мире издательства, выпускавшего и активно распространявшего большими тиражами книги на русском языке за пределами СССР.

Среди современных исследователей нет единого мнения о причинах ликвидации издательства: а) оно просто прекратило деятельность [Шомракова 2000, с. 324], б) разорилось [Емелин 2009, с. 150], в) закрылось из-за систематической нехватки денег [Петров 2001, с. 382; Базанов, Шомракова 2003, с. 76; Издательства... 2005, с. 77], г) американские политики прекратили финансирование издательства после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.), веря, что Москва «сама собирается писать правду» [Толстой 1993, с. 185–186]. Помимо этого, нет никакой ясности относительно того, были ли попытки спасти издательство, куда делись внушительные по объему книжные склады, средства от реализации книжной продукции. Ниже делается попытка ответить на эти и другие вопросы, базируясь на неизвестных ранее материалах из американских архивов.

«Издательство имени Чехова» было создано в 1951 г. фондом «Свободная Россия» (позже — Восточно-Европейский фонд), аффилированной структурой Фонда Форда. Последний в феврале 1952 г. выделил грант на деятельность издательства до 31 августа 1954 г. включительно (подробнее см.: [Трибунский 2014]). После года активной деятельности издательства Восточно-Европейский фонд (далее — ВЕФ) принял решение о созыве независимого экспертного комитета. Последнему помимо оценки трудов издательства предстояло ответить на вопрос о целесообразности продолжения предприятия. В экспертный комитет были приглашены люди, знавшие толк в издательском деле: Б. Ачесон (Acheson), Р.С. Стротер (Stroter), оба — «Ридерз Дайджест», Г.К. Гинзбург (Guinzburg; «Викинг Пресс»), С. Спенсер Скотт (Spencer Scott; «Харкорт Брейс Компани»), Р.Л. Кроуэлл

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-01-00194-а).

(Crowell; «Томас Й. Кроуэлл Компани», член Комитета заграничных книг Государственного департамента США), Д. Мэлоун (Malone; профессор Колумбийского университета, бывший директор «Гарвард Университи Пресс»), Ф.Б. Стивенс (Stevens; Государственный департамент США, заместитель директора Президентского комитета Международной информационной активности), А. Ярмолинский (Yarmolinsky; Нью-Йоркская публичная библиотека). Члены комитета, высказав ряд несущественных замечаний, в целом высоко оценили работу «Издательства имени Чехова». Комитет согласился с подготовленным самим издательством документом о продолжении на два года его деятельности¹.

Благоприятный отчет экспертного комитета дал ВЕФ возможность в конце мая — начале июня 1953 г. подготовить заявку для попечителей Фонда Форда на поддержку «Издательства имени Чехова» на ближайшие два года. На 1954, 1955 и до 30 сентября 1956 г. включительно ВЕФ запрашивал у Фонда Форда 615 000 долларов. Указанная сумма получалась из сложения производственных (594 685 долларов) и накладных (355 122) расходов за вычетом средств, не потраченных к 31 марта 1953 г. от прежнего гранта (176 595), и предполагаемых поступлений (162 000). Результат (611 212 долларов) был округлен. Согласно заявке активные операции издательства должны были быть закончены к 1 марту 1956 г., после чего начинался семимесячный процесс ликвидации. 9 июня 1953 г. заседание совета попечителей ВЕФ поддержало заявку на грант в Фонд Форда. Попечителей ВЕФ беспокоило, как будет управляться издательство после 30 сентября 1954 г., когда центральная программа ВЕФ завершится. Вариантов предусматривалось три: продолжение существования под управлением ВЕФ, даже если издательство осталось бы единственной программой фонда; создание из издательства отдельной организации, освобожденной от уплаты налогов; переход под управление одного из подразделений Фонда Форда.

10 августа 1953 г. заявка на грант была отправлена в Фонд Форда. В сопроводительном письме президент ВЕФ Ф.Э. Мозли (Mosely) писал о том, что в будущем он не исключает обращения в Фонд Форда за небольшой субсидией, призванной поддержать продажу отпечатанных книг. При ликвидации Мозли предлагал передать книжные склады или Христианскому союзу молодых людей (ХСМЛ; Young Men's Christian Association; YMCA²), или Гуманитарному фонду (Humanities Fund, Inc.³), ведя продажи через конторы «Нового журнала» и газеты «Новое русское слово». 24 ноября 1953 г. попечители Фонда Форда одобрили грант в размере 615 000 долларов на продолжение деятельности «Издательства имени Чехова» до

---

¹ Continuation of the Chekhov Publishing House Operation, May 1, 1953; Agenda. Chekhov Review Committee Meeting, May 18, 1953 // FFA. East European Fund papers. Box 1, folder «East European Fund. Chekhov Review Comm. 1953»; Report on the Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc. by A Committee of Review <1953> // Ibid. Box 12, folder «Chekhov Publishing House — Reports»; The East European Fund, Inc. Third Annual Report, March 1953–1954. N. Y., <1954>. P. 44–45.

² Подробнее о Христианском союзе молодых людей см.: [Hopkins 1951; Latourette 1957; Miller 2013]. Употребление термина «союз» вместо «ассоциация» в названии организации обусловлено самоназванием, использовавшимся в годы работы в дореволюционной России и среди пореволюционных эмигрантов.

³ Подробнее о Гуманитарном фонде см.: [Будницкий 2010].

30 сентября 1956 г. включительно. Они рассматривали свою помощь как окончательную⁴.

Будет ли ликвидировано «Издательство имени Чехова» по окончании гранта или какие-то средства все-таки окажутся доступными для продолжения его существования — вот те вопросы, которые постоянно присутствовали в повестке собраний совета попечителей ВЕФ уже начиная с 1954 г. 27 апреля прошло заседание, бóльшая часть коего была посвящена обсуждению судьбы издательства. Мозли и специально приглашенный директор «Издательства имени Чехова» Н.Р. Вреден доложили о трех возможных вариантах развития ситуации: а) продолжение деятельности издательства путем обращения за грантом к Фонду Форда; б) функционирование издательства в запланированном режиме, с передачей складов по закрытии одному («Товарищество объединенных издателей») или нескольким дистрибьюторам; в) замедление публикации книг в последние 18 месяцев, с тем чтобы передать организации, освобожденной от уплаты налогов («Новому журналу»), склад и деньги (100 тысяч долларов) для дальнейшего распространения книг. Мозли считал, что Фонд Форда дал последний грант, и рассматривать серьезно можно только две последние альтернативы. Попечители обсудили несколько вариантов судьбы издательства — от перемещения последнего с целью удешевления расходов в Европу до ликвидации и передачи складов либо организации, освобожденной от уплаты налогов, либо обыкновенному книгопродавцу. Собравшиеся решили искать возможностей продолжения публикации книг, пусть и на сокращенной основе, но следуя общим принципам «Издательства имени Чехова». В случае ликвидации издательства все книги следовало передать для распространения организации, освобожденной от уплаты налогов, с тем чтобы прибыль пошла на образовательно-благотворительные цели. Попечители поручили Вредену разработать альтернативные планы публикации (6, 10, 12 книг в год), равно как и требования к штату⁵.

На заседании совета попечителей ВЕФ 9 июня 1954 г. было представлено три варианта развития событий. Первый предусматривал поиск финансовых средств на деятельность издательства в течение двух лет (до 30 сентября 1958 г. включительно) с той же интенсивностью (3 книги в месяц) и при таком же уровне расхо-

⁴ D.C. Munford — Trustees of East European Fund, June 3, 1953 // FFA. East European Fund papers. Box 1, folder «East European Fund. Chekhov Review Comm. 1953»; A Request from the East European Fund, Inc., for Continued Support of the Chekhov Publishing House Program Until September 30, 1956; East European Fund, Inc. Chekhov Publishing House. Summary. Proposed Budget for the Fiscal Years Ending March 31, 1954, 1955, 1956 and the Six Months Ending September 30, 1956 // Ibid. Box 12, folder «Chekhov Publishing House — Reports»; Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. June 9, 1953 / East European Fund, Inc. Minutes // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 20; Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. July 17, 1953 / East European Fund, Inc. Minutes // Ibid; Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. January 8, 1954 / East European Fund, Inc. Minutes // Ibid; P.E. Mosely — M. Fainsod, F. Altschul, J.E.F. Wood, July 27, 1953 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 23, folder «Chekhov Review Committee, 1953–54»; P.E. Mosely — M. Katz, August 10, 1953; The Ford Foundation. Terms of Grant. November 30, 1953; J.M. McDaniel, Jr. — P.E. Mosely, November 30, 1953 // RCA. FFR. Grant File. PA 54-169. Reel R-1195; The East European Fund, Inc. Third Annual Report, March 1953–1954. P. 45–46.

⁵ Annual Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. April 27, 1954 / East European Fund, Inc. Minutes // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 20.

дов. Двухлетний период деятельности должен был дать наиболее полный возврат денег от продажи книг. На двухлетнее существование издательства предполагалось найти 466 516 долларов. Указанная сумма получалась из сложения производственных (400 000) и накладных (234 500) расходов за вычетом средств, не потраченных к 31 марта 1956 г. от прежнего гранта (72 484), и предполагаемых поступлений (95 000). Второй вариант предполагал возможность получения гранта от Фонда Форда на существование издательства в течение одного года и публикации за этот период 12 книг (по одной в месяц). Общие расходы на год составляли 107 654 (в т. ч. 42 000 — производство, 13 150 — роялти), возврат от продаж — 35 000. Размер гранта определялся в 72 654 доллара. Отдельно на шестимесячный период ликвидации требовалось 17 580 долларов. И первый, и второй варианты исходили из продолжения существования «Издательства имени Чехова», тогда как третий — предполагал полную ликвидацию издательства и передачу организации-преемнику («Новый журнал» как вариант) книжного склада вместе с сэкономленными 100 000 долларами с обязательствами распространять книги издательства и публиковать по шесть заглавий в год в течение четырех лет. Ежегодный бюджет (42 720 долларов) складывался из производственных трат (21 000), роялти (1 200), иных трат. Продажи книг и возврат денег по счетам должны были приносить 20 000 долларов. За четыре года организация-преемник должна была потратить порядка 110 000 долларов, бóльшая часть которых компенсировалась 100 000 долларами, переданными от ВЕФ. Попечители единодушно поддержали идею русскоязычного издательства, пусть и на скромной основе, однако с конкретными пожеланиями подождать до осени 1954 г. В письме вице-президенту Фонда Форда Д.К. Прайсу (Price) Мозли 22 июля написал, что любые варианты развития ситуации с издательством прежде их претворения в жизнь будут в обязательном порядке обсуждены с Фондом Форда. Долгожданная осень 1954 г. никакой ясности не принесла. На собрании совета попечителей ВЕФ 29 ноября были обсуждены все возможные варианты развития событий (в т. ч. и неформальное прощупывание почвы в Фонде Форда на предмет очередного гранта), однако ни к каким решениям собравшиеся не пришли⁶.

В начале 1955 г. попечители ВЕФ решили действовать. Президент фонда Мозли начал с организации, которой издательство было обязано своим созданием и безбедным существованием на протяжении ряда лет, с Фонда Форда. В беседе с вице-президентом фонда Прайсом (январь 1955 г.) Мозли затронул вопрос о судьбе издательства. По мнению попечителей ВЕФ, велика была вероятность получения необходимых средств от государства и без превращения издательства в пропагандистскую организацию. Прайс выразил официальную точку зрения фонда, согласно которой последний не видел никаких препятствий, в случае если издательство будет продолжать существовать за счет других источников, хотя и

---

⁶ Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. June 9, 1954 / East European Fund, Inc. Minutes; Appendix A. Chekhov Publishing House. Request for Extension of Grant. Budget Summary for the Fiscal Years Ending March 31, 1957, 1958 and the Six Months Ending September 30, 1958; Appendix B. Chekhov To Produce 12 Books in One Year on Grant from Ford Foundation Plus Six Months' Liquidation Period; Appendix C. Inventory to be Turned Over to «X». «X» to Receive Grant to Produce 6 Books // Ibid; Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. November 29, 1954 / East European Fund, Inc. Minutes // Ibid; P.E. Mosely — D.K. Price, July 22, 1954 // RCA. FFR. Grant File. PA 54-169. Reel R-1195.

предупреждал о нежелательности правительственного финансирования, т. к. последнее могло вызвать отторжение публикуемых материалов у читателей. Сам Фонд Форда вкладывать средства в издательство не собирался.

В том же январе 1955 г. Дж. Кеннан (Kennan; президент фонда «Свободная Россия» и ВЕФ в 1951 г., посол в СССР в 1952 г., по возвращении в США — один из попечителей ВЕФ) развернул в Вашингтоне активную кампанию по поиску средств для продолжения «Издательства имени Чехова». Он провел несколько встреч с представителями Информационного агентства США, разговаривал с официальными лицами Государственного департамента, разослал массу писем влиятельным политикам и бизнесменам. Но Кеннана повсюду ждало разочарование: деятельность издательства получала самые лестные отзывы, но деньгами никто его поддерживать не собирался. В интервью 1972 г. Кеннан упоминал, что в Вашингтоне ему обещали средства в случае превращения издательства в пропагандистскую организацию, на что Кеннан ответил отказом, указав на чисто литературный характер предприятия⁷. Свидетельство интересное, однако следы указанного предложения не удалось найти в современных источниках.

Деятельность попечителей ВЕФ (прежде всего Мозли и Кеннана) по поиску возможных организаций-доноров фиксируется в документах на протяжении зимы — осени 1955 г., хотя не все ее детали удалось восстановить. Похоже, Кеннан мыслил практически полномасштабное продолжение деятельности издательства, тогда как Мозли, по-видимому, задумывался о более скромном варианте. Так, в письме бывшему члену экспертного комитета по оценке деятельности издательства, сотруднику Государственного департамента Ф.Б. Стивенсу от 7 февраля 1955 г. Мозли писал о желании создать в 1956 г. на полученные средства небольшую контору, которой передать все книги «Издательства имени Чехова», с тем чтобы вырученные от продажи книг деньги пошли на небольшую издательскую программу на несколько лет. Судьба издательства волновала и его директора, Вредена, который, по свидетельству его заместителя, Л.Д. Планте (Plante), тоже пытался найти организации, способные взять на себя поддержку «Издательства имени Чехова», но потерпел фиаско⁸. В указанный период, вероятно, с подачи попечителей ВЕФ, был подготовлен англоязычный буклет, в котором описывались результаты деятельности «Издательства имени Чехова» и содержался призыв помочь в поиске средств на продолжение предприятия⁹.

⁷ D.K. Price — T.H. Carroll, January 7, 1955; W. Benton — H.R. Gaither, August 26, 1955 // RCA. FFR. Grant File. PA 54-11. Reel R-1195; Interview with George F. Kennan for the Ford Foundation Oral History Project. New York, New York, March 29, 1972. P. 13 // Ibid. Oral History Project. Box 2; G.F. Kennan — P.E. Mosely, January 13, 1955 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; F.B. Stevens — P.E. Mosely, January 27, 1955; P.E. Mosely — F.B. Stevens, February 7, 1955 // Ibid. Box 23, folder «EEF: Chekhov. Plans for Extension of Funding, 1954–56».

⁸ P.E. Mosely — F.B. Stevens, February 7, 1955 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 23, folder «EEF: Chekhov. Plans for Extension of Funding, 1954–56»; Interview with Lilian Dillon Plante for the Ford Foundation Oral History Project. New York, New York, June 14, 1972. P. 14 // RCA. FFR. Oral History Project. Box 2.

⁹ An Investment in Democracy: The Chekhov Publishing House <N.p., n.d.>. <3> p. // Rare Book and Manuscript Library. F. Altschul papers. Box 119, folder «Organizations. Committee for the Promotion of Advanced Slavic Cultural Studies, 1956–59». Butler Library. Columbia University in the City of New York.

Когда возможные источники финансирования для издательства еще усиленно искались, Вреден 7 июня 1955 г. отправил Мозли деловое письмо с планом ликвидации. Вернее, план ликвидации издательства предложил Вредену менеджер по производству и распространению Д.И. Атряскин-Нейман, бывший соученик Вредена по Морскому кадетскому корпусу, а Вреден уже транслировал его Мозли. План предусматривал создание независимого агентства во главе с Атряскиным, которое должно было заняться продажей и бесплатной рассылкой книг «Издательства имени Чехова» на ближайшие пять лет. Агентству передавались бы все книжные склады издательства, равно как и средства от продаж, поступившие после 30 сентября 1956 г. На первый год операций, пока не установились нормальные условия работы, Атряскин просил выделить безвозмездно 25 тысяч долларов. Для обеспечения удачных продаж Атряскин намеревался снизить отпускные цены. Все операционные расходы и налоги он предполагал оплачивать из полученных от реализации средств, в случае получения прибыли Атряскин собирался делить ее 50/50 между агентством и той организацией, которая будет определена ВЕФ. Необходимым участником комбинации с книжными остатками Атряскин (а вслед за ним и Вреден) считал Гуманитарный фонд. Все деньги от реализации книг, поступившие с 1 апреля 1955 г. по 30 сентября 1956 г., должны были быть аккумулированы на счету Гуманитарного фонда. В случае прибыльности предприятия Гуманитарный фонд мог получать ее часть. При затруднениях агентства фонд мог бы поддержать Атряскина. После пяти лет деятельности агентства Гуманитарный фонд имел возможность аккумулировать у себя на счетах от 15–25 до 45–60 тысяч долларов, которые он мог бы или пустить исключительно на продолжение продаж книг, или добавить к этой операции публикацию новых изданий.

Вреден придал плану Атряскина законченную форму, включив в письмо к Мозли рассуждения о возможных путях ликвидации «Издательства имени Чехова». К моменту ликвидации на складах должно было остаться около 300 тысяч томов, которые должны были быть распространены с пользой для дела русской культуры. Вреден считал необходимым опереться исключительно на свои ресурсы, каковые на октябрь 1956 г. он определял в 46 000 долларов. К тому времени по предварительным расчетам могли поступить около 35 000 долларов за проданные книги, однако Вреден на всякий случай предлагал их исключить из расчетов. Вреден видел три возможных типа организации-реципиента: а) организации, освобожденные от налогов (Гуманитарный фонд, «Новый журнал»), б) коммерческие («Новое русское слово»), в) независимое агентство (Атряскин). Если первые, по мнению Вредена, не умели работать и не обладали возможностями для распространения, то вторые на полученные книжные остатки смотрели бы исключительно коммерчески и не стали бы прилагать никаких специальных усилий для бесплатного распространения книг. Единственной реальной возможностью Вреден называл агентство во главе с Атряскиным¹⁰. Помимо благой цели — распространение книжных остатков «Издательства имени Чехова» — план Атряскина, думается, имел коммерческую и личную составляющие. В случае успеха Атряскин

---

¹⁰ N. Wreden — P.E. Mosely, June 7, 1955; D. Neumann — N. Wreden, June 7, 1955 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60».

фактически получил бы в управление без особо строгих обязательств книжный склад в полное неподконтрольное руководство. Для 52-летнего Атряскина, прибывшего в США всего четыре года назад, исполнение плана означало гарантированное трудоустройство на ближайшие пять лет, а то и шанс разбогатеть. Вреден, даже официально покинув издательство, через Атряскина имел возможность контролировать распространение книг.

Обеспокоенность Кеннана и Мозли судьбой «Издательства имени Чехова» разделялась всеми попечителями ВЕФ. Кульминацией споров о продолжении работы издательства стало заседание фонда 20 июня 1955 г. Было признано необходимым к сентябрю 1955 г. завершить попытки найти финансирование и в случае неуспеха озаботиться составлением плана ликвидации. (Здесь стоит отметить, что план по ликвидации издательства авторства Атряскина–Вредена уже был в распоряжении президента ВЕФ Мозли.) По окончании дискуссии попечители постановили запросить Фонд Форда об очередном гранте. В ходе заседания издательство поминали неоднократно, и всякий раз в постановлениях присутствовало слово «ликвидация»: по утверждению бюджета на 1955–1956 гг. было решено оставить в неприкосновенности 75 420 долларов, которые могли пойти на окончание дел издательства или на производство дополнительных тиражей в случае получения гранта; были зарезервированы 3 000 долларов на юридические услуги для будущей ликвидации. Уже под занавес к судьбе издательства вернулись еще раз. Мозли и Вредену были даны полномочия продолжить изучение вариантов ликвидации. Обязательной была признана передача книжных остатков (вместе с финансовой помощью или без оной) исключительно организации, освобожденной от уплаты налогов, цели которой совпадали с таковыми ВЕФ. Распространение книг предполагалось вести через специально нанятого агента, но без выгоды частному лицу. Указанные установки, на наш взгляд, доказывают, что план ликвидации Атряскина–Вредена был доложен попечителям, но они приняли за основу дальнейшей работы по спасению издательства лишь часть предложений того, полностью исключив коммерческий интерес. Результаты предполагалось обсудить на заседании совета попечителей в октябре 1955 г.¹¹

Судьба распорядилась так, что основному помощнику Мозли, директору издательства Вредену, не удалось стать ни участником, ни даже свидетелем ликвидации предприятия. 3 августа 1955 г. он попал в госпиталь города Лоренс (штат Массачусетс) с диагнозом «воспаление легких». В госпитале у Вредена началась дизентерия. 6 августа он скончался. Вреден был похоронен в Лоренсе¹². 9 августа Мозли послал всем попечителям ВЕФ письмо, в котором сообщал о том, что он временно возложил на себя исполнение обязанностей директора издательства, предлагая обсудить вопрос о новом директоре на заседании совета попечителей

¹¹ Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. June 20, 1955 / East European Fund, Inc. Minutes // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 20.

¹² В.А. Александрова — М.А. Алданову, 15 августа 1955 г. // В.А. Chekhov Publishing House papers. Box 1, folder «М.А. Алданов»; Nicholas Wreden of Book Company // The New York Times. 1955. August 8. № 35625. P. 21.

осенью 1955 г. Однако обстоятельства сложились так, что следующее заседание совета попечителей фонда прошло только в начале 1956 г., когда ликвидация издательства была уже делом решенным, и смысла назначать нового директора не было. Как признался сам Мозли на заседании совета попечителей ВЕФ 9 апреля 1956 г., он руководил издательством номинально: все планы работ были подготовлены его предшественником, поэтому на Мозли легли лишь заботы по администрированию и подготовке мероприятий по ликвидации¹³.

Август–сентябрь 1955 г. стали решающими в деле поиска возможных спонсоров для «Издательства имени Чехова». 1 сентября 1955 г. Мозли обратился с соответствующим запросом в ЦРУ, но директор управления А.У. Даллес (Dulles), высоко оценив работу издательства, в финансовой помощи отказал¹⁴. Чуть ранее, в конце августа, Кеннан предпринял последнюю попытку добыть средства для издательства. Кеннан убедил У.Б. Бентона (Benton), бывшего помощника государственного секретаря США и бывшего сенатора, издателя «Энциклопедии Британика», выступить ходатаем перед Фондом Форда. Бентон написал 26 августа 1955 г. президенту фонда Г.Р. Гейтеру (Gaither), выступив за продолжение деятельности издательства. Последнее выпускало книги высокого качества, которые для пропаганды и холодной войны были весьма необходимы. При этом Бентон склонял к поддержке издательства именно частный фонд, предлагая избегать связей с государством. Проигнорировать просьбу Бентона Гейтер не мог и поручил вице-президенту поговорить с Кеннаном. На встрече 30 августа Кеннан предложил временно поддерживать издательство (150–200 000 долларов), до тех пор пока не найдется другой источник финансирования. Со временем издательство должно было стать самокупаемым. По результатам встречи Прайс подготовил меморандум, в котором откровенно написал, что попечители ВЕФ не предприняли серьезных попыток найти другой источник финансирования, т. к. участие в фонде для них было неосновным видом деятельности.

В ответном письме Бентону Гейтер сообщил о встрече и обещании Фонда Форда рассмотреть вопрос о возможности финансирования «Издательства имени Чехова», однако не преминул добавить, что сам фонд считает грант 1953 г. на работу издательства окончательным. Неопределенность ответа Фонда Форда подтолкнула Мозли искать аудиенции у Гейтера — отметим, безуспешно. К середине ноября 1955 г. официальные лица Фонда Форда (в т. ч. и президент Гейтер) пришли к решению не представлять вопрос об «Издательстве имени Чехова» на обсуждение попечителей. 15 ноября вице-президент Прайс написал соответствующее письмо Кеннану и обрисовал перспективы в телефонном звонке Мозли. В 1972 г. Кеннан с горечью признавал, что к моменту начала ликвидации издательства среди попечителей Фонда Форда не было ни одного человека, который бы его под-

---

¹³ P.E. Mosely — Trustees of East European Fund, August 9, 1955 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 23, folder «Chekhov Publishing House correspondence, 1954–56»; Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. April 9, 1956 / East European Fund, Inc. Minutes // Ibid. P.E. Mosely papers. Box 20.

¹⁴ P.E. Mosely — A.W. Dulles, September 1, 1955; A.W. Dulles — P.E. Mosely, [c. October 4, 1955] // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 23, folder «EEF: Chekhov. Plans for Extension of Funding, 1954–56».

держивал¹⁵. Итак, Фонд Форда наотрез отказался в какой-либо форме поддержать созданное им «Издательство имени Чехова».

Сам Мозли датировал концом декабря 1955 г. осознание попечителями ВЕФ того факта, что им не удастся найти деньги на продолжение работы издательства¹⁶. Выходит, и после отказа Фонда Форда еще месяц не прекращались поиски возможного донора? Правда, изученные материалы не дают ответа на вопрос, к кому конкретно был обращен последний призыв попечителей ВЕФ.

Сведения о том, что Фонд Форда не поддержал продолжение деятельности «Издательства имени Чехова», стали известны журналистам в середине декабря 1955 г. 17 декабря в «Нью-Йорк Таймс» вышла статья, с прискорбием сообщавшая о скором закрытии единственного в мире, по утверждению газеты, некоммунитического русскоязычного издательства общего характера, не сумевшего найти источник финансирования помимо Фонда Форда. Как пояснили представители фонда, решение прекратить поддержку издательства было составной частью общего поворота в политике учреждения, прервавшего помощь беженцам. Вместе с тем деятельность «Издательства имени Чехова» оценивалась очень высоко. Через два дня та же газета сообщила о создании Советским Союзом в ГДР организации для публикации книг на многих языках. И именно в это время «Издательство имени Чехова» закрывалось. Прекращение деятельности последнего сравнилось с ударом по демократии, объявлялось близорукостью, признавалось постыдным отсутствием заинтересованности свободных стран в помощи русским беженцам¹⁷. Но призывы газеты, пусть и самой уважаемой в США, уже никак не могли помочь делу спасения издательства.

А что же русскоязычная диаспора? Как она реагировала на предполагаемую ликвидацию «Издательства имени Чехова»? Весьма характерны эмоциональные высказывания писателя М.А. Алданова: «...для всей зарубежной литературы было бы большой бедой, если бы издательство закрылось» (письмо от 4 апреля 1954 г.), «закрытие <издательства> было бы большой общественной и литературной бедой, тем более, что других русских издательств в эмиграции теперь нет» (письмо от 20 мая 1954 г.). Позицию Алданова можно определить как пассивное негодование. Действительно, русскоязычная диаспора не располагала необходимыми средствами для продолжения предприятия. Инертной была реакция и сотрудников издательства. Так, литературный редактор В.А. Александрова писала: «Но мы, сотрудники Издательства, невзирая на все эти слухи, остаемся настроены оптимистически. Нам почему-то кажется, что в последний момент найдется

---

¹⁵ W. Benton — H.R. Gaither, August 26, 1955; Price D.K. New York Inter-Office Memorandum. August 31, 1955; H.R. Gaither — W. Benton, September 16, 1955; S. Stone — D.K. Price, November 7, 1955; D.K. Price — P.E. Mosely, November 7, 1955. Draft; D.K. Price — G.F. Kennan, November 15, 1955 // RCA. FFR. Grant File. PA 54-11. Reel R-1195; Interview with George F. Kennan for the Ford Foundation Oral History Project. New York, New York, March 29, 1972. P. 16, 17 // Ibid. Oral History Project. Box 2.

¹⁶ P.E. Mosely — Trustees of East European Fund, January 20, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; P.E. Mosely — D.R. Price, February 6, 1956 // Ibid. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956».

¹⁷ Russian Publishing to Shut Down Here // The New York Times. 1955. December 17. № 35756. P. 17; In Chekhov's Language // Ibid. December 19. № 35758. P. 26.

какая-нибудь организация и захочет взять нас на буксир». Безоговорочная вера русскоязычных сотрудников издательства в то, что Фонд Форда, выделив деньги на массовые издания книг, не решится просто прекратить поддержку, даже не распродав тиражей, была абсолютной. Тем неожиданнее прозвучало сообщение о ликвидации издательства, которое, по словам заместителя директора Планте, стало шоком для всех¹⁸.

Осознавший невозможность спасти издательство Мозли 27 января 1956 г. подготовил меморандум о ликвидации, переправленный в Фонд Форда на одобрение. Что же предлагал Мозли? Он исходил из временных границ ликвидации (июнь 1956 г.) и необходимости соблюсти ряд требований. Распространение книг «Издательства имени Чехова» мыслилось прежде всего как противодействие восстановлению советской монополии на русском книжном рынке. С ликвидацией издательства не исчезала потребность в публикации русскоязычных книг высокой культурной ценности. Идея передать книжные остатки частному книгопродавцу отвергалась с порога: невозможность отделить его коммерческие цели от распространения полученных книг; отсутствие капитала и широких связей не позволило бы ему взять склад полностью; русскоязычный книгопродавец, торгуя советскими изданиями, мог бы испытывать давление со стороны советских организаций, в случае если бы принял книги «Издательства имени Чехова». Альтернативой стала бы передача изданий небольшому некоммерческому агентству, освобожденному от уплаты налогов и полностью подконтрольному ВЕФ, во главе с Атряскиным. Последний вместе с небольшим штатом (секретарь и помощник по складу) должны были распродать и бесплатно распространить книги за 1–3 года. Другим вариантом являлась передача денежных средств (грант в размере 25 000 долларов) и книжных складов организации, освобожденной от уплаты налогов, способной распространять книги издательства и ставящей себе сходные цели — содействие культуре. Таким условиям, по мнению Мозли, отвечали три учреждения: Гуманитарный фонд, Комитет содействия перспективным культурным исследованиям славянства¹⁹ и Национальный совет ХСМЛ, позиция которого была наиболее выигрышной среди других претендентов. Предложения по ликвидации и выбор организации-реципиента должны были быть обсуждены и одобрены Фондом Форда и ВЕФ.

Одобрение вице-президента Прайса основных предложений по ликвидации пришло 21 марта. Через два дня Мозли подготовил и разослал попечителям ВЕФ меморандум, в основу которого без особых изменений был положен январский документ. Обсуждение меморандума состоялось на заседании совета попечителей ВЕФ 9 апреля. Наиболее приемлемой была признана передача книжных скла-

---

¹⁸ М.А. Алданов — Т.Г. Терентьевой, 4 апреля 1954 г.; М.А. Алданов — В.А. Александровой, 20 мая 1954 г.; В.А. Александрова — М.А. Алданову, 10 марта 1955 г. // В.А. Chekhov Publishing House papers. Box 1, folder «M.A. Aldanov»; Interview with Lillian Dillon Plante for the Ford Foundation Oral History Project. New York, New York, June 14, 1972. P. 13, 14 // RCA. FFR. Oral History Project. Box 2.

¹⁹ Комитет содействия перспективным культурным исследованиям славянства (Committee for the Promotion of Advanced Slavic Cultural Studies) — негосударственная организация, созданная в Нью-Йорке в 1949 г. группой бизнесменов и ученых и ставившая себе целью содействие развитию славистики в США. Просуществовала до начала 1960-х гг.

дов с грантом в 25 000 долларов на ликвидацию дел «Издательства имени Чехова» Национальному совету ХСМЛ без каких-либо условий. Если бы последний по каким-либо причинам отказался от дара, то ВЕФ предполагал с аналогичным предложением обратиться в Гуманитарный фонд или в Комитет содействия перспективным культурным исследованиям славянства²⁰.

Здесь необходимо сделать небольшой экскурс в историю взаимоотношений ВЕФ и «Издательства имени Чехова», с одной стороны, и ХСМЛ и патронируемым им издательством YMCA-Press — с другой. Воспоминания П.Б. Андерсона (Anderson) рисуют благостную картину: узнав о создании «Издательства имени Чехова», YMCA-Press первоначально встревожилось, решив, что новоиспеченное издательство заберет авторов и разрушит русскоязычный книжный рынок. Но этого не случилось. Хорошие отношения сложились у ХСМЛ с фондом, который выделил грант на публикацию YMCA-Press ряда книг [Anderson 1985, p. 84].

Реальная картина была намного сложнее. Контакты Андерсона с ВЕФ начались в августе 1951 г. Кто являлся инициатором — установить не удалось, но не исключено, что сам Андерсон. В письме от 1 августа на имя директора фонда Дж. Фишера (Fischer) Андерсон сообщал сведения о деятельности YMCA-Press. Предлагал ли он последнее в качестве базы для издательской деятельности фонда или намеревался обсудить пути разграничения деятельности двух организаций — доподлинно неизвестно. Запланированная встреча Фишера, Вредена и Андерсона в августе 1951 г. не состоялась²¹.

Задержка с оформлением и началом деятельности «Издательства имени Чехова» временно прервала контакты. Их возобновление относится к декабрю 1951 г., когда с предложением выступить в качестве распространителя книг издательства обратился Д. Лоури (Lowrie), специальный представитель Международного комитета ХСМЛ в Европе, директор YMCA-Press и «Товарищества объединенных издателей»²². 4 января 1952 г. прошла встреча Андерсона с Вреденом и Плантае, на которой стороны пытались договориться о кооперации YMCA-Press и «Товарищества» с «Издательством имени Чехова». Последнее, по словам Андерсона, было создано ВЕФ, который исходил из ошибочной посылки, что за границей не существовало русскоязычных издательств. Новое издательство собиралось существовать исключительно на средства гранта, мало заботясь о возврате денег с продаж,

²⁰ PEM <Mosely P.E.>. Liquidation of the Chekhov Publishing House and Its Inventory, January 27, 1956; P.E. Mosely — D.R. Price, February 6, March 25, 1956; D.R. Price — P.E. Mosely, March 21, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956»; P.E. Mosely — Trustees of East European Fund, January 20, March 15, 1956; PEM <Mosely P.E.>. Liquidation of the Chekhov Publishing House and Its Inventory, March 23, 1956 // Ibid. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. April 9, 1956 / East European Fund, Inc. Minutes // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 20.

²¹ G. Fischer — P.B. Anderson, August 8, August 14, 1951 // FFA. East European Fund papers. Box 10, folder «Anderson, Paul B.».

²² «Товарищество объединенных издателей» (Les Éditeurs Réunis) — книготорговая организация, возникшая в 1931 г. в Париже и объединившая первоначально четыре издательства, число которых со временем сократилось до трех. Основная доля в товариществе принадлежала YMCA-Press.

и, самое неприятное для других издательств, собиралось бесплатно распространять книги по всему миру, что грозило погрузить русский книжный рынок в хаос. Попытки Андерсона переубедить фонд натолкнулись на стойкое сопротивление директора «Издательства имени Чехова» Вредена. Внушительные гонорары и дешевизна книг невольно порождали конкуренцию с YMCA-Press.

Из последовавшего в начале 1952 г. обмена письмами между Лоури и Планте известно, что притязания «Товарищества» стать единственным поставщиком книг «Издательства имени Чехова» в Европу были отвергнуты, а предложения Лоури напечатать ряд учебников и его советы по книжному ассортименту — проигнорированы. В письмах Андерсону Лоури прямо объявлял подход «Издательства имени Чехова» дилетантским, ставящим под удар как русский книжный рынок в целом, так и собственные операции «Товарищества». Слова Лоури подтверждала составленная в ноябре 1952 г., по-видимому, Б.М. Крутиковым, «Справка о распространении книг Издательством имени Чехова». Уже в феврале 1952 г. начала сказываться разница в финансовом положении YMCA-Press и «Издательства имени Чехова»: В.В. Вейдле забрал из первого свою рукопись с целью подать ее в нью-йоркское издательство²³.

Лучше складывались отношения между ВЕФ и лично Андерсоном. Многолетний участник «русской работы» ХСМЛ Андерсон был для ВЕФ фигурой весьма привлекательной, и в феврале 1952 г. Мозли предложил ему войти в состав попечителей фонда. Это позволило Андерсону лоббировать интересы ХСМЛ и YMCA-Press. Благодаря усилиям Андерсона в ВЕФ была подана заявка на грант в 25 000 долларов для YMCA-Press на издание на русском языке учебников, книг для юношества и по религиозной тематике, поддержанная в 1952 г. Согласно достигнутым договоренностям, указанная часть книжного ассортимента считалась прерогативой YMCA-Press. К началу 1956 г. было напечатано двенадцать наименований общим тиражом 29 021 экземпляр. Доходы от реализации этих изданий ВЕФ полностью передавал в распоряжение YMCA-Press. Позиции Андерсона в фонде усилились после того, как по его рекомендации очередным директором ВЕФ стал бывший соратник по Международному комитету ХСМЛ и бывший директор YMCA-Press Д. Лоури, правда, недолго оставшийся в должности (октябрь 1952 — февраль 1953 г.)²⁴.

---

²³ D.A. Lowrie — Chekhov Publishing House, December 10, 1951; P.B. Anderson — D.A. Lowrie, January 9, 1952; D.A. Lowrie — L.D. Plante, February 4, March 10, 1952; L.D. Plante — D.A. Lowrie, March 3, 1952; D.A. Lowrie — P.B. Anderson, February 4, 1952, March 10, 1952; D.A. Lowrie — N. Wreden, July 10, 1952; P.B. Anderson — W.E. Dietz, January 28, 1953; Список учебников, предлагаемых для переиздания, 4 февраля 1952 г. // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 13, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House, 1951–53»; <Крутиков Б.М.??> Справка о распространении книг Издательством имени Чехова, Нью-Йорк, 26 ноября 1952 г. // Ibid. Box 4, folder «YMCA Press Operations, 1951–52».

²⁴ P.E. Mosely — P.B. Anderson, February 26, 1952 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 13, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House, 1951–53»; Report on the Use of Grant from the East European Fund, Inc. April 26, 1956 // Ibid. Box 4, folder «YMCA. Russian Publication Program and YMCA Press. East European Fund Grant, 1952–54, 1956»; P.B. Anderson — D.E. Davis, August 14, 1979 // Ibid. Box 14, folder «Davis Donald E., Prof. The East European Fund & The Chekhov Publishing House»; Ruggles M.J. — P.B. Anderson, May 9, 1952 // FFA. East European Fund papers. Box 10, folder «Anderson, Paul B.»; The East European Fund, Inc. Second Annual Report, March 1952–1953. N. Y., <1953>. P. 21.

Упомянутая выше попытка Андерсона вразумить руководство ВЕФ оказалась неудачной. Но он не терял надежду. Следующую попытку, судя по письму контролеру Национального совета ХСМЛ У.Э. Дитцу (Dietz), Андерсон планировал сделать в 1953 г., когда перспективы нового гранта для «Издательства имени Чехова» еще были неясны. Он предвидел, что по окончании срока гранта издательство останется с большим складом книг и небольшим доходом, неспособным обеспечить операционные траты. Выходом из создавшейся ситуации, по мнению Андерсона, было бы вступление издательства в качестве дистрибьюторской организации в «Товарищество объединенных издателей» и сокращение штата и расходов²⁵. Но очередной грант от Фонда Форда отодвинул ликвидацию «Издательства имени Чехова» до 1956 г.

Теперь, в 1956 г., именно ХСМЛ и Андерсону как его представителю надлежало решить судьбу «Издательства имени Чехова». По утверждению заместителя директора издательства Планте, именно благодаря усилиям Андерсона ХСМЛ согласился принять дар от фонда²⁶. Как же развивались события?

20 апреля Андерсон составил для руководства ХСМЛ меморандум, касающийся возможной передачи книжных складов «Издательства имени Чехова». В этом он видел одни положительные стороны: задачей издательства, как и парижского YMCA-Press, было продвижение русской культуры, чему полностью соответствовали передаваемые книги стоимостью почти полмиллиона долларов. Полученные книги позволили бы увеличить продажи, грант от ВЕФ покрыл бы операционные расходы, доход поступил бы на издание книг собственно YMCA-Press. Относительно темпов продаж и распространения полученных книг Андерсон попытался составить прогноз, исходя из данных и мнений как самого издательства, так и представителя YMCA-Press и «Товарищества объединенных издателей» Б.М. Крутикова, своего давнего знакомого. Мозли и Андерсон договорились сохранить 350 полных комплектов всех книг, выпущенных издательством, для свободной рассылки и по 20 экземпляров каждого издания для высылки автору (или его наследнику). Судя по всему, Андерсон также попросил издательство подготовить предложения по уничтожению книг, т. к. было ясно, что всё распространить не удастся²⁷.

С начала мая начались консультации президента фонда Мозли с представителями ХСМЛ относительно того, в какой форме и на каких условиях может

²⁵ W.E. Dietz — P.B. Anderson, January 26, 1953; P.B. Anderson — W.E. Dietz, January 28, 1953 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 13, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House, 1951–53».

²⁶ Interview with Lilian Dillon Plante for the Ford Foundation Oral History Project. New York, New York, June 14, 1972. P. 55 // RCA. FFR. Oral History Project. Box 2.

²⁷ Anderson P.B. Re. Chekhov Publishing House, April 20, 1956; Anderson P.B. Re. Chekhov Publishing House. Questions Related to Distribution of Books, April 24, 1956; P.B. Anderson — B.M. Krutikoff, April 24, 1956; B.M. Krutikoff — P.B. Anderson, April 30, 1956; L.D. Plante — P.B. Anderson, May 1, 1956; P.B. Anderson — H.P. Lansdale, Jr., May 8, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; L.D. Plante — P.B. Anderson, May 4, 1956 // Ibid. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956»; L.D. Plante — P.B. Anderson, April 26, 1956 // UML. KFYA. YMCA of the USA. Anderson, Paul B. Box 2, folder «№ 3. СРН. Liquidation». Здесь и далее следует иметь в виду, что фолдеров со сходными порядковыми номерами и содержащими одинаковые названия «СРН. Liquidation» во втором боксе, как правило, 2–3 штуки. Никаких других обозначений, позволяющих отделить один фолдер от другого, нет.

быть осуществлен дар. После многочисленных обсуждений и прояснения деталей 22 мая было подготовлено и отослано генеральному секретарю Национального совета Дж.А. Юриксу (Urice) официальное предложение фонда о передаче ХСМЛ книжных складов и гранта на операционные расходы на один год деятельности, в целом повторявшее решения заседания совета попечителей ВЕФ от 9 апреля. Вырученные от продажи книг деньги ВЕФ передавал Национальному совету ХСМЛ в полное распоряжение. Полностью на откуп ХСМЛ судьба издательства отдавалась после 30 сентября 1957 г. В тот же день, 22 мая, Мозли отправил контролеру Национального совета У.Э. Дитцу дополнительные пояснения. С целью исключить возможные претензии к ХСМЛ Мозли предлагал разослать письмо авторам с предложением выкупить полный склад своих книг по справедливой рыночной цене или получить по 20 бесплатных экземпляров и отказаться от дальнейших требований. ВЕФ соглашался не требовать от Национального совета распространения тех книг, которые последний мог счесть неприемлемыми для своих целей. Мозли настаивал на уничтожении таких книг именно ВЕФ, а не ХСМЛ, дабы исключить обвинения со стороны русскоязычной диаспоры в сожжении книг. В соответствии с договоренностями 25 мая всем авторам и их наследникам было отправлено циркулярное письмо относительно возможности выкупа тиража или получения 20 бесплатных экземпляров²⁸. Как и предполагал Мозли, ни один из авторов тиража не выкупил. Вопрос об уничтожении книг будет рассмотрен ниже.

После получения официального письма ВЕФ о передаче книжных складов «Издательства имени Чехова» члены Международного комитета ХСМЛ Андерсон и Г.П. Ленсдейл-мл. (Lansdale, Jr.) в конце мая 1956 г. подготовили свои предложения, суть которых сводилась к следующему. Андерсон в промежуточном отчете специальному комитету по «русской работе» от 28 мая сделал упор на всевозможных выгодах от принятия дара и отсутствии каких-либо условий относительно судьбы издательства после одного года функционирования, заявив, что такими действиями ХСМЛ сможет выразить благодарность много для нее сделавшим организациям — Фонду Форда и ВЕФ. Отчет завершался указаниями на то, что Андерсон, Ленсдейл и Дитц, лично осмотрев склады и документы издательства, рекомендовали дар принять. Ответственность за все операции ложилась на «русскую работу» ХСМЛ, становилась частью ее операций в Париже под непосредственным надзором Андерсона. Более подробно о взглядах Андерсона по вопросу можно судить по его письму Дитцу от 29 мая. В период ликвидации (с 1 октября 1956 г. по 30 сентября 1957 г.) право собственности на все активы «Издательства имени Чехова» принадлежало бы Национальному совету ХСМЛ, общее руководство осуществлялось «русской работой» (Андерсон и Крутиков), книжный склад находился бы в новом офисе, на предстоящий год арендованном ВЕФ (по адресу 24 East 22 street), непосредственно книгами должен был заняться менеджер по

---

²⁸ P.E. Mosely — P.B. Anderson, May 1, 1956; P.E. Mosely — J.A. Urice, May 22, 1956; P.E. Mosely — W.E. Dietz, May 22, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; Перевод прилагаемого английского письма. 25 мая 1956 г. // UML. KFYA. YMCA Russian Publishing Work Files. Box 6, folder «Budgets. April 1, 1955 — September 30, 1956».

производству и распространению Атряскин при помощи одного ассистента. После года существования издательство можно было бы формально ликвидировать, оставив общее руководство операциями в неприкосновенности, переведя сокращенные (как в результате продаж, так и в ходе уничтожения) в объемах склады в другие помещения и имея в штате в Нью-Йорке одного русскоязычного сотрудника, который готовил бы книги для отсылки в Париж по полученным заказам. После года такой деятельности склады предполагалось опять подвергнуть чистке. Огромный интерес представляют конкретные предложения Андерсона относительно судьбы книг. На 31 марта на складах издательства находилось 286 105 книг на сумму 510 794,45 доллара. В это число не входили и в дальнейших расчетах Андерсона не участвовали не поступившие к тому моменту из типографий последние тиражи в количестве 12 528 книг. К 1 октября, дате перехода складов к ХСМЛ, было предположено к уничтожению 153 900 книг, и новому владельцу поступили бы 132 205 экземпляров. За один год существования издательства под управлением ХСМЛ предполагалось продать 30 тысяч и бесплатно разослать по библиотекам 56 тысяч книг (упомянутые выше 350 комплектов). К 1 октября 1957 г. ХСМЛ планировал иметь на складах 46 205 книг. Грант ВЕФ в 25 000 долларов должен был покрыть операционные траты в первый год. Возможные поступления от продажи книг за этот же период определялись в 12 000 долларов²⁹.

Меморандум Ленсдейла от 31 мая суммировал предложения ВЕФ по передаче «Издательства имени Чехова». Преимущества принятия дара ВЕФ Ленсдейл видел в том, что за счет полученных книжных складов могла быть значительно увеличена финансовая база УМСА-Press и «Товарищества объединенных издателей», усилена их издающая и книготорговая деятельность. Выступив своего рода наследником «Издательства имени Чехова», УМСА-Press, без сомнения, укрепила бы свой авторитет в мире. Капитал и авторитет дали бы парижскому издательству конкурентные преимущества в деле публикации религиозных книг и трудов социального характера на русском языке, которые было невозможно издать в СССР. Негативное последствие отказа принять дар, по мнению Ленсдейла, было одно, зато носило глобальный характер: огромный книжный склад мог попасть к конкурирующим организациям, что позволило бы им начать разрушительную для УМСА-Press конкуренцию.

На заседании специального комитета по «русской работе» 14 июня был рассмотрен вопрос возможной передачи издательства ХСМЛ. Комитет рекомендовал Национальному совету дар принять, но не включать издательство в структуру ХСМЛ на период ликвидации. Международный комитет ХСМЛ на заседании 22 июня поддержал решение специального комитета. Извещенный о постановлении специального комитета Мозли мог в письме попечителям ВЕФ от 19 июня с чистой совестью сообщить о том, что передача издательства ХСМЛ — вопрос решенный. 21 июня Мозли выслал генеральному секретарю Национального совета Юрийсу окончательное официальное предложение принять книжные склады, дебиторскую задолженность, оборудование «Издательства имени Чехова» наряду с грантом для прове-

---

²⁹ Anderson P.B. Interim Report to the Ad Hoc Committee on Russian Work. May 28, 1956; P.B. Anderson — W.E. Dietz, May 29, 1956; Relevant Data re Chekhov, May 29, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60».

дения запланированной ликвидации. На заседании Административного комитета Национального совета ХСМЛ 27 июня обсуждался вопрос о принятии дара от ВЕФ. Прежде всего, были оценены риски от вовлечения ХСМЛ в деятельность, имеющую отношение к СССР. Андерсону поручили внимательно ознакомиться с возможными трудностями. В заключение комитет рекомендовал Исполнительному комитету Национального совета ХСМЛ принять в дар от ВЕФ активы «Издательства имени Чехова». Официальным письмом от 29 июня генеральный секретарь Национального совета Юрий сообщил Мозли о принятии дара фонда³⁰.

Заметим, что начавшаяся ликвидация издательства некоторыми представителями русскоязычной диаспоры оказалась незамеченной. Просто фантастическим выглядит письмо Г.Д. Гребенщикова от 13 июня 1956 г., предлагавшего Александровой срочно (к октябрю 1956 г.!) напечатать его роман «Егоркина жизнь», причем часть расходов писатель собирался возместить сам³¹.

Чем же занимались сотрудники издательства в июне–августе 1956 г., накануне ликвидации? Для них стало окончательно ясно, что издательство будет ликвидировано. Штат с переходом под руководство ХСМЛ предполагалось радикально сократить. Основная деятельность издательства — производство книг — была прекращена еще весной 1956 г., и все силы тратились исключительно на распространение книг. За июль–сентябрь 1956 г. было распространено (продажа, свободная рассылка в организации, библиотеки и журналы, частным лицам) 13 209 книг. Издательство передислоцировало свои операции, весь июнь оказался занятым переездом. Издательству надо было к 1 июля освободить старый офис и склад по адресу 387 Fourth Avenue, забрать книги из типографий «Раузен Броз.» и «Уолдон Пресс», переехать в новый офис по адресу 24 East 22 street (арендован ВЕФ с 1 июля 1956 г. до 30 сентября 1957 г.) и сконцентрировать на складе Шепард те книги, что подлежали уничтожению. К 22 июня на складе Шепард было сосредоточено 80 884 книги³². В приложении № 2 приведены ко-

³⁰ *Lansdale H.P., Jr. Memorandum Concerning the Proposed Gift of the East European Fund to the National Board of Y.M.C.A.s. May 31, 1956; Minutes of the Meeting of the Ad Hoc Committee on Russian Work, June 14, 1956; P.B. Anderson — P.E. Mosely, June 15, 1956; P.E. Mosely — Trustees of East European Fund, June 19, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; P.E. Mosely — J.A. Urice, June 21, 1956; J.A. Urice — P.E. Mosely, June 29, 1956 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, 1956»; Minutes of the Administrative Committee of the National Board of Young Men's Christian Association. June 27, 1956 // Ibid. YMCA of the USA. General Administrative (National Board. Administrative Committee Minutes, 1953–1957). Box 64, folder «Jan — Jun 1956»; Minutes of the Executive Committee of the International Committee. June 22, 1956 // Ibid. YMCA International Work. Administrative Records. Box 1, folder «Executive Committee of the International Committee. Jan — Jun 1956».*

³¹ Г.Д. Гребенщикова — В.А. Александровой, 13 июня 1956 г. // The Central Archives for the History of the Jewish People. S. Schwarz papers. Box 25.

³² *Agreement of Lease..., May 15, 1956 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House. Liquidation»; <Plante L.D.> — F. McNally, May 29, 1956 // Ibid. YMCA of the USA. Anderson, Paul B. Box 2, folder «Chekhov Publishing House. Liquidation & Misc. № 1»; September 1956 // Ibid. Folder «Anderson, Paul. № 2. CPH. Liquidation»; D. Neumann — H. Salzberg, March 12, 1956 // Ibid. Folder «№ 4. CPH. Liquidation»; P.B. Anderson — H.P. Lansdale, Jr., May 8, 1956; Books Stored at the Shephard Warehouse. June 22, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60».*

личественные данные по доставленным на склад Шепард книгам по отдельным названиям.

Активные действия по подготовке к передаче «Издательства имени Чехова» ХСМЛ пришлось на сентябрь 1956 г. 7 сентября в новом помещении издательства прошло деловое совещание, участниками которого стали, с одной стороны, представители ХСМЛ Андерсон и Дитц, а с другой — президент ВЕФ Мозли и сотрудники издательства Планта и Атряскин-Нейман. Первым и самым главным вопросом стало количество книг, которые предполагались к передаче. Негативное видение мира и акцент на физиологии книг Г. Газданова «Ночные дороги» и В. Яновского «Портативное бессмертие» делали их неприемлемыми для ХСМЛ, почему оба издания подлежали полному и безоговорочному уничтожению. Относительно отправки в макулатуру других книг Андерсон и Атряскин должны были еще раз встретиться отдельно в десятых числах сентября. Были ясны исходные условия: список книг на переработку подлежал одобрению президентом ВЕФ Мозли, т. к. именно фонд брал на себя ответственность за уничтожение книг, ликвидацию выбранных книг предполагалось закончить до 30 сентября. После очищения складов книги следовало пересчитать, и именно эту цифру зафиксировать в передаточном акте. Остальные вопросы носили технический характер: прекращение страховки книг с 30 сентября, передача мебели и офисных принадлежностей, составление списка счетов по дебиторской задолженности, с указанием на возможность истребования долгов, подготовка бюджета операционных траг на предстоящий год, закрытие старых счетов и открытие новых счетов издательства, возможность снижения отпускных цен на книги, выплата выходных пособий, выпуск пресс-релиза³³.

Уже после встречи Андерсон получил письмо из Парижа от Б.М. Крутикова, датированное 9 сентября. Крутиков открыто критиковал предложения Андерсона: он предлагал сократить число книг, предположенных к уничтожению, уменьшить бесплатное распространение, не снижать в будущем отпускных цен. Разнилась оценка потребностей «Товарищества объединенных издателей», произведенная Андерсоном и Крутиковым: Андерсон полагал после ликвидации издательства отдать «Товариществу» на реализацию 45 825 книг, тогда как Крутиков просил 82 150. Для Андерсона Крутиков был авторитетом в книготорговле, и, вероятно, именно его письмо сказалось на изменении числа уничтожаемых книг. Напомню, в письме Дитцу от 29 мая Андерсон предлагал к моменту передачи издательства ХСМЛ уничтожить 153 900 книг. В списке уничтоженных 27 (?) сентября книг, находившихся на складе Шепард, 78 488 экземпляров (т. е. 51 % от первоначального предложения Андерсона)³⁴.

³³ *Plante L.D.* Informal Notes of Meeting Held Friday, September 7, 1956 at 9:15 a.m. at the Chekhov Publishing House, 24 East 22 Street, New York City // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60».

³⁴ Б.М. Крутиков — П.Ф. Андерсону, 9 сентября 1956 г. // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; Liberty Paper Stock Co., Inc. — Chekhov Publishing House, September 27, 1956; P.E. Mosely — E.J. Perry, October 2, 1956; Books Sold for Destruction from Stock at Shepard Warehouse // Ibid. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956».

Сравнение списка уничтоженных книг с привезенными на склад Шепард в июне 1956 г. (приложение № 2) показывает, что первоначальный отбор книг был проведен весьма качественно. Во многих случаях количество книг, доставленное на склад в июне, с точностью до одного экземпляра совпадало с отправленным в макулатуру. Иногда количество ликвидированных изданий было сокращено по сравнению с первоначальным завозом. Что здесь сыграло роль — предположение о будущей большей востребованности, необходимость соблюдать договоренности о бесплатных комплектах, рекомендации Крутикова — доподлинно неизвестно. Лишь в случае с книгой Р.В. Иванова-Разумника причина понятна: издательство не смогло вовремя связаться с его племянником Г.П. Янковским, который в 1952 г. предоставил рукопись мемуаров для публикации и с которым заключался авторский договор. На случай если Янковский захочет выкупить весь оставшийся тираж, все имевшиеся на складе Шепард книги Иванова-Разумника были изъяты. В ряде случаев количество экземпляров, отправленных в макулатуру, превышало первоначально отобранное. Похоже, здесь прошли некие уточнения. Несколько изданий, причем в небольшом количестве, появились на складе именно к ликвидации (например, М. Цветаева «Проза», 3 экземпляра; К. Петрус «Узники коммунизма», 9 экземпляров и т. д.). Возможно, в макулатуру отправлялись бракованные книги.

Данные, на основании чего проводилась выборка книг на уничтожение, отсутствуют. Однако можно выделить кое-какие тенденции, исходя из самих списков. Прежде всего в макулатуру отправлялись книги 1952–1954 гг. выпуска. Ни одно из изданий, вышедших в 1955–1956 гг., ликвидации не подлежало. На уничтожение направлялись сравнительно большие остатки тиражей переводных книг (кроме У. Черчилля). Среди таковых изданий книга В. Катэр «Моя Антония» была вне конкуренции: в макулатуру отправлялось 4 740 экземпляров (72,92 % от общего тиража, что составляло 87,18 % от остатков на складах). Как и было решено на встрече 7 сентября 1956 г., подавляющее число книг Г. Газданова и В. Яновского уничтожалось. Правда, не ясно, где и как были ликвидированы остатки названных изданий. В макулатуру отправлялись художественные произведения русскоязычных авторов, тираж которых был внушительен, а продажи не очень большие. Однако книги классиков и наиболее популярных эмигрантских писателей в список на уничтожение почти не попали, или оказались в небольшом числе. В среднем на треть сокращались запасы мемуаров. Если сравнить те названия, что будут отправлены в макулатуру в начале 1958 г., когда будут окончательно ликвидироваться книжные склады, со списком подлежащих уничтожению книг в 1956 г., то можно заметить, что в 1956 г. сохранялись с целью распространения большие книжные остатки изданий по религиозной тематике, посвященные России и СССР, поэзия.

После встречи 7 сентября Атряскин подготовил операционный бюджет издательства на период с 1 октября 1956 г. по 30 сентября 1957 г. В штате предлагалось оставить трех человек: менеджер Атряскин, секретарь И. Сядура, сотрудник по доставке Г. Блюмель. Траты на год работы определялись в 27 355,80 долларов.

Бюджет был одобрен ХСМЛ, и запрос на грант в размере 27 500 (вместо первоначальных 25 000) долларов был отправлен в ВЕФ. 4 октября чек на 27 500 долларов поступил в распоряжение ХСМЛ, при том что совет попечителей ВЕФ ранее одобрил грант лишь в 25 000 долларов. В 1957 г. Мозли пришлось постфактум добиваться одобрения нового размера гранта попечителями³⁵.

После окончания запланированного уничтожения книг сотрудник Национального совета ХСМЛ П. Вервис (Verwys) 28–30 сентября проверил наличие изданий «Издательства имени Чехова». По его подсчетам выходило, что на складе (адрес 24 East 22 street) сосредоточено 201 540 книг (в их числе не было ни одного экземпляра Газданова или Яновского). Отдельно были учтены 1 045 поврежденных книг, 10 — с ошибками при печатании, 4 702 экземпляра, доставленных на склад 30 сентября. Общее количество передаваемых книг, по подсчетам Вервиса, составляло 207 297³⁶. Данные по отдельным названиям приведены в приложении № 3. В нескольких случаях количество зафиксированных Вервисом книг превышает остатки по складам «Издательства имени Чехова» на 30 июня 1956 г. К сожалению, состояние документов таково, что однозначно ответить на вопрос, ошибка ли это или нашлись некие не учтенные в июне книги, которые потом попали в ХСМЛ, нельзя. Тем более что один случай производства излишних тиражей нами установлен. В апреле 1956 г. типография «Раузен Броз.» сообщила о нахождении на своем складе излишних 1 268 экземпляров разных тиражей книг издательства на сумму 1 953,43 доллара. В момент получения известия этот вопрос был оставлен без ответа. Зато он всплыл в сентябре, накануне передачи активов издательства ХСМЛ. В письме от 24 сентября Атряскин написал о постоянном нарушении типографией договоренностей с издательством, превышавшей тиражи не только на оговоренные 5 %, но и значительно больше. Атряскин предлагал выкупить излишки по 20 центов за книгу (на сумму 253,6 доллара), попутно замечая, что типография по договору не имеет права торговать излишками³⁷. Согласилась ли

³⁵ P.B. Anderson — W.E. Dietz, September 11, 1956; <Neumann D.>. Operating Budget from October 1, 1956 to September 30, 1957; P.B. Anderson — P.E. Mosely, September 13, 1956; P.E. Mosely — J.A. Urice, October 4, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; P.B. Anderson — P.E. Mosely, October 9, 1956 // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956»; Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. May 7, 1957 / East European Fund, Inc. Minutes // Ibid. Box 20; Minutes of the Administrative Committee of the National Board of Young Men's Christian Association. September 19, 1956 // UML. KFYA. YMCA of the USA. General Administrative (National Board. Administrative Committee Minutes, 1953–1957). Box 64, folder «Jul — Dec 1956».

³⁶ P. Verwys — Chekhov Publishing House, September 29, 1956; *Verwys P.* [Difference], September 28, 1956; Inventory at September 30, 1956; Additional Schedule «A» to Inventory (Damaged Books and Books in two Cases, some of which are also Damaged) at September 30, 1956; Additional Schedule «B» to Inventory (Books Returned because of Errors in Printing) at September 30, 1956; Additional Schedule «C» to Inventory at September 30, 1956 (Books Delivered Friday Morning September 28, 1956) // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «EEF: Chekhov Transfer of Assets to YMCA, 1956–59».

³⁷ Rausen Bros. — Chekhov Publishing House, April 19, 1956; Д. Атряскин-Нейман — Rausen Bros., 24 сентября 1956 г. // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60».

типография на условия Атряскина или отправила излишки в макулатуру — установить не удалось.

Надо сказать, что сведения Вервиса (207 297 книг) отличались от официальных данных ХСМЛ. Так, в промежуточном (Дж. Нистром (Nystrom)) и окончательном (П. Андерсон) отчетах об управлении переданным издательством речь шла о 207 781 полученной книге³⁸. Разница — 484 экземпляра. Если взять расчеты самого «Издательства имени Чехова», то разница тоже налицо. К 30 сентября 1956 г. распространение книг издательства достигло 174 810 экземпляров³⁹, соответственно, на складах оставалось 285 962 книги. Если от указанного общего количества вычесть уничтоженные в сентябре книги (78 488), то остаток бы составил 207 474. Разница — 177 экземпляров. В чем причина расхождений, ответить, ввиду ряда лакун в документах, не представляется возможным.

Что же помимо книжных складов передавал ВЕФ Национальному совету ХСМЛ? Полный список включал в себя склад книг (по оценке ВЕФ — на 408 665,82 доллара), грант на операционные траты по управлению издательством в течение года в размере 27 500 долларов (из которых 301,43 было предоплатой за доставку), дебиторская задолженность (4 444,89, к которой в апреле 1957 г. добавился счет на 305,29 доллара), два депозита (242), авансовый платеж за машинку по надпечатыванию марок на конвертах (115,83), оплаченная авансом реклама (1 998,40), офисная мебель и принадлежности примерно на две тысячи долларов⁴⁰. Правда, официальные лица ХСМЛ считали, что подешевевший книжный склад стоит оценивать в 200 000 долларов⁴¹.

30 сентября 1956 г., в воскресенье, был выпущен пресс-релиз, сообщавший о передаче с 1 октября текущего года «Издательства имени Чехова» под управление Национального совета ХСМЛ, который не только брал на себя распространение изданных книг, но и напоминал о продолжении своей программы издания русскоязычных книг в Париже. Пресс-релиз также информировал о перемене адреса издательства (24 East 22 street)⁴². Итак, «Издательство имени Чехова» теперь имело новую управляющую организацию, а основной его задачей декларировалось лишь распространение книг.

---

³⁸ P.B. Anderson — P.E. Mosely, July 24, 1958 // Ibid; *Nystrom J. Interim Report on Chekhov Publishing House, October 1956 — April 1957. May 22, 1957* // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956».

³⁹ September 1956 // UML. KFYA. YMCA of the USA. Anderson, Paul B. Box 2, folder «Anderson, Paul. № 2. CPH. Liquidation».

⁴⁰ P.E. Mosely — W.E. Dietz, May 2, 1957; W.E. Dietz — Price Waterhouse & Company, May 7, 1957; Annex B. Schedule of Office Furniture and Fixtures. September 30, 1956 // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «EEF: Chekhov Transfer of Assets to YMCA, 1956–59».

⁴¹ Minutes of the Executive Committee of the International Committee. October 19, 1956 // UML. KFYA. YMCA International Work. Administrative Records. Box 1, folder «Executive Committee of the International Committee. Sep — Dec 1956».

⁴² The East European Fund, Inc. Press Release. For release 12:01 a.m. Sunday, September 30, 1956 // UML. KFYA. YMCA Russian Publishing Work Files. Box 1, folder «Mailing lists».

Переход «Издательства имени Чехова» под контроль ХСМЛ дает повод обозначить результаты деятельности первого за 1951–1956 гг. Издательство стало самой дорогостоящей программой ВЕФ, получившего за 1951–1956 гг. от Фонда Форда 3 791 500 долларов, из которых на издательство была потрачена практически треть средств (1 238 000 долларов). За 1951–1955 гг. в издательство поступило 724 рукописи. Было издано 157 книг в 172 томах, общим тиражом 460 772 экземпляра стоимостью 547 548,11 доллара. (Детальные сведения по датам выхода книг и тиражам приведены в приложении № 1.) За март 1952 — июнь 1956 г. удалось распространить 161 601 книгу (35,07 % от общего количества). Из этого числа бесплатно была распространена треть. К 30 июня 1956 г. оставалась нераспроданной 299 171 книга (в т. ч. 5 758 находившихся на реализации у книготорговцев)⁴³.

Что же представляло из себя переименованное «Издательство имени Чехова Национального совета Христианского союза молодых людей» под контролем ХСМЛ? На предстоящий год деятельности (1 октября 1956 г. — 30 сентября 1957 г.) в штате оставались лишь три человека: менеджер Д. Атряскин, секретарь И. Сядура, сотрудник по доставке Г. Блюмель. Общее руководство издательством осуществлял П. Андерсон. Основной целью издательства было провозглашено активное распространение ранее отпечатанных книг. Отпускные цены на книги остались без изменений. Исполнительный комитет Международного комитета ХСМЛ на заседании 19 октября 1956 г. поставил целью распространить имевшиеся книги за один год, дабы не рисковать финансами ХСМЛ. Несмотря на поставленные цели и активные действия Атряскина по распространению (в т. ч. и бесплатно) книг издательства, остатки тиражей оставались существенными. Для Андерсона и его коллег по ХСМЛ через полгода стало ясно, что за один год деятельности издательства все остатки распространить не удастся. В промежуточном отчете по издательству от 22 мая 1957 г. указано общее число распространенных книг — 17 792. К 30 сентября 1957 г., запланированной дате окончания деятельности издательства, число распространенных книг увеличилось до 35 723, причем количество проданных экземпляров составляло чуть более 20 %. На заседаниях специального комитета по «русской работе» (2 мая 1957 г.) и совета попечителей ВЕФ (7 мая и 3 июня 1957 г.) Андерсон, рассказав об успешной работе издательства, сообщил, что после 30 сентября текущего года порядок работ изменится: само издательство будет закрыто, а сбором заявок, распространением книг и взысканием долгов займется парижское «Товарищество объединенных издателей», тогда как книжные склады останутся в Нью-Йорке. Вырученные от продажи деньги ХСМЛ намеревалось вложить в публикацию YMCA-Press книг на русском языке. По мне-

⁴³ East European Fund, Inc. Central Office. Summary of Authorizations and Expenses from Inception to September 30, 1956 // FFA. East European Fund papers. Box 11, folder «Minutes of the meetings of Board of Trustees — East European Fund, Inc.»; Chekhov Publishing House. Schedule of Inventory of Finished Books. June 30, 1956. Schedule IV / East European Fund, Inc. Financial Statements for the Three Months Ended June 30, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 13, folder «East European Fund. Financial Statements, 1952, 1955–56»; L.D. Plante — P.B. Anderson, May 1, 1956 // Ibid. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; L.D. Plante — P.E. Mosely, August 1, 1956 // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956».

нию Мозли, высказанному в письме от 29 мая 1957 г. представителю Фонда Форда С. Гордону, передача издательства под эгиду ХСМЛ, равно как и действия последнего по распространению книг являли собой наиболее практичное и наименее затратное решение вопроса⁴⁴.

Конец первого года существования «Издательства имени Чехова» под эгидой Национального совета ХСМЛ ознаменовался скандалом, взволновавшим общественное мнение русскоязычной диаспоры. Инициатором выступил писатель В.С. Яновский, чей роман «Портативное бессмертие» вышел 31 марта 1953 г. с заявленным тиражом 2 500 экземпляров (фактически была отпечатана 2 591 книга). К 30 июня 1956 г. на складах издательства и на комиссии у книгопродавцев оставалось 1 698 и 172 книги соответственно. Как указывалось выше, характер книги Яновского стал причиной полного уничтожения остатков тиража перед передачей их ХСМЛ. 22 мая 1957 г. Яновский, обеспокоенный тем, что его книгу невозможно нигде купить, позвонил Мозли и потребовал объяснений. В тот же день он отправил Мозли письмо, требуя прояснить судьбу книги. С запозданием Мозли фактически уклонился от ответа, сославшись на занятость и отсутствие персонала для выполнения запроса писателя. В результате Яновский отправил в «Новое русское слово» статью, в которой открыто писал об изъятии из продажи и уничтожении своей книги. Хотя никому конкретных обвинений Яновский не предъявлял, но из статьи можно было заключить, что основные претензии адресовались им ХСМЛ, получившему книжный склад от «Издательства имени Чехова». В дневнике (запись за 31 октября 1957 г.) Яновский отметил возмущение эмигрантов фактом сожжения книги, но отсутствием каких-либо активных действий. Статья Яновского обеспокоила Андерсона, обратившегося к Мозли за советом, предпринимать ли какие-то шаги по дезавуированию заявления писателя. Мозли собирался подготовить ответ писателю или газете⁴⁵, но, судя по всему, Мозли и Андерсон проигнорировали статью Яновского.

---

⁴⁴ Minutes of the Meeting of the Ad Hoc Committee on Russian Work. May 2, 1957 // UML. KFYA. YMCA Russian Publishing Work Files. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, 1956»; Minutes of the Executive Committee of the International Committee. October 19, 1956 // UML. KFYA. YMCA International Work. Administrative Records. Box 1, folder «Executive Committee of the International Committee. Sep — Dec 1956»; // Ibid. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House. Liquidation»; *Anderson P.* Report on Chekhov Publishing House. October 1 to December 31, 1956. January 3, 1957 // Ibid. YMCA of the USA. Anderson, Paul B. Box 2, folder «Anderson, Paul. № 2. CPH. Liquidation»; Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. May 7, 1957 / East European Fund, Inc. Minutes; Annual Meeting of the Board of Trustees of the East European Fund, Inc. June 3, 1957 / East European Fund, Inc. Minutes // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 20; *Nyström J.* Interim Report on Chekhov Publishing House, October 1956 — April 1957. May 22, 1957 // Ibid. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956»; P.B. Anderson — M. Jordan, May 3, 1957 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; P.E. Mosely — S. Gordon, May 29, 1957 // RCA. FFR. Grant File. PA 54-11. Reel R-1195.

⁴⁵ B. Yanovsky — P.E. Mosely, May 22, 1957; P.E. Mosely — B. Yanovsky, June 11, 1957 // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954-1956»; P.B. Anderson — P.E. Mosely, October 21, 1957 // Ibid. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; P.B. Anderson — P.E. Mosely, December 18, 1957 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, 1957»; [Яновский 1957, с. 4; 1997, с. 175].

Обвинения Яновского взволновали других русскоязычных писателей. Письмом от 11 ноября 1957 г. В.В. Набоков запросил издательство о судьбе не только своих трех книг, но и об общей ситуации. Ответ Набокову был подготовлен Андерсоном и разослан для согласования основным фигурантам — президенту фонда Мозли и контролеру Дитцу. Андерсон предлагал назвать слухи об уничтожении книг нелепыми и заявить, что продажи продолжаются и не прекратятся даже в случае закрытия офиса. Конечно, в будущем может возникнуть ситуация, когда количество книг превысит возможности по их распространению, что вызовет какие-то шаги по регулированию их числа. Пока же Андерсон напоминал Набокову, что всем авторам в 1956 г. предлагалось выкупить полностью остатки тиража. Предложение, которое Андерсон готов был возобновить для Набокова еще раз. Текст письма не вызвал особых возражений, и 27 ноября писателю был отправлен ответ⁴⁶.

Пока готовился ответ Набокову, «Новое русское слово» 24 ноября опубликовало коллективное письмо 14 человек (Ю. Денике, М. Коряков, Н. Нижальский, В. Варшавский, В. Россинский, В. Юрасов, Н. Берберова, Б. Константиновский, В. Завалишин, протоиерей А. Шмеман, Т. Терентьева, Р. Гринберг, Г. Кузнецова, М. Степун), в котором выдвигалось требование «к лицам и учреждениям, ответственным за судьбу книг Чеховского издательства» прояснить ситуацию со слухами об уничтожении книг. Заметим, что авторы письма утверждали, что обладают сведениями об уничтожении не только книги Яновского, но и еще двух изданий. Если книги действительно были истреблены, то подписанты требовали ответа, «кто и по каким мотивам распорядился эти книги уничтожить»⁴⁷. Похоже, что и этот призыв был проигнорирован.

Сама русскоязычная диаспора в США не была единодушна: так, Е. Лебедев в статье в газете «Новая заря», говоря о книге Яновского, сожалел, что его собственный экземпляр не был уничтожен⁴⁸.

Вышеупомянутый скандал, без сомнения, оставил у Андерсона неприятный осадок, однако его более занимал вопрос о дальнейшей судьбе издательства. Тем более что планы Андерсона и ХСМЛ начали претерпевать серьезные изменения, когда дошло дело до их практической реализации. Фирмы по доставке товаров, располагавшие складами, запросили весьма высокую цену за хранение книг. Высылка книг в Париж требовала содержание как минимум одного сотрудника в

---

⁴⁶ P.B. Anderson — P.E. Mosely, W.E. Dietz, November 18, 1957; P.B. Anderson — V. Nabokov, November 27, 1957 // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «EEF: Chekhov Transfer of Assets to YMCA, 1956–59».

⁴⁷ Верно ли это? // Новое русское слово. 1957. 24 ноября. № 16220. С. 8. В.С. Варшавский выполнил перевод коллективного письма на английский язык и послал его Андерсону (см.: P.B. Anderson — P.E. Mosely, December 18, 1957 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, 1957»).

⁴⁸ [Лебедев 1957]. Вырезка статьи Е. Лебедева сохранилась в бумагах Мозли (см.: UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «EEF: Chekhov Transfer of Assets to YMCA, 1956–59»). Атряскин выслал указанную статью Андерсону (см.: P.B. Anderson — P.E. Mosely, December 18, 1957 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, 1957»).

Нью-Йорке для формирования заказов. В качестве выхода из создавшегося положения Андерсон рассматривал три варианта: а) переправить остатки во Францию в распоряжение «Товарищества», б) отдать тиражи на год на реализацию русскоязычному книгопродавцу в США, в) поручить распространение книг специальному агентству по доставке. Переправка книг во Францию была дорога и, что немаловажно, сложна из-за французских законов об импорте. Американский книгопродавец нашелся быстро — В.П. Камкин, который был готов на определенных условиях взяться за распространение книг. Такой вариант был бы дешев, однако для «Товарищества» это означало потерю большей части прибыли. На работу агентства были нужны средства, которые ХСМЛ не хотел тратить из собственного бюджета. Андерсон в письме от 5 сентября в очередной раз запросил совета у Крутикова. В ответном письме от 12 сентября Крутиков предлагал переправить в Париж книги, которые «Товарищество» желало бы получить для распространения (новый вариант списка на 57 тысяч книг был прислан еще в августе). Высокие ввозные пошлины могли быть компенсированы продажей книг, на которые в Европе был большой спрос. Для минимальных сборов Крутиков предлагал подать заявку французским властям на ввоз книг в качестве дара. Параллельно Крутиков дал нелицеприятную характеристику Камкину. Книги, оставшиеся после отправки требуемого числа в Париж, подлежали, по мнению Крутикова, уничтожению. Заметим, что мысль об уничтожении излишних книг сотрудники ХСМЛ обсуждали еще в августе 1957 г. На наш взгляд, письмо Крутикова не только содержало ценные советы, исполнение которых помогло Андерсону разрешить ситуацию с издательством, но и, самое главное, укрепляло последнего в мыслях относительно судьбы книжных остатков. В то же время характеристика Камкина, данная Крутиковым, не помешала Андерсону 26 ноября написать первому и, рассказав о плане отправки книг в Париж, оговориться, что в случае неудачи французского варианта он готов обсудить передачу книжных остатков Камкину.

До выяснения всех деталей относительно ввоза книг во Францию Национальный совет ХСМЛ решил продлить деятельность «Издательства имени Чехова» в тех же помещениях (их хозяин пошел навстречу и сделал аренду с ежемесячной оплатой) и с тем же набором сотрудников до 31 октября. Позже срок был продлен до 31 декабря 1957 г., потом — до 31 января 1958 г. Все это время шло активное распространение книг и за октябрь 1957 — январь 1958 г. склады уменьшились на 27 879 экземпляров, из которых без малого 90 % разошлось бесплатно. В конце года Атряскин и его помощники начали отбор книг для отправки в Париж⁴⁹.

---

⁴⁹ P.E.M., September 19, 1957 // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956»; P.S. Verwys — W.E. Dietz, July 16, 1957; P.B. Anderson — B.M. Krutikoff, September 5, 1957; P.B. Anderson — D. Neumann, September 19, 1957; P.B. Anderson — A. Millen, September 25, 1957; Excerpt from notes to W.E. Dietz, Vienna, 10/21/57; P.B. Anderson — V. Kamkin, November 26, 1957; P.B. Anderson — P.E. Mosely, December 18, 1957 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, 1957»; P.S. Verwys — W.E. Dietz, August 23, 1957; P.B. Anderson — W.E. Dietz, September 16, 1957; P.B. Anderson — A. Millien, Novem-

По требованию Андерсона Атряскин в конце декабря 1957 — начале января 1958 г. подготовил список книжных остатков на уничтожение. Ликвидация должна была пройти до 31 января 1958 г. Список, включавший в себя 91 853 экземпляра (приложение № 4), был рассмотрен и утвержден Андерсоном, который вычеркнул из него оба труда С.Г. Пушкирева и книгу А.Л. Толстой. Указанные 3 636 экземпляров были спасены, судя по всему, по просьбе Крутикова. Соответственно, в макулатуру должны были быть обращены 88 217 книг. Однако согласно окончательному отчету Андерсона о деятельности издательства, 31 (?) января 1958 г. было уничтожено 80 826 книг⁵⁰. Изученные документы, к сожалению, не позволяют ответить однозначно на вопрос о возникновении разницы в 7 391 том между первоначальным предложением и состоявшимся актом. То, что Крутиков не отобрал для продажи «Товариществом», пошло в макулатуру. По предложению, которое по большей части должно совпадать с неизвестным нам окончательным списком на уничтожение, можно увидеть, что в макулатуру теперь отправлялись большие запасы книг, которые в сентябре 1956 г. специально оставались для широкого распространения: классики, ведущие писатели-эмигранты, поэзия, труды, изданные в 1955–1956 гг.

Вопрос об уничтожении книг был и для Андерсона, и для Мозли большим местом. Характерна обеспокоенность Андерсона, которому в феврале 1959 г. показали письмо известного издателя русских календарей из Нью-Йорка Н.Н. Мартьянова. Последний сообщал своему корреспонденту, что купил у нью-йоркского книгопродавца около 10 000 книг «Издательства имени Чехова», спасенные от уничтожения. Мартьянов утверждал, что около 100 000 книг издательства были уничтожены по приказу директора YMCA-Press в Нью-Йорке. Должность, отметим, несуществовавшая, но явно имелся в виду Андерсон. Более того, Мартьянов считал, что, стоит газетам узнать о реальных масштабах уничтожения книг, разразится настоящий скандал. Судя по переписке Мозли и Андерсона, оба были также обеспокоены сведениями о возможном незаконном владении изданиями «Издательства имени Чехова». Это могло привлечь нежелательное внимание к факту уничтожения книг. Правда, если бы получилось доказать незаконность владения книгами Мартьяновым, последнего можно было заставить отказаться от продаж книг и, вероятно, потребовать сохранять всё в

---

ber 15, 1957; P.B. Anderson — B.M. Krutikoff, November 15, 1957; P.B. Anderson — W.E. Dietz, November 18, 1957; P.S. Verwys — W.E. Dietz, December 27, 1957; P.B. Anderson — D. Neumann, December 31, 1957 // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House, 1956»; P.B. Anderson — D. Atriaskin-Neumann, October 22, 1957 // UML. KFYA. YMCA of the USA. Anderson, Paul B. Box 2, folder «Chekhov Publishing House. Liquidation & Misc. № 1»; <Reports on Chekhov Publishing House> October 1957; November 1957; December 1957; January 1958 // Ibid. Folder «Anderson, Paul. № 2. CPH. Liquidation».

⁵⁰ P.S. Verwys — W.E. Dietz, December 27, 1957; P.B. Anderson — D. Neumann, December 31, 1957 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, 1956»; Dietz W.E. Memorandum to P.S. Verwys, January 9, 1958; Number of Copies for Reduction <1958> // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House, January — February 1958»; P.B. Anderson — P.E. Mosely, July 24, 1958 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60».

тайне⁵¹. К сожалению, не удалось обнаружить данных о том, чем закончилось «дело Мартьянова».

И в дальнейшем, уже отойдя от дел в ХСМЛ, Андерсон, имевший заслуженную славу любителя и защитника русской культуры, вопроса об уничтожении книг «Издательства имени Чехова» всячески избегал. В воспоминаниях он прямо вводил читателя в заблуждение, когда сообщал, что благодаря деятельности ХСМЛ книги издательства распространялись по миру, а не были отправлены в макулатуру [Anderson 1985, p. 85]. Более откровенен, хотя и не сказав всей правды, Андерсон был с историком Д.Э. Дэвисом (Davis), занимавшимся историей ХСМЛ и выступившим редактором его воспоминаний. В письме от 14 августа 1979 г. Андерсон, пространно описывая ошибки «Издательства имени Чехова» и Восточно-Европейского фонда в книжном деле, признавал, что при приеме книг ХСМЛ оказался в тяжелой ситуации. На складах находилась масса книг, которые невозможно было реализовать даже в отдаленном будущем. Были и две книги неприемлемого для ХСМЛ содержания. Но, утверждал Андерсон, фонд сам взял на себя ответственность за уничтожение излишков и упомянутых двух изданий⁵². Об отправке книг в макулатуру в начале 1958 г. с его личного одобрения Андерсон писать не стал.

Январь 1958 г. стал последним месяцем работы «Издательства имени Чехова» в том формате, который был установлен после передачи предприятия под эгиду Национального совета ХСМЛ. 31 января увольнялись Атряскин и Сядура, Блюмель был оставлен для упаковки книг, отправляемых в Париж, до 14 февраля. Прием заказов на книги прекращался с 1 февраля. Хотя ХСМЛ оставил за собой помещения на 24 East 22 street с помесечной арендной платой, но корреспонденцию на имя издательства специально выпущенный пресс-релиз просил направлять по адресу Национального совета (291 Broadway, New York), на имя секретаря Андерсона, А. Ренко (Renko). На последнюю были возложены обязанности по решению всех вопросов, связанных с издательством, во время отсутствия Андерсона в США. 31 июля 1958 г. офис «Издательства имени Чехова» на 24 East 22 street был закрыт, а последний работник, Блюмель, которому продлили службу после 14 февраля, уволен⁵³.

---

⁵¹ P.B. Anderson — P.E. Mosely, March 19, 1959; P.E. Mosely — P.B. Anderson, April 15, 1959 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, 1958–1970s»; PEM <Mosely P.E.>. Memorandum, April 10, 1959 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 23, folder «EEF & Chekhov. Correspondence, 1956–64».

⁵² P.B. Anderson — D.E. Davis, August 14, 1979 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «Davis Donald E., Prof. The East European Fund & The Chekhov Publishing House».

⁵³ Dietz W.E. Memorandum to P.S. Verwys, January 9, 1958; Minutes of the Meeting of the Ad Hoc Committee on Russian Work, January 13, 1958; P.B. Anderson — D. Neumann, January 16, 1958; P.B. Anderson — F.E. Paine, January 16, 1958; Chekhov Publishing House. Gentlemen! January 1958 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, January — February 1958»; J.E. Nystrom — H. Bluemel, March 4, 1958 // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House, March — April 1958»; P.B. Anderson — H. Bluemel, July 10, 1958; *Jacobus E.F.* Memorandum to W.E. Dietz, Controller. July 8, 1958 // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House, May — July 1958»; *Jacobus E.F.* Memorandum to Mr. W.E. Dietz, Controller, July 11, 1958 // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House, 1956»; P.E.M. <Mosely P.E.>. Memorandum, January 16, 1958 // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956».

Передача книжных остатков «Издательства имени Чехова» в Париж стала составной частью постепенного сворачивания участия ХСМЛ в «русской работе». Начавшиеся в 1955 г. переговоры закончились соглашением от 29 ноября 1957 г., предусматривавшим передачу YMCA-Press и долю союза в «Товариществе объединенных издателей» под контроль Русского студенческого христианского движения. Соглашение было подписано в Париже 31 января 1958 г. Национальный совет ХСМЛ передавал «Товариществу» остатки книг «Издательства имени Чехова» для продажи вместе с дебиторской задолженностью. Доходы от продаж должны были быть использованы на а) хранение книг в Париже, б) частичную оплату операционных расходов «Товарищества», в) дальнейшее производство YMCA-Press русскоязычных книг. По требованию Национального совета «Товарищество» должно было оплатить из своих средств налоги, взимаемые французской таможней (около 3 000 долларов). Заметим, что ХСМЛ надеялся на то, что ВЕФ выделит грант на перевозку в Париж, однако фонд ответил отказом⁵⁴.

Пока в Париже шли переговоры, 22 января 1958 г. была одобрена лицензия сроком на шесть месяцев на ввоз во Францию книг «Издательства имени Чехова». Лицензия предусматривала уплату производственного налога в 11 % от стоимости книг, а также таможенные сборы. Их надлежало оплатить «Товариществу». С целью сокращения расходов ХСМЛ оценил книги в 30 000 долларов и на всех инвойсах указал, что ввозимые старые книги на русском языке без коммерческой стоимости представляли собой дар Национального совета ХСМЛ YMCA-Press для дальнейшего распространения. Книги в Нью-Йорке были упакованы Блюмелем, и за шесть месяцев во Францию отправилось пять грузов в 297 коробках, содержащих 57 474 экземпляра (подробнее см. таблицу 1). 25 марта 1958 г. был выпущен пресс-релиз, в котором Национальный совет ХСМЛ сообщал о поручении «Товариществу» распространения книг издательства. Оплата счетов за книги, полученные до 1 апреля 1958 г., подлежала уплате собственно издательству по нью-йоркскому адресу Национального совета ХСМЛ. Все новые заказы, равно как и их оплату, следовало адресовать «Товариществу»⁵⁵. По-

⁵⁴ December 20, 1957. A regular meeting of the Executive Committee... / Minutes of the Executive Committee of the International Committee (formerly the International Board) 1957 through 1958 // UML. KFYA. YMCA of the USA. General Administrative (Minutes. International Committee YMCA, 1957–1965). Box 176; Ad Hoc Committee on Russian Work. Report on Progress, January 13, 1958; Minutes of the Meeting of the Ad Hoc Committee on Russian Work, January 13, 1958; Articles d'Accord entre le «National Board» des Unions Chrétiennes de Jeunes Gens et l'Action Chrétienne des Etudiants Russes à l'Etranger, 1958; Cooperation between YMCA and R.S.C.M. in Russian Publishing Enterprise, 1957 // Ibid. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, January — February 1958»; Anderson P.B. Notes on Russian Work. Visits to Paris. January 27 — February 1, 1958; February 26 — March 7, 1958; *idem*. Interim Report on Developments during Transition Period Liquidation of Separate Operations of Chekhov Publishing House. Other Russian Work. July 22, 1958 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 2, folder «Notes on YMCA Work. Anderson Visits (Egypt, Israel, Istanbul, Paris)»; P.E.M. <Mosely P.E.>. Memorandum, January 16, 1958 // Ibid. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956».

⁵⁵ P.B. Anderson — W.E. Dietz, January 31, 1958 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, January — February 1958»; Chekhov Publishing House of National Board of Young Men's Christian Association. Announcement, March 25, 1958 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60».

сле поступления книг в Париж «Товарищество» выпустило каталог, в котором объявляло себе генеральным представителем по распространению всех книг «Издательства имени Чехова»⁵⁶.

Таблица 1

Отправка книг в Париж (февраль–июль 1958 г.)*

Номер груза	Дата отправки	Количество коробок	Количество книг
груз 1	21 февраля	18	5 000
груз 2	11 апреля	22	6 292
груз 3	9 мая	100	18 990
груз 4	13 июня	100	17 410
груз 5	11 июля	57	9 782
Итого		297	57 474

* Таблица составлена по: [Note «First Shipment»] // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, January — February 1958»; [Note «Second Shipment»] // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House, March — April 1958»; [Note «Third Shipment»]; [Note «Fourth Shipment»]; [Note «Fifth Shipment»] // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House, May — July 1958».

Отметим, что в июле–августе 1958 г. Ренко было подготовлено два пресс-релиза. В первом (от 26 июля) сообщалось о том, что заказы книг «Издательства имени Чехова» и оплата по счетам издательства перешли к «Товариществу». Второй пресс-релиз от 18 августа, во изменение пресс-релиза от 25 марта, уточнял, что и сбор денег за книги, проданные до 1 апреля 1958 г., передан «Товариществу». Контролер Национального совета ХСМЛ У.Э. Дитц письмом от 30 июля 1958 г. официально подтверждал «Товариществу» передачу книг «Издательства имени Чехова» и право взыскивать долги по счетам последнего⁵⁷.

Отправка пятой партии книг в Париж и ликвидация 31 июля офиса по адресу 24 East 22 street подвела определенную черту в существовании издательства под эгидой Национального совета ХСМЛ. Андерсон в письме Мозли от 24 июля 1958 г.

⁵⁶ Каталог книг, 1958 / Товарищество объединенных издателей = Les Éditeurs Réunis. YMCA-Press. Paris, <1958>. С. 3.

⁵⁷ Ariadna Renko for Chekhov Publishing House of National Board of YMCAs. To All Clients of Chekhov Publishing House, August 18, 1958 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; National Board Y.M.C.A. by Mrs. Ariadna Renko. To All Clients of Chekhov with A/C Receivable [July 26, 1958]; W.E. Dietz — Les Éditeurs Réunis, July 30, 1958 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, May — July 1958».

представил отчет о деятельности издательства. Из 207 781 книги, полученной ХСМЛ от ВЕФ в сентябре 1956 г., 55 496 были распространены бесплатно, 13 674 — проданы (примерно каждая пятая), 57 474 — отправлены в Париж «Товариществу объединенных издателей», 80 826 — уничтожены в январе 1958 г., и 311 — оставались в Нью-Йорке в офисе Национального совета ХСМЛ. В более раннем отчете по распространению за 1 октября 1956 — 31 января 1958 г. указано, что две трети книг разошлись по США, остальные — в 31 страну (в т. ч. 37 экземпляров — в СССР). Заработок от продаж книг составил 18 752,85 доллара. Андерсон честно написал, что если бы по прошествии первого года существования издательства под эгидой ХСМЛ книжные остатки были бы отправлены в макулатуру, то экономия составила бы около 15 тысяч долларов, которые позволили бы опубликовать 5–6 книг. Однако, взвесив все плюсы и минусы, ХСМЛ предпочел дать возможность распространить уже изданные книги. В деле сбора долгов издательства ХСМЛ был успешен. Передача книг и дебиторской задолженности в Париж, по мнению Андерсона, была наилучшим решением проблемы. В подобном же духе высказался Мозли в письме контролеру Дитцу от 5 августа 1958 г.⁵⁸

Надо сказать, что отчет Андерсона не вполне отражал реальное положение вещей. Выше указывалось, что из предварительного списка на уничтожение (январь 1958 г.) он вычеркнул два труда С.Г. Пушкирева и книгу А.Л. Толстой. Их общее количество составляло 3 636 экземпляров. Из июльских писем Андерсона известно, что оставленные экземпляры числом 3 570 томов (на 1 863 доллара) сохранялись в офисе ХСМЛ по просьбе Крутикова, который пытался оформить лицензию на их ввоз во Францию. Вероятно, в офисе находились и еще какие-то книжные остатки. Окончательный список из 45 названий включал в себя 4 076 книг, причем труды Толстой и Пушкирева составляли в нем 3 203 экземпляра. Письмом от 16 декабря 1958 г. И.В. Морозов попросил Андерсона переправить остатки в Париж за счет «Товарищества»⁵⁹. К сожалению, лакуны в документах не позволили установить точную дату отправки последней крупной партии книг «Товариществу объединенных издателей».

Выслав книги в Париж и отдав дебиторскую задолженность на откуп «Товариществу», ХСМЛ не спешил закрывать текущий банковский счет издательства. В докладе от 22 июля 1958 г. Андерсон рекомендовал держать счет в резерве до 1 января 1959 г., на всякий случай от могущих неожиданно обнаружиться обязательствах издательства. После указанной даты остаток счета следовало передать

⁵⁸ P.B. Anderson — P.E. Mosely, July 24, 1958 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; [Report on Chekhov Publishing House] January 1958 // UML. KFYA. YMCA of the USA. Anderson, Paul B. Box 2, folder «Anderson, Paul. № 2. СРН. Liquidation»; P.E. Mosely — W.E. Dietz, August 5, 1958 // Ibid. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, 1958–1970s».

⁵⁹ P.B. Anderson — W.E. Dietz, July 18, 1958; Verwys P.S. Pro-Forma Invoice. October 20, 1958 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, 1956»; P.B. Anderson — W.E. Dietz, July 26, 1958 // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House, May — July 1958»; И.В. Морозов — П.Ф. Андерсону, 16 декабря 1958 г.; P.B. Anderson — W.E. Dietz, December 19, 1958; P.B. Anderson — I.V. Morosov, December 19, 1958; List of Remaining Chekhov Books [1958] // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House, August — December 1958».

YMCA-Press для публикации русскоязычных книг. По неизвестной причине счет «Издательства имени Чехова» не был закрыт к 1 января 1959 г. Произошло это спустя год, к 1 января 1960 г. На счету находилось 2 670,46 доллара⁶⁰, которые, смею предположить, были переданы YMCA-Press. И хотя найти документ, который бы однозначно указывал дату ликвидации «Издательства имени Чехова», не удалось, мне кажется, закрытие счетов в декабре 1959 г. должно считаться окончательным прекращением деятельности предприятия.

Процесс ликвидации «Издательства имени Чехова» не ограничивался исключительно решением судьбы книжных складов и денежных средств. Немаловажным стал вопрос о товарном знаке и передаче прав на переиздание и воспроизведение книг на русском языке. Министерство торговли США 28 апреля 1959 г. уведомило об отмене, начиная с 16 июня 1959 г., зарегистрированного торгового знака «Издательства имени Чехова» (статуя Свободы в раскрытой книге). Мозли предложил перерегистрировать товарный знак на ХСМЛ. ВЕФ передал последнему товарный знак (договор от 8 июня 1959 г.), после чего ХСМЛ смог перерегистрировать товарный знак на себя, на 20 лет, начиная с 16 июня 1953 г.⁶¹ Судя по данным Бюро по регистрации патентов и торговых марок США, указанный товарный знак (№ 575993) на сегодняшний день не принадлежит никому. Отметим, что слегка видоизмененный схожий товарный знак (без официальной регистрации) ныне использует издательство «Либерти» (Нью-Йорк, США, владелец И. Левков)⁶².

Вопрос о передаче Национальному совету ХСМЛ всех копирайтов и контрактов с авторами, а также прав на воспроизведение книг методом фотоконии был поднят в меморандуме Мозли от 11 апреля 1959 г. Своевременность меморандума подтвердил запрос в ХСМЛ от Б.Дж. Герни (Guerny) от 26 мая о возможности включить отрывок из книги Е.И. Замятина «Мы» в антологию советской литературы на английском языке. Герни уверенно (!) писал, что права на переиздания книг уже переданы вместе с книжными складами ХСМЛ. Однако процесс вышел небыстрый. Мозли письмом от 15 июня, напоминая о скором закрытии фонда, официально предложил попечителям ВЕФ передать ХСМЛ все копирайты и контракты с авторами, а также права на воспроизведение книг методом фотоконии. Исполнительный комитет Международного комитета ХСМЛ на заседании

---

⁶⁰ *Anderson P.B.* Interim Report on Developments during Transition Period Liquidation of Separate Operations of Chekhov Publishing House. Other Russian Work. July 22, 1958 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 2, folder «Notes on YMCA Work. Anderson Visits (Egypt, Israel, Istanbul, Paris)»; J.E. Nystrom — P.B. Anderson, November 24, 1958; P.B. Anderson — J.E. Nystrom, December 8, 1958 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, August — December 1958»; Report of the Treasurer. International Committee of the National Board of Young Men's Christian Association. December 31, 1959 / Documents of Record Supporting Minutes of the Executive Committee of the International Committee (formerly the International Board) 1957 through 1960 // Ibid. YMCA of the USA. General Administrative (Minutes. International Committee YMCA, 1957–1965). Box 179.

⁶¹ U.S. Department of Commerce — Chekhov Publishing House, April 28, 1959; P.E. Mosely — P.B. Anderson, May 27, 1959; Instrument of Assignment, June 8, 1959 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House. Transfer of Trademark Registration»; United States Patent Office. Principal Register Trade-Mark. Registration No. 575993 // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House — Rights & Permissions».

⁶² См.: <http://www.libertypublishinghouse.com/>

11 сентября прием вышеперечисленных прав поддержал. К такому же решению, после обстоятельных консультаций с юристами, пришел Административный комитет Национального совета ХСМЛ на заседании 23 сентября. Договор передачи прав был подготовлен 29 сентября, подписан Мозли от имени ВЕФ и отправлен в ХСМЛ. По неизвестной причине подписание договора со стороны последнего сильно затянулось. Запрос Мозли от 29 января 1960 г. относительно судьбы договора сподвиг деятелей ХСМЛ вспомнить о незаконченном предприятии. Документ был подписан, и 4 февраля в офис Национального совета ХСМЛ поступила подборка контрактов со всеми авторами книг (или их наследниками), выпущенных «Издательством имени Чехова». Потраченные ХСМЛ на оформление всех формальностей по оформлению передачи авторских контрактов и перерегистрации товарного знака 300 долларов возместил ВЕФ⁶³.

Подведем итоги. По масштабам и интенсивности деятельности «Издательство имени Чехова» может быть отнесено к крупнейшим русскоязычным издательствам за пределами СССР. Для сравнения, YMCA-Press за более чем тридцать лет (к 1955 г.) смогло опубликовать 400 заглавий общим тиражом 126 342 экземпляра [Miller 2013, p. 191]. По уровню финансирования назвать конкурентов «Издательству имени Чехова» не представляется возможным. Издательство было создано на средства Фонда Форда, но тот никогда не рассматривал его как нечто долговременное. По окончании гранта найти иные источники финансирования для издательства не удалось, и остро встал вопрос о ликвидации, которая подразумевала продолжение распространения опубликованных книг. Долгая и плодотворная работа среди русскоязычных эмигрантов, поддержка русской культуры — все это делало выбор Христианского союза молодых людей в качестве организации-реципиента попечителями Восточно-Европейского фонда логичным и обоснованным. Усилия и личная заинтересованность П. Андерсона сыграли не последнюю роль в том, что ХСМЛ согласился принять дар фонда. Однако книгораспространение не являлось обычным занятием для ХСМЛ, поэтому после одного года деятельности книжные запасы было решено передать связанному с союзом «Товариществу объединенных издателей», представитель которого Б.М. Крутиков сыграл огромную роль в ликвидационном процессе на всех его этапах. Передача совпала

---

⁶³ PEM <Mosely P.E.>. Memorandum, April 10, 1959; P.E. Mosely — Trustees of East European Fund, June 15, 1959; Assignment, September 29, 1959 // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «EEF & Chekhov. Correspondence, 1956–64»; P.E. Mosely — H.P. Lansdale, Jr., September 29, 1959, January 29, 1960; S.W. Gregory — H.P. Lansdale, Jr., February 4, 1960 // Ibid. P.B. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60»; B.G. Guerney — P.B. Anderson, May 26, 1959; P.B. Anderson — B.G. Guerney, June 29, 1959; P.B. Anderson — P.E. Mosely, March 15, 1960 // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House. Transfer of Trademark Registration»; P.E. Mosely — Trustees of East European Fund, April 6, 1960; P.E. Mosely — H.P. Lansdale, Jr., May 10, 1960 // Ibid. Folder «Chekhov Publishing House, 1958–1970»; September 11, 1959. A regular meeting of the Executive Committee... / Minutes of the Executive Committee of the International Committee (formerly the International Board) 1959 through 1960 // Ibid. YMCA of the USA. General Administrative (Minutes. International Committee YMCA, 1957–1965). Box 176; Minutes of the Administrative Committee of the National Board of Young Men's Christian Association. September 23, 1959 // Ibid. YMCA of the USA. General Administrative (National Board. Administrative Committee Minutes, 1958–1961). Box 65, folder «Sep — Dec 1959».

по времени со сворачиванием участия ХСМЛ в «русской работе», став одним из последних вложений союза в нее. Книги и дебиторская задолженность «Издательства имени Чехова», перешедшие «Товариществу», наряду с получением складов магазина «Возрождение» А.О. Гукасова сыграли огромную роль в укреплении финансового положения как «Товарищества», так и YMCA-Press. Доход от продажи книг и собранные долги издательства были частично инвестированы YMCA-Press в производство новых изданий [Miller 2010, p. 62; Miller 2013, p. 189]. Ликвидация «Издательства имени Чехова», проведенная под эгидой ХСМЛ, прошла с большой эффективностью для российского зарубежья, хотя союз и не смог избежать обвинений в уничтожении книг.

Источники и литература

- BA — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York
FFA — Ford Foundation Archives
RCA. FFR — Rockefeller Archive Center. Ford Foundation Records
UIUCA — University of Illinois at Urbana-Champaign Archives
UML. KFYA — University of Minnesota Libraries. The Kautz Family YMCA Archives
- Базанов, Шомракова 2003 — *Базанов П.Н., Шомракова И.А.* Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века: учеб. пос. 2-е изд., испр. СПб.: Петербургский ин-т печати, 2003.
- Будницкий 2010 — *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметев и Гуманитарный фонд // История и историки: историографический вестник. 2008. М., 2010. С. 363–390.
- Емелин 2009 — *Емелин А.Ю.* «Американец, бывший русский»: Николай Романович Вреден и его воспоминания // Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников: Мат-лы Третьей междунар. науч.-ист. конф. в г. Пскове / [сост. Н.А. Горбачев и др.]. Псков, 2009. С. 147–152.
- Издательства... 2005 — *Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: Энциклопедический справочник / сост., науч. ред. П.Н. Базанов.* СПб.: ФормаТ, 2005.
- Лебедев 1957 — *Лебедев Е.* Книгу уничтожили... // Новая заря (Сан-Франциско). 1957. 16 ноября. № 7224. С. 4
- Петров 2001 — *Петров Е.В.* Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2001.
- Толстой 1993 — *Толстой И.Н.* Курсив эпохи: Литературные заметки. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 1993.
- Трибунский 2014 — *Трибунский П.А.* Фонд Форда, фонд «Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 577–600.
- Шомракова 2000 — *Шомракова И.А.* И. Бунин, Г. Иванов и Издательство им. Чехова. По материалам Coll. Chekhov Publishing House в Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Вох № 1) // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сб. ст. / редкол.: В.Ю. Черняев (отв. ред.) и др. СПб., 2000. С. 324–328.
- Яновский 1957 — *Яновский В.С.* Книгу уничтожили. Почему? // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1957. 11 октября. № 16176. С. 4.

- Яновский 1997 — Из дневника 1955–1959 гг. / публ. и примеч. В. Крейд // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 209. С. 164–205.
- Anderson 1985 — *Anderson P.B.* No East or West / ed. by D.E. Davis. <Paris>: YMCA-Press, 1985.
- Hopkins 1951 — *Hopkins C.H.* History of the Y.M.C.A. in North America. N. Y.: Association Press, 1951.
- Latourette 1957 — *Latourette K.S.* World Service: a History of the Foreign Work and World Service of the Young Men's Christian Associations of the United States and Canada. N. Y.: Association Press, 1957.
- Miller 2010 — *Miller M.L.* A Hunger for Books: the American YMCA Press and Russian Readers // Religion, State and Society. 2010. Vol. 38, № 1. P. 53–73.
- Miller 2013 — *Miller M.L.* The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. Lanham; Boulder; N. Y.; Toronto; Plymouth, UK: Lexington Books, 2013.

Приложение 1

ТИРАЖИ КНИГ «ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ЧЕХОВА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ФОНДА» (по состоянию на 30 июня 1956 г.)*

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
Дата публикации: 28 февраля 1952 г.					
1	Алексеев В.И. Невидимая Россия. Нью-Йорк, 1952	3482	1370 / 39,35	2112 / 86	4622,04
2	Ахматова А.А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	3528	1795 / 50,88	1733 / 34	2510,84
3	Булгаков М.А. Сборник рассказов. Нью-Йорк, 1952	4990	1171 / 23,47	3819 / 51	2555,78
4	Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк, 1952	5054	2039 / 40,34	3015 / 14	5275,77
5	Елагин Ю.Б. Укрощение искусств. Нью-Йорк, 1952	3495	1860 / 53,22	1635 / 20	3434,32
6	Коряков М.М. Освобождение души. Нью-Йорк, 1952	3018	1244 / 41,22	1774 / 60	3367,11
7	Малахов С. Летчики. Нью-Йорк, 1952	4966	1159 / 23,34	3807 / 11	2145,61
8	Максимов С.С. Тайга: Сборник рассказов. Нью-Йорк, 1952	5009	2020 / 40,33	2989 / 7	3339,42
9	Тэффи Н.А. Земная радуга. Нью-Йорк, 1952	3491	2169 / 62,13	1322 / 35	1951,22
10	Юрасов С. Враг народа: Роман. Нью-Йорк, 1952	3463	1589 / 45,89	1874 / 43	2264,00
Дата публикации: 26 апреля 1952 г.					
11	Гоголь Н.В. Повести. Нью-Йорк, 1952	3998	962 / 24,06	3036 / 83	2819,03

* Таблица составлена по: Chekhov Publishing House. Schedule of Inventory of Finished Books. June 30, 1956. Schedule IV. P. 1-5 / East European Fund, Inc. Financial Statements for the Three Months Ended June 30, 1956 // UIUCA. P.B. Anderson papers. Box 13, folder «East European Fund. Financial Statements, 1952, 1955-56».

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
12	Гуль Р.Б. Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952	5042	1300 / 25,78	3742 / 83	4882,80
13	Замятин Е.И. Мы. Нью-Йорк, 1952	5103	1599 / 31,33	3504 / 174	3999,10
14	Криптон К. Осада Ленинграда. Нью-Йорк, 1952	3076	2041 / 66,35	1035 / 34	1458,56
15	Лесков Н.С. Соборяне. Нью-Йорк, 1952	5008	1641 / 32,77	3367 / 41	4044,58
16	Набоков В.В. Дар: Роман. Нью-Йорк, 1952	2500	1186 / 47,44	1314 / 177	2882,42
17	Пантелеймонов Б.Г. Последняя книга: Рассказы. Нью-Йорк, 1952	3609	1073 / 29,73	2536 / 44	3326,20
18	Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952	3035	1240 / 40,86	1795 / 74	3881,21
19	Тютчев Ф.И. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	3500	1353 / 38,66	2147 / 84	2032,82
20	Федотов Г.П. Новый град: Сборник статей. Нью-Йорк, 1952	3588	1126 / 31,38	2462 / 102	4317,69
Дата публикации: 1 июля 1952 г.					
21	Вейдле В.В. Вечерний день: Отклики и очерки на западные темы. Нью-Йорк, 1952	3048	1028 / 33,73	2020 / 93	2414,97
22	Гумилев Н.С. Отравленная туника и другие неизданные произведения. Нью-Йорк, 1952	3056	1064 / 34,82	1992 / 84	2196,40
23	Гусев-Оренбургский С.И. Глухой приход и другие рассказы. Нью-Йорк, 1952	3549	1163 / 32,77	2386 / 202	3564,19
24	Зощенко М.М. Повести и рассказы. Нью-Йорк, 1952	5236	4506 / 86,06	730 / 10	1316,40
25	Нароков Н.В. Мнимые величины: Роман в 2-х частях. Нью-Йорк, 1952	3606	1619 / 44,90	1987 / 68	4056,98
Дата публикации: 15 августа 1952 г.					
26	Осоргин М.А. Письма о незначительном: 1940–1942. Нью-Йорк, 1952	3000	977 / 32,57	2023 / 305	4012,65

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
27	Приглушенные голоса: Поэзия за железным занавесом. Нью-Йорк, 1952	3646	1125 / 30,86	2521 / 79	4397,78
28	Ремизов А.М. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952	3052	1158 / 37,94	1894 / 37	3972,31
29	Шварц С.М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952	4000	1290 / 32,25	2710 / 707	3703,13
Дата публикации: 30 сентября 1952 г.					
30– 31	Алданов М.А. Живи как хочешь: Роман. Нью-Йорк, 1952. Т. 1–2	10 093	2940 / 29,13	7153 / 327	10265,68
32	Катэр В. Моя Антония: Роман. Нью-Йорк, 1952	6500	1063 / 16,35	5437 / 125	5155,23
33	Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952	3000	1022 / 34,07	1978 / 134	3930,87
34	Русская лирика от Жуковского до Бунина: Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	4000	1770 / 44,25	2230 / 7	3544,95
Дата публикации: 31 октября 1952 г.					
35	Газданов Г. Ночные дороги. Нью-Йорк, 1952	4093	1390 / 33,96	2703 / 14	3642,70
36	Марголин Ю.Б. Путешествие в страну Зэ-ка. Нью-Йорк, 1952	5147	2144 / 41,66	3003 / 15	5285,35
37– 38	Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1–2	5213	1410 / 27,05	3803 / 273	8459,93
Дата публикации: 30 ноября 1952 г.					
39	Романов П.С. Товарищ Кисляков: (Три пары шелковых чулок). Нью-Йорк, 1952	4000	1191 / 29,78	2809 / 15	3319,48
40	Ульянов Н.И. Атосса: Роман. Нью-Йорк, 1952	3552	907 / 25,53	2645 / 217	3263,54
41	Федорова Н. Семья. Нью-Йорк, 1952	3619	1830 / 50,57	1789 / 7	3093,42

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
Дата публикации: 15 декабря 1952 г.					
42	Гольденвейзер А.А. В защиту права: Статьи и речи. Нью-Йорк, 1952	2079	888 / 42,71	1191 / 24	2497,25
43	Иванов Г.В. Петербургские зимы. Нью-Йорк, 1952	3546	1158 / 32,66	2388 / 2	3404,37
44	Пирогов П.А. За Курс! Нью- Йорк, 1952	3591	1316 / 36,65	2275 / 121	4378,87
Дата публикации: 30 января 1953 г.					
45	Зайцев Б.К. Древо Жизни. Нью- Йорк, 1953	3614	1038 / 28,72	2576 / 159	3087,04
46	Иванов-Разумник Р.В. Тюрмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953	3536	1112 / 31,45	2424 / 1	4823,92
47	Терапиано Ю.К. Встречи. Нью- Йорк, 1953	3604	816 / 22,64	2788 / 121	3241,51
Дата публикации: 28 февраля 1953 г.					
48	Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953	2498	1218 / 48,76	1280 / 141	2534,63
49	Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк, 1953	4044	1220 / 30,17	2824 / 1	3350,23
50	Бунин И.А. Митина любовь. Солнечный удар. Нью-Йорк, 1953	4130	1314 / 31,82	2816 / 1	3248,82
51	Юрасов С. Василий Теркин после войны: (По А. Твардовскому). Нью-Йорк, 1953	2960	1354 / 45,74	1606 / 0	2116,25
Дата публикации: 31 марта 1953 г.					
52	Гагарин Е.А. Возвращение корнета. Поездка на святки. Нью-Йорк, 1953	3000	1014 / 33,80	1986 / 139	3104,87
53	Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953	2595	1175 / 45,28	1420 / 42	3422,46

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
54	Яновский В.С. Портативное бессмертие: Роман. Нью-Йорк, 1953	2591	721 / 27,83	1870 / 172	3248,52
Дата публикации: 30 апреля 1953 г.					
55	Даманская А.Ф. Миранда: Роман. Нью-Йорк, 1953	2045	1010 / 49,39	1035 / 1	1881,90
56	Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953	3141	1294 / 41,20	1847 / 163	3810,01
57	Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953	2575	998 / 38,76	1577 / 4	3521,07
Дата публикации: 29 мая 1953 г.					
58	Адамс Дж.Т. Американская эпопея. Нью-Йорк, 1953	3147	790 / 25,10	2357 / 2	4648,83
59	Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953	2564	904 / 35,26	1660 / 3	3269,14
60	Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев: Роман. Нью-Йорк, 1953	4200	2216 / 52,76	1984 / 6	2585,01
Дата публикации: 30 июня 1953 г.					
61	Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры: Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. Нью-Йорк, 1953	2617	912 / 34,85	1705 / 4	3411,96
62	Ржевский Л.Д. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953	3098	888 / 28,66	2210 / 0	4484,59
63	Трубецкая О.Н., кн. Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953	2561	708 / 27,65	1853 / 0	2869,26
Дата публикации: 31 июля 1953 г.					
64	Елагин И.В. По дороге оттуда: Стихи. Нью-Йорк, 1953	2004	630 / 31,44	1374 / 5	1666,02
65	Максимов С.С. Голубое молчание. Нью-Йорк, 1953	2579	759 / 29,43	1820 / 0	2805,75
66	Слоним М.Л. Три любви Достоевского. Нью-Йорк, 1953	2537	1275 / 50,26	1262 / 22	2259,72

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
Дата публикации: 31 августа 1953 г.					
67	Пестрые рассказы: Сборник эмигрантской прозы. Нью-Йорк, 1953	2519	839 / 33,31	1680 / 10	3452,67
68– 69	Толстая А.Л. Отец: Жизнь Льва Толстого. Нью-Йорк, 1953. Т. 1–2	7222	3188 / 44,14	4034 / 64	7305,32
Дата публикации: 30 сентября 1953 г.					
70- 71	Пейдж Э. Утро свободы. Нью-Йорк, 1953. Т. 1–2	5080	1433 / 28,21	3647 / 23	6897,48
72	Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953	5017	1862 / 37,11	3155 / 31	6741,06
Дата публикации: 30 октября 1953 г.					
73	Гюнтер Дж. По Соединенным Штатам. Нью-Йорк, 1953	3046	848 / 27,84	2198 / 19	4495,23
74	Православие в жизни: Сборник статей. Нью-Йорк, 1953	3035	869 / 28,63	2166 / 30	4255,20
75	Петрус К. Узники коммунизма. Нью-Йорк, 1953	2041	704 / 34,49	1337 / 21	2366,40
Дата публикации: 30 ноября 1953 г.					
76	Зензинов В.М. Пережитое: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953	2540	830 / 32,68	1710 / 11	3780,01
77	Рихтер К. Дебри: Роман. Нью-Йорк, 1953	2539	691 / 27,22	1848 / 13	2499,81
78	Цветаева М.И. Проза. Нью-Йорк, 1953	2525	801 / 31,72	1724 / 14	3088,57
Дата публикации: 15 декабря 1953 г.					
79	Алданов М.А. Ульмская ночь: Философия случая. Нью-Йорк, 1953	3567	1005 / 28,17	2562 / 104	4490,77
80	На Западе: Антология русской зарубежной поэзии. Нью-Йорк, 1953	2517	717 / 28,49	1800 / 21	3882,28
81	Пупин М. От иммигранта к изобретателю. Нью-Йорк, 1953	2508	587 / 23,41	1921 / 20	3701,04

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
Дата публикации: 29 января 1954 г.					
82	Алексеев В.И. Россия солдатская. Нью-Йорк, 1954	2524	760 / 30,11	1764 / 23	3478,73
83	Крейн С. Алыи шеврон мужества. Нью-Йорк, 1954	2502	617 / 24,66	1885 / 16	2173,42
84	Шмеман А.Д., протопресвитер. Исторический путь православия. Нью-Йорк, 1954	3002	932 / 31,05	2070 / 33	4152,12
Дата публикации: 26 февраля 1954 г.					
85	Васильев Л.М. Пути советского империализма. Нью-Йорк, 1954	2517	867 / 34,45	1650 / 11	2836,04
86	Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954	2588	992 / 38,33	1596 / 3	3508,92
Дата публикации: 31 марта 1954 г.					
87	Соловьев В.С. Три разговора. Нью-Йорк, 1954	2500	988 / 39,52	1512 / 6	1413,81
88	Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1954. Т. 1	4047	1485 / 36,69	2562 / 9	4394,12
Дата публикации: 30 апреля 1954 г.					
89	Бок Э. Как Эдуард Бок стал американцем: Автобиография. Нью-Йорк, 1954	2553	532 / 20,84	2021 / 5	3901,67
90	Одоевцева И.В. Оставь надежду навсегда: Роман. Нью-Йорк, 1954	2500	791 / 31,64	1709 / 7	3452,77
91	Эртель А.И. Смена: Роман в 2-х частях. Нью-Йорк, 1954	2517	617 / 24,51	1900 / 6	3401,39
Дата публикации: 28 мая 1954 г.					
92	Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой теленок. Нью-Йорк, 1954	3050	1342 / 44,00	1708 / 9	2553,55
93	Мордовцев Д.Л. Железом и кровью: Исторический роман. Нью-Йорк, 1954	2500	992 / 36,88	1578 / 7	2406,64

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
94	Соловьев М. Записки советского военного корреспондента. Нью-Йорк, 1954	2560	904 / 35,31	1656 / 2	3028,06
Дата публикации: 30 июня 1954 г.					
95	Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк, 1954	2553	891 / 34,90	1662 / 3	3302,11
96– 97	Клюев Н.А. Полное собрание сочинений. Нью-Йорк, 1954. Т. 1–2	3199	716 / 22,38	2483 / 2	6381,13
98	Одоевский В.Ф., кн. Девять повестей. Нью-Йорк, 1954	2056	509 / 24,76	1547 / 3	2014,30
99	Ходасевич В.Ф. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954	1545	598 / 38,71	947 / 2	2199,18
Дата публикации: 31 июля 1954 г.					
100	Бурьшкин П.А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954	2041	916 / 44,88	1125 / 1	2541,77
101	Зайцев Б.К. Чехов: Литературная биография. Нью-Йорк, 1954	2609	972 / 37,26	1637 / 0	2639,99
102	Леонтьев К.Н. Египетский голубь. Дитя души. Нью-Йорк, 1954	2616	688 / 26,30	1928 / 3	3136,43
Дата публикации: 31 августа 1954 г.					
103	Бунин И.А. Петлистые уши и другие рассказы. Нью-Йорк, 1954	3090	909 / 29,42	2181 / 5	4040,09
104	Малахов С. Беглецы. Отец: Пьесы. Нью-Йорк, 1954	1565	492 / 31,44	1073 / 0	2057,47
105	Иоанн (Шаховской), епископ. Время веры. Нью-Йорк, 1954	2611	1213 / 46,46	1398 / 0	2795,53
Дата публикации: 30 сентября 1954 г.					
106	Аллен Ф.Л. Большие перемены. Нью-Йорк, 1954	2084	492 / 23,61	1592 / 0	3003,69
107	Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954	2049	621 / 30,31	1428 / 0	3528,03

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
108	Марголин А.Д. Основы государственного устройства США. Нью-Йорк, 1954	3140	626 / 19,94	2514 / 0	1802,52
Дата публикации: 31 октября 1954 г.					
109	На перевале: Сборник произведений писателей группы «Перевал»: А.К. Воронского, Ник. Зарудного, Ивана Катаева и др. Нью-Йорк, 1954	1553	581 / 37,41	972 / 1	2462,30
110	Ортега и Гассет Х. Восстание масс. Нью-Йорк, 1954	1577	593 / 37,60	984 / 2	1504,74
111	Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Нью-Йорк, 1954	2625	1032 / 39,31	1593 / 10	3409,02
Дата публикации: 30 ноября 1954 г.					
112	Данилевский Г.П. Сожженная Москва: Исторический роман. Нью-Йорк, 1954	2096	787 / 37,55	1309 / 5	1727,74
113	Набоков В.В. Другие берега. Нью-Йорк, 1954	2091	603 / 28,84	1488 / 1	2827,05
114	Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1954. Т. 2	2620	1075 / 41,03	1545 / 28	2668,92
Дата публикации: 15 декабря 1954 г.					
115	Агар Г. Авраам Линкольн. Нью-Йорк, 1954	1575	487 / 30,92	1088 / 0	1342,57
116	Зилоти В.П. В доме Третьякова. Нью-Йорк, 1954	2624	843 / 32,13	1781 / 0	3470,02
117– 118	Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1–2	4188	2168 / 51,77	2020 / 4	4716,49
Дата публикации: 31 января 1955 г.					
119– 120	Сазонова Ю.Л. История русской литературы: Древний период. Нью-Йорк, 1955. Т. 1–2	3148	1233 / 39,17	1915 / 2	5574,40

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
121	Семенов-Тянь-Шанский А.Д. Отец Иоанн Кронштадтский. Нью-Йорк, 1955	2080	1014 / 48,75	1066 / 0	2623,20
122	Труайя А. В горах: Роман. Нью-Йорк, 1955	1572	499 / 31,74	1073 / 0	1583,85
Дата публикации: 28 февраля 1955 г.					
123	Алданов М.А. Ключ. Нью-Йорк, 1955	2060	690 / 33,50	1370 / 0	3467,91
124	Маковский С.К. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955	1550	769 / 49,61	781 / 1	2343,46
125	Хомяков А.С. Избранные сочинения. Нью-Йорк, 1955	1530	793 / 51,83	737 / 0	1799,91
Дата публикации: 31 марта 1955 г.					
126	Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк, 1955	1575	1206 / 76,57	369 / 5	1134,68
127	Евреинов Н.Н. История русского театра: С древнейших времен до 1917 года. Нью-Йорк, 1955	1550	725 / 46,77	825 / 0	2271,30
128	Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955. Т. 3	2580	1019 / 39,50	1561 / 0	2826,56
Дата публикации: 30 апреля 1955 г.					
129	Елагин Ю.Б. Темный гений: (Всеволод Мейерхольд). Нью-Йорк, 1955	2100	699 / 33,29	1401 / 1	3623,77
130	Справочник для авторов, переводчиков, корректоров и других работников печати. Нью-Йорк, 1955	516	274 / 53,10	242 / 0	1150,72
131	Уайлдер Т. Мост короля Людовика Святого. Нью-Йорк, 1955	2075	483 / 23,28	1592 / 0	1712,66

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
Дата публикации: 31 мая 1955 г.					
132	Алексеев Н.Н. Идея государства: Очерки по истории политической мысли. Нью-Йорк, 1955	1575	498 / 31,62	1077 / 0	3397,75
133	Замятин Е.И. Лица. Нью-Йорк, 1955	2060	568 / 27,57	1492 / 0	2333,51
134	Хандлин О. Вырванные с корнем. Нью-Йорк, 1955	1528	425 / 27,81	1103 / 0	2764,51
Дата публикации: 30 июня 1955 г.					
135	Мережковский Д.С. Александр I и декабристы. Нью-Йорк, 1955	2100	638 / 30,38	1462 / 1	3193,12
136	Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955. Т. 4	2618	935 / 35,71	1683 / 0	3510,99
137	Чириков Е.Н. Юность: Роман. Нью-Йорк, 1955	2060	660 / 32,04	1400 / 0	2649,70
Дата публикации: 29 июля 1955 г.					
138– 139	Бенуа А.Н. Жизнь художника. Нью-Йорк, 1955. Т. 1–2	3140	1246 / 39,68	1894 / 3	6105,20
140	Морроу О. Свободны навеки: Исторический роман из жизни Линкольна. Нью-Йорк, 1955	1575	424 / 26,92	1151 / 1	3173,66
141	Опальные повести. Нью-Йорк, 1955	1546	552 / 35,71	994 / 0	2422,83
Дата публикации: 31 августа 1955 г.					
142	Адамович Г.В. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955	1570	621 / 39,55	949 / 1	2398,54
143	Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. Нью-Йорк, 1955	1575	607 / 38,54	968 / 1	2632,72
144	Уайт Т. Огонь в пепле. Нью-Йорк, 1955	1575	450 / 28,57	1125 / 1	3439,90
Дата публикации: 30 сентября 1955 г.					
145	Агар Г. Во что верит Запад. Нью-Йорк, 1955	1574	384 / 24,40	1190 / 0	2572,78

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
146	Мандельштам О.Э. Собрание сочинений. Нью-Йорк, 1955	1560	632 / 40,51	928 / 2	2776,65
147	Порт-Артур: Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955	2102	771 / 36,68	1331 / 0	3560,17
Дата публикации: 31 октября 1955 г.					
148	Бубнов А.Д. В царской ставке: Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955	1575	601 / 38,16	974 / 2	3091,14
149	Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955 Т. 5	2575	863 / 33,51	1712 / 0	3881,30
150	Щербатов С.А., кн. Художник в ушедшей России. Нью-Йорк, 1955	1575	586 / 37,21	989 / 2	3066,72
Дата публикации: 30 ноября 1955 г.					
151	Александрович А.Д. Записки певца. Нью-Йорк, 1955	1570	599 / 38,15	971 / 0	3084,70
152	Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955	2085	683 / 32,76	1402 / 0	3401,24
153	Сароян В. Человеческая комедия. Нью-Йорк, 1955	1569	440 / 28,04	1129 / 0	2677,96
Дата публикации: 15 декабря 1955 г.					
154– 155	Милюков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955 Т. 1–2	3150	1410 / 44,76	1740 / 8	5620,74
156		2625	865 / 32,95	1760 / 1	4024,16
157	Шмелев И.С. Избранные рассказы. Нью-Йорк, 1955	2102	632 / 30,07	1470 / 4	2942,74
Дата публикации: 31 января 1956 г.					
158	Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956	1575	623 / 39,56	952 / 2	2934,81
159	Верховской С.С. Бог и человек: Учение о боге и богопознании в свете православия. Нью-Йорк, 1956	1575	524 / 33,27	1051 / 1	3692,47

№	Название	Отпеча- тано, экз.	Распростра- нено, экз. / % от тиража	На складе, экз. / в т. ч. на комис- сии, экз.	Стои- мость остатков, \$
160	Кеннан Дж.Ф. Проблемы внешней политики США. Нью- Йорк, 1956	1570	405 / 25,80	1165 / 1	1499,30
Дата публикации: 29 февраля 1956 г.					
161	Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке: 1801–1914. Нью-Йорк, 1956	2630	489 / 18,59	2141 / 3	6708,76
162	Розанов В.В. Избранное. Нью- Йорк, 1956	1580	475 / 30,06	1105 / 2	3069,65
163– 164	Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1–2	3150	809 / 25,68	2341 / 6	6889,17
Дата публикации: 31 марта 1956 г.					
165	Арбатский Ю. Этюды по истории русской музыки. Нью-Йорк, 1956	1575	354 / 22,48	1221 / 1	4075,46
166	Вейдле В.В. Задача России. Нью- Йорк, 1956	1560	324 / 20,77	1236 / 1	2250,49
167	Набоков В.В. Весна в Фиальте и другие рассказы. Нью-Йорк, 1956	1540	301 / 19,55	1239 / 1	3326,70
168	Фрэжер Э.Ф. Негры в Соединенных Штатах. Нью- Йорк, 1956	1575	242 / 15,37	1333 / 1	3407,42
Дата публикации: 30 апреля 1956 г.					
169	Горчаков Н.А. История советского театра. Нью-Йорк, 1956	1575	304 / 19,30	1271 / 1	4392,49
170	Максимов С.С. Бунт Дениса Бушуева. Нью-Йорк, 1956	1575	437 / 27,75	1138 / 1	3718,03
171	Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956	1560	341 / 21,86	1219 / 1	4657,39
172	Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956	1568	282 / 17,98	1286 / 1	2484,17
Итого:		460772	161601 / 35,07**	299171 / 5758	547548,11

** Средний процент распространения по всем тиражам.

Приложение 2

**УНИЧТОЖЕНИЕ КНИГ «ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ЧЕХОВА
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ФОНДА»,
ХРАНИВШИХСЯ В SHEPHARD WAREHOUSE
(сентябрь 1956 г.)***

Название	Отпеча- тано, экз.	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	Всего в Shephard Warehouse (на 22 июня 1956 г.), экз.	Уничтожено (сентябрь 1956 г.), экз.	Уничтожено, % (от общего тиража / от остатков тиража)
Адамс Дж.Т. Американская эпопея. Нью-Йорк, 1953	3147	2357	1620	1707	54,24 / 72,42
Алданов М.А. Живи как хочешь: Роман. Нью-Йорк, 1952. Т. 1–2	10093	7153	2264	2502	24,79 / 34,98
Алданов М.А. Ульмская ночь: Философия случая. Нью-Йорк, 1953	3567	2562		17	0,48 / 0,66
Алексеев В.И. Невидимая Россия. Нью-Йорк, 1952	3482	2112	1400	1260	36,19 / 59,66
Алексеев В.И. Россия солдатская. Нью-Йорк, 1954	2524	1764	1232	1100	43,58 / 62,36
Ахматова А.А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	3528	1733		49	1,39 / 2,83
Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953	2498	1280		89	3,56 / 6,95
Бок Э. Как Эдуард Бок стал американцем: Автобиография. Нью-Йорк, 1954	2553	2021	1200	1160	45,44 / 57,40
Булгаков М.А. Сборник рассказов. Нью-Йорк, 1952	4990	3819	2340	2350	47,09 / 61,53
Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк, 1953	4044	2824		265	6,55 / 9,38

* Данные по тиражам и остаткам заимствованы из Приложения 1. Сведения о наличии книг в Shephard Warehouse на 22 июня 1956 г. приведены по: Books Stored at the Shephard Warehouse. June 22, 1956 // UIUCA. P.E. Anderson papers. Box 14, folder «East European Fund. Chekhov Publishing House & Novyi Zhurnal, 1955–60». Сведения об уничтоженных книгах приведены по: Books Sold for Destruction from Stock at Shephard Warehouse <September, 1956> // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «Chekhov: Transfer of Assets to YMCA, 1954–1956».

Название	Отпечатано, экз.	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	Всего в Shephard Warehouse (на 22 июня 1956 г.), экз.	Уничтожено (сентябрь 1956 г.), экз.	Уничтожено, % (от общего тиража / от остатков тиража)
Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк, 1952	5054	3015		71	1,40 / 2,35
Бунин И.А. Митина любовь. Солнечный удар. Нью-Йорк, 1953	4130	2816		266	6,44 / 9,45
Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953	2564	1660	1056	1089	42,47 / 65,60
Васильев Л.М. Пути советского империализма. Нью-Йорк, 1954	2517	1650	1020	1020	40,52 / 61,82
Вейдле В.В. Вечерний день: Отклики и очерки на западные темы. Нью-Йорк, 1952	3048	2020	1440	1085	35,60 / 53,71
Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954	2049	1428	920	840	40,99 / 58,82
Газданов Г. Ночные дороги. Нью-Йорк, 1952	4093	2703	2408	2578	62,99 / 95,34
Гоголь Н.В. Повести. Нью-Йорк, 1952	3998	3036		71	1,78 / 2,34
Гольденвейзер А.А. В защиту права: Статьи и речи. Нью-Йорк, 1952	2079	1191	560	575	27,66 / 48,28
Гуль Р.Б. Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952	5042	3742	2340	2486	49,31 / 66,44
Гумилев Н.С. Отравленная туника и другие неизданные произведения. Нью-Йорк, 1952	3056	1992	1008	1024	33,51 / 51,41
Гусев-Оренбургский С.И. Глухой приход и другие рассказы. Нью-Йорк, 1952	3549	2386	1720	1193	33,62 / 50,00
Гюнтер Дж. По Соединенным Штатам. Нью-Йорк, 1953	3046	2198	1000	1030	33,81 / 46,86
Даманская А.Ф. Миранда: Роман. Нью-Йорк, 1953	2045	1035		24	1,17 / 2,32
Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953	3141	1847		122	3,88 / 6,61
Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк, 1954	2553	1662	800	800	31,34 / 48,13

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Название	Отпечатано, экз.	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	Всего в Shephard Warehouse (на 22 июня 1956 г.), экз.	Уничтожено (сентябрь 1956 г.), экз.	Уничтожено, % (от общего тиража / от остатков тиража)
Елагин И.В. По дороге оттуда: Стихи. Нью-Йорк, 1953	2004	1374	480	495	24,70 / 36,03
Елагин Ю.Б. Укрощение искусств. Нью-Йорк, 1952	3495	1635	320	321	9,18 / 19,63
Зайцев Б.К. Дерево Жизни. Нью-Йорк, 1953	3614	2576	1008	1218	33,70 / 47,28
Замятин Е.И. Мы. Нью-Йорк, 1952	5103	3504	2508	2582	50,60 / 73,69
Зензинов В.М. Пережитое: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953	2540	1710	1080	974	38,35 / 56,96
Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953	3536	2424	1512		
Катэр В. Моя Антония: Роман. Нью-Йорк, 1952	6500	5437	5174	4740	72,92 / 87,18
Коряков М.М. Освобождение души. Нью-Йорк, 1952	3018	1774	640	701	23,23 / 39,52
Крейн С. Алый шеврон мужества. Нью-Йорк, 1954	2502	1885	1440	1440	57,55 / 74,69
Леонтьев К.Н. Египетский голубь. Дитя души. Нью-Йорк, 1954	2616	1928	1000	1000	38,23 / 51,87
Лесков Н.С. Соборяне. Нью-Йорк, 1952	5008	3367		30	0,60 / 0,89
Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953	2595	1420		16	0,62 / 1,13
Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954	2588	1596	1080	792	30,60 / 49,62
Максимов С.С. Голубое молчание. Нью-Йорк, 1953	2579	1820	960	960	37,22 / 52,75
Максимов С.С. Тайга: Сборник рассказов. Нью-Йорк, 1952	5009	2989		39	0,78 / 1,30
Малахов С. Беглецы. Отец: Пьесы. Нью-Йорк, 1954	1565	1073	504	504	32,20 / 46,97
Малахов С. Летчики. Нью-Йорк, 1952	4966	3807	2960	2930	59,00 / 76,96

Название	Отпечатано, экз.	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	Всего в Shephard Warehouse (на 22 июня 1956 г.), экз.	Уничтожено (сентябрь 1956 г.), экз.	Уничтожено, % (от общего тиража / от остатков тиража)
Марголин Ю.Б. Путешествие в страну Зэ-ка. Нью-Йорк, 1952	5147	3003		390	7,58 / 12,99
На Западе: Антология русской зарубежной поэзии. Нью-Йорк, 1953	2517	1800	1080	1080	42,91 / 60,00
Набоков В.В. Дар: Роман. Нью-Йорк, 1952	2500	1314	612	380	15,2 / 28,92
Нароков Н.В. Мнимые величины: Роман в 2-х частях. Нью-Йорк, 1952	3606	1987	504	634	17,58 / 31,91
Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952	3000	1978	1440	1172	39,07 / 59,25
Одоевский В.Ф., кн. Девять повестей. Нью-Йорк, 1954	2056	1547	672	672	32,68 / 43,44
Одоевцева И.В. Оставь надежду навсегда: Роман. Нью-Йорк, 1954	2500	1709	1020	1020	40,80 / 59,68
Осоргин М.А. Письма о незначительном: 1940–1942. Нью-Йорк, 1952	3000	2023	1408	968	32,27 / 47,85
Пантелеймонов Б.Г. Последняя книга: Рассказы. Нью-Йорк, 1952	3609	2536	2040	2000	55,42 / 78,86
Пейдж Э. Утро свободы. Нью-Йорк, 1953. Т. 1–2	5080	3647	2208	2211	43,52 / 60,63
Пестрые рассказы: Сборник эмигрантской прозы. Нью-Йорк, 1953	2519	1680	800	827	32,83 / 49,23
Петрус К. Узники коммунизма. Нью-Йорк, 1953	2041	1337		9	0,44 / 0,67
Пирогов П.А. За Курс! Нью-Йорк, 1952	3591	2275	960	1040	28,96 / 45,71
Приглушенные голоса: Поэзия за железным занавесом. Нью-Йорк, 1952	3646	2521	2160	1864	51,12 / 73,94
Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1–2	5213	3803	2804	2257	43,30 / 59,35

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Название	Отпечато- вано, экз.	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	Всего в Shephard Warehouse (на 22 июня 1956 г.), экз.	Уничтожено (сентябрь 1956 г.), экз.	Уничтожено, % (от общего тиража / от остатков тиража)
Пупин М. От иммигранта к изобретателю. Нью-Йорк, 1953	2508	1921	1400	1206	48,09 / 62,78
Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953	5017	3155		21	0,42 / 0,67
Ремизов А.М. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952	3052	1894		55	1,80 / 2,90
Ржевский Л.Д. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953	3098	2210	1080	1098	35,44 / 49,68
Рихтер К. Дебри: Роман. Нью-Йорк, 1953	2539	1848	1008	1021	40,21 / 55,25
Романов П.С. Товарищ Кисляков: (Три пары шелковых чулок). Нью-Йорк, 1952	4000	2809	2050	2170	54,25 / 77,25
Русская лирика от Жуковского до Бунина: Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	4000	2230		182	4,55 / 8,16
Соловьев М. Записки советского военного корреспондента. Нью-Йорк, 1954	2560	1656	720	720	28,13 / 43,48
Терапиано Ю.К. Встречи. Нью-Йорк, 1953	3604	2788	1536	1626	45,12 / 58,32
Трубецкая О.Н., кн. Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953	2561	1853	960	960	37,49 / 51,81
Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952	3035	1795	648	679	22,37 / 37,83
Тютчев Ф.И. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	3500	2147		132	3,77 / 6,15
Ульянов Н.И. Атосса: Роман. Нью-Йорк, 1952	3552	2645	1472	1520	42,79 / 57,47
Федотов Г.П. Новый град: Сборник статей. Нью-Йорк, 1952	3588	2462	576	594	16,56 / 24,13

Название	Отпечата- но, экз.	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	Всего в Shephard Warehouse (на 22 июня 1956 г.), экз.	Уничтожено (сентябрь 1956 г.), экз.	Уничтожено, % (от общего тиража / от остатков тиража)
Цветаева М.И. Проза. Нью-Йорк, 1953	2525	1724		3	0,12 / 0,17
Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953	2575	1577	1080	892	34,64 / 56,56
Шварц С.М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952	4000	2710	1584	1490	37,25 / 54,98
Эргель А.И. Смена: Роман в 2-х частях. Нью-Йорк, 1954	2517	1900	1000	1000	39,73 / 52,63
Юрасов С. Василий Теркин после войны: (По А. Твардовскому). Нью-Йорк, 1953	2960	1606	560	655	22,13 / 40,78
Юрасов С. Враг народа: Роман. Нью-Йорк, 1952	3463	1874	1080	861	24,86 / 45,94
Яновский В.С. Портативное бессмертие: Роман. Нью-Йорк, 1953	2591	1870	1428	1514	58,55 / 80,96
Итого:	460772	299171	80884	78488	17,03 / 26,24

Приложение 3

**ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ НА СКЛАДАХ
«ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ЧЕХОВА»
ПЕРЕД ПЕРЕДАЧЕЙ ХРИСТИАНСКОМУ СОЮЗУ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ
(по состоянию на 28–30 сентября 1956 г.)***

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28–30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Агар Г. Авраам Линкольн. Нью-Йорк, 1954	1088	1075 / 98,81			
Агар Г. Во что верит Запад. Нью-Йорк, 1955	1190	1184 / 99,50			
Адамович Г.В. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955	949	933 / 98,83			
Адамс Дж.Т. Американская эпопея. Нью-Йорк, 1953	2357	647 / 27,45			
Алданов М.А. Живи как хочешь: Роман. Нью-Йорк, 1952. Т. 1–2	7153	4281 / 59,85	194		
Алданов М.А. Ключ. Нью-Йорк, 1955	1370	1323 / 96,57	1		
Алданов М.А. Ульмская ночь: Философия случая. Нью-Йорк, 1953	2562	2428 / 94,77			
Александрович А.Д. Записки певца. Нью-Йорк, 1955	971	910 / 93,72		1	
Алексеев В.И. Невидимая Россия. Нью-Йорк, 1952.	2112	757 / 35,84			160
Алексеев В.И. Россия солдатская. Нью-Йорк, 1954	1764	632 / 35,83			
Алексеев Н.Н. Идея государства: Очерки по истории политической мысли. Нью-Йорк, 1955	1077	1072 / 99,54			

* Данные о наличии книг на 30 июня 1956 г. взяты из Приложения 1. Сведения о книгах на складах на 28–30 сентября 1956 г. приведены по: Inventory at September 30, 1956; Additional Schedule «A» to Inventory (Damaged Books and Books in two Cases, some of which are also Damaged) at September 30, 1956; Additional Schedule «B» to Inventory (Books Returned because of Errors in Printing) at September 30, 1956; Additional Schedule «C» to Inventory at September 30, 1956 (Books Delivered Friday Morning September 28, 1956) // UIUCA. P.E. Mosely papers. Box 23, folder «EEF: Chekhov Transfer of Assets to YMCA, 1956–59».

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28–30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Аллен Ф.Л. Большие перемены. Нью-Йорк, 1954	1592	1585 / 99,56			
Арбатский Ю. Этюды по истории русской музыки. Нью-Йорк, 1956	1221	1113 / 91,15			
Ахматова А.А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	1733	1622 / 93,59	1		
Бенуа А.Н. Жизнь художника. Нью-Йорк, 1955. Т. 1–2	1894	1758 / 92,82		1	
Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953	1280	1010 / 78,90	1		
Бок Э. Как Эдуард Бок стал американцем: Автобиография. Нью-Йорк, 1954	2021	851 / 42,11			40
Бубнов А.Д. В царской ставке: Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955	974	911 / 93,53	1		
Булгаков М.А. Сборник рассказов. Нью-Йорк, 1952	3819	1410 / 36,92	24		
Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк, 1953	2824	2552 / 90,37			
Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк, 1952	3015	2890 / 95,85	43		
Бунин И.А. Митина любовь. Солнечный удар. Нью-Йорк, 1953	2816	2519 / 89,45			
Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955	1402	1331 / 94,94			
Бунин И.А. Петлистые уши и другие рассказы. Нью-Йорк, 1954.	2181	2152 / 98,67			
Бурышкин П.А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954	1125	1132**	1		
Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953	1660	548 / 33,01		1	
Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956	952	904 / 94,96			

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28–30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Васильев Л.М. Пути советского империализма. Нью-Йорк, 1954	1650	607 / 36,79			
Вейдле В.В. Вечерний день: Отклики и очерки на западные темы. Нью-Йорк, 1952	2020	861 / 42,62	14		300
Вейдле В.В. Задача России. Нью-Йорк, 1956	1236	1034 / 83,66			
Верховской С.С. Бог и человек: Учение о боге и богопознании в свете православия. Нью-Йорк, 1956	1051	1483**			
Вишняк М.В. День прошлому. Нью-Йорк, 1954	1428	565 / 39,57			
Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. Нью-Йорк, 1955	968	947 / 97,83			
Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры: Марксизм. Неосоциализм. Неoliberalизм. Нью-Йорк, 1953	1705	1692 / 99,24			
Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк, 1955	369	316 / 85,64			
Гагарин Е.А. Возвращение корнета. Поездка на святки. Нью-Йорк, 1953.	1986	1832 / 92,25	7		
Гоголь Н.В. Повести. Нью-Йорк, 1952	3036	2882 / 94,93			
Гольденвейзер А.А. В защиту права: Статьи и речи. Нью-Йорк, 1952	1191	606 / 50,88	4		
Горчаков Н.А. История советского театра. Нью-Йорк, 1956	1271	1118 / 87,96			
Гуль Р.Б. Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952	3742	1199 / 32,04	63		

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28-30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Гумилев Н.С. Отравленная туника и другие неизданные произведения. Нью-Йорк, 1952	1992	898 / 45,08	13		
Гусев-Оренбургский С.И. Глухой приход и другие рассказы. Нью-Йорк, 1952	2386	961 / 40,28			560
Гюнтер Дж. По Соединенным Штатам. Нью-Йорк, 1953	2198	1138 / 51,77		1	
Даманская А.Ф. Миранда: Роман. Нью-Йорк, 1953	1035	1006 / 97,20			
Данилевский Г.П. Сожженная Москва: Исторический роман. Нью-Йорк, 1954	1309	1282 / 97,94			
Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953	1847	1525 / 82,57	1		
Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк, 1954	1662	816 / 49,10			
Евреинов Н.Н. История русского театра: С древнейших времен до 1917 года. Нью-Йорк, 1955	825	766 / 92,85			
Елагин И.В. По дороге оттуда: Стихи. Нью-Йорк, 1953	1374	879 / 63,97			
Елагин Ю.Б. Темный гений: (Всеволод Мейерхольд). Нью-Йорк, 1955	1401	1420**			
Елагин Ю.Б. Укрощение искусств. Нью-Йорк, 1952	1635	1436 / 87,83			
Зайцев Б.К. Древо Жизни. Нью-Йорк, 1953	2576	1189 / 46,16	78	1	
Зайцев Б.К. Чехов: Литературная биография. Нью-Йорк, 1954	1637	1615 / 98,66		1	
Замятин Е.И. Лица. Нью-Йорк, 1955	1492	1501**			1
Замятин Е.И. Мы. Нью-Йорк, 1952	3504	748 / 21,35	32		
Зензинов В.М. Пережитое: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953	1710	705 / 41,23	1		108

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28–30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Зилоти В.П. В доме Третьякова. Нью-Йорк, 1954	1781	1719 / 96,52			
Зоценко М.М. Повести и рассказы. Нью-Йорк, 1952	730	564 / 77,26	27		200
Иванов Г.В. Петербургские зимы. Нью-Йорк, 1952	2388	2354 / 98,58	16		
Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953	2424	2412 / 99,50	26		
Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев: Роман. Нью-Йорк, 1953	1984	1923 / 96,93			
Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой теленок. Нью-Йорк, 1954	1708	1659 / 97,13			
Иоанн (Шаховской), епископ. Время веры. Нью-Йорк, 1954	1398	1350 / 96,57			
Катэр В. Моя Антония: Роман. Нью-Йорк, 1952	5437	570 / 10,48	9		528
Кеннан Дж.Ф. Проблемы внешней политики США. Нью-Йорк, 1956	1165	1149 / 98,63			
Клюев Н.А. Полное собрание сочинений. Нью-Йорк, 1954. Т. 1–2	2483	2457 / 98,95	1		
Коряков М.М. Освобождение души. Нью-Йорк, 1952	1774	990 / 55,81	6		
Крейн С. Алый шеврон мужества. Нью-Йорк, 1954	1885	423 / 22,44			
Криптон К. Осада Ленинграда. Нью-Йорк, 1952	1035	1*** / 0,1		1	
Леонтьев К.Н. Египетский голубь. Дитя души. Нью-Йорк, 1954	1928	915 / 47,46	2		
Лесков Н.С. Соборяне. Нью-Йорк, 1952	3367	3275 / 97,27	16		
Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953	1420	1316 / 92,68			
Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954	1596	759 / 47,56			72

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28–30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Маковский С.К. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955	781	723 / 92,57			
Максимов С.С. Бунт Дениса Бушуева. Нью-Йорк, 1956	1138	830 / 72,93			2
Максимов С.С. Голубое молчание. Нью-Йорк, 1953	1820	823 / 45,22	4		
Максимов С.С. Тайга: Сборник рассказов. Нью-Йорк, 1952	2989	2907 / 97,26	19		
Малахов С. Беглецы. Отец: Пьесы. Нью-Йорк, 1954	1073	545 / 50,79			
Малахов С. Летчики. Нью-Йорк, 1952	3807	792 / 20,80	6		
Мандельштам О.Э. Собрание сочинений. Нью-Йорк, 1955	928	889 / 95,80			
Марголин А.Д. Основы государственного устройства США. Нью-Йорк, 1954	2514	1520 / 60,46			
Марголин Ю.Б. Путешествие в страну Зэ-ка. Нью-Йорк, 1952	3003	2546 / 84,78			
Мережковский Д.С. Александр I и декабристы. Нью-Йорк, 1955	1462	1425 / 97,47	1		
Милюков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1–2	1740	1519 / 87,30	2		
Мордовцев Д.Л. Железом и кровью: Исторический роман. Нью-Йорк, 1954	1578	1544 / 97,85	1		
Морроу О. Свободны навеки: Исторический роман из жизни Линкольна. Нью-Йорк, 1955	1151	1148 / 99,74			
На Западе: Антология русской зарубежной поэзии. Нью-Йорк, 1953	1800	685 / 38,06			
На перевале: Сборник произведений писателей группы «Перевал»: А.К. Воронского, Ник. Зарудного, Ивана Катаева и др. Нью-Йорк, 1954	972	950 / 97,74			

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28–30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Набоков В.В. Весна в Фиальте и другие рассказы. Нью-Йорк, 1956	1239	1075 / 86,76			
Набоков В.В. Дар: Роман. Нью-Йорк, 1952	1314	760 / 57,84	48		252
Набоков В.В. Другие берега. Нью-Йорк, 1954	1488	1438 / 96,64			
Нароков Н.В. Мнимые величины: Роман в 2-х частях. Нью-Йорк, 1952	1987	1259 / 63,36	15		
Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952	1978	669 / 33,82	15		288
Одоевский В.Ф., кн. Девять повестей. Нью-Йорк, 1954	1547	861 / 55,66	1		
Одоевцева И.В. Оставь надежду навсегда: Роман. Нью-Йорк, 1954	1709	635 / 37,16			
Опальные повести. Нью-Йорк, 1955	994	956 / 96,18			
Ортега и Гассет Х. Восстание масс. Нью-Йорк, 1954	984	968 / 98,37			
Осоргин М.А. Письма о незначительном: 1940–1942. Нью-Йорк, 1952	2023	735 / 36,33	8		512
Пантелеймонов Б.Г. Последняя книга: Рассказы. Нью-Йорк, 1952	2536	496 / 19,56	43		
Пейдж Э. Утро свободы. Нью-Йорк, 1953. Т. 1–2	3647	1415 / 38,80			
Пестрые рассказы: Сборник эмигрантской прозы. Нью-Йорк, 1953	1680	835 / 49,70			
Петрус К. Узники коммунизма. Нью-Йорк, 1953	1337	1300 / 97,23			
Пирогов П.А. За Кур! Нью-Йорк, 1952	2275	1114 / 48,97	4		
Порт-Артур: Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955	1331	1300 / 97,67			
Православие в жизни: Сборник статей. Нью-Йорк, 1953	2166	2104 / 97,14			

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28–30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Приглушенные голоса: Поэзия за железным занавесом. Нью-Йорк, 1952	2521	562 / 22,29			180
Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1–2	3803	1243 / 32,68	86		648
Пупин М. От иммигранта к изобретателю. Нью-Йорк, 1953	1921	609 / 31,70			200
Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953	3155	3034 / 96,16			
Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке: 1801–1914. Нью-Йорк, 1956	2141	1945 / 90,85			
Ремизов А.М. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952	1894	1819 / 96,04	2		
Ржевский Л.Д. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953	2210	1077 / 48,73			
Рихтер К. Дебри: Роман. Нью-Йорк, 1953	1848	807 / 43,67			
Розанов В.В. Избранное. Нью-Йорк, 1956	1105	952 / 86,15			
Романов П.С. Товарищ Кисляков: (Три пары шелковых чулок). Нью-Йорк, 1952	2809	615 / 21,89	11	1	
Русская лирика от Жуковского до Бунина: Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	2230	2018 / 90,49	5		
Сазонова Ю.Л. История русской литературы: Древний период. Нью-Йорк, 1955. Т. 1–2	1915	1833 / 95,72	38		
Сароян В. Человеческая комедия. Нью-Йорк, 1955	1129	1113 / 98,58			
Семенов-Тянь-Шанский А.Д. Отец Иоанн Кронштадтский. Нью-Йорк, 1955	1066	1005 / 94,28			
Слоним М.Л. Три любви Достоевского. Нью-Йорк, 1953	1262	1223 / 96,91			
Соловьев В.С. Три разговора. Нью-Йорк, 1954	1512	1505 / 99,54			

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28–30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Соловьев М. Записки советского военного корреспондента. Нью-Йорк, 1954	1656	899 / 54,29			
Справочник для авторов, переводчиков, корректоров и других работников печати. Нью-Йорк, 1955	242	233 / 96,28			
Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1–2	2341	2072 / 88,51			
Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956	1219	950 / 77,93	1	1	
Терапиано Ю.К. Встречи. Нью-Йорк, 1953	2788	1028 / 36,87			
Толстая А.Л. Отец: Жизнь Льва Толстого. Нью-Йорк, 1953. Т. 1–2	4034	3824 / 94,79			
Труайя А. В горах: Роман. Нью-Йорк, 1955	1073	1063 / 99,07			
Трубецкая О.Н., кн. Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953	1853	865 / 46,68	5		
Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952	1795	1044 / 58,16	33		
Тэффи Н.А. Земная радуга. Нью-Йорк, 1952	1322	1240 / 93,80			
Тютчев Ф.И. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	2147	1917 / 89,29			
Уайлдер Т. Мост короля Людовика Святого. Нью-Йорк, 1955	1592	1585 / 99,56			
Уайт Т. Огонь в пепле. Нью-Йорк, 1955	1125	1150**	1		
Ульянов Н.И. Атосса: Роман. Нью-Йорк, 1952	2645	878 / 33,19	26		

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28–30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Федорова Н. Семья. Нью-Йорк, 1952	1789	1747 / 97,65	36		
Федотов Г.П. Новый град: Сборник статей. Нью-Йорк, 1952	2462	1761 / 71,53	15	1	
Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956	1286	1132 / 88,02			
Фрэжер Э.Ф. Негры в Соединенных Штатах. Нью-Йорк, 1956	1333	1251 / 93,85			4
Хандлин О. Вырванные с корнем. Нью-Йорк, 1955	1103	1100 / 99,73	1		
Ходасевич В.Ф. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954	947	906 / 95,67			
Хомяков А.С. Избранные сочинения. Нью-Йорк, 1955	737	704 / 95,52	1		
Цветаева М.И. Проза. Нью-Йорк, 1953	1724	1698 / 98,49	1		
Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953	1577	683 / 43,31	4		216
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1954. Т. 1	2562	2535 / 98,95	1		
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1954. Т. 2	1545	1462 / 94,63			
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955. Т. 3	1561	1513 / 96,93	3		
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955. Т. 4	1683	1631 / 96,91			
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955. Т. 5	1712	1667 / 97,37			
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955. Т. 6	1760	1694 / 96,25			
Чириков Е.Н. Юность: Роман. Нью-Йорк, 1955	1400	1394 / 99,57			
Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1–2	2020	1890 / 93,56	23		

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Название	Всего на складах и на реализации (на 30 июня 1956 г.), экз.	В наличии (на 28–30 сентября 1956 г.), экз. / % (от остатков)	В т. ч. поврежденные книги, экз.	В т. ч. книги с ошибками печати, экз.	В т. ч. привезенные на склад 30 сентября, экз.
Шварц С.М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952	2710	530 / 19,56			432
Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Нью-Йорк, 1954	1593	1512 / 94,92			
Шмелев И.С. Избранные рассказы. Нью-Йорк, 1955	1470	1442 / 98,10			
Шмеман А.Д., протопресвитер. Исторический путь православия. Нью-Йорк, 1954	2070	2010 / 97,10			1
Щербатов С.А., кн. Художник в ушедшей России. Нью-Йорк, 1955	989	981 / 99,19			
Эртель А.И. Смена: Роман в 2-х частях. Нью-Йорк, 1954	1900	928 / 48,84	1		
Юрасов С. Василий Теркин после войны: (По А. Твардовскому). Нью-Йорк, 1953	1606	924 / 57,53			
Юрасов С. Враг народа: Роман. Нью-Йорк, 1952	1874	925 / 49,36			
Итого:	299171	207297 / 69,29****	1045	10	4702

** Данные превышают официальные цифры «Издательства имени Чехова» (на 30 июня 1956 г.). Причина – неизвестна.

*** Данных о том, куда делось более 1000 экземпляров книги К. Криптона, нет. Отсутствие данных более чем странно, учитывая то, что этого названия не было среди предназначенных к уничтожению в сентябре 1956 г.

**** В среднем по всем изданиям.

Приложение 4

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ КНИГ
«ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ЧЕХОВА»,
хранящихся на складе по адресу: 24 East 22 street, New York
(январь 1958 г.)***

Название	Отпечатано, экз.	Предложено к уничтожению (январь 1958 г.), экз.	Предложено к уничтожению, % (от общего тиража)
Агар Г. Авраам Линкольн. Нью-Йорк, 1954	1575	750	47,62
Агар Г. Во что верит Запад. Нью-Йорк, 1955	1574	654	41,55
Адамович Г.В. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955	1570	408	25,99
Адамс Дж.Т. Американская эпопея. Нью-Йорк, 1953	3147	108	3,43
Алданов М.А. Живи как хочешь: Роман. Нью-Йорк, 1952. Т. 1–2	10 093	2412	23,90
Алданов М.А. Ульмская ночь: Философия случая. Нью-Йорк, 1953	3567	1200	33,64
Александрович А.Д. Записки певца. Нью-Йорк, 1955	1570	290	18,47
Алексеев В.И. Невидимая Россия. Нью-Йорк, 1952	3482	160	4,59
Алексеев В.И. Россия солдатская. Нью-Йорк, 1954	2524	44	1,74
Алексеев Н.Н. Идея государства: Очерки по истории политической мысли. Нью-Йорк, 1955	1575	469	29,78
Аллен Ф.Л. Большие перемены. Нью-Йорк, 1954	2084	616	29,56
Арбатский Ю. Этюды по истории русской музыки. Нью-Йорк, 1956	1575	216	13,71
Ахматова А.А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	3528	920	26,08
Бенуа А.Н. Жизнь художника. Нью-Йорк, 1955. Т. 1–2	3140	532	16,94
Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953	2498	348	13,93

* Данные по тиражам заимствованы из Приложения 1. Сведения о предполагаемых к уничтожению книгах приведены по: Number of Copies for Reduction <January, 1958> // UML. KFYA. YMCA of the USA. International Division. Box 3, folder «Chekhov Publishing House, January – February 1958».

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Название	Отпечатано, экз.	Предложено к уничтожению (январь 1958 г.), экз.	Предложено к уничтожению, % (от общего тиража)
Бок Э. Как Эдуард Бок стал американцем: Автобиография. Нью-Йорк, 1954	2553	520	20,37
Бубнов А.Д. В царской ставке: Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955	1575	320	20,32
Булгаков М.А. Сборник рассказов. Нью-Йорк, 1952	4990	936	18,76
Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк, 1953	4044	1740	43,03
Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк, 1952	5054	2016	39,89
Бунин И.А. Митина любовь. Солнечный удар. Нью-Йорк, 1953	4130	1664	40,29
Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955	2085	464	22,25
Бунин И.А. Петлистые уши и другие рассказы. Нью-Йорк, 1954	3090	1440	46,60
Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954	2041	336	16,46
Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956	1575	328	20,83
Васильев Л.М. Пути советского империализма. Нью-Йорк, 1954	2517	116	4,61
Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры: Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. Нью-Йорк, 1953	2617	720	27,51
Гагарин Е.А. Возвращение корнета. Поездка на святки. Нью-Йорк, 1953	3000	1008	33,60
Гоголь Н.В. Повести. Нью-Йорк, 1952	3998	2508	62,73
Гольденвейзер А.А. В защиту права: Статьи и речи. Нью-Йорк, 1952	2079	280	13,47
Горчаков Н.А. История советского театра. Нью-Йорк, 1956	1575	289	18,35
Гуль Р.Б. Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952	5042	572	11,34
Гумилев Н.С. Отравленная туника и другие неизданные произведения. Нью-Йорк, 1952	3056	168	5,50
Даманская А.Ф. Миранда: Роман. Нью-Йорк, 1953	2045	576	28,17
Данилевский Г.П. Сожженная Москва: Исторический роман. Нью-Йорк, 1954	2096	300	14,31

Название	Отпечатано, экз.	Предложено к уничтожению (январь 1958 г.), экз.	Предложено к уничтожению, % (от общего тиража)
Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953	3141	480	15,28
Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк, 1954	2553	120	4,70
Евреинов Н.Н. История русского театра: С древнейших времен до 1917 года. Нью-Йорк, 1955	1550	144	9,29
Елагин И.В. По дороге оттуда: Стихи. Нью-Йорк, 1953	2004	480	23,95
Елагин Ю.Б. Темный гений: (Всеволод Мейерхольд). Нью-Йорк, 1955	2100	706	33,62
Елагин Ю.Б. Укрощение искусств. Нью-Йорк, 1952	3495	416	11,90
Зайцев Б.К. Дерево Жизни. Нью-Йорк, 1953	3614	432	11,95
Зайцев Б.К. Чехов: Литературная биография. Нью-Йорк, 1954	2609	800	30,66
Замятин Е.И. Лица. Нью-Йорк, 1955	2060	854	41,46
Зилоти В.П. В доме Третьякова. Нью-Йорк, 1954	2624	960	36,59
Иванов Г.В. Петербургские зимы. Нью-Йорк, 1952	3546	1848	52,12
Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953	3536	1248	35,29
Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев: Роман. Нью-Йорк, 1953	4200	920	21,90
Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой теленок. Нью-Йорк, 1954	3050	684	22,43
Иоанн (Шаховской), епископ. Время веры. Нью-Йорк, 1954	2611	520	19,92
Катэр В. Моя Антония: Роман. Нью-Йорк, 1952	6500	308	4,74
Кеннан Дж.Ф. Проблемы внешней политики США. Нью-Йорк, 1956	1570	852	54,27
Клюев Н.А. Полное собрание сочинений. Нью-Йорк, 1954. Т. 1–2	3199	1660	51,89
Коряков М.М. Освобождение души. Нью-Йорк, 1952	3018	352	11,66
Крейн С. Алый шеврон мужества. Нью-Йорк, 1954	2502	112	4,48
Леонтьев К.Н. Египетский голубь. Дитя души. Нью-Йорк, 1954	2616	144	5,50

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Название	Отпечатано, экз.	Предложено к уничтожению (январь 1958 г.), экз.	Предложено к уничтожению, % (от общего тиража)
Лесков Н.С. Соборяне. Нью-Йорк, 1952	5008	2464	49,20
Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953	2595	432	16,65
Максимов С.С. Голубое молчание. Нью-Йорк, 1953	2579	240	9,31
Максимов С.С. Тайга: Сборник рассказов. Нью-Йорк, 1952	5009	2052	40,97
Малахов С. Беглецы. Отец: Пьесы. Нью-Йорк, 1954	1565	252	16,10
Малахов С. Летчики. Нью-Йорк, 1952	4966	444	8,94
Мандельштам О.Э. Собрание сочинений. Нью-Йорк, 1955	1560	180	11,54
Марголин А.Д. Основы государственного устройства США. Нью-Йорк, 1954	3140	1800	57,32
Марголин Ю.Б. Путешествие в страну Зэ-ка. Нью-Йорк, 1952	5147	1728	33,57
Мережковский Д.С. Александр I и декабристы. Нью-Йорк, 1955	2100	476	22,67
Мордовцев Д.Л. Железом и кровью: Исторический роман. Нью-Йорк, 1954	2500	720	28,80
Морроу О. Свободны навеки: Исторический роман из жизни Линкольна. Нью-Йорк, 1955	1575	828	52,57
На Западе: Антология русской зарубежной поэзии. Нью-Йорк, 1953	2517	252	10,01
На перевале: Сборник произведений писателей группы «Перевал»: А.К. Воронского, Ник. Зарудного, Ивана Катаева и др. Нью-Йорк, 1954	1553	413	26,59
Набоков В.В. Весна в Фиальте и другие рассказы. Нью-Йорк, 1956	1540	448	29,09
Набоков В.В. Дар: Роман. Нью-Йорк, 1952	2500	180	7,20
Набоков В.В. Другие берега. Нью-Йорк, 1954	2091	724	34,62
Нароков Н.В. Мнимые величины: Роман в 2-х частях. Нью-Йорк, 1952	3606	432	11,98
Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952	3000	396	13,20
Одоевский В.Ф., кн. Девять повестей. Нью-Йорк, 1954	2056	224	10,89

Название	Отпечатано, экз.	Предложено к уничтожению (январь 1958 г.), экз.	Предложено к уничтожению, % (от общего тиража)
Опальные повести. Нью-Йорк, 1955	1546	411	26,58
Ортега и Гассет Х. Восстание масс. Нью-Йорк, 1954	1577	327	20,74
Осоргин М.А. Письма о незначительном: 1940-1942. Нью-Йорк, 1952	3000	210	7,00
Пейдж Э. Утро свободы. Нью-Йорк, 1953. Т. 1-2	5080	770	15,16
Пестрые рассказы: Сборник эмигрантской прозы. Нью-Йорк, 1953	2519	320	12,70
Петрус К. Узники коммунизма. Нью-Йорк, 1953	2041	826	40,47
Пирогов П.А. За Курс! Нью-Йорк, 1952	3591	576	16,04
Порт-Артур: Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955	2102	848	40,34
Православие в жизни: Сборник статей. Нью-Йорк, 1953	3035	1240	40,86
Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1-2	5213	572	10,97
Пупин М. От иммигранта к изобретателю. Нью-Йорк, 1953	2508	400	15,95
Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953	5017	1088**	21,69
Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке: 1801-1914. Нью-Йорк, 1956	2630	460**	17,49
Ржевский Л.Д. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953	3098	648	20,92
Рихтер К. Дебри: Роман. Нью-Йорк, 1953	2539	420	16,54
Романов П.С. Товарищ Кисляков: (Три пары шелковых чулок). Нью-Йорк, 1952	4000	246	6,15
Русская лирика от Жуковского до Бунина: Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	4000	972	24,30
Сазонова Ю.Л. История русской литературы: Древний период. Нью-Йорк, 1955. Т. 1-2	3148	816	25,92
Сароян В. Человеческая комедия. Нью-Йорк, 1955	1569	528	33,65
Слоним М.Л. Три любви Достоевского. Нью-Йорк, 1953	2537	520	20,50
Соловьев В.С. Три разговора. Нью-Йорк, 1954	2500	80	3,20

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

Название	Отпечатано, экз.	Предложено к уничтожению (январь 1958 г.), экз.	Предложено к уничтожению, % (от общего тиража)
Соловьев М. Записки советского военного корреспондента. Нью-Йорк, 1954	2560	360	14,06
Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1–2	3150	698	22,16
Терапиано Ю.К. Встречи. Нью-Йорк, 1953	3604	448	12,43
Толстая А.Л. Отец: Жизнь Льва Толстого. Нью-Йорк, 1953. Т. 1–2	7222	2088**	28,91
Труайя А. В горах: Роман. Нью-Йорк, 1955	1572	484	30,79
Трубецкая О.Н., кн. Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953	2561	192	7,50
Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952	3035	216	7,12
Тэффи Н.А. Земная радуга. Нью-Йорк, 1952	3491	364	10,43
Тютчев Ф.И. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952	3500	1296	37,03
Уайлдер Т. Мост короля Людовика Святого. Нью-Йорк, 1955	2075	1159	55,86
Уайт Т. Огонь в пепле. Нью-Йорк, 1955	1575	536	34,03
Ульянов Н.И. Атосса: Роман. Нью-Йорк, 1952	3552	320	9,00
Федорова Н. Семья. Нью-Йорк, 1952	3619	560	15,47
Федотов Г.П. Новый град: Сборник статей. Нью-Йорк, 1952	3588	1116	31,10
Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956	1568	490	31,25
Фрэжер Э.Ф. Негры в Соединенных Штатах. Нью-Йорк, 1956	1575	820	52,06
Хандлин О. Вырванные с корнем. Нью-Йорк, 1955	1528	710	46,47
Ходасевич В.Ф. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954	1545	72	4,67
Цветаева М.И. Проза. Нью-Йорк, 1953	2525	760	30,10
Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953	2575	324	12,58
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1954. Т. 1	4047	1872	46,26
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1954. Т. 2	2620	836	31,91

* Указанные книги в документе имеют помету «оставить» (т. е. сохранить).

Название	Отпечатано, экз.	Предложено к уничтожению (январь 1958 г.), экз.	Предложено к уничтожению, % (от общего тиража)
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955. Т. 3	2580	873	33,84
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955. Т. 4	2618	1014	38,73
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955. Т. 5	2575	997	38,72
Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, 1955. Т. 6	2625	1040	39,62
Чириков Е.Н. Юность: Роман. Нью-Йорк, 1955	2060	497	24,13
Шварц С.М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952	4000	240	6,00
Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Нью-Йорк, 1954	2625	528	20,11
Шмелев И.С. Избранные рассказы. Нью-Йорк, 1955	2102	960	45,67
Щербатов С.А., кн. Художник в ушедшей России. Нью-Йорк, 1955	1575	444	28,19
Эртель А.И. Смена: Роман в 2-х частях. Нью-Йорк, 1954	2517	280	11,12
Юрасов С. Василий Теркин после войны: (По А. Твардовскому). Нью-Йорк, 1953	2960	560	18,92
Юрасов С. Враг народа: Роман. Нью-Йорк, 1952	3463	360	10,40
Итого:	460772	91853	19,93

М. Вендитти

ВОПРОС О РЕФОРМЕ ОРФОГРАФИИ В ЭМИГРАЦИИ
(Н.К. КУЛЬМАН И Ф.А. БРАУН)

Реформа русской орфографии 1917–1918 гг., в связи с которой изменились правила правописания и были упразднены некоторые буквы алфавита, вызвала бурные дискуссии. Несмотря на то что первые попытки в этом направлении начались еще в конце XIX в. в Академии наук, реформа сразу же получила клеймо большевизма. Филологи, писатели, философы, педагоги, языковеды — как в России, так и в эмиграции — принимали активное участие в острой расправе, которая не прекращается до сих пор. О широком резонансе данного вопроса свидетельствует огромное количество материала, разбросанного по газетам, журналам, мемуарам, статьям, не говоря уже о книгах. В эмиграции новое правописание было отвергнуто особенно резко как символ большевизма, и большая часть печати не принимала его вплоть до 40–50-х гг. XX в.

В данной полемике противники реформы отождествляют орфографию с языком как прочным носителем культуры, исторической традиции и в особенности религиозных ценностей России. Защитники, наоборот, видят в реформе лишь внешнее изменение, которое упрощает правописание и делает образование более доступным для всех. Для сторонников реформы язык находится в постоянном развитии, связан с историческим и культурным изменением страны. В этом контексте оппозиция «сложно» — «просто» влечет за собой политические и лингвистические оценки. Чтобы показать особенно резкий тон дискуссии, приведем несколько примеров. Среди первых реакций — статья Вячеслава Иванова «Наш язык» (1918–1920), написанная для невышедшего сборника «Из глубины» и впервые опубликованная только в 1976 г. в журнале «Грани» [Иванов 1976]. В ней философ полемизирует с П.Н. Сакулиным, автором книги «Реформа русского правописания» (Пг., 1917). Последний защищает реформу и одобряет упрощение русской орфографии, которое он определяет как «секуляризацию правописания». Иванов, наоборот, осуждает реформу, подчеркивая эстетическую сторону русского языка со своим прошлым, его культурно-историческую насыщенность, и прежде всего его религиозные корни: «Язык наш неразрывно сросся с глаголами церкви: мы хотели бы его обмирщить. <...> Нет, не может быть обмирщен в глубинах своих русский язык!» [Иванов 1991, с. 359, 360].

В дневнике И. Бунина, в записи от 24 апреля 1919 г., есть хрестоматийно известное изречение по этому вопросу: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уж хотя бы по одному тому, что

никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию» [Бунин 1935, т. 10, с. 120]. Позже — в 1926 г. — писатель добавляет: «...по ней написано всё самое злое, низкое и лживое, что только было написано на земле <...> она (реформа) заборная, объявленная невеждой и хамом. <...> Именно “невежда и хам”, то есть большевик, приказал под страхом смертной казни употреблять только эту орфографию» [Бунин 1988, с. 232–233].

В 1928 г. Д.С. Лихачев был арестован и осужден на пять лет заключения в концлагере на Соловках, в том числе и за полшутливый доклад с названием: «Медиации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической русской орфографии, попоранной и искаженной врагом церкви христовой и народа российского» [Лихачев 1993, с. 6–14].

В настоящей статье я бы хотела сопоставить два мнения о реформе правописания: Николая Карловича Кульмана (1871–1940) и Федора Александровича Брауна (1862–1942). Это сопоставление интересно тем, что на первый взгляд ученые во многом схожи: оба академики, известные филологи, языковеды, педагоги, оба находятся в эмиграции после революции: Н.К. Кульман — в Париже, Ф.А. Браун — в Лейпциге. Между тем именно в эмиграции вопрос о новом правописании принял характер чисто политический, т. е. связанный с «новой Россией». Подход Брауна и Кульмана к данной теме является принципиально научным, но выводы они делают совершенно разные. Что касается Ф.А. Брауна, то с полной уверенностью можно утверждать, что он был за реформу по вполне рациональным и научным причинам, а вот позиция Н.К. Кульмана — более сложная и отчасти противоречивая.

Федор Браун, филолог-германист, 10 мая 1921 г. опубликовал в берлинской газете «Руль» статью под названием «Новая орфография» [Браун 1921]. Статья же Николая Кульмана «О русском правописании» появилась в 1923 г. в журнале «Русская мысль» [Кульман 1923]. После Октябрьской революции Браун работал в методических комиссиях Наркомпроса по реформе педагогического образования. Кульман, в свою очередь, был одним из участников орфографической подкомиссии при Академии наук, следовательно, его историческая и теоретическая статья — рассказ прямого участника в деле реформы.

Рассмотрим подробнее позиции Брауна и Кульмана в вопросе о новом правописании.

Статья Брауна сопровождается редакционной заметкой, в которой резюмируются события, связанные с реформой, подчеркивается резкий тон ее обсуждения и насильственный способ введения новых правил большевиками; согласно редакции «Руля», дискуссия о реформе имеет принципиальную важность, особенно для будущего, т. е. «после неизбежного падения большевиков».

Браун фактически полемизирует с редакционным введением; сначала он называет цель своей статьи: «...попытаться рассеять ряд недоразумений, вносящих совершенно излишнюю остроту в споры о ней (реформе). В самом деле, частенько в этих спорах слышится нота чуть не политическая: новая реформа отвергается, как одно из новшеств последнего периода русской жизни, как большевистская затея, которая уже по одному тому неприемлема, что она — большевистская» [Браун 1921, с. 2].

Простая историческая справка, продолжает Браун, может легко прояснить недоразумение: обсуждение возможности реформировать алфавит и правописание началось в Академии наук, но реформа была проведена при Временном правительстве, когда министром народного просвещения был Мануйлов, откуда пошло ироническое название нового алфавита — «мануйлица».

Автор утверждает, что принятие реформы и введение ее в жизнь явилось нормальным актом подчинения правительству и без протеста было признано всей Россией. Он упоминает, что «...было намечено переходное время, лишь по истечении которого новое правописание должно было стать общеобязательным, по крайней мере в школе» [Браун 1921, с. 2]. И действительно, в Декрете о введении нового правописания 23 декабря 1917 г. за подписью Луначарского мы читаем: «Во всех школах республики переход к новому правописанию должен быть произведен согласно следующим основаниям:

1) Реформа правописания проводится постепенно, начиная с младшего отделения начальной школы.

2) При проведении реформы не может быть допущено принудительного переучивания тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания»¹.

С другой стороны, Браун отмечает, что «...правительство слишком ускорило темп ее проведения и резко формулировало обязательность новых правил в казенной переписке и в печати», но заключает: «Существо же дела осталось старое. А это существо, на мой взгляд, не должно бы вызывать неприязни, от кого бы реформа ни исходила» [Там же]. Она, продолжает Браун, хорошо отвечает на закон экономии языка, потому что «...устраняет ряд устарелых явлений, давно ставших бессмысленными, и тем значительно облегчает усвоение орфографических правил, — стало быть, она и педагогически разумна. Казалось бы, что этого достаточно для принятия дельной реформы без протеста» [Там же]. Возражения против реформы, кроме чисто политических, согласно Брауну, опираются на два аргумента: сохранение традиции и личных навыков. Филолог сразу же опровергает распространенное особенно в эмигрантской среде идеологическое возражение: «...какая же “идея” в орфографии? Поверьте, никакой идеи в ней нет; есть только форма, по существу совершенно безразличная, и дело осложняется здесь лишь тем, что ею, как сказано, определяется наше эстетическое восприятие печатного слова. <...> Вообще надо помнить, что орфография всегда представляет условную, более или менее произвольную форму, которая по существу никакой связи с облакаемым в нее звуковым содержанием не имеет и передает последнее лишь весьма грубо. Никогда и нигде письмо не выражало всех оттенков речи; никто никогда не пишет так, как произносит. Строго говоря, совершенно безразлично, как пишет человек, — лишь бы написанное им понималось читающим без труда» [Там же]. Традиция, продолжает Браун, укрепила употребление (узус) русского языка в его фоническом аспекте, но, в отличие от английского языка, развивалась более медленно, и не существует такой значительной разницы между писанием и произношением. Таким образом, со временем некоторые буквы оказались лишними, т. е. «ер», «ять», «фита» и «и десятиричное»: «Принципиальных или идейных воз-

¹ <http://www.russportal.ru/index.php?id=oldorth.decret1917> (дата обращения: 06.02.14).

ражений против этого быть не могло, ибо принципы, повторяю, тут не при чем: единственным мерилom в вопросах правописания — при общей условности последнего — может и должна быть техническая целесообразность, упрощение и облегчение усвоения правил» [Браун 1921, с. 3].

Орфографический вопрос — это вопрос чисто практический; он не является ни научным, ни тем более политическим. Кто если не правительство, спрашивает Браун, должно объявлять распоряжение, которое как закон должно быть обязательно для всех? Он приводит пример Германии, где реформа орфографии вводилась в 1873 г. и в 1903 г.

Изменения, внесенные новой реформой, касаются не только устранения букв, но и некоторых флексивных форм, сложных и устаревших (-ия, -яго и др.). В этом случае, пишет Браун, был необходим компромисс, особенно при наличии такого множества диалектов, как в России, и поэтому в качестве образца было установлено литературное произношение. Кроме того, реформа регулирует некоторые колебания и непоследовательности, как, например, «ер» в конце слов. Браун подытоживает свои соображения в пользу новой реформы: «Надо помнить, что и в орфографии идеал вообще неосуществим: его не было никогда на деле, и не будет. Решающее значение имеет то, что новые правила проще и целесообразнее старых, — а в этом едва ли может быть сомнение. <...> Принять мы их должны. Вся учащаяся и служащая Россия <...> уже три года пишет по новой орфографии, привыкла к ней и, в огромном большинстве, оценила. Никто, я уверен, не смог бы заставить учащуюся молодежь вернуться к ненужным, а потому бессмысленным ять и ерь, от лучшего вернуться к худшему» [Там же].

Рассмотрим теперь позицию Николая Кульмана, непосредственного участника в работах по реформе. Кульман активно занимался педагогикой и в 1900-е гг. опубликовал ряд пособий по методике и истории русского языка. В эмиграции он продолжает свою языковедческую и педагогическую деятельность: преподает сначала в лицеях Парижа, затем в Сорбонне. Изучение и преподавание русского языка в эмиграции приняло для Кульмана форму сохранения традиции, и этой цели посвящена его книга «Как учить наших детей русскому языку?» (Париж, 1932).

В качестве эпиграфов к статье «О русском правописании» (1923) Кульман выбирает цитаты из Бунина и Лескова, указывая, таким образом, направление своей аргументации. Его аргументация противоречива: как языковед Кульман, в сущности, не опровергает необходимость реформировать правописание, но как консервативно настроенный человек он решительно отвергает большевизм и введенные большевиками реформы. В обсуждении вокруг реформы, пишет Кульман, господствует много неосведомленности как среди противников, так и среди защитников. Например, утверждение, что существует разница в произношении букв «ять» и «е», как писали Вячеслав Иванов и поэт Константин Бальмонт, совершенно необоснованно. Стоит прочесть «Российскую грамматику» Ломоносова, чтобы в этом убедиться. Еще один пример: утверждение, что первые попытки реформировать русское правописание были приняты в Академии, является для Кульмана слишком «упрощенным». Цель своей статьи он

видит, таким образом, в выяснении данного вопроса: «Не подлежит сомнению, что рано или поздно наступит время, когда вопрос о правописании придется поставить ребром, и я, как член орфографической комиссии и подкомиссии, созданных в 1904 году Академией наук и выработавших основы упрощения правописания, считаю себя обязанным осветить его с возможной полнотой и общедоступностью» [Кульман 1923, с. 4].

Кульман, как и Браун, отмечает несомненную условность обозначения знаков для звуков языка. Произношение, с другой стороны, является более сложным вопросом: язык живет и изменяется в разных его аспектах (значения слов, флексия, синтаксические обороты и т. п.). Здесь помогает «традиция», исторический принцип: «...время, литература и школа успевали вырабатывать известную привычку, традицию писать соответственно прежнему произношению слов» [Там же, с. 5–6].

Вопрос об упрощении правописания, рассказывает Кульман, возник в 1903 г., когда Педагогическое общество при Казанском университете обратилось в Отделение русского языка и словесности Академии наук по поводу правил, установленных еще в XIX в. академиком Яковом Гротом. «Русское правописание» Грота являлось официальным и обязательным учебником для преподавания в школах. Казанское Педагогическое общество указывало на некоторые его несоответствия, на его обветшание, на необходимость его пересмотра. Академия ответила, что она «...не могла бы представить принципиальные возражения против мысли о желательности заменить правописание академика Грота другим, более простым и более систематичным» [Там же, с. 8].

Кульман, как и Браун, пишет, что нужно было заключить какой-то компромисс между двумя принципами — фонетическим и историческим. Академия, продолжает он, не возражала против удаления «...излишнего, искусственно сложного, случайного, противоречивого» в предписаниях Грота. Но, с другой стороны, академики «...ни в коем случае не могли бы привести к той системе, которая теперь называется новым правописанием» [Там же]. Кульман считает, что вопрос о реформе назрел еще в 1904 г., когда «...в старой орфографии многие стали видеть один из способов, которым правительство держало народ в темноте» [Там же, с. 9]. Особенно это относилось к «сельским учителям» — для них сложность правописания являлась большим препятствием преподаванию. Тогда была создана комиссия из пятидесяти человек, в которую вошли языковеды, литературоведы, представители школы и периодической печати. Появились две позиции: одна, более умеренная, представленная А. Шахматовым, вторая — Ф. Фортунатовым, но в целом единогласно было решено упростить русское правописание (например, устранить четыре буквы: «фиту», «ер», «и десятеричное» и «ять»). Была образована еще и подкомиссия, в которой участвовали такие крупные ученые, как А. Соболевский, Ф. Фортунатов, А. Шахматов, И. Бодуэн де Куртенэ, П. Сакулин и сам Кульман, но их «Предварительное сообщение» в мае 1904 г. встретило несогласие и возражения «буквально со всех концов России». «Громадное большинство русского культурного общества подобной реформе не сочувствовало (курсив Н. Кульмана. — М.В.)» [Там же, с. 11], продолжает Кульман, и тогда проект остал-

ся в архиве. Подкомиссия не собиралась до 11 мая 1917 г., когда была вызвана министром народного просвещения Герасимовым. Ее председателем стал Шахматов, остальные члены менялись. Сам Кульман выступил против реформы, и только немногие поддержали его. Никакой дискуссии не было, Академия молчала. «Реформа была принята в атмосфере революционного кипения и при помощи революционных методов, — рассказывает Кульман. — Хотя я был всегда убежден в необходимости упростить и упорядочить гротовское правописание, однако такая расправа с общей системой русской орфографии заставила меня выступить в печати против мануйловского циркуляра <...> новая орфография, совершенно не будучи академической, стала большевицкой» [Кульман 1923, с. 12].

Защитники реформы, пишет Кульман, ссылаются на авторитет Шахматова как ее инициатора, который позже переосмыслил свою позицию. Кульман рассказывает об их встрече в Петрограде в июне 1918 г. и приводит слова Шахматова: «А знаете, в том, что происходит, отчасти и мы виноваты. Заседание, в котором мы приняли новую орфографию, было по настроению большевицким. Вы были правы, назвавши циркуляр Мануйлова приказом № 1. Мы тоже разрушители» [Там же, с. 13].

В заключении Кульман резюмирует возражения против реформы: во-первых, «никто не имеет права насильственно производить изменения в системе установившейся орфографии»; во-вторых, «в реформе нет никакой настоятельной надобности»: сложность правописания связана не с ней самой, а с неправильной методикой преподавания; в-третьих, «реформа неразумна» без перепечатывания всех классиков. Эти высказывания не все бесспорные, но важно, по Кульману, одно: «Крутая и насильственная ломка правописания в стране с богатым литературным наследием — недопустима» [Там же, с. 13–14].

Следом за решительным осуждением реформы Кульман приводит некоторые лингвистические соображения о ее научности. Здесь он совсем не опровергает сущность изменений: например, писать «ее» вместо «ея» вполне допустимо, ничего не меняется. Но еще раз апеллирует к надобности сохранения традиции: «... правописание — часть нашей культуры, неотъемлемая часть нашей литературной истории» [Там же, с. 14]. Утверждение Брауна, что уже нельзя делать шаг назад, по мнению Кульмана, является неубедительным, раз по старой орфографии писали 150 лет. «Проще», он продолжает, не значит «правильнее», и еще раз повторяет, что упрощение алфавита и правописания только дисквалифицирует уровень школьного обучения. Выводы Кульмана следующие: «Для кого “новая” Россия начинается с большевиков, тот, само собой, должен защищать и новое правописание, один из их атрибутов, но, кто не с большевиками, тот должен старую орфографию оберегать» [Там же, с. 15].

Работы Н.К. Кульмана и Ф.А. Брауна являются, без сомнения, интересными документами как для истории русской культуры, так для истории русского языкознания. Они свидетельствуют о том, что и в эмиграции были разные отношения к так называемой новой России. Если работы Кульмана о методике преподавания русского языка до сих пор считаются очень современными и используются в вузах, то его позиция в дискуссии о правописании является крайне консервативной

и чисто политической. Позиция Брауна, наоборот, более умеренна и, в сущности, очень актуальна с чисто языковой точки зрения. Восстановить полную картину вопроса о реформе — это дело будущего. Споры об орфографии представляют собой интересную страницу истории русской культуры в эмиграции.

Литература

- Браун 1921 — *Браун Ф.* Новая орфография // *Руль.* 1921. 10 мая (27 апр.). № 143. С. 2–3.
- Бунин 1935 — *Бунин И.* Окаянные дни // *Бунин И.* Собр. соч.: в 11 т. <Берлин:> Петрополис, 1935. Т. 10.
- Бунин 1988 — *Бунин И.* Публицистика 1918–1953 годов / под ред. О.Н. Михайлова. М., 1988.
- Иванов 1976 — *Иванов Вяч.* О русском языке (Два отрывка) // *Грани.* 1976. № 102.
- Иванов 1991 — *Иванов Вяч.* Наш язык // *Вехи. Из глубины / сост. и подгот. текста А.А. Яковлева; примеч. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова, А. Келли. М., 1991. С. 354–360.*
- Кульман 1923 — *Кульман Н.* О русском правописании // *Русская мысль.* 1923. Кн. VI–VIII. С. 3–16. (Отд. оттиск).
- Лихачев 1993 — *Лихачев Д.С.* Статьи ранних лет. Тверь, 1993.

В.В. Леонидов

«МУЧЕНИК СВЕТОТЕНИ».
АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВ (1901–1982)

В честь этого удивительного человека проходят кинофестивали и научные конференции, его наследию посвящают свои работы десятки исследователей кинематографа и книжной графики. Имя всегда упоминается в ряду русских эмигрантов, которые своим творчеством открыли новые горизонты в мировой науке и культуре — Игорем Сикорским, Владимиром Зворыкиным, Марком Шагалом, Александром Бенуа, Михаилом Чеховым [Гиеова 1997, с. 151–152]. И все же в России, на родине, которую он так безмерно любил и по которой тосковал в Париже, Александр Александрович Алексеев, великий аниматор и художник книги, известен достаточно узкому кругу.

Правда, круг этот далеко не самый простой и ординарный. Своим учителем Алексеева называли наши замечательные мультипликаторы Юрий Норштейн [Норштейн 1993] и обладатель «Оскара» Александр Петров [Петров 2013, с. 304]. Другой наш обладатель «Оскара» Никита Михалков вместе с Еленой Чавчавадзе сделал Александра Александровича главным героем одной из серий своего цикла «Русские без России». Фильм назывался «Александр Алексеев. Русский француз». Безоговорочным почитателем таланта Алексеева является наш великий музыкант Геннадий Рождественский [Рождественский 1998]. Михаил Шемякин часто вспоминал, что именно встреча с Алексеевым в Париже во многом определила его судьбу [Шемякин 2005].

Начало жизни Александра Алексеева мало чем отличалось от трагедии его поколения, драмы русских мальчишек, чье детство и юность были раздавлены «красным колесом» революции и Гражданской войны. Уцелев в мясорубке братоубийственной бойни, они всю жизнь прожили вне своей страны.

Александр Алексеев родился 5 (18) апреля в Казани, в семье военного дипломата и дочери священника. Отец был человеком необыкновенных способностей — знал 37 языков. Раннее детство будущий мастер провел в Константинополе — там Алексеев-старший служил военным атташе при русском посольстве. Его карьера вырисовывалась блистательно — он был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени и серебряной медалью на Александровской ленте в память императора Александра III¹. Но последовала неожиданная смерть во время командировки в Германию. Долго ходили слухи о его убийстве, так как этот человек имел слишком большое влияние и умел убеждать

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 15219. Л. 46.

Александр Алексеев

своих партнеров по переговорам действовать в интересах России. И лишь недавно в Российском государственном военно-историческом архиве, в фонде Генерального штаба были найдены документы, четко и ясно свидетельствующие, что Алексеев умер от болезни в августе 1906 г. в немецком городе Рейхенхале, в Баварии, и перед смертью писал на имя Николая II и посла России в Константинополе, напоминая, что после него остаются его жена, Мария Никандровна, дочь казанского священника о. Никандра Полидорова, и трое сыновей — Владимир, Николай и Александр.

«Умирая, чувствую себя мало сделавшим для пользы ВАШЕЙ, обожаемый МОНАРХ, а также и пользы дорогого моего Отечества, но верьте, ГОСУДАРЬ, что вся продолжительная моя служба была направлена исключительно для блага ВАШЕГО, ГОСУДАРЬ, и России. Прошу Ваших щедрых милостей к

моей семье, жене и трем малолетним сыновьям, будущим верным Вашим слугам», — диктовал он свое последнее письмо².

Жизнь маленького Саши и его двух старших братьев резко переменилась.

Мать вместе с сыновьями уезжает в Санкт-Петербург. Там Алексеев из уважения к заслугам отца был принят в первый кадетский корпус, располагавшийся в знаменитом Меншиковском дворце. Будущий метр проучился там семь лет — от благословенного 1912-го — предпоследнего спокойного года Российской империи — до 1917-го.

Уже тогда, с самых ранних лет, он очень остро подмечал всё, что творилось вокруг. Черные силуэты торговых кораблей на горизонте Босфора, тени портретов русских императоров в длинных коридорах кадетского корпуса — кажется, они тоже сформировали этот удивительный талант, с такой мощью воплотившийся в его необыкновенных фильмах и иллюстрациях к книгам. «Босфор, растилавшийся перед домом, был похож на огромного зверя, огромную рептилию, огромную плоть из расплавленного свинца, вздрагивающую и будоражащую поверхность воды, отнюдь не ровной, а бугристой, подобной рептилии, под глад-

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 15219. Л. 4.

кой кожей которой постоянно шевелятся мышцы» [Алексеев 2001, с. 278]. Тогда он уехал к родственникам в Уфу, где некоторое время занимался в Школе искусств, основанной Давидом Бурлюком. А затем, вместе с другими кадетами, через ледяные степи и разоренные города, едва не погибнув от голода, холода и пуль, Алексеев добрался до Владивостока, откуда на корабле его и других учеников кадетских корпусов вывезли от наступающих частей Красной армии навстречу полной неизвестности. Впоследствии, уже в Париже, Александр Александрович так вспоминал эти дни:

«На марше нас было триста мальчишек, и обоз из шести саней с вещмешками. Мы взяли направление на Троицк, прифронтовой пункт на Транссибирской железнодорожной ветке: это означало поход на триста километров к Северу. Термометр показывал 33 ниже нуля <...>. Мы больше не пели. Боль в горле усилилась, и вскоре я не мог глотать твердую пищу. Десны покрылись нарывами, зубы стали красными. Снег, который я глотал, чтобы утолить жажду, не помогал <...>. Я не думал, что наш исход — это несчастье. Напротив, я считал, что это исследовательское путешествие и, значит, подарок судьбы. Я с любопытством наблюдал неизвестный мне мир, от которого меня ограждало изнеженное воспитание. Как я жалел, что не могу писать красками! Не желая прерывать свое обучение, я избрал следующее упражнение: надо было перечислить в уме всевозможные варианты смешения красок для изображения светлого и темного <...>. Я наблюдал, как сталкиваются, отражаются и проникают друг в друга световые лучи, посылаемые двумя необъятными поверхностями — небом и светом» [Алексеев 1999а, с. 77]. Просто поразительно, как любые испытания этот удивительный человек использовал для осмысления окружающего мира и творческих планов

В набитом до отказа трюме корабля, мучаясь вместе с другими от недостатка еды и воды, он не расставался с блокнотом, непрерывно набрасывая все происходившее вокруг.

Командир корабля, чтобы не погибнуть с голоду, подрядился перевозить на своем корабле грузы. Они побывали во многих странах, и в конце концов Александр оказался в Египте.

Он разыскал прославленного мастера Ивана Билибина, расписывавшего в Стране пирамид дома богатых греков и православные церкви. Вот как сам Алексеев вспоминал об этой встрече: «Он жил в элегантном артистическом павильоне, окруженном розарием. Необозримое настенное творение, которое он заканчивал для коптского собора, занимало все ателье. Его юная подружка, четырнадцати лет отроду, была дочкой модного романиста (Людмила Евгеньевна Чирикова. — В. Л.) <...>. С любезностью, свойственной для талантливых художников, Билибин что-то нашел в моих эскизах. “Будьте настойчивы, — сказал он мне. — Впрочем, живописи можно учиться только в двух городах: в Мюнхене и в Париже”. Он дал мне два рекомендательных письма: Вдруг пригодится» [Алексеев 2002, с. 364]. Именно эту рекомендацию в Париже Алексеев впоследствии и предоставил Судейкину. Чтобы попасть в Европу, пришлось пробраться на корабль тайком — денег, естественно, не было. Во французском городе Каси какая-то старая добрая женщина, поразившись, насколько нищий русский мальчик владеет французским, дала ему денег на поезд до Парижа.

Начало было очень похожим на путь тысяч и тысяч его сверстников. «Первая работа, которую он нашел в столице, была не только физической и изнурительной, но и просто опасной: три месяца отец отмывал изнутри железнодорожные цистерны, перевозившие вино. Однажды, надышавшись ядовитыми парами, он потерял сознание. Отцу повезло: на следующее утро его нашли на дне одной из цистерн. Придя в себя, он тут же отправился искать другую работу.

Жил он все это время в гараже. Помня, как спасались от холода в России, он собирал свои старые газеты и, навалив большую кучу, спал в них как в кровати», — вспоминала рассказы Александра Александровича его дочь [Алексеева-Роквелл 2013, с. 20]. Но все-таки ему повезло. Письмо Билибина свое дело сделало. Алексеев стал работать у Судейкина, оформлявшего спектакли лучших русских театров Парижа. Старт был более чем успешным. Фантастическая одаренность юноши вызывала восторг и уважение у окружающих. Лучшие русские режиссеры и антрепренеры Парижа — Балиев, Питоев, Комиссаржевский — приглашали его помогать оформлять спектакли. Алексеев стал зарабатывать, в 1923 г. женился на актрисе театра Питоева Александре Гриневской, также прекрасной художнице. В этом же году у них родилась дочь Светлана.

Но Александр Алексеев отличался качествами настоящего художника. Этот мастер просто физически не мог останавливаться, пусть даже достигнув, казалось бы, вполне достойных вершин. «Я думаю, что искусство только тогда является искусством, когда содержит в себе открытие <...>. Иначе художник становится ремесленником, когда он наперед знает, что будет делать», — говорил он [Алексеев 1996, с. 80]. И в середине двадцатых Александр Александрович круто меняет всё и посвящает себя книжной иллюстрации.

В русском Париже, где творили Бенуа, Сомов, Бушен, Гончарова, это был поступок практически самоубийственный. Но Алексеев находит свой путь. Он начинает экспериментировать, его работы в технике литографии, акватинты, офорта сразу отмечены самыми суровыми критиками. И вот что интересно: для нас имена «небожителей» русского Парижского Олимпа звучат как музыка. Между тем для большинства зарубежных историков искусств в этой области среди русских известен лишь Алексеев.

Интересный факт, размышляя о нем, привел М.В. Сеславинский: «...Из всего множества русских художников-эмигрантов во “Всемирной иллюстрированной энциклопедии” издательства “Ларусс” мы встретим имя лишь одного нашего соотечественника, работавшего в этот период» [Сеславинский 2011, с. 30]. Дело было, наверное, именно в своей дороге, манере, в новизне работы, но и еще в фантастическом проникновении в какую-то зыбкость, нереальность как происходившего на страницах иллюстрируемого произведения, так и окружающего мира. «В традиционной, казалось бы, системе иллюстрирования уже появляется своеобразный взгляд Алексеева и особенности показа им видимого и даже призрачного, иллюзорного мира. Все это способствовало созданию метафорического образа, несущего в себе элементы философского

Александр Алексеев. Иллюстрация к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Литография. 1929 г.

осмысления образа поэтического, раскрывающего читателю подтекст, внутреннюю подоснову», — отмечала искусствовед Ирина Важинская [Важинская 2010, с. 25].

С 1925 г. при поддержке французского писателя, одного из главных сюрреалистов французской литературы Филиппа Супо и знаменитого издателя Жака Шифрина Алексеев стал получать заказы на иллюстрирование книг. В 1926 и 1927 гг. увидели свет «Аптекарьша» Жана Жироду и «Настоятель Монастыря» Жана Женбаха, выполненные в технике торцово-гравюры, т. е. работы на дереве. Это было совершенно несвойственно другим мастерам данного жанра.

Одна за другой выходят оформленные им книги — в основном русская и французская классика. Книги Андре Моруа, Жака Кисселя, Гийома Аполлинера, иллюстрации к произведениям Гоголя, Пушкина. Особый резонанс имел цикл литографий по мотивам «Братьев Карамазовых». Причем они были созданы не с помощью литографского камня, а по специально изобретенной технологии, путем травления кислотой и дальнейшего напыления на пластинах цинка. Такого до Алексеева не делал никто.

Примечательно, что мимо всех, кто писал об Алексееве, стороной прошла восторженная оценка Александра Бенуа, который в 1928 г., рассказывая о новинках книжного рынка, отметил: «Сказать, сколько здесь вкусных книжек <...>. Среди них один русский, Алексеев, изумительно иллюстрировавший “Записки сумасшедшего”» [Александр Бенуа размышляет... 1968, с. 631]. Схожей была реакция блистательного искусствоведа Павла Эттингера: «Перед нами своеобразный художественный темперамент, индивидуально и по-новому сумевший подойти к бредовому элементу гениального гоголевского рассказа» [Эттингер 1928, с. 125–126].

Но граверная работа с кислотами привела к тяжелой болезни, дело даже дошло до удаления одного легкого. И там, в больнице, между жизнью и небытием, он вдруг, в каком-то полубреду, увидел то, что сделало его бессмертным в кинематографическом мире. Мастер увидел игольчатый экран.

Как и все гениальное, игольчатый экран не представлял ничего невероятного. Небольшая плоскость из мягкого материала — на ней тысячи иголок. Вы выдавливаете на них ту или иную фигуру и освещаете боковым светом. И все. Но это во многом определило стиль искусства XX в., особенно анимации и компьютерной графики. «Этот удивительный экран <...> словно соединение молекул в ожидании размагничивания. Или пчелиные соты, где еще не побывал рой. Приходит свет, низкий или стоящий в зените, сверкающий или смутный, стилет блуждает по экрану, словно взгляд Творца, а фотоаппарат фиксирует мгновения — это Бог в сопровождении своего фотокорреспондента <...>. Экран оказывается сродни печатной странице, ожидающей шрифтов Гуттенберга, но уникальный прием преобразует ползучее движение букв в черно-белые штрихи» [Нива 2007, с. 75] (см. также: [Паркер 2005]).

Сам мастер вспоминал, что на идею обратиться к кинематографу его натолкнули знаменитые фильмы «Механический балет» Леже и «Идея» Бартоша. Он стремился выразить нечто свое, уловить дымчатые, неясные силуэты, передать зыбкость и тревожную неопределенность, которую буквально кожей ощущали жившие накануне Второй мировой войны.

После нескольких лет работы, в которой, наряду с Гриневской, принимала участие поселившаяся у них в доме ученица Алексеева, американка Клер Паркер, ставшая впоследствии его второй спутницей жизни, в 1933 г. на игольчатом экране был создан шедевр мировой анимации — «Ночь на Лысой горе» по мотивам гениальных прозрений Мусоргского. Такого еще не видел никто. Драматические мотивы Мусоргского переплелись с дымчатыми видениями Алексеева. Семиминутный анимационный фильм знаменовал собой новый этап культуры XX в. Трагические изломы сознания и предчувствие катастрофы с потрясающей силой воплотились в этом чуде [Виллубли 2011, с. 78].

Тогда же Александр Александрович основал свою студию анимационных фильмов и в 1935 г. снял кукольно-игровой фильм «Спящая красавица». Заниматься «чистым искусством» становилось все сложнее, всюду бушевал кризис, и Алексееву пришлось один за одним снимать рекламные анимационные фильмы.

Началась война, и, едва не погибнув на дорогах, забитых толпами беженцев, они с Клер и Гриневской добрались до Испании, а оттуда выехали в США. Там Алексеев оформил окончательный развод с женой и заключил брак с Клер.

Возвращение во Францию состоялось лишь после победы. Триумфальные победы Александра Александровича продолжались. Значительный резонанс имела его работа по оформлению «Слова о полку Игореве», вышедшая в 1950 г. в Швейцарии. Перевод на французский выполнил Филипп Супо. Мастер изобрел новый, электролизный метод офорта. Те, кто брал эти иллюстрации в руки, не могли поверить, что перед ними не натуральные акварели, а тиражируемые отпечатки.

Одновременно Алексеев продолжал создавать фильмы. Сам Орсон Уэллс предложил ему сделать пролог и эпилог к картине «Процесс» по роману Кафки. Лента впоследствии рядом кинокритиков была признана одной из десяти лучших картин XX в., но участие мастера из России почти никто не отметил.

Этот поразительный русский художник и режиссер продолжал удивлять всех, кто его знал. Ему мало было изобретения игольчатого экрана, так он разработал еще и новую технику мультипликации — «тотализацию». Вместо того чтобы фиксировать неподвижный предмет в каждом кадре, мастер соединял движущие предметы с помощью сложных маятников. Это была революция в анимации.

В 1963 г. появился новый шедевр Алексеева — «Нос», по мотивам Гоголя. Лен-та снова была сделана на игольчатом экране, но уже под аккомпанемент экзотических азиатских мелодий, исполненных на музыкальных восточных инструментах. Загадочная проза великого писателя обрела совершенно новое обрамление. Не-обычный звуковой фон еще больше усилил таинственность и завораживающую силу гоголевского гения. После выхода этой 11-минутной картины слава Алек-сандра Александровича достигла заоблачных вершин. Он получил самую боль-шую награду, о которой мог мечтать любой кинематографист во Франции, — поч-етный знак фильма высокого качества от Французского национального центра кино. И еще режиссер стал обладателем множества призов. Он иногда сам в них путался: приз Синема Нуво, приз графа де Лануа на Международном фестивале экспериментального кино в Кнокк ле Зутт (Бельгия), Диплом международного фестиваля короткометражных фильмов в Оберхаузене. Список можно продол-жать долго [Pages d'Alexeiff 1983].

Следующего фильма пришлось ждать почти десять лет. За плечами маэстро к этому времени были огромные циклы иллюстраций к «Доктору Живаго», а также к «Игроку» и «Запискам из подполья» Ф.М. Достоевского.

Когда Алексеев познакомился с вышедшей на Западе книгой «Доктор Живаго», его впечатление было огромным. Сам он так писал об этом: «Ког-да я прочел роман Пастернака, его воздействие на меня было потрясающим. У меня именно возникло чувство, что после сорока лет молчания мой исчез-нувший старший брат написал мне письмо на 650 страницах» [Нива 2004, с. 3]. Но вот что интересно: еще в 1992 г. был опубликован восторженный отзыв

Бориса Леонидовича Пастернака об иллюстрациях Алексеева, но с тех пор эти строки не приводились ни в одной работе или буклете, посвященных великому мастеру экрана и книги.

Итак, в начале 1992 г. увидела свет переписка Пастернака с переводчицей его произведений на французский Жаклин де Пруайяр. 26 февраля 1959 г. она написала поэту письмо, где сообщала, что издательство Галлимар «...затеяло иллюстрированное издание “Доктора Живаго” и пригласило художника А.А. Алексеева, работавшего в технике симилогравюры (так в тексте. — В.Л.). Он выкладывает на экране булавками рисунок, с помощью освещения добивается нужного эффекта и фотографирует. Предлагает 400 иллюстраций»³. Через какое-то время Пастернак получил книгу, и вот что он писал своей французской корреспондентке 5 ноября 1959 г.: «Я не гожусь, чтобы судить о современном рисунке, но мне кажется, что в книге я нашел иллюстрации, выполненные в манере (или даже с мастерством) Энгра или Шассерио, это может показаться странным и старомодным. Алексеев отразил именно дух книги. Все, что было сложного и таинственного (например, сон в главе “Против дома с фигурами”), схвачено и выполнено чудесно. Он делает гравюры даже из дыхания, из построения фразы, как, например, в трех двойных иллюстрациях в начале: шли и пели вечную память. Он мне напомнил обо всем, что было русского и трагического в нашей истории, что я забыл и недооценил»⁴.

Последними картинами Алексеева стали новые работы по мотивам Мусоргского — «Картинки с выставки» (1972) и «Три темы» (1980). Снова он собрал множество наград, и опять был приз от Национального центра кино, на этот раз с формулировкой «За высочайшее художественное качество».

Мастер, невзирая на возраст, был еще полон творческих планов. В его студию на авеню Жан Мулен в Париже постоянно приходили ученики, художники. Среди них был молодой Михаил Шемякин. Алексеев, человек удивительно добрый, стремился помочь всем, в ком видел хоть искру таланта. И еще он очень тосковал по России, которую воспел в своих фильмах и иллюстрациях.

Те, кто с ним встречался, вспоминали какую-то старомодную учтивость и вечную тему России, которая не оставляла мастера. С годами он все более тосковал по оставленной родине и знать не знал, что мать его, слепая и нищая, дожила до глубокой старости в одной из коммунальных квартир на Плющихе.

Внезапная смерть Клер Паркер, с которой Александр Александрович работал рука об руку, подкосила художника. 9 августа 1982 г. Алексеев скончался.

Осип Манделштам в одном из своих стихотворений назвал Рембрандта «мучеником светотени». Эти слова, написанные одним гением про другого, очень подходят и Александру Александровичу: он также всю жизнь искал гармонию черного и белого и создал свой невероятный «театр теней».

Сегодня для возвращения наследия этого, как многие считают и не стесняются писать и говорить, гениального человека, немало делают его дочь Свет-

³ Новый мир. 1992. № 1. С. 177.

⁴ Там же; см. также: [Пастернак 2005, т. X, с. 452–453].

лана, живущая в США, и племянница Елена Федотова, уроженка Уфы, ныне жительница Санкт-Петербурга. Вышли в свет уже указанные в литературе к настоящей статье сборники «Безвестный русский — знаменитый француз», «Александр Алексеев: Диалог с книгой», «Художник книги Александр Алексеев». Санкт-петербургское издательство «Вита Нова» выпустило в роскошном полиграфическом обрамлении «Братьев Карамазовых», «Доктора Живаго» и «Анну Каренину» с иллюстрациями Алексеева. Братья Башмаковы, живущие в северной столице, издали альбом «Художник книги Александр Алексеев. Описание собрания книг с иллюстрациями Александра Алексеева и Александры Гриневской из библиотеки М.И. Башмакова». Имени Алексеева, как и петербургский математик Марк Иванович Башмаков, верно служит другой коллекционер — москвич Борис Фридман. В Государственном литературном музее в Москве он провел выставку гравюр великого «русского француза» и подготовил прекрасный каталог «Конструктор мерцающих форм. Книжная графика Александра Алексеева из собрания Бориса Фридмана». Недавно в Ярославле дочь Александра Александровича Светлана выпустила книгу воспоминаний об отце «Зарисовки. История моей юности».

В Санкт-Петербурге и Москве состоялся ряд вечеров и прошло несколько экспозиций, посвященных творчеству Алексеева. Были сняты два документальных фильма о нем. Тем не менее этот поразительный мастер не получил на родине и малой доли того признания, которое давно заслужил во всем мире.

Источники и литература

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

- Александр Бенуа размышляет... 1968 — Александр Бенуа размышляет... Статьи, письма, высказывания. М., 1968.
- Алексеев 1999а — Алексеев А. Из главы «Истоки» // Безвестный русский — знаменитый француз. СПб., 1999. С. 66–69.
- Алексеев 1999б — Алексеев А. Об искусстве и открытии // Безвестный русский — знаменитый француз. СПб., 1999. С. 80–82.
- Алексеев 2001 — Алексеев А. Забвение или сожаление: Воспоминания петербургского кадеты // Киноведческие записки. 2001. № 52. С. 271–275.
- Алексеев 2002 — Алексеев А. Забвение или сожаление: Воспоминания петербургского кадеты // Киноведческие записки. 2002. № 60. С. 345–371.
- Алексеева-Роквелл 2013 — Алексеева-Роквелл С. Зарисовки: История моей юности. Ярославль, 2013.
- Важинская 2010 — Важинская И. Путь к Алексееву // Башмаков А.И., Башмаков М.И. Художник книги Александр Алексеев. Описание собрания книг с иллюстрациями Александра Алексеева и Александры Гриневской из библиотеки М.И. Башмакова. СПб., 2010.
- Виллубли 2011 — Виллубли Д. От гравюры к анимированной гравюре, от книги к фильму // Конструктор мерцающих форм. Книжная графика Александра Алексеева в собрании Бориса Фридмана. СПб., 2011.

- Гюева 1997 — *Гюева Т.* Александр Алексеев // Золотая книга русской эмиграции. М., 1997. С. 151–152.
- Нива 2004 — *Нива Ж.* Читая, наблюдая... Грамматика Алексеева // Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского: Карамазовы Александра Алексеева. 90 литографий к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» из частного собрания Жоржа Нива. СПб., 2004.
- Нива 2007 — *Нива Ж.* Дар страдания, дар света: Алексеев в диалоге от Достоевского к Пастернаку // Наше наследие. 2007. № 1. С. 75–81.
- Норштейн 1993 — *Норштейн Ю.* Игольчатый экран // Искусство кино. 1993. № 4.
- Паркер 2005 — *Паркер К.* Игольчатый экран // Александр Алексеев: Диалоги с книгой. СПб., 2005.
- Пастернак 2005 — *Пастернак Б.* Полн. собр. соч. с приложениями: в 11 т. Т. X: Письма. М., 2005.
- Петров 2013 — *Петров А.* Послесловие // *Алексеева-Роквелл С.* Зарисовки: Истории моей юности. Ярославль, 2013.
- Рождественский 1998 — *Рождественский Г.* Треугольники // Наше наследие. 1998. № 46. С. 158–159.
- Сеславинский 2011 — *Сеславинский М.* Фейерверк имен // Конструктор мерцающих форм. Книжная графика Александра Алексеева из собрания Бориса Фридмана. СПб., 2011.
- Шемякин 2005 — *Шемякин М.* Заметки об Александре Алексееве // Александр Алексеев: Диалог с книгой. М.; СПб., 2005.
- Эттингер 1928 — *Эттингер П.* Русское искусство за границей // Печать и революция. 1928. Кн. 4. С. 122–129.
- Pages d'Alexeiff 1983 — *Pages d'Alexeiff.* Recueillies par Giannalberto Bendazzi. Milan, 1983.

ХРОНИКА

Д. Боровняк, Р. Радженович

ВЫСТАВКА ДОКУМЕНТОВ
«НИКОЛАЙ КРАСНОВ – РУССКИЙ ЗОДЧИЙ СЕРБИИ»

Белград, Республика Сербия, Архив Югославии, 21 января 2015

Международная документальная выставка «Николай Краснов — русский зодчий Сербии» была открыта в столице Республики Сербия — Белграде, в Архиве Югославии 21 января 2015 г., в день 65-летия со дня основания Архива — учреждения культуры национального значения.

Авторы выставки — Милан Медакович, Ранка Радженович (Архив Югославии), Джурджия Боровняк (Исторический архив Белграда) — приурочили ее проведение к 150-летию со дня рождения выдающегося русского архитектора-эмигранта Николая Петровича Краснова (5 декабря (23 ноября) 1864 — 8 декабря 1939). Историки и искусствоведы, а также широкая общественность получили уникальную возможность познакомиться с масштабной и плодотворной деятельностью мастера в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев / Югославии сквозь призму нового архивного материала.

Выставка состоялась благодаря успешному и долгосрочному сотрудничеству Архива Югославии (Белград) и Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва). Проект реализован с использованием фондов Исторического архива Белграда, государственных учреждений культуры и личных собраний, хранящих в своих запасниках материалы, относящиеся к архитектурно-проектной деятельности Краснова. Это Архив Сербской академии наук и искусств, Музей Сербской православной церкви, Музей науки и техники, Народная библиотека Сербии, Фонд короля Петра I, а также богатый фотоматериал частных собраний — коллекция Милоша Юришича и семейный архив архитектора Йездимира Денича, сотрудничавшего с Н.П. Красновым.

На открытии выставки присутствовали и выступали Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Сербия Александр Чепурин, директор Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына Виктор Москвин, и. о. директора Архива Югославии Миладин Милошевич, а также многочисленные представители дипломатического корпуса, аккредитованного в Республике Сербия, — чрезвычайные и полномочные послы Алжира, Белоруссии, Болгарии, Ирака, Ирана, Индонезии, Кубы, Марокко, Германии и видные деятели культурной, научной и общественной жизни Белграда и Сербии. Открыла выставку помощник министра культуры и информатики Республики Сербия по защите культурного наследия госпожа Александра Фулгосси.

Авторы выставки —

Милан Медакович (в центре), Ранка Радженович, Джурджия Боровняк

Подчеркивая важность Архива Югославии как уникального и первоклассного учреждения культуры, крупнейшего сербского архивного учреждения в регионе, и. о. директора Архива Югославии Миладин Милошевич отметил, что Архив хранит многочисленные бесценные свидетельства о жизни и деятельности русской эмиграции в Югославии между двумя мировыми войнами. Он указал на вклад русской интеллектуальной элиты в сербскую культуру и науку и подчеркнул важность творчества Николая Краснова, который оставил огромное культурное наследие. Будучи учреждением, хранящим большую часть документов из наследия Н. Краснова, подчеркнул М. Милошевич, Архив Югославии организовал эту выставку как дань памяти великого архитектора. Кроме того, он отметил, что выставка стала логическим результатом совместных проектов Архива Югославии и Дома русского зарубежья.

В своем выступлении директор ДРЗ Виктор Москвин подчеркнул: «Сегодня мы открываем выставку, которая имеет большое значение для нашего Дома, для нашего учреждения, потому что она знаменует собой кульминацию сотрудничества с Архивом Югославии». Он отметил, что длительное сотрудничество между двумя учреждениями привело к ряду совместных научных публикаций и теперь продолжается выставкой документов Николая Краснова, одного из крупнейших российских и сербских архитекторов. В.А. Москвин напомнил о 100-летней годовщине начала Первой мировой войны, а также о значении и последствиях, которые война имела для России. По его словам, война стала катастрофой, поло-

*Выступает директор Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына
Виктор Москвин*

жившей начало трудного кровавого периода для русских людей. Директор Дома русского зарубежья особенно отметил доброжелательность Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев и короля Александра Карагеоргиевича, которые предоставили убежище российским беженцам и поддержку известным русским эмигрантам, среди которых был Николай Краснов. Поскольку основная цель настоящей выставки состояла в представлении сербской части творчества Н.П. Краснова, В.А. Москвин отметил важность ее демонстрации в Москве в декабре 2014 г., где она имела большой успех. Он также объявил, что в перспективе планируется показать выставку на родине знаменитого архитектора — в Коломне (в Историко-культурном музее-заповеднике «Коломенский Кремль») и в Ялте, в Ливадийском дворце-музее, где Краснов начинал свою профессиональную деятельность. В завершение своей речи В.А. Москвин выразил глубокую благодарность Архиву Югославии, а также другим архивам, библиотекам и музеям Сербии, предоставившим свои материалы для выставки. «Эта выставка очень важна для России, — подчеркнул В.А. Москвин, — потому что она рассказывает о сербском периоде творчества выдающегося русского архитектора» и поблагодарил сербских коллег и многочисленных посетителей выставки, проявивших интерес к жизни и памяти Николая Краснова.

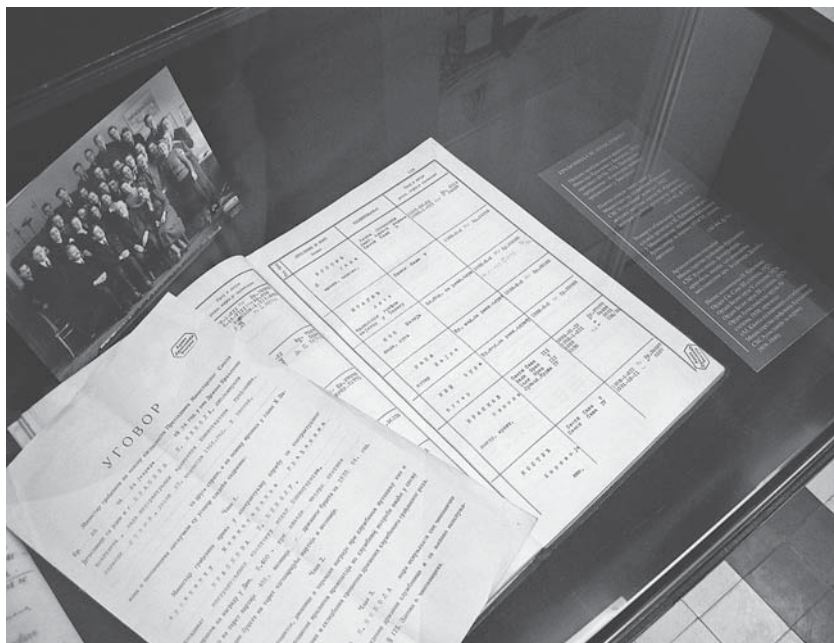
Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Сербия Александр Чепурин также подчеркнул важность архитектурного творчества Николая Краснова и рассказал, что когда он приехал в Белград, то передавал

Экспонаты выставки. На фотографии — Н.П. Краснов со своими сотрудниками

верительные письма в здании, спроектированном Красновым, а затем посетил Народную скупщину — здание Правительства Сербии, также выстроенное по проекту знаменитого архитектора. Он напомнил, что к Н.П. Краснову в России обращались «Николай Петрович» и что сам зодчий по прибытии в Королевство Югославия свои проекты подписывал по-сербски — «Никола Краснов».

Благодаря тщательному отбору проектов с сопроводительной документацией, строительными дневниками и фотоархивами в экспозиции выставки «Николай Краснов — русский зодчий Сербии» удалось представить практически все видовое многообразие объектов, проектированием которых занимался Краснов: от отдельных элементов городского пространства и монументальных зданий правительственных учреждений до памятников гражданской архитектуры более скромных размеров, но имевших не менее важное значение в культурном, образовательном и экономическом развитии Королевства, а также сакральных объектов, объектов дворцово-резиденциальной архитектуры и утилитарной и мемориальной архитектуры. Выставка демонстрирует его работу по изучению и защите сербской национальной традиционной архитектуры, работу на городских фортификационных сооружениях и по комплексному решению различных интерьеров. Отдельный раздел экспозиции Н.П. Краснова связан с фалеристикой и геральдикой.

Документы о деятельности Н.П. Краснова, представленные на выставке

Проект моста короля Александра I Объединителя работы Н.П. Краснова.
Перспектива. 1933 г.

Выставка насчитывает более двухсот пятидесяти экспонатов — планы, эскизы, чертежи, эскизные проекты, в основном подлинны. Впервые общественности показаны подлинные вещи Николая Краснова из фондов Архива Югославии и Исторического архива Белграда.

Экспозиция разделена на четырнадцать тематических блоков. Как вводный сегмент представлено пребывание Н.П. Краснова в изгнании на Мальте, в Валетте. Это личные документы (в основном переписка архитектора), которые свидетельствуют о тяжелом положении беженцев, их борьбе за существование в повседневной жизни и которые впервые демонстрируются профессиональному сообществу. Документы хранятся в фонде Н.П. Краснова в Архиве Сербской академии наук и искусств. Затем следуют материалы, относящиеся к его работе в Архитектурном отделении Министерства строительства Королевства СХС / Югославии. Из архивных документов для выставки отобраны: свидетельство о прописке Н.П. Краснова в Белграде, платежная ведомость занятых в Министерстве строительства, договор о возобновлении контрактной службы архитектора в Министерстве строительства Королевства, фотографии с сотрудниками из Архитектурного отделения Министерства, перечень наград Н.П. Краснова за самоотверженную службу.

Архитектурные планы, фотографии и акварели экспонированы по типологии и представлены в следующих тематических блоках:

— монументальные объекты — эскизы и проекты самых значительных государственных зданий: Государственный совет и Главный контроль Королевства СХС / Югославии (расширение 1924); Министерство финансов Королевства СХС / Югославии (1925–1928, надстройка 1938); Министерство лесного, горнорудного, сельского и водного хозяйств Королевства СХС / Югославии (при участии архитекторов Н. Несторовича и Драгиши Брашована, 1926–1929); Государственный архив (1925–1928) и Дом Народной скупщины (проектирование элементов убранства интерьеров, деталей фасада, геральдических форм и экстерьеров, 1936–1937);

— утилитарные объекты: Мост короля Александра I Объединителя (1929–1934);

— дворцовая и резиденциальная архитектура: Королевский дворец на Дедине (интерьер, 1929–1934), церковь Св. Георгия на Опленце / Мавзолей династии Карагеоргиевичей (оформление интерьера, 1922–1934), убранство интерьеров и ритуальная атрибутика в дни траура и похорон короля Александра I Карагеоргиевича (1934);

— общественные объекты культурного, образовательного и административного назначения: Дом свободных каменщиков (частично реализовано, 1923), Русский Сокольский дом в Белграде (не реализовано), театр «Манеж» (1927), здания гимназий в Ужице (1923, не реализовано) и в Св. Николи (1924), обустройство курзала в Бане-Ковилячи (совместно с архитектором Драгутином Маслачем, 1929), таможи в Прахово (1929) и Джевджелии (1930) и почта и телеграф в Панчево (1931);

— работа на фортификациях: обустройство Верхнего города белградской крепости (1925) и реконструкция «Белградских ворот» на Петроварадинской крепости в Новом Саде (1936);

Один из планшетов выставки.

В центре — проект государственного герба Королевства Югославия работы Н.П. Краснова. 1938 г.

— урбанистические решения: проект для парка в Ужице (1926);

— сакральные объекты: фотографии, эскизы и планы для церкви Ружица на Калемегдане, в Белграде (восстановление объекта совместно с Н. Виноградовым, 1924), монастырь Св. Романа (1926–1927) и колокола — дары королевской семьи (1934–1936);

— мемориальные объекты — показаны проектные материалы Н.П. Краснова, к разработке которых архитектор относился с особым вниманием и пиететом, — сербская мемориальная архитектура, посвященная сербским воинам и жертвам Первой мировой войны: капеллы Негоша на Ловчене (1923–1925), проекты мемориальных сооружений над водными источниками (многочисленные идейные решения и мемориальный источник в Ражне, 1927), проект надгробия для воинского кладбища (1928), для памятника героям Отечества (1926), для памятника депутатам и командующим (1927–1928), решение пространства вокруг памятника-капеллы воеводе Путнику (не реализовано, 1929), мемориал со склепом в Требуличах (Греция, 1927), мемориал со склепом в Грбавче (Македония, не реализовано, 1932–1933), мемориал-склеп в Эльбасане (Албания, не реализовано, 1937), мемориал-склеп в Скадре (Албания, не реализовано, 1938), мемориал-склеп в Тиране (Албания, не реализовано, 1937) и два самых больших сербских мемориала

ла — Сербское воинское кладбище на Зейтинлике в Солуни (Греция), по проекту архитектора А. Васича, и комплексное решение интерьера и архитектурной пластики, 1933–1936, и Памятник-склеп на острове Видо (Греция), 1938–1939.

Последние тематические блоки посвящены работе Н.П. Краснова по восстановлению памятников народной архитектуры: показаны его акварели сербских домов, которые архитектор проектировал на территории Сербии в 1921–1923 гг., его работы в области фалеристики — идейные решения и эскизы для ордена Югославской Короны, ордена Св. Андрея Первозванного, корон для ордена Белого Орла и для броши королевы Марии Карагеоргиевич (все — 1930 г.).

Последний тематический блок «Разное» свидетельствует о том, что Н.П. Краснов был равно активен и при создании репрезентативных дипломов, подобно показанному на выставке диплому Общества белградских строителей-предпринимателей, и при прорисовке акварельных перспектив для проектов своих близких коллег, подобно акварели перспективного вида Генерального штаба армии и морского флота Королевства Югославия (построен в 1924–1928 гг. по проекту русского архитектора В. Баумгартена).

Авторы выставки Милан Медакович, Ранка Радженович и Джурджия Боровняк в сотрудничестве с Юлией Гудович и Татьяной Иринарховой (Дом русского зарубежья) подготовили каталог выставки на сербском и русском языках, изданный Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Архив Югославии в лице авторов выставки создал сербско-русско-английскую мультимедийную DVD-презентацию (продолжительность 85 минут), своего рода расширенную версию каталога выставки.

Международная выставка «Николай Краснов — русский зодчий Сербии» была открыта 4 декабря 2014 г. и в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве. Почетным гостем церемонии открытия был Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербия в Российской Федерации Славенко Терзич. Многочисленные посетители смогли увидеть несколько наиболее важных оригинальных документов из проектного творчества великого архитектора.

Н.А. Ёхина, М.Ю. Сорокина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КОЛЛОКВИУМ
«РОССИЯ – ШВЕЙЦАРИЯ: КОНТАКТЫ, ВЗАИМОСВЯЗИ
И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ (XVIII–XXI ВВ.)»

17–18 июня 2014 г. в Женевском университете (Швейцария) состоялся Международный научный коллоквиум «Россия — Швейцария: контакты, взаимосвязи и взаимовлияния (XVIII–XXI вв.) / Suisse — Russie: réseaux, circulations, transferts (XVIIIe — XXIe siècles)», посвященный 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и Швейцарией.

Организаторами Коллоквиума выступили профессора Корин Амашер (Женевский университет) и Андрей Андреев (МГУ) при поддержке филологического факультета и департамента международных отношений Женевского университета, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Университета Сент-Галлена. На открытии Коллоквиума его участников приветствовали

Главное здание Женевского университета

*Организаторы Коллоквиума —
профессора А.Ю. Андреев (Россия) и К. Амашер (Швейцария)*

генеральный консул Российской Федерации в Женеве Ю.А. Глухов, декан филологического факультета Женевского университета Николас Зуффери, директор Департамента международных отношений Женевского университета Пьер Вилла, отметившие важное значение совместных академических форумов ученых наших стран как для развития научных контактов, так и для поддержания постоянного российско-швейцарского политического и культурного диалогов.

Впервые за многие годы Коллоквиум собрал исследователей-русистов почти из всех крупнейших швейцарских университетов — от Базеля и Сент-Галлена до Женевы, Лозанны и Берна, что стало отражением важной объединяющей роли

*Выступает заведующая отделом
истории российского зарубежья
Дома русского зарубежья имени Александра
Солженицына М.Ю. Сорокина*

Женевского университета в швейцарской славистике. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына с этим университетом связывают давние дружеские и профессиональные отношения, совместные научные конференции и издания. ДРЗ на Коллоквиуме представляли заведующая отделом истории российского зарубежья, кандидат исторических наук М.Ю. Сорокина, выступившая с докладом «Тихая Швейцария» между двумя Великими войнами: российские эмигранты и европейские интеллектуалы», и старший научный сотрудник ДРЗ, кандидат исторических наук Н.А. Ёхина. Они передали в дар Женевскому университету комплект «Ежегодника Дома русского

зарубежья имени Александра Солженицына», биографического словаря «Российское научное зарубежье», а также ряд других изданий ДРЗ.

Программа Коллоквиума включала обсуждение докладов, собранных в несколько тематических блоков. Первый из них — «Швейцария — СССР (эмигранты, контакты, взаимосвязи)» — отражал то новое понимание роли миграций и мигрантов в истории цивилизации и особенно XX в., которое появилось в последние десятилетия и в академической среде, и в общественном сознании современного мира в целом. Помимо М.Ю. Сорокиной, открывшей своим выступлением заседания Коллоквиума, на этой секции выступили с докладами: профессор Жан-Франсуа Файет (Университет Лозанны) — «Распространение советской печати в Швейцарии в межвоенный период», профессор Бенжамин Шёнк (Базельский университет) — «Солженицын в Цюрихе», профессор Корин Амашер — «Между Швейцарией и СССР: транснациональный маршрут и множественные облики Владимира Соколина», профессор Жорж Нива (Женевский университет) — «Как проходило русско-швейцарское знакомство с помощью гениального и не поддающегося ни-

*Профессор Б. Шёнк
(Базельский университет)*

Участники Коллоквиума — писатель М. Шишкин и В.А. Мильчина (РГГУ)

*Историк С. Риндлисбахер
(Бернский университет)*

какой классификации серба: Владимир Дмитриевич».

Секция «Швейцария — Россия (русские в Швейцарии, швейцарцы в России)» собрала известных специалистов по истории российско-швейцарских отношений в XVIII–XX вв. Профессор Даниэль Тосато-Риго (Лозаннский университет) выступила с докладом «Республиканцы при царском дворе. Швейцарские наставники и гувернеры в России (1750–1850)», профессор Андрей Андреев (МГУ) — с докладом «Воспитание Александра и Константина глазами Лагарпа», Валентина Смекалина (МГУ) сделала обзор «Русские путешественники в Швейцарии с XVIII до середины XIX века». Профессор Марк Вильемер (Женевский университет) остановился на структуре и приоритетах русской студенческой колонии в Лозанне в 1908 г., проблемы мифологизации истори-

ческих фигур были затронуты в докладе историка литературы и переводчика Веры Мильчиной (РГГУ) «“Русский, упитанный европейской цивилизацией” в салоне “Коринны из копе”: князь Козловский и госпожа де Сталь». Традиционно несколько докладов на Коллоквиуме затрагивали проблемы бытования и трансформации российской политической эмиграции в Швейцарии: профессор Ульрих Шмид (Университет Сент-Галлена) проанализировал эволюцию взглядов М.А. Бакунина в докладе «“Швейцарец униженный и отчаявшийся”. Бакунин: республиканец (Цюрих), террорист (Женева) и затворник (Локарно)». Историк Стефан Риндлисбахер (Бернский университет) представил новые архивные документы о деятельности Веры Фигнер и Комитета помощи русским политическим заключенным в 1909–1914 гг.

Третья секция «Представления друг о друге, сравнения» объединила доклады и выступления ученых, писателей и публицистов, посвященные различным аспектам восприятия Швейцарии в России и России в Швейцарии. Писатель Михаил Шишкин представил текст, как он сам выразился, в жанре эмоций — «“О, если бы вы знали, что они считают хорошим и что дурным...” Швейцария в кривом зеркале русской борьбы идей». Руководитель сайта Swissinfo Игорь Петров (Берн) говорил об «образе Швейцарии в российском общественном мнении с середины XIX века до наших дней», Светлана Аверкина из Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского — об «образе Швейцарии в современной российской критике», а Ирина Иванова из Лозаннского университета — о вопросах идентичности «гельветических русских» и «российских гельветов».

Коллоквиум завершился общей дискуссией участников о перспективных направлениях исследований и сотрудничестве между швейцарскими и российскими научными специалистами, а также представителями российской диаспоры в Швейцарии.

М. М. Горинев-мл.

ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР
«ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»

Москва. 2014–2015

Историко-просветительский семинар «Историческое краеведение российского зарубежья» действует в рамках научно-исследовательской и научно-просветительских программ Научного центра Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына с марта 2010 г. Его кураторы — заведующая отделом истории российского зарубежья, кандидат исторических наук Марина Юрьевна Сорокина и старший научный сотрудник отдела, кандидат исторических наук Михаил Михайлович Горинев-младший.

Семинар имеет открытый характер, доступен для участия всех интересующихся проблемами краеведения российского зарубежья. Основной задачей семинара

Вид на Монре́. Фото Н.А. Ёхиной

Выступает Н.А. Ёхина

В.В. Беляков

является углубленное изучение социокультурной среды, в которой протекала жизнь представителей российской эмиграции и которая формировала их мировоззрение, условия существования, вектор духовных исканий. Тематика семинара весьма широка. Докладчики имеют возможность рассказать о выявленных ими конкретных «российских» и «зарубежных» адресах наших соотечественников, истории связанных с их судьбой объектов повседневной жизни (например, дома, церкви, больницы), поделиться соображениями относительно общих проблем краеведения.

Основу заседания составляют один или два доклада. Каждое сообщение проходит в яркой, увлекательной форме, поскольку непременным условием для выступления кураторы семинара поставили презентацию фотоматериалов; по желанию докладчиков возможен также показ небольших видеофрагментов. Благодаря этому участники семинара имеют возможность не только воочию увидеть дома русских эмигрантов, исхоженные ими улицы, переулки, парки, но также познакомиться с раскрывающими их биографию архивными документами. Активное обсуждение гостями представленных докладов, их вопросы, ответы докладчиков, реплики из зала, острые дискуссии — обязательная и самая живая составляющая семинара.

В качестве выступающих организаторы семинара привлекают как сотрудников Дома русского зарубежья, так и коллег, занимающихся историей российской эмиграции. На заседании семинара 1 декабря 2014 г. ведущий научный сотрудник отдела истории русского зарубежья ДРЗ Наталья

Александровна Ёхина представила доклад «По памятным местам Русской Швейцарии конца XIX – начала XX века: в окрестностях фермы Е.Е. и Ю.А. Лазаревых (Монтрё)». В докладе была представлена необычная история молочной фермы, располагавшейся в швейцарской деревне Божи над Клараном в Монтрё, которую в конце XIX — начале XX вв. содержали известный революционер-народник, один из основателей партии эсеров Е.Е. Лазарев и его жена Ю.А. Лазарева. Были продемонстрированы уникальные архивные фотографии четы Лазаревых и их швейцарского владения. Автор доклада, побывавшая в Монтрё летом 2014 г., рассказала и о том, что в настоящее время находится в окрестностях фермы (сама она до наших дней не сохранилась), продемонстрировав фотографии, на которых запечатлены современные Кларан и Монтрё. Сообщение Н.А. Ёхиной часто прерывалось вопросами и репликами из зала. Гости семинара проявили большой интерес к теме ее доклада и отметили, что история пребывания русских в Швейцарии требует дальнейшего глубокого изучения.

Семинар 8 апреля 2015 г. был посвящен обсуждению доклада доктора исторических наук, востоковеда-арабиста, ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН Владимира Владимировича Белякова «Русский Каир». В первой части доклада Беляков, используя в качестве наглядного материала фотографии из Архива-музея Дома русского зарубежья, рассказал о возникновении, численности, основных направлениях деятельности русской общины в Каире; особое внимание он уделил русской церкви в Каире. Вторую часть своего выступления историк посвятил судьбе известных египтологов В.С. Голенищева, В.М. Викентьева, А.Н. Пьянкова, скульптора Б.О. Фредман-Клюзеля. Доклад В.В. Белякова вызвал неподдельный интерес у слушателей. Он ответил на их вопросы об отношении к русским ученым в египетском научном сообществе, наличии в Каире русского кладбища, взаимодействии «старороссийской» и советской диаспор в Египте. Участвовавший в работе семинара советник посольства Египта по культуре доктор Атеф Мухамед назвал В.В. Белякова «живым мостом между Россией и Египтом». Отметив, что около 3–4 миллионов россиян ежегодно отды-

*Советник посольства Египта по культуре
доктор Атеф Мухамед*

хают на пляжах Египта, г-н советник посетовал на то, что о самих египтянах, их истории и культуре они мало знают.

Семинар завершился обращением М.Ю. Сорокиной к г-ну Атефу, которая от имени Дома русского зарубежья пригласила его сделать совместно с В.В. Беляковым и сотрудниками ДРЗ программу, посвященную истории и культуре Египта. Это предложение было с энтузиазмом принято.

В ближайших планах семинара — заседания, по историческим памятникам русского зарубежья в Италии, Германии и Марокко. Надеемся, что наш семинар «Историческое краеведение русского зарубежья» будет привлекать внимание не только ведущих специалистов, но и широкой общественности и станет отправной точкой для новых перспективных научных проектов.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Т.В. Марченко

АЛЯ РАХМАНОВА:
РУССКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА
КАК ФЕНОМЕН НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Stahr I. Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring. Alja Rachmanowa. Ein Leben. Mit 58 Abbildungen. — Wien: Amaltea, 2012. — 240 S.

<Тайна молочницы из Оттакринга. Аля Рахманова. Жизнь. — Вена: Амалтеа, 2012. — 240 с.: ил.>

При поиске заглавия для настоящего материала было очевидно, что судьба нашей героини настоятельно требует оксюморного определения.

Несчастливая счастливая жизнь.

Знаменитая неизвестная писательница.

Цельная натура и противоречивая судьба, в которой была не одна, а несколько эмиграций. Последнюю Ильзе Штар, автор единственной книги об Але Рахмановой, образно назвала «эмиграцией забвения» ([Stahr 2012, S. 219], далее ссылки на страницы рецензируемого издания указываются в тексте в круглых скобках).

Вольфганг Казак, внимание которого привлекла необычная писательница, посвятил ей ряд заметок в немецкой и швейцарской периодике. Отметив блестящий дебют Али Рахмановой и ошибочно отнеся его к середине 1920-х гг., крупнейший немецкий знаток русской литературы XX в. так определил главную особенность ее литературной судьбы: «Ни одна из <...> книг Р<ахмановой> никогда не выходила на русском языке, они переводились ее мужем с русского оригинала и были слегка отредактированы (например, изменение имен¹). Все переводы (а книга переведена на 21 язык) основываются на немецкой редакции текстов. В 30-х годах Р<ахманова> была одной из наиболее читаемых русских писательниц...» [Казак 1988, с. 636]. Речь идет о рецепции уникальной: Аля Рахманова существовала только на немецком языке, ее читали только в переводах; о ней почти не знали в русской эмиграции, не говоря об СССР. Не знают до сих пор, и те из русских читателей, кому довелось читать книги Али Рахмановой, читали их по-немецки.

Подчеркивая «особое положение» творчества Али Рахмановой в истории литературы, Г. Риггенбах и Р. Марти отмечают: «Хотя оно и было творчеством русской изгнанницы, однако не принадлежит к собственно литературе русского зарубежья,

---

¹ Новые имена биографическим персонажам присваивала сама писательница.

поскольку оно получило широкое признание не на русском языке, на котором создавалось, а в немецких переводах ее мужа <...>. Но действительно и обратное утверждение, если рассматривать творчество Рахмановой в контексте немецкой литературы. Это особое положение <...> приводит к тому, что ее можно найти как в русских, так и в немецких справочниках» [Riggenbach, Marti 2008, S. 197].

До войны у Али Рахмановой была настоящая слава; некоторая известность есть и сейчас — писательница не так популярна, как в межвоенное время, но интерес сохраняется, ей посвящают публикации и музейные выставки, понемногу переиздают самые прославленные книги, в том числе и в переводах. Архив А. Рахмановой сохранился и описан [Riggenbach 1998; 2010]². В каталоге Немецкой национальной библиотеки можно почерпнуть информацию о новейших переизданиях книг Али Рахмановой, легендарной в немецкоязычной читательской аудитории. Если говорить только про последние несколько лет, то вышеупомянутая «Молочница» вышла в 2013 г. по-немецки пятой допечаткой тиража [Rachmanowa 2013] и в переводе на словацкий язык [Rachmanová 2013]. С венского издания [Rachmanowa 2006] был сделан и выпущен французский перевод [Rachmanova 2010]. Интерес именно к этой книге не случаен — о советской России, о сталинизме, о «большом терроре» за последние десятилетия появилась обширная литература, а опыт русской эмигрантки востребован как никогда, если учесть, сколько просто русских, и русских немцев, и граждан со всего постсоветского пространства проживают в нынешней Европе.

В Берлине, в Мемориальной библиотеке³, находящейся в Nikolaiviertel — единственном уцелевшем старинном квартале прусской столицы, буквально переполненном культурно-исторической памятью, действует небольшая постоянная экспозиция «Утопия и террор. Аля Рахманова и Александр Солженицын»⁴. В библиотеке представлены книги и периодические издания, которые прямо отвечают ее главному назначению — собрать материал о «жертвах сталинизма». Это общедоступная библиотека (даже не городская, а районная) с упором на «антисоветскую» литературу или, отходя от пропагандистских штампов, на оппозиционную литературу эпохи социализма и об эпохе социализма. Речь прежде всего идет о ГДР; Советский Союз и — как его идейный оппозиционер — эмиграция занимают в библиотеке далеко не центральное место, хотя и представлены весьма разнообразно.

Беспрецедентно, что в библиотеке, обращенной прежде всего к национальной памяти, к недавней немецкой истории, музейно-мемориальные экспозиции отданы именно русским писателям. Имя Александра Солженицына во всем мире стало символом борьбы с тоталитарным режимом, и то, что ему посвящена персональная выставка, неудивительно. Второе имя незнакомо русскому посетителю. Две личности — вернее экспозиции, им посвященные, соединяет агитлестница между этажами, с фотографиями красноармейцев в пыльных шлемах и функцио-

² См. также: http://www.kantonsbibliothek.tg.ch/documents/Riggenbach_Nachlass_Rachmanowa_2010.pdf

³ Gedenkbibliothek zu Ehren der Opfer des Kommunismus (Мемориальная библиотека памяти жертв коммунизма), см.: <http://www.gedenkbibliothek.de>

⁴ Utopie und Terror. Alja Rachmanowa und Alexander Solschenizyn. Ausstellung der Gedenkbibliothek zu Ehren der Opfer des Kommunismus/Stalinismus, Berlin: <http://gedenkbibliothek.de/index.php?mid=ausstellungen>

неров Чека. Цель достигнута — поневоле вздрогнешь, когда вдруг на повороте узкого пролета взгляд упирается в дула винтовок и зловещую надпись по-немецки: «К стенке! Расстрелять!» Сконцентрированная в плакате ненависть кажется и порождением тоталитаризма, и художественным ответом на него.

Но на третьем этаже тональность совершенно иная, и многочисленные фотографии одной женщины в разные эпохи ее жизни предварены, словно девизом, словами: «Не нужно ненавидеть, нужно только любить». Лицо — очень самобытное, с яркими азиатскими чертами, подчеркнутыми резкой линией стрижки, — совершенно незнакомо. Аля Рахманова — автор девятнадцати книг [Rachmanowa 1931; 1932; 1933a; 1933b; 1933c; 1935; 1937; 1939; 1947a; 1947b; 1950; 1951; 1952; 1954; 1957; 1961; 1963; 1964; 1972]. Написанные в оригинале по-русски, первым изданием все они выходили на немецком языке в течение нескольких десятилетий, с 1931 по 1972 г., с понятным, хотя особым образом объясняемым перерывом в 1940–1946 гг. Кто же эта знаменитая писательница, которую никто не знает на родине, в России, тогда как посвященная ей мемориальная выставка развернута в самом сердце Берлина, рядом с солженицынской экспозицией?

В стеклянных пеналах висят штабелями книги Али Рахмановой; лежат так, что их не снимешь, как с книжной полки, не пролистаешь. Создатели выставки в Мемориальной библиотеке берлинского Николаифиртеля, Глория Моснер (Mosssner; Цюрих) и Ильзе Штар (Stahr; Зальцбург), стремились прежде всего познакомить публику с необычной судьбой Али Рахмановой, почти невероятной даже на фоне удивительных биографий XX в., формально приурочив открытие экспозиции к выходу первой книги писательницы — «Студенты, любовь, Чека и смерть» [Rachmanowa 1931]⁵.

Текст — слегка беллетризованную биографическую канву⁶ — подготовила для выставки Ильзе Штар. Психолог по профессии, она около полувека прожила не просто с доброй памятью о прочитанных в отрочестве книгах. Написанные в дневниковой, т. е. в предельно откровенной жанровой форме, томики Али Рахмановой заменили ей Евангелие у изголовья кровати. История австрийской девочки, всю жизнь находящейся под впечатлением и влиянием книг русского автора, — драгоценное и редкостное свидетельство того, как созданный русским человеком на чужбине текст (хотя бы изданный и прочитанный не на языке оригинала) формирует личность европейца. Судя по «Тайне молочницы из Оттакринга», таких европейцев — и прежде всего европейек — оказалось очень немало.

«Тайна молочницы из Оттакринга» И. Штар написана без претензий на научную биографию Галины Дюрягиной-фон Хойер. Более того: подзаголовок «Аля Рахманова. Жизнь» указывает на то, что героиней биографического повествова-

⁵ Уже в следующем году понадобилась допечатка тиража; 2-е и 3-е издания вышли в том же издательстве Антона Пустета в 1932 г. Двадцать лет спустя то же издательство выпустило книгу 37-м изданием; до войны было напечатано 32 тиража; последний появился в 1938 г., перед самым аншлюсом Австрии гитлеровской Германией.

⁶ Поскольку биографические сведения об Але Рахмановой доступны в Интернете на различных сайтах, в настоящем обзоре мы остановимся только на самых важных, наиболее впечатляющих эпизодах этой неординарной жизни.

ния становится не реальная женщина и что основано оно не на сугубо документальной фактографической основе. Ильзе Штар создает биографию именно Али Рахмановой, восстанавливая жизнь писательницы по ее собственным книгам, которые хотя и основаны на личных дневниках, принадлежат, однако, области чистой беллетристики, а не документалистики.

«Ответственным счастьем» назвала одна из корреспонденток Ильзе Штар возможность получить в личное распоряжение архив Али Рахмановой (S. 5). Не совсем архив — а часть архива. Прочитав в газете о кончине любимой писательницы своей юности, И. Штар решила навестить ее могилу. В Эттенхаузене (кантон Тургау, Швейцария), где до глубокой старости дожила Аля Рахманова, выяснилось, что супругов, составлявших оригинальный литературный симбиоз, перезахоронили в Зальцбурге в семейной усыпальнице фон Хойеров, а в их доме «полным ходом шла уборка». «Официальная часть наследия» уже была отправлена в кантональную библиотеку Фрауэнфельда: «То, что еще осталось, должно было пойти на свалку. У дверей громоздились горы старых газет, ящики и коробки, и сверху скворечник, который я “спасла” и который с тех пор висит у меня на балконе» (S. 10).

Такое очень личное и совсем не «научное» отношение к вещам и бумагам писательницы и предопределило стиль биографического повествования. В его основу легли прежде всего книги Али Рахмановой. Вот как описывает те документы, на которых базируется ее монографическое повествование, сама автор: «Я последовательно собрала большой ящик “зальцбургских писем”, слайдов, фотографий, газетных вырезок и много чего еще...» (S. 10–11). В процессе обработки этого материала — без знания автором русского языка! — и возникла рецензируемая работа, цель которой — «пробудить воспоминания об Але Рахмановой или привлечь к ней внимание» (S. 11). Адресовано издание немецкоязычной аудитории, в которой все еще живы и память о писательнице, и интерес к ее книгам, о чем свидетельствуют переиздания.

«Жизненный путь героини романа» — так называется вступление к книге и так можно определить ее жанр. Ильзе Штар не берет на себя труд быть историком литературы и биографом любимого автора: она пишет как журналист-любитель, используя весь доступный ей массив источников без критической систематизации — письма так письма, романы так романы. Доля справедливости в этом есть, поскольку дебютная автобиографическая трилогия Али Рахмановой «Симфония жизни» основана на ее «русских дневниках» и состоит из трех частей: «Студенты, любовь, Чека и смерть», «Браки в красную бурю» [Rachmanowa 1932] и «Молочница из Оттакринга» [Rachmanowa 1933]. «Поскольку трилогия представляет собой “дневниковый роман” от первого лица, неизменно возникает вопрос об идентичности писательницы и персонажа романа, о его вымышленном и реальном содержании» (S. 104). Более того, размышляет И. Штар, при подчеркнутой автобиографичности книг Али Рахмановой речь идет о триединстве автора, рассказчицы и героини. Издательство, преследуя свои выгоды, рекламировало ее книги как документальную прозу, тем более что повествование и велось в дневниковой форме. И читатели, и критика воспринимали книги Али Рахмановой как подлинное

свидетельство пережитого в пореволюционной России и в Вене в конце 1920-х гг., где писательница — жена австрийского подданного фон Хойера — была прежде всего русской эмигранткой и должна была бороться за жизнь.

Ильзе Штар не интересуется вопрос, где проходит граница между правдой и вымыслом в романах-дневниках Али Рахмановой (в отличие от решающих именно этот вопрос литературоведов, см.: [Gebauer 2004]). Три фазы ее жизни — в России, в Австрии и в Швейцарии — документированы и воссозданы в книге по-разному: «Для лет, проведенных в России и отмеченных большевистским террором, ключом к поиску следов стали два первых тома дневников (из всего дневникового массива утрачен русский оригинал именно этих двух томов. — Т.М.). Время в Австрии, омраченное национал-социализмом и Второй мировой войной, — это, собственно, часть краеведения и может быть почти детально прослежено по местным газетам. Для описания последней поры жизни, проведенной в изгнании, служат письма и неопубликованные записки» (S. 14).

Жизнь Галины Дюрягиной-фон Хойер — Али Рахмановой разделена самим временем и перипетиями личной судьбы на три части. В соответствии с биографической хронологией трехчастно построена и книга: «Россия 1898–1925», «Австрия 1925–1945» и «Швейцария 1945–1991».

Жизни в России — рождению, учебе, замужеству — уделено меньше всего места, потому что у Ильзе Штар либо не было документальных источников, либо она не могла перевести без помощников с русского языка все сосредоточенные у нее в руках материалы (так появляется в подписи к фотографии матери «Серафима Тимотева»). Родилась Галина Дюрягина в 1898 г. в г. Касли Екатеринбургского уезда Пермской губернии, была одной из трех сестер. Самым главным, судьбоносным — без преувеличения — событием детства стало ведение дневника. С шести лет. Дневниковым тетрадям Аля Рахманова (так будет справедливо называть ее и нам) поверяла всю свою жизнь, вела записи во все времена и во всех обстоятельствах, спасала их при обысках и сумела, проложив страницами дневника томики русской классики, вывести за рубеж. Записывая, она обретала и оттачивала стиль, превратив в конце концов свое увлечение в профессию, в средство существования.

Без конкретики документов, прежде всего писем, образы родных в «Тайне молочницы из Оттакринга» туманятся, словно призраки, а между тем, судя по обмолвкам автора, переписка с сестрами велась чуть не до войны. О конкретных чертах жизни пермской преуспевающей семьи больше говорят непостижимым образом сохранившиеся и проиллюстрировавшие издание фотографии. Уже на них явно проявляется склонность юной Галины к романтическим позам; позже, в Австрии, Аля Рахманова найдет нужный образ — прическу, позу, — и облик окажется ярким, мгновенно узнаваемым, ни на кого не похожим. Был придуман не только псевдоним — была создана поистине целостная романная героиня, alter ego автора. Постепенно ассоциация автора и героини привела к полному замещению героиней реальной женщины; Галина Дюрягина-фон Хойер, вместе со всей своей семьей (место реальных Арнульфа и Александра заступили Отмар и Юрка) и даже с домашними питомцами [Rachmanowa 1963], растворилась в блестяще придуманной и великолепно смоделированной Але Рахмановой.

Отметим — помимо пристрастия к ведению дневника — еще одну особенность в воспитании и образовании Али Рахмановой. Музыка, языкам, этике и какой-то общей эстетике жизни учили девочек во всех благополучных, достаточных семействах рубежа веков. Но мать Али, Серафима Тимофеева (Тимофеевна?), сама получившая великолепное домашнее образование и не имевшая возможности продолжить его на Урале, где она жила, внушила дочери необходимость дальнейшего обучения и развития. В 1916 г., в год окончания Алей гимназии, в Перми был открыт университет — первое высшее учебное заведение на Урале. Дополним сведения, отсутствующие или изложенные неточно И. Штар. Из трех факультетов выбор будущей писательницы пал на историко-филологический. В 1916/17 г. Аля училась в Пермском отделении Императорского Петроградского университета, со следующего учебного года — в реорганизованном декретом Временного правительства Пермском университете. Однако продолжить образование ей пришлось в Восточно-Сибирском университете в Иркутске, также организованном Временным правительством (в 1917 г.).

В Иркутск (где в противостояние белых и красных вмешалась еще и третья сила — чехословацкий корпус) семья Дюрягиных попала, решившись бежать от красного террора, но непрактичность, общая паника, тиф не позволили им соединиться с отходившими частями армии Колчака и эмигрировать из страны. По словам И. Штар, в Иркутске Аля Рахманова изучала психологию, особенно интенсивно занимаясь женской темой (S. 48). В университете было всего два факультета — юридический и историко-филологический, однако в роли организатора и первого ректора этого сибирского вуза выступил известный психолог М.М. Рубинштейн, что, возможно, сказалось на хорошо поставленном преподавании именно психологических дисциплин.

Затем отец, вероятно, вновь опасаясь ареста, повез семью в Омск. Там Аля Рахманова познакомилась «с одним немцем» — австрийским подданным Арнульф фон Хойром (1891–1970), военнопленным (с 1915 г.), волею обстоятельств оставшимся в России, завершившим образование и ставшим дипломированным преподавателем немецкого языка, а затем доцентом кафедры общего языкознания — уже в Перми. В Пермь семья вернулась, когда поженившаяся в 1920 г. пара ждала ребенка. Там родился сын Александр, там Аля Рахманова завершила наконец свою учебу и работала в библиотеке. При регистрации брака возможность для супруги интернированного «немца» взять его гражданство и стать австрийской подданной была советскими властями исключена. Напротив, А. фон Хойеру предстояло сделать выбор — навсегда остаться в СССР, на что он решил без колебаний. Единственное, чем эта семья отличалась от очень многих семей, — это абсолютное гармоничное счастье, и, несмотря на все перипетии исторической эпохи, безоблачное, невероятное счастье продолжалось ровно четверть века. И всего пять лет — в России. В 1924 г. Арнульф получил командировку за границу — Варшава, Берлин, Вена; поехали всей семьей и — неслыханно! — всей семьей через положенные четыре месяца вернулись. Удар настиг еще несколько месяцев спустя, но этот удар носил странный, милосердный характер: семье было предписано в течение месяца оставить СССР навсегда. Дневники были вывезены

уже в первую поездку; рукопись совместного труда — «Литературная и духовная история России XIX в.», как и многое, многое другое, пришлось просто сжечь.

В феврале 1925 г. семья покинула родину жены и отправилась на родину мужа, но, по сути, в никуда: А. фон Хойер родился в Австро-Венгерской империи, в Черновцах, а вез семью в столицу Австрийской республики, где у него не было ни родных, ни знакомых.

«С этого дня, — пишет об Але Рахмановой И. Штар, — она принадлежала к “русским без России”... Обычно русским приписывают глубокую любовь к родине... в глубине души и Аля Рахманова оставалась до самой смерти крепко связанной с родиной. Она создала себе искусственную русскую обстановку со множеством икон, слушала в основном русскую музыку, а в общении с мужем была верна русскому языку. Она неизменно писала по-русски и только после смерти мужа стала вести дневниковые записи по-немецки. Будучи эмигранткой, она старалась интегрироваться в Австрию, пока ей не пришлось столкнуться с тем, что она и ее книги “нежелательны” (во время гитлеровской оккупации. — Т.М.), что Красная армия вошла и в эту страну⁷ (после войны Зальцбург стал центром американской оккупационной зоны. — Т.М.) и бегство для нее единственный выход» (S. 70).

Вагоны для скота, тифозные бараки, строительный вагончик, где началась ее семейная жизнь, — чего, казалось, не извела молодая женщина на родине в дни «красной бури»? Но венские мытарства оказались не менее тяжелыми, хотя семье и не грозили арест, расстрел... Аля Рахманова владела немецким на бытовом уровне и найти работу по специальности не могла; ее муж имел диплом... советского вуза. Его, участника войны, прошедшего плен, чистокровного австрийца, на работу не брали. О нострификации его документов об образовании не шло и речи, курс обучения, хотя и экстерном, пришлось преодолевать заново. В Австрии, обломке от развалившейся империи Габсбургов, жизнь была нелегкой, безработица — высокой, нравы — лишены сентиментальности: «Многих встречали близкие. Нас никто не ждал, мы не знали, куда нам идти. Мы добрались до ближайшего к вокзалу парка и сели на лавочку» (S. 73).

Так появилась молочница из Оттакринга: в аренду взяли маленькую лавочку, где торговали не только молоком, но и всеми продуктами и потребительскими товарами, на которые у окрестных потребителей оказался спрос, — хлебом, спичками, мылом... Что-то вроде современного «мини-маркета» в европейских городах; такой крошечный магазинчик со всякой всячиной традиционно содержат эмигранты, турки или китайцы.

В немецкой традиции высоко чтутся образование и все его степени; выпускник вуза называется «академиком» (вариант в женском роде — *Akademikerin* —

---

⁷ К советской зоне оккупации Австрии относились Бургенланд, Нижняя Австрия, Верхняя Австрия севернее Дуная и восточнее реки Энс, остальные части страны были оккупированы войсками союзников (США, Великобритании, Франции). Зальцбург стал центром американской оккупационной зоны. Вена была первоначально оккупирована советскими войсками, после Потсдамской конференции в августе 1945 г. было проведено деление на пять секторов (центр столицы — «Внутренний город» — управлялся совместно).

на русский язык пока не переводим). И вот два «академика» с энтузиазмом хватаются за молочную лавку, чтобы прокормить ребенка (который тем временем становится «уличным венским мальчишкой») и оплатить комнатуху в бараке для бездомных. Разумеется, «под прилавком» пишется дневник. На этом месте следовало бы отослать читателя к книге Али Рахмановой «Молочница из Оттакринга», где все горести, трудности, печали и радости этого времени нашли самое полное отражение. Но такой книги на русском языке не существует. А существует комплексная литературоведческая проблема, текстологическое решение которой совсем не однозначно: возможно ли издавать Алю Рахманову на русском языке в переводе с немецкого? Не следует ли издать именно ее дневники (сохранились почти все)? Была ли книжная беллетристика, издаваемая под именем А. Рахмановой, только плодом творчества Галины Дюрягиной или неизменно оставшийся в тени Арнульф фон Хойер («пугливый олень», как именovala его — Отмара своих романов — писательница) привносил в немецкий перевод свою долю художественности, интеллектуализма, жизненного опыта и т. д.?

В России супруги писали историю русской литературы, были людьми хорошо образованными и неплохо понимали, как сложно из ниоткуда попасть на немецкоязычный книжный рынок. Речь не о достоверности содержательной стороны книг Али Рахмановой — речь об их авторе. Возможно, проблему нужно ставить не как триединую (как предлагает Ильзе Штар) — единство писательницы, рассказчицы и героини, а как проблему четырех единств, с присоединением такой важной и неизменно затененной фигуры, как переводчик, А. фон Хойер. Ведь успех пришел к Рахмановой на немецком языке. И в этом случае Аля Рахманова — псевдоним сразу двух сочинителей, автора оригинального текста и его переводчика, не реальная женщина-литератор, а плод создания творческого тандема, в каком-то смысле — литературная мистификация?

Кстати, закрывая венскую страницу биографии семьи: эксперимент с «гешештом» длился всего год, в 1927 г. лавку продали, и литературная пара с сынишкой вскоре перебралась в Зальцбург, где работу гимназического преподавателя получил муж Али Рахмановой. Если первый роман мгновенно сделал ее имя известным, то через два года «Молочница из Оттакринга» разошлась в количестве 600 тысяч экземпляров (!) и принесла автору «сенсационный успех» (S. 82). Тогда же, в начале нового века (И. Штар не называет год) на стене дома по Хильдебрандгассе, 16 поклонники писательницы установили мемориальную доску: «На этом месте стоял дом, в котором в 1926/1927 Александра фон Хойер (1898–1991) владела универсальным магазином, который и увековечила под литературным псевдонимом АЛЯ РАХМАНОВА в своем документальном романе “Молочница из Оттакринга”». Достоянная память, хотя и с неизбежными перегибами (универсальный магазин!) и ошибками (подмена имени псевдонимом). В 1995 г., когда к 125-летию Бунина на улице Жака Оффенбаха, 1, где жил писатель, открывали мемориальную доску в его честь и я позволила себе помечтать о подобных табличках по всем важнейшим адресам русской эмиграции в Париже, тогдашний мэр 16-го округа даже засмеялся: «Деточка, в Париже перебивало столько знаменитостей, что под памятными досками стен не будет видно!» Видимо, в Вене жило и обессмертило

ее в книгах не так много знаменитостей. Или просто память австрийцев оказалась благодарнее.

Целительным и безмятежным был зальцбургский период семейства фон Хойеров. Жизнь сначала наладилась, постепенно стала достаточной, а затем благополучной, полной и прекрасной. Тиражи книг Али Рахмановой распахнули перед фон Хойерами мир путешествий, часто на собственном авто; из маленького домика переехали на трехэтажную виллу, и счастье, пережитое маленькой семьей, под пером Ильзе Штар приобретает зримые черты земного парадиза, каковым предвоенная Европа могла казаться только очень, почти безмерно счастливым людям. В «австрийской» части книги, совершенно лишенной хронологической последовательности в изложении событий из биографии Али Рахмановой, рассказывается об успехе ее книг, их издании и переиздании, о ее литературных турне. На чем зиждился успех этих книг? «Кто — особенно в юности — прочел описания русской революции, обстоятельств жизни этой женщины, не мог их уже никогда забыть, — заверяет Ильзе Штар, сама всю жизнь прожившая под обаянием творчества Али Рахмановой. — <...> С этими книгами обращались как с сокровищем, их сберегали в трудные времена» (S. 104). Широкий успех книг И. Штар объясняет тем, что восхищение от них передавали из уст в уста, и эта устная пропаганда, которую — из-за интеллектуального предмета сообщения — никак нельзя перевести как «сарафанное радио», действовала лучше всех издательских рекламных ухищрений.

«Романная героиня “Аля”, которую идентифицировали с автором, скоро стала образцом жизненного мужества и воли к жизни» (S. 104). Кроме того, книги хорошо воспринимались в религиозных кругах, поскольку были основаны на христианском мировоззрении, христианской морали. Любопытно отношение к вере самой Али Рахмановой. Крещенная в православии, глубоко религиозная — а в трудные времена религия становилась для многих эмигрантов спасением и поддержкой, — Аля Рахманова... нет, все-таки Галина фон Хойер перешла в католицизм. Между тем в доме ее окружала православная религиозная символика (уже упомянутые многочисленные иконы), и, судя по всему, для нее не было большой разницы, на каком языке и по какому обряду молиться Христу. Она не была ни вероотступницей, ни экуменисткой; став австрийкой, она ходила в ту церковь, которая окормляла ее приход (Andrä Pfarrkirche). Так некогда немецкие принцессы, ожидая венчания с русскими царевичами, переходили в православие и порой даже становились его ревностными поборницами.

Книги Али Рахмановой можно подразделить на две части. Первую составляли романы (не обязательно в дневниковой форме) о России в революционный период (трилогия «Симфония жизни» и роман «Фабрика новых людей»). Надо отдать должное писательнице: она не упивалась изображением ужасов гражданского противостояния, террора, разрухи и под. Она скорее показывала, как меняется человек при тяжелых, вернее, невыносимо тяжелых жизненных условиях, как быстро он теряет те основы духовности и морали, которые впитал с молоком матери и на которых столетиями стоял русский мир, и как ничтожно малы и уродливы те эрзац-идеалы, которые навязывает всему населению огромной страны новая

власть. Роман Али Рахмановой «Фабрика новых людей» был удостоен в 1936 г. первой премии на «международном конкурсе за лучший противобольшевистский роман, организованный католической академией общественного воспитания и сотрудничества в Париже» [Переписка П.Н. Краснова 2013, с. 133]⁸. На том конкурсе Аля Рахманова обошла роман П.Н. Краснова «Ненависть»; может быть, потому, что в ее романе речь шла только о любви?

С точки зрения программы конкурса объяснения Краснова выглядят следующим образом: «В романе Рахмановой, получившем первую премию, нет ни слова о католицизме или католической религии, <...> и моя “Ненависть” насыщена православным духом, но оба эти романа [не] отвечают на заданную тему показать разрушительное действие большевизма на религию, семью и государство. Романы же Лукаша и Таманина <...> ничего этого не дают и мало говорят о *вреде* большевизма» [Там же, с. 132].

«Фабрика новых людей» действительно полностью соответствует описанной Красновым программе; более того, она тоже «пропитана православным духом». И вместе с тем это пронзительный рассказ о любви, которая в новом прекрасном мире является в грубом, жалком, даже мерзком облики, о любви, которая не может пробиться сквозь наслоения идеологической чепухи, о любви, которая все-таки становится спасением и рождает в коммунисте — нового человека... Но в тот момент, когда нестигаемый борец за светлое будущее понимает, что без всех косноязычных директив и прочей мишуры новояза (даже в немецком переводе чувствуется близкая Платонову стилистика) просто любит жену и ребенка, его приходят арестовывать. От первой сцены ледохода до последнего эпизода, завершающегося почти евангельской символической сценой, речь в романе идет только о любви. Это хороший, нежный, умный роман о любви; ведь и Евангелие — это благовествование о любви... только как и в евангельские дни, в большевистской России время для нее не слишком подходящее.

Роман Али Рахмановой, появившийся на парижском антибольшевистском конкурсе ниоткуда и победивший так легко, что разобиделись известные в эмиграции писатели [Там же, с. 132–133], уникален не страницами любви, конечно. Уникален авторский опыт Али Рахмановой. Подобный роман не мог появиться ни в эмиграции, ни в советской России. Пережив на родине всё трагическое десятилетие от начала Первой мировой войны до принятия партийной программы о «построении социализма в одной стране» и оказавшись в эмиграции, Аля Рахманова могла писать о тех же явлениях, что и ее выдающиеся соотечественники — А. Платонов, М. Булгаков, М. Зощенко, но совершенно открыто, со всем женским личным чувством, которое у нее вызывали преобразования в отечестве.

⁸ В довольно подробных комментариях к истории с этой премией (так, как она описана в письме Краснова А.В. Амфитеатрову от 15 апреля 1936 г.) Ж. Шерон обошел молчанием А. Рахманову и не привел названия ее романа. При расшифровке текста публикатор, кажется, не достаточно внимательно отнесся и к очевидному нарушению смысла в довольно важном предложении. На наш взгляд, скорее всего, под пером Краснова произошла описка того типа, когда автор начинает писать об одном, но, изменив направление мысли, забывает внести грамматические исправления. Мы цитируем письмо Краснова по публикации в «Новом журнале», заключив в квадратные скобки неуместную частицу «не».

Литераторы эмиграции, даже сочувственно оценивавшие советскую книжную продукцию (Д. Святополк-Мирский, М. Слоним, М. Осоргин), не знали ничего конкретного о жизни в оставленной ими стране. Вспоминается фоторепортаж из Ленинграда в «Иллюстрированной России» примерно того же времени, и выдающаяся ужас ее редакции подпись к одному из снимков: «В советской России граждане не ходят без носков». Ну лето, жарко... однако «бывших» русских, ныне парижан подобное «падение» коробит. Это ничтожная, мелкая деталь, но из таких деталей соткана повседневная жизнь, которой эмигранты не знали, а Аля Рахманова знала хорошо. И в этом смысле было бы весьма ценно сопоставить ее «дневниковые» романы с советской прозой 1920-х гг., выявляя типологически сходные черты и одновременно обнаруживая отличия, подаренные прозе Али Рахмановой столь ценной эмигрантами «свободой».

Здесь возникает еще один вопрос, неотделимый от исследования такого непростого жанра, как дневник. Женской дневниковой прозы русская литература в XX в. знает немало, что поневоле заставляет задуматься над своеобразием природы «женского» творчества. Складывается впечатление, что выдумывание художественных миров и население их вымышленными персонажами «человеческой комедии» не так притягательно для писательниц, как фиксация окружающей жизненной конкретики, которой можно придать то обличье и разукрасить такими красками, как автору-женщине заблагорассудится. Пока писатель занят беллетризацией макрокосма, женщина поглощена внутренним микрокосмом: творя свой мир, сочинитель становится соперником Творца, тогда как женщина-сочинительница обустроивает на своей лад мир, уже созданный Творцом. Вирджиния Вульф, автор «Дневника писательницы», который она сочиняла почти тридцать лет, признавалась: «Все же по-настоящему волнующая жизнь — воображаемая. Как только колесики у меня в голове начинают крутиться, мне не нужны деньги, не нужно платье, не нужны ни шкаф, ни кровать для Родмелла, ни диван» [Вульф 2009, с. 125]. Но если эта захватывающая воображаемая жизнь начинает накладываться на «документальное повествование», приходится быть особенно осторожным. Если исследователям стало наконец ясно, что к «историческим свидетельствам» Н.Н. Берберовой или И.Г. Одоевцевой надлежит подходить *cum grano salis*, то дневниковую достоверность Али Рахмановой тоже не стоит абсолютизировать.

«Говоря о произведениях Али Рахмановой, — замечает Ильзе Штар, — следует все время иметь в виду, что изменением имен, смещением дат или маскировкой места действия она хотела защитить от преследований свою семью в России» (S. 106). Но тщательному изучению романы А. Рахмановой в сопоставлении с лежащими в их основе русскими дневниками пока не подвергались, только некоторые неточности были выявлены Г. Риггенбахом, описавшим архив Рахмановой, и ее переводчицей на французский язык Ш. Ле Брен Керис (S. 107). Во всех биографических очерках, посвященных Але Рахмановой, ее отец фигурирует как врач, поскольку с этой профессией он выведен в романах-дневниках писательницы. Однако известно, что это очередное «запутывание следов», а настоящая профессия отца по-прежнему остается невыясненной, но эту лакуну, вероятно, легко могли бы восполнить каслинские краеведы.

Дневники, написанные в противоречивые моменты истории, особенно во времена идеологического противостояния мощных государственно-политических сил, могут подвергнуться манипулированию. Поскольку дневник, который ведется в тяжелых обстоятельствах, обладает сильнейшим воздействием — особенно, если его ведет женщина, даже девочка, Таня Савичева или Анна Франк, то всегда существует соблазн использования его в пропагандистских целях. Аля Рахманова и ее муж смирились с установившимся в России большевистским правлением, никак не проявляли свою оппозиционность и даже «вписались» в советскую жизнь. У обоих была работа — университетского преподавателя и библиотекаря, оба выбрали возвращение в СССР после длительной командировки в Европу, в том числе посетив родину предков Арнульфа фон Хойера. Дневник, однако, наполнен критическими замечаниями, дневнику поверяется то, что нельзя сказать вслух, и простая фиксация череды событий, запись разговоров и комментарии к ним могут звучать резко антибольшевистски. Но именно подобный антисоветский, антикоммунистический пафос и был востребован в Германии 1930-х гг.

К тому времени Аля Рахманова перешла к книгам на совсем другие темы. Вторая, большая часть творчества писательницы связана с ее филологическим образованием. Еще до войны она написала несколько литературно-биографических или, если это позволит уточнить специфику жанра, историко-психологических книг («Вера Федоровна» о Комиссаржевской и «Трагедия одной любви» о взаимоотношениях Л.Н. и С.А. Толстых). После войны биографические портреты русских писателей стали основной продукцией А. Рахмановой (книги о Пушкине, Тургеневе, Достоевском, Чехове), но интересовали ее и прославленные женщины — Софья Ковалевская и княжна Тараканова, в чем, вероятно, сказалось недолгое, но многое определившее в последующем художественном творчестве писательницы обучение психологии в Иркутском университете. И еще одному велению времени последовала Аля Рахманова — написав книгу о своем растущем сыне «Юрка», с ожидаемым подзаголовком «Дневник матери» [Rachmanowa 1933c].

Ильзе Штар подробно, по сохранившимся открыткам из разных городов, восстанавливает поездки Али Рахмановой, быстро ставшей «знаменитой писательницей», с литературными выступлениями. С большим сочувствием автор книги обрисовывает обстановку «целительного мира», каким была для семьи фон Хойер жизнь в Зальцбурге. И, перебивая собственный рассказ, сообщает исторические факты: после аншлюса Австрии Зальцбург стал самым нацистским городом страны, в нем первом начали сжигать книги, «прежде всего еврейских и католических авторов» (S. 112). И. Штар полагает, что религиозное чувство, пронизывающее сочинения Али Рахмановой, объясняет тот драматический поворот в ее писательской карьере, когда и ее творчество стало «нежелательным». В этот момент Аля Рахманова работала над «трагедией любви» Толстого (и «Сони Толстой», конечно), было подготовлено уже около четырех тысяч машинописных страниц текста, еще семьсот ждало перевода и перепечатки. Неожиданно издательство потребовало исключить всю религиозную тематику из книги, невзирая на то, что Толстой всю жизнь был погружен в вопросы веры и в изучение Евангелия. Даже название

«Нет в мире виноватых» следовало изменить как противоречащее установкам имперского министерства народного просвещения и пропаганды (S. 126–127). Пришлось проститься с мечтами об экранизации «Молочницы из Оттакринга». Муж утешал: «Главное, что мы все трое вместе, а любит тебя доктор Геббельс или нет, не так уж важно» (S. 128).

Тем не менее это было важно: на пути в очередное литературное турне, в Бреслау (Вроцлав) и Гёрлиц, Алю Рахманову развернули назад. Все быстро закончилось, словно фильм стали перематывать на другую катушку — ярлык «нежелательная» в Германии был первым шагом на пути к концлагерю. Кончились литературные выступления, книги Али Рахмановой убрали с библиотечных полок, о ней перестали писать в газетах, независимые издательства, количество которых сильно уменьшилось, не торопились печатать ее новые произведения. Что самое поразительное — это изменившееся отношение писательницы к дневнику. Аля Рахманова пыталась вести его, как и прежде, но страх, что могут обыскать дом и найти дневник с его критическими страницами против гитлерюгенда, против национал-социализма и его антихристианской природы, «сдерживал перо» (S. 131). Больше из-под этого пера не выйдет ни одного романа в дневниковой форме, отражающего опыт женщины во время бури и натиска... натиска на Восток.

«После начала войны режим бойкотировал ее книги. Аргументом служил немецко-русский пакт о дружбе, — полагает Ильзе Штар. — <...> Аля Рахманова оказалась в изоляции, началась внутренняя эмиграция». Испытанный писательский ход: прежде чем сообщить, как нацисты выдавливали Алю Рахманову из культурно-интеллектуальной жизни Зальцбурга, Австрии, Третьего рейха, И. Штар излагает вкратце ужасы советской цензуры («почта, газеты и телеграф под контролем Чека», S. 133). А дальше приводит небольшую хронологию из жизни ее героини: в 1938 г. все произведения Али Рахмановой попали в список «нежелательных книг» и были изъяты из общественных библиотек; в 1939 г. ее книги следовало убрать из личных библиотек, их реклама и само упоминание о писательнице были запрещены. В 1941 г., с началом войны с Советским Союзом ограничения только усилились, поскольку на русскую литературу был наложен полный запрет, действовавший до 1945 г. Англо-американские союзники (!) продолжили в Германии запрет до 1948-го, а в Австрии даже до 1950 г. Это огромный, в сущности, срок, чтобы новые поколения ничего не узнали о писателе, любимом и популярном во времена их родителей.

Рисуя трагический образ изгойки, рассказывая о психических проблемах и лечении в клиниках и санатории, Ильзе Штар опустила известную ей — судя по приведенной библиографии — историю с появлением одной из книг Али Рахмановой во время войны «в самом логове фашистского зверя». Эту историю, замечательную с разных точек зрения, распутали Г. Риггенбах и Р. Марти [Riggenbach, Marti 2008]. Хотя исследователей больше занимали текстологические вопросы, им удалось прояснить эпизод с «пиратским» изданием книги А. Рахмановой в тот период, когда ее родина вела Великую Отечественную войну. Осенью 1941 г., пусть и нежелательным для писательницы образом, ее книга «Студенты, любовь, Чека и смерть» была в первый и последний раз опубликована на родном языке и рас-

пространялась среди прочей пропагандистской литературы на оккупированной территории Советского Союза [Rachmanowa 1941].

Свидетельства этой истории сохранил дневник А. Рахмановой за 1943 г. Прочитываем его по публикации в швейцарском научном журнале [Riggenbach, Marti 2008, S. 198–199]: «Это известие совершенно перевернуло мне всю душу. Я так мечтала о том моменте, когда моя книга появится на русском языке. И вот этот момент настал и принес мне только горе и разочарование». Однако писательницу не волнует манипулирование нацистов с ее книгой «в занятых областях России», ее волнует другой вопрос: «Кто перевел мою книгу с немецкого языка на русский? Ведь манускрипт был написан мною на русском языке...» И далее: «Я в отчаянии, я в горе!» — почему? — потому что «текст искажен совершенно». «На книге стоит Александра Рахманова, но это не моя книга, — отрекается от единственного русского издания писательница. <...> В каком виде книга моя попала на мою родину?» Задето авторское самолюбие, а вовсе не патриотические струны: «Почему не обратились ко мне за русским манускриптом?» Современные исследователи констатируют: «Она чувствовала себя задетой, поскольку не считалась с ее интеллектуальной собственностью». Однако А. Рахманову не смутило, что ее книгой воспользовалась нацистская пропаганда. С 1941 г. роман распространялся в виде брошюры, позже, под заглавием «Рай или ад», был рекомендован к переводу на национальные языки на всей территории, подконтрольной Третьему рейху, среди союзников и среди врагов. Документы министерства пропаганды подтверждают, что в целях усиления нацистской, антибольшевистской агитации на оккупированной территории Советского Союза настоятельно рекомендовалось, среди прочего, перевести книгу Рахмановой⁹. В 1943 г. была переведена вторая часть трилогии («Браки в красном вихре») и издана под литерой А. вместо имени автора.

Осталось рассказать о том, что Ильзе Штар озаглавила кратко: судьба. Беззаботность довоенной жизни, успех, бездумное смешение церквей и слияние языков неожиданно обернулось страшной драмой — участием в войне и гибелью сына, Александра фон Хойера. Эти страницы биографии Али Рахмановой, вернее — конец этой биографии — И. Штар воссоздает с большой проникновенностью. Гражданская война не закончилась, русский народ был расколот, и эмиграции предстояло совершить свой выбор, вновь словно призванный раскрыть знаменитые «бездны» в русской душе: Мать Мария (Скобцова) и казачий атаман П.Н. Краснов... И ведь оба горячо любили родину... Горячо любила ее и Аля Рахманова. Для ее сына война с Россией «означала катастрофу» (S. 149). Через несколько часов после

⁹ Статья немецкого и швейцарского славистов посвящена главным образом взаимоотношениям автора с «обратным», весьма небрежным переводом своей книги, с иностранного языка на ее родной (А. Рахманова получила экземпляр книги и весь его испещрила пометами, замечаниями, записями). К сожалению, остается неизвестным имя переводчика — был ли это русский немец, выехавший после революции из России? Прибалтийский немец или живший в Германии русский эмигрант? Исследователи замечают, что, по всей видимости, переводчик был нетверд в обоих языках. Их предположения простираются еще шире — украинец? HiWi (Hilfswilliger, добровольный помощник) вермахта на оккупированных территориях? Во всяком случае, владение обоими языками не спасло перевод от «гротескных ошибок» [Riggenbach, Marti 2008, S. 211]. Может быть, переводчиков было двое или даже больше?

объявления войны по радио «Юрку», имевшего диплом переводчика с русского языка, вызвали по телефону в Берлин. О войне в России, навещающая родителей во время отпусков, он рассказал только одно: как только он ступил на русскую почву, «сразу почувствовал, как много <в нем> русского» (S. 150).

Насколько для А. фон Хойера нестерпимо было лежать в окопе и целиться в лоб своего «брата», он родителям не рассказывал, а дневников, к сожалению, не писал. На какое-то время, после ранения, ему удалось выбраться в Берлин, начать учиться медицине... но вермахту в конце войны остро не хватало солдат. 1 апреля 1945 г. двадцатипятилетний сын фон Хойеров погиб в бою под Веной, защищая австрийскую столицу от наступления Красной — русской — армии. В 1947 г. он был первым из семьи перезахоронен в фамильной усыпальнице фон Хойеров на коммунальном кладбище Зальцбурга. Ему Аля Рахманова посвятила книгу «Один из многих» (Zürich, 1947).

И. Штар не смогла найти объяснений, почему Арнульф и Галина фон Хойер бежали из Зальцбурга. Их настоятельно просил об этом при последнем свидании сын. Но Зальцбург не был оккупирован русскими, Аля Рахманова не была повинна в пиратском издании ее книги. О деятельности ее мужа во время войны биограф не пишет, хотя, возможно, именно ему не следовало оставаться на милость победителей (Зальцбург отошел к американцам). Во всяком случае, началось новое изгнание — бросив все, в том числе обожаемых собак и кошек, литературная пара ушла из Зальцбурга, чтобы попытаться счастья на швейцарской границе. Когда надежд перейти ее почти не осталось, какой-то пограничный чиновник вдруг взгляделся в лицо измученной немолодой беженки: «Вы — Аля Рахманова? Я читал все ваши книги!» И путь в Швейцарию был открыт.

Там и прошли еще почти полвека жизни Али Рахмановой. Вместе с мужем они писали теперь литературные биографии, собрали солидную библиотеку, вели переписку с читателями, серьезно собирали материал для каждой книги... Они не пользовались большим спросом, но кто бы ни становился героем биографического повествования — Пушкин, Тургенев или Достоевский, речь неизменно шла о любви и о литературе... Только однажды выбор героя был сделан Арнульфом фон Хойером: страстный любитель музыки, составивший огромную коллекцию пластинок с записями классики, он внес все свои музыкальные знания, весь свой любительский опыт в биографию П.И. Чайковского — «Судьба и творчество». Однако выхода этой книги в 1972 г. не дождался — в 1970 г. его не стало.

Жизненный круг сужался, но неизменным оставалась преданность дневнику. Писать — значило для Али Рахмановой преодолеть: страх, горе, болезни... Среди ее разрозненных бумаг, не сгодившихся для официального архива, переданного вместе с библиотекой и собранием пластинок в кантональную библиотеку Фрауэнфельда (в этом небольшом городке местное издание выпускало ее послевоенные книги), И. Штар обнаружила запись, свидетельствующую о том, какое место в жизни Али Рахмановой занимала не столько литература, сколько существование в образе писательницы: «Я была десять лет под запретом в Германии, одиннадцать — в Австрии. Это была не жизнь, а мука» (S. 214). Долгая жизнь Али Рахмановой завершилась в собственном швейцарском домике, на

месте которого сейчас стоят новые дома и памятный гранитный обелиск в ее честь. Но жизнь писательницы продолжается и после смерти. Круг почитателей помог перезахоронить в родовой усыпальнице в Зальцбурге прах столь дружной семьи. Памятник высится над их общей могилой и ровенькими прочими надгробиями, словно скала — из Альп или с Урала. «Аля Рахманова», писательница» продолжает быть читаемой, переводимой и, с недавних пор, изучаемой (см., например: [Ascione, 2013]). В Австрии и Швейцарии открыто сразу несколько мемориальных досок в ее честь. Сборник рассказов о детстве «Загадки о татарах и истуканах» (1933), сам псевдоним писательницы заставляет некоторых исследователей писать «о глубоком почтении к своей татарской родине по ту сторону религиозных и этнических границ»¹⁰.

Но границы были, и были изгнание, утрата родины, смена стран и языка.

Первая эмиграция — из России в Австрию.

Вторая — из Австрии в Швейцарию.

Третья — перезахоронение, перевоз праха фон Хойеров на фамильное кладбище в Зальцбурге.

Может быть, творчеству писательницы пора вернуться на родину, но не к отеческим гробам, а книгами — к современному читателю? Как это сделала И. Штар: «Я попыталась вернуть Алю Рахманову из эмиграции забвения...» (S. 219). Правда, путь к русскому читателю будет сложнее — для издания ее книг едва ли следует переводить их с немецкого языка, необходимо обратиться к хранящимся в архиве рукописям русских дневников и машинописи романов. В июне 2015 г. вышло в свет новейшее издание, связанное с именем Али Рахмановой: Генрих Риггенбах, много лет изучавший архив писательницы, выпустил том ее дневников, написанных по-немецки в годы Второй мировой войны [Rachmanowa 2015].

Книга И. Штар, как мы уже подчеркивали, не строго научная. Однако заметим, что помимо трех разобранных частей в книге есть и четвертая, «Приложение». Оно состоит из уточнений по завещанию и архивному наследию писательницы, маленького словарика (для уточнения русских и советских понятий) и примечаний, краткой биографической канвы, библиографии книг А. Рахмановой, литературы о ней, выдержек из современной ей газетно-журнальной критики и списка личных имен. Все очень сжато, в минимализированной форме, но все это упрощает пользование изданием и помогает ориентироваться в содержащемся в нем весьма разнообразном материале. Книга завершается страницей «благодарности» всем, кто помог изданию состояться. И сама Ильзе Штар, так много сделавшая, чтобы вернуть из забвения оригинальную и неоднозначную фигуру русской немецкой писательницы, заслуживает прежде всего благодарности.

И еще одна благодарность — наша личная — Анне Голиковой и Михаилу Архирееву, которые привлекли наше внимание к судьбе и творчеству Али Рахмановой.

¹⁰ <http://www.tatarlar-deutschland.de/2009/08/24/alya-rahmanova-molochnica-s-urala/> Мисте Хопп-Рике, Берлин «Аля Рахманова, молочница с Урала».

Литература

- Вульф 2009 — Вульф В. Дневник писательницы. М., 2009.
- Казак 1988 — Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / пер. с нем. Лондон, 1988.
- Переписка П.Н. Краснова 2013 — Переписка П.Н. Краснова с А.Н. Амфитеатовыми / публ. Ж. Шерона // Новый журнал. 2013. № 272. С. 131–168.
- Ascione 2013 — Ascione S. Жизнь и творчество Али Рахмановой (1898–1991) // Zborník Mladá rusistika — nové tendencieatrendy II. Bratislava, 2013. S. 139–146.
- Gebauer 2004 — Gebauer K. Mensch sein, Frau sein. Autobiographische Selbstentwürfe russischer Frauen aus der Zeit des gesellschaftlichen Umbruchs um 1917. Frankfurt a/M., 2004. 260 S.
- Rachmanova 2010 — Rachmanova A. Une crémère russe à Vienne: journal d'une émigrée (1925–1927) / trad. du russe par Chantalle Brun Keris <ошибочно указано: перевод с русского>. Paris: Payot & Rivages, 2010.
- Rachmanovová 2013 — Rachmanovová A. Mliekarkaz Ottakringu: (denníky 1925–1927) / z německého orig. přel. Z. Demjánová. Bratislava: Premedia, 2013.
- Rachmanowa 1931 — Rachmanowa A. Symphonie des Lebens (Meine russischen Tagebücher) <Симфония жизни. (Мои русские дневники)>. Studenten, Liebe, Tscheka und Tod. Tagebuch einer russischen Studentin <Студенты, любовь, Чека и смерть. Дневник русской студентки>. Salzburg: Pustet, 1931. 447 S.
- Rachmanowa 1932 — Rachmanowa A. Ehen im roten Sturm <Браки в красную бурю>. Salzburg: Pustet, 1932. 412 S.
- Rachmanowa 1933a — Rachmanowa A. Milchfrau in Ottakring: Tagebuch einer russischen Frau. Die deutsche Übersetzung nach dem russischen Urschrift besorgt Arnulf von Hoyer <Молочница из Оттакринга: Дневник русской женщины. Немецкий перевод с русского рукописного оригинала осуществил Арнульф фон Хойер>. Salzburg: Pustet, 1933. 332 S.
- Rachmanowa 1933b — Rachmanowa A. Geheimnisse um Tataren und Götzen. Erlebnisse einer jungen Russin aus der Ural <Загадки о татарах и истуканах. Рассказы уральской девочки>. Salzburg; Leipzig: Pustet, 1933. 171 S.
- Rachmanowa 1933c — Rachmanowa A. Jurka. Tagebuch einer Mutter <Юрка. Дневник матери>. Salzburg: Otto Müller, 1933. 402 S.
- Rachmanowa 1935 — Rachmanowa A. Die Fabrik des neuen Menschen <Фабрика новых людей>. Salzburg; Leipzig: Pustet, 1935. 413 S.
- Rachmanowa 1937 — Rachmanowa A. Tragödie einer Liebe: Roman der Ehe Leo Tolstoj's <Трагедия любви: Роман о браке Льва Толстого>. Salzburg; Innsbruck; Leipzig: O. Müller, 1937. 576 S.
- Rachmanowa 1939 — Rachmanowa A. Wera Fedorowna. Der Roman einer russischen Schauspielerin <Вера Федоровна. Роман о русской актрисе>. Salzburg; Leipzig: Pustet, 1939. 406 S.
- Rachmanowa 1941 — Rachmanowa A. Zwiegespräch mit der GPU <Общение с ГПУ>. Berlin: Europa-Verlag, 1941.
- Rachmanowa 1947a — Rachmanowa A. Einer von vielen <Один из многих>. Zürich: Rascher, 1947. Bd 1: Der Aufstieg <Подъем>. 367 S.; Bd 2: Das Ende <Конец>. 377 S.
- Rachmanowa 1947b — Rachmanowa A. Das Leben eines grossen Sünders (Ein Dostojewski-Roman) <Житие великого грешника (Роман Достоевского)>. Einsiedeln, Zürich: Benziger & Co 1947. 2 Bd.
- Rachmanowa 1950 — Rachmanowa A. Ssonja Kowalewski. Leben und Liebe einer gelehrten Frau <Софья Ковалевская. Жизнь и любовь образованной женщины>. Zürich: Rascher, 1950. 352 S.

- Rachmanowa 1951 — *Rachmanowa A.* Jurka erlebt Wien <Юрка знакомится с Веной>. Zürich: Rascher, 1951. 297 S.
- Rachmanowa 1952 — *Rachmanowa A.* Die Liebe eines Lebens: Iwan Turgenjew und Pauline Viardot <Любовь всей жизни: Иван Тургенев и Полина Виардо>. Frauenfeld: Huber, 1952. 398 S.
- Rachmanowa 1954 — *Rachmanowa A.* Die falsche Zarin. Prinzessin Elisabeth Tarakanowa, Rivalin Katharinas der Großen <Самозваная царица. Княжна Елизавета Тараканова, соперница Екатерины Великой>. Frauenfeld: Huber, 1954. 299 S.
- Rachmanowa 1957 — *Rachmanowa A.* Im Schattendes Zarenhofes: Die Ehe Alexander Puschkins <В тени царского двора: Брак Александра Пушкина>. Frauenfeld: Huber, 1957. 392 S.
- Rachmanowa 1961 — *Rachmanowa A.* Ein kurzer Tag: Das Lebendes Arztes und Schriftstellers Anton Pawlowitsch Tschschow <Короткий день: Жизнь врача и писателя Антона Павловича Чехова>. Frauenfeld: Huber, 1961. 439 S.
- Rachmanowa 1963 — *Rachmanowa A.* Tiere begleiten mein Leben <Звери — спутники моей жизни>. Frauenfeld: Huber, 1963. 168 S.
- Rachmanowa 1964 — *Rachmanowa A.* Die Verbannten: Frauenschicksale in Sibirien zur Zeit Nikolajs I. <Ссылные (Декабристы): Судьба женщин в Сибири в царствование Николая I>. Frauenfeld: Huber, 1964. 349 S.
- Rachmanowa 1972 — *Rachmanowa A.* Tschaikowskij: Schicksal und Schaffen <Чайковский: Судьба и творчество>. Luzern: Schweizer Volks-Buchgemeinde. 1972. 448 S.
- Rachmanowa 2006 — *Rachmanowa A.* Milchfrau in Ottakring: Tagebuch eine russischen Frau. 5 Auflage. Mit einem Vorwort von Dietmar Grieser. Wien: Amalthea Signum Verlag, 2006. 296 S.
- Rachmanowa 2013 — *Rachmanowa A.* Milchfrau in Ottakring: Tagebuch eine russischen Frau. Mit einem Vorwort von Dietmar Grieser. Wien, 2013. 5. Auflage.
- Rachmanowa 2015 — *Rachmanowa A.* Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön: Tagebücher 1942 bis 1945 / hrsg. von H. Riggenbach. Salzburg: Otto Müller, 2015.
- Riggenbach 1998 — *Riggenbach H.* Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer): Werke, Briefe, Tagebücher. Frauenfeld: Thurgauische Kantonsbibliothek, 1998.
- Riggenbach 2010 — *Riggenbach H.* Der Nachlass von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer) in der Kantonsbibliothek Thurgau. Zürich: Jan Dusek, 2010.
- Riggenbach, Marti 2008 — *Riggenbach H., Marti R.* «На книге стоит “Александра Рахманова”, но это не моя книга». Eine Raubübersetzung und ihre Kritik // Contributions suisses au XIVe congrès mondial des slavistes à Ohrid. Bern: Peter Lang, 2008. S. 197–214.

О.А. Коростелев

НЕ АРХИВОМ ЕДИНЫМ

Яновский В. Любовь вторая: Избранная проза / предисл., коммент., пер. с англ. и фр. М. Рубинс. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 608 с., ил.

Критикам не раз доводилось упрекать составителей за то, что те недостаточно используют архивы, ограничиваясь лишь печатными материалами. Но бывают, оказывается, и обратные ситуации, когда кое-какой архивный материал задействован, однако составителю очень не помешало бы более обстоятельное знакомство с печатными источниками.

В книге В.С. Яновского «Любовь вторая» Мария Рубинс собрала его малую прозу — повести, рассказы, а также воспоминания, эссе и критику, добавив раздел с отзывами современников о Яновском. Такую задачу можно только приветствовать: Яновский у нас хоть и издавался не раз, но очень выборочно, а критические отклики о нем и вовсе почти не перепечатывались.

Весь вопрос в том, насколько успешно выполнена поставленная задача. И на этот счет есть много сомнений. Больше всего вопросов вызывает сам набор текстов и порядок их размещения в томе, а также источниковедческая база, на которой основано издание.

Принципы отбора текстов для издания неясны. Из аннотации можно понять, что ставилась задача републиковать ранние произведения Яновского с учетом рецепции. Но почему одни произведения этого периода в книгу включены, а несколько остались за бортом? Объем не мог быть причиной — тексты небольшие и их немного. Объяснение только одно — составитель просто не знал об их существовании.

Из критических заметок Яновского в журнале «Иллюстрированная Россия» включены лишь семь. Из публикаций в «Последних новостях» ни одной. Пропущены даже рецензии, опубликованные в таком небезызвестном издании, как «Современные записки»: В. С. М. <Яновский В.С.> <Рец. на кн.:> Формаков А.И. Фаина. Рига: Логос, 1938 // Современные записки. 1939. № 69. С. 391.

Если бы М. Рубинс объяснила свои принципы составления и комментирования в предисловии или примечаниях, возможно, часть претензий не пришлось бы предъявлять, но никакого объяснения в книге, увы, нет.

В предисловии то и дело глухо упоминается о неких архивных документах, откуда взяты те или иные сведения, но что это за документы, из каких архивов,

осталось тайной. Вместо указания источника приводимой информации даются только слова «в соответствии с архивными документами», «в одном из архивных документов», «как указано в документах». Лишь в нескольких, очень немногочисленных, случаях присутствует ссылка на Бахметьевский архив.

То же и с цитированием печатных источников — некоторые цитаты сопровождаются сносками, другие приведены в тексте без всяких отсылок или с весьма приблизительным описанием. Автор так прямо и пишет: «Из заметки Ек. Кусковой в “Последних новостях” узнаем, что Яновский поместил в третьем номере “Завтра” призыв к самоограничению». И далее дает фрагмент текста Яновского... по заметке Кусковой. А может, стоило заглянуть в этот самый третий номер «Завтра» (для этого даже далеко ходить не надо, он есть в сети, оцифрованный сотрудниками университета Южной Каролины)? И привести не цитату, а весь текст, он невелик, всего две странички, но для Яновского очень характерен и вполне заслуживает быть воспроизведенным целиком в основном составе тома. Вот точная ссылка: *Яновский В.С. О самоограничении // Завтра: Ежемесячник утвержденных. 1933. 1 июня. № 3. С. 16–17.*

Некоторые ссылки прямо-таки умиляют. Вот, к примеру, ссылка на статью Ходасевича: «Печатается по: Возрождение. 1935. Август». Вроде не самый последний критик Ходасевич, да и «Возрождение» отнюдь не маргинальная газета (тем более комплект ее доступен в сети стараниями сотрудников Принстонского университета). Можно было и заглянуть, потратив несколько минут, и тогда ссылка выглядела бы по-человечески: *Ходасевич В. Люди и книги: «Любовь вторая» // Возрождение. 1935. 22 августа. № 3732. С. 3.*

Но даже в тех случаях, когда в ссылке на первоисточник присутствуют какие-то конкретные сведения, они зачастую неполны, и ясно, что переписаны с вырезки в том виде, в каком их оставил Яновский, например: «Печатается по: Последние новости. 1932. № 4078». Точная ссылка: *Яновский В. Земная жизнь // Последние новости. 1932. 22 мая. № 4078. С. 4–5.* Этого номера газеты составитель явно не видел, а если бы заглянул в него, обнаружил бы, что в нем публиковались материалы дела Горгулова, о котором упоминается и в предисловии, и в примечаниях.

Повесть «Любовь вторая» действительно вышла отдельным изданием в 1935 г., но до того была журнальная публикация, правда, в сокращенном варианте и под другим названием: *Яновский В.С. Преображение: (Парижская повесть) // Современные записки. 1933. № 53. С. 113–145.* Об этом принято упоминать в примечаниях.

Ранние публикации автора за подписью Цеяновского — тоже не бином Ньютона, найти их нетрудно, как в самой газете, так и в опубликованной библиографической базе О.А. Коростелев // *Литературоведческий журнал. 2010–2014. № 27–30, 32–34.*

Ну нельзя же, в самом деле, давать такие ссылки: «Печатается по: За свободу! [Б.г.] № 1117». Газета «За свободу!» не настолько редка, чтобы печатать текст якобы по ней, не заглянув не только в подшивку, но даже в опубликованную роспись. А если бы составитель полюбопытствовался, убедился бы, что номер это никакой не 1117, а вовсе 1711 (не знаю уж, кто его переврал, Яновский, архивируя вырез-

ку, или позже составитель), и полную ссылку нужно было дать так: *Цеяновский. <Яновский В.С.> Жизнь и смерть студента Курлова // За свободу! 1925. 4 декабря. № 307 (1711). С. 2–3.*

Комментарий составителя к рассказу «Красные знамена» еще более туманен: «Один из ранних рассказов, опубликован под псевдонимом Цеяновский, видимо, в эмигрантском издании в Польше. Печатается по архивной копии». Вместо этих гаданий должна была стоять следующая ссылка: *Цеяновский. <Яновский В.С.> Красные знамена // За свободу! 1925. 23 марта. № 80 (1484). С. 3.*

Непонятно, кстати, почему рассказ помещен среди произведений 1938 г., если составитель сам считает его ранним. По идее, рассказ должен был открывать раздел, поскольку это первое опубликованное произведение Яновского.

Впрочем, в каком порядке приведены в томе рассказы Яновского, известно только составителю (если, конечно, и ему известно), объяснения в книге найти не удалось, хотя для публикации ранних и неперепечатывавшихся произведений более всего подходит хронологический порядок — только так можно проследить эволюцию автора.

Однако первым в книге стоит рассказ «Горестный бред» с пометой «Последние новости. [Б.г.] № 3788». Но № 3788 «Последних новостей» вышел 4 августа 1931 г. Вторым идет рассказ 1925 г., и далее тоже никакой хронологии не соблюдается, даже там, где составитель верно указывает даты первых публикаций: 1936, 1933, 1930, 1937. Какой-либо логики в подобном чередовании я так и не понял. Единственное приходящее в голову объяснение — что тексты опубликованы в том порядке, в каком они отложились в архивном фонде.

Слог предисловия местами прямо библейский: «Многие рассказы воспроизводят впечатление от Гражданской войны, акцентируя ужас человеческих взаимоотношений». Но это бог с ним, речь сейчас о другом.

Примечания к 600-страничному тому предельно лаконичны и содержат преимущественно библиографические отсылки (зачастую очень неточные) и несколько биографических справок, объясняющих, кто такой Савинков или Тейяр де Шарден. Изредка к этому добавляются примечания, объясняющие, что такое манихейство, смит-вессон или первомартовцы.

К художественным текстам, понятно, не обязательно давать большие примечания, и в книге основная часть комментария приходится на критику и воспоминания. Впрочем, и после объяснений комментатора многое остается неясным.

В нескольких примечаниях указано: «С учетом авторских поправок в архивной копии». Но что это были за поправки, можно лишь гадать: простое исправление опечаток, стилистическая правка или существенная переработка напечатанного текста.

Рецензию на «Колесо» в «Возрождении», подписанную криптонимом В.Л., Мария Рубинс атрибутирует Левицкому, причем неясно, какому. Владимир Иванович Левицкий к тому времени уже скончался. Валентин Михайлович Левитский печатался в «Возрождении», но в более ранние годы. В известном указателе А.А. Алексеева этот криптоним приписан Вере Лурье, что сомнительно, вряд ли она стала бы писать для «Возрождения». Однако, предлагая новые атрибуции,

нужно их хоть как-то обосновывать.

Авторские маргиналии на полях публикуемых вырезок нельзя воспринимать как истину в последней инстанции, без проверки они могут порой только ввести в заблуждение. Вероятно, именно так появился на свет **Александр** Бем, другого объяснения я этому не нахожу. Альфреда Людвиговича Бема некоторым литературоведам случалось именовать Алексеем, но вот как Александр он фигурирует, кажется, впервые.

Павел Челищев имел несчастье появиться в английском тексте, поэтому Мария Рубинс перевела обратно на русский и его фамилию, в результате чего он стал Челичевым. По-видимому, тем же способом появился на свет и Г. Баланчин, который в США был известен как Джордж.

А вот почему издатель Яновского поименован в книге как Эндрю Поляк, я не знаю, всегда считал, что его звали Григорием.

Последний раздел книги составили отзывы о Яновском Ходасевича, Адамовича, Бема и других эмигрантских критиков, но, к сожалению, текстов всего десяток и полной картины рецепции Яновского в эмиграции они не дают.

Если уж составителем была поставлена такая задача, при подготовке книги надо выполнять ее до конца. А тут, похоже, перепечатаны только вырезки, собранные самим Яновским. Готовя книгу, можно было заглянуть и в эмигрантскую периодику, тогда картина сразу стала бы отчетливей. Все же писали о Яновском не так много, чтобы в этом изобилии можно было утонуть. Добавление в книгу других статей и рецензий, пусть не всех, но хоть наиболее значимых, объем увеличило бы ненамного, зато могло избавить от ощущения случайного набора.

Вот навскидку ряд дополнений (по хронологии их появления в печати):

Зайцев К. «Новые писатели» о советских детях // Россия и славянство. 1930. 22 февраля. № 65. С. 3. <Рец.: Яновский В. Колесо. Париж; Берлин: Новые писатели, 1930>.

П. П. <Пильский П.М.> <Рец.: Яновский В. Колесо. Париж; Берлин: Новые писатели, 1930> // Сегодня. 1930. 17 марта. № 76. С. 6.

Ходасевич В. Книги и люди: «Мир» // Возрождение. 1932. 28 января. № 2431. С. 3–4. <Рец.: Яновский В. Мир: Роман. Берлин: Парабола, 1932>.

Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1932. 25 февраля. № 3991. С. 2. <Рец.: Яновский В. Мир. Берлин: Парабола, 1932>.

Оцун Н. <Рец.: Яновский В. Мир: Роман. Берлин: Парабола, 1932> // Числа. 1932. № 6. С. 262–264.

Адамович Г. <Рец.: Яновский В. Мир: Роман. Берлин: Парабола, 1932> // Современные записки. 1933. № 52. С. 457–458.

Адамович Г. «Современные записки». Кн. 53-я. Часть литературная // Последние новости. 1933. 2 ноября. № 4607. С. 2. <Яновский В. Преображение>.

Мих Ос<оргин>. <Ильин М.А.> «Любовь вторая» // Последние новости. 1935. 11 июля. № 5222. С. 3. <Рец.: Яновский В. Любовь вторая. Париж: Объединение Писателей в Париже, 1935>.

Пильский П. Любовь вторая. Новый роман В. Яновского // Сегодня. 1935.

10 августа. № 219. С. 3.

Волошин Г. <Рец.: Яновский В. Любовь вторая. Париж: Объединение Писателей в Париже, 1935> // Современные записки. 1935. № 59. С. 476–477.

Адамович Г. «Круг» // Последние новости. 1936. 9 июля. № 5585. С. 3. <Яновский В. Розовые дети>.

Балакишин П. <Рец.: Яновский В. Любовь вторая. Париж: Объединение Писателей в Париже, 1935> // Земля Колумба. 1936. Кн. 1. С. 129–130.

Савельев С. <Шерман С.Г.> <Рец.: Яновский В. Любовь вторая. Париж: Объединение Писателей в Париже, 1935> // Современные записки. 1936. № 62. С. 443–444.

Адамович Г. «Современные записки». Кн. 63. Часть литературная // Последние новости. 1937. 6 мая. № 5885. С. 3. <Яновский В. Вольно-американская>.

Адамович Г. Литературные заметки: Альманах «Круг», книга II // Последние новости. 1937. 25 ноября. № 6088. С. 3. <Яновский В. Ее звали Россия>.

Адамович Г. «Русские записки» <№ 2> // Последние новости. 1937. 16 декабря. № 6109. С. 3. <Яновский В. Двойной нельсон>.

Адамович Г. Литература в «Русских записках». Книга 10 // Последние новости. 1938. 20 октября. № 6416. С. 3. <Яновский В. Портативное бессмертие (начало)>.

Адамович Г. Литература в «Русских записках» <№ 15> // Последние новости. 1939. 23 марта. № 6569. С. 3. <Яновский В. Портативное бессмертие (продолж.)>.

Адамович Г. Литература в «Русских записках» <№ 17> // Последние новости. 1939. 1 июня. № 6639. С. 3. <Яновский В. Портативное бессмертие (оконч.)>.

Как нетрудно убедиться, во многом это как раз отзывы на те самые произведения, что включены в книгу. И если даже не перепечатывать их целиком, комментарии должны содержать цитаты или хотя бы ссылки на эти отклики.

Вот если все эти уточнения внести, добавить недостающие тексты и хоть немного дополнить комментарии, получится нормальная книга и поставленную задачу можно считать выполненной. А пока это лишь перепечатка нескольких вырезок, случайно отложившихся в одной из архивных папок.

А.К. Глазунов. Возвращенное наследие. Письма к А.К. Глазунову. Избранные страницы переписки (1928–1936). — СПб.: СПб ГБУК «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства», 2013. — Т. I. — 408 с.: ил.

Особый интерес к русскому зарубежью, который возник в конце 1980-х гг., не угас и поныне. Это понятно: слишком значительно всё то, что было сделано представителями русской культуры за рубежом. И если общую картину «эмигрантской» литературной жизни в Европе 1920–1930-х гг. мы представляем уже достаточно полно, то о других областях культуры — по крайней мере, о музыке — этого сказать нельзя.

Настоящее издание открывает малоизученные «зарубежные» страницы творческой биографии Александра Константиновича Глазунова. Наиболее значительный корпус материалов, связанных с жизнью композитора, вышел в свет более полувека назад (*Глазунов А.К. Письма, статьи, воспоминания. Избранное.* М., 1958; *Глазунов: Исследования. Материалы. Публикации. Письма.* Т. 1–2. Л., 1959–1960). После этих изданий появление настоящего тома трудно переоценить. Здесь мы обнаруживаем не только набор важных сведений, «фактов», но и состояние души композитора в последние годы жизни. Об этом говорят некоторые отрывки из его писем:

«Счастлив был увидеть настоящую северную зиму, по которой, живя за границей, соскучился. Приятно было кататься на извозчиках и не гнуть спину в тесных кривых автомобилях. Встретил много друзей, которых не видел много-много лет».

В нескольких строчках о рижских впечатлениях из письма доброму знакомому, Яну Ансовичу Вольфману, запечатлелась особая ностальгия — не по России нынешней, но по старой, дореволюционной России. О таком «доисторическом», даже — «внеисторическом» русском уголке в Риге напишет Георгий Иванов в очерке «Московский форштадт». Чувства, подобные глазуновским, на окраинах бывшей Российской империи испытают в тридцатые годы и Сергей Рахманинов (в Варшаве), и Иван Шмелев (в Печорах, на «краю» Эстонии). Важна строчка и о давних друзьях. В заграничной жизни композитор испытывал недостаток обще-

ния с товарищами по искусству (этот «душевный голод» будут ощущать очень многие русские музыканты). И конечно, годы, проведенные в Европе, слишком удаляли его от привычного существования и от привычного ритма. Любовь к извозчикам, к «старорежимной» размеренной жизни понятна у пожилого уже человека. Но эту привязанность к «прошлому» Глазунов сохранил и в искусстве.

Квартет для четырех саксофонов и Концерт для саксофона с оркестром, завершающие творческий путь композитора, как и вообще интерес Глазунова к джазу, говорят об особой его чуткости к современному звуковому миру. Тем не менее в музыкальной жизни 1920–1930-х гг. Глазунов воспринимался как своего рода «классицист» и «архаист». И здесь он не был одинок. Таковым ощущал себя, например, и Сергей Рахманинов. И тоже несмотря на сходный интерес к джазовой музыке и саксофону (его партия зазвучит в «Симфонических танцах»). Из переписки Николая Метнера с Рахманиновым мы знаем, насколько неуютно эти два «традиционалиста» чувствовали себя среди современной им музыки. Оказавшись за границей, где значительная часть критики была настроена «новаторски», композитор Глазунов по сути дела встал в тот же ряд «музыкальных изгнанников».

Том из «Возвращенного наследия» композитора дает возможность почувствовать приметы музыкальной жизни Европы между двумя войнами. Он знакомит и с важными страницами жизни и творчества его давних знакомых — И.И. Витоля, А.И. Зилоти, Л.Э. и Ю.Э. Конюсов, Н.К. Метнера и др. Но вместе с тем один из наиболее драматичных сюжетов представленных писем — именно об этом: об «архаистах и новаторах», о противостоянии двух музыкальных эстетик. Отклик критика Бориса Шлёцера на глазуновский концерт в номере «Последних новостей» от 30 декабря 1928 г. воспринят композитором как «гадость». И в плане личном, «биографическом» «Письмо к редактору» значительной части музыкантов (оно приводится в примечаниях), как и ответные извинения Павла Милюкова, главного лица в «Последних новостях», могли бы тему «недружественной критики» закрыть. Но для Шлёцера среди современных композиторов была неприемлемой фигура не только Глазунова, но и упомянутых Метнера и Рахманинова. В адрес последнего, — отдавая должное редкому пианистическому мастерству, — он тоже высказал немало жестких фраз. И вряд ли на позиции критика сказала только лишь давняя приверженность музыке Скрябина или его особое внимание ко всякой «новизне» (например, к творчеству Стравинского). Как-никак другой «скрябинист», Леонид Сабанеев, именно за рубежом стал иначе оценивать значение «консерватизма» и «модернизма» в музыке, теперь уже поставив Рахманинова выше Скрябина. Зато в каких-то основных предпочтениях с позицией Шлёцера сближался известный музыковед-евразиец Петр Сувчинский.

Многие детали музыкальной жизни русского зарубежья, как и «расстановка музыкальных сил», до сих пор остаются не до конца проясненными. Тем важнее появление новых книг, подобных «Возвращенному наследию». Вышедший том архивных публикаций, тщательно комментированных, дает возможность отчетливее высветить и отдельные звенья биографии Александра Константиновича Глазунова, и музыкальную жизнь русского зарубежья 1930-х гг., и ту борьбу «эстетик», без которой эта музыкальная жизнь тоже не могла обойтись.

О.Т. Ермишин

Летцев В.М. «Прежде всего, он искал подлинности»: Очерк жизненного и творческого пути В.В. Зеньковского. — Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2014. — 184 с.

Написать биографию выдающегося ученого В.В. Зеньковского (1881–1962) — такая задача давно назрела для историко-философской науки, поэтому можно только приветствовать выход книги В.М. Летцева. Конечно, это лишь первый шаг в указанном направлении, что делает понятным форму «очерка», небольшой объем издания и краткость изложения. Тем не менее автору удалось, не теряясь в деталях, придать единство рассмотренному в книге материалу, создать целостный образ В.В. Зеньковского, показать этапы его становления как ученого. Сам В.М. Летцев так пояснил основную цель книги: «...мы стремились, в первую очередь, целостно представить многотрудный творческий путь мыслителя, коснуться главных его устремлений и прочертить общую линию его судьбы» (с. 8).

Книга состоит из двух частей, согласно которым биография В.В. Зеньковского разделена на два периода — киевский (1892–1920) и эмигрантский (1920–1962). Хотя второй период по продолжительности является самым обширным, в книге он занимает почти в два раза меньше страниц. В.М. Летцев объясняет данное обстоятельство тем, что «...некоторый приоритет в ходе изложения нами был отдан киевскому периоду жизни и творчества мыслителя, как менее известному и менее освещенному сегодня» (с. 7). Таким образом, автору кажется важным показать начало научного пути В.В. Зеньковского, его «профессиональное становление, оформление мировоззрения». Излагая разные факты и анализируя источники, В.М. Летцев обращает особое внимание на то, что Зеньковскому с самого начала научного пути была присуща разносторонность интересов, среди которых предпочтение отдается философии и психологии. Вместе с тем в разносторонних исследованиях Зеньковского сразу намечается главная тема, определяемая, как считает В.М. Летцев, интересом к персонологии, к проблемам индивидуальности, личности, характера.

Следует отметить, что проблема личности не была для Зеньковского отвлеченной и «научной» — она была связана как с восприятием конкретной жизни, так и с индивидуальными особенностями самого мыслителя. В духовном и на-

учном становлении Зеньковского немаловажную роль сыграл путь от материализма к религиозному мировоззрению, что последовательно прослежено в книге В.М. Летцева. Именно обращение к серьезному изучению религии и личное восприятие христианства объединили для Зеньковского внешне никак не связанные темы: психологию индивидуальности, проблему причинности, религиозную культуру, творчество Н.В. Гоголя. В жизненном плане то же самое повлияло на участие Зеньковского в Киевском религиозно-философском обществе и журнале «Христианская мысль», на его общение и сближение с такими религиозными мыслителями, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.П. Кудрявцев, В.И. Экземплярский и др. Киевский период в жизни В.В. Зеньковского, безусловно, был очень интенсивным и насыщенным непрерывной работой мысли, в значительной степени определил дальнейший путь ученого и его общие научные взгляды.

Однако следует заметить, что эмигрантский период для Зеньковского был самым плодотворным, а по творческим результатам намного превзошел киевский период в жизни ученого. К сожалению, В.М. Летцев ограничился 52-страничной главой с описанием общеизвестных фактов, причем полностью исключив рассмотрение хоть какого-то архивного материала. Можно было бы предположить, что архивные источники оказались недоступны автору книги. Однако В.М. Летцев не привлекает даже изданный и вполне доступный материал. Например, приводя в конце книги, в библиографии Том 4 из Собрания сочинений В.В. Зеньковского [Зеньковский 2011], он совершенно не касается архивного текста в указанном томе под названием «Введение в систему философии православия». Тогда как именно этот текст показывает еще более многосторонние интересы В.В. Зеньковского по сравнению с киевским периодом — от политики и экономики до социологии и культурологии, дает представление о новых подходах и научных ориентирах автора. В другом случае В.М. Летцев пишет о трудах «История русской философии» и «Основы христианской философии», не обращая никакого внимания на опубликованные В.В. Янценом письма В.В. Зеньковского к Д.И. Чижевскому [Письма... 2012], в которых данные исследования неоднократно упоминаются в разном контексте. Создается впечатление (может быть, обманчивое), что для автора книги эмигрантский период просто не очень интересен. Однако именно в эмиграции Зеньковский полностью раскрылся как личность, проделал путь от исследователя к оригинальному мыслителю. Полноценный же показ этого пути требует объяснения всех его этапов и деталей.

Эмиграция для Зеньковского была не только «трагическим отрывом», а затем «возвращением к истокам» (по определению В.М. Летцева). Зеньковский поставил себе фундаментальную, почти утопическую для XX в. задачу — оцерковления культуры. В поисках синтеза он не просто преследовал какую-то научную цель и не повторял методы В.С. Соловьева, а искал решения насущных жизненных проблем с точки зрения высшего метафизического единства. Через призму церковного единства Зеньковский видел проблемы культуры и личности, и в эмиграции он нашел адекватные формы и научный стиль для раскрытия этих проблем. В годы эмиграции в Зеньковском соединились мыслитель и ученый с религиозно-общественным деятелем.

Несмотря на отдельные упущения и недостатки, В.М. Летцев все-таки добросовестно осветил все наиболее значимые события в жизни В.В. Зеньковского, кратко проанализировал его научные труды. При рассмотрении работ эмигрантского периода автор книги снова настаивает на том, что тема личности «является внутренним связующим полюсом и кардинальным моментом самых разнообразных исследований и разработок мыслителя» (с. 126). С одной стороны, данное утверждение во многом справедливо, с другой — есть итоговый труд Зеньковского «Основы христианской философии», в котором присутствуют три ведущие взаимосвязанные темы: познание, мир, человек. Следовательно, тот синтез, которого он искал, не может быть ограничен только одной темой или проблемой.

В послесловии «Пути и контексты дальнейшего изучения творчества В.В. Зеньковского» В.М. Летцев настаивает на утверждении, будто основной трудностью при исследовании «авторских интенций» Зеньковского является «трансдисциплинарность», суть которой состоит «в том, что долговременное развертывание, разработка и продвижение исходных творческих интуиций и установок мыслителя осуществляется у него в границах различных научных сфер, в рамках различных научных дисциплин» (с. 153). В чем же новизна такого метода на фоне общего междисциплинарного подхода в гуманитарной науке XX в.? Можно предположить, что «транс-дисциплинарность» Зеньковского есть всего лишь возвращение к тому средневековому синтезу наук, центром которых было богословие. Иначе говоря, в средневековой культуре само религиозное мировоззрение осуществляло универсальный синтез в познании Бога, мира и человека. На такое понимание «транс-дисциплинарности» указывает и особый интерес Зеньковского к богословию, и защита им особого типа религиозной науки¹. Можно согласиться с В.М. Летцевым в том, что «полифоническое целое и должно быть <...> воссоздано в ходе заключительной исследовательской реконструкции» (с. 155), но только «полифония» не может быть реконструирована лишь через описание разных дисциплинарных сфер, в рамках которых развивалась мысль Зеньковского. Необходимо понять сущность и цель того синтеза, которого он искал. Тогда возникнет целостный образ мыслителя и ученого, и можно будет понять тот «философский и религиозный реализм» (по определению В.М. Летцева), к которому стремился В.В. Зеньковский.

Литература

- Ермишин 2013 — Ермишин О.Т. В.В. Зеньковский и идея религиозной науки // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. М.: Изд-во Мос. ун-та, 2013. С. 501–509.
- Зеньковский 2011 — Зеньковский В.В. Собр. соч. М.: Русский путь, 2011. Т. 4.
- Письма... 2012 — Письма прот. В.В. Зеньковского к Д.И. Чижевскому (1948–1962) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. С. 335–424.

¹ См. на эту тему: [Ермишин 2013].

В.В. Леонидов

ЭЛИТА РУССКОЙ АМЕРИКИ

Баяра Арутюнова-Манусевич, Алла Мынбаева. Недавно прошедшее. — М.: Русский путь, 2014. — 312 с.

Уверен, читателям да и всем, кто интересуется историей отечественной науки и российской диаспоры за океаном, будет более чем интересно взять в руки книгу одной из старейших исследовательниц русской литературы в США Баяры Артемьевны Арутюновой-Манусевич.

Доктор филологии Гарвардского университета, любимая ученица легендарного лингвиста Романа Якобсона, она стала первой женщиной, получившей постоянный контракт в Гарварде — «до конца дней». Потерявшая в годы Большого террора отца, инженера по транспорту в Ростове, дождавшаяся возвращения матери из тюрьмы, Баяра после окончания Второй мировой войны разделила судьбу тех из «поколения перемещенных лиц», кто сумел избежать лагерей и застенков и оказался в США.

Ее исследования по истории текстологии «Русской Правды», поэзии Пастернака и Маяковского давно вошли в золотой фонд славистики. Среди множества ученых, да и просто тех, кто составляет русское интеллектуальное сообщество в США, Баяра Артемьевна пользуется уважением и любовью. Яркая, обаятельная, всегда готовая прийти на помощь, она дружила и дружит с необыкновенно достойными и талантливыми людьми.

Обо всем этом теперь можно узнать из первых рук. Вместе с Аллой Мынбаевой эта удивительная женщина подготовила книгу очерков воспоминаний «Недавно прошедшее», которую выпустило в свет московское издательство «Русский путь». Уговорила Баяру сестра за мемуары наша неукротимая просветительница, автор блистательных монографий о Булгакове и Тынянове Мариэтта Чудакова.

Перед нами — портреты тех, кто встречался автору на дороге ее долгой жизни, как в СССР, так и за океаном.

Здесь и рассказ о благословенном Ростовском детстве, прерванном арестом родителей, о замечательном ученом Николае Сретенском, о первом женихе, преподавателе литературы Георгии Гаевском. Как и тысячи других, он сгинул в топке ГУЛАГа. Мы читаем о приезде в США, о встрече со скрипачом Виктором Манусевичем, ставшем спутником судьбы Баяры.

Огромная галерея людей, составляющих элиту русской Америки, разворачивается перед нами. Здесь и Роман Якобсон, под руководством которого она взяла исследовательские вершины, и флагман идей российского либерализма Михаил Карпович, долгие годы возглавлявший «Новый журнал», и патриарх немецкой славистики Дмитрий Чижевский, и основатель журнала «Литературный современник» Николай Троицкий. Об истории его жизни можно было бы снять захватывающий фильм. Успевший побывать в 1939 г. в Бутырке и Таганке, он сумел уцелеть во всех изломах XX в. и завершил свой путь в США на 108 году жизни.

Естественно, будучи супругой скрипача и дирижера, Баяра Арутюнова общалась со многими «звездами» музыкального мира. Феерический Мстислав Ростропович, часто останавливавшийся у Баяры и Манусевича в Бостоне, и певица, красавица Галина Нечипоренко, великий дирижер и педагог Николай Малько и гениальный скрипач Леонид Коган — всем им нашлось место на страницах книги. Большой раздел посвящен живописцу и сценографу Григорию Шилтяну, оформлявшему книги и спектакли во многих странах Европы.

Однако «Недавно прошедшее» — не только мозаика встреч с теми, кто стал эмигрантами. Она пишет и о тех, кто, несмотря ни на что, служил отечественной культуре и на родной земле. Баяра Артемьевна рассказывает о знакомстве с сыном Бориса Пастернака Евгением и его супругой Еленой, посвятившими значительную часть жизни изданию наследия великого автора «Доктора Живаго», о маэстро Владимире Спивакове и его супруге Сати, дальней родственнице Баяры. Делится впечатлениями от общения с рыцарем Серебряного века, петербургским исследователем Константином Азадовским и незабвенным Львом Шиловым, собравшим и сохранившим аудиозаписи великих русских поэтов и писателей.

И что самое ценное — как настоящий исследователь Баяра Арутюнова не ограничивается только воспоминаниями. В книге приведено множество писем, доносящих неповторимую интонацию удивительно достойных и талантливых людей, о которых напоминает эта книга.

Особый интерес эти воспоминания, уверен, вызовут у филологов. В книгу вошли статья самой Арутюновой «“Давно прошедшее” Маяковского», где проводится анализ забытого произведения глашатая революции, а также интереснейшая работы славистики Ирины Байер, посвященная истории изучения наследия О.Э. Мандельштама. Не говоря уже о целой серии портретов филологов и историков литературы, которых автор встречала на дороге жизни.

«Оглядываясь, <...> я вижу, что она была наполнена до краев. В ней было много горя, самые дорогие мне люди были уничтожены, и даже могил их не существует. Но было и счастье от профессиональной (научной и педагогической) деятельности. Было также много радости от общения с замечательными современниками — учеными, музыкантами, художниками, артистами... Одной из главных радостей моей жизни было общение с друзьями, многочисленными и очень разными. Каждый из них оставил след в моем сердце» — так пишет Баяра Арутюнова, завершая книгу.

РЕЗЮМЕ

УДК 882-94

Т.И. Троянов

Русская Швейцария

Женева

E-mail: t.troyanov@bluewin.ch

В статье даны зарисовки русской Швейцарии. В первую очередь автор касается истории создания и становления известного Русского литературного кружка в Женеве, который в 2014 г. отпраздновал свое 50-летие. С работой Кружка связаны имена Марка Слонима, Мишеля Окутюрье, Жоржа Нива и многих других выдающихся представителей русской эмиграции и западной славистики.

Ключевые слова: русская эмиграция, Швейцария, Русский литературный кружок в Женеве.

УДК 94

Ш. Риндлисбахер

Вера Фигнер и Комитет помощи политическим каторжанам в России (1909–1917)

Швейцария, Бернский университет

E-mail: rindlisbacher@hist.unibe.ch

Перед Первой мировой войной известная русская революционерка и эсэрка Вера Николаевна Фигнер смогла организовать в Западной Европе сеть комитетов среди российских политэмигрантов, которые собирали деньги для помощи политическим каторжанам в России. Эта сеть, в которой политические убеждения и идеологии не играли решительной роли, работала весьма успешно до начала войны. С помощью публичных собраний Вера Фигнер и ее товарищи не только собирали деньги — им удалось мобилизовать общественное мнение на Западе против царского правительства.

Ключевые слова: политэмигранты, благотворительные организации, каторжная система в России, общественное мнение.

УДК 94

Н.А. Ёхина

**Эмигранты, революционеры и коронованные особы:
«русская волость» Е.Е. и Ю.А. Лазаревых в Божии над Клараном**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia_ekhina@mail.ru

В статье рассматривается бытовая сторона жизни русских политэмигрантов в Швейцарии на примере судьбы революционера-народника, одного из основателей партии социалистов-революционеров Е.Е. Лазарева, который в конце XIX — начале XX в. вместе с женой содержал молочную ферму в швейцарской деревне Божии над Клараном. На ферме на протяжении двадцати лет ее существования поправляли свое здоровье не только революционеры, но и коронованные особы.

Ключевые слова: Е.Е. Лазарев, Ю.А. Лазарева, революционеры, политэмигранты, Швейцария, Божии над Клараном, императрица Австро-Венгрии Елизавета, молочная ферма, лечение кефиром, «русская волость».

УДК 159.922.72/74; 929; 94(81); 94(495).07

Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина

**Русская наследница Песталоцци:
Елена Антипова (1892–1974) и ее учителя**

Н.Ю. Масоликова
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: nmasolikova@mail.ru

М.Ю. Сорокина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья рассматривает персональные, социальные и институциональные связи русско-бразильского психолога Е.В. Антиповой (1892–1974) с ее учителями и коллегами в России и Швейцарии в общем контексте русско-швейцарских научных отношений в XIX–XX вв. В научный оборот вводится новый фактический материал из российских, бразильских и швейцарских архивов, позволяющий существенно дополнить и переосмыслить многие эпизоды научной биографии психолога.

Ключевые слова: Е.В. Антипова, Э. Клапаред, А.П. Нечаев, мать Мария, социальная история психологии, история российской психологии, педология, тестология, гимназия, транснациональные научные проекты.

УДК 94(47).084.3

Н.Б. Хайлова

**«Я приехал в Берн в невероятно трудное время»:
штрихи к портрету И.Н. Ефремова,
российского посланника в Швейцарии в 1920–1925 гг.**

Москва, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт российской истории Российской академии наук» (ИРИ РАН)
E-mail: nkhalova@yandex.ru

Статья посвящена малоизвестной странице российско-швейцарских дипломатических отношений. Речь идет о так называемой «миссии Ефремова», неофициальном представительстве России в Берне в 1920–1925 гг. И.Н. Ефремов — видный политический и общественный деятель дореволюционной России и русского зарубежья, теоретик и практик международного пацифистского движения. Он внес заметный вклад в решение проблем русской эмиграции, в том числе способствовал материальной поддержке трудов эмигрантской научной общественности.

Ключевые слова: российско-швейцарские дипломатические отношения в 1920–1925 гг., «миссия Ефремова», И.Н. Ефремов — дипломат, теоретик и практик международного пацифистского движения.

УДК 94

Б. Шёнк

Александр Солженицын в Цюрихе

Швейцария, Базельский университет
E-mail: benjamin.schenk@unibas.ch

Швейцарский период из жизни А.И. Солженицына рассматривается как с точки зрения оценки высланным из Советского Союза писателем западной демократии (ее позитивных и отрицательных черт), так и в контексте его работы над романом-эпопеей «Красное колесо». Путешествуя по знаменитым туристическим маршрутам, по следам русских революционеров, Солженицын одновременно собирает материал для очерка «Ленин в Цюрихе». Тщательная реконструкция историко-биографических фактов сочетается с беллетризацией образа «вождя мирового пролетариата», точные психологические характеристики — с субъективными оценками, а во внутренних монологах романного Ленина слышится голос самого автора эпопеи.

Ключевые слова: эмиграция, «русские места», Швейцария, Цюрих, Ленин.

УДК 94(47).084.5

Л.И. Петрушева

**Дети русской эмиграции в Швейцарии.
1920–1930-е гг.**

Москва, Государственный архив Российской Федерации
E-mail: garf@statearchive.ru

Статья посвящена детям русской эмиграции в Швейцарии — стране, которая, без сомнения, сыграла значительную роль в жизни наших соотечественников за рубежом. Несмотря на малочисленность русской колонии, скромные финансовые возможности, забота о молодом поколении стала одной из центральных в эмигрантской общественности. В этом объединили свои усилия сотрудники дипломатического корпуса, целый ряд созданных здесь общественных организаций, религиозные деятели, деятели науки и культуры. Для целенаправленной помощи детям в Швейцарии был организован Комитет попечения о русских детях.

Ключевые слова: Швейцария, эмигранты, Комитет попечения о русских детях, Лига Наций, День русской культуры.

УДК 94(47)

В.С. Хитрово

Поход в Восточную Пруссию. Вторжение

Предисловие, подготовка текста и примечаний И.В. Домнина и Н.Д. Егорова

И.В. Домнин

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: Domnin@bfrz.ru

Н.Д. Егоров

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: Egoroff11@yandex.ru

Воспоминания посвящены наступлению 1-й русской армии в Восточной Пруссии в 1914 г.: мобилизация и сосредоточение, пограничные боестолкновения, боевые действия на территории Германии, знаменитые сражения у деревни Каушен, у города Гумбинен и у Мазурских озер, отход русской армии из Восточной Пруссии и другие знаменательные эпизоды. В числе описываемых лиц — генералы Ренненкампф, Хан Нахичеванский, Раух и другие представители высшего военного командования. В публикуемом отрывке вниманию читателей предлагается только одна глава — «Вторжение».

Автор воспоминаний — участник похода Владимир Сергеевич Хитрово (1891–1968), в описываемое время подпоручик 5-й батареи лейб-гвардии Конной артиллерии, в дальнейшем — полковник, участник белого движения, в эмиграции во Фран-

ции активный сотрудник Общества взаимопомощи офицеров лейб-гвардии Конной артиллерии, автор ряда военно-исторических публикаций. В 2014 г. воспоминания вместе с архивом Общества были возвращены на Родину.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Восточная Пруссия, старая русская армия, Русская гвардия, конная артиллерия, гвардейская кавалерия, русское зарубежье, воспоминания.

УДК 94(47)

И.П. Мирошникова

**Лейб-гвардии Гусарский его величества полк в Великой войне
(по материалам музейного и архивного фондов
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына)**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: muzey_irina@mail.ru

В архивном собрании Дома русского зарубежья хранится фонд Объединения господ офицеров лейб-гвардии Гусарского его величества полка, созданного в Париже в 1924 г. В фонде хранятся воспоминания и письма офицеров — участников событий Великой войны, «Краткая история лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка 1775–1975», написанная в эмиграции, фотографии, карты и схемы военных лет, послужные списки некоторых офицеров. Все эти документы дают возможность представить хронику боевых действий полка во время Первой мировой войны.

Ключевые слова: лейб-гвардии Гусарский его величества полк, полковое объединение, эмиграция, Георгиевский крест, штандарт, история полка, Первая мировая война, Восточная Пруссия, музей, архив.

УДК 930.253.94(47)

Т.Ф. Соколова

**Коллекция Плаутиных в архивном фонде
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: ttnsokolova@gmail.com

В статье сделан обзор основного массива документов архивного фонда Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына «Коллекция Плаутиных», отражающих историю лейб-гвардии Гусарского его величества полка (приказы, списки офицеров и др. за период 1855–1917 гг.), а также Общества взаимопомощи офицеров полка и полкового музея, созданных в эмиграции. Кроме того, рассмотрены матери-

алы представителей дома Романовых и дворянского рода Плаутиных, входящие в состав фонда.

Ключевые слова: Российская империя, гвардия, русская эмиграция, лейб-гвардии Гусарский полк, архивный фонд.

УДК 92 Шинкаренко(47)

К.К. Семенов

**Русский герой испанской войны:
Н.В. Шинкаренко**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: ksemenov.mh@gmail.com

Статья рассказывает о судьбе русского генерал-майора Н.В. Шинкаренко (1889–1968). Имя генерала хорошо известно не только военным историкам, но и знатокам литературы русского зарубежья. Приняв участие в Первой мировой и Гражданской войнах, Н. Шинкаренко оказался в эмиграции. Спустя 16 лет он продолжил борьбу с III интернационалом на испанской земле. Участие русских добровольцев в испанской войне Н. Шинкаренко освещал на страницах журнала «Часовой». После победы националистов он получил испанское гражданство и поселился в Сан-Себастьяне, посвятив все свое время написанию воспоминаний и художественных произведений.

Ключевые слова: Н.В. Шинкаренко, Первая мировая война, Гражданская война в России, эмиграция, гражданская война в Испании, литература.

УДК 94(100)"1939/45"

Н.А. Ёхина

**«История русского Сопротивления... еще не написана»:
К истории Союза советских патриотов в Югославии
в годы Второй мировой войны**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia_ekhina@mail.ru

В публикации представлен комплекс автобиографических документов ряда членов подпольной антифашистской организации «Союз советских патриотов», действовавшей в Югославии в период Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, движение Сопротивления, югославский Союз советских патриотов, младшее поколение российской эмиграции, И.Н. Голенищев-Кутузов, О.С. Гребенщиков, К.В. Мартино, В.А. Лебедев, возвращенцы.

УДК 821.161.1

М.А. Васильева

О военной прозе Владимира Варшавского

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijvasil@mail.ru

В статье анализируются военная проза В.С. Варшавского (1906–1978), история издания и рецепции его автобиографических рассказов, повести «Семь лет» (1950) и романа «Ожидание» (1972). В сюжетную основу военной прозы писателя был положен личный солдатский опыт. В статье приводятся ценные документы из архива В.С. Варшавского, хранящиеся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына и напрямую связанные с участием писателя как добровольца Французской армии во Второй мировой войне. Статья предваряет публикацию выборки из собрания писем, адресованных автору повести «Семь лет» сразу после ее выхода в свет. Этот эпистолярный — ценное дополнение к сюжету «военная проза В. Варшавского в восприятии современников». Письма публикуются впервые по оригиналам, хранящимся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военная проза В.С. Варшавского, «незамеченное поколение», литература человеческого документа, рецепция творчества В.С. Варшавского в русском зарубежье.

УДК 821.161.1.

Вокруг повести Владимира Варшавского «Семь лет».

**Письма В.С. Яновского, А.М. Ремизова, М.А. Алданова,
Ю.П. Одарченко, Н.Н. Оболенского, Е.Д. Кусковой, Л.Д. Червинской,
М.Л. Слонима, Е.Н. Федотовой**

*Публикация, подготовка текста и примечания
М.А. Васильевой и О.А. Коростелева*

М.А. Васильева
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijvasil@mail.ru

О.А. Коростелев
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: okorostelev@mail.ru

Публикуемые письма видных представителей русского зарубежья к В.С. Варшавскому, автору повести «Семь лет» (1950), — ценное дополнение к сюжету «военная проза русского зарубежья в восприятии современников». Письма публикуются впервые по оригиналам, хранящимся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военная проза В.С. Варшавского, «незамеченное поколение», литература человеческого документа, рецепция творчества В.С. Варшавского в русском зарубежье.

УДК 241.1 + 821.161.1

Н.В. Ликвинцева

Мать Мария (Скобцова) о «прозрении в войне»

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

Автор статьи подробно рассматривает, как Вторая мировая война отразилась не только в жизненном подвиге, но и в поздней богословской мысли матери Марии (Скобцовой), ставшей своеобразным итогом «прозрения в войне», рождения нового «апокалиптического» зрения, определившего собою особенности ее антропологии и экклезиологии. Затрагивается проблема подлинной победы в войне, связанной уже не только с анализом борющихся историко-политических сил и идеологий, но с проблемой рождения личности и подлинной церковности как единственной альтернативы тоталитаризму и войне. Предметом анализа являются как статьи, так и художественные произведения матери Марии военного времени.

Ключевые слова: мать Мария (Скобцова), богословие, антропология, жертва, личность, тоталитаризм, свобода, война, церковь, идеология, ответственность.

УДК 94(47).084.8

К.К. Семенов

**Белый крест О.А. Гешвенда.
Русско-немецкие коллизии в воспоминаниях
о формировании антисоветских частей на Восточном фронте**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: ksemenov.mh@gmail.com

Воспоминания Олега Гешвенда рассказывают о русско-немецких противоречиях, возникших при создании антисоветских частей из белоэмигрантов и военнопленных в рядах немецкой армии. В качестве примера автором рассматривается добровольческое формирование «Белый крест» в составе 9-й немецкой армии. Предлагаемый читателю текст служит прекрасным примером попыток коллаборационистов обелить себя перед современниками и потомками.

Ключевые слова: «Белый крест», Вторая мировая война, коллаборационизм, эмиграция, О.А. Гешвенд.

УДК 235.3

О.Т. Ермишин

**Образ, наследие и традиции преподобного Сергия Радонежского
в культуре русского зарубежья**

*Международная научная конференция
Москва. 27–28 октября 2014*

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: rfm@bfrz.ru

Во введении дан краткий обзор конференции «Образ, наследие и традиции преподобного Сергия Радонежского в культуре русского зарубежья», перечислены основные темы докладов, переданы их общее содержание и идейная направленность.

Ключевые слова: христианство, богословие, аскетика, религиозная философия, русская эмиграция, монашество, откровение, святоотеческое наследие.

УДК 215

П.Б. Михайлов

**Этос православного богословия
в традициях русского церковного зарубежья**

Москва, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
E-mail: locuspetri@rambler.ru

В статье предпринимается попытка выявления внутреннего мотива деятельности церковной мысли в русском зарубежье XX в. как некоего неформализованного, но осознанного свода негласных правил. Церковная мысль в данном случае понимается как одна из форм христианского свидетельства миру; в эпоху русской эмиграции она обрела новое качество по сравнению с дореволюционной традицией академического богословия. Как показывает привлеченный материал, при всем содержательном и концептуальном разнообразии богословских идей и мнений все участники широкого творческого процесса богословской мысли русской эмиграции совпадают в одном центральном аспекте — свидетельство исполнимо лишь при соблюдении принципа единства и требования согласия, лежащего в основании всякого плодотворного церковного дела. Замечательно, что все богословские концепции, которые были сформулированы в данную эпоху, отмечены интуицией единства, всеединства, синтеза, встречи Востока и Запада, преемства, непрерывности, наконец, традиции, или предания, понятого как передача, сохранение и преумножение. В этом и заключается черта, определяющая этос православного богословия, не утратившая своего значения и для современности.

Ключевые слова: гонения на христиан, Э. Гиббон, предание, софиология, неопатристический синтез, всеединство, С.Н. Булгаков, Г.В. Флоровский, В.Н. Лосский, прот. Александр Шмеман.

УДК 75.046

И.К. Языкова

**Парижская школа. Иконография святых
и радикальное переосмысление традиции**

Москва, Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея
E-mail: irinayazykova@yandex.ru

В статье речь идет о переосмыслении традиции русской святости, начатой в России в начале XX в. и продолженной затем в русском зарубежье. Вслед за историками (Г.П. Федотовым и о. Иоанном Кологривовым) и богословами (прот. С. Булгаковым и др.) иконописцы Парижской школы (мать Мария Скобцова, сестра Иоанна Рейтлингер, инок Григорий Круг) предприняли радикальный пересмотр традиций и начали активный поиск нового языка в изображении святых. Традиции Парижской школы продолжают и сегодня, и этот опыт, который долгое время не был известен в России, сегодня может быть интересен и полезен тем, кто пытается проложить новые пути в церковном искусстве.

Ключевые слова: искусство, культура, иконография, богословие, святость, монашество, икона, традиции, русское зарубежье, Парижская школа, XX столетие.

УДК 248.1

К.Б. Ермишина

**Богословие и аскетический опыт
в работах архимандрита Софрония (Сахарова)**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: rfm@bfrz.ru

Статья посвящена архимандриту Софронию (Сахарову; 1896–1993), анализу его богословия и аскетического опыта. Автор статьи рассмотрел связь архим. Софрония с Православным богословским институтом преп. Сергия Радонежского, формирование его богословских взглядов. Кроме того, сопоставлен аскетический опыт преп. Сергия Радонежского и архим. Софрония. По мнению автора статьи, архим. Софроний на основе личного аскетического опыта создал богословие, ориентированное на онтологическое знание и христианский персонализм.

Ключевые слова: христианство, богословие, аскетика, религиозная философия, русская эмиграция, монашество, откровение, преображение, персонализм, святоотеческое наследие.

УДК 75.046

Протоиерей Н. Озолин

**Общество «Икона», Дмитрий Семенович Стеллецкий
и его роспись в институтском храме
преподобного Сергия Радонежского в Париже**

Париж, Свято-Сергиевский Православный богословский институт
E-mail: ito@saint-serge.net

В статье рассмотрены общество «Икона» в Париже и интерес к возрождению иконописи в русской эмиграции. Знаком этого возрождения является роспись Д.С. Стеллецкого в храме преп. Сергия Радонежского. Автор статьи цитирует воспоминания современников о Стеллецком и анализирует его росписи. По мнению автора, Д.С. Стеллецкий создал целостный интерьер храма и показал путь к возрождению подлинной православной иконописи.

Ключевые слова: русская эмиграция, икона, церковное искусство, интерьер храма, иконостас, богословие иконы, образ, стиль, композиция.

УДК 94(470+571)+ 94(477)

Д.П. Святополк-Мирский:

историк и исторический публицист

*Публикация М.В. Ефимова и О.А. Коростелева. Перевод с английского
и вступительная статья М.В. Ефимова. Примечания О.А. Коростелева*

М.В. Ефимов

Выборг, Государственный историко-архитектурный и природный
музей-заповедник «Парк Монрепо»
E-mail: mikhail.v.efimov@gmail.com

О.А. Коростелев

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: okorostelev@mail.ru

Публикация вводит в русскоязычный исследовательский и читательский оборот некоторые наиболее значительные тексты статей князя Дмитрия Петровича Святополк-Мирского (1890–1939), выдающегося литературного критика, историка литературы и деятеля евразийского движения. Статьи адресованы англоязычной аудитории и посвящены истории России, а также ее современному положению после 1917 г. Публикация приурочена к 125-летию со дня рождения Д.П. Святополк-Мирского. Предлагаемые статьи на русский язык ранее не переводились.

Ключевые слова: Святополк-Мирский, история, эмиграция, евразийство, национализм, русское зарубежье, Украина, декабристы.

УДК 800(81-11)

М.А. Васильева

**Дмитрий Чижевский и его юбилей
в Доме русского зарубежья**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijvasil@mail.ru

Статья посвящена 120-летию со дня рождения выдающегося слависта, русско-украинского философа, историка и литературоведа Дмитрия Ивановича Чижевского. Автор освещает различные научные проекты Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, направленные на возвращение имени гуманитария-энциклопедиста. Статья предваряет тематический блок (статьи и публикации), посвященный юбилейной дате.

Ключевые слова: Дмитрий Чижевский, славистика российского зарубежья, проблема изучения и введения в научный оборот наследия русско-украинской эмиграции.

УДК 1(091)

В. Янцен

О некоторых проблемах и парадоксах чижевсковедения

Галле на Заале
E-mail: Dr.Janzen@gmx.de

Статья посвящена исследованию методологических проблем и парадоксов современного чижевсковедения.

Ключевые слова: Д.И. Чижевский, современное чижевсковедение, персонификация истории, амбивалентность оценок, неосвоенность наследия и переписки, значение нереализованных замыслов, полемический контекст и генезис творчества, критерий его периодизации, единство личности, трагика биографии, проблема перевода, национальная атрибуция.

УДК 1(091)

Р. Мних

**Философ Дмитрий Чижевский
(полемиические заметки)**

Седльце (Польша), Институт нефилологии и междисциплинарных исследований
Естественно-гуманитарного университета Седльце
E-mail: mnichgw@yahoo.de

Статья посвящена проблемам философского литературоведения и вопросам философских контекстов и влияний в творчестве видного слависта и филолога XX в. Дмитрия Чижевского (1894–1977). Автор рассматривает влияние немецкой философии (Кант, Гуссерль, Эрнст Кассирер) на становление мировоззрения и способа мышления Д. Чижевского. Отдельно рассмотрен вопрос о влиянии Гегеля на ученого и о соотношении гегельянства Д. Чижевского и гегельянства Романа Якобсона (1896–1982) в контексте проблематики европейского и американского структурализма. В статье анализируется также проблема двойничества в творчестве Д. Чижевского и связь этой проблемы с идеями русской религиозной философии. Двойничество интерпретируется как утрата человеком своего онтологического места в мире.

Ключевые слова: Гегель, Дмитрий Чижевский, Роман Якобсон, двойник, русская философия.

УДК 101.9

А.В. Тоичкина

**Философский контекст статьи Д.И. Чижевского
«К проблеме двойника»
(К методологии исследования ученого)**

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: alex.toich@gmail.com

Автор статьи анализирует полную редакцию работы знаменитого слависта Д.И. Чижевского «К проблеме двойника (попытка философской интерпретации)». Статья вышла как на русском, так и на немецком языке. Немецкая редакция значительно отличается от русской и по объему текста, и по его структуре. Работа Чижевского рассматривается в контексте развития философской мысли эпохи, в частности, знаменитого труда Хайдеггера «Бытие и время». Целью исследования является анализ становления методологии философского литературоведения Д.И. Чижевского, формирование оснований его «истории духа». Статья сопровождает публикацию перевода немецкого варианта работы Д.И. Чижевского о проблеме двойника в творчестве Достоевского.

Ключевые слова: Д.И. Чижевский, проблема двойника, творчество Достоевского, феноменология, М. Хайдеггер, «история духа».

УДК 2.17.82.09

Д.И. Чижевский

**К проблеме двойника у Достоевского.
Попытка философской интерпретации**
Публикация и комментарии А.В. Тоичкиной

А.В. Тоичкина

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: alex.toich@gmail.com

В публикации предлагается полная редакция работы известного философа и слависта Д.И. Чижевского «К проблеме двойника (попытка философской интерпретации)» (1931). Статья была опубликована на русском и на немецком языках. Немецкая редакция значительно отличается от русской и по объему текста, и по его структуре. Целью исследования Чижевского является анализ религиозно-философского смысла проблемы двойника в произведениях Достоевского. Двойничество в художественном мире Достоевского оказывается следствием этических проблем героев и оборачивается вытеснением личности человека на всех уровнях его бытия.

Ключевые слова: Д.И. Чижевский, проблема двойника, творчество Достоевского, феноменология, этика, онтология.

УДК 930.253

В.Н. Ильин

Пережитое

Предисловие, подготовка текста и комментарии
Е.В. Бронникова и О.Т. Ермашина

Е.В. Бронникова

Москва, Российский государственный архив литературы и искусства
E-mail: bronnikova55@yandex.ru

О.Т. Ермашин

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: rfm@bfrz.ru

В предисловии содержатся сведения о жизни и творчестве философа, богослова, литературоведа В.Н. Ильина, чей личный архивный фонд хранится в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Дана характеристика воспоминаний Ильина «Пережитое» и их общего содержания.

Публикация воспоминаний В.Н. Ильина «Пережитое», посвященных раннему детству, проведенному в имениях Владовка Киевской губернии, Ивань и Докторовичи Минской губернии, и гимназическим годам в Слуцке.

Ключевые слова: архивоведение, текстология, философия, история России рубежа XIX–XX вв., русское зарубежье, воспоминания.

УДК 821.054.7

«Душевно Ваша С. Прегель».

Переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым, 1938–1971 гг.

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии
П.А. Трибунского и В. Хазана*

П.А. Трибунский

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: pt2140@yandex.ru

В. Хазан

Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме

E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Переписка двух известных деятелей русской литературы в зарубежье — поэтессы, издателя, мецената и общественного деятеля Софьи Юльевны Прегель (1897–1972) и писателя Леонида Федоровича Зурова (1902–1971), представленная в настоящей публикации, интересна по ряду причин. Прежде всего, она содержит новые биографические факты обоих корреспондентов, которые до сих оставались недостаточно исследованными (например, их участие в «деле Бунина», истории возвращения архива Бунина в СССР, ничем, однако, не закончившейся: эмигрантский архив Бунина остался на Западе). Немаловажное значение имеет также эволюция политических взглядов Прегель и Зурова, которая отчасти может быть прослежена в публикуемых письмах. Изучение этой эволюции важно не только само по себе, но и как часть истории русскоязычной диаспоры в целом в послевоенные годы. Публикуемые письма расширяют научное представление о социокультурном контексте, в котором их авторы и современники реально существовали.

В качестве приложения к переписке печатается неопубликованный рассказ Л.Ф. Зурова «Дагмарский лес», упоминаемый в письмах.

Ключевые слова: С.Ю. Прегель, Л.Ф. Зуров, переписка, журнал «Новоселье», «просоветский синдром», архив И.А. Бунина.

УДК 930.253

Б.С. Каганович, Л.Б. Вольфцун

Раиса Блох в 1930-е годы. Новые материалы

Б.С. Каганович

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Институт истории РАН

E-mail: amabor@mail.ru

Л.Б. Вольфцун

Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН

E-mail: amabor@mail.ru

В статье на основании новых архивных материалов рассмотрен парижский период жизни талантливой поэтессы и историка Раисы Блох (1899–1943), жившей с начала

1920-х гг. за границей и погибшей в нацистском концлагере. Публикуются письма Р. Блох к французскому историку Фердинанду Лоту, хранящиеся в библиотеке Института Франции, — волнующий человеческий документ и важный биографический источник.

Ключевые слова: Раиса Блох, Михаил Горлин, Фердинанд Лот, Мирра Лот-Бородина, медиевистика, русская эмиграция, Вторая мировая война.

УДК 929(092)

Е.В. Кривцова

**Планеты и звезды Федора Акименко:
Судьба «русского Дебюсси» в изгнании
(Опыт реконструкции биографии)**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: ekriv@yandex.ru

Тема статьи — неизвестные страницы биографии русского композитора, эмигранта Федора Степановича Акименко (1876–1945). История создания музыкальных сочинений, дружеские и деловые контакты Ф.С. Акименко, события его жизни в контексте русского музыкального зарубежья Праги, Ниццы, Парижа с 1923 по 1945 г. реконструированы на основе неизвестных прежде архивных материалов из Российского государственного архива литературы и искусства (Россия, Москва), Архива Института музыковедения Базельского университета (Швейцария, Базель) и Национальной библиотеки Франции (Париж).

Ключевые слова: Ф.С. Акименко, Е.О. Гунст, С.А. Траилин, Прага, Ницца, русская эмиграция, опера-балет «Басаврюк», опера «Фея снегов», Русская консерватория в Париже.

УДК 821.054.7

П.А. Трибунский

**Ликвидация «Издательства имени Чехова»,
Христианский союз молодых людей
и «Товарищество объединенных издателей»**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: pt2140@yandex.ru

В статье рассматривается история ликвидации «Издательства имени Чехова Восточно-Европейского фонда» и роль Христианского союза молодых людей и «Товарищества объединенных издателей» в указанном процессе

Ключевые слова: «Издательство имени Чехова», Восточно-Европейский фонд, Христианский союз молодых людей, Товарищество объединенных издателей, ликвидация.

УДК 930.85

М. Вендитти

**Вопрос о реформе орфографии в эмиграции
(Н.К. Кульман и Ф.А. Браун)**

Неаполитанский университет Л'Ориентале
E-mail: mvenditti@unior.it, michelavenditti64@gmail.com

В статье освещается острая дискуссия вокруг реформы русской орфографии 1917–1918 гг., возникшая в эмигрантской печати. Несмотря на то что впервые вопрос о реформе рассматривался еще в конце XIX в. в Академии наук, указ о преобразовании орфографии в годы революции был воспринят как «большевистское насилие». В эмигрантской среде данный вопрос принял чисто политический оттенок. В настоящей работе представлены два противоположных мнения о реформе русской орфографии на примере статей Н.К. Кульмана (1923) и Ф.А. Брауна (1921).

Ключевые слова: реформа орфографии, русская эмиграция, эмигрантская печать, Н.К. Кульман, Ф.А. Браун, Я.К. Грот, А.А. Шахматов.

УДК 929(092)

В.В. Леонидов

«Мученик светотени». Александр Алексеев (1901–1982)

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

Статья посвящена жизни и творчеству Александра Александровича Алексеева (1901–1982). Аниматор, создатель знаменитых мультипликационных фильмов, прославленный иллюстратор русской и европейской классической литературы, он до сих пор мало известен на своей родине, в России.

В статье на основе архивных и опубликованных источников рассказывается о творческом пути мастера, о его новых изобретениях в технологии книжного дела и анимации, о его известных фильмах «Ночь на Лысой горе», «Нос», об иллюстрациях к «Слову о полку Игореве», «Братьям Карамазовым», «Доктору Живаго». Также исследуется биография Александра Алексеева, его скитания во время Гражданской войны и фантастическая карьера во Франции, где он стал аниматором и иллюстратором книг, признанным во всем мире.

Александр Алексеев создал совершенно новую технологию создания мультфильмов и произведений графики с помощью своего изобретения, получившего название «игольчатый экран».

Ключевые слова: Александр Алексеев, анимация, «Ночь на Лысой горе», «Доктор Живаго», игольчатый экран, книжная иллюстрация, «Братья Карамазовы», «Слово о полку Игореве».

УДК 725.917

Д. Боровняк, Р. Радженович

Выставка документов «Николай Краснов — русский зодчий Сербии»

Белград, Республика Сербия, Архив Югославии, 21 января 2015

Д. Боровняк
Белград, Архив Югославии
E-mail: bogovnjak@arhivyu.rs

Р. Радженович
Белград, Архив Югославии
E-mail: ranka.radjenovic@arhivyu.rs; m.saradnja@arhivyu.rs

Обзор открытия выставки уникальных документов выдающегося русско-сербского архитектора Н.П. Краснова (1864–1939) из собраний сербских государственных и частных архивов.

Ключевые слова: история русской эмиграции, Сербия, Н.П. Краснов, выставка, архивные документы.

УДК 94

Н.А. Ёхина, М.Ю. Сорокина

Международный научный коллоквиум «Россия — Швейцария: контакты, взаимосвязи и взаимовлияния (XVIII–XXI вв.)»

Н.А. Ёхина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia_ekhina@mail.ru,

М.Ю. Сорокина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

Обзор международного научного коллоквиума «Россия — Швейцария: контакты, взаимосвязи и взаимовлияния (XVIII–XXI вв.)», состоявшегося 17–18 июня 2014 г. в Женевском университете (Швейцария).

Ключевые слова: Россия, Швейцария, международные связи.

УДК 94

М.М. Горинов-мл.

**Историко-просветительский семинар
«Историческое краеведение российского зарубежья»**

Москва. 2014–2015

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

В настоящем обзоре описывается работа историко-просветительского семинара «Историческое краеведение российского зарубежья», проходившего в 2014–2015 гг. в Доме русского зарубежья. В указанный период состоялось два заседания семинара.

Ключевые слова: семинар, историческое краеведение российского зарубежья, доклад, сообщение, заседание.

УДК 821.161.1 + 82.09

Т.В. Марченко

**Аля Рахманова:
русская писательница как феномен немецкой литературы**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarch@mail.ru

Рецензия затрагивает проблемы необычной творческой биографии Галины фон Хойер (1898–1991), эмигрировавшей из СССР в 1925 г. и ставшей популярной писательницей в Австрии в межвоенное время под псевдонимом Аля Рахманова. Все ее книги были изданы на немецком языке в переводе ее мужа, А. фон Хойера, тогда как все тексты А. Рахмановой изначально написаны на русском языке. И литературное имя, и книги до сих пор в России не известны. Единственная монография о писательнице, разбираемая в рецензии, принадлежит перу немецкоязычного автора.

Ключевые слова: Аля Рахманова, литература русской эмиграции, немецкая литература, текстология, перевод, рецепция, биография, дневники.

УДК 821.161.1 Яновский + 82.95

О.А. Коростелев

Не архивом единым

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: okorostelev@mail.ru

Автор рецензии разбирает книгу малой прозы В.С. Яновского, составленную Марией Рубинс. Рассматриваются принципы отбора текстов для издания, анализируется источниковедческая база, определяется важность использования архивных и печатных материалов в работе составителя и комментатора.

Ключевые слова: В.С. Яновский, М. Рубинс, литература русского зарубежья, принципы отбора текстов, источниковедческая база.

УДК 7.071+78.072

С.Р. Федякин

<Рец.: **А.К. Глазунов. Возвращенное наследие. Письма к А.К. Глазунову. Избранные страницы переписки (1928–1936).** — СПб.: СПб ГБУК «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства», 2013. — Т. I. — 408 с.: ил.>

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: serofed@yandex.ru

В рецензии на публикацию материалов из архива композитора А.К. Глазунова отмечена значимость этих документов для воссоздания общей картины музыкальной жизни русского зарубежья в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: Глазунов, музыка, композитор, русское зарубежье, музыкальная критика.

УДК 101.9

О.Т. Ермишин

<Рец.: **Летцев В.М. «Прежде всего, он искал подлинности»: Очерк жизненного и творческого пути В.В. Зеньковского.** — Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2014. — 184 с.>

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: rfm@bfrz.ru

В рецензии рассмотрена книга о В.В. Зеньковском (1881–1962). Автор рецензии анализирует содержание книги и подход исследователя к биографии В.В. Зеньковского, показывает некоторые недостатки книги. Согласно мнению рецензента, изучение

жизни и научного наследия Зеньковского не закончено и имеет дальнейшие научные перспективы.

Ключевые слова: философия русской эмиграции, христианская философия, православная антропология, проблема личности, научный синтез.

УДК 82-95

В.В. Леонидов

Элита русской Америки

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

Работа представляет собой рецензию на книгу Баяры Арутюновой-Манусевич и Аллы Мынбаевой «Недавно прошедшее» (М.: Русский путь, 2014). Это — воспоминания уроженки Ростова, пережившей в предвоенные годы сталинские репрессии и впоследствии оказавшейся в США и ставшей одним из самых известных исследователей русской литературы. Много лет проработав в Гарвардском университете, Баяра Арутюнова-Манусевич рассказывает о жизни русских ученых в США, о своем учителе, великом филологе Романае Якобсоне, об известных деятелях эмиграции, с которыми была знакома. Например, об историке и редакторе Михаиле Карповиче и великом музыканте Мстиславе Ростроповиче. Также она вспоминает о людях в России, с которыми общалась и переписывалась, например, о Евгении Пастернаке. В книге приведен ряд интересных писем, никогда до этого не публиковавшихся.

Ключевые слова: Баяра Арутюнова-Манусевич, Алла Мынбаева, Роман Якобсон, Гарвардский университет, филология, славистика, эмиграция (вторая волна).

SUMMARY

T.I. Troyanov

Russian Switzerland

Geneva

E-mail: t.troyanov@bluewin.ch

In article sketches of the Russian of Switzerland are given. First of all the author concerns history of creation and formation of famous Russian literary circle in Geneva which in 2014 celebrated the 50th anniversary. Names of Mark Slonim, Michel Aucouturier, Georges Niva and many other outstanding representatives of the Russian emigration and the western Slavic philology are connected with work of the Circle.

Keywords: the Russian emigration, Switzerland, the Russian literary circle in Geneva.

S. Rindlisbacher

Vera Figner and the Russian political convicts aid committee (1909–1917)

Switzerland, University of Bern

E-mail: rindlisbacher@hist.unibe.ch

At the eve of the First World War the famous Russian revolutionary Vera Figner organized a network among the Russian political émigrés for fund-raising in order to support political prisoners in Russia. Her network was not bound to a certain political ideology and worked successfully until 1914. Especially by holding public meetings in western European towns, Vera Figner and her comrades not only raised considerable funds but also efficiently mobilised the western public opinion against the Tsarist government.

Keywords: political refugees, charity, convict system in Russia, public opinion.

N.A. Ekhina

**Refugees, revolutionaries and crowned heads:
«Russian district», E.E. and Y.A. Lazarev
in Baugy sur Clarens**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: natalia_ekhina@mail.ru

The article describes the domestic side of the life of Russian political refugees in Switzerland on the example of the life story of revolutionary populist, one of the founders of the Socialist Revolutionary Party, E.E. Lazarev who, with his wife, was the owner of the dairy farm in the Swiss village of Baugy sur Clarens in the late XIX — beginning of XX century. On the farm for twenty years of its existence recovered their health not only revolutionaries, but crowned heads.

Keywords: E.E. Lazarev, Y.A. Lazarev, revolutionaries, political refugees, Switzerland, Baugy sur Clarens, Elisabeth Empress of Austria-Hungary, dairy farm, kefir-cure, «russian district».

N.Yu. Masolikova, M.Yu. Sorokina

**Russian successor of Pestalozzi:
Helena Antipoff (1892–1974) and her professors**

N.Yu. Masolikova
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: nmasolikova@mail.ru

M.Yu. Sorokina
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

The article deals with the personal, social and institutional links of the Russian-Brazilian psychologist Helena Antipoff (1892–1974) with her teachers and colleagues in Russia and Switzerland in the context of the Russian-Swiss scientific relations in XIX–XX century. It introduces new documents from the Russian, Swiss and Brazilian archives, allowing essentially complete and rethink many episodes of scientific biography of psychologist.

Keywords: Helena Antipoff, E. Claparede, A.P. Nechayev, mother Maria, a social history of psychology, the history of Russian psychology, pedology, testology, gymnasium, transnational scientific projects.

N.B. Haylova

**«I arrived in Bern in an incredibly difficult time»:
Touches to the portrait of I. Efremov,
the Russian envoy in Switzerland in 1920–1925**

Moscow, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRH RAS)
E-mail: nkhalova@yandex.ru

The article is devoted to a little-known page of the Russian-Swiss diplomatic relations. It deals with the so-called «mission of Efremov», the unofficial diplomatic mission of Russia in Bern in 1920–1925. I. Efremov was a prominent political and public figure of pre-revolutionary Russia and the Russian Diaspora, theoretician and practitioner of the international peace movement. He has made a significant contribution to the solution of different problems of the Russian emigration.

Keywords: Russian-Swiss diplomatic relations in 1920–1925, «mission of Efremov», I. Efremov as a diplomat, theoretician and practitioner of the international peace movement.

B. Schenk

Alexander Solzhenitsyn in Zurich

Switzerland, University of Basel
E-mail: benjamin.schenk@unibas.ch

The Swiss period of A.I. Solzhenitsyn life is viewed both in terms of how the exiled from the Soviet Union author regarded the Western democracy (its positive and negative features), and in the context of his work on the epos «The Red Wheel». When touring on the famous tourist routes, in the wake of Russian revolutionaries, Solzhenitsyn collected at the same time the materials for his study «Lenin in Zürich». His careful recovery of historical, biographical facts has been combined with a fictionalization of the «world proletariat leader», and correct psychological characteristics – with personal judgments, while the voice of the author himself is heard in the monologues of Lenin as the novel hero.

Keywords: the Russian emigration, «Russian places», Switzerland, Zurich, Lenin.

L.I. Petrusheva

**Children of Russian emigration in Switzerland.
1920–1930-ies**

Moscow, the State archive of the Russian Federation
E-mail: garf@statearchive.ru

The article is devoted to the children of the Russian emigration in Switzerland, a country which played a significant role in the life of our compatriots abroad. Taking care of the

younger generation has become one of the central problems in the emigre community, despite the small size of the Russian colony and modest financial resources. Children helped employees of the diplomatic corps, many public organizations, religious leaders, scientists and artists. In Switzerland was organized by the Committee care of Russian children.

Keywords: Switzerland, the Russian emigration, Committee care of Russian children, League of Nations, Day of Russian Culture.

V.S. Hitrovo

March to East Prussia. Invasion

I.V. Domnin

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: Domnin@bfrz.ru

N.D. Egorov

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: Egoroff11@yandex.ru

These memoirs are dedicated to the Russian First Army's invasion of East Prussia in 1914 and contain information about mobilization and concentration of the Army, clashes on the border, military operations in Germany, well-known battles, such as Kaushen, Gumbinnen, Masurian Lakes, withdrawal of Russian Army from East Prussia and other memorable episodes. Among persons described in the book there are generals Rennenkampf, Khan Nakhchivanski, Rauh and other members of High Command. The fragment, published below, contains only one chapter named «Invasion».

The author of the memoirs is Vladimir Sergeevich Hitrovo (1891–1968), lieutenant of the 5th Battery, Life Guards Horse Artillery at the time, colonel and a member of the White Movement afterwards, active member of Life Guards Horse Artillery officer's Friendly Society, the author of some publications on Military History. The memoirs together with Society's Archives were returned to Russia in 2014.

Keywords: World War I, Russia, East Prussia, old Russian Army, Russian Life Guards, Horse Artillery, Life Guards Cavalry, Russian Diaspora abroad, memoirs.

I.P. Miroshnikova

Life guards Hussar regiment of His Majesty in the Great War (According to the museum and archival funds of Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad)

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: muzey_irina@mail.ru

The archive of Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad includes the collection of the Union of the Officers of Imperial Guard Hussar Regiment, an organization,

founded in Paris in 1924. Among the units of the collection there are memoirs and letters of the participants of the Great War, «A Brief History of Imperial Guard Hussar Regiment, 1775–1975», written by the Russian emigrants, photos, maps and charts of the war time, as well as military registers of some officers. These documents allow to reconstruct chronicle of the regiment's military operations during the Great War.

Keywords: Life guards Hussar regiment of his majesty, regimental association, emigration, George cross, standard, regimental history, World war I, East Prussia, museum, archive.

T.F. Sokolova

**Plautin's collection in archival funds Alexander Solzhenitsyn Center
for Studies of the Russia Abroad**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: ttsokolova@gmail.com

The article presents an overview of the fundamental set of documents deposited in the Plautins' family collection. The documents of 1855–1917 (i.e., military orders, lists of the officers etc.) reflect the history of the Imperial Guard Hussar Regiment, while some other documentary materials give a perspective of the history of Mutual Aid Association for the Officers of the Regiment and the regiment museum, both created in the emigration. Besides it, the article includes the analysis of documents of the members of Romanovs' family and noble family of Plautins also forming a part of the fond.

Keywords: Russian Empire, guard, Russian emigrees, Imperial Guard Hussar Regiment, archival fond.

K.K. Semenov

**Russian hero of the Spanish Civil War:
N. Shinkarenko**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: ksemenov.mh@gmail.com

The given article examines the fate of Russian Major-General N.V. Shinkarenko (1889–1968). General's name is known not only to the military historians, but also to the experts on literature of the Russians Abroad. After taking part in the First World and Russian Civil wars, N. Shinkarenko found himself in exile. 16 years later, he continued the struggle against III International on the Spanish soil. In the columns of the «Chasovoi» magazine N. Shinkarenko highlighted Russian volunteer's participation in the Spanish war. After the victory of Nationalists, he naturalized in Spain and resided in San Sebastian, from then on giving all his time to writing memoirs and creating works of fiction.

Keywords: N. Shinkarenko, World War I, Russian Civil War, diaspora, Spanish Civil War, literature.

N.A. Ekhina

**«Russian resistance history... have not written»:
The history of the Soviet patriots union in Yugoslavia in World War II**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: natalia_ekhina@mail.ru

The publication presents a set of autobiographical documents of some members of the anti-fascist organization Soviet patriots union which acted in Yugoslavia during the Second World War.

Keywords: World War II, Resistance movement, Yugoslavian Soviet patriots union, the younger generation of the Russian emigration, I. Golenishev-Kutusov, O. Grebenshikov, K. Martino, V. Lebedev, returners.

M.A. Vasilieva

About V. Varshavsky's military prose

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: marijavasil@mail.ru

In this article the military prose of V. Varshavsky (1906–1978), history of the edition and reception of his autobiographical military stories, the short novel «Seven Years» (1950) and the novel «Expectation» (1972) are analyzed. Personal soldier's experience was the subject basis for military prose of the writer. The valuable documents from V. Varshavsky's archive (Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad) which are directly connected with participation of the writer as volunteer of the French army in World War II are given in article. Article precedes the publication of selected collection of the letters directed to the author of the story «Seven Years» right after its issue. This correspondence is a valuable addition to a plot «V. Varshavsky's military prose in perception of contemporaries». Letters are published for the first time according to the originals (Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad Archives).

Keywords: World War II, V. Varshavsky's military prose, «unnoticed generation», literature of the human document, reception of V. Varshavsky's creation in the Russian abroad.

**Around «Seven Years» by Vladimir Varshavsky.
V.S. Yanovsky's, A.M. Remizov's, M.A. Aldanov's,
Y.P. Odarchenko's, N.N. Obolensky's, E.D. Kuskova's, L.D. Chervinskaya's,
M.L. Slonim's, E.N. Fedotova's letters**

M.A. Vasilieva

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: marijavid@mail.ru

O.A. Korostelev

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: okorostelev@mail.ru

Letters of prominent representatives of the Russian diaspora to Vladimir Varshavsky, the author of the short-novel «Seven Years» (1950) — valuable addition to a plot «military prose of the Russia in Exile in perception of contemporaries». This letters are published for the first time according to the originals (Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad Archives).

Keywords: World War II, V. Varshavsky's military prose, «unnoticed generation», literature of the human document, reception of V. Varshavsky's creation in the Russian diaspora.

N.V. Likvintseva

Mother Maria (Maria Skobtsova) on «insight in the war»

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

The article presents in details how World War II has influenced not only practical deeds, but also the late theological thought of Mother Maria (Skobtsova). Basing both on her essays, poetry and dramas, the author points out how the «insight in the war» creates a new «apocalyptic» vision, determining, in its turn, the peculiarities of Mother Maria's anthropology and ecclesiology of this period. Particularly, it is referred to the issue of the true victory in the war. The author proves that Mother Maria understands true victory not only as a triumph of a certain historical and political force or ideology, but, first of all, as a birth of true human personality and true Church reality that can be the only alternative to the war and totalitarianism.

Keywords: Mother Maria (Skobtsova), theology, anthropology, sacrifice, personality, totalitarianism, freedom, war, Church, ideology, responsibility.

K.K. Semenov

**White Cross of O.A. Geshvend.
German-Russian collisions in the memoirs on formation
of Anti-Soviet units on the Eastern Front**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: ksemenov.mh@gmail.com

Memoirs of Oleg Geshvend are telling the story of German-Russian contradictions that rose during creation of anti-Soviet units comprised of White émigrés and Soviet POWs in the ranks of the German army. A volunteer «White Cross» formation from the 9th German army is examined by the author. The given text offers a splendid example of a try made by a collaborator to clear their name in contemporaries' and descendants' opinion.

Keywords: «White Cross», World War II, collaboration, diaspora, O. Geshvend.

O.T. Ermishin

**Image, Heritage and Traditions of St. Sergius of Radonezh
in Culture of Russian Abroad**
*International scientific conference
Moscow. 27–28 october 2014*

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: rfm@bfrz.ru

Introduction is the short review of the conference «Image, Heritage and Traditions of St. Sergius of Radonezh in Culture of Russian Abroad». In introduction presented the main subjects of the reports, their general matter and ideological orientation.

Keywords: Christianity, theology, asceticism, religious philosophy, Russian emigration, monasticism, revelation, Patristic tradition.

P.B. Mikhaylov

**The Orthodox theological ethos
in traditions of Russian Church Abroad**

Moscow, St. Tikhon's Orthodox University
E-mail: locuspetri@rambler.ru

The author attempts to reveal an inner motive for the activity of theological thought in Russian Church Abroad at the XXth century as some informal perceptible confidential code of rules. In this case theology is understood as a form of Christian testimony to the world. The involved material shows that all the participants of wide creative process of theological thought of Russian emigration are common in one single point — such testimony could be

realized only according to the principle of unity and an imperative of agreement that should be completed. That is remarkable that all theological conceptions created at that time were signed by an intuition of unity, universal unity, accord, synthesis, meeting of East and West, continuity, continuity, at least, tradition understood as a transmission, conservation and augmentation — that is an indication detecting an ethos of Orthodox theology that did not lose its significance for nowadays.

Keywords: persecutions on Christians, E. Gibbon, tradition, sophiology, neopatristic synthesis, universal unity, S.N. Bulgakov, G.V. Florovsky, V.N. Lossky, prot. Alexander Schmemmann.

I.K. Yazykova

**Paris school. Iconography Saints
and a radical rethinking traditions**

Moscow, St. Andrew's Biblical Theological Institute
E-mail: irinayazykova@yandex.ru

This article is about rethinking the traditions of Russian sanctity, which began in Russia in the early twentieth century and then continued in the Russian Diaspora. Following the historians (G.P. Fedotov and John Kologrivov) and theologians (fr. S. Bulgakov and others) painters of the Paris School (m. Maria Skobtsova, s. John Reitlinger, fr. Gregory Crug) has taken a radical revision of traditions and began an active search for a new language in the image of saints. The tradition of the Paris school continue today, and this experience, which has long been known in Russia, today can be interesting and useful to those who are trying to pave new paths in Church art.

Keywords: art, culture, iconography, theology, Holiness, monasticism, icon, tradition, Russian Diaspora, the Paris School, the twentieth century.

K.B. Ermishina

**Theology and ascetic experience in the works
of Archimandrite Sophrony (Sakharov)**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: rfm@bfrz.ru

The article is devoted to Archimandrite Sophrony (Sakharov; 1896–1993), including an analysis of his theology and ascetic experience. The author of the article has considers the relationship between Archimandrite Sophrony and St. Sergius Orthodox Theological Institute in Paris, especially regarding the formation of his theological views. Furthermore, the article maps the ascetic experience of St. Sergius of Radonezh and Archimandrite Sophrony. According to the author, Archimandrite Sophrony based his ascetic theology on his personal experience and focused on ontological knowledge and Christian personalism.

Keywords: Christianity, theology, asceticism, religious philosophy, Russian emigration, monasticism, revelation, transfiguration, personalism, Patristic tradition.

Archpriest N. Ozolin

**Association «Icon», Dmitry S. Stelletsy
and his painting in the Institute's church
of St. Sergius of Radonezh in Paris**

Paris, St. Sergius Orthodox Theological Institute
E-mail: ito@saint-serge.net

The article devoted to association «Icon» in Paris and the interest of Russian emigration to icon's revival. The sign of this revival is the painting of D.S. Stelletsy in the institute's church of St. Sergius of Radonezh. The author of article quotes the memoirs of contemporaries about Stelletsy and analyzes the painting of Stelletsy. According to the author, D.S. Stelletsy produced complete interior of the temple and showed the way to revival of original orthodox icon.

Keywords: Russian emigration, icon, art of Church, interior of the temple, iconostasis, theology of icon, image, style, composition.

D.S. Mirsky as a historian and a historical polemist

M.V. Efimov

Vyborg, The State historical and architectural museum-reserve «Monrepos Park»
E-mail: mikhail.v.efimov@gmail.com

O.A. Korostelev

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: okorostelev@mail.ru

The present publication introduces for the first time in Russian some important articles of D.P. Sviatopolk-Mirskii (Prince D.S. Mirsky; 1890–1939), the literary critic and historian of literature. English-written articles concerns with the actual topics of Russian history and modern conditions of Russian state, post-revolutionary ideology and Eurasianism. The publication is a tribute to the 125th anniversary of D.P. Sviatopolk-Mirskii. None of the present articles has never been translated to Russian previously.

Keywords: Sviatopolk-Mirskii, Eurasia, Eurasianism, Russian émigrés, Russia Abroad, Ukraine, Decembrists, nationalism.

M.A. Vasilieva

**Dmitrij Chizhevskij and his anniversaries
in the Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: marijvasil@mail.ru

Article is devoted to the 120 anniversary since the birth of the outstanding Slavist, the Russian-Ukrainian philosopher, the historian and the literary critic Dmitrij Chizhevskij. The author lights various scientific projects of the Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad directed on return of a name of the humanitarian polymath. Article precedes the thematic block devoted to this anniversary.

Keywords: Dmitrij Chizhevskij, Slavic philology of the Russian diaspora, problem of studying and introduction to a scientific turn of heritage of the Russian-Ukrainian emigration.

W. Janzen

About some problems and paradoxes of a Chizhevsky studies

Halle (Saale)

E-mail: Dr.Janzen@gmx.de

Article is devoted to research of methodological problems and paradoxes of a modern Chizhevsky studies.

Keywords: D.I. Chizhevsky, modern Chizhevsky-research, personification of history, ambivalence of estimates, undevelopment of heritage and correspondence, value of unrealized plans, polemic context and genesis of work, criterion of its periodization, unity of the personality, tragedian of the biography, translation problem, national attribution.

R. Mnich

**Philosopher Dmitrij Chizhevsky
(polemical notes)**

Siedlce (Poland), Institute of Neo-philology and Interdisciplinary Studies
of Siedlce University of Natural Sciences and Humanities

E-mail: mnichrw@yahoo.de

The article devoted to the problems of philosophic literary studies and questions of philosophic contexts and influences in the works by Dmitrij Chizhevsky (1894–1977), the famous philologist of the XX century. The author considers the influence of the German philosophy (Kant, Husserl, E.Cassirer) on the forming of worldview and the way of thinking by Chizhevsky. Special attention is paid to the questions about Hegel's influence on the philologist and

correlation of D. Chizhevsky's and Roman Jakobson's (1896–1982) Hegelianism in the context of European and American structuralism. The article also deals with the problem of duplicity in the works by Dmitrij Chizhevsky and its relations with the ideas of Russian religious philosophy. Duplicity is interpreted as a loss by a human his ontological place in the world.

Keywords: Hegel, Dmitrij Chizhevsky, Roman Jakobson, duplicity, Russian philosophy.

A. V. Toichkina

**The philosophical context D. Tchiževskij's article
«The theme of the double»
(To the scolar's method)**

Saint Petersburg, Saint Petersburg State University
E-mail: alex.toich@gmail.com

In her article auther interprets german wording Tchiževskij's work «The theme of the double (the problem of philosophical interpretation)». D. Tchiževskij published the article in Russian and German languages. But German variant is different from Russian's by it's volume and structure. A.V. Toichkina analyses Tchiževskij's work in the philosophical context of epoch, for instance, in connection with Heidegger's famous work «Sein und Seit». The aime of study is to analyse philosophical's method of Tchiževskij, the formation of main principles of his «geistes-geschicht». Toichkina's article is preliminary of the publication of translation German variant Tchiževskij's work «The theme of the double (the problem of philosophical interpretation)».

Keywords: D. Tchiževskij, the theme of the double, Dostoevskij's work, M. Heidegger, philosophy, «geistesgeschichte».

D. Tchiževskij

**The theme of the double in Dostoevsky.
Trying philosophical interpretation**

A.V. Toichkina
Saint Petersburg, Saint Petersburg State University
E-mail: alex.toich@gmail.com

Publicator presents german wording Tchiževskij's work «The theme of the double in Dostoevsky (Trying philosophical interpretation)». D. Tchiževskij published the article in Russian and German languages. But German variant is different from Russian's by it's volume and structure. The aime of Tchiževskij's study is to analyse religious and philosophical's sense of the double in Dostoevskij's works. Double-natured folowes from man's ethics problem and leads to the loss of heroe's places in life (in ontology sense).

Keywords: D. Tchiževskij, the problem of double, Dostoevskij's work, philosophy, ethics, ontology.

V. Ilyin

Bygones

E.V. Bronnikova

Moscow, The Russian State Archive of Literature and Arts

E-mail: bronnikova55@yandex.ru

O.T. Ermishin

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: rfm@bfrz.ru

The introduction includes information about life and works of the philosopher, theologian, literary scholar Vladimir Ilyin, whose personal collection is deposited in the archive of Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of the Russian émigrés. It consists also an analysis of some features of Ilyin's memoirs «Bygones» as well as the general description of its content.

The published memoirs of Vladimir Ilyin «Bygones» are telling about his early years spent in family estates of Vladovka (Kiev government), Ivan' and Doktorovitchi (Minsk region), and also about the years of studies in Slutsk gymnasium.

Keywords: archive studies, textology, philosophy, Russian history of the end of XIXth — beginning of XXth century, Russian émigrés, memoires.

Sincerely devoted to you, S. Pregel.

Correspondence between S.Yu. Pregel and L.F. Zurov, 1938–1971

P.A. Tribunskii

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: pt2140@yandex.ru

V. Khazan

Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem

E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Correspondence between the two well-known figures of the Russian literature abroad — poet, publisher, benefactor and public activist Sofia Yulievna Pregel (1897–1972) and novelist Leonid Fedorovich Zurov (1902–1971) which introduces this publication is interesting in some reasons. First of all, it provides with some new biographical facts of the both correspondents that hitherto remains almost unexplored (for instance, their participation in the «I. Bunin Affair» — the story of the returning of the Bunin archives to the USSR that had been ended in a stalemate: the archives remained in the West). An important role has also the evolution of political views of Pregel and Zurov that can be partly traced in the published letters. The study of this evolution is valuable not only as itself, but as a part of post-war history of the Russian diaspora in general. In this sense the present correspondence expands the scientific understanding of the socio-cultural context in which the authors of the letters and their contemporaries really existed.

As an appendix to this correspondence included the Leonid Zurov's unpublished story «Dagmarskii les» (Dagmar Forest), that has been mentioned in the letters.

Keywords: S.Yu. Pregel, L.F. Zurov, correspondence, magazine «Novosel'e», pro-Soviet syndrome, I.A. Bunin's archive.

B.S. Kaganovich, L.B. Wolfzun

Raisa Bloch in 1930. New Documents

B.S. Kaganovich

Saint Petersburg, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

E-mail: amabor@mail.ru

L.B. Wolfzun

Saint Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

E-mail: amabor@mail.ru

The article based on newly discovered archival materials focuses on Parisian life of Raisa Bloch (1899–1943), a gifted poet and a historian, who left Russia in early 1920-s and then perished in Nazi concentration camp. This publication of Raissa Bloch's letters to French historian Ferdinand Lot, kept in the library of The Institut de France, is a heart-stopping «human document» and an important biographical source.

Keywords: Raissa Bloch, Michel Gorlin, Ferdinand Lot, Myrrha Lot-Borodine, Medieval Studies, Russian emigration, World War II.

E.V. Krivcova

Stars and planets of Feodor Akimenko:

«Russian Debussy's» life in exile

(An attempt at biographical reconstruction)

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: ekriv@yandex.ru

The subject of the article — unknown pages of the Russian emigrant composer Fedor Stepanovich Akimenko (1876–1945) biography. The stories behind his musical oeuvres, Akimenko's friendships and business contacts, his life with the Russian music community in Prague, Nice and Paris from 1923 to 1945 were reconstructed on the basis of previously unknown archive materials from the Russian State Archive of Literature and Art (Moscow, Russia), the Archive of the Institute of Musicology, University of Basel (Switzerland, Basel) and the National Library of France (Paris).

Keywords: F.S. Akimenko, E.O. Gunst, S.A. Trailin, Prague, Nice, Russian emigration, opera-ballet «Basavryuk», opera «The Snow Fairy», Russian Conservatory in Paris.

P.A. Tribunskii

**The liquidation of Chekhov Publishing House of East European Fund, Inc.,
Young Men's Christian Association
and Les Éditeurs Réunis**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: pt2140@yandex.ru

The article is dedicated to the liquidation of Chekhov Publishing House of East European Fund, Inc. and the role of Young Men's Christian Association and Les Éditeurs Réunis in the process.

Keywords: Chekhov Publishing House, East European Fund, Inc., Young Men's Christian Association, Les Éditeurs Réunis, liquidation.

M. Venditti

**Question of orthographic reform in exile
(N. Kuhlman and F. Brown)**

University of Naples L'Orientale
E-mail: mvenditti@unior.it, michelavenditti64@gmail.com

The present article deals with the heated discussion on a reform of Russian orthography that arose in the Russian emigrant press. Although the project of a Russian spelling reform was first tackled by members of the Russian Academy of Sciences, its introduction by decree during the Russian revolution was perceived as «Bolshevik despotism». Especially the emigrant press treated the spelling reform as a purely political matter. The article draws attention to two articles by N. Kul'man and F. Brown that present contrary opinions on the matter.

Keywords: Russian orthographic reform, Russian emigration, emigration press, N. Kul'man, F. Brown, Ja. Grot, A. Shakhmatov.

V.V. Leonidov

«Martyrs of light and shade». Alexander Alexeev (1901–1982)

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

The paper is devoted to the life and creative work of Alexander Aleksandrovich Alekseev (1901–1982). Animator, creator of famous cartoons, a renowned illustrator of Russian and European classical literature, he is still not well known in his Motherland, Russia.

Based on archive and published sources, the paper describes creative life of the artist, his new inventions in technology of book printing and animation, on his well-known cartoons

«Night on the Bald Mountain», «The Nose», illustrations to «The Lay of Igor's Warfare», «Karamazov Brothers», «Doctor Zhivago». We also study the biography of Alexander Alekseev, his wanderings during the Civil War and fantastic career in France where he became an animator and illustrator of books renowned in the whole world.

Alexander Alexeev created a completely new technology of creating cartoons and graphics using his invention, a technology known as the «Needle method».

Keywords: Alexander Alekseev animation, «Night on the Bald Mountain», «Doctor Zhivago», «Needle method», book printing, «Karamazov Brothers», «The Lay of Igor's Warfare».

D. Borovnyak, R. Radzhenovich

Documental exhibition «Nikolai Krasnov — Russian Architect of Serbia»

Belgrade, Republic of Serbia, Archives of Yugoslavia, January 21, 2015

D. Borovnyak

Belgrade, Republic of Serbia, Archive of Yugoslavia

E-mail: borovnjak@arhivyu.rs

R. Radzhenovich

Belgrade, Republic of Serbia, Archive of Yugoslavia

E-mail: ranka.radjenovic@arhivyu.rs

m.saradnja@arhivyu.rs

Review of the exhibition of unique documents of the outstanding Russian-Serbian architect N.P. Krasnov (1864–1939) from the public and private Serbian archival collections.

Keywords: history of Russian emigration, Serbia, N.P. Krasnov, exhibition, archival documents.

N.A. Ekhina, M.Yu. Sorokina

**International Colloquium «Russia — Switzerland:
Contacts, Relationships and Interaction (XVIII–XXI centuries)»**

N.A. Ekhina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: natalia_ekhina@mail.ru,

M.Yu. Sorokina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: msorokina61@gmail.com

Review of the international scientific symposium «Russia — Switzerland: contacts, relationships and interaction (XVIII–XXI centuries)», held on 17–18 June 2014 in the University of Geneva (Switzerland).

Keywords: Russia, Switzerland, history of relationship.

M.M. Gorinov-Jr.

**Historical and educational seminar
«Local history of the Russian Abroad»**

Moscow. 2014–2015

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

This review describes the work of historical and educational seminar «Local history of the Russian Abroad», which was carried out during 2014–2015 at the Russia Abroad House. Two seminar meetings were held within the specified timeframe.

Keywords: seminar, local history of the Russian abroad, report, message, meeting.

T.V. Marchenko

**Alja Rachmanowa:
Russian author as a phenomenon of German Literature**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: tvmarch@mail.ru

The review raises some questions of the unusual creative biography of Galina von Hoyer (1898–1991), an émigrée from the USSR (1925), and in the interwar period a popular author in Austria under a pen-name Alja Rachmanowa. The original manuscripts were translated by her husband, A. von Hoyer, and published in German, thus all texts of A. Rachmanowa had been written in Russian. Both the literary name and the books are still completely unknown in Russia. The only monograph concerning the writer, now under review, is written by a German-speaker.

Keywords: Alja Rachmanowa, Russian Émigré Literature, German Literature, text criticism, translation, perception, biography, diaries.

O.A. Korostelev

Not by archive alone

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: okorostelev@mail.ru

The author reviews the book examines the short fiction V.S. Yanovsky composed Maria Rubins. Discusses the principles of selection of texts for publication, analyzed source base is determined by the importance of the use of archival and printed materials in the compiler and commentator.

Keywords: V.S. Yanovsky, M. Rubins, Russian literature abroad, the principles of selection of texts, source materials.

S.R. Fedyakin

**A.K. Glazunov. The returned heritage. Letters to A.K. Glazunov.
Chosen pages of correspondence
(1928–1936)**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: serofed@yandex.ru

The review about the publication of materials from the archive of the composer A.K. Glazunov notice the importance of these documents for the reconstruction of an overall picture of musical life of russian culture abroad in 1920–1930th years.

Keywords: Glazunov, music, composer, Russian emigration, musical criticism.

O.T. Ermishin

**Lettsev V.M. «He looked for genuineness before everything»:
Essay of V.V. Zenkovsky's life and creative way**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: rfm@bfrz.ru

The review devoted to the book about V.V. Zenkovsky (1881–1962). The author of review analyzes the book's content and approach of the researcher to the biography of V.V. Zenkovsky, shows some shortcomings of the book. According to the reviewer's opinion, study of Zenkovsky's life and his scientific heritage isn't finished and has further scientific prospects.

Keywords: philosophy of the Russian emigration, Christian philosophy, orthodox anthropology, problem of the personality, scientific synthesis.

V.V. Leonidov

Elite of Russian America

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

The paper is a review of the book by Bayara Arutyunova-Manusevich and Alla Minbaeva «Recent Past» (M., Russikij Put', 2014). The book contains memoirs of a Rostov-born woman who, in the years before the war, lived through Stalin repressions and later emigrated to the USA and became one of the most well-known researchers of Russian literature. For many

years Bayara Arutyunova-Manusevich worked at the Harvard University. In the book she describes life of Russian scientists in the USA, her teacher, the famous philologist Roman Yakobson, prominent figures of emigration she was acquainted to, for example historian and editor Mikhail Karpovich and great musician Mstislav Rastropovich. She also recalls people in Russia with whom she had contacts and exchanged letters, for example with Evgeni Pasternak. The book includes a number of interesting letters that have not been published before.

Keywords: Bayara Arutyunova-Manusevich, Alla Minbaeva, Roman Yakobson, the Harvard University, philology, Slavic Studies, emigration (the second wave).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боровняк (Borovnjak) Джурджия,

историк искусства, архивист отдела организации и обработки архивных материалов и коллекций фондов Архива Югославии (Белград, Сербия);

научные интересы: история европейской и сербской архитектуры и городского планирования XIX–XX вв.

Архив Југославије

11000, Београд, Србија, Васа Пелагића 33

borovnjak@arhivyu.rs

Бронникова Елена Владимировна,

кандидат исторических наук, главный специалист группы подготовки документальных публикаций научно-информационного центра Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ);

научные интересы: история русской культуры, археография, архивоведение, текстология, источниковедение.

125212, Москва, ул. Выборгская, д. 3, корп. 2

bronnikova55@yandex.ru

Васильева Мария Анатольевна,

кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына; основатель и ответственный соредaktor научной серии «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Материалы и исследования», член редколлегии научной серии ДРЗ «Ex Cathedra»;

научные интересы: литературоведение русского зарубежья, творчество младоэмигрантов первой волны русской эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

marijavasil@mail.ru

Вендитти (Venditti) Микела,

доцент (Professore associato) русской литературы и русского языка Неаполитанского университета Л'Ориентале (Università degli Studi di Napoli L'Orientale; Италия), отделение литературных, лингвистических и компаративных исследований;

научные интересы: русское зарубежье (Н. Кульман, Г. Газданов); русская литература XVIII в. (Г. Державин, М. Херасков, А. Ржевский, Н. Карамзин); теория перевода; романтизм и фантастика (В. Одоевский); дискуссия о языке начала XX в. в России (ГАХН, Г.Г. Шпет, формальная школа); семиотика и философия языка.

Università degli Studi di Napoli L'Orientale

Via Duomo, 219 — Napoli 80138

mvenditti@unior.it, michelavenditti64@gmail.com

Вольфцун Людмила Борисовна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН);

научные интересы: история XX в., история русского зарубежья.

199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

amabor@mail.ru

Горинов-младший Михаил Михайлович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории российско-го зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история России XIX — начала XX в.; Михаил Михайлович Карпович: научное и эпистолярное наследие; государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатъева (1879–1908); Игнатъевы в эмиграции; российское медицинское зарубежье; русская эмиграция в Югославии и Чехословакии; историческое краеведение российского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

info@bfrz.ru; mihail_gorinov@mail.ru

Домнин Игорь Владимирович,

заместитель директора по вопросам культурно-исторического наследия Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история и творческое наследие русской послеоктябрьской эмиграции; военная культура русского зарубежья, творчество русской военной эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

info@bfrz.ru

Ермишин Олег Тимофеевич,

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской философии, религиозно-философская мысль русской эмиграции 1920–1930-х гг., научное наследие В.В. Зеньковского.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

rfm@bfrz.ru

Ермишина Ксения Борисовна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской философии, история евразийского движения.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

rfm@bfrz.ru

Ефимов Михаил Витальевич,

соискатель ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), старший научный сотрудник научного отдела Историко-архитектурного музея-заповедника «Выборгский замок» и историко-этнографического музея-заповедника «Ялкала»;

научные интересы: Д.П. Святополк-Мирский и его наследие; литературная критика русского зарубежья; история русской филологии XX в.; русско-английские культурные связи XIX–XX вв.; творчество В.В. Набокова; история русской музыки

ки; род баронов Мейендорфов в истории России; история Выборга; история имения Монрепо.

188800, Ленинградская область, г. Выборг, Замковый остров, д. 1
vyborgcastle@yandex.ru; info@vyborgmuseum.org; mikhail.v.efimov@gmail.com

Каганович Борис Соломонович,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБИИ РАН);

научные интересы: история XX в., история русского зарубежья.

197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
amabor@mail.ru

Коростелев Олег Анатольевич,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, заведующий отделом истории литературы и печатного дела научно-исследовательского центра; историк литературы, архивист, библиограф, специалист по русскому зарубежью, составитель и редактор десятков томов историко-архивных альманахов, сборников и научных изданий, автор более 200 статей и архивных публикаций в научной периодике, посвященных русской литературе и истории XX в.;

научные интересы: история культуры русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
okorostelev@mail.ru

Кривцова Елена Владимировна,

старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история отечественной музыкальной культуры первой половины XX в.; жизнь и творчество С.С. Прокофьева и Д.Д. Шостаковича.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
ekriv@yandex.ru

Леонидов Виктор Владимирович,

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела по развитию и связям с общественностью, главный библиограф Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история культуры русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
viktor-leonidov@yandex.ru

Ликвинцева Наталья Владимировна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: творчество матери Марии (Скобцовой), богословская и религиозно-философская мысль XX в., культура русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
natalia.likvintseva@gmail.com

Марченко Татьяна Вячеславовна,

доктор филологических наук, заведующая отделом культуры Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской литературы XIX–XX вв., литература русского зарубежья, поэтика художественной прозы, творчество Бунина, Шмелева, Осоргина, литературные музеи России, история присуждения Нобелевской премии русским писателям (по архивным материалам), парижский текст русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

tvmonth27@gmail.com

Масоликова Наталья Юрьевна,

старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского научного зарубежья; история психологии; некрополистика.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

nmasolikova@gmail.com

Мирошникова Ирина Павловна,

ведущий научный сотрудник отдела музейного и архивного хранения Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: орденские знаки и награды Российской империи, предметы военного быта периода Первой мировой войны, история декоративно-прикладного искусства, история русского усадебного интерьера XIX в., музееведение.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

muzey_irina@mail.ru

Михайлов Петр Борисович,

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой систематического богословия и патрологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета;

научные интересы: история богословской мысли, греческая патристика.

115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23, стр. 5а

locuspetri@rambler.ru

Мних Роман Владимирович,

доктор филологических наук, профессор, вице-директор Института нефилологии и междисциплинарных исследований, заведующий кафедрой антропологии художественного произведения и германистики Естественно-гуманитарного университета г. Седльце (Польша);

научные интересы: философия и поэтика символа, герменевтика, еврейство Галиции, творчество Эрнста Кассирера, Дмитрия Чижевского, Анны Ахматовой, Бруно Шульца, Ивана Франко.

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach

08110 Siedlce, Polska, Wydział Humanistyczny, ul. Żytunia 39

neofil@uph.edu.pl

Озолин Николай Николаевич,

доктор богословия, доктор истории искусства, профессор, заведующий кафедрой православной иконологии, пастырского богословия и гомилетики Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже;

научные интересы: история церковного искусства, православная икона, богословие, иконы.

75019, Париж, рю де Кримае, 93
nicolas.ozoline@wanadoo.fr

Петрушева Лидия Ивановна,

заведующая архивохранилищем коллекции документов по истории белого движения и эмиграции Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ);

научные интересы: история российской эмиграции; история русских школьных учреждений; история эмигрантских архивных учреждений; история жизни и деятельности представителей русской культуры.

119435, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17
garf@statearchive.ru

Радженович (Radjenovic) Ранка,

архивный советник Международного отдела Архива Югославии (Белград, Сербия);

научные интересы: дипломатические отношения Югославии с другими странами, российская эмиграция.

Архив Југославије
11000, Београд, Србија, Васа Пелагића 33
ranka.radjenovic@arhivyu.rs; m.saradnja@arhivyu.rs

Риндлисбахер (Rindlisbacher) Штефан,

кандидат исторических наук (PhD), ассистент кафедры новейшей и восточноевропейской истории Исторического института Бернского университета (Historisches Institut der Universität Bern; Швейцария);

научные интересы: история революционного движения в царской России; русская эмиграция в Швейцарию до 1917 г.; история «терроризма»; аспект «пространства» в историческом исследовании; биографии и автобиографии в историческом исследовании.

Universität Bern, Historisches Institut
Länggassstrasse 49
CH-3000 Bern
rindlisbacher@hist.unibe.ch

Семенов Константин Константинович,

старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: военная эмиграция, коллаборационизм, гражданская война в Испании, Вторая мировая война.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
ksemenov.mh@gmail.com

Соколова Татьяна Федоровна,

старший научный сотрудник отдела музейного и архивного хранения Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: архивоведение, история русской эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

ttnsokolova@gmail.com

Сорокина Марина Юрьевна,

кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского зарубежья, социальная история науки, в том числе научного зарубежья, некрополистика российского зарубежья, архивы зарубежья, история Второй мировой войны.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

msorokina61@gmail.com

Тоичкина Александра Витальевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета;

научные интересы: славистика, украинистика, Достоевсковедение.

199000, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

alex.toich@gmail.com

Трибунский Павел Александрович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых, издательское дело.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

pt2140@yandex.ru

Троянов Тихон Игоревич,

доктор юридических наук, адвокат, член Женевской Адвокатской коллегии;

научные интересы: гражданское право.

CH 1224 Chêne-Bougeries (Genève)

t.troyanov@bluewin.ch

Федякин Сергей Романович,

кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: русская литература и периодика XX в., литература и печатное дело русского зарубежья, история русской литературной критики, русская музыка середины XIX и первой половины XX в.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

info@bfrz.ru; serofed@yandex.ru

Хазан Владимир Ильич,

профессор (PhD) Еврейского университета в Иерусалиме (The Hebrew University of Jerusalem), кафедра немецких, русских и восточноевропейских исследований;
научные интересы: история русской литературы XX в.; история эмигрантской литературы; русско-еврейский культурный диалог.

Dept. of German, Russian and East European Studies, The Hebrew University of Jerusalem, Mount Scopus
91905, Jerusalem, Israel
vladimirkhazan6@gmail.com

Хайлова Нина Борисовна,

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра «История России в XIX – начале XX века» Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН);

научные интересы: история либерализма в России, история русской эмиграции.

117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
nkhalova@yandex.ru

Шёнк (Schenk) Фритьоф Бенжамин,

доктор исторических наук (PhD), профессор, заведующий кафедрой истории России и Восточной Европы Базельского университета (Universität Basel; Швейцария);
научные интересы: история России и Восточной Европы XIX–XX вв., культурная память, история мобильности, история воображаемой географии (ментальные карты).

Universität Basel, Departement Geschichte
4051, Basel, Hirschaesslein 21
Benjamin.Schenk@unibas.ch

Языкова Ирина Константиновна,

кандидат культурологии, проректор Библейско-богословского института св. апостола Андрея;

научные интересы: богословие иконы, современная иконопись.

109316, Москва, ул. Иерусалимская, д. 3
irinayazykova@yandex.ru

Янцен Владимир Владимирович,

кандидат философских наук; свободный публицист;

научные интересы: современная западноевропейская философия, германославика, русская и украинская философия XIX и XX вв., наследие российской эмиграции в немецких, американских, швейцарских, израильских, чешских и польских архивах.

Dr.Janzen@gmx.de

CONTENTS

EX CATHEDRA

<i>T.I. Troyanov. Russian Switzerland</i>	7
---	---

RUSSIA AND SWITZERLAND 200 YEARS OF DIPLOMATIC RELATIONSHIP

<i>S. Rindlisbaher. Vera Figner and the Russian Political Convicts Aid Committee (1909–1917)</i>	13
<i>N.A. Ekhina. Refugees, Revolutionaries and Royals: «Russian volost'», E.E. and Y.A. Lazarev in Baugy sur Clarens</i>	20
<i>N.Yu. Masolikova, M.Yu. Sorokina. Russian Successor of Pestalozzi: Helena Antipoff (1892–1974) and Her Professors.</i>	31
<i>N.B. Haylova. «Arrived To Bern At Incredibly Difficult Time»: I. Efremov, the Russian Ambassador to Switzerland in 1920–1925.</i>	61
<i>B. Schenk. Alexander Solzhenitsyn in Zurich.</i>	86
<i>L.I. Petrusheva. Children of Russian Emigration in Switzerland. 1920–1930-s</i>	95

WORLD WARS AND THE FATE OF THE RUSSIAN EMIGRATION FROM THE ALEXANDER SOLZHENITSYN CENTER FOR STUDIES OF RUSSIA ABROAD COLLECTION

<i>V.S. Hitrovo. Invasion to East Prussia (I.V. Domnin, N.D. Egorov)</i>	107
<i>I.P. Miroshnikova. Hussars of His Majesty in the Great War</i>	134
<i>T.F. Sokolova. Plautin's Collection of Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of the Russia Abroad Funds.</i>	146
<i>K.K. Semenov. Russian Hero of the Spanish Civil War: N. Shinkarenko</i>	159

<i>N.A. Ekhina.</i> The History of the Russian Resistance... Has Not Still Written»: The History Of the Soviet Patriots Union in Yugoslavia During World War II.	174
<i>M.A. Vasilieva.</i> About V. Varshavsky's Military Prose.	206
Around «Seven Years» by Vladimir Varshavsky. V.S. Yanovsky's, A.M. Remizov's, M.A. Aldanov's, Y.P. Odarchenko's, N.N. Obolensky's, E.D. Kuskova's, L.D. Chervinskaya's, M.L. Slonim's, E.N. Fedotova's letters (<i>M.A. Vasilieva, O.A. Korostelev</i>)	218
<i>N.V. Likvintseva.</i> Mother Maria (Maria Skobtsova) On «Insight In the War».	243
<i>K.K. Semenov.</i> White Cross of O.A. Geshvend. German-Russian Collisions In the Memoirs About Anti-Soviet Units at the Eastern Front.	262

CHURCH. THEOLOGY. ART

To the 700th anniversary of St. Sergius of Radonezh

<i>O.T. Ermishin.</i> Image, Heritage and Traditions of St. Sergius of Radonezh in Culture of Russian Abroad. <i>International scientific conference.</i> <i>Moscow. 27–28 october 2014.</i>	293
<i>P.B. Mikhaylov.</i> The Orthodox theological ethosin traditions of Russian Church Abroad	295
<i>I.K. Yazykova.</i> Paris school. Iconography Saintsand a radical rethinking traditions	305
<i>K.B. Ermishina.</i> Theology and ascetic experience in the worksof Archimandrite Sophrony (Sakharov)	314
<i>Archpriest N. Ozolin.</i> Association «Icon», Dmitry S. Stelletsy and his painting in the Institute's church of St. Sergius of Radonezh in Paris.	321

SLAVIC STUDIES AND SLAVISTS ABROAD

<i>D.S. Mirsky</i> as a historian and a historical polemist (<i>M.V. Efimov, O.A. Korostelev</i>)	331
--	-----

To On the 120th anniversary of the birth of D. Chizhevsky (1894–1977)

<i>M.A. Vasilieva.</i> Dmitrij Chizhevskij and his anniversaries in the Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad.	383
--	-----

<i>W. Janzen</i> . About some problems and paradoxes of a Chizhevsky studies	387
<i>R. Mnich</i> . Philosopher Dmitrij Chizhevsky (polemical notes)	396
<i>A. V. Toichkina</i> . The philosophical context D. Tchiževsky's article «The theme of the double» (To the scholar's method)	415
<i>D. Tchiževskij</i> . The theme of the double in Dostoevsky. Trying philosophical interpretation (<i>A. V. Toichkina</i>)	424

ARTICLES

<i>V. Ilyin</i> . Bygones (<i>E. V. Bronnikova, O. T. Ermishin</i>)	461
Sincerely devoted to you, S. Pregel. Correspondence between S. Yu. Pregel and L. F. Zurov, 1938–1971 (<i>P. A. Tribunskii, V. Khazan</i>)	516
<i>B. S. Kaganovich, L. B. Wolfzun</i> . Raisa Bloch in 1930. New Documents	606
<i>P. A. Tribunskii</i> . The liquidation of Chekhov Publishing House of East European Fund, Inc., Young Men's Christian Association and Les Éditeurs Réunis	622
<i>E. V. Krivcova</i> . Stars and planets of Feodor Akimenko: «Russian Debussy's» life in exile (An attempt at biographical reconstruction)	646
<i>M. Venditti</i> . Question of orthographic reform in exile (N. Kuhlman and F. Brown)	716
<i>V. V. Leonidov</i> . «Martyrs of light and shade». Alexander Alexeev (1901–1982).	723

ACADEMIC EVENTS

<i>D. Borovnyak, R. Radzhenovich</i> . Documental Exhibition «Nikolai Krasnov — Russian Architect of Serbia». <i>Belgrade, Republic of Serbia, Archives of Yugoslavia, January 21, 2015</i>	735
<i>N. A. Ekhina, M. Yu. Sorokina</i> . International Colloquium «Russia — Switzerland: Contacts, Relationships and Interactions (XVIII–XXI centuries)»	743
<i>M. M. Gorinov-jr.</i> Historical and educational seminar «Local history of the Russia Abroad». <i>Moscow. 2014–2015</i>	747

NEW EDITIONS

<i>T.V. Marchenko.</i> Alja Rachmanowa: Russian author as a phenomenon of German Literature	753
<i>O.A. Korostelev.</i> Not by archive alone	771
<i>S.R. Fedyakin.</i> A.K. Glazunov. The returned heritage. Letters to A.K. Glazunov. Chosen pages of correspondence (1928–1936). — St. Petersburg, 2013. Vol. I. — 408 p.: ill.	776
<i>O.T. Ermishin.</i> Lettsev V.M. «He looked for genuineness before everything»: Essay of V.V. Zenkovsky's life and creative way. Kiev: Spirit and Word, 2014. — 184 p.	778
<i>V.V. Leonidov.</i> Elite of Russian America	781
Summary	783
Summary	804
Information about the authors	823

СОДЕРЖАНИЕ

КАФЕДРА

Т.И. Троянов. Русская Швейцария 7

К 200-летию УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ШВЕЙЦАРИЕЙ

Ш. Риндлисбахер. Вера Фигнер и Комитет помощи политическим каторжанам
в России (1909–1917) 13

Н.А. Ёхина. Эмигранты, революционеры и коронованные особы:
«Русская волость» Е.Е. и Ю.А. Лазаревых в Божии над Клараном. 20

Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. Русская наследница Песталоцци:
Елена Антипова (1892–1974) и ее учителя 31

Н.Б. Хайлова. И.Н. Ефремов. «Я приехал в Берн в невероятно трудное
время...» (Штрихи к портрету русского посланника в Швейцарии
в 1920–1925 гг.) 61

Б. Шёнк. Александр Солженицын в Цюрихе. 86

Л.И. Петрушева. Дети русской эмиграции в Швейцарии. 1920–1930-е гг. 95

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА И СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ СОБРАНИЯ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В.С. Хитрово. Поход в Восточную Пруссию. Вторжение.
Публикация, подготовка текста и примечания
И.В. Домнина и Н.Д. Егорова 107

И.П. Мирошникова. Лейб-гвардии Гусарский его величества полк
в Великой войне (по материалам музейного и архивного фондов
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына) 134

<i>Т.Ф. Соколова.</i> Коллекция Плаутиных в архивном фонде Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына	146
<i>К.К. Семенов.</i> Русский герой испанской войны: Н.В. Шинкаренко	159
<i>Н.А. Ёхина.</i> «История русского Сопrotивления... еще не написана»: к истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны.	174
<i>М.А. Васильева.</i> О военной прозе Владимира Варшавского.	206
Вокруг повести Владимира Варшавского «Семь лет». Письма В.С. Яновского, А.М. Ремизова, М.А. Алданова, Ю.П. Одарченко, Н.Н. Оболенского, Е.Д. Кусковой, Л.Д. Червинской, М.Л. Слонима, Е.Н. Федотовой. Публикация, подготовка текста и примечания М.А. Васильевой и О.А. Коростелева	218
<i>Н.В. Ликвинцева.</i> Мать Мария (Скобцова) о «прозрении в войне»	243
<i>К.К. Семенов.</i> Белый крест О.А. Гешвенда. Русско-немецкие коллизии в воспоминаниях о формировании антисоветских частей на Восточном фронте	262

ЦЕРКОВЬ. БОГОСЛОВИЕ. ИСКУССТВО
К 700-летию Сергия Радонежского

<i>О.Т. Ермишин.</i> Образ, наследие и традиции преподобного Сергия Радонежского в культуре русского зарубежья. <i>Международная научная конференция. Москва. 27–28 октября 2014.</i>	293
<i>П.Б. Михайлов.</i> Этнос православного богословия в традициях русского церковного зарубежья.	295
<i>И.К. Языкова.</i> Парижская школа. Иконография святых и радикальное переосмысление традиции.	305
<i>К.Б. Ермишина.</i> Богословие и аскетический опыт в работах архимандрита Софрония (Сахарова)	314
<i>Протоиерей Н. Озолин.</i> Общество «Икона», Дмитрий Семенович Стеллецкий и его роспись в институтском храме преподобного Сергия Радонежского в Париже	321

СЛАВИСТИКА И СЛАВИСТЫ В ЭМИГРАЦИИ-

Д.П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист. <i>Публикация М.В. Ефимова и О.А. Коростелева. Перевод с английского и вступительная статья М.В. Ефимова. Примечания О.А. Коростелева</i>	331
--	-----

К 120-летию со дня рождения Д.И. Чижевского (1894–1977)

М.А. Васильева. Дмитрий Чижевский и его юбилей в Доме русского зарубежья	383
В. Янцен. О некоторых проблемах и парадоксах чижевсковедения	387
Р. Мних. Философ Дмитрий Чижевский (полемические заметки)	396
А.В. Тоичкина. Философский контекст статьи Д.И. Чижевского «К проблеме двойника» (К методологии исследования ученого)	415
Д.И. Чижевский. К проблеме двойника у Достоевского. Попытка философской интерпретации. <i>Публикация и комментарии А.В. Тоичкиной.</i>	424

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

В.Н. Ильин. Пережитое. <i>Предисловие, подготовка текста и комментарии Е.В. Бронниковой и О.Т. Ермишина</i>	461
«Душевно Ваша С. Прегель». Переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. <i>Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии П.А. Трибунского и В. Хазана</i>	516
Б.С. Каганович, Л.Б. Вольфицун. Раиса Блох в 1930-е годы. Новые материалы	606
Е.В. Кривцова. Планеты и звезды Федора Акименко: Судьба «русского Дебюсси» в изгнании (Опыт реконструкции биографии)	622
П.А. Трибунский. Ликвидация «Издательства имени Чехова», Христианский союз молодых людей и «Товарищество объединенных издателей»	646
М. Вендитти. Вопрос о реформе орфографии в эмиграции (Н.К. Кульман и Ф.А. Браун)	716
В.В. Леонидов. «Мученик светотени». Александр Алексеев (1901–1982)	723

ХРОНИКА

<i>Д. Боровняк, Р. Радженович.</i> Выставка документов «Николай Краснов — русский зодчий Сербии». Белград, Республика Сербия, Архив Югославии, 21 января 2015	735
<i>Н.А. Ехина, М.Ю. Сорокина.</i> Международный научный коллоквиум «Россия — Швейцария: контакты, взаимосвязи и взаимовлияния (XVIII–XXI вв.)»	743
<i>М.М. Горинев-мл.</i> Историко-просветительский семинар «Историческое краеведение российского зарубежья». Москва. 2014–2015	747

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

<i>Т.В. Марченко.</i> Аля Рахманова: русская писательница как феномен немецкой литературы	753
<i>О.А. Коростелев.</i> Не архивом единым	771
<i>С.Р. Федякин.</i> <Рец.:> А.К. Глазунов. Возвращенное наследие. Письма к А.К. Глазунову. Избранные страницы переписки (1928–1936). — СПб.: СПб ГБУК «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства», 2013. — Т. I. — 408 с.: ил.	776
<i>О.Т. Ермишин.</i> <Рец.:> Летцев В.М. «Прежде всего, он искал подлинности»: Очерк жизненного и творческого пути В.В. Зеньковского. — Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2014. — 184 с.	778
<i>В.В. Леонидов.</i> Элита русской Америки	781
Резюме	783
Summary	804
Сведения об авторах	823

Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына,
Е-361 2014–2015 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. — М. : Дом русского зарубежья имени
Александра Солженицына, 2015. — 840 с. : ил.

ISBN 978-5-98854-054-0

Настоящий выпуск «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» открывается воспоминаниями Т.И. Троянова, известного представителя русской эмиграции, принимавшего активное участие в создании Русского литературного кружка в Женеве, а также — в качестве юриста — в организации Дома русского зарубежья. Теме русской Швейцарии посвящен раздел «К 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и Швейцарией», где собраны работы российских и зарубежных исследователей. В специальный тематический блок, посвященный мировым войнам XX столетия, вошли материалы из архивного собрания Дома русского зарубежья. Избранные доклады международной научной конференции «Образ, наследие и традиции преподобного Сергия Радонежского в культуре русского зарубежья», приуроченной к 700-летию со дня рождения святого, представлены в разделе «Церковь. Богословие. Искусство». Отдельный блок статей «Ежегодника...» приурочен к 120-летию со дня рождения слависта Д.И. Чижевского. Кроме того, в выпуске впервые публикуются переводы наиболее значительных статей Д.П. Святополк-Мирского, посвященные истории России, а также (впервые в полном объеме) воспоминания философа В.Н. Ильина «Пережитое»; представлена обширная переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым и др. материалы.

В «Ежегоднике...» содержатся также хроника научной жизни Дома русского зарубежья и отзывы на новые издания.

УДК 08
ББК 79.1

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына
2014–2015

Ответственный редактор
Гриценко Наталия Федоровна

Редактор *М.Л. Максимова*. Корректор *Н.С. Самбу*. Верстка *Л.А. Фирсовой*

Подписано в печать 01.12.15. Формат 70x100/16. Бумага писчая.
Гарнитура MinionC. Тираж 500 экз. Заказ №

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2. Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48. www.domrz.ru

Типография «Наука». 121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6